231 734

731
734

ПРАКТИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА,

П. Перевлѣсскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ И НАЧАЛА ГРАММАТИКИ

СЪ

СБОРНИКОМЪ СТАТЕЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Четвертое изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.
1861.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1088307

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 15 Марта, 1861 г.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новое изданіе предлагаемой книги, не чуждое нѣкоторыхъ перемѣнъ противъ прежняго, сохраняетъ неизмѣнно тѣ начала, по которымъ она была задумана. По прежнему служа своей главной, существенной цѣли — по возможности содѣйствовать учащимся въ пріобрѣтеніи сознательнаго, разумнаго умѣнья овладѣть отечественнымъ языкомъ, оно остается вѣрнымъ и тѣмъ способамъ и пріемамъ, которые, по крайнему нашему разумѣнію и долгому опыту, кажутся болѣе удовлетворительными и соотвѣтственными.

Образцы, взятые изъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей, необходимыя теоретическія наставленія и упражненія учениковъ въ языкѣ, совокупныя съ учителемъ и отдѣльныя, самостоятельныя, безъ учителя — вотъ тѣ способы, которые одни могутъ вести учащагося къ достиженію предположенной цѣли.

Какъ пользоваться для дѣла этими богатыми и широкими средствами, на это, кажется, въ настоящую пору ни чьихъ совѣтовъ не требуется: всѣ обстоятельные и настоятельные наказы, столь пригодные для механическихъ работъ, оказываются далеко не такъ пригодными въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Способы къ достиженію цѣли надо предоставить на всю волю преподавателя: его способности, опытность и мѣстныя условія лучше всякихъ стороннихъ указаній наведутъ его, какъ приложить ихъ къ цѣли. Въ дѣлѣ обученія одно особенно важно и полезно, это—правдивое заявленіе о томъ, какъ кто пользуется данными способами. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, мнѣ кажется, не только не излишнимъ, но даже необходимымъ сказать нѣсколько словъ о предлагаемомъ курсѣ.

Согласно съ предположенною цѣлью, практическія упражненія учениковъ раздѣляются мною на два вида: на упражненія въ языкѣ для умѣнья и на упражненія для пріобрѣтенія теоретическаго знанія языка, которое избавляетъ умѣнье отъ рутины. Тѣ и другія ведутся или совокупно съ учителемъ, съ его помощью, или самостоятельно, безъ участія учителя.

Совокупныя съ учителемъ упражненія состоятъ въ объяснительномъ чтеніи и бесѣдахъ о прочтенномъ: въ первое входитъ такъ-называемый вещественный разборъ, во вторыя—разборъ логическій, разумѣя подъ нимъне одно строеніе и составъ предложеній, но строеніе и организацію всей прочтенной статьи въ ея цѣлости. Въ объяснительномъ чтеніи вниманіе учениковъ останавливается прежде всего на невразумительномъ для нихъ, а потомъ на особенно важномъ, какъ дѣльномъ, по приложенію къ жизни: здѣсь при уясненіи значенія слова имѣется въ виду по возможности уясненіе выражаемаго имъ,—указываются, гдѣ возможно, слѣды того первоначальнаго впечатлѣнія, которое лежитъ въ словѣ, ибо такое знакомство съ нимъ помогаетъ ясности и отчетливости представленія, съ словомъ соединяемаго (см. пр. ст. 1); здѣсь же объясняемому съ словомъ предмету указывается житейское его употребленіе. Но объяснительное чтеніе, касаясь разнообразія предметовъ, постоянно имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль: что бы ни пришлось объяснять, никогда не спускается съ глазъ то, что въ данный урокъ предположено задачей (напр. въ первомъ чт.—предметъ и признакъ).

Въ бесѣдахъ, которыми окончательно усвоивается все содержаніе прочтеннаго, вопросами приводятся въ сознаніе строй и порядокъ мыслей, ихъ взаимное отношеніе и связь, ихъ законное появленіе одной за другою; въ бесѣдахъ выясняется тема сочиненія, точка зрѣнія автора на предметъ, которою условливаются какъ предѣлы сочиненія, такъ и характеръ самаго содержанія. Все это, само собою разумѣется, пригодится какъ образцы для руководства при собственной самостоятельной работѣ ученика. Выразумѣвши, отъ чего писатель, вслѣдствіе опредѣленной точки зрѣнія, говоритъ то, а не другое, столько, а не больше, ученикъ станетъ присматриваться также къ своимъ собственнымъ работамъ, пріобрѣтетъ навыкъ давать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, и дойдетъ

до умѣнья опредѣлять, что въ его упражненіяхъ—такъ или нетакъ, что лишнее и чего недостаетъ.

Упражненія учениковъ отдѣльныя, безъ учителя, состоятъ въ устныхъ и письменныхъ изложеніяхъ мыслей о какомъ-либо предметѣ, матеріялъ для которыхъ приготовляется или предшествующими совокупными съ учителемъ упражненіями, или собственнымъ чтеніемъ какой-либо статьи, учителемъ указанной. Чтобы изложеніямъ ученическимъ не быть пассивною передачею слышаннаго или читаннаго, всегда указывается новая точка зрѣнія на предметъ, отличная отъ автора статьи и объясненій учителя (напр. послѣ совокупныхъ упражненій съ учителемъ надъ 1 ст. можно предложить ученикамъ тему для письменныхъ и устныхъ изложеній: чѣмъ бѣлыя избы лучше и удобнѣе черныхъ? и т. п.). Въ такомъ случаѣ многое является на долю его самостоятельности: здѣсь предстоитъ ему работа, какъ приноровить имѣющійся матеріялъ къ своему дѣлу по новому его назначенію.

Отдѣльныя упражненія, начинаясь отъ короткихъ (фразъ) предложеній, и восходя до связнаго большаго изложенія, состоятъ въ описаніяхъ, разсказахъ и сравненіяхъ; ознакомившись въ приготовительномъ курсѣ съ предметомъ и условіями его проявленія, ученикъ излагаетъ про предметъ, что онъ дѣлаетъ, и способенъ дѣлать при извѣстной обстановкѣ, каковъ онъ по виду и употребленію и т. п. При этихъ отдѣльныхъ упражненіяхъ имѣется въ виду постоянно, какъ цѣль практическая языка—умѣнье, такъ и теоретическая—знаніе правилъ языка,—и сообразно съ тою и другою разнообразятся задачи для упражненій.

Разсказавши, какой характеръ мною придается занятіямъ отечественнымъ языкомъ съ учащимися, считаю не лишнимъ для общаго обсужденія молвить слова два-три о приготовительномъ курсѣ.

Судя по требованіямъ на предлагаемую книгу, сдается, что употребленіе ея пріурочивается къ первому классу гимназіи. При теперешнемъ домашнемъ приготовленіи дѣтей къ вступленію въ гимназіи, мѣсто для приготовительнаго курса, дѣйствительно, самое законное; но вѣроятно, для него отмѣривается самый короткій періодъ времени: что мѣшаетъ тѣмъ благимъ результатамъ, какихъ отъ него можно ожидать, и на какой онъ не поскупился бы при времени, достаточно удовлетворительномъ. А потому не справедливѣе

ли было бы усилить нѣсколько требованія отъ поступающихъ въ гимназіи относительно отечественнаго языка, и занятія приготовительнаго курса предоставить домашнему воспитанію? Думается, много бы выиграло общее развитіе дѣтей; самый курсъ, границы котораго, сообразно личностямъ, способны то сдвинуться до тѣсноты, то раздвинуться на широкій просторъ, получилъ бы большее развитіе, опредѣленнѣйшее содержаніе, усвоилъ бы полную самостоятельность и могъ бы быть полезенъ не одной грамматикѣ, но еще кой-чему многому. Правильное рѣшеніе этого вопроса возможно только съобща съ товарищами по дѣлу, которымъ, конечно, знакомѣе моего многія мѣстныя условія. Необходимость же такого курса, какъ видится, сознается на самомъ дѣлѣ: по крайней мѣрѣ нигдѣ еще не приходилось слышать возраженія. Дѣйствительно, при немъ становится значительно легче и удобнѣе передача теорій языка: когда примѣрами, наглядно уяснишь въ умѣ, что такое тѣло и явленіе, что такое признакъ предметный и личный, и такимъ образомъ разница между ними перестанетъ принадлежать къ недосягаемымъ задачамъ для учащагося; тогда не трудно будетъ усвоить различіе между существительнымъ наглядным и отвлеченнымъ, легко выразумѣть появленіе частей рѣчи, знаменательныхъ и служебныхъ. А впрочемъ и на томъ уже спасибо, что необходимость приготовительнаго курса нынѣ не нуждается болѣе въ доказательствахъ; но скоро ли и когда же, въ курсѣ языка, мы увидимъ его самостоятельно существующимъ съ богатыми плодами, отъ него ожидаемыми, и съ законными правами, отъ всѣхъ признаваемыми?

1861 г.
Петергофъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. СТАТЬИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ВВЕДЕНІЯ (ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КУРСА) И НАЧАЛЪ ГРАММАТИКИ.

СТАТЬИ.	СТР.
1. Какія у насъ бываютъ избы? *В. Селиванова*	1
Какія избы были въ прежнее время? *Н. Костомарова*	6
Русская печь, *М. Киттары* и *В. Селиванова*	—
Неудобство русской печи, и что отъ него происходитъ, *М. Барановича*	10
Обыкновенное устройство избы, *В. Селиванова*	11
Дворъ и усадьба, *его же*	13
Время для деревенскихъ построекъ, *его же*	—
Пища рязанскихъ крестьянъ, *М. Барановича*	14
Церковь	15
10. Объ устройствѣ св. храма, или церкви, протоіерея *И. Рождественскаго*	16
Почва, *Яр. Линовскаго*	19
Земледѣльческія орудія, *В. Селиванова*	28
Пахота и сѣвъ, *его же*	30
Нива, *Ю. Жадовской*	32
Пахарь, *И. Никитина*	33
Сѣнокосъ, *Ап. Майкова*	—
Возвратъ крестьянъ съ сѣнокоса въ полдень, *И. Аксакова*	34
Урожай, *А. Кольцова*	36
Жена ямщика, *И. Никитина*	37
20. Шоссе и обыкновенная дорога, *И. Аксакова*	39
Двѣ картины изъ крестьянскаго быта, *И. Телешевскаго* и *Даля*	40
Подвигъ простаго русскаго человѣка Вас. Гав. Марина	44
Село Богородское, *П. Мельникова*	47
Ярмарка, *И. Никитина*	50
Выселки, *И. Купинерева*	51
Волга (по Миллеру), *И. Бабста*	52
Видѣніе (народн. легенда изъ собр. Аѳанасьева)	58
Ради науки Ломоносовъ оставляетъ отцовскій домъ, *К. Полеваго*	59
Преданіе о горѣ Судомѣ, *Н. К.*	65
30. Сказка о правдѣ и кривдѣ	66
Когда началось русское государство? *Н. Карамзина*	89
О мочальномъ промыслѣ, *В. Кеппена*	71

статьи.		стр.
	Тѣла по состоянію вещества, *М. Спасскаго*	79
	Отличительныя свойства тѣлъ по состоянію вещества	80
	Газы: кислородъ, азотъ, углекислота и водородъ (изъ Джонсона)	81
	Различіе газовъ отъ другихъ тѣлъ по впечатлѣнію на наши чувства, *М. Спасскаго*	83
	Атмосфера и главныя составныя ея части, *его же*	84
	Назначеніе составныхъ частей воздуха, *его же*	85
	Высота атмосферы, *его же*	86
40.	Эѳиръ, *его же*	87
	Вода, которую пьемъ, *Джонсона*	88
	Разница между воздухомъ и водой по ихъ образованію, *его же*	93
	Что такое параситы въ древней Греціи, *С. Шестакова*	—
	Породы лѣса и чернолѣсье, *С. Аксакова*	95
	Грачъ	69
	Сказка о лисицѣ и волкѣ (народная)	102
	Кабанъ (изъ Туссенеля)	103
	Злаки, *А. Н. Бекетова*	110
	Листы и корни, *И Крылова*	122
50.	Печорская брусяно-точильная гора, *Антипова*	123
	Съѣдобный камень, или соль	129
	Эльтонское озеро	131
	Пенька, *П. И. Самойлова*	132
	О кирпичѣ, *И. Ржанова*	135
	Гжель, *П. Польяни*	136
	Корица	137
	Камфора	—
	Солнце и мѣсяцъ, *Я. Полонскаго*	138
	Іовъ, протоіерея *М. Богословскаго*	139

статьи.		стр.
60.	Бѣда-проповѣдникъ, *Я. Полонскаго*	142
	Житіе преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, *Ст. Шевырева*	143
	Канутъ великій и его льстецы	150
	Кто онъ? *А. Майкова*	151
	Что такое естественныя явленія? князя *Одоевскаго*	153
	Есть ли законы для естественныхъ явленій? *его же*	154
	Трудность наблюдать естественныя явленія и средства, ее облегчающія, *его же*	155
	Что такое вѣтеръ	—
	Причина вѣтра	156
	Общее направленіе вѣтра	157
70.	Значеніе вѣтра, *Тихѣева*	158
	Буранъ, *К. Веселовскаго*	160
	Мятель въ степи, *А. Пушкина*	161
	Тифонъ, *И. Гончарова*	163
	Бора, *К. Веселовскаго*	—
	Смерчи, *его же*	164
	Испаренія (Изъ климатологіи Гузо)	165
	Роса (Изъ климатологіи Гузо)	167
	Туманъ (Изъ климатологіи Гузо)	169
	Облака (Изъ климатологіи Гузо)	—
80.	Дождь и снѣгъ	170
	Дерзость и смиреніе, *С. Соловьева*	173
	Месть Линнея Бюффону	174
	Первое плаваніе на первомъ пароходѣ, *Э. Цимермана*	175
	Скромное предсказаніе Фультона о своемъ изобрѣтеніи	176
	Смѣлость при исполненіи долга	—
	Служба дѣлу	117
	Достопамятное изъ жизни кулица Иголкина	181
	Прибыльная вина	183
	Когда крестился русскій народъ? *Н. Карамзина*	184
90.	Талантъ и доброе сердце	189
	Друзья, *Хемницера*	191

статьи.	стр.
Побратимство, *Н. Костомарова*	192
Изъ малаго бываетъ большое, *Евгеніи Тур*	193
Куропатка	194
Сила слова, *М. Лонгинова*	200
О томъ, какъ живали въ старину (народн.)	203
О священныхъ одеждахъ, прот. *И. Рождественскаго*	—
О священныхъ сосудахъ, *его же*	205
Двѣ бочки, *И. Крылова*	207
100. Лѣсовикъ кимпезй, или шимпанзе	208
Обезьяны, *И. Крылова*	215
Объ арабской лошади въ Сиріи, *Я. Н. Каминовскаго*	216
Конь, *Н. Языкова*	218
Русскія лошади, *Л. Иванова*	219
Холмогорскія коровы, *С. Максимова*	221
Олень мезенской тундры, *его же*	222
Романовскія овцы, *Д. В. Гаврилова*	224
Собака	228
Эскимосская собака	234
110. Домашняя кошка, *Н. Вагнера*	242
Особенное свойство кошекъ, *его же*	244
О томъ, какъ мыши кота хоронили, *В. Жуковскаго*	—
Левъ и на людей нападаетъ	246
Левъ и лисица, *И. Крылова*	247
Мышонокъ, котъ и пѣтухъ, *В. Жуковскаго*	—
Аистъ	248
Вѣсти морскія (народная пѣсня)	254
Гусь, *С. Аксакова*	—
Чижъ и Зяблица, *И. Дмитріева*	258
120. Американскій переимщикъ	258
Птичка, *Плещеева*	260
Рыбы, *С. Аксакова*	—
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, *А. Пушкина*	269

статьи.	стр.
Ершъ, *С. Аксакова*	273
Сказка объ ершѣ ершовичѣ (народная)	275
Щука и Котъ, *И. Крылова*	277
Щука, *С. Аксакова*	278
Морскія черепахи	280
Хамелеонъ	284
130. Лягушка и Волъ, *И. Крылова*	285
Насѣкомыя, *А. Тарачкова*	—
Стрекоза и Муравей, *И. Крылова*	288
Муха, *И. Дмитріева*	289
Шмель, *И. Бера*	290
Пауки	293
Піявки, *С. Усова*	296
Змѣя и Піявица, *И. Дмитріева*	302
Слизняки, или мягкотѣлыя животныя, *К. Рулье*	—
Разсказъ Плинія о происхожденіи жемчуга, *А. И. Богданова*	303
140. Полипы, *Г. Е. Щуровскаго*	304
Гидра, прѣсноводный полипъ, *Я. Борзенкова*	307
Наливочныя животныя, или инфузоріи	310
Сувойка	312
Chilodon cucullulus	314
Линяніе животныхъ, *К. Рулье*	—
Перерожденіе животныхъ, *его же*	315
Спячка, *Д. Гартинга*	320
Сказочныя чудеса, *А. Пушкина*	323
Лѣсъ и кустарникъ, *Скау*	324
150. Вліяніе лѣсовъ на атмосферу, *его же*	325
Значеніе лѣса въ природѣ, *С. Аксакова*	326
Папоротникъ, или кочедыжникъ	—
Чайный кустъ, *Скау*	329
Кофе, *И. Штильке*	334
Пробка, *Гартинга*	341

СТАТЬИ.	СТР.
Ленъ, *Скау*	344
Офени, *С. Максимова*	347
Сказка о набитомъ дуракѣ (народная)	350
Внѣшнія чувства, *Вебера*	351
160. Органы внѣшнихъ чувствъ и отправленія ихъ, *его же*	354
Алмазъ, *Бабине*	366
Доменная печь, *Н. Анцыфорова*	374
Опыты наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ печкѣ, кн. *Одоевскаго*	375
Желѣзная руда и выплавка чугуна изъ нея, *Н. Анцыфорова*	377
Чугунъ	379
Выдѣлка желѣза изъ чугуна, *Н. Анцыфорово*	380
Выдѣлка желѣза у насъ, *его же*	384
Мѣста нахожденія желѣза въ Россіи, *его же*	385
Историческій очеркъ желѣзнаго производства въ Россіи, *Н. Анцыфорова*	385
170. Мѣдь	388
Золото	390
Что такое каменный уголь? *Рулье*	397
Ископаемый, или каменный уголь, *Щуровскаго*	398
Природа днемъ и ночью, *Н. П. Вагнера*	403
Зимній вечеръ, *А. Пушкина*	406
Движеніе земли, *Ломоносова*	408
Четыре времени года, *А. Шишкова*	409
Весна	410
Страда, *Селиванова*	411
180. Обычай обжинать козу, его же	419
Примѣты осени, *И. Грекова*	420
Осень, *Е. Баратынскаго*	421
Зима, *Евг. Баратынскаго*	422
Движеніе, *А. Пушкина*	—
Лѣтній вечеръ, *В. Жуковскаго*	423
Зимнее утро, *А. Майкова*	424
Что такое исторія? *Я. Грота*	—
Предатель	429
Народная пѣсня про покореніе Казани	430
190. О нравственныхъ свойствахъ древнихъ славянскихъ племенъ, *М. Погодина*	430
Бѣжинъ лугъ, *И. Тургенева*	434
Отечество, *В. Даля*	450
Русскія пословицы	451
Лисица и виноградъ, *Крылова*	452
Сила добродушія	454
Деревенск. вечеръ, *И. Аксакова*	458
Колыбельн. пѣсня, *А. Майкова*	460
Вечеръ на Рождество, съ шведскаго *Я. Грота*	461
Мать и дѣти, *А. Майкова*	464
200. Изба, *Огарева*	465
Соха, *И. Никитина*	466
Вода, *С. Аксакова*	—
Обвалъ, *А. Пушкина*	470
Рѣка Веркъ-ва въ яренскомъ уѣздѣ, *Ю. Волкова*	—
Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ, *А. Жемчужникова*	471
О литургіи въ первые вѣка христіянства, пр. *И. Рождественскаго*	472
Когда нынѣ совершается литургія? *его же*	480
Осень и зима, *А. Пушкина*	—
Доброта А. П. Сумарокова, *П. Сумарокова*	481
210. Ревизія чембарскаго училища въ 1823 г., *И. Лажечникова*	482
Зима, *А. Пушкина*	483
Жизнь Суворова въ отставкѣ, *Д. Милютина*	—
Младенецъ, *В. Жуковскаго*	484
Народное преданіе объ озерѣ Гидденѣ	—
Любопытный, *И. Крылова*	485
Загадки	486

СТАТЬИ.	СТР.
Петръ Великій и лоцманъ Антипъ, *Н. Полеваго*	486
Сардамскій домикъ, *его же*	490
Іосифъ въ темницѣ, *А. Зонтагъ*	491
220. Скука внушаетъ суровость, *А. Шишковъ*	493
Лиса и тетеревъ (народ. сказка)	495
Обозъ, *И. Хемницера*	496
Калѣки перехожіе, *Ѳ. Буслаева*	—
Каучукъ, или резина, гумиластикъ	499
Сила примѣра, *Хотинскаго*	508
Чижъ и Голубь, *И. Крылова*	509
Овца, лиса и волкъ (народная сказка)	510
230. Лѣсной царь, *В. Жуковскаго*	—
Эмблемы, *Н. Полеваго*	511
Цыганскій таборъ, *А. Пушкина*	512
Огонь и Роща, *И. Крылова*	513
Сербская пѣсня, *А. Пушкина*	516
Василекъ, *И. Крылова*	518
Весеннія воды, *Ѳ. Тютчева*	520
Баба-яга (народная сказка)	521
Старый рыцарь, *В. Жуковскаго*	522
Пѣсенка при сѣяніи цвѣтовъ	523
240. Пѣсня пахаря, *А. Кольцова*	—
Преданіе о томъ, какъ гуси Римъ спасли, *М. Богоявленскаго*	524
Гуси, *И. Крылова*	525
Постройка мельницы на Бугурусланѣ, *С. Аксакова*	526
Пѣсня во время чумы, *А. Пушкина*	527
Обитатель предмѣстья, *Мх. Муравьева*	—
Начальникъ и отецъ	533
Похороны на кораблѣ, *Д. Григоровича*	—
Оселъ и Соловей, *И. Крылова*	534
Алтарь для жертвы	535
250. Перелетная птичка, *Пушкина*	—
Выговоръ Суворова адъютанту, явившемуся не въ срокъ изъ отпуска	—
Калмыцкая кибитка, *А. Писемскаго*	536
Потсдамъ, *Н. Карамзина*	538
Іосифово толкованіе сновъ фараона, *А. Зонтагъ*	541
Достопамятный отвѣтъ Александра Екатерины II	543
Воскресное утро въ деревнѣ, *В. Жуковскаго*	545
Лубочныя картины русскаго народа, *И. Снегирева*	547
Богачъ и Бѣднякъ, *И. Хемницера*	549
Отцовскій долгъ, *И. Кокорева*	550
260. Подражаніе псалму XIV, *Н. Языкова*	553
Загадки	—
Яркій снѣгъ, *Ѳ. Тютчева*	—
Сыновья Якова, *А. Зонтагъ*	554
Къ дѣтямъ, *А. Хомякова*	—
Лебедь, Щука и Ракъ, *И. Крылова*	555
Чужеземное растеніе, *И. Дмитріева*	560
Утренняя прогулка графа Румянцова по лагерю, *А. Пушкина*	561
Пѣсня бѣдняка, *В. Жуковскаго*	—
Не взначай, а кстати, *Лобанова*	562
270. Кутузовъ и солдаты измайловскаго полка, *Михайловскаго-Данилевскаго*	563
Что ты спишь мужичокъ? *А. Кольцова*	—
Городокъ въ табакеркѣ, князя *Одоевскаго*	564
Колокольчикъ, гр. *Авд. Растопчиной*	570
Черты изъ жизни Пія IX	—
Изъ несторовой лѣтописи (начало)	572
Бѣсы, *А. Пушкина*	574

СТАТЬИ.	СТР.
Три друга	576
Пепелище, *Огарева*	580
Случай изъ жизни Песталоцци, *К. Тимоѳеева*	581
280. Княженіе Игоря (изъ Нестора), *С. Соловьева*	—
Червячокъ, князя *Одоевскаго*	584
Сельская сиротка, *И. Козлова*	587
Всю жизнь безпокоился . .	589
Ангелъ, *Ю. Лермонтова* . .	—
Свѣчка горитъ, *Ст. Щепкина*	—
Начало весны, *А. Пушкина*	597
Гутта-перча	599
Мышь и Крыса, *И. Крылова*	603
Свиданіе Суворова съ импер. Павломъ I, *Д. Милютина*	—
290. Казачья колыбельная пѣсня, *Ю. Лермонтова*	606
Стекло	607
Всенощная въ деревнѣ, *И. Аксакова*	610
Источникъ живой воды . .	611

II. ВЫВОДЫ ИЗЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ И БЕСѢДЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

КУРСЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ.

I. ПРЕДМЕТЪ И ПРИЗНАКЪ.

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
1. Что такое предметъ и признакъ?	613

II. РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ ПРЕДМЕТОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ.

А. *Вещественный предметъ, или тѣло.*

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
2. Тѣло, вещество, масса и отличіе тѣлъ по веществу. Предметъ вещественный	613
3. Различіе тѣлъ по ихъ происхожденію	614
4. Различіе тѣлъ по мѣстопребыванію	—
1. Тѣла земныя.	
5. Различіе тѣлъ по качеству вещества въ ихъ составѣ . .	—
6. Различіе тѣлъ по состоянію вещества	615
7. Различіе тѣлъ по ихъ устройству, — отсюда иныя названія ихъ—существо и вещь	615
8. Общее различіе органическихъ тѣлъ и раздѣленіе ихъ на два царства: животное и растительное	616
9. Царство неорганическихъ тѣлъ	617
10. Различіе предметовъ по степени развитія жизни: предметы одушевленные и неодушевленные. Особенность первыхъ—полъ. Лицо и вещь	—

ПАРАГ. СТР.

2. Тѣла небесныя.

11. Значеніе тѣлъ небесныхъ. Виды ихъ: планеты, спутники и кометы 617
12. Міръ вещественный. Природа. Естественныя и искусственныя произведенія 619

Б. *Предметъ невещественный, или духъ.*

13. Значеніе предмета невещественнаго. Виды его. Способности души. Міръ духовный . 619
14. Общее названіе предметовъ: вещественнаго и духовнаго — наглядный предметъ 620

В. *Предметъ отвлеченный, или явленіе.*

15. Что такое явленіе? Какимъ предметомъ оно называется? 620
16. Вселенная. Міръ. Свѣтъ . . 621

III. ГЛАВНЫЕ РОДЫ ПРИЗНАКОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ.

17. Какъ мы признаемъ предметы и отсюда главные роды признаковъ: *предметные* и *личные* 621
18. Что служитъ признакомъ предметнымъ: бытіе, дѣйствіе, страданіе, состояніе и качество. Особенность качества отъ другихъ признаковъ . . . . . —
19. Признаки личные: указаніе и количество 622
20. Виды признаковъ по объему: общіе и особенные 622
21. Различіе признаковъ по ихъ относительной важности: существенные и случайные . . 623
23. Отъ сходства признаковъ различеніе предметовъ: однородные и разнородные, сходные и различные. Ихъ распредѣленіе, или классификація. Примѣры ея —

IV. НЕИЗБѢЖНЫЯ УСЛОВІЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПРЕДМЕТА.

23. Обстоятельства, при которыхъ обнаруживается бытіе предмета. Ихъ названія 627

V. ОТНОШЕНІЕ ПРЕДМЕТА КЪ МЫШЛЕНІЮ.

24. Способы познанія предметовъ: посредственный и непосредственный 628
25. Какъ пріобрѣтается познаніе способомъ непосредственнымъ? 628
26. Представленіе. Его виды . . —
27. Сужденіе, его виды и умозаключеніе 629

VI. ОТНОШЕНІЕ МЫШЛЕНІЯ КЪ ЯЗЫКУ.

28. Слова — выраженія представленій съ обозначеніемъ ихъ отношеній: отсюда части рѣчи и формы ихъ. Грамматика . 629

НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

I. ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

ПАРАГ. СТР.

1. Предложеніе. Объясненіе происхожденія его названія. Способы передачи нашихъ мыслей и средства къ ихъ выполненію. Звуки и буквы. Различіе первыхъ по выговору, а вторыхъ по начертанію. Необходимое условіе, какъ пользоваться этими средствами (452) . . . 631
2. Различіе предложеній по объему сообщаемаго, или числу сужденій: пред-іе простое и сложное. Рѣчь (454) 632
3. Удареніе и паузы въ устной рѣчи, знаки препинанія въ письменной, какъ необходимые указатели состава рѣчи и отношенія говорящаго лица къ содержанію рѣчи и къ слушающему. Виды ударе-ній и знаковъ препинанія. Необходимость тѣхъ и другихъ. Большая буква послѣ точки (456) 633
4. Расположеніе ударе-ній, вліяніе его на складъ рѣчи. Раздѣленіе послѣдней на два рода: на стихи и прозу. Безразличность прозы и стиховъ въ чтеніи и различеніе ихъ въ письмѣ по общепринятому обычаю (457) 634

II. ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

A. *Составъ простаго предложенія.*

5. Члены предложенія: подлежащее и сказуемое. Значеніе ихъ въ пред-іи (458) 634
6. Развитіе предложенія: слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя (459) 635
7. Появленіе словъ въ предложеніи отъ отношенія говорящаго къ слушающему — образованіе. Мѣсто его и знаки препинанія при немъ (460) . . 636
8. Значеніе членовъ прд. по относительной ихъ важности: главные и второстепенные. Особенныя названія второстепенныхъ членовъ: эпитетъ и виды словъ обстоятельственныхъ. Число членовъ въ предложеніи (461) 636

B. *Различные виды простаго предложенія.*

9. Виды простыхъ предложеній а. по числу членовъ: нераспространенное и распространенное, б. по наличности членовъ: полное и неполное. Эллипсисъ. Знакъ препинанія (461) . . 637
10. Виды прос. пред-ій в. по способу выраженія подлежащаго: личныя и безличныя (463) . . 638
11. Виды прос. пред-ній г. по отношенію ихъ къ говорящему и слушающему: а. утверди-

ПАРАГ. СТР.

тельныя и отрицательныя. б. вопросительныя, повѣствовательныя, а сіи послѣднія восклицательныя и повелительныя.

Знаки вопросительный и восклицательный и употребленіе большой буквы послѣ нихъ (464) 638

III. ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ, КОТОРЫЯ СОБСТВЕННО И ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ СЛУЖАТЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЧЛЕНОВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ОТНОШЕНІЙ ИХЪ.

А. *Для подлежащаго*

12. Названіе предмета по его предметнымъ признакамъ. Значеніе имени существительнаго и преимущественное его назначеніе въ составѣ предложенія (486) 640

13. Виды именъ существ. а) по предметамъ, ими обозначаемымъ: наглядное (конкретное) и отвлеченное (абстрактное) (488) . . . . . —

14. Виды и. сущ. b) по отношенію частей къ цѣлому: простое и собирательное (489) . . . . —

15. Виды и. сущ. c) по числу предметовъ, подъ нимъ понимаемыхъ: собственное и нарицательное (489) 641

16. Виды сущ. и. d) по величинѣ предметовъ: уменьшительное и увеличительное (490) 642

17. Виды и. сущ. e) по отношенію къ лицу говорящему: ласкательное и уничижительное (491) —

18. Роды имен. сущ.: мужескій, женскій и средній. Способы опредѣлять родъ существ. (491) —

19. Число. Виды его: единственное и множественное (491) . 643

20. Названіе предмета по личнымъ признакамъ—мѣстоименіе. Виды его: личныя, вопросительныя, неопредѣленныя и опредѣл. Служебная или знаменательная часть рѣчи мѣстоименіе (493) —

Б. *Для сказуемаго.*

21. Значеніе глагола. Отношеніе его къ предложенію. Глаголъ—знаменательная часть рѣчи (513) 644

22. Роды глаголовъ отъ существа самаго предмета, или залоги. Число ихъ (514) 645

23. Отношеніе глагола-сказуемаго къ подлежащему: лица и числа. Глаголы личные и безличные. Согласованіе (516) . . —

24. Отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему—виды и число ихъ (517) 646

25. Другое отношеніе его къ говорящему: времена и число ихъ. Описательная форма. Всякій ли глаголъ способенъ ко всѣмъ временамъ. Правописаніе (517) . . . . . —

26. Третье отношеніе его къ говорящему: наклоненія. Значе-

ПАРАГ. СТР.

ніе, число и названія ихъ. Въ помощь имъ слова обстоятельственныя образности выраженія, числа и названія ихъ. Правописаніе послѣднихъ (518) 647

27. Спряженіе и образецъ его . 648

В. *Для дополненія.*

28. Выраженіе дополненія (527) . 650
29. Чѣмъ обозначается отношеніе дополненія въ предложеніи? Падежи. Управленіе. Слово управляющее и управляемое (530) —
30. Названіе, число и порядокъ падежей. Раздѣленіе ихъ на прямые и косвенные по службѣ ихъ въ предложеніи (530) —
31. Обозначеніе положенія и направленія дѣйствія косвен. падежами. Недостаточность этого обозначенія, и въ помощь имъ—*предлоги*. Отношеніе послѣднихъ къ предложенію. Родство предлоговъ съ падежами. Знам. или служебн. часть рѣчи предлогъ? измѣняется ли онъ по окончаніямъ (531) . 652
32. Склоненіе. Образецъ его. Правописаніе нѣкоторыхъ косвен. падежей существ. именъ (532) 653
33. Выраженіе дополненія мѣстоименіями. Виды мѣстоименій по ихъ значенію: возвратное и взаимное. Склоняются ли они? Правописаніе нѣкот. падежей ихъ (532) 654

Г. *Для опредѣленія.*

34. Значеніе имени прилагательнаго. Отношеніе его къ предложенію (538) 655
35. Виды прилагательнаго по значенію: безотносительное и относительное (539) . . . . . —
36. Виды прилагательнаго по формѣ, или окончаніямъ: опредѣленное и неопредѣленное. Употребленіе того и другаго окончанія (539) 656
37. Склоненіе прилагательныхъ. Образецъ его. Правописаніе нѣкоторыхъ падежей (540) . —
38. Степени сравненія. Число и названіе ихъ. Склоненіе и правописаніе сравнительной степени (540) 657
39. Виды прилагательныхъ по мѣрѣ качества: уменьшительныя и увеличительныя. Склоненіе и правописаніе (540) 658
40. Выраженіе опредѣленія числительными именами. Соотвѣтствіе ихъ окончаніямъ, означающимъ число. Числит. имена — служебная часть рѣчи. Виды числительныхъ по значенію и формѣ; количественныя и порядковыя, существительныя и прилагательныя. Отношеніе ихъ къ предложенію. Склоненіе. Правописаніе (541) 658
41. Выраженіе опредѣленія мѣстоименіями. Общее названіе ихъ по причинѣ замѣны ими прилагательныхъ (543) 660
42. Виды прилагательныхъ мѣстоименій въ пред. вопросительномъ и повѣствовательномъ. Общій перечень мѣстоименій. Склоненіе. Правописаніе (543) —

Д. *Для обстоятельственныхъ словъ.*

ПАРАГ. СТР.

43. Нарѣчіе. Несклоняемость его. Знамен. или служебная часть рѣчи нарѣчіе? (545) 661
44. Виды нарѣчій по ихъ значенію (546) . . . . . —
45. Степени сравненія и значенія (546) 662

IV. ЗАМѢНЯЕМОСТЬ ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ФОРМЪ ИХЪ ПРИ ВЫРАЖЕНІИ ЧЛЕНОВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

46. Существительное бываетъ сказуемымъ, или употребленіе его въ смыслѣ глагола. Чѣмъ тогда обозначается отношеніе его къ говорящему? Глаголъ вспомогательный. Сказуемое составное (555) 662
47. Существительное выражаетъ и опредѣленіе: обозначеніе его отношеній: приложеніе и косвенные падежи. Опредѣленіе зависимое и независимое (556) —
48. Существительное выражаетъ и обстоятельство. Чѣмъ обозначается его отношеніе? Разница отношеній къ глаголу, отсюда раздѣленіе обстоятельствъ на зависимыя и независимыя. Запятая при послѣднихъ (557) 663
49. Бываетъ ли глаголъ подлежащимъ и дополненіемъ? Какую форму тогда принимаетъ онъ? Какія свойства глагола остаются въ неопредѣленой формѣ? Правописаніе (558) . . 664
50. Бываетъ ли глаголъ словомъ опредѣлительнымъ? Какую форму тогда принимаетъ онъ? Причастіе. Правописаніе (559) . —
51. Бываетъ ли глаголъ словомъ обстоятельственнымъ, и какую форму тогда принимаетъ? Дѣепричастіе. Какія глагольныя принадлежности остаются въ немъ? Правописаніе. Образцы всѣхъ причастныхъ формъ (559) 665
52. Прилагательное имя выражаетъ также сказуемое, подлежащее, дополненіе и обстоятельство (559) 666
53. Нарѣчія употребляются въ видѣ предлоговъ, нарѣчіе предложное (560) 667
54. Замѣна частей рѣчи при выраженіи чувства особыми словами—междометія. Виды ихъ: восклицательныя и звукоподражательныя. Правописаніе (560) —

V. ОБРАЗОВАНІЕ СЛОЖНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ И СОЮЗЪ.

55. Различіе сложнаго предложенія по самому составу: слитное и составное. Союзъ, его значеніе. Паузы и знаки препинанія (576) 668
56. Образованіе слитнаго предложенія. Значеніе предложеній, его составляющихъ. Союзы, паузы и знаки препинанія (578) 668
57. Образованіе составнаго предложенія по способу подчинен-

ПАРАГ. СТР.

ности (subordinatio), или присоединеніемъ. Виды предл-ій въ такомъ составномъ по значенію ихъ относительно другъ-друга: главное и придаточное (578) . . . . . ; . . . 669

58. Виды придаточныхъ предл-ій а. по ихъ происхожденію: дополнительное, опредѣлительное и обстоятельственное. Союзы. Замѣна ихъ др. частями рѣчи, б. по формѣ выраженія: полное и сокращенное (578) . . 670

59. Образованіе предл. составнаго по способу неподчиненности (coordinatio), или сочетаніемъ: предложенія въ немъ по значенію—главныя. Союзы, паузы и знаки препинанія (580) . . 672

60. Виды предложеній въ составномъ по отношенію къ говорящему: а. вводное. Сокращеніе его, и б. вносное. Знаки препинанія (581) 673

VI. ВНѢШНЯЯ СТОРОНА СЛОВЪ.

61. Составъ словъ: звуки и слоги. Различіе звуковъ и слоговъ по ихъ значенію: корень и окончаніе. Внѣшняя и внутренняя сторона слова (597) 674

62. Роды корней: знаменательные и служебные, и другое ихъ названіе: глагольные и мѣстоименные (598) 675

63. Роды окончаній: отличительныя и относительныя (598) . —

64. Виды словъ а. по образованію: коренныя и производныя. Правописаніе. Перечень корней съ буквъ ѣ для справокъ (598) . —

65. Виды словъ б. по составу: простыя и сложныя. Способы сложенія и отсюда—слова сложныя собственно и составныя. Правописаніе. (598) 677

VII. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ РѢЧИ, ЧАСТЕЙ ЕЯ И ФОРМЪ ИХЪ.

66—90 . . . . . 678—684

Словарь 687

Объясненіе сокращеній словъ.

ар. — арабское,
анг. — англійское,
гл. — голландское,
гр. — греческое,
ит. — итальянское,
лт. — латинское,
нм. — нѣмецкое,
обл. — областное,
фр. — французское,
тт. — татарское.

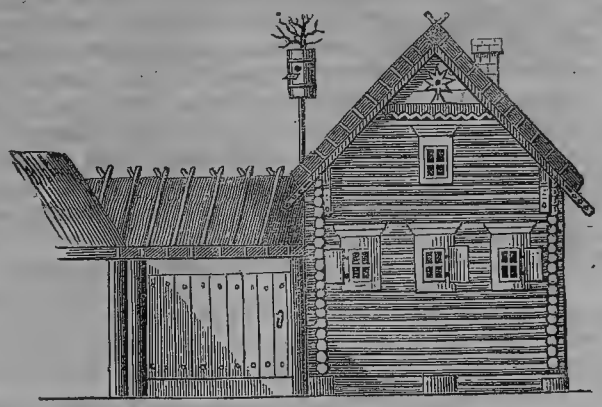
ВВЕДЕНІЕ.

КУРСЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ.

1. ПРЕДМЕТЪ И ПРИЗНАКЪ.

1. Какія у насъ бываютъ избы?

Крестьянскія избы и по сіе время дѣлятся на *бѣлыя* и *черныя*, или *курныя* [1]. Бѣлая изба та, въ которой печь съ трубой, и вслѣдствіе этого она чиста и свѣтла [2]. Черная, или курная—та, въ ко-



торой печь безъ трубы, дымъ выходитъ чрезъ чело въ избу, а изъ избы въ растворенную дверь и въ волоковое окошечко, устроенное надъ печью [3]. Курная изба внутри отъ дыма совершенно черна, въ продолженіе времени покрывается сажей, особенно потолокъ, который при вечернемъ освѣщеніи блеститъ подобно кристалламъ [4]. Еще не такъ давно курныя избы были въ общемъ употребленіи у простаго народа, но теперь онѣ съ года на годъ изчезаютъ, и повсемѣстно замѣняются бѣлыми. Много преимуществъ имѣетъ бѣлая изба передъ черной: въ бѣлой избѣ, во время топки не нужно отворять дверей, и дымъ не препятствуетъ заниматься работой, тогда-какъ въ черной, во время топки, страшный холодъ стремится въ растворенную дверь, а дымъ выѣдаетъ глаза, такъ-что въ это время нельзя не только чѣмъ-нибудь заняться, — да и просто-то,

чтобъ усидѣть на лавкѣ и не задохнуться, надобно нагнуться пониже. Кто будетъ смотрѣть на предметъ поверхностно, не изслѣдуя его въ подробности, тотъ, пожалуй, назоветъ жизнь въ курной избѣ, если не варварствомъ, то по меньшей мѣрѣ бѣдствіемъ, и очень въ этомъ ошибется. Курная изба имѣетъ свои удобства, которыхъ также отвергать нельзя. Курная изба не бываетъ сыра; воздухъ въ ней постоянно сухъ, и совершенно очищается дымомъ и ежедневно наружнымъ воздухомъ чрезъ отворенную дверь; когда печь истопится, дверь затворяютъ, и изба мгновенно наполняется отрадной теплотой, и, что̀ замѣчательнѣе всего, въ курной избѣ никогда не бываетъ угара.

Возвратившійся съ надворья изъ дороги, изъ лѣса или изъ другой какой зимней отлучки, мужичокъ, иногда измокшій, въ обледенѣломъ платьѣ, скоро обогрѣвается; а еще скорѣе обсушиваетъ свое платье, развѣсивъ его на веревкѣ или на жердочкѣ, надъ челомъ печи, изъ которой постоянно бѣжитъ струя горячаго, сушащаго воздуха, чего въ печи съ трубою нѣтъ, или очень мало.

Бѣлыя избы болѣе соотвѣтствуютъ нашему просвѣщенному вѣку, но при всѣхъ своихъ удобствахъ онѣ имѣютъ свои невыгоды, которыя со временемъ конечно устранятся. Въ бѣлыхъ избахъ не рѣдко бываетъ сыро, потому-что русская печь съ трубою рѣдко можетъ устранить это неудобство; а вслѣдствіе сырости, въ избѣ бываетъ угарно, и случается это тѣмъ чаще, что, желая поскорѣе тепла, бабы торопятся закрыть трубу, когда уголья еще не вовсе перегорѣли. За неимѣніемъ форточекъ, совершенно невѣдомыхъ народу, воздухъ очищается мало, да и какая форточка въ состояніи очистить воздухъ избы, гдѣ иногда живетъ отъ десяти до пятьнадцати и до двадцати душъ. Конечно, такія многолюдныя семьи очень рѣдки, но все таки онѣ есть. Впрочемъ не надобно думать, что всѣ спятъ въ одной избѣ. Въ избѣ ночуютъ только старики да малолѣтные; мужья же съ женами, одаренные здоровьемъ, пользуются ночлегомъ въ холодныхъ клѣтяхъ, изъ которыхъ развѣ одни крещенскіе морозы, и то рѣдко, вгоняютъ ихъ въ избу.

В. Селиванов.

I. ЧТЕНІЕ ОСТАНОВОЧНОЕ, ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ.

О чемъ мы съ вами теперь прочитали?—О нашихъ крестьянскихъ избахъ.—Но такого отвѣта мало: изъ него не узнаешь еще всего, что мы читали про избы; значитъ, надобно разсказать все подробно и отчетливо. Начнемъ же давать себѣ отчетъ въ томъ, что мы прочли.

1. О чемъ здѣсь говорится?—А знаете ли вы, что такое изба, и съумѣете ли мнѣ отвѣтить, что она такое, если я спрошу васъ о томъ? Ну-ка, попробуйте. Чѣмъ изба отличается отъ клѣти или амбара?—Теперь не догадаетесь ли, отчего русскіе люди дали своему жилищу названіе «изба»?—Вы сказали, что въ избѣ есть печь,

избу топятъ, а въ клѣти и амбарѣ нѣтъ печи, клѣть и амбаръ всегда нетопленные: ужь не отъ топки ли произошло такое названіе? Не топка ли подала людямъ поводъ назвать свое жилище избою?—Можетъ быть.—Не только *можетъ быть*, но такъ и есть: чтобъ вамъ понять это и увѣриться въ томъ, стоитъ только вспомнить, какъ въ старину она называлась: хотите?—Въ старину, давно-давно, она называлась: *истопка, истобка*, а потомъ *истьба* и наконецъ *изба тепла*. Всѣ эти слова указываютъ на *топить, истопить*. Старинное слово истобка, перешедши въ *истьба*, измѣнилось наконецъ въ теперешнее слово: *изба*; значитъ, слѣды происхожденія слова, не смотря на такую великую перемѣну, все таки сохраняются и даютъ намъ знать, что такое изба.

Что про избы говорится? О чемъ же мы узнали съ вами изъ этой точки?

2. Какая изба называется бѣлою? Какова на видъ она бываетъ оттого, что у нея печь съ трубою? Слѣд. кто чиста и свѣтла? О чемъ же здѣсь говорится? А можно ли было бы говорить о б. избѣ, когда бы ея не было совсѣмъ на свѣтѣ? (—конечно нѣтъ)—Замѣтьте: говорить и думать можно только о томъ, что есть гдѣнибудь; а то, что есть, слѣд. о чемъ думать и говорить можно, люди называютъ *предметомъ*.—Поняли ли вы?—Испытаемъ: изба въ деревнѣ есть?—А что есть, то люди зовутъ предметомъ,—стало, изба—предметъ? Печь въ избѣ есть? Значитъ, и печь—предметъ? А труба у печки есть?—Значитъ и труба—предметъ?—А всякому предмету люди обыкновенно даютъ какое-нибудь имя, точно такъ, какъ и каждому изъ васъ дано имя (Иванъ, Петръ); у всякаго предмета есть имя, какъ и у каждаго изъ васъ: напр. тому, что есть и о чемъ думать и говорить можно, люди дали имя—*предметъ*,—какъ вамъ родители ваши дали имя Петръ, Иванъ; крестьянскому жилищу дали имя *изба* и т. п. Для названій этихъ служатъ *слова*;—оттого скажите мнѣ, о чемъ думаете, и я услышу имя того предмета.

3. Какая же изба называется черною? Отчего же она такъ называется? О чемъ же здѣсь говорится? Что сказано про ч. избу? По чемъ же вы примѣчаете, что она черная? Куда дымъ выходитъ въ ч. избѣ? А въ бѣлой? Какъ (какими путями) выходитъ дымъ въ ч. избѣ? А что это за окно волоковое? Есть ли такое у насъ въ классѣ (комнатѣ)? Итакъ что же мы узнали про черную избу?—Хорошо. Теперь умѣете ли отличить черную избу отъ бѣлой? Если вы взойдете теперь въ избу, то признаете ли, какая эта изба: бѣлая или черная? А въѣзжая въ деревню, можете примѣтить, какія избы у мужичковъ? Какъ? замѣтьте же: все то, по чему мы признаемъ предметъ, по чему отличаемъ его отъ всякаго другаго, люди называютъ *признакомъ* или *примѣтой*: бѣлая, черная—здѣсь признакъ, примѣта избъ,—*волоковое*—признакъ окна,—*раздъляются* примѣта кр. избъ,—*выходитъ*—признакъ дымъ. У признаковъ, какъ и у предметовъ, есть также имена; мы ихъ также называемъ какимъни-на есть именемъ: такъ признаку избы съ печью безъ трубы—*черная*,—имя признаку избы, въ которой печь съ трубою, есть *бѣлая*.—Имена предметовъ и признаковъ мы высказываемъ словами.

4. Какова бываетъ ч. изба внутри? Отчего? Кто черна? Слѣд. о чемъ говорится? Слѣд. изба предметъ? Что же про нее говорится? Этимъ мы отличаемъ курную избу отъ другихъ? Слѣд. черна есть примѣта, признакъ?—Что еще примѣчаемъ въ ч. избѣ?—Чѣмъ покрывается? И какая часть избы особенно покрывается сажей? Что въ немъ примѣтить можно?—А что значитъ слово кристаллъ?—Кристаллъ есть

слово не наше, греческое; греки словомъ *κρύσταλλος* сначала называли *ледъ*, потомъ имъ же стали называть одинъ камень, или минералъ въ горахъ (горный хрусталь), который своею прозрачностью похожъ на ледъ, такъ-что древніе объясняли его происхожденіе изъ воды. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ кампѣ одинъ изъ древнихъ писателей: «небесная влага, безъ всякихъ земныхъ примѣсей, однажды окрѣпшая продолжительнымъ, упорнымъ дѣйствіемъ холода, сжимается постепенно до того, что въ ней не остается нисколько воздуха; она стягивается въ себя самое, и что́ прежде было жидкостью, становится камнемъ.» Греческое слово «кристаллъ» усвоилъ себѣ и нашъ народъ, только измѣнивши, передѣлавши его нѣсколько по-своему: онъ измѣнилъ нѣкоторыя буквы на другія и изъ кристаллъ у него вышло *хрусталь* (какія буквы измѣнены?). Но усвоивши себѣ чужое слово, усвоилъ ли онъ съ нимъ и чужое его значеніе? Ледъ ли у насъ называется хрусталемъ? А что же? Да, хрусталемъ мы называемъ бѣлое стекло, въ составъ котораго входитъ свинецъ. Но по крайней мѣрѣ не осталось ли позднѣйшее значеніе греческаго кристалла? Называемъ ли мы хоть тотъ камень этимъ именемъ, который называли греки? Да, мы также его называемъ горнымъ хрусталемъ. Въ народной рѣчи только этимъ и ограничивается употребленіе слова съ нашею передѣлкой; народная рѣчь не знаетъ греческаго слова въ настоящемъ его видѣ: *кристаллъ;* но рѣчь книжная (литературная) знаетъ и употребляетъ это слово, только смыслъ ему придаетъ не тотъ, какой придавали греки: теперь подъ *кристаллами* разумѣютъ тѣ опредѣленныя, правильныя формы, фигуры медленно отвердѣвшихъ жидкостей, которыя отличаются гладкою и блестящею поверхностью. Слѣд. отъ первоначальнаго греческаго значенія въ словѣ «кристаллъ» осталось только то, что въ этихъ формахъ замѣчается гладкость, прозрачность и блескъ, какъ у льда и стекла. Вотъ какъ съ теченіемъ времени измѣняются слова въ своихъ значеніяхъ! Теперь спросимъ себя, отчего же потолокъ въ курной избѣ блеститъ подобно кристалламъ? Помните, что во время топки дымъ гуляетъ по всей избѣ, и особенно подъ потолкомъ; а вѣдь дымъ состоитъ собственно изъ тончайшихъ и мельчайшихъ частицъ угля, который подымается вверхъ вмѣстѣ съ горячимъ воздухомъ: вотъ эти-то частички садятся и остаются на потолкѣ; опѣ-то, накопившись въ теченіе времени, и блестятъ при освѣщеніи подобно кристалламъ, т. е. кажутъ видъ стекла. (Разборъ въ такомъ видѣ продолжается до конца статьи.)

II. БЕСѢДА.

О чемъ прочитали мы теперь?—Что же мы узнали изъ прочтеннаго и розобраннаго?—Какія у насъ избы?—Чѣмъ однѣ изъ нихъ отличаются отъ другихъ?—На что придѣлана труба къ печи?—А куда же бы дѣвался дымъ, если бы не выходилъ въ трубу?—Что дѣлается отъ дыму съ стѣнами и потолкомъ?—За копоть какъ называютъ такую избу? А за растилающійся, курящійся дымъ?—Хороша, красива ли закоптѣвшая изба?—Но неудобна ли она по крайней мѣрѣ?—Какія же неудобства для жительства въ ней? (Каково дышать, глядѣть, работать въ дыму?) А есть ли такія неудобства въ бѣлой избѣ? (Надо ли въ ней отворять дверь во время топки? Можно ли работать во время топки?) Стало быть, какая же изба лучше: бѣлая или черная? Отчего же ч. избы не переводятся у насъ доселѣ? Нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ

нибудь удобствъ и въ нихъ, которыя поддерживаютъ ихъ въ употребленіи? Не ужъ-то такихъ послугъ нельзя имѣть отъ б. избы?—Нѣтъ ли еще какихъ недостатковъ въ б. избѣ? Чѣмъ можно избавиться отъ этихъ недостатковъ? Итакъ, если взвѣсить всѣ неудобства и удобства избъ б. и черныхъ, то чья сторона перетянетъ? Какую же изъ избъ должно предпочесть—черную или бѣлую? Замѣтно ли, что народъ самъ сталъ понимать выгоды и преимущества б. избы? Изъ чего это видно? Чего же должно желать для всѣхъ и о чемъ заботиться?

III. ЗАДАЧИ.

а. *Указаніе* предметовъ и признаковъ въ статьѣ и сопоставленіе ихъ другъ противъ друга, напр.

изба—бѣлая, черная,
печь—кирпичная, топится,
дымъ—коптитъ, выѣдаетъ глаза, горекъ и т. п.

б. *Рѣшеніе* нѣсколькихъ вопросовъ (по указанію учителя) изъ бесѣды, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Отвѣты должны быть излагаемы вполнѣ, такъ, чтобы они были понятны и отдѣльно, безъ вопросовъ.

—Что такое форточки?—Зачѣмъ дѣлаютъ форточки? Отчего бываетъ угарно въ б. избѣ? и т. п.

в. *Сравненіе.* (Что такое сравненіе? Мы беремъ два предмета, и въ одно время разсматриваемъ ихъ, указывая, въ чемъ они сходны, равны между собой, и въ чемъ несходны: это значитъ, мы дѣлаемъ сравненіе, сравниваемъ предметы. Стало быть сравнивать значитъ указывать и отмѣчать, въ чемъ предметы между собой сходны, и въ чемъ несходны. Потому всякое сравненіе распадается надвое: I. указаніе сходства, сходнаго въ предметахъ, и II. указаніе несходства въ нихъ *.

Передъ нами два предмета: *изба бѣлая* и *изба черная*. Давайте ихъ сравивать.

Съ чего слѣдуетъ начать сравненіе? Что прежде надо отмѣтить?—Начнемъ же отмѣчать сходство ихъ).

I. *Сходство.* Что такое бѣлая изба? А черная? (Соедините оба эти отвѣта вмѣстѣ, въ одну рѣчь). Кто живетъ въ б. избѣ? А въ чёрной? Изъ чего строится б. изба? А черная? Кто строитъ б. избу? А черную? Есть ли въ б. избѣ печь? А въ черной? Для чего служитъ печь въ б. избѣ? А въ черной? И для чего строится б. изба? А черная?

(Повторите все сходное разомъ, въ порядкѣ. Что еще остается сдѣлать, чтобъ окончить сравненіе?—Ну, посмотримъ, чѣмъ же онѣ несходны.)

II. *Несходство.* Каковы на видъ стѣны и потолокъ въ б. избѣ? А въ черной? Отчего въ б. избѣ чисто и свѣтло? А въ черной? Чѣмъ печь б. избы отличается отъ печи въ черной? Кто живетъ въ б. избѣ? А въ черной? Какая же изъ нихъ удобнѣе и полезнѣй для житья? (Повторите всѣ несходства этихъ предметовъ.)

---

* Чтобъ ученики уяснили себѣ этотъ родъ упражненія, на первой разъ надо сравнивать съ ними предметы вопросительно, и при этомъ не упускать изъ виду самыхъ пріемовъ сравненія, съ которыми имъ необходимо освоиться для послѣдующихъ самостоятельныхъ упражненій.

Итакъ вы знаете теперь, чѣмъ сходны и несходны оба эти предмета: изложите все то въ порядкѣ и безъ вопросовъ, въ чемъ сходна и несходна изба бѣлая съ черной.

2. Какія избы были въ прежнее время?

У простолюдиновъ *избы были черныя*, то есть курныя, безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ эомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусьми и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. Къ избамъ придѣлывались разныя пристѣнки и прирубки. У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то есть двухъэтажные домики. Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ. Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ.

Н. Костомаровъ.

3. Русская печь.

I. Устройство русской печи.

Русская печь—безотлучная спутница быта крестьянскаго, быта прислуги и дворовыхъ людей, неотъемлемая принадлежность деревенской избы, кухни или людской въ городѣ. Безъ русской печи трудно представить себѣ жизнь русскаго человѣка: она его кормилица; она и грѣетъ и холитъ его; она вѣрой и правдой служитъ ему во всякой нуждѣ его домашняго хозяйства.

Вотъ объ этой-то русской печи хочу поговорить съ моимъ читателемъ и описать ея незатѣйливое устройство.

Изъ трехъ частей состоитъ русская печь: фундамента, собственно печи и трубы.

Въ городахъ, да и у крестьянъ болѣе зажиточныхъ, фундаментъ этотъ кладется изъ кирпича; но дороговизна кирпича для крестьянина дѣлаетъ то, что чаще вколачиваетъ онъ шесть или восемь стоекъ въ землю, кладетъ на нихъ лежни (брусы), по лежнямъ настилаетъ половыя доски, ими же обшиваетъ стойки сбоку—и фундаментъ готовъ. На немъ кладется ряда два-три кирпича, изъ которыхъ верхній и будетъ подъ печи.

Но деревянный или каменный строится фундаментъ, во всякомъ случаѣ, въ немъ оставляется пустое мѣсто, съ вырѣзомъ къ переду печи. Эта пустота не пропадаетъ даромъ: въ нее укладываются

ухваты, которыми хозяйка подхватываетъ увѣсистые горшки и чугуны; туда же уходитъ и кочерга, которой загребается загнета, и помело, которымъ выметается печь передъ садкой хлѣбовъ. Въ этой же пустотѣ, *подпечьѣ*, слышно порой и кудахтанье курицы, и мяуканье кошки, и визгъ щенка, доказывающія своего рода послуги русской печи не одному человѣку.

Вторая часть—это собственно печь.

На фундаментѣ выкладывается корпусъ печи, стѣнки котораго внутри сначала прямы, а потомъ выводятся по дугѣ сводомъ. Дно этой печи, называемое подомъ, въ городахъ выкладывается лещаднымъ кирпичомъ, а въ деревняхъ дѣлается изъ кирпича простаго. Правда, оно не выходитъ гладкимъ и ровнымъ, скоро выбивается; да какъ же быть, ежели лещадь не подъ силу крестьянину, а еще чаще и добыть ее не гдѣ. Размѣры печи неодинаковы: у кого побольше, у кого поменьше; чаще же всего даютъ поду длину 1 арш. 12 вершк., ширину 1 арш., 9 верш. высота свода, т. е. разстояніе его отъ пода 11 вершковъ. Впереди печи оставляется устье—шириной въ 12 вершковъ, вышиной въ 8½ вершк.; верхній край этого устья выгнутъ дугой, которая начинается съ 6 вершковъ вышины. Это устье закрывается по обыкновенію желѣзной заслонкой.

Въ этомъ-то корпусѣ и совершаются всѣ услуги печи, въ быту крестьянина: варятся щи и каша, пекутся блины и хлѣбы, квасъ парится, пиво ставится предъ праздникомъ. Но корпусъ печи служитъ простолюдину и внѣшней, наружной своей частью. Съ боку русской печи есть одинъ или два приступка, двѣ деревянныя ступеньки: по нимъ-то избирается то тотъ, то другой членъ семьи крестьянина на русскую печку погрѣться, поваляться на ея тепломъ привольномъ сводѣ. Правда, мильоны таракановъ тоже любятъ особенно эту часть печи; да русскій человѣкъ небрюзгливъ сосѣдствомъ, не скупится подѣлиться тепломъ печки и съ этими маленькими созданіями.

Подъ протягивается дальше, впередъ устья, и эта часть составляетъ такъ называемый шестокъ, который въ деревняхъ просто кирпичный, а въ городѣ часто прикрытъ чугунной плитой. Конечно, хорошо, шестокъ крѣпче; да плита дорога крестьянину, и обходится онъ безъ нея съ русской печью. Надъ этимъ шесткомъ начинается третья и послѣдняя часть печи—труба. Въ городахъ, идетъ она отъ шестка кверху, поворачивается вправо или влѣво, потомъ внизъ, на этомъ пути пересѣкается вьюшкой, вставляемой чрезъ душникъ, и отсюда уже выводится, какъ позволяетъ мѣсто.

Крестьянинъ поворотовъ не любитъ, ведетъ свою трубу прямо вверхъ, вплоть до крыши, выводитъ на поларшина дальше, прикрываетъ часто разбитымъ горшкомъ,—и его печь готова.

Вотъ и все устройство русской печи. Какъ видите, это очень просто и какъ-разъ подходяще къ простой жизни крестьянина. Въ

ней готовится его далеко неразнообразная пища; ею же нагрѣвается и изба, въ которой живетъ онъ. Дѣйствіе въ этомъ случаѣ русской печи, какъ и всякой другой, основывается на нагрѣвѣ топливомъ пода, свода и стѣнъ ея.

II. Какъ топится печь?

Рано утромъ, часа въ четыре въ деревнѣ, часовъ въ семь въ городѣ, хозяйка печи начинаетъ топить ее, употребляя, по обыкновенію, дрова еловыя, сосновыя или осиновыя. Тамъ, гдѣ нѣтъ дровъ, или цѣна ихъ высока, идутъ въ топливо и хворостъ, и солома, и другой матеріялъ, лишь бы могъ онъ горѣть. Дрова берутся въ количествѣ различномъ: когда предстоитъ выпечь хлѣбы,—больше, въ другихъ случаяхъ—меньше. Дрова эти, въ числѣ 6—8 и 10 полѣнъ, укладываются клѣткой внутри печи такъ глубоко, какъ позволяетъ ростъ или, правильнѣе, длина рукъ; потомъ въ клѣтку подкладывается зажженная лучина или береста, и когда она разгорѣлась, отодвигается поближе, къ задней стѣнкѣ. Пріемъ умный. Чѣмъ ближе стоитъ клѣтка къ устью, тѣмъ больше улетитъ въ трубу пламени, и тѣмъ менѣе нагрѣвается сама печь.

Какъ же топится печь? Воздухъ тянется въ нее изъ избы къ огню, и разжигаетъ дрова.

Пламя поднимается отъ клѣтки двумя столбами, и бьетъ въ пяты свода; вмѣстѣ съ тѣмъ, пока дрова не разгорѣлись еще вполнѣ, пока шипятъ концы ихъ, и слышится трескъ, отдѣляется много дыма, который, клубясь подъ сводомъ, тянется къ устью, проходитъ подъ его дугой, и вылетаетъ въ трубу,—значитъ, во время топки въ печи два теченія: одно—воздуха извнѣ, внутрь печи, другое—дыма, по направленію обратному. Чѣмъ сильнѣе разгораются дрова, тѣмъ количество дыма становится больше и пламя объемистѣе, длиннѣе; его концы показываются въ устьѣ, и змѣйками несутся въ трубу, гдѣ, охлаждаясь, скоро гаснутъ. Часа чрезъ полтора топки, клѣтка рушится, и догораютъ головни. Ихъ внимательная хозяйка подгребаетъ кочергой ближе къ устью, чтобы выгорѣли они ровно, и не оставили въ загнетѣ головешекъ, а съ ними и угара. Когда горѣніе кончилось и не видать больше синихъ зайчиковъ, весь жаръ сгребается кочергой въ кучу, такъ называемую *загнету*, которая пригребается въ правый или лѣвый передній уголъ печи, приставляется затѣмъ заслонка, закрывается труба—и дѣло съ печью кончено.

Во время топки, т. е. пока горятъ дрова, жаръ отъ пламени передается кирпичу, который держитъ его и послѣ вытопки, и этимъ-то тепломъ русская печь варитъ и печетъ пищу, грѣетъ избу и, разумѣется, сама стынетъ по мѣрѣ того, какъ отдаетъ свое тепло, такъ-что на слѣдующій день надо снова топить ее.

Количество и качество дровъ имѣютъ прямое вліяніе на тепло печи: чѣмъ больше клѣтка и чѣмъ суше дрова, тѣмъ сильнѣе накаливается кирпичъ и тѣмъ выше самый жаръ печи, и наоборотъ, при меньшемъ числѣ полѣнъ и при сырыхъ дровахъ тепло печи слабѣе. Но любопытно то, что какъ бы мы ни вытопили русскую печь—явленія въ ней почти одни и тѣже: сначала, послѣ вытопки, жаръ стоитъ сильный; дерево, положенное въ печь, чернѣетъ, вода, вспрыснутая на подъ, катается шариками и испаряется быстро; но жаръ этотъ скоро спадаетъ, и часа черезъ четыре, много, пять, онъ сбавляется на половину, и потомъ печь начинаетъ стыть медленно, мало-помалу, утрачивая къ слѣдующему утру все тепло, которое было дано ей топливомъ. Разница въ нагрѣвѣ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ дровъ лучшаго или худшаго качества видна главнымъ образомъ въ первые часы послѣ вытопки: въ одномъ случаѣ—жаръ сильнѣе, въ другомъ—слабѣе, зато въ первомъ, печь стынетъ быстрѣе, такъ-что и при большой и малой кладкѣ дровъ часовъ черезъ пять тепло въ печи одинаково.

Само собою понятно, что здѣсь говорится о разницѣ въ числѣ полѣнъ, идущихъ въ топку, неслишкомъ значительной; два полѣна, напримѣръ, нельзя и сравнивать съ десяткомъ: они вовсе не нагрѣютъ печи.

Говоря о теплѣ печи, нельзя не замѣтить, что тепло это стоитъ въ ней неровно: всегда передняя половина не такъ жарка, какъ задняя, это оттого, что, спереди закрытая при устьѣ желѣзной заслонкой, она стынетъ скорѣе; сзади же кирпичная стѣнка удерживаетъ тепло болѣе. Загнета, пригребенная къ одному изъ переднихъ угловъ печи, тоже производитъ неровность, хотя вообще она мало уже даетъ тепла печи.

Во всякомъ случаѣ, какимъ бы количествомъ топлива ни нагрѣвали мы печь пріобрѣтеннымъ тепломъ, оказываетъ она обычныя услуги своему хозяину, варитъ и жаритъ пищу, печетъ хлѣбъ, па́ритъ квасъ и сусло, грѣетъ воду, грѣетъ избу или кухню.

М. Китпары.

II. Какъ прежде дѣлались печи въ курныхъ избахъ?

Печи въ курныхъ избахъ дѣлались прежде очень просто, безъ печника и даже кирпичей. Въ углѣ, назначенномъ для печи, устроивался деревянный опечекъ на деревянныхъ, врытыхъ въ землю столбахъ, возвышавшихся надъ поверхностью пола на аршинъ или четверти на три. Подобный опечекъ употребляется нерѣдко и теперь подъ кирпичныя печи, для избѣжанія расхода на покупку лишняго кирпича. На такомъ-то деревянномъ основаніи сбивали глиняную печь слѣдующимъ способомъ. Сперва дѣлали на обручахъ изъ досокъ сводъ, долженствующій составлять внутренность

печи; потомъ досками же обгораживали стороны обращеннаго внутрь избы мѣста, гдѣ должна быть воздвигнута печь. Въ это обгороженное кубическое пространство въ углу избы накладывали глину, нисколько не смачивая ея предварительно водою, а прямо въ томъ видѣ, какъ она вынута изъ ямы, и утаптывали ногами, и убивали чекмарями до тѣхъ поръ, пока вся печь складывалась въ одинъ плотный комъ. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а въ готовой печи, чтобъ ее просушить, немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается, и по истеченіи многихъ лѣтъ бываетъ такъ крѣпка, что иногда нужно употребить много усилій, чтобъ ее разрушить. *В. Селивановъ.*

4. Неудобство русской печи, и что отъ него происходитъ.

Русская печь не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію: если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и для приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы. Крестьяне это ясно видятъ, и вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, т. е. нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ долѣе горячій дымъ посредствомъ поворотовъ въ трубѣ задерживается въ печи, тѣмъ болѣе она даетъ теплоты, и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ передъ бѣлыми; кромѣтого, курныя избы удобнѣе, потому-что сухи; напротивъ, избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому-что печь не въ состояніи надлежащимъ образомъ нагрѣвать стѣны, и онѣ мокнутъ, осаживая влажность въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны: если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ; то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемыя пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и проч., а кругомъ заплѣснѣвшія гнилыя стѣны,— въ этихъ избахъ долженъ быть угаръ, и въ этомъ случаѣ дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собою вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи обыкновенно отворяются двери.

Все это причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ,—даже топятъ почерному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра, позволяютъ хозяину вполнѣ воспользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба.

Изчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожь не признать

ихъ весьма неудобными: онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неровною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но зато утромъ температура почти равняется уличной. *М. Барановичъ.*

5. Обыкновенное устройство избы.

Зодчество крестьянъ-земледѣльцевъ вообще очень несложно. Вкапываютъ въ землю четыре или восемь стульевъ, иногда обожженныхъ или обугленныхъ для прочности; на нихъ кладутъ въ основаніе вѣнецъ изъ толстыхъ бревенъ, потомъ срубятъ еще вѣнца три-четыре, и на нихъ кладутъ три переводины для мощенія пола. Еще три вѣнца, и уже ставятъ косяки для оконъ. Окна вышиною бываютъ отъ одного аршина до пяти четвертей, а шириною отъ одинадцати до 12 вершковъ. Надъ окнами опять продолжаютъ нарубать вѣнца четыре или вѣнцовъ пять, и на нихъ кладутъ балки, на которыя настилается накатникъ потолка. Выше потолка накладываютъ еще вѣнецъ, и уже въ него упираютъ стропила крыши; и вотъ изба вчернѣ готова. Если въ строеніе идетъ лѣсъ средней толщины, то рубится обыкновенно вѣнцовъ пятнадцать или шестьнадцать. Казалось бы, что, кода готовы стѣны, главное сдѣлано, и на дальнѣйшую отдѣлку избы лѣсу потребуется менѣе; но по замѣчанію крестьянъ, на внутреннюю выдѣлку пола, потолка, опечка, лавокъ, дверей, ставень и проч. лѣсу пойдетъ столько же, сколько было употреблено, чтобъ обставить срубъ кругомъ и сплошь бревнами въ одинъ рядъ. Выходитъ, что лѣсу, на окончательную отдѣлку, пойдетъ столько же, сколько и на избу вчернѣ.

Въ фасадѣ (см. с. 1) дѣлаютъ три или два красныхъ окна, и еще одно въ боковой, обращенной на дворъ стѣнѣ, иногда волоковое, т. е. небольшое, задвигающееся изнутри доскою. Въ стѣнѣ, отдѣляющей сѣни, по самой срединѣ вырубаютъ дверь; направо или налѣво отъ этой двери, въ заднемъ углу устроиваютъ деревянный опечекъ, на которомъ кладется печь, обращенная челомъ къ окнамъ передней стѣны. Благоразумные домохозяева дѣлаютъ опечекъ на особыхъ столбахъ, врытыхъ въ землю, независимо отъ стѣнъ избы и переводинъ пола, затѣмъ, чтобы давленіе всей груды печи не вредило избѣ; но другіе, даже и большая часть, всегда торопятся стройкой, и лѣнясь врыть особые столбы, устраиваютъ опечекъ на переводинахъ пола, врубая связи въ стѣну. Отъэтого не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ изба начинаетъ сильно осаживаться въ тотъ уголъ, гдѣ печь; углы начинаютъ расходиться, сквозь нихъ проходитъ духъ, они прѣютъ, гніютъ, и изба, не прослуживъ половины того, что могла бы простоять, покривясь на бокъ, скоро пропадаетъ. Желательно, чтобы вошло въ обычай становить опечки независимо отъ переводинъ пола, на особыхъ столбахъ или стульяхъ, и чтобъ между печью и стѣнами оставался промежутокъ, хотя бы въ поларшина ширины. Отъ угла печи до передней стѣны дѣлается въ просторныхъ избахъ легкая перегородка изъ тесу; она упирается въ простѣнокъ между среднимъ и крайнимъ окномъ, которое остается за перегородкою. Это отдѣленіе служитъ кухней, и потому занято горшками, ухватами, кочергами, сковородами, противнями и проч. Между печью и дверью перегородки устраиваются полочки въ родѣ открытаго шкафа, а противъ нихъ на длинномъ деревянномъ гвоздѣ или прямо къ балкѣ привѣшенъ рукомойникъ, подъ которымъ на полу стоитъ большая деревянная лоханка. Въ другомъ заднемъ углу, по другую сторону двери, придѣлываютъ къ стѣнкѣ кровать, которая въ праздники или во время родовъ задергивается ситцевымъ пологомъ, или занавѣсомъ съ колечками, нанизанными на веревочкѣ, протянутой отъ стѣны до столбика и угла кровати. Отъ кровати, по боковой стѣнѣ до угла, и по стѣнѣ подъ окнами до перегородки, тянутся лавки и коники; въ переднемъ углу полочка, уставленная образами, передъ которыми виситъ лампадка. По стѣнѣ иногда приклеены и прибиты картинки лубочнаго издѣлія, гравюры и литографіи дешеваго разбора, по большей части духовнорелигіознаго содержанія.

Въ углу подъ образами стоитъ столъ, съ выдвижнымъ ящикомъ, въ которомъ лежатъ ложки, ножъ и хлѣбъ. Отъ боковой, обращенной къ дверямъ, стороны и печи до противуположной стѣны надъ дверью и надъ кроватью, на аршинъ или полтора ниже потолка, настланы полати, на которыя взлѣзаютъ съ печи. Полати служатъ любимымъ мѣстомъ послѣобѣденнаго отдыха и ночлега для всѣхъ возрастовъ. Въ подпольѣ, гдѣ земля нѣсколько углублена, устро-

ивают ходъ изъ избы. Для этого поднимается одна или двѣ короткія доски въ полу. Въ подпольѣ лѣтнею порою ставятъ квасъ, молоко и все то, для чего нужна прохлада. Пчеловоды на зиму ставятъ туда пчелъ.

Къ задней дверной стѣнѣ пристроиваются сѣни, иногда съ чуланомъ и дверью, выходящею на лѣсенку крыльца. Изъ сѣней, противъ избенныхъ дверей, дверь въ свѣтелку, или вышку, небольшую холодную избу, которой полъ выше пола сѣней, и потому туда надобно входить тремя или четырьмя ступеньками. Въ свѣтелкѣ хранится все лучшее достояніе дома: стоятъ сундуки, развѣшено мужское и женское платье и проч. Подъ свѣтелкой и сѣнями катухи: въ нихъ помѣщаютъ свиней и другой мелкій скотъ.

Вотъ обыкновенное устройство избы крестьянина-земледѣльца; но бываютъ и исключенія: есть избы въ два этажа, а въ промышленныхъ селахъ за Окою нѣкоторые крестьянскіе дома имѣютъ видъ совершенно городскихъ построекъ. Тамъ народъ промышленный, а разбогатѣвшіе промыслами и въ земледѣльческой сторонѣ уѣзда иногда выстроиваютъ домики по образцу городскихъ домиковъ небогатаго мѣщанскаго сословія. *В. Селивановъ.*

6. Дворъ и усадьба.

Дворъ крестьянскій со всѣхъ сторонъ обносится плетневыми сараями, навѣсами и катухами. Для воротъ—толстыя дубовыя вереи; ворота тесовыя; подъ навѣсомъ и надъ воротами мѣдный крестъ или образокъ. Ворота на ночь запираются засовомъ. Въ задней сторонѣ двора—ворота на огородъ, садъ или конопляникъ; а далѣе гумно и рига составляютъ усадебное владѣніе крестьянина. Риги строятся изъ плетней, съ столбами, или сохами, поддерживающими крышу. Крестьяне убираютъ въ ригу значительную часть урожая; другая часть кладется на гумнѣ въ одонья. Противъ избы или по близости двора, если позволяетъ мѣсто, крестьяне строятъ небольшіе плетневые сараи, гдѣ они занимаются собираніемъ саней, телегъ, колесъ, сколачиваніемъ и починкою кадушекъ, для продажи по заказу, или только для своего дома. Трудолюбивый мужичокъ, исключая только рабочую пору, все себѣ что-нибудь тамъ ковыряетъ да постукиваетъ; анъ глядишь, подчасъ и заработаетъ хоть на соль: и то хорошо. *В. Селивановъ.*

7. Время для деревенскихъ построекъ.

Для значительныхъ деревенскихъ построекъ есть въ году три эпохи. Первая, самая ранняя,—Великимъ постомъ до Святой недѣли; вторая—послѣ Святой до покоса или начала уборки, а третья—послѣ уборки хлѣба и до зимы. Хотя крестьяне-земледѣльцы всѣ

болѣе или менѣе владѣютъ топоромъ, но за рѣдкими исключеніями, они плохіе плотники. Лучшіе плотники въ нашемъ краю (т. е. въ зарайскомъ уѣздѣ рязанской г.: авторъ описываетъ югозападную половину этого уѣзда) считаются крестьяне села Кузминскаго, рязанскаго уѣзда, мещеряки и плотники егорьевскаго уѣзда. Небольшими артелями они ходятъ по деревнямъ въ означеное время, и кому нужно построить избу съ выдѣлкой, или срубить только срубъ, то ихъ и подряжаютъ. Самую дешевую и сходную цѣну они берутъ Великимъ постомъ, потому-что дни съ начала Великаго поста не такъ еще длинны, стало-быть много заработать и нельзя. Ктомужъ это, можно сказать, починная въ году работа, да и строиться въ это раннее время года не много бываетъ охотниковъ. Лѣтомъ и осенью плата несравненно дороже. Съ крестьянъ плотники берутъ во всякое время дешевле, нежели съ помѣщиковъ; потому-что къ первымъ они нанимаются на хозяйскихъ харчахъ, т. е. хозяинъ долженъ ихъ кормить, давать имъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ и хлѣбъ когда бы они ни захотѣли.

В. Селивановъ.

8. Пища рязанскихъ крестьянъ.

Обыкновенно пища рязанскихъ крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ вседневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдней часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ; въ праздникъ пекутъ изъ ржаной муки съ примѣсью пшеничной такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны или просто молока; о заправѣ щей мукою, масломъ и крупами немногіе имѣютъ понятіе, и потому они выходятъ жидки и невкусны, вполнѣ суровыя. Каша бываетъ гречневая и пшенная, молочная и съ постнымъ масломъ или толченымъ конопляннымъ сѣменемъ во время постовъ; употребленіе каши уже служитъ признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается до мясной иищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще менѣе; въ общемъ употребленіи она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина и севрюжина, и свѣжая: плотица, окунь, ершъ, пискарь, язь, касарь, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи, по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма пи-

тательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; а въ сѣверныхъ уѣздахъ объ нихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи, безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ не разбирая, зрѣлы ли онѣ, или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы.

Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служатъ болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который также, какъ и яичница, подается къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ приготовленіемъ пищи крестьяне незнакомы, развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной, количество съѣдамой пищи, можно сказать, удвоивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда напротивъ крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ; и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ: въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ-что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Къ довершенію всего, часто у крестьянъ къ этому времени недостаётъ даже хлѣба, и онъ прибѣгаетъ къ займамъ, или для насущнаго пропитанія молотитъ рожь еще незрѣлую». *М. Баранович.*

9. Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза?—Церковь.

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольню ты еще версты за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ; ни на одинъ домъ она не похожа, и больше всѣхъ домовъ. Ни въ одинъ домъ не пойдутъ міряне со всего села, а въ церкви мѣсто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ равно предстоятъ предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили. Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу. Близко церкви тебя похоронятъ. Словомъ, что бы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во всемъ участвуетъ, и во всемъ тебѣ помогаетъ церковь,—и не тебѣ одному: посмотри, во-

кругъ церкви лежатъ отцы твои, дѣды и прадѣды. Всѣ они въ церкви крестились, женились, приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились, гдѣ ты молишься.

Стало-быть, церковь не то, что всякой другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божію всѣ входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и неродня, и други и недруги; и часто враги, предстоя въ одно время предъ престоломъ Божіимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ.

10. Объ устройствѣ св. храма, или церкви.

I. Понятіе о храмѣ.

Слова—*храмъ* и *церковь* собственно отличны одно отъ другаго: первое означаетъ зданіе, а послѣднее—общество христіянъ. Но слово—церковь употребляется часто въ значеніи храма съ самыхъ древнихъ временъ и, вѣроятно, на основаніи св. писанія (Матѳ. XXI, 12. 23. Іоан. II, 14. 19. 20): послѣднее значеніе церкви повсемѣстно усвоено и русскимъ народомъ. Итакъ храмомъ, или церковію, называется освященное зданіе, въ которое собираются христіяне для поклоненія Богу и совершенія таинствъ.

II. Различные виды и части храмовъ.

Съ древнихъ временъ храмы устроялись не одинаковымъ образомъ. Иногда давали имъ видъ продолговатый, подобный кораблю (такова была софійская церковь въ Константинополѣ), иногда—круглый (напр. константинова церковь на гробѣ Господнемъ), или осмиугольный (Церковь въ Назіанзѣ, построенная отцемъ св. Григорія Богослова), а иногда—крестообразный (констант. ц. св. апостоловъ). Входъ въ церковь былъ большею частію съ запада, и главныя части располагались вездѣ одинаково, именно: первая часть (со входа) называлась *притворомъ*, или *трапезою*, вторая—*настоящею* или собственно *церковію*, а третья—*алтаремъ*.

III. О притворѣ.

Притворовъ было два: *внѣшній* и *внутренній*. Внѣшній, называемый нынѣ *папертію*, назначался для кающихся грѣшниковъ, которые на нѣкоторое время отлучаемы были отъ церкви; здѣсь же стояли сосуды съ водою для омовенія рукъ и лица входящихъ во храмъ. Въ притворъ внутренній вносили тѣла умершихъ для ихъ отпѣванія; здѣсь же находились заклинатели, оглашенные и кающіеся, которымъ позволялось слушать поученія и чтенія изъ св. пи-

санія. Сюда могли даже входить язычники, іудеи, еретики и раскольники.

IV. О НАСТОЯЩЕЙ, ИЛИ ЦЕРКВИ.

Въ настоящую, или собственно церковь, входили изъ притвора такъ-называемыми *красными вратами*, при которыхъ греческіе императоры слагали съ себя корону и оружіе, когда приходили въ церковь въ полномъ облаченіи. Эта часть назначена исключительно для вѣрныхъ, и раздѣлялась на двѣ половины—для мужчинъ и женщинъ. Впрочемъ это раздѣленіе введено уже послѣ временъ апостольскихъ, и существовало недолго. Противъ алтаря устроялось возвышенное мѣсто, называемое *амвонъ*, съ котораго чтецы и діаконы давали знать народу о времени молитвъ и пѣснопѣній. Ближе къ сторонѣ мужчинъ дѣлалось другое возвышеніе—*солéа*, или престолъ для государей. Но впослѣдствіи стали называть этимъ именемъ всю возвышенность, на которой находится алтарь. *Клиросы*, или мѣста для пѣвчихъ, въ передней части церкви начали отдѣлять уже съ того времени, когда введено въ употребленіе антифонное, или перемѣнное пѣніе.

V. ОБЪ АЛТАРѢ.

Алтарь, какъ важнѣйшая часть храма, устрояется выше церкви нѣсколькими ступенями, съ которыхъ въ древнія времена говорили поученія и причащали вѣрующихъ. Онъ назначенъ собственно для священнослужителей, а мірянамъ входить въ него запрещено, въ особенности женщинамъ. Сначала алтарь отдѣлялся отъ церкви одною завѣсою; а потомъ стали дѣлать *преграду*, называемую *иконостасомъ*. Въ иконостасѣ устрояются обыкновенно трои двери, изъ коихъ среднія называются у грековъ *святыми*, а у насъ—*царскими вратами*, потому-что открываютъ входъ къ престолу небеснаго Царя.

Главныя принадлежности алтаря суть: престолъ и жертвенникъ.

Престолъ есть освященный и покрытый приличными одеждами столъ, на которомъ поставляются и освящаются Дары. Онъ изображаетъ то мѣсто, на которомъ Іисусъ Христосъ совершилъ съ учениками своими таинственную вечерю. Въ нѣкоторыя времена литургіи престолъ означаетъ еще садъ іосифовъ, въ которомъ погребено тѣло Господа, также—сѣдалище Его, какъ Царя славы.

На престолѣ находятся: антиминсъ, евангеліе, крестъ и дарохранительница (ковчегъ).

Антиминсъ, или *вмѣстопрестоліе*, есть освященный платъ, на которомъ изображается положеніе во гробъ тѣла Іисуса Христа, и который распростирается только во время литургіи для поставленія на немъ Даровъ.—По церковнымъ правиламъ, одинъ епископъ имѣетъ

ГОСУДАРСТВ. ЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

право освящать церкви; но какъ онъ невсегда находитъ удобство къ этому, то освящаетъ антиминсъ и посылаетъ въ новоустроенную церковь съ дозволеніемъ совершить освященіе ея пресвитерамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, антиминсъ, съ подписью епископа, служитъ нѣкотораго рода свидѣтельствомъ, что въ извѣстной церкви священнослуженіе позволено. Въ антиминсахъ полагаются частицы мощей мученическихъ, въ воспоминаніе того, что храмы въ древности сооружаемы были преимущественно на мѣстахъ погребенія мучениковъ. Въ таинственномъ смыслѣ антиминсъ означаетъ плащаницу, которою повито было тѣло умершаго Господа.

Евангеліе находится на престолѣ длятого, чтобы изображать присутствіе самаго Іисуса Христа, какъ Учителя истины.

Крестъ изображаетъ присутствіе Іисуса Христа, какъ Искупителя нашего.

Дарохранительница, или *ковчегъ*, есть сосудъ, назначенный для храненія такъ-называемыхъ запасныхъ Даровъ, которыми причащаютъ больныхъ. Онъ поставляется на престолѣ, какъ на единственно-приличномъ мѣстѣ для святыни.

Жертвенникъ устрояется на лѣвой сторонѣ отъ престола, и большею частію имѣетъ одинаковый съ нимъ видъ. Назначеніе жертвенника—быть мѣстомъ приготовленія Даровъ, освящаемыхъ въ жертву Богу. Въ таинственномъ смыслѣ онъ означаетъ *вертепъ*, въ которомъ родился Спаситель, и *Голгову*, на которой Онъ распятъ; потому-что во время проскомидіи, надъ приготовляемыми Дарами воспоминаются какъ рожденіе, такъ и страданіе Іисуса Христа. Въ первенствующей церкви жертвенникъ находился въ особомъ отъ алтаря отдѣленіи, которое называлось *предложеніемъ*, и въ которое народъ приносилъ свои дары—хлѣбъ, вино, елей и проч. *.

Противъ предложенія, на правой сторонѣ алтаря, въ древнихъ храмахъ устроялось (во многихъ и нынѣ устрояется) другое отдѣленіе, въ которомъ хранились священные сосуды, одежды, книги и прочія вещи, необходимыя для богослуженія, и которое называлось поэтому *сосудохранилищемъ*, или *діаконикою*, потому-что церковную утварь хранили діаконы.

Противъ престола, у восточной стѣны алтаря, въ нѣкоторыхъ церквахъ (преимущественно соборныхъ) издревле устроялось и нынѣ устрояется возвышенное сѣдалище, называемое *горнимъ мѣстомъ*, на которомъ сидитъ епископъ во время чтенія апостола, и стоитъ во время чтенія евангелія. Первоначальное назначеніе горняго мѣста было то, чтобы пастыри Христова стада на возвышеніи удобнѣе могли обозрѣвать христіянъ, присутствующихъ во храмѣ и ви-

---

* Названіе предложенія заимствовано отъ стола ветхозавѣтной Скиніи, на которомъ находились двѣнадцать *хлѣбовъ предложенія*.

дѣть ихъ вниманіе при чтеніи слова Божія, а христіяне чтобы удобнѣе видѣли и явственнѣе слышали своихъ пастырей.

Сверхътого, необходимою принадлежностію храмовъ Божіихъ поставляется нынѣ украшеніе стѣнъ иконами, а потребностію богослуженія—освѣщеніе восковыми свѣчами и лампадами и кажденіе.

Изображенія святыхъ на стѣнахъ храма дѣлали уже въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.—Воззрѣніемъ на св. иконы христіяне возбуждаютъ въ себѣ и поддерживаютъ молитвенное настроеніе духа, а поклоненіемъ предъ ними и лобзаніемъ ихъ выражаютъ благовѣйную любовь къ Богу и Святымъ, на иконахъ изображеннымъ. На первомъ мѣстѣ въ иконостасѣ, съ правой стороны царскихъ вратъ, поставляется обыкновенно образъ Спасителя; на лѣвой сторонѣ, на первомъ же мѣстѣ,—образъ Пресв. Богородицы; поверхъ царскихъ вратъ—изображеніе Тайной вечери, а на самыхъ вратахъ—Благовѣщеніе Пресв. Богородицы и четырехъ евангелистовъ. Размѣщеніе прочихъ иконъ иногда подчиняется нѣкоторымъ преданіямъ церковнымъ, иногда же зависитъ отъ воли настоятеля и строителей храма.

Освѣщеніе издревле употреблялось въ церкви частію по примѣру Скиніи Свидѣнія, гдѣ ежедневно возжигаемы были лампады во святилищѣ (Исх. 30, 8), частію по необходимости, потому-что съ начала христіянства, особенно во время гоненій, вѣрующіе отправляли богослуженіе большею частію ночью.—Сверхътого, освѣщеніемъ выражается торжество Церкви и духовная радость вѣрующихъ. «Въ домѣ Божіемъ», говоритъ бл. Августинъ, «непрестанный праздникъ, вѣчная радость. Тамъ лики ангеловъ, тамъ свѣтъ лица Божія». Чѣмъ важнѣе праздникъ, тѣмъ обильнѣе бываетъ освѣщеніе.

Кажденіе вошло въ употребленіе церковное также изъ ветхозавѣтнаго богослуженія и обычаевъ жизни восточныхъ народовъ. Въ числѣ лучшихъ приношеній Божеству издревле считались благовонныя куренія. Церковь христіянская освятила этотъ древній обычай духовнымъ знаменованіемъ. Куреніе ѳиміама, по изъясненію св. отцевъ, знаменуетъ благоуханіе усердныхъ молитвъ нашихъ, также—благодать Святаго Духа, таинственно услаждающую наши души. Кажденіе престола, жертвенника, иконъ означаетъ почтеніе къ нимъ, а кажденіе предстоящихъ совершается для ихъ освященія.

Протоіерей И. Рождественскій.

11. Почва.

1. Что такое почва и подпочва?

Подъ названіемъ почвы разумѣютъ земледѣльцы мѣсто укорененія растеній и тотъ слой земной поверхности, въ которомъ сіи

послѣднія находятъ нужную для ихъ произрастанія пищу. Практическіе земледѣльцы часто стѣсняютъ еще болѣе смыслъ этого слова, обозначая подъ именемъ почвы тотъ только слой, который доступенъ земледѣльческимъ орудіямъ, который можно вспахать, сборонить. Все то, что находится ниже этого слоя, называется *подпочвою*, и эта подпочва часто по своимъ признакамъ значительно отличается отъ верхняго слоя, то есть отъ почвы.

II. Различіе почвы по ея составу.

Почвы бываютъ весьма различны по свойствамъ своимъ, по ихъ цвѣту, по состоянію сцѣпленія, по различной способности воспринимать дѣйствіе воздуха, воды и теплоты. Земледѣльцы выражаютъ понятіе свое объ этомъ предметѣ слѣдующими словами: земля сухая и мокрая, теплая и холодная, твердая и рыхлая, тяжелая или легкая, или еще проще, однимъ словомъ, глинистая и песчаная, ибо нѣтъ сомнѣнія, что отъ большей или меньшей примѣси глины и песку въ земляхъ зависятъ ихъ различныя физическія свойства, ихъ различное сцѣпленіе, теплопроводимость. И вотъ почему раздѣленіе почвъ на глинистыя и песчаныя, какъ самое простое и естественное, укоренилось въ общежитіи, и тѣмъ болѣе, что большая часть земель принадлежитъ къ одному изъ двухъ упомянутыхъ разрядовъ.

1. *Глинистая почва* отличается вязкостію и плотностію своею. Взрываемая въ сыромъ состояніи, она отваливается слипшимися глыбами, и сама по себѣ не разсыпается; высыхая, она крѣпнетъ, дѣлается твердою на подобіе камня.

Посмотримъ сначала, легко ли обработывать эту почву земледѣльческими орудіями, а потомъ укажемъ, какъ воспринимаетъ она дѣйствіе воды, теплоты и воздуха.

а. *Относительно обработки* этой почвы, должно замѣтить, что взрывать ее, пахать и боронить очень затруднительно: когда она мокра, въ ней вязнетъ рабочій скотъ, она прилипаетъ къ орудіямъ и препятствуетъ легкости ихъ хода; напротивъ того очень засохшая глинистая почва бываетъ слишкомъ тверда длятого, чтобъ взрывать и вспахивать ее сохою или плугомъ, притомъ и слишкомъ крѣпка длятого, чтобы раздроблять ее бороною. Вотъ почему эту почву называютъ тяжелою. Не потому, слѣдовательно, она получила это названіе, чтобы ея удѣльный вѣсъ былъ больше песчаныхъ, напротивъ того она менѣе вѣситъ; но тяжела она потому, что съ трудомъ лишь доступна земледѣльческимъ орудіямъ и для того-то во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ находятся глинистыя почвы, земледѣльческія орудія болѣе подвержены порчѣ. Этого мало, нужно держать тамъ въ большемъ количествѣ лошадей или воловъ, болѣе движущей силы для обработки земли, ибо для всякой полевой ра-

боты, будь это паханіе или бороньба, нужно употребить всегда тѣмъ болѣе времени и капитала, чѣмъ болѣе глины находится въ землѣ.

b. Глинистыя почвы вбираютъ въ себя много воды; но не пропускаютъ ея сквозь себя, отъ чего случаются на поверхности такихъ почвъ водяные застои, вредные для произрастанія многихъ растеній. Глинистая почва медленно высыхаетъ: оттого весною она поспѣваетъ къ обработкѣ позже другихъ; въ сухіе напротивъ годы долѣе прочихъ сохраняетъ нужную влагу.

Это свойство глинистой почвы медленно высыхать и долго удерживать въ себѣ воду служитъ причиною того явленія, всѣми вами замѣченнаго, что столбовыя или проселочныя дороги, которыя тянутся по глинистымъ почвамъ, бываютъ обыкновенно весьма дурны. Тѣ изъ васъ, которымъ случалось осенью, весною или лѣтомъ послѣ спльнаго дождя ѣхать изъ Москвы въ Подольскъ, вязнуть на протяженіи 35 верстъ по нѣскольку разъ, тѣ имѣли вѣроятно и время и досугъ узнать на дѣлѣ, что такое водяные застои, и каковы свойства глинистыхъ почвъ.

c. Глинистыя почвы не такъ сильно нагрѣваются и охлаждаются, какъ песчаныя земли, не скоро проводятъ теплоту, и вотъ почему называются онѣ холодными, сырыми. Въ странахъ, гдѣ климатъ умѣренъ, гдѣ не бываетъ ни сильныхъ жаровъ, ни холода, какъ напр. въ Англіи или Шотландіи, тамъ медленное воспріятіе температуры землями считается дурнымъ признакомъ, ибо растеніе требуетъ много времени, продолжительнаго лѣта, чтобы созрѣть вполнѣ. Вотъ причина, почему теперь въ Великобританіи хозяева и государственные люди такъ дѣятельно заботятся, чтобы осушить глинистыя тамошнія почвы, чтобы провести подъ землею густую сѣть каналовъ, которые собирали бъ лишнюю воду, удаляли бы ее изъ земли, и дѣлали бъ такимъ образомъ почвы болѣе способными къ воспріятію дѣйствій теплоты. Въ Россіи при нашемъ климатѣ, при обыкновенныхъ сильныхъ морозахъ, какіе бываютъ зимою, а равнымъ образомъ при сильныхъ жарахъ, ощущаемыхъ такъ часто лѣтомъ, при этихъ крайностяхъ температуры, хорошо имѣть глинистую почву, ибо лѣтомъ она менѣе терпитъ отъ жару, а зимою удобнѣе сохраняется въ морозы.

d. Глинистыя почвы отличаются тѣмъ, что воздухъ проходитъ въ нихъ трудно, отъ чего находящіяся въ землѣ питательныя разныя начала не скоро разлагаются: вотъ причина, отъ чего глинистыя земли не нужно такъ часто унавоживать, какъ песчаныя, отъ чего удобрительныя матеріи почвъ, разлагаясь медленнѣе, долѣе въ нихъ сохраняются, и отъ чего разрыхленіе этихъ почвъ, умноженіе точекъ соприкосновенія съ воздухомъ увеличиваетъ обыкновенно ихъ производительность.

Всѣ упомянутые признаки глинистой почвы бываютъ тѣмъ яв-

ственнѣе, чѣмъ больше находится въ ней глины, чѣмъ меньше песку или извести.—Въ земляхъ, состоящихъ изъ одной лишь глины, не можетъ быть никакой растительности — нужно непремѣнно извѣстную примѣсь песку, дабы сдѣлать почву рыхлѣе, доступнѣе вліяніямъ воздуха, который играетъ такую важную роль въ питаніи растеній, въ оплодотвореніи земли. Этого песку хотя и бываетъ въ почвахъ до 30 и даже 40 процентовъ; всетаки почвы называются еще глинистыми.

Чтобы все сказанное сильнѣе врѣзалось въ вашей памяти, повторимъ въ нѣсколькихъ словахъ главнѣйшіе признаки глинистыхъ земель, и покажемъ, чѣмъ онѣ способствуютъ произрастанію растеній и чѣмъ вредятъ.

Глинистыя почвы удерживаютъ въ себѣ влагу, а слѣд. въ сильные жары не столько страждутъ отъ продолжительной засухи; худою проводимостію теплоты предохраняютъ корни растеній отъ вреднаго вліянія быстрыхъ перемѣнъ температуры, и по этой причинѣ урожаи на глинистыхъ почвахъ менѣе подвержены случайностямъ; дольше удерживаютъ въ себѣ дѣйствіе навозовъ: вотъ чѣмъ онѣ способствуютъ произрастанію.

Глинистыя земли задерживаютъ воду на поверхности земли, а потому весною, при таяніи снѣга, часто бываютъ причиною вымочекъ и того еще явленія, что растенія не могутъ надлежащимъ образомъ созрѣть; неудобопроходимы для воздуха, отъ чего находящіеся въ землѣ питательные соки не скоро разлагаются и превращаются въ растительную пищу; затрудняютъ обработку земли, какъ въ сухое, такъ и дождливое время; наконецъ, во время засухи онѣ растрескиваются, причемъ корни растеній обнажаются и тончайшія ихъ вѣточки разрываются: вотъ чѣмъ глинистыя почвы вредятъ произрастанію.

Глинистая почва, если она тепла и хорошо обработана, пригодна для разведенія озимой пшеницы, овса и бобовъ.

2. *Песчаныя почвы* очень рыхлы и сыпучи; смоченныя водою, онѣ слабо слипаются, и высыхая, снова разсыпаются; недостатокъ вязкости составляетъ главный признакъ песчаной почвы и этотъ признакъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ меньше въ землѣ находится глины.

a. Песчаную почву можно легко пахать и боронить какъ въ сухое, такъ и въ мокрое время, потому-что она не прилипаетъ къ земледѣльческимъ орудіямъ, и вотъ почему ее называютъ легкою, вотъ почему она требуетъ менѣе труда, менѣе движущей силы и капитала для обработки.

b. Песчаная почва мало принимаетъ въ себя воды, зато очень удобно пропускаетъ ее сквозь себя. На песчаныхъ почвахъ не случается ни водяныхъ застоевъ, ни вымочекъ. Въ сухіе годы на ней бываетъ совершенный недостатокъ влаги, и растенія засыхаютъ.—Такія почвы въ южныхъ климатахъ Европы, въ Италіи, Испаніи,

требуютъ непремѣнно орошенія, безъ чего эти почвы оказываются совершенно безплодными, въ сѣверныхъ же странахъ, въ особенности въ мокрые годы, на такихъ почвахъ прозябеніе идетъ хорошо, потому-что лишняя вода удобно вбирается въ песокъ, и не отягчаетъ растеній.

c. Песчаныя почвы скоро и сильно нагрѣваются, въ особенности если онѣ темнаго цвѣта; быстрота ихъ нагрѣванія и охлажденія зависитъ отъ ихъ цвѣта, а степень жара отъ величины зерна: чѣмъ крупнѣе, хрящеватѣе песокъ, тѣмъ онъ сильнѣе нагрѣвается.— Въ тѣхъ странахъ, гдѣ песокъ состоитъ изъ весьма мелкихъ частицъ, тамъ земля медленнѣе нагрѣвается, медленнѣе выпариваетъ лишнюю воду, въ ней заключенную, и потому дольше выдерживаетъ въ себѣ влажность. Такія почвы находятся на значительномъ протяженіи въ Англіи. У насъ песчаныя почвы не столько надежны бываютъ въ полученіи урожая, какъ глинистыя.—Всѣ перемѣны воздуха, сырость и сухость, теплота и холодъ, происходятъ въ нихъ быстрѣе, а потому и укореняющіяся въ нихъ растенія болѣе подвержены вліянію засухи и морозовъ.

d. Эти почвы замѣчательны въ томъ отношеніи, что по рыхлости своей воздухъ легко въ нихъ проникаетъ; оттого находящіяся въ почвѣ питательныя разныя начала, въ особенности навозы, скорѣе разрушаются, согниваютъ, отъэтого-то полезно бываетъ такія земли менѣе разрыхлять, напротивъ того стараться по возможности укрѣплять ихъ, увеличивать ихъ сцѣпленіе.

Всѣ эти качества, какъ сыпучесть, легкость, также и проводимость теплоты, возрастаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе въ землѣ количество песку и меньше глины или другихъ составныхъ частей.

Повторимъ еще разъ, чѣмъ песчаныя почвы способствуютъ и чѣмъ вредятъ произрастанію растеній.

Способствуютъ произрастанію: безсвязностію частицъ своихъ, отъ чего легко доходитъ къ нимъ воздухъ, отъ чего почва не растрескивается, не обращается въ трудноразбробляемыя глыбы, не терпитъ отъ вымочекъ.

Въ излишествѣ вредятъ произрастанію: потому-что сіи почвы легче другихъ истощаются; потому-что будучи очень удобопроходимы для воздуха, онѣ подвергаютъ корни растеній вредному вліянію быстрыхъ перемѣнъ температуры; сверхътого, нагрѣваясь сильно, ускоряютъ испареніе воды, и тѣмъ значительно уменьшаютъ плодородіе почвы, лишая растеній необходимой для ихъ жизни влаги.

Изъ хозяйственныхъ растеній на песчаныхъ почвахъ всего лучше удается рожь, а потому ихъ называютъ также ржаными; кромѣтого на нихъ хорошо родятся овесъ, ячмень, греча, картофель и бѣлая рѣпа. Урожаи на нихъ обыкновенно бываютъ не слишкомъ велики.

Между глинистыми и песчаными почвами находится рядъ зе-

мель, получившихъ различное названіе и отличающихся между сосою тѣмъ, что содержатъ въ различныхъ только пропорціяхъ главнѣйшія составныя свои части: песокъ и глину.—Тѣ земли, которыя извѣстны у насъ подъ названіемъ *суглинистыхъ* (пригодныхъ особенно для ячменя), ближе подходятъ къ глинистымъ почвамъ, чѣмъ къ песчанымъ (онѣ содержатъ отъ 30 до 50% глины); напротивъ того, тѣ почвы, которыя по уменьшенной вязкости своей приближаются болѣе къ песку, насыпатся *супесчаными* (въ нихъ находится глины не болѣе какъ 20 или 30 процентовъ).

3. Между этихъ двухъ родовъ почвы есть еще такъ-называемыя *среднія*, которыя тѣмъ характеризуются, что въ отношеніи обработки своей, способности вбирать и пропускать воду, воспринимать дѣйствіе теплоты, имѣютъ онѣ среднія свойства между глинистыми и песчаными почвами, отъ чего и произошло ихъ названіе. Для воздѣлыванія онѣ самыя удобныя.

4. Кромѣ этихъ трехъ почвъ у насъ гораздо болѣе распространенъ четвертый родъ земель, называемый *черноземомъ*. Эта почва встрѣчается преимущественно въ Россіи, на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ миль во всѣхъ почти юговосточныхъ губерніяхъ имперіи.

Главнѣйшіе физическіе признаки этой земли состоятъ въ томъ, что она темнаго, чернаго цвѣта, что сильно втягиваетъ въ себя изъ воздуха воду, болѣе удерживаетъ ее, труднѣе отдѣляетъ отъ себя, нежели прочія почвы, сверхътого разрыхляетъ глинистую землю, дѣйствуя на нее не только химически, но еще и механически, то есть внѣдряясь между частицами глины и раздѣляя ихъ между собою, наконецъ черноземъ нагрѣвается сильно и скоро, и полученную теплоту теряетъ медленно. Но важнѣйшій, отличительнѣйшій характеръ этой почвы состоитъ въ томъ, что она оказывается плодороднѣе многихъ другихъ земель. Не только наука, но и простое наблюденіе хозяевъ учитъ, что въ этой почвѣ находятся въ изобиліи остатки нѣкогда жившихъ растеній и животныхъ.

Черноземныя почвы въ Россіи — это важнѣйшій источникъ нашего богатства, это тоже, что каменный уголь въ Англіи, драгоцѣннѣйшій даръ природы.

Когда русскій земледѣлецъ, привыкшій къ своему степному хозяйству, къ необыкновенному богатству своей почвы, переселяется въ Англію или Бельгію, гдѣ земли несравненно бѣднѣе, чѣмъ у насъ, гдѣ нужно имѣть значительные капиталы, чтобы поддержать производительность полей; когда, проѣзжая чрезъ Фландрію, встрѣчаетъ онъ по всѣмъ дорогамъ сотни, тысячи мальчиковъ и стариковъ, которые съ корзинками въ рукахъ собираютъ всевозможныя изверженія, приносятъ ихъ домой, складываютъ въ особые сосуды, герметически запираемые, подвергаютъ ихъ особенному процессу гніенія, и потомъ равномѣрно распредѣляютъ

по полямъ, и со всевозможнымъ тщаніемъ удобряютъ земли свои, которыя безъ этого не были бы въ состояніи пропитать десяти тысячъ людей, тѣснящихся на одной квадратной милѣ; когда, говорю, этотъ хозяинъ вспомнитъ свои степи, свою разгульную жизнь и хозяйство, вспомнитъ, что у него сѣютъ пять и шесть разъ съ ряду колосовые хлѣба, что жгутъ немилосердно навозъ и солому, что земли въ теченіе столѣтій никогда не удобряются, и не смотря на то, даютъ еще часто превосходные урожаи, густо покрываются пшеницею и другими хозяйственными растеніями: тогда въ его груди возникаетъ невольно чувство благодарности къ Провидѣнію, которое такъ щедро одарило его отечество тучною, богатою почвою, которое дало ему въ удѣлъ такое драгоцѣнное сокровище. Но пусть къ этому чувству присоединится еще другое, а именно то, что мы достойны этого дара, что мы не употребимъ его во зло, не истощимъ его, что оставимъ его для будущихъ поколѣній, что этотъ даръ не будетъ у насъ тѣмъ, чѣмъ было мексиканское золото въ Испаніи, причиною лѣности и безпечности, которыя превратили золотые рудники Америки въ источники ужаснѣйшей бѣдности. Нѣтъ, мы надѣемся и будемъ стремиться къ тому, чтобъ нашъ черноземъ, этотъ неоцѣненный даръ природы, былъ у насъ тѣмъ, чѣмъ каменный уголь въ Англіи, источникомъ труда и предпріимчивости, которые одни только придаютъ жизнь и движеніе каждому богатству, которые одни лишь развиваютъ производительныя силы государства, и безъ которыхъ самыя даже глыбы золота и кучи алмазовъ остаются мертвымъ, безжизненнымъ, скоро изсякающимъ капиталомъ.

Черноземныя почвы находятся на значительномъ протяженіи въ Россіи, преимущественно въ юговосточной полосѣ имперіи; начиная отъ каменецъ-подольской губерніи, отъ Новороссійскаго края, тянутся онѣ чрезъ Малороссію на сѣверъ до 54° и 55° сѣв. широты, откуда направляются онѣ чрезъ тамбовскую, пензенскую, симбирскую и другія губерніи, житницы нашей столицы, къ востоку простираясь между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью, по лѣвому берегу Волги, а потомъ приближаясь къ цѣпи Уральскихъ горъ, онѣ стелются нѣсколько южнѣе горнозаводской нашей страны, на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ миль. Большіе пласты чернозема находятся въ оренбургской губерніи вокругъ Уфы, и потомъ во всей почти югозападной Сибири. *Яр. Линовскій.*

III. СПОСОБЫ РАСПОЗНАВАТЬ ПОЧВЫ.

Всякій хозяинъ-земледѣлецъ долженъ умѣть распознавать почвы, на которыхъ ему приходится дѣлать посѣвы. Спрашивается, какимъ же образомъ онъ можетъ достигнуть этого? Наука указываетъ намъ для этого различныя средства; но всѣ они не доступны про-

стому земледѣльцу, который не въ состояніи пріобрѣсть необходимыхъ для этого свѣдѣній. Есть однакоже болѣе простые и довольно удовлетворительные способы, съ помощію которыхъ каждый, даже неученый хозяинъ, можетъ опредѣлить, къ какому изъ упомянутыхъ главныхъ разрядовъ принадлежитъ его почва, а узнавъ это, онъ уже не будетъ затрудняться въ выборѣ растеній, которыя на ней можно съ успѣхомъ разводить, и будетъ знать, нужно ли ее удобрять, въ какомъ количествѣ и какимъ тукомъ.

Весьма часто можно судить о составѣ и свойствахъ почвы уже по одному ея наружному виду, по цвѣту, запаху и такъ далѣе. Если она бѣлаго цвѣта, то это служитъ признакомъ, что въ ней находится много гипса или извести; если она желтоватаго или красноватаго цвѣта, то въ ней есть желѣзо, смѣшанное съ глиною или известью; темно-бурый или черноватый цвѣтъ указываетъ на содержаніе въ ней чернозема. Если почва на ощупь нѣжна и походитъ на мыло, то изъ этого можно заключить, что въ ней много глины; если же она зерниста и жестка, хруститъ, когда ее растирать между пальцами, то въ ней есть песокъ. Если на нее капнуть уксусомъ, крѣпкою водкою или сѣрною кислотою, и она при этомъ сильно шипитъ; то это служитъ доказательствомъ того, что она содержитъ известь или мергель. Глинистыя почвы издаютъ запахъ глины, если на нихъ подышать; песчаныя и известковыя почвы не имѣютъ никакого запаха.

Составъ почвы можно узнавать также по тѣмъ растеніямъ, которыя растутъ на ней сами собою. Извѣстно напримѣръ, что сосна растетъ преимущественно на пескѣ, а дубъ на черноземѣ. Но лучше всего можно узнать это по дикорастущимъ на ней травамъ. На песчаныхъ почвахъ встрѣчаются всего чаще: полевая ромашка, песчецъ, богородская трава, толстушка, кошечья лапка; на глинистыхъ почвахъ: дятлина, буркунчикъ, цикорій, ржанецъ; на суглинистыхъ: глашникъ или лисій хвостъ, бѣлая кашка, журавлиный горохъ, змѣиная трава; на известковыхъ почвахъ: ежевика, иванъ-да-марья, желтуха, макъ; на мергелистыхъ дикій шалфей, мать-и-мачиха, волча; на черноземной: лебеда, тысячелистникъ; на торфянистыхъ почвахъ: вереск, мхи, осока, хвощъ, лютикъ, пушица и другія.

Наконецъ, третій простой способъ распознавать составъ почвъ состоитъ въ слѣдующемъ: вырѣзаютъ лопатою изъ пахатнаго слоя во всю его толщину поровнѣе узкую полосу земли, кладутъ ее въ чашку съ водою, и размѣшиваютъ въ ней. Затѣмъ, все сливаютъ въ какой-нибудь старый высокій горшокъ, и перемѣшиваютъ палочкою безпрерывно въ продолженіи четверти часа, послѣ чего даютъ земляному осадку отстояться, и когда вода сдѣлалась свѣтлою, сливаютъ ее осторожно прочь. По прошествіи одного или двухъ дней, горшокъ осторожно разбиваютъ и разрѣзаютъ земляной осадокъ, на которомъ видны отдѣльные слои. Нижній слой состоитъ

изъ песка, надъ нимъ лежитъ глина и суглинокъ, а на верху рыхлый слой чернозема. По толщинѣ этихъ слоевъ можно судить о количествѣ каждой изъ этихъ трехъ главныхъ составныхъ частей почвы. Если этотъ осадокъ потомъ высушить, свѣсить и слегка прокалить на сковородѣ въ печи, а потомъ снова свѣсить, то изъ разницы между первымъ и вторымъ вѣсомъ можно узнать количество чернозема, содержащееся въ почвѣ.

IV. Условіе для достоинства почвы.

Достоинство почвы зависитъ, кромѣ состава ея, еще отъ свойства подпочвы или подзема. Подпочва служитъ хранилищемъ влажности, избытокъ которой просачивается въ нее изъ пахатнаго слоя, смоченнаго дождемъ; при наступленіи засухи, эта влага снова поднимается вверхъ и питаетъ растенія. Поэтому подпочва должна обладать свойствомъ не только легко всасывать воду, но и въ значительной степени задерживать ее. Лучшею подпочвою считается песчаный суглинокъ, въ особенности если онъ содержитъ известь и богатъ черноземомъ и разными солями, служащими пищею для растеній. Гранитъ, не пропускающій воды, и песокъ, дозволяющій ей слишкомъ легко уходить въ глубь, дурная подпочва. Но если пахатный слой состоитъ изъ жирной, тощей глины; въ такомъ случаѣ очень выгодно, если подпочва состоитъ изъ хряща или песка, и наоборотъ, для песчанаго рыхлаго пахатнаго слоя лучшая подпочва глина, потому-что она не даетъ ему черезчуръ высыхать во время бездождія.

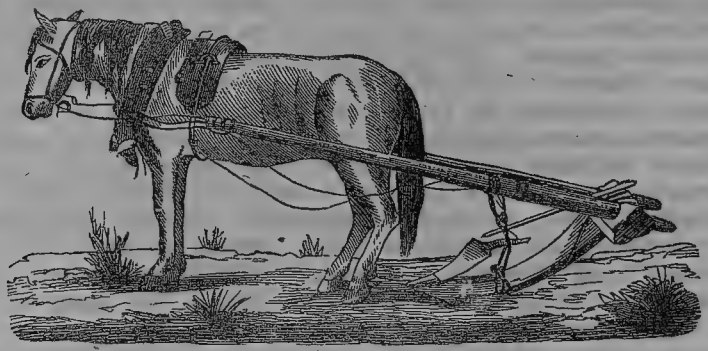
Плодородіе почвъ зависитъ наконецъ еще отъ покатости ихъ и положенія относительно страны свѣта. Гладкая ровная почва обрабатывается легче; разводимыя на ней растенія могутъ всѣ въ одинаковой степени пользоваться воздухомъ, солнцемъ, дождевою водою и росою. Почвы, покатыя на сѣверъ, получаютъ слишкомъ мало солнечнаго свѣта и тепла; онѣ холодны и сыры, и потому растенія на нихъ вызрѣваютъ поздно. При покатости на югъ, почва бываетъ обыкновенно суха и очень тепла и даже страдаетъ иногда отъ засухи. Почва, покатая на востокъ, рѣже орошается дождемъ, и подвержена ночнымъ морозамъ; если же покатость ея обращена на западъ, то солнце начинаетъ освѣщать ее позже, но зато съ полною силою; такія почвы менѣе подвержены засухамъ, но съ другой стороны, чаще страдаютъ отъ града и ливней. Всего выгоднѣе, если почва поката къ юго-востоку и юго-западу, потому что тогда растенія могутъ пользоваться свѣтомъ, теплomъ, дождемъ, росою и воздухомъ, именно въ той степени, какая необходима для успѣшнаго ихъ роста.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что лучшими и наиболѣе цѣнными должно считать тѣ почвы, у которыхъ пахатный слой доста-

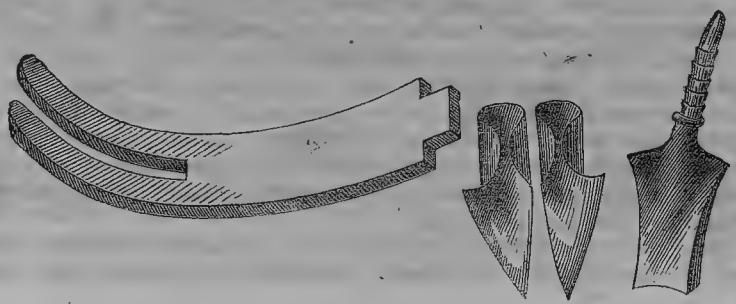
точно глубокъ, содержитъ много чернозема и надлежащую примѣсь извести и песка, которыя покаты на юго-востокъ или на юго-западъ, и подпочва которыхъ легко всасываетъ и задерживаетъ влагу.

12. Земледѣльческія орудія.

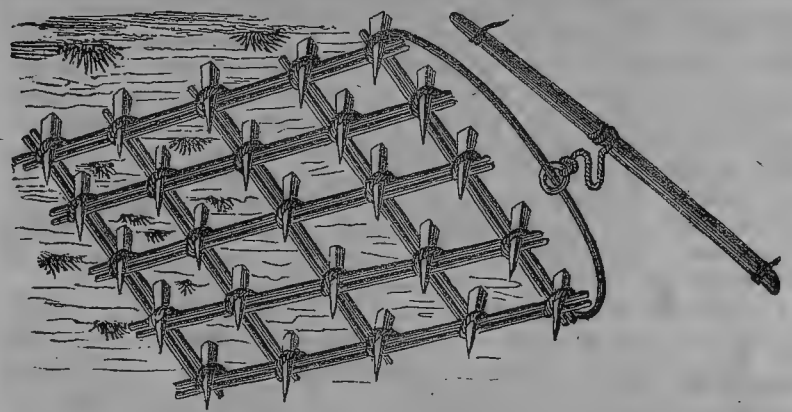
Орудія, употребляемыя для пахоты земли, суть *соха* и *борона*. Оба эти земледѣльческія орудія очень несложны и дѣлаются не на фабрикахъ земледѣльческихъ орудій, а собираются самими пахарями-крестьянами. Необходимое для сохи желѣзо: сошники и палицы, выковывается сельскими кузнецами. Станокъ сохи состоитъ изъ



четыреугольнаго бруска, длиною четвертей пять и толщиною вершка въ три; въ него вдѣланы короткія оглобли (обжи), которыхъ задніе концы пропущены сквозь брусокъ вершка на четыре, и служатъ ручками пахарю, для направленія хода по бороздѣ. Къ нижней сторонѣ бруска придѣлана деревянная разсоха или доска вершковъ въ пять шириною, согнутая и съ выпиленнымъ въ нижнемъ концѣ по срединѣ отверстіемъ, въ длину вершковъ въ 8 и въ ширину вершка въ два, черезъ что образуются двѣ ножки. На эти ножки или оконечности насаживаются желѣзные *«сошники»*, имѣющіе форму нѣ-



сколько продолговатыхъ, трехъугольныхъ, съ одной стороны острыхъ ножей, обращенныхъ остріями въ противоположныя стороны, и насаживаются такъ, чтобы врѣзывались въ землю желобкомъ. Разсоха около самыхъ сошниковъ подвязана веревками къ оглоблямъ для того, чтобъ упоръ земли при пахотѣ не оттягивалъ разсохи, а на случай ослабленія веревокъ, между ними продѣта палка или двѣ, посредствомъ которыхъ онѣ закручиваются. Эти веревки называются *подвоемъ*. Въ этотъ подвой ввязана *палица*. Палица есть желѣзная лопаточка, которая нижнимъ краемъ лежитъ на выдавшемся и нѣсколько приподнятомъ углѣ того или другаго сошника, называемомъ *перо*. Палица свободно перекладывается съ одного сошника на другой по мѣрѣ надобности, и устроена для отвала вспахиваемой земли въ одну сторону. Оглобли привязаны длинными гужами къ хомуту, а чтобъ онѣ не опускались, подвѣшены за концы черезсѣдельникомъ, т. е. веревкой, перекинутой черезъ сѣделку. Отъ черезсѣдельника зависитъ качество пахоты: если черезсѣдельникъ опустить посвободнѣе, соха будетъ забирать глубже; если его подтянуть повыше, — соха будетъ едва царапать землю. Такъ-какъ мелкая пахота для лошади легче, то за рабочими надобно наблюдать, чтобъ черезсѣдельникъ не былъ высоко подтянутъ. Замѣчено, что при появленіи въ полѣ самаго хозяина-помѣщика, крестьяне, едва еще завидѣвъ его, подъ предлогомъ поправки упряжи, спѣшатъ опустить черезсѣдельникъ. Кто себѣ врагъ!



Борона складывается изъ прямыхъ, преимущественно орѣховыхъ, палочекъ, и связывается дубовыми или черемуховыми кольцами. Для бороны нужно 25 палочекъ, длиною въ два аршина, 25 колецъ и 25 дубовыхъ зубцовъ, длиною въ $6\frac{1}{2}$ вершковъ, къ одному концу

заостренныхъ. Борона представляетъ рѣшетку съ 16 сквозными квадратами, образуемыми перекрещенными палочками. По одному направленію кладутся вмѣстѣ по три палочки, а поперегъ ихъ по двѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ онѣ скрещиваются, ихъ обхватываютъ по два кольца, и пропущены насквозь зубья. Связать хорошо, прочно и правильно борону—нужно искусство: поэтому не всякій съумѣетъ исполнить это, по видимому, неважное дѣло. Оба эти орудія просты, легки, дешевы и вполнѣ достигаютъ своей цѣли на нашемъ (т. е. зарайскомъ) неглубокомъ слоѣ плодородной земли. Для распахиванія новей изъ-подъ луговъ употребляютъ и плугъ; но луговъ не заводятъ, потому-что новей давно у насъ нѣтъ. А если кому понадобится разодрать и дерновинку, то весной или послѣ весеннихъ дождей, когда она проникнута сыростью, сохой можно и ее распахать превосходно. *В. Селивановъ.*

Прим. При чтеніи пояснительномъ можно объяснить, что такое орудіе, чѣмъ различаются между собой *орудіе, органъ, инструментъ* и *машина,* и какую роль и важность имѣютъ тѣлесные наши органы въ дѣлѣ познанія, а машины въ производительности мануфактурной и заводской.

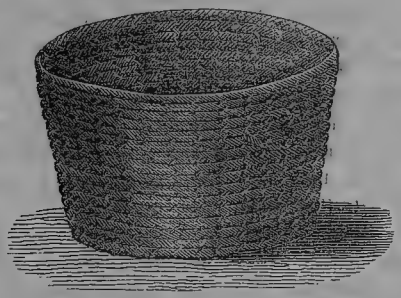
13. Пахота и сѣвъ.

Когда земля прочахнетъ, т. е. просохнетъ на столько, что рѣжется не пластами, а разсыпается подъ сохою, но и не на столько затвердѣла, чтобъ соха не могла ее взять, это время самое лучшее для начала пахоты. Спѣлость земли узнается еще и такимъ образомъ: когда возьмешь въ горсть земли, и крѣпко сжавъ ее въ кулакѣ, выпустишь, и земля разсыплется при паденіи, то значитъ, что она уже готова для пахоты; но ежели она упадаетъ комкомъ, то еще не поспѣла. Въ первый разъ землю пахать называется—метать. И потому, ежели вы спросите крестьянина, возвращающагося съ работы, что онъ дѣлалъ въ полѣ, «металъ» отвѣтитъ онъ. Это значитъ, что онъ только-что началъ обработку земли (сдѣлалъ взметъ). Метанье производится одной сохой безъ бороны. Ежели земледѣлецъ поторопится и начнетъ метать землю очень сырую; то онъ не можетъ надѣяться на хорошій урожай, потому-что отъ сырой обработки въ хлѣбѣ зарождается въ большомъ количествѣ трава, которую народъ зоветъ «метлинникомъ» по сходству ея съ метлою, или метелкою. Говоря о неурожаѣ своей нивы, крестьянинъ изъясняется такъ: «хлѣбъ рѣдокъ, кое-гдѣ былка, все одинъ пухъ зародился». Травы этой дѣйствительно бываетъ иногда болѣе, чѣмъ хлѣба; но есть еще и другое зло: отъ преждевременной метки земля бываетъ испорчена на долгое время, такъ-что стоитъ большихъ усилій привести ее въ надлежащее положеніе, потому-что сырые пласты, высушенные весеннимъ вѣтромъ, дѣлаются тверды подобно

кирпичу, даже дожди не скоро ихъ размачиваютъ, и земля въ комьяхъ, будучи вывѣтриваема, лишается своей плодотворной силы.

Метка дѣлается продольными бороздами; перепашка или второе дѣйствіе пахоты производится поперекъ и уже не одной сохой: позади сохи лошадь волочитъ борону, которая разбиваетъ и разволакиваетъ комья. Послѣ этого приступаютъ къ сѣву. Вошло въ обычай на одну тридцатную десятину высѣвать: овса 2 четверти, ржи одну четверть, гречихи десять мѣръ, пшеницы двѣ четверти гороху отъ 6 до 8 мѣръ и проч.

Сѣвъ производится такъ: сѣвецъ вывозитъ на ниву въ телегѣ сѣмена, насыпанныя или въ веретьяхъ или въ мѣшкахъ. На шею, на веревкѣ навѣшиваетъ себѣ *сѣвалку*, т. е. круглый кузовъ, за-



гнутый изъ лубка или изъ тоненкой осиновой доски, которую наполняетъ привезенными сѣменами. Потомъ, идя по бороздамъ, беретъ сѣмена горстью правой руки, и разбрасываетъ ихъ направо и налѣво. Для сѣва тихая погода считается удобною, вѣтеръ препятствуетъ правильному разсѣву. Послѣ этого посѣянныя сѣмена запахиваются сохою, забораниваются бороною, и сѣвъ оконченъ. Для болѣе нѣжныхъ хлѣбовъ, или когда есть время и руки, то и для овса, землю перепахиваютъ лишнихъ разъ или два. Извѣстное дѣло, что чѣмъ мягче и рыхлѣе разработана земля, тѣмъ болѣе можно расчитывать на урожай.

Въ первый разъ пахать землю, называется метать, во второй разъ двоить, въ третій троить, а послѣ сѣва—запахивать. Если при пахотѣ и сѣвѣ земля, по случаю засухъ, не могла быть хорошо обработана, но вскорѣ перепали дожди, и если зерно дало ростокъ, но еще не взошло на поверхность земли; тогда опять перепахиваютъ съ бороною. Это называется ломать. Но чаще всего ломаютъ тогда, когда сильный проливной дождь внезапно сплавитъ верхній слой пашни, которая, высохнувъ, образуетъ гладкую и ровную кору, препятствующую всходу: тогда эта перепашка необходима. Впрочемъ ломаютъ только однѣ яровыя сѣвы. Пахарь выѣзжая метать, беретъ съ собою благовѣщенскую просфору; выѣхавъ на свою ниву,

помолившись на всѣ четыре стороны, и сдѣлавъ первую борозду, останавливается и съѣдаетъ просфору, а потомъ опять продолжаетъ работу.

Тридцатную десятину два работника съ двумя сохами на однѣхъ лошадяхъ, взметываютъ въ одинъ день; день времени нуженъ для двойки, день троить, день для сѣва и запашки. Итакъ два мужика на двухъ лошадяхъ оканчиваютъ пахоту съ одною перепашкою и сѣвомъ одной десятины въ четыре дня.

Такъ-какъ время сѣва бываетъ очень коротко, то для скорости въ весеннихъ работахъ, придумали метать землю съ осени, чтобы весною оставалось только перепахать, засѣять и потомъ запахать. Но это средство рѣдко удается на нашихъ глинистыхъ, быстро высыхающихъ весною почвахъ, да и практическіе хозяева утверждаютъ, что земля, взметанная подъ овесъ и пролежавшая слѣдующій годъ, по снятіи овса, въ пару, не даетъ такого урожая ржи, какъ та, которая не была никогда метана съ осени. Еще употребляется способъ сѣва, называемый «по пожарищу». Этотъ способъ употребляется тогда, когда долгое бездождіе грозитъ изсушить землю; тогда, чтобъ сѣвъ кончить во время, сѣютъ по непахонному жниву и потомъ сѣмена запахиваютъ и заборониваютъ; иногда только запахиваютъ, а переборониваютъ уже впослѣдствіи; или послѣ запашки и бороньбы, чрезъ нѣсколько дней двоятъ или ломаютъ сохами, вслѣдъ за которыми идутъ бороны. Этотъ способъ сѣва иногда бываетъ очень удаченъ. Почему этотъ способъ сѣва овса названъ по пожарищу, рѣшить трудно. Не заимствованъ ли онъ изъ степныхъ губерній, гдѣ жнивы сперва сжигаютъ, а потомъ сѣютъ? Но въ нашихъ (т. е. зарайск. уѣздѣ) мѣстахъ населеніе деревень и перелѣски такъ часты, что огонь, для сжиганія нивъ, ни подъ какимъ видомъ никогда употребленъ быть не могъ. Второе предположеніе: слово «по пожарищу» не искаженное ли «по жатищу», т. е. по жатому полю, по жнивью? Первое предположеніе, кажется, ближе къ истинѣ.

В. Селивановъ.

14. Нива.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ;
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую;
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!

Ю. Жадовская.

15. Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается;
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.
На бугрѣ трава зеленая
Спитъ вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.
Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ стоитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.
Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается;
Конь идетъ, понурилъ голову,
Мужичокъ идетъ, шатается.
Ужь когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!
Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.
Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.
Урожай—купцы спѣсивятся;
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся.
Все твой дворъ не исправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.
Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на горе
Вдоволь вчужѣ я понаплакался! *И. Никитинъ.*

16. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ....
Возъ ростетъ, ростетъ какъ домъ....

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ....
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто, стоя, спитъ....

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ. *А. Майковъ.*

17. Возвратъ крестьянъ съ сѣнокоса въ полдень.

Сіялъ, безоблаченъ, сводъ неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной,
Все будто спитъ, иль притаилось;
Жара и тишина! Манитъ издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилась медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью!...
Крутаго берега бѣлѣется отвѣсъ,
Водами вешними обмытый;
На немъ село; за нимъ, подалѣ, видѣнъ лѣсъ;
Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогой скатъ, за нимъ лежитъ просторъ
И все луга, луга да нивы!...
Благопріятный день! крестьяне дорожатъ
Такими днями сѣнокоса,
И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телеги, снятыя колеса,
Да по плетню кой-гдѣ развѣшено бѣлье,
Подъ нимъ разостланы полотна;
Но тихо все кругомъ и всякое жилье
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!
Томитъ безвѣтріе. Лучъ солнца на пескѣ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ....
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ,
Какъ будто кто, купаясь, плещетъ!...

Запѣлъ пѣтухъ, другой. Окрестныхъ деревень
Поочередно, другъ за другомъ,
Пропѣли пѣвуны. На половинѣ день,
Пора труды смѣнять досугомъ!...
Да вотъ они! Изъ-за холмовъ
Несутся глухо гулъ и ропотъ,
И слышенъ въ полѣ дружный топотъ
Подъ ладъ ступающихъ шаговъ.
Домой косцы спѣшатъ соборомъ,
И пѣсню подхвативши хоромъ,
Поютъ:

«Ивушка, ивушка, зеленая моя,
«Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
«Или те ивушку солнышкомъ печетъ!
«Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
«Подъ корешокъ ключева вода течетъ!...»

Тянулся долго звукъ послѣдній
И стихъ. Слышнѣе голоса
И говоръ стали; вотъ коса
Сверкнула вдругъ изъ-за сосѣдней
Опушки лѣса; двѣ.... три.... пять....
Всѣ.... пѣсня грянула опять!

«Ѣхали бояре изъ Нова-города:
«Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
«Стали они ивушку потесывати,
«Сдѣлали изъ ивушки два весла,
«Два весла, третью лодочку;
«Сѣли въ лодочку, поѣхали домой,
«Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой!....»

Слетѣла съ шумомъ стая птицъ,
Все ожило. Косцы отрядомъ
Идутъ; съ ихъ загорѣлыхъ лицъ
Обильный потъ катится градомъ;
Но вотъ у самаго села,
Вдругъ пѣсня дружно замерла.
Кричатъ мальчишки, «наши, вота!»
Собачій лай, скрипятъ ворота,
И всякъ торопится домой
Къ избѣ утоптанной тропой!

Всѣ по домамъ. Обѣдаетъ село.
Но простъ обѣдъ и длится понемногу,
И скоро, вставъ и помоляся Богу,
Усталые заснули тяжело.

И. Аксаковъ.

18. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась—
Понахмурилась,—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася,
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;
Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися.
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.
Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери.

А. Кольцовъ.

19. Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.
Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ,
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:
«Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужь ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Вишь какъ холодно.»
—«А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла
И теперь не спишь?»—
«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужь силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!
«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.
«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.
«Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?»...
—«Полно плакать, мама!»—
Грустно сынъ сказалъ,
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,
И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.
«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,
«Постелю постельку,
А господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать».
И дитя забылось....
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ не йдетъ.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца....
И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;
Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
«Тошно сиротою
«Мнѣ тебя кидать!
«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
«Замужемъ-то жить,
«Трудъ, порой рабочей,
«Въ полѣ выносить?
«И въ кого родилась
«Ты съ такимъ лицомъ?
«Старшія-то сестры
«Кровь вѣдь съ молокомъ;
«И разгульны, правда,
»Нечего сказать,
«Да за то какъ станутъ
Въ полѣ работать,—
«Хоть жара, хоть вѣтеръ—
«Все равно для нихъ:
«Оттого и замужъ
«Скоро взяли ихъ.
«А тебя за разумъ
«Хвалитъ вся семья,
«Да любитъ-то... любитъ
«Только мать твоя.
«Все ты сшить умѣешь
«И въ избѣ прибрать,
«Ребятишекъ-братьевъ
«Любишь обмывать;
«Да въ быту крестьянскомъ,
«Знаешь ты сама,
«Сила-то дороже
«Разума-ума...»
Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
Какъ его покойный
Тесть любилъ, старикъ.
Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.
—«Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.
И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,
Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ,
И сказалъ потомъ:
—«Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!
Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».
—«А мой мужъ?»—спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.
«Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ,
По душу послалъ.

«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.»
Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.
Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.
«Вишь какая притча!»
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.
«А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
Поміру ходить.
—«Полно горевать-то!»
Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать:
Богъ знать наказалъ!
«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора;
Такъ поди возьми ихъ;—
Мнѣ домой пора.
Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки, и сказалъ:
—«Вотъ благословенье
«Сыну моему;
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему.»—
«А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ.»

И. Никитинъ.

Прим. По случаю этой статьи и 21 можно 1) дать объясненія, что такое семья, изъ какихъ членовъ она состоитъ и можетъ состоять, и какъ эти члены называются (і. братъ, братецъ—сестра, сестрица—дѣдъ, дѣдушка—бабушка—дядя, дядюшка, даденька—тетя, тетушка, тетка—племянникъ—племянница, внукъ—внука—внучка; п. тесть—теща, свекоръ—свекровь, деверь—свояченица, золовка—невѣстка, падчерица—насынокъ); что такое родство и свойствѣ; кто намъ родные, и кто свойственники; 2) выяснить, что и между словами также есть своего рода родство (казать, сказать, сказка, сказанье) и свойствѣ (трусость, робость, страхъ, ужасъ): слова сродныя, различныя и (синонимическія) подобозначущія; 3) указать на разницу тогоже слова съ перемѣною окончанія (дяд-я, дяд-юшка, дяд-енька) и тѣмъ внушить, что не даромъ же мѣняемъ окончанія словъ.

20. Шоссе и обыкновенная дорога.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ:

Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...
А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха....
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

21. Двѣ картинки изъ крестьянскаго быта.

I.

Въ избѣ жарко до духоты. Дымъ стелится и клубится подъ закоптѣлымъ потолкомъ, и какъ будто обрадовавшись свободѣ, вырывается въ отверстіе, продѣланное для выхода его. На печкѣ, подъ старой овчинной шубой, лежитъ дѣдушка Нефедъ. Возлѣ него, раскинувшись сколько возможно, валяется внукъ его, бѣлокурый мальчишка. Тетка Арина, давно уже, перекрестясь, поставила въ истопленную печь блины на постномъ маслѣ. Солнышко только-что позолотило, приготовило себѣ мѣстечко, на которое собиралось выкатиться изъ-подъ земли. Дверь безпрестанно скрипѣла отворяясь, и хлопала, затворяясь за хорошенькой *молодицей*, которая, то съ запачканнымъ ребенкомъ на рукахъ, то съ шайкой, то съ метлой, шагала черезъ высокій порогъ. Вправо отъ двери, въ углу, на соломѣ, хрипѣла старушка, прикрытая шубой и сверху изорваннымъ и съ заплатами сарафаномъ. Это было въ раннюю весну, въ родительскую суботу, когда еще въ полѣ почитай дѣлать нечего, развѣ только посматривать, скоро ли сойдетъ снѣжокъ, скоро ли травка-муравка проглянетъ изъ-подъ зимней шубы. Ефимъ, *хозяинъ* хорошенькой молодки, не возвращался еще изъ города, гдѣ жилъ въ работникахъ. *Хрестіанская* семья не переходила еще въ *бѣлую* избу, изъ которой обыкновенно перебиралась она на зиму въ *черную*, со всѣмъ хламомъ и съ частью таракановъ: въ ней теплѣе,

да и укромнѣе, и окна поменьше, и потолокъ поближе, да и *запеледить* * легче.

Тукъ, тукъ, тукъ.... послышалось подъ окномъ, и за этимъ вслѣдъ на распѣвъ: «Тремъ по милостынкѣ—Христа ради!»

«Маатушка, а маатушка!» сказала, входя, молодка Агафья.

Старуха, не перемѣняя положенія, открыла вполовину глаза, и протянула сквозь сонъ: «ааааась?»

—Да гдѣ ножикъ-ать?

—Чай въ столѣ.

—Я ужь глядѣла—нѣтъ!

—Такъ знать въ ставцѣ.

Агафья отворила ставецъ, взяла широкій ножъ, проговорила молитву, отрушила три большіе ломтя сѣраго ржанаго хлѣба, отодвинула волоковое окошечко, и подавая нищему, сказала: «Прими, дѣдушка, Христа ради!»

Нищій перекрестился, и побрелъ далѣе съ двумя товарищами своими. Старуха кашлянула, громко зѣвнула, перевернулась, и прошептавъ: «Господи Іисусе Христе!»—захрапѣла.

Не подать нищему почитается у нашихъ мужичковъ великимъ преступленіемъ, и слова «Богъ дастъ,» которыя слышатся иногда въ городахъ, составляютъ только переходъ къ нашимъ *образованнымъ отказамъ;* а подать нищему дѣло такое обыкновенное, что сосѣдъ, который ходитъ поміру, стучитъ всякой день у окна сосѣда своего, и ему подаютъ какъ *должное;* именемъ Христовымъ *требуетъ* онъ, а не *проситъ.*

«Съ голода не умираютъ
«На Руси, у насъ, святой!»

Человѣкъ знающій, что вошелъ, то угадалъ бы, которая изъ двухъ женщинъ младшая, которая старшая сноха; а вѣдь вы, господа, на это люди темные—вамъ почемъ знать!—Тетка Арина, вѣстимо, что старшая въ домѣ, оттого-то она и у почетнаго мѣста, у *печки.* Мужъ ея давно ужь слѣзъ съ полатей, умылся, помолился, одѣлся въ *поддевку,* сверху вздѣлъ нагольный полушубокъ, и ушелъ на барщину. Конечно у барскаго дома, объ эту пору, работы немного, а все таки найдется около чего походить. Вотъ съ Петрова дня наймутъ работника, онъ будетъ ходить всякій день, а, теперь, на легкую работу *сполагоря* ходить, и *самъ* сходитъ, благо дома дѣлать нечего.

Лѣниво ударилъ пономарь въ колоколъ деревянной приходской церкви; дребезжащій звукъ разлился по сухому, холодному воздуху; всякій, до кого дошелъ гулъ—перекрестился набожно. Нефедъ слѣзъ съ печи; старуха встала, покрыла голову большимъ бѣлымъ платкомъ, подвязавъ его подъ подбородокъ—бѣлый платокъ на го-

* Укрыть снаружи соломой.

ловѣ составляетъ крестьянскій трауръ—и оба побрели къ обѣднѣ. У старухи въ рукахъ пятикопеечная свѣчка, тщательно обернутая чистымъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ, и за пазухой *поминанье:* синодикъ всѣхъ *родителей,* родственниковъ, благодѣтелей, крестныхъ отцовъ и матерей всего семейства, почившихъ въ мирѣ; молодухамъ некогда въ будни ходить въ храмъ Божій: «съ нихъ и Господь не взыщетъ!»

И воистину не взыщетъ Господь съ людей, которые въ простотѣ сердечной, безъ умничанья исполняютъ долгъ свой: живутъ длятого, чтобы работать; а работаютъ длятого, чтобы жить; молятся длятого, чтобы благодарить, и рѣдко, очень рѣдко просить о чемъ-нибудь Бога, развѣ о погодѣ да о здоровьѣ, и то длятого же, чтобы можно было работать; да поминаютъ души усопшихъ, съ которыми они почти не разстаются: «*Родители кончили жизнь*—кончимъ, Богъ дастъ, и мы; пойдемъ на покой, ляжемъ въ мать-сыру-землю!» Смерть, слово не страшное въ быту крестьянскомъ: заболѣла у кого-нибудь голова, онъ ложится на печь, и про него, и при немъ говорятъ преспокойно: «умираетъ головой.»—Умеръ кто-нибудь изъ семьи—старшій сколачиваетъ *домовище*, старухи обмываютъ покойника, и *прибираютъ* надъ нимъ, *голосятъ*—потому что такъ заведено, такъ надо. Помочь вѣдь нечѣмъ, не воротишь! «Жаль батьку—а тащи на погостъ!» говорятъ они.

Отошла обѣдня, отслужилъ батюшка и *панафиду*, и на могилку сходилъ, возвратились старики домой. Столъ ужь собранъ: блины лежатъ высокой стопой на деревянной тарелкѣ, щи бурлятъ въ печи, на столѣ большой каравай хлѣба, рѣзная деревянная солонка, жбанъ съ квасомъ, а можетъ-быть, и съ пѣнистой брагой. Всѣ сошлись, помолились, и только бы приниматься, а дверь скрыпитъ, входитъ агафьинъ хозяинъ.

—«Здорово Ефимушка, здорово соколикъ, здорово касатикъ!» говорятъ домашніе.

—«Здорово хозяинъ!» говоритъ Агафья.

Хозяинъ, войдя въ дверь, не кланяется никому, а прежде всего останавливается у порога, кладетъ, крестясь, три поклона, послѣ каждаго встряхивая волосы, и потомъ уже подходитъ къ столу. Онъ цѣлуется со всѣми со щеки на щеку, приговаривая: «Здорово, родимые, здорово! все ли подобру, поздорову?» Садится и ѣстъ, какъ будто-бы онъ не видался съ своими только со вчерашняго дня! Никакихъ особенныхъ изліяній чувствъ, никакихъ разсказовъ—только повеселѣе стало въ семьѣ, иногда раздается громкій хохотъ, не смотря на то, что за блинами поминаютъ родителей; онъ все перескажетъ, что нужно—но со временемъ, когда придется къ слову. Привязанность его къ семейству не на словахъ, а на дѣлѣ: его не испугаетъ ни трудъ, ни холодъ, ни голодъ, лишь бы доставить

дому безбѣдное существованіе. Спросите Агафью, любитъ ли она мужа, она отвѣтитъ вамъ: «Вѣстимо! вѣдь мнѣ его *жаль*».

П. Телешевскій.

II.

«Сидятъ во вторникъ на Святой недѣлѣ крестьяне, съ бабами, дѣвками, ребятами, на заваленкахъ; Святая была ранняя, только-что земля отошла; день тепленькой; всѣ въ нарядной одеждѣ, а праздновали Святую плохо, потому-что едва дотянули животы до весны; урожай былъ больно скуденъ; полдеревни ѣли барскій хлѣбъ да барскій картофель.

—Эхъ-ма! братцы, сказалъ одинъ, подергивая плечами, на которыя накинулъ сверху синій кафтанъ свой—эхъ-ма! вотъ когда бъ сѣять—такъ сѣять!

—Да, самая бы пора, подхватилъ другой, сочная земля стала, отошла вся!

—Что жь дѣлать станешь—власть Господня!

—Таки вотъ сердце радуется, какъ выйдешь за околицу: два дождичка послалъ Господь—сверху припекло землицу—рыхлая, мягкая—мокрота вся впилась, внизъ ушла—такъ бы вотъ, кажись, самъ легъ да глыбой укрылся, выросъ бы, ей-Богу выросъ!

—Какъ быть, стало, такъ Богу угодно. Дастъ хлѣбца, такъ дастъ, хоть и на той недѣлѣ посѣемъ; а не дастъ, такъ не дастъ. Все во власти Господней.

—Оно вѣстимо такъ; да вотъ, какъ не дастъ Богъ дождя-то, опять не станетъ хлѣба, коли милости Господней не будетъ, да солнышко пойдетъ тебѣ пропекать пашню, да сушить во всю недѣлю, да и на той недѣлѣ тоже—такъ вотъ братъ тогда хлѣбъ, у кого есть, хоть не носи въ овинъ сушить, а въ землю пожалуй кинь—все одно, высохнетъ, и ростка не дастъ тебѣ ни одного.

—Эка дура выросла на селѣ—право дура! а еще мужикъ называется! вотъ тебѣ бы для праздника всѣмъ міромъ намять затылокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не сталъ бы впередъ молоть, что на языкъ ни попало! Ну, что толковать пустяки, горло драть, ровно на облавѣ? Что жь ты теперь что ли пахать да сѣять пойдешь, на Святой недѣлѣ?

—Пахать... кто говоритъ пахать теперь... про это нечего говорить, что пахать... я говорю, что вотъ хоть на людей сошлюсь, объ этаку пору самая бы благодать, что земля, вишь, сырая, а не то, чтобъ теперь пахать да сѣять; кто тебя зоветъ? Господь съ тобой, я тебя не звалъ пахать; извѣстное дѣло, кто жь пойдетъ о такую пору— чай не на то далъ Господь Святую недѣлю. Вотъ, что Богъ дастъ, развѣ на ѳоминой.

Такимъ образомъ крестьяне наши просидѣли на заваленкахъ всю недѣлю, опоздали посѣвомъ, вспоминали круглый годъ, какая-

де на Святой пора была для посѣва! эхъ, какая земля рыхлая, да сочная была! тужили, что Господь Богъ опять не далъ урожая, почесали головы, похлопали руками о бока—и полѣзли къ зимѣ на печь да на полати. *В. Даль.*

22. Подвигъ простаго русскаго человѣка Василья Гаврилова Маринa.

Всякое безкорыстное движеніе на спасеніе или въ пользу ближняго должно быть внесено неизгладимыми чертами въ лѣтопись человѣчества вообще. Благодаря Всевышнему, въ русскомъ человѣкѣ любовь къ ближнему развита во всей христіянской простотѣ и прямотѣ ея, и часто мы видимъ на дѣлѣ умилительное и трогательное проявленіе этого высокаго, святаго чувства. Впишемъ въ исторію человѣколюбія еще одинъ случай, свидѣтельствующій о рѣдкомъ самоотверженіи еще одного русскаго человѣка.

Крестьянинъ государственныхъ имуществъ, ярославской губерніи, ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимался лѣтъ десять тому кровельнымъ мастерствомъ, и хозяйствовалъ, какъ онъ самъ говоритъ, съ своимъ отцомъ; впослѣдствіи онъ занялся котельнымъ мастерствомъ, и поступилъ на Колпинскій заводъ.

Въ 1852-мъ году Маринъ отправился на родину повидаться съ родными, и въ началѣ марта 1853 года собрался въ обратный путь въ Петербургъ. Доѣхавъ до Москвы на лошадяхъ, онъ съ товарищами—ихъ всего было десять человѣкъ—опоздалъ на машину, и долженъ былъ переночевать въ Москвѣ. Утромъ на другой день отправлялся товарный поѣздъ, а потому Маринъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до трехъ часовъ тогоже дня, 11-го марта.

«Люди деревенскіе вѣдь любопытны,—разсказываетъ Маринъ,—а я въ Москвѣ съ роду не бывалъ! Вотъ и пошли мы полюбопытствовать на чудеса Бѣлокаменной. Зашли въ Успенскій соборъ, приложились къ святымъ мощамъ; пошли къ Ивану Великому на колокольню, а оттуда въ Охотный рядъ. Тамъ сказали намъ, что случился пожаръ: большой театръ горитъ.... Время было самое середнее, около полудня. Вотъ мы пошли и на пожаръ посмотрѣть....»

Маринъ прибылъ на пожаръ уже въ самый разгаръ его. Театръ горѣлъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности, вылетало въ крыши и окна.

Во время пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окошко верхняго этажа на крышу, и долго бѣгали по ней, не находя спасенія, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ, въ минуту отчаянія, соскочили съ крыши внизъ, и убились до смерти. Третій остался на крышѣ, и задыхаясь отъ дыму, преслѣдуемый пламенемъ, жалобно молилъ о спасеніи....

Но казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лѣстницы, которая могла бы достать до крыши высокаго зданія, и несчастный находился въ неизбѣжной крайности: или погибнуть отъ пламени, которое постепенно приближалось къ нему, или послѣдовать за своими товарищами, броситься внизъ. Не переставая до послѣдней минуты уповать на благость Всевышняго, бѣднякъ укрылся отъ дыма и жара въ такомъ мѣстѣ на крышѣ, откуда вѣтеръ отдувалъ пламя...

Междутѣмъ Маринъ, братъ его и товарищи, молча, смотрѣли снизу на страшное зрѣлище.

«Молчу,—разсказываетъ Маринъ,—а сердце у меня такъ и просится, какъ бы способъ дать христіянской душѣ....»

—Товарищи! вскрикнулъ онъ вдругъ—подождите, я пойду спасу человѣка.

Товарищи посмотрѣли на него сперва въ недоумѣніи.

—Съ Богомъ! сказали они наконецъ: доброе дѣло сдѣлаешь.

Не медля ни минуты, Маринъ обратился къ начальству съ просьбою, дозволить ему спасти погибавшаго. Позволеніе было немедленно дано. Маринъ снялъ шубу, шапку, передалъ ихъ городовому, и остался въ рубахѣ. Запасшись веревкою и взявъ съ собою брата, онъ скоро пошелъ къ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, но далеко недостававшей до крыши.

Дойдя до лѣстницы, Маринъ набожно перекрестился и смѣло пошелъ вверхъ. Лѣстница была трехколѣнная, но все-таки она далеко не доставала до крыши. Обвивъ веревку вокругъ пояса, Маринъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу, и по ней сталъ взбираться наверхъ...

Внизу, толпы народа слѣдили за дѣйствіями безстрашнаго крестьянина: вверху пламя распространялось съ яростію, слышался стукъ и трескъ валившихся стропилъ, и посреди этого грознаго шума плачевный вопль несчастнаго.

Маринъ взбирался по водосточной трубѣ.

«Было холодно, вѣтрено,—разсказываетъ онъ—а я и не чувствую: съ тѣхъ поръ, какъ возъимѣлъ намѣреніе спасти христіянскую душу, у меня такое сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и бросило...»

Горячія руки его прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы, а Маринъ лѣзетъ все выше и выше.

«Трещитъ труба, не больно крѣпка была, голубушка, да стало быть, такъ ужь Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ, благо, полегче стало, я сталъ на твердую ногу....»

Братъ, оставшійся на лѣстницѣ, подалъ Марину на веревкѣ ухватъ, а онъ помощію этого же ухвата передалъ веревку бѣдняку, находившемуся на крышѣ, посреди пламени.

—Зачаливай (прикрѣпи) за что ни попало! крикнулъ Маринъ, да только, смотри, покрѣпче.

Погибавшій зацѣпилъ веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра. Маринъ сложилъ веревку вдвое, чтобы вѣрнѣе было, и приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за веревки, а колѣнями за водосточную трубу, самъ спустился первый.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что при благородномъ движеніи сердца, онъ сохранилъ и спокойствіе ума.

Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасенный имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе. Головы обнажились, и крестное знаменіе, символъ безмолвной молитвы, сопровождало и подвигъ одного и спасеніе другаго.... Тутъ дѣйствительность краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Въ тоже время, когда сошелъ внизъ Маринъ, спасенный имъ находился уже на лѣстницѣ и внѣ всякой опасности.

«Только-что я сошелъ внизъ,—разсказываетъ Маринъ—какъ ко мнѣ подошелъ баринъ въ шинели и каскѣ—не могу знать кто—и далъ мнѣ двадцатьпять рублей серебромъ....»

Многіе изъ присутствовавшихъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, тѣснились къ доброму русскому человѣку, и предлагали ему, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, кто гривенникъ, кто цѣлковый, кто нѣсколько копеекъ....

Спасибо! молодецъ! дай тебѣ Богъ здоровья! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«А куда дѣвался бѣдный, что былъ на крышѣ,—говоритъ Маринъ—мнѣ неизвѣстно, да и не мое дѣло; благо, живъ остался.... А ко мнѣ подошелъ господинъ адъютантъ *, далъ мнѣ записку и отправилъ меня на извощикѣ въ канцелярію **, гдѣ списали все, какъ было....»

Во все это время, Маринъ дотого сохранилъ присутствіе духа, что заботился только о томъ, какъ бы не ушла безъ него *машина.*

Въ три часа онъ сидѣлъ уже въ вагонѣ, а въ пятницу, 13 марта, прибылъ въ Колпино, гдѣ служилъ прежде. Не теряя времени, отправился онъ къ прежнему своему начальнику, г. Флотову, и, какъ хорошій работникъ, былъ принятъ; тутъ же выпросился онъ на денекъ въ Петербургъ къ своей родной теткѣ, имѣющей на Васильевскомъ Острову лавку. Повидавшись съ теткой, Маринъ собирался уже обратно въ Колпино на работу, какъ былъ призванъ къ оберъ-полиціймейстеру.

---

* Дежурный адъютантъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, гвардіи штабсъ-ротмистръ князь Абамеликъ.

** Г. московскаго военнаго генералъ-губернатора.

Подвигъ самоотверженія былъ уже доведенъ до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величеству благоугодно было увидѣть Марина.

Съ трепетнымъ сердцемъ и полный благоговѣнія, вступилъ русскій мужичокъ въ чертоги русскаго царя. Ни на яву, ни даже во снѣ не представлялось никогда ему, простому человѣку, что Господь удостоитъ его зрѣть вблизи лицо царево, слышать изъ устъ царскихъ милостивое слово, къ нему обращенное....

Его Императорское Величество соизволилъ принять Марина въ своемъ кабинетѣ и обратиться къ нему слѣдующими словами: «*Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй Меня и разскажи, какъ тебѣ Богъ помогъ.*» Въ простыхъ словахъ разсказалъ Маринъ, какъ было дѣло. Государь Императоръ, благосклонно выслушавъ разсказъ, сказалъ: «*Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко Мнѣ, когда хочешь.*» Его Величество соизволилъ приказать наградить Марина медалью, установленною за спасеніе погибавшихъ, и выдать ему сто пятьдесятъ рублей серебромъ.

23. Село Богородское.

I. Гдѣ это село, чье было и чье теперь?

Село Богородское находится верстахъ въ 40 отъ Нижняго Новгорода въ горбатовскомъ уѣздѣ, на самой большой дорогѣ. Въ этомъ прекрасно устроенномъ селѣ графа Шереметева 4 каменныя церкви, 810 домовъ, въ томъ числѣ 6 каменныхъ, и пять тысячъ обоего пола жителей (2,361 м. п, 2,745 ж. по 8 ревизіи).

Богородское расположено на совершенно ровномъ мѣстѣ при нѣсколькихъ прудахъ; дома въ немъ большіе, помѣстительные. Здѣсь бываютъ еженедѣльные базары по суботамъ и ярмарка 8 сентября, на которую привозится на 5,000, а продается на 3,000 р. сер. Торговыхъ лавокъ 18.

Это село было дано въ помѣстье Козьмѣ Минину «за московское очищенье», января 20-го, 1615 года. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ Козьму и сына его Неѳедья тѣмъ помѣстьемъ въ вотчину — «за его, Козьмину, какъ сказано въ грамотѣ, *многую службу.*»

Стряпчій Неѳедъ Козьмичъ Мининъ умеръ бездѣтенъ, выморочную вотчину взяли на государя, потомъ она пожалована была князю Якову Куденетовичу Черкасскому. Отъ князей Черкасскихъ по наслѣдству перешло оно въ родъ Шереметевыхъ.

II. Особенность сельскаго управленія.

Замѣчательно изстари сохранившееся управленіе села Богородскаго. Оно раздѣляется на *20 десятковъ,* изъ которыхъ каждый вы-

бираетъ изъ среды своей выборнаго человѣка, который зовется *думчій*. Думчіе раскладываютъ подати, они же бываютъ третейными судьями при ссорахъ между крестьянами. Надъ ними начальствуетъ староста, или бурмистръ, избираемый, подобно думчимъ, на одинъ годъ. Другой бурмистръ, назначаемый по волѣ помѣщика, наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ.

III. Промышленность поселянъ и слѣдствія ея.

Земля около села очень хороша, почва лѣсная, хотя признаковъ даже бывшаго здѣсь лѣса не сохранилось. Онъ вырубленъ въ прошломъ столѣтіи: теперь мѣстами поднялся молодой березникъ и осинникъ, годный лишь на дрова. Земля обработывается крестьянами сосѣднихъ деревень. Жители села Богородскаго всѣ заняты *кожевенною* промышленностію.

Здѣсь изстари выдѣлываютъ кожи. Въ настоящее время здѣсь находится 95 кожевенныхъ заведеній, въ томъ числѣ 3 каменныхъ. Лучшіе изъ нихъ: Ст. Пчелина, Анд. Маркова, Алек. Александрова, Ал. Жирнова, Ѳед. Маркова и Петра Кубышкина. На этихъ шести заводахъ ежегодно выдѣлывается разныхъ кожъ на сумму 50,000 руб. На прочихъ 89 фабрикахъ выдѣлывается на сумму до 55,000 р. сер. При всѣхъ заводахъ работниковъ до 220 человѣкъ—всѣ одноотчинные крестьяне. Они получаютъ отъ хозяевъ плату отъ 40 до 150 р. сер. въ годъ.

Выдѣлываютъ кожи бараньи, яловочныя, выростки, опойки подошвенныя и коневьи. Бараньи и яловочныя (выростки, опойки) дѣлаются и бѣлые и черные, а выростки и черные и красные. Выдѣлка богородскихъ кожъ впрочемъ во многомъ уступаетъ кожамъ другихъ заводовъ нижегородской губ.: арзамасскимъ, мурашкинскимъ, катунскимъ и спасскимъ. Это оказалось на бывшей въ 1849 году нижегородской выставкѣ сельскихъ произведеній.

Кожа—сырье получается для богородскихъ заводовъ на нижегородской ярмаркѣ, и кромѣтого большое количество кожъ, привозится въ самое Богородское на базары изъ разныхъ мѣстъ. Независимо отъ привоза сырыхъ кожъ, пригоняется въ Богородское до 12,000 калмыцкихъ барановъ, которыхъ здѣсь рѣжутъ, и выдѣлываютъ ихъ кожи. Зола и *шадрикъ* для золенья кожъ привозится сухимъ путемъ изъ васильевскаго уѣзда, а также изъ Мамадыша казанской губерніи. Известь покупается ардатовскаго уѣзда въ деревняхъ Березникахъ и Ключицахъ, жители которыхъ ломаютъ алебастръ, находящійся въ большомъ количествѣ на берегу Оки. Ивовое корье доставляется съ острововъ и поемныхъ мѣстъ по Окѣ и Волгѣ, а также съ Ветлуги. Говорятъ, будто въ дубы употребляютъ и березовую кору. Деготь идетъ изъ Темникова (тамбовской губ.). Постное масло изъ села Стексова и другихъ мѣстъ ардатовскаго уѣзда. Сан-

далъ и квасцы покупаются на ярмаркахъ нижегородской и ростовской.

Сбываются кожи на ярмаркахъ нижегородской, ростовской, лебедянской, шахминской и ковровской.

Привозъ матеріяловъ и сбытъ произведеній идутъ сухимъ путемъ.

Прежде крестьяне села Богородскаго поставляли много кожъ въ Давыдково (яросл. губ.). Тамъ ихъ кроили и шили изъ нихъ рукавицы. Давыдковскіе рукавичники плохо расчитывались съ богородскими кожевниками; помѣщикъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ въ Богородское двухъ-трехъ закройщиковъ изъ Давыдкова, которые и показали нехитрый способъ кроенія рукавицъ. За швецами дѣло не стало: сами пришли изъ окрестныхъ селеній и изъ-за Пьяны изъподъ Мурашкина. Рукавичный промыселъ привился къ новому мѣсту, сношенія съ Давыдковымъ были прерваны, постороннимъ швецамъ отказали въ работѣ, и теперь въ Богородскомъ шьютъ рукавицы только одновочтинные, получая за работу по 15 к. асс. съ пары. Работаютъ они по домамъ изъ хозяйскаго матеріяла, а на заведеніяхъ самихъ хозяевъ ихъ отчищаютъ, смазываютъ, и посредствомъ особой машины тиснятъ по краямъ разныя незатѣйливыя украшенія. Въ годъ сошьютъ всего до милліона паръ; изъ этого 600,000 отправляется въ Петербургъ. Въ Петербургъ посылаются рукавицы *кучерскія*, т. е. съ длинными крагенами, а въ Москву, на нижегородскую ярмарку и въ другія мѣста идутъ рукавицы *русскія*, т. е. съ короткими и узкими краями. Рукавицы изъ русской бараньей кожи стоятъ 35 к., изъ калмыцкой 30 к. сер. Изъ русскаго барана выходитъ 4, а изъ калмыцкаго 5 паръ рукавицъ. Слѣдовательно, въ Богородскомъ рукавицъ приготовляется ежегодно на сумму около 300,000 р. сер. Лучшія рукавицы Петра Кубышкина, который за свое производство получилъ похвальный листъ на нижегородской выставкѣ 1849 года.

При такомъ состояніи промышленности, крестьяне села Богородскаго болѣе нежели зажиточны. Изъ нихъ одинъ Марковъ въ милліонѣ, другой Марковъ имѣетъ 800,000, Пчелинъ 400,000, все разумѣется на ассигнаціи. Имѣющихъ капиталы во 100 и въ 150 тысячъ на ассигнаціи болѣе десяти человѣкъ. Во многихъ домахъ живутъ на купеческую ногу, имѣютъ по четыре, по пяти кровныхъ рысаковъ, до которыхъ большіе охотники. У крестьянъ села Богородскаго есть нѣсколько лошадей породы знаменитаго Бычка.

Народъ красивъ: почти всѣ рослы, темнорусы, съ чисто русскимъ обликомъ. Мордовскаго типа, столь замѣтнаго во многихъ мѣстностяхъ нижегородской губ., здѣсь совершенно не видно. Одѣваются нарядно. Любопытно посмотрѣть на богородскихъ крестьянъ въ лѣтніе праздники на гуляньяхъ, въ обширномъ и прекрасномъ господскомъ саду. Мужчины въ синихъ долгополыхъ суконныхъ кафтанахъ съ сборами позади, въ плисовыхъ штанахъ и въ

красныхъ рубахахъ, не рѣдко шелковыхъ; на головѣ поярковая или пуховая шляпа, прямая, ровная или московскимъ шпилькомъ. Нѣкоторые кафтаны замѣняютъ сибиркою, т. е. длиннополымъ сюртукомъ съ сборами на бокахъ — переходъ отъ русскаго кафтана къ нѣмецкому костюму. При сибиркѣ появляются изрѣдка и жилеты, но галстуковъ вовсе нѣтъ. Платокъ на шеѣ русскій простолюдинъ считаетъ за одно съ брадобритіемъ; только рекрутъ-наемщикъ надѣваетъ его. То фряжскій обычай.... Не надѣнетъ его русскій крестьянинъ, и если въ трескучій морозъ онъ и навертитъ платъ, то все-таки не на шею, а на воротъ полушубка. Женщины на гуляньяхъ Богородскаго ходятъ особнякомъ; избави Боже завести рѣчь съ мужчиной—обезславится на вѣки. Дѣвушки въ шелковыхъ и кумачныхъ сарафанахъ, въ бѣлыхъ какъ кипень миткалевыхъ рукавахъ, въ шелковыхъ, золотныхъ и жемчужныхъ повязкахъ, ходятъ вереницами, сплетясь руками; у каждой въ правой рукѣ бѣлый платокъ, которымъ она закрываетъ носъ. Открыть носъ на гуляньѣ— самое страшное безчестье для дѣвушки. Водятъ хороводы, но только однѣ дѣвушки; мужчины и близко не подходятъ,

Богородскій крестьянинъ смышленъ, предпріимчивъ и довольно честенъ. Грамотность довольно сильна; въ селѣ 4 училища, въ которыхъ учителями мѣстные священники. Въ прежнее время жители Богородскаго придерживались раскола, о чемъ есть упоминаніе и въ нижегородскомъ лѣтописцѣ; теперь расколъ прекращенъ.

П. Мельниковъ.

24. Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами....
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты—
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.

Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ—лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса.... «Гдѣ! какая дрянь?
Ты вотъ на ступицу-то глянь!»
Торгашъ плечистый повторяетъ,
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ,
—Сложи полтину, говоритъ,
Возьму и дегтю, вотъ мазницы...
Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманокъ-то свой не прячь!
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
«Охъ, православные! я пьянъ!»
Въ бумажномъ колпакѣ и въ блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ,
И корчитъ рожу... «Какъ обманъ!»
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою:
«Коню не двадцать лѣтъ, а пять.
Жены, дѣтей мнѣ не видать!»
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Писк дудокъ, пѣсни мужичковъ
И ранній звонъ колоколовъ—
Все въ гулъ слилось. Межтѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ. *И. Никитинъ.*

Прим. Здѣсь кстати ознакомить, что такое торговля, ея виды (внутренняя и заграничная), честность торговая, кредитъ, товары (иностранные и туземные, предметы роскоши и необходимости), купечество, съ его правами и обязанностями.

25. Выселки.

Выселками у насъ называются тѣ небольшія деревеньки, состоящія изъ двухъ, трехъ, а иногда изъ одного двора, которыя, по

*

какимъ бы то ни было хозяйственнымъ разсчетамъ помѣщика или по собственному произволу самихъ выселенцевъ, съ согласія той общины, къ которой онѣ принадлежатъ, отдѣляются отъ большихъ деревень, и переносятся на новое мѣсто, иногда на разстояніе нѣсколькихъ верстъ. Такъ-какъ всякое перемѣщеніе крестьянской усадьбы съ гнѣзда уже обжитаго сопряжено для хозяина съ большими затрудненіями въ отношеніи матеріяльномъ; то по этому случаю выселенцы большею частью пользуются въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ нѣкоторыми льготами въ отправленіи своихъ обязанностей передъ помѣщикомъ или міромъ. Это обстоятельство весьма благотворно дѣйствуетъ на выселенцевъ: они сберегаютъ свои силы собственно для себя, употребляютъ ихъ по своему усмотрѣнію, и какъ-то дружелюбнѣе смотрятъ на старостъ, старшинъ и прочее начальство, требующее отъ нихъ работы посильной.

И. Кушнеревъ.

26. Волга.

I. Значеніе Волги.

Долгое время была Волга рѣкой азіятско-европейской, покуда по ней двигались орды кочевниковъ да восточные купцы изъ Азіи во внутрь теперешней Россіи; не далѣе какъ столѣтіе, только со времени великаго преобразователя Россіи, стала она рѣкой истинно-европейской и получила значеніе иное, болѣе высокое—служить проводницей образованности и цивилизаціи въ центръ Азіи. По Волгѣ выслалъ Петръ въ Азію первое европейское войско; при немъ понесла она на своихъ струяхъ въ Каспійское море флотъ, построенный изъ уральскаго лѣсу, и съ этого-то времени Волга стала не только главнымъ источникомъ богатства, кормилицей государства россійскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединительницей двухъ горныхъ системъ, лежащихъ на восточныхъ границахъ Европы, Урала и Кавказа, обладаніе которыми единственно только и можетъ упрочить наше владычество въ Азіи и открыть туда дорогу намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—цивилизаціи.

Уже размѣрами своими Волга принадлежитъ къ самымъ величавымъ явленіямъ природы европейской. Прямое разстояніе ея источниковъ отъ устья простирается на 225 геогр. миль; длина же ея теченія, со всѣми извилинами и изгибами, на 3,161½ верстъ, тогда-какъ длина теченія Рейна имѣетъ неболѣе 1,225 в.,—Дуная 2,660 в. Такой длинѣ соотвѣтствуетъ и величина поверхности, занимаемой ея рѣчной областью. Рѣчная область Рейна заключаетъ въ себѣ 3,600 кв. миль; Дунаю подвластно пространство въ 14,000 кв. миль; поверхность же волжской водной сѣти захватываетъ пространство слишкомъ въ 30,000 кв. м., превосходящее въ три раза поверхность Германіи. Такими обширными размѣрами рѣчной об-

ласти Волги легко объясняется ея полноводность. Она принимаетъ со всѣхъ сторонъ множество притоковъ, и собираетъ весь богатый запасъ воды, накопляющійся въ источникахъ, разсѣянныхъ по великимъ восточнымъ равнинамъ, на протяженіи 1,400 верстъ въ длину, отъ запада къ востоку, и на столько же въ ширину, отъ сѣвера къ югу, между бассейнами Иртыша и Оби, Печоры, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Днѣпра, Дона и Урала. Но что всего замѣчательнѣе — Волга несетъ въ низовьяхъ своихъ этотъ богатый запасъ годы по узкой рѣчной трубѣ, среди пустынь и степей, прямо въ жерло Каспійскаго моря. Волга протекаетъ восемь губерній, принадлежащихъ къ лучшимъ, самымъ населеннымъ и плодороднымъ частямъ Россіи. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ея рѣчною областью, различные градусы широты, между которыми несетъ свои струи великая рѣка, условливаютъ чрезвычайно разнообразныя и многоразличныя явленія въ формахъ ея природы. Ежели житель осташковскаго уѣзда, на источникахъ Волги, съ трудомъ можетъ прокормиться на своей неблагодарной почвѣ; ежели онъ заботливо закрываетъ на зиму соломой свои немногія яблони-калѣки, дабы защитить ихъ отъ жестокихъ морозовъ: зато саратовецъ почти не знаетъ, что такое удобреніе почвы, и получаетъ безъ труда обильную жатву съ благословенныхъ полей своихъ, а въ астраханской губерніи воздухъ наполняется благоуханіемъ миндальныхъ деревъ, въ ней ростутъ шелковичныя деревья, и висятъ на лозахъ тяжелые грозды винограда.

Всѣ губерніи по среднимъ и нижнимъ частямъ Волги могутъ считаться житницей восточной Европы; прекрасные луга, богатыя нивы, плодовитые сады, превосходнѣйшіе дубовые и липовые лѣса смѣняютъ безпрестанно другъ друга, а по Волгѣ цвѣтетъ судоходство, торговля, и берега ея усѣяны богатыми селами и торговыми городами, которые служатъ станціями для обширной торговли между морями, омывающими съ четырехъ сторонъ великія равнины восточной Европы.

II. ИСТОЧНИКИ ВОЛГИ, ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ ЕЯ ТЕЧЕНІЯ ДО ЗУБЦОВА.

Источники Волги кроются въ сѣти маленькихъ коралловыхъ озеръ, лежащихъ верстахъ въ 70 на юго-западѣ отъ Валдая (подъ 57° 10′ с. ш.), въ осташковскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Волго. Она зарождается первоначально въ родникѣ или колодезѣ, который имѣетъ четвероугольную форму, и обложенъ деревомъ. Окрестные жители зовутъ его Іорданомъ. Каждая сторона имѣетъ 7 аршинъ длины. Когда-то стояла здѣсь часовня, и колодезь привлекалъ къ себѣ много богомольцевъ, ибо вода, какъ ходила молва въ народѣ, помогала отъ желудочныхъ болей и накожныхъ болѣзней. Прежде была, говорятъ, вода чиста, теперь она грязна и неспособна къ

употребленію, но надъ этимъ колодеземъ, саженяхъ въ 15 и выше, находится другое водовмѣстилище, глубиною въ $1^1/_2$ сажени, куда однакожъ доступъ по топкой почвѣ чрезвычайно затруднителенъ. Академикъ Кеппенъ, посѣтившій въ 1840 году источники Волги, сообщаетъ объ этихъ родникахъ довольно подробныя извѣстія. Онъ говоритъ, что даже въ самую сильную засуху, когда вода въ нижнемъ колодезѣ почти изсякаетъ, верхнее водовмѣстилище сохраняетъ воду постоянно, и скотъ гоняютъ сюда на водопой. При 10 гр. Реом. вода въ нижнемъ колодезѣ имѣла 7°, въ верхнемъ же бассейнѣ температура ея спустилась до 6 гр. Отсюда течетъ Волга въ видѣ маленькаго ручейка до небольшаго озера Верхита, и потомъ черезъ озеро Вселукъ. Не въ горахъ лежатъ источники Волги, какъ источники почти всѣхъ значительныхъ европейскихъ рѣкъ, но въ болотистой равнинѣ на высшей точкѣ Волхонскаго бора, на абсолютной высотѣ 840 футовъ. Изъ болотъ, питающихъ зачатокъ Волги, каждое носитъ свое собственное имя. Они глубоки и, вѣроятно, въ старину были большими озерами; можетъ-быть вся страна представляла когда-то одно огромное озеро съ многочисленными заливами, и Селигеръ, равно какъ и другія мелкія озера, разбросанныя по всему этому пространству, — не болѣе какъ только остатки великаго когда-то водовмѣстилища сѣверной части сарматской равнины; многія изъ этихъ мшистыхъ болотъ до сихъ поръ еще не что иное, какъ сокрытыя озера, покрытыя тонкимъ слоемъ мха и различныхъ растеній; добраться длинными шестами до ихъ дна, часто нѣтъ никакой возможности. Нѣсколько верстъ течетъ Волга ручейкомъ, затѣмъ увеличивается, благодаря обильному питанію, и образуетъ двойное озеро, большой и малый Верхитъ, и наконецъ впадаетъ въ озеро Стержъ. Полторы версты ниже выхода своего изъ Стержа, проходитъ Волга озеро Овселугъ, затѣмъ протекаетъ озеро Пено, изъ котораго выходитъ уже рѣкою, соединяется съ судоходною рѣкою Жукопою, и наконецъ протекаетъ послѣднее озеро Волго, замыкающее рядъ небольшихъ озеръ, питающихъ начало великой рѣки. Волга выходитъ изъ послѣдняго озера довольно значительной рѣкой, и соединяется немедленно съ истокомъ озера Селигера, Селижаровкой. Озеро Селигеръ лежитъ верстахъ въ 35 къ югу отъ Валдая, и при ширинѣ отъ 7—8 верстъ, оно растилается въ длину на 40 верстъ, отъ сѣвера къ югу. Озеро покрыто островками, которыхъ насчитываютъ до 70. Подъ Осташковымъ, изъ Селигера вытекаетъ Селижаровка, и соединяется ниже съ Волгою, идущею къ ней на встрѣчу съ запада. Принявъ ее въ себя, Волга значительно увеличивается, и ея ширина доходитъ до 20 и слишкомъ саженей. Она течетъ въ прямомъ направленіи къ юго-востоку по ровной, слегка наклоненной плоскости, и ея рѣчная долина разстилается въ ширину на нѣсколько верстъ. Гранитные валуны, эта характеристическая особенность области Финскаго залива, попада-

ются только до Селигера; около Осташкова они уже изчезаютъ, и въ замѣнъ ихъ показываются разныя кварцовыя и известковыя породы, попадаются часто окаменѣлости и наконецъ глина и рухляковыя каменныя породы—представительницы средпихъ странъ сѣверовосточныхъ равнинъ Европы. Берега Волги довольно высоки и до самаго Ржева состоятъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ; отъ Ржева до самаго Зубцова идутъ уже известковые пласты, достигающіе часто значительной высоты. Около Ржева и Зубцова, при впаденіи Вазузы, перваго значительнаго притока своего, Волга поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ сѣверо-востоку. При устьѣ Вазузы, напротивъ Зубцова, ширина Волги достигаетъ уже 30 саженей, и отсюда ходятъ по ней довольно значительныя суда. Вообще эта особенность Волги—возможность судоходства почти до самыхъ источниковъ, находится въ тѣсной связи съ плоскимъ безгорнымъ характеромъ страны, гдѣ лежатъ ея источники. Благодаря этому, Ржевъ и Зубцовъ, изъ которыхъ первый превосходитъ своимъ народонаселеніемъ самый Новгородъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто между всѣми приволжскими городами и пристанями.

III. РЫБИНСКЪ.

Но всѣ пристани въ верховьяхъ Волги затмѣваетъ собою богатый Рыбинскъ, главный исходный путь для торговли и судоходства между Волгою и Петербургомъ. Вся торговля по Волгѣ и по ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многоразличныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея. Рыбинскъ—это послѣдняя главная приволжская станція на пути въ сѣверную столицу. До открытія водяныхъ сообщеній, Рыбинскъ былъ слободой; только въ 1772 году обратили его въ уѣздный городъ. Его значеніе безпрестанно увеличивалось, и онъ занимаетъ теперь, безспорно, равное мѣсто съ Нижнимъ Новгородомъ и Астраханью, по объему своихъ оборотовъ, по числу судовъ и по своему огромному значенію въ волжской торговлѣ, для которой Рыбинскъ служитъ центромъ. Сюда приходятъ всѣ суда съ верхней Волги, по системамъ вышневолоцкой, тихвинской и маріинской, и отсюда отправляются внизъ по Волгѣ; сюда же стекаются всѣ транспорты съ нижнихъ ея частей, и изъ Рыбинска расходятся по всѣмъ тремъ воднымъ путямъ. Всѣ операціи рыбинской пристани заключаются въ выгрузкѣ, нагрузкѣ и перегрузкѣ; послѣдняя особенно необходима для отправленія товаровъ къ верхнимъ частямъ Волги и по каналамъ, гдѣ большія суда, приходящія изъ Нижняго и другихъ низовыхъ мѣстъ, не могутъ ходить, но передаютъ свой грузъ тихвинкамъ и другимъ небольшимъ судамъ, употребительнымъ по каналамъ. Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и подраздѣляется на нѣсколько

отдѣленій или пристаней, Лосевскую, Бутырскую, Петровскую, Пески и др., въ которыхъ размѣщаются суда, смотря по ихъ грузу, по ихъ назначенію и по потребностямъ. Такое систематическое размѣщеніе необходимо для сохраненія порядка въ пристани, гдѣ собирается иногда разомъ до 2,000 и болѣе барокъ. Въ самый развалъ судоходства, весною и лѣтомъ, Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ 230 саженей, покрывается, буквально, сплошною массою судовъ, такъ-что по этому импровизированному мосту легко перейти съ одного берега на другой. А какъ разнообразенъ и пестръ этотъ мостъ! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой изящной бѣлозеркѣ, съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой, а тамъ торчитъ безобразный шитикъ съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ длинныхъ широкихъ лодокъ. Но зато нѣтъ барки, которая бы не была изукрашена самой узорчатой рѣзбой, при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную и единственную роль играетъ топоръ да ножъ,—изрѣдка развѣ долото. Между судами, наиболѣе употребительными на верхней Волгѣ и по ея притокамъ въ этихъ частяхъ (равномѣрно и по каналамъ), первое мѣсто занимаютъ такъ-называемыя барки и полубарки. Первыя имѣютъ отъ 17 до 18 саженей длины и отъ 3—4 саж. ширины, и подымаютъ до 7,000 пудовъ грузу. Послѣднія во всемъ схожи съ первыми, но при такой же ширинѣ имѣютъ 12 саж. длины, и подымаютъ отъ 4—5,000 пудовъ. Большія волжскія суда, плавающія по нижнимъ частямъ Волги, по Камѣ и частію по Вяткѣ, за исключеніемъ однихъ расшивъ, не доходятъ до Рыбинска. Вообще должно замѣтить, что до 40 различнаго рода судовъ плаваютъ по Волгѣ и по ея притокамъ; почти каждая значительная рѣка, каждая водяная система имѣетъ свои исключительно ей принадлежащія суда, хотя многія изъ нихъ, не смотря на свои особенныя названія (суряки, тихвинки, сомнки, вышневолоцкія суда, бѣлозерки и т. д.), отличаются самыми незначительными особенностями другъ отъ друга. Всѣ почти барки строются по берегамъ рѣкъ, стремящихся въ Волгу, съ вершинъ сѣверныхъ уваловъ, этого главнаго лѣснаго магазина русской земли. Барочное дѣло составляетъ главный промыселъ жителей, а какъ онъ обширенъ! можно судить изъ того, что на одной Шекснѣ строится въ годъ круглымъ числомъ до 2,000 барокъ. Нельзя однакожь не замѣтить, что большая часть малыхъ судовъ, плавающихъ по верхнимъ частямъ Волги и по ея притокамъ, обыкновенно остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выгружаютъ свои товары, и идутъ на дрова и мелкія постройки. Только большія волжскія суда дѣлаютъ нѣсколько путинъ (рейсовъ), и служатъ въ продолженіе нѣ-

сколькихъ лѣтъ. Зато онѣ и ходятъ только между Рыбинскомъ и Астраханью. Барки, застигнутыя позднимъ временемъ въ Рыбинскѣ, остаются здѣсь на зимовку, въ Черемухинской пристани, нарочно для этого предназначенной. Зимою городъ тихъ, малолюденъ. Въ немъ считается не болѣе 6,000 жителей, но зато лѣтомъ это число возрастаетъ до 100,000. Берега Волги оживлены и кишатъ народомъ, особенно противоположный берегъ, застроенный сплошными амбарами, сараями и магазинами. Большую часть этого прихлынувшаго народонаселенія составляютъ бурлаки и рабочіе,—народъ сильный, здоровый и смѣлый. Почти всѣ бурлаки и рабочіе—приволжскіе уроженцы, или съ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу. Они составляютъ прислугу на баркахъ, они тянутъ барки и находятъ много работы во всѣхъ пристаняхъ по Волгѣ, гдѣ суда останавливаются. Бурлаки нанимаются цѣлыми артелями, и уговариваются или на весь путь, хоть бы напримѣръ отъ Астрахани и до Рыбинска, или отъ пристани до пристани. Прибывши съ судномъ на мѣсто назначенія (по большей части только съ наступленіемъ зимы), возвращаются бурлаки домой пѣшкомъ, часто за 700 и 1,000 верстъ. Каждый бурлакъ получаетъ за путь отъ Самары и до Рыбинска 70 р. асс., отъ Нижняго до Рыбинска 50 р. асс.; много ли онъ можетъ заработать,—это зависитъ отъ случая. Изъ Нижняго въ Рыбинскъ можно прибыть въ 14 дней, но случается нерѣдко, что суда остаются въ дорогѣ и 6 недѣль. Посчастливится бурлаку—онъ можетъ сдѣлать въ лѣто три рейса и заработать чистой прибыли отъ 60 до 70 р. асс.: но нерѣдко приходится ему проѣсть весь заработокъ и возвратиться съ пустыми руками домой.

Чтобы объяснить себѣ возможность такого стеченія народа въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, стоитъ только бросить взглядъ на число судовъ, приходящихъ ежегодно въ Рыбинскъ и отходящихъ отсюда въ разныя стороны. Въ 1840 году прибыло въ Рыбинскъ съ нижней Волги 1,364 судна съ грузомъ на сумму 60.928,475 р. асс., и въ томъже году отправилось изъ Рыбинска вверхъ по Волгѣ 3,298 судовъ, по Мологѣ 1,491, по Шекснѣ 1,078, и всего отправлено по тремъ путямъ товаровъ на 89.189,226 р. асс. Въ 1849 году прибыло въ Рыбинскъ, съ открытія навигаціи по 1 октября, съ разныхъ низовыхъ пристаней 1,484 судна, отправилось въ Петербургъ и другія ближайшія пристани, вверхъ по Волгѣ, Мологѣ и Шекснѣ, 5,283 судна. На пришедшихъ и отправленныхъ судахъ грузъ, кромѣ хлѣба, состоялъ изъ соли, спирту, сала, желѣза, мѣди, чугуна, корабельнаго лѣсу, кожевеннаго и лычнаго товару, поташа и съѣстныхъ припасовъ. Въ Рыбинскѣ бываетъ кромѣтого ежегодно двѣ ярмарки, 27 іюня и 6 августа; но обороты ихъ (до 500 т. р. асс.) такъ ничтожны въ сравненіи съ колоссальными размѣрами его главной торговой дѣятельности, что о нихъ почти и упоминать нечего. Зато нельзя не обратить вниманія еще на одно

чрезвычайно важное значеніе Рыбинска въ меркантильномъ отношеніи—на связь его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и области Волги, съ Архангельскомъ и съ рѣчною областью Двины, черезъ посредство Александровскаго водянаго сообщенія, оконченнаго въ 1828 году и соединяющаго Шексну съ Кубинскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Эта водяная линія связываетъ съ Архангельскомъ Москву и Нижній, и наконецъ самый Петербургъ. Для Архангельска имѣетъ этотъ каналъ величайшую важность. Теперь легко можетъ доставляться изъ Архангельска лѣсъ и рыба, а изъ Тотьмы, по Сухонѣ, и Яренска, на рѣкѣ Югѣ, богатые запасы соли. Этимъ же путемъ сплавляются теперь въ архангельское адмиралтейство изъ Петрозаводска пушки, ядра и другіе снаряды. Въ центрѣ этого воднаго пути лежитъ Вологда, какъ разъ на перекресткѣ между верхними частями Волги, устьями Невы и С. Двины. *И. Бабстъ.*

27. Видѣніе.

Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣти, а старикъ—хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью, и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣть, гдѣ спалъ большой хозяйскій сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣть, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій, и пошелъ въ иную клѣть; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ спокой, и отправился въ поле; легъ подъ зородъ сѣна, и послышалось ему—будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испугался и легъ было подъ суслонъ ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричитъ: «постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику—хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говоритъ, нашелъ я разной гадъ,—оттого, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благославясь не собрали и не покрыли; у большаго сына бьется въ клѣти дубинка,—это оттого, что хочется ему большакомъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія,—это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ

кунку, —значитъ, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ,—это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скоситъ да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давитъ свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой!—это которое съ полосы не собрано, оно-де говоритъ: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину, и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полосъ собирай дочиста.» Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

28. Ради науки Ломоносовъ оставляетъ отцовскій домъ.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыя, и что ласточки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожь не боялись этого: они какъ будто ради были своей обычной гостьѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми равнинами, и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣятельно летали въ легкихъ кибиткахъ, и терпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антрша, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извощику, и примолвилъ:

Ну, братъ Тереха, жарко!»

—Да, Пименъ Никитичъ, благодаренье Богу: морозецъ!

«Кажись, ужь и деревня на виду?

—Версты три осталось еще, родимый.

«Видно, много нашего брата ѣдетъ этою зимой; смотри, сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу: разъ, два, три.... Да, что это? Аль кто изъ нашихъ отсталъ?

—А что? кажись, кому быть!

«Да, видишь, позади пасъ: такъ кто-то рысью и улепетываетъ!

—Нѣтъ, родимый, наши всѣ тутъ; не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькъ! А что, яго таго, кто-йтъ?

«Ай-та?» закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. «А кто-йтъ?»

—А вишь яго: кто-йто догоняйтъ?»

«А Христосъ его знаи!

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полуокоченѣвшій отъ холода, потому-что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ оглянулся раза два, но видя, что отъ этого любопытству его не легче, и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего ни съ кѣмъ, остановился, и дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

«А что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ у молодаго человѣка.

—Мнѣ? ничего.

«Какъ ничего! Да куда ты идешь?»

—Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву....

«Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда?»

—Я денисовскій крестьянинъ. Вы чай и батюшку моего знаете.

«Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовутъ отца твоего?»

—Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ батюшкой моимъ говорили.

«Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву? и какъ дойдешь туда?«

—Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать; только позвольте идти съ вами!

«Да ты, братъ, не ряхнулся ли. Что тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ что ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

—Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву....

«Э, э, братъ! такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ! ты убѣжалъ отъ отца?

—Сказать правду, такъ убѣжалъ.... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

«А кто тебѣ знаетъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего—есть тамъ много вашей братьи! Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то, я тебя шурну инымъ порядкомъ».

—Ваша милость!... не гоните меня! право, я заслужу вамъ!

«Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку! Пошелъ!»

—Ахъ, г. купецъ! право я не какой-нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

«А это что у тебя подъ мышкой?»

—Это.... да это я взялъ съ собой....

«Вижу, что ты это взялъ съ собой, а попросту сказать укралъ!... Да говори: что́ у тебя въ узелкѣ?»

—Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому-что это столькоже мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ отдали добрые люди.

«Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то начинена такъ же какъ этотъ узелъ! Да что въ немъ? чья казна? или изъ отцовскаго сундука мошня?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него, и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допрощика, но, какъ человѣкъ опытный, Пименъ Никитичъ скрылъ свою тайную мысль, и также остановившись, вскричалъ на парня:

«Ну? не правду ли я говорилъ, что ты воришка? Что же ты оторопѣлъ?

—Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, г. купецъ! Я воръ? Я укралъ деньги, казну?... Господи Боже мой! Съ этими словами онъ зарыдалъ, и бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

«На, посмотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполнѣ выдержать роль человѣка осторожнаго, Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ, и развернувъ его, пробормоталъ съ удивленіемъ:

«Что это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.»

—Да я не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза.... Тебѣ чудно это г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону!...

«Чудно!» сказалъ Пименъ Никитичъ. «Ну, пойдемъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.»

Хотя вся эта схватка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минутъ, однакожь возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ по-

шелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человѣкъ сталъ завертывать въ узелокъ свои книги, и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожъ они опять поровнялись. Нѣсколько минутъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

«Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву?»

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

—Не знаю и самъ—отвѣчалъ онъ—что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ, да ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговаривалъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, и еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговоришь. Хочу въ Москвѣ учиться.

«Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный», отвѣчалъ Ипменъ Никитичъ. «Спросилъ бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужь теперь поздно: видно, такова твоя часть. Все Богъ!»

—Богъ меня и не оставитъ! примолвилъ юноша съ робкою довѣренностію. Позвольте же спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

«Какъ гдѣ?... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ же еще нашему брату учиться. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячокъ: что же ты не учился у него?

—Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

«А что же еще тебѣ надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?

—Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

«О, о, дружище! такъ вотъ какой ты гусь!... Взялъ бы тебя да отвалялъ хорошенько лозами, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться!....»

Послѣ такого объясненія, у молодаго человѣка отпала охота разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамотѣями разговоры объ ученьѣ. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на отвѣтъ, воскликнувъ:

«Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ, охреянъ, задумалъ въ ученые!...»

—Я думаю, г. купецъ—отвѣчалъ юноша—что ученымъ никто не родится; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

«Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскія дѣтки да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя

бумаги, да толковать государскіе законы, а другимъ чтобы говорить проповѣди, да знать что поютъ и читаютъ. А тебѣ начто такая ученость?

—Да я не такой учености хочу.... молодой человѣкъ не зналъ, какъ выразить свою мысль, хотя очень понималъ, о чемъ говоритъ. Онъ по неволѣ остановился на неоконченной рѣчи.

«Ну, что? то-то, братъ! зналъ бы ты отцовскій неводъ, да счетъ въ рыбѣ! А деньгу-то сосчитать можно и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и тѣмъ больше заставлялъ своего сопутника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ: лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ трескомъ остановилась.

—Та-та, ай-та! закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. Э-а-та, Терехъ! Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Пименъ Никитичъ, какъ человѣкъ, который хочетъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и тутъ-же, кряхтя и крича, терся около воза. Онъ думалъ найдти въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснить молодому безумцу, въ чемъ заключается мудрость жизни. Когда порядокъ былъ возстановленъ, и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

—Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость. А?

«Да, правда!» отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ, и начали работать за горячими щами. Новый сопутникъ ихъ, удалившись въ уголъ, и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго не роскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

«А чтожь ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко благославясь!»

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

«Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются, примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не отсталъ отъ нихъ.

«Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!» сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

—Да, вотъ, ребята! началъ Пименъ Никитичъ. Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что ли, его?»

«Почто нѣтъ!» отвѣчалъ одинъ извощикъ.

—Вѣстимо! пускай себѣ идетъ! примолвилъ другой.

«Да я одинъ платить за него не буду!» поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

—Ну, собча заплатимъ! проговорилъ еще одинъ извощикъ.

«Съ ортели заплатимъ!» примолвилъ другой. «Пожалуй, ты хоть и не плати.»

—Нѣтъ, и я съ вами! сказалъ прикащикъ.

—Ну, вотъ.... какъ тебя зовутъ, пріятель?... продолжалъ онъ.

—«Михайломъ!» отвѣчалъ юноша.

—Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; тамъ ищи себѣ хлѣба гдѣ хочешь. Мы тамъ за тебя не плательщики».

Михайло благодарилъ своихъ сопутниковъ, какъ умѣлъ.... за благодѣяніе! Надобно знать, что деревенскій обѣдъ на десятерыхъ стоилъ тогда нѣсколько копеекъ; слѣдовательно Михайло Ломоносовъ не могъ стоить сопутникамъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копеекъ. Но какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглецъ отеческаго дома, уже два дни не зналъ, до этой минуты, чѣмъ будетъ утолять свой голодъ. До Москвы надобно было идти мѣсяцъ! Денегъ не было у него нисколько. Кусокъ хлѣба, взятый имъ изъ дому, и возбудившій въ его сопутникахъ состраданіе, былъ у него единственнымъ запасомъ. А теперь! какъ ободрился онъ! Какія надежды и мечты заиграли въ его пламенной головѣ. Онъ воображалъ Москву раемъ, а людей, живущихъ въ ней, какими-то ангелами, которые примутъ его съ распростертыми объятіями, погладятъ по головкѣ за любовь къ ученью, или по крайней мѣрѣ не станутъ преслѣдовать, какъ грубые архангельскіе земляки.

Однообразное путешествіе нашихъ странствователей не представляло больше ничего замѣчательнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади, а провожатые ихъ часто отмораживали себѣ то щеки, то носы; однако все это было въ томъ порядкѣ вещей, который и нынѣ, черезъ сто лѣтъ, повторяется безпрестанно въ сѣверныхъ сторонахъ. Обозные ѣхали, шумѣли, уставали, пили, ѣли, такъ же какъ и нынѣ дѣлаютъ все это другіе люди. Бѣглецъ—юноша раздѣлялъ ихъ труды, заботы, и успѣлъ заслужить пріязнь почти всѣхъ своихъ товарищей. Время шло какъ по сказанному, по писанному; день наставалъ и оканчивался. Напослѣ-

докъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова златые верхи московскихъ церквей.

Есть что-то чрезвычайно живое въ томъ чувствѣ, которое волнуетъ душу пришельца изъ дальней Руси, при первомъ взглядѣ его на Москву. Въ дальнихъ городахъ и селахъ, Москву почитаютъ какимъ-то палладіумомъ, средоточіемъ всего хорошаго, умнаго и великаго. У всякаго свой взглядъ: простолюдинъ воображаетъ Москву чуть ли не изъ золота сдѣланнымъ городомъ; человѣкъ, немного повыше простолюдина, представляетъ себѣ ее вмѣстилищемъ всѣхъ чудесъ образованности, мѣстомъ забавъ и радостей; образованный юноша думаетъ о ней, какъ о такомъ городѣ, гдѣ можетъ онъ увидѣть и узнать все просвѣщеніе, всю славу своего отечества. И всѣ единодушно зовутъ и почитаютъ Москву матерью священной Руси! Это нераздѣльно съ сердцемъ каждаго настоящаго русскаго.

Что чувствовалъ Ломоносовъ при взглядѣ на тотъ городъ, куда такъ долго и такъ нетерпѣливо летали его мысли? Какъ билось его сердце, когда наконецъ онъ увидѣлъ ту желанную цѣль, къ которой бѣжалъ черезъ снѣга, въ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, неся съ собой, вмѣсто всѣхъ средствъ, одинъ богатый запасъ терпѣнія и волю сильной души? Можно объяснять чувства людей обыкновенныхъ, когда они находятся въ подобныхъ положеніяхъ, но не этого сына рыбака. *К. Полевой.*

29. Преданіе о горѣ Судомѣ.

Въ порховскомъ уѣздѣ, псковской губ., есть рѣчка Судома, впадающая въ Шелонь. На этой рѣчкѣ Судомѣ находятся двѣ невысокія горки, одна на одномъ берегу ея, а другая на противуположномъ. На одной изъ нихъ еще сохранились и понынѣ слѣды стариннаго укрѣпленія Вышгорода; про другую же горку народъ разсказываетъ слѣдующее. Въ старинные года, когда на Руси не было еще судовъ, и жили всѣ въ довольствѣ и правдѣ, не обижая другъ друга, самъ Богъ производилъ судъ на этомъ мѣстѣ. Съ неба спускалась цѣпь, и каждый изъ тяжущихся, взойдя на гору, долженъ былъ брать ее рукою: невинный всегда доставалъ, а виноватый никогда—цѣпь подымалась выше. Такъ продолжался судъ долгое время, и всѣ были довольны его рѣшеніемъ. Наконецъ сыскался смертный, который осмѣлился обмануть небесное правосудіе. Вотъ какъ это случилось. Нѣкто бралъ взаймы деньги. По прошествіи срока, кредиторъ является къ должнику за деньгами; послѣдній запирается, что никогда у него взаймы денегъ не бралъ. Такъ-какъ свидѣтелей при томъ не было, то тяжущимся велѣно идти на гору Судому и предать это дѣло суду Божію. Должникъ поднялся на хитрость: выдолбилъ палку и наполнилъ ее деньгами, сколько дѣйствительно бралъ взаймы. Подсудимые къ назначенному

мѣсту пришли. По жребію кредитору досталось взяться за цѣпь первому; онъ досталъ ее безъ усилій. Должникъ, всходя на гору, передалъ свой посохъ, наполненный деньгами, на подержаніе первому и—тоже досталъ цѣпь. Сойдя съ горы, посохъ свой онъ получилъ обратно; но божество, оскорбленное такимъ низкимъ обманомъ, подняло цѣпь на небо, и съ тѣхъ поръ она уже не опускалась. Говорятъ, что народъ и до сихъ поръ питаетъ особое уваженіе къ этому мѣсту: никто не пройдетъ мимо его, чтобъ не снять шапки и не перекреститься. Это преданіе, не лишенное поэзіи, можетъ служить новымъ примѣромъ русскихъ преданій, бывшихъ на Руси въ первые вѣка христіянства, а можетъ быть и раньше.

Н. К.

30. Сказка о правдѣ и кривдѣ.

Жили-были два мужика, бѣднѣйшіе, пребѣднѣйшіе. Одинъ-атъ жилъ коё-какъ, колотился всѣми неправдами, гораздъ былъ на обманы, и приворнуть его было дѣло; а другой-атъ шелъ по правдѣ, какъ бы трудами вѣкъ прожить. Разъ они и заспорили: одинъ говоритъ: лучше жить кривдой, а другой говоритъ: кривдой вѣкъ прожить не сможешь, лучше жить, какъ ни-на-есть, да правдой. Вотъ спорили они, спорили; никто не переспорилъ. Вотъ и пошли они на дорогу; пошли на дорогу и рѣшили спросить до трехъ разъ, кто имъ навстрѣчу попадетъ, и что на это скажетъ. Шли они, шли, и увидали: барской мужикъ пашетъ; подошли къ нему и говорятъ: «Богъ напомочь тебѣ, знакомый! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ—правдой али кривдой?»—«Нѣтъ, братцы! Правдой вѣкъ прожить не сможешь; кривдой жить легче. Вотъ и наше дѣло, изъ-за неволи прикинешься, будто что попритчилось—хворь нашла;—а самъ межъ этимъ временемъ въ лѣсишко съѣздишь по дровицы, не днемъ, такъ ночью, коли есть запретъ. «Ну, слышь, моя правда», говоритъ криводушный правдивому.

Вотъ пошли они опять по дорогѣ, знашь, что скажетъ имъ другой. Шли, шли, и видятъ: ѣдетъ на парѣ въ повозкѣ съ кибиткой купецъ. Подошли они къ нему, подошли и спрашиваютъ: «Остановись-ка на часикъ, не во гнѣвъ твоей милости; о чемъ мы тебя спросимъ, рѣши нашъ споръ: какъ лучше жить на свѣтѣ,—правдой али кривдой?»—«Нѣтъ, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Насъ обманываютъ, и мы обманываемъ.»—«Ну, слышь, моя правда!» говоритъ опять криводушный-атъ правдивому-то.

Пошли они опять по дорогѣ; что скажетъ третій. Шли, шли и видятъ: ѣдетъ прикащикъ навстрѣчу. Вотъ они подошли къ нему, подошли къ нему и спрашиваютъ: «остановись-ка на часочекъ; рѣши ты нашъ споръ: какъ лучше жить на свѣтѣ—правдой али кривдой?»—«Вотъ нашли о чемъ спрашивать! Знамо дѣло, что кривдой. Какая нонче правда? За правду въ Сибирь угодишь, скажутъ кля-

узникъ...»—«Ну», слышь, говоритъ криводушный-атъ правдивому-то: «вотъ слышь, всѣ говорятъ, что кривдой лучше жить.»—«Нѣтъ! Надо жить побожью, какъ Богъ велитъ: что будетъ, то и будетъ, а кривдой жить не хочу!» говоритъ правдивый-атъ криводушному-то.

Вотъ пошли опять дорогой вмѣстѣ. Шли, шли, криводушный-атъ всяко съумѣетъ ко всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормятъ, и калачи у него есть: а правдивый-атъ гдѣ водицы изопьетъ, гдѣ поработаетъ, его за это накормятъ. А тотъ, криводушный-атъ, все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивый-атъ попросилъ кусочекъ хлѣбца у криводушнаго-то: «дай мнѣ кусочекъ хлѣбца!»—«А что за него мнѣ дашь?» говоритъ криводушный-атъ. «Что хочешь, возьми, что у меня есть,» говоритъ правдивый-атъ. «Дай глазъ я тебѣ выколю!»—«Ну, выколи,» онъ ему говоритъ. Криводушный-атъ и выкололъ правдивому-то глазъ, и далъ ему маленько хлѣбца. Тотъ стерпѣлъ, взялъ кусочекъ хлѣбца, съѣлъ, и пошли опять по дорогѣ. Шли, шли; опять правдивый-атъ сталъ просить у криводушнаго-то хлѣбца кусочекъ. Тотъ опять сталъ разно надъ нимъ насмѣхаться: «дай,» говоритъ, «другой глазъ я тебѣ выколю, ну тогда дамъ кусочекъ.»—«Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду!» правдивый-атъ упрашивалъ его. «Нѣтъ, зато ты правдивый, а я живу кривдой.» Что дѣлать? Ну такъ тому дѣлу и быть! «На, выколи и другой, коли грѣха не боишься!» правдивый-атъ говоритъ криводушному-то. Вотъ онъ выкололъ ему и другой-атъ глазъ, и далъ ему маленько хлѣбца; далъ хлѣбца и оставилъ его одного на дорогѣ: вотъ стану я тебя еще водить!»

Ну, что дѣлать! Слѣпой съѣлъ кусочекъ хлѣбца, и пошелъ потихоньку, ощупью съ палочкой. Шелъ, шелъ кое-какъ и сбился съ дороги, и не знаетъ, куда ему идти. И началъ онъ просить Бога: «Господи! не оставь меня, грѣшнаго раба Твоего!» Молился, молился; вотъ и услыхалъ онъ голосъ; кто-то ему говоритъ: иди ты направо;—какъ пойдешь направо, придешь къ лѣсу; придешь къ лѣсу, найди ощупью тропинку; найдешь тропинку, пойди ты по той тропинкѣ; пойдешь по тропинкѣ—придешь на гремучій ключъ; какъ придешь ты къ гремучему ключу—умойся изъ него водою, испей той воды и намочи ею глаза: ты прозрѣешь. Какъ прозрѣешь, пойди ты вверхъ по ключу тому, и увидишь большой дубъ; увидишь дубъ, подойди къ нему и залѣзь на него. Какъ залѣзешь на него, дождись ночи; дождешься ты ночи, слушай, что будутъ говорить подъ тѣмъ дубомъ нечистые духи; они туда слетаются на таковище.» Вотъ онъ кое-какъ добрелъ до лѣса, полозилъ-полозилъ по немъ, напалъ кое-какъ на тропинку; пошелъ по той тропинкѣ и дошелъ до гремучаго ключа, дошелъ до ключа—умылся водою, испилъ и примочилъ глаза, и вдругъ увидѣлъ опять свѣтъ Божій—прозрѣлъ. Вотъ какъ прозрѣлъ, и пошелъ вверхъ по тому ключу; шелъ-шелъ по немъ, и видитъ большой дубъ. Подъ нимъ все утоп-

тано. Вотъ онъ взлѣзъ на тотъ дубъ, взлѣзъ и дождался ночи. Вотъ начали подъ тотъ дубъ слетаться со всѣхъ сторонъ бѣсы и начали разсказывать, гдѣ кто былъ. Одинъ бѣсъ говоритъ: «я былъ у такой-то царевны, вотъ десять годовъ ее мучаю. Всяко меня выгоняютъ изъ нея; никто меня не сможетъ выгнать, а выгонитъ тотъ, кто у такого-то богатаго купца достанетъ образъ Смоленской Божіей Матери, что у него на воротахъ въ кіотѣ вдѣланъ.»

Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлетѣлись, правдивый-атъ слѣзъ съ дуба, пошелъ искать того купца. Искалъ, искалъ, кое-какъ нашелъ его. Нашелъ и просится работать на него: «хоть годъ проработаю, ничего мнѣ надо, только дай мнѣ образъ Божіей Матери съ воротъ.» Купецъ согласился, принялъ его къ себѣ въ работники. Вотъ работалъ онъ у него, что ни есть мочи, круглый годъ. Проработавши годъ, онъ и проситъ тотъ образъ. А купецъ ему: «ну, братецъ, доволенъ я твоей работой; только жаль мнѣ образа, возьми лучше деньги.»—«Нѣтъ, не надо денегъ, а дай мнѣ его по уговору.»—«Нѣтъ, не дамъ образъ; проработай еще годъ, ну, такъ и быть, тогда отдамъ тебѣ его.»

Правдивый-атъ мужичокъ работалъ еще годъ; ни дня, ни ночи не зналъ, все работалъ: такой старательный былъ. Вотъ проработалъ онъ годъ, опять сталъ просить образъ Божіей Матери съ воротъ. Купцу опять жаль и его отпустить и образъ-атъ отдать. «Нѣтъ, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще годъ, ну, такъ отдамъ тебѣ образъ.» Такъ тому дѣлу и быть: опять сталъ работать годъ. Работалъ еще пуще того: всѣмъ надиво, какой былъ работящій! Вотъ проработалъ онъ и третій годъ, проработалъ и опять проситъ образъ. Купецъ—дѣлать нечего—снялъ образъ съ воротъ, и отдалъ ему: «на, возьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напоилъ, накормилъ его и деньгами наградилъ малую толику. Взялъ онъ образъ Смоленской Божіей Матери, взялъ его, и повѣсилъ на себя; повѣсилъ на себя, и пошелъ къ тому царю царевну лѣчить, у которой бѣсъ-атъ мучитель сидитъ. Шелъ, шелъ,—и пришелъ къ тому царю. Пришелъ онъ къ царю, и говоритъ: «я де вашу царевну излѣчить смогу.» Впустили его въ хоромы царскіе, и показали ему ту скорбящую царевну. Онъ спросилъ воды,—подали воды; перекрестился и три земныхъ поклона положилъ, помолился Богу, снялъ съ себя образъ Божіей Матери и съ молитвою три раза въ воду опустилъ; надѣлъ его на царевну, и велѣлъ ей тою водою умываться. Какъ она, матушка, надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою водою, вдругъ изъ нея недугъ-атъ—вражья-та нечистая сила—клубомъ вылетѣлъ вонъ; вылетѣлъ вонъ—и стала она здорова попрежнему. Вотъ этимъ дѣломъ-то, не вѣсть, какъ всѣ обрадовались, обрадовались и не знали, чѣмъ наградить этого мужика: и землю давали, и вотчину сулили, и жалованье большое кла-

ли. «Нѣтъ, ничего не надо!» Вотъ царевна и говоритъ царю: «Я замужъ за него иду!»—«Ладно,» царь-атъ сказалъ. И повѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ ходить въ одежѣ царской, жить въ царскихъ хоромахъ, пить—ѣсть все-на-все заодно съ ними. Жилъ, жилъ и принаторѣлъ къ нимъ.

Какъ принаторѣлъ онъ къ нимъ, и говоритъ: «пустите меня на родину; у меня есть мать старушка бѣдная.»—«Ладно!» царевна, жена-то его, сказала: «поѣдемъ вмѣстѣ.» Вотъ и поѣхали они вмѣстѣ, вдвоемъ съ царевной. Лошади-то, одежа, коляска, сбруя—все царская. Ѣхали, ѣхали и подъѣзжаютъ они къ его родинѣ; попадается навстрѣчу имъ тотъ криводушный, что спорилъ-то съ нимъ, что лучше жить кривдой, чѣмъ правдой. Идетъ навстрѣчу; вотъ правдивый-атъ, царскій-атъ сынъ, и говоритъ: «здравствуй, братецъ мой!» называетъ его по имени. Тому въ диковину, что въ колескѣ—такой знатный баринъ его знаетъ, и не узналъ его. «Помнишь, ты спорилъ со мною, что лучше жить кривдой, чѣмъ правдой, и выкололъ мнѣ глаза? Это я самый!» Вотъ онъ оробѣлъ и не зналъ, что дѣлать.—«Нѣтъ, не бойся; я на тебя не сержусь, а желаю тебѣ такого же счастья. Вотъ пойди ты въ такой-то лѣсъ,» научаетъ его, какъ его Богъ научилъ; «въ томъ лѣсу увидишь ты тропинку; пойди по той тропинкѣ и придешь къ гремучему ключу; напейся изъ того ключа воды, и умойся. Какъ умоешься, пойди ты вверхъ по ключу, увидишь ты тамъ большой дубъ, взлѣзь на него, и просиди всю ночь на немъ. Подъ нимъ таковище нечистыхъ духовъ, и ты слушай, и услышишь свое счастье.»

Криводушный-атъ по его слову, какъ по писанному, все это сдѣлалъ: нашелъ лѣсъ и ту тропинку; пошелъ по тропинкѣ и пришелъ къ гремучему ключу; напился и умылся; умылся и пошелъ вверхъ по немъ; пошелъ вверхъ, увидѣлъ большой дубъ: подъ нимъ все утоптано. Вотъ онъ залѣзъ на этотъ дубъ, залѣзъ на дубъ, и дождался ночи; дождался ночи и слышитъ, какъ со всѣхъ сторонъ слетались нечистые духи. Какъ слетѣлись они, и услыхали по духу его на дубу; услыхали по духу—и растерзали его на мелкія части. Такъ тѣмъ это дѣло и покончилось, что правдивый-атъ сталъ царскимъ сыномъ, а криводушнаго-то загрызли черти.

31. Когда началось русское государство?

Въ 859 году, какая-то ватага норманновъ, называвшихся у насъ *варягами*, приплыла по Балтійскому морю, извѣстному также подъ именемъ *Варяжскаго*, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила данью встрѣченныя ею племена, славянскія и финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были выведены изъ терпѣнія насиль-

ствомъ пришельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли нести напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незванныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали попрежнему «владѣть сами въ себѣ», но вскорѣ перессорились между собою, «всталъ родъ на родъ», полилася кровь, и усобицѣ невидать было конца,—а норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще бо́льшими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбленіе, и наложить иго тяжеле прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ воевавшихъ благая мысль, чтобъ прекратить кровопролитіе: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать князя, столько сильнаго, чтобъ онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныя племена отъ внѣшнихъ враговъ?

Здравый смыслъ, народной толкъ, указалъ имъ норманновъ, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились вездѣ, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бъ изъ чего,—норманновъ, о которыхъ слава распространялась всюду. Да и кого жь въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобъ взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, кривичи, чудь, весь и меря, пошли «за море», къ одному норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое «называлось *русью*, какъ другія племена назывались свеями, англянами, готами и мурманами.

Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и володѣть нами, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій,—вѣщія и роковыя слова, которыя сохранили надолго свое значеніе.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сосѣднюю, обильную мѣхами Біармію, или Пермь, знали приманчивую Грецію, куда многіе отъ нихъ часто ѣздили торговать въ Константинополѣ и служить по найму въ императорской варангіи, или гвардіи.

По этому пути, знаменитому austerwerg норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, нѣкоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники нашлись—согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, и пришли къ намъ въ 862 году. *М. Погодинъ.*

II. ГЛАВНЫЕ РОДЫ ПРЕДМЕТОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ:

ВЕЩЕСТВЕННЫЙ (ТѢЛО), НЕВЕЩЕСТВЕННЫЙ (ДУХЪ) И ОТВЛЕЧЕННЫЙ (ЯВЛЕНІЕ).

А. Тѣла и виды ихъ.

(1. По состоянію вещества: твердыя, жидкія и газы, 2. по качеству веществ-наго состава: простыя и сложныя, 3. по устройству ихъ: органическія и неорганическія, 4. по происхожденію: естественныя и искусственныя, и 5. по мѣстопребыванію: земныя и небесныя).

32. О мочальномъ промыслѣ.

I. МѢСТО ЭТОГО ПРОМЫСЛА.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ значительное пространство сѣверной Россіи, отъ берговъ Унжи и Ветлуги до Камы, встрѣчается не мало липъ, на истребленіи которыхъ основанъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ промысловъ, *промыселъ мочальный* [1]. Онъ состоитъ въ заготовленіи необходимыхъ въ русскомъ быту рогожъ разнаго рода, кулей, луба, мочалъ, лаптей и такъ называемыхъ сторожковыхъ снастей.

Мочальнымъ промысломъ занимаются въ слѣдующихъ 8 губерніяхъ: вятской, костромской, казанской, нижегородской, вологодской, тамбовской, пензенской и симбирской [2].

II. ВРЕМЯ ВЫѢЗДА МОЧАЛЬНИКОВЪ НА РАБОТЫ И РУБКА ЛИПЪ.

Лѣтнею порою, по вступленіи сока въ дерево, когда лубъ свободнѣе отъ него отдѣляется, что бываетъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, села, деревни и *починки* * начинаютъ пустѣть: крестьяне идутъ въ мочальники, забирая съ собою женъ своихъ, дѣтей и лошадей [3]. Тогда, въ глуши лѣсовъ, куда только съ трудомъ и изрѣдка можетъ достигнуть наблюдательное око лѣсохранителей, начинается и ревностно производится порубка всѣхъ встрѣчающихся липъ, изъ которыхъ рослыя даютъ лубъ и мочала, а молодыя, равно какъ и вѣтви и верхушки большихъ деревъ—одно только лыко, или немоченную липовую кору.

Рубкою липъ крестьяне занимаются нѣсколько недѣль, перенося въ это время зной, безпокойство отъ комаровъ и мошекъ и вліяніе болотъ, въ которыя они иногда погружаются по самый поясъ; лошади же ихъ нерѣдко погибаютъ при стаскиваніи лубьевъ: но все это естественно и обычно, а потому и не служитъ поводомъ къ жа-

* Починки—селище менѣе пяти дворовъ.

лобамъ, и не отвращаетъ отъ производства. Съ каждымъ новымъ годомъ повторяется одно и тоже: тѣже ожиданія, тѣже бѣдствія и тѣже удачи или неудачи.

III. СНЯТІЕ ЛУБА.

Со срубленныхъ деревъ снимается кора [4]. Снятіе ея однако же не всегда бываетъ равно успѣшно. Длятого, чтобы снятіе коры могло легко производиться, нужна теплая погода при дождяхъ; ибо говорятъ промышленники, тогда кору *вътромъ откачиваетъ, дождемъ отмачиваетъ*, тепломъ отпариваетъ. Когда же дождей нѣтъ, и бываетъ стужа; тогда липа соку не даетъ, и кора не отстаетъ отъ дерева «хоть топоромъ ея руби,» какъ выражаются мочальники.

Работа мочальниковъ вообще состоитъ въ слѣдующемъ. Подрубивши липу такъ, чтобы она не совсѣмъ упала, но держалась на комлѣ и уперлась сучьями въ землю, размѣряютъ ее на лубья, смотря по ея толщинѣ и возрасту. Если окружность комля имѣетъ шесть четвертей, то отмѣряютъ снизу три аршина для сухаго или *крышечнаго* луба, а далѣе для *мочальныхъ лубьевъ* по шести аршинъ, и таковыхъ съ одного дерева снимаютъ два, три, четыре, иногда и пять лубьевъ, смотря по длинѣ его, не обращая вниманія на толщину въ отрубѣ, хотя бы таковая вышла въ 3 и даже въ 2 вершка. Потомъ, обобравъ крупные сучья и даже вѣтви, складываютъ все въ одну трубу, что называется скалою. Скалы эти государственные крестьяне стаскиваютъ въ ручьи, рѣчки, болота и пруды, заблаговременно приготовленные въ казенныхъ дачахъ. Лубъ, моченый въ проточной водѣ, бываетъ бѣлѣе; при недостаткѣ же въ водѣ, лубья отъ засухи чернѣютъ. Самые пруды крестьяне сохраняютъ и передаютъ какъ бы наслѣдственное имѣніе, стаскивая въ нихъ лубья иногда за 20 и болѣе верстъ.

IV. ПРИГОТОВЛЕНІЕ РОГОЖЪ И ВИДЫ ИХЪ.

Въ мочищахъ лубья остаются до заморозовъ, т. е. до конца сентября и до октября мѣсяца: тогда они вынимаются и развѣшиваются на козлахъ, гдѣ и остаются до саннаго пути, во время коего уже отвозятся домой. Тутъ ихъ вѣшаютъ или кладутъ на полъ, въ особой, крѣпко натопленной избѣ, и когда вытечетъ съ нихъ вода, то раздираютъ на тонкія ленты. Чѣмъ болѣе вымочены лубья, тѣмъ лучше и тонѣе снимаются мочальныя ленты, и болѣе изъ нихъ выдѣлывается рогожъ.

Для тканья рогожъ имѣется станъ: четырехсторонняя рама, съ обыкновеннымъ, самымъ простымъ бердомъ, чрезъ который оснуются мочальныя ленты. Утокъ же пропускается сквозь него посредствомъ большаго челнока такимъ же образомъ, какъ и при тканіи холста.

Смотря по назначенію своему, рогожи дѣлаются разнаго рода, и въ торговлѣ встрѣчаются подъ разными названіями: есть рогожа *парная, рядная* или *цыновка, кулевая, крышечная*, или *таевка* (вѣроятно отъ таить, скрывать), *парусовка, табачная* и *карточная*, или карташовка. Кромѣтого употребляются еще въ костромской губерніи и другія названія рогожъ: *полуторнал, полупарная* и *берестовка.*

V. УПОТРЕБЛЕНІЕ ЛУБА И РАЗНЫЯ ЕГО НАЗВАНІЯ.

Еще въ 1483 г., какъ видно изъ грамоты того времени *, лубъ въ Россіи замѣнялъ иногда хартію (пергаментъ) или писчую бумагу; нынѣ же кому не случалось по крайней мѣрѣ слышать о лубочныхъ картинахъ! Но главная въ наши дни польза отъ луба состоитъ въ употребленіи его на крыши разныхъ крестьянскихъ построекъ и на покрытіе низовыхъ судовъ. Сухіе, или крышечные лубья снимаются съ толстомѣрныхъ деревъ, однакоже не очень старыхъ, у комля въ 2, $2^1/_2$ и 3 сажени высоты. По снятіи ихъ, они оставляются на мѣстахъ до заморозовъ или до перваго выпавшаго снѣга; тогда же, по счищеніи съ нихъ желѣзными скоблями наружной неровной коры, зажигаютъ стружки и нагрѣваютъ лубъ, при чемъ два человѣка держатъ оный по концамъ **. По мѣрѣ того, какъ въ лубѣ оказывается влага или теплота, его поворачиваютъ, и когда онъ выпрямится, т. е. перестанетъ быть кругловатаго или трубочнаго вида, его кладутъ подъ гнетъ и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ не высохнетъ [5]. Длина луба въ торговлѣ бываетъ отъ 9 до 12, а ширина отъ 5 до 8 четвертей. Всѣ лубья таковой ширины идутъ въ продажу вмѣстѣ, безъ разбора, и сотня ихъ, составляя на вѣсъ около 60 пудовъ, продается по 32 и до 40 р. асс. (9 до 11 р. 50 к. сер.). Лубъ, который хотя на палецъ уже 5 четвертей, называется *аршинникомъ*, и продается особо. Тотъ же, который уже аршина,—не сушится, потому-что онъ для крышъ уже не способенъ; онъ идетъ въ мочища и употребляется на мочала, для приготовленія которыхъ лубья мочальные раздѣляются на куски, шириною вершковъ въ 6. *Лубомъ мочальнымъ* называется тотъ, который идетъ въ мочища, и, по вынутіи изъ воды, употребляется на мочала для плетенія рогожъ. Этого рода лубья обыкновенно на срубленномъ деревѣ отмѣряются длиною въ 6 аршинъ. Съ одного такого луба выдѣлывается по 5 таевокъ или по 6-ти и 7-ми парусовокъ и по 7-ми или 8-ми карташевокъ; кулевыхъ же рогожъ вы-

* См. «правую грамоту Святогорскому (близъ Пскова) монастырю, на проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ, въ актахъ юридическихъ, изданныхъ археографическою коммиссіею» (Спб. 1838 г. 4) № 2, гдѣ сказано.... «досмотрѣли, да и на лубъ выписали, и передъ осподою положили, да и велись по лубу.»

** Такъ это дѣлается въ костромской губерніи; впрочемъ мнѣ сказывали, что въ вятской губерніи лубы выправляются и безъ согрѣванія.

ходитъ вполовину менѣе противъ таевочныхъ, потому-что онѣ и больше и плотнѣе.

Смотря по той части дерева, съ которой снимается лубъ, онъ называется *снятымъ* съ *комелеваго кряжа, подкомелевымъ, вершинным*ъ или наконецъ *снятымъ съ большихъ сучьевъ.*

VI. УПОТРЕБЛЕНІЕ ЛЫКА.

Сторожковою снастью называется канатъ, или веревка, плетеная изъ лыка. Для этихъ сторожковыхъ, или судовыхъ снастей вьются въ избахъ веревки, толщиною въ палецъ, изъ коихъ потомъ, на деревянномъ стану, на открытотъ мѣстѣ, посредствомъ простаго колеса, сплетаются канаты какой угодно толщины, точно также, какъ вьются пеньковыя веревки.

Изъ мочальныхъ веревокъ дѣлаются такъ называемые *сѣнные кошели,* на подобіе сѣти съ большими ячеями, для набивки сѣномъ при кормленіи лошадей.

Для *лаптей* лыко покупается ношицами (пучками) разной величины, такъ-что иная ноша стоитъ не болѣе гривенника, между тѣмъ-какъ большая продается и въ семь разъ дороже. Начинивъ лыко, дѣлаютъ заплетку, потомъ лапоть надѣвается на колодку, оправляется и ковыряется. Онъ оснуется въ однорядку. Женскій лапоть отъ мужскаго отличается только тѣмъ, что онъ дѣлается поменьше. Работа цѣнится въ столько же, сколько стоитъ лыко, и посредственный мастеръ можетъ изготовлять въ день пять паръ. Малыхъ дѣтскихъ лаптей десятокъ купишь и за гривенникъ, между тѣмъ-какъ десятокъ большихъ, смотря по отдѣлкѣ, можетъ стоить до 2 р. 50 к. ассиг. (бол. 70 к. сер.) Оптовая и исключительная торговля лаптями вообще, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. На нижегородскую ярмарку лапти привозятся не цѣлыми судами, но какъ придаточная кладь, по одной или по нѣскольку тысячъ при другомъ товарѣ. Тутъ они покупаются по 6 р. и 7 р. асс. (по 2 р. сер.) сотня, а продаются врозь по 8 к. ассиг. Въ иное время требуется въ недѣлю до 3-хъ паръ порядочныхъ лаптей, которые портятся напболѣе, когда бываетъ *топталица*, т. е. когда послѣ оттепели слышится подъ ногами шорохъ. Въ кинешемскомъ уѣздѣ костромской губерніи есть казенное село Семеновское, которое, съ окружающими его деревнями, занимается преимущественно выдѣлкою лаптей. Лапти эти во множествѣ вывозятся на тамошніе базары, почему и самое это село въ народѣ извѣстно подъ названіемъ *лапотнаго.* Увѣряютъ, что какъ здѣсь, такъ и въ помѣщичьемъ селеніи Молвитинѣ, на каждый зимній базаръ доставляется до 100,000 паръ лаптей; тѣ, которые продаются въ Молвитинѣ, по выдѣлкѣ своей считаются лучшими.

Лапти въ Россіи чисто національная обувь, и уже въ X вѣкѣ

русскія лѣтописи упоминаютъ о *лапотникахъ* по случаю того, что болгары носили сапоги *. Не безъ основанія, конечно, лапоть, плетеный изъ липоваго лыка, признается самою удобною обувью: они ложатся по ногѣ и не жмутъ ея; намокнувъ же, скоро просыхаютъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ липы, и гдѣ крестьяне не знаютъ или не хотятъ знать веревочной и соломеной обуви, они принуждены бываютъ прибѣгать къ корѣ другихъ деревъ, именно къ березовой скалѣ и берестѣ и къ лыкамъ, снимаемымъ съ лозы и съ бредины. Но лапти, дѣланные изъ бересты—хотя довольно носки—жмутъ ногу, и, особенно намокнувъ, дѣлаются жесткими; плетеные же изъ лозы и бредины, имѣя болѣе гибкости, плотнѣе ложатся по ногѣ. Однакожь первые, побывавъ въ водѣ, чернѣютъ, а послѣдніе отъ сырости краснѣютъ.

VII. КУДА И НА ЧТО ИДУТЪ ОБОДРАННЫЯ ЛИПЫ?

Лѣсъ ободранныхъ липъ также употребляется въ дѣло. Въ немаломъ количествѣ изъ липоваго дерева выдѣлываются дощечки для иконнаго писанія, которыя съ Ветлуги отвозятся въ *вязниковскій уѣздъ* владимірской губерніи, и тамъ продаются по находящимся при р. Тезѣ селеніямъ, обитаемымъ иконописцами. Такъ напр. въ одно село *Холуйскую слободу* ихъ доставляется каждую зиму до 1,200 возовъ, въ село Мстеру около 300 возовъ, и т. д. Весь этотъ на образа идущій липовый лѣсъ можетъ быть оцѣненъ въ годъ примѣрно въ 300,000 руб. асс.: ибо возъ липовыхъ дощечекъ въ 18 и 20 пуд. продается рублей по 30.

Другое примѣчательное издѣліе, о коемъ тутъ можно упомянуть, суть липовые складные черемисскіе стулья, которые дѣлаются въ царевококшайскомъ уѣздѣ казанской губерніи, и продаются на нижегородской ярмаркѣ рублей по 35 (10 р. сер.) сотня. Теперь ихъ въ Нижній стали привозить менѣе, такъ-что въ 1840 г. этихъ черемисскихъ стульевъ только человѣкъ у трехъ было по тысячи; прежде же требованія на оные и доставка была значительнѣе. Въ Казани, куда эти стулья привозятся верстъ за 80, они покупаются по 25 и даже по 23 к. асс. штука; продаются тамъ они десятками, а на возъ кладется отъ 25 до 40 штукъ.

Липовое же дерево идетъ на иконостасы и для рѣзной работы, въ особености на тѣ дощечки, которыя употребляются въ ситцевыхъ фабрикахъ для набивки красокъ на миткали, также на разную мебель и домашнюю утварь, какъ-то: на кадки, корыта, склад-

---

* Добрыня, дядя Владиміра, увидѣвъ въ 985 г. на плѣненныхъ болгарахъ сапоги, сказалъ: «иже суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ.» Лаврентіевскаго списка Несторова лѣтопись изд. Тимковскаго М. 1824 г. ст. 52.

ни * липовыя сковороды и разную другую посуду, и наконецъ на жженіе золы.

VIII. ВЫГОДЕНЪ ЛИ ЭТОТЪ ПРОМЫСЕЛЪ ДЛЯ СТРАНЫ?

Лѣсныя узаконенія нынѣ стараются ограничить непомѣрное истребленіе липовыхъ деревъ, и слѣды сего ограниченія уже замѣчаются въ торговлѣ; но совершенное хотя и временное воспрещеніе мочальнаго промысла, даже въ случаѣ возможности, было бы неумѣстно. Дерево, достигнувъ опредѣленнаго возраста, истлѣваетъ, и то, чѣмъ не пользуется человѣкъ, гибнетъ по законамъ природы. Къ тому же какое стѣсненіе произошло бы въ быту русскаго селянина и торговца, когда бы онъ долженъ былъ вдругъ отказаться отъ мочальныхъ издѣлій, состоящихъ въ столь тѣсной связи съ первыми потребностями его жизни. Крышу свою онъ кроетъ лубомъ, ходитъ онъ въ лаптяхъ, плетенныхъ изъ лыкъ, третъ себя въ банѣ мочалкой, стелитъ подъ себя рогожу, ссыпаетъ хлѣбъ онъ въ кули, просѣваетъ муку сквозь рѣшето лыковое.... Однакоже какъ ни велики потребности, удовлетворяемыя мочальнымъ промысломъ, безотчетное истребленіе липы не можетъ быть терпимо; а потому желательно было бы поощреніе выдѣлки такихъ предметовъ, которые могутъ замѣнить издѣлія мочальныя. Такъ напр. полезно бы было споспѣшествовать:

a) введенію новаго рода крышъ, для уменьшенія потребности въ лубѣ;

b) распространенію веревочной и всякой другой обуви вмѣсто лыковой;

c) умноженію льняныхъ, пеньковыхъ и другихъ посѣвовъ волокнистыхъ растеній и выдѣлкѣ грубыхъ, шерстяныхъ тканей, могущихъ служить для паковки товара и подъ насыпку хлѣбовъ, въ замѣнъ рогожъ и кулья и т. п. *П. Кеппенъ.*

Объяснительное чтеніе.

1. О чемъ мы прочли и что узнали изъ прочтеннаго? Что же встрѣчается въ лѣсахъ отъ береговъ Унжи до Камы? Стало, о чемъ здѣсь говорится? Что такое липа? Видали вы когда-нибудь липу? А если видали, стало, она есть? А если липа есть, значитъ, она—предметъ? Видите, какой предметъ липа—предметъ, который признать, примѣтить можно черезъ зрѣніе. Изъ липы течетъ сокъ, если прорѣзать ея лубъ,—нивали вы его? Каковъ на вкусъ? По вкусу сока можно ли признать липу? Значитъ, липу признать можно по вкусу, когда отвѣдаешь ея соку? Но видали ли вы цвѣтъ на липѣ? Подходя къ липѣ близко, и, не видя ея цвѣтовъ, догадаетесь ли вы, что липа не далеко? Черезъ какое же чувство вы признаете липу? Стало,

---

* Такъ называются складывающіяся вмѣстѣ двѣ чаши.

липу можно признать и обоняніемъ. А осязаніемъ, узнать можно? Ея кора такая же на ощупь, какъ у березы или дуба? Видите, какой хорошій предметъ—липа; всѣмъ чувствамъ дается,—черезъ всѣ чувства мы можемъ признать ее.

Но одна ли на свѣтѣ липа, которую можно признавать посредствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ? Назовите нѣсколько предметовъ, которые познаете 1. зрѣніемъ, 2. слухомъ, 3. обоняніемъ, 4. вкусомъ и 5. осязаніемъ. Стало-быть, много есть предметовъ, которые мы можемъ узнавать при помощи нашихъ чувствъ.

Посмотримъ, дальше, нѣтъ ли еще чего общаго за такими предметами. Когда мы осматриваемъ липу, что у ней видимъ? Вѣтки, листья, кору, сокъ—все это части липы. А чѣмъ она держится въ землѣ? Значитъ, и корни принадлежатъ къ частямъ липы? Выходитъ, что липа, которую мы признаемъ черезъ наши чувства, есть и такой предметъ, который состоитъ изъ частей. Это ужъ другой будетъ признакъ ея. А одна ли липа состоитъ изъ частей? Укажите мнѣ части въ знакомыхъ вамъ предметахъ, напр. въ тѣлѣ человѣческомъ, въ травкѣ и т. п.

Гдѣ липа растетъ, находится? Стало, у ней есть мѣсто, которое она занимаетъ? Можетъ ли ея мѣсто занять другое дерево въ тоже самое время? Вотъ ужъ третій признакъ. Укажите мнѣ другіе предметы, которые тоже занимаютъ опредѣленное мѣсто. Стало, не одна липа такой предметъ?

—А если я васъ спрошу, какую вы липу можете поднять и унести—толстую и большую или тоненькую и маленькую? Отчего? Выходитъ, липа есть еще и такой предметъ, который тяжесть имѣетъ. Это новый признакъ. Укажите мнѣ другіе предметы, которые имѣли бы тяжесть, вѣсъ.

Сколько же признаковъ-то мы съ вами отъискали въ липѣ и др. предметахъ! А знаете ли, какъ люди называютъ такіе предметы? Предметы съ такими признаками называются тѣлами; то, изъ чего они состоятъ, называется веществомъ или матеріею, оттого и самыя тѣла иначе называютъ *вещественными предметами*. Количество вещества въ тѣлѣ назыв. массою. Тѣло и вещественный предметъ—одно и тоже.

Итакъ *липа* есть тѣло, или вещественный предметъ.

—Кромѣтого, что «въ лѣсахъ.... еще что сказано? Кто основанъ? на чемъ основанъ? А что вы понимаете подъ словомъ «промыселъ»? Изъ чего добываютъ, промышляютъ мочала? Какъ и на что добываютъ ихъ? Видали вы мочала? Значитъ, есть они? Итакъ мочала можно назвать предметомъ вещественнымъ? А тѣломъ? Почему? Но мочало и липа не разнятся ли по своему происхожденію? Чѣмъ разнятся? Да, липа родится въ лѣсу, ростетъ тамъ, а мочало добывать искусился, догадался человѣкъ изъ липоваго луба; догадался намочить и разодрать на ленты; липа безъ насъ ростетъ, она родится въ лѣсу,—а мочала безъ нашей работы не бываютъ, они дѣлаются людьми. Выходитъ, если разобрать, какъ произошло то или другое тѣло, то увидишь разницу между ними: одно родилось, другое сдѣлано. Замѣтьте эту разницу; по ней отличаютъ тѣла, одно отъ другаго: тѣ тѣла, которыя родились въ природѣ, находятся въ томъ состояніи, какъ они произошли, называются *естественными* (или иностранными слов. физическими) тѣлами; тѣ же, которыя сдѣлалъ человѣкъ на свою потребу, сколько-нибудь измѣнивши ихъ, называются *искусственными*. Хорошо ли вы это поняли? Испытаемъ: *бревна*, изъ которыхъ строится изба, *кирпичи*, изъ которыхъ складена печь, *заслонка*, которой закрываютъ печь, *мочала*, изъ которыхъ ткутъ рогожи, цыновки—какія это будутъ тѣла: естес-

твенныя или искусственныя? А деревья, глина, желѣзо, липа—какія тѣла? Насчитайте сами нѣсколько естественныхъ и искусственныхъ тѣлъ.

2. Гдѣ занимаются м. промысломъ? Въ нашихъ мѣстахъ занимаются имъ или нѣтъ? Какимъ же промысломъ занимаются въ нашей сторонѣ?

3. Кто начинаютъ пустѣть? Когда? Когда же именно лѣтнею порою? Позвольте—помните ли вы, что такое называется тѣломъ? Что жь, дерево будетъ ли тѣло? А о какомъ деревѣ идетъ дѣло? Хорошо,—поговоримъ-те еще о тѣлѣ физическомъ, по чемъ мы признаемъ его. Занимаетъ ли опредѣленную часть мѣста липа? Можете ли сказать, на сколько она *протягивается* въ вышину, толщину? Если срубятъ его, займетъ ли оно тоже опредѣленную часть мѣста? Вы можете сказать, на сколько оно протянулось? А другія тѣла, напр. кусокъ желѣза, глины, горсть песку—тоже занимаютъ опредѣленную часть мѣста, простираются на извѣстную мѣру, протягиваются? Значитъ, по протяженію тѣла можно признавать тѣла? Протяженіе свойственно тѣламъ, какъ бы иное изъ нихъ мало ни было. Свойство тѣлъ занимать опредѣленную часть мѣста, такъ-сказать протягиваться въ пространствѣ, называютъ *протяженностью*.

Но дерево, занимая опредѣленную часть мѣста, пускаетъ ли въ тоже самое время на свое мѣсто другое дерево, или другое тѣло; другими словами—другое какое дерево въ тоже время можетъ ли проникнуть въ мѣсто занятое? Лежитъ срубленное дерево на мѣстѣ,—въ тоже время и на томъ же мѣстѣ можно ли положить другое? А подлѣ него? На него? Такъ, подлѣ дерева, на дерево можно положить другое дерево или что-нибудь иное, но на занятое имъ мѣсто ничто пройти, проникнуть не можетъ. Это свойственно ли другимъ тѣламъ кромѣ дерева? Напримѣръ—Свойство тѣла—не пускать на занятое имъ мѣсто другое тѣло, свойство, по которому на занятое однимъ тѣломъ мѣсто другое тѣло не можетъ проникнуть—называется *непроницаемостью*.

—*Села, деревни и починки начинаютъ пустѣть лѣтнею порою, по вступленіи сока въ дерево.* Видали вы сокъ липовый? И конечно пивали? На что онъ похожъ? Если онъ похожъ на воду, какъ же онъ можетъ вступать въ дерево,—вѣдь дерево твердо, плотно, слѣд. непроницаемо? Въ деревѣ, какъ и во всякомъ тѣлѣ, частички вещества, изъ котораго оно состоитъ, не плотно сцѣпляются между собою, но между ними есть промежутки; *сквозь* нихъ-то тѣла потоньше могутъ проходить, оттого прожежутки эти зовутъ *скважинами* или порами. Когда вы бѣгаете много, разогрѣетесь,—у васъ—замѣтили вы—выступаетъ потъ, который иногда градомъ катится по лицу? Откуда онъ? Стало, и въ нашемъ тѣлѣ есть также поры, или скважины, да и во всякомъ тѣлѣ онѣ есть, только въ иныхъ тѣлахъ скважины замѣтны простому глазу (въ пробкѣ, губкѣ), а въ другихъ простому глазу не замѣтны. Значитъ, скважины свойственны, принадлежатъ всякому тѣлу, и по нимъ мы можемъ признать извѣстный предметъ за тѣло; а потому это есть общее свойство тѣлъ: оно называется *скважностію*.

4. Что снимается? Съ чего снимается? А можно ли срубленное дерево перерубить еще на нѣсколько частей? Можно получить части въ аршинъ, въ поларшина, въ четверть, въ вершокъ? Разрубая, мы так. образомъ раздѣлили одно цѣлое дерево на нѣсколько долей или частей: слѣд. липа способна и дѣлиться? Она ли одна способна къ дѣленію? Можно ли рожь дѣлить? Если смолоть ее, что выйдетъ изъ зе-

ренъ? Отъ чего меньше частички—отъ разрубленнаго дерева или отъ зеренъ ржи? Не только дереву и ржи свойственно дѣлиться, но и всѣмъ тѣламъ; слѣд. по дѣленію тѣла на части мы можемъ признать предметъ за тѣло физическое? Способность, свойство тѣлъ дѣлиться на большее или меньшее число частей назыв. *дѣлимостью.*

5. Что дѣлается съ лубомъ, когда его попагрѣютъ? Прежде въ какомъ видѣ былъ? Отъ теплоты какой видъ принялъ? Что замѣчается, когда теплота дѣйствуетъ на лубъ? Куда же идетъ этотъ паръ? Расходится ли онъ по всей избѣ? Вотъ какъ онъ расширяется! А если сдѣлать въ избѣ похолоднѣе, тогда что съ нимъ будетъ? Онъ сожмется въ капли. Стало, паръ способенъ расширяться въ объемѣ и сжиматься; это свойственно и другимъ тѣламъ. Эти свойства называютъ въ тѣлахъ *расширяемостью* и *сжимаемостью.*

—Для чего кладутъ лубъ подъ гнетъ, когда онъ выпрямится? Остался ли онъ въ прежнемъ своемъ видѣ? Что жъ было бы съ нимъ безъ этого гнета? Стало, опять принялъ бы прежній видъ, кругловатый? Можно ли измѣнить видъ луба безъ теплоты, другимъ способомъ? Да, растянуть руками,—если отпустить его, что опять будетъ? Когда тѣло сжимаемъ или расширяемъ, тогда оно измѣняетъ свой видъ и свой объемъ, но лишь удалимъ отъ него сжатіе или расширеніе, то иное тѣло принимаетъ вполнѣ свой прежній видъ, а другое—не много измѣненный. Въ большей или меньшей мѣрѣ это всѣмъ тѣламъ свойственно,—и это свойство—принимать свой прежній видъ и объемъ, по удаленіи силы сжимающей или расширяющей, называется *упругостью.* Вотъ ужь сколько свойствъ и признаковъ мы насчитали за тѣлами, но это еще не всѣ: есть одно свойство у тѣлъ, о которомъ мы еще не говорили — это *косность* или *инерція,* по которой вещественное тѣло само собою не можетъ выйдти изъ своего состоянія, въ которое оно поставлено. Въ двоякомъ состояніи оно бываетъ: въ *покоѣ* и въ *движеніи.* Чтобы выйти тѣлу изъ покоя, двинуться, непремѣнно нужна посторонняя сила, толчокъ отъ чего-нибудь; само собою двинуться не можетъ,—такъ равно и остановиться въ движеніи.

Итакъ пересчитаемъ-те свойства, общія всѣмъ тѣламъ, разумѣется, въ большей или меньшей степени: *протяженность, непроницаемость, скважность, дѣлимость, расширяемость, сжимаемость, упругость и косность или инерція.*

33. Тѣла по состоянію вещества.

Современная физика разсматриваетъ вещество въ трехъ состояніяхъ его существованія: въ видѣ *твердомъ, жидкомъ* и въ *воздухообразномъ*, или въ видѣ газа, а потому всѣ физическія (вещественныя) тѣла раздѣляетъ на *твердыя, жидкія* и *газы (упругія жидкости),* и опредѣляетъ для каждаго изъ этихъ состояній особенные законы, по которымъ происходятъ въ веществѣ перемѣны отъ дѣйствія на него внѣшнихъ или внутреннихъ силъ. Хотя большая часть физическихъ тѣлъ, не измѣняя внутреннихъ своихъ качествъ, могутъ переходить изъ одного состоянія въ другое, какъ напр. вода *(жидкое тѣло)*, при перемѣнѣ температуры, переходитъ или въ ледъ *(твердое тѣло)*, или въ пары *(газъ)*; однакоже есть и такія ве-

щества, которыя остаются при всѣхъ условіяхъ только въ одномъ состояніи газа *. Такого рода вещества названы *постоянными газами*.

М. Спасскій.

34. Отличительныя свойства тѣлъ по состоянію вещества.

Всякое тѣло, находящееся на землѣ, непремѣнно принадлежитъ одному изъ трехъ отдѣловъ, нами (ст. 33) названныхъ, т. е. всякое тѣло на землѣ есть или твердое или жидкое или газъ; все же, чего нельзя отнести къ нимъ, какъ напр. свѣтъ, теплородъ, не называется тѣломъ.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ тѣлъ имѣетъ свои отличительныя свойства. Твердыя тѣла жестки, ковки, гибки, тягучи и т. п.; они обладаютъ или только нѣсколькими изъ этихъ свойствъ или всѣми, въ весьма различной степени, при чемъ каждое свойство слѣдуетъ особымъ законамъ. Всѣ твердыя тѣла или уже имѣютъ опредѣленную форму, или получаютъ ее дѣйствіемъ внѣшняго давленія: ковкою, пиленіемъ, струганіемъ, точеніемъ и т. д., и сохраняютъ ее до тѣхъ поръ, пока новая внѣшняя причина не измѣнитъ этой формы.

Жидкія тѣла, по особому имъ всѣмъ принадлежащему свойству, называются также *капельными*. Свойство это состоитъ въ томъ, что жидкость, во время паденія въ маломъ количествѣ, принимаетъ форму шарика, или капли. Нѣтъ ни одной жидкости, которая, будучи выливаема изъ сосуда, предоставленная самой себѣ, падала бы не въ видѣ шарика. Кромѣ этого случая, жидкость не имѣетъ никакой формы, а принимаетъ ее отъ сосуда, въ которомъ заключена; тамъ, гдѣ нѣтъ сосуда, жидкость разливается во всѣ стороны, пока всѣ частицы ея не придутъ въ равновѣсіе. Поверхность жидкости, пришедшей въ равновѣсіе, называемая горизонтальною, вообще бываетъ выпукла: это справедливо какъ для широкаго стакана, такъ и для океана, только въ послѣднемъ гораздо замѣтнѣе.

Газообразныя тѣла отличаются отъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ тѣмъ, что рѣшительно не имѣютъ никакой формы; они принимаютъ форму сосуда, въ которомъ содержатся, подобно жидкимъ тѣламъ, но не образуютъ горизонтальной поверхности, а наполняютъ его такъ, какъ воздухъ наполняетъ открытый сосудъ. Тѣла этого рода имѣютъ постоянное стремленіе занимать бо́льшій объемъ, или расширяться, т. е. распространяться по всему доступному для нихъ пространству, — и только тогда не расширяются, когда встрѣчаютъ со всѣхъ сторонъ механическое, достаточно сильное давле-

* Здѣсь разумѣются только тѣ различныя условія, при которыхъ *постоянные газы*, или дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ, или поставляемы были искусственнымъ образомъ,—въ физическихъ опытахъ,—для наблюденія; но можетъ статься, есть условія, неизвѣстныя намъ, при которыхъ и постоянные газы могутъ переходить въ жидкія и твердыя тѣла.

ніе. Если воздухъ не выходитъ изъ открытаго сосуда, то только потому, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ атмосферою; по удаленіи ея, воздухъ тотчасъ бы оставилъ сосудъ и распространился по всему пространству.

35. Газы: кислородъ, азотъ, углекислота и водородъ.

Кислородъ, какъ и самый атмосферный воздухъ, есть газъ, неимѣющій ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха. Зажженная свѣча горитъ въ немъ гораздо ярче и скорѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ. Животныя дышатъ въ немъ въ началѣ также съ большею легкостію, но при этомъ въ нихъ ускоряется кровообращеніе; потомъ они приходятъ въ лихорадочное состояніе, и наконецъ умираютъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздраженія органовъ дыханія: жизнь ихъ гаснетъ отъ истощенія силъ, подобно свѣчкѣ, слишкомъ ярко горящей, но зато и скоро сгорающей.

Кислородъ можно легко добыть, смѣшивая продажную бертолетову соль (хлорноватокислое кали) съ небольшимъ количествомъ песку, толченаго стекла или марганца, и нагрѣвая смѣсь въ стклянкѣ или колбѣ надъ спиртовою лампою. Какъ только смѣсь расплавится, газъ начинаетъ отдѣляться, и въ короткое время наполняетъ колбу. Присутствіе его нельзя открыть ни зрѣніемъ, ни другимъ чувствомъ; но стоитъ только погрузить въ колбу тлѣющую лучину, раскаленный уголь или кусокъ зажженнаго фосфора—и ослѣпительный свѣтъ, которымъ будетъ окружено горящее тѣло, тотчасъ же обнаружитъ въ колбѣ присутствіе кислорода. Даже накаленная стальная пружина, при погруженіи въ кислородъ, горитъ, разбрасывая во всѣ стороны яркія искры.

Азотъ есть также газъ, неимѣющій, подобно кислороду, ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха; но зажженная свѣча мгновенно въ немъ гаснетъ, а животное задыхается. Для добыванія его, кладутъ кусочекъ зажженнаго фосфора на маленькую, плавающую на водѣ чашечку, и накрываютъ послѣднюю сосудомъ съ узкимъ горломъ такъ, чтобы отверстіе сосуда было погружено немного въ воду; горящій фосфоръ поглощаетъ кислородъ воздуха, находящагося въ сосудѣ, такъ-что въ немъ остается одинъ азотъ. Когда фосфоръ перестанетъ горѣть, и сосудъ охладится; то послѣдній закупориваютъ и вынимаютъ изъ воды. Если затѣмъ опустить въ сосудъ горящую свѣчу, то она мгновенно погаснетъ, и этимъ обнаружитъ присутствіе азота.

Кислородъ одною девятою частію тяжелѣе, а азотъ одною тридцать шестою легче обыкновеннаго воздуха.

Углекислота есть газъ, подобно кислороду и азоту, безцвѣтный, но съ слабымъ запахомъ и замѣтно кислымъ вкусомъ. Горящія тѣла въ немъ гаснутъ, а животныя задыхаются. Онъ вдвое тяжеле

обыкновеннаго воздуха, и поэтому его, при совершенно спокойномъ воздухѣ, можно переливать изъ одного сосуда въ другой, какъ воду. Если его пропускать сквозь прозрачную известковую воду *, то онъ, соединяясь съ растворенною въ жидкости известію, образуетъ съ нею нерастворимый порошокъ, отъ котораго вся жидкость принимаетъ молочный цвѣтъ. Порошокъ этотъ называется *углекислою известію*, потому-что содержитъ углекислоту: это обыкновенный мѣлъ, только въ раздробленномъ видѣ. Всѣ шипучіе и пѣнистые напитки оттого только шипятъ и пѣнятся, что содержатъ въ себѣ углекислоту, которая при всякомъ удобномъ случаѣ стремится освободиться изъ нихъ въ воздухъ. Углекислота состоитъ изъ кислорода и углерода, и образуется при горѣніи послѣдняго; черный и непрозрачный уголь превращается при этомъ въ газообразное и невидимое тѣло.

Углекислоту добыть весьма легко: стоитъ на обыкновенный мѣлъ налить уксуса или разведенной соляной кислоты. Образующійся при этомъ газъ появляется въ видѣ пузырьковъ на поверхности жидкости; но будучи тяжелѣе воздуха, не поднимается вверхъ, а остается въ нижней части сосуда.

По мѣрѣ того, какъ количество углекислоты увеличивается, она вытѣснятъ находящійся въ сосудѣ воздухъ, и наконецъ переливается, подобно водѣ, чрезъ края сосуда. Чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности этого явленія, стоитъ только опустить въ сосудъ двѣ зажженныя свѣчки, прикрѣпленныя на различной высотѣ къ одной и тойже палочкѣ. При этомъ легко замѣтить, что нижняя погаснетъ въ то время, когда верхняя еще будетъ горѣть.

Водородъ есть газъ, который въ чистомъ состояніи безцвѣтенъ, безвкусенъ и не имѣетъ запаха. Но отъ азота, кислорода и углекислоты онъ отличается: 1) тѣмъ, что легче всѣхъ извѣстныхъ веществъ, 2) тѣмъ, что воспламеняется и горитъ въ воздухѣ, если поднести къ нему зажженную свѣтильню.

Его можно легко приготовить: стоитъ положить въ стклянку два кусочка цинка или желѣза, и влить туда нѣсколько купороснаго масла (сѣрной кислоты), которое предварительно развести равнымъ ему по вѣсу количествомъ воды. Когда отдѣлится столько газу, сколько нужно, чтобы вытѣснить простой воздухъ, тогда можно вдѣлать въ горлышко стклянки стеклянную трубочку или просто чубукъ, продѣтый въ пробку; тотчасъ станетъ выходить струя газа, которую можно зажечь свѣчею,—пламя получается очень блѣдное. Если держать надъ пламенемъ совершенно сухой и холодный стаканъ, то увидимъ, что на внутренней стѣнкѣ стакана осаждается

---

* Для приготовленія известковой воды, обливаютъ гашеную известь водою, и перемѣшиваютъ, и, когда растворъ отстоится, сливаютъ чистую жидкость.

роса, которая мало-помалу собирается въ замѣтные шарики, и наконецъ падаетъ въ видѣ чистой капли воды. Эта вода происходитъ оттого, что водородъ изъ стклянки сгараетъ въ кислородѣ воздуха. Во время этого сгаранія онъ *соединяется* съ кислородомъ, и получается вода. Необыкновенную легкость (въ $14^1/_2$ легче воздуха) водорода можно видѣть, если погасивъ газъ, впустишь его въ небольшой пустой шаръ, помѣщенный надъ струей; какъ только шаръ наполнится газомъ, онъ тотчасъ подымется вверхъ, и такимъ образомъ покажетъ, что водородъ не только легче воздуха, но легче на столько, что въ состояніи носить съ собою по воздуху тяжелыя тѣла. Легкости этого газа обязаны мы тѣмъ, что можемъ путешествовать по воздуху на обыкновенныхъ шарахъ.

Водородъ кромѣ воды находится еще во многихъ другихъ веществахъ, въ каменномъ углѣ, въ деревѣ, въ маслахъ и жирахъ, въ спиртѣ и почти во всѣхъ горючихъ веществахъ, и вездѣ, гдѣ онъ совершенно сгораетъ въ воздухѣ, образуется вода отъ соединенія его съ кислородомъ.

Эта вода обыкновенно подымается въ воздухъ въ видѣ незамѣтнаго пара.

36. Различіе газовъ отъ другихъ тѣлъ по впечатлѣнію на наши чувства.

Вещество, въ состояніи газа, не производитъ на наши чувства такихъ впечатлѣній, на основаніи которыхъ можно бы было легко удостовѣриться въ его присутствіи и опредѣлить его свойства, подобно тому, какъ мы это дѣлаемъ относительно твердыхъ тѣлъ и жидкостей. Воздухъ, который занимаетъ собою окружающее насъ пространство, невидимъ для нашего глаза, и не ощутителенъ посредствомъ осязанія; при покойномъ состояніи его, мы не встрѣчаемъ отъ него почти никакого сопротивленія во время разнообразныхъ медленныхъ движеній нашего тѣла; только при быстрыхъ движеніяхъ мы получаемъ отъ него какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, по которому заключаемъ о всегдашнемъ присутствіи чего-то вокругъ насъ; но стремительные порывы вѣтра, обнаруживающіе ужасную разрушительную силу, уже ясно свидѣтельствуютъ намъ о вещественности того, чѣмъ наполнено все доступное намъ пространство; однакожъ тѣмъ и ограничивается наше понятіе о немъ, составляемое изъ совокупности непосредственно получаемыхъ отъ него впечатлѣній.

Поэтому неудивительно, что до половины XVII столѣтія о воздухѣ существовало весьма темное понятіе; весьма важный вопросъ о его тяжести рѣшаемъ былъ то положительно, то отрицательно, на основаніи однихъ умозрительныхъ тонкостей, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ другія свойства его оставались вовсе неизвѣстными.

37. Атмосфера и главныя составныя ея части.

Поверхность земнаго *шара* покрыта особенною оболочкою изъ весьма тонкаго и прозрачнаго вещества, которую мы привыкли называть *атмосферою*, просто *воздухомъ*, или наконецъ *воздушнымъ океаномъ*. Вмѣстѣ уже съ этою оболочкою земля совершаетъ свое суточное и годовое движеніе. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этой *атмосферѣ* и постигнуть значеніе, какое она имѣетъ во всѣхъ явленіяхъ, прежде всего необходимо ознакомиться съ физическими свойствами того вещества, изъ котораго она состоитъ.

Долгое время думали, что атмосферный воздухъ есть простое-однородное вещество (стихія), и для объясненія выдѣляющейся изъ него воды въ видѣ дождя, снѣга и пр., за недостаткомъ положительныхъ химическихъ свѣдѣній, приписывали ему способность переходить въ воду (жидкость) и даже въ землю (твердое тѣло) [1]. Только послѣ открытія свойствъ кислорода, сдѣланнаго въ 1774 г. Пристлеемъ, стали отличать одно воздухообразное вещество отъ другаго, и пришли наконецъ къ убѣжденію, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ различныхъ газовъ. При настоящемъ состояніи химіи, воздухъ считается смѣсью двухъ постоянныхъ газовъ (см. ст. 35), кислорода и азота, которая всегда сопровождается *углекислотою* и *водяными парами* также въ газообразномъ состояніи. Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается въ немъ, въ едва замѣтномъ количествѣ, водородъ. Углекислота и водяные пары, всегдашніе спутники воздуха (смѣси кислорода и азота), составляютъ вообще весьма незначительную часть его (первая въ среднемъ числѣ около $^1/_{2500}$, а послѣдніе нѣсколько болѣе $^1/_{100}$), и подвержены болѣе или менѣе правильнымъ измѣненіямъ. Постоянные же газы находятся въ воздухѣ всегда и вездѣ въ одномъ и томъже отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ многочисленныя изслѣдованія надъ составомъ воздуха, взятаго изъ атмосферы въ разныхъ мѣстахъ: близъ самой земной поверхности и на различныхъ высотахъ ея, на открытыхъ—не заселенныхъ мѣстахъ и въ многолюдныхъ городахъ,—даже въ самыхъ тѣсныхъ жилищахъ,—показываютъ, что, за исключеніемъ углекислоты и водяныхъ паровъ,—которые сравнительно со всею массою воздуха, отдѣленнаго для изслѣдованія, составляютъ весьма малое количество,—во 100 частяхъ его всегда содержатся 21 часть кислорода и 79 частей азота по объему, или 23 кислорода и 77 азота по вѣсу. Таково постоянное отношеніе между составными частями воздуха, не подлежащее въ настоящее время никакому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ точности, какія возможны въ употребляемыхъ нынѣ способахъ измѣренія. Итакъ въ воздухѣ всегда и вездѣ находятся четыре тѣла: кислородъ, азотъ, углекислота и водяные пары. Всѣ они равно необходимы для сохраненія животной и растительной

жизни на землѣ, но кислородъ и азотъ, по количеству, дотого преобладаютъ между ними, что обыкновенно говорятъ: воздухъ состоитъ только изъ азота и кислорода.

Объяснительное чтеніе.

1. Въ первыхъ строкахъ встрѣчается нѣсколько мудреныхъ словъ, не совсѣмъ для васъ понятныхъ: *простое, однородное вещество, стихія,* а пониманіе ихъ весьма важно для яснѣйшаго представленія о тѣлахъ. Между науками есть одна, которая занимается показаніемъ, изъ чего составлены всѣ тѣла; имя этой науки—*химія.* Химія разлагаетъ тѣла на составныя ихъ части, и объясняетъ, изъ какихъ частей составлено тѣло. Разлагая тѣла на составныя части, химія дошла дотого, что ясно и положительно опредѣлила, что иныя тѣла, (какъ напр. воздухъ, вода с. 41) составлены изъ частей, различныхъ по своему качеству, а другія наоборотъ составлены изъ частей одного и тогоже качества—(кислородъ, золото). Тѣла перваго рода называются *сложными,* а тѣла втораго рода—*простыми.* Въ сложныя тѣла входитъ вещество различнаго качества, въ простыя наоборотъ—вещество одного рода. Сложныхъ тѣлъ на землѣ безчисленное множество, простыхъ пока насчитываютъ только 60. Эти-то простыя тѣла служатъ основными веществами, изъ которыхъ образуется все вещественное на землѣ—за это-то простыя тѣла называютъ *началами.* Но это чисто русское слово часто замѣняется или греческимъ «*стихія*» или латинскимъ *элементъ:* на дѣлѣ слова: *начала, стихія* и *элементъ*—слова не отличающіяся значеніемъ.

38. Назначеніе составныхъ частей воздуха.

Еслибы не было вовсе атмосферы около нашей земли: тогда не было бы на ея поверхности ни растеній, ни животныхъ; кромѣтого дневной свѣтъ, по захожденіи солнца, смѣнялся бы мгновенно ночнымъ мракомъ;—равнымъ образомъ и температура не представляла бы такихъ постепенныхъ переходовъ, какъ теперь—ни при своихъ суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ въ одномъ и томъже мѣстѣ, ни при перемѣнѣ мѣста отъ экватора къ полюсамъ въ одно и тоже время. Относительно назначенія каждаго изъ химическихъ элементовъ ея,—если можно такъ выразиться,—мы замѣтимъ, что кислородъ необходимъ для дыханія животныхъ; углекислота необходима для жизни растеній, которыя поглощаютъ ее, или листьями непосредственно изъ атмосферы, или корнями изъ почвы, въ которую она проникаетъ вмѣстѣ съ водою; водяные пары разносятъ, такъ сказать, воду,—безъ которой ни животныя, ни растенія также существовать не могутъ,—по такимъ мѣстамъ, въ которыхъ на земной поверхности оказывается въ ней большой недостатокъ. Вотъ назначеніе составныхъ частей воздуха, которое прямо бросается въ глаза, по внимательномъ изслѣдованіи свойствъ ихъ! Чтоже сказать о *назначеніи азота,* составляющаго главную массу атмосфернаго

воздуха? Онъ, повидимому, не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ извѣстныхъ намъ процессахъ жизни животныхъ и растеній; самое названіе его отрицаетъ жизнь *. При настоящемъ состояніи науки, на этотъ вопросъ нельзя ничего отвѣчать положительнымъ образомъ. Мы можемъ смотрѣть на него, какъ на необходимую среду, въ которой первые три газа какъ будто растворяются съ тою цѣлію, чтобы дѣйствіе ихъ въ жизненныхъ процессахъ было не такъ быстро и сильно,—какъ на вещество необходимое для доставленія окружающему насъ воздуху бо́льшей плотности, безъ которой атмосфера не удовлетворяла бы общему назначенію своему, относительно болѣе равномѣрнаго распредѣленія свѣта и теплоты на земной поверхности. Мы можемъ указать еще на одно обстоятельство, изъ котораго открывается особенное *назначеніе* атмосфернаго воздуха, независимо отъ участія его въ жизненныхъ процессахъ: въ безвоздушномъ пространствѣ звукъ вовсе не распространяется; въ разрѣженномъ воздухѣ онъ становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше плотность его. Къ чему служилъ бы человѣку даръ слова, если бы атмосфера наша состояла только изъ газовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни въ царствѣ животномъ и растительномъ въ той же пропорціи, въ какой они теперь находятся, но не имѣла бы такой плотности, какую придаетъ ей азотъ? Наше слово не переливалось бы въ душу другаго посредствомъ звуковъ, дѣйствующихъ на органъ слуха; гармоническіе звуки музыки не приводили бы насъ въ такой восторгъ, какъ теперь. Но пусть болѣе живое воображеніе самихъ читателей представитъ въ болѣе яркихъ краскахъ то, что было бы на земной поверхности, если бы окружающая ее теперь атмосфера или вовсе несуществовала или состояла изъ другихъ элементовъ! *М. Спасскій.*

39. Высота атмосферы.

Повинуясь общему закону тяжести (притяженію земли), воздухъ не можетъ совершенно оставить поверхность земнаго шара; повинуясь же въ тоже время закону упругости, онъ не можетъ расположиться около этой поверхности ровнымъ и однороднымъ слоемъ, подобно тому, какъ располагается вода вокругъ твердой коры земной: внѣшнее (неизмѣримое) пространство, въ которомъ земля наша совершаетъ свое движеніе, безпредѣльно позволяетъ ему разширяться. Если бы разширительная сила (упругость) воздуха, при всѣхъ условіяхъ, оставалась постоянною, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что воздухъ мало-помалу разсѣялся бы по всему небесному

---

* Лавоазье назвалъ этотъ газъ азотомъ,—отъ греческаго *ἀ*,—частицы отриц. *не* и *ζωη*—жизнь, только въ противоположность кислороду, поддерживающему жизнь животныхъ.

пространству, потому-что земное притяженіе на его частицы уменьшается, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ земли. Но упругость воздуха также уменьшается, и притомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ его тяжесть, по мѣрѣ его удаленія отъ земной поверхности; потому-что на него со внѣшней стороны производится постепенно меньшее и меньшее давленіе. Слѣдовательно, на нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности земнаго шара, между означенными противоположными силами должно установиться равновѣсіе;—слѣдовательно воздушная оболочка земли (земная атмосфера) должна имѣть предѣлъ. Не смотря на то, что такое заключеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію, рѣшеніе вопроса о высотѣ атмосферы, т. е. объ опредѣленіи того разстоянія отъ поверхности земли, далѣе котораго воздухъ не распространяется, сопряжено съ величайшими затрудненіями. Эти затрудненія происходятъ оттого, что упругость воздуха измѣняется, по мѣрѣ возвышенія, не вслѣдствіе одного только уменьшенія давленія, претерпѣваемаго отъ внѣшнихъ слоевъ атмосферы, но кромѣ того и вслѣдствіе измѣненія температуры, которая также, по мѣрѣ возвышенія въ атмосферу, постепенно уменьшается, въ чемъ удостовѣряетъ насъ между прочимъ присутствіе снѣга на горахъ, поднимающихся выше опредѣленнаго для различныхъ мѣстъ земной поверхности предѣла, даже во время самаго теплаго и продолжительнаго лѣта.

Многіе ученые старались опредѣлить, посредствомъ болѣе или менѣе сложныхъ вычисленій, высоту атмосферы, и пришли къ заключенію, что она не можетъ простираться далѣе 54 верстъ. Конечно на этотъ выводъ (результатъ) надобно смотрѣть только, какъ на первое приближеніе къ истинѣ; однакоже противъ него нельзя привести ни одного возраженія, которое бы основано было на положительныхъ данныхъ: напротивъ того всѣ таковыя данныя ведутъ къ общему заключенію, что на бо́льшемъ или меньшемъ разстояніи отъ земной поверхности расширеніе воздуха должно прекратиться, и что атмосфера есть существенная, какъ бы отмежеванная часть земли, а не общее достояніе ея съ другими небесными тѣлами.

40. Эоиръ.

Раіспространеніе свѣта отъ небесныхъ свѣтилъ по всему пространству заставляетъ предполагать за предѣлами атмосферы присутств е особеннаго вещества, которому дали названіе *эоиръ*. Но какія отличительныя и существенныя свойства этого эоира? Есть ли это новое особенное водоизмѣненіе обыкновеннаго вещества, подобно тому, какъ состояніе физическихъ тѣлъ въ видѣ *твердомъ, жидкомъ* и *газообразномъ* представляетъ намъ три видоизмѣненія одного и тогоже вещества, или эоиръ составляетъ особенный *эле-*

ментъ? Рѣшеніе всѣхъ таковыхъ вопросовъ принадлежитъ въ настоящее время области чистыхъ гаданій *(гипотезъ)*.

41. Вода, которую пьемъ.

I. Составъ и свойства чистой воды.

Вода, которую мы пьемъ, почти также важна, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Она составляетъ $^3/_4$ всего вѣса животныхъ и растеній, есть самое обильное вещество, какое встрѣчается намъ на землѣ, и покрываетъ на неизвѣданной глубинѣ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всей поверхности.

Чистая вода состоитъ изъ двухъ простыхъ тѣлъ или элементовъ: кислорода и водорода, соединенныхъ въ такой пропорціи, что 9 фунт. чистой воды содержатъ 8 фунт. кислорода и 1 фунтъ водорода.

Необходимость воды для животной и растительной жизни ясна ужъ изъ того, что она составляетъ такую значительную часть тѣла животныхъ и растеній. Многія свойства ея такъ чудно приспособлены къ удобству нашей жизни, удовлетворенію нашихъ ежедневныхъ потребностей и поддержанію настоящаго порядка вещей, что невольно возбуждается любопытство покороче съ ними ознакомиться.

1. Въ чистой водѣ нѣтъ ни вкуса, ни запаха: это всего менѣе цѣнимое качество ея чрезвычайно важно для благосостоянія животнаго міра. Нашему обонянію нравятся, по временамъ, ароматическія испаренія; мы съ удовольствіемъ ѣдимъ лакомства за ихъ пріятный вкусъ: но если бы атмосфера постоянно была напитана ароматомъ и благоуханіемъ, или если бы желудокъ постоянно обремененъ былъ приправленными кушаньями; то здоровье наше неминуемо бы разстроилось и ослабѣло. Нервы вкуса и обонянія не выносятъ постоянныхъ раздраженій, а если страдаетъ одинъ нервъ, то и все тѣло страдаетъ. Вотъ причина, по которой воздухъ и вода, которыя такъ часто должны входить въ животное тѣло и проникать въ самые нѣжные и чувствительные органы и ткани, совершенно свободны отъ всѣхъ свойствъ, раздражающихъ нервы. Они могутъ незамѣтно, безъ слѣда проникать во всѣ части тѣла. Свободные отъ запаха, пробираются они чрезъ самыя раздражительныя нервы, и пока сколько-нибудь чисты, они тысячу разъ проходятъ чрезъ самыя глубокія части тѣла, не произведя ни на одну минуту непріятнаго раздраженія или чувства боли. Они могутъ также извнѣ прикасаться къ самымъ нѣжнымъ, воспаленнымъ и лишеннымъ кожи частямъ, не только не раздражая ихъ, но обыкновенно съ послѣдствіемъ самымъ благотворнымъ, утишающимъ боль.

2. Вода обладаетъ прохлаждающимъ свойствомъ, которое весьма благотворно для всѣхъ живыхъ существъ. Самое драгоцѣнное свой-

ство воды въ «сухихъ и жаркихъ странахъ» проистекаетъ преимущественно изъ потребности безпрестанно вознаграждать то, что въ сухой и горячей атмосферѣ безпрестанно испаряется чрезъ кожу и легкія. Но вода во всѣхъ климатахъ имѣетъ прохлаждающее свойство, которое даетъ ей новое достоинство для разгоряченнаго и жаждущаго животнаго. Если она принята въ ротъ или желудокъ, или вылита на разгоряченную кожу; то она охлаждаетъ болѣе, чѣмъ равное ей по вѣсу количество какой бы то ни было другой жидкости, или твердаго вещества, которое мы могли бы употребить. Причина этому та, что вода сама для своего замѣтнаго нагрѣванія требуетъ болѣе теплоты, чѣмъ какое-нибудь другое вещество, употребленное въ равномъ количествѣ. Такъ, чтобы возвысить температуру одного фунта воды на одинъ градусъ (съ 15—16) потребно теплоты столько, сколько нужно для 30 фунтовъ ртути; съ другой стороны требуется болѣе теплоты, чтобы превратить воду въ паръ, чѣмъ равное количество всякой другой употребительной жидкости. Поэтому вода, испаряясь съ кожи, служитъ для постояннаго охлажденія поверхности тѣла, междутѣмъ-какъ паръ, который въ тоже время выходитъ чрезъ дыханіе, равнымъ образомъ охлаждаетъ внутренность тѣла.

3. Самый составъ воды весьма важенъ для животной и растительной жизни. Она состоитъ изъ кислорода и водорода, которые въ значительномъ количествѣ содержатся также во всѣхъ твердыхъ частяхъ животныхъ и растеній. Въ сухомъ полѣнѣ дерева, наприм., также какъ и въ сухомъ мясѣ и костяхъ животнаго, находятся оба эти вещества. А такъ-какъ растенія и животныя ростутъ (увеличиваются въ объемѣ), то для образованія ихъ развивающихся частей, потребны кислородъ и водородъ; вода же вездѣ подъ рукой, чтобы дать эти потребныя вещества. Эту химическую роль, ни одна жидкость не можетъ исполнить такъ, какъ вода. А если вода играетъ такую роль, значитъ, вода въ сущности не только питье, какъ обыкновенно мы ее называемъ, но и часть пищи животныхъ и растеній.

4. Далѣе, чистая вода имѣетъ свойство смѣшиваться во всѣхъ возможныхъ пропорціяхъ съ нѣкоторыми жидкостями, какъ напр. алкоголемъ, и этимъ только ослабляется ихъ дѣйствіе. Съ другими напротивъ она не смѣшивается, какъ напримѣръ съ масломъ. Твердыя вещества растворяются въ водѣ, и на этомъ ея свойствѣ основано достиженіе многихъ полезнѣйшихъ цѣлей въ растительной и животной жизни. Если положимъ въ извѣстное количество воды вмѣстѣ кусокъ сахару и кусокъ стекла, то первый растворится и изчезнетъ, а послѣдній, сколько бы ни лежалъ въ водѣ, не измѣняется ни въ вѣсѣ, ни въ формѣ. Итакъ вода не всѣ тѣла растворяетъ: сахаръ растворимъ въ ней, стекло—нѣтъ. Далѣе, если два ровныя количества воды класть, въ одно сахаръ, въ другое

поваренную соль, до тѣхъ поръ пока они растворятся или изчезнутъ; то увидимъ, что 1 фунтъ воды растворяетъ почти 2 фунта сахару, превращаясь въ густой сиропъ, между тѣмъ-какъ поваренной соли онъ растворяетъ только $5^3/_4$ унца. Итакъ между веществами растворимыми въ водѣ нѣкоторыя растворяются гораздо больше, т. е. изчезаютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ другія.

II. Есть ли въ природѣ совершенно чистая вода?

Въ природѣ никогда не встрѣчается совершенно чистая вода; вода, падающая дождемъ, не чиста отъ веществъ, поглощаемыхъ ею изъ воздуха, а та, которая течетъ въ источникахъ, не чиста отъ веществъ, которыя она встрѣчаетъ въ самой землѣ. Въ рѣкахъ нечистоту воды часто видимъ простымъ глазомъ; часто вода бываетъ краснаго цвѣта, обыкновенно если протекаетъ по разноцвѣтнымъ песчаниковымъ скаламъ, которыя содержатъ много окиси желѣза.

Съ ледниковъ Исландіи и со склона Андовъ течетъ вода молочно-бѣлаго цвѣта отъ бѣлой земли, которую она смываетъ собою. Въ грязныхъ англійскихъ рѣкахъ, она часто бываетъ сѣрою или темною; темною бываетъ она тогда, когда течетъ изъ болотныхъ прудовъ, или протекаетъ по торфяной почвѣ. Иногда вода бываетъ чернаго цвѣта, когда она содержитъ много растительныхъ веществъ, какъ въ Ріо-Негро въ южной Америкѣ; въ исландскихъ гейзерахъ, въ озерахъ Швейцаріи, вода зеленаго цвѣта, что зависитъ отъ вещества, которое она безпрестанно уноситъ съ собою, или которое растворено въ ней. Только въ свѣтлыхъ и спокойныхъ водахъ, вода ясно принимаетъ свой естественный голубой цвѣтъ *, какъ напр. въ нѣкоторыхъ заливахъ Неаполя и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тихаго оксана, гдѣ можно видѣть небольшіе предметы, находящіеся на днѣ моря на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ.

Но между веществами, которыя вода встрѣчаетъ внутри земли и на землѣ, есть много такихъ, которыя она можетъ растворить, какъ соль и сахаръ, и которыхъ присутствія въ водѣ нельзя замѣтить непосредственнымъ наблюденіемъ. Поэтому самыя свѣтлыя и ясныя воды источниковъ или прозрачныхъ рѣкъ никогда не могутъ быть совершенно чисты, даже если ихъ профильтрировать; всѣ онѣ содержатъ большее или меньшее количество растворенныхъ солей; количество это бываетъ иногда такъ значительно, что даетъ водѣ опредѣленный вкусъ, и она отъэтого дѣлается такъ называемою минеральною водою. Вообще дождевая вода, падающая гдѣ-нибудь

---

* Голубой цвѣтъ виденъ въ голубомъ гротѣ Капри, въ Неапольскомъ заливѣ, въ индиговыхъ волнахъ нѣкоторыхъ мѣстъ на Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ.

въ отдаленномъ мѣстѣ, — самая чистая; за нею слѣдуетъ рѣчная вода, потомъ озерная, затѣмъ вода обыкновенныхъ источниковъ, а потомъ уже минеральныхъ. Послѣэтого слѣдуетъ вода Чернаго, Азовскаго морей, которая только немного солена, потомъ вода Средиземнаго моря, и наконецъ вода озеръ, имѣющихъ извѣстный стокъ, какъ Каспійское море, Мертвое и Аральское море. Всѣ твердыя вещества, которыя сносятся рѣками въ океанъ, остаются въ немъ, междутѣмъ-какъ вода, которая ихъ принесла, безпрестанно подымается въ испареніяхъ. Этотъ паръ падаетъ въ видѣ дождя на внутренность материковъ, и оттуда несетъ въ море новый запасъ тою-же водою растворенныхъ минеральныхъ веществъ. Такимъ образомъ въ морѣ накоплялись соли дотого, что вода его сдѣлалась горька и солона.

Такимъ же образомъ накоплялись онѣ въ Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, гдѣ усиленное испареніе, рѣдкіе дожди и очевидная близость солончака, содѣйствовали тому, чтобы сдѣлать эти средиземныя воды значительно солонѣе, чѣмъ воды океана.

Въ морской водѣ больше всѣхъ другихъ солей содержится поваренная; однакожъ она содержитъ также въ значительныхъ массахъ хлористый кальцій и магнезій и другія соли. Послѣ поваренной соли въ морской водѣ больше всего находится соединеній магнезіи, кромѣтого множество другихъ, какъ сѣрнокислая известь, углекислая известь и т. д.; также въ морской водѣ находятся слѣды фосфорокислой извести, кремнезема, окиси желѣза и магнія, іодистаго фтора, даже свинца, мѣди, серебра и мышьяку. Мы дѣйствительно знаемъ, что въ морѣ, какъ въ общемъ хранилищѣ, въ которое сплавляются дождемъ и рѣками всѣ растворимыя вещества, мы должны найти слѣды всѣхъ растворимыхъ веществъ, которыя могутъ находиться вмѣстѣ въ одномъ растворѣ.

Даже вода ручьевъ и рѣкъ, которую мы обыкновенно употребляемъ, часто содержитъ значительное количество различныхъ веществъ. Особенно известь весьма часто находится въ большомъ количествѣ, преимущественно въ водѣ ручьевъ. Такъ называемая жесткая вода своимъ свойствомъ свертываться отъ дѣйствія мыла обязана преимущественно извести, которую она содержитъ. Чистая вода всегда мягка, и если вода нѣсколько мягка, то изъ этого можно заключить, что въ ней нѣтъ значительнаго количества извести или магнезіи.

Вода, содержащая много извести, часто бываетъ свѣтла, блестяща и пріятно сладковата на вкусъ. При кипяченіи она дѣлается молочнаго цвѣта, и оставляетъ осадокъ, который покрываетъ корою внутренность кострюли. Если она очень насыщена известью, то, даже протекая на открытомъ воздухѣ, оставляетъ известковый осадокъ вдоль своего русла, или облѣпливаетъ, превращаетъ его

въ окаменѣлость, какъ это показываютъ всѣ твердые предметы, которые въ нее погружаютъ. Эти явленія имѣютъ свою причину въ томъ способѣ, которымъ растворена известь.

Если чрезъ известковую воду пропускать струю углекислоты, то прозрачная жидкость дѣлается сначала молочною, вслѣдствіе образованія углекислой извести, которая въ видѣ чрезвычайно тонкаго порошка взвѣшивается въ водѣ; но если струя углекислоты продолжаетъ прибывать, то мало-помалу эта млековидность изчезаетъ и жидкость опять дѣлается свѣтлою: углекислая известь растворяется дѣйствіемъ углекислоты.

Если же черезъ нѣсколько времени этотъ свѣтлый растворъ перелить изъ одного сосуда въ другой, то онъ мало-помалу отдѣлитъ въ воздухъ этотъ избытокъ углекислоты, и опять сдѣлается молочнымъ. Тоже происходитъ, когда известковые источники покрываютъ свое русло корою, какъ въ Матлокѣ и Кнарсборугѣ въ Англіи; и тоже, когда монета или другое какое-нибудь твердое тѣло погружается въ растворъ: при этомъ начнутъ мало-помалу отдѣляться пузырьки углекислоты, и предметъ покроется известью—углекислою, которая осаждается. Это совершенно тоже, что бываетъ въ колодцахъ, которыхъ стѣнки окаменѣваютъ. Тоже произойдетъ, если свѣтлый растворъ подогрѣть на огнѣ: избытокъ углекислоты выдѣлится, растворъ сдѣлается опять молочнымъ, и вся известь осядетъ въ видѣ углекислой соли, а вода останется почти совершенно чистою. Послѣднимъ способомъ происходятъ осадки въ нашихъ кострюляхъ. Поэтому жесткая вода отъ кипяченія дѣлается мягче и чище. Но если большая часть извести находится въ видѣ гипса, то вода отъ простаго кипяченія не сдѣлается мягкою, но нужно во время кипяченія прибавлять немного соды,—чрезъ это известь выдѣлится изъ гипса.

Такъ-какъ эта растворяющая сила воды способна увлечь съ собою изъ почвы или скалы, чрезъ которую она протекаетъ, многія вещества, то часто случается, что вблизи жилищъ и мызъ, а особенно вблизи городовъ, колодезная вода бываетъ очень нечиста и даже нездорова для употребленія. Дождь, падающій на нечистоту, собравшуюся въ городахъ, смываетъ растворимыя вещества, и увлекаетъ ихъ съ собою въ почву, а чрезъ нее мало-помалу приноситъ ихъ въ колодцы, изъ которыхъ берутъ воду для ежедневной потребности. Это часто порождало множество самыхъ опасныхъ и смертельныхъ болѣзней. Отсюда видно, какъ необходимо препятствовать, по возможности, накопленію нечистоты,—гдѣ же это невозможно, вывозить ее какъ можно дальше отъ колодцевъ, изъ которыхъ берутъ воду для ежедневной потребности; но еще виднѣе, какъ въ большихъ городахъ необходимо привозить воду по возможности издалека.

42. Разница между воздухомъ и водой по ихъ образованію.

Воздухъ и вода—оба тѣла сложныя, образовавшіяся изъ газовъ, но образовавшіяся различно и по количеству элементовъ и по качеству ихъ соединенія. Для образованія атмосфернаго воздуха необходимы по крайней мѣрѣ 4 вещества, для образованія же воды—только два: кислородъ и водородъ; въ воздухѣ составныя части только перемѣшаны между собою, а въ водѣ *соединены химически.* Какъ скоро тѣла соединяются химически, то онѣ образуютъ новое вещество, своими качествами совершенно отличное отъ тѣхъ, которыя употреблены для его образованія: что въ водѣ и есть. Дѣйствительно, азотъ и кислородъ только *перемѣшиваются* между собою, составляя обыкновенный воздухъ: они оба сохраняютъ свою газообразность и всѣ свои качества; но кислородъ и водородъ *соединяются* химически, составляя воду: оба они теряютъ свою первоначальную форму газа и всѣ свои отличительныя качества. Вода и не легка, какъ водородъ, и не горитъ, какъ онъ; и тѣла не горятъ въ ней такъ быстро и ярко, какъ въ кислородѣ; животныя земныя задыхаются въ водѣ въ нѣсколько секундъ.

43. Что такое параситы въ древней Греціи?

«Имя парасита обезславлено въ наше время, у древнихъ же мы видимъ парасита чѣмъ-то священнымъ; этимъ именемъ назывались тогда собесѣдники, вмѣстѣ пирующіе.» Этими словами Полемона Періэгета (жив. 200 л. до Р. Х.) начинаетъ Аѳеней свой трактатъ о параситахъ. Изъ небольшаго числа выписокъ, которыя приводитъ намъ Аѳеней изъ разныхъ авторовъ, выписокъ большею частію неясныхъ и неопредѣленныхъ, видно только, что въ древнее время назывались *параситами лица, избиравшіяся изъ народа* по извѣстнымъ правиламъ длятого, чтобы присутствовать при жертвоприношеніяхъ и раздѣлять трапезу съ жрецомъ. Чиновники, пользовавшіеся столомъ отъ общества, имѣли также своихъ параситовъ. Этотъ обычай въ нѣкоторыхъ городахъ былъ въ силѣ даже послѣ Александра Македонскаго, что свидѣтельствуетъ Клеархъ, одинъ изъ учениковъ Аристотеля, говоря, что «во многихъ городахъ и теперь выбираютъ параситовъ вмѣстѣ съ самыми почтенными чинами» (т. е. причисляютъ, придаютъ ихъ высшимъ чиновникамъ). Эти параситы древніе были люди почтенные, жизнію и заслугами доставшіе себѣ право ѣсть общественный хлѣбъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Діодоръ изъ Синопы, принадлежащій средней комедіи, о параситахъ Геркулеса:

«Желая почтить Геркулеса, этотъ городъ, принося ему жертвы во всѣхъ домахъ, никогда не выбиралъ параситовъ богу при этихъ

жертвоприношеніяхъ по жребію, и не принималъ перваго встрѣчнаго, но заботливо выискивалъ 12 мужей изъ гражданъ, выбирая людей, происходящихъ изъ первыхъ фамилій, имѣющихъ достатокъ, хорошо прожившихъ вѣкъ.»

Далѣе онъ говоритъ:

«Потомъ, подражая Геркулесу, нѣкоторые изъ достаточныхъ, взявши на себя пропитаніе параситовъ, приглашали къ себѣ людей, не веселыхъ и остроумыхъ, но умѣющихъ льстить и все хвалить, такъ-что если случится, что кто-нибудь, наѣвшись рѣдьки или гнилаго сома, рыгнетъ, они ужь и говорятъ, что онъ завтракалъ розами и фіалками. Черезъ этихъ-то людей, нагло пользующихся правомъ льстить, и стала вещь почтенная и прекрасная постыдною.»

Мѣ видимъ, что уже древній поэтъ ясно и опредѣленно высказалъ намъ, что между тѣми древними параситами, священною вещью, *и параситами комедіи нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени.* Послѣднихъ обозначилъ онъ одною чертою: *умѣющіе льстить и все хвалить.* Тѣ были люди хорошей жизни, съ состояніемъ, изъ хорошихъ фамилій; эти—люди бѣдные, происхожденія незнатнаго. Видя бѣдняка, проживающаго у богатаго, который его поитъ и кормитъ даромъ, только зато, что умѣетъ бѣднякъ польстить его тщеславію, иронія присвоила живущему на счетъ богатаго бѣдняку почтенное встарину имя парасита.—И сталъ называться параситомъ льстецъ, лестью своею достающій себѣ пропитаніе. Безъ всякаго сомнѣнія были параситы-льстецы и прежде и въ то время, когда существовали уставы о параситахъ при храмахъ и при высшихъ чиновникахъ; конечно, и тогда были люди, кормившіе себя потворствомъ тщеславію, потому-что тщеславіе и его спутница — лесть должны были явиться въ міръ вмѣстѣ съ обществомъ. Вещь была прежде имени,—и паразитъ назывался просто льстецомъ, именемъ, которое не исчерпываетъ всего значенія вещи. Искусство лести уже въ древности доведено было до высокой степени совершенства, такъ-что едвали льстецы нашего утонченнаго вѣка превзойдутъ наглостью древнихъ. Аѳеней разсказываетъ намъ въ гл. 54 и слѣд. 8-й книги замѣчательныя вещи о томъ, какъ древніе льстили. У Филиппа напр. былъ параситъ Клисофъ (аѳинянинъ), который, послѣ того какъ Филиппъ потерялъ глазъ, всякой разъ, какъ выходилъ съ нимъ гулять, завязывалъ и себѣ тотъже глазъ. Когда Филиппъ былъ раненъ въ ногу, и Клисофъ хромалъ; когда Филиппъ подносилъ ко рту что-нибудь непріятное, Клисофъ дѣлалъ гримасу, какъ будто онъ тоже чувствовалъ непріятный вкусъ. Александръ жаловался разъ, что мухи его кусаютъ; конечно эти мухи, сказалъ одинъ изъ его льстецовъ, Никесій, будутъ гораздо сильнѣе другихъ мухъ, напившись твоей крови.

Самые знаменитые льстецы находились при Діонисіи младшемъ.

Тутъ былъ ихъ цѣлый соборъ, и соревнованіе распространяло и возвышало искусство. Діонисій былъ близорукъ, и параситы его за столомъ, притворяясь тоже близорукими, руками ощупывали поставленныя на столѣ блюда, пока Діонисій самъ не придвигалъ къ нимъ ихъ руки. Демоклъ, одинъ изъ его льстецовъ, посланъ былъ имъ однажды съ другимъ посломъ. Когда посольство воротилось назадъ; то Демоклъ былъ обвиненъ другими товарищами своими въ томъ, что во время этого путешествія онъ повредилъ интересамъ Діонисія. Діонисій разсердился. Но Демоклъ зналъ, какъ укротить своего господина, и ловко повернулъ дѣло во вредъ своимъ врагамъ. Онъ разсказалъ Діонисію, что ссора его съ товарищами произошла оттого, что какъ-то разъ послѣ ужина они пѣли пѣсни Фриниха, Стесихора и Пиндара, а онъ съ нѣкоторыми пѣлъ пѣсни, сочиненныя самимъ Діонисіемъ. Доказательство, говорилъ онъ, имѣю я самое ясное: обвинители мои не знаютъ даже и размѣра этихъ пѣсенъ, а я готовъ всѣ по порядку пропѣть. Діонисій былъ обезоруженъ. Демоклъ на этомъ не остановился: пожалуйста, говоритъ онъ, сдѣлай мнѣ милость, прикажи кому-нибудь, кто знаетъ, раучить меня новой пѣсни, которую ты сочинилъ въ честь Эскулапа.

Какъ черви, говоритъ одинъ поэтъ, съѣдаютъ льстецы богатаго; впившись въ простака, они до тѣхъ поръ его точутъ, пока онъ будетъ, какъ житница пустая. *С. Шестаковъ.*

44. Породы лѣса и чернолѣсье.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ*, или *краснолѣсьемъ* [1]. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе; слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью, и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ*, или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью надобно же причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

По большой части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами, или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или

осина, ростущія гораздо въ большемъ числѣ въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья ростутъ вмѣстѣ, и составляютъ одну зеленую массу; то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладкодушистая во время цвѣта, не ярко, а мягко зеленая липа, прикрывающая своими лубьми, и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Незамѣчаемая никѣмъ, осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцомъ покрываются ея рано увядшіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «порость», то есть молодой лѣсъ пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы, и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоитъ высокій, тѣнистый, старый, *темный лѣсъ*; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень нечаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, въ множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ *. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ рости и зеленѣть,

---

* Дубъ живетъ многія столѣтія, липа—болѣе 150-ти лѣтъ, береза—за сто, а осина—менѣе ста лѣтъ. Общій признакъ старости деревъ, даже при зеленыхъ, но уже рѣдкихъ листьяхъ—повисшіе къ низу главные сучья: этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ березѣ, когда ей исполнится сто лѣтъ.

живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ и—провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ..... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могущаго лѣснаго царства, свободно ростущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: «*лѣшими*» и «*лѣсными дѣвками*», такъ же какъ рѣчные и озерные омуты—«*водяными чертовками*»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу, и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги *, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки; свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами, и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца, и выводятъ дѣтей; для тойже цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ. Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень непріятный запахъ груздей, потому-

* Иволги имѣютъ другой противуположный крикъ, или визгъ, пронзительный и непріятный для уха. Находя въ этихъ звукахъ сходство съ отвратительнымъ крикомъ грызущихся кошекъ, народъ называетъ иволгу «дикою кошкой.»

что они родятся семьями, *гнѣздами*, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки[2]. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то «*горлянками*», и «*бѣлки-летяги*»: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапкою, кожаную тонкую перепонку, которая растягиваясь помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ *звѣря въ летѣ*. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* и *хохотомъ* лѣшаго? *С. Аксаковъ.*

Объяснительное чтеніе.

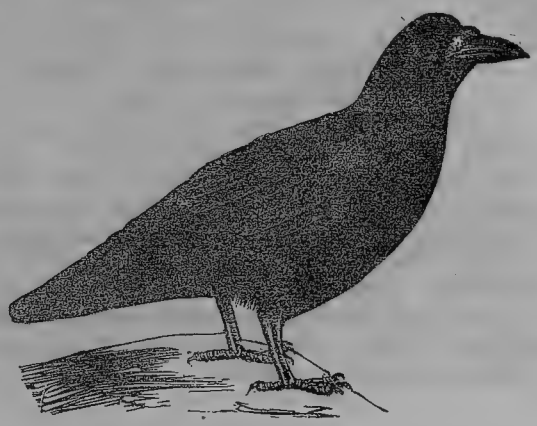
1. Кто называются кр. лѣсомъ? Сосну, ель, пихту можно ли видѣть? Можно ли примѣтить на нихъ смолу? Велики ли они ростомъ? Слѣд. сосну, ель, пихту можно назвать тѣлами? А какія это тѣла по происхожденію? Можно ли изъ нихъ сдѣлать какія-либо искусственныя тѣла? Какія напр.?

Итакъ смолистыя деревья, ель, сосна, суть тѣла естественныя. Но скажите, какъ называется въ этихъ деревьяхъ та часть, которая въ землѣ, и которою они прикрѣплены къ ней? Кчему служатъ корни у дерева? Что оно имъ себѣ пріобрѣтаетъ изъ земли? Стало, корень въ деревѣ есть такая часть, посредствомъ которой оно принимаетъ себѣ изъ почвы пищу? А знаете ли вы, какъ называются части тѣла, которыми оно поддерживаетъ свою жизнь? Орудія? Нѣтъ. Какъ же? *Органами.* Значитъ, у деревьевъ есть органы,—и зато можно назвать ихъ тѣлами *органическими*? Ихъ такъ и называютъ. Но у однихъ ли деревьевъ есть органы—у травы напр. есть органы? а у другихъ растеній? Стало, всѣ растенія суть тѣла органическія? Одни ли растенія имѣютъ органы? Птицы, звѣри, которые водятся въ лѣсу, имѣютъ ли также органы? Стало, и всѣ животныя суть тѣла органическія?

2. Кто живутъ? Гдѣ живутъ? А что похожи ли чѣмъ-нибудь птицы на деревья? Чѣмъ же различаются растенія отъ животныхъ? Перемѣняетъ ли свое мѣсто дерево по своей волѣ? а птица, звѣрь? Чѣмъ кормится животное, чѣмъ растеніе? Чувствуетъ ли дерево, что ему холодно, когда морозъ, больно, когда его рубятъ топоромъ? Во всю ли жизнь растетъ животное или только нѣсколько лѣтъ? А растеніе имѣетъ ли предѣлъ времени для своего роста? Вотъ зато, что одни органическія тѣла ростутъ во всю свою жизнь, и названы *растеніями;* а другія органиче-

скія тѣла, которыя чувствуютъ, движутся по своей волѣ и тѣмъ показываютъ высшую степень жизни, названы *животными*, т. е. *живыми* по преимуществу, потому-что слово *животъ* послявянски значитъ *жизнь*.

45. Грачъ.



I. ВИДЪ ГРАЧА.

Грачъ по своей величинѣ занимаетъ середину между галкою и ворономъ. Наружный видъ его осанистый; поступь спѣсивая. Имѣя ножки щеголеватыя, съ лицевой стороны покрытыя черными роговидными, какъ бы кованными, четырехугольными бляшками, онъ ходитъ гоголемъ. Общій цвѣтъ его пера такой же, какъ у ворона: чисто-черный, какъ смоль, чрезвычайно пріятный для глазъ, съ синимъ и фіолетовымъ отливами, съ мѣдянистымъ отсвѣтомъ, и до того блестящій, что при яркомъ освѣщеніи солнца на немъ мелькаютъ совершенно бѣлые блики. Спереди головы у грача лысина. Клювъ обнаженъ отъ обычныхъ покрововъ: онъ у него бѣлый. Обнаженность лба и клюва происходитъ оттого, что грачъ землекопъ по рожденію. Особенность, представляемая клювомъ, составляетъ главную отличительную черту этой птицы; будучи суженъ и утонченъ къ своему концу, онъ даетъ ей возможность удобно раскапывать землю и дѣйствовать имъ, какъ клювомъ или какъ всякимъ другимъ растирающимъ орудіемъ. Ноздри у грача не покрыты узенькими перьями, которыя мы видимъ на этихъ мѣстахъ у другихъ воронъ; основаніе клюва и подбородокъ также обнажены отъ перышковъ, и только обтянуты голою, чешуйчатою кожицею. У молодыхъ грачей на этихъ частяхъ есть перья такія же, какъ и у другихъ вороньихъ породъ; но они изчезаютъ послѣ перваго линянія.

*

II. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ГРАЧА.

Птица эта живетъ въ большей части Европы, но нигдѣ не встрѣчается въ такомъ множествѣ, какъ въ Англіи, въ южной Шотландіи и въ Ирландіи: чему причиною, можетъ-быть, тамъ служатъ вопервыхъ высокая степень развитія земледѣлія, а вовторыхъ сырость климата. То и другое въ совокупности представляетъ наибольшія средства для питанія, производя обиліе всякаго рода зерна и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ. Чѣмъ далѣе наблюдатель смотритъ на сѣверъ, тѣмъ рѣже встрѣчаются ему грачи.

Въ средней полосѣ Россіи грачъ птица перелетная. Онъ обыкновенно является первымъ пернатымъ гостемъ въ началѣ марта. Четвертое число этого мѣсяца, день празднованія св. Герасима, есть, такъ-сказать, день имянинъ этой птицы: простолюдины назвали его Грачевникомъ. Вѣковыя наблюденія показали, что около этого дня,—иногда нѣсколько позднѣе, иногда нѣсколько ранѣе, въ большей же части случаевъ въ этотъ самый день, иначе народъ не придалъ бы ему особливаго прозванія—грачъ является гонцомъ весны, и звонкимъ своимъ граканьемъ даетъ знать, что собираются съ юга несмѣтныя громады пернатыхъ полчищъ въ походъ на далекій сѣверъ.

III. ВЫВОДЪ ДѢТЕЙ, УХОДЪ ЗА НИМИ И ОСОБЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ГРАЧЕЙ.

Устроивъ гнѣзда на вершинахъ деревъ, грачи кладутъ въ каждое отъ четырехъ до пяти яицъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта, покрытыхъ зеленовато-коричневыми пятнушками. Во время сидѣнія самки на яйцахъ, самецъ оказываетъ ей самое заботливое вниманіе, и прилежно кормитъ ее. Когда выведутся птенцы, то мать и отецъ почти не знаютъ устали въ добываніи имъ пищи; и вы безпрестанно видите ихъ летающими по направленію къ грачевнѣ съ растянутою подъ языкомъ кожицею, принимающей подъ клювомъ видъ мѣшечка, наполненнаго собраннымъ кормомъ. Когда же дѣтеныши оперятся, что обыкновенно бываетъ въ іюнѣ; то старые грачи начинаютъ мало-помалу выманивать ихъ изъ дому, заставляя соблазномъ корма перепархивать съ гнѣзда на гнѣздо, и наконецъ увлекая въ поле. Всякому, вѣроятно, случалось видать этихъ молодыхъ школяровъ, какъ они, подвое и потрое усѣвшись гдѣ-нибудь на кочкѣ, смотрятъ любопытными глазами на открывшійся для нихъ свѣтлый міръ, и ждутъ матушки и батюшки, не вдалекѣ гдѣ-нибудь копающихся въ грядахъ или бороздкахъ. Смирно сидятъ они, пока не завидятъ кого-нибудь изъ приближающихся родителей—и тутъ всѣ разомъ, раскинувъ какъ-то еще несовсѣмъ ловко крылья, кинутся ему на встрѣчу съ раскрытыми настежъ ртами и съ нетерпѣливыми возгласами *гра-гра-гра*, продолжающимися

до той минуты, какъ старый грачъ не заткнетъ которому-нибудь изъ нихъ глотку лакомымъ кускомъ, строго соблюдая между ними очередь кормленія, и не улетитъ потомъ снова въ поле. Молодые грачи въ продолженіе нѣкотораго времени, весьма впрочемъ непродолжительнаго, послѣ того какъ начнутъ летать, возвращаются съ своими родителями на ночь въ тѣже мѣста, гдѣ вывелись; но потомъ покидаютъ свои родныя жилища, и уже не возвращаются въ нихъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ. Не будь этого, не было бы и возможности имъ питаться: ибо ближайшія окрестности грачевни, уже истощенныя относительно пищи въ время кормленія птенцовъ до поры ихъ вылета изъ гнѣзда, представляютъ все больше и больше затрудненій въ добываніи червей, слизняковъ и гусеницъ, уменьшающихся въ числѣ по мѣрѣ увеличивающейся сухости лѣта. Это нисколько не есть предположеніе, ибо вполнѣ подтверждено фактами. «Въ неимовѣрно жаркое лѣто 1825 года»,—такъ мы читаемъ въ Journal of a Naturalist,—«множество молодыхъ грачиныхъ выводковъ погибло отъ недостаточности корма. Утра были безросныя, и потому червячки попадались въ весьма небольшомъ количествѣ, или совершенно не попадались. Слѣдствіемъ этого было то, что ежедневно мертвые грачи лежали во множествѣ подъ деревьями, на которыхъ они наканунѣ садились, голодные на отдыхъ, послѣ напрасныхъ поисковъ за кормомъ. Помочь чѣмъ бы то ни было бѣдѣ не представлялось никакой возможности; а потому въ особенности больно было вслушиваться въ жалобные стоны молодыхъ грачей, умолявшихъ о подаяніи имъ пищи. Старыя птицы, казалось, страдали безъ всякихъ жалобъ; но голосъ ихъ дѣтей выражался непереможающимся воплемъ голода и безпрестанными полетами старокъ за скудными добычами. Поля наши были ежедневно сценою безпокойствъ и плача. Но и посреди такого общаго бѣдствія утѣшительно было видѣть неусыпныя заботы старыхъ птицъ, старавшихся облегчить страданія своихъ семействъ, умиравшихъ съ голоду: многія изъ нихъ оставались въ поляхъ даже за сумерки, и возвращались на свои ночлеги гораздо позднѣе обыкновеннаго.»

Выкармливая дѣтей, грачи собираютъ пищу поодиночкѣ. Когда же дѣти совершенно выростутъ, то грачи начинаютъ снова являться на поляхъ стадами. Въ это время они обыкновенно разстанавливаютъ часовыхъ, дотого бдительныхъ, что охотнику рѣдко удается приблизиться къ нимъ на ружейный выстрѣлъ: что́ и подало поводъ говорить, «грачъ чуетъ порохъ.» Впрочемъ къ нимъ и съ палкою точно такъ же трудно подойти, какъ и съ ружьемъ. Повидимому, они очень скоро узнаютъ значеніе ружья по опыту: ибо если прицѣлиться къ нимъ простою тросточкою, то они тотчасъ же всѣ улетаютъ. Необыкновенную свою сторожкость они пріобрѣтаютъ преимущественно во время гнѣздовитія, когда постоянно

одинъ грачъ изъ каждой пары остается карауломъ на гнѣздѣ, мектѣмъ-какъ другой отправляется за матеріялами для постройки.

Нельзя еще не сказать, что грачъ не безъ способностей подражанія. Онъ перенимчивъ, способенъ выучиваться разнымъ, такъ-называемымъ штукамъ, часто бываетъ въ высшей степени забавенъ своими продѣлками, и всегда сильно привязывается къ человѣку, который кормитъ его. Макгилливрей описываетъ грача, дотого превосходно подражавшаго крику галки и лаю собачонки, что люди, въ первый разъ слышавшіе такія проказы его издали или изъ сосѣдней комнаты, никакъ не подозрѣвали обмана, и съ трудомъ вѣрили, когда имъ объясняли, въ чемъ дѣло.

46. Сказка о лисицѣ и волкѣ.

I. Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы, и везетъ домой возъ. Вотъ ѣдетъ онъ, и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ, и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она и не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ» сказалъ дѣдъ, *взялъ лисичку*, и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время, и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбку, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!» — Гдѣ? — «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вдумалъ обманывать! — Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

II. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: здравствуй, кумушка!—Здравствуй, куманекъ!—Дай мнѣ рыбки!—Налови самъ, да и ѣшь.—Я не умѣю.– Эка, вѣдь я же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь,—рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь: дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться—не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой, и *кричатъ*, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ, и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужь я тебѣ отплачу, кумушка!»

III. А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попро-

бовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!—Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ; меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь.—И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужь идти, садись на меня, я тебя довезу. Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ!»—Что ты, кумушка, говоришь?—Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ. «Такъ, кумушка, такъ!»

IV.—Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатку.—«Давай, кумушка!»—Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и разстаяла.—А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ, и говоритъ: прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!»—и сама ушла.

47. Кабанъ.

Къ числу полезнѣйшихъ завоеваній, сдѣланныхъ человѣкомъ, принадлежитъ завоеваніе кабана. Я не говорю, чтобъ это было самое полезное завоеваніе, ибо всегда готовъ съ уваженіемъ снять

шляпу предъ собакою. Кабанъ прирученный, болѣе извѣстный подъ названіемъ борова въ мужскомъ и свиньи въ женскомъ родѣ, составляетъ одинъ изъ непослѣднихъ источниковъ богатства народовъ и одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ элементовъ первѣйшаго изъ всѣхъ ремеслъ—ремесла повареннаго. Разведеніе и сбытъ свиней составляло торговое благосостояніе галловъ съ самыхъ древнихъ временъ. Павзаній упоминаетъ о громаднѣйшихъ стадахъ свиней, пригонявшихся вдоль по рѣкамъ Саонѣ и Ронѣ къ берегамъ Средиземнаго моря изъ Юрскихъ, Кодъ-д'Орскихъ и Вожскихъ лѣсовъ. Баіонна, торговая Баіонна, продавала свинину финикіянамъ и карѳагенянамъ во все время существованія этихъ народовъ. Шаркютерія всегда была и есть промышленность по преимуществу французская. На этомъ-то основаніи я и считаю себя обязаннымъ протестовать противъ того слезъ достойнаго безславія, которымъ заклеймили свинью люди съ слабымъ желудками, и еще болѣе противъ той смѣха достойной анаѳемы, которой предали ее строгіе законадатели востока, неумѣвшіе уважить ни вина, ни женщины. Я знаю хорошо, что свинью можно упрекнуть кое въ чемъ, напримѣръ въ томъ, что она пожираетъ дѣтей въ колыбеляхъ, и нерѣдко даже своихъ собственныхъ малютокъ; но эти маленькіе проступки не даютъ намъ права быть въ отношеніи къ ней неблагодарными и не признавать ея многихъ достоинствъ. Сейчасъ я докажу вамъ, что та самая прожорливость, которая ее побуждаетъ къ этимъ плачевнымъ крайностямъ, составляетъ самое драгоцѣнное ея свойство.

Здѣсь я долженъ сказать, что все то, что я буду говорить, относится равно какъ къ дикой, такъ и къ прирученной свиньѣ. Свинья дикая и свинья прирученная принадлежатъ къ одной и тойже породѣ. Изъ этой породы нѣкоторыя семейства примкнули къ человѣку; другія же предпочитаютъ сладостямъ рабства благородную независимость съ бѣдностью въ лѣсахъ. Не смотря однако на это, и та и другая никогда не переставали жить въ совершенномъ согласіи и водить между собою знакомство, если только мѣстность и средства продовольствія этому способствовали. Какъ въ состояніи свободы, такъ и въ состояніи рабства, животныя эти сохранили одинаковые нравы и одинаковые вкусы. Вліяніе прирученности успѣло произвести въ нихъ только измѣненіе въ цвѣтѣ наружной ихъ оболочки и въ силѣ ихъ оборонительныхъ орудій. Приручить кабана такъ же трудно, какъ и домашнюю свинью сдѣлать дикою. Впрочемъ я знаю, что въ лѣсахъ Лоррена водятся и такія такъ называемыя прирученныя, но отбившіяся отъ дому свиньи, которыя кидаются на охотниковъ и вообще на людей, сопутствуемыхъ собаками, съ яростью, какой никогда не замѣчаютъ въ кабанѣ. Послѣдній только тогда рѣшается на нападеніе, когда онъ вызванъ къ этому неизбѣжной крайностью. Тутъ онъ уже прибѣгаетъ къ возмездію, и если иногда совершаетъ убійство, то всегда имѣетъ

въ оправданіе необходимость защиты. Междутѣмъ-какъ отбившійся боровъ, нападающій безъ причины и преслѣдующій безъ милосердія, не можетъ ни въ какомъ случаѣ испрашивать себѣ помилованія на основаніи обстоятельствъ, смягчающихъ строгость наказанія.

Свинья есть эмблема скупца: въ этомъ все ея великое несчастіе. Скупецъ есть такое существо, которое становится намъ пріятнымъ только послѣ своей смерти; ибо въ теченіе всей своей жизни является предметомъ всегда отталкивающимъ и ненавистнымъ. То же самое со свиньею.

Прожорливость свиньи ненасытима, такъ же какъ и алчность скупца. Она не гнушается валяться въ грязи; она отъѣдается самыми гнусными веществами; ей все по вкусу. Тоже самое со скупцомъ, который не стыдится пресмыкаться въ униженіи, въ безславіи, въ ростовщичествѣ для увеличенія своего богатства; для него нѣтъ безчестныхъ спекуляцій, если онъ можетъ извлечь изъ нихъ выгоды. Императоръ Веспесіанъ говаривалъ, по предмету наложенныхъ имъ податей, что деньги ничѣмъ не пахнутъ. Эти же самыя слова приписывались и Генриху IV въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Бѣдному Генриху этому стоило много хлопотъ, чтобъ смыть съ себя обвиненіе въ скупости.

Обжорство свиньи и чрезмѣрность ея другихъ плотскихъ побужденій объясняютъ свойство наслажденій, отличающихъ характеръ скупца.

Впрочемъ скупость имѣетъ свою хорошую сторону. Скупость есть неумѣримая ничѣмъ любовь къ сбереженію, точно такъ же какъ расточительность есть безпорядочная любовь къ безполезной тратѣ. Для человѣчества весьма важно, чтобы ничто изъ элементовъ богатства не утрачивалось, пока не доставитъ людямъ всей суммы служенія и наслажденія, какая только можетъ быть извлечена изъ нихъ. У человѣчества всегда есть цѣлыя груды битыхъ бутылокъ, ржавыхъ гвоздей, сальныхъ огарковъ, которыя были бы совершенно потеряны для общества, если бы не существовали люди заботливые и разумные, принимающіе на себя трудъ собирать всѣ эти ничего нестоящіе остатки и накоплять ихъ въ такихъ массахъ, что они могутъ быть переработываемы и снова поступать въ число предметовъ потребленія. Это важное призваніе принадлежитъ къ качествамъ скупцовъ.

Дѣйствительно, скупой наклоняется съ радостью, чтобъ поднять пуговицу или булавку, которыя остальное человѣчество попираетъ ногами. Въ этомъ случаѣ онъ уже не ростовщикъ, не вампиръ, сосущій кровь бѣднаго семейства ремесленника и обогащійся его разореніемъ; тутъ онъ уже не безстыдный спекулянтъ, фабрикующій на биржѣ ложныя извѣстія и потомъ навѣрняка извлекающій пользу изъ общаго недоумѣнія—нѣтъ, тутъ характеръ и призваніе скупца нѣсколько возвышаются: скряга становится тряпичникомъ.

Скажите, какое ремесло можетъ быть благороднѣе ремесла тряпичника, собирающаго всякіе остатки, анализирующаго нечистоты и предохраняющаго народное богатство отъ небрежности прислуги и отъ расточительности худо присматриваемыхъ хозяйствъ?

Какъ тряпичникъ обращаетъ на пользу общества всякую непотребу городовъ, возстановляетъ негодную бумагу и превращаетъ осколки графиновъ въ великолѣпныя люстры, которыя для него самаго совершенно безполезны; такъ точно и свинья обращаетъ на пользу человѣка всякую непотребу лѣсовъ, полей и фермъ, и превращаетъ во вкусное мясо остатки, выходящіе изъ кухней, изъ садовъ и изъ сырней. Свинья есть великая тряпичница природы; она жирѣетъ ни на чей счетъ.

Для этой-то цѣли природа и сдѣлала ее животнымъ всеяднымъ, и надѣлила прожорливостью, столь много осуждаемою. Безъ этой прожорливости она не довольствовалась бы тѣмъ, отъ чего всѣ отворачиваются, и не превращала бы всего этого въ сало. Если бы она была столько же разборчива въ отношеніи къ пищѣ, сколько лошадь; то, ясно, она не могла бы исполнять призванія тряпичницы. Лучшимъ доказательствомъ того, что это бѣдное животное выполняетъ съ самоотверженіемъ свое призваніе на земли, роясь въ отребьяхъ и раскапывая землю, служитъ то, что оно необыкновенно какъ пристрастно къ холоднымъ ваннамъ и омовеніямъ. Всѣ хорошо знаютъ, что изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ одна только свинья страхъ какъ боится загрязнить своимъ навозомъ постилку, на которой она спитъ. Ни лошадь, ни собака, отличающіяся изысканностью, не умѣли еще возвыситься до такой утонченности.

Скупой боится смерти, которая лишаетъ его богатства, единственнаго предмета его заботъ. Онъ въ теченіе всей своей жизни занимался ростовщичествомъ и разграбленіемъ своего ближняго; поэтому понятно, что ему не легко предстать на судъ, гдѣ придется дать отвѣтъ за свои дѣла, совершенныя здѣсь подъ луною. Свинья также точно смотритъ на приближеніе смерти съ ужасомъ, и какъ бы старается отогнать ее страшнымъ своимъ визгомъ. Неистовство кабана при издыханіи доходитъ до высшаго пароксизма. Ксенофонтъ и Поллуксъ писали, что въ подобныя минуты клыки кабана раскалялись до такой степени, что нерѣдко можно видѣть, какъ бываетъ ими опалена шерсть собакъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ударилъ зубомъ. Впрочемъ необходимо сказать, что греческіе историки были порядочные болтуны. Мнѣ случалось видать и во Франціи и въ Африкѣ кабановъ въ высшей степени разъяренныхъ; но я смѣло могу сказать, что ни разу не могъ зажечь своей сигары огнемъ ихъ ярости.

Какъ смерть скупца, не дѣлавшаго добра ни для единой души въ мірѣ, удовлетворяетъ самыя теплыя желанія его семейства; такъ точно и день, въ который рѣжутъ свинью, есть день празднества

для ея хозяина, его сосѣдей и всѣхъ его друзей. Это день, въ который мясо жертвы вознаграждаетъ ея кормильца за всѣ издержки, понесенныя имъ при воспитаніи животнаго. Тутъ всѣ въ окружности насыщаются изготовленными изъ нея блюдами, всѣ принимаютъ участіе въ пиршествѣ—всѣмъ достаются самые сочные куски, ибо наслѣдство, ею оставленное, богато. Взгляните, сколько связокъ разныхъ колбасъ изъ буженины—имъ конца нѣтъ, точно такъ же какъ нѣтъ конца червонцамъ скряги, требующимъ провѣтриванія.

Аналогія между скупцомъ и свиньею есть давнишнее преданіе народное. Но, что любопытно, что законодатели восточные, то есть законодатели народовъ, слывущихъ самыми скупыми, первые провозгласили свинью *нечистою*.

Народы востока преимущественно подвержены проказѣ. Это отчасти доказывается тѣмъ, что исторія этой болѣзни занимаетъ довольно видное мѣсто въ ихъ хроникахъ. Свинья точно также есть животное, подверженное проказѣ. Свиная проказа называется шелудивостью.

Всѣ историки согласны между собою относительно причины, которая послужила религіознымъ законодателямъ предать свинью проклятію. Причиною послужила мѣстная гигіена.

Испортившееся свиное мясо можетъ причинить весьма важныя несчастія. Нерѣдко случается, что цѣлыя семейства отравливаются свининою дурнаго качества. Жиске пишетъ въ своихъ запискахъ, что однажды въ Парижѣ, у колбасниковъ столицы, конфисковано было 10,000 килограммовъ (5100 пуд. круглымъ числомъ) испортившагося мяса. Это количество состояло изъ ветчины, сосисекъ и въ особенности изъ такъ называемаго италіянскаго сыра. Конфискованныя вещества были перевезены въ монфоконскую живодерню, и свалены въ смрадныя озера этого новаго Коцита. Но въ послѣдовавшія затѣмъ ночи, вся эта масса была выловлена и снова поступила въ продажу. Чтобъ воспрепятствовать повторенію подобной продѣлки отчаянной промышленности, парижскій префектъ предписалъ, чтобъ на будущее время конфискованныя мяса изрубливались на мелкія части, и смѣшивались какъ можно болѣе со всякимъ негоднымъ отбросомъ, лежащимъ на днѣ озеръ въ монфоконской живодернѣ. Зная все это, я всегда охотно воздерживаюсь отъ разныхъ лакомствъ, приготовляемыхъ въ Парижѣ изъ свинины.

Опасныя качества свинаго мяса не могли быть тайною для первыхъ законодателей, не взирая на то, что они не были медиками. Отсюда и запретъ на него, наложенный въ ихъ кодексахъ во имя Бога. Евреи и арабы въ особенности подвержены накожнымъ болѣзнямъ, отчасти вслѣдствіе ихъ врожденной неопрятности, отчасти же и отъ недостаточности воды въ ихъ странахъ; а потому

Моисей и Магометъ естественно должны были произнесть запретъ этотъ во всей его строгости.

При соображеніи этого послѣдняго обстоятельства мнѣ всегда представлялся слѣдующій вопросъ: Если свинья годна на что-нибудь только послѣ своей смерти, то есть годна только для ѣды, то какимъ образомъ народы, не вкушающіе свинины и смотрящіе на свинью, какъ на животное нечистое, могли заниматься разведеніемъ этого животнаго? Послѣ долгаго соображенія, я наконецъ пришелъ къ заключенію, что упоминаемыя писателями свиньи были дикія свиньи. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что и понынѣ въ Аравіи, въ Сиріи, въ Египтѣ и въ Алжиріи, встрѣчаются безчисленныя стада дикихъ свиней, размножающихся чрезвычайно быстро по причинѣ того, что туземцы не занимаются ихъ истребленіемъ.

Каковы бы ни были причины, дѣло въ томъ, что свинья пользуется весьма незавидною репутаціею между многими народами. Напрасно, совершенно напрасно!

Свинья составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ, какіе европейскіе мореплаватели могутъ дать дикимъ народамъ. Поэтому она служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ проводниковъ цивилизаціи и прогресса.

Свинья, питающаяся всѣмъ безъ разбора, и отличающаяся большою плодовитостью, принаравливается ко всѣмъ климатамъ, кромѣ ледовитаго пояса, гдѣ отвердѣлая отъ стужи почва не представляетъ ей возможности рыть землю. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, ее можно встрѣтить повсюду въ многочисленныхъ массахъ, на всѣхъ материкахъ и на всѣхъ островахъ. Само по себѣ животное это есть животное невинное; оно ведетъ войну только съ пресмыкающимися, съ полевыми мышами, съ кротами и вообще съ разными паразитами, враждебными человѣку. Дикая свинья Америки истребляетъ, какъ говорятъ, ежедневно огромное количество гремучихъ змѣй. Но одинъ изъ моихъ пріятелей, желавшій убѣдиться въ этомъ своими собственными глазами, говорилъ мнѣ, что ему ни разу не пришлось заставить свинью проглотить даже ужа.

Свинья одарена отъ природы чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ. Она пользуется имъ для отысканія трюфлей, глубоко запрятанныхъ въ землю и для указанія ихъ человѣку.

Азіятская Индія, большіе острова Зонды и Африки, всѣ вообще, начиная отъ мыса Доброй Надежды до мыса Матифу, изобилуютъ кабанами. Французскія владѣнія въ Африкѣ еще недавно были богаты ими, и это только нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Кабанъ нашихъ европейскихъ лѣсовъ превосходитъ кабановъ другихъ частей свѣта огромностью своего тѣла и силою своихъ клыковъ. Бывали примѣры, что онъ вѣсилъ 13 пудовъ (250 килограмовъ). Мясо европейскихъ кабановъ гораздо вкуснѣе, чѣмъ мя-

со другихъ: это потому, что желуди, составляющіе лакомство кабановъ, и находимые ими въ изобиліи въ нашихъ лѣсахъ осенью, составляютъ ихъ исключительную пищу. Желуди имѣютъ большое вліяніе на нравственную и на матеріяльную стороны кабана. Они придаютъ твердость его мясу и силу его характеру. Всякому извѣстно, что кабанъ, лишенный продовольствія желудями, бываетъ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Охоты на него въ октябрѣ и ноябрѣ гораздо драматичнѣе, чѣмъ во всякую другую пору года. Замѣтьте, что желудь есть плодъ дуба, который, такъ же какъ и свинья, служитъ эмблемою скупости.

Свинья вступаетъ въ жаръ въ декабрѣ; поросится она въ концѣ марта. Число поросятъ зависитъ отъ ея возраста; молодыя матери довольствуются тремя или четырьмя поросятами; старыя мечутъ до двѣнадцати. У кабановъ съ лѣтами клыки загибаются и утрачиваютъ свою остроту. Клыковъ у нихъ бываетъ четыре: два самыхъ ужасныхъ въ нижней челюсти. Клыки верхніе, повидимому, служатъ только точилами для нижнихъ. Свиней собственно, то есть самокъ, я не встрѣчалъ вооруженными клыками нигдѣ, кромѣ романовъ, авторы коихъ впрочемъ не служатъ авторитетомъ въ дѣлахъ естествознанія. Дикія свиньи, встрѣчаемыя въ западныхъ частяхъ Европы, въ равнинахъ Абиссиніи, въ Америкѣ и въ Индіи, не созданы длятого, чтобъ внушать ужасъ; не смотря однако же на это, клыки ихъ въ состояніи распороть собаку.

Охота на кабана не требуетъ большаго знанія со стороны охотника, такъ же какъ и тонкаго чутья отъ его ищейки. Это животное имѣетъ запахъ сильный и теплый, какъ у лисицы, и потому гонъ за нимъ всегда на близкомъ разстояніи. Кабанъ, какъ хорошій бѣгунъ, бываетъ въ своемъ трехлѣтнемъ возрастѣ. Эта охота должна быть исключительною принадлежностью утра. Древніе убивали кабана охотничьимъ ножомъ. Этотъ способъ, долго существовавшій во Франціи, былъ повсюду оставленъ съ появленіемъ двуствольнаго ружья. Однако же охотники высшей школы остаются вѣрными и до нашего времени старому обычаю.

Кромѣ человѣка, кабанъ и семья его имѣютъ заклятаго врага въ сѣромъ волкѣ. Этотъ хищникъ любитъ бродить вокругъ кабаньяго логова, если свинья въ немъ держится съ поросятами—и горе тому юнцу, который вздумаетъ отдалиться отъ матери. Такое логово съ виду походитъ на шалашъ, искусно крытый древесными сучьями и внутри устеленный сухой травою. Дикія свиньи—превосходныя матери: осторожныя, заботливыя, отважныя. Для устраненія опасности, грозящей со стороны лакомыхъ до поросятины волковъ, дикія свиньи Арденскихъ горъ постоянно содержатъ сторожевой кордонъ вокругъ своего логова. Сторожами имъ служатъ молодые кабаны килограммовъ въ семдесятъ пять вѣсомъ и приэтомъ вооруженные такъ, что они невольно внушаютъ къ себѣ нѣкотораго рода опасливое

уваженіе. Такіе кордоны устроиваются довольно легко; потому-что животныя этого рода отъ природы имѣютъ наклонность къ ассоціаціи, или ко взаимножительству. Въ минуту опасности, они охотно подаютъ другъ другу помощь.

48. Злаки.

Злаки плебеи, чернь (деревенщина), бѣдняки, соломники, простаки, но живучія, составляющія силу и мощь растительнаго царства, и чѣмъ болѣе они попраны и презрѣны, тѣмъ болѣе плодятся и множатся. Линней.

Никто не усомнится въ томъ, что земля безъ растеній была бы необитаема; несомнѣнно и то, что растительный покровъ нашей планеты даетъ особую физіономію каждой странѣ, и опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ дѣятельность ея обитателей. Не любопытно ли послѣ этого намъ, жителямъ холоднаго пояса, обратить особое вниманіе на ту группу растеній, которая такъ рѣзко характеризуетъ этотъ поясъ, придавая особое направленіе дѣятельности нашихъ соотечественниковъ? я говорю о семействѣ злаковъ, которые составляютъ основу нашихъ луговъ и нашей культуры, питаютъ насъ и нашихъ животныхъ, прикрываютъ жилища земледѣльца нашего, даютъ ему топливо, ложе и напитокъ, и наконецъ составляютъ силу нашего государства, поддерживаютъ торговлю и ремесла. Семейство злаковъ весьма обширно; многочисленные роды и виды, его составляющіе, хотя и скучены особенно въ сѣверномъ и умѣренномъ поясахъ, но немало встрѣчается нхъ и въ поясѣ жаркомъ, гдѣ они принимаютъ тотъ характеръ могущества и обилія, который принимаетъ вообще растительность жаркихъ странъ.

Чтобы съ перваго же раза дать понятіе о томъ, какія растенія составляютъ семейство злаковъ, достаточно сказать, что сюда относятся пшеница, рожь, овесъ.... словомъ всѣ наши зерновые хлѣба и большая часть кормовыхъ травъ; но такъ-какъ мы хотимъ познакомить читателя покороче съ этими растеніями, то разсмотримъ строеніе ихъ подробнѣе, возьмемъ за образецъ *обыкновенную пшеницу* (triticum vulgare).

Земледѣлецъ и ботаникъ знаютъ, что пшеница цвѣтетъ, но мнѣ не разъ случалось встрѣчать людей, неимѣющихъ понятія о скромныхъ цвѣтахъ злаковъ, даже обработываемыхъ. Цвѣты пшеницы, какъ всякій догадывается, скрываются въ чешуйкахъ, составляющихъ ея колосъ. Чешуйки эти сидятъ попарно на уступахъ извилистаго продолженія стебля, и каждая пара заключаетъ отъ трехъ до четырехъ цвѣточковъ; парныя чешуйки вмѣстѣ съ ихъ цвѣточками называются *колоскомъ* (spicula). Каждый цвѣточекъ имѣетъ покровъ, состоящій изъ двухъ другихъ чешуекъ, изъ которыхъ наружная несетъ большею частію на спинкѣ своей длинную *ость*

(arista); въ углубленіи между покровными створочками сидятъ настоящія цвѣточныя части, а именно: три тычинки и пестикъ. Тычинки имѣютъ нѣжныя гибкія нити и двугнѣздые пыльники, пестикъ въ видѣ кругловатаго тѣла, имѣющаго на верхушкѣ два красивыхъ столбика, походящихъ на крошечныя перышки; при основаніи завязи или пестика есть еще 2 мелкихъ чешуйки. Когда пшеница созрѣетъ, завязь превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ одно сѣмя, дотого приросшее къ околоплоднику, что вовсе отъ него не отдѣляется; изъ этого видно, что такъ называемое въ общежитіи зерно злаковъ, принимаемое за сѣмя ихъ, есть собственно ихъ плодъ съ сѣменемъ. Ботаники называютъ этотъ плодъ *зерновкою* (caryopsis).

Цвѣты всѣхъ злаковъ построены на этотъ образецъ,—различія заключаются въ числѣ тычинокъ, которыхъ иногда бываетъ только двѣ, какъ напр. въ родахъ *psilurus* Тринїуса и въ родѣ *cinna* Шпренгеля. Первый родъ встрѣчается только на сѣверѣ Европы, второй же заключаетъ 2 вида, изъ которыхъ одинъ ростетъ въ сѣверной Америкѣ, другой въ Новой Зеландіи. Нѣсколько другихъ родовъ, отдѣленія *бамбуковыхъ* и *рисовыхъ*, имѣютъ по 6 тычинокъ въ каждомъ цвѣткѣ,—таковы напр. роды: *бамбукъ* (bambusa) и *рисъ* (oriza); затѣмъ различія основываются на числѣ столбиковъ, конхъ иногда бываетъ по одному, какъ напр. въ бамбуковыхъ. Есть еще злаки, такъ называемые однодольные, т. е. такіе, у которыхъ одни цвѣты заключаютъ только тычинки, другіе только пестики, — цвѣты эти или перемѣшаны на одномъ и томъже цвѣторасположеніи, или составляютъ два особыхъ цвѣторасположенія, какъ у *маиса*. Наконецъ самое цвѣторасположеніе измѣняется: у пшеницы и ржи мы видѣли *колосъ* (spica), т. е. цвѣторасположеніе, въ которомъ колоски сидятъ прямо на продолженіи главнаго стебля, у другихъ злаковъ напротивъ колоски могутъ сидѣть на особыхъ вторичныхъ, третичныхъ и т. д. вѣточкахъ, — отъэтого происходятъ метелки, и метелки чрезвычайно разнообразныя: то онѣ раскидыстыя, какъ у овса, то образуютъ родъ кисти, какъ у проса, то весьма густыя и походятъ на древній вакховъ тирсъ, какъ у *сорго*.

Такого рода различія нисколько не нарушаютъ цѣлости семейства и общей всѣмъ злакамъ физіономіи; эта физіономія необыкновенно рѣзко отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ растеній, если исключить сосѣдей ихъ, *ситовниковъ* (cyperaceae), съ которыми они сродны.

Теперь обратимся къ *корню, стеблю* и *листьямъ злаковъ*. Корень этотъ состоитъ всегда изъ множества болѣе или менѣе толстыхъ волоконъ, сплетающихся часто дотого, что верхній слой земли, такъ называемый дернъ, получаетъ отъ нихъ связь, и можетъ кроиться на крупныя куски, не разваливаясь.—Воздушный стебель злаковъ называется *соломою* (culmus), — это дудчатый, колѣнчатый стебель,

несущій на узлахъ своихъ ленточныя и почти всегда параллельнонервныя листья; стебель этотъ вѣтвится по большей части только въ цвѣторасположеніи; не многія злаки изъ этого исключаются: таковы впрочемъ бамбуки. Но есть множество злаковъ съ стеблями подземными. Эти подземные стебли живучи, т. е. не умираютъ и на зиму, весною они выпускаютъ наружу новые побѣги, являющіеся въ видѣ воздушныхъ стеблей, которые, принеся плоды, отсыхаютъ: таковы напримѣръ наши озимые хлѣба, наша кормовая *тимофеева трава*, таковъ *ковыль* и множество другихъ. Отдѣленіе бамбуковыхъ отличается деревянистою, многолѣтнею соломою, возвышающеюся нерѣдко на 50 футовъ.

Особенность злаковъ въ химическомъ составѣ та, что ткани ихъ заключаютъ множество кремнезема въ видѣ мельчайшихъ частицъ, проникающихъ всю массу стебля и колосовыхъ створокъ: если сжечь на стеклянной пластинкѣ кусокъ соломы такъ, чтобы всѣ органическія вещества улетучились; то на пластинкѣ останется чистѣйшій кремнеземъ, представляющій въ малѣйшихъ подробностяхъ строеніе сожженнаго растенія. Большое количество кремнезема въ злакахъ открывается также при внезапномъ воспламененіи отъ грозы сѣнныхъ стоговъ нашихъ, состоящихъ почти исключительно изъ злаковъ; — послѣ пожара такихъ стоговъ, остаются на ихъ мѣстахъ сплавленные куски кремнезема; жесткость соломы злаковъ, извлекающей иногда искры изъ косы земледѣльца, объясняется также присутствіемъ кремнезема. Познакомившись со строеніемъ злаковъ и скромными цвѣтами ихъ, обратимъ вниманіе на нѣкоторые изъ ихъ родовъ и видовъ, болѣе для насъ интересные.

Злаки составляютъ главную часть травной растительности нашего пояса: луга состоятъ всегда изъ нихъ и сходныхъ съ ними ситовниковъ; остальныя растенія составляютъ своими цвѣтами какъ бы узоры на бархатѣ злачныхъ ковровъ; мягкіе холмы холоднаго и умѣренно холоднаго поясовъ обязаны имъ своимъ изумруднымъ покровомъ,—они же покрываютъ русскія степи, равнины сѣверной Европы и южно-американскіе пампасы Патагоніи; злаки же вѣнчаютъ горы, подымаясь выше всякой травной растительности, и достигая почти до линіи вѣчныхъ снѣговъ. Уже въ южной Европѣ число растеній семейства злаковъ уменьшается, луга уже не представляютъ тамъ той разнообразной зелени, которая такъ успокоиваетъ глазъ; еще южнѣе, и луга изчезаютъ вовсе, и самые злаки принимаютъ иной видъ, такъ-что въ бамбукѣ съ древовиднымъ стеблемъ и густыми вѣтвями трудно узнать одного изъ представителей этого скромнаго семейства.

Семейство злаковъ заключаетъ болѣе 200 родовъ и 3,500 видовъ; по этому самому оно раздроблено на нѣсколько отдѣленій, которыя впрочемъ не считаемъ нужнымъ здѣсь приводить; у Кунта

ихъ 10, но мы обратимъ особое вниманіе на воздѣлываемые злаки (культурные), и будемъ разсматривать ихъ по поясамъ.

Сѣвернѣе всѣхъ подымается овесъ, затѣмъ ячмень и рожь, далѣе полба, просо и наконецъ пшеница, сливающаяся съ хлѣбными злаками жаркаго пояса. Поэтому напримѣръ южная половина Россіи представляетъ вмѣстѣ всѣ поименованные хлѣба, покрывающіе своими нивами огромную страну, страну, которую по справедливости можно назвать *поясомъ*, или *царствомъ зерновыхъ хлѣбовъ*. Южную границу этого пояса можно считать около 40-го градуса с. ш.; онъ обнимаетъ всю Европу, сѣверо-восточную часть Азіи и большую половину Сѣверной Америки: Русскія владѣнія, Канаду и Соединенные Штаты до Вашингтона. Гдѣ первоначальное отечество поименованныхъ растеній?—вотъ весьма естественный вопросъ. Розысканій по этому предмету было не мало; но увѣренія нѣкоторыхъ писателей, будто бы нашедшихъ нѣкоторые изъ зерновыхъ хлѣбовъ въ дикомъ состояніи, не всегда подтверждаются положительными фактами. Пшеница и ячмень обработывались съ самыхъ древнихъ временъ, въ Китаѣ, Индіи, Европѣ, Греціи и Римѣ. Введеніе пшеницы въ Китай приписывается императору *Чинъ-Нонгу* за 2822 года до Р. Х.; хлѣбныя зерна, найденныя въ египетскихъ гробницахъ, оказались пшеничными, и даже весьма близкими къ нынѣ обработываемымъ; пшеница, найденная Прокешемъ въ гробницѣ муміи, была посѣяна, и два зерна ея, послѣ предварительнаго отмачиванія въ маслѣ и водѣ, взошли: они оказались пшеницею обыкновенною (triticum vulgare). У древнихъ писателей введеніе хлѣбныхъ травъ приписывается вообще баснословнымъ лицамъ, что́ доказываетъ глубокую древность этого введенія; по ихъ свидѣтельству, пшеница происходитъ съ береговъ Евфрата; еще въ 1854 году одинъ ученый путешественникъ нашелъ дикорастущую пшеницу *въ Малой Азіи*. Отечество ячменя нѣсколько сѣвернѣе, а именно около южнаго берега Каспійскаго моря; покойный академикъ Мейеръ находилъ его въ дикомъ состояніи между Ленкораномъ и Баку. Полба (triticum spelta) происходитъ изъ тѣхъже странъ; разведеніе ея несравненно менѣе распространено и ограничивается незначительными посѣвами въ умѣренной Европѣ, гдѣ она разводилась и въ древности. Отечество ржи и овса извѣстно менѣе положительно: древніе не знали овса, а ржи не разводили. Альфонсъ Декандоль полагаетъ, что рожь произошла изъ страны, лежащей между Альпами и Чернымъ моремъ, тѣмъ болѣе, что и древніе упоминаютъ о ней, какъ произрастающей около этихъ мѣстъ. Такъ-какъ это растеніе ни въ прежнія, ни въ настоящія времена, не воздѣлывается ни въ Азіи, ни въ южной Европѣ; то его можно считать, вмѣстѣ съ гречихою, характеристическимъ славянскимъ хлѣбомъ. Отечествомъ овса надо считать, по словамъ Альфонса Декандоля, тѣже страны, изъ которыхъ распространилась рожь; обработка его

не переходитъ за Кавказскій хребетъ, а въ Азіи за русскую границу: ни въ Китаѣ, ни въ Индіи онъ не извѣстенъ. Просо, обработка котораго мало распространена, разводилось однако и въ древности, особенно въ Китаѣ и Индіи; послѣдняя страна есть, по всей вѣроятности, и его отечество.

Итакъ начало нашихъ колосовыхъ хлѣбовъ можетъ быть опредѣлено только съ нѣкоторою шаткостью, а междутѣмъ они распространились невѣроятно, такъ-что при описаніи общаго вида страны, нельзя не упоминать о тѣхъ безконечныхъ нивахъ, которыя, особенно у насъ въ Россіи, простираются часто во всѣ стороны до самаго горизонта, подобно безбрежному морю.

Кромѣ поименованныхъ растеній, обширный поясъ зерновыхъ хлѣбовъ, производитъ множество полезныхъ злаковъ, изъ которыхъ многіе засѣваютъ особенно въ западной Европѣ; для прокормленія домашнихъ животныхъ чаще другихъ сѣется *рай-грассъ* или *плевелъ* (folium perenne), *тимофеева трава*, или *орженецъ* (phleum pratense) и *овсяница* разныхъ видовъ (festuca).

Плевелъ считался нѣкогда ядовитымъ, и теперь нѣкоторые увѣряютъ, что большая примѣсь его въ хлѣбѣ производитъ головокруженіе. Трава эта цѣнится особенно для газоновъ; засѣянныя мѣста покрываются самою густою изумрудною зеленью, которую можно держать весьма низко частымъ подстриганіемъ и укатываньемъ: многолѣтніе стебли рай-грасса отъ этого только больше кустятся, и лугъ густѣетъ. Плевелъ принадлежитъ отдѣленію *ячменевыхъ*, къ которому относятся также ячмень, рожь и пшеница. Колосъ его состоитъ изъ колосковъ, не имѣющихъ остей и далеко другъ отъ друга отстоящихъ на извилистомъ стебелькѣ,—это придаетъ растенію особый видъ. Въ дикомъ состояніи онъ ростетъ у насъ даже около Москвы. Орженецъ есть весьма кустистый злакъ, его солома оканчивается длинными и весьма плотными метелками, имѣющими видъ цилиндрическаго мохнатаго колоса; эта многолѣтняя трава разводится и у насъ въ Россіи, гдѣ ее сѣятъ вмѣстѣ съ гречихою, подъ тѣнію которой она всходитъ. На слѣдующій годъ поле густо покрывается ею, и даетъ обильно превосходное сѣно въ продолженіе многихъ годовъ.

Овсяницы разводятся также для сѣна. Всѣ виды ея отличаются раскидистою метелкою, подобною той, какая у овса, который помѣщенъ съ ними въ одномъ отдѣленіи *овсянцевыхъ* (festucaceae); но колоски у овсяницы заключаютъ всегда по нѣсколько цвѣтовъ, тогда-какъ у овса ихъ часто по одному въ каждомъ колоскѣ. Травы эти достигаютъ значительнаго роста—аршинъ двухъ, и сѣно тѣмъ хорошо, что самыя зерна довольно крупны и питательны. Единственный пахучій злакъ нашихъ странъ, такъ называемый *пахучій колосокъ* (anthoxantum adoratum), также сѣется; растеніе это хотя и не даетъ много сѣна, но значительно способствуетъ его ароматно-

сти и вкусу. Различные *полевицы* (agrostis) представляютъ густыя раскидистыя метелки, состоящія изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ крошечныхъ колосковъ своихъ; ростутъ они во множествѣ среди нашихъ хлѣбовъ и луговъ; лѣтомъ, когда онѣ цвѣтутъ, мѣста ими заросшія кажутся покрытыми издали блестящимъ пухомъ: съ ними вмѣстѣ ростутъ дикіе овсы (avena pratensis, pabescens), *метлики* (poa) и *молоточники* (aira). Послѣдніе-то вмѣстѣ съ полевицею и представляются блестящимъ пухомъ, часто съ фіолетовымъ отливомъ.

Настоящія русскія степи, — степи восточной половины нашего отечества, начинающіяся отъ Саратова къ Оренбургу и Астрахани, отличаются *перистымъ ковылемъ*; злакъ этотъ считается дотого признакомъ коренной степи, что когда онъ появляется на давнихъ залежахъ, то хозяинъ считаетъ такія залежи совершенно превратившимися въ степной лугъ; обозы, тянущіеся съ в., всегда украшены большими пуками этой красивой травы, привязанными къ телегамъ.

Ковыль есть растеніе многолѣтнее, образующее большіе кусты; ости ея достигаютъ до полуаршина длины, чрезвычайно тонки, гибки и покрыты мягкимъ пухомъ, что́ придаетъ имъ большое сходство съ нѣжными хвостовыми перьями райскихъ птицъ. Степь, покрытая ковылемъ, еще издали серебрится, потому-что малѣйшій вѣтеръ наклоняетъ перья его въ одну сторону, а солнце играетъ въ ихъ блестящихъ пушинкахъ.

Болѣе крупные злаки—*камыши* (phragmytes) украшаютъ берега тихихъ рѣкъ нашихъ или зарощаютъ мелководныя озера и болота; поюжнѣе, въ Малороссіи, присоединяется къ камышу еще болѣе рослый злакъ—*тростникъ* (arundo donax). Оба эти растенія подымаются выше человѣческаго роста, особенно тростникъ, въ которомъ можетъ скрываться даже всадникъ; всякій знаетъ общій видъ ихъ: красивыя пушистыя метелки съ малиновымъ отливомъ, шпрокіе острые листья, толстый дудчатый стебель, издающій протяжный звукъ при вѣтрѣ; въ хозяйствѣ они также приносятъ пользу: ими кроютъ крыши, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ.

Такое огромное количество злаковъ не остается безъ вліянія на животныхъ нашего пояса: число видовъ травоядныхъ и зерноядныхъ далеко превосходитъ хищныхъ.

Нивы питаютъ или скрываютъ безчисленныхъ грызуновъ. Бѣлякъ и русакъ лежатъ въ густой озими, по которой гоняются за нимъ стаи борзыхъ, понукаемыхъ цѣлыми сонмищами охотниковъ на лошадяхъ, вскормленныхъ степною травою; несется охота по лугамъ и полямъ, а владѣльцу и горя мало: такъ у него много тѣхъ и другихъ. Полевые мыши разныхъ видовъ скрываются подъ кочками пашни и подъ снопами; хомяки, особенно хомякъ обыкновенный (cricetus frumentaris), роютъ длинныя норы, въ глубинѣ которыхъ прячутъ большіе запасы хлѣбныхъ зеренъ; такіе же запа-

сы, хотя не столь огромные, собираютъ и другіе грызуны. Суслики и байбаки бороздятъ степь, оглашая ее своимъ свистомъ при восходѣ солнца. Переселеніе бурыхъ крысъ въ наши страны съ востока, происходившее отъ Астрахани по берегамъ Волги, вѣроятно, опредѣлено обиліемъ хлѣбныхъ зеренъ. Вся эта мелочь привлекаетъ множество хищныхъ птицъ, вьющихся съ крикомъ надъ волнующеюся нивою. Путникъ, идущій длинною межою, срывая колосья, васильки и куколь, пораженъ трескомъ кузнечиковъ, щелканьемъ перепела и звонкою пѣснію жаворонка, а весною видитъ онъ на поляхъ стада дрохвъ, щиплющихъ озимь. Прибрежные и болотные камыши скрываютъ дикихъ утокъ и гусей; тутъ же раздается глухой голосъ выпи и щебетанье безчисленныхъ пѣвчихъ пташекъ.

Міръ животныхъ, живущихъ злаками или въ злакахъ, слѣдовательно обиленъ, нравы ихъ любопытны; но можно и тутъ сказать, что характеръ этого подвижнаго населенія злаковъ, также какъ и самыхъ этихъ растеній, есть скромность: въ тишинѣ накопляютъ они свои запасы и выкармливаютъ многочисленныхъ дѣтенышей, или птенцовъ, въ тишинѣ роются подъ землею, неусыпно какъ гномы, и вредъ, наносимый ими, немаловаженъ для человѣка, но все же принебрегается честнымъ земледѣльцемъ, коего трудъ такъ щедро распространилъ на землѣ хлѣбныя растенія.

Южная Европа лишена злачныхъ луговъ; пейзажъ странъ, ее составляющихъ, принимаетъ иной характеръ, какъ отъ этого отсутствія луговъ, такъ и отъ появленія полей маиса, италіянскаго проса, сорго и даже мѣстами рисовыхъ болотъ.

Наше Закавказье и средняя Азія по характеру злаковъ, тамъ произрастающихъ, должны быть присоединены къ одному поясу съ южной Европой; поясъ этотъ составляетъ переходъ отъ умѣреннаго къ жаркому. Жаркій поясъ, въ которомъ къ названнымъ уже злакамъ присоединяется еще сахарный тростникъ, бамбукъ и пр., начинается сѣверо-африканскимъ берегомъ Средиземнаго моря, обнимаетъ Аравію, южную половину Персіи, Индійскіе полуострова съ Зондскимъ архипелагомъ и южный Китай; въ Америкѣ—Мексику съ Луизіаной и Флоридой и весь южный материкъ новаго свѣта почти до Патагоніи. Многимъ случалось вѣроятно видѣть *маисъ* или иначе *кукурузу*. Это злакъ, достигающій саженнаго роста; листья его имѣютъ въ длину поларшина и болѣе при ширинѣ въ полтора вершка, и отличаются весьма яркою веселою зеленью. Толстый стебель оканчивается на верху стоячею метелкою съ растопыренными вѣточками, несущими въ колоскахъ своихъ одни только пыльные, не приносящіе плодовъ цвѣты; въ каждомъ колоску ихъ по два. Цвѣты пестичные, плодовитые, образуютъ въ углахъ широкихъ листьевъ плотные колосья на подобіе длинныхъ шишекъ, оканчивающихся кистями длинныхъ колосковъ, красиво висящихъ и развѣвающихся по вѣтру: это столбики и рыльца маиса. Каждый пло-

довитый цвѣтокъ имѣетъ одно рыльцо, окруженъ мелкими чешуйками, и вдавленъ въ мясистый довольно толстый стебелекъ или ось колоса. Цвѣты эти расположены рядами; въ бѣломъ маисѣ такихъ рядовъ по восьми въ колосѣ. Зрѣлый колосъ достигаетъ иногда длины въ четверть аршина, и состоитъ изъ крупныхъ зеренъ яркаго и темнаго желтаго цвѣта.

Уходъ за маисомъ хлопотливѣе, нежели за нашими хлѣбными растеніями, зато каждый стволъ даетъ по нѣскольку крупныхъ шишекъ; притомъ же листья его идутъ на кормъ скоту, а самый стебель составляетъ порядочное топливо. За Кавказомъ я не разъ любовался маисовыми полями. Въ Имеретіи и Гуріи, гдѣ земля весьма плодородна, и по рыхлости своей легко обработывается, ее вскапываютъ для кукурузы мотыгами; затѣмъ, когда растенія подымутся фута на 3, ихъ опять обмотыживаютъ по нѣскольку разъ въ продолженіе лѣта; теплый и сырой климатъ тѣхъ странъ весьма быстро выгоняетъ высокіе стебли маиса, который вскорѣ образуетъ миловидные лѣски по берегамъ пѣнистыхъ рѣчекъ, на отлогости холмовъ, въ виду живописныхъ виноградниковъ, лозы которыхъ вьются по деревьямъ.

Маисъ происходитъ изъ Америки, и былъ ввезенъ въ Европу только по открытіи новаго свѣта. Такое происхожденіе кукурузы оспаривается нѣтоторыми учеными, считающими отечествомъ этого злака Азію. Они основываются въ особенности на сказаніи одной китайской книги, составленіе которой относится еще къ 1552 году. Но при этомъ надо замѣтить, что маисъ никогда не разводился и теперь не разводится въ большемъ количествѣ ни въ Китаѣ, ни въ Индіи; притомъ же онъ могъ быть ввезенъ въ Китай прежде открытія Америки европейцами,—исторія Мексики и Перу показываетъ, что всѣ страны были въ нѣкоторомъ сношеніи съ Китаемъ.

Въ Америкѣ же маисъ разводился издревле: это извѣстно самымъ положительнымъ образомъ; изображенія его находятъ на всѣхъ памятникахъ,—въ гробницахъ инкъ находятъ всегда маисовыя колосья.

Растеніе это произвело въ новомъ свѣтѣ множество разностей, отличающихся ростомъ такъ же какъ цвѣтомъ и формою зеренъ; оно тамъ распространено и въ сѣверномъ и въ южномъ материкѣ повсемѣстно, гдѣ только дозволяетъ климатъ. Все это подтверждаетъ древность его обработки. Въ дикомъ состояніи до сихъ поръ еще не найдено достовѣрно: одни считаютъ его происходящимъ изъ лѣсовъ Парагвая, другіе со Скалистыхъ горъ.

Кукурузныя шишки молодыя, когда онѣ только начинаютъ желтѣть, весьма вкусны, вареныя и приправленныя масломъ; маисовый хлѣбъ, или поимеретински *чади*, хорошъ на вкусъ, но тяжелъ; изъ маисовой муки дѣлаютъ настоящую *поленту*, кушанье, распростра-

ненное въ Италіи и Испаніи,—это родъ крутаго тѣста съ бульономъ, масломъ и сыромъ.

Сѣется кукуруза во всѣхъ теплыхъ странахъ; у насъ, въ южной Россіи она разводится только по огородамъ; въ Италіи, южной Франціи и Испаніи ея весьма много, такъ же какъ въ Турціи и Греціи. Въ Америкѣ, гдѣ маисъ особенно распростарненъ, онъ даетъ нерѣдко двѣ жатвы, что́ ставитъ его по плодородію однимъ изъ первыхъ хлѣбовъ: не удивительно, что злакъ этотъ такъ цѣнился въ древнихъ Мексикѣ и Перу. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ростетъ кукуруза, сѣется также *сорго*, или поимеретински *гоми*. По общему виду, гоми походитъ на маисъ: стебли его впрочемъ не такъ высоки, листья же еще шире,—метелка весьма вѣтвистая, сжатая и состоитъ изъ колосковъ, заключающихъ пыльно-пестичные плодовитые цвѣты; плоды походятъ на просяные, но они несравненно крупнѣе, величиною съ чечевицу.

Въ Гуріи и Имеретіи гоми совершенно замѣняетъ хлѣбъ. Тамъ его сѣютъ между деревьями, по которымъ вьется виноградъ. Муки изъ гоми не дѣлаютъ, а варятъ прямо въ водѣ, и ѣдятъ въ видѣ густой каши, къ которой тамошній народъ необыкновенно пристрастенъ; непривычному европейцу каша эта кажется безвкусною, тѣмъ болѣе, что ее варятъ безъ соли.

Въ Италіи гоми сѣется подъ именемъ сорго, гдѣ его, какъ кажется, употребляютъ особенно для откармливанія птицъ; оно же разводится въ большей части Африки подъ именемъ *дуры*. Другой видъ сорго (sorghum saccharatum) замѣчателенъ по большому количеству сахара, заключеннаго въ его сокѣ; растеніе это стараются теперь развести для добыванія изъ него сахара въ большомъ количествѣ. Сладкій сокъ сахаристаго сорго былъ извѣстенъ и древнимъ; растеніе это до сихъ поръ разводится въ Индіи, вмѣстѣ съ обыкновенною породою. Къ нимъ надо еще присоединитъ *кафрское сорго* (s. cafrorum), разводимое въ южной Африкѣ.

Въ странахъ гоми и кукурузы обильно ростетъ другой, дикій злакъ: тростникъ; это высокое растеніе украшаетъ собою, также какъ въ южной Россіи, берега рѣкъ, озеръ и болота, составляя обширныя чащи, среди которыхъ скрывается множество птицъ и млекопитающихъ, свойственныхъ этому поясу. Камыши Имеретіи (древней Колхиды)—отечество фазана (Phasianus colchicus), перенесеннаго отсюда въ европейскіе парки. За нимъ гоняется шакалъ, завываніе котораго часто раздается изъ чащи маисовыхъ полей. Среди тростниковъ живетъ также и барсъ, гдѣ онъ выводитъ своихъ барсятъ, протаптывая длинные ходы къ своему логову,—такіе ходы видѣлъ профессоръ Эверсманнъ въ камышахъ за Усть-юртомъ, гдѣ они продѣланы иногда даже тигромъ, заходящимъ въ лѣтнее время далеко на сѣверъ. Тяжелый кабанъ скитается во множествѣ по болотамъ, скрываясь въ густыхъ злакахъ, а стада джейрановъ пасутся

на степныхъ возвышенностяхъ, тамъ и сямъ встрѣчающихся за Кавказомъ и въ Персіи. Переходя въ жаркій поясъ, путешественникъ встрѣчаетъ кромѣ всѣхъ перечисленныхъ злаковъ сахарный тростникъ—злакъ, дающій сахаръ и ромъ, и обогащающій Индію, Антильскіе острова и теплыя страны Америки. Хотя количество обработываемыхъ злаковъ въ жаркихъ климатахъ уменьшается, но число ихъ видовъ напротивъ возрастаетъ, ибо кромѣ ржи и овса, въ этихъ странахъ воздѣлываются всѣ наши колосовые хлѣба съ прибавленіемъ вовсе намъ неизвѣстныхъ: таковы *кафрское сорго* (s. cafrorum), *абиссинская метлика* (poa abyssinica) и *кораканъ* (eleusine coracan). Рисовыя поля можно уже видѣть за Кавказомъ, именно въ восточной его части; рисъ тамъ сѣется, какъ и вездѣ, въ водѣ, т. е. мѣста имъ засѣянныя затопляются. Поэтому-то воздухъ около рисовыхъ полей зараженъ гніющею водою, причиняетъ и лихорадки, отъ которыхъ жители бѣгутъ въ горы на время возрастанія посѣвовъ, возвращаясь только къ жатвѣ и уборкѣ. Вода спускается съ рисовыхъ полей передъ созрѣваніемъ метелокъ, что впрочемъ не всегда дѣлается. Рисъ есть злакъ, стебель котораго подымается, при хорошихъ обстоятельствахъ до двухъ аршинъ, листья его длинны и довольно узки, метелки рѣдки. Каждый колосокъ заключаетъ только по одному цвѣточку, снабженному шестью тычинками и двумя перистыми столбиками на завязи. Этого растенія насчитываютъ болѣе двадцати разностей.

Рисовую крупу употребляютъ въ большомъ количествѣ особенно на востокѣ, гдѣ она составляетъ часто единственную пищу бѣднаго класса народа.

Отечество этого драгоцѣннаго растенія Индія, но оно издревле распространено во всѣхъ теплыхъ странахъ Азіи и на востокѣ Африки, въ Китаѣ же введено императоромъ Чинъ-Нунгомъ вмѣстѣ съ пшеницею, ячменемъ и просомъ въ 2822 г. Въ южной Европѣ, т. е. въ Испаніи, южной Франціи и Италіи, рисъ распространенъ маврами.

Всѣ воздѣлываемые виды сахарнаго тростника происходятъ изъ восточной Индіи. Сладкій сокъ этихъ злаковъ, вмѣстѣ съ сокомъ бамбуковъ, дуры и маиса, давно уже были извѣстны; еще римляне его употребляли и знали растеніе, производящее его, подъ именемъ *saccharon;*—но рафинировка сахара, производившаяся издревле китайцами, начала доходить до обширныхъ размѣровъ и до нѣкоторой степени совершенства только послѣ введенія сахара въ южную Европу, а особенно въ Америку, которая производитъ его самое большое количество.

Сахарный тростникъ (saccharum) по общему виду весьма походитъ на маисъ, но еще выше его ростомъ; конечная же метелка его состоитъ не изъ безплодныхъ цвѣтовъ, а изъ цвѣтовъ пыльнопестичныхъ—плодовитыхъ; каждый колосокъ содержитъ по одному

цвѣточку, и снабженъ снаружи при основаніи створочекъ своихъ серебристыми волосками, что придаетъ весьма красивый видъ всей пирамидальной метелкѣ растенія. Разводится три вида сахарнаго тростника: самый обыкновенный—s. *officinarum* достигаетъ 12 футовъ вышины,—основаніе его колѣнчатаго блестящаго стебля выпускаетъ по нѣскольку стволовъ, приносящихъ цвѣты только черезъ годъ. Разность этого вида, такъ называемый *таитскій* тростникъ, еще больше ростомъ, и даетъ большее количество сахара.

Порода меньшаго роста (s. violaceum), отличающаяся красноватымъ цвѣтомъ метелки, обработывается въ американскихъ колоніяхъ только для превращенія сока ея въ ромъ.

Въ Китаѣ воздѣлывается еще третій видъ (saccharum sinense).

Сахаръ, добываемый изъ сахарнаго тростника, ввозится обыкновенно въ Европу только въ видѣ сахарнаго песку, и уже рафинируется на европейскихъ заводахъ.

Изъ числа дикихъ видовъ этого рода, у насъ на Терекѣ встрѣчается s. *cilindricum*, отличающійся тѣмъ, что цвѣты его содержатъ только по 2 тычинки.

Между дикорастущими злаками жаркаго пояса, первое мѣсто занимаютъ тѣ изъ нихъ, которые относятся къ отдѣленію бамбуковыхъ (bambusaceae).

Бамбукъ, образцовый родъ этого отдѣленія, отличается древовиднымъ стеблемъ, который пускаетъ густыя вѣтви изъ своихъ узловъ. Цвѣты его собраны кучками при концахъ этихъ вѣтвей, и состоятъ изъ колосковъ, заключающихъ по нѣскольку цвѣтовъ. Нижніе изъ этихъ цвѣтовъ пыльно-пестичные, а верхніе пыльные, они имѣютъ по шести тычинокъ и по одному столбику, что приближаетъ ихъ къ пальмамъ. Виды, сюда относящіеся, живутъ на полуостровахъ Индіи, на Цейлонѣ и на Зондскомъ архипелагѣ, таковы: обыкновенный бамбукъ (bambusa arundinacea), имѣющій 50 футовъ вышины и гладкія вѣтви, бамбукъ колючій (bambusa spinosa), ростущій на Цейлонѣ и вооруженный колючками и проч.

Въ Африкѣ и Америкѣ бамбуки замѣнены родомъ nastus и другими, не достигающими столь высокаго роста, но тѣмъ не менѣе весьма красивыми. Особенно замѣчателенъ видъ *nastus chusque*, коего гибкія вѣтви перебрасываются съ одного дерева на другое, будучи длиною до 30-ти футовъ.

Величавѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ граціознѣе этихъ растеній ничего нельзя вообразить: тонкіе колѣнчатые стебли, подымающіеся выше нашихъ дубовъ и буковъ, одѣтые густой листвою, вѣчно шумящею и колеблемою малѣйшимъ вѣтромъ на крѣпкихъ и тонкихъ вѣтвяхъ своихъ, придаютъ, вмѣстѣ съ пальмами, совершенно особую физіономію тѣмъ странамъ, гдѣ они ростутъ.

Стволъ бамбука одѣтъ блестящею, подобною эмали кожицею, изъ которой китайцы дѣлаютъ тонкую бумагу; внутри онъ пустъ

и только въ узлахъ содержитъ каменистые желваки, заключающіе въ себѣ 80 процентовъ минеральныхъ солей, особенно же кремнезема; кромѣтого вся ткань бамбука пронизнута этимъ же веществомъ. При движеніи стеблей въ бамбуковыхъ рощахъ, деревья такъ сильно трутся другъ о друга, что издаютъ особый, глухой шумъ, пугающій непривычнаго человѣка, а при большомъ вѣтрѣ даже загораются отъ тренія. Не разъ оттого случались пожары на фермахъ и деревенскихъ домахъ, обсаженныхъ густыми бамбуковыми изгородами.

Сокъ, выходящій изъ треснувшихъ бамбуковыхъ стеблей, весьма сладокъ, и, засыхая, образуетъ блестящее, твердое накопленіе, которое въ большомъ употребленіи у туземцевъ. Молодые побѣги также употребляются въ пищу, а дерево отличается необыкновенною плотностью и легкостью; изъ него строятъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Америкѣ, небольшіе дома, раскалывая стебли надвое; дѣлаютъ мебель, паланкины, и наконецъ плетутъ изъ гибкихъ его щепокъ красивыя циновки.

Берегъ рѣкъ южнаго Китая, Кохинхины и Индіи, украшены цѣлыми рощами этого великолѣпнаго злака: тысячи разноцвѣтныхъ птицъ укрываются въ его листьяхъ, толпы обезьянъ качаются на гибкихъ вѣтвяхъ; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи *ву-ву*, получившія названіе это отъ своего крика: онѣ забираются на самыя верхушки бамбука, и тамъ качаются, размахивая руками и издавая рѣзкіе крики; *носачи,* лица коихъ краснаго цвѣта, съ длиннымъ носомъ, на концѣ раздвоеннымъ; обезьяны тѣмъ болѣе оживляютъ бамбуки Индіи, что считаются у браминовъ животными священными. Въ бамбукахъ и высокихъ камышахъ жаркаго пояса скрывается множество невѣдомыхъ нашимъ странамъ животныхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны тигры; да и самый слонъ проходитъ незамѣченнымъ въ этихъ злачныхъ лѣсахъ.

Другіе дикіе злаки тропическихъ странъ, хотя не такъ рослы, однако отличаются силою своихъ стеблей и густотою кустовъ. Таково гвинейское просо (panicum guineense), покрывающее степи западнаго берега Африки, и достигающее вышины свыше трехъ аршинъ,—древовидное просо (panicum arborescens) и многіе виды изъ рода paspalum.

По ту сторону экватора, внѣ жаркаго пояса, остается только часть Аргентинской республики и Патагонія съ Огненною Землею. Скромные злаки опять здѣсь являются, зарощая собою огромныя пространства степей, называемыхъ *пампасами.* Сюда же относятся Ван-Дименова земля, южная часть Новой-Голландіи и новая Зеландія, злачные луга коихъ щиплетъ кенгуру-великанъ и другіе двуутробные, изобилующіе въ этихъ странахъ.

Такимъ образомъ мы обозрѣли въ отношеніи къ злакамъ всѣ пояса нами обитаемой планеты, и можемъ представить ее какъ бы

окутанною непрерывнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ растеній этого семейства. Петли этого ковра становятся все тѣснѣе и тѣснѣе, начиная отъ экватора къ полюсамъ; величайшая плотность ихъ не въ далекѣ отъ полюсовъ, гдѣ онѣ прерываются совершенно. Съ другой стороны, самые узлы и нити, составляющіе злачную ткань, становятся красивѣе и крупнѣе, по мѣрѣ приближенія ихъ къ экватору. Чтобы наконецъ сравненіе было совершенно, надобно представить себѣ, что по фону ковра этого разбросаны узорчатые пятна и длинные разводы болѣе плотныхъ петель—это злачные пояса горныхъ хребтовъ и отдѣльно возвышающихся горъ.

Послѣ этого краткаго обзора семейства злаковъ, просимъ посмотрѣть на эпиграфъ, взятый у Линнея: не вѣрно ли каждое изъ словъ этого изреченія, которое такъ сжато опредѣляетъ драгоцѣнныя свойства, неимовѣрное распространеніе и скромный характеръ растеній, съ которыми мы старались познакомить читателя.

А. Н. Бекетовъ.

49. Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листки на деревѣ съ зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
—«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ!
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».
—«Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ»,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
—«Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?
Кто вы такіе тамъ?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
—«Мы тѣ»,—
Имъ снизу отвѣчали—
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ,
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ». *И. Крыловъ.*

50. Печорская брусяно-точильная гора.

I. точильный камень.

Песчаники каменноугольной почвы по западному отклону Уральскаго хребта бываютъ большею частію сѣраго и зеленоватосѣраго цвѣта, зернистаго сложенія съ неровнымъ изломомъ, и значительно измѣняются въ своей твердости и плотности [1]. Они состоятъ изъ зеренъ кварца и лидійскаго камня, связанныхъ между собой едва замѣтнымъ цементомъ полеваго шпата [2]. Отъ примѣси желѣзной охры иногда цвѣтъ песчаника бываетъ желтый и красноватый. Развитіе песчаниковъ довольно сильно: они встрѣчаются почти на всякомъ обнаженіи, и большею частію перемежаются съ послѣдующими породами. Особое видоизмѣненіе песчаника составляетъ *точильный*, или *брусяной камень*, добывающійся въ значительномъ количествѣ на р. Соплессѣ, въ такъ называемой брусяно-точильной горѣ, находящейся въ 7 верстахъ отъ р. Печоры. Брусяной камень состоитъ изъ мелкихъ одинаковой величины аморфическихъ зеренъ песчаника сѣраго цвѣта, несовершенно плотно между собою соединенныхъ, такъ-что между ними есть маленькія пустоты. Хотя тонкіе прослойки брусянаго камня и встрѣчаются во многихъ мѣстахъ формаціи каменноугольнаго песчаника, но, по своей недобротности и незначительному развитію, нигдѣ кромѣ вышеупомянутой мѣстности не подвергаются разработкѣ.

Объяснительное чтеніе.

1. Кто бываютъ...? Что такое *песчаники*? Что это растеніе, животное? Какое слово знакомое напоминаетъ *песчаники*? Итакъ песчаникъ не растеніе, не животное,—песчаникъ—камень, ископаемое или минералъ, какъ называютъ его въ наукѣ. Песчаники есть въ природѣ? Болѣе плотные изъ нихъ идутъ на постройку. А если песчаникъ есть; значитъ, онъ тѣло, вещественный предметъ? Но какое тѣло по своему устройству? Есть ли у него, какъ и у всякаго камня, органы для жизни? Растетъ ли камень, какъ растутъ деревья, животныя? Отчего же камни бываютъ различной величины? Тѣла, у которыхъ нѣтъ органовъ для сохраненія жизни, наз. *неорганическими*; въ нихъ нѣтъ жизни: они не питаются, не размножаются, не производятъ себѣ подобныхъ, какъ животныя и растенія; оттого въ противоположность органическимъ, ихъ зовутъ *мертвыми*, безжизненными, вещами.

*

Какіе же бываютъ песчаники? Значитъ, сѣрый и зеленоватосѣрый цвѣтъ—ихъ признакъ, зернистое сложеніе, т. е, что они состоятъ изъ зеренъ—тоже признакъ ихъ, различная степень твердости и плотности ихъ — тоже признакъ. Повторите, какіе признаки песчаниковъ, чѣмъ они отличаются отъ другихъ минераловъ?

2. Кто стоятъ...? Кто это они? Стало, слово они употреблено вмѣсто самаго имени предмета? Для чего? Изъ чего же состоятъ они? Кварцъ — дерево или растеніе? Тоже камень, въ составъ котораго входитъ кремнеземъ. Кромѣ кварца еще изъ чего состоятъ песчаники? Лидійскій камень есть черный кварцъ; лидійскимъ онъ называется потому, что греки получали его изъ Лидіи; но въ общежитіи онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ *пробирный* камень, потому-что на немъ пробуютъ, испытываютъ золото, серебро и др.

II. мѣсто брусяно-точильной горы и право владѣнія ею.

Въ сѣверо-восточной части вологодской губерніи, на лѣвой сторонѣ р. Печоры близъ р. Соплессы, есть довольно большая гора, въ которой съ давнихъ временъ производится добыча точильнаго камня, употребляемаго для приготовленія, тутъ-же, на мѣстѣ, различной величины точилъ и брусьевъ. * Отъ др. Соплессы, находящейся около устья рѣки, прямо до горы считается 8 верстъ, а по рѣчкѣ около 12.

Брусяная гора составляетъ исключительную собственность только двухъ волостей вологодской губерніи: Печорской (нынѣ Троицко-печорской), простирающейся отъ селенія Усть-Пожегъ внизъ по Печорѣ до деревни Кожвы, и Усть-Немской, находящейся на вершинахъ р. Вычегды, около р. Нема. Работать на ней имѣютъ право только крестьяне этихъ волостей, изъ постороннихъ же никто туда не допускается.

Много лѣтъ держали брусяную гору чердынскіе купцы, потомъ къ нимъ присоединились и усть-сысольскіе, большею-же частію въ прежнее время распоряжались работами сами крестьяне, принимая подряды отъ чердынцевъ. Въ настоящее время она находится на арендѣ (съ 1852 по 1864 годъ, за 2 т. р. въ годъ) у Латкина, усть-сысольскаго купца.

Въ прежнія времена, когда работами и продажей распоряжались сами крестьяне, было имъ выгоднѣе потому, что сколько пудъ крестьянинъ ни сдѣлаетъ, и хорошо ли, худо ли, все у него кто-нибудь да купитъ: или чердынцы или ижемцы. Если обдѣлаетъ хорошо, ему больше и дадутъ,—обдѣлаетъ дурно, все что-нибудь да получитъ; тогда-какъ теперь, не совсѣмъ акуратныхъ точилъ вовсе не принимаютъ, и они должны идти или въ передѣлку или просто въ ломъ.

---

* Разница точилъ и брусьевъ заключается въ томъ, что точило имѣетъ видъ круглый, и приводится въ дѣйствіе особымъ рычагомъ, вставленнымъ въ средину, а брусъ есть плоская, четыреугольная, продолговатая плитка.

III. ВРЕМЯ РАБОТЫ.

Рабочіе ждутъ весны и лѣта, чтобъ скорѣе идти на Брусяную гору.

Весна въ печорскомъ краѣ бываетъ чрезвычайно различна, а оттого и начало работъ на Брусяной горѣ значительно измѣняется. Такъ напр. въ 1857 году, весна была такъ продолжительна и холодна, что подобной не помнятъ даже старики. Въ половинѣ мая вездѣ было не менѣе 6 четвертей снѣгу, и на отклонности Уральскаго хребта въ это время было до 8 и даже 9 четвертей. Много горя перенесли въ эту весну бѣдные печорцы: хлѣбъ давно уже вышелъ, рыба тогда не ловилась, одна надежда оставалась на скотъ; но какое же молоко могли давать коровы, когда сѣна доставало имъ едва только для поддержанія собственной жизни. Бѣдные жители питались пихтовымъ и березовымъ хлѣбомъ, который весьма мало заключаетъ въ себѣ питательныхъ веществъ, и не всякій желудокъ въ состояніи его переварить; многіе отъ употребленія его въ первое время пухнутъ и переносятъ большія желудочныя боли, но привычка, а главное необходимость заставляетъ понемногу къ нему привыкать. По этой-то причинѣ, 1857 годъ, работы на Брусяной горѣ начались только въ половинѣ іюня, тогда-какъ иногда въ это время треть работы бываетъ уже кончена.

Когда земля достаточно разрыхлѣетъ, на Брусяную гору съѣзжаются съ разныхъ сторонъ подрядчики и работники, кто на лодкахъ, кто на повозкахъ, т. е. небольшихъ плоскодонныхъ судахъ, поднимающихъ отъ 300 до 1000 пудъ груза, и употребляемыхъ для перевозки на пристани точилъ и брусьевъ. По прибытіи на мѣсто, подрядчики берутъ у арендатора, сколько имъ будетъ нужно, припасовъ, матеріяловъ, и раздаютъ своимъ рабочимъ въ счетъ будущей ихъ заработки.

IV. УСТРОЙСТВО АРТЕЛЕЙ И ПОИСКИ КАМНЯ.

Рабочіе на Брусяной горѣ дѣлятся на артели, въ которыхъ бываетъ отъ 6 до 25 человѣкъ. Каждая артель составляетъ отдѣльное, самостоятельное цѣлое: она работаетъ гдѣ хочетъ, и добычу свою дѣлитъ потомъ на число находящихся въ ней работниковъ, такъ-что на пай каждаго придется поровну.

Изъ числа рабочихъ, находящихся въ артели, выбирается такъ называемый *ямной* (т. е. распорядитель той ямы, гдѣ работаетъ артель), который долженъ руководить работами своей артели. Кромѣ этого, для наблюденія надъ поведеніемъ всѣхъ рабочихъ, находящихся на Брусяной горѣ до 300 человѣкъ и болѣе, выбирается одинъ *старшина*, который смотритъ за порядкомъ, и, въ случаѣ ссоръ или покражи, наказываетъ виновныхъ легкими исправитель-

ными мѣрами. Когда артели составлены, то каждая изъ нихъ, подъ предводительствомъ своего ямнаго, идетъ первоначально искать точильный камень.

Это самая трудная и въ высшей степени безалаберная работа. Такъ-какъ добыча точильнаго камня производится уже нѣсколько сотъ лѣтъ, по крайнему уразумѣнію самихъ жителей; то вся поверхность Брусяной горы покрыта огромнѣйшимъ слоемъ обломковъ отъ прежнихъ работъ, такъ-что для обнаженія пластовъ точилъ надобно предварительно прорыть отвалы прежнихъ лѣтъ, толщина которыхъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 5 саженъ, и потомъ уже добывать камень. Однакожь найти точильный камень, это еще не достаточно, потому-что свойства его бываютъ различныя. Если онъ твердъ и лежитъ толстымъ слоемъ, тогда добывать его очень трудно и часто невозможно, потому-что много уйдетъ времени для его разработки: надобно рвать его порохомъ, и тогда много истратится матеріяловъ; но ищутъ такіе слои, которые правильно дѣлились бы на пласты, толщиною около одной четверти, и имѣли твердость среднюю, удобную для обдѣлки. Отыскать ихъ бываетъ очень трудно, и зачастую случается, что артель роется въ наносахъ нѣсколько недѣль, наконецъ дойдетъ до точильнаго камня, но твердаго и лежащаго толстымъ слоемъ; тогда вся предидущая работа пропадаетъ, яму оставляютъ и идутъ искать въ другое мѣсто. Выборъ мѣста, гдѣ искать, зависитъ отъ ямнаго.

Во время поисковъ точильнаго камня, ямной строго наблюдаетъ, чтобъ отнюдь никто изъ рабочихъ не назвалъ точило *камнемъ*, а непремѣнно *мѣсомъ*. Это повѣрье соблюдается изстари, въ томъ предубѣжденіи, что только тогда найдутъ такіе слои точилъ, которые будутъ обдѣлываться легко какъ дерево, и не будутъ тверды какъ камень. За несоблюденіе этого правила, виновный безпрекословно подвергается легкому наказанію.

V. производство и отдѣлка точилъ.

Производство работы заключается въ томъ, что сначала роютъ яму, выносятъ изъ нея на носилкахъ землю съ обломками прежнихъ работъ, и сваливаютъ все это тутъ же, около ямы; наконецъ когда дойдутъ до слоевъ точильнаго камня, и найдутъ его столько, что его достанетъ для выполненія подряда, взятаго артелью, тогда гдѣ работаютъ, то тутъ же, въ ямѣ, бросаютъ и щебень, имѣя въ виду, что *теперь* это мѣсто болѣе уже не нужно, а если на слѣдующій годъ понадобится, тогда можно опять будетъ его очистить.

Очевидно, что работы на Брусяной горѣ должны дѣлаться отъ этого ежегодно все труднѣе, и наконецъ они прекратятся, не оттого, чтобъ не было точильнаго камня, но оттого, что для относки отва-

ловъ потребуется такъ много времени, что самая добыча точилъ уже не будетъ выгодна.

Величина ямы бываетъ различна, и зависитъ отъ того, сколько въ ней работаетъ человѣкъ.

Найдя хорошій точильный камень, разчищаютъ его поверхность на нѣсколько квадратныхъ аршинъ, и приступаютъ къ добычѣ. Если слои не толсты и трещинами дѣлятся на плиты; тогда прямо забиваютъ по щелямъ клинья, одновременными ударами нѣсколькихъ молотовъ отдѣляютъ плиту, и обдѣлываютъ изъ нея точила различной величины. Для этого въ артели есть одинъ или два человѣка, которые умѣютъ обдѣлывать точила и только этимъ исключительно занимаются; тогда другіе добываютъ и приготовляютъ плиты. Если между слоями хорошихъ точильныхъ камней встрѣтится не толстый твердый слой, пенмѣющій трещинъ; тогда его разламываютъ порохострѣльною работой: дѣлаютъ буровую скважину, наполняютъ ее порохомъ, сверху насыпаютъ пескомъ или щебнемъ, и потомъ взрываютъ. При этомъ откалываютъ большею частію такіе куски плитъ, изъ которыхъ можно обдѣлать только мелкіе сорты точилъ.

Точила дѣлаютъ различныхъ величинъ, вѣсомъ отъ $^1/_2$ пуда до 25, а иногда по заказу и болѣе. Для соблюденія же соразмѣрности толщины точилъ съ ихъ величиною, есть особенная мѣра, которая выдается на каждую артель, и за этимъ смотритъ повѣренный арендатора.

VI ДОБЫЧА И ОБДѢЛКА БРУСЬЕВЪ.

Для брусьевъ не надобно искать точильнаго камня, обломковъ его безъ того много валяется въ отвалахъ, и потому каждая артель выберетъ себѣ мѣстечко, гдѣ лучше, и обдѣлываетъ понемножку всѣ. Брусья приготовляются двухъ сортовъ: собственно *брусья* и такъ называемыя *лопаты*. Первые имѣютъ длину 1 четверть, ширину около $2^1/_2$, а толщину около $1^1/_2$ дюйма; вторые же, длиной до $1^1/_2$ четверти, одинаковы съ первыми въ ширинѣ, но зато тоньше ихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, принимаются отъ крестьянъ арендаторомъ въ одной цѣнѣ. Обдѣланные начерно брусья шлифуютъ, т. е. сглаживаютъ поверхность ихъ о брусяной же камень. Для этого принесутъ большой кусокъ бруса къ рѣчкѣ, поставятъ его въ наклонномъ положеніи, такъ-чтобъ одна часть его была въ водѣ, и трутъ объ него подготовленный начерно брусокъ, постепенно смачивая его водой. Когда неровности всѣ сгладятъ и придадутъ брусу правильную форму, тогда онъ считается шлифованнымъ. Хорошій работникъ можетъ приготовить начерно въ день около 100 брусьевъ, а если будетъ заниматься шлифовкою, то около того же можетъ въ день и ошлифовать.

Во время работъ на Брусяной горѣ, можно видѣть картину довольно разнообразную: тутъ работаютъ и мужчины и женщины и дѣти до 8 и 9 лѣтъ, всякому есть своя работа: женщины нанимаются въ каждой артели относить съ поверхности землю и отвалы, а ребятишки обдѣлываютъ и точатъ брусья. Безъ сомнѣнія эти послѣдніе немного могутъ приготовить ихъ, но все-таки помогаютъ отцамъ своимъ въ работѣ, а бѣдняки достаютъ себѣ тутъ хлѣбъ, продавая брусья подрядчикамъ.

На берегу рѣчки Соплессы стоитъ цѣлый рядъ малолѣтковъ и даже женщинъ, которыя шлифуютъ брусья о камень, погруженный до половины въ воду. Если тепло и погода хороша, тогда работа эта не такъ трудна; но въ холодъ и сырое время, что́ бываетъ здѣсь зачастую, бѣдняжки много переносятъ.

VII. Орудія для добычи и обдѣлки точилъ и брусьевъ.

При добычѣ и обдѣлкѣ точилъ и брусьевъ употребляются слѣдующія инструменты: топоры, *кайлы*, ломы, молоты, клинья и *буры*; дѣлаются они самими же рабочими изъ желѣза и стали (уклада), доставляемыхъ арендаторомъ. Желѣзо привозятъ съ завода Малюкова, находящагося въ 230 верстахъ отъ Усть-Сысольска, и стоитъ здѣсь 1 р. 66 к. сер. пудъ; сталь же (укладъ) доставляется съ Тагильскихъ заводовъ, и она обходится на Брусяной горѣ около 3 р. с. пудъ. Всѣ эти инструменты дѣлаются на скорую руку, чтобъ только кое-какъ могли служить, и достало ихъ для настоящихъ работъ. Работаютъ на Брусяной горѣ различно: кто́ посчастливѣе и скорѣе отыщетъ годный камень, тотъ раньше и кончитъ, такъ-что иные черезъ два мѣсяца уже увозятъ готовыя точила, другіе же работаютъ три и нѣкоторые 3½ мѣсяца.

VIII. Куда распродаются точила и брусья.

Издѣлія, приготовляемыя на Брусяно-точильной (горѣ, точ. 55 т. пудъ, 170 т. штукъ брусьевъ.) расходятся по губерніямъ: томской, пермской, вологодской, вятской и частію нижегородской.

Въ Ирбитъ, томскую губернію и частію въ Пермь, идутъ брусья шлифованные, тогда-какъ въ Усть-Сысольскъ, Устюгъ, Нижній-Новгородъ и частію въ Пермь посылаютъ приготовленные начерно, безъ шлифовки. При такомъ постоянномъ сбытѣ этихъ издѣлій, нельзя не пожелать, чтобъ бѣдные печорцы заранѣе позаботились о своей Брусяной горѣ, не засаривали понапрасну ее обломками, а правильными работами обезпечили свое существованіе на многое число лѣтъ.

А. Антиповъ.

51. Съѣдобный камень.

Существуетъ въ природѣ бѣлый, блестящій камень, который служитъ непосредственно для питанія человѣка, и который всѣмъ намъ на столько же необходимъ, на сколько необходимы хлѣбъ, мясо или молоко. Въ исторіи жизни народовъ и въ исторіи ихъ образованія, онъ важнѣе всякаго другаго камня, и огромное количество его потребленія показываетъ, на сколько необходимъ онъ для блага народа, и потому податная плата съ него въ государствѣ не должна бы превышать таковой же съ хлѣба и воды. Этотъ камень, передъ которымъ, въ отношеніи значенія его для людей, должны преклониться золото и драгоцѣнные камни, мѣдь и желѣзо, котораго каждый читатель съѣлъ болѣе, чѣмъ вѣситъ его тѣло, который истинно переходитъ въ кровь и тѣло наши — есть не иное что, какъ *соль*.

Стоитъ ли она въ золотой солонкѣ на роскошномъ столѣ богача, или въ деревянной солоницѣ бѣдняка, который макаетъ въ нее свой картофель, она все одна и таже. И бѣднякъ и богачъ одинаково въ ней нуждаются, какъ въ водѣ и въ воздухѣ,—нельзя ее улучшить, соль остается тоюже солью для всѣхъ и каждаго.

Если въ обыкновенной жизни говорится о каменной или морской соли, то это раздѣленіе не въ собственномъ смыслѣ вѣрно, потому-что каменная соль есть таже морская соль, но осажденная въ древнія времена моремъ при образованіи слоевъ земли. Подобныя явленія видимъ мы и теперь на берегахъ океана, гдѣ соль осаждается или самою природою или искусствомъ человѣка. Морская вода, и соленая вода, на многихъ языкахъ называемыя просто солью, есть первоначальная ихъ производительница. Всѣ значительные ярусы, гнѣзда, слои и пласты, въ которыхъ каменная соль лежитъ глубоко въ землѣ, берутъ свое начало отъ моря; они всегда въ соединеніи съ гипсомъ, анхидритомъ, известью, глиной и доломитомъ, такими веществами, которыя распущены въ морской водѣ, и при сгущеніи ея осаждаются вмѣстѣ съ солью.

Вода и соль въ вѣчномъ сродствѣ, и постоянная пропорція показываетъ, что въ 100 частяхъ воды 27 частей соли. На основаніи этого-то вѣчнаго закона роется человѣкъ въ слояхъ земли до тѣхъ поръ, пока попадетъ на слой соли. Опуская въ землю шести-дюймовые насосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ футовъ на тысячу или болѣе, человѣкъ выкачиваетъ ими воду. Ловко опускается въ глубину этотъ работникъ безъ огня, безъ пищи,—и безъ пара и молота усердно добываетъ соль. Эта соль, какъ мы уже сказали, преимущественно соединена съ глиной. Чистая твердая соль уподобляется столбамъ, поддерживающимъ своды; эта вода, или разсолъ, поднимается насосомъ, и посредствомъ кипяченія отдѣляетъ отъ себя

соль. Поэтому-то и самая соль называется поваренной. Если торговля солью обложена пошлиной, то этотъ способъ добыванія соли не удовлетворителенъ. На многіе предметы нѣтъ необходимости въ чистой поваренной соли, а требуется каменная соль въ соединеніи съ глиной, которая обходится гораздо дешевле. Поэтому-то человѣкъ старается проникнуть сквозь слои къ самымъ соленымъ пластамъ и вынести на поверхность земли соль въ кускахъ возможно большей величины. Первый примѣръ подобной добычи случился въ 1826 году въ Гамсѣ, въ южной Германіи, гдѣ подземная соляная камера углублена отъ поверхности земли на 340 футовъ.

Гораздо легче достается соль человѣку тамъ, гдѣ не нужно спускаться ему въ глубину, гдѣ морская соль лежитъ на поверхности, какъ напр. на берегахъ океана или соляныхъ озеръ. Морская вода представляетъ собою разсолъ, въ которомъ содержится до 80 процентовъ соли (хлористаго натра). Будетъ ли вода эта вскипячена или заморожена, въ обоихъ случаяхъ соль оказывается въ видѣ осадка. Такъ русскій путешественникъ Врангель нашелъ кристаллизованную соль въ сѣверномъ Ледовитомъ морѣ на берегахъ Сибири. Она вылилась при замерзаніи воды. Этимъ способомъ добывается соль на всемъ Ботническомъ заливѣ. Замѣчательно, что соль кристаллизуется различно при холодѣ и теплѣ; въ первомъ случаѣ нѣтъ правильныхъ кубическихъ плоскостей, замѣчаемыхъ нами въ поваренной соли, но формы полеваго шпата. Какъ на сѣверѣ, соль отдѣляется при посредствѣ мороза, такъ въ другихъ мѣстахъ отдѣляетъ ее солнечная теплота, испаряя воду, что́ и послужило человѣку указаніемъ подражать этому весьма легко исполняемому, природному процессу.

Обыкновенная морская соль добывается преимущественно изъ соляныхъ озеръ, которыя изобилуютъ солью, осаждающеюся за неимѣніемъ стока. Однимъ изъ обильнѣйшихъ озеръ такого рода можно назвать Алтанъ-норъ, или Эльтонское озеро, близъ нижней Волги. Оно имѣетъ три мили въ длину и двѣ въ ширину и такъ мелко, что его можно переходить въ бродъ. Въ это озеро впадаетъ соляная рѣка Гаризаха. Вода въ озерѣ уменьшается отъ испаренія, и потому пропорція соли въ ней постоянно увеличивается и среднимъ числомъ она равняется 25—30 процентамъ на сто. Простымъ слѣдствіемъ этого бываетъ то, что излишняя соль, кристаллизуясь, осаждается, и надъ водою по берегамъ образуетъ соляную кору отъ 2 до 5 дюймовъ, доставляющую ежегодно русскому правительству четыре милліона пудовъ лучшей соли. Указаніемъ на способъ образованія каменной соли служитъ то замѣчательное явленіе, что на 14 футовъ вокругъ озера, соль лежитъ пластами въ береговой землѣ.

Большею извѣстностію, чѣмъ озеро Эльтонское, пользуется дру-

гой соляной водоемъ, именно *Мертвое море*. На вѣчное воспоминаніе гибели Содома и Гомора стоитъ на южномъ краю этого озера Лотовъ столбъ, гора чистой каменной соли въ 40 футовъ вышины. Хотя онъ и омывается водою, но не разрушается ею, потому-что подъ знойнымъ небомъ южной Аравіи вода быстро испаряется. Вода Мертваго моря, заключенная въ скалистыхъ берегахъ, лежащихъ на 1800 футовъ ниже уровня моря, обратилась въ такой сгущенный разсолъ, что въ немъ не можетъ жить никакое живое существо, вокругъ него мертвѣетъ даже растительность, и самый человѣкъ не можетъ долго оставаться здѣсь, по недостатку прѣсной воды. То самое, что природа естественнымъ путемъ образуетъ на помянутыхъ и многихъ другихъ мѣстностяхъ, дѣлаютъ люди на берегахъ моря. На берегу выкапываются большіе плоскодонные бассейны и соединяются каналомъ и шлюзами съ моремъ. Каналомъ проводится въ бассейнъ соляная вода и въ немъ испаряется; лишняя вода выпускается шлюзами, а соль въ видѣ осадка остается. Такъ добывается соль въ Австріи и Франціи.

Въ странахъ, гдѣ соли мало, и количество ея несобразно съ народонаселеніемъ по отсутствію ея или недоразумѣнію, она составляетъ самый дорогой предметъ торговли, и, какъ во многихъ частяхъ Африки, одноцѣнна съ деньгами. На Золотомъ берегѣ и въ Галлѣ мужъ мѣняетъ жену, отецъ дѣтей на соль: такъ дорога она по случаю продолжительной перевозки черезъ пустыню. Во внутренней Африкѣ, по Мунго-Парку, выраженіе «онъ солитъ свои кущанья» значитъ тоже, что «онъ богатъ». Бѣднѣйшіе позволяютъ себѣ эту роскошь только въ праздники, и стараются замѣнить соль растеніями соленаго вкуса.

52. Эльтонское озеро.

Эльтонское озеро находится на луговой сторонѣ Волги, въ астраханской губерніи, царевскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый, въ длину 21, въ ширину 14 верстъ. Въ озеро впадаетъ восемь небольшихъ рѣчекъ, но изъ него не выходитъ ни одного источника. Въ жаркое лѣто, эти рѣчки пересыхаютъ или имѣютъ слабое теченіе; зимою же, при самыхъ жестокихъ морозахъ, не замерзаютъ. Вода въ нихъ теплая, на вкусъ соленая, горьковатая.

При озерѣ находится нѣсколько казенныхъ зданій: православная церковь, домы для священника, смотрителя, магазины для складовъ соли и проч.

Дно Эльтонскаго озера покрыто солью въ такомъ изобиліи, что ею можно снабжать весь міръ; но ее берутъ только, по мѣрѣ надобности, на небольшомъ пространствѣ. Вода озера заключаетъ въ себѣ чрезмѣрное множество соляныхъ частицъ съ примѣсью щелоч-

ныхъ веществъ, и называется рáпою, или тузлукомъ. Она отличается такою ослѣпительною бѣлизною, что при солнечномъ сіяніи, на нее нельзя смотрѣть безъ боли для глазъ, особенно же слабыхъ. Рапою покрыта большая часть озера, а все прочее имѣетъ отвердѣлую толщу соли, которой дна доселѣ не могли достать. Если вѣрить разсказамъ, то раскапывали будто бы на 30 саженъ, и чѣмъ глубже копали, тѣмъ соль оказывалась чище и столь крѣпкою, что желѣзные ломы отскакивали.

Глубина рапы на озерѣ различная: весною въ аршинъ, среди же лѣта, когда озеро испаряется отъ жаровъ, доходитъ до четверти аршина. По этой жидкости плаваютъ работники на досчаникахъ, и гребутъ изъ-подъ рапы особыми лопатами соль, которую складываютъ на свои продолговатыя лодки. Соль, которую они берутъ, есть самая чистая: она образуется ежегодно отъ осадка рапы.

Добытую изъ озера соль рабочіе привозятъ къ берегу, и складываютъ въ продолговатыя скирды, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока достаточно просохнетъ, а потомъ уже складывается въ запасные магазины. Въ Эльтонскомъ озерѣ ежегодно добывается до милліона пудовъ отличной соли.

Такъ-какъ всякая соль образуется кристальными слоями, то можно приготовлять изъ нея разныя вещи. Сдѣланную какую-нибудь вещь изъ дерева, напримѣръ крестъ, чашу, или тому подобное, кладутъ въ рапу, и оставляютъ тамъ на двѣ или на три недѣли: положенная такимъ образомъ вещь окристаллизовывается, а самое вещество превращается въ соль. Окристаллизованныя вещи портятся только въ сырую погоду.

Почва около Эльтонскаго озера солонцоватая и глинистая; послѣдняя очень вязка и весьма удобна къ выдѣлыванію кирпича. Въ окрестностяхъ ростетъ весьма тощая трава, которая, по мѣрѣ углубленія въ степь, дѣлается лучшею, каковою появляется не ближе двадцатипяти-верстнаго разстоянія.

53. Пенька.

Пенька обработывается изъ стебля растенія, извѣстнаго подъ названіемъ *«конопля»* изобильно растущаго во многихъ мѣстностяхъ.

Созрѣвшую коноплю выдергиваютъ изъ земли руками, вяжутъ въ снопы, сушатъ и освобождаютъ отъ сѣмянъ; затѣмъ, для полученія изъ нея пеньки, опускаютъ снопы въ воду мѣсяца на $1^1/_2$, потомъ оставляютъ до весны на землѣ, и наконецъ раздѣляютъ на пучки и просушиваютъ. Послѣ всего этого стебли мнутъ на станкѣ (мялицѣ), и получаютъ этимъ путемъ пеньку, употребляющуюся на различныя ткани, веревки, нити и пр.; остающіеся послѣ рачески схлопки доставляютъ низшій сортъ пеньки, годной только для конопаченія.

П. И. Самойловъ.

54. О кирпичѣ.

I. Потребное для кирпичнаго завода.

Самое выгодное и удобное устройство кирпичнаго завода должно быть на такомъ мѣстѣ, гдѣ глину можно брать подъ руками, безъ всякихъ постороннихъ и известковыхъ примѣсей и мелкихъ камней; гдѣ провозъ до мѣста сбыта кирпича недальній и сообщеніе можетъ быть круглый годъ безостановочное; гдѣ провозъ дровъ нетрудный. Покупка дровъ, доставка ихъ на заводъ и привозъ кирпича до мѣста поставки составляютъ главный расчетъ въ цѣнности кирпича. Кирпичный заводъ составляютъ: обжигательныя печи, находящіяся подъ шатрами извѣстнаго устройства; сараи длинные, невысокіе, покрытые мелкимъ тесомъ, съ пристановкою по сторонамъ *лѣсины* (щитовъ изъ хвороста и соломы) для защиты сырца отъ вѣтровъ (впрочемъ на иныхъ заводахъ щитовъ вовсе не бываетъ); изба съ дворомъ для рабочихъ людей и возчиковъ. Принадлежности заводскія: станки (кирпичныя формы), машинки, ушаты, шайки, лопаты, рѣзаки для глины и проч. Матеріялы: глина, песокъ, вода и топливо. Рабочіе: порядовщики, которые приготовляютъ глину и работаютъ сырецъ; сушники, которые смотрятъ за просушкою кирпича подъ шатрами, правятъ его вальками или дощечками, и наблюдаютъ за пристановкою и откидкою лѣсины, т. е. щитовъ; обжигалы, которые насаживаютъ сырецъ въ печи, обжигаютъ, высаживаютъ, сортируютъ и становятъ кирпичъ въ клѣтки; возчики, которые доставляютъ и складываютъ кирпичъ на мѣсто поставки, и копачи, которые роютъ глину и подвозятъ на тачкахъ къ шатрамъ.

II. Производство работъ.

На приготовленіе матеріяла для сырца и производство работъ должно быть обращено все вниманіе заводчика или распорядителя. *Порядовщикъ* долженъ плотно набивать въ форму массу глины, ровно сглаживать ее и съ проворствомъ вынимая сырецъ изъ формы, искусно становить его на *точекъ* стоймя, плотно одинъ къ другому, чтобы не покривить и не помять; сырецъ становится такимъ образомъ рядами, съ нѣкоторымъ промежуткомъ, для свободнаго прохода воздуха и постепенной просушки. Худой порядовщикъ, у котораго выходятъ дурные углы кирпича, заминки по бокамъ и несоразмѣрные куски приготовленной для сырца глины, которой при выработкѣ должно нѣсколько оставаться отъ формы, потому-что всякое давленіе дѣлаетъ тоже въ сырцѣ, что́ кусокъ тѣста, приставленный къ мучному пирогу: не скоро съ нимъ сростется, пока не будетъ вновь все вмѣстѣ перевалено и перемѣшано. Взгляните на хорошаго порядовщика: любо смотрѣть, какъ у него вы-

нимается и становится сырецъ, словно брусокъ, обтесанный по циркулю: ровно, гладко, прямо; а у дурнаго — совсѣмъ не то; и косоватъ выходитъ, и угла нѣтъ правильнаго, постоянныя заминки и прочіе недостатки. Исправлять порядовщиковъ при дурной выработкѣ одно средство: браковать сырецъ и не принимать его въ счетъ, или велѣть побросать такой сырецъ въ глиняную массу и вновь ее перевалять и перемѣшать. Хорошій порядовщикъ дѣлаетъ подспорье и сушнику, которому послѣ такого мастера легче править сырецъ. Способы же выработки кирпича состоятъ въ слѣдующемъ: *подпятный* кирпичъ работается въ деревянныхъ станкахъ пятою рабочаго; этотъ кирпичъ считается прочнѣе кирпича другихъ способовъ выработки, потому-что масса глины подпятнаго кирпича дѣлается круче и уминается въ формѣ плотнѣе. *Столовый* и *поддонный* кирпичи работаются на столѣ; глина набивается въ форму рукою; станки послѣдняго способа выработки дѣлаются со днами. *Машинный* кирпичъ дѣлается въ металлическихъ формахъ; этотъ способъ выработки доставляетъ кирпичъ, уступающій прочностью кирпичу предыдущихъ способовъ приготовленія. Заводчикъ долженъ наблюдать, чтобы порядовщики не работали въ старыхъ деревянныхъ станкахъ, когда они отъ времени сотрутся и уменьшатся, при подпятной, столовой и поддонной выработкахъ, въ негодныхъ станкахъ не дозволять сдѣлать десятка кирпичей: простой рабочій, по небрежности своей, легко можетъ воспользоваться малѣйшимъ послабленіемъ, но при внимательномъ наблюденіи и постоянномъ присутствіи распорядителя при работѣ, нетрудно привыкаетъ тотъже рабочій къ исправности съ своей стороны. Дѣло *сушника* заключается въ правкѣ кирпича, который при просушкѣ нѣсколько коробится; не должно допускать, чтобы кирпичъ слишкомъ пересохъ, иначе при работѣ много расколачивается, и не должно эту операцію начинать, когда кирпичъ бываетъ довольно сыръ и мягокъ, при чемъ послѣ правки еще можетъ покоробиться; выправленный сырецъ складывается въ небольшія круглыя клѣтки на ребро, и потомъ, когда совершенно просохнетъ, идетъ въ обжигъ, или складывается плотно въ стопы подъ шатрами, оставаясь въ такомъ положеніи всю зиму. Порядовная работа всегда оканчивается къ Успеньеву дню—15-го августа, но лучше нѣсколько раньше окончить ее, чтобы сильные осенніе морозы не захватили сырецъ непросохнувшимъ, отчего выходитъ кирпичъ дурнаго качества. Сырецъ, рано сработанный лѣтомъ, безвредно остается на зиму; при чемъ расчитывается время обжига: если нѣтъ въ виду зимней поставки, тогда обжигъ оставляется до весны; это дѣлается и изъ коммерческихъ расчетовъ, чтобы капиталъ не гулялъ безъ оборотовъ. Въ обжигѣ также дѣло мастера боится, а потому *обжигало* на заводѣ играетъ важную роль. Въ первые дни, по насадкѣ печи сырцомъ, огонь пускается чрезвычайно слабый въ продолженіе 4, 5 и даже 10 сутокъ; этотъ періодъ об-

жига называется на *парàхъ*, потому-что выгоняется только паръ изъ сырца. Когда же паръ равномѣрнымъ, легкимъ огнемъ освободится, что́ узнается по сухости теплаго воздуха, выходящаго сверху печи; тогда пускается въ продолженіе 2—3 сутокъ сильный, ровный огонь, который подъ конецъ обжига пробивается до самаго колпака (верха печи), и раскаливаетъ кирпичи докрасна, какъ бы желѣзо въ кузницѣ: эта операція называется *взваромъ*. Потомъ даютъ печи остынуть въ теченіе 4 — 5 сутокъ, и начинаютъ высаживать кирпичъ. По обжигѣ, кирпичъ выходитъ слѣдующихъ сортовъ: желѣзнякъ, полужелѣзнякъ, красный, алый, полуалый и печной. Чѣмъ больше выходитъ краснаго и алаго кирпича, тѣмъ выгоднѣе, потому-что этихъ сортовъ кирпичъ болѣе цѣнится, и болѣе идетъ для работъ въ стѣнахъ и сводахъ. Часто случаются у обжигалъ на заводахъ неудачи: выходитъ кирпичъ блѣдный, печной и притомъ дресвяный, или съ *запаромъ* — слабый кирпичъ. Обожженный кирпичъ рѣдко встрѣчается полной формы; самаго крупнаго размѣра считается безъ $^1/_8$ въ 6 вершковъ, бываетъ въ $5^1/_2$, даже и меньше, а толщиною въ $1^1/_4$ вершка.

III. Качества кирпича.

Кирпичъ долженъ быть хорошо обожженъ, докрасна; долженъ быть крѣпокъ, при ударѣ не разсыпаться на части,—плотенъ, мелкослóенъ и при изломѣ стекловиденъ, что́ означаетъ хорошую примѣсь глины и удачный обжогъ; звонъ кирпича долженъ быть какъ крѣпкаго, хорошаго горшка; положенный въ воду не долженъ размокать и много увеличивать своего вѣсу; поверхность кирпича должна быть ровная, съ цѣлыми и правильными углами; при такомъ кирпичѣ швъ, при кладкѣ стѣнъ, выходитъ тонкій и красивый; въ особенности это качество кирпича необходимо́ для прочности арокъ и сводовъ. Масса глины не должна содержать известковыхъ частей; отъ нихъ кирпичъ бываетъ *съ опокой*, и его отъ дождя, сырости и морозовъ рветъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заключается известковый камень. Кирпичъ кривой, съ выпуклыми сторонами, съ отбитыми и замятыми углами, слабый, при ударѣ разсыпающійся, непрожженный, имѣющій звукъ разбитаго горшка и дресвяный, бракуется, если можно имѣть подъ руками кирпичъ лучшаго качества. Цѣна на кирпичъ главнѣйше зависитъ отъ его качества и величины (по установленію правительства 6 вершк. длин., 3 вер. шир. и $1^1/_2$ толщ.).

И. Ржановъ.

55. Гжель.

Кто незнакомъ съ Гжелью, по ея фарфоровой, фаянсовой и глиняной промышленности? Не много въ отечествѣ нашемъ найдется

городковъ и селеній, гдѣ бы жители не пользовались гжельскими издѣліями; но не всѣ знаютъ, гдѣ находится мѣсто этой промышленности. Гжель село удѣльнаго вѣдомства, московской губерніи, бронницкаго уѣзда, отстоящее отъ Москвы въ 45 верстахъ, на большой косимовской дорогѣ, при рѣкѣ Гжелкѣ. Въ ней до 1810 года работали изъ тамошней простой глины однѣ только необходимыя для домашняго употребленія вещи: горшки, кувшины, противни и т. п.; а съ 1810 года начали дѣлать разныя фарфоровыя изъ такъ называемой глуховской глины, добываемой въ глуховскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, близъ села Полошка. Въ послѣдствіи времени, по примѣру Гжели, и въ окрестныхъ деревняхъ какъто: Рѣпицахъ, Фенинѣ, Бахтеевѣ, Глѣбовѣ, Новохаритовѣ, Кузеявѣ, Фрязиновѣ, Турыгинѣ и другихъ, завели фарфоровые заводы. Деревни эти въ отношеніи фарфороваго производства, всѣ приняли собирательное названіе Гжели. Гжель представляетъ замѣчательную картину, особливо въ мрачную осеннюю или темную зимнюю ночь. Версты за двѣ не доѣзжая до нея, виднѣется сильное пламя, извергающееся изъ раскаленныхъ горнилъ, гдѣ клокочетъ форфоровая лава. Кто-же этой расплавленной массѣ даетъ изящныя формы? Рука простаго крестьянина, сроднившаяся отъ колыбели съ упорнымъ плугомъ и острою косою. Гжельцы сдѣлали большіе успѣхи: въ короткое время, отъ простаго кувшина они дошли до великолѣпной вазы, отъ безобразно слѣпленной куклы до мастерски отдѣланной фигуры. Особенно замѣчательны издѣлія удѣльнаго крестьянина Киселева: фигуры, имъ дѣлаемыя, отличаются отчетливостью, соразмѣрностью частей, выразительностью лица; чайные приборы, дежене, тарелки и проч., работы Киселева, отличаются прочностію, чистотою, хорошею живописью. Заслуживаютъ также вниманія, по красивой и блестящей наружной отдѣлкѣ, издѣлія заводчиковъ: Рачкиныхъ, Фортальнаго, Мусакова, Гулиныхъ, Новаго и Овечкина. Гжель есть огромное депо всякаго рода фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и глиняныхъ издѣлій: тутъ посуда, необходимая для домашняго обихода, тутъ есть и вазы, которыя могутъ украсить кабинетъ богача. Торгъ гжельскими издѣліями производится въ большомъ количествѣ на всѣхъ почти ярмаркахъ; равно отпускаются они въ С.-Петербургъ, Ригу, Харьковъ, Бобруйскъ, Астрахань, Варшаву, Яссы, Сибирь и другіе города. Армяне, бухарцы, хивинцы, турки, персіяне покупаютъ ихъ въ значительномъ количествѣ; послѣдніе даже заказываютъ по даннымъ образцамъ. Гжельская промышленность составляетъ немаловажную отрасль внутренней торговли, но ежегодный оборотъ ея съ точностью опредѣлить невозможно; ибо сверхъ продажи на деньги, нѣкоторые гжельскіе промышленники мѣняютъ фарфоръ на другіе товары.

П. Полѣнн.

56. Корица.

Коричневый лавръ доставляетъ намъ пряность, извѣстную подъ именемъ корицы. Корица—не что иное, какъ кора съ вѣтвей этого лавра, обнаженная отъ верхней кожицы. Ее снимаютъ съ такихъ вѣтвей, которыя не моложе четырехъ лѣтъ, и, разрѣзавъ на куски, сушатъ на солнцѣ, отчего она и свертывается въ трубочки. Коричневый лавръ—дерево вѣчно зеленое, футовъ въ двадцать вышиною, съ толстымъ стволомъ и вершиною очень вѣтвистою; листья на немъ продолговатые, овальные. Это дерево родомъ съ Цейлона; оно разведено на Антильскихъ островахъ, на о. Иль-де-Франсѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ колоніяхъ.

57. Камфора.

Вещество, называемое камфорою, существуетъ въ маломъ видѣ во многихъ растеніяхъ, преимущественно изъ рода губастыхъ; но въ наибольшемъ количествѣ находится оно въ камфорномъ лаврѣ, который растетъ въ Японіи и въ восточной Индіи. Лавръ этотъ видомъ походитъ на красивую липу; густыя вѣтви его покрыты блестящими листьями; дерево его бѣлое, съ красноватыми узорами. Изъ него-то преимущественно и извлекаютъ камфору.

Такъ-какъ не всѣмъ извѣстенъ способъ, которымъ добывается камфора, то мы разскажемъ его здѣсь вкратцѣ. Корни и вѣтки камфорнаго лавра, разломавъ на куски, кладутъ въ желѣзный сосудъ, наполненный водою. Сосудъ этотъ подвергаютъ дѣйствію огня, и накрываютъ плотно вогнутою крышкой, которая съ внутренней стороны выложена рисовою соломой. Душистое масло, заключающееся въ вѣтвяхъ и корняхъ, испаряется, осѣдаетъ на солому и сгущается. Въ первобытномъ видѣ своемъ камфора представляетъ сѣрую массу. Ее очищаютъ уже въ Европѣ. Извѣстно, что камфора, оставленная на воздухѣ, легко улетучивается, а отъ приближенія къ огню очень легко загорается. Камфора употребляется въ медицинѣ, хотя это употребленіе нынѣче гораздо ограниченнѣе, чѣмъ было прежде. Были такія системы лѣченія, въ которыхъ камфора играла не только главную, но почти исключительную роль, и считалась универсальнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. По мнѣнію докторовъ, лѣчившихъ по этой системѣ, всѣ человѣческія болѣзни происходятъ отъ одной причины—отъ присутствія червей во внутренности человѣческаго тѣла: стоило уморить этихъ червей—и съ этимъ вмѣстѣ устранялись всѣ причины болѣзней.

58. Солнце и мѣсяцъ.

Ночью, въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.
Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни—и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ.
И взмолилось солнце брату:
«Другъ мой, мѣсяцъ золотой!
«Ты зажги фонарь—и ночью
«Обойди ты край земной.
«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
«Все развѣдай—и поутру
«Приходи и дай мнѣ знать».
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой,
Завтра жъ рано-рано къ солнцу
Постучится братъ меньшой.
Стукъ-стукъ-стукъ—отворятъ двери;
Солнце, встань! грачи летятъ;
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ!
Солнце встанетъ,—солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ-братецъ мой?
«Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
«Что ты блѣденъ? что съ тобой?»
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ;
Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ—дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня,
И дитя не поведетъ. *Я. Полонскій.*

Объяснительное чтеніе.

1. Кто заронилъ лучъ? Что заронилъ мѣсяцъ? чей лучъ заронилъ мѣсяцъ? Куда заронилъ? Въ чью колыбель? Когда заронилъ лучъ мѣсяцъ? Вы видали мѣсяцъ? Стало, онъ есть, существуетъ? А если онъ существуетъ, то можно объ немъ думать, можно его познавать? Стало, мѣсяцъ есть предметъ вещественный — тѣло? естественное или искусственное? А гдѣ этотъ предметъ находится, на землѣ или на небѣ? Стало, есть тѣла земныя, есть тѣла и небесныя?

2. Кто свѣтитъ? какъ свѣтитъ? А днемъ кто свѣтитъ? Стало и солнце есть предметъ, тѣло? земное? Итакъ кромѣ земныхъ тѣлъ, есть еще тѣла небесныя?

В. *Предметъ невещественный, или духъ.*

59. Іовъ.

Іов. 1, 1—5.

Іовъ былъ житель Аравіи. Мѣстомъ пребыванія его была Авситидійская земля, которую населяли потомки Уца, первенца Нахора, брата авраамова. Іовъ извѣстенъ былъ по всему востоку своимъ богатствомъ: у него было 7,000 мелкаго скота, 3,000 верблюдовъ, 500 паръ воловъ, 500 ослицъ и множество слугъ. Но онъ гораздо болѣе славился своею благотворительностію, справедливостію, своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ и благочестіемъ. У него было семь сыновей и три дочери. Сыновья его по очереди дѣлали у себя пиры каждый день, и проводили время въ братскомъ кругу, вмѣстѣ съ сестрами своими, среди невинныхъ увеселеній. Впрочемъ всякій разъ, какъ оканчивалась очередь пировъ, Іовъ посылалъ за дѣтьми, и въ присутствіи всей семьи приносилъ за каждаго изъ нихъ всесожженіе, изъ опасенія, не согрѣшилъ ли кто изъ нихъ во время пира.

Ст. 6—22.

Въ одно время, на небѣ предстали ангелы предъ Бога [1]. За ними пришелъ и сатана [2]. Господь сказалъ сатанѣ: «откуда ты пришелъ?» — Сатана отвѣчалъ: «я былъ на землѣ, и обошелъ ее всю.» Господь сказалъ: «обратилъ ли ты вниманіе на раба моего Іова? не найдти на землѣ другаго человѣка, который такъ же бы, какъ онъ, былъ добръ, справедливъ, благочестивъ и чуждъ всякаго порока!» — Сатана отвѣчалъ: «а развѣ Іовъ даромъ чтитъ Бога? Не ты ли бережешь домъ и всю его собственность? Что онъ ни дѣлаетъ, ты всему даешь успѣхъ; и размножаешь стада его. А сдѣлай опытъ, отними, что́ у него есть: тогда увидишь, что онъ отречется отъ тебя.» Господь сказалъ: «все, что́ у него есть, я предоставляю въ твою волю; только самого не касайся.» Сатана вышелъ отъ Господа. Былъ день, въ который сыновья и дочери Іова пировали въ домѣ старшаго брата. И вотъ, приходитъ вѣстникъ къ Іову, и говоритъ: «волы твои попарно ходили въ полѣ подъ ярмомъ, и ослицы паслись возлѣ нихъ; вдругъ напали савеи, и угнали ихъ, а слугъ перебили; спасся только я, и прибѣжалъ донести тебѣ.» Пока онъ говорилъ, приходитъ другой вѣстникъ къ Іову, и разсказываетъ: «съ небесъ упалъ огонь, и попалилъ весь мелкій скотъ и пастуховъ; спасся я одинъ, и пришелъ сказать тебѣ.» Не кончилъ этотъ своей рѣчи,—приходитъ новый вѣстникъ, и доноситъ: «Халдеи, раздѣлившись на три отряда, окружили верблюдовъ и угнали ихъ, а слугъ перебили; спасся одинъ я, и пришелъ донести тебѣ.» Пока онъ говорилъ, приходитъ еще вѣстникъ, и сказываетъ Іову:

«твои сыновья и дочери пировали въ домѣ старшаго брата своего; вдругъ страшный вихрь понесся изъ пустыни, обхватилъ домъ со всѣхъ угловъ, и обрушилъ его на дѣтей; всѣ погибли, спасся я одинъ, и пришелъ извѣстить тебя.» Выслушавши одну за другой эти ужасныя вѣсти, Іовъ всталъ; въ знакъ скорби своей растерзалъ на себѣ одежду, остригъ голову, палъ на землю, и, преклонившись предъ Господомъ, сказалъ: «нагимъ я вышелъ изъ чрева матери своей, нагимъ и возвращусь во чрево матери-земли! Богъ далъ, Богъ и взялъ! Да будетъ благословенно имя господне!» Такимъ образомъ Іовъ не согрѣшилъ предъ Богомъ ни однимъ безразсуднымъ словомъ.

Гл. 2, 1—10.

Опять ангелы на небѣ предстали предъ Господомъ. За ними опять пришелъ и сатана. Снова Господь говоритъ сатанѣ: «откуда ты пришелъ?»—И снова отвѣчаетъ сатана: «я былъ на землѣ, которую и обошелъ всю.» Господь сказалъ: «обратилъ ли ты вниманіе на раба моего Іова? Какъ онъ добръ, правдивъ, благочестивъ и какъ далекъ отъ всякаго порока! Онъ и доселѣ твердъ въ своей добродѣтели, а ты побуждалъ меня погубить его безъ всякой вины.» —Сатана отвѣчалъ: «въ чужой кожѣ страдать можно, лишь бы свою спасти; да и все, что̀ есть у человѣка, онъ согласится отдать за жизнь свою. А сдѣлай опытъ, коснись его костей, его собственнаго тѣла: увидишь, что онъ отречется отъ тебя.» Господь сказалъ сатанѣ: «Я попускаю тебя сдѣлать съ нимъ, что́ захочешь, только жизнь его сбереги.»—Сатана вышелъ отъ Господа, и поразилъ все тѣло Іова, съ головы до ногъ, самою страшною проказою. Тѣло страдальца вживѣ согнивало; по язвамъ разливался внутренній огонь, такъ-что Іовъ обломкомъ черепка скоблилъ свой гной, и сидѣлъ въ пеплѣ. Самое дыханіе его было отвратительно. Не только всѣ знакомые и сосѣди оставили его, — даже жена его потеряла къ нему состраданіе. Разъ она ему сказала: «ты все еще держишься своей добродѣтели? Отрекись отъ Бога,—и онъ поразитъ тебя смертію.» Іовъ сказалъ ей: «ты говоришь, точно какая-нибудь безумная. Если мы любили принимать добро изъ руки Божіей; то почему же не принять и зла?» Такимъ образомъ и на этотъ разъ Іовъ не погрѣшилъ даже словомъ.

Гл. 11 — 32, 40.

Услышали о несчастіи Іова три его друга: Элифазъ изъ племени Ѳемана, внука исавова, Валдадъ изъ потомства Суаха, сына Авраама и Хеттуры, и Софаръ Наамитянинъ. Они сошлись вмѣстѣ, чтобы утѣшить его. Завидѣли еще издалека, и не узнали; потому-что нельзя было отличить живаго лица. Они вскрикнули отъ ужаса, и громко зарыдали; разорвали на себѣ одежды, и въ сильной

горести бросали песокъ на свои головы. Семь дней и семь ночей сидѣли они насупротивъ его; никто изъ нихъ не промолвилъ ни слова, потому-что не находили средствъ утѣшить его въ этомъ состояніи. Наконецъ Іовъ прервалъ молчаніе. Онъ проклялъ день своего рожденія, и сталъ жаловаться на то, зачѣмъ ему дали увидѣть свѣтъ, когда жизнь готовила ему безотрадныя мученія. Тутъ вступили съ нимъ въ разговоръ и друзья. Твердо вѣря, что Богъ добрыхъ награждаетъ, а злыхъ наказываетъ, они сдѣлали обратное заключеніе: если кто терпитъ наказаніе, то онъ грѣшникъ, и чѣмъ страшнѣе муки, на него посланныя, тѣмъ ужаснѣе злыя его дѣла. Естественно, что при такомъ образѣ мыслей они заключали и объ Іовѣ, что у него есть тайные грѣхи, которые онъ умѣлъ только искусно скрыть отъ нихъ. Это они дали ему почувствовать съ первыхъ же словъ своихъ, и въ продолженіи разговора убѣждали его признаться и раскаяться въ своихъ преступленіяхъ. Іовъ со всею силою невинности защищалъ свое доброе имя: онъ увѣрялъ, что страждаетъ не за грѣхи, а что Богъ посылаетъ одному тяжкую, а другому счастливую судьбу, по своей недовѣдомой волѣ. Друзья, полагавшіе, что и Богъ поступаетъ съ людьми по тѣмъже законамъ равнаго возмездія, по которымъ произноситъ судъ свой человѣческое правосудіе, не убѣждались словами Іова. Тогда страдалецъ началъ умолять Бога, чтобы онъ самъ явился и засвидѣтельствовалъ о его невинности.

Гл. 38, 1 — 42, 6.

Дѣйствительно, Богъ явился Іову въ вихрѣ, и укорилъ его за намѣреніе требовать у Бога отчета въ дѣлахъ міроправленія. Онъ указалъ Іову, что для человѣка найдется слишкомъ много непостижимаго въ явленіяхъ и твореніяхъ окружающей его природы; и послѣ этого хотѣть проникнуть въ тайны судебъ Божіихъ, почему онъ поступаетъ съ людьми такъ, а не иначе, есть дерзкая самонадѣянность. Впрочемъ онъ одобрилъ главную мысль Іова, то есть что Богъ съ людьми поступаетъ по своей премудрой волѣ; напротивъ, изъявилъ свой гнѣвъ на друзей его за ихъ неправыя сужденія, и повелѣлъ имъ обратиться къ Іову и просить, чтобы онъ принесъ за нихъ жертву, и помолился за нихъ. Они исполнили это повелѣніе—и Богъ принялъ ходатайство Іова за нихъ.

Гл. 42, 10 — 17.

Послѣтого Господь вознаградилъ Іова сугубо за всѣ его потери. Родные и знакомые, услыхавши, что Богъ спасъ его отъ болѣзни, пришли посѣтить его, и всякой изъ нихъ принесъ ему даръ. Стада его противу прежняго удвоились. Опять родились у него семь сыновъ и три дочери. Онъ прожилъ еще сто сорокъ лѣтъ, и умеръ въ глубокой старости среди многочисленнаго потомства.

Вся исторія Іова составляетъ предметъ особенной книги, которая носитъ на себѣ его имя, и которую приписываютъ ему самому.

Протоіерей М. Богословскій.

Объяснительное чтеніе.

1. Кто предстали? передъ кого предстали? Когда предстали? гдѣ предстали? Что такое Богъ и ангелы? Богъ и ангелы похожи ли на какой-нибудь предметъ изъ царствъ природы? Состоятъ ли они изъ частей, имѣютъ ли вѣсъ, тяжесть? Подлежатъ ли какому-нибудь изъ нашихъ наружныхъ чувствъ? Стало, они совершенно противуположны тѣламъ и всему тѣлесному? то, что не состоитъ изъ частей, а потому не имѣетъ вѣсу, не занимаетъ мѣста и т. п., называется предметомъ духовнымъ, или духомъ. Стало, Богъ, ангелы—тѣла или духи? А наша душа, которая думаетъ о тѣлахъ и духахъ, желаетъ добраго, любитъ прекрасное, имѣетъ ли вѣсъ, подлежитъ ли внѣшнимъ чувствамъ? Стало, душа наша относится къ вещественнымъ или духовнымъ предметамъ?

2. Кто пришелъ? за кѣмъ пришелъ? кого называемъ сатаною? Стало, сатана не принадлежитъ ни къ которому изъ царствъ природы? А злой духъ тоже предметъ? можно объ немъ думать?

Итакъ все существующее бываетъ или вещественное, тѣлесное или невещественное, духовное. Оттого всю вселенную можно раздѣлить на два міра: тѣлесный и духовный. Къ первому относятся всѣ тѣла земныя и небесныя, а ко второму Богъ, ангелы, злые духи и душа человѣческая.

60. Бэда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда * слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковыя,

---

* Бэда—за примѣрную жизнь и за великую ученость названный по смерти *достопочтенный* (le venerable)—родился 672 года, въ Гирвѣ, близъ Дюргама, въ Англіи, умеръ 753 г. 26 мая. Разсказываютъ, что даже наканунѣ своей смерти онъ еще занимался переводомъ евангелія отъ Іоанна. Писецъ, которому онъ диктовалъ, остановившись, говоритъ: «еще одна только глава, но кажется вамъ трудно диктовать.»—«О нѣтъ,—отвѣчалъ Бэда, мнѣ не тяжело; бери перо и пиши скорѣй: намъ не должно терять времени.» Писецъ продолжалъ свое дѣло, потомъ опять сказалъ: «теперь остается только одинъ стихъ.» Бэда снова заставилъ его поспѣшить. «Теперь кончено,» сказалъ писецъ, дописавъ послѣднее слово. «Ты правъ, отвѣчалъ старецъ, все кончено! Возьми и подними меня. Я желаю сѣсть тамъ, гдѣ я обыкновенно молюсь, и еще разъ помолиться Отцу моему небесному.» Желаніе сіе было исполнено,—и Бэда, сѣвшій, какъ ему хотѣлось, на полъ своей келіи, воззвалъ: «слава и честь Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому!» Послѣсего, склонивъ голову, скончался.

Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!—онъ сказалъ—я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой;
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось—слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!
Но вотъ, ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная....
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

61. Житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

Вся жизнь Ѳеодосія дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой онъ борется съ русскимъ семейнымъ началомъ; въ другой, побѣдивъ его, учреждаетъ высшую семью духовную на началѣ любви божественной, и отсюда дѣйствуетъ уже на братію, на власти, на народъ.

Недалеко отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ, родился Ѳеодосій отъ родителей благочестивыхъ, которые скоро переселились въ Курскъ. Здѣсь провелъ онъ свое отрочество. Церковь Божія была первымъ его училищемъ. Здѣсь божественная служба и чтеніе св. книгъ рано пробудили въ отрокѣ духовное призваніе. Онъ чуждался игръ дѣтскихъ, не любилъ цвѣтнаго платья, предпочиталъ убогое. Скоро навыкъ онъ грамотѣ у одного изъ городскихъ учителей. Тринадцати лѣтъ лишился отца. Послѣ этой потери сталъ прилежнѣе выходить на работу, вмѣстѣ съ своими рабами: мать видѣла въ томъ униже-

ніе рода; она одѣвала его въ одежду свѣтлую, гнала на игры съ сверстниками; мальчикъ терпѣлъ побои отъ раздраженной матери, которая была тѣломъ крѣпка и сильна, какъ мужчина. Слышалъ онъ объ мѣстахъ святыхъ, гдѣ Господь походилъ своею плотію, и желалъ туда. Молитва его была услышана. Странники проходили черезъ Курскъ въ Іерусалимъ. Ѳеодосій узналъ о томъ, и просилъ ихъ взять его съ собою. Получивъ ихъ согласіе, ночью убѣжалъ онъ тайкомъ изъ дому матери, и отправился съ ними; но она догнала его. Ужасныя мученія вытерпѣлъ бѣглецъ. Желѣза сковали ему ноги. Мать все боялась, чтобы сынъ опять не бѣжалъ отъ нея. Въ страданіяхъ ему утѣшеніемъ была церковь. Желая чѣмъ-нибудь послужить ей, и зная, что народъ иногда лишается литургіи по недостатку просвиръ, Ѳеодосій посвятилъ себя печенью церковныхъ хлѣбовъ. Товарищи смѣялись надъ его занятіемъ. Мать, оскорбленная этими насмѣшками, съ любовью возобновила упреки сыну своему, что онъ занимается слишкомъ низкимъ дѣломъ. Ѳеодосій отвѣчалъ: Господь на тайной вечери претворилъ хлѣбъ въ тѣло свое, и раздавалъ его ученикамъ своимъ. Какъ же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня готовить хлѣбъ для плоти его?—Но мать не прекращала своихъ гоненій. Тщетно юноша убѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ въ домъ къ одному пресвитеру: она не могла жить безъ сына, настигла его и тамъ; но чѣмъ болѣе страдалъ Ѳеодосій, тѣмъ сильнѣе разгаралась въ немъ любовь къ духовной жизни.

Онъ заказалъ кузнецу желѣзныя вериги, и опоясался ими. Желѣзо вгрызалось въ его юное тѣло. Въ праздничный день властелинъ города давалъ пиръ вельможамъ: велѣно было отроку Ѳеодосію явиться въ свѣтлой одеждѣ, чтобы служить при этомъ пирѣ. Таковъ былъ обычай времени. Мать, наряжая сына, увидѣла кровь на его сорочкѣ. Съ ужасомъ усмотрѣла она вериги на его тѣлѣ, растерзала одежду его, и сбросила ихъ.

Однажды юноша, внимая чтенію евангелія, услышалъ слова: *аще кто не оставитъ отца и матерь, и въ слѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ.* Эти слова, какъ громомъ, поразили Ѳеодосія. Съ тѣхъ поръ неотступно преслѣдовала его мысль: покинуть домъ матери и идти въ монастырь. Воспользовавшись однажды ея отсутствіемъ, онъ рѣшился на подвигъ: кромѣ одежды и хлѣба, онъ ничего не взялъ съ собою, и пошелъ въ Кіевъ. Не зная дороги, вслѣдъ за купеческимъ обозомъ, медленно ѣхавшимъ туда, Ѳеодосій добрался до города. Много монастырей обошелъ онъ, но нигдѣ его не приняли: худыя ризы кроткаго отрока были тому причиною. Видно, требовали монастыри уже богатства, а не той духовной силѣ, которую съ собой приносилъ Ѳеодосій. Вотъ слышитъ онъ о блаженномъ Ангоніи, живущемъ въ пещерѣ, и устремляется къ нему. Со слезами палъ онъ къ ногамъ пустынника, и просилъ принять

его. Антоній прозрѣлъ духовными очами призваніе юноши, и искушая его рѣшимость, сказалъ: «Чадо, ты видишь пещеру мою: она скорбная, мѣсто мое тѣсное. Ты молодъ: не вытерпишь.»—Рѣшеніе Ѳеодосія было твердо. Антоній благословилъ его. Никонъ постригъ.

Начались иноческіе подвиги Ѳеодосія. Но ему предстояло новое, сильнѣйшее искушеніе. Мать, лишившись сына, была въ отчаяніи. Тщетно искала она его сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно наказывала народу искать его, и обѣщала плату тому, кто его приведетъ. Прошло четыре года. Но вотъ, отъ путниковъ изъ Кіева узнаетъ она, что сынъ ея тамъ. Не медля, отправилась туда; обошла всѣ монастыри, и наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ Антонія. Она идетъ къ пустыннику. Тронутый заботами матери, старецъ успокоилъ ее, сказавъ, что сынъ ея живъ и здѣсь. Тогда началась послѣдняя, рѣшительная борьба между сыномъ и матерью: она хочетъ его видѣть; но Ѳеодосій, отдавшій себя Богу, не принимаетъ матери.

Никакія моленія его не трогаютъ; увѣщанія самого Антонія безсильны. Тогда мать отъ просьбъ переходитъ къ гнѣву: она грозитъ старцу, что погубитъ себя передъ его пещерою, если онъ не покажетъ ей сына. Антоній, въ скорби и страхѣ, входитъ въ пещеру, и молитъ Ѳеодосія выйти къ матери. Не смѣя ослушаться старца, онъ вышелъ къ ней. Тогда мать увидѣла изможденнаго сына: лицо его измѣнилось отъ многаго труда и воздержанія. Любовь матери вспыхнула еще сильнѣе при этомъ видѣ; тутъ уже не было мѣста гнѣву: она бросилась къ нему на шею, и долго, долго обливала его горькими слезами. Настала минута послѣдней борьбы; начались увѣщанія матери: «Возвратись въ домъ свой, мое дѣтище! Все, что тебѣ потребно для спасенія души твоей, ты будешь дѣлать въ домѣ по волѣ своей: только не отлучайся отъ меня. Когда умру, ты погребешь тѣло мое, и тогда возвратишься въ эту пещеру, какъ хочешь. Не смогу жить и не видѣть тебя!»—Но напрасны были слова матери. Ѳеодосій предложилъ ей постричься въ одномъ изъ ближнихъ женскихъ монастырей, если хочетъ видаться съ нимъ; если же она не согласится, то никогда не увидитъ лица его. Послѣ долгой борьбы, чувство матери побѣдило: она, не будучи въ силахъ разстаться навсегда съ сыномъ, уступила его желанію, и постриглась въ женскомъ монастырѣ Св. Николая. Всѣ эти подробности о жизни Ѳеодосія, отъ самой его юности до прихода матери къ нему въ пещеру, Несторъ слышалъ отъ келаря Ѳеодора, бывшаго при самомъ Ѳеодосіи, а Ѳеодоръ принялъ ихъ отъ самой его матери.

Такъ Ѳеодосій, побѣдивъ духовною силой семью земную, былъ ужь готовъ на совершеніе другаго подвига, на устроеніе семьи духовной. А междутѣмъ она умножалась. Игуменствовалъ Никонъ. Со всѣхъ концовъ Россіи стекалась братія, изо всѣхъ сословій. Изъ бояръ отъ княжескаго дома привлекала духовная сила трехъ мужей:

Антонія, Никона, Ѳеодосія, сіявшихъ изъ темной пещеры на всю окрестную страну. Сынъ знаменитаго вельможи, Иванъ, пріѣхалъ однажды къ старцу въ одеждѣ свѣтлой, на богатомъ конѣ, окруженный отроками. Снялъ онъ съ себя боярскую одежду, положилъ передъ старцемъ, отпустилъ коня и просилъ о постриженіи.—Антоній напоминалъ ему о силѣ обѣта, о власти отца, о гнѣвѣ князя. Юноша не поколебался. Никонъ постригъ его и нарекъ Варлаамомъ. Вслѣдъ за нимъ, дворцовый евнухъ, любимый княземъ, принялъ также постриженіе и нареченъ Ефремомъ. Разсердился Изяславъ на то, что пещера отнимаетъ у дворца его воиновъ и слугъ. Раздраженный, призываетъ онъ къ себѣ Никона и спрашиваетъ: ты ли постригъ ихъ безъ моего повелѣнія? Никонъ отвѣчалъ: Благодатію Божіею я постригъ ихъ, повелѣніемъ Царя Небеснаго, Іисуса Христа, призывавшаго ихъ на такой подвигъ. Князь сказалъ: поди, убѣждай ихъ, чтобы они возвратились назадъ: не то я *поточу* тебя и всѣхъ, кто съ тобою, и пещеру вашу велю раскопать. Никонъ отвѣчалъ Изяславу: Владыко, какъ угодно тебѣ, такъ и твори, а я не могу отнимать воиновъ у Царя Небеснаго.—Кроткая жена Изяслава смягчила гнѣвъ своего мужа. Такъ изъ мрака пещеры росла духовная сила. Собралось пятьдесятъ человѣкъ братіи. Многіе изъ нихъ отъѣзжали въ Константинополь, или въ другія мѣста на югъ. Никонъ поселился въ Тмутараканп. Ему наслѣдовалъ на игуменствѣ Варлаамъ, а когда онъ, по повелѣнію князя Изяслава, перешелъ въ монастырь Св. Димитрія,—тогда вся братія избрала въ настоятели единогласно Ѳеодосія, снискавшаго всеобщую любовь подвигами смиренія и непрерывнаго труда,—и Антоній благословилъ избраніе.....

Ѳеодосій съ любовію принималъ всѣхъ безъ разбора, кто бы ни приходилъ къ нему. Ревностно заботился онъ о строгомъ исполненіи правилъ. Самъ ходилъ по келліямъ иноковъ: заставая брата въ молитвѣ, присоединялъ къ ней свою; заставая бесѣду, непозволенную уставомъ, стукомъ въ дверь напоминалъ правило. Одинъ братъ часто отбѣгалъ отъ монастыря и опять возвращался: Ѳеодосій дѣйствовалъ на него одною молитвою. Пищу, находимую въ келліи, бросалъ въ огонь. Наказанія его были чисто духовныя. Вся дѣятельность его въ монастырѣ представляла хозяина трудолюбиваго, который самъ съ любовію служилъ братіи, находившейся подъ его началомъ, пекъ хлѣбы, носилъ воду, кололъ дрова. На всякое дѣло шелъ самъ прежде всѣхъ. Въ церковь являлся первый, послѣдній выходилъ изъ нея. Носилъ ветхую одежду, надъ которою насмѣхались многіе.—Книжное ученіе подъ его надзоромъ процвѣтало въ обители. Инокъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги въ его келліи. Никонъ исправлялъ должность переплетчика, а Ѳеодосій самъ не пренебрегалъ и тѣмъ занятіемъ, что плелъ ве-

ревки для переплета книгъ, сопровождая каждое дѣло свое чтеніемъ псалтири наизусть.

Въ уединеніи своей обители, Ѳеодосій воспиталъ такую духовную силу, которая въ скоромъ времени благодѣтельно подѣйствовала на свѣтскую власть и народъ. Замѣчательны отношенія Кіево-печерскаго монастыря къ великимъ князьямъ кіевскимъ. Всегда убѣгая вражды, соблюдая покорность, настоятель ограничивалъ вліяніе свое любовью, примѣромъ и словомъ поучительнымъ. Однажды Изяславъ пришелъ въ монастырь, въ часъ полуденнаго отдыха братіи, когда Ѳеодосій запрещалъ впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушался покой иноковъ, готовившихся къ всенощному бдѣнію. Привратникъ, узнавъ князя, не смѣлъ впустить его, не доложивъ о томъ прежде Ѳеодосію, который принялъ его въ церкви, и занималъ своею бесѣдою. Изяславу нравилась особенно сладость монастырскихъ брашенъ: онъ спрашивалъ о томъ Ѳеодосія, отчего же у него нѣтъ такихъ сладкихъ явствъ, хотя они и цѣннѣе? — «Оттого, отвѣчалъ Ѳеодосій, что здѣсь братія все готовитъ съ молитвою и благословеніемъ, а твои рабы ссорятся, клянутъ другъ друга, и получаютъ побои отъ приставниковъ, когда снаряжаютъ тебѣ трапезу.»

Святославъ и Всеволодъ изгнали законнаго князя и старшаго брата своего, Изяслава, изъ Кіева. Водворившись въ городѣ, они зовутъ Ѳеодосія на пиръ, зная, что соучастіе такого человѣка привлечетъ на ихъ сторону народъ. Ѳеодосій отвѣчаетъ посланному, что онъ не пойдетъ на трапезу іезавелину, и не причастится брашна, исполненнаго крови и убійства. Когда Святославъ, изгнавши брата изо всей области, сѣлъ на престолѣ кіевскомъ; Ѳеодосій не переставалъ обличать его въ незаконномъ поступкѣ, писалъ къ нему письма, наказывалъ ему о томъже черезъ вельможъ, и наконецъ отправилъ къ нему обширное посланіе, въ которомъ сравнивалъ его съ Каиномъ, и приводилъ примѣры всѣхъ братоненавистниковъ. Святославъ, съ гнѣвомъ бросивъ грамоту на полъ, угрожалъ Ѳеодосію заточеніемъ: Ѳеодосій тому радовался и только усиливалъ свои обличенія. Святославъ умолкъ, чувствуя безсиліе свое чѣмъ-нибудь обидѣть праведника. Ѳеодосій, видя смиреніе князя и уступя просьбамъ братіи, пересталъ обличать, но хотѣлъ дѣйствовать мольбою. Святославъ просилъ позволенія у Ѳеодосія прійти къ нему въ монастырь. Ѳеодосій позволилъ. Принявъ князя въ церкви, послѣ обычной молитвы, игуменъ не переставалъ убѣждать его о мирѣ съ братомъ, о возвращеніи ему престола. Съ тѣхъ поръ нерѣдко были ихъ свиданія. Ѳеодосій хаживалъ во дворецъ княжескій. Однажды пришелъ онъ къ Святославу во время игрища: пѣсни и музыка оглашали домъ его. Ѳеодосій сѣлъ поодаль, поникъ очами долу и потомъ, взглянувъ на князя, сказалъ: будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ? Прослезился Святославъ — и велѣлъ прекратить игрище. Потомъ уже

*

всегда умолкали игры въ палатахъ князя, если кто-нибудь изъ приближенныхъ возвѣщалъ приходъ Ѳеодосія. Когда Святославъ выражалъ ему любовь свою и радость о его приходѣ, Ѳеодосій всегда пользовался изліяніями любви княжеской, чтобы напомнить ему о примиреніи съ братомъ, о возвращеніи ему кіевскаго престола. Между тѣмъ молитвы объ изгнанномъ Изяславѣ не умолкали въ печерской обители. На эктеніяхъ сначала поминалось одно его имя. Когда же Святославъ, своею любовью къ книжному ученью, своимъ прилеженіемъ къ церкви, привлекъ на свою сторону братію монастыря,— она упросила Ѳеодосія присоединить къ молитвамъ церковнымъ имя Святославово; но не менѣе того оно возглашалось не иначе, какъ послѣ имени законнаго стольнаго князя кіевскаго.

Ѳеодосій питалъ глубокую любовь къ народу, который своимъ сочувствіемъ святому мужу придавалъ ему много силы. Ветхая одежда игумена, возбуждавшая насмѣшки многихъ, конечно, нравилась народу вообще. Близъ обители былъ устроенъ дворъ для нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ увѣчныхъ. Всѣ потребности ихъ исполнялись, и монастырь отдавалъ имъ десятую часть со всякаго дохода. Скорбныхъ страдальцевъ Ѳеодосій утѣшалъ молитвами и слезами. Всякую суботу, возъ хлѣбовъ изъ обители отправляли въ темницы. Однажды привели къ настоятелю разбойниковъ, пойманныхъ въ кражѣ на одномъ монастырскомъ селѣ. Видя на нихъ оковы, видя скорбь ихъ, Ѳеодосій прослезился, велѣлъ ихъ разрѣшить отъ узъ, далъ имъ ѣсть и пить, предложилъ поученіе, и отпустилъ ихъ съ миромъ. Разбойники исправились.

Слѣдующее событіе еще болѣе докажетъ любовь Ѳеодосія къ народу. Однажды, пробывъ довольно долгое время у Изяслава, ночью, поздно онъ долженъ былъ возвращаться въ обитель, — и великій князь повелѣлъ довести его на возу. Провожатый, заключая по одеждѣ, что это долженъ быть какой-нибудь изъ убогихъ черноризцевъ, сказалъ ему: «ты цѣлый день провелъ въ праздности, а я трудился: не могу ѣхать на конѣ; дай мнѣ лечь на возу, а самъ садись на коня.» Блаженный тотчасъ же смиренно слѣзъ съ воза, уступилъ на немъ мѣсто вожатому, а самъ сѣлъ на коня—и такъ провелъ всю ночь. Когда дремота одолѣвала его,—онъ шелъ пѣшкомъ возлѣ коня до тѣхъ поръ, пока не утомлялся; тогда садился на него снова. Занималась заря. Встрѣчались блаженному вельможи, и, сходя съ коней, кланялись ему почтительно. Проснувшійся вожатый, замѣтивъ это, испугался; но испугъ его превратился въ ужасъ, когда вся братія вышла навстрѣчу къ своему игумену, и поклонилась ему до земли. Ѳеодосій взялъ за руку вожатаго, ввелъ его въ трапезу, накормилъ и напоилъ, одарилъ деньгами и отпустилъ къ князю. Самъ повозникъ разсказывалъ послѣ объ этомъ событіи.

Отъ Ѳеодосія осталось намъ нѣсколько сочиненій, которыя не

приведены еще въ строгую извѣстность. Нельзя не пожалѣть, что обличительное посланіе къ Святославу, упоминаемое въ житіи, не дошло до насъ ни въ одномъ спискѣ. Игуменъ наставлялъ Изяслава въ различіяхъ, какія отдѣляютъ наше исповѣданіе отъ латинскаго: отвѣтъ Ѳеодосія великому князю Изяславу на вопросъ о варяжской вѣрѣ встрѣчается иногда при рукописныхъ печерскихъ патерикахъ. Есть признаки, что Ѳеодосію можетъ быть приписано «слово о крещеніи св. Владиміра», вставленное Несторомъ въ лѣтопись. Несторъ свидѣтельствуетъ, что онъ нерѣдко поучалъ братію, князей, бояръ и народъ. Въ самомъ житіи приводитъ онъ два поученія: о покаяніи и противъ стяжаній. Третье: о казняхъ божіихъ, встрѣчается въ древле-письменныхъ прологахъ. Поученія во дни великаго поста найдены Востоковымъ въ одномъ древнемъ сборникѣ. Всѣ они отличаются простотою, смиреніемъ и любовію: черты жизни самого проповѣдника видны и въ словахъ его. «Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ», говоритъ Ѳеодосій. — Замѣчательны особенно тѣ слова, которыя обращены къ братіи и народу о воздержаніи и противъ пьянства. — Ѳеодосій видѣлъ этотъ народный порокъ, противодѣйствовалъ ему съ любовію, и вызывалъ на него силу вѣры. Въ одномъ изъ этихъ словъ онъ возстаетъ противъ тропарныхъ чашъ, т. е. противъ обычая пить чаши во время тропарей, которые пѣлись за пиромъ. Три чаши позволяетъ онъ употреблять за обѣдомъ: одну въ началѣ, во славу Іисуса Христа,—другую въ концѣ во славу Богоматери, и третью за здравіе государя,—а болѣе не велитъ. Если кто другаго упоитъ за любовь, или святыми заклиная, да постится семь дней; если же до вредной крайности, то 40 дней на хлѣбѣ и на водѣ. Особенной любви къ народу исполнено другое слово о пьянствѣ, можетъ-быть также принадлежащее Ѳеодосію и обращенное ко всякому христіянину. «Самъ Господь сказалъ, говоритъ проповѣдникъ: пьяницы царства небеснаго не наслѣдятъ. Въ первыхъ родахъ проявлено было отъ Бога: великіе мужи, угодники божіи погибли пьянствомъ; цари царствъ лишилися; святители святительство погубили; храбрые мечу въ снѣдь достались; сильные силу испортили; богатые въ нищету впали; многолѣтные скоро умерли. Въ нынѣшнемъ роду князья болѣе тридцати лѣтъ не прожили и отошли отъ сего свѣта. Пьянство умъ погубляетъ, прибытокъ теряетъ, вражду содѣлываетъ, князю землю пусту творитъ, людей до рабства доводитъ, людей съ людьми ссоритъ; пьянство женъ отъ мужей отлучаетъ, дѣло губитъ, работѣ предаетъ, а въ церковь не пуститъ, поститься не даетъ, молитвы непріятными творитъ; пьянство предаетъ болѣзнямъ, губитъ красоту, человѣка являетъ утрудженнымъ, ослабляетъ зракъ очей, ногамъ болѣзнь творитъ, умъ отлучаетъ, отъ Бога гонитъ и смерти предаетъ, въ огнь негасимый посылаетъ.....» Проповѣдникъ заключилъ силь-

нымъ и живымъ изреченіемъ одного святаго мужа, которое долго у насъ жило въ народѣ и противодѣйствовало гибельному пороку: «Егда сядеши, первую чашу испіеши здоровію, вторую веселію, третію сытости, четвертую безумію, пятую бѣсованію, шестую горцѣй смерти, седьмую же—не будетъ конца мученію.»

Предчувствуя свою кончину, Ѳеодосій созвалъ всю братію и спросилъ: кого хотятъ они имѣть игуменомъ послѣ его смерти?— Иноки назначили Стефана. Желаніе ихъ было исполнено. Трогательно простившись со всѣми, и, заповѣдавъ имъ любовь, онъ скончался 1074 г. При Ѳеодосіи ли, за годъ до его кончины, или вѣрнѣе при игуменѣ Стефанѣ, пришелъ въ кіевопечерскую обитель странникъ, желавшій постриженія. Онъ-то, по устнымъ преданіямъ древнихъ отцовъ монастыря, написалъ все то, что передано здѣсь въ сокращеніи. Этотъ инокъ былъ лѣтописецъ Несторъ.

Ст. Шевыревъ.

62. Канутъ Великій и его льстецы.

Канутъ Великій, англійскій король датской династіи, былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей въ свое время (XI вѣка); онъ отличался дикой храбростью, пока христіянская религія не смягчила его характера.

Сдѣлавшись могущественнѣйшимъ государемъ въ Европѣ, онъ вдругъ впалъ въ меланхолію, и сталъ почитать состояніе свое самымъ несчастнымъ, говорилъ о ничтожности земнаго величія, и думалъ только о постройкѣ монастырей и церквей. Набожность его простиралась дотого, что онъ совершилъ путешествіе въ Римъ, и испросилъ тамъ многія льготы для англійскихъ школъ.

Въ дни своей грустной меланхоліи, однажды вечеромъ, Канутъ сидѣлъ на берегу моря, и глядѣлъ на безконечную даль его, можетъ-быть размышляя о преступленіяхъ и варварствахъ, которыми онъ пріобрѣлъ свое могущество. Съ нимъ было нѣсколько человѣкъ придворныхъ, и они, видя своего государя въ задумчивости, изыскивали всѣ средства развлечь его льстивыми и покорными словами. Они начали тѣмъ, что стали сравнивать съ нимъ другихъ царей земныхъ, и не находили ни одного, который былъ бы достоинъ такого сравненія. Разсуждая вслухъ, они видѣли, что грозный властитель ихъ равнодушенъ къ этой лести, и вздумали усилить ее еще болѣе. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ, что великій Канутъ долженъ быть не обыкновенный смертный, а что-нибудь выше. Другой прибавилъ, что въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, когда великій Канутъ покорилъ всѣ народы, и утвердилъ власть свою на сушѣ и на моряхъ. Еще одинъ прибавилъ, что ему покоряются не только народы, но и стихіи, которыми онъ можетъ повелѣвать. Оставалась еще одна лесть: рѣшились высказать и ее. «Такъ, друзья мои!»

прибавилъ одинъ изъ придворныхъ, «великій Канутъ повелѣваетъ не только людьми, но и стихіями; онъ Богъ!» Король слушалъ всѣ эти рѣчи ихъ, и вдругъ велѣлъ принести себѣ кресла, приказывая поставить ихъ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ волны моря плескались о берегъ. Онъ сѣлъ тамъ, зная, что скоро долженъ былъ начаться приливъ моря. «Не смѣй приближаться ко мнѣ, море!»—громко сказалъ онъ—и, оборотившись къ придворнымъ, прибавилъ: «Не правда ли, что оно исполнитъ мое повелѣніе?» Льстецы преклонили головы въ знакъ согласія.

«Вы сказали, что я Богъ, продолжалъ Канутъ, слѣдовательно все должно повиноваться мнѣ.» Опять тотъже знакъ согласія отъ придворныхъ. Междутѣмъ море начинало волноваться сильнѣе, и Канутъ нарочно подозвалъ ближе къ себѣ льстецовъ своихъ. Ему было весело видѣть, какъ страхъ начиналъ владѣть этими робкими людьми, когда волны стали возвышаться и плескались уже подлѣ самыхъ ногъ его. Наконецъ одна волна съ такою силою ударилась о берегъ, что едва не опрокинула креселъ короля, и совсѣмъ неучтиво брызнула на придворныхъ: они невольно отскочили. «Неужели вы боитесь подлѣ меня этихъ волнъ?» сказалъ онъ. «Развѣ не сами вы сказали, что я повелитель стихій?» Малодушное безмолвіе было отвѣтомъ на эти слова, и Канутъ, снова оборотившись къ морю, проговорилъ громко: «Волны! я запрещаю вамъ идти далѣе: не приближайтесь!» Но онъ не успѣлъ окончить этихъ словъ, какъ новый напоръ прилива хлынулъ на берегъ съ удвоенною яростью, и придворные, забывъ всѣ приличія и уваженіе къ великому королю, опрометью кинулись прочь. Канутъ всталъ, и другая волна унесла кресла, на которыхъ онъ сидѣлъ. Тогда, отступивши самъ нѣсколько шаговъ, онъ произнесъ къ устрашеннымъ, полумертвымъ отъ стыда и боязни придворнымъ своимъ: «И вы осмѣлились сравнивать меня съ тѣмъ великимъ существомъ, которое повелѣваетъ стихіями! Вы могли произнести, что я, слабый, ничтожный смертный, имѣю силу Бога! Прочь съ глазъ моихъ, льстецы безсмысленные! Научитесь, что есть только одно Всевысочайшее существо, которое можетъ сказать волнамъ моря: не далѣе!»

63. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужь не такія....
Жди, да у моря сиди.
Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака
Тожь, что́ бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.
Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!
Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно....
Да, ужь стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ».
Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.
«Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай;
Да закинуть сѣть на счастье
На петрово попытай».
«На петрово! Эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ—
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ....
А по рѣчи.... Какъ же такъ?
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость изчезъ.

А. Майковъ.

С. *Предметъ отвлеченный, или явленіе.*

64. Что такое естественныя явленія?

Посмотрите вокругъ себя: все, на что вы ни обратите вниманіе, измѣняется безпрестанно, одно скорѣе, другое медленнѣе, но все измѣняется, начиная отъ собственныхъ вашихъ мыслей до послѣдней пылинки. Мысль или чувство въ душѣ вашей, какъ бы онѣ ни казались вамъ постоянными, какъ бы предметъ ихъ не былъ однообразенъ, ни минуты не остаются одинаковыми: ваша мысль развивается или слабѣетъ, а иногда совсѣмъ уничтожается и замѣняется другою; ваше чувство, въ продолженіе одного дня, одного часа, не остается на одной степени; оно бываетъ то слабѣе, то сильнѣе, то смѣняется другимъ, противоположнымъ или близкимъ. Измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ еще замѣтнѣе: возрастъ, здоровье, болѣзнь, усталость, сонъ, радость, горесть — все дѣйствуетъ на вашъ организмъ, и оставляетъ болѣе или менѣе продолжительныя впечатлѣнія. Зерно, едва замѣтное глазу, безцвѣтное, безъ запаха, обращается въ растеніе, въ которомъ вы замѣчаете и кору, и зеленые листья, и цвѣты разныхъ красокъ, и плодъ съ запахомъ и вкусомъ,— словомъ то, чего не было въ зернѣ. Возьмите простую столовую соль, распустите ее въ водѣ, поставьте эту смѣсь въ покойное мѣсто: черезъ нѣсколько времени соль высохнетъ, т. е. вода выпарится мало-помалу, изчезнетъ въ воздухѣ, но простая толченая соль обратилась въ правильные кристаллы. Вы оставили кусокъ чистой мѣди въ сыромъ мѣстѣ, чрезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что мѣдь позеленѣла; жезѣзныя вещи покрываются въ сыромъ мѣстѣ какимъ-то темнокоричневымъ цвѣтомъ, который обыкновенно называютъ ржавчиною; на цвѣтныхъ сторахъ, долго висѣвшихъ у окошка, отпечатывается видъ рамы, онѣ, какъ говорятъ, полиняли; самый воздухъ измѣняется безпрестанно: онъ то чистъ, то удушливъ, то холоденъ, то тепелъ, то сухъ, то сыръ.

Не будемъ въ эту минуту входить въ разсужденіе о томъ, какихъ родовъ бываютъ сіи измѣненія, и какъ назвать ихъ; довольно на сей разъ, если мы убѣдимся, что ни одинъ предметъ ни одной минуты не остается такимъ, какимъ онъ былъ прежде, — начиная, какъ я сказалъ выше, отъ мысли человѣка до послѣдней пылинки.

И что всего замѣчательнѣе: не смотря на эти ежеминутныя измѣненія, человѣкъ остается человѣкомъ, растеніе—растеніемъ, камень—камнемъ. Когда сіи естественныя ежедневныя измѣненія замедляются, тогда всякому организму грозитъ новое, особаго рода, измѣненіе, а именно смерть. Растеніе, которое перестаетъ ростиувядаетъ. Такъ мудрое провидѣніе связало самую жизнь всякаго организма съ измѣненіями, въ немъ происходящими! Всѣ эти измѣ-

ненія въ предметахъ, насъ окружающихъ, называются общимъ именемъ: естественными явленіями (phénomènes naturelles).

Всѣми сими явленіями занимается наука, называемая физикою, т. е. наукою о природѣ въ самомъ обширномъ, древнемъ смыслѣ этого слова. *Князь Одоевскій.*

Объяснительное чтеніе.

Каждое естеств. явленіе существуетъ въ дѣйствительности? Слѣд. о каждомъ естественномъ явленіи можно думать? стало-быть всякое явленіе есть предметъ, какъ и всякое тѣло природы? Конечно. Но эти предметы отличаются ли чѣмъ-нибудь отъ другихъ предметовъ, подъ которыми мы разумѣемъ тѣла природы?—Чѣмъ именно? Когда мы говоримъ: «желѣзо ржавѣетъ въ сыромъ мѣстѣ,—сторы на солнцѣ полиняли»,—мы говоримъ о перемѣнахъ въ предметахъ, или о явленіяхъ; однакожъ *ржавѣетъ, полиняли* никто не называетъ предметами, но *ржавчину и полинялость* называемъ предметами. Слѣд. когда же явленіе бываетъ предметомъ, и когда не бываетъ имъ? Разсмотримъ. Вы видите, что въ словахъ «сторы полиняли» перемѣна съ предметомъ (или тѣломъ) представляется нами въ связи съ самымъ предметомъ, равно и въ связи, соприкосновеніи съ лицомъ говорящимъ, т. е. мы представляемъ и ясно обозначаемъ, что эта перемѣна съ предметомъ (сторы) произошла прежде, нежели лицо говорящее стало говорить объ ней, что о перемѣнѣ этой лицо говорящее передаетъ слушающему съ полною увѣренностью въ ея дѣйствительности (полиняли). Въ такомъ случаѣ явленія еще не называются предметами. А обозначаются ли такія отношенія къ лицу говорящему въ *«полинялость и ржавчина?»* Полинялость и ржавчина предствавляются ли отдѣльно отъ предмета, самостоятельно? Итакъ когда перемѣны эти, или явленія, мы представляемъ себѣ, устранивши, отвлекши различныя отношенія ихъ къ лицу говорящему, тогда явленія называются *предметами* (ржавчина, полинялость). Тѣла существуютъ сами по себѣ, явленія же существуютъ въ тѣлахъ, мы только силою ума своего представляемъ ихъ отдѣленными, отвлеченными отъ тѣлъ. Въ этомъ состоитъ отличіе ихъ отъ предметовъ—тѣлъ и пр. Отличая предметы—естественныя явленія отъ предметовъ—тѣлъ и др., даютъ имъ другое особое названіе; ихъ называютъ *отвлеченными* или *умственными* предметами, потому-что въ представленіяхъ объ нихъ мы *отвлекаемъ*, отбрасываемъ всѣ ихъ отношенія къ лицу говорящему и слушающему, и только въ *умѣ* своемъ представляемъ, что они существуютъ сами по себѣ, самостоятельно.

65. Есть ли законы для естественныхъ явленій?

Всѣ явленія, о коихъ мы упомянули выше (см. ст. 64), имѣютъ свои законы (называемые законами * природы), и законы столь сильные, что исполняются всегда и вездѣ съ одинаковою точностію, и

---

* Слово за-конъ происходитъ отъ *конъ—начало;* откуда слѣдующее слово *искони — сначала,* какъ читаемъ въ 1 и 2 ст. 1 гл. Ев. отъ Іоанна. Закономъ называется такое непреложное начало, по которому всегда послѣдовательно происходятъ явленія.

никакой силой человѣческой нарушены быть не могутъ. Никакой человѣческой силой вы не можете воспрепятствовать, чтобы соль не распустилась въ чистой водѣ, чтобы чистой кусокъ мѣди не позеленѣлъ въ сыромъ мѣстѣ, чтобы цвѣтныя сторы не полиняли на солнцѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться при видѣ множества явленій, что существуетъ точно такое же множество законовъ, и что слѣдственно никакая память не можетъ ихъ помнить; но опытъ доказываетъ, что всѣ эти законы сводятся къ весьма немногимъ, кои дѣйствуютъ во всѣхъ явленіяхъ природы, намъ доступныхъ.

Князь Одоевскій.

66. Трудность наблюдать естественныя явленія и средства, ее облегчающія.

Наблюдать естественныя явленія—дѣло не легкое, какъ иногда кажется намъ съ перваго взгляда. Насъ вопервыхъ обманываютъ наши чувства: соль и сахаръ на видъ кажутся одно и тоже; смѣсь синяго цвѣта съ желтымъ издали намъ кажется зеленою; четвероугольная башня кажется круглою; обточенное желѣзо намъ кажется гладкимъ; посмотрите въ микроскопъ на лезвіе бритвы, и вы увидите, что оно зубчато, какъ пила. Вовторыхъ измѣненія, видимыя нами, совершаются иногда или такъ быстро, что глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ними, или такъ медленно (напр. постепенное развитіе дерева), что мы не можемъ хорошенько отличить другъ отъ друга періоды сихъ измѣненій.

Слѣдственно длятого, чтобы отдать себѣ отчетъ, какъ происходитъ какое-либо измѣненіе, мы должны найти средство разсмотрѣть его ближе, повѣрить одно наше чувство другимъ (напр. вкусъ увѣряетъ насъ, что соль есть соль, а сахаръ — сахаръ), — сверхътого должны мы сводить наши наблюденія, въ разныя времена сдѣланныя, наконецъ должны умѣть нѣсколько разъ повторить одно и тоже измѣненіе и сдѣлать его для насъ болѣе доступнымъ. Для всѣхъ сихъ наблюденій существуютъ такъ называемые снаряды (appareils), которые доставляютъ намъ возможность въ маломъ пространствѣ и сколько угодно разъ повторить тѣ измѣненія, которыя мы въ окружающихъ предметахъ замѣчаемъ рѣдко, или далеко отъ насъ, или въ огромныхъ массахъ.

Князь Одоевскій.

67. Что такое вѣтеръ?

Вѣтеръ есть движеніе воздуха.

Мы всегда окружены воздухомъ, но легкость и совершенная прозрачность его дѣлаютъ его нечувствительнымъ до тѣхъ поръ, покуда онъ не касается насъ въ своемъ движеніи. Мы ощущаемъ воздухъ лишь тогда, когда онъ приходитъ въ движеніе, или когда мы сами быстро разсѣкаемъ его массу. Когда мы бѣжимъ, наприм.,

или ѣдемъ въ открытомъ вагонѣ по желѣзной дорогѣ, мы разсѣкаемъ воздухъ и чувствуемъ его сопротивленіе. Въ другомъ случаѣ, онъ касается насъ при своемъ движеніи, и тогда мы говоримъ: *«вѣтрено»*.

Воздухъ, какъ и вода, есть жидкость, но жидкость болѣе тонкая и болѣе прозрачная. По весьма вѣрному замѣчанію, мы живемъ въ воздухѣ, какъ рыбы въ водѣ. Тихая погода равнозначительна съ спокойною водою; вѣтры же представляютъ быстро текущія воды.

Посреди моря бываютъ волны, совращающія корабли съ ихъ пути, и эти волны раздѣляются между собою массами неподвижной воды. Такія волны посреди морей — вѣрное подобіе вѣтровъ. И вѣтры, какъ воздушныя волны, движутся въ общей массѣ воздуха; и они совращаютъ съ пути всѣ плавающія въ воздухѣ тѣла: листья съ деревьевъ, облака, воздушные шары, пускаемые на публичныхъ гуляньяхъ.

Какъ волны морскія поднимаютъ со дна песокъ, такъ волны воздушныя колеблютъ на деревьяхъ листья, и увлекаютъ легкую пыль. Морскія теченія смѣшиваютъ воды, обтекающія весь земной шаръ; онѣ уравниваютъ температуру и соленость всѣхъ поясовъ: это какъ бы натуральное перемѣшиваніе. Тоже дѣлаютъ и воздушные потоки въ атмосферѣ. Они увлекаютъ за собою испорченный городской воздухъ въ деревни, гдѣ онъ очищается; они, такъ сказать, обмываютъ поверхность земнаго шара. Это *перемѣшиваніе* такъ совершенно, что гдѣ бы мы ни стали разлагать воздухъ, онъ вездѣ оказывается имѣющимъ одинъ и тотъже составъ.

68. Причина вѣтра.

Спросить о причинѣ вѣтра — все равно, что спросить, что заставляетъ воздухъ течь изъ одной стороны въ другую. Эта причина есть не другое что, какъ неравенство температуры.

Когда затопятъ печку, воздухъ подымается въ трубу, потому-что теплота имѣетъ свойство дѣлать воздухъ легче. Другая масса воздуха должна со всѣхъ сторонъ устремляться въ отверстіе печи, чтобы замѣнить струю, поднявшуюся кверху. Слѣд. теплота обусловливаетъ *тягу*. Всякій знаетъ, что на этомъ основано не только устройство нашихъ печей, но также устройство каминовъ для провѣтриванія рудниковъ;—въ этихъ каминахъ также образуется тяга, которая заставляетъ испорченный воздухъ подниматься кверху, и такимъ образомъ воздухъ очищается; теченіе воздуха при этомъ легко замѣтить по наклоненію лампъ.

Итакъ теплота, дѣлая воздухъ легче, заставляетъ его подыматься: это общій фактъ. Тяга воздуха есть необходимое послѣдствіе этого факта.

Когда открываютъ шлюзъ мельницы, вода резервуара, увлекаемая

своею тяжестію, стремится въ отверстіе. Около отверстія теченіе быстрѣе; далѣе быстрота менѣе замѣтна, но тѣмъ не менѣе вся масса стремится къ отверстію, вызываемая пустотою, которая безпрестанно образуется отъ стремленія воды. Подобное этому происходитъ и въ воздухѣ.

Только воздухъ стремится кверху, въ противоположность водѣ, которая своею тяжестію увлекается внизъ. Но то, что производитъ теплота въ одномъ направленіи, холодъ дѣлаетъ въ другомъ: холодъ, дѣлая воздухъ тяжелѣе, заставляетъ его опускаться внизъ, и тяга, вмѣсто снизу вверхъ, происходитъ сверху внизъ. Тутъ повторяется совершенно тотъже случай, какъ при вытеканіи воды чрезъ шлюзъ; здѣсь происходитъ настоящее паденіе воздуха.

Такъ-какъ въ различныхъ странахъ земнаго шара въ одно и тоже время бываетъ различная температура, и въ нашемъ полушаріи солнце грѣетъ на югѣ болѣе, чѣмъ на сѣверѣ; то наши теплыя страны дѣйствуютъ безпрерывно какъ печь, производящая тягу воздуха вверхъ, холодныя же страны дѣйствуютъ подобно открытому шлюзу, обусловливая теченіе воздуха внизъ.

Такова причина движеній, происходящихъ въ воздухѣ, такова причина перемѣщеній его массъ. Вѣтры суть естественное воспроизведеніе тяги воздуха въ нашихъ печахъ.

69. Общее направленіе вѣтра.

Если бы земная поверхность, а слѣд. и атмосфера, всюду нагрѣвалась равномѣрно; то плотность воздуха была бы тогда вездѣ одинакова, равновѣсіе не было бы нарушено, а потому не проявилось бы и стремленія возстановить это нарушенное равновѣсіе, т. е. не было бы вѣтровъ. Если же воздухъ будетъ нагрѣваться неравномѣрно, то ясно, что тамъ, гдѣ послѣдуетъ большее нагрѣваніе, онъ разширится, сдѣлается болѣе легкимъ, поднимется наверхъ, а междутѣмъ образовавшаяся внизу пустота будетъ замѣщаться притоками болѣе холоднаго воздуха съ боковъ, а нагрѣтый, поднявшійся вверхъ, разойдется вправо и влѣво по направленіямъ, которыя *противуположны нижнимъ токамъ*. — Вотъ основаніе вѣтровъ.

Въ краяхъ тропическихъ, гдѣ возникаютъ и теченія океана, беретъ свое начало и вѣтеръ въ его общемъ обширномъ проявленіи.

Отвѣсными лучами согрѣваетъ солнце подъ экваторомъ поверхность земли и океана, и подъ жгучимъ его вліяніемъ расширился нагрѣтый воздухъ, — болѣе легкій поднялся далеко вверхъ, въ воздушныя пространства. Поднялся, и, раздѣляясь на 2 вѣтви, свернулъ онъ вправо и влѣво, и течетъ къ далекимъ полюсамъ, постоянно охлаждаясь и все болѣе и болѣе опускаясь на поверхность земли. А междутѣмъ образовавшуюся пустоту подъ экваторомъ стремятся наполнить массы воздуха, притекая отъ полюсовъ съ

сѣвернаго и южнаго полушарій. Но лишь подошли эти массы къ странамъ экватора, какъ уже и сами нагрѣлись, поднялись вверхъ, и двинулись къ холоднымъ полюсамъ, вѣчно совершающимъ круговое вращеніе.

Итакъ мы видимъ, что отъ неравномѣрнаго нагрѣванія земной поверхности происходитъ вѣчное круговращеніе воздуха между экваторомъ и полюсами; видимъ, что надъ земною поверхностію всюду должны быть два теченія воздуха (или два вѣтра): нижнее отъ полюсовъ къ экватору, извѣстное подъ общимъ именемъ полярнаго, и верхнее — обратно, отъ экватора къ полюсамъ, извѣстное подъ именемъ *экваторіальнаго*.

Вѣтеръ нижній будетъ холодной, а вѣтеръ верхній будетъ теплый. Въ двоякомъ движеніи воздуха, не трудно убѣдиться самымъ простымъ опытомъ. Если зимою, въ хорошо натопленной комнатѣ, мы поднимемъ зажженную свѣчу къ низшей скважинѣ двери, пламя наклонится внутрь комнаты: это значитъ, что холодный воздухъ, растилаясь по полу, входитъ внизу въ комнату, Если же мы поднесемъ зажженую свѣчу къ высшей скважинѣ дверей, то пламя наклонится вонъ изъ комнаты, потому-что теплый воздухъ вверху выходитъ изъ комнаты. Этотъ опытъ удостовѣряетъ насъ въ существованіи двухъ слоевъ воздуха, какъ бы наложенныхъ одинъ на другой, и движущихся въ противоположныхъ направленіяхъ.

70. Значеніе вѣтра.

Теченія въ океанѣ водяномъ и въ океанѣ воздушномъ явились вслѣдствіе одной и тойже причины, неравномѣрнаго нагрѣванія и слѣдовательно нарушенія равновѣсія; родина этихъ явленій, въ ихъ общемъ проявленіи, одна и таже — края тропическіе. Но только воздушныя теченія, какъ имѣющія большую удобоподвижность и свободу, представляютъ большее разнообразіе въ своихъ ничѣмъ не стѣсненныхъ направленіяхъ.

Атмосфера погружена въ вѣчное, болѣе или менѣе, значительное движеніе: рѣдко можно видѣть, чтобы дымъ, выходя изъ трубы, поднялся высокимъ и прямымъ столбомъ; осина постоянно, даже и въ самую тихую погоду, шелеститъ и дрожитъ своими листочками.

Какое же значеніе въ земной жизни имѣетъ это постоянное передвиженіе атмосферы? Зачѣмъ массы воздуха, то тихо и медленно пробѣгаютъ земныя пространства, то мчатся стремительно, не видя преградъ, оставляя за собою вредъ и опустошеніе?

На счастіе и потребу человѣка нарушено и постоянно нарушается равновѣсіе атмосферы; для благостоянія его безсильно стремится она своими вѣтрами востановить это нарушенное равновѣсіе.

Вѣтры разносятъ поднявшуюся изъ океана воду по всѣмъ материкамъ, и питаютъ землю.

Высоко поднялась вода надъ океаномъ въ краяхъ тропическихъ при участіи могучей силы тепла; перешла въ холодные слои атмосферы, образовала тамъ облака, и понеслась, при содѣйствіи теплаго экваторіальнаго теченія, въ страны полярныя. Навстрѣчу же отъ полюсовъ идетъ иной потокъ, холодный и сухой. Въ темную тучу сгустились легкіе облачки, ближе къ землѣ опустилися, ироливнымъ дождемъ льются на наши поля и нивы, поятъ ручьи, рѣчки на потребу и благосостояніе человѣка.

Вѣтеръ, переходя изъ страны въ страну, очищаетъ и освѣжаетъ воздухъ. И если какая-либо страна, окруживъ себя горными хребтами, предохранить себя отъ вліянія вѣтра; то только тогда дѣло обойдется безъ грустныхъ послѣдствій, когда постоянная прохлада уничтожитъ нездоровое вліяніе застоявшагося воздуха; въ противномъ случаѣ, поднявшіяся изъ земли испаренія, не находя себѣ стока и заражая воздухъ, причинятъ многія болѣзни. Какъ примѣръ благопріятнаго положенія страны можно представить въ этомъ случаѣ Кашмиръ, въ Азіи, при Гималайскихъ горахъ. Долина эта замкнулась со всѣхъ сторонъ высокими, сплошными горами, такъ что ни одна лощинка не входитъ въ нее, и положительно нѣтъ сообщеній съ окружающею мѣстностію. Воздухъ покоенъ до такой степени, что озеро Вюллеръ раскинулось буквально зеркальною поверхностію, такъ-что челнокъ, разрѣзающій его ясныя воды, оставляетъ за собою слѣдъ на цѣлыя мили длиною, который, разбѣгаясь мелкою покойною рябью, доходитъ до далекихъ береговъ.

Акапулько, у западныхъ береговъ Мексики, долгое время отличался своимъ нездоровымъ климатомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ прорыли горы, окружающія его, высохла почва, и воздухъ очистился отъ вредныхъ испареній.

Вѣтры оказываютъ непосредственное вліяніе на температуру, влажность и давленіе воздуха, слѣд. однимъ словомъ, они оказываютъ вліяніе на состояніе погоды. А потому господствующій вѣтеръ извѣстной страны долженъ оказывать неминуемое вліяніе на климатъ этой страны, притомъ вліяніе до такой степени значительное, что его можно поставить почти равносильнымъ съ зависимостію страны отъ наибольшей высоты солнца или, что все равно, отъ широты мѣста. Вѣтры, въ ихъ спокойномъ состояніи, благодѣтельно дѣйствуютъ на земную жизнь; но вѣдь невсегда они медленно пробѣгаютъ по земнымъ пространствамъ и невсегда бываетъ благотворно ихъ дыханіе для всего живущаго. Случается, что сила ихъ возрастаетъ до невѣроятной степени, и мчатся они, не видя преградъ, нанося всему вредъ и опустошеніе; случается, что палящимъ зноемъ и ядомъ дышатъ они, распространяя смерть далеко кругомъ.

71. Буранъ.

Нигдѣ бури у насъ, въ Россіи, не бываютъ такъ часты и такъ сильны, какъ въ степяхъ, особенно въ восточныхъ, въ Заволожьи, по берегамъ Каспійскаго моря и въ Киргизскихъ-степяхъ. Наибольшее число ихъ бываетъ зимою, и наименьшее осенью. Зимою приходится по одной бурѣ на каждые 5 или 6 дней.

Сильные вѣтры въ степяхъ и въ Сибири имѣютъ даже особое названіе *бурана*, хотя въ метеорологическомъ смыслѣ они не составляютъ какого-либо особаго явленія. Дѣйствіе вѣтровъ, и само собою разумѣется, сильныхъ, такъ рѣзко въ степяхъ и такое имѣетъ вліяніе на людей и домашнихъ животныхъ, что у мѣстныхъ жителей существуетъ даже класификація бурановъ: есть бураны лѣтніе и бураны зимніе. Первые отличаются зноемъ, ими наносимымъ: при нихъ обдаетъ раскаленнымъ вѣтромъ, какъ паромъ въ банѣ; густая пыль стоитъ и кружится въ воздухѣ на необозримое пространство; въ городахъ запираютъ окна и ставни, но пыль проникаетъ все, что есть въ домѣ. Зимою бураны сопровождаются снѣгомъ и мятелью. Нѣкоторые названіе бурановъ придаютъ только зимнимъ, и дѣлятъ ихъ на *бураны сверху* и *бураны снизу*, смотря потому, падаетъ ли при этомъ снѣгъ сверху, или же сильнымъ вѣтромъ лишь вздымается съ земли, и кружится въ воздухѣ. Но въ оренбургской губерніи большею частью эти два случая различаютъ особыми названіями, называя одни *буранами*, а другіе — *мятелями*; въ мятели снѣгъ падаетъ сверху, а при буранѣ онъ взвивается снизу, съ земли. Трудно вообразить, говоритъ В. И. Даль, до какой степени человѣкъ и самыя даже животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то внутреннее чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго зимняго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ жилья, иногда почти на улицахъ селъ и деревень, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плутая все вкруговую. Скотъ бѣжитъ по вѣтру, забѣгаетъ безъ остановки за сотню верстъ, и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасти и крутояры, гдѣ и погибаетъ. Степный кайсакъ, который ведетъ васъ въ темную ночь, какъ въ ясный день, на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ вашимъ во время зимняго бурана, а если этотъ застаетъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, ложится, зарывается, если можно, въ снѣгъ, и выжидаетъ ведра.

Оренбургскимъ буранамъ не уступаютъ въ силѣ и даже превосходятъ ихъ—бураны южныхъ степей западной Сибири, степной части Алтайскаго округа и Киргизскихъ степей.

Чтобы составить себѣ понятіе объ ужасныхъ дѣйствіяхъ бурана, достаточно одного слѣд. примѣра. Въ 1816 г. бураны нагнали съ сѣверо-востока въ нынѣшніе уѣзды: царевскій, новоузенскій и

николаевскій, такое множество киргизскихъ, калмыцкихъ, и кундоровскихъ татарскихъ лошадей, что для разбора тысячи жалобъ, возникшихъ съ одной стороны отъ поселянъ о потравѣ лошадьми сѣна и хлѣба въ стогахъ и одоньяхъ, въ полѣ стоявшихъ, а съ противной стороны объ утайкѣ, самовольной распродажѣ и порчѣ лошадей крестьянами, требовалось учредить особую коммиссію, которая насчитала убытковъ, ордынскомъ скотомъ причиненныхъ, слишкомъ на 150,000 р. *К. Веселовскій.*

72. Мятель въ степи.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе, по слѣду, проложенному крестьнскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ! не прикажешь ли воротиться?»

—Это зачѣмъ?

«Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

—Что за бѣда?

«А вишь, тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

—Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.

«А вонъ—вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ покался мнѣ несиленъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ междутѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ —и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все изчезло. «Ну, баринъ,»—закричалъ ямщикъ: «бѣда! буранъ!.....»

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выл съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. «Чтожь ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—«Да что ѣхать?» отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка; «не

вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ.» — Я сталъ было его бранить.—Савельичъ за него заступился: «И охота было не слушаться,» — говорилъ онъ сердито: «воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» — Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хотъ признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели.... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!» закричалъ я: «смотри, что тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться. —«А Богъ знаетъ, баринъ,» — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: «возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.»

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!» закричалъ ему ямщикъ: «скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

«Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ,» отвѣчалъ дорожный: «да что толку?»

—«Послушай, мужичекъ,» сказалъ я ему: «знаешь ли ты эту сторону? Возмешься ли ты довести меня до ночлега?»

«Сторона мнѣ знакома,» отвѣчалъ дорожный: «слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.»

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ поворотно на облучокъ, и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жило не далеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.»—«А почему ѣхать мнѣ вправо?» «спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ; «гдѣ ты видишь дорогу? Не босъ, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой.» —Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ я: «почему думаешь ты, что жило недалече?» — А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ,» отвѣчалъ дорожный: «и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.» — Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то взъѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опу-

стилъ цыновку, закутался въ шубу, и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды. *А. Пушкинъ.*

73. Тифонъ.

Ураганъ обыкновенно опредѣляютъ такъ: это вращающійся, переходящій съ румба на румбъ вѣтеръ. Можно опредѣлить и такъ: «это такой вѣтеръ, который большія военныя суда, купеческіе корабли пароходы, джонки, лодки и все, что попадается на морѣ, иногда и самое море, кидаетъ на берегъ, а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадается на берегу, иногда и самый берегъ, кидаетъ на море. Съ нами ничего подобнаго этому не случилось, впрочемъ, можетъ-быть, оттого, что не было близко берега. Поэтому насъ вѣтеръ кидалъ лишь по морю, игралъ нами, какъ тигръ цыпленкомъ: схватитъ, ударитъ съ яростію о волны, поставитъ бокомъ.... Тутъ бы на дно, а оно перекинетъ на другой бокъ, подыметъ и поставитъ на минуту прямо, потомъ ударитъ сверху и погрузитъ судно въ хлябь; волны вытолкнутъ его назадъ, а вѣтеръ зареветъ, закружитъ, обрызжетъ и обольетъ корабль облакомъ воды, вырветъ паруса и торжествующій понесется по необозримому, мрачному пространству, гоня воду, какъ прахъ. Китайцы называютъ ураганъ «тайфунъ» т. е. сильный вѣтеръ, а мы измѣнили это слово въ тифонъ. *И. Гончаровъ.*

74. Бора.

Бора,—столь извѣстная на восточномъ берегу Чернаго моря—есть весьма сильный вѣтеръ, появляющійся неожиданно, дѣйствующій порывами съ невообразимою силою, и продолжающійся иногда болѣе трехъ сутокъ сряду, часто при сильномъ холодѣ. Самые ужасные ураганы Тихаго Океана и Антильскихъ острововъ, дующіе въ продолженіе 6 и даже 10 часовъ, въ нѣкоторомъ отношеніи не такъ страшны, какъ *бора*. Разрушительное дѣйствіе боры особенно извѣстно жителямъ города Новороссійска, возникшаго недавно на восточномъ берегу Чернаго моря, въ углубленіи очаровательнаго Новороссійскаго Залива, посреди самаго живописнаго мѣстоположенія. Заливъ Новороссійскій, протягивающійся къ сѣверо-западу, защищенъ съ востока и сѣверо-востока отрогомъ горнаго хребта, въ 1000 ф. возвышенія; городъ съ двумя фортами расположенъ на юго-западномъ его берегу. Непостижима сила крутящагося вѣтра, который, срывая въ заливѣ воду, несетъ ее и кропитъ водяною пылью отдаленныя деревья и зданія, и сворачиваетъ желѣзныя крыши въ тонкую трубку. Во время боры часовые укрываются за ближній брустверъ; въ фортахъ не слышно никакихъ сигналовъ; ни какой пожаръ не имѣетъ силы загорѣться; человѣкъ, застигнутый борою на площади, обязанъ предаться волѣ вѣтра, и ложась

на землю, катится до перваго забора; на берегу песокъ и мелкіе камни летаютъ тучею. Въ зимнюю бору въ десять минутъ леденѣетъ платье, и примерзаетъ къ тѣлу; капли воды замерзшими иглами бьютъ въ лицо, и язвятъ до крови. При морозѣ въ 16° и болѣе, срываемая вѣтрами вода, примерзая къ корпусу и рангоуту судовъ, образуетъ родъ ледяной коры, безпрестанно увеличивающейся въ объемѣ и бывающей причиною гибели судовъ, которыя отъ тяжести льда идутъ ко дну; заливъ одѣвается мрачнымъ туманомъ; на кораблѣ невозможно отдать никакого приказанія противъ вѣтра; по всѣмъ скважинамъ блоковъ, мачтъ и снастей, бора отзывается заунывнымъ, оглушительнымъ свистомъ.

Предъ появленіемъ боры всегда бываетъ чистое небо; небольшія бѣлыя облака по временамъ показываются на безлѣсной вершинѣ хребта. Вдругъ рождается вихрь, который, стремительно низвергаясь по склону горъ, съ каждою секундою возрастаетъ въ силѣ, до тѣхъ поръ, пока не изчезаетъ появившееся облачко. Пробѣгая плотною массою, вихрь приноситъ внизъ съ встрѣчающихся по пути деревъ синеватый туманъ и сильный смолистый запахъ горѣлаго дерева, а лѣтомъ и весною благоуханія полевыхъ и древесныхъ цвѣтовъ. Съ непостижимою быстротою мѣняя свое направленіе, едва коснется онъ воды залива, вода вдругъ вскипаетъ частыми гребнями, и теряя цвѣтъ, съ оглушительнымъ воемъ предается волѣ вихря. Въ срединѣ залива бора бываетъ рѣдко, и если налетаютъ туда вихри, то не такіе сильные. Часто случается, что въ ущельи укрѣпленія Кабардинскаго бываетъ совершенная тишина, тогда-какъ въ Новороссійскѣ бушуетъ бора, и наоборотъ: въ горномъ ущельи Кабардинскомъ свирѣпствуетъ бора, а въ Новороссійскѣ все тихо и спокойно. Бора, повидимому, не подчиняется никакимъ періодическимъ законамъ, безпрерывно измѣняется и посѣщаетъ мгновенно, неожиданно, безъ замѣтныхъ причинъ.

Одна изъ самыхъ страшныхъ, памятныхъ боръ разразилась надъ Новороссійскомъ 13-го января, 1848 года, и была причиною погибели и бѣдствія судовъ, стоявшихъ тамъ на якорѣ.

К. Веселовскій.

75. Смерчи.

Всякому нерѣдко случалось видѣть, какъ при тихомъ вѣтрѣ иногда вдругъ на землѣ образуются круговращенія вѣтра, подымающія на воздухъ разныя легкія тѣла, какъ напр. пыль, древесныя листья и т. п. Подобное, но лишь въ большемъ размѣрѣ совершающееся явленіе составляютъ *смерчи*, которые суть сильныя круговращенія воздуха, возникающія преимущественно при взаимной встрѣчѣ двухъ, одного другому противоложныхъ вѣтровъ, или когда вверху дуетъ сильный вѣтеръ, а внизу безвѣтріе. Такіе крутящіеся вихри, или смерчи, случающіеся какъ на морѣ, такъ на су-

шѣ, составляютъ у насъ вообще довольно рѣдкое явленіе; но иногда они достигаютъ страшной силы. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ: въ 1844 г., 12 іюня, въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи, въ смежныхъ между собою селеніяхъ Токмаковкѣ и Черниговкѣ пронесся смерчъ, послѣ проливнаго дождя; сорвалъ много крышъ, разломалъ нѣсколько деревянныхъ сараевъ до основанія, разметалъ скирды хлѣба и стоги сѣна, и нанесъ немало убытковъ.

76. Испаренія.

Воздухъ никогда не бываетъ совершенно сухъ. Въ немъ всегда заключается нѣкоторое количество водяныхъ паровъ: и чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ онъ *влажнѣе*; чѣмъ менѣе, тѣмъ онъ *суше*.

Количество водяныхъ паровъ имѣетъ опредѣленную границу, и когда она достигается, обыкновенно говорятъ, что воздухъ *насыщенъ*. Когда же водяные пары переходятъ эту границу, то они не могутъ оставаться прозрачными. Излишекъ сгущается и ниспадаетъ.

Количество насыщенія воздуха зависитъ впрочемъ отъ температуры. Чѣмъ воздухъ теплѣе, тѣмъ болѣе онъ можетъ содержать въ себѣ прозрачныхъ паровъ; чѣмъ воздухъ холоднѣе, тѣмъ менѣе онъ можетъ ихъ содержать въ себѣ.

Изъ выраженія *прозрачные пары* нельзя однако заключить, чтобы они были незамѣтны. Напротивъ, они-то и ослабляютъ лазурный цвѣтъ неба. Чѣмъ ихъ болѣе въ воздухѣ, тѣмъ небо блѣднѣе, горизонтъ кажется болѣе сѣроватымъ, какъ это бываетъ по утрамъ весною. Предметы кажутся дальше, влажность воздуха дѣлается значительною.

Чѣмъ далѣе подвигается день, тѣмъ темнѣе становится лазурь неба, предметы какъ будто бы придвигаются, и намъ кажется возможнымъ разговаривать съ особами, находящимися отъ насъ на весьма далекомъ разстояніи. Все это потому, что воздухъ дѣлается чище, и влажность значительно уменьшается.

Итакъ пары, не смотря на свою прозрачность, лишаютъ прозрачности массу воздуха, и какъ бы набрасываютъ на всѣ предметы сѣроватый оттѣнокъ. Весьма важно однакоже умѣть отличать пары отъ тумана и облаковъ. Пары растворены въ самомъ воздухѣ, а туманъ и облака отдѣльны отъ него.

Вода испаряется безпрестанно, и своими испареніями поддерживаетъ влажность воздуха. При поверхности моря, воздухъ заключаетъ въ себѣ влажности столько, сколько ея можетъ въ немъ заключаться: воздухъ тамъ насыщенъ парами. Но внутри материковъ воздухъ невполнѣ насыщенъ парами.

Если воздухъ насыщенъ, то онъ не можетъ принимать въ себя болѣе влажности: тогда испареній болѣе съ поверхности земли не поднимается. Если воздухъ не насыщенъ парами, тогда всѣ влаж-

ные предметы даютъ пары и сохнутъ. Степень высушиванія предметовъ зависитъ слѣдовательно отъ сухости воздуха.

Далѣе, если воздухъ неподвиженъ; то испареніе тотчасъ прекращается, потому-что воздухъ скоро насыщается парами.

Если же воздухъ находится въ движеніи, если безпрерывно притекаютъ новыя струи сухаго воздуха; то въ такомъ случаѣ испареніе продолжается, а вмѣстѣ съ нимъ и высушиваніе.

Эти обстоятельства объясняютъ намъ, почему восточные вѣтры самые жалательные для сѣна, ржи и для нѣкоторыхъ красильныхъ операцій. Вѣтры эти сухи, и слѣдовательно обусловливаютъ дѣятельное испараніе. Западные же влажные вѣтры, напротивъ, суть самые дурные.

Итакъ *испареніе увеличивается отъ сухости и силы вѣтра.*

Но дѣйствіе испаренія ведетъ за собою другое физическое послѣдствіе—охлажденіе. Всѣмъ извѣстно, что развѣшенное на вѣтру мокрое бѣлье холоднѣе сухаго. Стало-быть *испареніе сопровождается охлажденіемъ.*

Изъ этого наблюденія мы можемъ понять, почему наши собственныя ощущенія невсегда совпадаютъ съ показаніями термометра. Случается, что мы дрожимъ отъ холода, когда термометръ показываетъ на 4° или 5° тепла. Въ другой разъ мы изнемогаемъ отъ жару въ 20°, тогда-какъ иногда жаръ въ 25° кажется намъ сноснымъ.

Дѣйствительно, наши органы страдаютъ не столько отъ жару и холоду, сколько отъ испаренія. Наше тѣло всегда болѣе или менѣе покрыто испариною. Испареніе этой влажности охлаждаетъ безпрерывно поверхность нашего тѣла. Когда испареніе сильно, мы не чувствуемъ жара въ настоящей его степени.

Всѣ путешествующіе на сѣверъ и испытавшіе морозы въ —30°, —40° и даже болѣе, единогласно утверждаютъ, что пока испареніе съ поверхности кожи происходитъ медленно, до тѣхъ поръ они не страдали отъ суровости температуры. Какъ же скоро вѣтеръ ускоряетъ испареніе, чувство холода дѣлается невыносимымъ, страданіе начинается, кожа высыхаетъ и трескается.

Итакъ холодъ для насъ менѣе чувствителенъ при воздухѣ влажномъ и спокойномъ, и дѣлается весьма ощутительнымъ при сухомъ вѣтрѣ. По этой же самой причинѣ, тепло дѣлается для насъ утомительнымъ, когда воздухъ влаженъ и спокоенъ; когда же онъ сухъ и находится въ движеніи, то его теплота дѣйствуетъ на насъ только отчасти.

Такимъ образомъ наша кожа всегда холоднѣе, потому-что она постоянно подвержена испаренію. По этой же причинѣ и растенія меньше страдаютъ отъ холода въ тихія ночи. Но если при той

же самой температурѣ подуетъ восточный вѣтеръ; тогда влага, покрывающая растенія, испаряется, ихъ ткани изсушаются, и листья свертываются.

Изъ этого слѣдуетъ, что собственными нашими ощущеніями мы не можемъ судить о настоящей степени температуры, ибо мы находимся не въ одинаковыхъ условіяхъ съ термометромъ: онъ сухъ, а наша кожа влажна. Но стоитъ приложить мокрое полотно къ шарику термометра, онъ тотчасъ начнетъ опускаться и будетъ показывать ниже термометра съ сухимъ шарикомъ до тѣхъ поръ, пока полотно будетъ влажно *. Температура, обозначившаяся тогда на термометрѣ, будетъ ниже настоящей. Эту самую температуру ощущаютъ всѣ органическія существа, растенія и даже человѣкъ. Разность эта доходитъ иногда до 10°, и даетъ намъ мѣру степени сухости воздуха.

77. Роса.

Когда масса воздуха, заключающая въ себѣ водяные пары, находится въ соприкосновеніи съ холодными предметами; тогда часть паровъ сгущается на этихъ предметахъ, и осѣдаетъ на ихъ поверхность въ видѣ капель: это *роса*. Если напр. мы дуемъ на стекло и металлъ, то они тускнѣютъ, потому-что они холоднѣе выдыхаемаго нами воздуха. Точно тоже происходитъ при образованіи росы. Пары осѣдаютъ на предметахъ, вслѣдствіе охлажденія. Но если предметы имѣютъ одинакую съ воздухомъ теплоту, или теплѣе воздуха, ихъ касающагося, тогда осажденія паровъ не бываетъ: теплота этихъ предметовъ вмѣсто того, чтобы сгущать пары въ воду, увеличиваетъ испареніе; слѣд. въ такомъ случаѣ росы не бываетъ. Итакъ, въ общихъ словахъ, *роса осаждается только на тѣ предметы, которые холоднѣе воздуха.*

Стекла нашихъ комнатъ покрываются влажностію, когда въ комнатѣ тепло, а на дворѣ холодно. Тогда дѣйствительно стекла безпрерывно охлаждаются внѣшнимъ воздухомъ; они производятъ на воздухъ дѣйствіе холоднаго тѣла; роса ложится на нихъ. Зимою роса замерзаетъ; въ такомъ видѣ она называется *инеемъ*.

Точно также, въ началѣ оттепели, въ то время, когда воздухъ нагрѣвается, а стѣны строеній еще холодны, вода сгущается въ видѣ капель на ихъ холодной поверхности. Это тоже роса, и влажность продолжаетъ осѣдать на стѣны до тѣхъ поръ, пока онѣ сдѣлаются такъ же теплы, какъ воздухъ.

---

* Законъ этотъ подтверждается морозомъ, потому-что ледъ также испаряется. Налейте воды на полотно, и дайте ей замерзнуть. Термометръ, къ шарику котораго вы приложите замерзшее полотно, будетъ холоднѣе шарика, непокрытаго полотномъ; онъ будетъ показывать морозъ сильнѣе настоящаго.

Какая же причина можетъ сдѣлать почву и растенія холоднѣе воздуха? Мы знаемъ только одну, а именно: исхожденіе теплоты въ видѣ лучей. И потому количество росы зависитъ отъ степени исхожденія теплоты въ видѣ лучей: къ концу ночи роса бываетъ обильнѣе; она преимущественно осаждается на тонкихъ и развернутыхъ частяхъ растеній.

Исхожденіе теплоты въ видѣ лучей продолжается безпрерывно отъ захожденія солнца до восхожденія, такъ-что въ этотъ промежутокъ времени охлажденіе тѣлъ должно постоянно увеличиваться. Изъ этого понятно, отчего роса обильнѣе въ концѣ ночи, нежели въ началѣ. Но если подымется вѣтеръ, испареніе дѣлается сильнѣе, и въ такомъ случаѣ, по мѣрѣ появленія испаренія, роса изчезаетъ.

Съ другой стороны, если небо заволакивается облаками, то земля перестаетъ испускать лучистую теплоту, и перестаетъ охлаждаться; предметы, на землѣ находящіеся, тотчасъ нагрѣваются отъ прикосновенія воздуха: и въ этомъ случаѣ росы не бываетъ.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, *роса значительно обильнѣе въ тихую погоду и при ясномъ небѣ.*

Мы сказали тоже, что роса преимущественно осѣдаетъ на предметы тонкіе и развернутые. При восхожденіи солнца, мы видимъ капли ея на концахъ листковъ и на волоскахъ, покрывающихъ растенія. И дѣйствительно, тонкіе предметы охлаждаются гораздо скорѣе. Желѣзная проволока остываетъ скорѣе желѣзной полосы. Если мы поставимъ термометръ на большой камень, то теплота камня будетъ безпрестанно передаваться термометру въ то время, какъ изъ термометра она будетъ исходить въ видѣ лучей; лучистая теплота будетъ вознаграждаться теплотою камня. Но листокъ только тоненькимъ черешкомъ соединенъ съ растеніемъ. Онъ, такъ сказать, одинокъ стоитъ посреди окружающаго его воздуха. Потерявъ теплоту, онъ не можетъ ее болѣе получить изъ земли чрезъ посредство своего стебля.

Такова причина, обусловливающая обиліе росы на листкахъ, на волоскахъ растеній, на жнивѣ, на веревкахъ, на бороздахъ вспаханной земли. Если ночь была достаточно холодна, роса превращается въ иней, который блеститъ на растеніяхъ при восхожденіи солнца.

Утромъ, испареніе, образующееся отъ дѣйствія солнца и вѣтра, уничтожаетъ слѣды росы. Впрочемъ иногда роса сливается на землю, увлажаетъ почву и питаетъ ключи. Количество росы бываетъ значительно въ лѣсахъ, потому-что нигдѣ нѣтъ такого скопленія листьевъ и вѣтвей. Поэтому-то въ лѣсахъ всегда сырѣе, а сосѣдніе имъ источники обильнѣе водою.

78. Туманъ.

Для тумана нужно совершенно противоположное состояніе температуры.

Когда воздухъ насыщенъ, испареніе останавливается. Но если температура насыщенной массы увеличится, то воздухъ, нагрѣвшись, дѣлается способнымъ растворять въ себѣ бо́льшее количество паровъ, и тогда испареніе снова начинается. Но если температура понизится, то воздухъ не можетъ содержать въ себѣ таковое же количество паровъ, и часть ихъ должна отдѣлиться отъ воздуха и переходить въ *туманъ*. Излишекъ (если можно такъ выразиться) изъ прозрачнаго пара превращается въ прозрачные туманные шарики.

Такимъ образомъ образованіе тумана есть явленіе противоположное испаренію. Туманъ есть переходъ прозрачныхъ паровъ воздуха въ состояніе жидкости. Роса образуется только въ соприкосновеніи съ холодными тѣлами, туманъ же распространяется во всей массѣ воздуха.

Роса раждается отъ прикосновенія теплаго воздуха къ холоднымъ предметамъ. Для появленія же тумана, напротивъ, нужно, чтобы вся масса испареній теплой земли была задержана холоднымъ воздухомъ.

И потому *туманъ появляется только тогда, когда земля теплѣе воздуха*. Его образованіе требуетъ условій, совершенно обратныхъ условіямъ, при которыхъ появляется роса.

Появленіе росы преимущественно замѣчается весною и лѣтомъ, послѣ ясныхъ ночей. Самая эта ясность предвозвѣщаетъ хорошій день.

Туманъ появляется преимущественно осенью и зимою. Холодный воздухъ протекаетъ тогда надъ поверхностію, которая теплѣе его. Мы видимъ пары, подымающіеся изъ земли, рѣкъ и болотъ. Испареніе по мѣрѣ того, какъ поднимается выше, изчезаетъ.

Изъ того, что туманъ образуется въ массѣ воздуха, а роса сгущается только на предметахъ охлажденныхъ, слѣдуетъ еще та разница, что туманъ увлаживаетъ всѣ предметы, до которыхъ онъ касается, роса же осѣдаетъ только на нѣкоторыя части предметовъ.

79. Облака.

Нѣтъ существеннаго различія между туманомъ и облаками. Говорятъ, что туманъ стелется по землѣ, а облака висятъ въ воздухѣ. Но всѣ путешествовавшіе по горамъ знаютъ, что можно проходить чрезъ облака на всѣхъ высотахъ. Даже въ Арденахъ, въ долинахъ Лессы и Семуа, нужно пройдти сквозь облака, чтобы достигнуть до нагорныхъ равнинъ. Слѣдовательно то, что́ есть облако для жителя долины, будетъ для горнаго обитателя туманомъ, который его окружаетъ.

Все, что мы сказали объ образованіи тумана, въ точности прилагается къ образованію облаковъ. *Всякій разъ, когда масса воздуха перейдетъ предѣлъ насыщенія парами, появляются облака.*

Охлажденіе массы воздуха влечетъ за собою сгущеніе прозрачныхъ паровъ. Точно также образуются бѣловатыя волны тумана, вырывающіяся изъ трубъ локомотивовъ. Онѣ представляютъ намъ настоящія—искусственныя облака.

Другая причина сгущенія паровъ есть смѣшеніе двухъ массъ воздуха, имѣющихъ различныя температуры. Физики доказываютъ, что если взять двѣ массы насыщеннаго воздуха, одну теплѣе, другую холоднѣе, то смѣсь этихъ массъ не можетъ содержать въ себѣ всего количества паровъ, находившихся въ каждой массѣ. Мы принимаемъ этотъ законъ, какъ результатъ опыта.

Изъ этого слѣдуетъ, что если южный вѣтеръ, теплый и насыщенный парами, встрѣтится съ сѣвернымъ вѣтромъ, холоднымъ, но одинаково насыщеннымъ парами, то отъ этого столкновенія, необходимо, часть прозрачныхъ паровъ отдѣлится и образуетъ облака. Вообще всякая *встрѣча двухъ насыщенныхъ парами вѣтровъ не можетъ произойдти безъ образованія облаковъ.*

Итакъ отъ прямаго охлажденія или отъ смѣшенія,—воздухъ, насыщенный парами, способенъ воспроизводить облака. Напротивъ, если воздухъ далекъ отъ точки насыщенія, если онъ сухъ, то необходимы гораздо большія измѣненія, чтобы онъ отдѣлилъ изъ себя часть паровъ.

Слѣдовательно *состояніе влажнаго воздуха непостоянно:* малѣйшая перемѣна можетъ нарушить его прозрачность. *Состояніе же сухаго воздуха постоянно:* только большія измѣненія способны лишить его прозрачности.

Что воздухъ влаженъ, можно узнать по слѣдующимъ признакамъ: когда испареніе медленно или его вовсе нѣтъ, когда шарики термометровъ, смоченный и сухой, показываютъ оба одну и туже температуру; клубы паровъ (искусственныя облака), исходящіе изъ паровыхъ машинъ, трудно распускаются въ воздухѣ, когда туманъ, вмѣсто того, чтобы разсѣяваться, сгущается.

Напротивъ, если тѣла сушатся, вмѣсто того, чтобы дѣлаться влажными, если термометръ съ влажнымъ шарикомъ показываетъ замѣтный холодъ, если пары локомотивовъ легко распускаются въ воздухѣ и быстро изчезаютъ,—то всѣ эти обстоятельства показываютъ, что воздухъ сухъ и далеко отъ точки насыщенія парами.

Въ первомъ случаѣ, облака вѣроятно разрѣшатся дождемъ; во второмъ, онѣ перейдутъ въ состояніе прозрачныхъ паровъ.

80. Дождь и снѣгъ.

Послѣднее дѣйствіе облаковъ есть *дождь.* Посредствомъ дождя, вода, поднятая съ земли, возвращается опять на землю. Снѣгъ от-

личается отъ дождя только тѣмъ, что падаетъ кристаллизованными, а не жидкими каплями.

Когда облака не поддерживаются восходящими токами, или когда они не растворяются вслѣдствіе сосѣдства сухаго воздуха; тогда они, какъ и туманы, разрѣшаются мелкими каплями, при своемъ паденіи мало-помалу увеличивающимися.

Если облако бѣловато, а просвѣтъ неба имѣетъ темно-синій цвѣтъ; то это значитъ, что капли тумана не велики, и воздухъ, ихъ окружающій, не содержитъ въ себѣ паровъ. Вотъ двойная причина, по которой мы не должны ожидать дождя. Если же облака сѣры, а просвѣты неба бѣловаты, значитъ капли дождя велики, и воздухъ влаженъ: тогда по всему вѣроятію будетъ дождь.

Облако разрѣшается дождемъ только тогда, когда капли воды, составляющія его, пріобрѣтаютъ нѣкоторую величину. Въ этихъ-то капляхъ образуются *круги*, видимые нами ночью въ облакахъ около луны. Если капли малы, то діаметръ круга бываетъ большій; если же капли велики, кругъ сжимается, приближается къ лунѣ, и почти касается ея.

Итакъ круги эти предвѣщаютъ дождь только тогда, когда діаметръ ихъ малъ. Въ противномъ же случаѣ дождя ожидать нельзя.

Случается иногда, что большіе круги начинаютъ постепенно съуживаться; въ такомъ случаѣ можно ожидать, что чрезъ короткое время облака разрѣшатся дождемъ.

Круги эти бываютъ весьма часто, но мы ихъ невсегда видимъ; мы замѣчаемъ ихъ только ночью, когда они являются около луны. Однако они бываютъ и днемъ около солнца; но тогда, при блескѣ солнца, ихъ трудно замѣтить. Впрочемъ стоитъ только посмотрѣть на облака въ закопченное стекло, и въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразятся солнечные круги. Въ тѣ дни, когда утренній туманъ не легко разсѣявается, можно узнать этимъ способомъ, разрѣшатся ли облака дождемъ, или они разсѣются, смотря по тому, уменьшается діаметръ круговъ около солнца, или увеличивается.

Изъ сказаннаго нами можно вывести слѣдующее, строго-вѣрное правило: съ *увеличеніемъ объема капель съуживается кругъ; съ испареніемъ же капель, кругъ расширяется.* Въ первомъ случаѣ должно ожидать дождя, во второмъ же—разсѣянія облаковъ.

Въ то самое время, когда образуются облака, мы видимъ ихъ иногда окрашенными въ красный цвѣтъ. Когда пары изъ прозрачныхъ переходятъ въ состояніе тумана, то при этомъ переходѣ бываетъ моментъ, когда они проходящимъ сквозь нихъ свѣтовымъ лучамъ сообщаютъ особенный цвѣтъ. Фактъ этотъ можно провѣрить очень простымъ опытомъ. Если на желѣзной дорогѣ вамъ случится проѣхать довольно значительное пространство въ туннелѣ; то паръ, выходящій изъ локомотива и превращающійся въ туманъ, представитъ примѣръ тогоже самаго окрашиванія. Стоитъ вамъ

*

только обернуться назадъ, и сквозь клочковатую массу пара, который вслѣдъ за собою оставляетъ машина, вы увидите въ концѣ туннеля свѣтъ, но свѣтъ этотъ обыкновенно имѣетъ оранжевый отливъ, который по мѣрѣ удаленія вашего дѣлается постоянно темнѣе, и наконецъ переходитъ въ красноватый.

Это явленіе вполнѣ изображаетъ красный цвѣтъ неба, замѣчаемый нами на горизонтѣ при восхожденіи и захожденіи солнца. Яркость цвѣта всегда пропорціональна количеству паровъ, переходящихъ изъ прозрачныхъ въ состояніе тумана. Это есть видимый признакъ сгущенія паровъ. Чѣмъ ярче красный цвѣтъ, тѣмъ дѣятельнѣе происходитъ сгущеніе паровъ. Яркость цвѣта означаетъ влажность воздуха, появленіе облаковъ, а съ ними близость атмосферическихъ движеній и дождя.

Въ моментъ сгущенія паровъ, въ тотъ моментъ, когда въ большомъ обиліи образуются капли, и когда начинаетъ падать дождь, происходитъ значительное отдѣленіе электричества. Скорость отдѣленія зависитъ отъ скорости сгущенія самихъ паровъ. Поэтому, когда дождь падаетъ тихо, когда облака разрѣшаются медленно, тогда электрическія явленія мало замѣтны. Если же дождь ускоряется, и облака мгновенно превращаются въ массу воды, тогда электричество не успѣваетъ разсѣяваться, и разражается громовыми ударами.

Это объясняетъ намъ, отъ чего во время грозы молнія сопровождаетъ усиленіе дождя. Дѣйствительно, это усиленіе дождя происходитъ отъ новаго смѣшенія воздушныхъ массъ, происходящаго отъ быстрыхъ порывовъ вѣтра. Отъ этого происходитъ быстрое сгущеніе паровъ и въ значительномъ количествѣ. Въ одно мгновеніе потоки воды льются изъ облаковъ, а съ ними вмѣстѣ и потоки электричества, развившагося сгущеніемъ паровъ. Дождь и молнія вмѣстѣ выходятъ изъ облака. И если усиленіе дождя всегда слѣдуетъ за молніею, то это оттого, что онъ идетъ сверху, и потребно нѣкоторое время, чтобы ему достигнуть до насъ.

Слѣдовательно можно вывести правило, что *электрическія явленія атмосферы суть слѣдствія; а не причина грозъ.*

Мы можемъ принять, что обыкновенные дожди отъ дождей, сопровождающихъ грозы, отличаются только количествомъ воды, и что какъ тѣ, такъ и другіе обусловливаютъ отдѣленіе электричества.

Слѣдовательно не нужно дѣлать особаго отдѣла для разсмотрѣнія электрическихъ облаковъ.

Когда капли дождя, образовавшіяся въ высшемъ тепломъ токѣ воздуха, или въ какомъ-нибудь облакѣ, согрѣтомъ солнцемъ, при своемъ паденіи встрѣчаютъ токъ холодный, то часто онѣ упадаютъ на землю замерзшими. Тогда онѣ падаютъ въ видѣ *града.* Изъ этого видно, отъ чего градъ преимущественно сопровождаетъ весенніе дожди, когда встрѣча южныхъ вѣтровъ съ сѣверными совпа-

даетъ съ быстрымъ пониженіемъ температуры въ высшихъ слояхъ. Въ это же самое время идетъ у насъ обыкновенно крупный рѣдкій дождь, который есть не иное что́, какъ растаявшій градъ.

Зимою, послѣ жестокаго и продолжительнаго холода, если начнетъ дуть теплый вѣтеръ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, то часто идетъ этотъ крупный дождь, всегда очень холодный. Упадая на землю, капли его опять замерзаютъ, и производятъ *гололедицу*. Обыкновенно это явленіе сопровождается быстрымъ пониженіемъ барометра; теплый токъ воздуха болѣе и болѣе беретъ перевѣсъ, и вскорѣ должно ожидать оттепели.

Часто спрашиваютъ, почему градъ чаще идетъ днемъ, нежели ночью. Дѣйствительно, это замѣчаніе справедливо и для града и для грозъ. Чтобы отвѣчать на это замѣчаніе, стоитъ сказать, что шквалы, или порывистые вѣтры, чаще дуютъ днемъ. Неравенство температуры производитъ эти необыкновенные вѣтры, которые заставляютъ распространяться главные вѣтры, заставляютъ ихъ быстро переноситься то къ востоку, то къ западу. Въ какое же время неравномѣрность температуры замѣтна болѣе, если не днемъ, когда одна страна бываетъ болѣе нагрѣта солнцемъ, а другая, сосѣдняя съ нею, находится въ тѣни облаковъ? Днемъ порывы вѣтра не только быстрѣе, но и сильнѣе. Опытъ, дѣйствительно, подтверждаетъ, что быстрое сгущеніе паровъ, образованіе града, ливня, грозы, всегда чаще бываютъ днемъ, нежели ночью.

Мы уже видѣли, что по мѣрѣ возвышенія увеличивается и холодъ. На каждые 93 сажени вверхъ (200 метровъ), температура понижается почти на одинъ градусъ. Слѣдовательно, когда у насъ на равнинѣ 5°, на высотѣ въ 468 саж. (4,000 метр.) будетъ 0°. Снѣгъ образуется тогда, когда облака разрѣшаются медленно, при температурѣ ниже нуля.

При легкомъ морозѣ снѣгъ идетъ обильно большими и тяжелыми хлопьями. При большомъ морозѣ снѣгъ дѣлается рѣже, хлопья его малы и легки, они весьма скоро перестаютъ падать и превращаются въ снѣжную пыль. Рѣдко случается, чтобы шелъ снѣгъ, когда термометръ показываетъ—15°. При этой степени холода, количество паровъ, которое можетъ содержаться въ воздухѣ, недостаточно для образованія большихъ облаковъ.

81. Дерзость и смиреніе.

Однажды въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ вмѣсто того, чтобы осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами, и сказалъ ему: «Да, братъ! я въ самомъ дѣ-

лѣ такой грѣшникъ, какъ ты подумалъ обо мнѣ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибы я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей келліи: прости меня грѣшнаго Бога ради въ моемъ безуміи.» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ, невѣждою. «Нѣтъ, братья, говорилъ имъ монахъ, дерзкій и невѣжда-то я, а не онъ; всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобы мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ келліи» Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ Старицкаго богородичнаго монастыря, именемъ Діонисій *. *С. Соловьевъ.*

82. Месть Линнея Бюффону.

Линней встрѣчалъ много возраженій со стороны Бюффона, и на нихъ ему никогда не отвѣчалъ. Впрочемъ онъ не былъ нечувствителенъ къ его возраженіямъ, и отмѣтилъ ихъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Изслѣдывая дикую свою страну, онъ нашелъ растеніе изъ рода гвоздикъ, которое не было еще опредѣлено. Оно было не красиво, росло только по сухимъ мѣстамъ, и почти всегда служило убѣжищемъ для жабъ (Bufo). Линней **, опредѣливши ему

---

* Это тотъ самый Діонисій (умеръ 1632 г.), который въ послѣдствіи времени, бывши архимандритомъ Троицко-сергіевской лавры, оказалъ незабвенныя заслуги отечеству въ смутное время самозванцевъ.

** Линней родился въ маѣ 1707 года въ Росгультѣ (Roshult), въ приходѣ Стендрогультѣ, въ провинціи Смаландѣ, на югѣ Швеціи. Отецъ его, помощникъ пастора, отдалъ его въ вексіопскую школу, чтобъ приготовить его въ пасторы. Но расчеты отца не оправдались: сынъ, по словамъ учителей школы, рѣшительно не годился для духовнаго званія. Тогда бѣдный отецъ послалъ своего сына въ лундскій университетъ учиться медицинѣ. Здѣсь онъ жилъ нѣсколько лѣтъ у профессора и королевскаго лейбъ-медика Стобеуса, который обратилъ вниманіе на прилежаніе и познанія своего пансіонера въ естественныхъ наукахъ, открылъ ему доступъ къ своей богатой библіотекѣ и коллекціямъ (собраніямъ) минераловъ, раковинъ и сушеныхъ растеній, и обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ. Изъ лундскаго университета Линней перешелъ въ университетъ упсальскій, гдѣ и кончилъ курсъ медицины.

По окончаніи курса, онъ поселился въ Стокгольмѣ. Сдѣлавшись извѣстнымъ врачомъ, Линней всею душой желалъ занять каѳедру ботаники въ Упсалѣ. Желаніе его исполнилось; онъ сдѣлался наконецъ профессоромъ въ университетѣ. Вліяніе его въ университетѣ было чрезвычайно велико; число слушателей возрастало съ каждымъ годомъ, и доходило до тысячи и полторы тысячи (въ 1750 году), тогда какъ прежде оно никогда не восходило выше 500; въ числѣ слушателей было много иностранцевъ, потому-что слава его распространилась по всей Европѣ, и перешла даже въ Америку. Такое увлеченіе лекціями профессора нисколько неудивительно: наука, по словамъ одного изъ его многочисленныхъ слушателей, съ какою-то особенною прелестью вытекала изъ его устъ; онъ говорилъ убѣдительно, ясно, обнаруживая всю глубину своихъ познаній и пламенное рвеніе къ наукѣ; невозможно

мѣсто въ классификаціи, далъ названіе Buffonia. Это былъ единственный отвѣтъ Линнея французскому естествоиспытателю *.

83. Первое плаваніе на первомъ параходѣ.

Живы еще очевидцы того перваго плаванія, которое совершилъ Фультонъ на устроенномъ имъ первомъ параходѣ. Это было въ 1803 году, 4-го сентября. Газеты заранѣе извѣщали публику Нью-Йорка, приглашая желающихъ за семь долларовъ переѣхать въ Альбани на новоустроенномъ суднѣ, приводимомъ въ движеніе паровою силой. Одни покачивали сомнительно головой, другіе изощряли свой юморъ по поводу такого объявленія. Нашлись однако смѣльчаки, отважившіеся совершить опасный переѣздъ. Въ назначенный день, весь городъ собрался къ гавани, гдѣ стоялъ параходъ. Окна и крыши домовъ, близъ стоявшіе корабли и весь берегъ наполнены были зрителями. Глаза ихъ устремлены были на довольно неуклюжее судно, изъ трубы котораго густыми клубами валилъ дымъ. Фультонъ самъ находился на палубѣ, распоряжался, отдавалъ приказанія твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, повидимому, не обращая вниманія на собравшуюся вокругъ толпу, готовую освистать его при малѣйшемъ признакѣ неудачи. Роковая минута наступала: все было готово, машина заработала, параходъ отчалилъ отъ пристани. Толпа народа обратилась въ одно зрѣніе: улыбка сомнѣнія еще не успѣла сбѣжать съ лица; насмѣшливое

было слушать его, не увлекаясь его собственнымъ одушевленіемъ. Желая живыми воззрѣніями знакомить своихъ слушателей съ произведеніями природы, Линней водилъ ихъ по лѣсатъ и полямъ. Во время лѣтнихъ лекцій, два раза въ недѣлю онъ предпринималъ съ студентами екскурсіи, и часто его сопровождало человѣкъ двѣсти. Они раздѣлялись на группы, чтобы лучше изслѣдывать различныя мѣстности, и едва кто-нибудь находилъ рѣдкое или примѣчательное растеніе или какую-нибудь игру природы, тотчасъ трубили въ рожокъ — вся толпа собиралась вокругъ профессора, и съ жадностью внимала его объясненіямъ и замѣчаніямъ. Изслѣдовавъ окрестности съ самаго ранняго утра до поздняго вечера, студенты съ своимъ преподавателемъ возвращались черезъ городъ въ ботаническій садъ, при звукѣ трубъ и барабана. Эти походы за цвѣтами возбуждали такой всеобщій интересъ, что нерѣдко изъ Стокгольма пріѣзжали иностранцы и знатныя лица, чтобы сопровождать Линнея и его юныхъ спутниковъ. Но Линней былъ знаменитъ не только какъ профессоръ, но и какъ великій ученый: что доказываютъ его сочиненія, въ которыхъ многія растенія и животныя описаны только въ первый разъ. Главная заслуга его наукѣ есть систематическое распредѣленіе (классификація) растеній, животныхъ на классы; нынѣ хотя система Линнея и оставлена, но основныхъ началъ его доселѣ твердо держатся ботаники. Линней умеръ 10 января, 1778 года, на 71-мъ году жизни. Вся Европа оплакивала его кончину; король шведскій въ своей рѣчи къ государственному сейму упомянулъ о смерти великаго мужа, и въ память его приказалъ выбить медаль.

* Бюффонъ, знаменитый французскій естествоиспытатель, былъ современникъ Линнея; онъ родился въ одномъ съ нимъ году, и пережилъ его десятью годами (ум. 1788 г.).

слово замерло на устахъ, все онѣмѣло, слѣдя глазами за вступавшимъ въ фарватеръ параходомъ. Когда же, обратившись противъ движенія, онъ двинулся, легко разсѣкая волны; тогда всеобщее напряженное вниманіе разразилось громкимъ крикомъ восторга, какимъ не оглашалась еще ни одна рѣка въ свѣтѣ. Это не былъ крикъ торжества, послѣ одержанной побѣды, — это былъ крикъ народа, почуявшаго міровое значеніе въ предпріятіи частнаго человѣка, въ предпріятіи, отъ неудачи котораго пострадалъ бы одинъ Фультонъ и развѣ еще соучастникъ его Ливингстонъ, снабжавшій изобрѣтателя деньгами. *Э. Циммерманъ.*

84. Скромное предсказаніе Фультона о своемъ изобрѣтеніи.

Послѣ благополучнаго пріѣзда въ Альбани, самъ Фультонъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ: «Утромъ, въ день нашего отъѣзда, не нашлось бы и тридцати человѣкъ, которые повѣрили бы, что мое судно сдѣлаетъ милю въ часъ. Какъ чудно было впечатлѣніе, когда мы обгоняли плывшіе вверхъ корабли! намъ казалось, будто они стояли на якоряхъ». Потомъ прибавляетъ онъ: «при параходствѣ возможна будетъ быстрая и дешевая перевозка товаровъ на Миссури, Миссисипи и на другихъ большихъ рѣкахъ, а это возвыситъ богатство нашей земли, предпріимчивость нашего народа». Слишкомъ скромное предсказаніе будущаго значенія величайшаго по своимъ послѣдствіямъ открытія нашего вѣка! Самъ Фультонъ не могъ предвидѣть того громаднаго вліянія, какое оказало уже параходство въ полстолѣтіе на всѣ народы земнаго шара, на весь историческій ходъ человѣчества!

85. Смѣлость при исполненіи долга.

Однажды Петръ I, весьма разсерженный на адмиралтейскихъ работахъ неисправностію корабельныхъ мастеровъ, входитъ, полный досады, въ адмиралтейскую коллегію, и, не говоря ни слова, садится на свое *шаутбенахтское* мѣсто. Когда же прокуроръ коллегіи, Писаревъ, предложилъ одно дѣло къ слушанію, и Государь началъ первый разсуждать объ ономъ; тогда Писаревъ, обратясь къ Государю, сказалъ: «Не вамъ, г. шаутбенахтъ, должно начинать; есть моложе васъ; а закономъ государевымъ повелѣно подавать голоса съ младшаго члена».—«Какъ ты смѣешь мнѣ это сказать!» вскричалъ государь въ гнѣвѣ.—«Смѣю по должности моей, которая приказываетъ мнѣ сохранять порядокъ законовъ».—«Знаешь ли ты, съ кѣмъ такъ говоришь?»—«Съ шаутенбахтомъ».—«Ты позабылъ, что за таковую дерзость можешь потерять голову!»—«О, это уже голосъ государевъ! А когда такъ, на что же гаерствовать установленіями своими; оставь это мѣсто, и сядь на свое

(указывая на мѣсто государево), тогда стану предъ тобою на колѣни, буду записывать всѣ твои слова и почитать ихъ за именные указы, которымъ я обязанъ безпрекословно повиноваться по присягѣ, совѣсти и закону Божію; но и тогда не устрашусь сказать правды!» Государь пылалъ гнѣвомъ; прокурорскія слова казались ему тогда слишкомъ дерзкими, и онъ дрожащимъ голосомъ вскричавъ: «молчи, дерзкій!» всталъ со стула, схватилъ шляпу, вышелъ изъ присутствія, и уѣхалъ во дворецъ. Писаревъ продолжалъ разсуждать о дѣлахъ, какъ будтобы съ нимъ ничего не случилось.

Государыня (Екатерина I), увидѣвъ ѣдущаго супруга, вышла его встрѣтить; но замѣтивъ, что онъ въ великомъ гнѣвѣ, съ нѣжностію спросила: «что съ тобою сдѣлалось, Государь?» — «Писаревъ одурачилъ и осрамилъ меня». — «Боже мой!» отвѣтствовала Екатерина, «онъ уже не разъ оскорбляетъ васъ; для чего же вы не отлучаете его отъ присутствія вашего? Вы тѣмъ избавите себя досадъ, которыхъ отъ дерзости его и впредь ожидать должно. Онъ можетъ быть полезенъ вамъ и отечеству, служа и не передъ вашею особою». — «Не могу, не могу сего сдѣлать, Катенька!» — «Отчего же не можешь? Ты — Государь!» — «Не могу, повторяю тебѣ, онъ мнѣ надобенъ, онъ всегда говоритъ правду. А сверхъ того, изгнавъ Писарева, могъ бы я тѣмъ устрашить и другихъ говорить мнѣ истину». Вскорѣ государь помирился съ Писаревымъ, всегда содержалъ его въ своей милости, и возвысилъ въ степень сенатора.

86. Служба дѣлу.

1. По новости С.-Петербурга и по неопытности торгующихъ хлѣбомъ, мало его было привозимо туда, а изъ завоеванныхъ отъ Швеціи провинцій, разоренныхъ долговременною войною, равно какъ и изъ ближнихъ губерній нельзя было его получить въ довольномъ количествѣ; и потому надлежало вызывать подрядчиковъ и привозить хлѣбъ съ низу. Такимъ образомъ однажды по рапортамъ оказалось, что въ магазинахъ оставалось для пропитанія войска хлѣба только на одинъ мѣсяцъ, а идущій съ низу водою подрядный хлѣбъ не могъ, по разчисленію времени, прійти прежде двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Государь предложилъ сенату, чтобы употребилъ онъ все стараніе свое, удобнѣйшимъ и не отяготительнымъ народу средствомъ предупредить ожидаемый недостатокъ въ хлѣбѣ и отвратить неминуемую опасность голода. Сенатъ, по долгомъ разсужденіи, не могъ сыскать инаго къ тому средства, какъ собрать по четверику съ души съ крестьянъ новгородской губерніи, какъ ближайшей къ Петербургу. Монархъ, занятый безчисленными заботами, и не имѣвъ времени обдумать того опредѣленія сената, подтвердилъ, и повелѣлъ немедленно послать куда слѣдуетъ о томъ указы. Кн. Я. Ѳ. Долгорукова на то время не было въ сенатѣ;

по его прибытіи, ему подано было для подписанія опредѣленіе, подписанное всѣми сенаторами, и утвержденное самимъ государемъ. Князь, прочитавъ опредѣленіе, и не говоря ни слова, потребовалъ сургуча и огня; собралъ всѣ заготовленные указы, и сложивъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіемъ, запечаталъ и ни слова же не говоря, вышелъ изъ сената, и поѣхалъ къ обѣднѣ. Сенаторы были удивлены такимъ поступкомъ, и одни сожалѣли объ немъ, другіе же внутренне радовались, что этотъ умникъ (такъ въ ироническомъ, можетъ быть, смыслѣ называли его тогда) непремѣнно подпадетъ подъ тяжкій гнѣвъ государя. Тотчасъ доносятъ о томъ монарху, присовокупивъ къ тому, что князь всегда причиняетъ подобныя остановки въ дѣлахъ своими несоглашеніями и спорами, и даже дерзаетъ иногда и самое монаршее повелѣніе презирать. Императоръ, прочитавъ это донесеніе, весьма разгнѣвался; тотъ же часъ ѣдетъ въ сенатъ, и спрашиваетъ Долгорукова. Увѣдомившись, что онъ уѣхалъ къ обѣднѣ, посылаетъ за нимъ, чтобы былъ въ сенатѣ. Посланный объявляетъ князю монаршее повелѣніе, но князь на то сказалъ только: «слышу». Прогнѣванный этимъ отвѣтомъ еще болѣе, Государь снова посылаетъ за нимъ, чтобы тотъ же часъ былъ къ нему; посланный получаетъ отъ него таковой же отвѣтъ, какъ и прежде. Огорченный этимъ до крайности, государь посылаетъ за княземъ въ третій разъ, приказавъ ему сказать, что если онъ съ симъ посланнымъ не придетъ, то съ нимъ поступлено будетъ какъ съ ослушникомъ и презрителемъ верховной власти. Выслушавъ эти слова, князь ничего не сказалъ въ отвѣтъ, а продолжалъ молиться, повторяя нѣсколько разъ вслухъ слова Христовы: воздадите Божія Богови а Кесерева Кесареви. Посланный спрашиваетъ, что онъ прикажетъ донесть государю. «Донеси», сказалъ князь, «все, что ты видишь и слышишь». Этотъ такъ и сдѣлалъ; но обѣдня междутѣмъ окончилась, и князь вскорѣ за послѣднимъ посланнымъ самъ пріѣзжаетъ въ сенатъ. Едва онъ вошелъ, какъ раздраженный монархъ, подбѣжавъ къ нему, одною рукою взялъ его за воротъ, а другою выхватилъ свою шпагу, говоря: «Ты долженъ умереть, какъ противникъ государя и ослушникъ воли и повелѣнія его!» Князь, не теряя духа и раскрывъ грудь свою, сказалъ: «вотъ грудь моя! Я безъ ужаса готовъ принять смерть за правду; и ты будешь Александръ, а я Клитъ!» При этихъ словахъ монархъ, какъ бы въ испугѣ, отскакиваетъ отъ него на нѣсколько шаговъ, и потомъ поглядѣвъ ему въ глаза съ полминуты, сказалъ: «какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утвержденное мною?» — «Ты самъ повелѣлъ мнѣ», отвѣтствуетъ князь, «представлять тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и народа твоего; такъ могу ли по совѣсти своей исполнить то, что противно истинѣ и пользѣ твоей и народной?» Монархъ, смягченный таковымъ отвѣтомъ, спросилъ его: «но гдѣ же возьмемъ мы

хлѣбъ? Развѣ хочешь ты видѣть печальное слѣдствіе голода?» — — «Нѣтъ, государь, сохрани насъ отъ того Богъ! И средство къ отвращенію этой мнимой опасности не стоитъ такого безпокойства, въ каковомъ я теперь вижу тебя и сихъ господъ (указавъ на сенаторовъ). Средство это въ нашихъ рукахъ, и удобно могли бы объ немъ догадаться, если бы хотя немного поусерднѣе объ томъ подумали, съ тою еще выгодою, что подданные твои новгородской губерніи, болѣе другихъ отъ войны понесшіе тяготы, не будутъ обременены этимъ новымъ налогомъ». «Какое средство?» вопрошаетъ совершенно успокоившійся уже государь. «Изволь-ка сѣсть, государь, я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ». Монархъ и всѣ сенаторы сѣли, и князь продолжалъ: «провіантъ твой будетъ сюда не прежде, какъ черезъ два мѣсяца; а до того времени есть у меня столько-то кулей муки; на продовольствіе же дома моего надобна мнѣ только половина, или не много побольше; слѣдственно около половины есть у меня излишняго. У князя Меньшикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо еще больше половины; у адмирала тоже». Потомъ князь наименовалъ еще нѣсколькихъ, и расчелъ, что у всѣхъ излишняго останется гораздо еще болѣе, нежели сколько потребно, до прибытія ожидаемаго провіанта, на продовольствіе войска и бѣдныхъ гражданъ, и прибавилъ: «Эти остатки возьмите у насъ, какъ намъ ненужные; а какъ придетъ ожидаемый хлѣбъ, то и можешь намъ всѣмъ взятый у насъ возвратить новою мукою; мы же довольнѣе еще останемся, что вмѣсто лежалой получимъ свѣжую. Войско твое и всѣ будутъ снабжены, а бѣдные крестьяне новгородскіе не потерпятъ излишней сей тягости. Не подумай, государь, чтобы крестьянинъ могъ въ такомъ случаѣ раздѣлаться однимъ четверикомъ! Нѣтъ! ему мало будетъ на то и двухъ; воры коммисары сыщутъ къ тому средство; они подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла, не станутъ ее принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, хотя бы вдвое да взяли, только бы его не мучили». Монархъ, выслушавъ все это съ великимъ вниманіемъ, и обратясь къ другимъ сенаторамъ, кои всѣ молчали, сказалъ: «что же вы молчите и не противорѣчите? Правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ?» Тогда принуждены были всѣ они признаться, что князь говоритъ дѣльно и справедливо, и изъявили готовность свою отдать всѣ свои избытки хлѣба. «Вижу я», заключилъ государь, смотря на нихъ, «что можно вамъ упорство и противорѣчія его сносить». Наконецъ государь въ чувствительныхъ выраженіяхъ благодарилъ князя и признавался въ неразсмотрительности своей, что положился на представленное ему отъ сената мнѣніе, и просилъ у князя прощенія въ напрасномъ на него гнѣвѣ.

2. При первомъ началѣ работы большаго Ладожскаго канала Петръ I, опредѣлилъ, чтобы владѣльцы деревень новогородской и

петербургской губерній посылали на ту работу крестьянъ своихъ, и будучи въ сенатѣ, самъ подписалъ о томъ указъ. Князь Я. Ѳ. Долгоруковъ, занятъ будучи другими важными дѣлами, случившимися въ тотъ день, не присутствовалъ тогда въ сенатѣ, и потому не зналъ, что́ безъ него тамъ происходило. На другой день, когда надлежало приступить къ исполненію упомянутаго указа, прибылъ онъ въ сенатъ, и по обыкновенію своему прежде всего спросилъ: «о чемъ вчера въ сенатѣ было разсуждаемо»? Ему подали подписанный всѣми сенаторами протоколъ, въ которомъ записано было монаршее повелѣніе о томъ, чтобы крестьяне новгородской и с.-петербургской губерній употреблены были для копанія Ладожскаго канала. Князь, по прочтеніи сего, началъ съ жаромъ говорить, что таковое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ государю должно непремѣнно и въ самой скорости доложить, дабы не причинить конечнаго разоренія сихъ и безъ того уже предъ прочими истощенныхъ губерній. И какъ онъ продолжалъ ревностно оспоривать сіе не довольно обдуманное опредѣленіе; то дабы убѣдить его, что того перемѣнить уже нельзя, предложили ему подписанное самимъ государемъ опредѣленіе; но Долгоруковъ, слѣдуя единой ревности своей къ пользѣ общей, къ изумленію всего сената, разорвалъ сіе подписанное монархомъ опредѣленіе. Всѣ сенаторы, ужаснувшись, встали съ мѣстъ своихъ, и спрашивали его: знаетъ ли онъ, что сдѣлалъ, и что ему будетъ за столь дерзостный поступокъ? — «Знаю, что я сдѣлалъ, и буду за сіе отвѣтствовать предъ Богомъ, государемъ и отечествомъ». Въ самое это время Петръ В. вошелъ въ сенатъ; онъ удивился смятенію сенаторовъ, и спросилъ: «что значитъ необыкновенный сей шумъ»? Генералъ прокуроръ съ трепетомъ подалъ ему подписанное имъ и Долгоруковымъ изодранное опредѣленіе. Монархъ сначала приведенъ былъ этимъ въ сильный гнѣвъ, и съ жаромъ спросилъ князя, что́ побудило его сдѣлать столь неслыханное преступленіе противъ верховной власти?—«Не что иное, какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ, я надѣюсь на твое благоразуміе, что ты собственную свою землю не хочешь разорить такъ, какъ разоряетъ свою Карлъ XII. Ты поторопился дать сіе повелѣніе и не размыслилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ эти губерніи, которыя доселѣ больше, нежели всѣ вмѣстѣ провинціи россійскія, въ настоящую войну претерпѣли; сколько въ нихъ людей вымерло, и сколь великъ въ оныхъ нынѣ недостатокъ въ народѣ. Что препятствуетъ тебѣ къ работѣ сего, необходимо нужнаго для твоего Петербурга, канала взять работниковъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой понемногу? Онѣ несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели сіи двѣ безлюдныя почти губерніи, и онѣ отъ того немного потерпятъ. Сверхъ того есть у тебя довольно военноплѣн-

ныхъ шведовъ, коихъ ты вмѣсто собственныхъ твоихъ подданныхъ къ сей тяжкой работѣ употребить можешь». Монархъ все сіе выслушалъ съ написаннымъ на лицѣ его удовольствіемъ. «Все это хорошо», сказалъ онъ, «но на что жь драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима»? — «Въ этомъ я виноватъ, государь, что не утерпѣлъ». Послѣ сего монархъ нѣсколько подумалъ, и обратясь къ прочимъ сенаторамъ, сказалъ: «хотя я было такъ сперва и положилъ, однакожь сіе дѣло еще разсмотрю и дамъ сенату мое послѣднее о томъ повелѣніе». Вскорѣ потомъ отправлены были на работу нѣсколько тысячъ военноплѣнныхъ шведовъ.

3. Однажды, пріѣхавъ въ сенатъ, Екатерина II, по обыкновенію, садится въ президентскія кресла, и представляетъ къ сужденію новое постановленіе о соли. Екатерина сама читала его. Всѣ сенаторы, выслушавъ новое постановленіе, встаютъ съ креселъ своихъ, и благодарятъ ее отъ всего собранія, превознося похвалами новое учрежденіе. Только одинъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ не всталъ съ креселъ, и, оставшись на мѣстѣ, не сказалъ ни слова. «Вы вѣрно противнаго съ нами мнѣнія?» спрашиваетъ его Екатерина. «Государыня, я не давалъ порученія моимъ товарищамъ благодарить васъ за себя — а послѣ вашего повелѣнія разсуждать мнѣ не приходится». «Это одно только предположеніе», говоритъ Екатерина, «бумаги мною не подписаны, и вы можете говорить свободно». — «Если такъ, ваше величество, то позвольте мнѣ еще разъ прослушать проектъ», сказалъ графъ Панинъ. Екатерина снова начинаетъ чтеніе; Панинъ возражаетъ на каждую статью — и императрица послѣ каждаго возраженія, соглашаясь съ графомъ, вымарываетъ статьи въ новомъ постановленіи. Когда чтеніе дошло до конца, всѣ рѣшительно статьи были вымараны. Екатерина отзываетъ графа Панина въ сторону, говоритъ съ нимъ нѣсколько времени объ этомъ предметѣ; послѣ начинаетъ его благодарить и взаключеніе говоритъ ему: «если вы никому не давали слова, то прошу васъ сегодня обѣдать со мною!» и Панинъ съ торжествомъ поѣхалъ во дворецъ.

87. Достопамятное изъ жизни купца Иголкина.

Въ началѣ великой сѣверной войны, Карлъ XII велѣлъ всѣхъ россіянъ разнаго званія, бывшихъ до войны въ Швеціи, задержать какъ плѣнныхъ. По сему повелѣнію Иголкинъ, торговавшій долгое время въ Швеціи, и знавшій уже шведскій языкъ, жилъ въ Стокгольмѣ 1700—1711 года, одинъ на волѣ, по извѣстной честности его. Но въ сей годъ, послѣ дѣйствія Долгорукова, когда онъ освободился изъ плѣна, всѣхъ россіянъ развезли по разнымъ тюрьмамъ, и обременили, какъ преступниковъ, оковами. Иголкинъ сидѣлъ въ

тюрьмѣ до возвращенія Карла XII изъ Турціи и до начатія между Россіею и Швеціею мирныхъ переговоровъ. Сидя однажды подгорюнившись у дверей тюрьмы, слышитъ онъ, что два солдата, стоявшіе на часахъ у темницы, говоря между собою, поносятъ обидными словами Петра В. Иголкинъ не могъ вытерпѣть ихъ дерзости: проситъ, увѣщеваетъ ихъ, чтобы они перестали такъ говорить о государѣ, помазанникѣ Божіемъ, прибавивъ къ тому: «почему намъ знать дѣла государей и за что они другъ съ другомъ воюютъ.» Часовые, презрѣвъ его увѣщанія, съ большею еще дерзостію въ досаду ему продолжали свой разговоръ. Иголкинъ призываетъ унтеръ-офицера, жалуется на нихъ, и проситъ унять ихъ; унтеръ-офицеръ засмѣялся его жалобѣ, и ушелъ. Тогда Иголкинъ, окинувъ себя глазами, въ первый разъ въ жизни своей замѣтилъ, что онъ высокъ, дороденъ и не смотря на свою старость еще крѣпокъ, и одинъ можетъ управиться съ двумя солдатами. Молчитъ; междутѣмъ часовые продолжаютъ хохотать и бранить, не думая о его намѣреніи. Иголкинъ встаетъ, подходитъ къ нимъ, не глядя, и вдругъ бросается на нихъ съ яростію, вырываетъ у одного ружье, и штыкомъ колетъ другаго, и потомъ кидается на него самого и умерщвляетъ. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ онъ спокойно, и ожидаетъ съ неустрашимостію, что съ нимъ воспослѣдуетъ. На крикъ и стонъ солдатъ выбѣгаетъ караульный офицеръ, хочетъ войти въ темницу—ужасъ объемлетъ его: видитъ часовыхъ, плавающихъ въ своей крови и испускающихъ послѣднее дыханіе, кричитъ въ отчаяніи, въ безпамятствѣ: «къ ружью! Какъ! что! кто злодѣй? Гдѣ, гдѣ онъ?»—«Я,» отвѣчаетъ Иголкинъ, «я ихъ убилъ; но я не злодѣй; всякій на моемъ мѣстѣ честный человѣкъ тоже бы сдѣлалъ.» Офицеръ приказываетъ его схватить, оковать тяжелыми цѣпями, и доноситъ о происшедшемъ высшему начальству. Иголкинъ, окованный, представленъ верховному судилищу. Тамъ на вопросъ: какъ онъ осмѣлился убить солдатъ? отвѣтствуетъ неустрашимо: «я, какъ вѣрный подданный своего государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою пролить за честь его послѣднюю каплю крови моей. Слыша, какъ часовые ругали священное его имя, просилъ я ихъ уняться,» и потомъ онъ пересказалъ все, какъ было. «Теперь, исполнивъ долгъ свой, презираю всѣ мученія; дѣлайте со мною, что хотите.» Судьи и не смѣли рѣшить таковаго дѣла и сдѣлать приговора; доложено было Карлу XII, который въ семъ случаѣ показалъ, что онъ великій человѣкъ, почитающій и въ непріятелѣ духъ великій. Прочитавъ все и пораженный удивленіемъ, вскричалъ онъ: «въ столь грубомъ народѣ столь великій человѣкъ!» Онъ захотѣлъ видѣть Иголкина; видѣлъ, почтилъ и отправилъ къ великому сопернику своему, не сомнѣваясь, что будетъ принятъ, какъ драгоцѣнный подарокъ; описалъ потомъ съ подробностію героическое дѣйствіе Иголкина, поздравляя Петра В. съ такимъ под-

даннымъ, которому подобныхъ у него уже нѣтъ или очень мало. Иголкинъ прибылъ въ Петербургъ, былъ представленъ предъ монарха. Великій государь, прочитавъ письмо Карла XII, пролилъ слезы умиленія, и, обратясь къ предстоящимъ, сказалъ: «вотъ образецъ вѣрности!» подошелъ къ нему, обнялъ, поцѣловалъ въ голову и объявилъ, что отличная вѣрность должна быть щедро награждена: «проси у меня, другъ мой, чего ты хочешь, я тебѣ обѣщаю.» Тронутый такою милостію, Иголкинъ, проливая радостныя слезы, говоритъ Монарху: «Государь! у меня, по милости Божіей и твоей, еще осталось въ Новѣгородѣ доходу, чѣмъ могу прожить остатки дней своихъ безъ нужды; а потому мнѣ нечего больше желать, какъ носить на себѣ твою монаршую милость,» Государь отвѣчаетъ: «нѣтъ, я не буду спокоенъ, если не награжу тебя: воля моя есть, чтобъ ты просилъ.» — «Когда такъ тебѣ угодно, то повели отдать мнѣ домъ казенный въ Новѣгородѣ близъ моего». Монархъ, улыбаясь, отвѣчалъ: «ежели бы ты и весь Новгородъ попросилъ, то не могъ бы тебѣ отказать въ томъ. «Однако государь сверхъ сего пожаловалъ ему денегъ, далъ указъ сенату о домѣ, и отпустилъ его въ Новгородъ. Иголкинъ во время жизни Петра I-го былъ извѣстенъ; онъ ѣзжалъ часто, когда бывалъ въ Петербургѣ, въ одноколкѣ съ великимъ императоромъ, обѣдывалъ у него, и былъ отъ него называемъ всегда дѣдушкою.

88. Прибыльная вина.

Петръ Великій часто посѣщалъ и притомъ нечаянно города своихъ владѣній. Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ прибылъ Петръ въ Олонецъ и прямо къ воеводской канцеляріи. Онъ засталъ въ ней воеводу, мужа украшеннаго сѣдинами. Монархъ спросилъ, какія есть въ канцеляріи челобитныя дѣла? Воевода въ страхѣ повергается къ ногамъ государя, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: «виноватъ, всемилостивѣйшій государь! Никакихъ нѣтъ.» — «Какъ никакихъ нѣтъ?» «Никакихъ,» повторяетъ въ слезахъ воевода. «Виноватъ, государь. Я никакихъ челобитенъ не принимаю, и до разбора канцеляріи не допускаю, а всѣхъ мирю, соглашаю, и слѣдовъ ссоръ въ канцеляріи никогда не бывало.» Удивился монархъ такой винѣ, и, поднявъ воеводу, стоявшаго на колѣнахъ, сказалъ: «Я бы желалъ и всѣхъ воеводъ видѣть виноватыми такъ, какъ ты. Продолжай, другъ мой, такое служеніе; Богъ и я тебя не оставимъ.» Спустя нѣсколько лѣтъ, монархъ, примѣтивъ въ коллегіи адмиралтейской несогласіе между Чернышевымъ и Крейцемъ, вызвалъ олонецкаго воеводу въ Петербургъ, опредѣлилъ прокуроромъ коллегіи, и сказалъ: «Почтенный старикъ! я желаю, чтобъ ты и здѣсь былъ такъ же виноватымъ, какъ и въ Олонцѣ, и не принимая никакихъ ссорныхъ объясненій отъ членовъ, мирилъ бы ихъ. Ты ничѣмъ

столько не услужишь Богу и мнѣ, какъ водворивъ между ними миръ и согласіе.»

89. Когда крестился русской народъ?

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и *Россія*, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало-помалу укоренялось христіянство, наконецъ вся и торжественно признала (въ 988 г.) святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею.

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только христіянскіе проповѣдники, но и магометане, вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также—увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества—искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ волжскихъ или камскихъ болгаровъ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ аравитянъ: болгары приняли оную, и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе магометова рая и цвѣтущихъ гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино*, сказалъ онъ, *есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него.* Послы нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали вѣры отъ папы.* Выслушавъ іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? «Въ Іерусалимѣ,« отвѣтствовали проповѣдники: «но Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ.» *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* сказалъ Владиміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, мишаться своего отечества.* —Наконецъ безъименный философъ, присланный греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе библіи, ветхаго и новаго завѣта: исторію творенія, рая, грѣха первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіянства, семи соборовъ, и взаключеніе показалъ ему картину Страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «благо добродѣтельнымъ и горе

злымъ!» *крестися*, отвѣтствовалъ философъ—*и будешь въ раю съ первыми.*

Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ пропѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели греческій философъ, дѣйствительно, имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ закона христіянскаго. Вѣра славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей, и нерѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя славяне признавали также и бытіе единаго существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству эпикурову и лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того христіянство, представляя въ единомъ, невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ—здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни—удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честію, собралъ бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали бояре и старцы: «всякой человѣкъ хвалитъ вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе покланяется Божеству»—и великій князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія и красоты;* наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облаченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ, и непосредственно съ людьми соединяется... Возвратясь въ Кіевъ, послы го-

ворили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: «всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. «Когда бы законъ греческій—сказали они—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.» Великій князь рѣшился быть христіяниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и потому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего россійскаго посольства въ страну католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія закона христіянскаго, утверждается также извѣстіями одной греческой древней рукописи, хранимой въ парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго царя византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ* вмѣсто *Багрянороднаго*.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіянскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* вѣру христіянскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ геродотовыхъ скиѳовъ до козаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть императоровъ греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ, и повиновался собственнымъ законамъ республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ.—Владиміръ, остановясь въ гавани, или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія въ надеждѣ, можетъ-быть, имѣть скорую помощь

отъ грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ востоку, находятся колодези, дающіе воду херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка: военоначальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ государямъ, и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили императоровъ забыть обыкновенную надменность грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго князя россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что принявъ вѣру христіянскую, онъ получитъ и руку царевны и царство небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и ви-

зантійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Сего недовольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и сооруживъ въ Херсонѣ церковь—на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ-быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіянства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями, и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ, и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься—и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіянами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ чадъ твоихъ; дай имъ познать тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ

искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя твое!»... *Въ сей великій день,* говоритъ лѣтописецъ, *земля* и *небо ликовали.*

Скоро знаменія вѣры христіянской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. *Н. Карамзинъ.*

III. ГЛАВНЫЕ РОДЫ ПРИЗНАКОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ:

ПРЕДМЕТНЫЕ И ЛИЧНЫЕ.

90. Талантъ и доброе сердце.

Въ Парижѣ, въ 1814 году, живописецъ Жераръ (1770—1837 г.) показывалъ свою мастерскую важному лицу, которое хотѣло хранить инкогнито [1], и хотя молодымъ ученикамъ трудно внушить уваженіе, но всѣ они невольно присмирѣли при входѣ незнакомца, со вниманіемъ осматривавшаго ихъ работы. Наконецъ высокій иностранецъ остановился передъ молодымъ человѣкомъ, который набросалъ только очеркъ картины.

—Вотъ прекрасный очеркъ, сказалъ незнакомецъ: позвольте узнать ваше имя?

—Меня зовутъ Штейбенъ, отвѣчалъ ученикъ.

Жераръ тотчасъ же замѣтилъ посѣтителю, что молодой человѣкъ, заслужившій его вниманіе и подающій большія надежды, получилъ * первоначальное образованіе въ петербургской академіи художествъ, что отецъ его, эмигрантъ, поступилъ въ Россіи въ военную службу, и дослужился до чина полковника.

—Который вамъ годъ? спросилъ незнакомецъ съ возрастающимъ сочувствіемъ.

—Двадцать шестой. Я родился въ Бауербахѣ, близъ Мангейма, 19-го апрѣля, 1788 года. Но если этотъ экскизъ понравился вамъ, позвольте мнѣ показать вамъ одно изъ оконченныхъ моихъ произведеній [2]. И ученикъ проводилъ посѣтителя въ другую комнату, гдѣ стояла картина, изображающая Петра I на Ладожскомъ озерѣ. Не смотря на нѣкоторые мелкіе недостатки, все доказывало искус-

---

* Въ 1844 г. Штейбенъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ прожилъ десять лѣтъ. Здѣсь главнымъ занятіемъ его было составленіе семи большихъ картинъ религіознаго содержанія для Исакіевскаго собора. За работою художникъ былъ пораженъ параличемъ, и доктора совѣтовали ему вернуться во Францію. Переѣхавъ въ Парижъ, онъ прохворалъ тамъ два года, и умеръ 22 ноября 1856 г., шестидесяти семи лѣтъ отъ роду. Лучшею изъ его картинъ признается «Наполеонъ при Ватерлоо», появившаяся въ 1835 году.

ную кисть, и сцена была представлена чрезвычайно вѣрно. Буря, страхъ матросовъ составляли рамку для спокойной, величественной фигуры Петра, который, взявъ руль, какъ будто говорилъ матросамъ: «Вы не погибнете: съ вами Петръ!»

—Была ли эта картина на выставкѣ? спросилъ незнакомецъ.

—Была въ 1812 году, и императору Наполеону предлагали купить ее за шесть тысячъ франковъ, но онъ отказался.

—Такъ я даю за эту картину по три тысячи франковъ въ годъ, въ продолженіе пяти лѣтъ!

Что это значитъ?... Кто вы.... пробормоталъ удивленный живописецъ.

—Вы хотите знать, съ кѣмъ имѣете дѣло: это натурально. Меня зовутъ Александромъ. Я русскій императоръ.

Штейбенъ онѣмѣлъ отъ радости. Императоръ прибавилъ: Чтожь, согласны вы на мое предложеніе?

—Согласенъ, государь, и благословляю васъ.... только прошу, чтобъ назначенный мнѣ пансіонъ получала моя матушка, которой онъ необходимъ для воспитанія моего меньшаго брата.

Императоръ удивился. Талантъ и доброе сердце! сказалъ онъ. Я вдвойнѣ доволенъ сегодняшнимъ днемъ.

И въ продолженіе пяти лѣтъ мать Штейбена получала акуратно сумму, назначенную Александромъ I.

Объяснительное чтеніе.

1. Кто показывалъ...? Что слово Жер. сбозначаетъ? Что онъ показывалъ? Кому показ.? Какому лицу? Словомъ «важному» отличаемъ это лицо отъ другихъ? А кто это важное лицо? Кого здѣсь разумѣть должно? А какой тутъ еще есть признакъ для важнаго лица? Понимаете ли вы инкогнито? — Инкогнито — латинское слово, *неузнаваемый: который хотѣлъ хранить инкогнито*, значитъ, онъ хотѣлъ быть, чтобы въ немъ не узнавали рус. императора. Гдѣ и когда Ж. показывалъ...? Итакъ что же дѣлалъ Ж.? По тому, что онъ дѣлалъ, мы можемъ отличить его отъ другихъ? А какъ мы называли отличія предмета? Стало, *показывалъ* есть признакъ «Жераръ»? А по слову «важному» можемъ отличить это лицо отъ другихъ? Стало, *важному* есть тоже признакъ къ лицу? Этими признаками предметы заявляютъ себя, заявляютъ, что въ нихъ есть, т. е. одинъ заявилъ себя, что онъ дѣлалъ, а другой заявилъ, каковъ онъ; — очевидно признаки эти не зависятъ отъ лица говорящаго, они принадлежатъ собственно самому предмету; оттого они называются *предметными*. По такимъ признакамъ часто даются названія или имена предметамъ: напр. человѣкъ, который заявляетъ себя такимъ дѣломъ, что пишетъ предметы такъ вѣрно, что они кажутся словно живыми, или просто рисуетъ, получаетъ названіе *«живописецъ»*,—лица, учащіяся живописи или чему-нибудь другому, зовутся *учениками*,— вотъ какъ и вы сами; человѣкъ, который своимъ языкомъ, происхожденіемъ заявляетъ себя, что не съ нашей стороны, а съ иной, называется *иностранецъ* и. т. п.

2. a. Кто понравился? Что такое эскизъ? Эскизъ есть слово французское — esquisse, значитъ очеркъ, первое начертаніе рисунка. Какой эскизъ понравился? *Этотъ*—отличаетъ эскизъ отъ другихъ, которые были въ мастерской, но на которые не обратилъ вниманія русскій императоръ?—отличаетъ: слово это указываетъ, что это тотъ самый эскизъ, на который императоръ обратилъ вниманіе—но такъ ли отличаетъ, какъ отличаютъ указанные нами признаки: *важному*, *показывалъ*? показываетъ ли *этотъ* что-нибудь такое въ предметѣ, чѣмъ онъ самъ себя заявляетъ? *Этотъ* показываетъ, что мы признать можемъ предметъ лишь по тому, какъ онъ относится къ лицу говорящему;—*этотъ* не содержитъ въ себѣ такого отличія, которое имѣетъ предметъ самъ по себѣ, но показываетъ лишь такое отличіе, по которому признать можно предметъ по отношенію къ говорящимъ.

b. Кто позвольте? Кому? Что сдѣлать? Что показать? какихъ произведеній? чьихъ? Какое да какое отличіе мы признаемъ въ произведеніяхъ?—Оконченныя и мои. Есть ли разница въ этихъ признакахъ по самому существу ихъ? *Оконченный*—признакъ, который указываетъ, что есть въ предметѣ, чѣмъ предметъ заявляетъ самъ себя: вы видите картину не въ очеркѣ, не въ половину написанную, но вполнѣ отдѣланную,—слѣд. это—признакъ предметный. Но словомъ *моихъ* отличаетъ ли себя предметъ чѣмъ-нибудь, что въ немъ есть? Оно отличаетъ для насъ предметъ только тѣмъ, какъ онъ относится къ лицу говорящему.—Признаки, которые отличаютъ предметы только по отношенію къ лицамъ говорящимъ, назыв. *личными*. По нимъ, такъ же, какъ и по предметнымъ, мы называемъ самые предметы: *вы*, *я*; но эти имена бываютъ ясны и опредѣленны для насъ только по отношенію къ говорящему; устраните это отношеніе,—всѣ такія имена предметовъ и признаковъ теряютъ свой смыслъ, становятся темны и непонятны, тогда-какъ названія по признакамъ предметнымъ всегда вразумительны, знаемъ ли мы лицо говорящее или нѣтъ.

Итакъ сколько же главныхъ родовъ признаковъ? Какой предметъ вы бы ни разсматривали, и какіе бы признаки вы въ немъ ни открывали,—всѣ они будутъ принадлежать только къ этимъ двумъ разрядамъ, или родамъ: всякой признакъ будетъ или *предметный* или *личный*.

91. Друзья.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.
Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ къ несчастію провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
—Ой, батюшки! тону, тону, ой, помогите!
«Ребята! что же вы стоите?
Поможемъ-те!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
—Поможемъ, каждый подтвердилъ.
Но къ возу междутѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни бѣли,
Друзьями межъ собою слыли,

Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхтого между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись (см. ст. 92).
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ;
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на ледъ. *И Хемницеръ.*

92. Побратимство.

Обычай побратимства, или названаго братства, существовалъ у насъ, какъ и у другихъ народовъ. Сущность его состояла въ томъ, что два лица заключали между собою союзъ на жизнь и на смерть, и обязывались другъ друга защищать и выручать изъ бѣды, одинъ другому помогать и оказывать взаимную дружбу и любовь. Обычай этотъ, общій народамъ арійскаго племени, существовалъ въ глубокой древности въ такъ называемый героическій, или богатырскій вѣкъ. До сихъ поръ онъ наблюдается у восточныхъ Афгановъ. Въ древней Греціи являются названными братьями, побратимами, Тезей и Пиритой, Орестъ и Пиладъ, Ираклъ и Іоласъ, Ахиллъ и Патроклъ. На противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ сопровождался священными обрядами.

Уже въ глубокой древности, какъ видно изъ нашихъ старинныхъ богатырскихъ пѣсней, гдѣ сказочныя событія вращаются около имени Владиміра, существовало названое братство богатырей, заключавшихъ между собою такіе союзы. Такъ Потокъ Ивановичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ были между собою названные братцы. Илья Муромецъ заключаетъ названое братство съ Василіемъ пьянщей. Какъ цѣнилось это названое братство, показываетъ пѣсня про Василису, гдѣ одинъ изъ богатырей, Данило Денисьевичъ, увидавши, что противъ него идетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ названый братъ, Добрыня Никитичъ, самъ убилъ себя съ отчаянія:

Тутъ возговоритъ Данило Денисьевичъ:
Скажите, гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата со боемъ идетъ,
Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ!

Въ новгородской жизни существовало названое братство и цѣнилось выше роднаго, какъ говоритъ Васька Буслаевъ Костѣ Новоторженину:

Гой еси ты Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
А паче мнѣ брата родимаго!

Впослѣдствіи этотъ обычай языческихъ временъ принялъ религіозный характеръ, и освящался церковнымъ обрядомъ. Существовали длятого въ старыхъ требникахъ особыя послѣдованія. Запорожскіе казаки заключали между собою побратимство, и этотъ обычай способствовалъ образованію религіозныхъ церковныхъ братствъ, процвѣтавшихъ въ XVII вѣкѣ. Братались даже и съ невѣрными. Такъ Хмельницкій, разговаривая съ польскими послами, называетъ татарскаго мурзу Тугайбея своимъ братомъ, и говоритъ, что онъ все для него сдѣлаетъ, чего бы ни захотѣлъ Хмельницкій, и свѣтъ не разорветъ ихъ казацкой пріязни. Черногорцы до послѣднихъ временъ заключали между собою въ церкви побратимство, и священникъ читалъ имъ приличныя молитвы, и давалъ цѣловать крестъ въ утвержденіе ихъ союза. Въ Сербіи и Болгаріи, по извѣстію Вука Стефановича, соблюдается не только между мужчинами, но между мужчинами и женщинами названое братство, утверждаемое религіознымъ обрядомъ. Если случится заболѣть женщинѣ или дѣвицѣ, она избираетъ себѣ юношу, и идетъ съ нимъ въ церковь или монастырь; священникъ кладетъ ей на голову крестъ или священный покровъ, и если больная выздоровѣетъ, то называетъ того, кто проводилъ ее, братомъ, а онъ ее сестрою. Въ поминальный понедѣльникъ (наша радуница) послѣ пасхи, въ Сербіи есть обычай, называемый дружичало, когда мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами, а иногда и оба пола между собою, сплетаютъ вѣнки изъ вербовыхъ вѣтвей, и цѣлуются сквозь нихъ, и мѣняются ими, бросая вѣнокъ на голову того, съ кѣмъ поцѣловались, и вмѣстѣ съ этимъ промѣниваются красными яйцами. Такой же обычай существуетъ и у волоховъ. У насъ что-то подобное дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Петровъ день, теперь исключительно только между женщинами: собираются на лугу, водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами; это называется кумиться; кума съ кумою заключаютъ вѣчную дружбу. Независимо отъ этого существуетъ (хотя уже рѣдко) обычай промѣниваться грудными крестами, обычай, означающій установленіе взаимнаго братства между двумя особами.

Н. Костомаровъ.

93. Изъ малаго бываетъ большое.

Нѣкто г. Нешъ (въ Англіи), человѣкъ очень бѣдный, замѣтивъ двухъ маленькихъ воришекъ, счелъ своимъ долгомъ наставить ихъ на путь истинный. Мальчики отвѣчали ему въ свое оправданіе, что одна необходимость заставляетъ ихъ прибѣгать къ кражѣ изъ-за куска хлѣба. Тогда г. Нешъ предложилъ имъ обѣдать у него. Скоро вѣсть эта разнеслась по околотку, и тѣ изъ дѣтей, которыя болѣе другихъ сознавали постыдное ремесло свое, поспѣшили оста-

вить его, и пришли къ г. Нешу, который скоро не имѣлъ уже возможности прокормить вновь прибывшихъ. Узнавъ то, добрые люди околотка поспѣшили подать свою помощь, и въ скоромъ времени образовалось общество для вспоможенія и исправленія воровъ-дѣтей, которыя показывали искреннее желаніе перемѣнить свое поведеніе. Для новообращенныхъ, во избѣжаніе злоупотребленій, было придумано испытаніе. Всякій новоприбывшій долженъ былъ въ продолженіе 14-ти дней ѣсть хлѣбъ и воду и сидѣть совершенно одинъ въ комнатѣ, дверь которой была постоянно отворена, чтобы дать ему возможность уйдти тотчасъ, если бы это вздумалось ему. Кто оставался, тотъ входилъ въ составъ школы, гдѣ воспитывался до совершеннолѣтія: послѣ чего, снабженный всѣмъ нужнымъ, былъ отправляемъ для водворенія въ колоніяхъ. Результаты были самые утѣшительные: почти всѣ дѣти, тамъ воспитанныя, дѣлались честными переселенцами, и земледѣліе доставляло имъ не только довольство, но и относительное богатство. Лордъ Шефсбери, одинъ изъ главныхъ членовъ этого общества, получалъ часто письма отъ своихъ питомцевъ, и вотъ одно изъ нихъ:

«Добрый лордъ! я бы желалъ, чтобы вы прислали къ намъ другихъ дѣтей изъ вашей школы, и употребили все свое вліяніе надъ тѣми, которыя еще въ тюрьмахъ. Какъ скоро я куплю себѣ ферму, то назову ее вашимъ именемъ.» *Евгенія Тур.*

Виды предметныхъ признаковъ по объему (общіе и особенные) и по относительной ихъ важности (существенные и случайные).

94. Куропатка.

I. ПОРТРЕТЪ ЭТОЙ ПТИЦЫ.

Клювъ самки короткій и слабый [1]. Перья вокругъ клюва свѣтлокоричневыя; на щекахъ, надъ глазами и на лбу нѣсколько темнѣе; на ушкахъ изчернокоричневыя, на верхушкѣ головы изсѣробурыя, а къ сторонамъ ея сѣрыя; на задней части шеи дымчатыя; на спинѣ желтосѣрыя съ поперечными полосками; на крыльяхъ, въ верхней части ихъ, коричневыя, съ продольными *бѣловатыми* черточками, въ нижней части чернобурыя съ *бѣлыми* поясками; на хвостѣ сѣроватокоричневыя [2]. Подъ горломъ перья свѣтлокоричневыя; на груди дымчатыя или съ сѣрыми мельчайшими пятнышками, а пониже бѣлыя съ черточками въ видѣ подковокъ; на бокахъ сѣроватобѣлыя съ красноватыми, какъ бы прижженными, широкими поперечинами съ бѣлыми ободками; на хлупи бѣлыя; подъ хвостомъ коричневыя. Ноги короткія, сверху мохнатыя, книзу въ роговой чешуйкѣ [3]. Самецъ отличается отъ самки тѣмъ, что у него вообще перо какъ будто бы сѣрѣе; всѣ пестринки на немъ проведены ярче. Главное же отличіе, представляющееся глазамъ, заключается въ томъ, что на груди у него есть пятно темнобурое, имѣющее видъ подковы [4].

Должно замѣтить, что по мѣрѣ устарѣнія какъ самца, такъ и самки, общій сѣроватобурый тонъ ихъ пера густѣетъ и становится ярче.

Наружный видъ куропатки кругловатый, какъ бы скомканный, крѣпкосжатый. Величина ея нѣсколько превосходитъ величину голубя. Средній вѣсъ — фунтъ.

II. ХАРАКТЕРЪ ЕЯ ДВИЖЕНІЙ.

Общій характеръ ея движеній на земи отличается проворствомъ; если она не отдыхаетъ, то непрерывно суетится, хлопочетъ и тормошитъ клювомъ все, что́ ни попадется. Бѣгаетъ она необыкновенно проворно, усиливая скорость бѣга помощью крыльевъ. Взлетаетъ быстро и шумно. Летитъ также весьма быстро, всегда прямолинѣйно, не высоко отъ земли, и, какъ птица короткокрылая, перемѣщается не далеко.

III. ВЫСИЖИВАНІЕ ЯИЦЪ.

Устроивъ себѣ на земи неудобное на видъ гнѣздо въ выкопанной заранѣе ямкѣ, гдѣ-нибудь подъ кустикомъ или подъ хохолкомъ травы въ лугахъ или же въ хлѣбѣ, она устилаетъ его мягкими перьями, и кладетъ въ большей части случаевъ тринадцать (рѣдко 18, еще рѣже 20) яицъ, зеленоватопепельнаго цвѣта, изъ коихъ высиживаетъ можетъ-быть только десятокъ. Высиживаніе продол-

*

жается двадцать-одинъ день. Въ этотъ періодъ, въ особенности къ концу его, самка держится на гнѣздѣ дотого усидчиво, что коснамъ, въ пору уборки сѣна, нерѣдко случалось сносить ей косою голову. Сентъ-Джонъ въ своей любопытной книгѣ * увѣряетъ, что она сидитъ при приближеніи срока вылупленія дѣтенышей дотого крѣпко, что дозволяетъ разсматривать вблизи ея гнѣздо, раздвигать при этомъ траву или кустики, ее скрывающіе, и даже дотрогиваться до нея руками.

IV. КАРТИНА СЕМЕЙНАГО СЧАСТЬЯ.

Около половины іюня мѣсяца, дѣтеныши куропатки являются на свѣтъ, покрытые буроватосѣрымъ пушкомъ, и тотчасъ же вслѣдъ за родителями засуетятся и забѣгаютъ. Не пройдетъ четырехъ, пяти дней, какъ они уже начнутъ перепархивать съ мѣста на мѣсто. Тутъ дѣтскимъ проказамъ конца нѣтъ: малютки то по одиначкѣ прыгаютъ, чтобъ достать верхушку какой-нибудь былинки, которая для нихъ чуть-чуть не тропическая пальма по своей высотѣ; то всѣмъ кагаломъ кинутся на колчаногую саранчу, и разомъ потащатъ ее во всѣ стороны съ пискомъ отъ натуги; то вдругъ изъ среды ихъ выскочатъ нахохлившись два озорника, и разбѣгшись другъ противъ друга, остановятся и начнутъ цѣлить одинъ другому не въ бровь, а прямо въ глазъ. Междутѣмъ посмотрите на мать, какъ она, подобравшись, сидитъ и блюдетъ ихъ: она поводитъ зоркими, блестящими глазками во всѣ стороны, поворачиваетъ головку и вправо и влѣво, высматривая и прислушиваясь, нѣтъ ли бѣды, взглядываетъ вверхъ, не виситъ ли надъ нею ястребокъ. Такова картина семейнаго счастія, созданная животворною рукою природы.

V. МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ КУРОПАТКИ.

О материнской любви куропатки-старки разсказовъ записано множество во всѣхъ странахъ. Къ чести самца однакоже должно сказать, что и онъ не остается равнодушнымъ зрителемъ при заботахъ своей подруги: онъ также ревностно сторожитъ надъ своими малютками. Приведемъ одинъ примѣръ родительской нѣжности этой птицы. «Одна куропатка» — разсказываетъ Пеннентъ — сопутствуемая большимъ выводкомъ весьма молодыхъ дѣтенышей, была внезапно застигнута страшнымъ ливнемъ. Она собрала всѣхъ ихъ подъ себя, и, чтобъ прикрыть ихъ какъ можно болѣе, раскинула крылья, въ защиту отъ налетѣвшей бѣды; но все напрасно. Буря усиливалась. Бѣдная мать, не покидая милыхъ сердцу, предпочла смерть собственному своему спасенію. Мы ее подняли мертвою,

* The Wild Sports and Natural History of the Highlands.

какъ и весь выводокъ, съ распростертыми крыльями, въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ она усиливалась спасти своихъ малютокъ». Хитрости и уловки, употребляемыя самкою для отвода какого бы то ни было хищника отъ мѣста, гдѣ укрыты ея робкія дѣти, удивительны: она то начнетъ бѣгать, припадая, какъ будто бы у ней прищиблена нога; то взлетываетъ и тутъ же опять упадаетъ, какъ бы съ подбитымъ крыломъ, и, завлекая такимъ образомъ незнакомаго съ ея обманами преслѣдователя, отводитъ его въ сторону отъ выводка, къ которому потомъ возвращается окольнымъ путемъ. Уайтъ видѣлъ куропатку-самку, выбѣжавшую изъ канавы съ опущенными крыльями съ такимъ крикомъ, что казалась подраненою и не бывшею въ состояніи уйти отъ него. Пока она разыгрывала такую печальную роль; мальчикъ, сопутствовавшій Уайту, замѣтилъ, какъ ея выводокъ, еще не бывшій въ состояніи летать, вбѣжалъ въ покинутую лисью нору, и тамъ притаился [5].

Объяснительное чтеніе.

О чемъ мы съ вами прочитали? Что это за предметъ куропатка? Можно ли ее назвать тѣломъ? къ органическимъ или неорганическимъ тѣламъ она принадлежитъ? Почему? Къ какого рода органическимъ тѣламъ сопричислить должно? Отчего ее назвать должно животнымъ, а не растеніемъ? Можно ли ее сопричислить къ лошади, коровѣ или овцѣ? Къ какому же роду домашнихъ животныхъ она ближе всего подходитъ? Первые начальные звуки ея имени — куро-патка какую птицу вамъ напоминаютъ? Стало, она принадлежитъ къ *курамъ* или *куриной породы*. Указавши столько признаковъ куропатки, имѣемъ ли мы право называть ее существомъ, предметомъ одушевленнымъ? Есть ли у ней та особенность животныхъ, что они различаются по полу или роду?

1. Кто короткій и слабый? Какая часть тѣла у птицы называется *клювомъ?* За что она такъ называется? Чей же клювъ короткій и слабый? Какой именно самки? А какъ самецъ называется? Стало-быть самца и самку мы называемъ одимъ именемъ? Но такъ ли мы поступаемъ съ домашними курами: называемъ ли самца и самку однимъ и тѣмъже именемъ? Какъ же ихъ называемъ? Итакъ когда скажешь *курица* или *пѣтухъ*, то нужно ли прибавлять слова самка и самецъ? Отчего? Когда же нужно прибавлять къ имени птицы или всякаго животнаго слова: *самецъ* или *самка?*

Каковъ же клювъ у самки-куропатки? Слѣдовательно короткій и слабый—признаки клюва. Что это признаки предметные или личные? А какой признакъ самки-куропатки, отличающій ее отъ самца? Стало, между куропатками мы признаемъ самкою ту, которая несетъ яйца и выводитъ дѣтей? А между другими птицами это отличіе годится ли въ признакъ самца отъ самки? Сколько разъ мы называли отличія признаками,— а умѣете ли вы дать отчетъ, за что отличія называются признаками? Нѣтъ ли для отличій предметовъ у насъ другаго названія? Есть — свойства. Какъ же мы различаемъ эти два названія отличій: признаки и свойства? Вотъ какъ: всякое отличіе предмета называемъ мы признакомъ въ такомъ случаѣ, когда

имѣемъ въ виду, чѣмъ бываетъ и служитъ отличіе для насъ, говорящихъ и наблюдающихъ предметъ—отличіе даетъ намъ возможность признать предметъ;—оттого оно получило названіе признака: но всякое отличіе, помимо насъ, принадлежитъ предмету, каждый предметъ считаетъ отличія его *своими*, своею собственностію, которою онъ владѣетъ — и оттого-то имъ дается другое названіе *свойства;* куропатка несетъ яйца, выводитъ дѣтенышей—по этому отличію мы признаемъ ее самкою, — и говоримъ: вотъ признаки предмета; способность отъ природы нести яйца, выводить дѣтенышей принадлежитъ самкѣ, есть собственность ея,—эту способность она зоветъ *своею,* — и тогда мы говоримъ, это свойство предмета. Значитъ, названія предметныхъ отличій—*признаки* и *свойства* разнятся лишь тѣмъ, что ихъ назвали съ разныхъ сторонъ, по ихъ двойной службѣ: для наблюдающаго лица и для самаго предмета.

2. На что мы указывали въ куропаткѣ, для отличія ея отъ другихъ птицъ? Значитъ различный цвѣтъ пера въ разныхъ частяхъ ея тѣла — есть признакъ куропатокъ? Что этотъ признакъ мы постоянно замѣчаемъ въ куропаткѣ?

3. Какія ноги у куропатки? Стало, *короткія* и проч. признаки ногъ куропаткиныхъ? Постоянно ли куропатки бываютъ съ такого устройства ногами? Нѣтъ ли между ними длинноногихъ, какъ цапля, какъ аистъ? Стало, такое устройство для куропатокъ—признакъ *постоянный,* онъ всегда въ предметѣ находится. Замѣтьте, когда мы подсмотримъ признаки постоянные въ предметѣ, тогда можемъ сказать себѣ и другимъ, какой или каковъ этотъ предметъ: оттого постоянные признаки предмета мы называемъ иначе *качествами,* потому что они даютъ знать о предметѣ, каковъ онъ. Выходитъ, слово *«качество»* есть другое названіе признака, — какъ и свойство. Признакъ, свойство, качество — это все слова, одно и тоже называющія — т. е. отличія предметовъ: если васъ спрашиваютъ, какіе признаки этого предмета: это значитъ, спрашиваютъ, какія свойства вы знаете въ данномъ предметѣ, или качества: и наоборотъ, если васъ спрашиваютъ, какія качества предмета, значитъ надо указать признаки его.

Но какъ ни похожи эти слова между собой, а въ нихъ есть и разница: всякое качество, всякое свойство можно назвать *признакомъ,* но всякій признакъ наоборотъ, нельзя назвать качествомъ или свойствомъ: качествомъ, свойствами зовутъ только постоянныя отличія, признаки постоянные въ предметѣ, а признакомъ напротивъ всякое отличіе, будетъ ли оно постоянное, или кратковременное и минутное; слѣдовательно постоянные признаки предметъ считаетъ *своими,* своею собственностію,—отсюда и названія-свойства,—а признаки непостоянные предметъ не считаетъ своею собственностію; они въ немъ то бываютъ, то не бываютъ; а слѣдовательно по однимъ такимъ признакамъ нельзя составить себѣ вѣрнаго и яснаго понятія, каковъ предметъ,—оттого-то они и не зовутся *качествами.*

4. Во всей статьѣ говорено больше о самкѣ, нежели о самцѣ; по изъ прочтеннаго можно узнать, какіе признаки принадлежатъ самцу? Признаки по виду—кругловатый, скомканный, крѣпкосжатый, принадлежатъ одной ли самкѣ? Слѣдовательно это—признаки общіе той и другому. Цвѣтъ пера—сѣроватобурый, съ пестринами, развѣ принадлежитъ одной самкѣ? Однакожъ цвѣтъ пера у самца точно ли такой же, какой у самки? Нѣтъ ли какой разницы, особенности? Устройство ногъ, величина и вѣсъ куропатки — тоже относится къ обоимъ? Но нѣтъ ли признаковъ,

принадлежащихъ одному самцу? Темнобурое пятно на груди, въ видѣ подковы — принадлежитъ лишь самцу, у самки его нѣту: значитъ, предметъ имѣетъ у себя и признаки такіе, какіе есть и у другихъ предметовъ, и такіе признаки, какихъ нѣтъ въ другомъ предметѣ; первые общіе съ другимъ предметомъ, а вторые особенные, собственно ему принадлежатъ: оттого первые называются *общими*, а вторые— *особенными*. Отъ общихъ признаковъ происходитъ то, что нѣсколько предметовъ носятъ одно и тоже имя: *птица*, *куропатка*, *курица*. Укажите, какіе есть признаки общіе у самки-куропатки съ куропаткою — самцомъ, и какіе есть общіе признаки съ домашнею курицей.

Если мы хотимъ узнать, каковъ предметъ, то всегда должны примѣтить и общіе съ другими въ предметѣ признаки и особенные его. — Первые нужно знать для того, чтобы не потеряться въ безконечномъ количествѣ предметовъ, а вторые для того, чтобъ не затерять предмета между сродными. Видя признаки общіе въ предметахъ, мы изъ нихъ составляемъ особые разряды, и даемъ имъ одно названіе: такъ видя нѣкоторыхъ животныхъ, что они летаютъ, мы назвали ихъ *птицами*; птицы — особенный отдѣлъ животныхъ; — замѣчая устройство птицъ и ихъ особенности одной отъ другой, мы строимъ новые отдѣлы: такъ — птицъ съ невысокими ногами, съ клювомъ, покороче головы, съ крыльями короткими, съ способностью летитъ низко и тяжело и др. назвали курицыми — это особый отдѣлъ птицъ.

Благодаря знакомству съ общими свойствами предметовъ, человѣкъ облегчилъ для себя трудъ познанія, разпредѣливъ ихъ на разные отдѣлы: распредѣленіе предметовъ природы по отдѣламъ ихъ зовется иностраннымъ словомъ—*классификаціею*.

5. Теперь, изучивши куропатку съ разныхъ сторонъ, вы знаете ея видъ, знаете цвѣтъ ея пера на разныхъ частяхъ ея тѣла, знаете, сколько она несетъ яицъ и проч., можете ли признать, если вамъ поймаютъ и принесутъ ее? По какимъ признакамъ догадаетесь, что это именно куропатка, а не ястребъ или другая какая птица? Кругловатость наружнаго вида, пестрота цвѣтовъ его пера на различныхъ частяхъ, короткость ногъ, крыльевъ и клова, тяжелый и недалекій полетъ, способность несть до 13 и болѣе яицъ, кормъ по преимуществу зернами — все это — признаки куропатки; по нимъ-то вы рѣшите, что это куропатка, а не другая какая птица. Не будь у нея всѣхъ изчисленныхъ признаковъ, вы уже не назовете ея куропаткою: значитъ, безъ этихъ признаковъ она ужъ будетъ птицею другой породы, но никакъ не куропаткой. Посмотрите на ястреба, который иногда нападаетъ на дѣтенышей куропатки, да не щадитъ и другихъ птичекъ,— посмотрите, клювъ у него заостренный, крѣпкій, крылья ужъ не короткія, летаетъ онъ высоко и быстро, питается животными,—это хищникъ, а не скромная птичка, питающаяся зернами, какъ куропатка; чтожъ у него общаго съ куропаткой, и что особеннаго? Какіе признаки указываютъ въ немъ другую породу птицъ, и какіе показываютъ, что онъ тоже птица? Безъ какихъ признаковъ онъ не можетъ быть птицею, и безъ какихъ — хищникомъ, хищною птицей? Выходитъ, въ предметахъ есть такіе признаки, съ которыми они существуютъ всегда, которые всегда при нихъ, а потому мы только по нимъ лучше и вѣрнѣе можемъ признать предметы. Такіе признаки, которые нераздѣльно соединены съ предметомъ, указываютъ на его существо, съ которыми предметъ постоянно и всегда существуетъ, такіе признаки называются *существенными*. Отнимите ихъ отъ предмета,— вы получите уже другой

предметъ: наблюденія и знанія такихъ признаковъ особенно важно при распредѣленіи предметовъ по разрядамъ, или при классификаціи.

Но если вы увидите куропатку, у которой напр. цвѣтъ пера посѣрѣе, чѣмъ у другихъ, у которой есть на груди темнобурое пятно въ видѣ подковы, которая снесла 18 яицъ, а не 13, какъ обыкновенно, но за всѣмъ тѣмъ у которой остались отличія тѣже самыя, что у всей ея породы; то назовете ли такую птицу куропаткою? Признаки: большая сѣроватость пера, темнобурое пятно, въ видѣ подковы и количество яицъ снесенныхъ — не постоянны, не всегдашни для всѣхъ куропатокъ, но *случаются* у нѣкоторыхъ; и такіе признаки въ состояніи ли заставить васъ исключить такихъ птицъ изъ ихъ куриной породы? Значитъ, у предмета есть еще отличія, которыя бываютъ, *случаются* у него, но существа его не составляютъ? такія отличія или качества, такіе признаки предмета называются *случайными,* зато — что они только случаются у нѣкоторыхъ предметовъ извѣстнаго рода, а не у всего рода. По такимъ признакамъ опасно распредѣлять предметы по разрядамъ: какъ разъ сдѣлаешь ошибку,—а потому и не должно на нихъ основываться при размѣщеніи предметовъ по классамъ. Какіе изъ этихъ признаковъ кажутся вамъ важнѣе для предмета—существенные или случайные?

95. Сила слова.

Въ концѣ прошлаго вѣка, въ Москвѣ было (отъ 1781 — 1784) Дружеское ученое общество, достопамятное не одною ревностью къ просвѣщенію, но и множествомъ дѣлъ истинно человѣколюбивыхъ [1]. Въ одномъ изъ засѣданій этого общества *, Новиковъ (род. 1744,

---

* По мысли профессора Шварца, *Дружеское ученое общество* — общ. ученопедагогическое и филантропическое—составилось въ Москвѣ въ 1781 году, сперва въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, потому-что члены его, по недостатку денежныхъ средствъ, ограничились сначала только заботами о переводѣ книгъ. Но вскорѣ Шварцъ сошелся съ однимъ богачомъ, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ, который рѣшился ему содѣйствовать. Вслѣдъ затѣмъ многіе другіе богатые и знатные люди изъявили готовность сдѣлать значительныя пожертвованія на пользу общества: въ числѣ ихъ были князья Трубецкіе, Николай и Юрій Никитичи, особенно кн. Николай и супруга его, урожденная княжна Черкасская, женщина необыкновеннаго ума и энергіи, кн. Александръ Алексѣевичъ Черкаскій, Василій Васильевичъ Чулковъ, кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій и др. Открытіе этого общества официально разрѣшилъ московскій главнокомандующій графъ З. Г. Чернышевъ и мудрый, добродѣтельный митрополитъ московскій Платонъ. Самое открытіе общества происходило въ домѣ П. А. Татищева, 6 ноября, 1782 года въ присутствіи графа З. Г. Чернышева. Нѣсколько рѣчей было произнесено при этомъ торжествѣ. Цѣлью этого общества, какъ объяснено въ печатныхъ приглашеніяхъ на открытіе его, было: печатаніе учебныхъ книгъ, раздача ихъ по семинаріямъ и воспитаніе 30 молодыхъ людей въ педагогической семинаріи. Дѣятельными сподвижниками его были проф. Шварцъ и незабвенный ревнитель просвѣщенія Н. Ив. Новиковъ. Впрочемъ не однимъ словомъ или книгами, но и дѣломъ умѣли дѣйствовать его члены: множество неимущихъ стали получать отъ общества помощь и призрѣніе. Общество это существовало до 1784 года; о закрытіи его ничего неизвѣстно, по крайней мѣрѣ слѣды его изчезаютъ со времени учрежденія типографической компаніи.

ум. 1818) говорилъ рѣчь по случаю бывшаго тогда въ Москвѣ голода и неслыханной дороговизны припасовъ [2]. Бѣдствія неимущаго класса были описаны имъ столь краснорѣчиво [3], сладкое чувство благотворительности изображено столь живо [4], что все собраніе было тронуто [5]. Тогда въ толпѣ слушателей всталъ человѣкъ, еще не старый [6], подошелъ къ оратору [7], и пошепталъ ему что-то на ухо [8]. Человѣкъ этотъ былъ богачъ, Григорій Максимовичъ Походяшинъ. Рѣчь Новикова такъ сильно на него подѣйствовала, что онъ тутъже отдалъ на помощь бѣднымъ все свое состояніе, если не ошибаемся, болѣе милліона рублей, и поручилъ Новикову распоряжаться этой суммой. На эти деньги была открыва Новиковымъ безденежная раздача хлѣба неимущимъ въ Москвѣ и въ подмосковной его, Авдотьинѣ *: что весьма изумило всѣхъ, потому-что москвичи, хотя и привыкшіе къ благотворительнымъ дѣйстіямъ Новикова и его общества, не могли понять, откуда взялись средства къ такому предпріятію, когда четверть ржи стоила, какъ говорятъ, до двадцати рублей. Съ этой минуты, добровольно раззорившійся Походяшинъ исполнился какого-то благоговѣнія къ Новикову. Въ обществѣ думали, что онъ раззорился на лѣченіе жены своей, и только впослѣдствіи узнали настоящую причину его бѣдности. Походяшинъ пережилъ Новикова нѣсколькими годами, но память умершаго друга оставалась для него постоянно священною. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ видѣлъ его въ Петербургѣ незадолго до его смерти. Надъ смертнымъ одромъ Походяшина висѣлъ портретъ Новикова, и смотрѣть на него было единственнымъ утѣшеніемъ человѣка, жившаго когда-то въ роскоши, и умиравшаго на чердакѣ, въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ.

М. Лонгиновъ.

Пояснительное чтеніе.

1. Что было? какое общество? чѣмъ достопамятное? къ чему ревностью? еще чѣмъ достопамятное? Чего множествомъ? какихъ дѣлъ? Когда и гдѣ было? Что говорится про друж. уч. общество? Чтоже этимъ «было» признаемъ въ предметѣ? Стало, по существованію, бытію предмета мы можемъ примѣчать, признавать предметъ? Слѣдственно бытіе предмета есть его признакъ? Да, бытіе, существованіе есть первый признакъ всякаго предмета.

2. Кто говорилъ? Что говорилъ? Гдѣ говорилъ? по какому случаю говорилъ рѣчь? Какого голода? Когда и гдѣ бывшаго? и еще по какому случаю говорилъ Новиковъ? чего и какой дороговизны? Кто здѣсь предметъ, о которомъ говорится? Почему мы знаемъ, что былъ Новиковъ въ засѣданіи общества? А когда говорилъ онъ, то дѣйствовалъ ли онъ, или въ бездѣйствіи находился? Слѣдственно су-

* Село Авдотьино, имѣніе незабвеннаго Н. Ив. Новикова, лежитъ въ бронницкомъ уѣздѣ московской губерніи, и съ 1855 г. принадлежитъ москов. комитету для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни.

ществованіе, бытіе предмета чѣмъ заявляется отъ него? А что такое дѣйствовать? Была ли рѣчь прежде, нежели Новиковъ говорилъ? Стало, онъ *произвелъ* ее: дѣйствовать и производить что-нибудь, чего не было, сходны между собой? Когда предметъ производитъ другой предметъ, то дѣйствіе можетъ ли въ немъ одномъ оставаться, или должно переходить на другой предметъ? Слѣдственно, когда предметъ дѣйствуетъ, производитъ, тогда входитъ ли онъ въ соприкосновеніе съ другимъ предметомъ? Итакъ мы видимъ, что предметъ заявляетъ свое бытіе, существованіе дѣйствіями, т. е. тѣмъ, что онъ дѣлаетъ или можетъ и долженъ дѣлать: это значитъ, *дѣйствія* предмета, *дѣятельность* его есть второй признакъ предмета. По дѣйствіямъ своимъ предметы часто получаютъ названія себѣ: напр. вы что въ классѣ дѣлаете? учитесь? это ваше дѣло; по этому дѣйствію васъ зовутъ учениками, а меня какъ? скажите, по какимъ дѣйствіямъ зовутъ людей купцами, пахарями, чиновниками, ремесленниками.

3. Что описаны? чьи бѣдствія? А какой предметъ — бѣдствія — вещественной, невещественной или явленіе? Что же сказано про бѣдствія? Стало-быть, бѣдствія эти были? По чемъ вы признаете ихъ бытіе? Кто ихъ описалъ тогда? Стало, дѣйствіе «описывать» производилъ Нов., а не бѣдствія? Значитъ, бѣдствія тутъ являются не дѣйствующими, т. е. не описывающими, но описанными, т. е. являются въ такомъ состояніи, въ какое приводитъ ихъ сторонній предметъ. Такое состояніе предмета, въ которомъ онъ является недѣйствующимъ своею силою, но зависящимъ вполнѣ отъ другаго, называется *страдательнымъ* или, (лат. слов.) пассивнымъ; противополагая дѣйствію, его называютъ также *страданіемъ*.

4. Что изображено? Какое чувство? Чувство чего? Какъ изображено? А здѣсь предметъ показываетъ свое бытіе дѣйствіемъ или страданіемъ? Онъ ли самъ производитъ изображеніе, или его приводитъ въ изображеніе, изображаетъ другой, сторонній?

5. Что было тронуто? Здѣсь собраніе ли дѣйствуетъ или сторонній предметъ? Оно ли трогало или Новиковъ тронулъ его?

6. Кто всталъ? Гдѣ всталъ? Въ толпѣ чего? Какой человѣкъ всталъ? Что сдѣлалъ человѣкъ еще не старый? Стало, здѣсь бытіе предмета обнаруживается дѣйствіемъ? Но это дѣйствіе переходитъ ли на другой предметъ или остается, пребываетъ только въ немъ, состоитъ съ нимъ? Такое дѣйствіе, которое не переходитъ на другой предметъ, называется *состояніемъ*.

7. Кто подошелъ? Къ кому подошелъ? Это дѣйствіе переходитъ ли на другой предметъ, какъ дѣйствіе «говорилъ?» Стало-быть, «подошелъ» выражаетъ дѣйствіе или состояніе?

8. Кто пошепталъ? Кому пошепталъ? Что пошепталъ? Какъ пошепталъ? Что сдѣлалъ человѣкъ еще не старый? Стало-быть, пошепталъ обнаруживаетъ бытіе предмета дѣйствіемъ, страданіемъ или состояніемъ? Итакъ бытіе предмета обнаруживается дѣйствіемъ переходящимъ на другой предметъ (т. е. дѣйствіемъ собственно), дѣйствіемъ непереходящимъ (т. е. состояніемъ) и дѣйствіемъ, произведеннымъ отъ другаго предмета (т. е. страданіемъ).

По дѣйствію, состоянію и страданію мы умѣемъ отличать одинъ предметъ отъ другаго, умѣемъ признать его такимъ, а не другимъ; слѣдовательно каждый изъ нихъ будетъ *признакомъ* предметовъ?

96. О томъ, какъ живали въ старину.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное;
Приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,
Какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые.
А то-то, родимые, были вѣки мудрые,
Вѣки мудрые, народъ все православный!
Живали-то старики не по нашему,
Не по нашему, по заморскому,
А по своему, православному:
Вставали ранымъ-раненько, съ утренней зарей;
Умывались ключевой водой, со бѣлой росой;
Молились всѣмъ святымъ и угодникамъ;
Кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада;
Выходили на красенъ крылецъ, со рѣшеточкой:
Созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла;
Старики судъ рядили, молодые слушали;
Старики придумывали крѣпкія думушки,
Молодые бывали на посылушкахъ...
Бывали радости великія на великъ день;
Бывали бѣды со кручинами на велико сиротство.
А что́ было, то быльемъ поросло;
А что́ будетъ, то будетъ не по старому, а по новому.
Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того!
А царю бѣлому, государю русскому все на честь и хвалу.

97. О священныхъ одеждахъ.

Священныя одежды, употребляемыя при совершеніи литургіи и другихъ богослуженій, суть слѣдующія [1]:

Стихарь — одежда общая всему клиру — длинная и круглая [2]. Въ древнія времена дѣлали его изъ матеріи или бѣлой, для изображенія чистоты жизни лицъ освященныхъ, или полосатой, въ воспоминаніе язвъ Христовыхъ [3]. На священникѣ и епископѣ стихарь называется *подризникомъ*, потому что носится подъ ризою, или верхнею одеждою.

Поручи, или короткіе нарукавники, назначенные для стягиванія широкихъ рукавовъ одежды священнослужительской. Въ духовномъ смыслѣ онѣ означаютъ узы Спасителя, въ которыхъ Онъ приведенъ былъ къ Пилату на судъ.

Орарь—облаченіе собственно діаконовъ, которое носятъ они на лѣвомъ плечѣ. Первоначально ораремъ называлось тонкое, узкое и длинное полотно, которымъ діаконы отирали уста причащающихся Св. Таинъ, также показывали народу порядокъ и дѣйствія богослуженія, т. е. когда надобно было молиться, или пѣть, или вста-

вать съ мѣстъ, или выходить изъ церкви оглашеннымъ. Св. Златоустъ даетъ этому облаченію знаменованіе ангельскихъ крыльевъ, потому-что и самый чинъ діаконскій изображаетъ служеніе ангеловъ.

Епитрахиль — облаченіе священника, сдѣланное изъ ораря, въ знакъ того, что священникъ былъ нѣкогда діакономъ, и въ отсутствіе его можетъ совмѣщать діаконскую должность. Въ духовномъ смыслѣ епитрахиль служитъ знаменіемъ благодатныхъ даровъ, сообщаемыхъ священнику для совершенія таинствъ; и потому священникъ не отправляетъ безъ нея никакой службы церковной, такъ же какъ діаконъ безъ ораря.

Поясъ, который носитъ священникъ поверхъ подризника для большаго удобства при священнослуженіи, означаетъ силу и готовность служить Господу.

Набедренникъ— четвероугольное и продолговатое облаченіе, подобное епитрахили, которое носитъ священникъ на правой сторонѣ. Набедренникъ означаетъ мечъ духовный, которымъ пастырь долженъ отражать враговъ христовой церкви. Онъ дается не всѣмъ, а только старшимъ служителямъ церкви, въ знакъ участія ихъ въ церковномъ управленіи.

Фелонь, или *риза*, верхняя одежда священника, длинная, круглая, безъ рукавовъ и съ вырѣзомъ напереди для удобнѣйшаго дѣйствованія. Она означаетъ хламиду, въ которую воины облекли Іисуса Христа предъ распятіемъ. Въ древнія времена, риза была общимъ облаченіемъ священниковъ и архіереевъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у высшихъ чиновъ епископскаго сана она украшалась многими крестами, и оттого называлась *полиставріонъ*. Но съ IV вѣка, архіереи стали носить такъ-называемый саккосъ.

Саккосъ — одежда архіерейская, подобная стихарю. Это было облаченіе греческихъ императоровъ, которые, изъ уваженія къ верховнымъ пастырямъ церкви, первоначально предоставили носить его однимъ патріархамъ цареградскимъ, потомъ митрополитамъ, а наконецъ и всѣмъ епископамъ *. Въ духовномъ смыслѣ саккосъ означаетъ тоже, что и фелонь.

Палица—небольшое четвероугольное облаченіе, которое носитъ архіерей на правой сторонѣ. Она, вмѣстѣ съ набедренникомъ (который при палицѣ носится на лѣвой сторонѣ), означаетъ въ пастырѣ сугубую ревность и силу противъ враговъ церкви, видимыхъ и невидимыхъ. Палица дается и архимандритамъ и нѣкоторымъ заслуженнѣйшимъ протоіереямъ.

Омофоръ (нарамникъ)—облаченіе, исключительно принадлежащее архіерею. Видомъ своимъ онъ походитъ на орарь, только го-

---

* Россійскіе патріархи, по примѣру ветхозав. первосвященниковъ (Исх. XXVIII, 15), носили поверхъ саккоса на груди *приперсникъ*, а внизу, по краямъ всего саккоса, *звонцы*, или залотые колокольчики. Патріарш. чинов., печат. при патр. Іоакимѣ.

раздо шире, и возлагается на оба плеча архіерея поверхъ всѣхъ одеждъ. Омофоръ замѣняетъ такъ называемый *ефудъ* ветхозавѣтнаго первосвященника, съ *словомъ суднымъ*, на которомъ, въ двѣнадцати драгоцѣнныхъ камняхъ, изображены были имена сыновъ израилевыхъ. Одежда христіянскаго первосвященника, вмѣсто камней, украшается крестами, какъ отличительнымъ знаменіемъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа. Облекаясь въ омофоръ, архіерей представляетъ собою образъ Іисуса Христа, который понесъ на раменахъ своихъ грѣхи всего міра, и содѣлался ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ.

Митра—подобіе вѣнца царскаго — введена въ употребленіе въ замѣнъ *кидара*, который носилъ на головѣ іудейской первосвященникъ. Митра есть знаменіе славы Господней и власти, даруемой высшимъ служителямъ церкви. Она изображаетъ также терновый вѣнецъ, который возложенъ былъ на главу Іисуса Христа во время Его страданій.

Посохъ архіерея есть знакъ пастырской власти, а *панагія* и *крестъ*, которые онъ носитъ на персяхъ, напоминаютъ о высокомъ благочестіи, какое долженъ имѣть первосвятитель.

Объяснительное чтеніе.

1 Что мы хотимъ перечислять? Какой предметъ по происхожденію, естественной или искуственный? Почему искуственный? Какія одежды станемъ изчислять? Зачто они называются священными?

2. Что такое стихарь? Какая это одежда? Чѣмъ же мы его признаемъ и отличаемъ отъ другихъ одеждъ? Стало, по виду и величинѣ можно признавать предметъ? Отчего же этотъ предметъ нельзя признавать по дѣйствію?

3. Изъ чего дѣлали въ др. времена стихарь? Длячего изъ бѣлой? Еще изъ какой матеріи дѣлали его? Длячего? Чѣмъ же отличалась одна матерія отъ другой? Стало и по цвѣту можно различать предметы? Укажите нѣсколько предметовъ, которые можно признать по виду, цвѣту. А изъ чего дѣлаютъ нынѣ стихари? Стало, шелковой, парчевой—признаки св. одежды. А изъ другой матеріи можно дѣлать? Чѣмъ же различаютъ между собой крашенинные и парчевые стихари? Стало, предметы можно признавать и потому, изъ чего они сдѣланы? А видъ предмета, вещество, изъ котораго онъ сдѣланъ—постоянные ли признаки въ предметѣ? А какими словами мы называли постоянные признаки предмета?

98. О священныхъ сосудахъ.

Священные сосуды и вещи, употребляемыя при совершеніи литургіи, суть слѣдующія:

Дискосъ, или священное блюдо, на которомъ полагается хлѣбъ, прелагаемый въ тѣло Христово. Въ таинственномъ смыслѣ онъ

означаетъ *ясли*, въ которыхъ положенъ новорожденный Богочеловѣкъ, и *гробъ*, въ которомъ погребено Его пречистое тѣло.

Потиръ, или чаша, въ которую вливается вино, прелагаемое въ кровь Христову. Потиръ изображаетъ ту чашу, въ которой Іисусъ Христосъ предложилъ ученикамъ Свою кровь, подъ видомъ вина.

Оба эти сосуда употребляются со временъ апостольскихъ, и въ древнія времена дѣлаемы были изъ дерева, а чаша изъ стекла; нынѣ же дѣлаются большею частію изъ дорогихъ металловъ — серебра и золота.

Звѣздица, или два полукруга, крестообразно соединенные. Она введена въ употребленіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, св. Іоанномъ Златоустымъ длятого, чтобы вѣрнѣе опредѣлять средину дискоса, гдѣ долженъ находиться Агнецъ, и чтобы покровы не касались частицъ, въ порядкѣ расположенныхъ. Звѣздица напоминаетъ ту звѣзду, которая довела волхвовъ до мѣста рожденія Спасителя.

Покровы, или три четвероугольныя пелены, изъ коихъ одною покрывается дискосъ, другою—потиръ, а третьею и тотъ и другой. Третій покровъ называется *воздухомъ*, потому 1, что какъ воздухъ объемлетъ землю, такъ эта пелена объемлетъ и покрываетъ св. дары, и 2, что имъ вѣютъ, или колеблютъ надъ дарами, предъ ихъ освященіемъ. Покровы означаютъ пелены, которыми обвито было тѣло умершаго Господа.

Копіе — употребляется для вырѣзыванія частицъ, полагаемыхъ на дискосѣ. Оно означаетъ то копье, которымъ прободены ребра Спасителя на крестѣ.

Лжица, введенная въ употребленіе, какъ говорятъ нѣкоторые *, св. Іоанномъ Златоустымъ для причащенія мірянъ. Въ древнія времена тѣло Христово преподаваемо было вѣрующимъ въ руки, какъ нынѣ преподается священнослужителямъ.

Губка (грецкая), которою отираютъ священные сосуды и собираютъ въ одно мѣсто частицы на дискосѣ. Она напоминаетъ ту губу, которую воинъ, напитавши желчію и уксусомъ, подалъ распятому Спасителю.

Рипиды (опахала), употребляемыя нынѣ при архіерейскомъ служеніи, первоначально дѣлались изъ павлиньихъ перьевъ, или изъ полотна, и назначены для предохраненія св. даровъ отъ насѣкомыхъ. Въ настоящее время дѣлаются изъ металловъ, съ изображеніемъ херувимовъ, чтобы чрезъ это видимо представлять присутствіе невидимыхъ духовъ при совершеніи таинства.

---

* Никиф., церк. ист. кн. 13, гл. 7.—Поводомъ ко введенію лжицы было, говорятъ, злоупотребленіе нѣкоторыхъ дерзновенныхъ людей, которые уносили св. дары домой, и суевѣрно употребляли въ разныхъ случаяхъ. Чет. мин. ноября 8 дня, въ житіи св. Ѳеоктисты.

Дикирій — двусвѣчникъ и *трикирій* — трисвѣчникъ, — употребляемые также при архіерейскомъ служеніи. Ими первосвятитель осѣняетъ народъ, и подаетъ благословеніе отъ имени Божія.

99. Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая [1].
Вотъ первая—себѣ безъ шума и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачъ несется [2];
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.
Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умо́лку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Объяснительное чтеніе.

1. Кто ѣхали? Сколько бочекъ ѣхало? Все ли равно сказать: бочки ѣхали или двѣ бочки ѣхали? Чѣмъ же различаемъ мы бочки въ той и другой рѣчи? Да, въ одной рѣчи значится только, что бочекъ много, а сколько ихъ именно, того не сказано, а въ другой напротивъ опредѣлено, сколько бочекъ: этимъ мы и различаемъ бочки въ той и другой рѣчи? Чѣмъ отмѣчено неопредѣленное множество бочекъ въ словѣ, и чѣмъ опредѣленное число? Значитъ, предметы мы можемъ отличать одинъ отъ другаго не только дѣйствіемъ, видомъ, но и количествомъ? Отличіе по количеству какой будетъ признакъ по существу его: предметный или личный? Для показанія количества есть ли у насъ особенныя слова? — Чѣмъ мы далѣе отличаемъ одну бочку отъ другой?

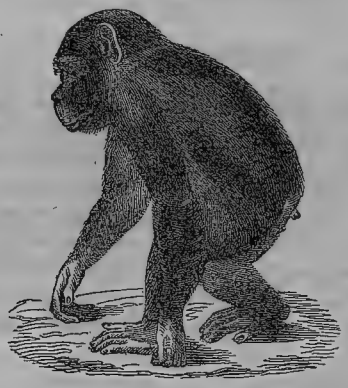
2. Что первая дѣлаетъ? Какъ? Что такое хотятъ придать словечкомъ *себѣ*? Кто плетется? Какую разницу вы чувствуете въ словахъ между *первая* и *одна*? Въ чемъ они сходны? нѣтъ ли такой же разницы между двѣ и вторая или другая? А между три и третья? Итакъ при количествѣ предметовъ мы указываемъ или просто число, счетъ ихъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ указываемъ порядокъ, въ которомъ предметы слѣдуютъ одинъ за другимъ.

100. Лѣсовикъ кимпези, или шимпанзе.

I. РАЗЛИЧНЫЯ НАЗВАНІЯ АФРИКАНСКОЙ ОБЕЗЬЯНЫ.

Въ древности называли *троглодитами*, т. е. обитателями пещеръ, особую породу людей, которая впрочемъ, вѣроятно, была не что иное, какъ обезьяны изъ семейства собачеголовыхъ [1] *. Жоффруа Сентъ-Илеръ выбралъ это названіе для обозначенія африканской обезьяны, ближе всѣхъ другихъ животныхъ подходящей къ человѣку по организаціи [2]. Это сходство выражаютъ всѣ имена, данныя этой обезьянѣ: то называютъ ее *понго*, словомъ, которымъ негры называютъ лѣснаго духа, родъ нашего *лѣшаго;* то—*кожасъ мору*, что на ангольскомъ языкѣ значитъ *лѣсной человѣкъ*. Въ Конго называютъ ее словомъ *енжоко* (изъ этого слова Бюффонъ сдѣлалъ *жоко*), означающимъ повелительное наклоненіе глагола *молчу: енжоко-молчи;* это послѣднее названіе происходитъ отъ мнѣнія негровъ Конго, которые думаютъ, что она молчитъ только потому, что не хочетъ говорить, и боится, чтобъ ее не поработили и не заставили работать. Но всѣ эти имена прилагаются къ настоящему имени кимпези, какъ только эпитеты. Подъ названіемъ же кимпези, это животное извѣстно жителямъ всего гвинейскаго берега. Изъ *кимпези* Кювье сдѣлалъ *шимпанзе*.

II. ОТЛИЧІЕ КИМПЕЗИ ПО ВИДУ ОТЪ ДРУГИХЪ ОБЕЗЬЯНЪ.



* За 336 лѣтъ до Р. Х. карѳагенцы подъ предводительстомъ Ганнона пристали къ западной Африкѣ. Безчисленная толпа обезьянъ (вѣроятно кимпези) наблюдала за высадкою карѳагенцевъ, которые, принявъ ее за непріятельское войско, тотчасъ атаковали ее. Кимпези не приняли сраженія на чистомъ полѣ, но съ поспѣшностію бросились на скалы, и оттуда храбро защищались каменьями. Овладѣли только тремя самками, которыя дрались съ такою яростію, что невозможно было взять

Эта обезьяна при первомъ на нее взглядѣ отличается отъ всѣхъ другихъ черепомъ, довольно круглымъ, но обезображеннымъ выдающимися надглазными гребнями,—носомъ приплюснутымъ и далеко поставленнымъ отъ рта,—чрезвычайно подвижными и какъ бы очень тонкими прорѣзанными губами. Довольно развитая нижняя часть туловища вмѣстѣ съ зачаточнымъ развитіемъ мышцъ ногъ даетъ кимпези возможность стоять и ходить на двухъ ногахъ; не смотря на это онъ, какъ и всѣ другія обезьяны, по преимуществу животное лазающее: что̀ условливается отдѣляющимся и противуполагающимся большимъ пальцомъ четырехъ рукъ.

Черная шерсть кимпези, довольно густая на спинѣ и плечахъ, рѣдка на передней части его тѣла. На головѣ же волосы очень длинны и имѣютъ по срединѣ естественный проборъ. Ручныя кисти широки, пальцы соразмѣрны. Ногти плоски, похожи на человѣческіе. Защечныхъ мѣшковъ и хвоста, признаковъ, такъ удаляющихъ обезьянъ отъ человѣка, онъ не имѣетъ, но имѣетъ мозоли, какъ всѣ обезьяны стараго свѣта, за исключеніемъ орангъ-утанга, который ежели и ближе въ этомъ отношеніи подходитъ къ человѣку, то въ общемъ очертаніи головы, способѣ хожденія и въ особенности смысломъ, далѣе отъ него, нежели кимпези.

Хотя многіе естествоиспытатели думаютъ, что кимпези не бываетъ ростомъ болѣе $1\frac{1}{4}$ аршина, но Боатаръ, основываясь на разсказахъ путешественниковъ, полагаетъ, что онъ достигаетъ $1\frac{3}{4}$ и даже $2\frac{1}{4}$ арш. Въ самомъ дѣлѣ, Жакелина, кимпези парижскаго ботаническаго сада, была $1\frac{3}{4}$ арш., а мать носила ее на рукахъ.

Кимпези живетъ въ Гвинеѣ, Конго, Анголѣ и Лоанго.

III. Разсказы ученыхъ о смышлености кимпези.

1. Если повѣрить путешественникамъ,—порабощенный кимпези можетъ исполнять все то, что̀ исполняетъ негръ. Въ Лоанго видѣли самку, которая носила въ кувшинахъ воду, ходила въ лѣсъ за дровами, мела жилище, стлала постели, вертѣла вертелъ и пр. и пр. Однажды она заболѣла; медикъ, бывшій при этомъ, пустилъ ей кровь; годъ спустя, она снова занемогла, тотъже медикъ вошелъ къ ней, она тотчасъ протянула ему руку, и знаками просила пустить ей опять кровь.

2. «Я видѣлъ, пишетъ Бюффонъ, какъ это животное подавало руку лицамъ, его посѣщавшимъ, какъ оно ихъ провожало, гуляло

ихъ живыми. Ганнонъ, принимая ихъ за дикихъ женщинъ, покрытыхъ шерстью, велѣлъ содрать съ нихъ кожу. Шкуры эти были положены въ храмѣ Юноны, въ Карѳагенѣ, гдѣ два вѣка спустя римляне, по взятіи города, еще нашли ихъ. Весьма вѣроятно, что понятіе о сатирахъ, сильванахъ, фавнахъ и пр. произошло отъ плохо извѣстной исторіи кимпези.

съ ними, какъ бы принадлежа къ ихъ обществу. Я видѣлъ, какъ оно садилось за столъ, развертывало салфетку, утирало ею губы, употребляло вилку и ложку для поднесенія ко рту пищи, наливало питье въ стаканъ, и чокалось имъ, когда его къ тому приглашали, брало чашку и блюдечко, ставило ихъ на столъ, клало сахаръ, наливало чай, и давало ему остыть,—и все это оно дѣлало, повинуясь только знаку своего господина и даже часто по собственному своему желанію. Это животное очень любило конфекты; оно пило и вино, но въ маломъ количествѣ, и всегда предпочитало ему молоко, чай и другіе сладкіе напитки.

«Но вотъ какую черту Бюффонъ оставилъ безъ вниманія, говоритъ Латрелль; этотъ фактъ мнѣ передалъ очевидецъ. Жоко, жившій у Бюффона, особенно полюбилъ одну даму, иногда посѣщавшую естествоиспытателя, и любовь эта переродилась въ сильную ревность. Жоко не могъ видѣть, чтобы кто-нибудь изъ мужчинъ къ ней подошелъ. Если это случалось, онъ вооружался палкой или тростью, и нападалъ на лицо, возбудившее въ немъ ревнивое чувство. Одинъ Бюффонъ составлялъ исключеніе изъ этого правила».

Это явленіе весьма замѣчательно; его наблюдали и въ другихъ обезьянахъ.

Но сходство обезьяны съ человѣкомъ ограничивается только, если можно выразиться, внѣшностями; ибо умъ умнѣйшей обезьяны-кимпези—не болѣе какъ смышленость, а не разумъ человѣка, способность, какъ выражается Фридерикъ Кювье, которая можетъ возвращаться на себя, можетъ изучать себя,—посредствомъ которой человѣкъ знаетъ, что онъ знаетъ, мыслитъ, что онъ мыслитъ, и чувствуетъ, что онъ чувствуетъ. Словомъ, сходство кимпези, какъ и другихъ обезьянъ, одностороннее, внѣшнее, и, конечно, ежели бы сравнивать предметы не было гораздо легче, нежели ихъ различать, ежели бы первое не предшествовало послѣднему, то большая часть людей удивлялась бы существенному отличію человѣка отъ обезьянъ, и не замѣчала бы немногихъ внѣшнихъ признаковъ сходства въ организаціи. То, что́ народъ иногда сливаетъ, наука разумно раздѣляетъ.

3. Физіогномія этого животнаго, разсказываетъ Бленвиль о кимпези въ своей запискѣ для доктора Лессона, задумчива и серьезна; къ этому примѣшивается что-то кроткое и даже любящее. Оно показываетъ туже привязанность къ своему господину и лицамъ, за нимъ ухаживающимъ, какую имѣлъ орангъ-утангъ, жившій въ нашемъ (т. е. парижскомъ) ботаническомъ саду. Это животное очень смирно и послушно волѣ не только своего господина, но и всѣхъ вообще. Достаточно одного возвышенія голоса, чтобы остановить его, подозвать и, какъ ребенка, заставить цѣловать себя.

Оно ходитъ по землѣ большею частію, какъ ходитъ орангъ-

утангъ, т. е. на четверенькахъ, не много косвенно, опираясь спереди на согнутыя сочлененія первыхъ и вторыхъ суставовъ; но оно становится на ступни гораздо болѣе орангъ-утанга, который опирается только на внѣшніе края ступни, сгибая пальцы внутрь. Оно, какъ и послѣдній, любитъ прыгать и качаться на веревкѣ. Какъ ребенокъ, эта обезьяна не любитъ оставаться одна, и въ такомъ случаѣ постоянно кричитъ.

Итакъ въ сущности это животное—очень близкое къ орантъ-утангу, но болѣе послѣдняго подходящее къ человѣку сходствомъ членовъ, особенно заднихъ,—однимъ словомъ—животное болѣе орангъ-утанга двуногое.

4. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ жители Парижа, говоритъ Боатаръ, стекались въ ботаническій садъ, чтобъ видѣть Жакелину, молодую самку вида кимпези. Она была кротка, добра и даже ласкова; она очень хорошо узнавала людей, ее посѣщавшихъ, и ласкала ихъ болѣе другихъ. Когда ее сердили, она плакала навзрыдъ, какъ ребенокъ, уходила въ уголъ, и нѣсколько времени дулась. Но дѣтскій гнѣвъ ея уступалъ малѣйшему дружескому выраженію; тогда она отирала слезы, и безъ всякой злопамятности возвращалась къ тому, кто ее огорчилъ. Хотя Жакелина была еще очень молода (ей было только $2^1/_2$ года), но смыслъ ея былъ уже очень развитъ; я приведу тому два примѣра, по моему мнѣнію, очень разительные, которымъ я былъ очевидцемъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, вошедши въ ея комнату, снялъ перчатки, и положилъ ихъ на столъ; Жакелина тотчасъ взяла и хотѣла надѣть, но никакъ не могла съ ними сладить, потому-что надѣвала правую перчатку на лѣвую руку; ей показали, въ чемъ состояла ея ошибка, и она такъ хорошо поняла это, что послѣ никогда не впадала въ тоже заблужденіе, хотя ее очень часто подвергали подобнымъ опытамъ. Вернеръ, лучшій нашъ живописецъ по части естественной исторіи, долженъ былъ срисовать ее. Жакелина была очень удивлена тѣмъ, что видѣла, какъ ея образъ возпроизводился подъ карандашомъ артиста, и захотѣла сама рисовать. Ей дали бумаги и карандашъ; она очень важно усѣлась на столѣ, и съ большой радостію начертила нѣсколько безобразныхъ линій; но такъ-какъ она давила карандашомъ изо всей силы, то онъ и сломался: чѣмъ она очень огорчилась; чтобы успокоить ее, ей снова очинили карандашъ, и она, наученная опытомъ, налегала на него гораздо менѣе.

Жакелина примѣтила, что живописецъ бралъ карандашъ въ ротъ, и сама стала дѣлать тоже; но вмѣсто того, чтобы только смочить его, она постоянно откусывала кончикъ карандаша; отъ этого невозможно было отучить ее: что́ и положило конецъ ея артистическому образованію. Жакелина пробовала шить, какъ шила женщина, за ней ходившая, но всякій разъ она колола себѣ иголкой пальцы; тогда она бросала работу, и утѣшала себя нѣсколькими прыж-

ками на веревкѣ, которая у нея висѣла, и такими прыжками, что они привели бы въ отчаяніе лучшихъ канатныхъ плясуновъ.

Жакелина имѣла кошку и собаку, которыхъ очень любила. Она ихъ баловала дотого, что клала ихъ спать съ собою на постель, одну по правую, другую по лѣвую сторону; но тѣмъ не менѣе она всегда сохраняла надъ ними то преимущество, которое дается смысломъ, и строго ихъ наказывала, когда почитала это за нужное, или длятого, чтобъ привести ихъ къ послушанію, или длятого, чтобъ заставить ихъ жить мирно между собою.

Бѣдная Жакелина имѣла привычку каждое утро умывать лицо и руки свѣжею водою. Эти умыванія вмѣстѣ съ климатомъ, столь разнящимся отъ климата Африки, произвели, вѣроятно, грудную болѣзнь, отъ которой она умерла *.

5. Г. Граппре, французскій морскій офицеръ, путешественникъ, заслуживающій полнаго довѣрія, жившій два года въ Анголѣ, вотъ что пишетъ о кимпези: «Смыслъ этой обезьяны, дѣйствительно, приводитъ въ изумленіе. Кимпези ходитъ обыкновенно на двухъ ногахъ, опираясь на древесную вѣтвь, какъ на трость. Негры его боятся и не безъ причины, потому-что это животное при встрѣчѣ съ ними нападаетъ на нихъ. Негры говорятъ, что если кимпези не говоритъ, то это отъ лѣни. Они думаютъ, что онъ боится, какъ-бы человѣкъ, узнавъ его, не заставилъ работать. Этотъ предразсудокъ такъ укоренился въ неграхъ, что при встрѣчѣ съ кимпези, они съ нимъ заговариваютъ.

«Не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ достать себѣ кимпези, но видѣлъ одного, который находился на кораблѣ, стоявшемъ на рейдѣ. Это была самка: я ее тщательно осмотрѣлъ и вымѣрилъ, и она очень любезно позволила съ собой это сдѣлать. Когда она стояла на заднихъ ногахъ, въ ней было отъ вершины головы до пятокъ 4 фута, 2 дюйма и 8 линій; руки доходили только на одинъ дюймъ ниже колѣна; она была покрыта шерстью, спина была желтоватаго цвѣта и проч.

«Много можно было бы представить доказательствъ смѣтливости этой обезьяны; я представлю изъ нихъ самыя сильныя. Эта кимпези выучилась топить печь, и во время топки она внимательно наблюдала, чтобъ не выпалъ уголь, и отъ того не загорѣлось на кораблѣ. Когда печь достаточно нагрѣвалась; она извѣщала объ этомъ хлѣбопека, который съ своей стороны, будучи увѣренъ въ смышлености обезьяны, тотчасъ приносилъ тѣсто.

«Эта кимпези исполняла всѣ обязанности матроса: вертѣла шпиль, поднимала паруса и пр. Однажды при закрѣпленіи пару-

---

* Всѣ обезьяны, не только въ холодныхъ, но и въ умѣренныхъ климатахъ Европы, умираютъ вслѣдствіе бугорчатой чахотки. Климатъ Москвы для этихъ созданій южной природы страшный бичъ.

совъ она защемила руку между веревкой, скрѣпляющей края паруса, и реей: тогда безъ всякихъ кривляній она освободила руку, какъ бы то сдѣлалъ опытный человѣкъ.

«Это животное не дошло до Америки; кимпези умерла во время плаванія. Второй капитанъ корабля несправедливо и жестоко ее наказалъ. Она вытерпѣла съ кротостію удары, и умоляла только взоромъ своихъ палачей. Съ этого времени она перестала ѣсть, и умерла отъ голода и горя. Объ ней сожалѣли, какъ можно сожалѣть только о человѣкѣ.»

6. Англійскій естествоиспытатель Бродерипъ показалъ однажды молодому кимпези, жившему нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, зеркало. Животное тотчасъже остановило свое вниманіе на предметѣ, ему новомъ, и, казалось, оно было въ первую минуту очень удивлено. Кимпези посмотрѣлъ сначала на Бродерипа, потомъ на зеркало, обошелъ его кругомъ, и, не спуская глазъ съ изображенія, руками старался удостовѣриться, что никто не стоялъ за зеркаломъ; наконецъ онъ сталъ цѣловать свое изображеніе. Дикіе, какъ разсказываютъ, поступаютъ точно также.

IV. Образъ жизни кимпези въ дикомъ состояніи.

Но все, что разсказано, относится къ кимпези прирученному; посмотримъ теперь, какъ эта обезьяна живетъ въ дикомъ состояніи. Путешественники почти всегда встрѣчаютъ кимпези попарно, самца и самку: изъ чего можно заключить, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ англійскихъ естествоиспытателей, что кимпези одноженецъ и не мѣняетъ самки. Когда кимпези ходитъ по землѣ, то опирается на палку, которая служитъ ему и оружіемъ; онъ также умѣетъ очень мѣтко бросать каменья, которыми защищается отъ нападеній негровъ, и даже самъ нападаетъ на нихъ, когда негры осмѣлятся проникнуть въ уединенныя мѣста, имъ занятыя. Кимпези живутъ небольшими обществами въ чащѣ лѣсовъ, гдѣ строятъ себѣ изъ вѣтвей и листьевъ шалаши. Такимъ образомъ устроиваются небольшія селенія, отъ которыхъ кимпези общими силами отгоняютъ людей, слоновъ и хищныхъ звѣрей. Если, во время нападенія на нихъ, ранятъ кимпези стрѣлой или ружейнымъ выстрѣломъ; товарищи его тотчасъ очень искусно вынимаютъ желѣзо стрѣлы или пулю, потомъ закладываютъ рану жеванными травами, и перевязываютъ древесной корой (Боатаръ).

Кимпези живутъ въ своихъ шалашахъ, или когда больны, или во время ненастья; все остальное время они проводятъ на деревьяхъ. Самка даетъ обыкновенно одного дѣтеныша, къ которому она очень привязана, безпрестанно его ласкаетъ и содержитъ очень чисто. Онѣ обыкновенно носятъ дѣтей на рукахъ; но когда требуется пройти далекое пространство, дѣтенышъ сидитъ на спинѣ, и

самъ держится руками. Самецъ изгоняетъ изъ своего жилища дѣтей, какъ только они на столько велики, что сами могутъ удовлетворять своимъ нуждамъ.

Самецъ очень любитъ свою самку, и, если имъ случается встрѣтить человѣка, самецъ тотчасъ вооружается палкой или каменьями, становится на заднія ноги, и въ этомъ угрожающемъ положеніи ожидаетъ, пока удалится самка, и тогда уже самъ обращается въ бѣгство.

V. РАЗВИВАЕТСЯ ЛИ СМЫШЛЕНОСТЬ КИМПЕЗИ?

Докторъ Лессонъ утверждаетъ—и это доказывается измѣненіями формы черепа,—что умственныя способности кимпези съ возрастомъ грубѣютъ, такъ-что въ юности смыслъ ихъ кажется болѣе развитымъ, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Обратное развитіе ума и физической силы уже были примѣчены въ другихъ обезьянахъ. Фридерикъ Кювье (братъ великаго Ж. Кювье, умершаго въ 1832 г.) такъ говоритъ объ этомъ: «Природа совсѣмъ иначе, нежели съ человѣкомъ, поступаетъ съ этими животными, которыя не должны выходить изъ узкой сферы, имъ предназначенной, и которымъ, такъ сказать, достаточно наблюдать за своимъ сохраненіемъ. Поэтому умъ былъ нуженъ тогда, когда не было физической силы; когда же послѣдняя пріобрѣтена, всякая другая сила становится безполезною.»

Объяснительное чтеніе.

1. Кого въ древности называли троглодитами? Въ самомъ дѣлѣ люди ли это были? А кто же? Что такое обезьна? Почему она животное, а не растеніе?

2. Кто выбралъ? Конечно, вы не знаете, кто это Ж. Сентъ-Илеръ,—хотите знать? Это былъ знаменитый французскій ученый, который умеръ 19 іюня, 1844 года на 73 году своей жизни (Въ которомъ же году онъ родился?). Онъ много занимался наукою о животныхъ, которая зовется и у насъ, какъ и у другихъ народовъ, греческимъ словомъ—*зоологія*. По имени этой науки какъ приходится называть самихъ ученыхъ? Стало-быть кто же былъ Ж. Сентъ-Илеръ? Что же выбралъ Ж. Сентъ-Илеръ? Какое? для чего выбралъ французскій зоологъ названіе троглодитовъ? Какой особенный признакъ отличаетъ африканскую обезьяну? Что вы разумѣете подъ словомъ «*организація*»? Вспомните, что мы называли органами въ тѣлѣ? Есть ли у этихъ обезьянъ руки? на рукахъ пальцы? Есть ли у нихъ легкія, желудокъ, глаза, черепъ, гдѣ хранится мозгъ? Значитъ, въ тѣлѣ этихъ обезьянъ есть много такихъ частей, которыя похожи на части нашего тѣла,—значитъ, въ ихъ тѣлѣ есть много такихъ органовъ, какіе есть въ нашемъ? Теперь, съумѣете ли сказать, что такое организація? Это—строеніе тѣла съ органами. Организація или строеніе тѣла съ органами, конечно, бываетъ не у всѣхъ животныхъ одинакова: напр. у обезьяны африк. есть руки, а у мухи? у мухи есть крылья, а у обезьяны? Отличіе въ строеніи тѣла кладетъ разницу между животными,—и по этому отличію мы обыкновенно сопричисляемъ ихъ къ тому или другому роду или от-

дѣлу. Такъ у обезьяны есть скелетъ, остовъ костяной, на которомъ держится и мясо и шкура ея; въ скелетѣ этомъ есть косточки, въ видѣ колецъ, которыя лежатъ вдоль спины другъ подлѣ друга, и въ которыхъ хранится спинной мозгъ; косточки эти расположены столбомъ и зовутся *позвонками* (Отчего?), а всѣ вмѣстѣ—*позвоночнымъ столбомъ*. Такой позвоночный столбъ есть и въ нашемъ тѣлѣ. Позвоночный этотъ столбъ есть не у всѣхъ животныхъ на землѣ; а только у нѣкоторыхъ; оттого онъ служитъ для нихъ особеннымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ другихъ животныхъ: по этому признаку животныхъ—называютъ *позвоночными*. Таковы напр. всѣ тѣ животныя, у которыхъ основаніемъ тѣла служатъ твердыя части — *кости:* таковы напр. наши домашнія животныя — корова, лошадь, овца и вообще всѣ животныя, которыя питаютъ дѣтенышей своимъ молокомъ, а потому называемыя *млекопитающими* — волкъ, медвѣдь, — таковы всѣ *птицы, рыбы, пресмыкающіяся* и *гады*. Всѣ млекопитающія, птицы, рыбы, пресмыкающіяся, какъ ни различны между собой по виду и устройству, всѣ сходны между собою тѣмъ, что имѣютъ *позвоночный столбъ*. О каждомъ родѣ позвоночныхъ и другихъ мы познакомимся при чтеніи слѣдующихъ статей. (Рядъ слѣд. статей расположенъ именно съ тою цѣлію, чтобы по нимъ пріучить дѣтей къ классификаціи, и так. образомъ ознакомить хоть въ общихъ чертахъ съ главными родами животныхъ.)

101. Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу оттого сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
—«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужь мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы—сестрицы!

Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ... «Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
«Что жь—говорятъ онѣ—«и время намъ терять?»
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ междутѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ, чтобъ наутекъ,
Да ужь никто распутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками. *Крыловъ.*

102. Объ арабской лошади въ Сиріи.

I. Понятливость и привязанность арабской лошади.

Превосходное качество кровной лошади составляетъ ея понятливость. Кровная лошадь весьма хорошо узнаетъ своего властелина. Она понимаетъ каждое движеніе своего всадника, и сильно къ нему привязана, очевидно раздѣляя съ нимъ и радость и горе. Бедуины ставятъ понятливость лошади гораздо выше понятливости собаки. Эта, находясь постоянно вблизи своего господина, имѣетъ довольно времени узнать его нравъ, привычки и желанья; лошадь же рѣдко находится въ непосредственномъ сближеніи съ человѣкомъ, а междутѣмъ по удивительному инстинкту понимаетъ все, что́ интересуетъ ея властелина. Многочисленные факты подтверждаютъ эту превосходную способность кровной лошади.

Въ 1851 году, въ Тарфу проживалъ алепскій уроженецъ, по имени Абухаматъ, въ должности таможеннаго чиновника, и держалъ у себя кровную арабскую матку; не разъ хвалилъ онъ мнѣ ее (разсказываетъ Моцольеръ), уподобляя ея уши тростнику, который употребляется арабами для письма. Абухаматъ отправился однажды въ г. Адана, дабы сдать отчеты по своему управленію, заболѣлъ тамъ и умеръ. По обрядамъ магометанства, мертвое тѣло его было вынесено на дворъ для омовенія; въ это время, всѣ окружающіе замѣтили, что у лошади покойника, какъ скоро она увидала его, полились изъ глазъ крупныя слезы. Когда домочадцы и знакомые отнесли покойника на кладбище, и возвратились домой; то нашли

въ конюшнѣ трупъ вѣрнаго коня безъ видимыхъ признаковъ какой-нибудь предшествовавшей болѣзни. Въ Ливанскихъ горахъ существуетъ слѣдующій обычай: когда кто-нибудь умретъ, то на лошадей его надѣваютъ сѣдло въ обратномъ положеніи, и ведутъ ихъ впереди погребальной церемоніи. Увѣряютъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ часто случалось замѣчать скорбь и печаль у этихъ вѣрныхъ тварей.

II. О ВЗАИМНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ АРАБА И ЕГО КОНЯ.

Въ 1811 году начальникъ бедуиновъ, Вагаби (Wahabi) отправилъ войско, состоящее изъ 60,000 человѣкъ, для вторженія въ предѣлы Сиріи. Оттоманская Порта, извѣстясь о томъ, отдала повелѣніе всѣмъ подвластнымъ ей пашамъ собрать извѣстное число войска и стать подъ знамена дамасскаго паши. Такимъ образомъ у послѣдняго набралось отъ 25 до 30 тысячъ войска, съ которымъ онъ и расположился лагеремъ противъ города Гамы (Hama), при самомъ входѣ въ пустыню. Малочисленность военныхъ силъ заставила пашу просить помощи у Драгжи (Dragji), начальника поколѣнія Ганаце (Hanazé), которое было въ непрерывной враждѣ съ бедуинами. Драгжа лично привелъ 50,000 войска: вслѣдствіе чего, обѣ враждующія арміи почти сравнялись силами. Вскорѣ послѣ этого, Вагаби раскинулъ свой станъ насупротивъ лагеря паши, и война началась отдѣльными стычками.

Стратегическій планъ Вагаби задуманъ былъ не дурно. Онъ желалъ продлить войну, вопервыхъ, чтобы ему можно было пользоваться, какъ можно долѣе, пастбищными мѣстами въ Сиріи, а во-вторыхъ, чтобы уничтожить оттоманскую армію голодомъ, хорошо зная, что городъ Гама не можетъ прокормить 80,000 человѣкъ. Предположенія Вагаби превосходно осуществились на дѣлѣ. Драгжа вскорѣ принужденъ былъ раздавать своимъ ратникамъ пищу одинъ разъ въ день, которая состояла не изъ хлѣба, но изъ одного пирожка съ масломъ, и отпускаема была вечеромъ, по окончаніи битвы. Однажды, во время раздачи вечернихъ порцій, Драгжа замѣтилъ отсутствіе своего старшаго сына Цагена, и, призвавши его къ себѣ, спросилъ: почему онъ не приходилъ за своимъ пайкомъ. Сынъ отговаривался сперва отсутствіемъ аппетита; когда же отецъ возразилъ, что этого быть не можетъ, потому-что вотъ ужь два дня, какъ онъ ничего не ѣлъ, а къ тому же участвовалъ въ битвѣ съ самаго солнечнаго восхода,—тогда Цагенъ, взявъ кормовой мѣшокъ своего коня, отвѣчалъ: «Отецъ! если ты непремѣнно хочешь, чтобы я ѣлъ, то клади мою долю въ этотъ мѣшокъ, я могу умереть, сытъ или голоденъ, все равно; но уже одна увѣренность, что мой конь накормленъ, въ состояніи, кажется, пробудить

меня изъ мертвыхъ.» Послѣэтого онъ отдалъ порцію своей лошади, но, навѣдавшись къ ней, замѣтилъ, что она даже не тронулась до пищи. Опасаясь за здоровье коня, онъ приказалъ его осмотрѣть; но ему доложили, что лошадь ничѣмъ не больна, а за кормъ не принимается только потому, что хозяинъ еще ничего не ѣлъ. Цагенъ принужденъ былъ отвѣдать пищи; тогда и лошадь принялась за ѣду.

Въ эту же войну случилось происшествіе, которое служитъ новымъ подтвержденіемъ взаимной привязанности араба и его коня. Извѣстно, что одно изъ отличительныхъ свойствъ кровной лошади заключается въ томъ, что она тотчасъ останавливается, какъ скоро всадникъ ея падаетъ; если же онъ будетъ раненъ или убитъ, но остался въ сѣдлѣ,—то она прибѣгаетъ съ нимъ восвояси. Одинъ ратникъ изъ полчищъ Вагаби во время битвы былъ тяжело раненъ, свалился съ лошади, и запутался ногой въ стремени. Лошадь тотчасъ же припала животомъ къ землѣ, отъ чего нога всадника выпала изъ стремени; потомъ она схватила своего хозяина за поясъ, и притащила въ средину его дружины. Здѣсь раненаго перевязали, и онъ началъ уже поправляться, какъ вдругъ узналъ, что его лошадь несчастливо ожеребилась и пала; горесть араба была дотого сильна, что чрезъ нѣсколько недѣль и онъ скончался.

Я. Н. Калиновскій.

103. Конь.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ: круть ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ—
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ,
И потокъ клубится?—мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя....
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!
Снова въ дѣло, конь ретивой!
Въ збруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

Н. Языковъ.

104. Русскія лошади.

I. Есть ли собственно русская порода лошадей?

Россія богаче всѣхъ странъ свѣта лошадьми и разными породами лошадей. Въ этомъ легко удостовѣриться по статистическимъ таблицамъ европейскихъ государствъ, показывающимъ, что отношеніе лошадей къ числу жителей въ Европѣ много слабѣе, нежели у насъ. И дѣйствительно, по сухопутнымъ нашимъ границамъ, начиная съ Хивы, Персіи, Турціи и до границъ Пруссіи, отъ насъ выводится ежегодно множество лошадей.

Въ степяхъ Сибири, въ саратовской и астраханской губерніяхъ, на Дону и на Кавказѣ, «пасутся вольны, не хранимы», табуны, владѣльцы которыхъ часто не знаютъ числа своихъ лошадей; многіе изъ этихъ владѣльцевъ имѣютъ ихъ до тысячи и больше головъ, и содержаніе этого огромнаго числа имъ ничего не стоитъ.

При этомъ богатствѣ въ числѣ лошадей, мы богаче всѣхъ и разными ихъ породами. У насъ есть нѣсколько породъ, замѣтно отличающихся одна отъ другой: *сибирскія лошади*, *обвинскія* и *вятскія*, *калмыцкія* и *киргизскія*, *донскія казачьи лошади*, *горскія* или *черкесскія*, *шведскія* и многія друг. Но при такомъ богатствѣ конскихъ породъ въ Россіи, можно сказать, что у насъ *породы русской нѣтъ*; по крайней мѣрѣ мы никакъ не можемъ найдти ее въ чистотѣ и первообразѣ. Крестьянскихъ лошадей, въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать русскими, потому-что между лошадьми южной, сѣверной и восточной Россіи нѣтъ ничего общаго; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нѣтъ рѣзкихъ отличительныхъ чертъ и своего особеннаго типа; на востокѣ онѣ перемѣшаны съ татарскими, калмыцкими, на югѣ съ донскими, на сѣверѣ съ финскими, и вездѣ съ лошадьми, происшедшими отъ разныхъ заводскихъ.

II. Какія нужны лошади въ крестьянскомъ быту?

Крестьянскія лошади, конечно, исполняютъ свое назначеніе,— пашутъ, возятъ, ходятъ въ обозахъ; но нельзя не пожелать, чтобъ онѣ были лучше и исполняли свое назначеніе съ бо́льшею выгодой для крестьянина. Онѣ очень малы ростомъ, и потому малосильны, какъ для перевоза тяжестей, такъ и для гоньбы; у нихъ нѣтъ ни рыси, ни шага, ни скока. Больше $2\frac{1}{2}$ четвертей хлѣба, то есть 20 и 25 пудъ, за 200 или 150 верстъ, крестьянская лошадь везти не можетъ, тогда-какъ всякая другая средняго роста везетъ вдвое, съѣдая тоже самое количество корму; лошадь средняго роста не будетъ измучена и не спадетъ съ тѣла, пропахавъ весной въ сохѣ, или возвратясь съ обозомъ, потому-что трудъ этотъ для нея не великъ. Если бъ у нашихъ крестьянъ были, напримѣръ, лошади чер-

кесскія или финскія (побольше ростомъ), то онѣ прекрасно бы бѣжали на почтѣ и во всякомъ экипажѣ, пахали бы больше и съ меньшимъ усиліемъ, возили бы на продажу хлѣба по 40 и 50 пудовъ, стоя мужику въ дорогѣ тоже самое, или немного больше, и не требуя другаго содержанія дома. Попадаются и между крестьянскими лошадьми довольно крѣпкія, сильныя и сносныя въ ѣздѣ; но ихъ очень мало, и почти всѣ онѣ происходятъ отъ смѣси съ татарскими, вятскими, донскими, или отъ лошадей заводскихъ. Между тѣмъ и эти лошади далеко не удовлетворительны, онѣ только лучше простыхъ, доморощенныхъ; онѣ сильны, и сносны только сравнительно съ плохими. Лошади покрупнѣе, встрѣчаемыя у крестьянъ и происшедшія отъ ихъ же лошадей, такъ называемые *выкормки*, еще хуже простыхъ, потому-что ростъ ихъ увеличенъ хорошимъ кормомъ въ одномъ, а не въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, и потому потомство ихъ бываетъ часто хуже потомства простыхъ; по недостатку движенія, приплодъ этихъ заводскихъ лошадей бываетъ сыръ и вялъ въ ѣздѣ. Въ окрестностяхъ извѣстныхъ заводовъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, крестьянскія лошади много лучше; по рѣкѣ Битюгу, вблизи бывшаго завода графа Орлова, славятся крестьянскія лошади *битюгскія*, но это капля въ морѣ, хотя и кажется, будто ихъ много; подъ именемъ битюгскихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ продаютъ очень часто всякихъ крестьянскихъ выкормковъ, у которыхъ потолще шея, станъ подлиннѣе и погрубѣе ноги и весь складъ.

Все огромное большинство нашихъ крестьянскихъ лошадей плохо вдвойнѣ, какъ въ сравненіи съ крестьянскими лошадьми въ Европѣ, такъ и сравнительно съ нашими средствами имѣть превосходныхъ лошадей.

Крестьянская лошадь должна пахать, боронить, возить тяжести и хорошо бѣжать во всякомъ экипажѣ, чтобы крестьянинъ могъ лишнюю лошадь продать и въ возъ, и въ гоньбу, и въ соху. Достигнуть этого, по видимому, нетрудно: стоитъ только нѣсколько увеличить ростъ лошади примѣсью лучшей породы. Но на дѣлѣ выходитъ не то: крестьянскую лошадь, въ настоящее время, улучшить не легко. Теперь у крестьянина нѣтъ времени, и главное, нѣтъ охоты заниматься правильнымъ коноводствомъ; онъ не видитъ большой разницы въ лошадяхъ своей породы, какъ бы акуратно она ни была ведена; онъ понимаетъ однако важность примѣси другой хорошей породы, и такихъ лошадей онъ бережетъ, и въ поле безъ толку не пуститъ; для нихъ онъ нашелъ бы и время и охоту.

Намъ нужна также *возовая* лошадь, могущая перевозить кладь въ 50 и 60 пудъ на большое разстояніе, на 500 и 1,000 верстъ. Такая лошадь, при достаточномъ ростѣ и достаточной силѣ, должна быть суха, съ крѣпкими ногами, и способна переносить всякія непогоды; возовыя же *призовыя* лошади, при всей своей гладіатор-

ской силѣ, не въ состояніи вынести ни дальняго перехода, ни непогодъ. Огромное пространство Россіи, ея первобытные пути сообщенія и вообще вся наша внутренняя торговля и всѣ роды нашей промышленности, производящей преимущественно грубые и громоздкіе матеріялы,—все это требуетъ множества сильныхъ и вмѣстѣ сухихъ возовыхъ лошадей. Точно также нужны намъ лошади, способныя скоро и долго бѣжать подъ почтой и вообще въ русской ѣздѣ, то есть *гонныя*, большаго или средняго роста.

Эти три сорта лошадей должны быть выводимы крестьянами, какъ для ихъ собственной выгоды, такъ и для выгоды общей, потому-что онѣ должны быть дешевы, крѣпки и сносны.

Л. Ивановъ.

105. Холмогорскія коровы.

Главнымъ промысломъ въ Холмогорахъ служитъ скотоводство и именно разведеніе коровъ голландской породы.

Эта голландская порода рогатаго скота прислана была сюда еще Петромъ Первымъ, который въ слѣдующемъ же по присылѣ году (1693) получилъ въ подарокъ отъ города двухъ великорослыхъ быковъ. Въ 1819 году доставлено было сюда, по высочайшему повелѣнію, изъ Англіи, еще 16 коровъ и 6 быковъ; но они не привились къ туземнымъ породамъ: скотъ этотъ вскорѣ же и изчезъ, какъ бы не выдержавши соперничества съ голландскимъ скотомъ, успѣвшимъ акклиматизироваться въ особую породу, извѣстную подъ общимъ именемъ *холмогорской*. Порода эта отличается крупнымъ ростомъ, и особенно славится своею молочностію: нѣкоторыя коровы даютъ отъ 2 до 3 ведеръ въ сутки. Холмогорскій скотъ обыкновенно отправляется въ продажу (въ Петербургъ до 500 головъ) живымъ; много мяса отправляется въ Англію; бо́льшая часть съѣдается корабельщиками въ архангельскомъ портѣ, такъ-что въ самыхъ Холмогорахъ мясо и дорого сравнительно, и иногда его труднѣе достать, чѣмъ, напримѣръ, дичи или рыбы. Разведенію скота въ Холмогорахъ много способствуютъ сочные луга, окаймляющіе Холмогоры и сосѣднія съ ними деревни. Особенно онъ рѣзко мечется въ глаза, сопоставленный съ другими поморскими породами; приземистый, дряблый скотъ странъ поморскихъ, воспитанный на приморской травѣ и соломѣ, подчасъ облитой особымъ пойломъ изъ сельдяныхъ головокъ, въ сравненіи съ массивнымъ холмогорскимъ, не больше, какъ телята. Говорятъ однако, что остальной поморскій скотъ выгоднѣй и благодарнѣй холмогорскаго (особенно скотъ мезенской) для откармливанья. Говорятъ также, что порода холмогорскаго скота съ десятками лѣтъ замѣтно измельчала, но что и въ настоящее время отхаживаются въ иной годъ такія крупныя животныя, которыя дивятъ даже привычныхъ знатоковъ.

106. Олень мезенской тундры.

Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, не приноситъ столько существенной пользы и не служитъ бо́льшимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей, какъ олень,—и ни одно, въ тоже время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ человѣка, какъ тотъ же олень мезенской тундры. Человѣку онъ не обязанъ положительно ничѣмъ: такъ же свободно и на вольномъ просторѣ родится онъ, черезъ 40 недѣль по зачатіи, теленкомъ, гдѣ-нибудь на лѣсной окраннѣ, и когда весенній снѣгъ начинаетъ таять; и также съ первыхъ же недѣль по рожденіи (обыкновенно на четвертой), вмѣстѣ съ молокомъ матери, становится необходимымъ для него лакомый мохъ-ягель. Три впрочемъ первыхъ дня новорожденный неповоротливъ; но черезъ недѣлю уже такъ быстръ на бѣгу, что поймать его невозможно. Мать всегда при немъ, и крикомъ, топаньемъ передними ногами предупреждаетъ его о близости врага; пыжикъ тотчасъ припадаетъ къ травѣ или заваливается за высокія тундряныя кочки. Родись теленокъ раньше весны, ему бы не прошибить молодымъ и еще несильнымъ копытомъ того толстаго слоя льда, который хранитъ подъ собою этотъ мохъ; но природа идетъ за него: тающій снѣгъ оголяетъ мхи, и олень—*теленокъ* легко, черезъ лѣто, дѣлается *пыжикомъ;* потомъ, черезъ годъ—*хо̀рой,* если онъ самецъ, и *сырицой,* если самка. Отелившаяся, въ свою очередь, сырица начинаетъ быть *важенкой*, а самецъ-хора—*лоншакомъ*. Такъ же точно, какъ кладеной, лоншакъ зовется послѣ того *быкомъ*, и употребляется для ѣзды; важенка, лишенная отъ природы способности телиться, зовется *хàпторка* и *яловая,* если она и рожала, да годъ послѣ того *не обходится* *. Лѣтомъ (въ іюнѣ и іюлѣ) взрослые олени обыкновенно линяютъ и дѣлаются къ осени или сѣрыми, или бѣлыми, или коричневыми; въ августѣ они скоблятъ свои рога, въ октябрѣ ихъ сшибаютъ, и олени остаются комолыми во всю зиму до весны, когда опять наростаютъ рога, сначала въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавокъ, который потомъ припухаетъ и вздувается, вслѣдствіе отложенія внутри костянаго начала, выходящаго въ видѣ роговъ, покрытыхъ кожицей, нѣжной, очень раздражительной и наполненной кровью **. Олень скучаетъ во все это время: укрывается въ тѣни и влагѣ, поникаетъ головою, боясь ежеминутно разбередить свои новые рога. Черезъ девять недѣль по рожденіи, рога молодаго оленя окончательно готовы; кожица остает-

---

* Уродливость рожденія теленка отъ теленка называется *неудый*. Теленокъ, или лучше пыжикъ, прожившій долѣе мѣсяца, называется *неблюй*.

** Сосудистый наростъ этотъ нѣкоторые считаютъ тонкимъ гастрономическимъ блюдомъ.

ся еще на нихъ, но обтирается потомъ животными о деревья. Рога эти у молодыхъ бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста—бурые, а у стариковъ—совершенно черные; на третій годъ у оленя на рогахъ шесть концовъ, на четвертый — восемь (по четыре на каждомъ), на пятый—десять и т. д.

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной зимы, въ короткое лѣто, на три только мѣсяца посѣщающее тундру, терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій: будь эта поѣздка аргишомъ съ кладью, съ сѣдоками, долгія ожиданія хозяевъ гдѣнибудь у дверей сельскаго кабака, безъ пищи иногда по цѣлымъ суткамъ; будь это, наконецъ, даже зимнія пурги, силою своею сшибающія оленей съ ногъ и слѣпящія имъ глаза—все это ничего передъ тѣми страданіями, которыя испытываютъ олени по лѣтамъ. Миріады комаровъ, покрывающихъ въ то время тундру, оводы, проѣдающіе кожу животнаго, и оставляющіе подъ нею свои яички, которыя превращаются потомъ и тамъ же въ насѣкомое, заставляютъ оленей съ храпомъ бѣгать кругами, до истощенія силъ, или спасаться въ ближнихъ рѣкахъ или озерахъ. Олень заходитъ туда по самую шею, и стоитъ тутъ иногда по цѣлымъ суткамъ, и это—единственное спасеніе ихъ. Человѣку-хозяину опять-таки рѣшительно нѣтъ никакого дѣла дотого: пусть ноютъ и гноятся у оленей копыта послѣ гололедицы; пусть бьетъ въ голову, когда, послѣ вымочившихъ ее дождей, замерзаетъ она отъ мгновенно-закрутившихъ холодовъ; пусть прибѣгаютъ и рѣжутъ оленьи стада волки—человѣкъ-сторожъ покрутитъ головой, опять пересчитаетъ стадо, опять не досчитается, но помочь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ, по закоренѣлому неумѣнью и по природной лѣни. Это обстоятельство оправдываетъ ту повсемѣстную распространенность повальныхъ болѣзней всякаго рода и особенно сибирской язвы, которая, проходя изъ конца въ конецъ тундры, словно вихремъ, валитъ съ ногъ всѣ стада оленьи, и уже не поднимаетъ ихъ вовѣки! Цѣлыми десятками лѣтъ приготовляется потомъ новое населеніе для тундры, черезъ пятнадцать лѣтъ достигающее только половиннаго количества противъ прежняго, несмотря на то, что олени замѣчательно плодовиты. Когда-то, богачомъ между хозяевами оленьихъ стадъ считался тотъ, у котораго было 6—5—4,000 оленей; теперь, послѣ послѣдняго сильнаго падежа, самый богатый ижемецъ имѣетъ ихъ только 2,000, и самый бѣдный самоѣдъ-оленеводъ только 10, имѣвъ прежде до 80 штукъ *.

---

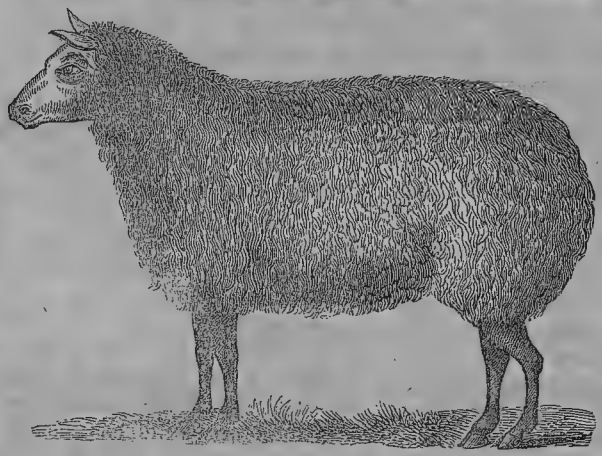
* Каждый битый олень, со шкурою и мясомъ, въ продажѣ круглымъ счетомъ стоитъ до 6 руб. сер. Промышленные ижемцы продаютъ отдѣльно: вкусные жирные языки (по 20 коп. сер. пара), рога (по 30 коп. пудъ), сало въ нетопленномъ видѣ (по 2 руб. 50 коп. пудъ), постели—шкуры животнаго, замшею, въ выдѣланномъ видѣ (отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 20 коп. за штуку) и въ сыромъ видѣ (по 25—40

Съ судьбами этихъ животныхъ, какъ извѣстно, издавна уже тѣсными и неразрывными связями соединена судьба цѣлаго племени, теперь значительно уменьшившагося въ числительности своей, но все еще младенчествующаго въ патріархальной грубости нравовъ— это самоѣды. *С. Максимовъ.*

107. Романовскія овцы.

I. Происхожденіе породы.

Особенная порода овецъ получила названіе романовской по мѣстности, гдѣ она разводится, по городу Романовъ-Борисоглебску. Названіе это должно остаться за нею навсегда, потому-что порода эта стала извѣстна всѣмъ сельскимъ хозяевамъ подъ этимъ именемъ.



Порода романовскихъ овецъ въ ярославской губерніи образовалась весьма давно. Надобно полагать, согласно общему мнѣнію, что разведеніемъ своимъ она обязана геніальному указанію Петра I, оправдываемому слишкомъ столѣтнимъ существованіемъ и несомнѣнною пользою ея въ здѣшнихъ мѣстахъ. Когда и чрезъ кого именно размножена эта порода въ романовскомъ уѣздѣ, достовѣрно неизвѣстно. Водвореніе ея произошло, вѣроятно, отъ смѣ-

---

коп. за шкуру), *камусину*—шкуру съ ногъ, идущую на рукавицы, продаютъ также особо, равно какъ шерсть оленью, выстриженную въ пушномъ состояніи, и мясо въ мерзломъ видѣ (отъ 75—80 коп. за пудъ). Мягкія шкурки пыжиковъ идутъ на шапки, шестимѣсячныхъ неблюевъ на малицы (и это самыя прочныя и потому дорогія—до 15 руб. сер. штука). Малицы же изъ постелей взрослыхъ олепей отъ 3 руб. сер. не восходятъ свыше 10 руб. за штуку (таже цѣна и совикамъ).

шенія простыхъ овецъ съ силезскими * баранами, выписанными, можетъ-быть, Лефортомъ въ небольшомъ количествѣ и предоставленными здѣшнему краю. Заботливаго царя въ одно время и одинаково занимали между прочимъ всѣ потребности хозяйства — и вотъ, благодаря его царственнымъ трудамъ, у насъ и холмогорскія коровы, и обвинскія лошади, и романовскія овцы. Для первыхъ избраны тучныя пажити по берегамъ Двины и Обви, для послѣднихъ подобныя мѣста близъ Волги. На прямое произхожденіе романовской породы отъ силезской указываетъ мягкость руна и явственные завитки косицъ и даже отчасти самыхъ шерстинокъ на шеѣ, замѣтные по сіе время, преимущественно у овецъ лучшаго качества. Сѣрый цвѣтъ шерсти образовался, вѣроятно, отъ смѣшенія бѣлыхъ силезскихъ барановъ съ мѣстными черными овцами и бѣлыхъ силезскихъ овецъ съ черными мѣстными баранами впослѣдствіи. Быть можетъ, улучшеніе это было единовременное, и, когда было оставлено, овцы эти мало-помалу смѣшались съ прочими окрестными стадами, и потомъ, при постепенномъ выборѣ лучшихъ овецъ на племя, произвели ту отличную отъ простыхъ овецъ породу, которою нынѣ пользуются жители ярославской губерніи. Въ Пруссіи и Помераніи есть овцы, которыя, такъ же какъ и романовскія, ягнятся дважды въ годъ; а овцы маршской породы (des Marches) приносятъ, подобно здѣшнимъ, по два и по три ягненка. Не отъ однихъ ли первообразовъ произходятъ всѣ эти породы овецъ, и нѣтъ ли между ними кровныхъ отношеній?

II. мѣстопребываніе ея.

Настоящій пунктъ, занимаемый правильнымъ типомъ этой породы,—оба возвышенные берега Волги, выше и ниже города Романова-Борисоглѣбска, между устьями рѣкъ Колокши и Ити, изъ которыхъ первая впадаетъ въ Волгу въ нѣсколькихъ верстахъ выше Романова, а вторая въ 15 верст. ниже. Это пространство можно считать первоначальнымъ разсадникомъ романовскаго овцеводства, которому поемные берега Волги, производя тучныя травы, и преимущественно пырей, благопріятствовали утвердиться. Кромѣтого возвышенность между романовскою и углицкою дорогами, называемая, по положенію своему въ срединѣ ихъ, серединникомъ (которая отъ с. Курбы отъ г. Ярославля въ 25 верстахъ — сойдя на углицкую дорогу, идетъ потомъ почти параллельно съ правымъ берегомъ Волги полосою, неменѣе 20 верстъ ширины отъ берега,

* Вѣроятность произхожденія романовскихъ овецъ отъ силезскихъ, выписанныхъ, быть-можетъ, въ одно время съ стадами, предназначенными для Малороссіи, а не отъ длинношерстныхъ англійскихъ овецъ, какъ думаютъ нѣкоторые овцеводы, подверждается короткостію шерсти и спиральностію шерстинокъ, замѣтныхъ у этихъ овецъ на шеѣ, даже въ настоящее время.

и оканчивается у острова Богоявленія),—имѣетъ самыхъ лучшихъ романовскихъ овецъ. Подобная полоса по лѣвой или луговой сторонѣ Волги простирается недалеко въ глубь уѣзда романовскаго, такъ-что лучшее, совершеннѣйшее, такъ сказать, поколѣніе этихъ овецъ занимаетъ сказанный серединникъ и возвышенные берега Волги. Впрочемъ романовскія овцы разводятся и въ другихъ уѣздахъ ярославской губерніи, напр. ростовскомъ и угличскомъ, и частію въ кинешемскомъ уѣздѣ костромской губерніи. Весьма замѣчательно, что костромскіе бараны имѣютъ спереди шеи, начиная отъ горла, гриву изъ жесткихъ и столь длинныхъ волосъ, что около переднихъ ногъ она касается почти земли; у настоящихъ романовскихъ барановъ такой гривы нѣтъ.

Вышеозначенное пространство (серединникъ и берега Волги) весьма неровной поверхности, состоитъ изъ возвышенностей и холмовъ, пересѣкаемыхъ долинами и среди ихъ текущими рѣчками,— при глинистомъ и иловатомъ верхнемъ (растительномъ) слоѣ вершка въ три, а мѣстами доходящемъ и до пяти вершковъ глубины, при постепенномъ склонѣ къ берегамъ Волги, оканчивается заливными отлогостями. Подъ растительнымъ слоемъ представляется большею частію глубокій глинистый слой земли, простирающійся на возвышенностяхъ внизъ по отвѣсу на нѣсколько саженъ, а въ долинахъ до аршина и менѣе, и даже мѣстами попадается подпочва глинисто-песчаная. Ложе рѣчекъ песчанистое, смѣшанное съ мелкими камешками, подобно берегамъ самой Волги, дно которой чисто песчаное. — Возвышенности и песчанистыя пространства весною рано обсыхаютъ и рано дѣлаются удобными для пастбы скота; низменности же, при глинистомъ своемъ грунтѣ, долго бываютъ сыры и образуютъ большею частію болотистые луга. Настоящихъ болотъ на означенномъ пространствѣ нѣтъ, кромѣ потныхъ (мокрыхъ) мѣстъ по низамъ, такъ-что оно, будучи еще защищаемо отъ сѣверныхъ вѣтровъ другими возвышенностями, представляетъ всѣ благопріятныя условія для овцеводства. На такомъ грунтѣ произрастаютъ луговыя травы съ листомъ большею частію широкимъ, какъ-то: разные виды трилистника (trifolium agrarium, arvense, pratense, repens, medium, montanum), полевой горошекъ (vicia cracca), звонецъ (rhinanthus crista galli), полевица (agrostis vulgalis), а также съ листомъ узкимъ,—напр. въ большомъ изобиліи тимоѳеева трава (phleum pratense), мятликъ луговой (poa pratensis), лисохвостъ (alopecurus pratensis) и проч.

На поемныхъ мѣстахъ волжскаго берега произрастаетъ преимущественно пырей (triticum repens). Изъ кустарниковъ растутъ во множествѣ: лозникъ, ивнякъ,—изъ деревъ: ветла, береза, ольха, орѣшина, осина, листъ и молодые побѣги которыхъ овцы ѣдятъ съ большою охотою.

III. НАРУЖНЫЕ ПРИЗНАКИ РОМАНОВСКОЙ ПОРОДЫ.

Порода романовскихъ овецъ росту средняго. Старая овца бываетъ длиною до 25½ вершковъ, высотою, отъ холки до подошвы копытъ, 16 вершковъ. Голова, какъ у молодыхъ барановъ, такъ и у овецъ, начиная отъ умѣренно-широкаго лба до самаго носа, имѣетъ острогорбое очертаніе, которое съ ростомъ животнаго дѣлается тупѣе; замѣтная горбоносость служитъ всегда признакомъ хорошей породы. Глаза весьма выразительны, соразмѣрны головѣ, и отличаются кроткимъ взглядомъ, означающимъ тихій нравъ животныхъ и особенную привязанность къ человѣку, которою онѣ дѣйствительно славятся. Уши заостренныя, посредственной длины; рога барановъ, красиво завивающіеся внизъ, много напоминаютъ мериносовъ; а у овецъ они возвышаются прямо вверхъ, съ загибомъ при окончаніи, на подобіе знака | ; но есть между этою породою и совершенно безрогіе (комолые), какъ бараны, такъ и овцы, которые, безъ этой ненадежной защиты, кажутся еще болѣе кроткими; безрогія животныя, вообще, спокойнѣе при уходѣ за ними, а потому должны быть предпочтены рогатымъ. Шерсть настоящихъ романовскихъ овецъ свѣтлосѣрая, съ замѣчательною частію пуха, у лучшихъ почти ровнаго перловаго цвѣта, состоитъ изъ волнистыхъ шерстинокъ до 2 вершковъ длины, замѣтно утратившихъ спиральное направленіе, но на шеѣ у лучшей породы этихъ овецъ съ весьма явственными завитками. Она покрываетъ весьма густо туловище животнаго; а на животѣ, ногахъ и головѣ шерсть другаго свойства — низкая, жесткая, блестящая, большею частію чернаго цвѣта, но бываетъ и не чисто бѣлаго. Снятое руно, при разбираніи его, раздѣляется на косицы, подобно руну мериносовыхъ овецъ, и также на ощупь оказываетъ нѣкоторую масляность. Косица состоитъ изъ весьма тонкихъ шерстинокъ, прямыхъ или извивающихся, составляющихъ собственно пухъ, а между шерстинками проходятъ прямые волоски чернаго цвѣта, которыхъ чѣмъ болѣе, тѣмъ сѣрѣе и грубѣе шерсть. Шерсть этихъ овецъ, по своей мягкости, длинѣ и способности къ валянью, можетъ служить для многихъ и разнообразныхъ издѣлій, преимущественно же избирается для приготовленія прочной зимней обуви; а выдѣланныя овчины, по мягкости и пушистости волоса, хорошо грѣютъ, и при особенной плотности мездры, выдерживающей усиленную выдѣлку, составляютъ для одежды незамѣнимый матеріялъ, такъ-что заслужили вниманіе самихъ англичанъ. И не только крестьянинъ предпочитаетъ эту одежду, но пальто, сшитое изъ дубленыхъ романовскихъ овчинъ, или изъ дубленыхъ и окрашенныхъ въ темный цвѣтъ, представляетъ теплую, удобную и не тяжелую одежду для всякаго разборчиваго горожанина, а для охотниковъ, при осеннихъ травляхъ, удобнѣе такой одежды нельзя и придумать. Ягнята имѣютъ черную

или синевато-черную, нѣжную, курчавую и красивую шерсть, измѣняющуюся съ возрастомъ животнаго въ сѣрую, такъ-что 4-хмѣсячный ягненокъ имѣетъ шерсть еще темносѣрую, которая съ дальнѣйшимъ его возврастомъ свѣтлѣетъ, и осенью уже бываетъ настоящаго сѣраго цвѣта. Вѣсомъ молодые, полугодовые валухи и ярки, убитые осенью, бываютъ отъ одного до полутора пуда, старыя же овцы до $2^1/_2$ и болѣе пудовъ. По сравненію съ простыми овцами, романовскія оказываются почти одною четвертью болѣе, и столькоже тяжелѣе, а убитыя осенью даютъ несравненно болѣе сала.

IV. ПРЕДПОЧТЕНІЕ ЕЯ ПЕРЕДЪ ДРУГИМИ ПОРОДАМИ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Шерсть овецъ мериносовыхъ составляетъ предметъ роскоши, шерсть же и особенно овчины романовскихъ овецъ составляютъ необходимую потребность не только для сельскихъ, но и городскихъ обывателей. Мериносовыя овцы выгодны только въ огромномъ стадѣ, какъ предпріятіе коммерческое, но совершенно безполезны для крестьянъ; овца же романовская особенно полезна для крестьянскаго и вообще для малаго хозяйства, даже въ самомъ ограниченномъ числѣ. Тутъ и мясо для стола, и зимняя одежда, и обувь для холодныхъ странъ. И дѣйствительно, крестьянинъ, содержащій пару этой породы овецъ, имѣетъ въ годъ, кромѣ 4-хъ пудъ мяса для своего стола, постоянно зимнюю одежду на свое семейство, зимнюю обувь, не считая доставляемаго овцами удобренія для полей. При постигшей же нуждѣ, продажа приплода и шерсти, или мяса и овчинъ, всегда поможетъ ему выйдти изъ крайности.

Д. В. Гавриловъ.

108. Собака.

I. КЪ КАКОМУ РАЗРЯДУ ЖИВОТНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ДОМАШНЯЯ СОБАКА?

Домашняя собака, также какъ кошка, гіена, куница, мѣдвѣдь и другія, принадлежитъ къ разряду плотоядныхъ, или хищниковъ, которые легко узнаются по шести рѣзцамъ, сильнымъ клыкамъ, одному или двумъ истиннымъ кореннымъ, по большимъ глазамъ и ушамъ, короткому или длинному хвосту и мягкой шерсти. Дѣйствительно, въ дикомъ состояніи собаки представляютъ чистѣйшій типъ хищнаго кровожаднаго животнаго. Какъ у всѣхъ дикихъ животныхъ, у нихъ вовсе не отдѣляется, или отдѣляется очень мало жиру. Оттого въ нихъ замѣчается живость, бодрость и лукавство. Напротивъ того, домашнія собаки — это нахлѣбники человѣка; онѣ ѣдятъ съ его стола, а слѣдовательно питаются и растительною пищею: что дѣлаетъ собаку жирною, неповоротливою, лѣнивою и кроткою, и такимъ образомъ хищное животное приближаетъ къ жвач-

ному. И собака, въ началѣ хищникъ, сдѣлалась домашнимъ животнымъ, другомъ человѣка, который дѣлитъ съ нимъ грусть и забаву, пищу и ложе, радость и горе.

II. ОЧЕРКЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ СОБАЧЬИХЪ ПОРОДЪ.

Что касается различной величины собакъ, то она измѣняется въ предѣлахъ несравненно обширнѣйшихъ, чѣмъ это замѣчается во всякомъ другомъ родѣ хищныхъ животныхъ; величина собаки самой мелкой породы не достигаетъ размѣровъ головы собаки породы самой крупной. Цвѣтъ шерсти состоитъ, какъ извѣстно, изъ различныхъ оттѣнковъ и смѣшеній бѣлаго, чернаго и краснаго въ такомъ разнообразіи, что надо отказаться отъ всякой попытки принять его за характеристическій признакъ того или другаго вида. Въ такой же степени измѣняется и достоинство самой шерсти, отъ жесткой взъерошенной до тонкой, шелковистой, мягкой какъ руно,—отъ гладкой курчавой, вьющейся, весьма густой,—до совершенно скудной, почти вовсе изчезающей (напр. у такъ называемыхъ египетскихъ собакъ, происходящихъ отъ американской), отъ весьма длинной до очень короткой. Сколько извѣстно, нѣтъ такого рода хищныхъ звѣрей, котораго виды представляли бы подобное разнообразіе свойствъ шерсти.

Эти различія повторяются также и въ внѣшнихъ формахъ тѣла. Маленькія стоячія уши шпица, широкія и висящія, которыми отличается гончая собака, весьма длинныя (длиннѣе головы) и поросшія длинною шерстью уши лягавой собаки—все это такія особенности, которыхъ напрасно будемъ мы искать у волковъ, лисицъ, шакаловъ, у всѣхъ видовъ кошекъ, куницъ и виверръ. Сравнивая тонкую, какъ у лисицы, вытянутую голову борзой собаки съ короткою и толстою головою мопса, различныя формы рыла, носа и губъ, лба и глазъ, замѣчательно-различныя положенія, шерсть и держаніе хвоста, тонкія и красивыя ноги болонки съ толстыми, мускулистыми ногами мордашки, длинныя, тонкія ноги борзой собаки съ короткими, кривыми ногами таксы, когти послѣдней съ широкими, тупыми когтями овчарки и меделянской собаки,—сравнивая все это, говорю я, вездѣ встрѣчаешь необыкновенное разнообразіе, какого нельзя встрѣтить у видовъ животныхъ одного рода, не смотря на то, что они живутъ во всѣхъ поясахъ.

Безпримѣрныя для другихъ хищныхъ животныхъ различія, замѣчаемыя во внѣшнемъ строеніи собакъ, даютъ право напередъ уже ожидать такого же значительнаго разнообразія и въ ихъ внутренней организаціи; въ самомъ дѣлѣ, при простомъ только сравненіи формъ зубовъ, черепа и всего остальнаго скелета, систематикъ невольно изумится великому разнообразію внутреннихъ видовыхъ признаковъ. Кромѣ различныхъ другихъ особенностей, у плотояд-

ныхъ хищныхъ животныхъ нельзя не обратить вниманія на весьма отличительный характеръ такъ называемаго хищнаго зуба, который вообще встрѣчается только у животныхъ этого разряда, и на отношеніе его къ слѣдующимъ за нимъ тупобугорчатымъ кореннымъ. Мы признаемъ это за самый вѣрный признакъ, характеризующій различные роды и виды. Чѣмъ больше, чѣмъ острѣе этотъ зубъ, и чѣмъ болѣе на немъ зазубринъ; тѣмъ менѣе развиты, тѣмъ меньше и незначительнѣе коренные, и на оборотъ: это отношеніе между зубами строго и вѣрно характеризуетъ хищную, кровожадную и лютую природу большаго или меньшаго числа такихъ животныхъ. У иныхъ породъ домашнихъ собакъ хищный зубъ бываетъ больше, чѣмъ оба коренные вмѣстѣ, у другихъ породъ онъ бываетъ меньше; есть и такія, у которыхъ оба они имѣютъ тоже протяженіе, но по длинной оси челюсти. Дальнѣйшія различія, характеризируемыя зубами, состоятъ въ присутствіи или отсутствіи послѣдняго верхняго кореннаго зуба, въ различной длинѣ, толщинѣ и кривизнѣ клыковъ.

Точно также бываетъ различенъ и черепъ у разныхъ породъ собакъ, и въ этомъ отношеніи также нѣтъ между хищными животными ни одного рода, виды котораго представляли бы такое разнообразіе. Часть черепа, въ которой заключенъ мозгъ, идетъ отъ шарообразной формы безъ выдающихся зубцовъ и гребней до другой весьма сильносжатой, съ необыкновенно сильно развитыми гребнями; скуловыя дуги бываютъ слабѣе или сильнѣе, менѣе или болѣе отстаютъ; глазныя впадины болѣе или менѣе; верхнихъ отростковъ, ограничивающихъ ихъ сзади, или вовсе не бываетъ, или они бываютъ весьма сильно развиты; лобъ широкій, круто спускающійся къ рылу, или узкій, плоскій, незамѣтно спускающійся; носовыя кости съ широкими и тупыми окончаніями или съ острыми и узкими; межучелюстныя иногда короче, иногда длиннѣе и т. д. Хвостъ, размѣры членовъ, какъ снаружи, такъ и въ скелетѣ, представляютъ такое же разнообразіе. Весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ породъ собакъ, какъ напримѣръ у водолаза, имѣется на заднихъ лапахъ, какъ снаружи, такъ и въ скелетѣ, по пяти совершенно нормально развитыхъ пальцевъ, тогда-какъ у большей части другихъ только четыре пальца бываютъ совершенно развиты, а вмѣсто пятаго выростаетъ ложный палецъ, котораго въ скелетѣ вовсе нѣтъ.

Различія въ мягкихъ частяхъ (въ формѣ и величинѣ желудка, кишекъ, печени и селезенки, легкихъ и сердца и т. д.) еще не достаточно изслѣдованы, а потому объ нихъ и говорить не станемъ.

III. Раздѣленіе собакъ по употребленію ими пищи.

Относительно употребляемой пищи, собаки раздѣляются на всеядныхъ, травоядныхъ и плотоядныхъ. Собаки острововъ южнаго

моря употребляютъ растительную пищу; тѣ, которыя водятся въ Камчаткѣ и у эскимосовъ, ѣдятъ только рыбу; собаки на Жуанъ-Фернандецѣ питаются только тюленями, а у насъ есть породы, которыя любятъ больше всего смѣшанную пищу: иныя изъ нихъ охотнѣе ѣдятъ овощи, другія же ѣдятъ только мясо. Многостороннее развитіе органовъ пищеваренія соотвѣтствуетъ такимъ образомъ совершенно строго разнообразію пищи. Правильное удовлетвореніе потребности пищи есть существенная причина, привязывающая собаку къ дому. Въ дикомъ состояніи собака удовлетворяетъ свой голодъ въ обществѣ другихъ собакъ, преслѣдующихъ добычу; въ домашнемъ состояніи мѣсто собачьей стаи замѣняетъ ей *человѣкъ*.

Вмѣстѣ съ пищею, жидкою или твердою, все равно, собаки глотаютъ зародыши другихъ живыхъ существъ, какъ напримѣръ *яица* или личинки чужеядныхъ животныхъ, ленточныхъ глистъ, которыя такъ часто составляютъ мученіе собаки.

IV. Способности собаки.

Собака, какъ и другія животныя, разумѣется, въ меньшей степени одарена дѣятельностью душевною; эта дѣятельность и въ отношеніи качества очень мало отличается отъ душевной дѣятельности человѣка. Она имѣетъ сознаніе, она чувствуетъ и ощущаетъ, думаетъ, разсуждаетъ и дѣлаетъ заключенія. Она различаетъ чужаго и знакомаго, чужое имущество отъ имущества своего господина, нищаго и человѣка, имѣющаго приличную внѣшность, прислугу, домашняго друга и своихъ господъ. Она имѣетъ *вомо*, и ею опредѣляетъ свои дѣйствія. Она бываетъ благодарна, но бываетъ и лукава, и завистлива, и мстительна, и ревнива, и притворна, и зла. Въ дѣйствіяхъ ея видна большая разсудительность и память; видно, что поступками ея руководитъ правильное сознаніе обстоятельствъ. Но никогда не могла собака отрѣшиться мыслью отъ самой себя, никогда не могла понять связь ея съ остальнымъ міромъ. У нея нѣтъ самосознанія, и этотъ недостатокъ отличаетъ ее отъ человѣка. У нея нѣтъ дара слова, какъ у человѣка; но голосъ собаки, выражающійся въ самыхъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, стоитъ выше всѣхъ голосовъ другихъ животныхъ.

Глухо дрожащее рычаніе есть у нея признакъ нетерпѣнія; осторожное ворчанье при возрастающей опасности и ворчаніе при приближеніи чужаго; безпечный лай и злобный во время нападенія на нее, во время защиты; визги, стоны, вой и плачъ слышатся въ ея голосѣ послѣ нанесенной ей боли; яркое, бодрое тявканье на охотѣ, совершенно своеобразное, полуподавленное ворчаніе овчарки, какъ выраженіе сознаваемой силы; болѣе сильное, грызущее повтореніе, если на первый знакъ ея не было обращено вниманіе, а вслѣдъ

затѣмъ глухой и грубый лай, въ которомъ слышится угроза — какое разнообразіе звуковъ, выражающихъ всѣ ощущенія, начиная отъ глубочайшей боли, отъ просьбы, унынія и печали до гнѣва и досады, и отъ радости до заносчивости и возбуждающей веселости. А кромѣтого, какимъ отличается она тонкимъ пониманіемъ человѣка! какъ совершенно понимаетъ она нашъ языкъ, значеніе различныхъ измѣненій голоса и другихъ движеній нашего тѣла!

Человѣкъ, встрѣчая въ собакѣ такія дарованія, такія способности, дѣйствуетъ только сообразно съ природою, когда питаетъ въ ней умственную жизнь и развиваетъ понятливость. Человѣкъ находитъ въ ней свойства, при помощи которыхъ онъ доставляетъ себѣ и пищу, и защиту, и удовольствіе.

V. ПРИВЯЗАННОСТЬ И ВѢРНОСТЬ СОБАКИ.

Всякому извѣстны и повсюду славятся привязанность, любовь и вѣрность собаки къ своему господину, къ своему благодѣтелю. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ пудель, принадлежащій странствующему актеру Дювалю. Дюваль продалъ свою вѣрную собаку Фюре въ Гавръ-де-Грасѣ одному парижскому купцу за весьма дорогую цѣну. Новый хозяинъ перевезъ Фюре въ Парижъ, а Дюваль, которому эта потеря была очень близка къ сердцу, утѣшалъ себя тою мыслію, что собакѣ его будетъ хорошо въ томъ домѣ, куда она перешла. Дюваль оставилъ Гавръ-де-Грасъ, и уѣхалъ моремъ въ Брестъ, гдѣ онъ бывалъ уже не одинъ разъ, чтобы тамъ играть.

Прошло уже три недѣли съ того времени, какъ онъ разстался съ своею собакою, а междутѣмъ горе его все еще не прошло. ни покупщику, ни продавцу не приходило въ голову, чтобы Фюре, который впродолженіи всего этого времени былъ запертъ, могъ убѣжать изъ Парижа, а междутѣмъ это случилось. Фюре былъ день и ночь, мало или почти вовсе не ѣлъ отъ грусти, и наконецъ, выбравъ удобную минуту, когда о немъ позабыли, онъ вырвался изъ своей западни, и прибѣжалъ, не останавливаясь, изъ Парижа въ Гавръ-де-Грасъ, т. е. сдѣлалъ разомъ двадцать нѣмецкихъ миль.

Прибѣжавъ на мѣсто, онъ бросился сейчасъ же къ гостинницѣ, гдѣ жилъ прежній его хозяинъ; каково же было его горе, когда онъ не нашелъ его тамъ! Онъ обѣгалъ всѣ дома, въ которыхъ бывалъ Дюваль, но все напрасно. Его узнали тамъ, угадали, кого онъ ищетъ, и говорили ему неутѣшительныя для него слова, которыя онъ однакоже хорошо понялъ. «Твоего господина уже нѣтъ здѣсь болѣе», говорили ему, «онъ уѣхалъ уже, мой бѣдный Фюре; Дюваль теперь въ Брестѣ!»

Но вотъ до чего доходитъ остроуміе собаки и дружба этого нераздѣльнаго товарища человѣка! Кто бы могъ повѣрить этому, кто бы могъ допустить возможность этого, если бы несомнѣнность факта, который мы разскажемъ, не подтверждалась множествомъ очевидцевъ? Утомленная голодомъ и усталостью, побѣжала бѣдная собака къ гавани, и нѣсколько дней сряду ждала тамъ отправленія судна, которое шло изъ Гавра въ Брестъ. Наконецъ судно отплыло къ великой радости нетерпѣливаго животнаго, и хотя никто не зналъ о собакѣ, хотя никто не взялъ ее подъ свою защиту, она все-таки нашла средство остаться на суднѣ, забившись, вѣроятно, куда-нибудь въ уголъ. Въ одно воскресенье вечеромъ, когда въ брестскомъ театрѣ окончилось уже представленіе, Фюре, внѣ себя отъ радости и восторга, бросается внезапно на Дюваля, и всевозможными ласками старается выразить ему свою великую радость.

Актеръ, который едва вѣрилъ глазамъ своимъ, былъ на столько же удивленъ, на сколько и растроганъ при видѣ своей собаки, которая лизала ему руки и не могла удержаться отъ того, чтобы не ласкаться къ нему. Голодъ, множество тягостей, которыя она перенесла, и мученія разлуки совершенно измѣнили видъ собаки: она исхудала и едва была похожа на себя.

Вѣрность собаки продолжается даже и послѣ смерти ея господъ. Слѣдующій примѣръ достаточно подтвердитъ сказанное.

Одинъ маленькій пудель пережилъ цѣлое семейство, которое его очень любило. Это были честные поселяне. Отецъ, мать, двѣ взрослыхъ дочери и три сына, одинъ за другимъ, слѣлались жертвою заразительной болѣзни, господствовавшей въ окрестностяхъ Марсели, и умерли всѣ въ теченіе восьми дней. Всякій разъ, какъ умиралъ какой-нибудь членъ семейства, и его надо было опускать въ землю, горестная собака шла за гробомъ, и потомъ съ громкимъ воемъ возвращалась домой. Когда же наконецъ перемерли всѣ въ семействѣ, она не захотѣла болѣе оставаться въ ихъ жилищѣ. Домъ господъ ея заняли чужіе люди, которые за ея доброе сердце охотно хотѣли держать ее у себя; но она не хотѣла оставаться жить тамъ, приходила всякіе два или три дня, чтобы запастись какою-нибудь пищею, и снова возвращалась на свое обычное мѣсто, на кладбище; ее даже прозвали *могильною собакою.*

Эта собака жила еще семь лѣтъ, и можно сказать, что все это время она провела на могилахъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ. Особенно любила лежать на могилѣ меньшаго изъ дѣтей, которому при его смерти минуло семь лѣтъ. Подобный же примѣръ разсказываетъ А. Антоанъ изъ Лондона. Вѣрная собака не оставляла своего господина во время продолжительной болѣзни; она была свидѣтельницею его смерти, и съ воемъ провожала его въ могилу. Когда наконецъ его опустили въ землю, она выкопала себѣ рядомъ съ нимъ маленькую яму, въ которой едва могла повернуться, и

стала жить въ ней. Она выходила изъ нея только тогда, когда уже слишкомъ начиналъ ее мучить голодъ, и отправлялась къ сосѣднему дому добывать себѣ пищу. Если по дорогѣ встрѣчались ей собаки, она не обращала на нихъ никакого вниманія, потому-что она хотѣла жить только съ мертвыми. Почти десять лѣтъ жила она такимъ образомъ на кладбищѣ. Разъ какъ-то не пришла она въ обычное время за ѣдой; пошли искать ее, и нашли мертвою на могилѣ ея господина. Такимъ образомъ, эта *собака мертваго* осталась вѣрною не только могилѣ своего *господина*, но и *своей собственной*. И въ встрѣчахъ съ разбойниками и убійцами собака также является защитникомъ жизни своего господина—а иногда и мстителемъ за его насильственную смерть. Для примѣра приведу здѣсь черту изъ жизни одной овчарки, запмствованную изъ процесса, рѣшеннаго судомъ присяжныхъ въ городѣ Пау, у подошвы Пиринеевъ.

Въ полѣ, передъ хижиною, найденъ былъ убитый пастухъ, отъ трупа котораго никакъ нельзя было отогнать собаки. На собакѣ также были видны слѣды значительныхъ поврежденій. Сообразивъ обстоятельства, пришли къ тому заключенію, что убійца, вѣроятно, дрался съ убитымъ и его собакою, и что можетъ-быть на немъ остались слѣды укушенія или какія-нибудь другія раны. Это привело къ открытію одного подозрительнаго человѣка, съ которымъ и начался процессъ. Розыски продолжались три мѣсяца. Началось слѣдствіе. Допросъ свидѣтелямъ былъ уже почти оконченъ, но вслѣдствіе показанія одного изъ нихъ, понадобилось ввести собаку. Когда собака вошла въ судейскую залу, и увидѣла обвиняемаго; она прижалась къ землѣ, заворчала, и, какъ бы подумавъ немного, однимъ скачкомъ перепрыгнула перила передъ скамьею обвиняемыхъ, схватила обвиненнаго за горло, стала кусать его, и только съ большимъ трудомъ и нѣкоторымъ самопожертвованіемъ могли оттащить ее отъ него. Это былъ, какъ послѣ подтвердило его собственное сознаніе, убійца хозяина овчарки.

109. Эскимосская собака.

Эта порода собакъ имѣетъ весьма близкое сходство съ овчарками. Уши у нея короткія и прямыя. Хвостъ пушистый и красиво загнутый на спину: въ этомъ заключается главное отличіе эскимосской собаки отъ полярнаго волка, у котораго на бѣгу хвостъ прижатъ между ногъ. *Загнутый кверху* хвостъ служитъ отличительнымъ признакомъ домашней собаки всякой породы. Нѣкоторые изъ натуралистовъ полагали, что эскимосскія собаки суть не что иное, какъ волки въ прирученномъ состояніи, на томъ основаніи, что анатомическое строеніе тѣхъ и другихъ весьма сходно. Волкъ однакоже мускулистѣе и ростомъ больше. Средняя высота эскимосской

собаки одинъ футъ и десять дюймовъ; длина ея отъ затылка до корешка хвоста—два фута и три дюйма; а длина самаго хвоста—одинъ футъ и одинъ дюймъ.

Цвѣтомъ животныя эти бываютъ разныя: пестрыя, черныя, бѣлыя, желтыя, темнокрасныя. Шерсть у нихъ густая и пушистая; зимою волосъ бываетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ длины. На это суровое время года природа снабдила ихъ густымъ мягкимъ подшерсткомъ, который онѣ теряютъ на весну. Это даетъ имъ возможность, сравнительно, легко переносить стужу своей родины.

Эскимосскія собаки никогда не лаютъ, но издаютъ протяжный заунывный вой, похожій на волчій. Онѣ по большей части ласковы и ручны; но между собою грызутся гораздо чаще, чѣмъ собаки другихъ породъ. Экземпляръ, вывезенный въ Англію лейтенантомъ Гендерсономъ, однимъ изъ товарищей капитана Росса, и помѣщенный имъ въ лондонскій зоологическій садъ, отличался такою ласковостью, что постоянно изъявлялъ радость, когда обращали на него малѣйшее вниманіе, и довѣрчиво приближался даже и къ незнакомымъ ему людямъ.

Эскимосы—племя, населяющее самыя сѣверныя части американскаго материка и смежныхъ съ ними острововъ, одолжены большею частью своихъ немногихъ удобствъ въ жизни услугамъ этой вѣрной породы собакъ, помогающихъ имъ на охотѣ и въ быстрой перевозкѣ какъ ихъ самихъ, такъ и разной клади по однообразнымъ, не имѣющимъ дорогъ, снѣговымъ равнинамъ. Собаки эти, находясь въ постоянной зависимости отъ своихъ хозяевъ, получая отъ нихъ самую скудную пищу и безпрестанные побои, всегда неизмѣнно и неутомимо помогаютъ имъ на охотѣ за тюленями, за сѣвернымъ оленемъ и за медвѣдемъ. Лѣтомъ въ охотничьихъ похожденіяхъ эскимосовъ, одна такая собака нерѣдко несетъ на себѣ до тридцати фунтовъ тяжести. Зимою ихъ впрягаютъ по нѣскольку штукъ въ

тяжелыя сани, и въ нихъ онѣ могутъ везти пять или шесть человѣкъ, со скоростью семи и восьми англійскихъ миль въ часъ, и въ состояніи пробѣжать шестьдесятъ миль въ день. Словомъ—онѣ для эскимоса тоже, что сѣверный олень для лапландца. Это—рабъ вѣрный, часто ворчащій, но никогда не буйствующій, не знающій предѣла своему терпѣнію и своей привязанности, даже при жестокомъ съ нимъ обращеніи и самомъ томительномъ голодѣ. Отъ природы животныя эти упрямы; но не смотря на это, женщины—которыя обыкновенно обходятся съ ними ласковѣе, чѣмъ мущины, кормятъ ихъ и помогаютъ имъ во время болѣзней—умѣютъ привязать ихъ къ себѣ такъ, что безъ большихъ хлопотъ ловятъ ихъ во всякое время, и легко выманиваютъ изъ кануръ для запряжки въ сани даже тогда, когда они страшно изнурены самымъ недостаточнымъ питаніемъ—одними только жесткими и почти никуда негодными животными остатками, какіе только попадаются имъ во время ихъ трудныхъ переходовъ.

Способъ запряжки эскимосскихъ собакъ и самая возка саней весьма живо описаны капитаномъ Парри въ его «дневникѣ втораго путешествія, предпринятаго для открытія сѣверо-западнаго пути.» Мы уменьшили бы цѣну разсказа, если бы рѣшились сократить его, и потому передаемъ вполнѣ.

«Для возки саней, на собакъ надѣвается простая изъ оленьей или изъ тюленьей кожи сдѣланная упряжь, называемая *анну*, которая идетъ вокругъ шеи, проходитъ по груди между переднихъ ногъ, и потомъ обвязывается вокругъ тѣла на спину. Отъ этой части упряжи вдоль спины животнаго идетъ ремень, прикрѣпляемый къ санямъ въ видѣ постромки. Собаки хотя съ перваго взгляда и кажутся впряженными въ сани безъ всякаго порядка, однако же на дѣлѣ, онѣ размѣщаются съ особеннымъ вниманіемъ. При этомъ въ особенности важенъ выборъ умной и чуткой собаки, которая, какъ вожакъ, должна на длинной постромкѣ предшествовать всѣмъ остальнымъ, и къ которой обыкновенно обращается ѣздокъ, если предстоитъ необходимость поворотить въ сторону, направо или налѣво. При выборѣ вожака, ни полъ, ни возрастъ ничего не значатъ. Остальныя размѣщаются сообразно съ выѣздкою и чутьемъ. Менѣе понятливыхъ ставятъ къ санямъ ближе. Вожатая собака обыкновенно находится отъ передка саней на восемнадцать или на двадцать футовъ, самая же задняя на половинѣ этого разстоянія; а потому, когда запряжено десять или двѣнадцать собакъ, то многія изъ нихъ бѣгутъ кучею или почти врядъ.

Погоньщикъ сидитъ весьма низко на санномъ передкѣ, свѣсивъ ноги на одну сторону; въ рукахъ у него бичъ, коего рукоятка, сдѣланная изъ дерева, или изъ кости, или изъ китоваго уса, имѣетъ въ длину восемнадцать дюймовъ, а самый кнутъ болѣе восемнадцати футовъ. Часть ремня этого кнута, ближайшая къ рукояткѣ,

немного расплющивается, дабы удобнѣе укрѣпить его и придать ему упругость, отъ которой зависитъ его польза. Весь же ремень, предварительно, до прикрѣпленія къ кнутовищу, пережевывается женщинами, чтобы сдѣлать его наиболѣе гибкимъ въ сухую и морозную погоду. Мужчины съ молодыхъ лѣтъ пріучаются дѣйствовать этимъ бичомъ съ особенною ловкостью, и хотя обыкновенно волочатъ его за собою по снѣгу съ боку саней, однако же во всякое время умѣютъ наносить имъ весьма жестокіе удары любой собакѣ.

«Хотя собаки везутъ сани единственно только изъ страха къ бичу, и безъ него, въ большей части случаевъ, скоро уклоняются отъ надлежащаго направленія, избирая себѣ свою собственную дорогу; однако же удары, имъ наносимые, оказываютъ и невыгодное дѣйствіе, ибо какъ только хлеснутъ имъ которую-нибудь изъ собакъ, то она тотчасъ же начинаетъ пятиться, ослабляетъ постромку, кидается на ближайшую къ ней собаку, и, сталкивая ее на слѣдующую, производитъ общій безпорядокъ, сопровождаемый обычнымъ воемъ и нерѣдко грызнею. Возка саней ускоряется не прежде того, какъ свалка мало-помалу прекратится, и всѣ собаки установятся по мѣстамъ. Нужно еще замѣтить, что даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ такого грубаго образа ѣзды, постромки по крайней мѣрѣ одной трети собакъ почти всегда составляютъ уголъ въ тридцать или сорокъ градусовъ по обѣ стороны того направленія, которому слѣдуютъ сани. Другое важное неудобство, заключающееся въ эскимосскомъ способѣ закладки собакъ, состоитъ въ томъ, что сила этихъ животныхъ не вся идетъ въ пользу ѣзды отъ постояннаго перепутыванія постромокъ, причиняемаго тѣмъ, что собаки, стараясь укрыться отъ бича, безпрестанно кидаются изъ стороны въ сторону, и запутываются. Отъэтого послѣ переѣзда нѣсколькихъ миль, необходимо всегда снимать и распутывать упряжь.

«Въ управленіи санями употребляется не одинъ бичъ, но и нѣкоторыя извѣстныя слова, которыми ѣздокъ понуждаетъ собакъ поворачивать вправо или влѣво. Хорошая собака-вожакъ съ удивительною точностью повинуется такимъ словамъ, въ особенности когда въ то же время произносится ея кличка. Она при этомъ часто оборачиваетъ голову назадъ черезъ плечо, и какъ бы прислушивается къ приказаніямъ. На торной дорогѣ или даже на такой, гдѣ хотя сколько-нибудь замѣтны слѣды ногъ или саней, нѣтъ почти никакого труда править собаками даже въ самую темную ночь или въ сильную вьюгу, и весьма рѣдко случается, чтобы онѣ сбились съ пути, ибо вожакъ, опустивъ къ землѣ голову, направляетъ всѣхъ остальныхъ собакъ съ удивительною чуткостью. Тамъ однако же, гдѣ нѣтъ проложенной дороги, даже и лучшіе вожаки дѣлаютъ огромныя околесицы. На неровной поверхности, какъ напримѣръ между сугробами и поднятыми льдами, сани, конечно, опрокидывались бы часто или останавливались совершенно, если бы ѣздокъ

не приподнималъ и не сворачивалъ ихъ въ сторону, проворно съ нихъ спрыгивая, какъ скоро представится впереди какое-либо препятствіе.

«Вообще ѣзда эта, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда она совершается по ровной и хорошо укатанной дорогѣ, далеко нелегкая и чрезвычайно непріятная: ибо ѣздокъ вынужденъ безпрестанно работать своими собственными ногами, почти безъ умолку кричать и часто взмахивать длиннымъ бичомъ. Когда онъ желаетъ остановить сани, то кричитъ «уо, уоа»; но послушаніе собакъ этому возгласу совершенно зависитъ отъ умѣнья придать ему особенную силу. Если же грузъ на саняхъ не тяжелъ, и если собаки бѣгутъ по направленію къ дому; то такимъ возгласомъ остановить ихъ нѣтъ возможности. Тутъ эскимосъ вынужденъ упереться ногами въ снѣгъ, чтобы замедлить бѣгъ своихъ псовъ, а потомъ, сдержавъ ихъ такимъ образомъ, немедленно стать впереди саней и въ этомъ положеніи заставитъ всѣхъ собакъ лечь легкимъ прикосновеніемъ бича. При этомъ онъ ни подъ какимъ видомъ не оставляетъ своего мѣста, длятого собственно, чтобы ему можно было броситься въ сани, если бы собаки вдругъ вскочили и стремительно побѣжали.

«Тяжело нагруженныя сани собаки везутъ лучше, когда хозяинъ ихъ или, въ особенности, кто-нибудь изъ женщинъ, идетъ въ нѣкоторомъ разстояніи впереди. Въ этомъ случаѣ, чтобъ ускорить ихъ шагъ, эскимосы нерѣдко дѣлаютъ видъ, что бросаютъ подачку, для чего прикладываютъ рукавицу ко рту и потомъ кидаютъ ее передъ собою на снѣгъ. Собаки, принимая рукавицу за пищу, рвутся впередъ, чтобы схватить ее. Точно такимъ же образомъ женщины выманиваютъ ихъ изъ кануръ.

«Скорость ѣзды на собакахъ зависитъ отъ тяжести, которую онѣ везутъ, и отъ дороги, по которой совершается путешествіе. Когда дорога ровная и твердая; тогда шесть или семь собакъ могутъ везти отъ двадцати пяти до тридцати пудовъ, со скоростью семи или восьми миль въ часъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сряду, такъ что въ сутки пробѣгаютъ пятьдесятъ и даже шестьдесятъ миль. Но цѣликомъ по снѣгу двадцать пять или тридцать миль въ сутки составляютъ уже хорошую ѣзду. Откормленныя собаки, въ такомъ же числѣ, съ грузомъ въ тринадцать или пятнадцать пудовъ (включая сюда же и сани), становятся почти неукротимы и весьма часто на гладкой мѣстности, ударившись произвольно куда-нибудь въ сторону, бѣгутъ со скоростью десяти миль въ часъ. Здѣсь кстати замѣтитъ, что скорость эскимосской ѣзды ни сколько не зависитъ отъ большаго числа впрягаемыхъ въ сани собакъ, ибо, какъ мы уже сказали выше, примѣненіе къ дѣлу силъ этихъ крѣпкихъ животныхъ далеко несовершенно. Къ тому же, съ увеличеніемъ числа, увеличивается между ними грызня и путаница въ сбруѣ».

Эскимосскія собаки представляютъ намъ поразительный примѣръ тѣхъ великихъ услугъ, которыя собаки вообще оказали человѣку въ дѣлѣ цивилизаціи. Жителямъ Баффинова залива, а равно и тѣхъ еще болѣе суровыхъ странъ, до которыхъ въ позднѣйшее время достигли отважные англійскіе мореходцы, можетъ статься, не суждено стать выше ихъ теперешняго положенія на лѣстницѣ человѣчества. Климатъ ихъ не даетъ имъ возможности думать ни о чемъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ животныхъ потребностей. Они, въ продолженіе своего короткаго лѣта, охотятся за оленями, запасаясь ихъ мясомъ и шкурами, для пищи и одежды: а въ теченіе долгой зимы, когда по истощеніи запасовъ голодъ выгоняетъ ихъ изъ снѣжныхъ хижинъ въ поискъ за пропитаніемъ, гоняются за оленями, или ловятъ тюленей, кроющихся въ норахъ подъ льдомъ заливовъ, или преслѣдуютъ бѣлыхъ медвѣдей, которые бродятъ по ледянымъ берегамъ моря. Но въ подобныхъ охотахъ безъ помощи превосходнаго чутья и неустрашимой отваги своихъ собакъ, эти люди, конечно, никогда не были бы въ состояніи получить всего, для нихъ потребнаго въ достаточномъ количествѣ. Безъ собакъ они никогда не могли бы ѣздить по снѣгу изъ одного мѣста въ другое съ тою поспѣшностью, отъ которой въ большинствѣ случаевъ зависитъ ихъ успѣхъ на охотѣ. Животныя эти въ состояніи причуять оленя на разстояніи четверти мили, и кидаются, даже будучи впряжены въ сани, по направленію къ нему съ такою быстротою, что добыча рѣдко спасается отъ мѣткой стрѣлы охотника. Точно также на весьма большомъ разстояніи дознаютъ они однимъ только чутьемъ тюленей; а на медвѣдей бросаются съ такимъ ожесточеніемъ, что эскимосы, пользуясь этою ненавистью ихъ къ страшному звѣрю, часто во время ѣзды, чтобы ободрить собакъ, произносятъ слово *ненукъ*, что поэскимоски значитъ — медвѣдь, и собаки порываются впередъ, какъ бы дѣйствительно онъ былъ передъ ними. Двѣ или три собаки никогда не задумаются, если только при нихъ есть человѣкъ, напасть на самаго огромнаго медвѣдя. Впрочемъ онѣ горячо преслѣдуютъ всякое животное, исключая волка, котораго боятся инстинктивно, и при его приближеніи обнаруживаютъ боязнь громкимъ и протяжнымъ воемъ.

Послѣ всего вышеприведеннаго можно смѣло сказать, что едва ли есть другія животныя, которыя, подобно этой породѣ собакъ, соединяли бы въ себѣ такъ много качествъ, полезныхъ для жителей полярнаго климата. Безъ ея содѣйствія эскимосамъ не было бы возможности жить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя они теперь заселяютъ. Собаки ихъ въ этомъ отношеніи оказываютъ имъ такую же услугу, какую прочія породы собакъ оказывали людямъ въ другихъ странахъ, при первоначальномъ заселеніи земли, своимъ содѣйствіемъ къ искорененію опасныхъ для человѣчества животныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи волки, бурые медвѣди и кабаны были когда-

то животными многочисленными, производившими страшныя опустошенія. Нынѣ они истреблены тамъ совершенно, и это сдѣлано преимущественно при помощи собакъ. Кювье, великій французскій естествоиспытатель, говоритъ: «собака принадлежитъ къ самымъ славнымъ, къ самымъ замѣчательнымъ и полезнымъ пріобрѣтеніямъ, когда-либо сдѣланнымъ человѣкомъ. Каждый видъ этого животнаго сдѣлался его собственностью, и, совершенно предавшись своему властелину, созналъ въ себѣ всѣ его выгоды, которыя и защищаетъ съ непоколебимою преданностью къ нему до послѣдняго издыханія. Собака дѣлаетъ все это не вслѣдствіе нужды или приневоливанія, но единственно изъ благородства своей природы и изъ истинной дружбы къ человѣку. Она своею быстротою, крѣпостью и чутьемъ служитъ ему могучимъ союзникомъ противъ другихъ животныхъ, и этимъ, вѣроятно, была необходима ему при учрежденіи гражданскихъ обществъ. Она есть единственное животное, сопровождающее человѣка во всѣ концы земли.» Потому великій Линней былъ совершенно правъ, назвавъ ее *canis familiaris*, то есть *собака, примкнувшая къ семейству человѣчества.*

Эскимосскія собаки ведутъ жизнь постоянно тяжкую. Лѣтомъ хотя хозяева и кормятъ ихъ довольно обильною пищею, называемою *као*, и приготовляемою изъ моржевой кожи и ворвани, отчего въ это время года они бываютъ сытны и крѣпки, однакоже не отпускаютъ ихъ отъ жилищъ, и, лишая свободы, не даютъ возможности погулять, порѣзвиться и поискать себѣ добычи на волѣ, какъ это бываетъ съ сибирскими собаками, съ которыми онѣ имѣютъ значительное сходство. Съ наступленіемъ же зимы начинается самая бѣдственная пора ихъ существованія: ибо эскимосы не въ состояніи давать достаточнаго корма, и онѣ, постоянно голодая и превращаясь, какъ говорится, въ одни кости и кожу, переносятъ въ это время самыя труднѣйшія работы. Поэтому неудивительно, что ни крики ѣздоковъ, ни удары бичомъ не могутъ воспрепятствовать имъ бросаться въ сторону съ дороги и хватать все, что онѣ только завидятъ. Это самое объясняетъ, почему онѣ безпрестанно врываются въ хижины, и съ жадностью уносятъ все, что только попадется съѣдобное. Впрочемъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ пожива ихъ ничтожна, потому-что люди въ хижинахъ съ равною жадностью стерегутъ свои запасы, и, можно сказать, половину своего времени проводятъ въ томъ, что поименно вызываютъ докучливыхъ хищниковъ — каждая собака имѣетъ свою кличку — и выгоняютъ ихъ самыми жестокими побоями.

Все это представляетъ странную, но по различію обстоятельствъ весьма естественную противоположность тому обращенію съ собаками, которое описываетъ Гомеръ. Цари троянской войны позволяли своимъ собакамъ помѣщаться подъ обѣденными столами и собирать тамъ остатки царскихъ пировъ. Изъ двадцать третьей книги

Иліады мы знаемъ, что у Патрокла было до девяти такихъ вѣрныхъ спутниковъ на пиршества. Тѣже цари, какъ видно изъ десятой книги Одиссеи, возвращаясь изъ гостей, приносили домой своимъ собакамъ остатки, которые падали со столовъ, и между этими остатками нерѣдко попадались мягкіе, свѣжіе куски хлѣба, которыми гости обтирали себѣ пальцы по окончаніи стола, и которые всегда отдавались собакамъ. Кажется, на этотъ самый обычай ссылается хананейская жена св. писанія, говорившая: «и псы ѣдятъ крошки, падающія со стола господъ своихъ.»

Голодъ, мучительно испытываемый эскимосскими собаками въ продолженіе зимы, увеличивается еще отъ дѣйствія температуры, въ которой онѣ живутъ; потому-что въ холодныхъ странахъ, а равно и въ холодную погоду въ умѣренныхъ климатахъ, животная пища потребна гораздо въ большемъ количествѣ, нежели въ теплыхъ странахъ и въ теплую погоду въ умѣренныхъ климатахъ. Бѣднымъ собакамъ, нами описываемымъ, въ суровое время зимы представляется только одинъ способъ нѣсколько утолить позывъ на пищу и, такъ-сказать, обмануть свой голодъ — это именно тѣмъ, чтобъ наѣсться и растянуть свой желудокъ негодными для питанія веществами. Волки и сѣверные олени полярныхъ странъ, томимые въ зимнее время голодомъ, пожираютъ, на этомъ же основаніи, глину. Камчадалы, какъ утверждаютъ, иногда набиваютъ себѣ желудки деревянными опилками. Гумбольдтъ разсказываетъ, что отомаки, во время періодическаго разлива рѣкъ южной Америки, когда глубина воды препятствуетъ ихъ обычному занятію рыбной ловлей, утоляютъ свой голодъ, иногда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тѣмъ, что глотаютъ какую-то мягкую и жирную глину, которую предварительно слегка поджариваютъ. Подобныхъ примѣровъ приведено множество въ ученыхъ и любопытныхъ примѣчаніяхъ доктора Эллiотсона къ его изданію физіологіи Блюменбаха.

Вообще болѣзненное чувство голода принимается за слѣдствіе сжатія желудка, и сжатіе постоянно увеличивается отъ употребленія слишкомъ холодной воды. Эскимосскія собаки какъ будто бы знаютъ это, и, по увѣренію капитана Парри, зимою съ трудомъ соглашаются пить ее, если она не смѣшана съ масломъ. Онѣ дознали по опыту, что ихъ жажда увеличилась бы отъ такого пойла, и взамѣнъ лижутъ чистый снѣгъ, отъ котораго желудокъ сжимается менѣе, нежели отъ воды. Здѣсь можно замѣтить, что собаки вообще могутъ, безъ значительнаго для себя вреда, переносить голодъ въ теченіе довольно долгаго времени, если только имѣютъ возможность находить нѣкоторую поддержку въ веществахъ, служащихъ для растяженія ихъ желудка. Въ мемуарахъ парижской академіи наукъ упоминается объ одной сукѣ, которая, бывъ заперта и забыта гдѣ-то на дачѣ, прожила въ теченіе сорока дней безъ всякой пищи, кромѣ какой-то шерстяной ткани, которую она рвала и ѣла. Нѣ-

которые писатели увѣряютъ даже—будто бы на основаніи опыта—что собака можетъ прожить тридцать шесть дней совершенно безъ пищи и безъ всего, что можетъ на время замѣнить ее. Трудно повѣрить этому; а отъ опыта да сохранитъ насъ чувство скотолюбія.

Мы замѣтили уже, что эскимосскія собаки не лаютъ. Эта особенность встрѣчается во многихъ собачьихъ породахъ, но весьма рѣдко въ странахъ умѣренныхъ, и потому, вѣроятно, есть слѣдствіе какъ высокой, такъ и низкой температуры. Въ подтвержденіе мнѣнія о вліяніи первой, то есть высокой температуры, можно сослаться на Колумба, замѣтившаго, что голосъ собакъ, привезенныхъ имъ въ Вестъ-Индію, сдѣлался слабѣе, и на Соннини, который говоритъ, что въ верхнемъ Египтѣ есть порода собакъ, похожихъ на овчарокъ, съ такимъ слабымъ голосомъ, что лай ихъ едва можно слышать. Подтвержденіемъ же о вліяніи второй, то есть низкой температуры, служатъ эскимосскія собаки.

110. Домашняя кошка.

Два хищника: собака и кошка сдѣлались съ незапамятныхъ временъ неразлучными спутниками осѣдлаго человѣка. Богъ знаетъ въ какой отдаленной, темной древности скрыто начало ихъ порабощенія; но кошка еще до сихъ поръ имѣетъ представителей своей первоначальной породы: и до сихъ поръ ея дикіе, коренные родичи живутъ въ Египтѣ, тогда-какъ собака, измѣнившись въ безконечное множество самыхъ разнородныхъ, разнохарактерныхъ типовъ, утратила свой первообразъ. Что же вызвало такую громадную неравномѣрность перерожденія этихъ хищниковъ? Вѣдь на обоихъ равно, кажется, долженъ былъ отразиться всеизмѣняющій духъ человѣка? Отчего же кошка, пройдя черезъ длинный рядъ генерацій, дошла почти безъ всякаго измѣненія до 61 года XIX вѣка? Не кроются же эти причины въ неравной способности организма воспринимать перемѣны. Мы видимъ, что ростъ кошки можетъ быть увеличенъ произвольно: доказательствомъ служатъ крупные коты петербургскихъ милютинскихъ лавокъ. Мы видимъ, что и стати кошки и шерсть могутъ быть неодинаковы: однѣ кошки имѣютъ тонкія, граціозныя формы, маленькую голову, длинныя уши; у другихъ голова не пропорціанально велика, шея коротка, коротки и уши. У однихъ шерсть жесткая, лоснящаяся; у другихъ довольно длинная, пушистая, мягкая.—Слѣдовательно есть основа для измѣненій.

Причины эти, вѣроятно, вытекаютъ изъ свойствъ внутреннихъ, изъ умственныхъ (интеллектуальныхъ) способностей.

Собака можетъ быть примѣнена къ различнымъ цѣлямъ. Это всякому извѣстно. Она привязывается къ человѣку съ неотвязчивой, нечеловѣческой привязанностью, привязывается потому, что

средства ея для отысканія и овладѣнія добычей очень ограниченны. Выгнанная изъ дому, брошенная хозяиномъ на произволъ, она или крадетъ себѣ хлѣбъ насущный, или умираетъ съ голоду, или, въ жаркое время, бѣсится. Кошка съ голоду не пропадаетъ, когти ея доберутся до мышей, крысъ и птичекъ; когти помогутъ ей взобраться и на дерево и на чердакъ, съ ними она достанетъ и рыбу изъ воды; глаза приведутъ ее ночью и къ хозяйскому погребу; безъ шума, тѣнью взойдетъ она въ него, и поживится чужимъ добромъ gratis. Зато и смыслъ ея одностороненъ, зато, кажется, у нея не можетъ никогда развиться чутье какъ у охотничьей собаки, да и все нѣжное, хилое сложеніе ея не годится для охоты. Зато и чаще, гораздо чаще встрѣчаются примѣры одичавшихъ кошекъ, чѣмъ собакъ. Да и вообще, кошка живетъ въ какомъ-то полудикомъ состояніи. Нерѣдко случается, что она не подойдетъ близко къ человѣку во всю свою жизнь, хотя и живетъ на его дворѣ, и видитъ его каждый день. И самая привязанность ея—привязанность себялюбивая; кошка привыкаетъ къ обстановкѣ, къ выгоднымъ условіямъ жизни, а не къ хозяину. Прибейте вашу кошку,—она отойдетъ, убѣжитъ отъ васъ и долго будетъ коситься и не обращать вниманія на вашъ зовъ;—прибейте вашу собаку, она не отступитъ отъ вашихъ ногъ, будетъ ловить въ вашихъ глазахъ этотъ желанный зовъ, и бросится на него съ неудержимымъ порывомъ радости. Не составляетъ ли это неравенство въ привязанностяхъ также одну изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ обращаетъ болѣе вниманія на собаку, чѣмъ на кошку? И съ другой стороны, гдѣ источникъ нашей собственной привязанности къ кошкѣ? Многіе очень умные люди любили кошекъ.—Не въ силу ли того общаго закона, по которому намъ всегда болѣе нравится внѣшнее, форма; и мягкая, пушистая шерсть кошки пріятнѣе для насъ добрыхъ, внутреннихъ свойствъ собаки.

Вообще, порабощеніе кошки произвело въ ней двѣ существенныя перемѣны: оно отразилось, какъ и у всѣхъ прирученныхъ животныхъ, на ея цвѣтѣ и на ея умственныхъ способностяхъ. И странно—цвѣтъ здѣсь имѣетъ прямое отношеніе къ этимъ способностямъ! Мало того, онъ можетъ указать темпераментъ, характеръ кошки, который вмѣстѣ съ цвѣтомъ дѣлается наслѣдственнымъ, переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чаще всего попадаются кошки сѣрыхъ цвѣтовъ, одноцвѣтныя съ темными поперечными, тигровыми полосами и пестрыя съ крупными сѣрыми пятнами по бѣлому полю. Это самыя умныя кошки; въ нихъ, кажется, болѣе чѣмъ въ другихъ сохранилась врожденная жажда добычи и умѣнье отыскать и овладѣть ею. Народъ зоветъ такихъ кошекъ *крысодавками* и *мышеловками*. Лобъ у нихъ большой, плоскій, глаза зеленые, умные, открытые, какъ бы на выкатѣ, уши острые, головка небольшая, всѣ формы тѣла тонки и граціозны. За ними, по развитію

*

умственныхъ способностей, слѣдуютъ кошки бусыя и черныя. Онѣ, также умны, но не такъ ловливы. Къ нимъ примыкаютъ пестрыя кошки, съ крупными бусыми и черными пятнами по бѣлому полю и кошки трехцвѣтныя, хотя между послѣдними и попадаются исключенія, попадаются кошки съ развитымъ смысломъ и сильной понятливостью. Гораздо ниже по умственнымъ способностямъ стоятъ кошки: желто-красныя, рыжія, одноцвѣтныя и съ тигровыми полосами, бѣлыя съ рыжими пятнами, бѣлыя съ мѣлкими, рѣдкими черными или бусыми пятнами и наконецъ совершенно бѣлыя. У этихъ кошекъ формы тѣла вообще не имѣютъ легкости; голова сравнительно велика, тяжела, уши коротки, лобъ выдающійся, округленный; хвостъ какъ бы обрубленный на концѣ, шерсть пушистая, неприлегающая, нелоснящаяся; взглядъ суровый, тупой; рѣдко расправляются ихъ надбровныя дуги, и глядятъ весело ихъ глаза свѣтло-желтые, сѣрые или голубоватые. Въ этихъ кошкахъ, вообще, замѣчается какая-то вялость, лѣнь и неуклюжесть во всѣхъ поворотахъ. Сѣрая кошка, если и присядетъ для отдыха, бываетъ полна жизни, движенья; вытягиваетъ шею, поворачиваетъ голову, водитъ ушами, ко всему прислушивается, ко всему приглядывается, на все смотритъ бойко и внимательно умными, какъ бы сознательными глазами. Бѣлая кошка сидитъ сиднемъ,—съежится, прижметъ тяжелую голову къ плечамъ, нахмурится, на все смотритъ вяло, безучастно, безжизненно. Въ особенности попадаются между ними какія-то апатичныя существа, у которыхъ кожа на носу и ушахъ отличается блѣднымъ, мертвеннымъ цвѣтомъ; свѣтло-желтые глаза этихъ кошекъ на все глядятъ съ угрюмымъ равнодушіемъ, шерсть всегда оттопыривается какими-то вихрами; всѣ движенья этихъ меланхолическихъ кошекъ поражаютъ своей болѣзненной вялостью.

Н. Вагнеръ.

111. Особенное свойство кошекъ.

У кошки есть одно замѣчательное свойство, на которое стоитъ обратить вниманіе: это—предъузнаніе перемѣнъ въ природныхъ явленіяхъ. Передъ дурной погодой кошка спитъ, свернувшись клубкомъ; у ней является вялость въ движеньяхъ. Это явленіе барометрическое. Въ 1824 году, за нѣсколько дней до большаго наводненія въ Петербургѣ, одна кошка перенесла своихъ котятъ на ту ступень лѣстницы, до которой потомъ дошла вода.

112. О томъ, какъ мыши кота хоронили.

Разнесся въ подполье
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;

Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный хвостъ: такое прозванье
Дали ему зато, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ.
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы—и правду
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынѣче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что́ будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ лапкой ему погрозитъ, тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ,
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насиду
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный хвостъ, на мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохохать; и вотъ что прочелъ онъ:

«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
«Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
«Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, зачто и повѣшенъ,
«Радуйся, наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободранымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринархій спасся съ рубцомъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковскій.

113. Левъ и на людей нападаетъ.

По нѣсколькимъ случаямъ, гдѣ человѣкъ днемъ безнаказанно встрѣчался лицомъ къ лицу со львомъ, рѣшили, что левъ не нападаетъ на человѣка: несправедливое рѣшеніе! Для опроверженія его, воспользуемся разсказомъ Юлія Жерара про одинъ недавній случай въ Африкѣ, о которомъ знаютъ всѣ жители Константины.

Это было за нѣсколько лѣтъ до занятія этого города французами. Между множествомъ арестантовъ, наполнявшихъ тюрьмы, находились два брата, осужденные на смерть: казнь ихъ была назначена на слѣдующій день.

Эти молодцы грабили по большимъ дорогамъ; про силу ихъ и храбрость ходили невѣроятные слухи.

Боясь, чтобы они какъ-нибудь не ушли, бей велѣлъ ихъ такъ сковать, чтобъ нога одного была прикована къ ногѣ другаго. До сихъ поръ никто не знаетъ, какъ это случилось; но когда явился палачъ, тюрьма была пуста. Послѣ тщетныхъ усилій разломать тяжкія оковы, братья, очутившись на свободѣ, пустились черезъ поля, чтобы избѣжать всякой встрѣчи. Съ наступленіемъ дня они спрятались въ скалахъ, а вечеромъ снова пустились въ путь. Около полуночи они нечаянно наткнулись на льва.

Думая испугать его, они стали кричать изо всей мочи и бросать въ него каменьями; но левъ легъ противъ нихъ, и не трогался съ мѣста. Видя, что брань и угрозы ни къ чему не ведутъ, они стали просить; но и это не помогло: левъ бросился, и, поваливъ ихъ на землю, тутъже принялся ѣсть старшаго; другой же, лежа рядомъ, притворился мертвымъ.

Дойдя до ноги, охваченной оковами, и почувствовавъ препятствіе, онъ откусилъ ее повыше колѣна. Потомъ, насытившись что

ли, или почувствовавъ жажду, левъ отправился къ бѣжавшему неподалеку источнику. Полагая, что, напившись, левъ вернется назадъ, бѣднякъ, оставшійся въ живыхъ, сталъ искать вокругъ себя какого-нибудь убѣжища, и, волоча за собою братнину ногу, забился въ яму, служившую для храненія хлѣбныхъ зеренъ, которая къ счастію находилась неподалеку. Немного спустя, онъ услышалъ, какъ левъ ревѣлъ отъ гнѣва, и поминутно ходилъ мимо его убѣжища. Наконецъ стало свѣтать, и левъ удалился.

Но едва только несчастный вылѣзъ изъ своей ямы, какъ былъ окруженъ всадниками, посланными беемъ за ними въ погоню. Одинъ изъ нихъ посадилъ его позади себя на лошадь, и бѣдняка привезли въ Константину, снова посадили въ тюрьму.

Бей не хотѣлъ вѣрить, когда его служители разсказали ему о случившемся; онъ пожелалъ видѣть этого человѣка самъ: его привели къ бею, все еще влачившаго за собой ногу брата. Какъ ни былъ жестокъ Ахметъ-бей, но, увидя несчастнаго, приказалъ снять оковы, и подарилъ ему жизнь.

114. Левъ и Лисица.

Лиса, не видя сроду льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужь не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

—

Инаго также мы боимся,
Пока къ нему не приглядимся. *И. Крыловъ.*

115. Мышенокъ, Котъ и Пѣтухъ.

Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще, и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко на крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ, и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой

Началъ усастое рыльцо себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужь сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣрькомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый.
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода,
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Тресnуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ Пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка. Хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своей; будь же впередъ остороженъ.

В. Жуковскій.

116. Аистъ.

I. Какія породы птицъ особенно дружны съ человѣкомъ?

Въ тѣсной дружбѣ съ человѣкомъ живутъ три пернатыя породы, которыя хотя не вступаютъ къ нему въ услуженіе, однако мѣстопребываніе свое всегда избираютъ подлѣ его жилищъ или въ самыхъ его жилищахъ: это—аистъ, ласточка и воробей. Онѣ составляютъ переходъ отъ домашнихъ, порабощенныхъ птицъ къ дикимъ, свободнымъ. Это—домовыя, а не домашнія птицы. Издавна человѣкъ общится съ ними, какъ съ старыми сосѣдями и друзьями.

II. Гдѣ аистъ любитъ вить гнѣзда?

Свои гнѣзда аистъ свиваетъ на комляхъ и застрѣхахъ кровель, на башняхъ и колончахъ или на высокихъ обрубленныхъ деревь-

яхъ, ясеняхъ, кленахъ, дубахъ, близко стоящихъ къ человѣческому жилищу. Онъ любитъ, чтобы изъ гнѣзда его открывался свободный далекій кругозоръ, чтобы видны были всѣ окрестныя мѣста, поля, луга, болота, лѣса.

III. НАРУЖНЫЙ ВИДЪ АИСТА.

Аистъ благородной крови; это одна изъ птицъ, которая вмѣщаетъ въ себѣ званіе патріарха, воеводы, врача, судьи, прорицателя.

А видъ его, осанка, поступь? какъ все благородно, величаво! На высокихъ ножкахъ, обутыхъ въ узкіе, острокопечные сапожки, мѣрно колышется его станъ, одѣтый въ бѣлый плащъ; его хвостъ коротокъ и отороченъ чернымъ ремнемъ; шея длинная и гибкая, на которой важно и спокойно помѣщается головка; надъ высокимъ челомъ гладко и плотно прилегаютъ перышки, какъ тщательно причесанные волосы; черные глазки глядятъ на міръ Божій свѣтло и пріятно, но въ тоже время и лукаво; обликъ оканчивается, какъ у добраго гепія, длиннымъ носомъ, вооруженнымъ сильною и острою оконечностію. Всѣ пріемы обличаютъ упрямца.

Аистъ задумчивъ, выступаетъ прямо и съ достоинствомъ; при каждомъ расчитанномъ шагѣ выпрямляется, озирается кругомъ; шея и голова киваютъ туда и сюда. Такъ ходятъ самецъ и самка, какъ бы въ глубокой думѣ. Вдругъ самецъ устремилъ къ землѣ свой остроконечный клювъ, и схватилъ лягушку, которая, живя привольно на бережку родной лужи, находитъ нежданную могилу въ желудкѣ хищника.

Приэтомъ самка поднимаетъ голову, и оборачивается, какъ бы гордясь поздравленіемъ. Охота свободная, спокойная, но вмѣстѣ и

прибыльная, продолжается. Если что внезапно помѣшаетъ ей, ловцы останавливаются, высоко поднимаютъ одну ногу, и заносятъ ее около другой, вытягиваютъ шею, а глазъ давно уже слѣдитъ за предметомъ, который нарушилъ ихъ занятіе.

Послѣтого, смотря по обстоятельствамъ, охота или продолжается или прекращается. Когда аистъ идетъ на утекъ, все тѣло его раскачивается, онъ дѣлаетъ впередъ нѣсколько бѣглыхъ шаговъ, хлопаетъ распущенными крыльями, ноги его вытягиваются назадъ, и вотъ онъ летитъ медленно, колыхаясь надъ самою землею. Но вдругъ, какъ-бы очнувшись, сбрасываетъ тяжелую медлительность, и легко, свободно устремляется въ высь, кругъ за кругомъ, возносится все выше и выше, и наконецъ паритъ на растянутыхъ, неподвижныхъ крыльяхъ въ воздушномъ пространствѣ, совершая великолѣпные обороты; потомъ еще разъ взмахиваетъ крыльями, и съ быстротою удара несется дугообразно къ своему гнѣзду, гдѣ нетерпѣливое и голодное семейство радостно привѣтствуетъ его возвращеніе.

IV. ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Мы въ домѣ аиста. Бытъ его похожъ на человѣческій, патріархальный. Аистъ вѣрный мужъ, заботливый отецъ и строгій старшина. Какъ у кочевыхъ народовъ вождь первый идетъ осматривать новыя пастбища, и воротившись ведетъ на нихъ свой народъ, и первый водружаетъ бревно на мѣстѣ будущаго становища; такъ и аистъ недѣли за двѣ предъ самкою летитъ осмотрѣть прежнее свое жилище, и, если съ ними есть еще новобрачныя, то найти и для нихъ гдѣ по близости пріютъ. Найдя все въ порядкѣ и по старому, онъ пропадаетъ на короткое время, и снова появляется уже съ цѣлымъ семействомъ. Начинается исправленіе стараго гнѣзда или витье новаго. Наступаютъ заботы супружескія.

Но этимъ не ограничивается бытъ аиста; часто случается бѣда: незванный гость завладѣетъ кормовымъ болотомъ или лугомъ; холостякъ начинаетъ летать вокругъ самки, озабоченной своимъ будущимъ семействомъ, заключеннымъ пока въ яичныя скорлупки. Предусмотрительность отца, его храбрость и сила предохраняютъ нѣжную супругу. Возвращаясь съ лова, самецъ усматриваетъ своего дерзкаго соперника, и быстрымъ летомъ достигаетъ гнѣзда; за нимъ, напирая, стремится его отважный врагъ. Аистъ сжимается, выставляетъ острый клювъ, и распускаетъ крылья для мужественнаго отпора. Но нападеніе столь же ожесточенно, какъ и отпоръ. Оба бойца наносятъ другъ другу жестокія раны въ грудь и плеча; сцѣпившись въ отчаянной схваткѣ, они не выпускаютъ другъ друга, и поднимаются вверхъ: удары свистятъ одинъ за другимъ, шумъ наполняетъ воздухъ. Глубокая рана, нанесенная одному, заставляетъ его обратиться въ бѣгство, другой преслѣдуетъ, и оба из-

чезаютъ вдали. Но бой этимъ не оканчивается. Вскорѣ обѣ стороны останавливаются, и начинается гоньба; нападая и обороняясь, оба соперника снова приближаются къ гнѣзду. Самка, до сихъ поръ смирно сидѣвшая въ своемъ убѣжищѣ, начинаетъ сильно хлопать, щелкая непрестанно раскрывающимися и сжимающимися челюстями, какъ бы воодушевляя своего мужа. Еще нѣсколько жестокихъ ударовъ потрясаютъ воздухъ, еще разъ клювы скрещаются въ послѣднемъ упорномъ столкновеніи, и соперникъ падаетъ на землю, обезсиленный, израненный, оставляя поле битвы доблестному супругу.

Вообще аистъ тихаго нрава: его не безпокоятъ сосѣдніе воробьи и ласточки, и часто ихъ же принимаетъ онъ подъ свою защиту.

Аистъ заботливый хозяинъ и при всей своей строгости добросердечный отецъ; ласковъ къ роднымъ, признателенъ къ благодѣтелямъ. Древніе греки называли его благочестивою птицею, и ставили въ образецъ домашней добродѣтели. По народнымъ повѣрьямъ, онъ носитъ съ собою новорожденныхъ дѣтей, выводитъ ихъ за собою изъ гнѣзда, и обучаетъ дѣйствовать подростающими крыльями; старается болѣе о семействѣ, чѣмъ о себѣ. Есть повѣрье, что аистъ ежегодно приноситъ даръ человѣку, въ усадьбѣ котораго поселился, на первый годъ перо, на второй яйцо, на третій птенца. Не основано ли послѣднее мнѣніе на томъ, что, какъ замѣчаетъ Палласъ, отцы часто выкидываютъ изъ гнѣзда одного изъ птенцовъ, и обратно человѣкомъ вложеннаго опять выкидываютъ? Гдѣ поселился аистъ, тамъ не будетъ пожара, а если бы и случилось когда огню вспыхнуть въ ночное время, то аистъ подымаетъ такой крикъ, что люди просыпаются и останавливаютъ пожаръ. Говорятъ, что если огонь выкинетъ изъ трубы, то аистъ садится на нее, закрываетъ крыльями и тушитъ огонь; когда же *стихія* осилитъ, то аистъ не оставляетъ гнѣзда до тѣхъ поръ, пока не спасаетъ всего своего семейства: въ противномъ случаѣ онъ предпочитаетъ смерть спасенію. Отъ своихъ птенцовъ аистъ переноситъ любовь и на дѣтей человѣка. У южныхъ чеховъ, гдѣ аисты преимущественно водятся близъ прудовъ, держится повѣрье, что аистъ чрезъ трубу или отворенное окно приноситъ дѣтей—мальчиковъ, воронятъ или даже дѣвицъ, и кладетъ ихъ въ колыбели. Оттого дѣти видятъ въ немъ, какъ и въ воронѣ, мудреца, которому извѣстна тайна ихъ рожденія. Мальчики кладутъ на окно кусокъ сахару, чтобы прилеталъ аистъ, и принесъ имъ братца; дѣвочки дѣлаютъ тоже, чтобы получить сестрицу. Въ одной пѣсни Вольфрама упоминается о томъ, что аистъ не вредитъ посѣвамъ.

Случается иногда аисту быть полезнымъ человѣку. Вотъ какъ разсказываетъ о подобномъ замѣчательномъ случаѣ профессоръ Кесслеръ: «Осенью 1818 г. появилась саранча въ окрестностяхъ Каменки, мѣстечка чигиринскаго уѣзда, и хотя значительная часть ея была тотчасъ же истреблена, но тѣмъ не менѣе другая успѣла

положить въ землю свои яйца. Весною 1849 года были приняты мѣры къ уничтоженію яицъ, и увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ; только одно поле, на которомъ посѣяна была рожь, и на которомъ также находились яйца саранчи, осталась не замѣченнымъ. На этомъ-то полѣ подъ конецъ мая показалась вышедшая изъ яицъ саранча, и тогда стали употреблять всѣ усилія, чтобъ ее истребить, пока она была еще пѣшею (безкрылою). Неожиданное содѣйствіе для достиженія этой цѣли оказали аисты, которые собрались туда во множествѣ. Каждый день они окружали густою цѣпью поле, занятое саранчою, и пожирали ту, которая пыталась перейти на поля смежныя. Кончилось тѣмъ, что къ концу іюня вся саранча окончательно была истреблена. Подобное же явленіе имѣло мѣсто въ 1848 г. въ балтскомъ уѣздѣ подольской губерніи. Тамъ залетныя полчища саранчи бываютъ обыкновенно сопровождаемы стадами ширкуновъ (Merula rosea), но въ 1848 году ширкуновъ не было, и мѣсто ихъ заступили аисты, которые слетѣлись къ саранчѣ многими тысячами, и произвели между ними страшное опустошеніе.»

Чистоплотность относится къ домашнимъ добродѣтелямъ аиста. Онъ постоянно оправляетъ и очищаетъ клювомъ перья своего покрова; онъ часто также купается. Ловкій клювъ его умѣетъ вобрать, обмыть пасть и часть горла; поэтому басня придала ему званіе медика, которое онъ, да родственникъ его—журавль, одни отправляютъ между всѣми крылатыми.

Аистъ не боится человѣка, и охотно остается въ сообществѣ съ нимъ, живя подъ одною кровлею. Въ сѣверныхъ приморскихъ городахъ аисты гуляютъ по улицамъ въ толпѣ людей, и требуютъ, чтобы имъ давали дорогу; они прохаживаются съ площади на площадь, отъ фонтана къ фонтану, здѣсь заглянутъ въ корзину, тамъ во что-нибудь другое, словомъ, показываютъ, что находятся у себя дома, между своими.

Но и при этой близости къ человѣку, хотя аистъ и легко позволяетъ себя поймать, и скоро становится ручнымъ, однако его товарищи уже смотрятъ на него не такими, какъ прежде, глазами, и часто, по свидѣтельству очевидцевъ, подобные выродки платились жизнію за свое отступничество подъ клювами цѣлой толпы аистовъ.

V. ВОЙНА, СБОРЫ ВЪ ПУТЬ, СУДЪ И ПЕРЕЛЕТЪ НА ЗИМУ.

По природѣ своей аистъ миролюбивъ: никто не ищетъ военной славы, никто не отваживается на самоуправство. Все общество живетъ въ согласіи, но временно и у нихъ оно нарушается. Размножается ли чрезъ мѣру крылатый людъ, бѣднѣютъ ли сосѣднія болота, побужденный нуждой и голодомъ, сосѣдній родъ вторгается въ заповѣдныя болота другаго. На первыхъ порахъ ему оказывается гостепріимство, и позволяется жить въ болотахъ, обильныхъ ля-

гушками; но если число хищниковъ слишкомъ уже умножилось, и самимъ хозяевамъ грозитъ голодъ, начинается бой между пернатыми. Тѣсными рядами несутся бойцы въ поле, и нападаютъ на пришлые отряды, которые съ отчаяніемъ дерутся за первую необходимую потребность къ существованію, за повседневную пищу. Побѣда и пораженіе чередуются, не одинъ боецъ падаетъ не убѣгая, пока сила или преобладающая численность не рѣшитъ битвы въ свою пользу. Пораженная община поспѣшно удаляется въ другія страны, а побѣдители располагаются въ жилищахъ побѣжденныхъ.

Когда лѣтніе жары высушатъ болота и мокрины, и гады уберутся въ закрытыя влажныя мѣста; тогда аисты оставляютъ открытыя угодья, и улетаютъ въ лѣса, гдѣ поселяются подлѣ ручьевъ и рѣчекъ, болотъ, зарослей, лужаекъ. Но когда и тамъ съ приближеніемъ осени пища истощится, а перелетныя птицы уже соберутся въ дальнія страны; то за ними и аистъ готовится въ путь. Для этого они обыкновенно слетаются на уединенную мокрину, и здѣсь какъ будто держатъ совѣтъ о предстоящемъ путешествіи; случается, что въ это время застаетъ ихъ охотникъ, и стрѣляетъ по нимъ; но они уже не отлетаютъ прочь, а напротивъ, замѣтя у себя раненыхъ и убитыхъ, глядятъ прямо въ глаза охотнику, какъ бы упрекая его въ коварствѣ. Иногда даже съ ожесточеніемъ нападаютъ на своего врага, и принуждаютъ къ бѣгству.

Тутъ бываетъ и судъ. Аисты ходятъ по лугу взадъ и впередъ, шумно о чемъ-то толкуютъ, сбираются въ кружки, и подозрительно смотрятъ на одного изъ своихъ товарищей, щедушнаго и немощнаго; ихъ клювы трещатъ все сильнѣе и сильнѣе, шаги ускоряются, и наконецъ все общество образуетъ изъ себя одинъ большой кругъ, въ срединѣ коего стоитъ подозрѣваемый, слабое существо, осужденное на смерть единственно зато, что по своей немощи не можетъ вынести продолжительнаго странствія. И вдругъ всѣ съ налету устремляются на несчастнаго, и поражаютъ его клювами. Онъ уже не будетъ во время дороги ни себѣ, ни имъ въ тягость.

Послѣтого заразъ всѣмъ своимъ людомъ аистъ подымается на недостижимую высоту, и летитъ къ странамъ полуденнымъ. Только однажды останавливаются они на берегахъ Италіи, и потомъ опять спѣшатъ далѣе чрезъ Средиземное море. Нѣкоторые отряды остаются въ южной Европѣ, въ Царьградѣ, Севильи и иныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ свои зимнія жилища; другіе летятъ въ Малую Азію. Но всегда главнымъ ихъ убѣжищемъ остается нильская долина, гдѣ они показываются тотчасъ по сбытіи воды и обнаженіи болотъ съ безчисленнымъ множествомъ гадовъ. Здѣсь съ ними также хорошо знакомъ смуглый ребенокъ Египта, какъ и русоволосый подпасокъ жителя югозападной Россіи.

117. Вѣсти морскія (народная пѣсня).

Протекало сине море,
Слеталися птицы стадами,
Садилися птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу, синицу:
Гой еси малая птица,
Малая птица, синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія,
Кто у васъ на морѣ меньшія?
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица, синица:
Глупыя вы, мелки пташки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшія.
Орелъ на морѣ воевода,
Перепелъ на морѣ подъячій,
Пѣтухъ на морѣ цѣловальникъ,
Журавль на морѣ водоволивецъ:
То-то долгія ноги,
То-то армяжное платье!
По овсяному зернышку ступаетъ.
Чижъ на морѣ живописецъ,
Клестъ на морѣ портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ воеводша.
То-то высокія брови!
То-то веселые взгляды!
То-то хорошая походка!
То-то желтые сапожки!
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утята на морѣ дворяне,
Чирята на морѣ крестьяне,
Воробьи на морѣ холопья:
Вездѣ воробейко срываетъ,
Битъ воробейко не бываетъ.
Лебеди на морѣ князи,
Лебедушки на морѣ княгини,
Желна у насъ на морѣ трубачъ,
Воронъ на морѣ игуменъ—
Живетъ онъ всегда позадь гуменъ.
Грачики на морѣ старцы,
Галочки старочки-чернички,
Ласточки молодички,
Касаточки красныя дѣвушки,
Красная рожа ворона,
Зимою ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ.
Рыболовъ на морѣ харчевникъ,
Дятелъ на морѣ плотникъ:
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хочетъ намъ храмъ соорудить.
Соколъ у насъ на морѣ наѣздникъ,
На всяку птицу налетаетъ,
Грудью ее побиваетъ.
Куликъ на морѣ разсыльникъ,
Кукушка-то вздорная кликушка,
Блинница на морѣ цапля,
Чечетъ гость торговой,—
Сорока-то у насъ щеголиха,
Безъ калача не садится,
Безъ сладкаго меду не встаетъ,
Пѣшая къ обѣднѣ не ходитъ,
Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
Все бы она во нарядахъ,
Все бы кони ей вороные,
Все бы ей кольца золотыя.
Бѣдная малая птичка,
Малая птичка синичка
Сѣна косить не умѣетъ,
Стадо ей водить не по силѣ,—
Съ голоду я—птичка помираю.

118. Г у с ь.

Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни, и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что спина его потемнѣе, грудь, или зобъ, покрыта чер-

новатыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, то-есть на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты, и сами они потолще, пообъемистѣе; дикіе же гуси подбористѣе, складнѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки ихъ желтовато-зеленоватаго цвѣта. Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ бывало лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко; но гуси парами или въ одиночку летятъ гораздо ниже. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды,—стаи гусей летятъ гораздо ниже, и спускаются на привольныхъ мѣстахъ отдохнуть, поѣсть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоитъ изъ мелкой, молодой травы, сѣменъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Гуси очень жадны. Когда кормъ приволенъ, то они дотого обжираются, что не могутъ ходить; зобъ оттягиваетъ все тѣло; даже съ трудомъ могутъ летать. Весною гуси бываютъ очень сторожки, и рѣдко подпускаютъ охотника съ подъѣзда, еще рѣже — съ подхода. Надобно отъискивать благопріятную мѣстность, изъ-за которой можно бы было подкрасться къ нимъ поближе. Мѣстность эта можетъ быть: лѣсъ, кусты, пригорокъ, оврагъ, высокій берегъ рѣки, нескошенный камышъ на прудахъ и озерахъ. Пошатавшись по хлѣбнымъ полямъ, кое-гдѣ сохранившимъ насоренныя еще осенью зерна, наплававшись по разливамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ, гуси разбиваются на пары, и начинаютъ заботиться о гнѣздахъ, которыя вьютъ всегда въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ камышистыхъ и болотистыхъ уремахъ *, состоящихъ изъ таловыхъ кустовъ ольхи и березы, обыкновенно окружающихъ берега рѣкъ порядочной величины; я разумѣю рѣки, текущія по черноземной почвѣ. Я не одинъ разъ нахаживалъ гусиныя гнѣзда, и всегда въ такихъ непроходимыхъ мѣстахъ, что самъ бывало удивишься, какъ попалъ туда. Гнѣздо обыкновенно кладется на сухомъ мѣстѣ или на высокой кочкѣ, просторное и круглое, свивается изъ сухой травы, и устилается перышками и пухомъ, нащипанными гусыней изъ собственной хлуши. Охотники говорятъ, что яицъ бываетъ до двѣнадцати, но я болѣе девяти не нахаживалъ. Они совершенно похожи на яйца русскихъ гусей, развѣ крошечку поменьше и не такъ бѣлы, а свѣтло-дикаго, неопредѣленнаго цвѣта. Во время сидѣнья гусыни на яйцахъ, гусь раздѣляетъ ея заботу: я самъ спугивалъ гуся съ гнѣзда, и много разъ нахаживалъ обоихъ *стариковъ* **, съ выводками молодыхъ. Исторія высиживанія яицъ у дикихъ гусей,

---

* *Уремой* называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

** Стариками называются въ гусиной выводкѣ старый гусакъ и гусыня.

какъ и у всякой птицы, выводящей дѣтей одинъ разъ въ годъ, оканчивается въ исходѣ мая или въ началѣ іюня: всѣ исключенія бываютъ слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая, погубившаго первыя яйца. Молодые гусята вылупляются изъ яицъ, покрытые сѣрожелтоватымъ пухомъ; они скоро получаютъ способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяютъ свою выводку на какую-нибудь тихую воду, то-есть на озеро, заводь, или плесо рѣки, непремѣнно обросшей высокой травою, кустами, камышомъ, чтобы было гдѣ спрятаться въ случаѣ надобности. Мнѣ разсказывали многіе, что гусыня перетаскиваетъ на воду поочередно за шею каждаго гусенка, если вода далеко отъ гнѣзда, или мѣстность такъ неудобопроходима, что гусенку и пролѣзть трудно. Я этого не оспариваю, но долженъ сказать, что и самые маленькіе гусята очень бойки и вороваты, и часто уходили у меня изъ глазъ въ такихъ мѣстахъ, что поистинѣ надобно имѣть много силы, чтобъ втискаться и даже бѣгать въ густой чащѣ высокой травы и молодыхъ кустовъ. Впрочемъ надобно вспомнить, что это переселеніе бываетъ немедленно послѣ вылупленія гусятъ, и они должны быть еще въ то время очень слабы. Молодые гуси подрастаютъ въ полгуся и больше, и даже почти оперяются—хотя не могутъ еще летать *—къ исходу іюня или началу іюля.

Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята, и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя, или правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣба. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды, и подъ предводительствомъ старыхъ летятъ въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посытнѣе, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то: гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликают-

* Водяная птица въ этомъ отношеніи совершенно противоположна нѣкоторымъ породамъ степной дичи: перья въ крыльяхъ молодыхъ тетеревовъ, куропатокъ и перепелокъ выростаютъ прежде всего, и они еще въ пушку могутъ перелетывать; а у всей водяной дичи, напротивъ, перья въ крыльяхъ вырастаютъ послѣднія, такъ-что даже безобразно видѣть на выросшемъ и оперившемся тѣлѣ молодаго гуся или утки голыя папоротки съ синими пеньками.

ся между собой, и вся стая съ зычнымъ крикомъ тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію къ тому озеру, или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду,—распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сейчасъ садятся на ночлегъ: для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышомъ, чтобъ ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ ночевокъ большой стаи примнется, вытолочется трава на берегу, а отъ горячаго ихъ помета покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся, или лучше сказать, опускаются на брюхо, и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную стражу, и не спятъ поочередно, или такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шей, и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя, сентябрскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ; быстро поднимаются старики, и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды, и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе.... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые *имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей.* Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю,— и она снова, вслѣдъ за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъже порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные * зобы, и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно взошедшаго солнца, собирается стая, и летитъ уже на другое озеро, плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день.

Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ: они съѣдятъ зерна, лоскомъ положатъ высокую солому, и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во время, то разными средствами можетъ отпугать незванныхъ гостей.

С. Аксаковъ.

---

* Просиженный зобъ уже пустъ: это значитъ, что пища сварилась и спустилась въ кишки.

119. Чижъ и зяблица.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
«Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужь и взошло! Какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость:
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.›
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
«Любезна Зяблица!» кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшись къ вѣткѣ:
‹Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...» но солнце вдругъ сокрылось
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались: кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ шею вытянувъ, за плугомъ заревѣлъ,
А конь, поднявши хвостъ, и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла троза, и солнце разсвѣло:
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе—
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
‹Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ!›

И. Дмитріевъ.

120. Американскій переимщикъ.

Американскій переимщикъ (turdus polyglottus) можетъ, кажется, назваться царемъ всѣхъ пѣвчихъ птицъ; потому-что ни одна изъ нихъ не имѣетъ такого обширнаго и гибкаго голоса, какъ онъ. Собственныя его пѣсни очень разнообразны и мелодичны; но кромѣ того въ немъ есть способность поддѣлываться подъ голоса другихъ

птицъ. Одинъ переимщикъ, жившій въ Англіи, въ клѣткѣ, удивительно вѣрно подражалъ даже мяуканью кошки и писку флюгера, употребляемаго для обозначенія направленія вѣтра. По описаніямъ Вильсона, способность этой замѣчательной птицы видна и въ легкомъ, граціозномъ, быстромъ ея движеніи, равно какъ и въ живомъ взглядѣ и вниманіи, съ которымъ она вслушивается въ пѣніе другихъ птицъ. У переимщика голосъ полный, жильный, мелодическій и способный ко всѣмъ измѣненіямъ отъ звонкихъ, мягкихъ звуковъ лѣснаго дрозда до дикаго карканья ворона. Онъ вѣрно слѣдуетъ мѣрѣ и удареніямъ напѣва всякой птицы, которой онъ подражаетъ; но въ отношеніи сладкозвучія и силы онъ еще даже превосходитъ ее. Въ лѣсахъ на родинѣ, въ росистое утро, ни одна изъ птицъ не можетъ съ нимъ состязаться. Собственный его напѣвъ богатъ, смѣлъ и, какъ видно, безконечно разнообразенъ. Онъ состоитъ изъ короткихъ тактовъ въ 2, 3 или ужъ самое большее въ 6 тактовъ, издаваемыхъ обыкновенно сильно и быстро и иногда безъ умолку въ продолженіе цѣлаго часа. Во время пѣнія онъ распускаетъ крылья, бѣлый блестящій хвостъ и бьетъ имъ тактъ. Живыя движенія его привлекательны не менѣе пѣнія. Прійдя въ какой-то восторгъ, онъ начинаетъ кружиться, то поднимается по суку, когда голосъ его возвышается, то спускается, когда онъ замираетъ. Иногда вдругъ онъ, по словамъ Бартрама, стрѣлой взвивается кверху, какъ будто хочетъ схватить свою душу, вылетѣвшую въ послѣднихъ бурныхъ звукахъ. Слушая переимщика, подумаешь, что поетъ цѣлый хоръ птицъ, и что каждая хочетъ превзойти другихъ въ пѣніи: такъ совершенно онъ подражаетъ всѣмъ пѣвчимъ птицамъ. Нерѣдко въ этотъ обманъ вдается охотникъ, и даже самыя птицы. Въ неволѣ переимщикъ нисколько не теряетъ своей силы въ пѣніи. Иногда онъ вдругъ свиснетъ собакѣ, но такъ похоже, что та встаетъ и подходитъ къ своему господину; то вдругъ запищитъ цыпленкомъ, и насѣдка, растопыривъ крылья, бѣжитъ на эти звуки, думая, что ея цыплята въ опасности. Пѣсню, которой его научатъ, какъ бы она ни была длинна, онъ поетъ съ величайшей точностію; канарейкѣ подражаетъ съ такимъ совершенствомъ, что она, какъ будто пристыженная его умѣньемъ, замолкаетъ. Иные думаютъ, что онъ и свою пѣсню прерываетъ чужими напѣвами. Подражая сѣрому дрозду, онъ вдругъ прокричитъ пѣтухомъ, или отъ сладкозвучныхъ трелей голубой птички переходитъ къ щебетанью ласточки или кудахтанью курицы. При свѣтѣ луны, онъ какъ въ дикомъ состояніи, такъ и въ неволѣ, поетъ всю ночь. Охотники по пѣснѣ его узнаютъ ночью, что скоро должна войти луна.

У насъ въ Россіи къ числу самыхъ переимчивыхъ птицъ принадлежитъ ронжа (corvus garrulus) и малый сорокопутъ (lanius collurio), которыя, содержимыя нарочно въ клѣткахъ, могутъ доставить своею переимчивостью много забавныхъ обмановъ.

121. Птичка.

Длячего, пѣвунья-птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?
Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли;
И тростникъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра;
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора.
Не для солнца, не для неба,
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка,
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.
Въ часъ, какъ онъ вернется съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.
Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ:
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ уснетъ.

Плещеевъ.

122. Рыбы.

I. Рыба.

Стихія рыбы—вода; назначеніе—плавать въ ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушеннымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ, имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спиннаго хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманья и разжиманья этого пузыря, рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ. Дальнѣйшія подробности внутренняго устройства рыбъ вы узнаете изъ натуральной исторіи.

II. Какъ размножаются рыбы.

Трудно вообразить себѣ плодовитость рыбъ. Многія изъ нихъ имѣютъ такую мелкую икру и въ такомъ множествѣ, что если бъ она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно, можетъ-быть, милліонъ себѣ подобныхъ, и для помѣщенія ихъ не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходитъ на дѣлѣ. Природа не даромъ снабдила такимъ изумительнымъ обиліемъ икры каждую рыбью самку: ибо кромѣтого, что икра не рѣдко остается неоплодотворенною, она истребляется

каждую минуту окружающими ее въ водѣ и живущими надъ водою въ воздухѣ, хищными врагами, для которыхъ служитъ лакомой пищей. Не могу опредѣлить, въ какомъ возврастѣ рыбьи самки начинаютъ *метать*, или *бить икру*, способную къ принятію оплодотворенія, а молоки самцовъ — получаютъ способность оплодотворять; но то не подвержено сомнѣнію, что икру и молоки, черезъ годъ послѣ своего рожденья, ежегодно имѣютъ маленькія, молодыя рыбки, не достигшія и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечетъ икру въ свое опредѣленное время, такъ-что эта операція производится почти круглый годъ *. Когда наступитъ пора, и рыбьи самки почувствуютъ охоту или надобность выкинуть изъ себя обременяющую ихъ икру, а самцы—молоки, и тѣ и другіе собираются стаями; самцы тѣснятся вплоть за самками, даже смѣшиваются съ ними: первыя выпускаютъ икру, вторые обливаютъ ее молоками; за ними слѣдятъ другія породы рыбъ, преимущественно хищныя: щуки, окуни, судаки, жерехи, налимы и проч., и даже не называемыя хищными: головли и язи **. Всѣ они съ жадностью глотаютъ мелкія, какъ макъ, яички, опутанныя слизью, плавающія кучкамй, въ видѣ клочьевъ шерсти или паутинъ, держащіяся на поверхности и на всякой глубинѣ воды. Мечущіе икру и молоки, самки и самцы, особенно первыя, стараются прижаться или удариться объ что-нибудь жесткое; они трутся около береговъ и водяныхъ растеній, предпочтительно около камыша и лопуховъ, около подводныхъ карягъ, корней и камней. Нѣкоторыя породы, какъ то: лещи, караси и плотва, выскакиваютъ безпрестанно изъ воды и шлепаются объ ея поверхность, чтобъ отъ движенія и толчковъ свободнѣе вытекла икра и молоки. Въ высшей степени любопытна картина *рыбьяго боя*: при совершенной тишинѣ въ воздухѣ, поверхность воды волнуется, какъ будто вѣтромъ, отъ вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летятъ во всѣ стороны, и плескъ воды слышенъ издалека.

Другія породы рыбъ, особенно *донныя*, то-есть, ходящія или плавающія обыкновенно по дну, какъ-то: ерши, пискари, гольцы, лини, а всего болѣе налимы, которые мечутъ икру около Святокъ, — при совершеніи этой операціи, вѣроятно трутся около береговъ и подводныхъ карягъ или о хрящеватое, каменистое дно: послѣднее предположеніе доказывается тѣмъ, что именно на такихъ мѣстахъ, именно въ это время года, попадаютъ налимы въ морды, или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыбъ,

---

* Многіе охотники утверждаютъ, что нѣкоторыя породы рыбъ мечутъ икру по два раза въ годъ. Но я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Хотя икра во внутренности рыбъ (одной и той же породы) бываетъ точно въ разное время года, но это только доказываетъ, что онѣ мечутъ икру въ разные сроки.

** Я полагаю, что всѣ безъ исключенія породы рыбъ ѣдятъ всякую икру, даже собственную свою.

казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому-что воды покрыты льдомъ, да и рыба зимою не плаваетъ вездѣ, а стоитъ по своимъ мѣстамъ; кажется, этихъ породъ должно бы разводиться гораздо болѣе другихъ; но этого никакъ нельзя сказать, особенно о налимахъ. Безъ сомнѣнія, есть другія причины, отъ которыхъ также пропадаетъ ихъ мелкозернистая, безчисленная икра.

Итакъ при самомъ появленіи рыбьихъ яичекъ начинается ихъ истребленіе; оно продолжается до полнаго образованія мелкой рыбешки, которая, будучи окружена тѣмиже врагами, можетъ, по крайней мѣрѣ, прятаться отъ нихъ и спасаться проворствомъ своего плаванья и малостью роста. Кромѣ хищныхъ и нехищныхъ рыбъ, не мало также поѣдаетъ икру птица; самыя главныя истребительницы—утки, чайки и воро́ны: утки и чайки хватаютъ ее, плавающую въ водѣ, даже ныряютъ за ней; а воро́ны достаютъ ее сухопутно, ходя по берегамъ и по мелкой водѣ, преимущественно около травъ, куда икру прибиваетъ вѣтромъ, и гдѣ она, прилипнувъ къ осокѣ или камышу, на́ которые всплескивается волнами — часто обсыхаетъ и пропадаетъ даромъ. Оплодотворенная икра, въ теплое, солнечное время, выводится черезъ 10, 12 и 14 дней. Должно предположить, что первый годъ или въ первые года, рыба ростетъ очень скоро: потому-что послѣ вывода изъ икры, мелкой, какъ размоченный макъ, достигаетъ она въ одинъ мѣсяцъ величины овсянаго зерна въ шелухѣ. Я убѣдился въ этомъ собственными наблюденіями: о дальнѣйшемъ ростѣ рыбы, а также о долговѣчности ея, ничего положительнаго не знаю. Говорятъ и пишутъ, что щуки живутъ до 300 лѣтъ, а карпіи—болѣе ста, чему, какъ увѣряютъ печатано, были дѣланы несомнѣнные опыты, ибо въ пруды, которые никогда не сходятъ, но освѣжаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленькихъ щукъ и карпій съ золотыми или серебреными кольцами, продѣтыми сквозь щечную кость, съ означеніемъ на кольцахъ года: такихъ рыбъ ловили впослѣдствіи (разумѣется уже потомки), и убѣдились по надписямъ годовъ въ ихъ долговѣчности.

III. Отчего рыба снѣтъ?

Рыба имѣетъ болѣзни, которыя часто обнаруживаются черными пятнами по всему тѣлу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переноситъ ихъ благополучно; но если чернота пойдетъ въ глубь и коснется внутреннихъ органовъ — рыба умираетъ. Въ небольшихъ непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ водятся караси въ большомъ изобиліи, не рѣдко случается, что они, особенно бѣлые, получаютъ сначала кровяныя, а потомъ черныя пятна, но я рѣдко замѣчалъ, чтобъ караси, именно отъ нихъ снули. Я сначала думалъ, что пятна происходятъ отъ внут-

реннихъ причинъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи, я наконецъ увидѣлъ, что онѣ происходятъ отъ укушенія крошечныхъ зеленыхъ червячковъ, которые въ иные года, особенно въ жаркое и сухое лѣто, появляются въ стоячихъ водахъ въ невѣроятномъ множествѣ; они заползаютъ подъ чешую карасей и кусаютъ ихъ до крови: въ одной ранкѣ я нахаживалъ болѣе десятка червячковъ. Сверхъ того въ такихъ прудахъ водятся большіе, зеленоватые, водяные черви (вѣроятно, выростающіе изъ маленькихъ зеленыхъ), завертывающіе себя въ трубочку, какъ будто склеенную изъ осоки, — водяные ящерицы и жуки *. Всѣ они кусаютъ и портятъ бѣдныхъ карасей, и препятствуютъ ихъ размноженію и полному росту; а сидящихъ въ плетеныхъ сажалкахъ, или прорѣзяхъ, даже совсѣмъ заѣдаютъ.

Иногда попадается снулая рыба безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ признаковъ болѣзни; но кишки и пузырь оказываются какъ будто сморщенными и нѣсколько высохшими.

Здоровье рыбы, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ хорошей воды и пищи. Всѣ охотники знаютъ, что въ одной водѣ рыба бываетъ жирна, вкусна и бойка, въ другой — тоща, безвкусна и вяла. Но какія качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы — мы рѣшительно не знаемъ. Вода дѣйствуетъ даже на цвѣтъ рыбы: не измѣняясь въ своихъ природныхъ пестринахъ и отмѣтинахъ, она измѣняется въ ихъ яркости или цвѣтности, единственно отъ пересадки изъ одной воды въ другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, напримѣръ, по большой части бываютъ яркаго, темножелтаго или золотистаго цвѣта, а пересаженные въ копанные, глинистомутные пруды дѣлаются блѣднобланжевыми; окуни въ иныхъ рѣкахъ бываютъ очень темны и яркопестры, но посидѣвъ долго въ прудѣ, становятся свѣтлыми, бѣлесоватыми: точно тоже дѣлается, болѣе или менѣе, и съ другими породами рыбъ.

Рыба очень не рѣдко задыхается зимой подъ льдомъ, даже въ огромныхъ озерахъ и проточныхъ прудахъ: сначала, въ продолженіе нѣкотораго времени, показывается она въ отверстіяхъ прорубей, высовывая ротъ изъ воды и глотая воздухъ; но ловить себя еще не даетъ и даже уходитъ, когда подойдетъ человѣкъ; потомъ покажется гораздо въ большемъ числѣ и какъ будто одурѣлая, такъ-что ее можно ловить сакомъ и даже брать руками, иногда всплываетъ и снулая. Какъ скоро число прорубей будетъ значительно увеличено—рыба отдыхаетъ и скрывается. Это послѣднее

---

* Водяные червяки (это личинки *веснянки* phrygaeae) имѣютъ способность выползать до половины изъ своихъ трубочекъ и прятаться въ нихъ совсѣмъ. Водяные жуки—(dytiscus marginatus L.) плоскіе, каштановаго цвѣта, съ бѣловатыми по краямъ ободками; они проворно ползаютъ по землѣ и летаютъ быстро по воздуху: поднимаются прямо изъ воды и опускаются прямо въ воду. Мнѣ сказывали, что подмосковные крестьяне употребляютъ ихъ вмѣсто піявокъ.

обстоятельство произвело общую увѣренность, что рыба дохнетъ отъ недостатка прорубей, то-есть отъ недостатка продушинъ, въ которыя могли бы вылетать спершіяся водяныя испаренія, и могъ бы получаться свѣжій воздухъ. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно съ такимъ заключеніемъ нельзя, и вотъ почему: 1) Всѣ озера и пруды, и большіе и малые, не находящіеся близъ жилья человѣческаго, никогда не имѣютъ прорубей, потому-что некому и не для чего ихъ дѣлать, не имѣютъ также и полыней, то-есть мѣстъ не замерзшихъ, бывающихъ, какъ извѣстно, только на рѣкахъ большихъ и быстротекущихъ: слѣдовательно, въ такихъ прудахъ и озерахъ не должна бы совсѣмъ водиться рыба, особенно въ изобиліи: опытъ показываетъ противное. 2) Въ прудахъ и озерахъ, находящихся въ селеніяхъ или близъ селеній, имѣющихъ постоянныя проруби для водопоя скота и другихъ надобностей, рыба въ иные года сдыхается подъ льдомъ при одинаковомъ числѣ прорубей. 3) Это сдыханье, при однихъ и тѣхъже обстолательствахъ, случается не каждый годъ, а лѣтъ черезъ десять и болѣе. Итакъ изъ всего мною сказаннаго сдѣдуетъ заключить, что есть какія-нибудь другія условія, при содѣйствіи которыхъ дохнетъ рыба подъ льдомъ, но что, независимо отъ этихъ причинъ, рыба отдыхаетъ, если будетъ увеличено сообщеніе воды съ атмосферическимъ воздухомъ, и что содержаніе большихъ прорубей, ежедневно вычищаемыхъ, не только на прудахъ не имѣющихъ теченія и озерахъ, но даже на прудахъ проточныхъ, и даже на тихихъ омутистыхъ рѣкахъ, покрывающихся сплошнымъ льдомъ,—для сохраненія здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снетъ иногда отъ примѣси вредныхъ постороннихъ веществъ, какъ-то: навозной жидкости со скотныхъ дворовъ и испорченной воды съ фабрикъ и металлическихъ заводовъ, если то или другое какъ-нибудь проникнетъ въ озеро или прудъ, преимущественно не проточный. Но на рыбу бываетъ повальный и внезапный моръ отъ причинъ совершенно неизвѣстныхъ.

IV. ЧѢМЪ ПИТАЮТСЯ РЫБЫ?

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя—глотаютъ все, что ни попало: тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ—иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ и проросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися около нихъ водяными насѣкомыми и гадинами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойдти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чевканье

производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не растетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ, съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ *прорѣзями* (потому-что онѣ *прорѣзаны*, или просверлены), въ которыхъ обыкновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, и никогда ея не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать удовлетворительно не умѣю. Поневолѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже—одной водой. Пребываньe въ сажалкахъ безъ корма только этимъ и можно объяснить, допустивъ предварительно, что всякая вода содержитъ въ себѣ множество инфузорій, непримѣтныхъ для глаза человѣческаго, слѣдовательно питательна для рыбы уже сама по себѣ.

V. ходъ рыбы.

Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься,—рыба также поднимается кверху и идетъ противъ воды, сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это инстинктивное стремленіе бываетъ такъ сильно, что, не видавши, трудно повѣрить: не смотря на ужасную быстрину, съ которою летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ, или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ, рыба доходитъ до самаго послѣдняго, крутаго паденія воды, и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада — прыгаетъ снизу вверхъ; безпрестанно сбиваемыя силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о деревянный помостъ или камни, новыя станицы рыбъ безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, то-есть попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ, рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу крыленами, или вятелями, ставя ихъ сначала по теченію, а потомъ противъ теченія воды. Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, то есть пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ—въ материкъ. Нерѣдко случается однако, что зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговые поймы, не находитъ она водянаго пути для возвращенія въ рѣку, и остается въ

ямахъ и бокалдинахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ ее; а если нѣтъ, и бокалдины высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ и достается на пищу воронамъ и разнымъ другимъ птицамъ — иногда и свиньямъ. Рыба, застигнутая внезапно обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній въ ямахъ или, помосковски, въ бочагахъ, переходитъ иногда изъ одного въ другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгаетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копаныхъ сажалокъ, или прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно, повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *паводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей.

VI. Въ какой водѣ живутъ рыбы?

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и тойже температурѣ воды: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое. Бо́льшая часть рѣкъ начинаются холодными, какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками—онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то-есть пеструшка, кутема и лохъ, или красуля; за ними лошекъ, голецъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пискарь; далѣе — уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконецъ—лещи, лини, карпіи и караси. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ породъ, какъ-то: гольцы и караси, могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается; но гдѣ же нѣтъ исключеній отъ причинъ и обстоятельствъ мѣстныхъ? Итакъ всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и тойже рѣкѣ, если теченіе ея *продолжительно*, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе: въ этомъ убѣдиться нетрудно, изслѣдовавъ теченіе какой-нибудь порядочной рѣки. Въ водополье вода вездѣ одинакова: вездѣ мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая въ теплой, сравнительно, водѣ, поднимается вверхъ до самыхъ холодныхъ ключей; но при возвращеніи назадъ, если случайно что-нибудь захватитъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для нея еще холодна, или, наоборотъ, скатится она слишкомъ низко, такъ-что вода для нея окажется уже тепла— рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непремѣнно отыщетъ сродную ей температуру. Если не можетъ этого

сдѣлать въ тотъже годъ, по причинѣ прудовыхъ затворовъ и рѣшетокъ, то непремѣнно сдѣлаетъ въ слѣдующую весну. Непреодолимость такого стремленія къ обычной температурѣ воды испытали многіе охотники, пробуя развесть у себя въ пруду тѣ породы рыбъ, которыя водились въ тойже самой рѣкѣ, только нѣсколько верстъ пониже. Всѣ усилія оказывались безполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днемъ и ночью, во всѣ времена года, держали сначала мѣсяца по два въ сажалкахъ, загороженныхъ въ томъже пруду—ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверхъ, такъ-что ее ловили верстъ за 15 выше, и потомъ вся безъ остатка скатывалась внизъ. Итакъ оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру въ той самой водѣ, гдѣ назначалось жить ея потомству, и оно иногда удавалось.

Въ проточныхъ небольшихъ родниковыхъ прудахъ, имѣющихъ всегда свѣжую и даже холодную воду, которые весной мало прибываютъ отъ полой воды, и *никогда не уходятъ*, спуски которыхъ всегда загораживаются рѣшетками и верховья мелки—будетъ жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала съ натурою рыбы, но будетъ только *жить*, а не *водиться:* даже не достигнетъ полной природной величины своей. Самый лучшій способъ, да и болѣе удающійся, къ разведенію извѣстныхъ рыбьихъ породъ въ проточныхъ и непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ онѣ сами собой не держатся или не заводятся, состоитъ въ слѣдующемъ: надобно ловить рыбу, которую желаешь развесть, передъ самымъ метаньемъ икры; на каждыхъ шесть икряныхъ самокъ отобрать по два самца съ молоками, посадить ихъ въ просторную сквозную огородку, или сажалку, устроенную въ назначенномъ для того прудѣ; когда изъ выметанной въ свое время икры выведется рыбешка и нѣсколько подростетъ—загородку разобрать всю, и рыбу выпустить въ прудъ: старая уйдетъ, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будетъ уже слишкомъ много разниться съ тою, въ которой была поймана старая рыба. Точно такимъ образомъ разводятъ и раковъ.

Я сейчасъ говорилъ о томъ, какъ иногда бываетъ трудно разводить нѣкоторыя породы рыбъ въ такой водѣ, гдѣ прежде ихъ не было; но зато сама рыба разводится непостижимымъ образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда ни ей самой, ни ея икрѣ, кажется, попасть невозможно, какъ напримѣръ: въ степныхъ озерахъ, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ рѣкъ, слѣдственно не заливаемыхъ никогда полою водою, и въ озерахъ нагорныхъ.

VII. Какія изъ чувствъ наиболѣе развиты у рыбъ?

Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго, по крайней мѣрѣ, скоро къ нимъ привыкаетъ;

но къ звуку она чувствительна до невѣроятности; звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное *глушеніе* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его наплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашлянетъ или чихнетъ—и какъ брызги, во всѣ стороны разсыплятся серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду; тоже дѣлается отъ всякаго внезапнаго звука или появленія щуки, большаго окуня, жериха и другихъ хищныхъ рыбъ.

VIII. НАРОДНОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА РЫБУ.

Почти всѣ молодыя рыбки, особенно нѣкоторыя изъ породъ не очень крупныхъ, такъ красивы, или, лучше сказать, такъ миловидны, рѣзвы и чисты, что народъ на югѣ Россіи употребляетъ слово *рыбка*, какъ слово ласки, нѣжности—въ похвалу красотѣ и прелести дѣвической. Оно не рѣдко встрѣчается въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ чувство любви, если не такъ глубоко, не такъ серьезно, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, зато нѣжнѣе, эстетичнѣе, такъ сказать. Въ повѣсти Гоголя «Майская ночь или утопленница» молодой казакъ Левко, вызывая изъ хаты свою милую Галю разными нѣжными словами, между прочимъ говоритъ: «Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко, хоть бѣлую ручку свою....» Для великорусскаго крестьянина, это слишкомъ нѣжно; но и онъ очень любитъ смотрѣть на всякую рыбу въ водѣ, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами, иногда тихо, незамѣтно плывущую, иногда неподвижно стоящую въ рѣчной глубинѣ!... Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ *гуляетъ вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоитъ иногда пѣшеходъ-крестьянинъ, спѣшившій куда-нибудь за нужнымъ дѣломъ, забываетъ на время свою трудовую жизнь, и, наклонясь надъ синимъ омутомъ, пристально смотритъ въ темную глубь, любуясь на рѣзвыя движенья рыбъ, особенно, когда она играетъ и плещется, какъ она, всплывъ наверхъ, вдругъ, крутымъ поворотомъ, погружается въ воду, плеснувъ хвостомъ и оставя вертящійся кругъ на поверхности, края котораго, постепенно расширяясь, не вдругъ сольются съ спокойною гладью воды, или, какъ она, однимъ только краешкомъ спиннаго пера разсѣкая поверхность воды — стрѣлою пролетитъ прямо въ одну какую-нибудь сторону, и слѣдомъ за ней пробѣжитъ длинная струя, которая, раздѣляясь на двѣ, представляетъ странную фигуру расходящагося трехъугольника.

123. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травою морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую,
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
—Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась,
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужь избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужь будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужь и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:

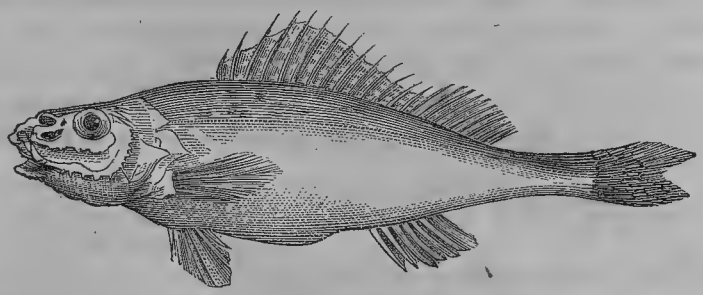
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»
Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужь не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»
Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жь онъ видитъ? Высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха,
Въ дорогой собольей душегрейкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею;
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;

Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»
Старичокъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужь не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жь? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,

Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была бъ у меня на посылкахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужь не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто. *А. Пушкинъ.*

124. Ершъ.



Имя ерша (acerina vulgaris, C. и оно одно во всей Россіи), очевидно, происходитъ отъ его наружности: вся его спина, почти отъ

головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ, быстро выхваченный изъ воды, не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ; даже на подъемѣ онъ покажется тяжелѣе, чѣмъ другія рыбки, равной съ нимъ величины. Русскій народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человѣка, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинилъ онъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстную, цѣлую сказку съ лубочными картинками своенародной фантазіи и иногда съ забавными созвучіями вмѣсто риемъ. По моему, ершъ—лучшая рыбка изъ всѣхъ, не достигающихъ большаго роста. Складомъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ, слишкомъ въ четверть длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ сибирскихъ ершахъ. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ темно-синіе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гребешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины какого-то темноватаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима; хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большемъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Ершъ въ исходѣ апрѣля набитъ икрой до безобразія, и въ маѣ ее мечутъ.

Для человѣка ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они — особенно если крупны — приготовленные на холодное подъ желе, которое бываетъ необыкновенно густо. По моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда. *С. Аксаковъ.*

125. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ.

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубишко, склался на дровнишки со своими маленькими ребятишками; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку; отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подъ добало подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведнаго, рыбу-сомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей». Сомъ послалъ за ершомъ-добрымъ человѣкомъ, и говоритъ: «ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?»—Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло. «Не во вѣкъ, говоритъ рыба-сомъ, наше озеро не горивало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя граматы?»—Есть у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: сорога-рыба * на пожарѣ была, глаза запалила и понынче у нея красны. И посылаетъ сомъ-рыба за сорогой-рыбой. Стрѣлецъ, боецъ, карасъ-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ! зовутъ сорогу-рыбу: «сорога-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Сорога-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! горивало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ сорога-рыба, не горивало наше озеро! — Говоритъ сомъ-рыба: «слышишь, ершъ, добрый человѣкъ! сорога-рыба въ глаза обвинила.» А сорога тутъ же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; «есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ,

---

* Такъ называется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ плотва, или плотица, которую казаки зовутъ серухой, а по Днѣпру библою, облиною. Общеупотребительное ея имя —плотица происходитъ, по объясненію С. Аксакова, оттого, что она *плоска*. Рыба эта вездѣ водится во множествѣ; она чисто серебристаго цвѣта, который на спинѣ становится темнѣе; глаза имѣетъ красные или краснокоричневые, и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе.

и понынче у него крылья красны *.» Стрѣлецъ боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ!—это государскіе посыльщики—приходятъ и говорятъ: «окунь рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гаривало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гаривало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ? — Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ: говоритъ сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: щука-рыба, вдова честная, притомъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и понынче черна.» (см. 127 ст.) Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ! — это государскіе посыльщики — приходятъ и говорятъ: «щука-рыба! зоветъ рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество!» — Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говоритъ сомъ; гаривало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гаривало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ: «есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче онъ чоренъ **,» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ!—это государскіе посыльщики—приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «налимъ-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.»— Ахъ, братцы! на-те вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поимали ерша и посадили его въ петлю.... Пошелъ дождь и сдѣлалась слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услышали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и

---

* Окунь, довольно широкій станомъ, горбоватый, съ чешуей зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта, имѣетъ на спинѣ гребень съ острыми иглами, и между имъ и хвостомъ плавательное перо; хвостъ и особенно нижнія перья у него красны.

** Налимъ (въ малороссіи мень, менекъ, въ орл. губ. мантусъ) не имѣетъ чешуи, и покрытъ слизью, такъ-что его трудно удержать въ рукахъ; онъ весь мраморный; по темнозеленоватому желтоватому полю испещренъ черными пятнами, глаза имѣетъ темные. Нѣкоторые налимы бываютъ очень темны, а другіе очень желты.

начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку; пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

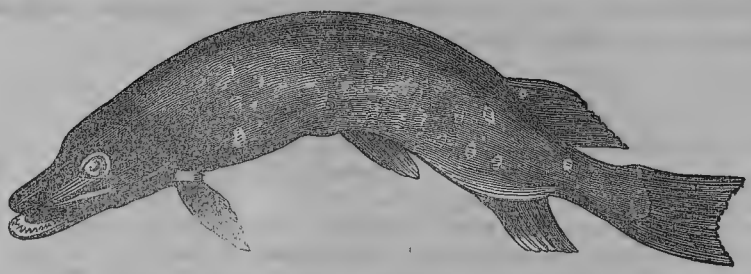
126. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
—«И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
—«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

127. Щ у к а.



При всемъ моемъ усердіи не могу допскаться, откуда происходитъ имя щуки (Во всей Россіи она esox lucius называется одинаково). Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый станъ, широкія хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видѣ ткацкаго челнока, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами *, изъ конхъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ добычу толще себя самой, — все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Я разумѣю здѣсь только тѣ породы рыбъ, которыя называются *бѣлъ*, въ противоположность чему всѣ другія породы, какъ-то: осетры, севрюга, бѣлорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имѣетъ большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными извилистыми коемками. Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ (тоже разсказываютъ и даже пишутъ о карпіи), въ чемъ будто удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ съ замѣтками на хвостѣ или перьяхъ въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали ихъ; слыхалъ, что будто щуки выростаютъ до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это можетъ быть и правда, но чего не знаю, того не утверждаю **. Самая большая

---

* Щука мѣняетъ зубы ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ.

** Въ «Охотничьей книгѣ» г-на Левшина, 1812 году (часть 4-я, стр. 487-я) есть слѣд. любопытное извѣстіе о долговѣчности щукъ, которое выписывается здѣсь съ совершенною точностью: «Когда вычищали пруды, близъ Москвы, въ Царицынѣ, чему прошло съ небольшимъ 20 лѣтъ,—то, между прочаго, при пересаживаніи рыбы въ сажалки, поймана была щука около трехъ аршинъ длиною, и въ пол-аршина шириною, съ золотымъ кольцемъ, продѣтымъ въ щечную кость близъ жабръ, съ

щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною была аршинъ и семь вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ четверть аршина, но зато, почти во всю длину, была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотаетъ даже лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ, и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Она мечетъ икру въ самомъ началѣ апрѣля, а иногда, если весна ранняя, въ исходѣ марта. Гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки разводятся и держатся во множествѣ. Любопытно, какъ онѣ подстерегаютъ мелкую рыбу. На этотъ случай рыбаки разсказываютъ слѣдующую хитрость щуки: она становится на мели, головою внизъ по теченію воды, и хвостомъ мутитъ илъ на днѣ, такъ-что муть совсѣмъ закрываетъ ее отъ мимо плывущихъ рыбокъ, на которыхъ она бросается, какъ стрѣла, лишь только онѣ подплывутъ близко.

За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, свай или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая или мертвая, такъ-что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей *, но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду **;

надписью на одномъ: «*Посадилъ царь Борисъ Ѳёдоровичъ*. По тогдашнему исчисленію щукѣ сей оказывалось болѣе 200 лѣтъ.—Леманъ утверждаетъ, что 1497-го года, въ Хейльброкѣ поймана была въ одномъ озерѣ щука 19 футовъ (семи аршинъ слишкомъ), и по надписи на мѣдномъ кольцѣ, на ней бывшемъ, оказалось, что въ озеро сіе посажена она была цесаремъ Фридерихомъ II, въ 1230 году; слѣдственно въ сей водѣ жила она 267 лѣтъ. Вѣсу въ ней было 8 пудъ 30 фунтовъ; она отъ старости почти вся побѣлѣла.»

* Всякую рыбу, стоящую не глубоко въ водѣ, можно застрѣлить изъ ружья. Надобно только взять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а дальше или ближе. Уголъ отраженія дроби (всегда равный углу паденія) будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ.

** Какъ только вода въ прудѣ или озерѣ покроется первымъ тонкимъ и прозрачнымъ льдомъ, способнымъ поднять человѣка, ходятъ съ дубинками, по мѣстамъ не очень глубокимъ. Замѣтя близко къ льду высоко-стоящую рыбу, сильно ударяютъ дубинкою надъ ея головою—рыба оглушится (впадаетъ въ обморокъ) и взвернется вверхъ брюхомъ: проворно разбиваютъ тонкій ледъ, и берутъ рыбу руками, покуда она не очнулась.

даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья стоящую въ такомъ положеніи щуку въ девять фунтовъ. Мало этого, при моихъ глазахъ, мой товарищъ-рыбакъ, сидѣвшій и удившій со мною въ одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою.... она вѣсила слишкомъ два фунта. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ; онѣ не рѣдко кидаются на такихъ рыбъ или утятъ, которыхъ никакъ заглотать не могутъ, изъ чего выходятъ презабавныя явленія: добыча, будучи сильнѣе вцѣпившагося въ нее врага, таскаетъ его по водѣ за собою. Я самъ видѣлъ, какъ оперившійся совсѣмъ утенокъ, или лучше сказать, молодая утка, съ ужаснымъ крикомъ отъ испуга и боли, хлопая по водѣ крыльями, и даже нѣсколько приподымаясь съ воды, долго билась со щукой, которая впилась въ заднюю часть ея тѣла; видѣлъ также, какъ большой язь таскалъ за собой небольшую щуку, схватившую его за хвостъ. Но я разскажу одинъ случай, еще болѣе доказывающій непомѣрную жадность щуки: рыбакъ, стоявшій возлѣ меня на плотинѣ огромнаго пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдругъ почувствовалъ на удочкѣ такую тяжесть и упорство, что едва не выронилъ изъ рукъ удилища, но принявъ это за неожиданное движеніе какой-нибудь средней рыбы, сталъ тащить съ бо́льшею силою, и выволокъ на плотину щуку. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что за крючокъ взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцѣпилась щука, не касаясь крючка, и такъ крѣпко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей ротъ! Щука средней величины, пойманная весною (тогда называютъ ее *щукою съ голубымъ пе́ромъ*) и даже лѣтомъ, и сваренная на холодное прямо изъ воды, а не снулая, составляетъ недурное блюдо. *С. Аксаковъ.*

128. Морскія черепахи.

I. Строеніе черепахи, мѣстопребываніе ея и выводъ дѣтенышей.

Было время, когда земноводныя играли немаловажную роль въ морѣ. Тогда въ океанѣ толпились гигантскія ящерицы (ихтіозауры и плезіозауры въ 50—60 футовъ длиною)—эти тираны между рыбами, соединявшіе съ быстротою дельфина прожорливость крокодила. Но теперь въ моряхъ, вмѣсто прежнихъ ящеровъ, изъ числа всѣхъ земноводныхъ водятся только черепахи и морскія змѣи отъ 2 до 3 футовъ длины. Говоря вообще, животныя этого класса имѣютъ самый отвратительный видъ; это истинные типы нравственнаго и физическаго безобразія, такъ-что нельзя даже подумать безъ омерзѣнія о холодной, склизкой, мертвой кожѣ жабы или объ окаменѣломъ взглядѣ змѣи.

Но черепаха не возбуждаетъ въ насъ такого отвращенія, какъ большая часть сродныхъ съ нею змѣй, ящерицъ и лягвъ (batrachia), потому ли, что кротость нравится и подъ скромнымъ покровомъ, или же потому, что это животное приноситъ человѣку разнообразную пользу; междутѣмъ-какъ прочія земноводныя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вкусныхъ ящерицъ и подвижной лягушки, не только не приносятъ человѣку пользы, но иногда опасны своимъ ядомъ.

Строеніе черепахъ представляетъ намъ нѣкоторый интересъ.— У нихъ такъ странно и до такой степени расширились, срослись и сочленились спинные позвонки, ребра и грудина, что образуютъ кругомъ всего туловища животнаго костяной покровъ. Этотъ родъ щита обтянутъ только кожей, которая въ свою очередь снова покрыта большими чешуйчатыми щитками, междутѣмъ-какъ всѣ мускулы и остальныя мягкія части заключаются во внутренней полости. Только голова, лапы и хвостъ выходятъ изъ отверстій, находящихся между верхнимъ и нижнимъ покровомъ, но у земныхъ черепахъ члены эти совершенно втягиваются внутрь.

Покровъ этотъ есть единственная оборона, которою природа одарила этихъ животныхъ противъ нападеній ихъ непріятелей; они не имѣютъ ни скораго бѣга, ни какого-либо другаго орудія, которымъ бы могли защитить себя, дѣйствуя силой. Но какъ скоро приближается къ нимъ подозрительное животное, то они прячутся въ свой плотный покровъ, противополагая нападенію пассивное сопротивленіе щита, недоступнаго для зубовъ и когтей. Самый объемъ черепахъ составляетъ для большей части преслѣдующихъ ихъ животныхъ неопреодолимое затрудненіе, потому-что онѣ достигаютъ обыкновенно довольно значительнаго вѣса, и слѣдовательно защищаются также своею тяжестью.

Можетъ-быть, подумаютъ, что эта защита бываетъ достаточна только на короткое время, потому-что животное, подобно всему живущему требующее воздуха, скоро должно быть вынуждено высунуть голову изъ своего убѣжища. Не смотря на это, у подстерегающаго ихъ непріятеля терпѣніе истощилось бы гораздо прежде, чѣмъ прекратилась бы у черепахи потребность дыханія; это потому, что будучи животнымъ *холоднокровнымъ*, она очень долго можетъ пробыть безъ свѣжаго воздуха,—обстоятельство, существенно способствующее ея защитѣ.

Морскія черепахи отличаются отъ земныхъ черепахъ преимущественно своими огромными и длинными веслообразными лапами, а также и значительнымъ разширеніемъ хвоста, который служитъ у нихъ какъ бы рулемъ. Онѣ не имѣютъ зубовъ, напротивъ того роговая верхняя челюсть прилаживается на нижнюю челюсть какъ крышка на табакерку, такъ-что онѣ могутъ раздроблять этими клювообразными ножницами раковины и вязкія волокна морскихъ водорослей. Онѣ живутъ во всѣхъ моряхъ жаркихъ странъ, но ино-

гда теченіемъ заносятся въ болѣе холодныя страны. Такъ въ 1752 г. близъ Діеппа была поймана черепаха-великанъ (chelonia midas, viridis), 6 фут. длины и 900 фунтовъ вѣсу, а въ 1778 г. у береговъ Лангедока была поймана кожечерепница (sphargis coriacea) 7 футовъ длины. Изъ этихъ примѣровъ, которыхъ можно представить гораздо больше, мы видимъ, что черепахи принадлежатъ къ важнымъ обитателямъ океана, хотя не достигаютъ, какъ разсказываетъ о нихъ Плиній, до такой величины, что одинъ только верхній покровъ ихъ можетъ служить вмѣсто крыши или лодки. Онѣ почти постоянно живутъ въ морѣ, и выходятъ на землю только въ самые жаркіе мѣсяцы года для несенія яицъ.

Холоднокровная черепаха должна предоставить высиживаніе яицъ вліянію тропическаго солнца, которое обыкновенно оканчиваетъ это въ три недѣли. Молодыя, также изъ большихъ видовъ, при вылупленіи изъ яйца, бываютъ не болѣе половины кронталера, и бѣлаго цвѣта. Безъ всякаго попеченія и охраненія со стороны родителей, эти бѣдныя созданія кажутся рождены только для того, чтобы тотчасъ снова подвергнуться смерти. Первый инстиктивный шагъ ихъ направляется къ стихіи, для которой они назначены; медленно ползутъ они къ водѣ, но море встрѣчаетъ ихъ съ суровыми объятіями, и по большей части волны немилосердо выбрасываютъ ихъ снова на берегъ. Здѣсь ждутъ ихъ огромныя морскія птицы, аисты и цапли (противъ которыхъ они уже мужественнѣе стараются защищаться) или еще болѣе сильныя хищныя животныя; и такимъ образомъ большая часть выводковъ лишается жизни при своемъ первомъ появленіи на свѣтъ. Если имъ случается счастливо достигнуть моря, то они дѣлаются добычею голодныхъ акулъ. Итакъ не безполезно, что черепаха несетъ въ одну весну отъ 400 до 500 яицъ: если бы она была не такъ плодовита, то породы ея давно уже должны бы были вымереть.

II. Употребленіе черепахи.

Мясо черепахи-великана вездѣ считается однимъ изъ первыхъ лакомствъ. Король острововъ Монга-Рева (Тихій океанъ) держитъ ихъ для потребности своего стола въ огромномъ, обдѣланномъ коралловыми стѣнами водоемѣ; и лондонскій альдерменъ не знаетъ высшаго блаженства, какъ медленно проглотить тарелку супу изъ черепахи. Самымъ высшимъ благодѣяніемъ пароходства считаетъ онъ легкость, съ которою оно привозитъ изъ Антильскихъ острововъ на рынокъ всемірнаго города, вмѣстѣ съ тысячами ананасовъ, также и жирныхъ черепахъ.

Древніе римляне, высоко цѣнившіе столько яствъ, въ которыхъ мы не находимъ теперь никакого вкуса, приготовляли, кажется, мало блюдъ изъ мяса черепахи, которое властители міра легко могли

бы себѣ добыть изъ Краснаго моря. Хотя мы и читаемъ о Вителліи, что онъ любилъ блюда изъ фазаньихъ мозговъ и соловьиныхъ языковъ, но не читаемъ, чтобы онъ когда-либо, подобно лондонскому лорду меру, поставилъ передъ своими гостями 700 чашъ съ супомъ изъ черепахи. Напротивъ того у римлянъ черепаха употреблялась во многихъ случаяхъ, какъ лѣкарство. Кровь черепахи употреблялась противъ выпаденія волосъ и противъ всякаго рода головной сыпи. На намазанныхъ ею мѣстахъ она должна высохнуть, и потомъ тихо быть стерта. Противъ ушныхъ болѣзней ее смѣшивали съ женскимъ молокомъ, и накапывали во внутрь. Гораздо лучше дѣйствовала она противъ падучей болѣзни, соединенная съ ячменною и пшеничною мукой, виномъ и уксусомъ, въ видѣ пилюль. Кто три раза въ годъ чистилъ свои зубы кровью черепахи, тотъ не страдалъ зубною болью, подобно тому какъ въ Римѣ въ день св. Антонія окропленныя святою водой лошади, ослы, волы и собаки въ теченіе года избавлялись отъ всѣхъ болѣзней.

Желчь черепахи дѣлала глаза свѣтлыми, уменьшала обезображивающую накожную сыпь, сгоняла миндалеобразныя опухоли и жабы. Соединенная съ снятою со змѣи кожей, она была превосходнымъ средствомъ противъ гнойнаго ревматизма уха. Чтобы сдѣлать ее болѣе дѣйствительною, нѣкоторые доктора прибавляли къ ней воловью желчь. Мы смѣемся надъ древними, но спрашивается, что скажетъ потомство о многихъ изъ нашихъ лѣкарствъ?

Черепашій щитъ преимущественно получается отъ *каретты*, или *черепчатой* черепахи (testudo imdricata), мясо которой, какъ пища, не очень цѣнится, но которая покрыта плотною, крѣпкою, болѣе прозрачною и лучше раскрашенною чешуйчатою бронею (въ видѣ черепицъ на кровлѣ), чѣмъ какая-либо изъ другихъ породъ черепахъ.

«Parvilius Pollio» говоритъ Плиній, «самый расточительный и во всемъ, что касается до роскоши, самый изобрѣтательный умъ, былъ тотъ, который разрѣзалъ на слои чешую черепахи, и украсилъ этимъ постели и шкафы. Римляне получали большое количество этого высокоцѣнимаго ими предмета роскоши изъ Египта. Въ царствованіе Августа, нѣкоторые патриціи велѣли обдѣлать черепахой двери и колонны своихъ дворцовъ. Когда Александрія была взята Юліемъ Цезаремъ, то въ магазинахъ этого города было нагромождено столько черепахи, что завоеватель назначилъ ее главнымъ украшеніемъ своего тріумфа, подобно тому, какъ позднѣе, послѣ счастливо оконченной африканской войны, была назначена имъ для тойже цѣли слоновая кость.

Употребленіе черепахи для украшенія мебели и домовъ давно уже вышло изъ моды, но всетаки она употребляется въ большомъ количествѣ для изготовленія гребней и табакерокъ. Если нужно покрыть ею большую поверхность, то сплавливаются для этого нѣ-

сколько кусковъ. Это дѣлается такъ, что края чешуи тонко соскабливаются, потомъ въ разогрѣтомъ и размягченномъ состоянiи накладываются одни на другiе, и посредствомъ сильнаго давленiя соединяются въ одно цѣлое. Такимъ же образомъ, для различныхъ цѣлей, черепаха соединяется съ золотомъ, серебромъ и другими металлами.

129. Хамелеонъ.

Имя хамелеона знаменито. Но, можетъ-быть, незнающiе хорошо, что такое означается этимъ именемъ, удивятся, услышавъ, что хамелеонъ есть не что иное, какъ большая ящерица. Ласепедъ * относитъ его къ 4-му отдѣленiю сего рода (ящерицамъ съ пятью пальцами на лапахъ, безъ поперечныхъ полосъ). Онъ не бываетъ длиннѣе 14 дюймовъ, считая отъ головы до хвоста; голова у него круглая, острая къ рылу; глаза большiе, съ особенною способностiю смотрѣть въ разныя стороны; ноги заднiя на выворотъ, и могутъ двигаться взадъ и впередъ. То и другое необходимо хамелеону при совершенной беззащитности: отчего онъ принужденъ укрываться на деревьяхъ, цѣпляясь весьма ловко своимъ длиннымъ хвостомъ и лапами за вѣтви, подстерегая мухъ, которыми питается, высматривая опасность, и спасаясь отъ непрiятеля скорымъ лазаньемъ по вѣтвямъ. Все это не могло доставить хамелеону знаменитости, но вотъ что составляетъ его славу: кожа хамелеона, покрытая сплошь маленькими шишечками, бываетъ сѣроватаго съ пятнами цвѣта, и этотъ цвѣтъ измѣняется, если хамелеонъ находится въ тѣни, на солнцѣ, и даже если приблизятъ къ нему яркiй какой-нибудь цвѣтной предметъ: хамелеонъ становится темный, черный, мрачный, зеленый, желтый, бѣловатый, всѣми цвѣтами радуги, смотря потому, какъ предметъ къ нему приблизите, особливо если животное разсержено. Отчего это происходитъ, а еще болѣе для-чего это такъ дѣлается,—неизвѣстно. Но издревле замѣчено было это свойство, и поэты овладѣли именемъ хамелеона, выражая имъ подлаго льстеца, безхарактернаго человѣка, низкаго услужника, который перемѣняетъ мнѣнiе — нравственный цвѣтъ души своей, по волѣ и желанiю другихъ. Бѣдный хамелеонъ! на него безвинно взвели такимъ образомъ подлость и безхарактерность, какъ на лисицу хитрость, на слона умъ, на осла глупость, а льву подарили власть надъ царствомъ животныхъ. Хамелеоны водятся отчасти въ южной Европѣ, но наиболѣе въ южной Азiи и въ Африкѣ. Донынѣ извѣстно ихъ болѣе 10 породъ.

---

* Ласепедъ, знаменитый французскiй естествоиспытатель, родился 1756 г., умеръ въ Парижѣ 1825 года.

130. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться—
Она завистлива была—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
—«Смотри-ка, квакушка, что́ буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.....
Ну, каково?
Пополнилась ли я?»—«Почти что ничего.»
—«Ну, какъ теперь?»—«Все тожъ.» Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что не сравнившися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

—

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

131. Насѣкомыя.

I. строеніе ихъ и слѣды смышленості.

У насѣкомыхъ нѣтъ черепа, нѣтъ и головнаго мозга; но зато вмѣсто ихъ находится рядъ нервныхъ узловъ, числомъ около 12, соотвѣтствующихъ числу членниковъ, составляющихъ ихъ тѣло. Первый изъ этихъ узловъ находится въ головѣ, и отличается отъ прочихъ большею своею величиною. Онъ-то и замѣняетъ имъ головной мозгъ. Малымъ онъ кажется намъ, но великъ для насѣкомаго, и чѣмъ болѣе онъ въ немъ развитъ, тѣмъ болѣе проявляется во внѣшней его жизни такихъ явленій, которыя убѣждаютъ насъ только въ томъ, что и у насѣкомыхъ есть смыслъ, потому-что есть память и соображеніе. Таковы напр. пчелы, нравы и образъ жизни которыхъ человѣку удалось изучить лучше, чѣмъ всѣхъ прочихъ членистыхъ животныхъ. Но и всѣ другія насѣкомыя имѣютъ нѣкоторый смыслъ, въ присутствіи котораго убѣждаемся, наблюдая способы, употребляемые ими для добыванія себѣ пищи и въ отысканіи удобныхъ и болѣе безопасныхъ пристанищъ. При этомъ мы усматриваемъ въ нихъ даже нѣкотораго рода хитрость, притворство, съ помощію которыхъ они обманываютъ своихъ враговъ, вдругъ притворяясь мертвыми, какъ скоро видятъ, что животное или человѣкъ хочетъ ихъ схватить. Неужели же подобнаго рода хитрость есть безотчетное, механическое дѣйствіе, необусловливаемое присутстві-

емъ въ нихъ смысла? Положительно утверждаемъ, что нѣтъ, потому-что умѣнье сообразоваться съ окружающими обстоятельствами есть несомнѣнный признакъ смышлености. Она-то выказывается намъ еще и въ другихъ случаяхъ, именно при кладкѣ яицъ насѣкомыми. Матка каждаго изъ нихъ помѣщаетъ свои яйца въ такую среду, гдѣ молодое поколѣніе ея будетъ въ состояніи тотчасъ найти для себя необходимую пищу. Въ этомъ отношеніи ошибки встрѣчаются очень рѣдко, и вѣроятно зависятъ отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Поэтому мѣста, избираемыя ими для кладки яицъ, бываютъ чрезвычайно разнообразны (Замѣтимъ, что есть насѣкомыя, въ которыхъ дѣтеныши развиваются внутри тѣла матери; но такія исключенія весьма немногочисленны). Но и въ этомъ случаѣ матка старается помѣстить ихъ въ той средѣ, гдѣ бы они могли тотчасъ найти готовую для себя пищу. Такова напр. большая темносиняя муха, залетающая лѣтомъ въ наши комнаты. Ее называютъ *мясною*, потому-что она кладетъ своихъ дѣтей въ мясо. Неужели же это дѣлается безъ смысла, по какому-то инстинкту? Думаемъ, что нѣтъ.

Насѣкомыя не всегда помѣщаютъ свои яйца на поверхность тѣлъ, но часто вводятъ ихъ во внутрь разныхъ частей животныхъ или растеній. А для этого брюшко самокъ устроено особеннымъ образомъ: оно оканчивается яйцепроводомъ, похожимъ на лезвіе ножа, иногда на буравъ или сверло, съ помощію котораго они дѣлаютъ сначала отверстія въ постороннихъ тѣлахъ. Предусмотрительность ихъ любопытна и при самомъ способѣ кладки яицъ. Такъ напр. *божья коровка* (coccinella) помѣщаетъ свои яйца тамъ, гдѣ сидятъ кучи травяныхъ вшей, которыми будутъ кормиться ея дѣтеныши; различныя бабочки кладутъ свои яйца на листья тѣхъ растеній, которыми должно питаться молодое ихъ поколѣніе. Этого мало: нѣкоторыя выпускаютъ изъ тѣла паутину, или родъ шелка, которымъ прочно прикрѣпляютъ листъ къ вѣткѣ, чтобы онъ не могъ упасть во время листопаденія, иныя же обвиваютъ самыя вѣтки рядами яицъ; комары и стрекозы пускаютъ свои яйца на воду, потому-что въ ней будутъ сначала жить ихъ дѣтеныши, и въ ней найдутъ себѣ необходимую пищу. Саранча кладетъ свои яйца въ землю, и для этого упирается въ нее задними ногами, а вилообразный конецъ брюшка наклоняетъ вертикально къ землѣ, и поворачиваясь все въ одну сторону, буравитъ почву на дюймъ и болѣе въ глубину; потомъ ямку обмазываетъ слизью, выдѣляемою изъ ея тѣла,—и ямка получаетъ форму цилиндра, который она потомъ наполняетъ своими яичками. По окончаніи этой работы, зарываетъ ямку, и сглаживаетъ ея поверхность, такъ-что и слѣдовъ незамѣтно. Трудно перечислить всѣ мѣста, въ которыя насѣкомыя скрываютъ свои яйца. Они кладутъ ихъ въ ноздри животныхъ, надрѣзываютъ ихъ кожу и дѣлаютъ ранки, въ которыя впускаютъ

ѣдкую жидкость, производящую язвы. Отдѣляющійся въ нихъ гной составляетъ пищу молодаго поколѣнія. Корни растеній, древесина и кора стеблей, листья, цвѣты, плоды и сѣмена, точно также служатъ мѣстами для помѣщенія въ нихъ яицъ, а впослѣдствіи и пищею разныхъ насѣкомыхъ. Самыя гнѣзда однихъ насѣкомыхъ служатъ средою, въ которой кладутъ свои яйца другія ихъ породы, и дѣти этихъ послѣднихъ уничтожаютъ яйца, или дѣтву первыхъ.

Кладка яицъ насѣкомыми составляетъ послѣдній актъ ихъ существованія, потому-что послѣэтого въ скоромъ времени они умираютъ; иногда даже самка собственнымъ своимъ трупомъ прикрываетъ положенныя ею сѣмена. Ежели они такимъ образомъ умѣютъ избрать именно ту среду, въ которой новая семья сиротъ, тотчасъ по выходѣ изъ яицъ, отыщетъ и необходимую для себя пищу; то неужели мы будемъ признавать въ этомъ одно только безотчетное, безсмысленное побужденіе?

II. ПЕРІОДЫ РАЗВИТІЯ НАСѢКОМАГО.

Насѣкомыя кладутъ яйца, и въ разномъ количествѣ. Плодовитость ихъ представляетъ большее разнообразіе: нѣкоторыя кладутъ очень немного яичекъ, тогда-какъ у иныхъ число ихъ простирается до нѣсколько сотенъ и даже тысячъ. Напр: *сосновый шелкопрядъ* (phalaena bombyx pini) кладетъ отъ 100 до 250; самки комаровъ кладутъ до 300 яицъ. Но если припомнимъ, что эти насѣкомыя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ сѣверной Европѣ, размножаются въ такомъ огромномъ количествѣ, что, наполняя атмосферу подобно туману, препятствуютъ солнечнымъ лучамъ проникать до поверхности земли; то трудно вообразить себѣ цыфру, которою бы можно выразить производительность этихъ насѣкомыхъ. Отъ начала кладки яичекъ до вывода изъ нихъ дѣтвы проходятъ различные періоды времени: нѣсколько дней, иногда и нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣтва, вышедшая изъ яицъ, вовсе не похожа на совершенныхъ насѣкомыхъ. Она извѣстна подъ названіемъ *червей* или *гусеницъ*. Великій Линней назвалъ ихъ *личинками*, отъ слова *личина*, т. е. *маска* (larva, masque): это названіе весьма остроумно, потому-что эта форма насѣкомаго впослѣдствіи совершенно измѣняется: насѣкомое сбрасываетъ свою маску—и изъ червя, возбуждавшаго въ насъ нерѣдко къ себѣ отвращеніе, образуется красивѣйшій мотылекъ, котораго охотно готова будетъ поймать рука красивѣйшей женщины.

Тѣло *личинки* бываетъ всегда червеобразное; крыльевъ на немъ никогда не бываетъ, часто недостаетъ и ногъ; ротъ ея устроенъ не такъ, какъ у вполнѣ развитаго насѣкомаго. Онъ состоитъ изъ весьма крѣпкихъ челюстей, которыми гусеница можетъ грызть и жевать твердыя вещества: древесину, кору, мясо и т. под. У совер-

шеннаго же насѣкомаго ротъ часто служитъ для одного только сосанія жидкой пищи, и потому оканчивается длинною и тонкою трубочкою, получающею названіе *хоботка*. Въ этой формѣ насѣкомыя живутъ различное время, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ *майскій жукъ*, или *хрущъ* (melolantha vulgaris Fabr.), въ состояніи личинки живетъ 4 года.

Въ теченіе своей жизни, личинки постоянно увеличиваются въ объемѣ и вѣсѣ, и нѣсколько разъ линяютъ. Предъ наступленіемъ времени превращенія во вторую форму — въ *куколку*, многія изъ нихъ свиваютъ себѣ коконы изъ шелка, который выдѣляется изъ желѣзы, находящейся на передней части ихъ нижней губы; иногда же дѣлаютъ ихъ изъ постороннихъ веществъ, растительнаго и животнаго происхожденія. Наконецъ случается, что высшій покровъ гусеницъ постепенно измѣняется въ болѣе или менѣе твердую оболочку, въ которой насѣкомое походитъ на мумію или на спеленутое дитя,—отсюда названіе: *куколка*. Въ этомъ состояніи оно остается неподвижнымъ и вовсе не употребляетъ пищи. Междутѣмъ внутри его тѣла происходитъ превращеніе въ совершенное насѣкомое: развиваются крылья и ноги, измѣняются формы рта, дыхательные органы, глаза и проч. Наконецъ превращеніе совершилось и развилось полное насѣкомое. Въ этой формѣ оно достигло послѣдняго предѣла совершенства въ своей организаціи: оно возмужало—и является во всемъ блескѣ, какимъ природа украсила многихъ изъ нихъ. Съ этимъ наступаетъ и послѣдній періодъ его существованія, заканчивающійся оплодотвореніемъ и кладкою сѣмянъ для будущаго поколѣнія. Большая часть матокъ насѣкомыхъ живетъ одно лѣто, и, положивши яица до наступленія зимы, умираетъ. Немногія же, какъ напр. пчелы, осы, шершни и проч., существуютъ по нѣскольку лѣтъ, и каждый годъ приносятъ яйца.

Взаключеніе замѣтимъ, что не всѣ насѣкомыя развиваются въ такомъ постепенномъ порядкѣ: личинки нѣкоторыхъ прямо превращаются въ совершенное насѣкомое; наконецъ у другихъ онѣ отличаются только тѣмъ отъ животнаго въ полномъ развитіи, что имѣютъ меньшее число члениковъ въ тѣлѣ.

А. С. Тарачковъ.

132. Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужь дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.

Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она.
—«Не оставь меня, кумъ милой,

Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
—«Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей Муравей.
—«До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ—
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ-что голову вскружило.»
—«А, такъ ты....»—«Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.»
—«Ты все пѣла? это—дѣло:
Такъ поди же, попляши!»

Крыловъ.

133. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А Муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ.
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда?
Мы пахали!

—

Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
«Мы сбили! мы рѣшили!

И. Дмитріевъ.

134. Шмель.

I. Устройство шмеля.

Шмель весьма красивое насѣкомое, имѣетъ тѣло круглое, крупное, покрытое волосками, которые по своему удивительному расположенію и по разнообразію колеровъ привлекаютъ на себя наши взоры.

Туловище шмеля несравненно шире его головки, покрытой густыми волосками, промежду которыхъ выглядываютъ глаза, называемые большими, а на самой макушкѣ блестятъ еще крошечные глазки, побочные; они расположены почти по прямой линіи. Подлѣ глазъ большихъ находятся усики, состоящіе у самокъ изъ 12, а у самцовъ изъ 13 суставчиковъ, гораздо длиннѣйшихъ, нежели у самокъ. Они кажутся будто переломленными; оттого-что первый ихъ суставчикъ весьма длиненъ, а второй—коротокъ, почти круглый.

Ротикъ этого насѣкомаго снабженъ сверху желобоватыми челюстями, оканчивающимися у самокъ и рабочихъ четырьмя, у самцовъ—двумя зубчиками. Посредствомъ этихъ орудій насѣкомое можетъ сокрушать довольно твердыя тѣла, а посредствомъ своего хобота, или такъ называемаго язычка, насѣкомое высасываетъ жидкости изъ растеній. Хоботокъ въ состояніи бездѣйствія бываетъ не-

сравненно длиннѣе головки насѣкомаго, а въ дѣйствіи онъ бываетъ короче ея.

Туловище шмеля представляетъ двѣ полости: нижнюю, называемую грудью, и верхнюю, которая носитъ наименованіе надгрудника, или корсета. На срединѣ боковъ надгрудника укрѣплены четыре нарядныя крылышка, цвѣтныя и прозрачныя. Крылышки бываютъ не одинаковой величины; изъ нихъ два верхнихъ побольше двухъ нижнихъ. На первыхъ изображенъ узоръ, образуемый жилочками, на которомъ видна верхняя сѣть овально-продолговатая, за нею средняя съ тремя почти ровными, но разно составленными клѣточками, изъ которыхъ первая самая внутренняя кажется перечеркнута поперекъ небольшою черточкою, довольно прозрачною,— нижняя сѣть вѣтвями своими пересѣкаетъ вторую клѣточку почти по срединѣ, а третью на послѣдней ея четверти. Остатокъ отъ узора образуетъ поле; это пространство послѣдующіе послѣ Жюрина энтомологи принимаютъ за неполныя изображенія сѣтей и клѣточекъ.

Нижняя часть груди у шмеля снабжена ножками, покрытыми разноцвѣтными волосками, довольно жесткими. На концахъ голеней заднихъ ихъ ножекъ имѣются по двѣ колючки, а на наружной сторонѣ у самокъ и рабочихъ образовано голое углубленіе, съ виду похожее на лоточекъ, называемое также *корзиною*. Въ эти лоточки (или лучше сказать, вощеносицы или складки) насѣкомое складываетъ вещества, извлекаемыя имъ изъ цвѣтковъ, которыя оно впослѣдствіи переработываетъ въ воскъ. *Лапки*, или *тарзы*, заднихъ ножекъ насѣкомаго имѣютъ первый свой суставчикъ, разширенный на подобіе остроконечной подвѣски. Остальная часть тѣла у шмеля зовется брюшкомъ, образуемымъ брюшными кольцами; у самокъ таковыхъ колецъ пять, а у самцовъ шесть. Задній кончикъ брюшка у самокъ и такъ называемыхъ среднихъ или рабочихъ вооруженъ скрытымъ жаломъ; оно употребляется насѣкомымъ для обороны и для другихъ нуждъ.

Шмель, летая, издаетъ особый звукъ, называемый жужжаніемъ. Жужжаніе это происходитъ не отъ сударенія крылышекъ, какъ многіе полагали, но отъ быстраго выхожденія воздуха изъ дыхательныхъ отверстій насѣкомаго *(Дюмериль)*.

II. Составъ семейства шмеля.

Шмели составляютъ небольшія семьи, и живутъ числомъ 40—50, а иногда нѣсколько больше. Семьи эти состоятъ изъ самокъ-матокъ, самокъ-холостыхъ, называемыхъ рабочими, средними, и самцовъ, которые гораздо меньше самокъ, не такъ красивы и совсѣмъ не пекутся о благосостояніи своего семейства. Самки-матки круп-

нѣе своихъ самцовъ, нарядиѣе и красивѣе ихъ; рабочія же—росту небольшаго.

Семейство шмеля, составляющее одинъ только родъ съ нѣкоторыми отличіями, каждогодно возрождается. Зимняя стужа его мертвитъ, а весенняя теплота оживляетъ. Въ то время, какъ холодъ начинаетъ становиться весьма ощутительнымъ, и растительность изчезаетъ, шмелиныя самки, оставшіяся однѣ изъ всего рода, стараются укрыться въ свои сокровенныя убѣжища, и тамъ въ состояніи окоченѣлости пребываютъ все то время, въ которое нельзя найдти ни меду, ни цвѣтной пыли, необходимой какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ личинокъ.

Весна, благотворною своею теплотою ожививъ всю природу, проникаетъ и въ тѣ убѣжища, гдѣ укрывались самки шмелей, и возбуждаетъ ихъ къ жизни. Онѣ, пробудясь отъ своего мертвеннаго состоянія, ощущаютъ дѣйствіе весенняго тепла. Тогда самка-матка начинаетъ съ заботливостію пріискивать удобное и приличное мѣсто для обзаведенія своего гнѣзда (и одна самка трудится о изготовленіи его), которое, смотря по видамъ, устрояетъ или въ какой-либо норѣ, или подъ каменьями, или подъ древесными корнями, или подъ кочками на лугахъ и садахъ, или въ травѣ на поверхности земли. Не было, кажется, примѣра, чтобы нѣсколько самокъ соединились вмѣстѣ для изготовленія себѣ общаго гнѣзда.

Избравши удобное мѣсто, и обезпечивъ всѣмъ необходимо нужнымъ будущность милаго своего потомства, самка-матка принимается за новые труды, и готовитъ изъ цвѣтной пыли появившихся цвѣтковъ медоносное ложе, на которое кладетъ свои яички—зародыши новаго поколѣнія. Изъ положенныхъ яичекъ выходятъ маленькіе червячки, называемые личинками, которые и находятъ вокругъ себя свой кормъ. Потомъ изъ личинокъ, которыя по нѣскольку разъ измѣняютъ свою кожурину, выходятъ совершенныя насѣкомыя, но однѣ только самки *рабочія, труженицы, пѣстуны*. Онѣ не такъ крупны, какъ самка-матка.

Появившіяся рабочія принимаютъ уже на себя окончаніе всѣхъ работъ, начатыхъ самкою-маткою. Онѣ съ неутомимою дѣятельностію приступаютъ къ своему дѣлу, начинаютъ сносить изъ разныхъ мѣстъ мохъ и другія принадлежности для усовершенствованія своего гнѣзда. Все это онѣ тщательно разбираютъ, очищаютъ и потомъ уже украшаютъ свое жилище. По изготовленіи его, онѣ приступаютъ къ дѣланію сотовъ и раскладкѣ меда по ячеямъ, куда самка-матка продолжаетъ класть свои яички, изъ которыхъ опять появляются новыя личинки. Самки-труженицы заботятся о воспитаніи новичковъ, берегутъ и охраняютъ ихъ. Когда же шмелиная матка замѣтитъ, что рабочихъ довольно размножилось, работы и заботы въ гнѣздѣ облегчены; то она начинаетъ класть яички для самцовъ и самокъ, которыя ростомъ меньше самки-матки, но по-

*

крупнѣе рабочихъ. Самки, появляющіяся въ концѣ лѣта, бываютъ самыя крупныя; онѣ-то, въ окоченѣломъ состояніи переживъ суровость зимы, становятся радоначальницами новаго своего племени.

III. Шмелиное гнѣздо.

Шмелиное гнѣздо имѣетъ видъ круглый, состоитъ изъ восковыхъ ячеекъ, сложенныхъ кучами. Въ устроеніи ихъ нѣтъ той правильности и того искусства, какія замѣчаемъ въ сотахъ, произведенныхъ пчелами. Самое вещество, изъ котораго соты приготовлены, не имѣютъ того достоинства, какое бываетъ въ сотахъ пчелъ; а медъ, тамъ находимый, хотя на вкусъ пріятенъ, но издаетъ какой-то особенный запахъ.

Въ самую внутренность гнѣзда, устроеннаго въ землѣ, ведетъ длинный ходъ, простирающійся иногда на довольно большое пространство. Этотъ проходъ дѣлается сводомъ, тщательно бываетъ убранъ и устланъ мхомъ или сухими травками.

Эти жилища шмелей, скрытыя въ землѣ, не безопасны однакожь отъ нападенія хищниковъ, каковы: полевыя мыши, ласточки, хорьки, куницы, лисица и барсукъ. Они нападаютъ на этихъ невинныхъ тварей, мирныхъ обитателей, умерщвляютъ ихъ, пожираютъ все находимое въ гнѣздахъ, и разворяютъ ихъ. Послѣ такового разворенія и опустошенія, бѣдные шмели стараются вновь обзавестись и привести разворенныя убѣжища въ прежній свой видъ.

И. Бергъ.

135. Пауки.

I. О привязанности пауковъ къ своимъ дѣтенышамъ.

Привязанность этихъ животныхъ къ своимъ дѣтенышамъ изумительна. По наблюденіямъ Генца, они скорѣе позволятъ оторвать у себя всѣ члены одинъ за другимъ, и только тогда выпустятъ коконъ изъ своихъ лапъ. Но если удастся искусно отнять его у самки, не нанеся ей вреда, и спрятать такъ, чтобы она не могла его видѣть; то дѣятельность ея тотчасъ же изчезаетъ, она видимо слабѣетъ и поджимаетъ подъ себя дрожащіе члены, какъ будто бы

ей нанесена смертельная рана. Если коконъ снова возвратить ей; то она, при видѣ его, мгновенно оживаетъ, и съ новою силою и энергіею бросается къ своему сокровищу, чтобы защищать его до послѣднихъ средствъ.

II. О томъ, какъ добываютъ пищу пауки.

Самки нѣкоторыхъ видовъ изъ семейства пауковъ нѣсколько времени кормятъ своихъ дѣтенышей; но по большей части молодые пауки, по вылупленіи изъ кокона, сами заботятся о доставленіи себѣ пищи, потому-что развитіе ихъ совершается довольно быстро. Предоставленные самимъ себѣ, молодые паучки начинаютъ вести уединенную и хищническую жизнь, изъ норъ и щелей подстерегая неосторожныхъ насѣкомыхъ и другихъ маленькихъ животныхъ, которыя безпечно приближаются къ ихъ засадѣ. Они разставляютъ свои западни повсюду: на поляхъ, на деревьяхъ, въ кустарникахъ, въ травѣ, даже въ водѣ. Наблюдая надъ ними, мы можемъ видѣть, какъ они и когда носятся въ воздухѣ, поднимаясь на своихъ легкихъ нитяхъ, какъ на воздушномъ шарѣ, нерѣдко на весьма значительную вышину. Такимъ образомъ они появляются часто въ большомъ количествѣ далеко отъ поверхности земли. Извѣстному путешественнику Дарвину, во время кругосвѣтнаго его плаванія, случилось видѣть цѣлыя тысячи паутинныхъ нитей, опустившихся на снасти корабля, въ разстояніи 60 часовъ отъ материка. Пауки распространены по всему земному шару. Дарвинъ находилъ ихъ въ огромномъ количествѣ на самыхъ отдаленныхъ и пустынныхъ островахъ. Всѣ они ведутъ хищническій образъ жизни, и питаются добычею, пойманною ими самими. Овладѣвъ насѣкомымъ, попавшимся въ раскинутую сѣть, или захвативъ его инымъ образомъ, паукъ погружаетъ въ тѣло жертвы свои ядоносныя челюсти, и убиваетъ ее почти мгновенно. Иногда однакоже насѣкомое чувствуетъ въ себѣ довольно силы, чтобы отразить нападеніе, и всячески защищается отъ уязвленій паука, который, замѣтивъ, что продолжительная борьба опасна для его мягкаго тѣла, и, убѣдясь въ невозможности легко одолѣть свою жертву, покидаетъ ее, и скрывается въ свое убѣжище. Если же насѣкомое попалось только въ паутину; тогда паукъ еще болѣе опутываетъ его своими нитями, и, притаившись въ отдаленіи, благоразумно выжидаетъ, пока врагъ не обезсилѣетъ отъ безплодной борьбы, и потомъ уже бросается и умерщвляетъ беззащитнаго. Иные пауки схватываютъ добычу на бѣгу, или овладѣваютъ ею посредствомъ искуснаго прыжка. Наконецъ нѣкоторые изъ нихъ не раскидываютъ паутины, но устроиваютъ особыя углубленія, или норы, служащія имъ засадою, откуда они бросаются на подстереженную добычу. Бо́льшая часть пауковъ преслѣдуетъ свою добычу днемъ, во время полной дѣятель-

ности насѣкомыхъ; но нѣкоторые выходятъ на промыселъ и днемъ и ночью.

III. Польза отъ пауковъ.

Пауки не доставляютъ человѣку непосредственныхъ выгодъ, какъ напр. пчела, шелковичный червь и другія животныя, инстинктъ которыхъ люди съумѣли обратить себѣ на пользу; но они весьма важны, какъ истребители насѣкомыхъ. Послѣднія, если бы не было пауковъ, дѣятельно преслѣдующихъ ихъ, вѣроятно, размножились бы на землѣ въ огромномъ количествѣ: при чемъ пребываніе человѣка во многихъ мѣстностяхъ сдѣлалось бы, можетъ-быть, даже невозможнымъ. Сами пауки служатъ въ пищу не только разнымъ животнымъ, но даже человѣку. По словамъ Шпарманна, дикіе обитатели мыса Доброй Надежды считаютъ ихъ лакомствомъ, а другой путешественникъ Лабиллярдьеръ (Labillardiere) увѣряетъ, что жители Новой Шотландіи собираютъ пауковъ въ большомъ количествѣ, и ѣдятъ ихъ, поджаривъ на огнѣ. Врачи предшествовавшихъ столѣтій, пользовавшіе своихъ больныхъ иногда самыми странными снадобьями, какъ напр. высушенными и толчеными ящерицами и т. п., приписывали также и паукамъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства: паутину домашняго и другихъ пауковъ, которая и теперь считается дѣйствительнымъ средствомъ для останавливанія кровотеченій при небольшихъ порѣзахъ, они давали своимъ паціентамъ внутрь отъ лихорадокъ, приписывая ей наркотическія свойства. Въ Америкѣ когти паука птицеядца (mygale) употребляютъ вмѣсто зубочистокъ, а бушманны на мысѣ Доброй Надежды намазываютъ свои стрѣлы ядовитымъ сокомъ каффрскаго птицеядца (mygale caffreriana). Жители Антильскихъ острововъ нарочно держатъ въ своихъ жилищахъ особую породу пауковъ (aranea venatoria) для истребленія тамошнихъ исполинскихъ таракановъ. Оптики и механики употребляютъ тончайшія паутинныя нити при устройствѣ микроскоповъ и телескоповъ.

Было даже производимо нѣсколько опытовъ употреблять паутину вмѣсто шелка для тканья матерій. Извѣстному естествоиспытателю Реомюру, прославившемуся изобрѣтеніемъ термометра, пришла, сколько извѣстно, первому мысль выдѣлывать шелкъ изъ коконовъ обыкновеннаго крестоваго паука. Не безъ труда собравъ до 16 унцій такихъ коконовъ, и тщательно вымывъ ихъ въ чистой водѣ для очищенія отъ прилипшихъ къ нимъ нечистотъ, онъ вымачивалъ ихъ въ растворѣ изъ мыла, селитры и аравійской камеди, варилъ въ этой смѣси на слабомъ огнѣ, потомъ выполаскивалъ ихъ въ чистой теплой водѣ, и затѣмъ, просушивъ на солнцѣ, размягчалъ пальцами; наконецъ эту массу обработывали, какъ обыкновенный хлопчатый шелкъ. По этому способу Реомюръ добылъ превосходныя волокна пепельносѣраго цвѣта, изъ которыхъ безъ

особеннаго труда можно было прясть нити, превосходившія крѣпостью шелкъ, получаемый изъ коконовъ шелковичныхъ червей. Изъ тринадцати унцій коконовъ добыли около одной унціи шелка, и трехъ такихъ унцій было достаточно для изготовленія пары чулокъ. Впрочемъ этотъ опытъ, ясно доказывающій возможность выдѣлки тканей изъ паутины, остался только опытомъ, безъ примѣненія на практикѣ. Лѣтъ за десять назадъ, нѣкто Рольтъ (Rolt), въ Англіи, получилъ отъ Лондонскаго общества поощренія искусствъ медаль за выдѣлку шелка изъ паутины крестоваго паука.

Пауки имѣютъ способность предсказывать перемѣну погоды. Надобно полагать, что способность эта находится въ связи съ чрезвычайною чувствительностью кожицы, покрывающей ихъ тѣло. Для сельскихъ жителей, рыбаковъ, пастуховъ и другихъ людей, которымъ приходится большую часть жизни проводить на открытомъ воздухѣ, и которые по этому самому привыкли обращать вниманіе на окружающую ихъ природу, паукъ составляетъ дешевый и довольно вѣрный барометръ, по указаніямъ котораго они располагаютъ свои работы, зависящія, какъ извѣстно, наиболѣе отъ состоянія погоды. Удобнѣе всего для такихъ наблюденій домовый и крестовый пауки. Наблюдая надъ паутиною послѣдняго, легко замѣтить, что она часто измѣняется и принимаетъ различную форму. Если въ состояніи атмосферы не предстоитъ никакой перемѣны; то паукъ сидитъ совершенно спокойно въ центрѣ своего тенета, съ поджатыми ножками, при чемъ нити раскинутой имъ паутины тянутся далеко и по всѣмъ направленіямъ. Предъ перемѣною погоды паукъ обнаруживаетъ сильную дѣятельность: если притомъ будетъ замѣчено, что онъ станетъ уничтожать нѣкоторыя нити, чтобы сдѣлать свое тенето болѣе рѣдкимъ, то это служитъ признакомъ наступленія вѣтряной погоды; если же онъ станетъ собирать его въ кучу, и, образовавъ изъ него родъ воронки, прикрѣпитъ ее въ углу, и почти весь скроется въ свое убѣжище, тогда это вѣрный признакъ, что пойдетъ продолжительный дождь. Часто случается, что паукъ спокойно сидитъ въ центрѣ своего тенета, не смотря на то, что на небѣ собираются дождевыя облака: въ такомъ случаѣ можно ожидать, что погода скоро снова прояснится. Передъ наступленіемъ ясной погоды, паукъ выглядываетъ изъ своего воронкообразнаго убѣжища, выставляетъ сперва переднія ноги, потомъ голову, и наконецъ, вылѣзая изъ него совсѣмъ, принимается за устройство новаго тенета. Направленіе паутины служитъ нерѣдко довольно вѣрнымъ указаніемъ, съ которой стороны должно ожидать вѣтра. Если паукъ, не трогая своего тенета, станетъ устроивать подлѣ него воронкообразное гнѣздо, и будетъ сидѣть попеременно, то въ немъ, то въ срединѣ ткани, — слѣдуетъ ожидать сильнаго холода при ясномъ небѣ. Комнатные пауки могутъ также предсказывать атмосферическія измѣненія: такъ напр., если они раскиды-

ваютъ свою паутину по близости печи, то это значитъ, что наступитъ сильный холодъ; если же напротивъ перебираются ближе къ окнамъ, то можно ожидать оттепели. Вообще должно замѣтить, что степень чувствительности къ внѣшнимъ вліяніямъ воздуха различна у разныхъ породъ пауковъ, и что каждая изъ нихъ предсказываетъ подобныя перемѣны свойственнымъ ей образомъ.

136. П і я в к а.

I. ФОРМА И СТРОЕНІЕ ПІЯВКИ.

Общая форма піявки извѣстна болѣе или менѣе каждому; вѣроятно, каждый замѣтилъ, что удлиненное тѣло піявки состоитъ какъ бы изъ колецъ, и что на одномъ концѣ тѣло оканчивается наискось срѣзаннымъ желобкомъ—это голова или передній присосокъ (caput, apex, capula), среди котораго довольно большое какъ бы трехгранное отверстіе—ротъ; на противуположномъ концѣ тѣла находится небольшое разширеніе—это задній присосокъ, или хвостъ (cauda, haftorgan, ventouse posterieure).

Передній присосокъ піявки состоитъ изъ 3-хъ или 4-хъ отрѣзковъ, или неполныхъ колецъ, и 3-хъ первыхъ полныхъ колецъ, и составляетъ продолженіе тѣла безъ всякаго съуживанія. Отрѣзки колецъ образуютъ такъ называемую верхнюю губу, а нижняя половина перваго цѣльнаго кольца нижнюю губу. Верхняя губа способна необыкновенно измѣнять свою форму: то она вытягивается въ тонко съуживающійся желобокъ, то притупляется; въ случаѣ, когда піявка хочетъ прокусить или прикрѣпиться ею, она принимаетъ форму полукружка; наконецъ, во время отдыха, когда піявка присасывается только заднимъ присоскомъ, верхняя губа складывается, загибается, и какъ бы клапономъ закрываетъ отверстіе рта, находящееся въ центрѣ передняго присоска.

Тѣло піявки передъ началомъ *задняго присоска* постоянно сильно стянуто. Задній присосокъ постоянно больше передняго, и имѣетъ видъ кружка. Точное число колецъ, его составляющихъ, узнать чрезвычайно трудно. Онъ тоже можетъ измѣняться въ формѣ: то имѣетъ видъ чашечки, то растягивается въ дискъ, то выпираетъ середину свою въ видѣ бугорка.

Піявка прикрѣпляется своими присосками (переднимъ или заднимъ все равно) слѣдующимъ образомъ: сначала присосокъ принимаетъ форму чашки, потомъ средина его выпирается до совершеннаго соприкосновенія съ поверхностію, къ которой животное хочетъ прикрѣпиться. Края присоска отдѣляются отъ этой поверхности, и онъ начинаетъ къ ней какъ бы прилипать отъ центра къ периферіи, такъ-что всѣ точки внутренней поверхности присоска прикрѣпляются къ ней. Вотъ почему легче піявкѣ прикрѣпиться къ поверх-

ности гладкой, нежели неровной — слизь помогаетъ піявкѣ выровнить поверхность.

Сила, съ которою піявки прикрѣпляются, посредствомъ присосковъ, чрезвычайно велика въ томъ случаѣ, когда дѣйствуютъ отвѣсно къ плоскости прикрѣпленія: такъ, по опытамъ Томаса, тяжести въ 250 грамовъ (болѣе 58 золотн.) было мало, чтобъ оторвать піявку. Напротивъ, дѣйствуя параллельно съ плоскостію прикрѣпленія, необыкновенно легко оторвать піявку: для этого достаточно даже слабаго теченія воды.

Ротъ піявокъ, находящійся въ центрѣ углубленія передняго присоска, снабженъ тремя твердыми пластинками, расположенными треугольникомъ, такъ что одна идетъ вверхъ и двѣ въ стороны — рто челюсти. Челюсти лежатъ въ небольшихъ углубленіяхъ внутренней поверхности верхней губы; онѣ снабжены мышцами и имѣютъ форму довольно толстаго лезвея ножа; на верху каждой челюсти сидятъ небольшія зубчики въ видѣ тонкихъ, острыхъ къ концу пластинокъ: такихъ зубчиковъ насчитываютъ до 60 на каждой челюсти. Эти челюсти обусловливаютъ прокусываніе человѣческой кожи и самую форму ранки. Ротъ внутри бороздчатъ, бѣлесоватаго цвѣта; онъ снабженъ поперечными мышцами, позволяющими стягивать отверстіе рта.

Внѣшніе покровы необыкновенно плотно прилегаютъ къ лежащему подъ ними мышечному слою. Эти покровы необыкновенно растяжимы, что позволяетъ животному измѣнять свою форму, или точнѣе, сокращаться и вытягиваться. Они состоятъ изъ чрезвычайно тонкой верхней кожицы (epidermis), тонкаго слоя пигмента и собственно кожи (dermis).

Тонкая, гладкая, прозрачная, одноцвѣтная верхняя кожица, кажущаяся свободною, неприросшею въ углубленіяхъ, находящихся между кольцами, сбрасывается піявкою довольно часто. Чрезъ каждыя 4 или 5 дней піявка линяетъ, и старая кожица сбрасывается, какъ кожица змѣи, т. е. всей массой. Иногда случается, что на серединѣ тѣла, или правильнѣе, на передней трети тѣла, верхняя кожица сбрается и стягиваетъ піявку: тогда она трется объ твердыя тѣла или жесткія травы, и тѣмъ освобождаетъ себя отъ этой, такъ сказать, удавки. Недостатокъ жесткихъ травъ и твердыхъ тѣлъ чрезвычайно вреденъ въ такомъ случаѣ: ибо піявка, не имѣя возможности сбросить верхнюю кожицу, умираетъ отъ сдавливанія. Сброшенная кожица, обыкновенно плавающая въ водѣ тонкой плевой, носитъ на себѣ ясные отпечатки колецъ; на возвышеніяхъ она совершенно прозрачна, а въ углубленіяхъ немного тускнѣе, облачнѣе (Moquin).

Цвѣтъ піявокъ зависитъ отъ лежащаго подъ кожицей пигментнаго слоя. Насчитываютъ до 24 и даже болѣе разновидностей пія-

вокъ, и всѣ онѣ отличаются между собою цвѣтомъ. Малѣйшее прикосновеніе къ пигменту раздражаетъ піявку: изъ этого можно заключить, что въ пигментѣ оканчиваются нервныя нити. Академикъ Брандъ замѣтилъ, что пигментъ на возвышеніяхъ колецъ утолщается, а въ углубленіяхъ становится едва замѣтнымъ. Крапинки, точки и прерывчатыя линіи, которыми обыкновенно испещрены піявки, особенно со спинки, постоянно расположены на разстояніи пяти колецъ. Эти звѣнья имѣютъ соотношеніе съ внутренней организаціею піявокъ, такъ-что піявка состоитъ изъ звѣньевъ, въ свою очередь состоящихъ изъ пяти колецъ. Пигментъ подъ микроскопомъ представляетъ губчатое, зерновидное строеніе.

Подъ пигментомъ лежитъ кожа, этотъ слой несравнѣнно толще другихъ слоевъ покровной системы. Кожа имѣетъ клѣтчатое строеніе; между клѣточками внѣдряется пигментъ. Невооруженному глазу кожа представляется въ видѣ бѣловатыхъ, въ безпорядкѣ расположенныхъ волоконъ. И на кожѣ кольца отпечатаны весьма сильно, въ углубленіяхъ колецъ слой кожи утончается, и это-то утонченіе и составляетъ какъ бы сочлененія животнаго. Какъ сравненіе, всего лучше подходятъ къ этому складки на толстой, твердой кожѣ носорога. Но у носорога пассивные органы движенія находятся внутри — это его скелетъ. У піявки напротивъ, кольца-то кожи и составляютъ полный скелетъ, такъ-что пассивные органы движенія и состоятъ изъ этихъ колецъ, или сегментовъ (въ мѣстахъ, гдѣ кольца не полныя, таковые сигменты находятся на переднемъ присоскѣ, и изъ нихъ состоитъ верхняя губа, несущая глазныя точки). На кольцахъ кожи болѣе или менѣе правильными рядами расположены многочисленные бугорки, которые способны сокращаться; эти бугорки открываются сквозь кожицу совершенно микроскопически по́рами; изъ нихъ изливается слизь, покрывающая тѣло животнаго. Напьется ли піявка крови, или надуютъ ей желудокъ воздухомъ,— слизь тотчасъ же обильно начнетъ выходить изъ этихъ отверстій. Отъ чего зависитъ самая эрекція бугорковъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно, хотя Брандъ предполагаетъ, что это дѣйствіе мышицъ. Въ кожу проходятъ развѣтвленія нервовъ и тонкія вѣтки кровеносныхъ сосудовъ, которыя образуютъ на поверхности ея чрезвычайно мелкую сѣть: это очень важно для объясненія дыханія піявокъ.

Кольца кожи, которыхъ у медицинской піявки насчитываютъ отъ 95—97, имѣютъ чрезвычайно замѣчательное микроскопическое строеніе. Каждое кольцо состоитъ изъ двухъ рядовъ маленькихъ, четырехъугольныхъ пластинокъ; длинный бокъ пластинокъ лежитъ по длинѣ животнаго, а короткая сторона въ ширину піявки; на заднемъ концѣ перваго ряда пластинокъ лежитъ передній конецъ втораго ряда, такъ-что при сокращеніи животнаго, пластинки втораго ряда надвигаются на первый, и образуютъ бугорки на тѣлѣ піявки.

II. Органы движенія.

Всѣ движенія піявки совершаются посредствомъ мышицъ, расположенныхъ въ три слоя подъ кожею животнаго. На твердой поверхности она движется такъ: прикрѣпившись заднимъ присоскомъ, вытягиваетъ тѣло, прикрѣпляется переднимъ присоскомъ; потомъ, отдѣливъ задній присосокъ, сокращаетъ тѣло, и такъ далѣе. Плавать въ водѣ піявки также могутъ очень свободно; для плаванія, онѣ посредствомъ мышечныхъ пучковъ, идущихъ отъ брюшка къ спинѣ, сокращаютъ свою вышину, сплющиваются, и, посредствомъ движеній, похожихъ на движенія вьюна, двигаются впередъ. Роль рыбьяго хвоста играетъ у піявокъ изгибающаяся задняя оконечность сплющеннаго тѣла съ присоскомъ. Піявки часто, прикрѣпившись заднимъ присоскомъ, покачиваются въ водѣ; имъ, какъ кажется, чрезвычайно нравится это движеніе.

III. О внѣшнихъ чувствахъ піявокъ.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у піявокъ сильно развито только *осязаніе*, такъ-что только посредствомъ этого чувства піявки получаютъ ясныя впечатлѣнія. Другія чувства далеко не соразмѣрно развиты съ осязаніемъ. Объ вкусѣ можно сказать только то, что піявки избираютъ себѣ пищу; слухъ едва ли существуетъ; пахучія вещества производятъ, какъ кажется, весьма мало вліянія на піявокъ. Даже зрѣніе едвали можно допустить у этихъ животныхъ, не смотря на органы, находящіеся на верхней губѣ. Десять глазныхъ точекъ расположены слѣдующимъ образомъ: на первомъ отрѣзкѣ верхней губы ихъ 6 въ видѣ дуги, на третьемъ отрѣзкѣ два и на 3-мъ полномъ кольцѣ также два, а эти органы примѣтны особенно у молодыхъ, они чернаго цвѣта и чрезвычайно глянцовиты. Въ этихъ шарикахъ, не смотря на всю строгость анатомическихъ работъ, ничего не было найдено, чтобы соотвѣтствовало глазамъ другихъ животныхъ: ни зрачка, ни преломляющихъ жидкостей. Однимъ словомъ это не глаза. Впрочемъ нельзя допустить въ піявкахъ совершенную нечувствительность къ свѣту, хотя его впечатлѣнія по всей вѣроятности и слабы и неясны. Въ отношеніи внѣшнихъ чувствъ, піявки, какъ и многія другія низшія животныя, должны удовлетворяться почти исключительно осязаніемъ.

IV. Чѣмъ и какъ питаются піявки?

Піявки долго выносятъ совершенное неупотребленіе пищи: до двухъ лѣтъ онѣ могутъ жить въ чистой, ежедневно перемѣняемой водѣ. Отъ продолжительнаго голода онѣ уменьшаются въ величинѣ

и особенно въ вѣсѣ, слѣдов. тощаютъ сильно. Понятно, что водить піявокъ, не давая имъ нужной пищи, невозможно.

Піявки, вслѣдствіе своей организаціи, могутъ питаться только пищею жидкой, т. е. сосать, и притомъ исключительно, или почти исключительно сосать кровь животныхъ позвоночныхъ. Лягушки, тритоны, саламандры и другіе гады, живущіе въ болотахъ, гдѣ водятся піявки, доставляютъ имъ повидимому достаточную пищу, но для успѣшнаго развеленія и большаго размноженія піявокъ имъ нужна болѣе питательная—кровь животныхъ теплокровныхъ. Піявки охотно пьютъ кровь, уже выпущенную изъ жилъ.

Многіе писатели, заслуживающіе полнаго уваженія, утверждаютъ, что растительная пища, или лучше, соки водяныхъ растеній служатъ также пищею піявкамъ: прямо отрицать этого положенія невозможно, особенно когда дѣло идетъ объ очень молодыхъ піявкахъ; но покрайней мѣрѣ оно, какъ недоказанное точными наблюденіями и опытами, должно стоять въ ряду положеній сомнительныхъ, требующихъ подтвержденія. Точно также сомнительно, что соки умершихъ животныхъ годны піявкамъ. Вообще, многое еще далеко не вполнѣ извѣстно касательно пищи піявокъ; вѣрно только то, что они не могутъ отъ животныхъ отрывать куски тѣла и глотать твердую пищу.

Піявка, присосавшись переднимъ присоскомъ, втягиваетъ въ ротъ небольшой сосочикъ кожи; потомъ, сжавъ этотъ сосочикъ челюстями, дѣлаетъ на немъ три надрѣза, или надрыва, сходящіеся въ центрѣ. Тогда посредствомъ особаго движенія мышицъ передняго присоска начинаетъ всасывать въ себя кровь, которая, пройдя сквозь пищеводъ, мало-помалу наполняетъ желудокъ.

Какъ всѣ животныя, долго переносящія голодъ, піявки необыкновенно прожорливы и перестаютъ пить кровь только тогда, когда весь желудокъ наполнится кровью. Піявки часто опиваются и умираютъ, обыкновенно же, выбросивъ ртомъ излишекъ выпитой крови, онѣ впадаютъ въ родъ оцѣпенѣнія, и, врывшись въ мягкій грунтъ, въ совершенной неподвижности переваривають пищу. Напившаяся піявка въ своемъ объемѣ увеличивается въ 3 и 4 раза. Піявководы обыкновенно перестаютъ кормить піявокъ тогда, когда вѣсъ ихъ удвоивается.

Пищевареніе піявокъ длится необыкновенно долго отъ полугода до полутора и даже больше, что, вѣроятно, зависитъ отъ количества выпитой крови и отъ состоянія здоровья піявки.

V. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПІЯВКИ.

Географическое распространеніе піявокъ необыкновенно обширно; во всей Европѣ ихъ было не мало, и только вслѣдствіе невѣжественнаго вылавливанія промышленниками, ихъ количество

уменьшилось дотого, что цѣнность ихъ весьма дорога, и нашлось нужнымъ приняться за разведеніе ихъ или ограничиться привозомъ изъ весьма отдаленныхъ странъ. Такъ въ Москву доставляютъ ихъ изъ Бессарабіи, Венгріи, Астрахани и Персіи. Піявки живутъ и въ Алжирѣ и въ Финляндіи; значитъ, климатъ имѣетъ на нихъ не очень сильное вліяніе. Онѣ могутъ жить въ болотахъ, слабо текучихъ ручьяхъ и рѣчкахъ, въ прудахъ, лишь бы этими водами выполнялись нѣкоторыя условія, связанныя съ образомъ жизни піявокъ, и не слишкомъ размножились ихъ враги, между которыми на первомъ планѣ должно поставить промышленниковъ.

VI. НУЖНО ЛИ ЗАБОТИТЬСЯ ОБЪ ИСКУССТВЕННОМЪ РАЗВЕДЕНІИ ПІЯВОКЪ?

Настоящей піявки насчитываютъ до 24 видоизмѣненій, отличающихся между собою цвѣтомъ; но во всемъ семействѣ піявокъ годенъ для врачебнаго употребленія только одинъ родъ—такъ называемая медицинская піявка (hirudo).

О пользѣ медицинскихъ піявокъ нечего распространяться: она каждому извѣстна; но эти животныя на столько дороги, на столько трудно сохраняются, что часто, къ несчастію слишкомъ часто, бѣдный классъ людей лишенъ возможности употреблять ихъ, особенно въ деревняхъ. Кому не случалось видѣть, какъ въ весьма многихъ селеніяхъ закупаются у ходебщиковъ піявки, и съ какою заботливостію ходитъ за ними какая-нибудь старушка, но, не смотря на ежедневно перемѣняемую воду, къ лѣту опять нѣтъ ни одной піявки—всѣ передохли, а въ дѣло пошло изъ нихъ очень мало. Продавцы же, ходебщики, идутъ за піявками изъ центра Россіи въ Бессарабію, Венгрію, Астрахань и даже Персію, и изъ такихъ-то отдаленныхъ странъ приносятся піявки, и продаются по городамъ и селамъ.

Невольно рождается вопросъ: неужели нельзя развести піявокъ? но разводить ихъ и не нужно было: піявки имѣли такое обширное географическое распространеніе, что ихъ вездѣ было много; еще недавно, лѣтъ 20 или даже менѣе тому назадъ, близъ Москвы * были болота, въ которыхъ жили піявки, въ настоящее же время тамъ нѣтъ ни одной—всѣхъ выловили. Во всей Европѣ, исключая нѣсколькихъ малонаселенныхъ, болотистыхъ мѣстностей (Астрахань, Бессарабія, Финляндія, Швеція, Венгрія), почти перевелись піявки, а потребность на нихъ все болѣе и болѣе увеличивается.

Въ чужихъ краяхъ давно уже начали заботиться о сохраненіи піявокъ, которыхъ, какъ у насъ теперь въ Россіи, привозили изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Необыкновенная смертность этихъ животныхъ заставила изыскивать средства къ болѣе удобному сбе-

* Въ звенигородскомъ уѣздѣ.

реженію ихъ, и послѣтого стали заботиться о разведеніи піявокъ какъ въ естественныхъ, такъ и искуственныхъ болотахъ. Во Франціи, въ департаментѣ Жиронды, піявководство приняло въ настоящее время значительные размѣры. И у насъ въ Россіи были дѣланы болѣе или менѣе удачныя попытки разводить піявокъ: Парманъ въ Москвѣ, Гавриловъ въ Петербургѣ, неизвѣстный мнѣ по имени цирюльникъ въ Пятигорскѣ и Малышевъ въ Нижне-тагильскѣ проложили дорогу нашимъ соотечественникамъ. Отъ разведенія піявокъ нельзя ждать огромныхъ выгодъ, зато промышленность эта почти не требуетъ капитала. *С. А. Усовъ.*

137. Змѣя и Піявица.

Какъ я несчастна!
И какъ завидна часть твоя!
Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:
«Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
«Тебѣ охотно кровь свою даютъ,
«Меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ;
«А кажется, равно мы съ ними поступаемъ:
«И ты и я людей кусаемъ.»—
«Конечно!» былъ на то піявицынъ отвѣтъ,
«Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ:
Я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
А ты для ихъ вреда;
Я множество больныхъ чрезъ это изцѣляю,
А ты—и небольнымъ смертельна завсегда.
Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права.
Я—ихъ лѣкарство, ты—отрава!» *И. Дмитріевъ.*

138. Слизняки, или мягкотѣлыя животныя.

Кому не знакомы улитка или слизень, водящіеся въ мокрыхъ садахъ и огородахъ? Это—животныя мягкія, слизистыя на ощупь, имѣющія голову, глаза, щупальцы (рожки); эти придатки выходятъ непосредственно изъ головы, не сочленяясь съ нею суставомъ. Улитка сверхътого живетъ въ раковинѣ. Такія животныя называются *мягкотѣлыми*, или *слизняками* (mollusca, mollusques). Къ нимъ относятся и животныя, живущія въ раковинахъ, встрѣчаемыя въ нашихъ рѣкахъ и стоячихъ водахъ—*озерникъ* (lymneus), ракушка (unio) и др.

Улитка имѣетъ на *головѣ* два рожка, которыми она дѣйствуетъ, какъ *щупальцами*. Предположите болѣе двухъ щупальцевъ на головѣ—восемь, десять, и вы получите слизняка, у котораго щупальцы, если они довольно велики и ризвиты, могутъ даже служить

отчасти вмѣсто ногъ и плавниковъ. Такіе слизняки, дѣйствительно, существуютъ, и по причинѣ достаточной называются *головоногими* (cephalopedes). Къ нимъ между прочимъ относится и *каракатица*, или *морская чернильница*, доставляющая черную краску, употребляемую вмѣсто чернилъ и туши — *сепію* *.

К. Рулье.

139. Разсказъ Плинія о происхожденіи жемчуга.

Жемчугъ съ давнихъ временъ составляетъ любимое украшеніе женщинъ и предметъ значительнаго промысла; поэтому и наука и поэзія давно уже обращаютъ на него свое вниманіе. Происхожденіе жемчуга у Плинія представлено очень поэтично: въ извѣстное время года, раковины открываютъ свои створки, обращаются къ небу, и собираютъ падающую съ него росу, каждая капелька которой, отвердѣвая, съ теченіемъ времени обращается въ жемчугъ того или другаго достоинства, смотря по качествамъ капли. Если послѣдняя была чиста и прозрачна, то жемчужина поразитъ насъ своею красотою; если же роса случайно была мутна отъ примѣси пыли, то и жемчужина дѣлается нечистою. Если во время паденія росы небо было мрачно, если его покрывали черныя тучи, и бороздила молнія; то жемчужина получалась блѣдною, матовою, имѣла меньшую величину, и носила на себѣ ясный отпечатокъ того страха, который испытывалъ слизнякъ при видѣ грознаго неба. Если же при паденіи росы ударялъ громъ, то слизнякъ отъ страшнаго испуга закрывалъ мгновенно свои створки, и жемчужина получала видъ бусы, т. е. имѣла только одну внѣшнюю тоненькую пленочку. «Съ небомъ, говоритъ Плиній **, жемчугъ имѣетъ больше сходства, чѣмъ съ землею; отъ него получаетъ онъ и цвѣтъ, и блескъ, и краску: роса мать жемчуга, зарница его отецъ. «Замѣчательно, что у германцевъ, по свидѣтельству Бронна, существуетъ подобное же повѣрье на счетъ образованія жемчуга: это капли росы, упавшей въ знаменитую Иванову ночь, время шабаша вѣдьмъ, появленія нечистой силы, цвѣтенія папоротника и т. д. ***.

А. Н. Богдановъ.

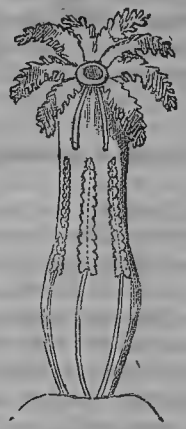
---

* Въ торговлѣ животная сепія чрезвычайно рѣдка; обыкновенно въ замѣнъ ея употребляется искусственная тушь, приготовляемая и въ секретѣ содержимая китайцами и японцами. Есть еще искусственная краска—сепія коричневаго цвѣта.

** Плиній, извѣстный римскій писатель, родился въ Комо въ 23 году по Р. Х. Во время изверженія Везувія (79 г.), онъ изъ любознательности хотѣлъ поближе наблюдать это страшное явленіе, и погибъ тамъ во время своихъ наблюденій. Кромѣ другихъ сочиненій, отъ него осталась естественная исторія въ 37-хъ книгахъ.

*** А какъ наука объясняетъ теперь происхожденіе жемчуга? Жемчугъ, по современнымъ понятіямъ науки, происходитъ изъ выдѣленія студенистаго известковаго вещества слизняками, которое отвердѣваетъ и пропитывается неорганическими частицами, получаемыми изъ особенныхъ желѣзокъ. Онъ находится попреимуществу

140. Полипы.



Полипъ вообще есть чрезвычайно малое животное; но подъ микроскопомъ онъ видимо состоитъ изъ перепончатой трубки, или ко-

---

у двустворчатыхъ, или безголовыхъ слизняковъ, какъ-то: у такъ называемой жемчужницы (meleagrina margaritifera), перловицы жемчугоносной (unio margaritiferus) и морскаго пера (pinna marina) и друг. Отлагается жемчугъ на внѣшней сторонѣ мантіи слизняка, гдѣ она соприкасается съ раковиной, потому-что тутъ при желѣзкахъ, выдѣляющихъ углекислую известь, находятся условія, болѣе благопріятныя для его образованія.

Жемчугъ состоитъ почти изъ чистой углекислой извести, фосфорнокислой извести и углекислой магнезіи съ примѣсью органическаго вещества. Отлагаются эти минеральныя вещества въ видѣ пластинчатыхъ, концентрическихъ слоевъ, покрывающихъ другъ друга. Впослѣдствіи эти минеральныя вещества начинаютъ кристаллизоваться отъ центра къ поверхности; вмѣстѣ съ этимъ уменьшается и краснота ихъ.

Цвѣтъ жемчуга зависитъ отъ мѣста, около котораго онъ началъ развиваться, т. е. отъ свойства красящаго начала тѣхъ желѣзокъ, изъ которыхъ образуются его слои. Онъ бываетъ бѣлый, розовый, пурпуровый, черный и даже зеленый. Прозрачность жемчуга зависитъ и отъ вида слизняка, который образовалъ его, и отъ условій, при которыхъ онъ образовался; самый прозрачный получается отъ морскаго пера. Формою чаще всего жемчужины бываютъ круглыя или многоугольныя (назыв. парагонами); но иногда онѣ имѣютъ очень затѣйливыя формы, напр. бываютъ похожи на сложенныя руки, туловище мужчины или женщины и т. д. Отъ вида, формы, вѣса и величины зависитъ различная цѣна жемчуга. Индія и острова, около нея лежащіе, составляли и составляютъ самый богатый источникъ для добыванія жемчуга. Древніе получали его попреимуществу изъ этихъ странъ, и одинъ только Персидскій заливъ могъ соперничать съ этими жемчужноносными странами; но жемчужины Персидскаго залива были не такъ блестящи, какъ индійскія. Изъ европейскихъ государствъ всего болѣе славилась жемчугомъ Англія; въ Россіи попадается жемчугъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ г. тверской, новгородской и псковской. До 1731 года казна исключительно владѣла у насъ ловлею жемчуга, а съ этого года она предоставлена всѣмъ, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ жемчугъ, крупнѣе воробьинаго яйца, былъ представляемъ въ казну.

нуса, открывающагося наружу однимъ только отверстіемъ. Это отверстіе замѣняетъ ротъ животному, и окружено многими отростками, которые называются *щупальцами*, и назначены для уловленія добычи. Разрѣзавъ полипа, нельзя не замѣтить, что внутри его находится продолговатый мѣшочекъ, который состоитъ изъ слизистой оболочки, и имѣетъ значеніе *желудка*, или пищеваго канала Ниже этой первой полости, внутри полипа находится еще другая. которая занимаетъ все пространство, заключающееся между желуд, комъ и остальною частію трубки. Эта вторая полость, подобно первой, покрыта слизистою оболочкою, и раздѣлена продольными перегородками на многія камеры. Обѣ полости, верхняя и нижняя сообщаются между собою небольшимъ отверстіемъ, и, вѣроятно, не иное что суть, какъ продолженіе наружнаго покрова, или кожи., Главное различіе между ними состоитъ въ томъ, что кожа имѣетъ болѣе грубое образованіе въ сравненіи съ внутренними частями, и снабжена особенною эластическою тканью, назначенною для сокращенія тѣла, или—что все равно—для движенія животнаго. Впрочемъ движеніе полипа, по недостатку другихъ органовъ, служащихъ для тойже цѣли, и по самому образу жизни, оказывается чрезвычайно ограниченнымъ: немногіе изъ полиповъ плаваютъ или ползаютъ свободно, напротивъ, большая часть нижнимъ концомъ трубки прикрѣпляется къ постороннимъ предметамъ, и такимъ образомъ на всю жизнь остаются прикованными къ опредѣленному мѣсту. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всѣ движенія полипа состоятъ въ томъ, что онъ выставляетъ свои щупальца, прежде скрывавшіяся внутри тѣла, и старается захватить ими мельчайшія животныя, плавающія въ водѣ, и служащія для него пищею; наполнивъ желудокъ этими животными, полипъ снова вбираетъ свои щупальца, и, стягивая кожу, закрываетъ ротъ.

Пища, поступившая въ желудокъ полипа, подвергается тутъ измѣненію, и раздѣляется на двѣ части: одна, неудоборимая, выбрасывается наружу тѣмъже путемъ, который назначенъ для принятія пищи, а другая, питательная часть, вбирается желудочными сосудами, и поступаетъ въ тѣло. Дальнѣйшее измѣненіе питательнаго вещества, вѣроятно, происходитъ уже въ нижней полости, служащей преимущественно для дыханія животнаго. Для этого полипъ, посредствомъ особаго механизма, почти безпрерывно вбираетъ въ себя воздухъ вмѣстѣ съ водою, и проводитъ его въ нижнюю полость.

По всему видно, что полипы принадлежатъ къ самымъ слабымъ существамъ. Находясь въ борьбѣ съ наружными вліяніями, они непремѣнно должны были бы уничтожиться, если бы не обладали какими-либо свойствами, упрочивающими ихъ существованіе. Самое главное изъ этихъ свойствъ состоитъ въ необыкновенномъ плодородіи, или воспроизведеніи полиповъ. Самый способъ размноженія полиповъ находится въ совершенномъ согласіи съ ихъ простою ор-

ганизаціею, и отчасти напоминаетъ о прежнемъ сравненіи этихъ животныхъ съ растеніями. Полипы размножаются троякимъ образомъ: посредствомъ *яицъ, почками* и простымъ *дѣленіемъ*. Въ первомъ случаѣ полипы, подобно многимъ другимъ животнымъ, образуются изъ яицъ, которыя заключаются въ особыхъ органахъ, и помѣщаются въ нижней полости. Во второмъ случаѣ на внѣшней поверхности полипа, какъ у растеній, вырастаютъ почки, сидячія либо поддерживаемыя особыми отростками, почки, которыя современемъ развиваются въ новыя недѣлимыя, въ новыя особи, совершенно сходныя съ тѣми, на которыхъ образовались, и постоянно остаются на родномъ лонѣ. Послѣдній способъ размноженія состоитъ въ раздѣленіи полипа на двѣ части, изъ коихъ каждая становится новымъ полипомъ, и въ свою очередь можетъ размножаться тѣмъже дѣленіемъ или другими способами. Полипъ, будучи покрытъ развившимися изъ него почками либо новыми особями, образовавшимися чрезъ дѣленіе, представляется собраніемъ многихъ животныхъ, расположенныхъ въ видѣ вѣтвей; но собственно это одно сложное животное; особи, его составляющія, сообщаются между собою посредствомъ пищевыхъ каналовъ, и слѣдовательно находятся въ самой тѣсной зависимости одна отъ другой; пища, принимаемая каждымъ изъ частныхъ полиповъ, не есть достояніе его одного, а цѣлаго общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Воспроизведеніе полиповъ такимъ простымъ способомъ, очевидно, представляетъ самое надежное средство для обезпеченія ихъ видоваго существованія. Для охраненія же особной, или индивидуальной, жизни полиповъ, природа придумала другое средство. Полипы имѣютъ способность вырабатывать для себя каменистое вещество и отлагать его во всѣ оболочки, составляющія нижнюю полость трубки. Это вещество обыкновенно состоитъ изъ чистой углекислой извести, съ небольшою примѣсью магнезіи; въ немногихъ только видахъ оно роговаго свойства, еще рѣже кремнистаго. Углекислая известь, отлагаясь въ покровы, составляющіе нижнюю часть трубки, образуетъ для полипа каменистую ячейку, защищающую его отъ наружныхъ вліяній. Въ сложныхъ полипахъ каждое животное имѣетъ особую ячейку, которая къ низу вытягивается въ каналъ, и посредствомъ его сообщается съ другими ячейками или полипами. Такимъ образомъ переходя отъ одного поколѣнія къ другому, полипы общими силами воздвигаютъ иногда огромное зданіе, поражающее своею дивною архитектурою.

Изъ этихъ-то зданій, называемыхъ обыкновенно кораллами, собственно состоятъ *низменные, или коралловые, острова* посреди Тихаго и Индійскаго океановъ, совершенно непохожіе на острова другихъ морей.

Г. Е. Щуровскій.

141. Гидра, прѣсноводный полипъ.

I. ОРГАНИЗАЦІЯ ГИДРЫ.

Животное это (гидрою названное Линнеемъ) мало, очень мало (отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ дюйма). Увидѣть его можно и невооруженнымъ глазомъ, но только увидѣть. Чтобы разсмотрѣть его, нужно вооружить глазъ лупой, и тогда представится тѣло его, или туловище почти цилиндрической формы, къ низу нѣсколько съуживающееся и переходящее въ такъ называемую ногу, которая гораздо уже туловища, и оканчивается небольшимъ расширеніемъ—стопою. На верхнемъ концѣ тѣла замѣчается небольшое, но очень растяжимое отверстіе—ротъ, окруженный маленькимъ, чрезвычайно эластическимъ валикомъ, эластическимъ дотого, что иногда онъ вытягивается въ видѣ маленькаго хобота, иногда же, когда животное широко раскрываетъ ротъ, растягивается дотого, что становится почти незамѣтнымъ. Около рта довольно правильнымъ кругомъ расположены тонкіе цилиндрическіе прибавки, служащіе для хватанія пищи и иногда для перемѣщенія животнаго: ихъ называютъ то руками, то щупальцами. Щупальцы эти бываютъ различной длины, иногда значительно короче тѣла гидры (какъ у hydra viridis), иногда въ нѣсколько разъ длиннѣе его (какъ у h. oligatis, Pall.). И щупальцы и тѣло одарены чрезвычайною способностью сокращаться и растягиваться. Число щупалецъ также бываетъ различное, и на различіи числа и величины ихъ, а также на различіи цвѣтовъ самаго животнаго, которое бываетъ зеленаго, сѣраго и желтоватаго цвѣта, естествоиспытатели установили нѣсколько различныхъ видовъ въ линеевскомъ родѣ hydra.

Вотъ и все, что можно увидѣть въ гидрѣ снаружи. Немного увидимъ мы и заглянувши внутрь ея; это сдѣлать немудрено: гидра иногда такъ широко растягиваетъ ротъ, что, не вскрывая ее, можно видѣть все, что есть внутри, т. е. лучше сказать, можно увидѣть, что тамъ ничего нѣтъ; нѣтъ ни одного обособленнаго органа. Вскрывая гидру, можно окончательно убѣдиться, что вся внутренность ея представляетъ полость, ограниченную съ боковъ слоями тѣла животнаго, что все тѣло ея просто цилиндрическій мѣшокъ, открывающійся наружу прямо ртомъ. Кормя гидру растительными красящими веществами, и потомъ осторожно дѣлая продольные и поперечные взрѣзы, можно убѣдиться въ томъ, что эта полость тонкимъ каналомъ продолжается въ ногу, и оканчивается въ ней едва замѣтнымъ отверстіемъ. Отверстіе это, какъ показали послѣдующія наблюденія, служитъ для присасыванія, для прикрѣпленія животнаго. Щупальцы, окружающіе ротъ, также полы, и полости ихъ открываются въ полость тѣла.

II. ГДѢ И КАКЪ ЖИВЕТЪ ГИДРА?

Живетъ гидра почти вездѣ, гдѣ есть прудъ или медленно текущій ручей, и у насъ подъ Москвой въ лѣтнее время это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ животныхъ. Живетъ она, прикрѣпившись къ водянымъ растеніямъ, къ какой-нибудь водоросли, къ какому-нибудь плавающему листу; особенно любитъ она ряску (lemna), эти мелкіе, кругловатые, зеленые листики, придающіе стоячей водѣ зеленый цвѣтъ. Тѣло гидры почти всегда наклонено, почти всегда оно то сокращается, то вытягивается, то изгибается на тысячу ладовъ. Щупальцами своими она безпрестанно движетъ, стараясь приманить и схватить какое-нибудь маленькое животное, служащее ей пищею. Иногда гидра отрывается отъ мѣста своего прикрѣпленія, и перебирается на новое мѣсто, болѣе для нея привольное, и перебирается она медленно, скользя своей стопою по какой-нибудь водоросли, или же вытягиваетъ какъ можно больше и тѣло и щупальцы въ ту сторону, куда ей хочется перебраться, прикрѣпляется къ чему-нибудь щупальцами, отрываетъ стопу, вдругъ сокращаетъ и щупальцы и тѣло, вся притягивается къ мѣсту прикрѣпленія щупалецъ, снова прикрѣпляетъ ногу, снова вся вытягивается по томуже направленію, по которому она перемѣщается и т. д.

Самыя тонкія микроскопическія изслѣдованія не показали у гидры ни одной нервной нити, ни одного нервнаго узелка, ничего похожаго на орудія внѣшнихъ чувствъ, а междутѣмъ гидра чувствуетъ впечатлѣніе свѣта, любитъ его, стремится къ нему. Гидру въ ея родномъ приволѣ всегда можно найдти на солнышкѣ, и если вы посадите нѣсколько гидръ въ стеклянный сосудъ, и поставите его такъ, чтобы только одна его половина была освѣщена, то вы увидите, что гидры переберутся на свѣтлую сторону.

III. ЧѢМЪ И КАКЪ ПИТАЕТСЯ ГИДРА?

Гидра очень прожорлива и хищна. Добычей ей служатъ мелкія ракообразныя животныя, водяныя личинки насѣкомыхъ, мелкіе черви и т. п. Притомъ она старается поймать непремѣнно живое животное; только въ неволѣ, заключенная въ какомъ-нибудь стаканѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль поста, она рѣшается питаться животными, уже умершими. Трамблей говоритъ, что гидры, которыя у него очень долго содержались въ неволѣ, стали ѣсть даже мясо, искрошенное мелкими кусками, Чтобы поймать добычу, гидра вытягиваетъ свои щупальцы какъ можно больше, распростираетъ ихъ во всѣ стороны, и шевелитъ ими безпрестанно, выжидая свою добычу, и едва только какой-нибудь червячокъ, какой-нибудь рачокъ коснется ея щупальца, она мигомъ обхватитъ его, обовьется вокругъ него,—и червячокъ уже въ пищевой полости гидры. Бакеръ

описываетъ слѣдующимъ образомъ, какъ онъ кормилъ гидръ: «Я нѣсколько разъ подносилъ для опыта большаго червяка къ самому концу одного изъ щупалецъ, и щупальце мгновенно прикрѣплялось къ нему своими невидимыми прицѣпками. Тогда съ невыразимымъ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ полипъ ворочалъ и покачивалъ червяка, повидимому также разсудительно, съ такою же осторожностью, съ какою опытный удильщикъ притягиваетъ удочку, на концѣ которой онъ замѣтилъ крупную рыбу, могущую оборвать уду и уйдти. Медленно, едва замѣтно сокращаетъ она щупальце, держащее червяка, пока не приведетъ его въ такое положеніе, что и другое щупальце можетъ схватить его, и когда оба щупальца обовьются около добычи; когда миновала опасность потерять ее, прежняя осторожность и нѣжность (gentleness) оставляются, и червякъ сильно и быстро втянутъ въ ротъ.»

Случается иногда, что двѣ гидры схватятъ одного червя, и тогда между ними происходитъ борьба за добычу. Сначала каждая гидра пожираетъ свой конецъ, но напослѣдокъ рты ихъ сближаются до соприкосновенія. Тутъ слѣдуетъ маленькая пауза, во время которой обѣ гидры какъ бы собираются съ силами, какъ бы приготовляются къ борьбѣ. Случается иногда, что во время этого отдыха остатокъ червя разорвется, и тогда ничего особеннаго не произойдетъ; но если червякъ не рвется, то горе той гидрѣ, которая менѣе ловка: болѣе ловкая и болѣе смѣлая вдругъ раскроетъ свой ротъ возможно широко, и проглотитъ остатокъ червя и соперницу. Иногда соперница вся помѣстится въ пищевой полости проглотившей ее гидры, иногда часть ея торчитъ изо рта; но въ обоихъ случаяхъ она будетъ освобождена, извергнута назадъ, останется цѣла и невредима, и потеряетъ только одно, свой обѣдъ, который изъ нея будетъ выжатъ.

То, что гидра, побывавшая въ пищевой полости другой гидры, остается невредимою, становится особенно замѣчательно, если вспомнимъ, что не то бываетъ съ животными, обыкновенно служащими ей пищею. Червякъ, какъ извѣстно, существо весьма живучее; проглоченный гидрою и въ туже минуту выдавленный изъ нея, умираетъ почти мгновенно. Мало того, одного прикосновенія щупалецъ гидры достаточно длятого, чтобы причинить ему судороги и скорую смерть. Глядя на это, нельзя не признать, что есть что-то особенно ядовитое въ рукахъ гидры; а если есть ядъ, то онъ долженъ заключаться въ орудіяхъ стреканія. Тоже, что съ червями, случается и съ животными ракообразными, побывавшими въ рукахъ гидры, и только рѣдкое изъ нихъ, вырвавшись, останется въ живыхъ, спасенное, вѣроятно, болѣе твердыми покровами. Червякъ ли, рачокъ ли, или личинка, схваченные гидрою, обыкновенно поступаютъ въ ея пищевую полость, переварпваются—и, черезъ нѣсколько часовъ, части несварившіяся извергаются тѣмъже отвер-

стіемъ, которымъ была принята пища — ртомъ. Какъ совершается процессъ пищеваренія, на это трудно, или лучше сказать, невозможно отвѣчать.

IV. ЧѢМЪ ОСОБЕННО ЗАМѢЧАТЕЛЬНА ГИДРА?

Гидра *чувствуетъ* вліяніе свѣта; она *движется*, хоть не быстро, да все же движется; она питается животными, еще меньшими чѣмъ само, ловитъ ихъ, и притомъ даже хитритъ немножко, слѣдовательно оно животное. А междутѣмъ это животное размножается почками, какъ растеніе; а междутѣмъ это животное можно разрѣзать на части, можно искрошить почти, и изъ каждой части разовьется новая гидра (до Трамблея одно изъ основныхъ положеній физіологіи было, что только растенія размножаются почками и дѣленіемъ; что же касается до животныхъ, то—omne vivum ex ovo, т. е. всякое животное развивается изъ яйца). Мало того, это животное можно прививать, какъ прививаютъ растенія въ нашихъ садахъ. И вмѣстѣ съ этими растительными, такъ сказать, способами размноженія, гидра имѣетъ и способъ размноженія, присвоенный животнымъ—размноженіе яйцами. Итакъ въ гидрѣ особенно замѣчательны три способа размноженія: *почками, дѣленіемъ* и *яйцами*. *Я. Борзенковъ.*

142. Наливочныя животныя, или инфузоріи.

I. КАКЪ ПРОИЗОШЛО ЭТО НАЗВАНІЕ ЖИВОТНЫХЪ?

Въ 1685 году, *Левенгукъ* замѣтилъ въ первый разъ микроскопическихъ животныхъ въ каплѣ дождевой воды. Вскорѣ, послѣ втораго сдѣланнаго имъ открытія, эти животныя были названы по его имени. Ему хотѣлось также помощью микроскопа узнать причину ѣдкаго свойства перца; для этого онъ облилъ его водой. Когда она испарилась, то онъ налилъ снова, и черезъ нѣсколько времени съ удивленіемъ увидѣлъ въ сосудѣ множество животныхъ; всѣ они были похожи на замѣченныхъ имъ въ каплѣ дождевой воды. Таковы были результаты перваго настоя, но найденные въ немъ организмы были только черезъ сто лѣтъ послѣ это названы *Ледермюллеромъ* и *Врисбергомъ —наливочными животными.* (infusoria). Когда наблюденія *Левенгука* стали общензвѣстными, въ обществѣ явилась мода дѣлать разные опыты, помощью наливаній, или настоевъ. Это было такъ не трудно! всякій полагался на свой глазъ и на плохой микроскопъ, и о послѣдствіяхъ наливанія расказывались иногда изумительныя вещи. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ зарождаются инфузоріи? Христіанъ-Готфридъ-Эренбергъ произвелъ множество опытовъ надъ этими животными, и результатъ этихъ опытовъ выраженъ у него слѣдующимъ образомъ: «положительно можно сказать, что ни одинъ изъ

бывшихъ до сихъ поръ наблюдателей не сдѣлалъ или не сотворилъ ни одной инфузоріи, помощью наливанія; потому-что если кто и думаетъ это, тотъ, значитъ, совершенно незнакомъ съ организаціею этого животнаго, и наблюдалъ не съ тою точностью, которая нужна для произнесенія такого важнаго заключенія. Далѣе, пользуясь всѣми лучшими пособіями, какія только существуютъ въ настоящее время, и произведя болѣе 700 различныхъ опытовъ, я ни разу не наткнулся на случай, который могъ бы убѣдить меня, что зарождающіеся въ настояхъ, искусственныхъ или естественныхъ, организмы происходятъ изъ веществъ настоя; напротивъ того, всегда случалось замѣчать, что причиною размноженія бываютъ или яйца, или дѣленіе, или наконецъ почки. Въ кипяченыхъ настояхъ, когда я ихъ закупоривалъ, мнѣ рѣдко удавалось встрѣчать инфузоріи.» Далѣе *Эренбергъ* показалъ, что животныя, чаще всего зарождающіяся въ настояхъ, принадлежатъ почти всегда къ тѣмъ обыкновеннымъ родамъ, которые во множествѣ, какъ космополиты, распространены по земной поверхности. Большею частью, красивѣйшія инфузоріи не могутъ жить въ гнилой водѣ, а потому, говоря вообще, въ настояхъ онѣ никогда не появляются.

II. КАКЪ ПИТАЮТСЯ ИНФУЗОРІИ?

Безъ сомнѣнія существуютъ такія животныя, которыя, подобно растеніямъ, только всасываютъ свою пищу черезъ поры своей кожи, а слѣдовательно проводятъ въ свой организмъ одни только жидкіе продукты. Но большая часть несомнительныхъ наливочныхъ животныхъ поглощаютъ особымъ отверстіемъ, ртомъ, твердую пищу, и обнаруживаютъ при этомъ чувство вкуса, потому-что хватаютъ не все, что только заноситъ въ ихъ ротъ волненіе, возбуждаемое движеніемъ волосковъ, а между плавающими частичками выбираютъ такія, которыя имъ болѣе нравятся. У нихъ обыкновенно прекрасный аппетитъ; строгаго раздѣленія ихъ на травоядныхъ и плотоядныхъ провести нельзя; изъ всего, съѣдомаго въ микроскопическомъ мірѣ, они большею частью глотаютъ то, что попадетъ подъ носъ, хотя все таки и при этомъ нельзя не замѣтить желанія выбирать. Нерѣдко инфузорія, какъ на примѣръ Chilodon, захватываетъ конецъ растенія, которое втрое или вчетверо длиннѣе его самаго, такъ-что кажется, будто она, проткнутая, сидитъ на концѣ длиннаго шеста.

III. КАКЪ РАЗМНОЖАЮТСЯ ИНФУЗОРІИ?

Размноженіе инфузорій происходитъ главнымъ образомъ посредствомъ дѣленія и внѣшняго развитія почекъ; въ этомъ отношеніи низшія животныя имѣютъ много сходства съ растительнымъ организмомъ. При дѣленіи, вновь происходящія особи становятся

почти совершенно равными животному, отъ котораго отдѣлились, хотя онѣ образуются изъ половины его или даже изъ четверти; причина этого лежитъ въ самой природѣ инфузорій. Дѣленію подвергаются виды, чаще другихъ встрѣчающіеся и не наиболѣе распространенные. Этотъ актъ совершается вполнѣ въ нѣсколько часовъ, и отдѣлившіяся особи выростаютъ весьма скоро, такъ-что по прошествіи шести или восьми часовъ онѣ уже сами становятся способными къ дѣленію. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ другими образами размноженія, объясняютъ то поразительное явленіе, которое мы замѣчаемъ въ маленькихъ бассейнахъ стоячей воды: за нѣсколько часовъ прозрачная и чистая, она вдругъ покрывается билліонами инфузорій: зрѣлище это бываетъ тѣмъ изумительнѣе, что инфузоріи бываютъ окрашены нѣсколько зеленоватымъ цвѣтомъ. Старинные наблюдатели, не зная какъ объяснить себѣ такое явленіе, приписывали его происхожденію животныхъ изъ неорганическихъ веществъ, посредствомъ такъ называемаго generatio spontanea или aequivoca.

Животныя, развивающіяся изъ почекъ при отдѣленіи отъ организма своей матери, часто бываютъ вовсе на нее непохожи, и слѣдовательно должны въ эпоху своего развитія подвергаться различнымъ измѣненіямъ, подобно гусеницѣ, превращающейся въ бабочку.

IV. чѣмъ движутся инфузоріи?

Большая часть бросающихся въ глаза движеній инфузорій, какъ напримѣръ: плаваніе и всѣ вообще образы перемѣщеній съ мѣста на мѣсто, производятся посредствомъ необыкновенно тонкихъ волосообразныхъ органовъ, которые либо расположены на опредѣленномъ мѣстѣ, въ видѣ кружка, какъ у Vorticella, или же разсѣяны по всему тѣлу, какъ у Chilodon cucullus. Мнѣ случалось часто наблюдать многихъ, которые въ первый разъ смотрѣли въ микроскопъ на движеніе волосковъ инфузорій. Всякій разъ это зрѣлище непремѣнно поражало каждаго. Глазамъ представлялись маленькіе волоски, которые, постоянно, неутомимо двигаясь, всѣ вмѣстѣ двигали тѣло животнаго; а въ то время, когда оно оставалось на мѣстѣ — эти волоски производили волненіе, которое приносило въ ротъ инфузоріи частички пищи. Изъ этого ясно, какое значеніе имѣютъ волоски въ жизни инфузорій.

143. Сувойка.

Сувойка (Vorticella) похожа на колокольчикъ, грушу или на полуоткрытую почку цвѣтка, держащуюся на тонкомъ, немного скрученомъ стебелькѣ. Животное прикрѣпляется этимъ стебелькомъ къ водяному растенію или къ какому-нибудь другому предмету. На верхнемъ концѣ тѣла проходитъ спиральная бороздка, съ длинными

волосками вдоль края; она ведетъ въ углубленіе, которое служитъ животному ртомъ. Только во время прикосновенія или какого-нибудь сотрясенія животнаго, оно втягиваетъ въ себя волосики; во всякое другое время они, шевелясь каждый отдѣльно, производятъ водоворотъ, въ который попадаютъ маленькія животныя и свободно плывущія растенія: тѣ и другія, какъ въ Сциллѣ, изчезаютъ въ воронкообразной пасти инфузоріи. Остальная поверхность тѣла гладкая и не покрыта волосками. Во внутренности описываемой инфузоріи замѣчаются два органа. Около рта лежитъ пузырекъ, который время отъ времени вдругъ сжимается до такой степени, что совершенно изчезаетъ изъ глазъ, потомъ снова потихоньку появляется. Далѣе, подъ пузырькомъ лежитъ изогнутое, темное тѣло, болѣе крѣпкое, чѣмъ вся остальная масса.

Далѣе, въ нижней части тѣла, около стебелька, находятся двѣ почки; мы справедливо называемъ ихъ этимъ именемъ, потому-что онѣ выростаютъ у животнаго подобно тому, какъ почки у растенія. Одна изъ нихъ, менѣе развитая, есть простое круглое тѣльцо, внутри котораго находится пузырекъ съ продолговатымъ, крѣпкимъ ядромъ, что указываетъ на важность этой части организма. Другая, слабо соединенная съ матерью, окружена рядомъ волосковъ, которыхъ у первой нѣтъ. Когда почка созрѣетъ, она отпадаетъ, и при помощи своего волосянаго вѣнчика плаваетъ радостно кругомъ до тѣхъ поръ, пока и для нея настанетъ время установиться; тутъ у нея пропадаютъ ея юные органы движенія, а вмѣсто ихъ выростаетъ стебелекъ, съ появленіемъ котораго начинается для нея уже неподвижная и созерцательная жизнь. Какъ мало бываетъ людей, которые проводятъ молодость свою тихо и спокойно, а въ старости становятся живыми и веселыми; точно также рѣдко случается, чтобы и животное проводило спокойно дни своей юности и къ старости начинало рѣзвиться; напротивъ того, каждое изъ нихъ бѣшено проживаетъ первое время своей жизни, потому-что потомъ придется ему навсегда закутаться въ толстую мантію или даже въ каменную броню и замкнуться навѣки внутри ея, а теперь ему еще такъ легко и свободно. Стебелекъ сувойки внутри пустъ; по немъ проходитъ мускулъ, при помощи котораго животное можетъ вскакивать, ибо стебелекъ его, подобно стальной пружинѣ, свивается спиралью, которой обороты соприкасаются; потомъ вслѣдствіе одной только эластичности можетъ вытягиваться.

Родъ сувоекъ весьма богатъ формами. Кромѣ вышеописанной, гдѣ всякая особь живетъ отдѣльно на своемъ стебелькѣ, существуетъ еще другая главная форма, при которой стебелекъ ея развѣтвляется, почки не отпадаютъ, и такимъ образомъ является совершенное дерево изъ сувоекъ. Никакое микроскопическое наблюденіе не можетъ быть пріятнѣе того, когда смотришь на движущійся, живой стволъ цвѣтка! то сожмутся отдѣльные его цвѣтки,

то вся вѣтка съежится, то наконецъ и цѣлое деревцо дрогнетъ; какъ отъ электрической искры, сократится на мгновеніе, и снова медленно, тихо начнетъ развертываться. Есть еще и другія формы, которыя или живутъ отдѣльно, или образуютъ вѣтвистыя деревца, или наконецъ не имѣютъ вовсе аппарата для отскакиванія. Сувойки живутъ, за весьма малымъ исключеніемъ, въ водахъ стоячихъ, но чистыхъ и освѣжаемыхъ живою растительностью. Весьма часто помѣщаются онѣ на водяныхъ жукахъ или улиткахъ; сидя на своемъ хозяинѣ, онѣ блуждаютъ вмѣстѣ съ нимъ въ водахъ, и тѣмъ доставляютъ себѣ возможность ловить богатую добычу.

144. Chilodon cucullulus.

Chilodon cucullulus — весьма обыкновенное и всюду распространенное наливочное животное; оно бываетъ длиною въ $^1/_{20}$ линіи; впрочемъ эта длина для меньшинства особей колеблется между $^1/_{12}$ и $^1/_{90}$ линіи. Продолговатое тѣло оканчивается утоненіемъ, и усѣяно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правильно расположенными рядами волосковъ. Во рту находится твердый, похожій на вершу органъ, который служитъ животному вмѣсто зубовъ; справа и слѣва отъ него находится по пузырку, каждый изъ нихъ попеременно то сокращается, то вытягивается; сзади лежитъ важное въ организмѣ этого животнаго ядро, точно такое, какое мы видѣли у сувоекъ. Другой экземпляръ такого же животнаго имѣетъ видъ перетянутаго поперегъ бисквита; перетяжка эта можетъ дотого усилиться, что животное разрывается на двѣ части, и тогда изъ одной живущей особи образуются двѣ. Въ третьемъ экземплярѣ дѣленіе совершается по длинѣ, такъ-что въ извѣстномъ возрастѣ животное видомъ своимъ напоминаетъ сіямскихъ близнецовъ. При такомъ дѣленіи, которое встрѣчается и у Vorticella, дѣлится пополамъ и ядро.

145. Линяніе животныхъ.

Въ сѣверныхъ и средныхъ полосахъ, гдѣ въ теченіе года бываютъ двѣ рѣзкія перемѣны въ температурѣ, всѣ животныя перемѣняютъ два раза свой наружный покровъ, охраняющій ихъ отъ дѣйствій природы, особенно холода. Лѣтомъ они покрыты легкимъ, болѣе цвѣтнымъ покровомъ; осенью же они его сбрасываютъ, и получаютъ болѣе теплый, одноцвѣтный, бѣлый или сѣрый. Зимой у звѣрей *ость* * шерсти дѣлается болѣе густою и длинною, и при

* На шкуркѣ животныхъ волосъ бываетъ одинъ короче и чаще, другой длиннѣе и рѣже; первый называется *подшерсткомъ*, а второй *остью*, которая обыкновенно отличается и самымъ цвѣтомъ; она особенно замѣтна на животныхъ водяныхъ, какъ напр. на бобрѣ, выдрѣ и пр. Чѣмъ ость на шкуркахъ этихъ животныхъ чаще и длиннѣе, тѣмъ шкурка дороже.

корняхъ ея выростаетъ особый, мягкій, рыхлый и весьма частый волосъ — *подшерстокъ*, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей на зиму показывается пухъ, котораго у нихъ лѣтомъ почти нѣтъ. Всѣ животныя, на сѣверѣ живущія, имѣютъ *подшерстокъ* и пухъ въ теченіе цѣлаго года; у многихъ же, имѣющихъ лѣтомъ шерсть яркаго цвѣта, напр. рыжаго, сѣраго, зимой — покровъ сплошнаго бѣлаго цвѣта: таковы песцы, горностаи, бѣлки, зайцы, сѣверные олени.

Для промышленниковъ, собирающихъ шкурки звѣрей и птицъ на *пушной товаръ*, или *мягкую рухлядь*, особенно важно знать время этого линянія. Звѣроловы (также и птицеловы, ибо птичьи шкурки употребляются тоже иногда на мѣха) ловятъ звѣрей, шкурками которыхъ мы охраняемъ себя отъ холода, постоянно зимою, когда животныя получили уже свой теплый покровъ, цѣнимый гораздо дороже лѣтняго. Соболи, куницы, медвѣди, горностаи, зайцы, бѣлки ловятся или избиваются зимою; послѣдніе три звѣря также и потому, что зимняя шкурка ихъ, бѣлаго или сѣроватаго цвѣта, только и идетъ въ торговлю; а лѣтняя, рыжеватаго, вовсе не употребляется. Изъ этого правила исключается только песецъ, у котораго лѣтній покровъ, сѣроватоголубаго цвѣта, особенно высоко цѣнится, а зимній, бѣлаго — весьма низко.

Отсюда уже видно, что охота на пушнаго звѣря должна производиться исключительно въ странахъ холодныхъ: сѣверной полосѣ Европы, Азіи и Америки. Есть только одинъ собственно пушной звѣрь, живущій въ жаркой полосѣ, — это *хинхила*, но его мѣхъ зато вовсе не тепелъ, а только красивъ.

146. Перерожденіе животныхъ.

Животное, перемѣщенное изъ физическихъ условій, въ которыхъ оно родилось, и перенесенное въ другія, перерождается, и перерождается тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣзче перемѣна; а потому всѣ животныя, перенесенныя изъ дикаго состоянія въ домашній бытъ человѣка, уже не похожи во многомъ на дикихъ животныхъ, отъ которыхъ произошли — на *родичей*, или *родоначальниковъ* своихъ.

Вообще нѣтъ ни одного животнаго, живущаго около человѣка, которое въ дикомъ состояніи встрѣчалось бы съ тѣмиже самыми признаками; многія домашнія животныя совершенно неизвѣстны нынѣ въ дикомъ состояніи; о родичахъ многихъ изъ нихъ можно судить только гадательно. Такъ верблюдъ извѣстенъ нынѣ только въ домашнемъ быту; о родоначальницахъ домашней собаки, кошки, козы, овцы и др. не знаютъ ничего положительнаго. Впрочемъ въ такомъ перерожденіи нѣтъ ничего непонятнаго: а одно всемогущее вліяніе человѣка на животныхъ очевидно. Представимъ себѣ, что помѣщикъ подарилъ крестьянину жеребенка хорошей породы;

у бѣднаго крестьянина жеребенокъ этотъ простоитъ зиму въ холодѣ, на тощей соломѣ; въ ѣзду употребятъ его рано; словомъ, во время развитія своего, когда животное всего болѣе нуждается въ хорошемъ уходѣ, оно будетъ терпѣть всевозможныя лишенія, и потому естественно, когда выростетъ, не будетъ ни столь велико, ни столь красиво, ни столь долголѣтно, какъ тѣ лошади, отъ которыхъ родился, и которыя содержатся въ довольствѣ на конюшнѣ у помѣщика. Если же вспомнимъ, что крестьянская лошадь передастъ эти признаки своему потомству, которое, быть-можетъ, снова будетъ содержаться совершенно въ иныхъ условіяхъ, то и поймемъ, что, съ теченіемъ многихъ лѣтъ, поколѣніе одной и той же лошади представитъ совершенно другъ на друга непохожихъ особей. Вотъ причина, почему одно и тоже домашнее животное при перемѣнѣ мѣстонахожденія своего измѣняетъ и свои признаки. Тирольскія и швейцарскія коровы отличны отъ голландскихъ, а голландскія отличны отъ всѣхъ прочихъ. Петръ Великій перевелъ много голландскихъ коровъ въ холмогорскій уѣздъ архангельской губерніи, гдѣ онѣ однако же сроко переродились, удалились отъ своихъ матерей, и сдѣлались въ Россіи извѣстными подъ названіемъ *холмогорскихъ*; впослѣдствіи порода ихъ постоянно ухудшалась, и оказалась надобность для поддержанія ея выписать вторично голландскую породу. *Тонкошерстныя*, или *тонкорунныя*, овцы*, извѣстныя въ южной части западной Европы подъ именемъ *мериносовъ*, произошли, вѣроятно, отъ тонкорунныхъ овецъ южной Азіи; нѣкогда ими особенно славилась Испанія, потомъ онѣ размножились во всей южной Европѣ, а нынѣ въ большомъ количествѣ разводятся въ приволжскихъ и остзейскихъ губерніяхъ и въ степяхъ южной Россіи, которая не только не выписываетъ болѣе непряденой шерсти изъ западной Европы, а напротивъ, сама отправляетъ туда большіе запасы шерсти улучшенныхъ овецъ. Нѣкогда Европа, для приготовленія дорогихъ шерстяныхъ матерій, получала *козій пухъ* съ ангорскихъ и тибетскихъ козъ изъ южной Азіи, а нынѣ на оренбургской линіи разводятъ подобныхъ животныхъ, и собираемый съ нихъ *пухъ* (или, правильнѣе, *подшерстокъ*) отправляютъ за границу. — Въ южной Россіи и, какъ слышно, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ разводятъ также породы кроликовъ, называемыхъ *ангорскими*, и доставляющихъ также весьма нѣжный, мягкій пухъ. — Но самый разительный примѣръ измѣненія животнаго подъ вліяніемъ человѣка есть собака, которая слѣдуетъ за нимъ повсюду, а потому и представляетъ безконечныя различія наружныхъ признаковъ, образа жизни, инстинкта. Отъ большой и сильной меделянской, идущей смѣло на большаго звѣря, до изнѣженной болонки и моськи,—отъ голой африканской

* Шерсть дорогихъ улучшенныхъ овецъ называютъ также *руномъ*.

породы до овчарки и пуделя, утопающихъ въ шерсти, — отъ легкой борзой, носящейся стрѣлой по землѣ, до ньюфундландской, избравшей воду любимою своей стихіей — всѣ онѣ произошли, по всему вѣроятію, отъ одного родича, ибо всѣ мѣшаются между собою, всѣ переходятъ другъ въ друга.

Человѣку слѣдовательно дана возможность выбирать изъ среды дикихъ животныхъ такихъ, которыми онъ, окружая себя, можетъ удовлетворять своимъ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ и прихотямъ. Человѣкъ издавна началъ важное дѣло порабощенія животныхъ, но не надъ всѣми успѣлъ одинаково: одни поработились ему совершенно, такъ — что могутъ размножаться въ его домашнемъ быту, какъ напр. корова, овца, собаки, куры, утки и др.; другія не размножаются подъ властію человѣка: таковы — попугай, слонъ, обезьяна, а потому, послѣ смерти такой порабощенной особи, человѣкъ долженъ поработить вновь другую изъ дикаго состоянія. Первыя животныя, принадлежащія человѣку всѣмъ своимъ родомъ, называются *домашними* (или собственно *порабощенными*); вторыхъ, принадлежащихъ человѣку только своею особью, называютъ *ручными животными*. Изъ предшествующаго легко видно, что домашнія животныя гораздо болѣе измѣнились въ признакахъ своихъ, нежели ручныя, на которыхъ вліяніе человѣка слабо; потому-то первыя, говоря строго, суть уже животныя искусственныя, не первобытныя.

Не всегда человѣкъ переносилъ въ домашній бытъ свой животныхъ, наиболѣе полезныхъ для него: часто выборомъ его руководилъ случай. Не всегда также человѣкъ порабощалъ тѣхъ изъ нихъ, со стороны которыхъ встрѣчалъ наименѣе сопротивленія. Напротивъ, есть нѣсколько весьма полезныхъ животныхъ, которыя совершенно готовы ему поработиться, и на которыхъ онъ не обратилъ доселѣ должнаго вниманія. Къ такимъ особенно принадлежитъ большой новоголандскій кэнгуру, легко разводимый во всѣхъ частяхъ южной и средней Европы, и могущій доставить человѣку вкусное мясо и теплый мѣхъ. Къ животнымъ, которыхъ, конечно, человѣкъ долженъ бы стараться поработить, безспорно принадлежатъ также сѣрыя и бѣлыя куропатки, большія и малыя тетерева, служащія ему любимою и здоровою пищею; и не подлежитъ сомнѣнію, что поработить ихъ было бы гораздо легче, нежели домашнихъ гусей, лебедей, утокъ и вообще водяныхъ птицъ, оставляющихъ въ дикомъ состояніи насъ на зиму, и слѣдовательно терпящихъ, въ это время года, въ домашнемъ быту значительныя лишенія, въ сравненіи съ первобытнымъ ихъ образомъ жизни.

Длятого, чтобы животное могло сблизиться съ человѣкомъ, требуется, чтобъ оно и въ дикомъ состояніи любило сближаться съ другими животными: словомъ, для этого необходимъ въ животномъ инстинктъ товарищества. Всѣ домашнія животныя, живущія близъ

человѣка, жили и до порабощенія своего въ товариществѣ, или обществомъ; представляетъ изключеніе одна кошка, но она потому-то и привыкаетъ болѣе къ дому, нежели къ своему хозяину. Отсюда же оказывается весьма естественнымъ, что большая часть домашнихъ животныхъ травоядныя: ибо только тѣ, которыя питаются травою, легко повсюду находимою, могутъ жить въ товариществѣ, т. е. стадами; плотоядные же, или хищные, звѣри, которые должны большею частію доставать себѣ пищу съ бою, обыкновенно живутъ одиноко, и, овладѣвъ какою-либо мѣстностію, изгоняютъ изъ нея всѣхъ себѣ подобныхъ.

Въ каждомъ товариществѣ, или стадѣ животныхъ есть самецъ или другая особь, которой подчиняются прочія особи, и животное, переходя въ домашній бытъ человѣка, мѣняетъ только своего предводителя: прежде оно слѣдовало другому сильнѣйшему животному, теперь оно покоряется человѣку, и потому чѣмъ тѣснѣе было товарищество дикихъ животныхъ, тѣмъ легче они покоряются и человѣку. — Съ другой же стороны, длятого, чтобы животное перемѣнило своего обычнаго вождя на новаго, необходимо, чтобы послѣдній умѣлъ пріобрѣсти довѣріе животнаго. Потому-то человѣкъ, когда онъ порабощаетъ животное, принужденъ употреблять не открытую силу, не насиліе, а напротивъ старается снискать довѣріе животнаго; оттого же животныя, не столько смышленыя, не могущія оцѣнить стараній и услуги человѣка, не могутъ и быть имъ перенесены въ домашній бытъ: таковы напр. многія насѣкомыя и пр.

Вѣрнѣйшее и почти единственное средство снискать довѣренность животнаго, безспорно, состоитъ въ удовлетвореніи первымъ нуждамъ его, голоду и жаждѣ, и потому человѣкъ, приступая къ порабощенію животнаго, начинаетъ съ того, что томитъ его голодомъ и жаждою, чтобъ оно сильнѣе чувствовало будущую услугу, потомъ кормитъ и поитъ его. Иногда, чтобъ ослабить сопротивленіе сильнаго дикаго животнаго, человѣкъ лишаетъ его покойнаго положенія, сна и пр. Животное, не понимая, что человѣкъ причиною его мученій, чувствуетъ только то, что онъ смягчаетъ ихъ, и, по прошествіи извѣстнаго времени, привыкаетъ къ человѣку, и съ нимъ сближается. — Чтобъ укрѣпить эту начинающуюся связь, человѣкъ возбуждаетъ въ животномъ такія желанія, которымъ онъ только одинъ можетъ удовлетворить: онъ пріучаетъ животное къ хлѣбу, сахару, меду, вину и друг. Наконецъ, когда сдѣланъ главный шагъ къ порабощенію, когда поселена въ животномъ довѣренность къ человѣку, тогда уже онъ можетъ употреблять и открытую силу, которой животное уже слабо сопротивляется.

Къ числу замѣчательныхъ ручныхъ животныхъ въ Россіи относится междупрочимъ и медвѣдь, пляскою и смышленостью котораго нерѣдко тѣшится у насъ досужій народъ; ученіе медвѣдей

прежде составляло даже большую промышленность крестьянъ лѣсистыхъ губерній, особенно же примыкающихъ къ Уралу и югозападныхъ. Въ виленской губерніи есть мѣстечко *Сморгонь*, гдѣ этимъ промысломъ занимались въ большемъ, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, видѣ, и заведенію, здѣсь существовавшему, придавали въ шутку названіе медвѣжьей академіи. Это была крестьянская хата съ каменнымъ поломъ, подъ которымъ находилась русская печь. Въ хату впускали молодаго ручнаго медвѣдя, и нагрѣвали полъ, отчего животное, чтобы менѣе страдать отъ него, становилось на заднія лапы; впослѣдствіи нагрѣвали полъ сильнѣе, и медвѣдь по необходимости уже припрыгивалъ. Во время продолжающагося ученія, *коза* производила извѣстный стукъ, а по окончаніи его, кормили медвѣдя или лакомили его хлѣбомъ, медомъ и виномъ. Наконецъ приходило время, когда не нужно было нагрѣвать пола, потому-что медвѣдь, услыша стукъ *козы*, начиналъ плясать, въ ожиданіи послѣдующаго затѣмъ кормленія; потому-то вожатые, которые водятъ ученыхъ медвѣдей, послѣ каждой пляски его требуютъ ему отъ зрителей награды.

Но нѣкогда славилось другое ручное животное, гораздо болѣе замѣчательное: это *кречетъ* (falco gyrfalco); его употребляли въ *соколиной охотѣ*, составлявшей любимую потѣху многихъ верховныхъ лицъ Россіи и Европы. Эта забава состояла въ томъ, что пріученныхъ къ тому соколовъ *сажали*, т. е. пускали на дикихъ птицъ, иногда даже на утокъ и гусей, которыхъ они били на лету. Для нея употребляли разныя породы соколовъ, но преимущественно цѣнили кречетовъ, особенную породу ихъ, извѣстную своимъ быстрымъ полетомъ и вѣрнымъ нападеніемъ на птицъ. Кречетовъ ловили въ сѣверной Россіи, особенно близъ Печоры, и пріучали ихъ къ охотѣ, или *выхаживали кречетники*. Дикаго кречета сажали связаннаго въ большое кольцо, привѣшенное къ потолку комнаты, и не позволяли ему спать, приводя кольцо въ движеніе; послѣ долгаго насильственнаго бдѣнія, кречетъ ослабѣвалъ, и тогда дозволялъ кречетнику, кормившему его, приближаться къ нему. Впослѣдствіи ручную птицу пріучали къ охотѣ, что́ составляло труднѣйшую часть обученія. Ученыхъ кречетовъ, особенно пестрыхъ и бѣлыхъ, (выродковъ) цѣнили чрезвычайно высоко: ихъ русскіе князья и цари посылали въ даръ иностраннымъ королямъ. Кажется, никогда соколиная охота не процвѣтала въ такой степени, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно любившемъ ее. Онъ даже написалъ особый *сокольничій уставъ* (Урядъ сокольничьяго пути), въ которомъ подробно описана сложная церемонія, сопровождавшая выѣздъ на соколиную охоту; при этомъ царѣ получали значительныя милости *сокольничіи*, сажавшіе кречетовъ во время царской охоты.

Въ Москвѣ, представляющей столько памятниковъ, свидѣтель-

ствующихъ о прошлой жизни и судьбѣ Россіи, есть и такіе, которые имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ соколиной охотѣ, нѣкогда производившейся на поляхъ и близъ опушекъ лѣсовъ, окружавшихъ столицу. Село *Сокольники*, съ частью принадлежащей къ нему рощи, оттого получило и свое названіе, что въ немъ былъ *Соколиный дворъ*, гдѣ держали и выхаживали соколовъ, уничтоженный очень недавно. Нынѣшняя красивая *Садовая* улица, окаймленная съ обѣихъ сторонъ садами, получила свое названіе не отъ садовъ, разведенныхъ въ новѣйшее время: на мѣстѣ ея по валу разстилался мелкій кустарникъ, далѣе открывалось чистое поле, — потому здѣсь часто *сажали* соколовъ и кречетовъ. Въ Новинской части есть переулокъ, названный *Кречетниковскимъ*, и приходъ — *Никола въ Кречетникахъ*. Въ селѣ Коломенскомъ, снаружи паперти приходской церкви, доселѣ сохранились кресла, съ изображеніемъ на спинкѣ всадника, несущаго на рукѣ кречета: на нихъ отдыхалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и потѣшался соколиною охотою, которую производили его сокольничьи на обширной полянѣ, разкрывающейся передъ храмомъ.

Въ наше время, эта забава совершенно забыта въ Европѣ, и сохранилась только у нѣкоторыхъ племенъ, кочующихъ въ степяхъ приуральскихъ.

К. Рулье.

147. Спячка.

I. Что такое спячка? Причина ея.

Всѣмъ извѣстно, что многія животныя проводятъ часть своей жизни въ состояніи, которое можно сравнить съ весьма глубокимъ сномъ. Обыкновенно это состояніе называютъ «*зимнею спячкою.*» Наименованіе спячки *зимнею* справедливо только относительно животныхъ, обитающихъ въ нашемъ и еще болѣе холодномъ поясѣ; потому-что въ жаркомъ поясѣ также является этотъ сонъ, именно одновременно съ наибольшимъ жаромъ, соединеннымъ съ большею сухостію, такъ-что въ этомъ случаѣ можно употребить имя «лѣтней спячки.» Это весьма замѣчательно и доказываетъ превосходный, сообразный съ цѣлію порядокъ, господствующій въ всей природѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ, это состояніе совпадаетъ съ періодомъ времени, когда этимъ животнымъ недостаетъ пищи, такъ-что они и вся порода ихъ немедленно изчезли бы съ лица земли, если бы ихъ жизненныя отправленія и вмѣстѣ съ этимъ потребность для нихъ пищи почти совершенно не прекращались на это время.

II. Какія животныя подвержены спячкѣ?

Зимній или лѣтній сонъ мы находимъ почти во всѣхъ классахъ животнаго царства, преимущественно же между насѣкомыми; насѣ-

комыя всѣ, будетъ ли это личинка, или куколка, или же совершенное насѣкомое, проводятъ часть своего бытія въ подобномъ состояніи видимой безжизненности, и только-что весеннее солнце снова освѣтитъ тотъ поясъ земнаго шара, или между поворотными кругами ниспадетъ на землю благодѣтельный дождь, они опять изъ своихъ убѣжищъ выходятъ наружу, и спѣшатъ принять участіе во всеобщемъ оживленіи природы. Многіе науки и мягкотѣлыя, именно разные виды нашей домашней улитки, проводятъ зиму во снѣ. Изъ болѣе высшихъ классовъ, изъ классовъ животныхъ позвоночныхъ, только однѣ птицы не подвержены этому сну. Извѣстно, что бо́льшая часть птицъ перелетаетъ изъ одного мѣста въ другое, гдѣ онѣ могутъ найдти пищу, необходимую для поддержанія своей жизни, и степень теплоты, нужную для ихъ организаціи. Поэтому у нихъ нѣтъ потребности зимняго сна.

Многія рыбы также проводятъ зиму во снѣ. Карпы для этой цѣли взрываютъ дно, и въ вырытую такимъ образомъ яму ложатся вмѣстѣ одинъ надъ другимъ; пискари запалзываютъ подъ камни; многія, напр. угри, скрываются въ пескѣ или въ грязи. Извѣстно, что лягушки въ концѣ октября или началѣ ноября скрываются въ илѣ стоячихъ водъ, чтобы снова привѣтствовать своимъ кваканьемъ слѣдующую весну. Другія же, какъ напримѣръ жабы, проводятъ это время въ землѣ подъ камнями или въ дуплахъ деревьевъ. Въ тропическихъ странахъ подобному состоянію соотвѣтствуетъ лѣтняя спячка многихъ змѣй, черепахъ и крокодиловъ. Гумбольдтъ разсказываетъ слѣдующій случай, сообщенный ему туземцемъ южной Америки, у котораго онъ жилъ нѣкоторое время. Однажды ночью американецъ спалъ на скамьѣ въ своей хижинѣ, и рано утромъ разбужденъ былъ сильными толчками и шумомъ. Глыбы земли были отброшены на середину комнаты; вдругъ изъ-подъ лавки выскочилъ молодой крокодилъ, и съ величайшею поспѣшностію скрылся по направленію къ рѣкѣ. Почва, на которой незадолго передъ тѣмъ была выстроена хижина, состояла изъ высохшаго ила; мѣсто лежало неподалеку отъ маленькаго озера, наводнявшаго окрестности въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, вѣроятно, животное скрылось въ илъ въ то время, когда земля была покрыта водою.

Въ жаркомъ поясѣ весьма незначительно число звѣрей, о которыхъ съ достовѣрностію извѣстно, что они спятъ въ лѣтнее время, то-есть подвержены лѣтней спячкѣ. По словамъ Адамсона, ежъ на Сенегалѣ проводитъ во снѣ три наболѣе теплые лѣтніе мѣсяца. Тоже разсказываютъ про тенрека мадагаскарскаго (centenes ecaudatus) *;

* Сюда же принадлежатъ: ежевидный тенрекъ (centenes illiger), крокодилъ въ льяносахъ Венесуелы, земныя и водныя черепахи по Ореноко, исполинскій удавъ и мн. др. меньшія змѣи.

вѣроятно, утконосъ также долженъ быть отнесенъ къ подобнымъ же животнымъ.

III. КАКЪ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНА И КРѢПКА БЫВАЕТЪ СПЯЧКА? И ЧТО БЫВАЕТЪ СЪ ЖИВОТНЫМЪ ВО ВРЕМЯ ЕЯ?

Продолженіе и крѣпость зимней спячки имѣютъ различныя степени; однако у многихъ животныхъ, напр. у ежа, сурка, полчка и у другихъ, она продолжается четыре, пять, шесть мѣсяцовъ, не прерываясь. На высокихъ горахъ Савоіи сурки проводятъ во снѣ по крайней мѣрѣ десять мѣсяцовъ года.

Вообще нашли, что дыханіе во время зимней спячки значительно уменьшается, и часто при полной зимней спячкѣ—дотого, что его (напр. у сурковъ, летучихъ мышей) можно считать почти угасшимъ. Однако отъ малѣйшаго внѣшняго движенія, также отъ теплоты руки, посредствомъ которой схватываютъ животное, дыханіе тотчасъ возстановляется.

Съ уменьшеніемъ дыханія сопряжено другое явленіе, бывающее необходимымъ слѣдствіемъ онаго. Животная теплота, происходящая у звѣрей и птицъ преимущественно отъ перехода кислорода изъ воздуха въ кровь, постепенно теряется, другими словами, звѣри во время зимней спячки становятся холоднокровными животными. Результаты многочисленныхъ изслѣдованій по этому предмету, произведенныхъ надъ сурками, сонями, полчками, летучими мышами, единогласно показываютъ, что при глубокомъ и крѣпкомъ зимнемъ снѣ теплота внутреннихъ частей тѣла или крови находится въ уровнѣ съ температурою окружающаго воздуха, съ нею опускается и поднимается, что она можетъ спускаться до точки замерзанія и даже нѣсколько ниже, а жизнь животнаго еще не прекращается.

Междутѣмъ-какъ дыханіе, какъ мы видѣли, почти совершенно прекращается, кровообращеніе напротивъ продолжается, хотя съ меньшею быстротою и силою, однако на столько, что движеніе примѣтно въ волосныхъ сосудахъ, удаленныхъ отъ сердца на значительное разстояніе. Маршаллъ Галль замѣтилъ это въ летательной перепонкѣ нетопыря. Это походитъ на вліяніе эѳира и хлороформа, при чемъ дыханіе также на время прекращается, междутѣмъ-какъ обращеніе крови продолжается; у животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, кровь также принимаетъ характеръ артеріальный и мало способна свертываться.

Пищевареніе при полной зимней спячкѣ совершенно прекращается; тоже можно сказать объ отдѣленіяхъ, соединенныхъ съ нимъ или бывающихъ слѣдствіемъ онаго. Если по тому или другому поводу животныя просыпаются: при чемъ возстановляется дыханіе; то они чувствуютъ потребность пищи, и пищевареніе снова начинаетъ свои отправленія.

Изъ этого краткаго обзора главнѣйшихъ явленій, которыя представляетъ зимняя спячка животныхъ, ясно видно, что въ подобномъ состояніи жизненная дѣятельность падаетъ на весьма низкую степень, но ни въ какомъ случаѣ не прекращается совершенно. У животныхъ въ это время существуетъ даже нѣкоторый обмѣнъ матеріи. Доказательствомъ тому служитъ измѣненіе ихъ вѣса.

Д. Гартингъ.

IV. НЕИЗБѢЖНЫЯ УСЛОВІЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПРЕДМЕТА:

МѢСТО, ВРЕМЯ, ОБРАЗЪ И ПРИЧИНА.

148. Сказочныя чудеса.

У лукоморья дубъ зеленый [1],
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ [2]:
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ [3].
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русской духъ... тамъ Русью пахнетъ.

И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ. *А. Пушкинъ.*

Объяснительное чтеніе.

1. Что такое здѣсь сказано? Есть, находится дубъ зеленый у лукоморья. Кто есть? Какой? Гдѣ же дубъ зеленый? Что показываетъ намъ «у лукоморья»? Коль скоро предметъ есть, то онъ непремѣнно долженъ быть гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ: это неизбѣжно для каждаго предмета: напр. гдѣ златая цѣпь? гдѣ мы теперь съ вами находимся? А гдѣ этотъ классъ (комната)? гдѣ это училище (домъ)? Значитъ, всякому предмету надобно быть въ какомъ-нибудь мѣстѣ.

2. Кто ходитъ? Гдѣ ходитъ? Когда ходитъ? Что показываютъ въ предметѣ эти слова?—А можно ли явиться предмету на извѣстномъ мѣстѣ и не являться тутъже въ извѣстное время?—(Когда вы собираетесь въ классъ? Когда уходите домой? Когда ходите въ церковь?)—Видите, что всякой предметъ непремѣнно является въ извѣстное время: это также для него неизбѣжно, какъ и мѣсто.

—Какъ же онъ ходитъ по цѣпи? — Кругомъ показываетъ время? мѣсто? — Ни мѣста, ни времени не показываетъ, а показываетъ *образъ*, какъ онъ ходитъ: онъ ходитъ не вдоль, не поперегъ, но *кругомъ*.

3. Кто идетъ? Куда идетъ? что жъ тогда онъ дѣлаетъ? а что дѣлаетъ, когда идетъ налѣво? Когда сказку говоритъ? Куда идетъ? *Направо, налѣво* показываютъ мѣсто; *днемъ* и *ночью*—время,—*кругомъ*—*образъ*: мѣсто, время и образъ непремѣнно сопровождаютъ, обстоятъ каждый предметъ, когда онъ есть, потому они называются *обстоятельствами;* про мѣсто мы всегда узнаемъ, если спросимъ словами: гдѣ? куда? откуда?—про время, когда спросимъ: *когда? сколь долго?*—про образъ, если спросимъ: *какъ? какимъ образомъ? сколько разъ?* По этимъ вопросамъ не трудно различать одно обстоятельство отъ другаго: испытаемъ въ слѣд. рѣчахъ: гдѣ чудеса? гдѣ лѣшій бродитъ? гдѣ русалка сидитъ?

149. Лѣсъ и кустарникъ.

Собраніе высокихъ деревьевъ съ нераздѣльными въ нижнихъ частяхъ своихъ стволами обыкновенно называется лѣсомъ; собраніе же низкихъ древесныхъ растеній или кустовъ—кустарникомъ. Кустъ отличается отъ дерева только тѣмъ, что изъ корня его выходятъ нѣсколько стволовъ, или точнѣе, стволъ его развѣтвляется непосредственно отъ самаго корня; но природа представляетъ множество переходовъ отъ деревьевъ къ кустарникамъ; можно даже искуственно превратить дерево въ кустъ (липа, грабина), и наоборотъ, кустъ въ дерево (боярышникъ). Лѣсъ не всегда представляетъ собраніе нѣсколькихъ родовъ деревьевъ, онъ можетъ состоять даже изъ одного дерева. *Баньяновое* дерево (ficus indica) пользуется

свойствомъ опускать свои вѣтви до самой земли; вѣтви пускаютъ въ землю корни, изъ которыхъ вырастаютъ новые стволы, остающіеся въ связи съ родоначальнымъ стволомъ. Близъ рѣки Нербуда, въ Индіи, Форбесъ видѣлъ цѣлый лѣсъ, расплодившійся отъ одного дерева; въ немъ находится до 350 большихъ и болѣе 3,000 малыхъ, связанныхъ между собою стволовъ, занимающихъ пространство въ 2,000 футовъ. Въ тѣни этого дерева можетъ расположить свой станъ семитысячная армія. Подобное же явленіе представляетъ корнепускъ (rizophora), играющій весьма важную роль въ прибрежныхъ болотахъ тропическихъ странъ; вѣтви его также опускаются къ землѣ, и изъ нихъ вырастаютъ стволы, образующіе запутанный густой лѣсъ, служащій надежнымъ убѣжищемъ для крокодиловъ и змѣй. Для произрастанія деревьевъ необходимы извѣстныя климатическія условія; вотъ почему на поверхности земли находятся пространства, вовсе непокрытыя лѣсами, преимущественно по причинѣ холода.

150. Вліяніе лѣсовъ на атмосферу.

Вліяніе, производимое лѣсами на атмосферу, всего явственнѣе обнаруживается въ жаркомъ поясѣ. Лѣса усиливаютъ дожди и сырость, умножаютъ источники и ручьи. Безлѣсныя пространства сильно нагрѣваются солнцемъ, покоющійся надъ ними воздухъ поднимается въ вертикальномъ направленіи, и тѣмъ самымъ препятствуетъ пониженію облаковъ; если же постоянные вѣтры (пассаты и муссоны) могутъ дуть безпрепятственно въ пространныхъ равнинахъ, то это отнюдь не содѣйствуетъ къ переходу паровъ въ капельножидкое состояніе. Напротивъ того, почва, покрытая лѣсами, не нагрѣвается сильно; ктому же самое испареніе лѣсовъ требуетъ охлажденія; поэтому, если наполненныя парами теченія воздуха достигаютъ лѣсовъ, то пары сгущаются и переходятъ въ дождь. Какъ испареніе почвы, поросшей деревьями, происходитъ медленнѣе, деревья же испаряются вездѣ, даже въ жаркомъ поясѣ, то лѣсной воздухъ долженъ быть постоянно влаженъ; влажность эта и способствуетъ образованію источниковъ.

Что лѣса дѣйствительно оказываютъ подобное вліяніе въ весьма значительной степени, и что отсутствіе его весьма ощутительно тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, это доказывается печальными опытами многихъ мѣстностей, лишившихся, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, дождей, влажности, источниковъ и проточныхъ водъ, столь необходимыхъ для растительности. При открытіи Канарскихъ острововъ, послѣдніе были покрыты густымъ лѣсомъ; съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ, климатъ этихъ острововъ началъ отличаться сухостію, доходившею мѣстами, напр. на Фуертавентурѣ, дотого, что жители принуждены были удалиться на другіе острова, опасаясь погибнуть отъ жажды. Подобная же засуха, происшедшая вслѣдствіе

истребленія лѣсовъ, замѣчена также на островахъ Зеленаго мыса и нѣкоторыхъ Антильскихъ островахъ, а равно и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Въ умѣренныхъ поясахъ также было замѣчено, что лѣса усиливаютъ дожди и сырость, и что истребленіе ихъ влечетъ за собою сухость климата. Поэтому многіе лѣсничіе и государственные люди съ жаромъ возставали противъ безразсуднаго истребленія лѣсовъ. Однакожь мнѣ кажется, что опасенія эти не вполнѣ основательны, и что если невозможно вовсе отрицать вліяніе лѣсовъ на климатъ умѣренныхъ странъ, то вліяніе это во всякомъ случаѣ не столь значительно, какъ думаютъ.

151. Значеніе лѣса въ природѣ.

«Вода краса природы»; почти тоже можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера *почти всегда* обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ *въ ихъ тѣни*, и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, *отъ истребленія лѣсовъ* [1].

Объяснительное чтеніе.

1. Что происходитъ? Чья убыль? Какая убыль? Гдѣ замѣчаемая? Какой вопросъ вы дѣлаете для словъ: «въ цѣлой Россіи»? Значитъ, «въ цѣлой Россіи» показываютъ мѣсто. Отчего происходитъ? Слѣд. *истребленіе лѣсовъ* производитъ, причиняетъ убыль рѣкъ: то, что производитъ, причиняетъ что-нибудь, называютъ *причиной*: это также необходимо для каждаго предмета; причина сопровождаетъ бытіе каждаго предмета сотвореннаго,—оттого она также называется *обстоятельствомъ*. Причина отвѣчаетъ обыкновенно на слѣд. вопросы: *отчего, почему?* начто, длячего? *зачѣмъ?*

Вспомните, какія обстоятельства для обнаруженія предмета мы прежде высчитали: теперь сколько же счетомъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя неизбѣжны для явленія предмета?—Въ дѣйствительности для каждаго предмета неизбѣжны эти обстоятельства, но въ разговорѣ о предметѣ мы не всегда ихъ упоминаемъ и высказываемъ: про иное не знаешь, а иное и не нужно,—безъ него насъ поймутъ, когда говоришь.

152. Папортникъ, или кочедыжникъ.

Многія растенія ростутъ въ глуши; но и здѣсь, въ тѣни лѣсовъ, они убираются красивыми цвѣтами, плѣняющими взоръ оди-

нокаго путника. Иныя даже никогда не цвѣтутъ, но имѣютъ пышную, величавую наружность. Къ послѣднимъ принадлежатъ растенія, извѣстныя подъ общимъ именемъ папортника, или кочедыжника. Занимая безспорно первое мѣсто между тайнобрачными, они, безцвѣтныя дѣти земли, соперничаютъ въ красотѣ съ лучшими цвѣтами въ мірѣ. Они стоятъ на ряду съ ятрышниковыми растеніями, представляющими самые вычурные и разнообразные цвѣты нашихъ оранжерей, даже на ряду съ величественными пальмами и съ ними-то больше всего. Право на это почетное мѣсто признали въ нихъ всѣ: и люди неученые и естествоиспытатели. Произростая въ глуши лѣсовъ, не имѣя ни цвѣта, ни какого-нибудь краснаго плода, лишенныя даже всякаго запаха и почти безполезныя, они все-таки успѣли обратить на себя вниманіе человѣка. Ихъ вынесли изъ уединенія, чтобы имѣть передъ глазами, даже избалованными видомъ великолѣпныхъ растеній. Естествоиспытатели съ беззавѣтною любовью жертвовали для нихъ самоотверженнымъ трудомъ и даже жизнію. Взглянемъ же и мы на эти чудныя произведенія земли.

Нѣтъ ничего проще папортника, весьма обыкновеннаго растенія во всей средней и южной Европѣ: простой ваій, или широкій мелкоузорчатый листъ его, похожъ на перо. Это подало естествоиспытателямъ поводъ назвать его pinna, перо, — сравненіе дѣйствительно вѣрное. Стволъ пера представляетъ стволъ ваія. Народъ представляетъ себѣ тоже посвоему: большой широкій листъ мохнатъ, какъ перо; мохна, какъ у пѣтушьяго пера, идутъ отъ стволика въ обѣ стороны, точь въ точь какъ у пера на *попорткахъ*, или малѣнькихъ крылушкахъ куръ, оттого и листъ, или трава, слыветъ въ народѣ подъ именемъ *папороти*, или *папортника*. Пушистую часть, или бородку пера, представляютъ очень многіе мелкіе листочки, сидящіе вдоль обѣихъ сторонъ ваія. Не смотря на эту простоту устройства, природа съумѣла представить папортникъ въ тысячѣ различныхъ видахъ, подобно композитору, разнообразящему простую тему множествомъ разныхъ варіацій. До 17 столѣтія, до возрожденія наукъ, человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на загадку, или лучше сказать, какъ на собраніе разныхъ чудесъ. Этимъ объясняется та таинственность среднихъ вѣковъ, которая выразилась въ алхиміи, въ отыскиваніи философскаго камня и проч.: все, что сколько-нибудь отступало отъ вседневнаго порядка дѣлъ, считалось чудеснымъ. Растенія подверглись тойже участи. При такомъ воззрѣніи человѣка на природу, нисколько не удивительно, что необыкновенный видъ папортниковъ далъ и имъ таинственное значеніе; это тѣмъ болѣе понятно, что они, такія развитыя, въ глаза кидающіяся растенія, повидимому, никогда не приносятъ плода и на нихъ никогда не видно цвѣта. Правда, на исподней поверхности листа въ извѣстное время лѣта сидятъ кучки крупинокъ, или мѣшечковъ, оранжеваго цвѣта; но то не цвѣты папортника,

а скорѣе сѣмена его, или правильнѣе, глухія клѣточки, *крупинки*, имѣющія при разсмотрѣніи папортника одинаковое значеніе съ сѣменами растеній. Такъ-какъ всѣ извѣстныя въ то время растенія цвѣли и приносили плодъ, изъ котораго они возраждались, то неученые и ученые справедливо думали, что и у папортника долженъ-быть плодъ — но гдѣ онъ? Это опять было тайной, которою воспользовалось суевѣріе. Немногимъ избраннымъ были будто бы извѣстны сѣмена папортника; они одни, съ помощію эльфовъ (духовъ) могли собирать ихъ, невидимыя для другихъ, въ Ивановскую ночь, въ ночь лѣтняго поворота солнца, игравшую такую важную роль въ то время у волшебниковъ и отыскивателей кладовъ. На это намекаетъ и Шекспиръ, говоря, что его эльфы знали сѣмя папортника.

Совсѣмъ инымъ представляется намъ папортникъ теперь, при свѣтѣ науки. Но лишенный своего первоначальнаго значенія, онъ получилъ въ замѣнъ его другое. Онъ сталъ теперь дороже естествоиспытателямъ, какъ совершенно отличное отъ другихъ растеніе, какъ характеристическая картина природы, изображающая соединеніе безконечнаго богатства видовъ съ величайшею безъискусственностью, разнообразіе содержанія съ простотою формы, могучесть съ скромностію. Въ папортникѣ соединяется величавость съ красотою стройнаго стана. Ни та, ни другая никогда его не оставляютъ, гдѣ бы онъ ни росъ. Уединеніе, котораго онъ какъ будто всегда ищетъ, придаетъ ему еще больше прелести. Всего чаще мы находимъ его тамъ, гдѣ въ лѣтней глуши бьетъ изъ земли уединенный ключъ, гдѣ бѣжитъ лѣсной ручей, гдѣ мрачныя скалы громоздятся одна надъ другою, гдѣ стѣны опустѣвшихъ монастырей и замковъ покрываются уже травой и кустарникомъ, гдѣ вообще какое-нибудь дерево, скала или кустъ осѣняютъ его своею благодатной тѣнью.

Папортникъ имѣетъ свою прелесть для насъ, напоминая намъ и минувшее на нашей землѣ. Онъ говоритъ намъ о томъ времени, въ которое земля, освободившись отъ моря, впервые убралась въ свой зеленый растительный нарядъ. Въ это время папортникъ, вмѣстѣ съ древовидными хвощами, преобладалъ на нашей планетѣ. Они же составляютъ главную часть тѣхъ растеній, которыя, претерпѣвъ извѣстныя перемѣны, дали огромныя массы каменнаго угля, сложеннаго въ нѣдрахъ земли. Такимъ образомъ они сохранились до нашихъ дней, и являются передъ нами, какъ свидѣтели первобытнаго міра, сближая насъ съ временемъ, отъ котораго мы отдѣлены огромнымъ пространствомъ вѣковъ.

Ни одинъ родъ растеній не имѣетъ такого разнообразія формъ, какъ папортникъ. Ваій его то круглъ, то имѣетъ угловатый видъ; развѣтвленія его то просты, то состоятъ изъ двухъ, трехъ и четырехъ перьевъ, сообщающихъ ему необыкновенную красоту. У одного

папортника отъ сѣмени идетъ ваій, у другаго — цѣлая масса зеленыхъ сочныхъ перьевъ, соединенныхъ въ одномъ мѣстѣ на подобіе воронки. Часто нѣжные ваіи у одного папортника — прекраснаго бѣлаго цвѣта, у другаго—голубаго, какой мы видимъ на цвѣтныхъ бабочкахъ, у третьяго—золотисто-желтаго, у четвертаго– синяго, какъ на сливахъ, у пятаго—синезеленоватаго, похожаго на цвѣтъ моря.

153. Чайный кустъ.

Чайное растеніе представляетъ невысокій кустъ, достигающій на свободѣ 10 — 12 футовъ росту, но при воздѣлываніи вообще не болѣе 5—6 и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только $2\frac{1}{2}$—3 футовъ; не даютъ ему высоко рости изъ разсчета: чѣмъ ниже чайный кустъ, тѣмъ вѣтвистѣе и тѣмъ легче сборъ листьевъ. Листья его длинные, ланцетообразные, зубчатые, блестящіе, постоянно зеленые; цвѣтки, сидящіе въ пазухахъ листьевъ, имѣютъ 5—6 листовую чашечку, 6—9 лепестной вѣнчикъ бѣлаго цвѣта и нѣсколько пестиковъ. Плодъ его состоитъ изъ трехмѣстной коробочки; въ каждомъ отдѣленіи ея заключено сѣмя съ твердою, орѣхообразною скорлупою. Наиболѣе близкое къ чайному кусту растеніе есть Camellia, составляющее вмѣстѣ съ нимъ семейство Camelliae.

Существуютъ ли нѣсколько видовъ чая, или только одинъ видъ; происходятъ ли именно зеленый и черный чай отъ двухъ различныхъ сортовъ или видовъ растенія, или же отличіе это основано только на разнородныхъ способахъ приготовленія чая въ продажу —это съ достовѣрностію еще неизвѣстно. Однакожъ въ настоящее время большее число ботаниковъ, посѣщавшихъ родину чая или изучавшихъ доставленные въ Европу кусты и высушенные экземпляры этого растенія, держатся того мнѣнія, что всѣ сорты чая происходятъ отъ *одного* вида чайнаго растенія. Къ противникамъ этого мнѣнія принадлежитъ Рюйсъ, бывшій экспертомъ Остъ-Индской компаніи въ Кантонѣ по части чайной торговли.

Чай воздѣлывается въ Китаѣ и Японіи. Въ южномъ Китаѣ, напр. въ Кантонѣ, чайный кустъ произростаетъ на свободѣ; но получаемый здѣсь чай низкаго качества; поэтому нѣтъ выгоды производить его здѣсь въ большомъ количествѣ. Тоже самое замѣчается и въ южныхъ частяхъ Японіи, гдѣ воздѣлываніе чая вообще весьма значительно. Но если холодный климатъ не выгоденъ для воздѣлыванія чайнаго куста, то и жаркій оказываетъ на него также неблагопріятное вліяніе. Въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ существуетъ еще обработываніе чайнаго кустарника, но оно здѣсь весьма незначительно и чай дурнаго качества; точно также многія попытки разведенія чайнаго растенія въ жаркомъ поясѣ оказались неудачны. Внѣшнія границы разведенія чая находятся въ восточной Азіи; предѣлы же свободнаго произрастанія чайнаго кустарника

можно опредѣлить 15—40° сѣв. широты; поясъ, наиболѣе способный къ воздѣлыванію чая, заключается въ Китаѣ между 23—31° (отъ Юньнапа и нѣсколько южнѣе Нанкина); въ Японіи между 30 и 35°. Съ востока область распространенія чайнаго кустарника ограничивается Южнымъ моремъ; на западѣ она простирается не далѣе границъ Тибета. Въ Ассамѣ, подъ 25—26° и на средней высотѣ 2—4000 футовъ, находятъ дикорастущій кустарникъ, который Уэллихъ признаетъ настоящимъ чайнымъ; его начали тамъ теперь воздѣлывать.

Къ новѣйшимъ попыткамъ разведенія чайнаго кустарника въ другихъ странахъ свѣта принадлежитъ воздѣлываніе его въ Ріо-Жанейро, въ Бразиліи, гдѣ онъ насаженъ на довольно значительномъ пространствѣ земли; обработываніе и фабрикація чая поручены китайскимъ колонистамъ; но получаемый здѣсь чай грубъ и лишенъ тонкаго, ароматнаго запаха, которымъ отличается китайскій чай; вмѣстѣ съ тѣмъ поденная плата работникамъ весьма высока; китайцы мало-помалу расходятся, и вообще эту плантацію можно считать неудавшимся предпріятіемъ. Болѣе счастливымъ результатомъ увѣнчались недавнія попытки разведенія чайнаго кустарника въ Явѣ (конечно, на нѣкоторой высотѣ надъ моремъ, въ гористой странѣ). Въ Амстердамъ, въ теченіе одного года, ввезено было около 1½ мил. фунтовъ яванскаго чая.

Чайный кустарникъ первоначально произрасталъ въ дикомъ состояніи въ Китаѣ и, по новѣйшимъ открытіямъ, на границахъ Ассама; въ Японіи же прежде его не находили, ибо японская исторія упоминаетъ объ одномъ китайскомъ бонзѣ (священникѣ), привезшимъ чай въ эту страну. Вѣроятно, это случилось до IX столѣтія по Р. Х., ибо въ началѣ упомянутаго столѣтія чай уже извѣстенъ былъ въ Японіи. Можетъ быть, употребленіе его началось тамъ уже въ VI вѣкѣ. Еще далѣе простираются извѣстія о воздѣлываніи его въ Китаѣ. Въ VI столѣтіи упоминается объ одномъ врачѣ, совѣтывавшемъ императору употребленіе чая, какъ средства противъ головной боли; поэтому чай долженъ былъ выиграть въ общемъ мнѣніи; даже въ IV вѣкѣ говорится о томъ, что одинъ министръ употреблялъ чай въ видѣ напитка. Въ исходѣ VIII столѣтія впервые была наложена въ Китаѣ пошлина на чай. У японцевъ существуетъ одно сказаніе о началѣ этого важнаго растенія. Буддійскій проповѣдникъ, Дарма, пришелъ изъ Индіи въ Китай съ цѣлію распространить свое ученіе; чтобы укрѣпить себя въ проповѣди и возбудить уваженіе къ своей религіи, онъ далъ обѣтъ проводить день и ночь въ благочестивыхъ размышленіяхъ; однакожь сонъ наконецъ одолѣлъ его. Пробудившись и негодуя на свою слабость, онъ, въ знакъ покаянія за нарушенный обѣтъ, обрѣзалъ свои вѣки и бросилъ ихъ на землю; на ней появилось совершенно незнакомое ему растеніе, котораго листья онъ употребилъ въ пищу,

вслѣдствіе чего почувствовалъ въ себѣ крѣпость и силу для преодолѣнія сна. Дарма совѣтовалъ своимъ ученикамъ употребленіе этого драгоцѣннаго растенія преимущественно съ аскетическою цѣлію. Сказаніе это заключаетъ въ себѣ символическое значеніе относительно дѣйствія чая на нервы. Дарма лицо историческое, жившее въ VI вѣкѣ.

Чайный кустъ произростаетъ успѣшнѣе на южномъ склонѣ холма, вблизи рѣки или ручья. Онъ воздѣлывается небольшими участками, и кусты его располагаются правильными рядами; но въ Японіи поселяне, для домашнихъ своихъ потребностей, сажаютъ кусты на полевыхъ межахъ, гдѣ они имѣютъ видъ шпалерника.

Кустарникъ размножается сѣменами; его часто подрѣзаютъ, чтобъ онъ дѣлался вѣтвистѣе. На третій годъ можно уже собирать и употреблять чайные листья, но на седьмой необходимо срубать кусты и сажать на ихъ мѣста новые, если желаютъ имѣть хорошую прибыль. Прибѣгаютъ также къ удобренію почвы; для этого въ Японіи употребляются масляная сбойна, сушеная сардель и сокъ горчичныхъ сѣмянъ.

Листья собираются по большей части три раза въ году: въ февралѣ или мартѣ снимаютъ нѣжныя, едва распустившіяся листовыя почки; въ апрѣлѣ собираются частію старые листья, частію нѣжныя почки, которые сортируются по величинѣ и мягкости; наконецъ въ маѣ или іюнѣ снимаются самые крупные листья, которые, въ свою очередь, также сортируются. Первый сборъ даетъ самый нѣжный чай (императорскій въ Японіи); послѣ сушки онъ превращается въ порошокъ. Каждый листокъ ощипывается отдѣльно или прямо съ куста, или же срѣзанныя вѣтви приносятся домой, и здѣсь очищаются.

Послѣ сбора листьевъ, ихъ сушатъ. Для этого они кладутся на желѣзныя сковороды, которыя становятся въ небольшія отверстія очага. Сушка производится съ большею осторожностію; листья должны только сушиться, но не подгорать; сковороды по временамъ снимаютъ и затѣмъ снова становятъ на огонь. У каждой сковороды стоитъ человѣкъ, который долженъ голою рукою переворачивать листья. Всякій разъ, когда листья снимаются со сковороды, они свертываются руками: такимъ образомъ чайныя листья получаютъ тотъ видъ, въ какомъ они встрѣчаются въ торговлѣ. Описанный способъ приготовленія чая названъ *сухимъ; мокрымъ* же путемъ чай приготовляется слѣдующимъ образомъ: чайные листья кладутся сначала на желѣзное сито, и держатся надъ кипящей водой; пары поднимаются въ сито, листья проникаются ими и вслѣдствіе того измѣняются; затѣмъ они сушатся такимъ же точно образомъ, какъ и въ предыдущемъ способѣ. По удостовѣренію нѣкоторыхъ, зеленый чай получается первымъ способомъ сушки, черный же вторымъ. Зибольдъ однакожъ держится противнаго мнѣнія.

Высушенные чайные листья кладутся въ кувшины или упаковываются въ свинцовые ящики; иногда же, при помощи бычачьей или овечьей крови, ихъ приготовляютъ въ родѣ лепешекъ (такъ называемый кирпичный чай, весьма распространенный у народовъ сѣверной Азіи); въ юго-западномъ Китаѣ чай встрѣчается въ видѣ кружковъ; онъ вывозится отсюда въ Аву и Кохинхину. Часто чай мѣшается съ душистыми цвѣтами, напр. Camellia Tasanqua, Olea fragans; однакожъ совершенно несправедливо полагаютъ, что чай не имѣетъ собственнаго ароматнаго запаха, но заимствуетъ его только отъ примѣшиваемыхъ цвѣтовъ.

Чай скупается мелкими торговцами у производителей, затѣмъ перепродается богатымъ купцамъ въ Кантонѣ, а также гон-конскимъ купцамъ. Онъ вывозится слѣдующими торговыми путями:

1. Моремъ китайскій чай почти исключительно идетъ изъ Кантона въ Европу, сѣверную Америку, отчасти въ Индію и Индѣйскіе острова. Важнѣйшую торговлю здѣсь ведутъ англичане, за ними голландцы и сѣверо-американцы.

2. Сухимъ путемъ—къ сѣверу по степи Гоби, чрезъ Кяхту, въ Сибирь, и оттуда частію въ Европу. Въ послѣднее десятилѣтіе торговля эта необычайно оживилась. Тимковскій, во время своего путешествія, встрѣчалъ множество чайныхъ корабановъ въ 100, 200 и 250 верблюдовъ.

3. Сухимъ путемъ—на западъ, отъ китайскихъ юго-западныхъ провинцій въ Монголію, Бухарію и Персію.

4. Сухимъ путемъ—на юго-западъ, отъ юго-западныхъ китайскихъ провинцій въ Тибетъ и уступы Гималайя, Непалъ, Бутанъ.

5. Сухимъ путемъ—на югъ въ Аву и Кохинхину. Изъ провинціи Юньнань большое количество чая вывозится въ Бирманію.

Въ Китаѣ и Японіи чай составляетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, народный напитокъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ. Онъ употребляется всѣми: отъ императора до простолюдина; его пьютъ за каждымъ обѣдомъ и во всякое время дня; его предлагаютъ каждому гостю; онъ продается повсюду на улицахъ, дорогахъ въ чайныхъ лавочкахъ. Приготовленіе чая и искусство его сортировки составляютъ принадлежность хорошаго воспитанія, и преподаются учителями, подобно фехтованію и танцамъ въ Европѣ. Истинный знатокъ чая въ состояніи различить 700 родовъ его; тонкость его вкуса простирается даже дотого, что онъ узнаетъ, какое дерево употреблено было для варки воды, и въ какой посудѣ она кипятилась.

Какъ китайцы, такъ и японцы пьютъ чай безъ молока и сахара; однакожъ иногда прибавляютъ въ него разныя эссенціи. Его употребляютъ въ видѣ настоя изъ листьевъ (какъ въ Европѣ), или же въ видѣ порошка, который всыпаютъ въ чашку съ горя-

чею водою, и затѣмъ мѣшаютъ до тѣхъ поръ, пока вода начнетъ пѣниться.

Потребленіе чая извѣстно также многимъ кочевымъ племенамъ сѣверной и средней Азіи. Отъ примѣси чая, дурная, соленая степная вода становится годною для питья, и для человѣка, проводящаго свою странническую жизнь въ сухомъ, остромъ климатѣ, чай составляетъ крѣпительный, вожделенный напитокъ.

Эти же самыя причины вызвали большое потребленіе чая въ Тибетѣ, гдѣ его пьютъ съ цѣлію способствовать пищеваренію, ибо пища здѣсь состоитъ изъ сухой, ячменной муки.

До VII столѣтія чай былъ неизвѣстенъ въ Европѣ. Россія и Голландія первыя познакомились съ его употребленіемъ. Русское посольство въ Монголіи получило чай взамѣнъ своихъ подарковъ, состоявшихъ изъ собольихъ шкуръ, при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ въ 1638 г. Хотя посолъ былъ недоволенъ такимъ безполезнымъ подаркомъ, но по необходимости долженъ былъ принять его и привезенный въ Москву чай встрѣтилъ тамъ одобреніе. Въ 1674 г., чай уже продавался въ Москвѣ, но постоянный ввозъ его начался не ранѣе 1689 г. по заключеніи торговаго трактата съ Китаемъ. О голландцахъ разсказываютъ, что въ 1610 году привезенъ былъ ими въ Китай шалфей (растеніе, имѣвшее прежде важное значеніе въ медицинѣ) для обмѣна его на чай. Китайцы вскорѣ оставили шалфей, но число почитателей чая въ Голландіи постоянно возрастало.

Нѣсколько позже чай проникъ въ Англію. Въ дневникѣ Пепи, 1661 г., сказано: «Я послалъ за чашкою чая, китайскаго напитка, котораго прежде никогда не пилъ». Въ 1664 г. Остъ-Индская компанія прислала два фунта чая въ подарокъ королю, а въ 1667 г. одинъ корабль получилъ приказаніе привезти сто фунтовъ чая.

Относительно потребленія чая въ разныхъ европейскихъ государствахъ замѣчается большое различіе; англичане наиболѣе (до 36 м. фунт.) потребляютъ его, за ними голландцы (3 мил. ф.) и жители (въ Россіи 5½ м.) сѣвера. Во Франціи (230,000 ф.) и Германіи (сѣверной 192 т. ф.) потребленіе чая весьма незначительно, и только въ послѣднее время начинаетъ увеличиваться; на югѣ Европы онъ распространенъ весьма мало. Вообще для всей Европы количество чая можетъ быть опредѣлено приблизительно въ 60 мил. фунтовъ.

Мнѣнія о пользѣ или вредѣ чая въ діететическомъ отношеніи, какъ извѣстно, весьма разногласны. Однакожь легко убѣдиться, что чай, если только употребленіе его не переходитъ границъ умѣренности, составляетъ вообще здоровый напитокъ. Его освѣжающая, оживляющая сила въ особенности испытывается послѣ утомительной ходьбы и другаго рода напряженій; онъ противодѣйствуетъ опьяненію, причиняемому крѣпкими напитками.

Чай воспѣтъ китайскимъ императоромъ Кіэнъ-Лонгомъ. Стихотворенію его, написанному на охотѣ, много удивлялись; оно было великолѣпно издано и помѣщено на фарфоровыхъ чашкахъ, предназначавшихся для императорскихъ подарковъ. Между прочимъ, въ немъ говорится слѣдующее:

«Поставь на умѣренный огонь сосудъ на трехъ ножкахъ, котораго цвѣтъ и видъ показываютъ, что онъ уже давно употребляется, и наполни его чистою водою растаявшаго снѣга; дай этой водѣ нагрѣться до той степени, при которой рыба дѣлается бѣлою, а ракъ краснымъ; потомъ налей эту воду въ чашку на нѣжные листья отборнаго сорта чая; дай водѣ немного настояться, пока первые пары, образующіе густое облако, мало-помалу разсѣятся и только легкій туманъ будетъ парить надъ поверхностію воды; тогда пей медленно этотъ драгоцѣнный напитокъ, и ты почувствуешь въ себѣ силу противиться пяти заботамъ, обыкновенно смущающимъ нашъ духъ .Сладкій покой, доставляемый такъ приготовленнымъ напиткомъ, можно вкушать, ощущать, но не описать».

154. Кофе.

I. КОФЕЙНОЕ ДЕРЕВО.

Кофе, что́ мы пьемъ, есть сѣмя аравійскаго кофейнаго дерева, котораго родиной считаютъ Африку.

Аравійское кофейное дерево (coffea arabica) составляетъ, по системѣ ботаника Жюссьё, одинъ изъ главныхъ родовъ семейства мареновыхъ (rubiaceae), къ которому также относится извѣстное всѣмъ красильное растеніе крапъ, или марена (отчего пропсходитъ и самое названіе семейства мареновыхъ), употребляемое для приготовленія красной краски.

Это небольшое деревцо, при хорошемъ уходѣ и безпрепятственномъ возростаніи, достигаетъ въ странахъ, гдѣ оно разводится, болѣе трехъ саженъ вышины. Темные, гладкіе, блестящіе и вѣчно зеленѣющіе его листья похожи на листья лавроваго дерева. Во время цвѣтенія, оно обильно покрывается бѣлыми, душистыми цвѣтами, сидящими въ кучкахъ, на короткихъ стебелькахъ, въ углахъ листьевъ, и похожими на цвѣтки жасмина, такъ-что въ это время издали оно кажется какъ бы покрытымъ снѣгомъ.

По отцвѣтеніи, эти бѣленькіе цвѣтки смѣняются плодами краснаго цвѣта, которые похожи на наши вишни, только растутъ по нѣскольку вмѣстѣ, какъ виноградныя кисти. Бѣлая мякоть этихъ плодовъ клейка, почти безвкусна и содержитъ въ себѣ два, а иногда при недоростаніи и одно — извѣстное намъ кофейное сѣмечко. Сѣмечки эти съ одной стороны выпуклы, а съ другой — плоски, со вдольнымъ желобкомъ; сидятъ они въ кофейныхъ ягодахъ (которыя

впрочемъ нѣкоторыми ботаниками несправедливо называются бобами) другъ противъ друга, прилегая одно къ другому своими плоскими поверхностями.

Обыкновенно сперва кофе сѣется въ питомникахъ, откуда не раньше, какъ черезъ полгода, разсаживаютъ его въ предназначенную для него почву. Хотя кофейное деревцо приноситъ плоды даже на второй годъ, но настоящій сборъ сѣмянъ наступаетъ только на четвертомъ или пятомъ году.

Въ Вестъ-Индіи кофейныя деревья сажаются рядами, на разстояніи одно отъ другаго около сажени, чтобы работники могли снимать съ нихъ плоды, безъ вреда самимъ деревьямъ. Сборъ хорошихъ плодовъ рѣдко продолжается дольше десяти или двѣнадцати лѣтъ, послѣ чего кофейные кусты или срѣзываютъ по самый корень, или замѣняютъ новыми.

Сборъ ежегодно начинается обыкновенно въ декабрѣ, и продолжается до февраля мѣсяца. Въ началѣ онъ обильнѣе, такъ-что негръ сперва доставляетъ въ день до трехъ плоскихъ корзинъ плодовъ, потомъ по двѣ и наконецъ только по одной.

По снятіи этихъ такъ называемыхъ кофейныхъ вишенъ, приступаютъ къ отдѣленію ихъ сѣмянъ отъ окружающей ихъ мясистой мякоти. Для этого отдѣленія существуетъ нѣсколько способовъ, изъ которыхъ я опишу только два, наиболѣе употребительные. Одинъ изъ этихъ способовъ состоитъ въ томъ, что кофейные плоды раздробляютъ между двумя цилиндрами; для размягченія же и легчайшаго отдѣленія мякоти отъ самыхъ зеренъ, плоды мочатъ втеченіе сутокъ въ водѣ. По отдѣленіи мякоти, сѣмяна раскладываютъ тонкимъ слоемъ по какой-нибудь ровной поверхности, гдѣ ихъ и сушатъ. Въ прикосновеніи съ воздухомъ, кофе обыкновенно принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ. Впрочемъ вышеописанный способъ не совсѣмъ удобенъ, потому-что моченіе плодовъ отнимаетъ у кофейныхъ зеренъ часть ароматическихъ веществъ, которыя растворяются въ водѣ. При другомъ способѣ отдѣленія кофейныхъ сѣмянъ, плоды тотчасъ же, по снятіи ихъ съ деревьевъ, идутъ въ особенную, нарочно для этого устроенную, воронкообразную машину, въ которой отдѣляется ихъ наружная мясистая оболочка отъ зеренъ, послѣ чего они немедленно сушатся на солнцѣ: при чемъ тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не захватилъ ихъ дождь.

Въ Аравіи кофейнымъ плодамъ даютъ вполнѣ вызрѣвать; для чего оставляютъ ихъ на деревьяхъ, пока они не спадутъ и не высохнутъ сами собою. Кофе, полученный такимъ образомъ, отличается сильнымъ ароматомъ, значительной величиною, бо́льшимъ содержаніемъ питательныхъ началъ и желтоватымъ цвѣтомъ. Коф. дерево растетъ при средней температурѣ около +17° по Реомюру, при томъ условіи, чтобы крайняя температура была не ниже +10°, слѣдова-

тельно не можетъ переносить большаго жара, и въ тропическихъ странахъ обыкновенно принимается въ тѣни другихъ деревьевъ.

Судя по теплотѣ, необходимой для произрастанія этого растенія, надо полагать, что оно съ успѣхомъ можетъ быть разводимо, по крайней мѣрѣ, до 30° широты. Дѣйствительно, оно и встрѣчается въ предѣлахъ этихъ широтъ, только не на прибрежныхъ плоскихъ полосахъ, а больше на возвышенныхъ, гористыхъ мѣстностяхъ. Чѣмъ мѣстность возвышеннѣе, тѣмъ мельче и вкуснѣе кофейныя сѣмяна. Впрочемъ они пріобрѣтаютъ лучшій ароматъ, или какъ говорится, дозрѣваютъ, отъ болѣе или менѣе продолжительнаго ихъ сохраненія. Улучшеніе качествъ даже низшихъ сортовъ долго лежавшаго кофе, полагаютъ, зависитъ отъ его доспѣванія. Это даетъ возможность небогатому классу покупателей пріобрѣтать кофе посредственныхъ сортовъ и улучшать его продолжительнымъ храненіемъ.

II. ДАВНОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ УПОТРЕБЛЕНІЯ КОФЕ.

Трудно съ достовѣрностію опредѣлить давность употребленія кофе. Открытіе полезныхъ свойствъ этого напитка и вступленіе его на служеніе человѣчеству, какъ и исторія многихъ другихъ открытій, теряются во мракѣ неизвѣстности.

Одни говорятъ, что въ Абиссиніи съ незапамятныхъ временъ былъ во всеобщемъ употребленіи напитокъ, приготовляемый изъ поджаренныхъ кофейныхъ сѣмянъ, и что будто бы въ IX вѣкѣ онъ былъ уже извѣстенъ въ Персіи. Другіе относятъ начало употребленія кофе къ позднѣйшимъ временамъ, основываясь на томъ, что о немъ не упоминалось ни у древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, ни въ другихъ рукописяхъ до XV столѣтія. Второе изъ этихъ предположеній заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія.

Впрочемъ объ открытіи свойствъ сѣмянъ кофейнаго дерева существуетъ нѣсколько разсказовъ. Если вѣрить одному изъ нихъ, то мы обязаны этимъ полезнымъ открытіемъ... кому бы вы думали, читатели?... козамъ. Вотъ какъ это случилось: въ счастливой Аравіи *, пастухи, пасшіе козъ, замѣтивъ однажды, что эти послѣднія, наѣвшись плодовъ кофейнаго дерева, становились гораздо бодрѣе и скакали и рѣзвились противъ обыкновенія не въ мѣру, сообщили свои наблюденія настоятелю ближайшаго мусульманскаго монастыря, который, убѣдившись въ дѣйствительности такого свойства кофе, ввелъ его въ употребленіе между дервишами **, какъ

---

* Счастливой Аравіей называется юго-западный берегъ Аравіи до Бабъ-эль-Мандэбскаго пролива.

** У мусульманъ дервиши—тоже, что у насъ—монахи; только они подраздѣляются на нѣсколько сектъ. Изъ этихъ послѣднихъ особенно замѣчательна секта

средство, которое разгоняетъ сонъ и можетъ подкрѣплять ихъ силы во время продолжительныхъ ночныхъ бдѣній. Въ другихъ разсказахъ это открытіе приписывается турецкому муллѣ (священнику) Халдели, который, неоднократно испытавъ на самомъ себѣ пріятныя ощущенія отъ кофе, не преминулъ распространить его между своими фанатиками-прихожанами.

Одна изъ арабскихъ рукописей, сохранившихся въ парижской библіотекѣ, относитъ первоначальное и всеобщее употребленіе кофе въ Іеменѣ, въ Аравіи, къ XV столѣтію, т. е. почти за четыре вѣка до настоящаго времени. Авторъ рукописи Абд-эль-Кадеръ по этому случаю разсказываетъ слѣдующее преданіе. Муфтій * Гемалединъ, жившій на южномъ берегу Аравіи, во время путешествія своего по западному берегу Краснаго моря, встрѣтилъ тамъ своихъ соотечественниковъ, употреблявшихъ кофе, самъ перенялъ отъ нихъ это обыкновеніе, убѣдившись опытомъ, что новый напитокъ очень полезенъ: прогоняетъ сонъ и облегчаетъ головную боль. Вскорѣ послѣ этого, кофе достигъ Мекки, и вошелъ во всеобщее употребленіе по всей Аравіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя новый губернаторъ, назначенный султаномъ въ Мекку, увидѣвъ здѣсь однажды, въ одной изъ главныхъ мечетей, дервиша, сидѣвшаго въ углу съ чашкой кофе, выгналъ его вонъ изъ храма, и немедленно собралъ совѣтъ изъ богослововъ, законовѣдовъ и важнѣйшихъ лицъ города. Совѣтники собрались, разсуждали долго. Споръ былъ жарокъ. Наконецъ одинъ изъ присутствовавшихъ провозгласилъ, что кофе, подобно вину, опьяняетъ, и что отвѣдавшій этого напитка отступаетъ отъ корана, запрещающаго все, что́ производитъ опьянѣніе, и долженъ подвергнуться опредѣленному закономъ числу ударовъ палками. Такое рѣшеніе разсмѣшило все собраніе, и произвело въ немъ совершенное разногласіе, такъ-что новый губернаторъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ рѣшенію врачей. Призванные для этого два персидскіе медика объяснили, что кофе вреденъ, почему всѣ запасы его были сожжены, и самая продажа подверглась запрещенію. Уличенныхъ въ употребленіи этого напитка повелѣно возить по городу на ослахъ, а дервиша, котораго губернаторъ засталъ съ нимъ въ мечети—подвергнуть наказанію. Однакожь это гоненіе на невинный напитокъ было вскорѣ прекращено, потому-что самъ султанъ былъ большой до него охотникъ; и ученые и вельможи, его окружавшіе, доказывали, что кофе совершенно безвреденъ и отнюдь не можетъ быть воспрещенъ кораномъ. Кофе начиналъ пріобрѣтать огромную извѣстность, а употребленіе его все болѣе и болѣе стало распростра-

---

вертящихся дервишей, которыхъ главныя богослужебныя отправленія состоятъ въ томъ, что они, при дикихъ возгласахъ, вертятся на своихъ мѣстахъ до изнеможенія.

* Старшій священнослужитель у мусульманъ, то же, что у насъ митрополитъ.

няться. Впрочемъ это гоненіе было не изъ послѣднихъ: безвредному напитку и послѣэтого неоднократно приходилось претерпѣвать разныя невзгоды, послѣ которыхъ число его потребителей обыкновенно возрастало поразительно.

Такъ, лѣтъ двадцать спустя, въ Каирѣ, резиденціи султана, появился какой-то фанатикъ, страшно вооруженный противъ кофе, который проповѣдывалъ, что тотъ, кто употребляетъ этотъ напитокъ, не можетъ быть вѣрнымъ исполнителемъ законовъ Магомета и хорошимъ мусульманиномъ. Однажды правовѣрные были такъ увлечены велерѣчіемъ своего проповѣдника, что, выйдя изъ мечети, стремглавъ бросились въ кофейные дома, разбили въ нихъ посуду и мебель, и нанесли немало непріятностей гостямъ. Буря разыгралась не на шутку. Городскіе жители раздѣлились на двѣ партіи; недалеко было и до междуусобій. Къ счастію, главный судья съумѣлъ прекратить распрю, предоставивъ рѣшеніе вопроса городскимъ ученымъ, которые подтвердили, что употребленіе кофе не только позволительно, но и полезно, и что это есть неопровержимая истина, уже давнымъ-давно признанная ихъ отцами и дѣдами. Затѣмъ предсѣдатель собранія ученыхъ торжественно взялъ первый чашку съ кофе, и угостилъ имъ потомъ всѣхъ присутствовавшихъ. Эта вторичная побѣда кофе опять доставила ему множество новыхъ поклонниковъ.

Понятно, что изъ Аравіи и Египта этому напитку нетрудно было распространиться и по сосѣднимъ державамъ, какъ европейской и азіятской Турціи, гдѣ онъ вскорѣ и вошелъ во всеобщее употребленіе. Въ 1554 году, въ Константинополѣ былъ открытъ первый кофейный домъ, снабженный мягкими диванами, одною изъ первыхъ потребностей восточной лѣни и апатіи. Въ немъ правовѣрные слушали сказки какого-нибудь краснобая, бесѣдовали между собою, играли въ шахматы, и пили кофе.

Этотъ вскорѣ пріобрѣвшій всеобщую любовь напитокъ былъ даже воспѣтъ однимъ изъ восточныхъ поэтовъ. Но и здѣсь суждено было кофе претерпѣвать неоднократныя гоненія, какъ отъ политическихъ, такъ и отъ религіозныхъ треволненій.

Вскорѣ духовенство, замѣтивъ, что число кофейныхъ домовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, и что они посѣщаются правовѣрными съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ мечети, пришло въ справедливое негодованіе на новый обычай, и обратилось съ жалобами на него къ муфтію. Муфтій порѣшилъ, что кофе есть напитокъ, противный ученію корана. Но новый муфтій вступился за кофе, и объявилъ себя его защитникомъ; его примѣру послѣдовали дворъ, духовенство и народъ. Это было послѣднее религіозное гоненіе на кофе.

Позже впрочемъ, кофейни нерѣдко были закрываемы по причинамъ политическимъ, потому-что замѣтили, что народъ сбираетъ-

ся въ нихъ судить и рядить о поступкахъ султана. Всѣ эти запрещенія обыкновенно ограничивались одной столицею, и не распространялись на частные домы.

Въ XVII вѣкѣ, почти черезъ полтораста лѣтъ отъ введенія кофе въ Аравіи, онъ такъ утвердился въ Турціи и Египтѣ, что его предлагали всякому гостю, и, какъ у насъ слуги получаютъ на водку или чай, такъ тамъ получаютъ они на кофе. Въ зажиточныхъ турецкихъ домахъ существовала даже особая прислуга для приготовленія кофе, и изданъ былъ указъ, по которому жена, получившая отъ мужа отказъ въ кофе, имѣла полное право съ нимъ развестись.

Что касается до распространенія кофе въ Европѣ, то, кажется, въ ней, за исключеніемъ Турціи, до XVII столѣтія ничего не было извѣстно объ этомъ напиткѣ. Полагаютъ, что первоначально онъ появился въ Венеціи. Въ 1660 году купцы, возвращавшіеся изъ Турціи въ Марсель, привозили кофе и приборы для его варки, и показывали ихъ публикѣ, какъ большую рѣдкость.

Во Франціи напитокъ этотъ распространился въ самое непродолжительное время: сначала въ частныхъ домахъ, а потомъ, въ 1672 г., была устроена арменіномъ Паскалемъ первая кофейня въ Парижѣ. Въ Марсели новый обычай встрѣтилъ въ лицѣ нѣсколькихъ лицъ и врачей упорное сопротивленіе; но всѣ попытки пресѣчь его распространеніе были здѣсь столь же безуспѣшны, какъ и въ Турціи.

Въ Англіи кофе вошелъ въ употребленіе немного раньше. Первый, привезшій его въ Великобританію, былъ богатый негоціянтъ изъ Смирны—Эдвардсъ. Пріѣхавшая съ нимъ греческая дѣвушка, приготовлявшая ему кофе, вскорѣ вышла замужъ за его кучера, и впослѣдствіи, съ мужемъ своимъ, открыла первый кофейный домъ въ Лондонѣ, въ 1652 году. Къ намъ обычай пить кофе, надо полагать, перешелъ, вмѣстѣ съ наплывомъ другихъ иноземныхъ обыкновеній, во времена Петра Великаго, а можетъ-быть и раньше. Впрочемъ въ нашемъ отечествѣ онъ встрѣтилъ сильнаго соперника въ употребленіи чая. Даже нынче, въ отдаленныхъ отъ Петербурга губерніяхъ и въ Сибири, простой народъ не имѣетъ и понятія о кофе.

III. СОРТЫ КОФЕ ВЪ ТОРГОВЛѢ.

Существуетъ множество сортовъ кофе, которые получаютъ свои названія преимущественно отъ мѣстъ ихъ произрастанія. Лучшимъ изъ нихъ считается кофе мокка, зерна котораго, обыкновенно различной величины, сѣровато-желтаго цвѣта, при жареніи даютъ сильный ароматъ. Между другими сортами кофе, наиболѣе употребительными въ нашей торговлѣ, можно назвать слѣдующіе: левантскій, мартиникъ высокій въ шелухѣ, мартиникъ аравійскій, порто-

*

рико, явва, бразильскій и пр. Всѣ эти сорты болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга по наружному виду и цвѣту; для распознанія ихъ необходимъ однакожъ навыкъ.

IV. ПРИГОТОВЛЕНІЕ КОФЕ.

Приготовленіе кофе вовсе не замысловато. Оно состоитъ въ томъ, что сѣмяна кофейнаго дерева сначала поджариваются, при температурѣ около 200°, въ закрытой кофейной жаровнѣ, и потомъ, размолотыя на кофейной мѣльницѣ въ порошокъ, кипятятся въ водѣ. Если при жареніи, кофе сильно обуглился, то говорятъ, что онъ пережженъ: въ этомъ случаѣ онъ пріобрѣтаетъ горькій, непріятный вкусъ. Нужно ли говорить, что такого чрезмѣрнаго поджариванія стараются избѣгать: для чего, конечно, необходимы осторожность и нѣкоторая снаровка.

К акъ скор жареніе окончено, кофе даютъ остынуть въ закрытой жаровнѣ, послѣ чего его тотчасъ слѣдуетъ укладывать въ хорошо закрытыя банки, чтобы возможно лучше сохранить его ароматъ: чѣмъ дольше лежитъ смолотый и сжаренный кофе, тѣмъ больше теряетъ онъ ароматныхъ веществъ, и долго залежавшійся молотый почти совсѣмъ негоденъ къ употребленію. Поэтому всегда лучше хранить его въ зернахъ и молоть ихъ уже передъ самымъ употребленіемъ. Послѣ поджариванія, онъ хотя и увеличивается въ объемѣ, но зато теряетъ въ вѣсѣ, и принимаетъ темнокоричневый цвѣтъ.

V. ДѢЙСТВІЕ КОФЕ.

Дѣйствіе кофе на нашъ организмъ, на сколько до сихъ поръ оно изслѣдовано, состоитъ въ возбужденіи мозга къ большей дѣятельности, утоленіи голода и успокоеніи тѣла. Онъ поддерживаетъ въ человѣкѣ бодрость, веселитъ и освѣжаетъ его; свойства эти, вѣроятно, дали поводъ къ самому его названію: кофе на арабскомъ языкѣ значитъ *бодрость*, *сила*. Кромѣтого кофе служитъ прекраснымъ врачебнымъ средствомъ противъ разслабленія, произведеннаго усталостію, употребленіемъ хмѣльныхъ напитковъ или опіумомъ, и противъ судорогъ. Вообще кофе здоровый напитокъ, и при хорошемъ состояніи желудка можно постоянно употреблять его. Обыкновенно пьютъ его послѣ ѣды, для облегченія пищеваренія. Опытомъ дознано, что лучше пить его тотчасъ же послѣ принятія пищи, чѣмъ по истеченіи нѣкотораго времени.

Изъ всего этого видно, что дѣйствіе кофе почти совершенно противоположно дѣйствію спиртныхъ напитковъ и веществъ наркотическихъ: тѣ усыпляютъ чувства и притупляютъ такимъ образомъ дѣятельность организма, междутѣмъ-какъ кофе возбуждаетъ и поддерживаетъ всеобщую энергію и дѣятельность въ нашемъ тѣлѣ,

которое становится чрезъ то болѣе способнымъ какъ къ физической, такъ и къ умственной дѣятельности. Поэтому-то онъ особенно полезенъ для работниковъ и людей, много путешествующихъ и преданныхъ усиленнымъ умственнымъ занятіямъ. *И. Штилке.*

155. Пробка.

I. изъ чего и какъ она изготовляется?

Между разнообразными предметами, составляющими потребность обыденной жизни, найдется не мало такихъ, на которые, быть можетъ, именно по ихъ общеупотребительности, никто не обращаетъ особеннаго вниманія; это случается въ особенности, когда они не привлекаютъ взора ни изяществомъ формъ, ни роскошью красокъ, ни другою какою-либо рѣзкою на первый взглядъ особенностію. Между тѣмъ такое невниманіе бываетъ нерѣдко вовсе незаслуженное; случается часто, что эти-то незначительные, мало говорящіе чувствамъ предметы имѣютъ важное значеніе въ глазахъ того, кто умѣетъ осмыслить ихъ, и тогда приходитъ весьма кстати старинная поговорка: *наружность нерѣдко обманчива.* Къ такимъ общеизвѣстнымъ, а потому мало знакомымъ предметамъ, которые на первый взглядъ кажутся едва заслуживающими вниманія, принадлежитъ и *пробка.*

Всѣмъ извѣстно, что пробка получается изъ коры пробковаго дуба; она имѣетъ разнообразное практическое употребленіе, и по всей справедливости принадлежитъ къ полезнѣйшимъ для человѣка предметамъ.

Уже древніе греческіе и римскіе писатели, Теоѳрастъ, Плиній, Варронъ, говоря о полезности пробки, упоминаютъ, что уже въ ихъ время употребляли ее такъ же, какъ и теперь; греки и римляне предназначали ее въ особенности для подошвъ; кажется, что въ древности изъ этого вещества приготовляли меньше бутылочныхъ пробокъ, чѣмъ въ наше время, что̀ находится, безъ сомнѣнія, въ связи съ позднѣйшимъ примѣненіемъ стекла къ изготовленію бутылокъ.

Пробковый дубъ (Quercus suber) произрастаетъ дико въ южныхъ странахъ Европы: Италіи, Испаніи, Португаліи и южной Франціи; въ природномъ своемъ отечествѣ онъ составляетъ обширные лѣса въ смѣшеніи съ другими деревьями; иногда играетъ онъ по количеству главную роль между ними, и достигаетъ 30 — 40 футовъ вышины. Это — вѣчнозеленыя деревья, у которыхъ листья продолговато-яйцевидные, по краямъ пилообразно заостренные и оканчивающіеся острою верхушкою.

Стволъ пробковаго дуба вначалѣ гладокъ, но по достиженіи 12 — 15-ти-лѣтняго возраста, поверхность его становится шероховатою и щелястся. Въ это-то время приступаютъ къ облупливанію

пробки; въ первый разъ снятая съ дерева пробка бываетъ посредственнаго качества, но несмотря на то, ее облупливаютъ, потому-что послѣ этого, какъ показалъ опытъ, образуется лучшій продуктъ. По прошествіи 8 — 10 лѣтъ, новый пробковый слой пріобрѣтаетъ достаточную толщину, а потому снимается снова, что можно повторять постоянно чрезъ ровные промежутки времени. Пробка, снятая съ дерева въ третій разъ, считается лучшею. Поэтому, если деревья облупливаются не въ опредѣленный срокъ, какъ напр. въ Сардиніи, то хотя пробковый слой становится все толще и толще, но тогда только внутренняя часть его доставляетъ хорошій продуктъ, называемый туземцами *женскою пробкою,* верхняя же часть его сильно трескается, рвется, бываетъ гораздо тверже, и называется *мужескою* пробкою.

Облупливаніе пробки предпринимается въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Для этой цѣли употребляютъ топорикъ съ клинообразнымъ топорищемъ; этимъ орудіемъ разщепляютъ пробковый слой съ верху до корней и потомъ вверху и внизу производятъ кольцеобразные надрѣзы; сверхътого, смотря по толщинѣ ствола, дѣлаютъ еще 3 — 4 продольныхъ разрѣза; затѣмъ обухомъ топора ударяютъ по стволу, чтобы лучше отстала пробка, и, засунувъ клинообразное топорище между стволомъ и пробковымъ слоемъ, стараются отдѣлить послѣдній.

При этой операціи должно наблюдать, чтобы надрѣзы были производимы не слишкомъ глубоко, дабы вмѣстѣ съ пробкою не отдѣлить нижней, еще живой коры, въ которой пробка должна снова образоваться. Послѣ этой операціи кора, состоящая изъ различныхъ сочныхъ клѣточныхъ слоевъ, составляетъ на стволѣ внѣшнюю оболочку; въ окрестностяхъ Байонны называютъ ее *саломъ* (le lard), въ Италіи—*сорочкою* (camisa). Внѣшніе слои этой внутренней части коры, отъ дѣйствія на нихъ солнечныхъ лучей, засыхаютъ, принимая кирпичнокрасный цвѣтъ, что придаетъ только-что облупленнымъ деревьямъ странный видъ. Подъ этимъ засохшимъ внѣшнимъ слоемъ образуется потомъ новая кора, а на поверхности ея новый пробковый слой вышеизложеннымъ способомъ.

Полученныя при первой операціи длинныя полосы пробки изрѣзываются на меньшіе куски; края ихъ выравниваются ножомъ, а поверхность сглаживается скоблемъ. Затѣмъ пробковыя дощечки составляютъ въ кучи, кладутъ въ ручей, рѣку или прудъ, накладывая сверху тяжелые камни, дабы пробка сплющилась; наконецъ дощечки сушатъ на солнцѣ или надъ огнемъ, отъ чего пробка дѣлается тверже, принимая на поверхности своей темный цвѣтъ. Послѣднее бываетъ въ особенности въ Испаніи; напротивъ во Франціи пробка свѣтлѣе, мягче и упруже, слѣдовательно даетъ лучшія пробки.

Важность пробковаго дерева для обитателей тѣхъ странъ, гдѣ оно произрастаетъ, доказывается слѣдующимъ фактомъ: *Tyndale* (въ своемъ сочиненіи: The Jsland of Sardinia, London 1849) сообщаетъ, что въ одной части лѣса на островѣ Сардиніи, заключающей 85,000 пробковыхъ дубовъ, въ теченіе 21 года, кора съ нихъ была снята два раза; такъ-какъ каждое дерево даетъ болѣе двухъ пудовъ пробки, то въ сложности собрано ея около 185,000 пудовъ на сумму болѣе 600,000 р. сер.

II. КАЧЕСТВА ПРОБКИ.

Кому случалось закупоривать бутылки пробками, тотъ знаетъ, что пробковая ткань непроницаема для воды и воздуха. Причину этого свойства объяснить не трудно: вопервыхъ—плотною спайкою клѣточекъ, составляющихъ эту ткань, при чемъ нѣтъ мѣста для междуклѣточныхъ пустотъ, а вовторыхъ — упругостію ткани, особенно принявъ во вниманіе, что здѣсь клѣточки наполнены воздухомъ; такъ-какъ стѣнки пробковыхъ клѣточекъ вообще очень нѣжны и притомъ извилисты, то дѣйствительно эта ткань заключаетъ въ себѣ довольно пространства длятого, чтобы легко сжиматься и растягиваться, безъ разрыва стѣнокъ мелкихъ клѣточекъ.

Вотъ достаточныя причины, почему для предохраненія молодыхъ нѣжныхъ тканей отъ неблагопріятнаго непосредственнаго вліянія воздуха и почвы, для воспрепятствованія слишкомъ скораго испаренія содержащагося въ нихъ сока, и наконецъ для отвращенія ихъ погибели, что̀ неминуемо послѣдовало бы, если бы составныя части почвы приходили въ прямое сообщеніе съ внутренними частями корней и клубней, природа не нашла лучшаго средства, какъ облечь эти ткани пробковою перепонкою, т. е. слоемъ того самаго вещества, которое, какъ каждому извѣстно, всего лучше удовлетворяетъ вышеизложеннымъ цѣлямъ.

Кромѣ непроницаемости, пробка отличается еще другимъ полезнымъ свойствомъ. Извѣстно, что многіе носятъ сапоги или башмаки на пробковой подошвѣ; извѣстно также, что пробковыми пластинками обшиваютъ внутреннія стѣны домовъ въ суровомъ климатѣ, и судовъ, предназначаемыхъ для полярныхъ экспедицій. Все это дѣлается потому, что пробка, какъ показалъ опытъ, составляетъ весьма дурной проводникъ теплоты. Въ самомъ дѣлѣ, природа одѣла деревья въ пробковый покровъ еще и потому, что онъ защищаетъ ихъ лѣтомъ отъ палящаго зноя, а зимою отъ губительнаго вліянія холода, безъ чего, конечно, многія деревья должны бы были погибнуть. Эта худая теплопроводимость объясняется весьма просто; для защиты жилищъ отъ стужи, мы вставляемъ двойныя оконныя рамы на томъ основаніи, что, согласно съ опытомъ, нѣтъ худшаго проводника теплоты, какъ запертый, а потому неподвиж-

ный слой воздуха. А такъ-какъ пробка состоитъ изъ множества такихъ воздушныхъ слоевъ, заключенныхъ въ клѣточныя перепонки, то неудивительно, что вслѣдствіе этого теплота нимало не распространяется.

Но кромѣ этихъ свойствъ, придающихъ пробкѣ значеніе охраннаго покрова растеній, есть еще *одно,* второстепенное или вовсе неважное въ растительномъ процессѣ свойство, но которое человѣкъ съумѣлъ употребить въ свою пользу: мы разумѣемъ *легковѣсность* пробки. Дѣйствительно, немногія вещества могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ пробкою и доставлять такой отличный матеріялъ для изготовленія разнаго рода поплавковъ, столь необходимыхъ въ рыболовствѣ, далѣе—снарядовъ для плаванія и т. п. Удѣльный вѣсъ пробки приблизительно = 0, 20, т. е. при равномъ объемѣ она имѣетъ около $^1/_5$ вѣса воды. Не смотря на то, вещество, составляющее стѣнки пробковыхъ клѣточекъ тяжелѣе воды, въ чемъ легко можно удостовѣриться, погружая весьма тонкіе разрѣзы пробки въ воду: спустя нѣкоторое тремя, они спустятся въ ней на дно. Главнѣйшая причина, обусловливающая легковѣсность пробки, есть воздухъ, заключенный въ полости ея клѣточекъ. Пара пузырей, наполненныхъ воздухомъ, поддерживаетъ на водѣ человѣка; тоже самое производятъ милліоны мельчайшихъ, наполненыхъ воздухомъ пузырьковъ, или клѣточекъ, составляющихъ пробку. Слѣдовательно и пробка представляетъ намъ убѣдительное доказательство, что точное, научное пониманіе предметовъ знакомитъ насъ въ тоже время съ причинностію сопровождающихъ ихъ явленій.

Во всякой пробкѣ встрѣчаются однако партіи менѣе упругаго и мягкаго вещества, чѣмъ прочая ткань, и отличающіяся отъ нея кромѣтого темнымъ красновато-бурымъ цвѣтомъ. Изслѣдованія показали, что эти партіи состоятъ изъ группъ еще болѣе мелкихъ клѣточекъ, имѣющихъ впрочемъ весьма толстыя стѣнки. Эти клѣточки, будучи рыхло сплочены между собою, легко распадаются; уже для простаго глаза онѣ часто кажутся коричневымъ порошкомъ, наполняющимъ большія или меньшія полости, изъ которыхъ онъ впослѣдствіи изчезаетъ. Очевидно, что отъ этого плотность пробки уменьшается; вообще пробка бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ меньше въ ней этихъ твердыхъ, красновато-бурыхъ пятенъ.

156. Л е н ъ.

Ленъ извѣстенъ каждому изъ насъ; мы знаемъ, что изъ посѣянныхъ въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ его мелкихъ, блестящихъ сѣмянъ, быстро выростаютъ тонкіе, стройные, съ вѣтвистыми вершинами стебли, густо покрытые ланцетовидными листьями, а на вершинѣ ихъ появляются лазуревые, кратковременные цвѣтки, по опа-

деніи которыхъ тотчасъ появляются бурыя коробочки, указывающія, что на третій или четвертый мѣсяцъ послѣ своего возраста, растеніе можетъ быть снято для полученія волоконъ, доставляющихъ одинъ изъ важнѣйшихъ матеріяловъ для одежды.

Главнѣйшій продуктъ льна составляютъ длинныя, упругія волокна, проходящія по клѣтчатой ткани стебля. Волокна эти такого же строенія, какъ и древесный лубъ (напр. липовый), или волокна конопли, новозеландскаго льна и многихъ другихъ растеній, доставляющихъ матеріялъ для одежды. Подъ микроскопомъ льняныя волокна кажутся весьма длинными, трубчатыми ячейками, съ очень толстыми стѣнками, состоящими изъ нѣсколькихъ оболочекъ, расположенныхъ внутри и вдоль первоначальной оболочки. При обработкѣ льна, клѣточки луба отдѣляются отъ волоконъ. Менѣе важнымъ значеніемъ относительно своего примѣненія въ общежитіи, однако всетаки довольно большимъ, пользуется льняное сѣмя, котораго масло (льняное) употребляется во многихъ отрасляхъ промышленности и въ медицинѣ.

Ленъ принадлежитъ къ растеніямъ умѣреннаго климата. Разведеніемъ его занимаются въ Европѣ, сѣверной Африкѣ, умѣренной Азіи (тамъ, гдѣ горы не уменьшаютъ теплоты климата) и на восточной сторонѣ сѣверной Америки; въ южномъ полушаріи разведеніе льна весьма скудно, въ жаркомъ поясѣ оно также незначительно; ленъ сѣется тамъ болѣе для полученія масла, какъ напр. на Деканской плоской возвышенности. Сѣвернымъ предѣломъ воздѣлыванія его въ Европѣ служитъ въ Норвегіи 65°, въ Швеціи и Россіи 64°. На Альпахъ разведеніе льна простирается до 5500 футовъ надъ морскою поверхностію.

Внутри этой области распространенія льна находятся извѣстныя пространства, въ которыхъ воздѣлываніе его весьма значительно; въ другихъ же напротивъ того, оно маловажно. Наиболѣе значительный округъ составляютъ юговосточныя страны Балтійскаго моря (Россія и Прусія); необыкновенно важный вывозъ производится здѣсь чрезъ Ригу, Ревель, Либаву, Перновъ и Петербургъ; большая часть сѣверной Европы, преимущественно Англія, получаютъ изъ этой кладовой ленъ какъ сырой, такъ и обработанный *. Бельгія, Голландія и часть Франціи образуютъ второй округъ. Третій округъ составляетъ Египетъ, снабжающій льномъ большую часть странъ Средиземнаго моря. Безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, что ленъ разводится съ равнымъ успѣхомъ какъ въ знойномъ Египтѣ, такъ и въ холодныхъ странахъ Россіи до 64° шир.; но мы можемъ объяснить себѣ это явленіе, если припомнимъ, что ленъ при-

* Изъ Россіи, въ 1857 году, вывезено было льна 4.610,067 пуд.
По европейской торговлѣ 4.609,976 пуд. на 15.134,049 р. с.
По азіятской торговлѣ . . . 91 » » 198 » »

надлежитъ къ такимъ растеніямъ, которыхъ жизнь продолжается не долго, и что поэтому онъ составляетъ на сѣверѣ предметъ лѣтняго, а въ Египтѣ зимняго воздѣлыванья. Въ послѣдней странѣ ленъ сѣется въ декабрѣ или январѣ, вслѣдъ затѣмъ, какъ вода Нила покидаетъ поля, и собирается въ апрѣлѣ или маѣ; на сѣверѣ посѣвъ его бываетъ въ апрѣлѣ или маѣ, жатва въ августѣ или сентябрѣ. Разность температуры въ той и другихъ странахъ въ періодъ роста льна не очень значительна.

Въ жаркомъ поясѣ, а частію и въ странахъ, лежащихъ подлѣ тропика, ленъ замѣняется различными другими растеніями, доставляющими матеріялъ для одежды, особенно же хлопчатою бумагою; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ замѣняется другими продуктами, напр. въ тропической Америкѣ ананасомъ и агавою, которыхъ листья заключаютъ въ себѣ крѣпкія волокна,—въ Китаѣ, Японіи и на островахъ Южнаго океана волокнами бумажнаго тутоваго дерева, въ Новой Зеландіи такъ называемымъ новозеландскимъ льномъ, въ Новой Голландіи волокнами melaleuca linarifolio. Въ умѣренномъ поясѣ, кромѣ льна, матеріялъ для одежды доставляется также и коноплею.

О разведеніи и употребленіи льна мы имѣемъ свѣдѣнія съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Во второй книгѣ Моисея говорится, что градъ побилъ ленъ и ячмень въ то время, когда Моисей тщетно пытался убѣдить Фараона дозволить выдти израильтянамъ изъ Египта. Египетскія муміи окутаны полотномъ; слѣдственно онѣ служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ употребленія льна въ самыя древнія времена. Существуетъ извѣстіе, что жрецы Изиды носили одежды изъ льна: ибо шерсть, растущая на тѣлѣ животнаго, не составляетъ столь чистаго вещества, какъ ленъ, который производится землею, и потому почитался болѣе приличнымъ для жрецовъ.

Ленъ употреблялся римлянами для выдѣлки холста и корабельныхъ парусовъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; разведеніе его въ Италіи подтверждается Плиніемъ и другими сельскохозяйственными писателями. Въ древнѣйшія времена мѣховая одежда, служившая для непосредственнаго покрова тѣла, была болѣе обыкновенна, нежели полотно; но во времена императоровъ употребленіе полотна вошло уже во всеобщее употребленіе. «Почему въ ежедневной жизни не употребляется ленъ?» спрашиваетъ Плиній въ I вѣкѣ по Р. Х. Замѣчательно, что ленъ и холстъ извѣстны были повсюду къ сѣверу отъ Альпъ; Плиній сообщаетъ объ употребленіи холста галлами и германцами, упоминая, что непріятели галловъ на другой сторонѣ Рейна, батавцы, употребляли холстъ для одежды, и что женщины ихъ не знали одеждъ лучше полотняныхъ (точно такъ, какъ и женщины въ Нидерландахъ въ новѣйшее время).

Плиній, упоминая въ своей «Естественной Исторіи» о льнѣ обращаетъ вниманіе на то чудо, что изъ такого малаго сѣмени развивается громадная сила; что существуетъ растеніе, сближающее

Египетъ съ Италіею (ибо отъ торговли льномъ преимущественно зависятъ мореплаваніе и торговля); но въ тоже время приходитъ въ негодованіе, что человѣкъ, соединивъ нѣсколько парусовъ на суднѣ, дерзко вступилъ въ борьбу съ природою; онъ проклинаетъ того, кто изобрѣлъ мореплаваніе, а равно и тѣхъ, кто сдѣлался причиною, что человѣкъ умираетъ не только на землѣ, но даже и на морѣ, гдѣ онъ лишается погребенія; въ скоромъ ростѣ льна и стараніи, съ которымъ послѣдній воздѣлывается, онъ находитъ доказательство того, что человѣкъ самъ способствуетъ своему несчастію.

Если бы Плиній жилъ въ наше время, то это чудо поразило бы его еще болѣе: онъ увидѣлъ бы, что изъ малаго сѣмени получается продуктъ, не только одѣвающій народы и ведущій корабли по морямъ, но что даже лохмотья льняной одежды получаютъ еще большую важность, ибо изъ нихъ получается продуктъ, который не только переноситъ мысли одного человѣка къ другому, но отъ одного лица къ цѣлымъ тысячамъ и милліонамъ, распространяетъ познанія и просвѣщеніе между различными, многочисленными племенами, и приноситъ нашимъ антиподамъ евангельское слово. Можетъ быть, Плиній и нашелъ бы что сказать о тѣхъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ, которыя распространяются въ мірѣ бумагою,—этого я не берусь рѣшить положительно; однакожъ сомнѣваюсь въ послѣднемъ, ибо мнѣ кажется, что бумага уничтожила бы его ограниченные взгляды на вещи, какъ это нерѣдко случается съ новѣйшими естествоиспытателями.

V. ОТНОШЕНІЕ ПРЕДМЕТА КЪ МЫШЛЕНІЮ.

157. О ф е н и.

Нѣкоторые уѣзды владим. губерніи населены тѣми промышленниками, которые въ разныхъ мѣстахъ Россіи носятъ разныя названія [1]. Въ большой части случаевъ они извѣстны подъ общимъ прозваніемъ *офеней, ходебщиковъ*, *корабейщиковъ*, *разнощиковъ;* въ Малороссіи называютъ ихъ *варягами*, въ Бѣлоруссіи—*маяками,* на сѣверѣ Великой Россіи—*торгованными,* въ Сибири—*суздалами*, на Кавказѣ—*вязниковцами*; сами себя зовутъ они *мазыками* [2]. Селеніями своими они преимущественно групируются въ вязниковскомъ и ковровскомъ уѣздахъ владимірской губерніи, очень мало ихъ въ шуйскомъ, почти нѣтъ въ гороховецкомъ, и положительно нѣтъ въ суздальскомъ. Торгуютъ они образами, книгами, краснымъ товаромъ, сыромъ, каперсами, калбасами—всѣмъ тѣмъ, что успѣло залежаться и прогнить въ московскихъ лавкахъ Ильинскаго ряда, всѣмъ тѣмъ, на что́ падокъ и помѣщикъ, и деревенская дѣвка и баба, и сель-

скій попъ, въ чемъ нуждается и богатый и грамотный крестьянинъ, и щеголиха-поподья, и помѣщица, и волостная писарша, и почтальонша и проч. Длятого, чтобы крупнѣе обманывать и легче для своихъ работниковъ (темнѣе для покупщиковъ) объяснять всѣ тонкости надувательства, у купцовъ этихъ существуетъ особый языкъ—офенскій. *С. Максимовъ.*

Объяснительное чтеніе.

1. Кто населены? Что разумѣютъ подъ словами: *уѣздъ* и *губернія*? Какъ называется нашъ уѣздъ и наша губернія? Чѣмъ разнится уѣздъ отъ губерніи? Кѣмъ населены уѣзды влад. губ? Какими промышленниками? Итакъ что узнали мы изъ прочтеннаго? Сами собою мы узнали, что есть промышленники въ уѣздахъ влад-губ.? Конечно, нѣтъ; мы узнали про то отъ г. Максимова, которому принадлежитъ прочтенная нами статья. Какъ, вы думаете, онъ-то, самъ, узналъ это, или тоже отъ другихъ? Да, онъ самъ узналъ, а не отъ другихъ: въ 1855 году, по его словамъ, онъ нарочно ѣздилъ туда, осматривалъ эти уѣзды, узналъ про этихъ промышленниковъ, о которыхъ и написалъ прочтенное нами. Значитъ, онъ узналъ про промышленниковъ не тѣмъ способомъ, какимъ мы узнали про нихъ: онъ самъ былъ на ихъ мѣстахъ, осматривалъ ихъ, а мы прочитали у него. И про все другое мы узнаемъ или сами, или отъ другихъ. Выходитъ, у насъ есть два пути, два способа узнавать предметы: мы можемъ узнать что-нибудь или сами лично, или посредствомъ другихъ. Напр. знаете ли, чѣмъ занимается вашъ отецъ, вашъ взрослый братъ и т. д.? Вы говорите, мой отецъ торгуетъ въ лавкѣ, мой шьетъ платье, мой служитъ въ судѣ, въ присутственномъ мѣстѣ: отъ кого вы это знаете? Вы сами видите, что они дѣлаютъ,—сами узнали ихъ занятія, а не отъ другихъ, ничьего посредства тутъ не было: значитъ, вы узнали это тѣмъ самымъ способомъ, какимъ г. Максимовъ узналъ про промышленниковъ пк. уѣзд. влд. губ.—А если вашъ товарищъ—сосѣдъ скажетъ вамъ, что отецъ его управляющій имѣніемъ, а другой скажетъ, что братъ его пишетъ образа, то про отца и брата товарищева вы узнали уже не сами собой, а посредствомъ разсказа товарища, стало, тѣмъ самымъ способомъ, какъ мы теперь узнали о тѣхъ промышленникахъ, о которыхъ пишетъ г. Максимовъ. Прикиньте это ко всему, что вы знаете, и вы вездѣ увидите, что мы доходимъ до познанія однимъ изъ этихъ двухъ способовъ.

Тотъ способъ познанія, которымъ мы узнаемъ предметы посредствомъ другихъ, черезъ другихъ, отъ другихъ, называютъ *посредственнымъ*, а тотъ, которымъ узнаемъ предметы мы сами собою, безъ всякихъ посторонниихъ посредниковъ, называютъ *непосредственнымъ*.

Посмотримъ-те же, какъ мы познаемъ предметы способомъ непосредственнымъ. Какъ вы узнаете, когда нашъ урокъ кончится, и мы должны разстаться?—Вы слышите звонокъ, вы смотрите на часы; въ такомъ случаѣ отъ другихъ ли вы узнаете пору—кончить урокъ? Конечно, вы сами узнаете, но какъ? Кто вамъ послужилъ къ этому?—Да, уши и глаза вамъ помогли въ этомъ: чтобъ по звону колокольчика узнать конецъ урока, нужно было услышать звуки колокольчика, нужно было, чтобъ звуки эти дошли до вашего слуха и подѣйствовали на вашъ органъ. А какое чув-

ство послужилось вамъ, когда вы узнали конецъ урока по часамъ? Значитъ, и тутъ предметъ подѣйствовалъ на ваши глаза. Итакъ, чтобы узнать самому что-нибудь, надобно стать къ предмету такъ, чтобы онъ дѣйствовалъ на наши чувства, и именно на то чувство, на которое онъ можетъ дѣйствовать. Когда предметъ дѣйствуетъ на чувства наши, тогда онъ производитъ впечатлѣніе, которое сознаетъ душа наша, и сохраняетъ его въ себѣ даже и тогда, когда предметъ совсѣмъ скроется отъ насъ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ остается въ душѣ все то, какимъ показался для насъ предметъ. Чтобъ вышло это попонятнѣе для васъ, сдѣлаемъ-те простой опытъ съ сюргучомъ,—растопивши его на свѣчкѣ, накапаемъ на бумагу, и тутъ же приложимъ крѣпко печать или другую какую вещь: что мы примѣтимъ тогда на остывшемъ сюргучѣ? Да, мы найдемъ то, что было на печаткѣ, найдемъ вѣрный оттискъ того, что изображено на печати, и именно только тою стороною, какой вы прикладывали печать: вотъ, подобно этому, предметы своими свойствами отпечатываются, оттискиваются въ нашей душѣ. Отпечатокъ, оттискъ такой съ предмета въ душѣ называется *представленіемъ*, потому-что ставитъ передъ нашимъ сознаніемъ образъ предмета такъ, какъ онъ показался, или какъ онъ произвелъ впечатлѣніе. Если мы можемъ ясно представлять предметъ, т. е. отличаемъ его отъ другихъ вѣрно, то мы *знаемъ* предметъ.

2. Вотъ сколько различныхъ названій, а все для одного предмета! отчего это? Сейчасъ мы съ вами говорили, что въ представленіяхъ нашихъ остается именно то, какимъ показался предметъ; а поэтому можно рѣшить, отчего однимъ и тѣмъ-же лицамъ, промышленникамъ влад. губ., надавали столько различныхъ названій: въ одномъ мѣстѣ промышленники эти показались тѣмъ, что ходятъ съ товарами по дворамъ и по деревнямъ,—въ представленіи осталось ихъ *ходьба*, и назвали ихъ *ходебщиками*; въ другомъ мѣстѣ они показались съ *коробами*, въ которыхъ хранятся товары, и вотъ въ представленіи людей остались ихъ короба, и назвали ихъ *коробейщиками* и т. д. Отсюда видно, что мы всегда представляемъ предметы, какъ они намъ кажутся, какою стороною они подѣйствуютъ на наши чувства. При этомъ обратите вниманіе еще на то, что подъ «*ходебщикъ*», *коробейщикъ*, *разнощикъ* мы представляемъ не одно какое-нибудь лицо, напр. Н. В. Тимофеева что-ли, который намъ продаетъ и живетъ въ Пуревѣ въ крайнемъ дворѣ, но всякаго, кто промышляетъ такого рода торговлей: значитъ, въ представленіи нашемъ отпечатываются не одни признаки предмета, которые собственно ему одному принадлежатъ, но и признаки, общіе со всѣми другими: отсюда выходитъ, что въ иномъ представленіи своемъ мы носимъ образъ одного только, совершенно отдѣльнаго предмета (напр. С. Максимовъ, который написалъ эту статейку, да еще прекраснѣйшую книгу «Годъ на Сѣверѣ»), а въ другомъ носимъ образъ всего общаго и сходнаго во многихъ предметахъ, такъ-что этому послѣднему представленію соотвѣтственнаго особеннаго предмета нѣтъ въ цѣломъ мірѣ (напр. писатель, путешественникъ, птица, животное и т. п.).

То представленіе, которое служитъ образомъ (оттискомъ) единичнаго, отдѣльнаго предмета, называется собственно *представленіемъ*,—или представленіемъ особеннымъ, единичнымъ; а то, которое служитъ оттискомъ чего-нибудь общаго въ предметахъ, называется *понятіемъ*, или *представленіемъ общимъ*.—Первое по происхожденію своему, очевидно, ранѣе послѣдняго.

Одно представленіе мы можемъ соединять съ другимъ въ умѣ своемъ,—когда мы соединяемъ ихъ такъ, что всякому видно, какъ мы думаемъ о предметѣ, тогда значитъ, мы судимъ о предметѣ,—и такія сочетанія представленій зовутся *сужденіями*, или просто *мыслями*.

Во всякомъ сужденіи находится два представленія: представленіе о предметѣ (1. нѣкр. уѣзды влад. губ. —2. они) и представленіе о признакѣ (населены.... 2. въ больш. ч. извѣстны).—Укажите въ послѣдующихъ мысляхъ *составъ сужденія*.

158. Сказка о набитомъ дуракѣ.

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитой. И бывало нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ: бывало, куда дуракъ срядится идти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гуменъ, и увидалъ, молотятъ горохъ, и закричалъ: «молотить вамъ три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери, и вопитъ: «матушка, матушка! нынѣ били хохла*, колотили хохла!» — Тебя что ль, дитятко?— «Да.» — Зачто?«Вотъ я шелъ мимо дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные.»—Ты что же, дитятко? «Да я имъ прогутарилъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они зато меня и прибили.» — Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: возить вамъ-не перевозить, носить-не переносить, таскать-не перетаскать! Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ покойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленье, зашумѣлъ въ превеликій голосъ: «носить вамъ—не переносить, таскать—не перетаскать!» Опять отдули его! Дуракъ воротился къ матери, и разсказалъ ей, зачто его прибили. «Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдетъ ему навстрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поровнялась: «канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телеги, и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: «охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!»—Зачто, дитятко? Дуракъ разсказалъ ей, зачто прибили. Мать сказала: «ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ.»—Спасибо тебѣ, матушка моя! И ушелъ опять на село, да взялъ съ собою дудочку. Вотъ на концѣ села занялся овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда;

---

* Этимъ именемъ называютъ малороссіянъ.

забѣжалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку.

И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами, и разсказалъ, зачто его побили. Мать ему сказала: ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними.» Чрезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда, и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери, и разсказалъ, зачто его били. Мать заклялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

159. Внѣшнія чувства.

I. У кого чувства могутъ быть органами познанія?

О существованіи предметовъ внѣшней природы и своего тѣла животное получаетъ понятіе помощію пяти органовъ чувствъ; они составляютъ тѣ орудія, которыми оно видитъ, слышитъ, обоняетъ и т. д. Чтобы отчетливо воспринять въ себя внѣшнія впечатлѣнія, мыслящее или только чувствующее существо должно быть побуждаемо своею волею видѣть и слышать; ибо погруженные въ созерцаніе привлекающаго насъ предмета и сильно занятые какою нибудь мыслію, мы часто не замѣчаемъ и не слышимъ того, что́ происходитъ вокругъ насъ, не узнаемъ ближайшаго нашего знакомаго, который стоитъ передъ нашими глазами; и тогда только узнаемъ его, когда обратимъ вниманіе наше на него, что̀ уже есть дѣйствіе воли. И такъ *чувства могутъ быть органами только существа, одареннаго волей.*

II. Какое значеніе имѣютъ большой мозгъ и нервы?

Извѣстно, что жизненное начало, которое даетъ жизнь животному организму, и называется душою, а въ своей высшей мыслительной дѣятельности — духомъ, находится въ большемъ мозгѣ; ибо здѣсь развивается мышленіе и воля, и здѣсь воспринимаются всѣ впечатлѣнія внѣшней природы. Животныя, стоящія на низшей степени развитія, только чувствуютъ и воспринимаютъ впечатлѣнія, высшія животныя уже способны составлять представленія; но одинъ только мыслящій человѣкъ подвергаетъ свои впечатлѣнія, чувства и мысли анализу, изъ котораго составляетъ идеи. Всякое мышленіе и уразумѣніе, всякое воспринятіе и желаніе въ живомъ существѣ совершается въ мозгѣ, откуда исходитъ и собственная

дѣятельность, дѣйствующая на внѣшнюю природу органами тѣла; изъ этого слѣдуетъ, что мозгъ, какъ исходная точка мышленія, желанія и жизненной дѣятельности, для совершенія воли особи имѣетъ органы, дѣйствующіе на прочія части тѣла. Органы, которыми живое существо дѣйствуетъ на внѣшнюю природу, приводитъ въ движеніе части своего тѣла, и ими управляетъ, и принимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра — органы эти называются *нервами*. Нервы берутъ свое начало въ мозгѣ, и оттуда, подобно растенію, развѣтвляются по всему организму, по всѣмъ частямъ тѣла. Каждое чувство имѣетъ свои собственные нервы, которыми оно принимаетъ впечатлѣнія внѣшней природы, и по своему свойству ощущаетъ полученныя впечатлѣнія: такъ зрительный (оптическій) нервъ воспринимаетъ и возбуждаетъ только лишь свѣтъ, ощущеній осязанія въ немъ рѣшительно нѣтъ. Нервы этисъ быстротою молніи доводятъ всѣ впечатлѣнія до мозга, гдѣ они воспринимаются и сознаются душою; приводить всѣ впечатлѣнія въ мозгъ есть назначеніе нашихъ нервовъ.

III. НЕРВЫ ЧУВСТВЪ КАЧЕСТВЕННО РАЗЛИЧНЫ.

Нервы чувствъ качественно различны между собою. Ни одинъ нервъ не принимаетъ на себя отправленія другаго чувства, а служитъ только своему органу. Съ поврежденіемъ нерва какого-нибудь чувства, перестаетъ дѣйствовать органъ, и не доводитъ уже никакихъ впечатлѣній до мозга. Коль скоро нервъ глаза поврежденъ или перерѣзанъ, то глазъ слѣпнетъ. Но глазъ съ своими нервами, не смотря на свое нормальное, т. е. здоровое состояніе, все-таки ослѣпнетъ, если повреждены полушарія головнаго мозга, черезъ которыя проходятъ ощущенія свѣта, полученныя отъ здоровыхъ глазныхъ нервовъ, къ центру мозга; въ этомъ собственно и состоитъ сущность зрѣнія. Точно также прекращается дѣятельность и прочихъ чувствъ, коль скоро повреждены хоть нѣкоторые изъ нервовъ, не смотря на то, что остальные могутъ быть и здоровы.

Что каждый нервъ чувства имѣетъ свое особенное отправленіе, доказывается тѣмъ, что анатомъ, уничтожая одинъ чувственный нервъ, нисколько не повреждаетъ другихъ. Если глазной нервъ перерѣзать, то глазъ теряетъ способность видѣть; но не смотря на то, чувство осязанія вполнѣ сохраняется, т. е. остается способность воспринимать боль, щекоту, тепло и холодъ, лишь бы только нервы чувства осязанія были здоровы. Когда нервы обонянія уничтожены, а сохранено чувство осязанія; то животное уже не въ состояніи обонять, но ощущаетъ тепло, холодъ, боль и т. д., и тоже самое бываетъ и наоборотъ.

Нѣкоторые физіологи пытались доказать, что бываютъ случаи,

когда одно чувство замѣняется другимъ, и въ примѣръ приводили, что глухонѣмые слышатъ отдаленные звуки посредствомъ чувственныхъ нервовъ. Но этимъ не доказывается, что они дѣйствительно слышатъ звуки. Не разъ замѣчено было, что на счетъ одного какого-нибудь недостающаго органа чувствъ развиваются другія чувства. Почти у всѣхъ слѣпыхъ удивительно развито чувство осязанія; осязая, они различаютъ наималѣйшіе оттѣнки измѣненія въ очертаніи тѣла; говорятъ, что они читаютъ оконечностями пальцевъ. Точно также и у глухонѣмыхъ чрезвычайно развиты чувствительные нервы, вслѣдствіе чего они способны ощущать наималѣйшія колебанія воздуха и тончайшія вибраціи тѣлъ. Итакъ они звуковъ не слышатъ, а только ощущаютъ произведенное ими колебаніе.

IV. Составъ органовъ чувствъ.

Органы чувствъ состоятъ преимущественно изъ двухъ главныхъ основныхъ частей: изъ физической части, которою какъ бы приготовляются внѣшнія дѣйствія для воспринятія и впечатлѣнія, и изъ нервной, доводящей полученныя впечатлѣнія до центра мозга, гдѣ они различаются, какъ ощущеніе звука или запаха и пр. Въ глазу лучи свѣта преломляются роговою оболочкою, водянистою жидкостью прежде, чѣмъ достигаютъ сѣтчатой оболочки, слѣдовательно прежде, нежели нервъ доведетъ ихъ до мозга, чѣмъ и объясняется зрѣніе. На воспринятіе звука имѣетъ вліяніе ушная раковина, барабанная перепонка, барабанная полость и лабиринтъ, а потомъ уже слуховой нервъ проводитъ звукъ къ мозгу, гдѣ онъ производитъ чувство слуха. Механическія впечатлѣнія, какъ вліяніе тепла и холода, значительно умѣряются кожей и въ особенности верхней кожицею, для предохраненія отъ боли и для послѣдовательнаго достиженія ощущенія путемъ чувствительныхъ нервовъ до мозга. Слюна на языкѣ способствуетъ вкусу, влага въ носу проводитъ запахъ.

Часто воспріемлющая дѣятельность нѣсколькихъ чувствъ вдругъ возбуждается различными впечатлѣніями извнѣ. Разлагающееся тѣло, которое сообщаетъ носу пахучія испаренія, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ на вкусъ, и будучи нагрѣто возбуждаетъ чувство тепла. Примѣромъ можетъ служить броженіе различныхъ веществъ. Волнообразное движеніе, которое мы воспринимаемъ ушами, какъ звуки, ощущаемъ такъ же какъ колебанія, и при большей силѣ какъ сотрясенія. То, что кажется намъ свѣтящимся, часто бываетъ также для насъ источникомъ тепла. Но не каждый свѣтъ производитъ тепло, и не каждый запахъ возбуждаетъ въ тоже время и вкусъ, и наоборотъ. Не видимъ мы также тѣхъ волнъ свѣта или звука, которыя не дѣйствуютъ на наши чувства.

160. Органы внѣшнихъ чувствъ и отправленія ихъ.

I. Органы зрѣнія.

Чувствомъ зрѣнія видимъ мы природу во всемъ ея разноцвѣтномъ великолѣпіи; внѣшніе органы этого чувства — наши глаза, эти два не вполнѣ шарообразныя яблока.

Длятого, чтобы видѣть предметы ясно, важнѣе всего забота о постоянной прозрачности роговой оболочки; поэтому верхняя ея кожица далеко не такъ толста, какъ та, которая покрываетъ прочія части поверхности тѣла. Чтобъ сохранить ее постоянно прозрачною, ей необходима была защита, соотвѣтствующая чрезвычайной нѣжности ея покрова и свойству ея тонкой ткани. Это совершается отчасти смѣсью различныхъ жидкостей, покрывающихъ глазную поверхность—и называемыхъ нами слезами. Такъ-какъ часть этой жидкости постоянно уменьшается отъ испаренія, или изливается во время плача, а другая часть ея стекаетъ въ носовую полость: то постоянное ея заготовленіе необходимо, и это совершается преимущественно слезными желѣзками; эту жидкость отдѣляютъ кровеносные сосуды, находящіеся на внутренней поверхности глазной оболочки и на непокрытой поверхности глазнаго яблока. Этихъ кровеносныхъ сосудовъ болѣе всего на соединительной бѣлочной перепонкѣ глаза (Bindehaut); на бѣлой роговой оболочкѣ только нѣсколько весьма малыхъ жилокъ, ибо кровеносные сосуды большаго размѣра могли бы помрачить прозрачность роговой оболочки. Чрезвычайная нѣжность соединительной бѣлочной перепонки глаза способствуетъ легкому отдѣленію слезистой жидкости. Эпителій этой перепонки нѣжнѣе верхней кожицы, но все-таки толще покрова роговой оболочки. Въ мѣшечкѣ соединительной бѣлочной перепонки постоянно находится смѣсь, рѣдко состоящая изъ совершенно однородныхъ веществъ; она часто состоитъ изъ слизистыхъ частей и даже изъ жира. Эта смѣсь оказываетъ значительное вліяніе на зрѣніе; ибо слой жидкости, покрывающей роговую оболочку, преломляетъ и откланяетъ лучи свѣта при вступленіи его въ глазъ. Отъ преломляемости и прозрачности слезной жидкости зависитъ дальнѣйшее направленіе лучей. Изъ этого ясно, какъ важны слезы для зрѣнія; чрезмѣрное отдѣленіе слезъ, плачъ, ослабляетъ силу зрѣнія, и не рѣдко имѣетъ слѣдствіемъ слѣпоту.

Защитою глазнаго яблока противъ механическаго вліянія служатъ вѣки, которыми глаза по произволу закрываются и открываются. Вѣки управляются двумя различными группами мускульныхъ волоконъ, дѣйствующихъ по противуположнымъ направленіямъ; мускулъ, поднимающій верхнее вѣко, дѣйствуетъ на одно только верхнее вѣко, кольцеобразный же мускулъ напротивъ того дѣйствуетъ на оба. Но окончательную защиту глаза состав-

ляютъ его рѣсницы. Глазными мускулами глаза обращаются въ ту сторону, куда хочешь смотрѣть. Мускулы эти снабжены нервами, которые управляютъ движеніями; отъ перерѣзанія мускульнаго нерва теряетъ и самый мускулъ свою силу. Кромѣ этихъ двигательныхъ мускульныхъ нервовъ есть еще собственно зрительные нервы, которые воспринимаютъ только ощущеніе свѣта; они прилегаютъ къ обоимъ глазнымъ яблокамъ въ видѣ двухъ черенковъ. Въ устройствѣ зрительныхъ нервовъ оказывается та особенность, что они въ началѣ своего пути соединяются въ мѣстѣ, называемомъ хіасмой, потомъ расходятся, идя каждый къ своему глазу, и такимъ образомъ достигаютъ сѣтчатой оболочки, на которой обыкновенно выступаетъ изображеніе предмета, передаваемое ими мозгу, и сознаваемое душой.

Но всякое зрѣніе совершается въ свѣтѣ и имъ условливается; что же такое свѣтъ, которымъ и въ которомъ мы видимъ?

Ньютонъ и его послѣдователи утверждали, что свѣтъ состоитъ изъ частицъ невѣсомаго вещества; свѣтящія тѣла отдѣляютъ невѣсомыя частички, которыя, поражая наши глазные нервы, собственно и составляютъ свѣтъ для нашихъ глазъ. Эта теорія называется атомическою. Гюйгенсъ и Эйлеръ приняли, что вся вселенная наполнена чрезвычайно тонкою невѣсомою матеріею, тоньше воздуха; этотъ родъ воздуха они назвали *эѳиромъ*. Свѣтящее вещество производитъ въ эѳирѣ многочисленныя колебанія, которыя, распространяясь волнообразно, касаются нашей сѣтчатой оболочки; отъ этого возбужденія нашихъ зрительныхъ нервовъ происходитъ обыкновенный свѣтъ. Быстрота распространенія этого вещества зависитъ отъ степени его упругости, и опредѣляется его плотностью. Свѣтъ распространяется съ величайшею быстротою; изъ этого мы заключаемъ, что упругость и плотность эѳира должны быть наималѣйшія. Теорія эта называется теоріей волнообразнаго распространенія свѣта; ее приняла большая часть ученыхъ, потому-что ею правильнѣе всего объясняются всѣ явленія. По первой теоріи лучи свѣта суть пути свѣтящихъ частицъ, касающихся нашихъ глазныхъ нервовъ; по второй теоріи глаза наши поражаются движеніями волнъ эѳира, вслѣдствіе чего происходитъ свѣтъ. Эѳиръ проникаетъ всюду; въ нашей сѣтчатой перепонкѣ, волны свѣта возбуждаютъ колебанія, которыя нервомъ проводятся въ центръ мозга; отъ этого мы усматриваемъ внѣшній свѣтъ и всѣ въ немъ находящіеся предметы.

II. Органы слуха.

Чувствомъ слуха мы слышимъ все звучащее въ мірѣ; органами его служатъ *уши*, которыя состоятъ изъ трехъ частей: наружной — *ушной раковины*, самой внутренней — *лабиринта* и средней между

ними — *барабанной полости*. Уши имѣютъ свои нервы, которые доводятъ звуковыя волны до средоточія мозга, гдѣ они ощущаются какъ звукъ.

Ушная раковина собираетъ звуковыя волны и проводитъ ихъ въ слуховой проходъ. Она слѣд. собою увеличиваетъ воспринимающую плоскость, отъ чего звучность усиливается, какъ въ слуховой трубѣ. Всѣ сотрясенія воздуха, воды и твердыхъ тѣлъ непосредственно достигаютъ ушной раковины, которою они быстро проводятся далѣе въ *слуховой проходъ*. Впечатлѣніе слуха чрезвычайно слабо у тѣхъ особей, у которыхъ нѣтъ ни впадинъ, ни возвышеній внѣшней ушной раковины, у которыхъ отрѣзана ушная раковина. Итакъ ушная раковина служитъ для удобнѣйшаго воспринятія звука. Неровности внѣшняго уха производятъ значительныя сострясенія, которыя въ видѣ волнъ идутъ въ слуховой проходъ. Звуковыя волны, падающія на ушную раковину отвѣсно, лучше другихъ проводятся и воспринимаются внутренними органами. Если залепить впадины внѣшняго уха какою-нибудь мягкою массою, но такъ, чтобы отверстіе внѣшняго слуховаго прохода оставалось открытымъ, то ощущеніе слуха уже становится значительно слабѣе. Степень слуха обусловливается даже большимъ или меньшимъ наклоненіемъ ушной раковины къ слуховому проходу; до такой степени звуковыя волны зависятъ отъ извилинъ, изгибовъ раковины. Самымъ благопріятнымъ условіемъ, при которомъ звуковыя волны проводятся въ слуховой проходъ, есть наклоненіе послѣдняго къ ушной раковинѣ подъ угломъ отъ 28° до 45°, тѣмъ болѣе, если такой уголъ находится въ связи съ широкою и глубокою ушною раковиною, сильно развитымъ ушнымъ завиткомъ и неслишкомъ выдающеюся ладьею на наружномъ ухѣ.

Уши млекопитающихъ надѣлены многими крѣпкими мускулами длятого, чтобы они могли поворачивать свои трубкообразныя уши въ ту сторону, откуда слышится звукъ. Но между людьми не всякій въ состояніи приводить ухо въ движеніе безъ механической помощи; у многихъ ушная раковина стоитъ неподвижно и приводится въ движеніе только помощію рукъ, а не произвольно безъ внѣшней помощи Есть однакожь люди, у которыхъ раковина по ихъ произволу принимаетъ различныя положенія. Бываютъ замѣчательные случаи, что нѣкоторые люди произвольно движутъ только однимъ (не обоими) внѣшнимъ ухомъ; иные только въ одну сторону, другіе въ нѣсколько сторонъ; еще другіе, которые движутъ ушными раковинами вмѣстѣ съ головною кожей; но бываютъ и такіе, которые каждое изъ этихъ двухъ движеній дѣлаютъ не зависимо одно отъ другаго. Это разнообразіе главнѣйшимъ образомъ обусловливается организаціею ушной раковины.

Слуховой проходъ проводитъ тѣ звуковыя волны, которыя входятъ въ него, далѣе до барабанной перепонки. Онъ походитъ на

короткій цилиндръ съ твердыми стѣнками, чѣмъ собираетъ воздушныя волны, и усиливаетъ ихъ резонансъ. Такъ-какъ онъ коротокъ, то воздушный столбъ въ немъ не можетъ принять другихъ, посторонныхъ звуковъ. Внѣшніе изгибы ушной раковины идутъ черезъ весь слуховой проходъ до барабанной перепонки, вслѣдствіе чего усиливаются колебанія. Волоски и ушная сѣра не пропускаютъ постороннихъ предметовъ въ проходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проводятъ звуковые лучи. Люди, у которыхъ въ ушахъ мало скопляется сѣры, становятся тугоухими, и слышатъ только тогда отчетливо, когда съ ними говорятъ однообразнымъ голосомъ и тихо; они неспособны въ одно время слѣдить за разговоромъ нѣсколькихъ человѣкъ. Врачи дѣлали опыты надъ страждущими этимъ недугомъ, вливая въ ушной проходъ жиръ длятого, чтобы произвести сѣру; этимъ, правда, больной избавлялся отъ шума въ ушахъ, но нормальный слухъ все-таки не возстановлялся.

Проникая далѣе въ слуховой проходъ, мы прежде всего встрѣчаемъ *барабанную перепонку*, которая совершенно замыкаетъ проходъ извнѣ, и оканчиваетъ первую часть уха. Такъ-какъ она состоитъ изъ тонкой эластической кожицы, то и усиливаетъ резонансъ; звуковыя волны его проводятся далѣе во внутрь звучащими волнами. Что подобныя натянутыя перепонки воздушными волнами могутъ быть приведены въ сильное сотрясеніе, мы знаемъ изъ опытовъ надъ бубнами и барабанами: при чемъ замѣчаемъ, что сотрясающіяся перепонки приводятъ въ сотрясеніе и смежныя части. Передняя поверхность барабанной перепонки обращена ко внѣшнему воздуху слуховаго прохода, а задняя къ *барабанной полости;* эта организація сообщаетъ воздуху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и барабанной перепонкѣ — тончайшую упругость. Поэтому барабанная перепонка имѣетъ тоже назначеніе въ слухѣ, что радужина въ зрѣніи. Эта послѣдняя съуживаетъ отверстіе зрѣнія при слишкомъ яркихъ лучахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преломляетъ ихъ; точно такимъ же образомъ распоряжается и барабанная перепонка съ входящими въ ухо звуковыми волнами. Итакъ хотя барабанная перепонка и составляетъ одно изъ главныхъ условій отчетливаго воспринятія звуковыхъ волнъ, но тѣмъ не менѣе не лишается вполнѣ слуха тотъ, у кого она или повреждена, или даже совершенно уничтожена. Слишкомъ сильное или слишкомъ слабое ея напряженіе уже производитъ значительную разницу въ звуковыхъ волнахъ, и въ первомъ случаѣ ощущается даже съ нѣкоторою болью; полагаютъ, что небольшія отверстія не имѣютъ существеннаго вліянія на тонкій слухъ. Люди съ такими поврежденіями еще способны ощущать впечатлѣнія музыкальныхъ звуковъ. Но каждый, чистя уши, долженъ опасаться проколоть эту тонкую перепонку, потому-что вредныя послѣдствія этого слишкомъ важны, и излѣченіе въ этомъ случаѣ невозможно.

За барабанной перепонкой слѣдуетъ барабанная полость — середняя часть органа, съ ея тремя весьма маленькими косточками, которыя сострясеніями приводятся въ дрожаніе. Три эти косточки носятъ названія *молоточка* (molleus) *наковальни* (incus) и *стремени* (stapas); потому-что по очертанію своему имѣютъ большое сходство съ сказанными орудіями. Отправленія этихъ косточекъ въ слухѣ еще недостаточно извѣстны; но существенно важная дѣятельность ихъ очевидна: къ нимъ передаются звуковыя волны отъ барабанной перепонки, и они же въ свою очередь передаютъ эти волны въ лабиринтъ. Впрочемъ потеря этихъ косточекъ, какъ полагаютъ, еще не служитъ необходимымъ условіемъ совершенной глухоты: въ чемъ многіе анатомы убѣдились опытами. Изъ этого слѣдуетъ, что не отъ нихъ безусловно происходятъ звуки и слухъ, а что онѣ только проводятъ звуковыя волны далѣе во внутренній звуковой проходъ лабиринта.

Лабиринтъ, наполненный тонкою жидкостью, раздѣляется на *преддверіе*, *полукружные* (3) *каналы* и *улитку*, въ которой развѣтвляется *слуховый нервъ*. Барабанная полость соединяется съ *лабиринтомъ* двумя отверстіями, изъ которыхъ одно называется *окномъ овальнымъ*, а другое *круглымъ*. Первое ведетъ къ *преддверію*, послѣднее — къ барабанной лѣстницѣ улитки. Колебанія волнъ, прошедшія по слуховымъ косточкамъ, проходятъ черезъ овальное окошко во внутренность уха. Круглое окошко затягивается нѣжною перепонкою, называемою *второю барабанною перепонкою*. Почти всѣми принято, что эта вторая барабанная перепонка приводится въ сотрясеніе, и способствуетъ преломленію волнъ жидкости лабиринта.

Преддверіе окружено кожистыми частицами; кожистыя частицы точно также, какъ и полукружные каналы, содержатъ въ себѣ жидкость лабиринта, которая наполняетъ и всѣ изгибы улитки. Стѣнки кожистаго лабиринта довольно тверды; онѣ не теряютъ формы, если изъ нихъ вытечетъ жидкость. Жидкости, находящіяся въ преддверіи, окружаютъ входящій здѣсь слуховой нервъ; плотность ихъ приблизительно равна плотности нервныхъ волоконъ. Отъ этого-то совершеннѣе и равномѣрнѣе становятся колебанія между нервами и плотною жидкостью.

Послѣ этого вамъ понятно, какимъ путемъ должны пройти звуковыя волны, возбужденныя въ атмосферѣ, прежде чѣмъ будутъ услышаны и отчетливо восприняты душою. Воздушныя волны, коснувшись ушной раковины и внѣшняго ушнаго отверстія, и проходя слуховой проходъ, ударяются о барабанную перепонку, приводя ее въ сострясеніе, сообщающееся слуховымъ косточкамъ, которыя въ свою очередь передаютъ ихъ жидкостямъ, наполняющимъ лабиринтъ и извилины улитки. Въ этомъ мѣстѣ воздушныя волны касаются нервной въ жидкостяхъ находящейся вѣтви, проводящей ихъ въ средоточіе мозга, гдѣ они воспринимаются душою, какъ

шумъ, или какъ звукъ. Какимъ видоизмѣненіямъ подвергнуты звуковыя волны на пути своемъ, еще недостаточно изслѣдовано. Не трудно убѣдиться въ томъ, что полости, улиткообразные изгибы, тонкія перепонки и косточки, въ связи съ ушными жидкостями, должны сообщать звуковымъ волнамъ значительный резонансъ, если припомнимъ, какъ проводятся звуковыя волны въ рупорѣ, который есть не что иное, какъ простая труба. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что эти звуковыя волны, проходя совершенно противоположныя среды, должны подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Дрожаніе перепонокъ, косточекъ, составляющихъ вмѣстѣ съ наковальнею, молоткомъ и стременемъ одну организацію, равно какъ и дрожаніе жидкостей, должны превратить звуковыя волны въ одно цѣлое, какъ результатъ ихъ, который воспринимается душою, какъ звукъ, и отличается отъ прочихъ впечатлѣній и ощущеній чувства.

Сила распространенія звуковыхъ волнъ, при равныхъ условіяхъ, находится въ извѣстномъ отношеніи съ плотностію той среды, въ которой онѣ разпространяются. Атмосфера служитъ проводникомъ для слуха людей и земноводныхъ животныхъ; ясное точное слышаніе частію обусловливается температурою воздуха. Отъ разряженія воздуха звуковыя волны ослабляются, отъ сгущенія его онѣ усиливаются. Въ рѣдкомъ воздухѣ шумъ слышенъ слабѣе, между тѣмъ какъ въ густой атмосферѣ онъ усиливается.

III. Органъ обоняния.

Чувствомъ обонянія мы узнаемъ запахи; органъ этого чувства —носъ, или вѣрнѣе, носовая полость, покрытая слизистой чувствительной оболочкой (membrana Shneideri). Первымъ и главнымъ условіемъ органа обонянія есть обонятельный нервъ, который развѣтвляется въ слизистой оболочкѣ; потому-что никакой другой нервъ не производитъ этого ощущенія, если бы даже на него дѣйствовала таже причина, которая производитъ обоняніе. Для возбужденія запаха необходимо, чтобы матеріяльныя частицы раздражали обонятельный нервъ при соприкосновеніи съ пахучимъ веществомъ. Между нервами обонянія и пахучимъ веществомъ есть проводящая среда, которая производитъ ихъ взаимное соприкосновеніе: это-такъ называемая *носовая мокрота.* Растворясь въ мокротѣ носовой полости, пахучее вещество раздражаетъ обонятельные нервы, и впечатлѣніе проводится въ мозгъ, гдѣ оно воспринимается душою, какъ запахъ. Если носовыя полости совершенно сухи, и не отдѣляется мокрота, то ничего не обоняешь; такъ, во время катарра, когда мокрота отдѣляется въ меньшемъ количествѣ, обонятельные нервы лишаются своей способности. Для обонянія необходимо, чтобы пахучее вещество проникало въ носъ и тамъ воспринималось, что достигается дыханіемъ: переставая на время дышать,

мы не ощущаемъ уже никакого запаха; болѣе частымъ вдыханіемъ въ себя воздуха мы усиливаемъ чувство обонянія.

Процессъ обонянія не такъ сложенъ, какъ у прочихъ органовъ чувства; потому-что пахучія вещества, носящіяся въ воздухѣ въ видѣ газа или мелкаго порошка, во время вдыханія струею, достигаютъ поверхностей слизистой оболочки, откуда получаемое впечатлѣніе доводится нервомъ до мозга. Но струистое движеніе воздуха изнутри тоже возбуждаетъ запахъ, если отдѣляются частицы изъ дыхательныхъ или пищеварительныхъ органовъ, и выдыхаются наружу, какъ это бываетъ при отрыжкѣ. Обоняніе дѣлается острѣе и усиливается струями воздуха: при чемъ душа какъ бы сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность на чувство обонянія, чтобы отъискать всѣ пахучія вещества.

Извѣстно, что степень совершенства чувства обонянія весьма различна у разныхъ животныхъ; разница въ ощущеніи обонянія плотоядныхъ животныхъ отъ обонянія травоядныхъ зависитъ отъ центральныхъ частей обонятельнаго снаряда. И тѣ и другія животныя одарены величайшею способностью обонянія, и вѣрно опредѣляютъ, какая пища безвредна и какая ядовита. Человѣкъ занимаетъ между ними среднее мѣсто; его обонятельная способность развита болѣе равномѣрно для запаха различнѣйшихъ веществъ.

Дурной запахъ для чувства обонянія не стерпимъ и вреденъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи между живыми существами есть весьма много степеней различія; что̀ невыносимо и вредно для здоровья одного, то можетъ быть жизненнымъ условіемъ другаго. Изъ этого видно, что организація обонянія во всѣхъ животныхъ весьма относительная. Даже у многихъ людей это бываетъ относительно: чѣмъ наслаждаются и восхищаются одни, то бываетъ непріятно для другихъ. Извѣстныя настроенія нервовъ часто бываютъ причиною замѣчательныхъ явленій. Мужчины-ипохондрики и истерическія женщины находятъ пріятнымъ запахъ горѣлаго рога, горящихъ перьевъ и другихъ зловонныхъ испареній. Запаха розъ и лилій они избѣгаютъ, потому-что онъ болѣзненно раздражаетъ ихъ. Запахъ, слишкомъ сильно и продолжительно дѣйствующій на органы, часто на время ослабляетъ ихъ, и притупляетъ тонкую ихъ чувствительность. Точно также сильное нюханіе табаку весьма ослабляетъ нервы, и страстные любители впослѣдствіи становятся неспособными даже различать его. Хорошій запахъ производитъ пріятное ощущеніе, а слишкомъ сильныя и острыя ощущенія запаха производятъ головную боль, одурѣніе, сонъ и обморокъ. Потомъ, когда сознаніе опять возвращается, то въ головѣ еще долгое время чувствуется тяжесть, иногда даже нѣкоторая боль. Это служитъ доказательствомъ, что нервы мозга слишкомъ раздражаются сильнымъ запахомъ. Если человѣкъ спитъ въ комнатѣ, гдѣ находится много лилій, розъ и другихъ сильно пахучихъ цвѣтовъ, то можетъ воспослѣдовать смерть.

Въ нервныхъ людяхъ острый запахъ нерѣдко возбуждаетъ тошноту и спазмы.

Очень вѣроятно, что пахучія вещества должны нѣкоторое время касаться органовъ прежде, чѣмъ они произведутъ впечатлѣніе. Не сильно пахучее вещество ощущается тогда только, когда его сильно втянешь въ себя. При слѣдующемъ затѣмъ выдыханіи впечатлѣніе уничтожается. При одновременномъ дѣйствіи слабаго и болѣе сильнаго запаха, пропадаетъ первый. Если сила обоихъ запаховъ одинакова, то оба они ощущаются и ясно отличаются другъ отъ друга. Такъ-какъ пахучія вещества весьма легко улетучиваются и часто остается какое-то вещество, не имѣющее болѣе запаха, или, по крайней мѣрѣ, потерявшее свою тончайшую пахучесть, то теплотою, воздухомъ и жидкостью можно ихъ привести въ такое состояніе, что они станутъ сильнѣе испаряться и поэтому дѣйствовать на чувство обонянія. Запахъ находится со вкусомъ и органами пищеваренія въ тѣснѣйшемъ взаимнодѣйствіи; дурной запахъ возбуждаетъ рвоту и совершенно уничтожаетъ пищевареніе.

Съ лѣтами измѣняется и воспріимчивость обонянія; обоняніе у маленькихъ дѣтей острѣе, чѣмъ у взрослыхъ людей. У новорожденныхъ дѣтей новыя полости еще чрезвычайно неразвиты и совершенствуются только впослѣдствіи.

IV. Органъ вкуса.

Во вкусѣ, какъ и при всѣхъ отправленіяхъ чувствъ вообще, нервъ играетъ первую и главную роль; вкушаемое вещество оказываетъ на него дѣйствіе только тогда, когда оно растворяется въ посредствующей жидкости вкушательныхъ органовъ. Слюна есть среда между органами и вкушаемымъ веществомъ. Для возбужденія вкуса необходимо, чтобы вкушаемое вещество было на языкѣ предварительно растворено слюною; если на языкѣ нѣтъ слюны, и вкушаемое вещество тоже сухо, то не ощущается никакого вкуса: смоченіе языкомъ есть одно изъ главныхъ условій.

Языкъ и *глотка* составляютъ главное мѣсто вкуса. Ощущеніе вкуса производится также на нёбѣ, раздраженіе котораго возбуждаетъ тошноту; вещества, способныя производить вкусъ, будучи приложены къ нёбу, дѣйствительно производятъ его. Языкъ имѣетъ троякое различное дѣйствіе: двигательнымъ нервомъ производитъ движеніе, нервомъ чувства осязаніе и помощію нерва вкуса—вкусъ; но ни одна нервная вѣтвь не исправляетъ обязанности другой, а совершаетъ только свое, ей свойственное отправленіе.

Разнообразіе вкуса дотого велико, что до сихъ поръ еще нельзя было постановить какую-либо теорію. Впечатлѣнія вкуса точно такъ же трудно подвести подъ какую-либо классификацію, какъ и впечатлѣнія обонянія.

Въ веществахъ, возбуждающихъ въ одно время и вкусъ и запахъ, помрачается отчетливость, если впечатлѣнія уже слишкомъ сильны; только зажавши носъ, можно явно различить, что принадлежитъ вкусу и что запаху. Вкушая одно вещество, можно отличить вкусъ другаго и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе контраста между ними. Вкусъ, особенно острыхъ веществъ, часто отзывается еще долгое время. Послѣ вкуса ирнаго корня, молоко и кофе отзываются кислымъ. Сладкій вкусъ портитъ вкусъ вина, который становится лучшимъ послѣ сыра. Какъ противуположные цвѣта взаимно усиливаютъ впечатлѣніе каждаго, такъ и вкусъ усиливается противоположностію впечатлѣній. И вкусъ можно притупить слишкомъ частымъ повтореніемъ одного и тогоже возбужденія и слишкомъ сильнымъ дѣйствіемъ острыхъ и кислыхъ веществъ. Тонкія оконечности нервовъ и ихъ бугорки отъ этого умерщвляются; ѣдкія вещества наконецъ совершенно уничтожаютъ нервную воспріимчивость вкуса. Это видимъ мы на тѣхъ людяхъ, которые употребляютъ много крѣпкихъ напитковъ, и постоянно питаются острою и весьма пряною пищею. Если вещества только слегка прикасаются къ языку, то ощущеніе вкуса незначительно; только отъ продолжительнаго соприкосновенія и внутренняго разложенія вкушаемаго вещества вкусъ становится острѣе и отчетливѣе.

Какъ обонятельные органы съ дыханіемъ, такъ и органы вкуса находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ пищевареніемъ. Носъ втягиваетъ воздухъ и ощущаетъ пахучее, содержащееся въ немъ; такъ орудія вкуса, принимая въ себя жидкости, ощущаютъ впечатлѣнія вкуса, который въ ней заключается. Сладкое и горькое составляютъ полюсы вкуса, все прочее есть уже не что иное, какъ видоизмѣненіе и различныя ступени этихъ разнородныхъ вкусовъ. Кислое и острое составляютъ два другихъ противоположныхъ ощущенія. Поэтому у насъ четыре главныхъ вкуса, которые находятся во взаимной полярности. Многоразличныя видоизмѣненія и промежуточныя степени всѣхъ ощущеній вкуса, съ ихъ тончайшими оттѣнками, невозможно изчислить и подвергнуть какой-либо классификаціи.

Такъ-какъ вкусъ не равномѣрно распространенъ на всѣхъ частяхъ языка, то уже и отъ этого происходятъ различныя ощущенія. Въ передней части языка развито болѣе тонкое чувство осязанія, а въ задней большая воспріимчивость вкуса. Передняя поверхность мягкаго нёба и язычокъ тоже нѣсколько подвержены впечатлѣніямъ вкуса. Также и нижняя поверхность передней части языка способна ощущать вкусъ. Близъ корня языка болѣе всего развито чувство вкуса, многія вещества тамъ только и производятъ впечатлѣніе вкуса. И здѣсь надо удивляться мудрому распредѣленію въ организаціи природы: сначала языкъ долженъ ощутить, не слишкомъ ли горяча или холодна пища, и не можетъ ли вещество при-

чинить какого-либо вреда волосомъ или остью, и тогда только оно воспринимается вкусомъ. Передняя часть языка прежде всего осязаетъ пищу, какъ бы длятого, чтобы узнать ея свойство, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ хотя слабое ощущеніе вкуса, по которому можно судить о его пріятномъ или непріятномъ вкусѣ. Потомъ пища раздавливается среднею частію языка и твердымъ нёбомъ; жеваніемъ и треніемъ она уже раздавливается окончательно, не возбуждая значительнаго очущенія вкуса. Когда же она во время глотанія вдавливается въ устье глотки, то она, протираясь, продавливается въ кольцо, одаренное въ многихъ мѣстахъ довольно значительною способностью ощущать вкусъ; въ этомъ-то ощущается главное впечатлѣніе вкуса. Если не желаемъ ощутить вкуса какого-нибудь вещества съ дурнымъ вкусомъ, то быстрымъ глотаніемъ ослабляемъ его дѣйствіе; горькія пилюли мы прямо бросаемъ въ глотку длятого, чтобы онѣ миновали мѣста, гдѣ испытывается вкусъ.

Вкусъ, какъ и отправленіе другихъ чувствъ, можетъ значительно усиливаться упражненіемъ, разумѣется, если строеніе самаго органа правильно, совершенно. Многіе люди отличаютъ малѣйшую разницу по вкусу и запаху напр. въ кофе, чаѣ, въ винахъ и т. д.; многіе другіе этого не могутъ. Ни слишкомъ плотныя вещества, ни слишкомъ разжиженныя не производятъ ощущенія вкуса. Для воспринятія и созданія сильнаго ощущенія вкуса достаточно одного сильнаго возбужденія нѣкоторыхъ нервныхъ волоконъ.

Вкусы различны, это старая фраза. Одинъ любитъ сладкое, другой кислое, третій острое и ѣдкое, а четвертый предпочитаетъ ароматическое. Нѣкоторые люди падаютъ въ обморокъ при видѣ гніющаго сыра, или имъ дѣлается дурно, междутѣмъ-какъ другіе ѣдятъ его съ наслажденіемъ. Вкусъ есть такъ сказать охранитель желудка; то, что ему непріятно, дурно переварарпвается; что возбуждаетъ въ немъ тошноту, того желудокъ не принимаетъ. Такимъ образомъ каждая особь вкусомъ отличаетъ, что ей изъ пищи пригодно и полезно и отравляющаго не принимаетъ въ желудокъ. Но не все то полезно и благотворно дѣйствуетъ на желудокъ и организмъ, что имѣетъ хорошій вкусъ; бываютъ яды, которыхъ вкусъ еще не признаетъ вредными. Всѣ возбужденныя впечатлѣнія вкуса, если они только не слишкомъ слабы, остаются на время во рту. Это можетъ оттого произойдти, что еще нѣскоторыя частицы вкушаемаго остаются въ органахъ, или оттого, что раздраженные нервы на время еще сохраняютъ впечатлѣнія вкуса. Сила вкуса зависитъ отъ степени впечатлѣнія. Горькія вещества производятъ сильнѣшія ощущенія. Если человѣкъ приметъ растворъ экстракта алоэ или хинной соли, то вкусъ сахара послѣ того значительно слабѣе; выпьетъ онъ побольше сиропу, то, правда, горькій вкусъ на время пропадаетъ, но онъ опять возвращается. Если въ одно и

тоже время употребить прямо противоположныя по вкусу вещества, какъ напр. сладкое и кислое, сладкое и острое, то этимъ часто нарушается и смѣшивается ощущеніе вкуса и иногда возбуждаетъ отвращеніе. Случается также, что нѣкоторые вещества отзываются чѣмъ-то другимъ.

V. Органъ осязанія.

Всѣ мѣста нашего тѣла болѣе или менѣе способны ощущать впечатлѣнія осязанія; нервы осязанія перекрещиваются во всемъ организмѣ, какъ нити сѣти.

Степень воспріимчивости осязанія опредѣляется плотностью наружной кожи; кожа на ногахъ, особенно ихъ пальцахъ, оконечности пальцевъ на рукахъ, оконечность языка и бѣлочная перепонка (conjunitiva) глаза представляютъ намъ рядъ мѣстъ, которыми различно ощущаются впечатлѣнія извнѣ. Изъ приведенныхъ здѣсь бѣлочная перепонка глаза самая чувствительная, потому-что ужь отъ малѣйшаго волоска ощущается боль, течетъ слеза, и происходитъ судорожное движеніе вѣкъ. Впрочемъ острота осязанія обусловливается не одною тонкостью кожи: кожа должна быть надѣлена достаточнымъ числомъ нервныхъ волоконъ.

Почти всѣ осязающія поверхности нашего тѣла усѣяны маленькими бугорками, во внутренность которыхъ проникаютъ оконечности чувствительныхъ нервовъ. Отъ этого поверхности становятся шероховатѣе, отъ этого же происходитъ отчасти и большая воспріимчивость. Это же способствуетъ и точнѣйшему различенію внѣшнихъ предметовъ. Чѣмъ плотнѣе и тверже тѣло, тѣмъ большее сопротивленіе оказываетъ оно осязающей рукѣ. По впечатлѣнію можно судить только о твердости тѣхъ тѣлъ, которыя удобоосязаемы. Механическое дѣйствіе газообразныхъ тѣлъ слишкомъ слабо; они не удобно подвергаются осязанію, и поэтому по впечатлѣніямъ осязанія трудно судить объ ихъ плотности. Воспріимчивость чувствительныхъ нервовъ притупляется не только отъ отвердѣнія кожи, но и отъ химическихъ вліяній, напр. отъ прижиганія; страстные любители курить лишаются отъ ѣдкаго табаку не только легко возбуждаемаго ощущенія вкуса, но и чувствительности осязанія на оконечности языка.

Вѣрное заключеніе о величинѣ, формѣ и т. д. предметовъ обусловливается тонкостью осязанія и числомъ осязаемыхъ точекъ. Частицы тѣла отстоятъ одна отъ другой на такія ничтожныя разстоянія, что всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ каждой изъ нихъ отдѣльно, сливаются въ одно общее.

Это общее ощущеніе и есть величина, служащая мѣриломъ для различенія предметовъ. Воспріимчивость осязаемыхъ впечатлѣній не у каждаго человѣка одинакова на всѣхъ частяхъ тѣла. Существенныя измѣненія происходятъ отъ различія въ устройствѣ орга-

новъ кожи и нервовъ, точно также и отъ образа жизни особей. Послѣ оконечности языка болѣе всего чувствительны оконечности пальцевъ на рукахъ и ногахъ.

Если мы изслѣдуемъ тѣло, то найдемъ мѣста, болѣе или менѣе способныя къ воспріятію возбужденія чувствъ; это обусловливается нѣжностью кожи и числомъ нервовъ. Эту воспріимчивость осязанія въ нѣкоторыхъ органахъ упражненіемъ можно возвысить до степени доходящей до чудеснаго, и часто она кажется непонятной, какъ напр. у слѣпыхъ и у многихъ живописцевъ, которые постоянными упражненіями кистью развиваютъ свое чувство осязанія до высокой степени совершенства.

Изумительно высокой степени развитія осязанія достигаютъ и пальцы на ногахъ. Я зналъ человѣка, который въ молодости своей на войнѣ лишился обѣихъ рукъ. Послѣ этого несчастія ему однажды пришла мысль писать пальцами ногъ. Первыя попытки оказались безуспѣшными; но въ своемъ безвыходномъ положеніи онъ нѣсколько разъ возобновлялъ эти попытки, и наконецъ замѣтилъ, что онъ начинаетъ дѣлать успѣхи; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упражненія, онъ уже писалъ довольно твердо и хорошо. Почеркъ его былъ четкій и красивый. Достигнувъ этого, онъ принялся рисовать; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ и въ этомъ сдѣлалъ успѣхи, особенно въ рисованіи цвѣтовъ; розаны и гвоздики выходили у него очень недурно. Кромѣ этого, онъ пальцами же ногъ стрѣлялъ изъ пистолета, въ короткое время развязывалъ узлы, чѣмъ привелъ въ изумленіе большую публику, которой онъ показывалъ свое искусство за деньги. Это можетъ намъ служить удовлетворительнымъ доказательствомъ, до чего органы могутъ совершенствоваться энергическою силою воли.

На воспріимчивость осязанія имѣетъ вліяніе и состояніе духа человѣка. Если вниманіе духа устремлено на какой-нибудь предметъ, то небольшая боль не ощущается и только возрастаніе послѣдней заставляетъ человѣка ощущать ее. Извѣстно, что необразованные люди менѣе подвержены ощущеніямъ боли; варваръ не обращаетъ вниманія на раны, отъ которыхъ образованный человѣкъ сляжетъ въ постель. Тупоумные люди и слабые умомъ, какъ напр. кретины, не очень сильно ощущаютъ боль; увѣряютъ даже, что они ощущаютъ нѣкоторое пріятное чувство отъ раны въ ногу осколкомъ или камнемъ, что-то въ родѣ щекоты. Люди же образованные, которыхъ вся нервная система сдѣлалась воспріимчивѣе, способны ощущать малѣйшую боль. Одни люди съ огромною силою воли, величайшимъ самообладаніемъ и желѣзною твердостію характера могутъ, подобно древнимъ римлянамъ, съ стоическимъ хладнокровіемъ переносить величайшую боль и спокойно отжечь себѣ руку.

Кромѣ механическихъ причинъ на воспріимчивость осязанія дѣй-

ствуетъ также и температура. Отъ сильнаго холода онѣмѣваетъ чувство осязанія; нѣжнѣйшіе органы осязанія дѣлаются тогда нечувствительными къ значительнымъ поврежденіямъ и сильнѣйшей боли, мѣждутѣмъ-какъ теплота возбуждаетъ воспріимчивость. Изъ ежедневныхъ опытовъ извѣстно, что мы изнѣживаемъ свое тѣло постояннымъ чрезмѣрнымъ закутываніемъ; отъ этого легко подвергаемся простудѣ при малѣйшей перемѣнѣ окружающей насъ температуры. Напротивъ, каждый человѣкъ, систематически купаясь въ холодной водѣ и подвергаясь всякимъ измѣненіямъ температуры, можетъ дотого пріучить себя къ стужѣ, что переноситъ сильнѣйшій холодъ безъ ущерба своему здоровью.

Итакъ всѣ части тѣла, способныя на своей поверхности воспринимать ощущенія, имѣютъ также и способность осязанія, потому что они получаютъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ.

Такимъ образомъ органомъ осязанія слѣдуетъ принять кожу; но только руки, губы, языкъ и такъ далѣе преимущественно называются спеціальными органами осязанія, потому-что ими мы прикасаемся къ внѣшнимъ предметамъ, и осязаемъ ихъ.

Въ кожѣ находится приспособленный къ осязанію органъ чувствъ, такъ называемые сосочки; они состоятъ изъ маленькихъ неровностей, которыя видимы только въ лупу. Онѣ покрыты кожей— мальпигіевой сѣтью — на подобіе влагалища; въ нихъ же оканчиваются нервы.

161. Алмазъ.

Алмазъ, названный греками и римлянами *адамантомъ*, то есть непобѣдимымъ, за свою необыкновенную твердость, привлекалъ вниманіе любителей драгоцѣнныхъ камней въ самыя отдаленныя времена. Говоря объ его твердости, Лукрецій ставитъ его въ первый разрядъ, и говоритъ даже, что онъ не боится молотка. Впрочемъ это подлежитъ сомнѣнію. Несмотря на всѣ баснословныя увѣренія древнихъ писателей, алмазъ (который, по ихъ словамъ, чертитъ всѣ тѣла и не чертится ни однимъ изъ нихъ) подверженъ раскалыванію: если вести желѣзнымъ остріемъ по естественнымъ пластамъ камня, то его можно расколоть безъ большаго труда. Когда суровые швейцарцы овладѣли сокровищами Карла Смѣлаго, они раскололи такимъ образомъ нѣсколько алмазовъ, и раздѣлили ихъ между собою. Камни эти чрезъ то очень подешевѣли.

Что такое алмазъ? Это вещь самая дорогая въ свѣтѣ. Что такое уголь? Это — вещество, самое употребительное, самое обыкновенное; оно находится огромными массами въ нѣдрахъ земли всякаго рода; деревья и растенія содержатъ въ себѣ огромное количество угля. Алмазу почти нѣтъ цѣны: если представить себѣ чистый алмазъ, одинаковой тяжести съ двадцатипяти-франковою монетою, то онъ будетъ вѣсить около 125 каратовъ, и будетъ стоить, по

крайней мѣрѣ, четыре милліона франковъ. Подобное количество угля не можетъ быть оцѣнено даже на самую мелкую мѣдную монету; а между тѣмъ алмазъ и уголь — вещества однородныя: алмазъ не что иное, какъ кристаллизованный уголь. Посмотримъ теперь, что̀ такое кристаллизація.

Если мы распустимъ какое-нибудь вещество въ водѣ или въ другой жидкости, и дадимъ отстояться этому раствору; то получимъ результатъ, котораго не ожидали. Полученное тѣло не будетъ сплошной массою, не имѣющею, подобно голышу или камню, никакой опредѣленной формы. Если вещества, разведенныя въ водѣ, будутъ соль, селитра или сахаръ; то, когда вода испарится, останутся правильныя фигурки, какъ бы выточенныя искусною рукою, при помощи геометрическихъ вычисленій. Соль образуетъ четыреугольныя фигуры, называемыя въ геометріи кубами. Кубъ — фигура, имѣющая въ длину, въ ширину и въ вышину одинъ и тотъ же размѣръ. Кубомъ называли у грековъ игральныя кости; кубировать значило играть въ кубы, или въ кости. Если отстоится селитра, то выйдутъ продолговатыя иглы, плоскія съ четырехъ сторонъ и тупыя съ обоихъ концовъ. Сахаръ приметъ форму раздавленнаго куба, въ которомъ всѣ стороны наклонены другъ къ другу косвенно. Квасцы наконецъ примутъ форму пирамиды. Этаже самая форма называется въ ювелирномъ искусствѣ *алмазной искрой* (pointe de diamant), потому-что природа представляетъ намъ въ этомъ видѣ кристаллизованный уголь, или алмазъ. Химики, узнавъ, что алмазъ не что иное, какъ уголь, окристаллизованный въ правильной формѣ, надѣялись повторить въ лабораторіяхъ дѣйствія природы и сдѣлать изъ угля алмазы; но всѣ попытки были тщетны: до сихъ поръ природа сохранила свою тайну.

Кристаллами называются правильныя геометрическія произведенія природы. Они отличаются опредѣленными формами и гладкою, блестящею поверхностью. Стороны кристалловъ представляютъ правильно расположенныя плоскости, какъ бы обрѣзанныя сталью или обточенныя на станкѣ ювелира; кромѣтого они прозрачны, какъ стекло или горный хрусталь. Цвѣтъ кристалловъ, когда они не бѣлые, нисколько не вредитъ ихъ прозрачности. Красный цвѣтъ — рубина, голубой — сафира, желтый — топаза, зеленый — изумруда, фіолетовый — аметиста, розовый — шпинеля, малиновый — граната, не мѣшаютъ намъ видѣть насквозь; даже цвѣтной алмазъ, какъ, напримѣръ, голубой алмазъ г. Гопа, единственный по своей красотѣ, такъ же прозраченъ, какъ безцвѣтный кристаллъ. Химія знакомитъ насъ съ нѣсколькими сотнями кристалловъ, которыхъ мы не видимъ въ природѣ, и которыхъ слѣдовательно не представляетъ намъ минералогія. Формы ихъ разнообразны до безконечности и измѣняются, смотря по свойствамъ того вещества, которое послужило къ образованію кристалловъ. Въ замѣнъ этого,

природа произвела въ теченіе вѣковъ такіе кристаллы, которые, сложась подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ, до сихъ поръ не могли быть составлены искусственно путемъ науки. Къ этимъ кристалламъ можно отнести алмазъ, изумрудъ; къ нимъ же можно причислить нѣкоторые другіе минералы, не входящіе въ число геммъ. Эти-то геометрическія формы изучалъ знаменитый Гайю (род. 1743, ум. 1822) въ теченіе многихъ лѣтъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка; изъ нихъ онъ сотворилъ новую науку, которою теперь можетъ гордиться человѣческій умъ.

До него греческіе философы, Пиѳагоръ и Платонъ, безъ сомнѣнія, имѣли понятіе о кристаллографическихъ формахъ, потому-что въ школахъ своихъ они высказывали прекрасную аксіому, что природа въ нѣдрахъ земли создаетъ правильныя фигуры, и что самъ богъ занимается геометріею. Древніе алхимики были того мнѣнія, что философскій камень долженъ быть сдѣланъ изъ самаго низкаго вещества. Дѣйствительно, природа, производя камни, руководствовалась, повидимому, идеею алхимиковъ, и творила лучшія геммы изъ самыхъ простыхъ веществъ; она взяла не много чернаго разсыпающагося угля, и сдѣлала изъ него алмазъ, прозрачный, блестящій и твердый камень, которому не знаютъ цѣны; она беретъ глину, изъ которой люди дѣлаютъ горшки и кирпичи, и, окрашивая ее желѣзомъ, дѣлаетъ изъ нея рубинъ, сапфиръ, или восточный топазъ. Изъ маленькаго голыша, кристаллизованнаго съ примѣсью другихъ веществъ, дѣлаетъ она настоящій топазъ, изумрудъ или аметистъ. Нѣкоторыя изъ геммовъ, нами названныхъ, были составлены Эбелманомъ на севрскихъ фабрикахъ, вѣроятно, такъ же, какъ составляетъ ихъ природа на своихъ огромныхъ волканическихъ заводахъ какою-то тайною, непонятною для насъ переработкою, за которую Везувій получилъ прозваніе фабриканта кристалловъ. Жанъ-Жакъ Руссо горько упрекалъ химика Руелля зато, что онъ уничтожалъ муку, разлагая ее на составныя части; при этомъ онъ говорилъ ему, что лучше было бы составлять муку изъ частицъ, которыя въ нее входятъ, чѣмъ разлагать уже готовое вещество. Что сказалъ бы онъ, если бы увидѣлъ, что химики превращаютъ въ уголь алмазъ, какъ какую-нибудь щепку, не будучи однако въ состояніи сдѣлать изъ угля цѣнный алмазъ?

Можно подумать, что страны, заключающія въ себѣ алмазныя копи, всего болѣе облагодѣтельствованы природою; но это несправедливо: всѣ алмазныя копи Голконды, Визапура (въ Индіи), Бразиліи, Урала и Борнео не стоятъ и одного рудника каменнаго угля, которымъ природа такъ щедро надѣлила Бельгію, Англію и Соединенные Штаты. Чтобы дать болѣе точное понятіе объ этомъ предметѣ, мы скажемъ, что богатая Англія добываетъ ежегодно алмазовъ и геммовъ на 13 или 14 милліоновъ франковъ; а каменнаго угля въ ней добывается на 500 милліоновъ.

Алмазъ обыкновенно находится въ слояхъ красноватой земли, похожей на ту желѣзистую глину, изъ которой у насъ дѣлаютъ кирпичи. Иногда разбиваютъ скалу, содержащую въ себѣ эту землю; ногда добываютъ песокъ со дня ручьевъ, или собираютъ землю, въ которой находятся осколки алмазоносной скалы; потомъ землю промываютъ и отдѣляютъ камни и болѣе крупныя частицы песка, изъ которыхъ потомъ выбираютъ алмазы. Необдѣланные алмазы всегда подернуты матовою плёнкою, которая какъ будто свидѣтельствуетъ о химическомъ дѣйствіи кристаллизаціи. Почти всѣ другіе кристаллы и особенно кристаллизованный голышъ, или *горный хрусталь*, гораздо болѣе блестятъ, чѣмъ алмазъ. Пусть ювелиръ покажетъ вамъ деревянную тарелку съ неошлифованными шероховатыми тусклыми алмазами: вы не обратите на нее ни малѣйшаго вниманія, пока вамъ не скажутъ, сколько тысячъ франковъ содержитъ въ себѣ эта тарелка; но пусть покажетъ онъ вамъ тѣ же алмазы отдѣланными, пусть заискрятся они передъ вашими глазами, пусть заиграютъ въ нихъ всѣ цвѣта радуги, и вы, навѣрное, не узнаете вашихъ прежнихъ тусклыхъ голышковъ. Сократъ сравнивалъ необразованнаго человѣка съ кускомъ мрамора, изъ котораго рука художника можетъ извлечь великолѣпную статую; онъ вѣроятно сравнилъ бы такого человѣка и съ алмазомъ, если бы видѣлъ, какому превращенію подвергаетъ его полировка. Однако разница въ цѣнѣ полированнаго алмаза и неполированнаго самая ничтожная: дѣло въ томъ, что алмазъ теряетъ при полировкѣ половину своего вѣса, выигрываетъ въ красотѣ, и вслѣдствіе огранения становится вдвое дороже; сверхътого, порошокъ, остающійся послѣ полировки, употребляется въ свою очередь для обработыванія нѣкоторыхъ геммовъ и даже алмаза.

Древніе, кажется, и не подозрѣвали того, что алмазъ можно гранить; они знали его только въ природной его формѣ, съ восемью треугольными гранями, образующими со всѣхъ сторонъ двойныя пирамиды. Первую попытку гранить алмазъ сдѣлалъ брюггскій урожденецъ, ювелиръ Людовикъ Беркенъ, жившій въ XV вѣкѣ. Если прикрѣпить два алмаза къ деревяннымъ ручкамъ и тереть ихъ другъ о друга острыми кончиками; то кончики обтупятся, и на ихъ мѣстѣ явится искуственная плоскость, шероховатая и не блестящая. Во время тренія, алмазъ издаетъ сухой и рѣзкій звукъ, какого можно ожидать отъ твердаго вещества, которое крошится медленно и съ трудомъ. Чтобы отполировать полученную поверхность, берутъ круглую стальную бляху, кладутъ ее горизонтально, и быстро вертятъ, какъ жерновъ. Результатомъ этого тренія будетъ глубокая рытвина, которую выроетъ алмазъ въ желѣзѣ или въ стали. Чтобы достигнуть желанной цѣли, т. е. чтобы отполировать камень, Беркенъ вздумалъ посыпать на стальную бляху алмазной пыли и полить ее сверху масломъ: тогда искуственная

грань алмаза стала сначала ровна и правильна, а потомъ сдѣлалась гладкою и блестящею; можно было дать алмазу всѣ желанныя формы.

Путемъ многихъ опытовъ узнали наконецъ, какую форму всего удобнѣе придавать алмазу, и вотъ двѣ главныя формы гранепія, на которыхъ остановилось ювелирное искусство. Первую называютъ *бриллiантомъ*. Для этого надо имѣть алмазъ съ пирамидальными оконечностями или надо привести его въ такую форму искусственнымъ образомъ. Сдѣлавъ это, срѣзываютъ болѣе половины верхней пирамиды и около восьмой части нижней; тогда свѣтъ, ударяя въ большую верхнюю плоскость, проникаетъ до маленькой нижней и оттуда отражается кверху; потомъ, проходя черезъ боковыя грани, испытываетъ такъ называемое призматическое дѣйствіе. Это дѣйствіе состоитъ въ томъ, что бѣлый свѣтъ разлагается на семь цвѣтовъ радуги, именно: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Эти цвѣта, доходя до глаза, показываютъ ему лучъ, окрашенный самыми разнообразными красками, которыя называются въ этомъ случаѣ огнями алмаза. Слишкомъ яркое освѣщеніе мѣшаетъ этому дѣйствію, потому-что цвѣта, падая другъ на друга, сливаются между собою, и отъ ихъ смѣшенія происходитъ бѣлый цвѣтъ. Слишкомъ крупная грань алмаза составляетъ также большой недостатокъ, потому-что тогда всѣ цвѣта въ одно время поражаютъ глазъ, и опять получается бѣлый свѣтъ. Два величайшіе алмаза: *Регентъ*, принадлежащій французской коронѣ, англійскій Ког-и-нуръ (Koh-i-noor гора свѣта) много теряютъ отъ своей слишкомъ крупной грани; слѣдовало бы замѣнить нижнюю гладкую поверхность, называемую столомъ, мелкой гранью въ видѣ лѣсенки, которою обыкновенно гранятъ цвѣтные камни.

Вотъ легкій способъ, по которому можно узнавать достоинство алмаза: надо провернуть въ бѣломъ картонѣ дырочку, немного побольше того камня, который будутъ пробовать. Потомъ, пропустивъ сквозь дырочку лучъ свѣта, надо подставить камень подъ лучъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ картона, такъ, чтобы свѣтъ ударялъ въ среднюю плоскость стола. Тотчасъ мы увидимъ на картонѣ бѣлую фигуру, имѣющую видъ стола; а вокругъ этой фигуры явятся полоски, окрашенныя первыми цвѣтами свѣта. Если цвѣта отчетливо отдѣлены другъ отъ друга, если маленькихъ полосокъ много, и если онѣ вѣрно расположены вокругъ бѣлой фигуры стола; то алмазъ хорошо выграненъ. Каждая изъ полосокъ представляетъ собою одинъ изъ огней алмаза, которые можно счесть. Такимъ образомъ можно будетъ опредѣлить качество, количество и симетрію огней и узнать, какую грань всего лучше придать камню.

Другая грань, не знаю, почему, называется *розою*. Снизу оставляется широкая плоскость, а сверху камень заостряется. Такимъ образомъ чрезъ отраженіе на нижней плоскости получаются огни,

похожіе на огни брилліанта. Такимъ образомъ гранятъ только плоскіе камни, которые бы слишкомъ много потеряли вѣса, если бы ихъ огранить брилліантомъ. Такой формы былъ индѣйскій алмазъ, когда его поднесли королевѣ Викторіи. Прежде, т. е. въ первоначальной своей формѣ, онъ вѣсилъ 186 каратовъ; теперь, когда его огранили брилліантомъ, онъ сталъ вѣсить около 103.

Замѣчательно то, что цѣна алмазовъ почти не измѣнилась: она въ наше время почти такая же, какая была и за нѣсколько вѣковъ. Алмазъ, вѣсящій 1 каратъ, стоитъ 200 франковъ; если онъ вѣситъ вдвое больше, то цѣна его учетверяется и доходитъ до 800 франковъ. Алмазъ въ 10 каратовъ стоитъ въ 100 разъ болѣе однокаратнаго алмаза, т. е. 20,000 франковъ. Это будетъ превосходный солитеръ.

Алмазныя копи Индіи, въ Голкондѣ, Раолкондѣ, Визапурѣ, впродолженіе долгаго времени, снабжали алмазами рынки всего свѣта. Въ позднѣйшія времена, Бразилія стала высылать свои камни, почти всегда отмѣченные легкимъ желтымъ оттѣнкомъ, и представляющіе удивительный контрастъ съ совершенно бѣлыми индѣйскими алмазами. Теперь Бразилія посылаетъ свои алмазы въ Европу, черезъ Англію. Они гранятся въ Амстердамѣ, и оттуда идутъ въ Лондонъ и Парижъ для оправки и продажи. Борнео также производитъ ежегодно нѣсколько сотъ каратовъ. Александръ Гумбольдтъ заключилъ по геологическому составу почвы Уральскихъ горъ, что въ нихъ должны находиться алмазы, и опытъ оправдалъ теоретическое предположеніе.

Говорятъ, что Алжирія также производитъ алмазы; нѣкоторые изъ тамошнихъ камней находятся даже въ рукахъ Парижскаго Минералогическаго Общества. Эти посылки, происходящія отъ настоящихъ или подложныхъ мѣсторожденій, не имѣли никакихъ послѣдствій. До сихъ поръ можно сказать тоже самое объ Австраліи и Калифорніи. Вообще должно замѣтить, что число алмазовъ, обращающихся въ торговлѣ, увеличивается наровнѣ съ приращеніемъ числа людей, употребляющихъ ихъ; слѣдовательно цѣна ихъ почти всегда одинаковая. Паническій страхъ, наведенный открытіемъ новой руды въ Бразиліи (1845 года), внезапно понизилъ цѣну на эту гемму; но вскорѣ равновѣсіе опять возстановилось, и каратъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ вошелъ въ свою обыкновенную цѣну, въ 200 франковъ.

Число камней, превышающихъ вѣсомъ 100 каратовъ, очень ограниченно. Говорятъ, что на 10,000 алмазовъ приходится только одинъ алмазъ, вѣсящій 100 каратовъ и заслуживающій по этому имя царскаго. Россія, Франція, Англія и Тоскана имѣютъ алмазы вѣсомъ въ 100 каратовъ. Первый изъ нихъ по красотѣ, безспорно, *Регентъ*, названный такъ потому, что былъ купленъ герцогомъ Орлеанскимъ. Всѣ эти алмазы — произведенія Индіи. *Южная Звѣзда*

привезена изъ Бразиліи, изъ тѣхъ вновь открытыхъ рудниковъ, которые навремя понизили цѣну на алмазъ. Она была найдена въ іюлѣ 1853 г., и вѣситъ 254½ каратовъ. Этотъ алмазъ совершенно прозраченъ; въ немъ даже нѣтъ желтизны, въ которой упрекаютъ бразильскіе алмазы. Бриллiантовая грань убавитъ вѣсъ этого алмаза на половину, такъ-что онъ будетъ вѣсить около 136 карат., т. е. почти столько же, сколько *Регентъ*. Междутѣмъ грань Санси оставила бы ему ¾ его вѣса, и придала бы ему гораздо больше огней. Южная Звѣзда вѣситъ около 127 каратовъ, и занимаетъ пятое мѣсто среди алмазовъ, уступленныхъ природою дѣятельности человѣка и заслуживающихъ по справедливости наименованіе царскихъ. Все, что мы знаемъ объ алмазѣ, серьёзно доказываетъ, что число этихъ прекрасныхъ минераловъ очень ограниченно.

Твердость есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ драгоцѣнныхъ камней. Эта твердость не по всѣмъ направленіямъ кристалла остается одинаковою, и различныя измѣненія ея всего удобнѣе можно изучить при шлифованіи камня. Когда гранили Koh-i-noor, то надъ нѣкоторыми сторонками нужно было работать по цѣлому дню, междутѣмъ — какъ другія отшлифовывались въ три часа. Часто твердость камня была такъ велика, что приходилось даже ускорять движеніе колеса съ алмазной пылью. Недавно ювелиръ Галле производилъ опытъ надъ чернымъ алмазомъ, привезеннымъ изъ Борнео. Хотѣли испытать его твердость: объ него истерли стальное колесо, и извели множество алмазнаго порошка, а алмазъ остался неизмѣненнымъ. Камень не лишился ни одной изъ своихъ шероховатостей, несмотря на свою тяжесть и на то, что его терли добѣла о стальное колесо, изъ котораго постоянно сыпались искры, и которое послѣ этого сдѣлалось негоднымъ къ употребленію. Для шлифовки такого твердаго вещества могла бы быть полезна пыль отъ такихъ же черныхъ алмазовъ, обтертыхъ другъ объ друга. Этотъ порошокъ отъ черныхъ алмазовъ, вѣроятно, когда-нибудь будетъ съ успѣхомъ употребленъ для шлифованія обыкновенныхъ алмазовъ.

Всякій, вѣрно, видѣлъ, какъ стекольщикъ, раздѣляетъ стекло на части, проводя по немъ маленькимъ алмазомъ почти незамѣтную для глаза черту. Очень правдоподобно, что древніе, гравировавшіе на твердыхъ камняхъ, напримѣръ, на рубинѣ и сафирѣ, употребляли для этого дѣла, вмѣсто рѣзца, острый алмазикъ. Отчетливость узора въ древнихъ камняхъ подтверждаетъ это предположеніе, которое сначала можетъ показаться неосновательнымъ. Для Франціи это искусство теперь потеряно. Кто возродитъ его? Со времени императора Наполеона и императрицы Жозефины, поощрявшихъ гравёровъ, во Франціи не появлялось ни одного произведенія гравёрнаго искуства. Все, что есть теперь въ этомъ родѣ, привозится изъ Италіи.

Алмазъ тяжелѣе горнаго хрусталя и легче бѣлаго сапфира. Онъ почти одного вѣса съ бѣлымъ бразильскимъ топазомъ, называемымъ *каплею воды*. Его часто смѣшиваютъ съ этими двумя камнями, одинаковыми съ нимъ по бѣлизнѣ. Однако его можно отличить по вѣсу. Такого рода задачу предложилъ древній тиранъ Гіеронъ Сиракузскій своему родственнику, знаменитому математику Архимеду. Золотыхъ дѣлъ мастеру Димитрію было поручено сдѣлать для статуи Юпитера корону изъ 12 фунтовъ золота. Корона была готова; но Гіеронъ не полагался на честность художника, и хотѣлъ, не разрушая самой короны, повѣрить, все ли золото было употреблено въ дѣло. Эту повѣрку долженъ былъ произвести Архимедъ. Послѣ долгихъ размышленій, знаменитый математикъ дошелъ до той мысли, что чѣмъ тяжелѣе тѣло, тѣмъ менѣе его поддерживаетъ вода, и что слѣдовательно оно въ водѣ теряетъ менѣе своего вѣса, нежели тѣло легкое. Когда онъ приложилъ свою общую мысль къ опыту надъ короною; то оказалось, что въ ней было одинадцать фунтовъ серебра и одинъ фунтъ золота. Золото тяжелѣе серебра, и потому въ водѣ теряетъ менѣе тяжести. Корона, опущенная въ воду, потеряла тяжести болѣе, нежели чистое золото, и менѣе, нежели чистое серебро. Повторяя свои наблюденія, пристальнѣе вглядываясь въ дѣло, Архимедъ опредѣлилъ даже количество примѣси, и вывелъ такимъ образомъ на свѣтъ дерзкій обманъ Димитрія.

Если привѣсить снизу къ чашкѣ вѣсовъ настоящій алмазъ на тонкой ниткѣ и потомъ, уравновѣсивъ вѣсы, окунуть его въ стаканъ съ водою; то алмазъ, пока будетъ находиться въ водѣ, будетъ терять $^2/_7$ своего вѣса. Тогда, для возстановленія равновѣсія, надо положить нѣсколько гирекъ на сторону окунутаго въ воду алмаза. Итакъ алмазъ, вѣсящій 21 центиграмъ, потерялъ бы въ водѣ около 6 центиграмовъ, тогда — какъ бѣлый сапфиръ того-же вѣса потерялъ бы въ водѣ только $^1/_4$ своего вѣса, то есть около пяти центиграмовъ. Кусокъ горнаго хрусталя, въ подобномъ случаѣ, потерялъ бы изъ своего вѣса восемь центиграмовъ. Итакъ, когда какой-нибудь кристаллъ теряетъ въ водѣ болѣе или менѣе $^2/_7$ своего вѣса, то можно утвердительно сказать, что это не алмазъ. Мы тотчасъ увидимъ, какъ отличаютъ алмазъ отъ бѣлаго топаза, который также теряетъ въ водѣ $^2/_7$ своего вѣса.

Химическія изслѣдованія вообще очень затруднительны и невыгодны, потому-что уничтожаютъ предметъ, разлагая его на составныя части, потому объ этихъ изслѣдованіяхъ и говорить не будемъ; но мы укажемъ на одно, очень тонкое оптическое наблюденіе, посредствомъ котораго легко можно отличить алмазъ отъ другаго рода безцвѣтныхъ геммовъ. Это дѣйствіе называется двойнымъ преломленіемъ лучей. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: если смотрѣть сквозь прозрачный камень на тонкій предметъ, напримѣръ, на конецъ иглы или на дырочку, проколотую въ картѣ, то иногда

предметъ является двойнымъ, то есть кажется, будто держишь въ рукѣ двѣ иглы или будто въ картѣ провернуто двѣ дырочки, одна возлѣ другой. Это бываетъ со всѣми безцвѣтными или бѣлыми геммами; съ алмазомъ же этого никогда не бываетъ. Итакъ, это дѣйствіе исключаетъ изъ ряда алмазовъ всякій камень, удвоивающій предметы.

Такъ-какъ нужны нѣкоторая ловкость и навыкъ, чтобы хорошо умѣть показать это любопытное свойство, то можно будетъ прикрѣпить камень и иглу посредствомъ воска на легкую деревянную подставку и такимъ образомъ показывать дѣйствіе желающихъ его видѣть. Бѣлый бразильскій топазъ, или *водяная капля*, двоить предметы, что тотчасъ отличаетъ его отъ алмаза.

Хоть алмазы большею частію безцвѣтны, однако часто они бываютъ окрашены легкимъ оттѣнкомъ. Слабо окрашенный алмазъ гораздо дешевле безцвѣтнаго; тосканскій и большой алмазъ, принадлежащій Россіи, страдаютъ этимъ недостаткомъ. Но когда цвѣта алмаза богаты и живы, онъ дорого цѣнится, какъ рѣдкій камень. Маркизъ Дрее имѣлъ нѣсколько такихъ алмазовъ. Между ними былъ замѣчателенъ превосходный розовый. Такого рода камни по справедливости названы *камнями любви* (pierre d'affection), потому-что чувство, которое имѣютъ къ нимъ ихъ владѣтели, не допускаетъ другаго названія. Между алмазами, принадлежащими Франціи, находился треугольный алмазъ въ 60 каратовъ, чистаго голубаго цвѣта, нѣсколько похожій на сапфиръ. Этотъ алмазъ пропалъ въ время разграбленія коронныхъ алмазовъ. Послѣ этого былъ найденъ только одинъ Регентъ, вѣроятно, потому, что его трудно было сбыть тайкомъ.

Самый лучшій изъ цвѣтныхъ алмазовъ — голубой алмазъ г. Гоппа, изображеніе котораго можно видѣть въ книгѣ лондонской выставки. Онъ вѣситъ 44¼ карата, и, по словамъ г. Теннана, соединяетъ въ себѣ прекрасный цвѣтъ сапфира съ призматическими огнями и блескомъ алмаза.

162. Доменная печь.

Доменныя печи похожи на небольшія кирпичныя башни, имѣющія внутреннюю пустоту; пустота имѣетъ видъ двухъ извращенныхъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ широкими основаніями. Уголь, руда и флюсъ засыпаются въ печь перемежающимися слоями; засыпка производится чрезъ верхнее отверстіе, называемое *коломникомъ;* расплавленный чугунъ и шлаки скопляются въ самой нижней и въ самой узкой части печи, называемой *горномъ;* воздухъ, необходимый для горѣнія, входитъ чрезъ *сопло*, соединенное съ воздуходувною машиною и помѣщенное въ отверстіи надъ горномъ. Шлаки и чугунъ, скопившіеся въ горну, вытекаютъ чрезъ особое

отверстіе, сдѣланное внизу горна и называемое *выпускнымъ*. Это отверстіе замазывается и пробивается доменнымъ подмастерьемъ, по мѣрѣ надобности.

Какъ значительна въ чугунномъ производствѣ доменная печь, читатель, незнакомый съ заводскимъ производствомъ, можетъ понять изъ слѣд. расчета: печь въ 18 или 19 аршинъ высоты можетъ выплавить въ годъ до 300,000 пудовъ чугуна; для этого потребуется обожженой руды до 600,000 пудовъ (при 50% содержанія), древеснаго угля до 20,000 коробовъ, въ 6 кубическихъ аршинъ каждый, да флюсовъ болѣе 100,000 пудовъ. Для ухода за печью и снабженія ея всѣми нужными матеріялами, потребно населеніе не менѣе, какъ въ 1,500 д. мужескаго пола.

163. Опыты наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ печкѣ.

Для того, чтобы съ большею удобностію наблюдать явленія, необходимо имѣть средства повторять ихъ, для чего служатъ намъ разные снаряды. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ снарядовъ, который ежедневно у насъ передъ глазами, есть—печка. Разсмотримъ, что происходитъ въ этомъ любопытномъ снарядѣ.

Итакъ предметъ нашихъ наблюденій — печка; постараемся на этомъ сподручномъ снарядѣ пріучиться къ искусству наблюдать, къ искусству весьма важному, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, какъ для явленій, производимыхъ самою природою, такъ и для рукъ человѣческихъ. Станемъ внимательно перебирать всѣ явленія, происходящія въ семъ снарядѣ, и будемъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ нами замѣченномъ, имѣя въ виду на каждомъ шагу три вопроса: что происходитъ? какъ происходитъ? и отчего происходитъ?

Въ печку кладется дерево или другія вещества, которыя легко загораются. Когда дрова положены въ печку, къ дереву прикладываютъ огонь, нагрѣваютъ дерево дотого, что оно наконецъ загорается.

Пламя съ одного зажженаго куска дерева переходитъ на другое, не вдругъ, но постепенно, и скоро всѣ дрова охвачены пламенемъ; пламени малѣйшей лучинки, малѣйшей искры достаточно для того, чтобы зажечь огромнѣйшій костеръ. Замѣтимъ это обстоятельство: оно весьма важно,—оно показываетъ, что пламя не есть что-либо самостоятельное, какъ напр. вода, камень. Если вы капнете воды на костеръ, въ кострѣ нисколько не прибудетъ воды, капля останется каплею, и не охватитъ всего костра. Слѣдственно въ деревѣ есть нѣчто такое, отъ чего происходитъ пламя, нѣчто такое, чѣмъ питается пламя. Замѣтимъ также, что тоже самое происходитъ, когда мы зажигаемъ бумагу, масло, спиртъ, смолу и проч.— но что напр. камня или желѣза мы зажечь не можемъ, сколько бы мы ни держали ихъ надъ огнемъ; замѣтимъ только, что камень на-

грѣвается, когда его держатъ надъ огнемъ, желѣзо нагрѣвается еще скорѣе, но и остываетъ скорѣе камня; дерево же почти не нагрѣвается: вы можете держать въ рукахъ зажженную лучину, но желѣзная палка, которой одинъ конецъ опущенъ въ огонь, нагрѣвается такъ сильно, что въ рукахъ нельзя держать другаго конца, точно какъ будто тепло бѣжитъ по желѣзу; тоже почти замѣчается и въ камнѣ. Итакъ запишемъ для памяти, что есть вещества, которыя горятъ, но не нагрѣваются; есть другія, которыя нагрѣваются, но не горятъ. Пока мы знаемъ только это,—и не можемъ входить въ дальнѣйшія объясненія. Первыя изъ сихъ веществъ назовемъ пока для краткости: *горючими веществами*, таковы: дерево, масло, спиртъ, бумага, ленъ, солома, сѣра, полотно и проч.; вторыя назовемъ несгораемыми веществами, таковы: камень, желѣзо, земля, глина, песокъ, вода, зола и проч. т. п.

Замѣтимъ еще, что одни изъ этихъ веществъ *жидкія*, другія *твердыя*. Жидкія горючія вещества: масло и спиртъ. Твердыя горючія вещества: дерево, ленъ, пепька, солома. Иныя изъ сихъ веществъ бываютъ то твердыя, то жидкія; смола тверда, но отъ жару распускается, сѣра—тоже. Твердыя несгараемыя вещества: камень, желѣзо, мѣдь, серебро и проч. Жидкія несгараемыя: вода, разныя жидкости, въ которыхъ много примѣшано воды.

Остановимся пока на этихъ свѣдѣніяхъ, и посмотримъ поближе, что такое дѣлается съ деревомъ, когда оно горитъ.

Мы видимъ въ печкѣ, что прежде всего, когда разложенъ огонь, отъ верхнихъ полѣньевъ поднимается паръ; паръ этотъ дѣлается все гуще и гуще, и становится густымъ дымомъ; иногда пламя пробирается между полѣньевъ, и самый дымъ часто загорается, чего прежде не было, такъ-что иногда пламя отдалено отъ дерева на четверть аршина и болѣе; чтобы увѣриться, что дымъ дѣйствительно горитъ, возьмемъ большой листъ бумаги, и свернемъ его трубкой, которая была бы къ одному концу уже, а къ другому шире, раструбомъ; зажжемъ широкій конецъ, а узкій поворотимъ къ устью печки; дымъ потянется струйкою сквозь узкое отверзтіе; зажгите эту струйку дыма, дымъ будетъ горѣть самъ по себѣ отдѣльно отъ бумаги; точно тоже будетъ, если вы глиняную трубку набьете угольемъ, и опустите одинъ ея конецъ въ пламя, изъ трубки пойдетъ дымъ, который также можно зажечь. Пропустите напротивъ водяный паръ отъ самовара въ трубку,—пара никакъ не зажжете. Слѣдственно паръ одно, дымъ другое. Замѣтимъ между-тѣмъ, что стало-быть не одни твердыя или жидкія вещества могутъ горѣть, но что есть и такія вещества, которыя ни тверды ни жидки, но такъ-сказать летучія, воздушныя, или воздухообразныя, и что въ этихъ веществахъ замѣчается тоже, что въ твердыхъ и жидкихъ, т. е. одни летучія, или воздухообразныя, вещества, какъ

напр. дымъ—горючи; а другія летучія же, воздухообразныя, вещества, какъ напр. водяной паръ—несгораемы.

Посмотримъ опять, что дѣлается въ печкѣ. Дыма меньше; дрова, какъ говорятъ, разгорѣлись; но вотъ что-то очень странное: дерево изъ бѣловатаго сдѣлалось чернымъ, сдѣлалось углемъ; вынимаю одинъ изъ углей, и вижу, что это именно то дерево, которое я положилъ въ печку; даже сохранились всѣ жилки, полосы, борозды,—только это дерево сдѣлалось чернымъ. Взвѣшиваю этотъ черный кусокъ—и если мы позаботились сперва взвѣсить самое полѣно, то убѣдимся, что обратившись въ уголь, оно сдѣлалось гораздо легче. Ясно, что дерево что-то потеряло. Отъ дерева, прежде обращенія въ уголь, отдѣлялся густой паръ и дымъ; ясно, что этотъ паръ былъ частію дерева, словомъ, что дерево состоитъ изъ угля и еще какихъ-то частей, улетѣвшихъ въ воздухъ.

Кладу уголь снова въ печку; онъ горитъ и мало-помалу также изчезаетъ, какъ прежде поднимавшійся паръ; на мѣсто угля остается небольшое количество бѣлаго порошка, который называется золою.

Мы разсмотримъ впослѣдствіи, изъ чего состоитъ зола, есть ли она однородное тѣло, какъ напр. соль, сахаръ, или смѣсь разныхъ веществъ; теперь замѣтимъ только, что эта зола не горитъ, и что если ее бросить въ воду, то она частію распускается: чего мы не замѣчаемъ ни въ деревѣ въ его натуральномъ состояніи, ни въ углѣ.

Замѣтимъ еще болѣе важное обстоятельство: эта несгараемая зола была частію дерева, хотя въ натуральномъ состояніи мы не видимъ ея въ деревѣ, какъ мы не видимъ въ немъ и угля. Горѣніе раздѣлило или, какъ говорятъ, разложило дерево на разныя части: *на паръ, на дымъ, на уголь и на золу.* *Кн. Одоевскій.*

164. Желѣзная руда и выплавка чугуна изъ нея.

Руда есть соединеніе окисленнаго металла съ различными минеральными веществами, составляющими породу руды; чѣмъ менѣе постороннихъ примѣсей въ извѣстномъ количествѣ руды, и чѣмъ болѣе металла, тѣмъ руда богаче; руда тѣмъ чище и лучше для плавки, чѣмъ менѣе содержитъ въ себѣ различныхъ постороннихъ примѣсей. Проплавка рудъ производится на чугуноплавильныхъ заводахъ; цѣль плавки состоитъ: 1) въ отдѣленіи отъ желѣзной массы постороннихъ минеральныхъ веществъ; 2) въ возстановленіи, или раскисленіи металла, т. е. въ отдѣленіи отъ него кислорода и 3) въ соединеніи возстановленнаго металла съ углеродомъ топлива. Этихъ цѣлей достигаютъ плавкою рудъ въ огромныхъ, высокихъ печахъ, называемыхъ доменными; размѣры этихъ печей даютъ возможность, при помощи сильнаго дутья воздуходувныхъ машинъ, развить высокую температуру, необходимую для измѣненія твердыхъ веществъ въ жидкія.

Добытыя изъ рудниковъ руды не тотчасъ плавятся, но подвергаются предварительной подготовкѣ: дробленію или разбивкѣ, промывкѣ и пожогу. Промывкою отдѣляются отъ руды глина и песокъ; за границею промывка рудъ въ большомъ употребленіи, а у насъ руды не промываютъ по весьма простой причинѣ—зима стоитъ очень долго. У насъ руды обжигаются, отсѣваются и перевозятся къ заводу.

Искусство плавки состоитъ преимущественно въ умѣньѣ извлечь изъ руды всю массу желѣза въ видѣ чугуна, при сколь возможно меньшемъ расходѣ топлива. Эти условія плавки самыя существенныя; но къ нимъ должно присоединить еще новыя, очень важныя: доброкачественность продукта и суточную выплавку чугуна.

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ не легко, особенно въ томъ случаѣ, когда проплавляются руды различныхъ качествъ. Не многіе изъ нашихъ заводовъ пользуются прекрасными магнитными рудами; большая же часть ихъ довольствуется рудами бураго желѣзняка осадочнаго происхожденія; составъ такихъ рудъ бываетъ крайне разнообразенъ, что́ очень затрудняетъ плавку. Для ясности пониманія этихъ затрудненій, мы выскажемъ еще одно важное условіе плавки: ни одна руда не можетъ проплавляться безъ примѣси флюсовъ, *или плавней. Флюсами служатъ известнякъ и кремнистый песокъ;* назначеніе флюсовъ—облегчать плавку соединеніемъ съ минеральными веществами, составляющими породу рудъ. Выборъ флюсовъ дѣло весьма важное; для этого нужно знать составъ руды, чего можно достигнуть при помощи химическихъ анализовъ. Есть еще другой способъ пріисканія приличныхъ флюсовъ—ощупью, т. е. при помощи сплавовъ руды съ разными флюсами въ тиглѣ; опредѣливъ изъ многихъ опытовъ качество и количество приличнаго рудѣ флюса, приступаютъ уже къ плавкѣ въ доменныхъ печахъ. Пріискать такимъ путемъ приличный флюсъ и для одной руды—дѣло затруднительное, а тѣмъ болѣе для многихъ рудъ, различныхъ по своему составу. При различіи породъ, нѣкоторыя руды могутъ служить другъ другу плавнями; основательная сортировка (т. е. опредѣленіе—какія руды могутъ быть соединены и въ какихъ пропорціяхъ) такихъ рудъ влечетъ за собою весьма выгодныя послѣдствія: сбереженіе топлива и большій процентный выходъ чугуна. Въ основаніи сортировки должны лежать вѣрные химическіе анализы рудъ. Имѣютъ ли наши заводы такіе анализы? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы приведемъ слова знаменитаго Берцеліуса, извлеченныя изъ его сочиненія *Traité de chimie:* «сортировка рудъ есть дѣло весьма важное какъ въ отношеніи количества выплавляемаго чугуна, такъ и въ отношеніи его качества. Для приличной сортировки рудъ нужно отчетливое знаніе ихъ состава и состава веществъ, составляющихъ породу. Но этотъ предметъ до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе ученыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что

желѣзное производство выиграло бы весьма много, если бы желѣзныя руды подвергнуты были химическимъ изслѣдованіямъ, столь же точнымъ и отчетливымъ, какія производились, изъ одного любопытства, надъ многими другими минералами. Въ этомъ отношеніи не многаго можно ожидать отъ истиннаго ученаго, ибо онъ рѣдко руководится хозяйственными расчетами или выгодами; но мы имѣемъ право надѣяться, что опытные и искусные управляющіе заводовъ возьмутъ этотъ трудъ на себя изъ собственныхъ интересовъ.»

Эти слова, сказанныя относительно заграничныхъ заводовъ, сохраняютъ полную силу и въ отношеніи нашихъ заводовъ, гдѣ рутина нерѣдко и подъ часъ удачно замѣняетъ знаніе.

165. Чугунъ.

Чугунъ есть тоже желѣзо, но онъ содержитъ въ себѣ большое количество постороннихъ веществъ, и въ особенности углерода, отъ содержанія котораго онъ получаетъ свои характеристическія качества. Чугунъ съ давнихъ временъ раздѣляется на два вида: на *чугунъ бѣлый* и на *чугунъ сѣрый*. Прежде думали, что отличія сіи происходятъ отъ большаго или меньшаго количества углерода, въ чугунѣ находящагося; нынѣ доказано, что бѣлый и сѣрый чугуны могутъ содержать въ себѣ одинаковое количество углерода: но въ сѣромъ чугунѣ нѣкоторое количество онаго находится въ видѣ механической примѣси, междутѣмъ-какъ бѣлый чугунъ представляетъ вседа соединеніе химическое. Вообще разности сіи зависятъ отъ степеней температуры, при которой онѣ были плавлены и охлаждаемы. Такимъ образомъ при тяжелой сыпи, содержащей въ себѣ большее количество руды противу угля, и стало-быть при низшей температурѣ, получается въ доменныхъ печахъ бѣлый чугунъ; при легкой же сыпи, содержащей большее количество угля противу руды, и стало-быть при высшей температурѣ, получается чугунъ сѣрый.

Сѣрый чугунъ имѣетъ цвѣтъ, отъ свѣтлосѣраго измѣняющійся до чернаго, такъ-что въ одномъ кускѣ представляется иногда нѣсколько оттѣнковъ. Металлическій блескъ въ сѣромъ чугунѣ бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ чище. Свѣтлосѣрый цвѣтъ съ слабымъ металлическимъ блескомъ означаетъ чугунъ худаго качества.

Бѣлый чугунъ имѣетъ серебристый цвѣтъ и сильный металлическій блескъ. Иногда въ немъ бываютъ замѣтны пятна сѣраго чугуна, такъ-что онъ видимо переходитъ въ оный; сіе отличіе извѣстно подъ названіемъ третнаго, или половинчатаго чугуна.

Бѣлый чугунъ имѣетъ сложеніе частей зернистое, приближающееся къ лучистому; сѣрый чугунъ отличается отъ бѣлаго мелкозернистымъ сложеніемъ, имѣющимъ иногда видъ чешуекъ (что озна-

чаетъ худое его качество), меньшимъ относительнымъ вѣсомъ и меньшею твердостію, такъ-что иногда представляетъ онъ нѣкоторую степень ковкости, принимая впечатлѣніе отъ молотка. Этими и другими признаками можно отличать сѣрый чугунъ отъ бѣлаго, что́ бываетъ весьма полезно, ибо они представляютъ весьма различныя явленія при обработкѣ ихъ въ ковкое желѣзо. Бѣлый чугунъ расплавляется весьма скоро; но не приходя притомъ въ совершенно жидкое состояніе, онъ скоро сгущается, и такимъ образомъ переходитъ въ состояніе ковкаго желѣза. Сѣрый чугунъ расплавляется, напротивъ, гораздо медленнѣе, образуя притомъ массу весьма жидкую, медленно сгущающуюся. И потому при обработкѣ бѣлаго чугуна должно замедлять сгущеніе, дабы успѣть отдѣлить постороннія части, въ чугунѣ находившіяся. При сѣромъ чугунѣ, напротивъ, должно споспѣшествовать сгущенію, дабы не произвести напрасной потери горючаго матеріяла и времени.

Очевидно, что половинчатый чугунъ, составляющій средину между бѣлымъ и сѣрымъ, употреблять выгоднѣе: онъ, находясь въ жидкомъ состояніи долѣе чугуна бѣлаго, способнѣе его отдѣлять изъ себя постороннія части, и сгущаясь скорѣе чугуна сѣраго, не производитъ такой потери въ матеріялахъ и времени.

Не только внутреннія качества, но и наружный видъ чугуна имѣетъ вліяніе на успѣхъ работы. Такимъ образомъ при обработкѣ большихъ чугунныхъ вещей, какъ-то: молотовъ или наковаленъ, расплавленіе производится медленно, и стало быть произойдетъ потеря горючаго матеріяла и времени; весьма тонкія вещи расплавляются, напротивъ, весьма скоро, что также невыгодно. Всего лучше употреблять чугунъ въ доскахъ 5—6 вершковъшириною и около 1 дюйма толщиною, при произвольной длинѣ; при чемъ доски различнаго качества можно класть вмѣстѣ, образуя такимъ образомъ родъ половинчатаго чугуна.

166. Выдѣлка желѣза изъ чугуна.

Желѣзо выдѣлывается изъ чугуна, и различные сорты сего послѣдняго имѣютъ значительное вліяніе на выдѣлку: чугунъ сѣрый, бѣлый и половинчатый, по различію своихъ свойствъ, не одинаково пригодны для разныхъ употребленій. По мнѣнію знатоковъ металлургіи, бѣлый чугунъ лучистый, не содержащій вредныхъ примѣсей, есть самый выгодный для передѣла въ желѣзо: онъ легко плавится и скоро получаетъ способность свариваться, т. е. переходить въ желѣзо; при передѣлѣ такого чугуна въ желѣзо сберегается и время и горючій матеріялъ. Этотъ видъ чугуна отличается особою твердостію, но хрупокъ: эти свойства дѣлаютъ его пригоднымъ для отливки такихъ только предметовъ, въ которыхъ твердость есть главное достоинство. Сѣрый отличается мяг-

костію, вязкостію и нѣкоторою степенью упругости; вслѣдствіе этихъ качествъ, онъ идетъ на отливку весьма многихъ вещей. При передѣлкѣ въ желѣзо, онъ представляетъ нѣкоторые невыгоды: требуетъ для плавки сильнаго жара и долго остается въ жидкомъ состояніи; а отъ этого напрасно теряются время и горючій матеріялъ.

Пестрый чугунъ — смѣсь сѣраго съ бѣлымъ, хорошъ для передѣла въ желѣзо.

Сущность желѣзнаго производства заключается въ очищеніи чугуна, т. е. въ отдѣленіи сколь возможно большаго количества углерода, кремня и другихъ постороннихъ веществъ,—въ обжимкѣ желѣзной массы, для выдѣленія изъ нея шлаковъ или соковъ,—въ проковкѣ желѣзныхъ кусковъ въ болваночную либо оконченную форму,—въ прокаткѣ болваночнаго желѣза въ сортовое.

Каждая страна, каждая провинція (напр. во Франціи, Австріи и Германіи) употребляетъ особые, нѣсколько отличные другъ отъ друга пріемы для выдѣленія изъ чугуна постороннихъ веществъ; но характеристическихъ, въ сущности отличныхъ, способовъ выдѣлки только два: 1) *кричный*, въ которомъ чугунъ очищается въ горнахъ, 2) англійскій, или пудлинговый, въ которомъ очищеніе чугуна производится въ огромныхъ отражательныхъ печахъ, т. е. въ печахъ съ изогнутымъ сводомъ, отражающимъ пламя на подъ печи.

Нѣтъ ничего столь разнообразнаго, какъ устройство горновъ; разнообразіе заключается въ величинѣ горновъ и внѣшнемъ видѣ (т. е. горны дѣлаются открытые и закрытые). Чтобъ дать въ общихъ чертахъ понятіе о сущности желѣзнаго производства, мы ограничимся уясненіемъ двухъ важныхъ способъ выдѣлки желѣза въ горнахъ: больше-кричнаго, или старо-нѣмецкаго, и контуазскаго.

Больше-кричный способъ, бывшій прежде господствующимъ, утратилъ въ послѣднее время свое значеніе; онъ держится еще отчасти въ Германіи, Швеціи, кое-гдѣ во Франціи и на многихъ заводахъ у насъ. Работа по этому способу трудна для рабочихъ, невыгодна для заводчиковъ. Трудность работы заключается въ тяжести крицъ — отъ 10 до 20 и даже 25 пудовъ: не легко мастеру ворочать такую крицу на наковальнѣ; невыгода же—въ большомъ расходѣ угля и медленности работъ. Устройство бельше-кричнаго горна не хитрое: на полу фабрики дѣлается изъ кирпича невысокая 4-хъ-угольная, внутри пустая кладка; одна сторона кладки подымается стѣною; къ стѣнѣ прикрѣпляется колпакъ съ проходомъ для дыма, поддерживаемый со стороны, противоположной стѣнѣ, двумя желѣзными столбами; внутренняя пустота кадки обдѣлывается чугунными плитами, которыя накладываются также и на стѣнки кладки; въ высокой стѣнѣ дѣлается отверстіе для сопла отъ воздуходувной машины; въ одной изъ низкихъ стѣнокъ кладки дѣ-

ластся тоже отверстіе для выхода соковъ, или шлаковъ. Яма горна, выложенная чугунными плитами, имѣетъ видъ 4-хъ-угольнаго ящика, размѣры коего и установъ плитъ подлежатъ извѣстнымъ правиламъ, и сообразуются съ количествомъ и качествомъ закладываемаго въ горнѣ чугуна.

Это описаніе можетъ дать понятіе и о самомъ простомъ устройствѣ контуазскихъ горновъ. Существенная разница между тѣми и другими горнами состоитъ въ томъ, что ямы контуазскихъ горновъ дѣлаются меньше (чугуна закладывается отъ 3-хъ до 6 пудъ), размѣры и установъ плитъ требуютъ самаго тщательнаго вниманія.

Сущность химическаго процесса очищенія чугуна, или передѣлки его въ горнахъ, состоитъ въ томъ, что чугунъ, наложенный поверхъ раскаленнаго угля, плавясь при сильномъ дутьѣ изъ сопла, падаетъ на днище ямы каплями При паденіи своемъ, капли чугуна подвергаются окисляющему дѣйствію сильной воздушной струи. Кислородъ воздушнаго тока окисляетъ углеродъ, кремній, часть металла и прочія постороннія вещества, находящіяся въ чугунѣ. Окисленный углеродъ-газъ уходитъ съ дымомъ въ трубу; другія же окисленныя вещества, соединяясь между собою, образуютъ жидкіе соки, или шлаки, покрывающіе скопляющійся на днѣ горна и отчасти очищенный уже чугунъ.

По расплавленіи чугуна, горнъ очищается отъ шлаковъ, а чугуноватая масса подымается со дна на уголь, и вновь подвергается сильному дутью. О ходѣ и окончаніи очищенія чугана мастеръ судитъ по признакамъ, ему извѣстнымъ. По окончаніи очищенія образуется въ горнѣ крица, т. е. желѣзная масса, пропитанная шлаками; крица вынимается изъ горна, и везется или несется подъ молотъ для обжима.

Время, нужное для приготовленія крицы, зависитъ отъ количества и качества закладываемаго въ горнъ чугуна; на контуазскихъ горнахъ приготовленіе крицы требуетъ отъ $1\frac{3}{4}$ часа до $2\frac{1}{2}$ часовъ, на большекричныхъ же отъ 7 до 12 часовъ. Разница времени выдѣлки крицы достаточно обозначаетъ и самый характеръ работъ: на контуазскихъ горнахъ работа ведется живо, пылко, энергично; на большекричныхъ — медленно, степенно. Это различіе въ характерѣ способовъ отражается на всемъ: и на рабочихъ и на механизмахъ. Такъ контуазскій обжимный молотъ долженъ давать отъ 50 до 60 ударовъ въ минуту, а кричный или тягольный отъ 60 до 80 ударовъ; большекричные молота бьютъ гораздо медленнѣе.

Устройство контуазскихъ горновъ, молотовъ и работы въ горнахъ требуютъ отъ заводоуправленія, механика и мастероваго, несравненно болѣе знанія, опытности и вниманія; въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главная причина, почему этотъ способъ, общепринятый въ Бельгіи, Франціи и Германіи, такъ медленно проникаетъ къ намъ. Ввести этотъ способъ значитъ переродить весь

заводъ: и людей и механизмы, а на это надобно много времени, много умѣнья, много и труда.

Пудлинговый способъ выдѣлки желѣза есть чисто англійскій, вынужденный вредными качествами минеральнаго топлива; извѣстно, что каменный уголь содержитъ въ себѣ сѣру, а потому для употребленія въ горнахъ не годится: въ горнахъ уголь и чугунъ находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи. Во избѣжаніе этого крайне вреднаго для желѣза прикосновенія, англичане изобрѣли новый способъ выдѣлки желѣза въ отражательныхъ печахъ, развивающихъ сильный жаръ и снабженныхъ особою топкою, отдѣленною отъ внутренности печи порогомъ; при такомъ устройствѣ печей, во внутрь ихъ проникаетъ только пламя, а не самое топливо.

Не смотря на эту предосторожность, обыкновенное англійское желѣзо бываетъ весьма низкихъ качествъ: какъ содержащее въ себѣ сѣру, оно ломается при накаливаніи, и, сломанное, трудно или почти не сваривается. Приведемъ мнѣніе г. Валеріуса объ этомъ желѣзѣ: «Красно-ломкое желѣзо, содержащее весьма малую примѣсь сѣры, можетъ быть употреблено на рельсы и сельско-хозяйственныя орудія, ибо на холодѣ оно выказываетъ свойства добротнаго желѣза; изъ инструментовъ и разныхъ другихъ вещей могутъ быть въ употребленіи только тѣ, которые удалось мастеру сдѣлать безъ малѣйшихъ недостатковъ. Но въ случаѣ излома, вещи эти можетъ исправлять только тотъ мастеръ, которому хорошо извѣстна температура, при которой красно-ломкое желѣзо можетъ коваться и свариваться. Впрочемъ вещи изъ такого желѣза нерѣдко имѣютъ внутреннія трещины и другіе скрытые недостатки, ускоряющіе ржавчину желѣза и причиняющіе порчу вещей. Вотъ причина, почему это желѣзо обѣгается артиллеристами, и не употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо расчитывать на доброкачественность матеріяла.»

Только въ самыхъ высокихъ сортахъ англійскаго желѣза, требующихъ сложныхъ операцій выдѣлки, а слѣдовательно и дорого стоющихъ, недостатокъ этотъ или вовсе изчезаетъ, или дѣлается мало замѣтнымъ. Вотъ причина, почему англичане, для выдѣлки стали и приготовленія разныхъ стойкихъ, прочныхъ вещей, вынуждены покупать желѣзо у насъ и у шведовъ.

Изъ пудлинговыхъ печей желѣзо выходитъ въ видѣ комьевъ или окатышей *, обжимка которыхъ производится либо подъ лобовыми молотами, либо паровыми, либо въ жомахъ.

Обжатые куски идутъ въ сварочно-катальныя, или вальцовыя, фабрики. Существенныя принадлежности сварочно-катальныхъ фабрикъ:

---

* На нашихъ заводахъ мастеровые, привыкшіе работать большими крицами, дали контуазскимъ крицамъ и пудлинговымъ комьямъ насмѣшливое прозвище—жуковъ, или жучковъ.

отражательныя печи, въ которыхъ желѣзо накаливается до бѣло-калильнаго жара; катальные станы съ рубчатыми или гладкими чугунными валами, между которыми раскаленное желѣзо обжимается снова, оболванивается и принимаетъ окончательный видъ, съ которымъ и является въ продажу.

По пудлинговому, или англійскому, способу, всѣ виды торговаго желѣза выдѣлываются только въ катальныхъ станахъ; по больше-кричному, полосовое разныхъ видовъ, 4-хъгранное и даже круглое выковываются подъ молотами; по контуазскому, полосовое, 4-хъгранное и круглое можно и выковывать и выкатывать. Вслѣдствіе этой разницы въ пріемахъ выдѣлки обыкновеннаго торговаго желѣза, оно называется: *кованнымъ* и *катаннымъ*, или *плющеннымъ* (laminé).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разница въ способахъ выдѣлки кованнаго и катаннаго желѣза должна неминуемо отражаться и на свойствахъ самаго желѣза: дѣйствіе молота болѣе энергично, нежели валовъ; ударъ его потрясаетъ всю массу желѣза, и выбрасываетъ изъ нея соки во всѣхъ направленіяхъ; постепенный нажимъ валовъ не можетъ оказывать такого могучаго дѣйствія. Вслѣдствіе сказаннаго пудлинговый способъ, по самому свойству своему, едва ли можетъ давать желѣзо столь добротное, какъ больше-кричный и контуазскій способы.

Вообще же этотъ способъ представляетъ слѣдующія существенныя выгоды: сбереженіе рабочихъ рукъ и возможность расширенія производства. На контуазскомъ горну 6 мастеровыхъ могутъ выдѣлать въ теченіе года не болѣе 12,000 пудовъ желѣза,—въ большой же пудлинговой печи 4 человѣка до 40 т. и даже до 50 т. пудовъ.

167. Выдѣлка желѣза у насъ.

Извѣстно, что на нашихъ заводахъ желѣзо выдѣлывалось и выдѣлывается въ горнахъ *крицами*; пудлинговый же (англійскій) способъ употребляется на очень немногихъ, гдѣ дрова замѣняютъ каменный уголь. Вынутыя изъ горновъ крицы первоначально обжимаются подъ большими молотами—*обжимальными*; по обжимѣ, крицы разсѣкаются на нѣсколько кусковъ, куски взвариваются, т. е. накаляются въ горнахъ и протягиваются подъ меньшими молотами—*тягольными*, или *кричными*. Протяжка желѣза подъ кричными молотами имѣетъ двоякую цѣль: 1) окончательно выжать изъ желѣзной массы посторонніе вещества, *шлаки* или *соки*, оставшіяся послѣ обжима крицы, и 2) придать желѣзу желаемую форму. Форма эта можетъ быть или окончательная, съ которой желѣзо поступаетъ въ продажу (полосовое обыкновенное, широкополосное, узкополосное, 4-хгранное), или же *типичная*, т. е. грубо напоминающая тотъ видъ желѣза, для котораго подготовляется кусокъ. Типичная форма

называется *болванкою*. Какъ окончательно приготовленное подъ кричнымъ молотомъ желѣзо, такъ и болванка называются вообще *кричнымъ желѣзомъ*.

Изъ кричныхъ заводовъ болванка поступаетъ въ катальныя фабрики, гдѣ по достаточномъ нагрѣвѣ въ особыхъ отражательныхъ печахъ, она прокатывается въ станахъ между чугунными валами, и получаетъ опредѣленный видъ, называемый *сортовымъ* желѣзомъ и проч.

168. Мѣста нахожденія желѣза въ Россіи.

Желѣзныя руды встрѣчаются во многихъ губерніяхъ Россіи, но важнѣйшія залежи ихъ находятся въ губерніяхъ: пермской, оренбургской и вятской. Пермская губернія доставляетъ до $^3/_4$ всей суммы желѣзнаго производства Россіи. Кромѣ этихъ мѣстностей, руды находятся и разрабатываются въ Финляндіи, во владимірской, рязанской, тамбовской, пензенской, калужской, орловской губерніяхъ; но залежи и плавка желѣзныхъ рудъ въ этихъ мѣстахъ незначительны.

Въ недавнее время найдены желѣзныя руды въ виленской губерніи, и подвергнуты разработкѣ, но будетъ ли новое открытіе сопровождаться важными послѣдствіями—сомнительно.

169. Историческій очеркъ желѣзнаго производства въ Россіи.

Свѣдѣнія о началѣ желѣзнаго производства у насъ весьма ограниченны; имѣются краткія историческія указанія о попыткахъ великихъ князей ввести горнозаводское дѣло вообще. Но эти попытки у насъ, какъ и вездѣ, были преимущественно направлены къ отысканію рудъ благородныхъ металловъ.

Еще до Іоанна III, у насъ лили колокола и чеканили монету; но, безъ всякаго сомнѣнія, на это употреблялись не свои металлы, а иностранные, добытые мечомъ и мѣною. Іоаннъ III, во время своего долговременнаго государствованія (отъ 1462 до 1505 года), обращался къ нѣкоторымъ иностраннымъ государямъ съ просьбою—прислать горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, также въ отдѣленіи металловъ отъ земли. «У насъ есть серебро и золото», велѣлъ онъ сказать венгерскому королю, Матвѣю Корвину, въ 1482 году, «но мы не умѣемъ чистить руды, услужи намъ и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ моемъ государствѣ». Кажется, просьба эта осталась не исполненною; ибо греку Траханіоту, отправленному посломъ къ германскому императору, данъ былъ въ 1490 году приказъ: искать въ Германіи и принять въ службу русскую полезныхъ художниковъ, горныхъ мастеровъ и проч.

Въ 1491 году два нѣмца, Викторъ и Іоганнъ, съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ, отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печоры. По всей вѣроятности, эти мастера были приглашены Траханіотомъ. Чрезъ семь мѣсяцевъ они возвратились въ Москву съ извѣстіемъ объ открытіи серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ на рѣкѣ Цыльмѣ, въ трехъ стахъ верстахъ отъ Печоры, на пространствѣ десяти верстъ. «И съ того времени, говоритъ Карамзинъ, «начали мы добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали россійскія.»

Первыя свѣдѣнія о желѣзѣ относятся къ 1567 и 1569 годамъ; въ это время Іоаннъ Васильевичъ Грозный дозволилъ англичанамъ завести селеніе на рѣкѣ *Вычегдѣ*, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить русскихъ этому искусству и при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта. Какія послѣдствія повлекло за собою это дозволеніе, мы не знаемъ; по всей вѣроятности намѣреніе англичанъ осталось неосуществившимся.

Завоеваніе Сибири при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ повлекло за собою впослѣдствіи открытіе уральскихъ рудниковъ — сокровищницы Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что горное искусство на Уралѣ и въ западной Сибири существовало въ отдаленнѣйшія времена; остаются не рѣшенными только слѣдующіе вопросы: какой народъ занимался имъ? когда оно началось, и когда кончилось?

Горныя работы древнихъ были очень полезны для нашихъ поселенцевъ на Уралѣ: нѣкоторыя изъ прежнихъ разработокъ послужили указаніемъ къ возобновленію покинутыхъ рудниковъ. Есть такіе рудники, которые съ самаго возобновленія были въ постоянномъ дѣйствіи, и находятся еще теперь въ цвѣтущемъ состояніи.

Древнія разработки носятъ названія *Чудскихъ шахтъ*. Г. Лепехинъ, посѣтившій и описавшій многія изъ этихъ шахтъ, говоритъ: «Древніе рылись въ нѣдрахъ земли, подобно кротамъ, и извлекали богатѣйшія части руды посредствомъ кабаньихъ клыковъ.»

При возобновленіи, въ концѣ XVII вѣка, знаменитаго мѣднаго Iумешевскаго рудника, горнорабочіе находили въ прежнихъ шахтахъ разныя вещи: мѣдные молота и кирки, кожаныя сумки, рукавицы, кости и бревна, отличавшіяся особенною крѣпостію. При сожиганіи, бревна горѣли зеленымъ пламенемъ, и издавали сильный противный запахъ.

Настоящая разработка уральскихъ рудниковъ, хотя и неуспѣшно, началась въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; первый казенный заводъ былъ построенъ въ ирбитскомъ округѣ въ 1628 году, и назывался *Ницинскимъ*; доменная плавка началась въ 1631 году. Заводъ существовалъ недолго: онъ сгорѣлъ въ 1637 году; по возобновленіи, заводъ этотъ пришелъ скоро въ упадокъ, теперь не

осталось и слѣдовъ его. Подобная же участь постигла и кушгурскіе желѣзные рудники, найденные по близости рѣки Янвы на земляхъ графовъ Строгоновыхъ; руда съ нихъ перевозилась на Пискорскій заводъ, близъ Соликамска; въ царствованіе Алексѣя Михайловича рудники эти были заброшены.

Въ теченіи 1671, 1672 и 1676 годовъ, снаряжаемы были экспедиціи на Уралъ для отысканія серебряныхъ рудъ; экспедиціи составлялись изъ образованныхъ нѣмцевъ, но, какъ видно, не слишкомъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ. Фритшъ и Герольдъ привезли съ собою образцы желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ; они увѣряли въ совершенной невозможности производить удовлетворительныя и продолжительныя горныя изысканія въ этихъ негостепріимныхъ странахъ. Кажется, въ этомъ показаніи надо искать причину прекращенія изслѣдованій Урала до Петра Великаго. Отъ прозорливости этого великаго человѣка не скрылись тѣ важныя выгоды, которыя можно было извлечь отъ разработки уральскихъ рудниковъ; мѣры, принятыя Петромъ Великимъ для оживленія и развитія горной промышленности, отличаются мудростію и цѣлесообразностію. Онъ озаботился сначала вызвать знающихъ горное дѣло иностранцевъ; потомъ учредилъ въ Москвѣ Бергъ-Коллегію въ 1700 году; издалъ, въ томъже году, 2-го ноября, указъ, по которому дозволялось каждому отыскивать руды, просить земли въ отводъ. И дѣйствительно, на обслѣдованныхъ казенныхъ земляхъ дозволялось устраивать заводы, которые надѣлялись достаточнымъ количествомъ лѣсовъ, соразмѣрно съ ихъ рудными средствами. Къ заводамъ приписывались казенные крестьяне въ качествѣ мастеровыхъ и непремѣнныхъ работниковъ, не смотря на званіе заводовладѣльца: этимъ положено было начало заводамъ на поссессіонномъ правѣ. Вслѣдствіе такихъ мѣръ, въ Россію стеклось множество иностранцевъ, и были предприняты многія экспедиціи для изслѣдованія различныхъ мѣстностей.

Самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ исполнителей своихъ плановъ нашелъ Петръ Великій въ нѣмцѣ Геннингѣ и въ тульскомъ оружейномъ мастерѣ Никитѣ Демидовѣ. Демидову былъ переданъ въ собственность Невьянскій заводъ, старѣйшій изъ уральскихъ заводовъ, основанный въ 1699 году на казенный счетъ; передача была сдѣлана подъ условіемъ возвратить казнѣ затраченныя на заводъ суммы. При жизни Петра Великаго, Демидовымъ были построены 10 заводовъ.

Вначалѣ дѣятельность Геннинга была иная: онъ отправленъ былъ въ Германію, Голландію, Францію и Англію для изученія способовъ, пріемовъ и нововведеній по механической и металлургической частямъ заводскаго производства, для привлеченія опытныхъ и знающихъ горнозаводское дѣло людей. По возвращеніи въ Россію, Геннингъ основалъ въ Олонецкѣ заводы и фабрики для литья

*

пушекъ, выдѣлки стали, жести, якорей, гвоздей и проволоки. Послѣ того онъ былъ отправленъ на Уралъ, въ званіи начальника всѣхъ заводовъ, основалъ тамъ г. Екатеринбургъ, построилъ Верхъ-Исетскій заводъ, окончилъ постройку Уктуйскаго завода, улучшилъ дѣйствіе Каменскаго, устроилъ нѣкоторые мѣдиплавильные заводы, усовершенствовалъ и расширилъ прежніе и проч.... Вслѣдствіе необычайной дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, всѣ расходы, употребленные на постройку заводовъ, были покрыты въ теченіе 6 лѣтъ доходами съ приготовленныхъ на нихъ металловъ. Въ 1726 и 1727 годахъ приготовлялось на этихъ заводахъ ежегодно: отъ 9,000 до 10,000 пуд. мѣди, отъ 140,000 до 150,000 пудовъ полосоваго желѣза, значительное количество стали, жести, проволоки и разныхъ мѣдныхъ подѣлокъ. Екатеринбургская горная школа основана Геннингомъ же. Послѣдній построенный имъ заводъ былъ Сысертскій. Въ 1734 году мѣсто Геннинга занялъ Татищевъ.

Германнъ увѣряетъ, что отъ 1719 до 1739 года въ Россіи было построено 35, отъ 1739 до 1782 года 119 заводовъ.

Изъ заводовъ, построенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, кажется, старѣйшими можно назвать каширскіе, основанные въ 1693 году въ тульской губерніи.

Въ настоящее время, всѣхъ заводовъ, находящихся въ вѣдѣніи уральскаго горнаго правленія, т. е. пермской, оренбургской, вятской, вологодской, казанской губерніяхъ, насчитывается до 170, въ томъ числѣ казенныхъ 21, частныхъ на поссессіонномъ правѣ 98, владѣльческихъ 51. На этихъ заводахъ добываются золото, серебро и платина; плавятся чугунъ, мѣдь, и выдѣлывается желѣзо. На все число уральскихъ заводовъ приходится чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ только 111; изъ нихъ—14 казенныхъ и 97 частныхъ. Собственно же чугуноплавильныхъ заводовъ насчитывается: казенныхъ 7 съ 10 доменными печами, частныхъ—51 съ 84 доменными печами.

Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи имѣется чугуноплавильныхъ заводовъ 25 съ 40 доменными печами. *Н. Анциферовъ.*

170. Мѣдь.

I. Широкое ея употребленіе. Другія названія ея. Способность къ окисленію и предохранительное средство.

Мѣдь извѣстна была въ глубокой древности; кажется, она, равно какъ и сплавы ея, гораздо прежде вошли въ употребленіе, чѣмъ желѣзо. Это металлъ весьма полезный по обширности и разнообразію его употребленія въ фабрикахъ, заводахъ и въ домашнемъ хозяйствѣ: изъ мѣди дѣлаются трубы, котлы, кастрюли, ванны, чаны

и проч.; ею обиваютъ корабли, покрываютъ зданія; изъ нея чеканятъ монету, тиснятъ медали; она, входя въ составъ золота и серебра, доставляетъ больше-крѣпости и прочности самымъ дорогимъ предметамъ роскоши, которые дѣлаются изъ сихъ металловъ, равно какъ золотой или серебрянной монетѣ.

Мѣдь, сплавленная съ цинкомъ, составляетъ *латунь*, или желтую мѣдь, а съ оловомъ—*бронзу*. Употребленіе сплавковъ сихъ столько-же обширно, какъ и самой мѣди. Ея окиселъ, соединенный съ сѣрною кислотою, даетъ мѣдный купоросъ, и съ уксусною—ярь веницейскую. И та и другая соль составляетъ значительный предметъ торговли.

Мѣдь, отъ дѣйствія кислотъ и даже одного влажнаго воздуха, весьма легко окисляется, а ядовитыя свойства ея окисловъ и солей дѣлаютъ не безопаснымъ приготовленіе пищи въ мѣдныхъ сосудахъ, а потому употребленіе ихъ требуетъ извѣстныхъ предосторожностей. Для избѣжанія опасности, мѣдную посуду покрываютъ полудой, т. е. тонкимъ слоемъ олова; для этой же цѣли остерегаются оставлять въ ней долгое время на холодѣ, или въ прикосновеніи съ воздухомъ, приготовленное кушанье, тѣмъ болѣе, если она не полужена.

II. Отличительныя признаки мѣди.

Цвѣтъ мѣди составляетъ одно изъ отличительныхъ ея свойствъ. Впрочемъ и онъ вводилъ иногда въ заблужденіе людей неопытныхъ, которые желѣзной колчеданъ, по цвѣту его и блеску, весьма часто считали мѣдью. Многіе мѣдные сплавки цвѣтомъ очень приближаются къ золоту.

Удѣльный вѣсъ мѣди, по опытамъ Леви, равенъ 883; но по испытанію Гашета, относительный вѣсъ сплавленнаго металла — 995, принимая вѣсъ воды во 100.

Запахъ мѣди весьма замѣчателенъ. Если тереть ее между пальцами, то они чернѣютъ, оттого-что мѣдныя частицы пристаютъ къ поверхности кожи, и при этомъ развивается тотъ непріятный запахъ, который всѣмъ извѣстенъ. Вкусъ мѣди также отвратителенъ и возбуждаетъ тошноту.

Мѣдь весьма ковка и тягуча. Можно вытянуть ее въ нити и прокатывать въ листы весьма тонкіе. Вязкость у нея меньшая, чѣмъ у желѣза, но большая, чѣмъ у платины, серебра, золота и проч. По опытамъ Сикенгера, мѣдная проволока въ 2 миллиметра можетъ держать тяжесть въ 137, 399 килограмовъ.

При 27 градусѣ Веджвудова пирометра, или около того, мѣдь плавится. При высшей степени жара, она на поверхности превращается въ пары, которые по сгущеніи представляютъ настоящую мѣдь въ чрезвычайно раздробленномъ видѣ. Если медленно охладить расплавленную мѣдь, то она способна кристаллизоваться че-

тырех-сторонними призмами; но чтобъ получить эти кристаллы, нужно отдѣлить ихъ отъ расплавленной массы прежде, чѣмъ она остынетъ.

Мѣдь, въ прикосновеніи съ влажнымъ воздухомъ, тускнѣетъ скоро на поверхности, т. е. накрывается окисломъ, который, мало помалу соединясь съ углекислотой и водою, находящимися въ воздухѣ, принимаетъ зеленый цвѣтъ.

III. МѢДНАЯ РУДА И ЕЯ ПРОПЛАВКА.

Въ минералогіи много считается различныхъ видовъ мѣди, и еще больше того отличій ихъ; всѣ они имѣютъ только то между собою сходство, что заключаютъ въ себѣ мѣдь, но не представляютъ ни одного общаго внѣшняго признака, по которому можно было бы ихъ узнать; надобно прибѣгать къ химическимъ пособіямъ, чтобъ открыть въ рудѣ присутствіе мѣди. Развѣ указать здѣсь на то обстоятельство, что рѣдко встрѣчается въ природѣ мѣдная руда, въ которой бы не обнаруживалось присутствіе мѣди какимъ-нибудь, хотя самымъ тонкимъ, прослойкомъ зеленаго или голубаго цвѣта.

Мѣдь залегаетъ въ горахъ толщами (штоками), пластами и гнѣздами, но чаще жилами, или составляетъ часть жилъ другихъ металловъ, либо горныхъ породъ.

Примѣръ перваго случая представляютъ мѣдныя руды въ Шесси, близъ Ліона,—послѣдняго смолистая мѣдь Турингіи.

Мѣдныя руды бываютъ преимущественно сѣрнистыя или мышьяковыя. Отдѣленіе мѣди изъ нихъ въ чистомъ видѣ требуетъ весьма много производствъ, по причинѣ большаго ея сродства съ сѣрою и съ мышьякомъ. Впрочемъ производства эти хотя многочисленны, но сами по себѣ просты, они состоятъ въ неоднократномъ обжиганіи рудъ и плавкѣ ихъ.

Мѣдь, выплавляемая изъ этихъ рудъ, рѣдко бываетъ совершенно чистою; она содержитъ нѣсколько мышьяка и сурьмы, и не можетъ быть поэтому употреблена въ лигатуру золота и серебра. Иногда такъ мало содержится мѣди въ рудахъ, что нельзя бываетъ съ выгодою ихъ плавить, развѣ гдѣ (какъ въ Швеціи) горючій матеріялъ весьма дешевъ.

171. Золото.

I. УПОТРЕБЛЕНІЕ ЗОЛОТА.

Кто не знаетъ этого металла? Оно блеститъ почти на каждой игрушкѣ, на дамскомъ дорогомъ нарядѣ, на мундирѣ каждаго чиновника или эполетахъ офицера. Имъ блеститъ и рамка, въ которую вставлена картина художника, и переплетъ дорогой книги—произведеніе великаго человѣка. Вы его встрѣтите на фарфорѣ,

на хрусталѣ, на обрѣзѣ бумаги, и нѣтъ той самой обыкновенной вещи, которую человѣкъ по своей прихоти не украшалъ бы иногда золотомъ.—Позолотой блеститъ внутренность нашихъ храмовъ, имъ украшены св. иконы, и наконецъ золотомъ блестятъ кресты и маковки бѣлокаменной Москвы. Гораздо рѣже находимъ мы золото, какъ матеріялъ для издѣлій. Однакожь изъ цѣльнаго золота часто дѣлаютъ всякаго рода уборы, сосуды и другія вещи; роскошь богача покрываетъ свой столъ золотою посудой, и древніе персидскіе цари, римскіе кесари и монгольскіе ханы не только имѣли золотые престолы, но и употребляли золото на всякую самую обыкновенную утварь, и даже покрывали имъ внутреннія стѣны своихъ дворцовъ. Ни на что однакожь не употребляется столько золота, сколько на вещь по себѣ вовсе безполезную и даже не служащую ничему украшеніемъ, а именно на выдѣлываніе золотой монеты, искони представляющей у людей высшую общую цѣнность, посредствомъ которой производится всякая мѣна, торгъ или продажа. Такъ на пр. богатая Англія почти не знаетъ другихъ денегъ, кромѣ золотой монеты.

Не должно думать однакожь, что если золото употребляется на столько различныхъ предметовъ и въ такомъ количествѣ, что его такъ много разсѣяно въ природѣ. Напротивъ, его очень не много и только тяжелый трудъ человѣка и его искусство умѣли ввести его въ такое общее употребленіе.

Употребленіе золота безспорно принадлежитъ глубочайшей древности, и вѣроятно, что это былъ одинъ изъ первыхъ металловъ, которымъ человѣкъ началъ пользоваться; ибо золото почти единственный металлъ, который встрѣчается въ природѣ въ настоящемъ видѣ, годномъ прямо къ употребленію.

II. мѣста нахожденія золота.

Золото находится въ горнокаменныхъ породахъ различнаго образованія, но чаще всего въ песчаныхъ розсыпяхъ по берегамъ рѣкъ или въ видѣ золотыхъ блестокъ, смѣшанныхъ съ пескомъ на днѣ рѣкъ и протоковъ. Въ первомъ случаѣ, оно называется *золотой рудой*,—во второмъ—*золотыми розсыпями*, или *пескомъ*.

Частицы золота, въ томъ или другомъ видѣ, въ примѣси съ тѣми или другими минералами, вѣроятно, находятся почти во всѣхъ краяхъ свѣта, во внутренностяхъ земли;—но при маломъ количествѣ отдѣляемаго золота, обработка его часто не окупается количествомъ добываемаго металла, а потому и называются обыкновенно золотыми рудниками или розсыпями только тѣ изъ нихъ, которые съ нѣкоторымъ избыткомъ могутъ вознаградить трудъ человѣка.

Въ древнемъ мірѣ золото получалось преимущественно съ востока, изъ средней Азіи и Аравіи, и доселѣ Персія, Индія и Китай представляютъ еще неизчерпаемое богатство золотой руды, впрочемъ въ новѣйшее время мало обработанной.

Римляне получали также золото изъ Испаніи, Далмаціи и Паннониі, нынѣшней Венгріи, гдѣ и теперь еще есть золотые рудники.

Въ новомъ мірѣ, открытіе Америки доставило въ руки европейцевъ неизчерпаемыя богатства ея рудниковъ. Богатые рудники находятся въ Бразиліи, Хили. Но въ Мексикѣ и Перу и особенно рудники Потози и Перу доселѣ почитаются самыми богатыми золотыми рудами въ свѣтѣ, хотя въ послѣднее время, при уменьшившейся разработкѣ, они уступаютъ въ количествѣ добываемаго золота золотымъ розсыпямъ сибирскимъ.

Завоеваніе туземныхъ царствъ испанцами доставило имъ огромное количество золота въ готовыхъ издѣліяхъ—произведеніяхъ искусства туземцевъ, ограбленныхъ европейскими пришельцами. Но скоро грабить было уже нечего, и они обратились къ богатствамъ, которыя скрывала въ своихъ нѣдрахъ новооткрытая почва. Для этого въ своей жадной и нетерпѣливой корысти, они обратили цѣлыя туземныя поселенія на каторжную работу въ рудникахъ, которая въ скоромъ времени извела народонаселенія цѣлыхъ областей, такъ-что въ наше время отъ многихъ народовъ, составлявшихъ нѣкогда богатыя царства и цвѣтшихъ благосостояніемъ, не осталось ни одного человѣка. Такова была участь, которую просвѣщенный Европеецъ, принесъ американскому дикарю вмѣсто благословенія христіянства, коему думалъ служить великій Колумбъ, открывая новые народы и земли. Испанія мечтала на вѣки сдѣлать себя богатой и счастливой, владѣя такими несмѣтными богатствами золота; но золото, которое доставили ей неправедныя ея стяжанья и нѣмое страданье порабощенныхъ населеній, скоро перешло въ руки другихъ, болѣе трудолюбивыхъ и промышленныхъ народовъ, которые вымѣняли даровое золото Испаніи на произведенія своего труда, ремеслъ и торговли. Не прошло полутора вѣка, какъ Испанія, не смотря на все свое золото, стала бѣднѣе прежняго, и потеряла все свое прежнее политическое могущество. Въ настоящемъ же столѣтіи она утратила всѣ свои лучшія американскія колоніи, и доселѣ остается одною изъ бѣднѣйшихъ земель Европы.

Европа также имѣетъ свои золотые рудники напр. Венгрія, Тироль, Чехія и другія земли. Испанія и Португалія, при богатствѣ американскихъ рудниковъ, вовсе не воздѣлывали своихъ собственныхъ въ новое время. Но самыя богатыя мѣсторожденія золота въ Европѣ безспорно принадлежатъ Россіи, а взятыя вмѣстѣ съ золотыми пріисками въ Россіи азіятской, по количеству добываемаго въ обоихъ золота, можетъ-быть, первые въ мірѣ. До но-

вѣйшаго времени извѣстны были только золотые рудники и розсыпи въ Уралѣ и незначительныя мѣсторожденія золота близъ Алтая; но въ послѣднее десятилѣтіе особенно увеличилась разработка золота въ Сибири и не только увеличилась она въ Уралѣ, но еще болѣе на сѣверъ отъ Алтая, особенно за Енисеемъ и на сѣверо-востокъ отъ Красноярска, между Енисеемъ и верховьями Тунгуски. Въ послѣдніе годы производство всего золота въ Сибири доходило до 350 пудовъ.

Богатство Россіи золотомъ заключается преимущественно не въ рудахъ, какъ богатства Америки, а въ золотыхъ пескахъ и розсыпяхъ. Добываніе золота изъ золотоносныхъ песковъ было безъ сомнѣнія извѣстно и глубокой древности и вѣроятно прежде разработки руды, представляющей гораздо болѣе трудностей. Такъ объ немъ еще свидѣтельствуетъ намъ и греческое сказаніе о золотомъ рунѣ, которое Язонъ похитилъ изъ Колхиды. Вѣроятно, что все это сказаніе не означало ничего другаго, какъ то, что греки ѣздили въ Колхиду добывать золотой песокъ со дна тамошнихъ рѣкъ, спуская въ нихъ овечьи шкурки, въ которые теченіе рѣки вмѣстѣ съ пескомъ наносило и золотыя блестки. Римляне получали золотой песокъ изъ Испаніи; имъ славилась въ древности Аравія; безспорно находятся также золотыя розсыпи во всей средней Азіи. Но особенно извѣстны золотыми песками берега Африки, Гвинея и такъ называемый золотой берегъ, откуда англичане ежегодно вывозятъ до 30 пудовъ золотаго песку. По новѣйшимъ извѣстіямъ найдены также богатыя золотыя розсыпи въ Калифорніи, гдѣ еще не давно находилась русская колонія Россъ.

III. КАКЪ ДОБЫВАЕТСЯ И ОБРАБАТЫВАЕТСЯ ЗОЛОТО.

Чистаго золота въ самородкахъ почти не находится, но всегда въ соединеніи съ нѣкоторымъ количествомъ серебра, мѣди и другихъ металловъ. Золото легко соединяется также искусственнымъ образомъ съ разными металлами, серебромъ, мѣдью и другими веществами; но всего легче и удобнѣе съ ртутью, на чемъ и основаны главные способы очищенья золота.

Иногда находятъ золото въ видѣ малыхъ плитокъ, зеренъ или отдѣльными блестками. Въ большихъ же массахъ самородное золото находится весьма рѣдко, такъ напр. на Уралѣ, гдѣ его ежегодно добывается около 350 пудъ, до 1841 года былъ найденъ только одинъ самородокъ въ 24 ф. 68 золотн, но не давно найденъ въ Царево-Александровской розсыпи самородокъ вѣсомъ въ 2 пуда, 26 ф. 92 золотн., можетъ-быть, самой большой самородокъ, который доселѣ былъ извѣстенъ.

Обработка золотой руды обыкновенно весьма проста и состоитъ

въ толченіи и промываніи ея, пока золото не осядетъ внизъ, и тогда полученный осадъ плавятъ на сильномъ огнѣ.

Для полученія золота изъ золотоносныхъ песковъ обыкновенно промываютъ этотъ песокъ, при чемъ золото очищается все болѣе, и наконецъ когда получатъ золото въ извѣстной чистотѣ, соединяютъ его со ртутью. Потомъ улетучиваютъ ртуть посредствомъ сильнаго жара; послѣ чего и получается чистое золото.

Извлеченіе золота изъ сѣрныхъ породъ, часто содержащихъ въ себѣ золото въ избыткѣ, нѣсколько сложнѣе. Для этого употребляются два способа.

Способъ плавленія: калятъ руду для отдѣленія отъ нея сѣры, плавятъ отдѣлившееся золото, потомъ смѣшиваютъ его съ свинцомъ, и снова плавятъ. Наконецъ отдѣливъ примѣсь свинца въ образовавшемся сплавкѣ, получаютъ чистое золото.

Другой способъ, посредствомъ соединенья съ ртутью. Когда руда бѣдна, калятъ ее до соединенія съ ртутью; когда же она очень богата, то соединяется съ ртутью безъ накаленья. Ртуть испаряютъ на сильномъ жару, и золото остается на днѣ сосуда.

Золото, добытое плавленіемъ, можетъ содержать въ себѣ желѣзо, олово и серебро; но полученное посредствомъ соединенія съ ртутью, содержитъ только серебро. Отдѣлять золото отъ желѣза и олова легко, сплавляя его съ селитрою. Для отдѣленія же золота отъ серебра употребляютъ особенный, довольно многосложный способъ съ помощью селитряной кислоты, и при этомъ необходимо, чтобы сплавокъ состоялъ изъ одной части золота и 3-хъ частей серебра.

IV. КАЧЕСТВА ЗОЛОТА.

Чистое самородное или выдѣланное золото твердо, имѣетъ цвѣтъ желтый, блестящій, не имѣетъ вкуса и запаха, какъ напр. желѣзо, мѣдь и другіе металлы. За исключеніемъ платины, при одинаковомъ объемѣ, оно тяжеле всѣхъ другихъ вѣсомыхъ тѣлъ. Такъ оно въ 19 разъ съ $\frac{1}{2}$ тяжеле перегнанной воды, что и составляетъ его удѣльный вѣсъ; ибо вѣсъ перегнанной воды, взятой въ извѣстномъ объемѣ, принимается за общее мѣрило всѣхъ тяжестей и постоянную единицу, въ отношеніи которой сравнительный вѣсъ каждаго тѣла и называется его удѣльнымъ вѣсомъ.

Золото не измѣняется отъ дѣйствія воздуха; во время плавленія оно принимаетъ зеленый цвѣтъ, но превращается въ пары и улетучивается только при сильномъ электрическомъ снарядѣ, и если подвержено ему въ тонкихъ пластинкахъ. Расплавляется оно при 32° градусахъ Веджвудова пирометра*, инструмента, которымъ

---

* Онъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ суживающихся пластинокъ, на которыхъ показаны градусы; между ними кладется кусокъ сухой особенно приготов-

измѣряются степени сильнѣйшаго жара при плавленіи металловъ, когда термометръ не можетъ болѣе служить для опредѣленія температуры.

Золото самый ковкій и тягучій металлъ, какой доселѣ извѣстенъ; изъ него можно вытянуть проволоку такой тонины, что при длинѣ въ 72 сажени, она будетъ вѣсить не болѣе грана. Вмѣстѣ съ тѣмъ золото такъ плотно, что золотая проволока, толщиною въ $^3/_{10}$ одной линіи, и въ аршинъ длины можетъ держать на себѣ 16 ф. вѣсу. Позолота на серебрѣ, будучи въ $^1/_{10,000}$ долю линіи толщиною, не показываетъ, даже при разсмотрѣніи въ микроскопъ, обнаженныхъ частицъ серебра; а одной унціей золота можно позолотить тонкую серебряную проволоку въ 1300 верстъ.

Растворивъ золото въ царской водкѣ, и прибавляя въ полученный растворъ другихъ химическихъ веществъ, получаютъ то кассіевъ пурпуръ, употребляемый въ живописи на фарфорѣ и для окрашиванія стекла въ яхонтовой цвѣтъ, то золото въ порошкѣ, употребляемое для позолоты фарфора,—то такъ называемое гремучее золото, которое вспыхиваетъ и производитъ взрывы, какъ порохъ и пр.

V. ПОЗОЛОТА И ИСКУССТВО ЗОЛОТИТЬ.

Искусство золотить очень разнообразно; но вообще можетъ быть раздѣлено на позолоту металлическихъ и неметаллическихъ вещей.

Для позолоченья неметаллическихъ вещей, употребляютъ листовое золото, накладывая его различными способами, смотря по вещи. Листовое золото приготовляется сначала въ видѣ проволокъ, потомъ раздавливаютъ его двумя стальными валами и разрѣзываютъ на небольшія плитки. Эти плитки сперва по нѣсколько вмѣстѣ кладутся между двумя пергаментными листами и расколачиваются; а потомъ ихъ разбиваютъ между двумя тонкими кожицами на твердомъ, гладкомъ камнѣ деревянными молотками до потребной тонины.

Металлическія вещи изъ бронзы, мѣди или серебра, золотятъ слѣдущимъ образомъ; очистивъ сперва поверхность извѣстнымъ химическимъ способомъ, обливаютъ водою и сушатъ, послѣ этого накладываютъ сортученное золото (смѣсь золота съ ртутью) щеточками, сдѣланными изъ тонкой мѣдной проволоки, и наконецъ

ленной глины, которая замѣняетъ ртуть или спиртъ въ термометрѣ. При сильномъ жарѣ, глина отъ дѣйствія его суживается и при извѣстномъ наклонѣ подвигается все болѣе къ узкому концу пирометра, смотря по степени жара.

золотимую вещь кладутъ въ огонь. Ртуть превращается въ пары, оставляя тонкій слой золота, который потомъ полируютъ.

Серебро золотятъ также слѣдующимъ образомъ: намачиваютъ ветошки растворомъ золота въ царской водкѣ, и высушивъ ихъ, сожигаютъ. Получивъ такимъ образомъ родъ пепла, смѣшаннаго съ чрезвычайно тонкимъ золотымъ порошкомъ, натираютъ имъ полированное или матовое серебро пробкою, предварительно нѣсколько обожженною и смоченною въ уксусѣ. Но всѣ эти способы золоченія съ выгодою замѣняетъ новооткрытый способъ золоченья посредствомъ галванизма, при чемъ золото осаживается ровнѣе, соединяется съ предметамъ плотнѣе и слоями еще тончайшими. Для этого вещь погружаютъ въ золотой растворъ, потомъ подвергаютъ дѣйствію галванической батареи, и золото само осѣдаетъ на предметъ.

Отысканіе средствъ для полученія золота въ тончайшихъ слояхъ, почти неуловимыхъ для измѣренія, конечно, родилось не отъ одной любви человѣка къ золоту, которая при невозможности имѣть издѣлія изъ настоящаго золота, заставляетъ его часто довольствоваться однимъ видомъ и блескомъ его. Но кромѣ прихоти человѣка, позолота имѣетъ и ту существенную выгоду, что золото, можетъ-быть, единственный металлъ кромѣ платины, который никогда не ржавѣетъ; а потому и позолота предохраняетъ предметы отъ всякой ржавщины, дѣйствія мокроты или воздуха.

VI. ЛИГАТУРА ВЪ ЗОЛОТѢ.

Чистое золото, безъ всякой примѣси, называется у насъ обыкновенно червонным. Но оно слишкомъ мягко для издѣлія, и потому въ дѣловое золото примѣшиваютъ всегда частицу мѣди или серебра, что и называется лигатурой. Въ первомъ случаѣ лигатура называется красной, во второмъ—бѣлой.

VII. ЦѢННОСТЬ.

Золото имѣетъ также свою условную цѣну, если и измѣняющуюся, то весьма незначительно; такъ напр. фунтъ золота равняется цѣнѣ 20 фунтовъ серебра и около 1400 фунтовъ мѣди. Впрочемъ въ Римѣ при первыхъ кесаряхъ, когда въ него вливались сокровища со всего свѣта, золото такъ упало въ цѣнѣ, что цѣнность его, напр. въ отношеніи къ серебру, была не болѣе, какъ 7—и къ 1-му.

Одни драгоцѣнные камни и жемчугъ при томъ же объемѣ имѣютъ большую цѣнность противъ золота, такъ напр. золотникъ цѣльнаго бриліанта стоитъ нѣсколько фунтовъ золота.

172. Что такое каменный уголь?

Что такое каменный уголь? *уголь* ли это и *каменный* ли это уголь? Полагаемъ, что каждый читатель можетъ отчасти отвѣчать на этотъ вопросъ и сказать, что это — остатокъ измѣнившихся, нѣкогда на землѣ жившихъ растеній. Оно, дѣйствительно, такъ и есть; растительное происхожденіе каменнаго угля теперь несомнѣнно доказано наблюденіями ученыхъ, которые прибѣгали сначала къ микроскопу, а потомъ и къ химіи.

Гёппертъ впервые клалъ подъ микроскопъ тончайшій порошокъ и осколки каменнаго угля, Видцемъ (Withame) оттачивалъ кам. уголь въ тончайшія пластинки, и оба (послѣдній яснѣе) ежели не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто, замѣчали въ немъ устройство растительной ткани. Впослѣдствіи Гёппертъ сожигалъ кам. уголь, и въ золѣ его находилъ еще остатки растительной ткани. Наконецъ Шмидтъ и Шлейденъ придумали еще болѣе удобный способъ: они вымачивали каменный уголь въ углекисломъ натрѣ, отъ чего онъ размягчался и въ тончайшихъ пластинкахъ дѣлался полупрозрачнымъ. Тогда они отличали не только ткань растительную, но даже и родъ деревьевъ, изъ которыхъ могъ образоваться кам. уголь. Что въ кам. углѣ бываютъ полные отпечатки растеній, — извѣстно всѣмъ.

Химическое разложеніе кам. угля дало совершенно подобный результатъ. Оно открыло вопервыхъ, что кам. уголь не могъ образоваться подъ вліяніемъ огня, потому-что въ углѣ находятся нѣкоторыя вещества, которыхъ не могло сохраниться въ растеніяхъ, если бы они подверглись дѣйствію огня; здѣсь слѣдовательно веществъ болѣе, нежели въ углѣ, а огонь только истрачиваетъ вещества. Вовторыхъ химія показала, что при разложеніи кам. угля получаютъ между прочимъ и вещества, которыя получаются и изъ нынѣшнихъ растительныхъ веществъ.

Наблюденія показали также, что на памяти человѣка обыкновенное дерево обращалось въ бурый уголь — *лигнитъ*, отъ слова lignum — дерево; наконецъ Гёппертъ опытами, продолжавшимися нѣсколько лѣтъ, искуственно приготовилъ нѣчто весьма похожее на бурый уголь и каменный уголь.

Этотъ ученый кипятилъ въ теченіе года обыкновенное дерево хвойнаго растенія въ закрытомъ сосудѣ, и получилъ вещество, похожее на бурый уголь; впослѣдствіи, продолживши этотъ опытъ на большое время, и прибавивъ желѣзнаго купороса (желѣзный колчеданъ обыкновененъ въ пластяхъ кам. угля), Гёппертъ получилъ вещество близкое къ каменному углю.

Кажется, что всего этого вмѣстѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что *каменный уголь, дѣйствительно, растительнаго происхожденія.*

К. Рулье.

173. Ископаемый или каменный уголь.

I. Значеніе и виды его.

До открытія каменнаго угля, или точнѣе сказать, пока не научились добывать и употреблять его въ извѣстныхъ случаяхъ, до тѣхъ поръ дрова и древесный уголь почитались единственнымъ горючимъ матеріяломъ. Но этотъ матеріялъ никогда не былъ бы въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣка, никогда не получилъ бы того обширнаго приложенія въ общежитіи, къ какому оказался способнымъ каменный уголь. Безъ него мы не имѣли бы ни газоваго освѣщенія, ни паровыхъ машинъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни той исполинской дѣятельности, какая происходитъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ настоящую эпоху каменный уголь становится однимъ изъ самыхъ главныхъ двигателей промышленности и торговли; это архимедовъ рычагъ, повернувшій вселенную.

Каменный или ископаемый уголь представляетъ четыре главныя измѣненія: *антрацитъ*, *черный* или *собственно каменный уголь*, *лигнитъ* и *торфъ*. Каждое изъ этихъ измѣненій отличается собственными свойствами.

II. Антрацитъ.

Антрацитъ въ чистомъ состояніи есть вещество твердое, чернаго цвѣта, непрозрачное и слоистое; однѣ изъ его поверхностей, обыкновенно соотвѣтствующія плоскостямъ наслоенія, тусклы и марки, а другія, перпендикулярныя къ первымъ, имѣютъ сильный, зеркальный блескъ, отъ воздуха иризуются и не марки. Антрацитъ при ударѣ легко дѣлится на куски; но, не смотря на это, трудно чертится ножомъ, особенно же трудно обращается въ порошокъ, тонкій и совершенно неимѣющій блеска.

По всѣмъ означеннымъ наружнымъ признакамъ, антрацитъ болѣе или менѣе сходенъ съ каменнымъ углемъ; но легко отличается отъ него химическимъ составомъ и тѣми явленіями, какія обнаруживаетъ онъ при горѣніи. Анализъ открываетъ въ антрацитѣ отъ 90 до 95% *углерода*, того самаго вещества, которое при горѣніи даетъ наиболѣе пищи жару; остальное составляютъ въ немъ *зола*, *кислородъ* и *водородъ*; послѣдняго болѣе, нежели сколько нужно для образованія воды съ кислородомъ, заключающимся въ томъже веществѣ; излишній водородъ при горѣніи значительно усиливаетъ нагрѣвательную способность антрацита.

Какъ весьма плотное вещество, антрацитъ загорается трудно безъ помощи дровъ и древеснаго либо каменнаго угля и безъ значительнаго притока воздуха; но, загорѣвшись, даетъ ровный, продолжительный и сильный жаръ, который однако не сопровождается ни пламенемъ, ни дымомъ, ни запахомъ, исключая тѣхъ случаевъ,

когда находятся въ немъ какія-либо постороннія примѣси; къ числу самыхъ обыкновенныхъ и вредныхъ примѣсей относится *желѣзный колчеданъ* (сѣрнистое желѣзо), при горѣніи обнаруживающій себя короткимъ и голубоватымъ пламенемъ; это пламя по мѣрѣ горѣнія изчезаетъ, и антрацитъ остается въ раскаленномъ состояніи. При быстромъ дѣйствіи жара, антрацитъ, какъ худой проводникъ теплоты, нагрѣвается неравномѣрно, и вслѣдствіе этого растрескивается въ мелкіе куски; въ противномъ случаѣ горитъ ровно, не измѣняя своей формы, и послѣ горѣнія оставляетъ немного золы.

Нагрѣвательная сила антрацита выражается слѣдующимъ образомъ: одинъ фунтъ антрацита можетъ нагрѣть 75 фунт. воды, отъ 0° до температуры кипѣнія; еще простѣе и осязательнѣе: сажень осиновыхъ дровъ, по своей нагрѣвательной способности, равняется 20,74 пуд. антрацита, сажень березовыхъ 25,77 пуд., сажень пятичетвертныхъ еловыхъ 33,5 пуд. Конечно, толщина дровъ, степень ихъ влажности, свойства самаго антрацита, не всегда одинаковыя, и многія другія обстоятельства могутъ измѣнять означенныя цыфры; но при всемъ томъ, онѣ достаточно выражаютъ отношеніе антрацита къ нашему обыкновенному топливу, дровамъ. Предъ каменнымъ углемъ антрацитъ также имѣетъ преимущество по своей нагрѣвательной силѣ на 10%; притомъ, будучи плотнѣе его, онъ занимаетъ менѣе мѣста, менѣе крошится и удобнѣе къ перевозкѣ на 22%; слѣдовательно объемъ, вмѣщающій 100 пуд. угля, вмѣститъ 122 пуд. антрацита, соотвѣтствующіе по нагрѣвательной силѣ 134 пуд. *лучшаго* англійскаго угля.

Антрацитъ, какъ горючій матеріялъ, можетъ быть употребленъ съ большею или меньшею пользою во всѣхъ техническихъ производствахъ, какъ напр. при плавкѣ чугуна, выдѣлкѣ желѣза, отопленіи испарительныхъ котловъ, паровыхъ машинъ и т. д. Трудному горѣнію антрацита помогаютъ особеннымъ устройствомъ печей, доставляющихъ обильный и ровный притокъ воздуха.

Иногда антрацитъ искусственнымъ образомъ соединяютъ съ посторонними веществами, именно съ глиною и каменнымъ углемъ, и дѣлаютъ изъ нихъ кирпичи, служащіе довольно хорошимъ топливомъ. Для этого употребляютъ обыкновенно мелкій *мусоръ*, образующійся при добываніи и перевозкѣ антрацита. Въ послѣднее время, съ 1848 года, такой же мусоръ, или высѣвки, остающіяся отъ пріема грушевскаго антрацита въ астраханскій портъ, стали употреблять съ большою пользою для кузнечнаго дѣла.

III. КАМЕННЫЙ УГОЛЬ.

Антрацитъ имѣетъ довольно опредѣленные признаки; нельзя сказать тогоже относительно *каменнаго угля*: это названіе принадлежитъ весьма многимъ измѣненіямъ ископаемаго топлива.

Типъ каменнаго угля, или уголь, заключающій всѣ требуемыя качества, называется *жирнымъ*, или *смолистымъ* по блеску (houille grasse) и *кузнечнымъ* по употребленію (h. maréchale); его же называютъ *чернымъ* въ отличіе отъ лигнита, или бураго угля. Дѣйствительно, онъ чернаго цвѣта, смолистаго блеска, хрупокъ и твердъ. Удѣльный вѣсъ=1,27. Но главное отличіе каменнаго угля отъ антрацита составляютъ его химическія и пирогностическія свойства. Во 100 частяхъ его содержится отъ 72 до 85% углерода, значитъ золы, кислорода и водорода въ немъ болѣе, нежели въ антрацитѣ; вслѣдствіе этого, при горѣніи, онъ обнаруживаетъ другія явленія, нежели антрацитъ: каменный уголь загорается легко, и горитъ съ пламенемъ бѣлымъ, болѣе или менѣе длиннымъ, при чемъ чувствуется смолистый запахъ, самый же уголь превращается въ особенную массу, хорошо спекшуюся, тонкопузырчатую, однородную, сѣро-стальнаго цвѣта, звонкую и твердую; эта масса, остающаяся послѣ горѣнія каменнаго угля, называется *коксомъ*. Смолистый уголь есть попреимуществу коксовый уголь, поелику изъ него получается наибольшее количество этого вещества. Оно имѣетъ такое же отношеніе къ каменному углю, какое обыкновенный уголь къ дереву: коксъ есть, такъ сказать, обугленный каменный уголь.

Типическій, или смолистый, уголь представляетъ весьма много измѣненій, но главныхъ, заслуживающихъ особенное названіе, считается три: одно изъ этихъ измѣненій представляетъ переходъ каменнаго угля въ антрацитъ, и называется *сухимъ антрацитовымъ углемъ* (houille sèche anthraciteuse); два другія сближаютъ его съ лигнитомъ и, по особенному свойству кокса, называются *тощими углями* (h. maïgres).

Употребленіе каменнаго угля и кокса, изъ него получаемаго, понятно: это превосходный горючій матеріялъ при плавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза, если только онъ не бываетъ смѣшанъ съ сѣрнымъ колчеданомъ. Для этого идетъ преимущественно смолистый уголь. Во всѣхъ фабричныхъ производствахъ, требующихъ *пламеннаго* горѣнія, и при домашнемъ отопленіи, каменный уголь предпочитается антрациту; но для пароходовъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ съ малымъ объемомъ горючаго матеріяла должна соединяться большая нагрѣвательная способность, онъ не такъ удобенъ, какъ антрацитъ. Нагрѣвательная сила его меньше антрацитовой: одинъ фунтъ лучшаго каменнаго угля нагрѣваетъ воды, отъ 0° до кипѣнія, не болѣе 70 фунт. съ половиною: одинъ фунтъ средней доброты согрѣваетъ до кипѣнія только 60 фунт. воды. Вообще нагрѣвательную способность каменнаго угля принимаютъ *вдвое* больше, или около того, противу сухихъ дровъ; сухія же дрова, смотря по различной степени сухости, согрѣваютъ отъ 36 до 40 фунт. воды.

IV. Лигнитъ.

Къ каменному углю весьма близко подходитъ иногда *лигнитъ*, особенно тотъ, который называется *совершеннымъ*, или образцовымъ *(гагатъ)*. Но цвѣтъ его постоянно матовый черный, въ порошкѣ или чертѣ измѣняющійся въ бурый. Удѣльный вѣсъ=1,25. Онъ содержитъ только 65—70% углерода. На огнѣ горитъ, не измѣняя формы, съ пламенемъ и весьма непріятнымъ запахомъ, зависящимъ отъ пригорѣлой кислоты (acide pyroligneux). Лигнитъ не даетъ кокса; осколки его, съ прекращеніемъ пламени, распадаются въ пепелъ; въ тоже время оканчивается и горѣніе.

Лигниты, по своимъ свойствамъ менѣе сходные съ каменнымъ углемъ, называются *деревенистыми* (lignites ligneux), потому-что они представляютъ явственное растительное строеніе, и часто имѣютъ видъ чернаго, либо красновато-бураго дерева. По этому послѣднему признаку лигнитъ называется иначе *бурымъ углемъ* (Braunkohle). Бурый уголь горитъ съ пламенемъ и сильнымъ пригорѣлымъ запахомъ. Уксусная кислота, образующаяся при его горѣніи, довольно сильно дѣйствуетъ на печи, на желѣзныя и чугунныя трубы, и чрезъ то самое значительно ограничиваетъ употребленіе лигнита.

V. Торфъ.

Обыкновенный торфъ, образующійся въ мѣстахъ сырыхъ и болотистыхъ, большею частію представляетъ три главные вида, или сорта, которые суть не иное что, какъ три степени измѣненія растительнаго вещества, и которые встрѣчаются иногда всѣ вмѣстѣ, особенно въ большихъ и глубокихъ болотахъ. Самый верхній торфяной слой, покрывающій такія болота, обыкновенно имѣетъ видъ войлока, или бурой волокнистой ткани, которая видимо произошла изъ остатковъ растеній, особенно же изъ остатковъ болотнаго мха (sphagnum), и потому называется *дерновымъ*, или *моховымъ торфомъ* (tourbe gazonneuse, t. mousseuse).—Ниже этого верхняго слоя лежитъ другой, который представляетъ уже бо́льшую степень измѣненія растительнаго вещества, и называется *болотнымъ торфомъ* (tourbe de marais). Сравнительно съ верхнимъ, или моховымъ торфомъ, онъ образуетъ массу, болѣе темную, болѣе однородную, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дотого мягкую, что необходимо укладывать ее въ формы. Большею частію однако болотный торфъ, подобно моховому, рѣжется желѣзными лопатами.—Торфъ, который лежитъ еще глубже, на самомъ днѣ болотъ, и состоитъ изъ чернаго густаго ила, почти незаключающаго въ себѣ видимыхъ растительныхъ частей, называется *смолистымъ торфомъ* (tourbe bitumineuse).

Въ сухомъ состояніи означенные сорты торфа столь же различны между собою, какъ въ сыромъ, или жидкомъ. Моховый, или дер-

новый торфъ—масса волокнистая, бураго цвѣта, и чрезвычайно легкая. Переходя въ болотный торфъ, она становится тяжелѣе, темнѣе, разсыпчатѣе и однообразнѣе по своему составу. Въ послѣдней степени своего измѣненія торфъ представляетъ массу еще болѣе тяжелую, черную, разсыпчатую и почти совершенно безразличную, массу, которая съ водою составляетъ вязкій илъ, заключающій въ себѣ весьма немного такихъ растительныхъ частей, которыя еще не подверглись разрушенію. Кубическій футъ моховаго торфа, хорошо отжатаго и высушеннаго, вѣситъ не болѣе 4—6 фунтовъ, а вѣсъ смолистаго торфа, при тѣхъже условіяхъ и въ одинъ кубическій футъ, доходитъ иногда до пуда и болѣе.

Кромѣ трехъ главныхъ измѣненій торфа, нами описанныхъ, въ природѣ встрѣчаются еще другіе, но которые не иное что суть, какъ различные оттѣнки, или переходы отъ одного главнаго сорта къ другому. У насъ въ торговлѣ большею частію принимаются только три вышеозначенные сорта, и подъ тѣмиже названіями, исключая смолистаго, который чаще называется *чернымъ*, или *пръснымъ* торфомъ. Впрочемъ названія ихъ большею частію заимствуются отъ способа обработки: такъ одинъ сортъ называется *рѣзнымъ* торфомъ, другой *формованнымъ*, третій *прессованнымъ*. Торфъ, въ составъ котораго входятъ во время обработки всѣ предыдущіе сорты, безъ различія (по способу г. Гофманна) называется въ торговлѣ *торфолеиномъ*, или *турболиномъ*.

Достоинство торфа, какъ горючаго матеріяла, зависитъ отъ степени его измѣненія, сухости, тяжести, или удѣльнаго вѣса и плотности, или связи между его частицами. Самымъ лучшимъ торфомъ почитается смолистый, слѣдовательно болѣе старый и представляющій наибольшее измѣненіе растительнаго вещества. Онъ же оказывается всегда и болѣе тяжелымъ, сравнительно съ другими видами торфа. Прочіе сорты торфа вообще уступаютъ смолистому, но тѣмъ не менѣе также могутъ служить хорошимъ топливомъ, особенно когда они бываютъ совершенно сухи, и въ маломъ объемѣ заключаютъ много горючаго матеріяла. Оба означенныя свойства стараются сообщить торфу посредствомъ просушиванія и сильнаго сжатія. Само собою разумѣется, что и смолистый торфъ, не смотря на его хорошія качества, также требуетъ просушиванія и сжатія.

Торфъ заключаетъ въ себѣ меньшее количество *углерода*, нежели всѣ прочіе ископаемые угли. Въ обыкновенныхъ печахъ онъ горитъ медленно, безъ пламени, и отдѣляя много густаго дыма, съ непріятнымъ и тяжелымъ запахомъ, особенно если торфъ свѣжъ и въ сухомъ мѣстѣ не вылежался надлежащимъ образомъ. Пламенное горѣніе торфа требуетъ вопервыхъ небольшой подтопки, вовторыхъ сильной тяги, слѣд. такой печи, которая была бы устроена съ рѣшеткою, поддуваломъ и довольно длинною трубою. Но и при

этихъ условіяхъ, быстрота и сила пламени опредѣляются качествомъ торфа: черный, или смолистый торфъ горитъ небольшимъ пламенемъ, медленно, и оставляетъ подъ конецъ крѣпкій тлѣющійся уголь; прочіе сорты торфа, болѣе легкіе сравнительно съ предыдущимъ, сгораютъ скорѣе, съ бо́льшимъ пламенемъ, и оставляютъ послѣ себя одну золу. По химическому испытанію, этотъ землистый остатокъ состоитъ изъ фосфорнокислыхъ и сѣрнокислыхъ солей, извести, глины, песку, и тѣмъ самымъ рѣзко отличается отъ древесной золы, которая постоянно содержитъ углекислыя щелочности *.

Количество золы, остающейся послѣ сгоранія торфа, бываетъ весьма различно, отъ 1 до 30%; послѣдній случай, т. е. большое количество золы, составляетъ одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ торфа, какъ топлива, и замѣчается только въ такихъ видахъ этого вещества, въ которыхъ много землистой примѣси.

Въ настоящее время торфъ входитъ въ большее и большее употребленіе, какъ замѣна дровъ, на отопленіе комнатъ, обжиганіе извести, кирпича, на выпариваніе соляныхъ растворовъ, сахарныхъ сыроповъ и т. д. Тамъ, гдѣ требуется медленный жаръ, употребляютъ лучшій сортъ угля, а гдѣ требуется горѣніе съ пламенемъ и скорое, низшіе сорта торфа. Нагрѣвательная сила этого топлива неодинакова. Дѣйствительно, нѣкоторые сорты торфа могутъ нагрѣть воды, отъ 0° до точки кипѣнія, только 15 фунт., а другіе нагрѣваютъ 30 или даже болѣе 60 фунт. Вслѣдствіе этого весьма трудно опредѣлить отношеніе торфа къ дровамъ. Нѣкоторые однако опыты показали, что кубическая сажень чернаго, или смолистаго торфа равна, по нагрѣвательной силѣ, $1^{836}/_{1000}$ сажени пяти-четвертныхъ еловыхъ дровъ, и потому кубическую сажень рѣзнаго или болотнаго торфа приблизительно принимаютъ равною одной сажени, а моховаго—полусажени пяти-четвертныхъ еловыхъ дровъ.

174. Природа днемъ и ночью.

Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха [1]. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра [2]. Но низится къ западу солнце [3], глохнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари [4]. Замолкло пѣвучее племя [5], разсѣлось по вѣткамъ [6], попряталось въ чащу, листву кустарную [7], и спитъ, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, вы-

* Вслѣдствіе такого состава, торфяная зола не можетъ быть употреблена на приготовленіе поташа или щелоковъ, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, служитъ хорошимъ землеудобрительнымъ средствомъ.

ступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздольѣ, и далеко несется по поемной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ, льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа, но не криками сказывается теперь ея дѣятельность — безмолвно, тайно творитъ она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо, и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на долы. Проснулись и сычъ и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки своихъ глазъ, сбираясь летѣть за заснувшей добычей. Вывела изъ логовища дѣтей волчица, и фосфорическимъ огнемъ зажглись ея глаза. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ живой добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ, на широкій цвѣтистый лугъ слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ, и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ разсыпались зеленыя искры, засвѣтились Ивановы червячки. Въ дуплѣ старой липы слышится писк, проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелятся, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

Н. П. Вагнеръ.

Объяснительное чтеніе.

1. Кто дѣйствуетъ? какъ дѣйствуетъ? еще какъ? для кого и для кого осязательно? Когда рѣзко и осязательно для глазъ и слуха дѣйствуетъ природа?

О комъ же здѣсь говорится? А что такое природа? Природою называется совокупность всѣхъ тѣлъ, земныхъ и небесныхъ, рожденныхъ отъ слова Божія. Что же о природѣ здѣсь говорится? Если природа дѣйствуетъ, значитъ, она производитъ что-нибудь? Какъ же назвать ея произведенія? А человѣкъ умѣетъ, искусился ль, догадался ли что-нибудь дѣлать, производить изъ произведеній естественныхъ? Какъ его произведенія зовутся? Деревья и дома, глина и кирпичъ, горка и курганъ — какіе изъ этихъ предметовъ будутъ произведенія естественныя и какія искусственныя? Естественныя произведенія и искусственныя произведенія будутъ ли также предметы?

2. Кто слышится? кто это она? когда слышится? какая это она? Чѣмъ выраженная? чего множествомъ? чьихъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ? какого міра? Что такое животный міръ? Чтобъ объяснить себѣ это, припомните, что мы прежде называли *животнымъ* и что *міромъ*. Вспомнили? Значитъ, подъ міромъ животнымъ разумѣется совокупность однихъ животныхъ? Міръ животный въ наукѣ и въ обще-

житіи какъ обыкновенно и чаще называютъ? Значитъ, царство животное и міръ животный выражаютъ одно и тоже, а не два различные предмета? А на сколько классовъ или родовъ раздѣляется весь міръ животный или все царство животное? Къ царству ли животныхъ (или къ міру животному) принадлежатъ гусь, муравей, грачъ, лиса и левъ? А волчица, хорекъ, сова, филинъ, ивановы червячки?

3. Что низится? Куда низится? А солнце какое тѣло по мѣстопребыванію?

4. Что глохнутъ? Какъ глохнутъ? какъ замирая? съ чѣмъ постепенно замирая? какой зари? О чемъ здѣсь говорится? что говорится о звукахъ? Какимъ признакомъ отличаемъ этотъ предметъ? Стало, какой предметъ нашего сужденія? Звуки какимъ изъ внѣшнихъ чувствъ познаются? Какая часть тѣла служитъ органомъ слуха? Изъ сколькихъ частей ухо состоитъ?

5. Что замолкло? какое племя? А что такое племя? Всѣ ли птицы поютъ? и слѣд. всѣ ли они составляютъ пѣвучее племя?

6. Что разсѣлось? гдѣ разсѣлось? на чемъ бываютъ вѣтки? изъ чего онѣ выходятъ? Стало, вѣтки — части растеній или животныхъ? Растенія принадлежатъ къ какому разряду предметовъ, по устройству ихъ тѣла? Какъ называется наука о растеніяхъ? Изъ какого языка заимствовано нами слово «*ботаника*?» Съ греческаго; тамъ оно звучитъ *βοτανικη* т. е. *τεχνη* отъ *βοτανη*—растеніе. Кстати, наука о животныхъ какое имя носитъ? Зоологія—тоже греческое слово.

7. Что попряталось? Куда попряталось? Что такое чаща? Что такое — листва кустарная? У деревьевъ есть органы питанія и размноженія своего рода? По имѣнію органовъ деревья какъ называются? Но вѣдь животныхъ мы называли также органическими существами, стало-быть, растенія и животныя одного рода, могутъ составить одно царство? Отчего же растенія не могутъ принадлежать къ царству животному? Стало, растеніе можно отдѣлить въ другое царство?—Какъ же это царство назвать намъ? Сколько царствъ органической природы мы различаемъ?

Но всѣ ли предметы на землѣ, напр. золото, серебро, камни, принадлежатъ къ этимъ двумъ царствамъ? Есть ли въ названныхъ предметахъ то, почему мы признаемъ животныхъ и растенія? Есть ли въ нихъ то, что принадлежитъ каждому растенію? Начнемъ же съ того, есть ли у золота, у камня, органы для своего питанія и размноженія? Органическія ли они тѣла? Стало, камни, металлы, составляютъ свой особый отдѣлъ въ природѣ? Золото, камни достаютъ на поверхности земли или выкапываютъ, *искапываютъ* изъ нутри (нѣдра) земли? Вотъ зато камни, металлы называются *ископаемыми* или греч. словомъ *минералами*, а совокупность всѣхъ ихъ—царствомъ *ископаемымъ*? Наука объ ископаемомъ царствѣ—минералогія.

Итакъ, сколько же царствъ земныхъ тѣлъ, составляющихъ природу? Какое изъ этихъ царствъ съ какимъ роднѣе—животное съ растительнымъ, или ископаемое съ животнымъ?—Животныя и растенія имѣютъ ли орудія или органы для жизни? Напр. на что у перепела клювъ, глаза? Есть-ли какое орудіе, органъ для переработки пищи, которою они питаются? У липы есть корень, стебель, листья, — къ чему они служатъ орудіями? Можетъ ли растеніе жить безъ корня, стебля и листьевъ? На деревьяхъ вы видите цвѣты, плоды, сѣмена—а эти къ чему служатъ (орудіями) органами? Изъ сѣмечка можетъ ли вырости другое такоеже растеніе? А есть ли органы для жизни у камней, металловъ? Слѣд. какое же царство съ какимъ имѣетъ большее сходство? Какъ же можно назвать животныя и растенія зато, что

у нихъ есть органы къ жизни, и какъ назвать камни и металлы, у которыхъ нѣтъ органовъ для жизни? Органическія тѣла живутъ, а неорганическія не живутъ? Чѣмъ въ органическихъ тѣлахъ обнаруживается жизнь? А что не питается, не растетъ, не размножается, то живетъ ли? Слѣд. органическія тѣла живутъ? Оттого органическія тѣла за жизнь какъ можно назвать — и какъ неорганическія за отсутствіе жизни называются? Стало-быть, въ природѣ есть тѣла, которыя существуютъ да не живутъ? Какъ назвать тѣла существующія и живущія, и тѣла существующія, но не живущія? А къ существамъ или вещамъ сопричислить должно искуственныя произведенія? А каждое существо и каждая вещь будутъ также предметы? А предметы неорганическіе можно ли назвать одушевленными? а есть ли у нихъ *полъ или родъ*?

VI. ОТНОШЕНІЕ МЫШЛЕНІЯ КЪ ЯЗЫКУ.

175. Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ [1],
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна,
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна? [2]
Или бури завыванъемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей [3],—
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ *синица*
Тихо за моремъ жила *;
Спой мнѣ пѣсню, какъ *дѣвица*
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

А. Пушкинъ.

---

* Пушкинъ вспоминаетъ здѣсь слѣдующую изъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ:

За моремъ Синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла;
Черной Дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташечекъ.
Совушка, вдовушка, незваная пришла,
Снигирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?
Радъ бы я жениться, да некого взять!
Взялъ бы я пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я Чечетку—та тетка моя;
Взялъ бы я Синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я Сороку—щекотливая;
Есть за моремъ Перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкою,
Со малыми дитятами!

Объяснительное чтеніе.

1. Про что говорится во всѣхъ 8 строчкахъ, или стихахъ? Что вы называете бурею? Да, правда, — самое быстрое движеніе воздуха — буря, именно, когда въ одну секунду воздухъ проходитъ больше 60 футовъ. — Мы прочли въ стих. про бурю,—знаетъ ли теперь каждый изъ васъ про другаго, какъ онъ понялъ эти стихи, и какъ они ему понравились? Какъ же узнать можно? Стало, узнаемъ лишь тогда, когда каждый скажетъ или напишетъ, какъ онъ понимаетъ ихъ, и какъ они нравятся? Скажетъ ли кто изъ нихъ, или напишетъ, — во всякомъ случаѣ чѣмъ же мысль каждаго обнаружится, станетъ доступною для насъ? Стало-быть, на что же служатъ наши слова? Чѣмъ слово устное отличается отъ письменнаго? Теперь понимаете ли, отчего мы знаемъ, какъ Пушкинъ думалъ о бурѣ? Какъ онъ думалъ? А какъ называли мы соединеніе представленій, въ которомъ видно, какъ кто думаетъ о предметѣ? Отдѣлите же мнѣ въ этихъ 8 стихахъ одно сужденіе отъ другаго:

1. Буря—крутя; 2. то какъ звѣрь—завоетъ, 3. то—дитя; 4. то—зашумитъ, 5. то—застучитъ.—Остановимся на первомъ сужденіи: буря выражаетъ предметъ или признакъ? Какой это предметъ по существу? Кроетъ что выражаетъ предметъ или признакъ? Какой признакъ по существу—предметный или личный? Значитъ иными словами мы выражаемъ представленія о предметахъ, иными — представленія признаковъ; различныя представленія находятъ различныя слова, имъ соотвѣтственныя, напр. *буря*—и *кроетъ*, *дитя—заплачетъ*.

Какая часть слова, начальная или конечная обозначаетъ различіе самыхъ представленій? Такъ ли кончится *буря* и *кроетъ*? Въ этихъ словахъ всѣ представленія какъ относятся одно къ другому? Съ представленіемъ *буря* мы соединяемъ понятіе предмета дѣйствующаго, производящаго; представленіе о *небо* показываетъ, что предметъ относится къ дѣйствію, какъ страдательный, недѣйствующій, на которой переходитъ дѣйствіе; представленіе о *мглою* указываетъ, что этотъ предметъ относится, какъ орудіе, средство къ дѣйствію *«кроетъ»*;—представленіе же кроетъ показываетъ дѣйствіе, которое производитъ буря. Но если мы скажемъ: «мгла крыла небо въ бурю»: то такъ же ли будутъ относиться представленія между собою, какъ въ «буря небо мглою кроетъ?» Стало-быть, представленія относятся другъ къ другу не одинаково, а различно? Чѣмъ слова обнаруживаютъ, что представленія различно относятся между собою? замѣтили ли вы, что сдѣлалось съ окончаніями словъ? Слѣдовательно окончанія словъ, кромѣ обозначенія различія самыхъ представленій, показываютъ и различіе ихъ отношеній? Чтобъ показать иное отношеніе словъ во второмъ примѣрѣ, окончанія словъ перемѣнились, явились въ другомъ видѣ: оттого — окончанія словъ и сочетаніе ихъ въ одно цѣлое называются *фор-*

Русскіе поселяне, говоритъ И. П. Сахаровъ въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ, олицетворяли свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою снигиря съ перепелкою. Синичка, какъ свекровь, дѣлаетъ приготовленіе къ свадебнымъ пирамъ; снигирь, какъ женихъ, выбираетъ себѣ невѣсту. Въ этой хороводной игрѣ женихъ— снигирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ пѣсню. Мнѣ часто, продолжаетъ онъ, случалось слышать эту пѣсню и на зимнихъ посидѣлкахъ, и въ это время пѣвцы измѣняли голосъ ея на тихій тонъ, междутѣмъ-какъ въ хороводѣ она имѣетъ быстрый и веселый напѣвъ.

ма́ми языка; ими-то обозначается разница какъ представленій, такъ и отношеній ихъ.

2. Кто пріумолкла? къ кому же обращается съ этимъ вопросомъ? Здѣсь слова въ такомъ видѣ «моя старушка» появились только потому, что говорящій обозначаетъ ту, къ кому обращается онъ съ рѣчью, или съ которою разговариваетъ. Стало, когда мы говоримъ, то мы имѣемъ въ виду лицо слушающее, и показываемъ, какъ относится къ нему наша рѣчь? Гдѣ пріумолка? Отчего же? Знаетъ ли онъ то, отъ чего старушка пріумолкла? чѣмъ показывается, что говорящій не знаетъ, отъ чего старушка пріумолкла? Пріумолкла она прежде, нежели онъ обратился къ ней съ вопросомъ, или въ ту самую минуту? Какъ же это здѣсь въ словѣ показывается? Слѣд. слова и окончанія ихъ показываютъ еще, какъ соединенныя представленія относятся къ лицу говорящему и слушающему? чтобъ показать это отношеніе, принимаютъ ли они какой-нибудь особенный видъ или форму?

3. Кто выпьемъ? Къ кому обращается съ рѣчью? Одну ли старушку просятъ выпить? Почему мы узнаемъ, что желаніе говорящаго *выпить*, обращенное къ старушкѣ, представляется намъ такимъ, что въ этомъ дѣйствіи приметъ участіе и самъ говорящій? Какъ бы онъ сказалъ, когда бы выразилъ такое желаніе, приглашеніе *выпить*, которое должна была бы исполнить одна старушка, а самъ онъ не принялъ бы въ этомъ участія? Значитъ, при этомъ случаѣ слово *«выпить»* приняло бы другой видъ, другую форму, другое окончаніе? Слѣд. окончанія словъ можно ли назвать формами словъ? Стало-быть словами въ различныхъ формахъ что да что выражается?

Итакъ, если и различныя слова и различныя ихъ формы служатъ средствомъ выражать и различіе самыхъ представленій, и различіе ихъ отношеній, и отношенія ихъ къ лицу говорящему и слушающему; то объяснять различные роды словъ и разнообразныя формы ихъ можно и должно *изъ отношеній рѣчи къ мышленію, къ самому лицу говорящему и къ слушающему.* Съ этихъ трехъ сторонъ объясняется все разнообразіе формъ языка, и объясненіе это излагается въ особой наукѣ—грамматикѣ, которою мы и займемся въ слѣдующемъ курсѣ.

176. Движеніе земли.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь кругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ; другой слылъ Птоломей *.

---

* Птоломей, знаменитый астрономъ, жилъ въ Александріи (въ Египтѣ) во второмъ вѣкѣ послѣ Рожд. Христова. Онъ училъ, что *земля твердо стоитъ*, неподвижна, что вокругъ нея кружатся въ различныхъ разстояніяхъ подвижныя свѣтила, а именно: сперва мѣсяцъ, потомъ Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и наконецъ Сатурнъ. Его ученіе, обпародованное около 160 л. по Р. Х., было признаваемо за истинное почти XIV вѣковъ. Первый, ясно доказавшій ошибочность птоломеева ученія о неподвижности земли, былъ Николай Коперникъ, родившійся 19 февраля, 1473 года, въ городѣ Торнѣ на Вислѣ. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи на латинскомъ языкѣ: «Объ обращеніи круговъ небесныхъ (De revolutionibus

Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ;
Кто видѣлъ простяка изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

Ломоносовъ.

177. Четыре времени года.

«Ахъ, еслибъ все зима была!» сказалъ Петруша послѣ того, какъ онъ игралъ въ снѣжки, и катался съ горы на санкахъ.

Отецъ приказалъ ему отмѣтить это желаніе въ записной книжкѣ,—и онъ то исполнилъ.

Прошла зима; наступила весна. Петруша стоялъ съ отцомъ своимъ подлѣ цвѣтника, въ которомъ распустились розы, лиліи, гіацинты и нарциссы, и былъ внѣ себя отъ радости. Весна приноситъ съ собою эти цвѣты, сказалъ отецъ: съ ней они и проходятъ. «Ахъ, если бы все была весна!» отвѣчалъ Петруша. Отецъ велѣлъ ему и это желаніе записать въ книжку,—и онъ записалъ.

Миновала весна; наступило лѣто. Въ одинъ прекрасный день Петруша съ своими родителями и нѣсколькими другими дѣтьми пошли въ ближнюю деревню, и цѣлый день тамъ пробыли. Вокругъ ихъ видны были зеленыя поля и долины, покрытыя множествомъ цвѣтовъ, и луга, на которыхъ прыгали ягнята. Тамъ они ѣли растущія лѣтомъ ягоды, и провели время очень весело.

Не правда ли, сказалъ отецъ, возвращаясь домой, что лѣтомъ можно имѣть много забавъ? «Ахъ, отвѣчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было лѣто!» И это желаніе записано въ книжку.

Настала и осень. Вся семья отправилась на нѣсколько дней въ виноградные сады. Не было уже такихъ жаровъ, какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенный и небо свѣтлое. На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые грозды, на грядахъ лежали благоуханныя дыни, и вѣтви деревъ отъ спѣлыхъ плодовъ къ землѣ приклонялись. Тутъ-то любо было Петрушѣ, который былъ большой охотникъ до всякихъ плодовъ!

---

orbium coelestium), которое напечатано въ годъ его смерти, 1543 г. въ Нюренбергѣ, онъ доказалъ, что земля *обращается* около солнца, а не стоитъ неподвижно. Его ученіе нѣсколько разъ было оспориваемо,—но споры всѣ давно покончены послѣ ученыхъ изслѣдованій Кеплера (род. въ Швабіи 1511 г. и ум. въ Рейгенсбургѣ 1630), который опредѣлилъ, какъ совершается движеніе планетъ вокругъ солнца, и Ньютона (ум. въ Лондонѣ въ 1727, 87 лѣтъ отъ роду), который объяснилъ причины движенія планетъ, допуская во всѣхъ тѣлахъ *силу притяженія*, или тяготѣніе. Теперь всѣ ученые и образованные люди безпрекословно признаютъ мнѣніе Коперника; одни только простолюдины и вообще люди необразованные по простотѣ своей думаютъ, что земля неподвижна, а солнце вертится около нея.

Это прекрасное время скоро минетъ, сказалъ отецъ; зима уже на дворѣ. «Ахъ!» сказалъ Петруша, «я бы желалъ, чтобъ зима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень.»

Право, ты желалъ бы этого? спросилъ отецъ. «Желалъ бы,» отвѣчалъ Петруша. Но посмотри, продолжалъ отецъ, вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, читай! «Я желаю, чтобъ всегда была зима.» А вотъ на этой страницѣ, прочитай, что написано? «Я желаю, чтобъ всегда была весна.» А вотъ, на этой? «Я желаю, чтобъ всегда было лѣто.» Знаешь ли ты, примолвилъ отецъ, чья рука это писала? «Моя,» отвѣчалъ Петруша. А чего же ты теперь желаешь? «Я желаю, чтобъ всегда была осень.» Но это очень забавно, сказалъ отецъ: зимою ты хочешь всегдашней зимы, весною всегдашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени! Подумай, что изъ того должно слѣдовать? «Что всѣ времена года хороши.»

Конечно такъ: всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами; и Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы, слабые люди! Если бы прошлая зима состояла въ твоей волѣ, то у насъ не было бы ни весны, ни лѣта, ни осени. Ты покрылъ бы землю вѣчнымъ снѣгомъ длятого только, чтобъ играть въ снѣжки и кататься съ горы на санкахъ; и сколькихъ другихъ удовольствій ты лишилъ бы насъ! Счастливы мы, что не въ нашей состоитъ власти управлять свѣтомъ: получивъ эту власть, мы тотчасъ бы его разрушили. *А. Шишковъ.*

178. Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живешь
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.
И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется.
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?

Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...
И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шумѣнъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ.
И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалека,
И время вспомню я другой весны.

179. Страда.

Время летитъ быстро. Вотъ и іюль мѣсяцъ за половину переходитъ. Ржи по возвышеннымъ мѣстамъ, буграмъ и косогорамъ бурѣютъ, а на сухихъ мѣстахъ, на припекѣ солнца, совсѣмъ готовы: хоть коси. Овсы тоже начинаютъ желтѣть,—приходитъ время самое трудное: успѣвай только работать, и сколько бы ни было рукъ — все покажется мало. Не то хлѣбъ убирать, не то метать землю подъ рожь. До Ильина дня (20-го іюля) земля не только должна быть взметана, но и передвоена. Метку земли подъ озимой посѣвъ начинаютъ, какъ только вывезутъ навозъ, и потому земледѣлецъ до самаго послѣдняго дня уборки часто не знаетъ, за что приняться; все нужно: и рожь готова, и овесъ того и гляди перезрѣетъ, и посѣвомъ не надо опоздать, и горохъ готовъ, и греча совсѣмъ потемнѣла, пожалуй перезрѣетъ, и зерно осыплется. Въ осенній сѣвъ нѣкоторые хозяева, хоть десятину, хоть двѣ, а непремѣнно посѣютъ до Преображенія (6-го августа). Пахота и сѣвъ производятся тѣмъже порядкомъ, какъ и весною. Но тутъ есть расчетъ во времени: посѣй слишкомъ рано — ранніе морозы могутъ захватить и убить всходы, когда они еще не «*выкрасились*».

Говорятъ: «рожь въ краскѣ», это значитъ, что ржаные всходы только еще вышли изъ земли и не успѣли позелѣнѣть, а имѣютъ цвѣтъ красноватый. Хорошо, когда рожь, до наступленія морозовъ разростется кустами—«закустится», но дурно, когда останется въ

*

краскѣ, или на оборотъ: вытянется въ *трубку*. Впрочемъ очень часто бываетъ, что рожь съ осени внушаетъ хозяину опасеніе, но благотворная весна все исправляетъ. Иногда случается наоборотъ: отличныя съ осени озими гибнуть весною. Это породило поговорку: «осень говоритъ: я всклокочу; а весна отвѣчаетъ: нѣтъ какъ я захочу!»

По обыкновенному порядку, рожь начинаютъ косить или жать около Ильина дня. Вечеръ на Ильинъ день или самый Ильинъ день рѣдко проходятъ безъ грома и молніи, и говорятъ, что въ этотъ день Илья пророкъ ѣдетъ на небо въ огненной колесницѣ. Въ это время года грозы бываютъ часто, и полуденныя грозы рѣдко не сопровождаются градомъ. Грозовая туча наводитъ страхъ на земледѣльца: всѣ его труды, всѣ надежды могутъ погибнуть въ полчаса. Отъ души молится всякій. Можно смѣло сказать, что никогда горожанинъ такъ не молится. Для предохраненія отъ града выставляютъ на дворѣ Богоявленскую воду, а предъ образами зажигаютъ Богоявленскую свѣчу. Иные, еще съ весны, зарываютъ во всѣхъ поляхъ въ землю склянки съ святою крещенскою водою,—и по вѣрѣ бываетъ благодать. Часто очень бывало, что поля, защищенныя присутствіемъ святой воды, оставались невредимыми, тогда какъ смежныя дачи, по самый рубежъ, были совершенно истреблены градомъ. По вечерамъ небо нерѣдко освѣщается отдаленными молніями, которыя вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. На мгновеніе покажутся предметы, и опять все погрузится въ мракъ. Въ лѣсахъ тихо и темно; свѣтляки свѣтятъ въ лѣсной травѣ огненными точками; перепела кричатъ во ржахъ; кузнечикъ трещитъ въ муравѣ... Эти отдаленныя молніи называютъ *зорницею*. Народъ говоритъ, что зорница «зоритъ» * хлѣбъ, т. е. способствуетъ созрѣванію.

Къ этому времени у крестьянъ всѣ зерновые запасы истощены, такъ-что часто нѣтъ хлѣба, и потому они прибѣгаютъ къ займамъ. Можно судить поэтому, какъ довольны бываютъ всѣ, когда хлѣбъ уродился и созрѣлъ. Часто бываетъ, что негдѣ занять хлѣба для насущнаго продовольствія; тогда начинаютъ жать рожь прежде, нежели она созрѣетъ. Рожь, овесъ, ячмень и пшеницу иногда жнутъ, а иногда косятъ, судя по урожаю. Если рожь высока и густа, если отъ жира земли, отъ обильныхъ дождей и отъ налива зерна рожь полегла и опутана вьющимися травами; то косить невозможно и непремѣнно надо ее жать. Но гдѣ рожь не густа и не высока, тамъ просто косятъ *«подъ крюкъ»*, т. е. косою, къ которой придѣланы зубья, или грабельки, чтобъ скошенная рожь ложилась порядкомъ и не перепутывалась. Съ пшеницею и ячменемъ поступаютъ точно

---

* *Зорить* глаголъ винословный: онъ значитъ заставлять зрѣть, т. е. спѣть. Съ глаголомъ *зрѣть*, въ значеніи видѣть, это слово не имѣетъ ничего общаго, кромѣ созвучія. Въ южной Россіи зорница называется спѣлица.

также. Овесъ почти всегда косятъ, но бываетъ, что и овесъ, при дождливомъ лѣтѣ и на хорошей землѣ, чрезвычайно высокъ и густъ, въ такомъ случаѣ его жнутъ. Чтобы сжать въ день одну тридцатную десятину хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ *. Если вся десятина полегла и повита травою, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и къ концу рабочаго дня бываютъ страшно утомлены. Помѣщики, когда пошлетъ Господь обильный урожай, такъ-что своими средствами нѣтъ возможности управиться съ уборкою, призываютъ «помочь». Для этого наканунѣ праздничнаго или воскреснаго дня, посылаютъ нарочнаго въ сосѣднее оброчное или казенное селеніе съ приглашеніемъ мужиковъ покоситься, а бабъ пожаться или повязаться. Приглашаютъ въ праздникъ, потому-что на себя работать въ праздникъ грѣхъ, а пособить доброму человѣку грѣхомъ не считается. По приходѣ нарочнаго, сейчасъ собирается сходка, и старики опредѣляютъ: сколько къ сосѣду отправить на помочь мужиковъ и бабъ. На другой день, раннимъ утромъ, назначенное число рабочихъ является къ сосѣду, и тотъ-же часъ всѣ отправляются въ поле. Въ часъ обѣда они приходятъ на господскій дворъ, гдѣ для нихъ приготовленъ обѣдъ, перемѣнъ изъ четырехъ, съ виномъ и брагой. Послѣ обѣда, вмѣсто отдыха, рабочіе начинаютъ плясать, пѣть и, навеселившись вдоволь, опять идутъ въ поле, гдѣ работаютъ до захожденія солнца. Окончивъ день, опять собираются съ пѣснями на барской дворъ ужинать, и послѣ ужина, иногда до полуночи, водятъ хороводы, пляшутъ и дотого развеселятся, что если бъ не напоминали имъ безпрестанно, что пора домой, то они бы протолклись на барскомъ дворѣ до утреней зари. Наконецъ они уходятъ; но долго еще въ тиши лѣтней ночи раздаются постепенно замирающіе звуки ихъ веселыхъ пѣсенъ, и долго еще въ невозмутимой тишинѣ и мракѣ двора мерещатся пляшущія фигуры и плавно движущіеся круги хороводовъ. Помочь дается сосѣдними крестьянами всегда съ большою готовностію и даже удовольствіемъ. Кромѣ угощенія и веселаго гулянья, привлекательныхъ для молодежи, готовность помочь происходитъ отъ признательности за полезныя и совѣтомъ и дѣломъ услуги помѣщика—сосѣда. Жнутъ двумя способами: или прямо связываютъ въ снопы, если рожь чиста, т. е. не травниста и совершенно созрѣла, или въ противномъ случаѣ, срѣзываютъ рожь серпами и кладутъ ее кучками, «*горстями*»: это называется жать на горсти. Когда сжатая вмѣстѣ съ хлѣбомъ трава отъ солнца и вѣтра замретъ и засохнетъ, тогда изъ горстей вяжутъ снопы. Изъ трехъ, четырехъ и пяти горстей составляется снопъ. Къ вечеру, предъ окончаніемъ дневной работы, связанные и сжатые снопы складываются въ копны.

---

* Нерѣдко случается, что жнутъ не только однѣ бабы, но и мужики.

Копна состоитъ изъ четырехъ крестцовъ, а крестецъ изъ тринадцати сноповъ. Въ копнѣ 52 снопа. Крестцы складываются слѣдующимъ образомъ: кладутся крестообразно четыре снопа колосьями внутрь, такъ-чтобы колосья одного снопа прикрывались колосьями другаго; на этотъ первой слой сноповъ кладется другой, тѣмъже порядкомъ; потомъ третій слой, стало-быть 12 сноповъ положены. Потомъ крестецъ покрывается послѣднимъ тринадцатымъ снопомъ, которой накладывается сверху крестца, съ угла на уголъ, такъ-чтобы онъ прикрывалъ собою середку, и чтобы колосья его лежали въ наклонномъ положеніи. Крестцы складываются такимъ образомъ длятого, что если пойдетъ дождь, даже продолжительный, проливной, то въ крестцѣ, правильно сложенномъ, пострадаетъ развѣ самый нижній слой и самый верхній снопъ, который впрочемъ скоро обвѣтривается, и, находясь въ наклонномъ положеніи, не позволяетъ водѣ проникать въ средину колосьевъ. Бываетъ, что во время самаго разгара жнитва, около или вскорѣ послѣ полудня, покажется тучка, и внезапно закропитъ дождь; тогда, для сохраненія сжатаго хлѣба, бросаютъ дальнѣйшее жнитво, и готовые снопы, какъ можно поспѣшнѣе, стаскиваютъ въ копны.

Когда порядочное колпчество десятинъ уже сжато, и копенъ наставлено столько, что числа ихъ будетъ достаточно не на одинъ скирдъ или одонье, тогда уборку въ полѣ представляютъ однимъ бабамъ, а мужики запрягаютъ въ телеги лошадей, и ѣдутъ возить хлѣбъ въ гумно. Возка начинается обыкновенно тогда, когда уже хорошо ободняетъ, и солнце совершенно обсушитъ ночную росу. Подъѣхавъ на рысяхъ къ копнѣ, мужикъ слѣзаетъ съ телѣги, короткой вилой вскидываетъ на возъ снопы, и, когда извѣстное количество сноповъ положено, накладываетъ сверху для притуги жердь, обвязываетъ весь возъ веревкой, чтобъ снопы не расползались, и окончивъ это дѣло, либо и самъ лѣзетъ на самый верхъ воза и ѣдетъ, или идетъ тихонько пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы или за поводъ.

Обыкновенно накладывается на возъ отъ полукопны до трехъ крестцовъ; только въ крайнемъ случаѣ, когда торопятся уборкою, накладывается вся копна. Снопы сжатой ржи или «жатики» вяжутъ чище, и соломой она короче, а потому и накладывать ихъ на телегу можно удобнѣе и болѣе, нежели сноповъ «кошенки», у которой солома несравненно длиннѣе, отъ чего и снопы бываютъ толще, да и вяжутся они не такъ тщательно. Рѣдко когда можно взвалить на телегу болѣе полукопны кошеной ржи. Овесъ возятъ почти всегда по цѣлой копнѣ, потому-что снопы овсяные менѣе ржаныхъ.

На барщинѣ, во время уборки хлѣба, ежели послать бабъ на десятину жать или вязать сообща, то онѣ вяжутъ не торопясь, вяжутъ тщательно, но снопы бываютъ необъемисты; потому-что всякая изъ бабъ очень хорошо знаетъ, что она пойдетъ домой не ра-

нѣе другихъ, а для нея не все ли равно, сколько бы она ни навязала? Не за вину же ей работать болѣе всѣхъ! Но ежели десятина раздѣлена для работы на уроки, тогда жнитво или вязка идетъ быстрѣе. Одна передъ другой торопится связать скорѣе свой участокъ и прежде другихъ оставить поле; а вслѣдствіе этой ускоренной работы и снопы вяжутъ непомѣрно велики... Надобно замѣтить, что всякая раздѣльная работа, гдѣ только возможно употребить ее, въ хозяйствѣ всегда бываетъ выгоднѣе.

Овесъ, рожь и другіе хлѣба складываются въ скирды и одонья. Скирдъ имѣетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника, шириною въ основаніи отъ 4 до 5 аршинъ и шире; длина же бываетъ отъ 10 до 12 и болѣе аршинъ. Иногда складываются большіе скирды или *клади*, сажень въ 7, или длиннѣе, гдѣ какъ заведено, и смотря по мѣстному положенію гумна. Обыкновенные скирды для молотьбы удобнѣе. Одонья кладутся круглыя, съ остроконечнымъ верхомъ. Основаніе одонья въ поперечникѣ бываютъ отъ 5 до 6 аршинъ, иногда менѣе, а иногда немного болѣе. Одонья и скирды до 9-й «версты», т. е. ряда, или слоя сноповъ, нѣсколько разширяются снизу вверхъ, а съ девятой версты ихъ начинаютъ вершить, т. е. съуживать, одонья въ видѣ круглаго шара, а скирды обыкновенно на подобіе продолговатой крыши, со скатомъ на всѣ четыре стороны. Чѣмъ непримѣтнѣе завершается скирдъ или одонье, т. е. чѣмъ верхъ бываетъ круче, тѣмъ лучше предохраняются они отъ осеннихъ дождей и непогодъ. Нужное число копенъ, для обсѣмененія поля, ржи, а ежели позволяетъ просторъ, то и болѣе, складываютъ для молотьбы въ ригу, или сарай, разумѣется у кого онъ есть. Въ ригу складываютъ крестьяне обыкновенно и другіе красные хлѣба, какъ-то: пшеницу, горохъ и проч. Крестьяне, по своимъ малымъ средствамъ, не могутъ имѣть обширныхъ ригъ. Но у помѣщиковъ риги строятся очень велики и бываютъ до 30 и болѣе саженей въ длину. Хорошіе хозяева имѣютъ, кромѣ риги, сараи и навѣсы, подъ которые убираютъ хлѣбъ. Рожь, убранная подъ крышу прямо съ поля, бываетъ суше, умолотистѣе и качествомъ зерна превосходнѣе той, которая складывается въ одонья и скирды. Но дороговизна матеріяла и недостатокъ денежныхъ средствъ препятствуютъ хозяевамъ складывать весь хлѣбъ подъ крыши.

Чтобъ поставить скирдъ или одонье, сперва приготовляется «падина». Падины подъ скирды бываютъ постоянныя и временныя. Постоянныя падины строятся двумя способами: 1-й способъ—ставятъ 6 или 8 столбиковъ вышиною отъ 3 четвертей до аршина. Каждый «падинный столбикъ» вершка на два ниже верхняго конца зарѣзываютъ кругомъ такъ, чтобъ мышь, ежели бъ ей вздумалось вскарабкаться по столбику въ скирдъ, для достиженія своей цѣли, должна бы была принять горизонтальное положеніе,—чего, разумѣется, она сдѣлать не можетъ. Столбики связываются между со-

бою бревнами, а на эти связи кладутъ поперекъ переводины, разстояніемъ одна отъ другой на аршинъ. Сдѣланныя такимъ образомъ падины остаются на гумнѣ постоянно, и не разбираются. Когда понадобится на нихъ класть хлѣбъ, то переводины застилаютъ хворостомъ; сверхъ хвороста накладываютъ солому, и потомъ уже начинаютъ взводить скирдъ. Постоянныя падины устроиваютъ также и изъ плетня или изъ камня, гдѣ его много. Пространство, назначенное подъ скирдъ, оплетаютъ или окружаютъ каменною стѣнкою, вышиною до ½ аршина и болѣе; средину набиваютъ вровень съ краями глиною, которая образуетъ такимъ образомъ плотный полъ. Для кладки хлѣба, на глину настилается только солома. Временныя падины дѣлаются просто: на землю, по величинѣ скирда или одонья, кладутся четыре бревна, образующія четырехъ-угольникъ; пространство между бревнами закладываютъ хворостомъ, на хворостъ стелятъ солому, и падина готова. Если нѣтъ ни бревенъ, ни хвороста, и настоящей падины сдѣлать не изъ чего; то просто настилаютъ на землю соломы.

Есть обычай, впрочемъ не общій, класть въ скирды троицкіе пучечки, или цвѣты, съ которыми слушали вечерню въ Троицынъ день. Говорятъ, что это предохраняетъ хлѣбъ отъ мышей, которыя бываютъ иногда сущимъ бичомъ въ гумнахъ. Жатый хлѣбъ не столько подвергается нападенію мышей, какъ кошеный. Снопы перваго тверже, весь скирдъ кладется плотнѣе и садится ровно, и потому мышамъ труднѣе въ него проникнуть. Скирды кошенаго хлѣба имѣютъ, напротивъ того, снопы рыхлые; между снопами остаются просовы, а потому мышамъ очень удобно заводить гнѣзда. Не разъ случалось, что, когда начинали ломать такой скирдъ для молотьбы, находили, что въ срединѣ всѣ снопы переѣдены дотого, что, вмѣсто сноповъ, выгребали однѣ кучи сора. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что при ломкѣ одного скирда было убито до полуторы тысячи мышей; надобно замѣтить еще, что многіе разбѣжались, а другія были съѣдены случившимися тутъ собаками. Мыши быстро появляются и также быстро изчезаютъ. Большое ихъ размноженіе предвѣщаетъ неурожай, «къ голодному году». Если испеченный хлѣбъ мыши ѣдятъ сверху, хлѣбъ будетъ дорогъ; снизу—цѣны на хлѣбъ будутъ низки; если же мышь въѣдается въ средину,—то цѣны на хлѣбъ будутъ среднія. Жертвою мышей бываютъ не однѣ гумна, но и сады. Бывали примѣры, что мыши объѣдали многія сотни яблонныхъ и грушевыхъ молодыхъ деревъ, и садъ, разведенный съ великимъ трудомъ, погибалъ въ одну зиму.

Уборка хлѣба въ скирды и одонья производится такимъ образомъ: къ приготовленнымъ падинамъ подъѣзжаютъ одинъ за другимъ воза, накладенные снопами. Работники, назначенные подавать снопы, берутъ ихъ съ возовъ, сначала руками или короткими вилами, и укладываютъ на падины первой слой, служащій основаніемъ всему

скирду. Наружные снопы стараются класть ровно, колосьями въ средину, срѣзомъ наружу и, какъ можно, плотнѣе одинъ къ другому. Это называется первая верста. На заложенный скирдъ влѣзаютъ отъ 2 до 3-хъ человѣкъ, которые выстилаютъ снопами средину, и потомъ уже продолжаютъ строеніе скирда подаваемыми имъ снизу снопами. Работа на скирдѣ довольна трудна, и тѣмъ болѣе, что по скидру ходить неудобно: то ноги скользятъ, то вязнутъ между снопами, тогда какъ-скорыя перемѣщенія съ одного мѣста на другое необходимы. Когда подаютъ много людей и подаютъ дѣятельно, тогда принимать не зѣвай!... Какъ разъ закидаютъ снопами, такъ-что и не разберешься; а междутѣмъ все надобно укладывать тѣмъже порядкомъ, какъ слѣдуетъ... Но и подавать бываетъ не легко. Крестьянинъ, наложивъ въ полѣ на телегу полъ копны или три крестца, что составляетъ чрезвычайно большой и высоко нагруженный возъ, садится на этой высотѣ и сажаетъ иногда съ собою 3-хъ или 4-хлѣтняго своего сынишку, очень часто съ вѣнкомъ изъ васильковъ на бѣлокурой и даже чуть не бѣлой головкѣ. Такъ-какъ маленькія крестьянскія дѣти бѣгаютъ на воздухѣ съ утра до ночи съ непокрытой головой, то, отъ вліянія лучей солнца, въ нѣжномъ возрастѣ волосы совершенно бѣлѣютъ. Зимою же и съ лѣтами они принимаютъ настоящій свой цвѣтъ. Ребята очень любятъ прокатиться на возу. Подъѣхавъ къ скирду, привезшій слѣзаетъ, бережно снимаетъ ребенка и сажаетъ въ сторону. Потомъ развязываетъ возъ, сбрасываетъ жердь, и снова взлѣзши на возъ, и ставъ на ноги, короткими вилами быстро, одинъ за другимъ кидаетъ снопы на скирдъ. Стоящіе на землѣ около скирда съ длинными вилами помогаютъ ему въ этой работѣ; и когда послѣдній снопъ вскинутъ, возящій бросаетъ въ телегу вилы, собираетъ туда же распущенную веревку, кладетъ жердь, сажаетъ ребенка, вскакиваетъ самъ въ телегу и, ставъ на ноги, весело гаркнетъ и съ трескомъ и съ громомъ снова мчится въ поле за новою кладью. Когда скирдъ еще не очень выросъ, подавать легко; но когда онъ уже вершится и дѣло доходитъ до князька (князькомъ называется самый верхъ, гребень скирда), то на гребень скирда подавать, особенно наливной хлѣбъ (наливнымъ хлѣбомъ называется, когда зерно полно и хорошо налито) и снопы большой вязи,—бываетъ трудно, такъ-что спина *трещитъ*, по выраженію народному. Тутъ между возящими употребляются разныя хитрости, чтобъ не досталось подавать подъ князекъ. Но рокъ неизбѣженъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эта честь почти всегда достается малорослому, за что всѣ окружающіе начинаютъ величать его *княземъ*. Ему досадно, онъ бранится, а всѣ хохочутъ... Имъ весело.

Такъ-какъ всякій хлѣбъ, хорошо созрѣвшій, при кладкѣ нѣсколько осыпается, то, чтобъ зерно не пропадало, около падинъ трава бываетъ начисто выскреблена, и земля убита и подметена.

Одинъ изъ рабочихъ возлѣ скирда сгребаетъ граблями колосья и сметаетъ метелкою зерна въ кучки къ основанію скирда; а по окончаніи работы ихъ складываютъ въ кошелку и относятъ въ молотильный сарай, или по нашему, въ ригу. Еще одинъ рабочій ходитъ около скирда съ колотушкой, и уравниваетъ ею выдавшіеся снопы и неровности. Колотушка эта состоитъ изъ рукоятки аршина въ два, съ придѣланной на концѣ толстой доской, вышиною вершковъ 6-ти, а шириною вершковъ десяти или одинадцати.

Во многихъ мѣстахъ, для совершенной правильности скирда, при кладкѣ вбиваютъ въ землю по угламъ высокіе колья, и протягиваютъ между ними веревки, чтобъ по этимъ веревкамъ ровнѣе класть наружные срѣзы сноповъ. Во время возки хлѣба въ скирды, у многихъ хозяевъ заведено съ каждаго привезеннаго воза откладывать по одному снопу такъ, чтобы отъ скирда составилась копна или полкопны. Эти полукопны ставятся въ ригѣ съ замѣткой, отъ какого онѣ скирда. По нимъ дѣлается проба, — сколько изъ извѣстнаго скирда можно ожидать зерна. Напримѣръ, ежели пробная копна дала умолоту 9 мѣръ и 3 четвертки, то изъ скирда въ 31 копну надобно ожидать умолоту 37 четвертей, 6 мѣръ и одну четвертку. По окончаніи молотьбы пробныхъ копенъ, выходъ мѣтятъ на бирки, находящіяся въ скирдахъ, и вносятъ, т. е. записываютъ въ приходную книгу гумна, въ графу умолота. Вымолоченное же изъ пробныхъ копенъ зерно поступаетъ въ сѣмена, вмѣстѣ съ вымолоченнымъ изъ особо сложенныхъ въ ригу на этотъ предметъ копенъ.

Чѣмъ менѣе хлѣбъ перестоптъ на корнѣ, тѣмъ мука бываетъ бѣлѣе, а потому и пшеницу для продажи, и рожь, которую назначаютъ на хлѣбъ для господскаго стола, что называется для ситнаго хлѣба, и на крестьянскіе пироги, стараются сжать съ самаго начала, даже нѣсколько «въ прозелень», чтобы зерно дошло ужь въ крестцахъ. Вымолотить этотъ хлѣбъ стараются прежде, нежели начался новый сѣвъ, и пока еще зерно не пало въ землю. Не знаю, почему это ставятъ условіемъ бѣлизны хлѣба. Вымолоченное для ситной муки зерно обталкиваютъ бабы въ деревянныхъ ступахъ, подсѣваютъ и потомъ уже отправляютъ на мельницу. Такой хлѣбъ бываетъ дѣйствительно бѣлъ и, при тщательной обработкѣ, мало уступаетъ пеклеванному.

Ежели во время кладки скирда набѣжитъ туча, въ такомъ случаѣ всѣми наличными снопами и вновь привозимыми спѣшатъ наполнить средину скирда, чтобы она была выше. Давъ такимъ образомъ стокъ дождю, предохраняютъ скирдъ отъ промочки.

Когда скирды уже совершенно сложены, то ихъ покрываютъ соломой. Для этого обтыкаютъ скирды по карнизу тычками, или колышками, четверти въ три длиною, на разстояніи одинъ отъ другаго вершковъ на шесть. Это служитъ пеленой для удержанія со-

ломы, чтобъ она не сползла; а чтобъ не разнесло ея вѣтромъ, накладываютъ притуги изъ крупнаго хвороста, или притягиваютъ соломенными веревками. Крыть во время небольшаго дождя считается лучше, потому-что смокшая солома ложится плотнѣе. Такъ-какъ кошенный хлѣбъ не можетъ имѣть чисто связанныхъ сноповъ, то и скирды *кошенки* не могутъ быть такъ чисты и опрятны, какъ скирды жатика; къ томужъ взъерошенная солома и высунувшіеся колоски даютъ возможность птицамъ выдергивать ихъ и клевать зерно. Длятого, чтобъ даромъ не пропало много зерна и чтобы птицы, выщипывая, необразовали въ скирдѣ впадинъ, нужно ихъ окашивать косою. Окоски собираются, подметаются и относятся въ ригу, гдѣ окончательно вымолачиваются, а скирдъ получаетъ чистоту и видъ жатаго хлѣба.

180. Обычай обжинать козу.

Дни идутъ за днями, бабы все жнутъ и вяжутъ; мужики косятъ, возятъ въ риги, да складываютъ въ скирды да въ одонья. День за день, вечера становятся длиннѣе, темнѣе и холоднѣе; каждый день въ полѣ все голѣе да голѣе. Копны изчезаютъ за копнами; а междутѣмъ небо уже не разъ подергивалось пеленой сѣроватыхъ облаковъ, и не разъ, яснымъ утромъ, былъ чувствителенъ предвѣстникъ осени, морозецъ. Августъ приближается къ концу. Когда оканчивается жнитвомъ послѣдняя десятина ржи, одна изъ бабъ, которая постарѣе другихъ или пользуется уваженіемъ по уму, трудолюбію и смѣтливости, *обжинаетъ козу.* Обжинать козу значитъ оставить несрѣзанными нѣсколько небольшихъ пучковъ ржаныхъ колосьевъ, расположенныхъ кружкомъ на пространствѣ, въ поперечникѣ до 1 аршина или менѣе. Эти жиденькія купы колосьевъ связываются вверху, такъ-что вся коза принимаетъ видъ игрушечной бесѣдки. Бесѣдочку или козу внутри выполютъ начисто, а въ средину положатъ на землю ломтикъ хлѣба съ солью. Потомъ всѣ бабы помолятся на всѣ четыре стороны, а устроившая козу, «отжинальница», садится на землю лицомъ къ козѣ, а бабы отдаютъ ей свои серпы. Собравъ серпы и взявъ ихъ за рукоятки въ обѣ руки, она бросаетъ ихъ черезъ голову, за себя, на сколько сможетъ сильнѣе; серпы разлетаются, и, падая, принимаютъ разныя положенія. Бабы, отдавая серпы, загадываютъ, доживутъ ли онѣ или ихъ дѣти, родные и проч. до новаго жнитва? Когда серпы брошены, всякая спѣшитъ къ своему серпу. Той, чей серпъ концомъ воткнулся въ землю, по направленію къ своей приходской церкви, предвѣщается смерть; чей серпъ далѣе упалъ отъ козы, та проживетъ болѣе. Но, къ счастію, подобныя предсказанія серпа не наводятъ унынія на загадывающую. «Охъ, бабы! никакъ мнѣ умереть?» восклицаетъ одна, поднимая свой серпъ.—«Охъ, баба, и такъ умрешь,» отвѣча-

ютъ другія, покачивая головами, и затѣмъ раздается звонкій порывъ хохота...

Козу или козульку оставляютъ въ полѣ, а выжатые изъ средины стебли дѣлятся между бабами, которыя обматываютъ ими ручки серповъ, и съ пѣніемъ идутъ домой. Но по большой части, изъ этой выжатой ржи связывается небольшой снопокъ, втыкается на палку, и одна изъ бабъ съ торжествомъ несетъ его на барскій дворъ. За нею слѣдуютъ съ пѣснями всѣ другія бабы. Помѣщикъ, услышавъ пѣніе или увидѣвъ шествіе со снопомъ, выходитъ на крыльцо; бабы его поздравляютъ съ уборкой ржи, а онъ потчуетъ ихъ виномъ или брагой, или тѣмъ и другимъ. Довольныя хорошимъ пріемомъ, онѣ нѣсколько времени играютъ пѣсни, въ случаѣ подъ веселый часъ попляшутъ, и потомъ, сдавъ снопъ въ господское гумно, съ пѣніемъ расходятся по домамъ.

181. Примѣты осени.

Мелькаетъ жолтый листъ на зелени деревъ,
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина,
Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужь озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ пру-
И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко домъ....
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.,..
Прости, пора цвѣтовъ и теплыхъ вѣшнихъ дней,
Пора румяныхъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
Пора блистающихъ зарницъ во тьмѣ ночей
И пѣсенъ, и любви, и грезъ неугомонныхъ!....
Но осень я люблю: она мила мнѣ... пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любитъ и ласкаетъ,
Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка. *Н. Грековъ.*

182. Осень.

И вотъ сентябрь! Замедля свой восходъ,
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ,
И лучъ его въ зерцалѣ зыбкомъ водъ
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла вiется вкругъ холмовъ;
Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ,
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса;
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

И вотъ сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходитъ. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры:
Пробудится ненастливый Эолъ,
Предъ нимъ помчится прахъ летучiй.
Качался, завоетъ роща; долъ
Покроетъ листъ ея падучiй;
И набѣгутъ на небо облака,
И, потемнѣвъ, запѣнится рѣка.

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ!
Златочешуйчатыя воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
Вотъ эхо въ рощахъ обнаженныхъ
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ;
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубравъ и холмовъ зимнiй видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

А междутѣмъ досужiй селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ;
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ.
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ,
Иль тянутся вдоль жнивы на возахъ,
Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ;
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхiй градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага:
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага.
Съ семьей своей онъ вкуситъ безъ заботъ
Своихъ трудовъ благословенный плодъ.

183. Зима.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ,
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ,
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Евгеній Баратынскій.

184. Движеніе.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожъ правъ упрямый Галилей *.

Пушкинъ.

---

* Галилей, великій итальянскій ученый, родился въ Пизѣ 18 февр., 1564, а умеръ 18 янв., 1642 г. Онъ держался мнѣнія Коперника (см. ст. 16 прим.) о движеніи земли вокругъ солнца, и много пострадалъ отъ того. Въ 1632 г. онъ издалъ свои «Четыре разговора о системахъ міра Птоломея и Коперника», въ которыхъ утверждалъ, что земля движется вокругъ солнца. Римское духовенство, признавая ученіе Галилея заблужденіемъ, несогласнымъ съ словами библіи, принудило его отречься отъ него. Есть преданіе—къ сожалѣнію не подтверждаемое положительными данными,—что онъ, и произнеся отреченіе, топнулъ ногою, и въ полголоса сказалъ судьямъ своимъ: *а все таки земля движется* (E pur si muove).

185. Лѣтній вечеръ.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жь работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты,
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку раскоди,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями покрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучу темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острой косой
Трава ложится пол сой,
Туда безоблачно сіяй,
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Итакъ совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ сіяя въ слѣдъ....
Гляди, гляди, въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жь такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужь на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

В. Жуковскій.

186. Зимнее утро.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумін глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На домы, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свистятъ и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухаго хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать. *А. Майковъ.*

187. Что такое исторія?

I. Замѣчаешь ли ты, милый читатель, какъ все вокругъ тебя перемѣняется? Ты, напримѣръ, всталъ сегодня при свѣчкѣ, потому-что на дворѣ было темно, а часа черезъ два свѣчку твою погасили, потому-что свѣтло стало — вотъ ужь и перемѣна. Ты сидишь одинъ въ комнатѣ, вдругъ входитъ кто-нибудь, и начинаетъ съ тобой говорить—вотъ опять перемѣна. Короче, если ты будешь примѣчать, то увидишь, что все вокругъ тебя перемѣняется. И чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе перемѣнъ случается. Вотъ отъ чего, когда ты долго не будешь видѣть какого-нибудь мѣста или человѣка, такъ послѣ ты, можетъ-быть, на силу узнаешь это мѣсто или этого человѣка; все оттого, что съ нимъ междутѣмъ случится много перемѣнъ, или хоть одна, да важная. Напримѣръ, ты

три года тому назадъ былъ у дяденьки на дачѣ, и гулялъ тамъ въ саду, а поѣзжай-ка туда будущее лѣто: ужь сада не найдешь, да и стараго деревяннаго домика не увидишь, потому-что вмѣсто него выстроенъ большой каменный домъ. Да и самъ дядя твой ужь не тотъ: бывало, онъ былъ такой веселый и разговорчивый, шутилъ и игралъ съ тобой, а теперь цѣлый день сидитъ нахмурясь въ своемъ домѣ, и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ. Вотъ какая тутъ перемѣна случилась: и мѣсто и человѣка трудно узнать! Сдѣлалось это въ три года, и сдѣлалось не вдругъ, а мало-помалу, такъ-что еслибъ ты все тутъ же былъ, то едва бы замѣтилъ, какъ это сдѣлалось.

Междутѣмъ ты, мой другъ, и самъ все перемѣняешься. Изъ ребенка ты сдѣлался мальчикомъ; изъ мальчика сдѣлаешься взрослымъ человѣкомъ; изъ взрослаго человѣка—старикомъ. Вотъ изъ какихъ перемѣнъ состоитъ жизнь. Вѣдь перемѣняться и значитъ жить. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не перемѣнялся каждый день. Да! это кажется тебѣ страннымъ, однако справедливо. Всѣ мы съ каждымъ днемъ старѣемъ, хоть и непримѣтно; всѣ мы съ каждымъ днемъ становимся въ душѣ или лучше или хуже, хоть намъ и кажется, что мы все тѣже. Мы всѣ живемъ длятого, чтобы день ото дня становиться лучше, и объ этомъ должны всякую минуту заботиться. Такъ и ты долженъ каждый день стараться, чтобы вечеромъ, ложась спать, былъ ты уже лучше, нежели какимъ всталъ поутру. Вѣдь всякій отдѣльный день составляетъ какъ будто особую жизнь. Просыпаясь, ты какъ будто родишься, потомъ живешь, а вечеромъ, засыпая, ты какъ будто на цѣлую ночь умираешь. Передъ сномъ ты молишься Богу: тогда ты всякій разъ долженъ у себя спрашивать: «что я сегодня сдѣлалъ? что я сдѣлалъ хорошаго и что дурнаго?» И если ты точно сдѣлалъ что-нибудь дурное, рѣшись завтра быть лучше и ужь никогда болѣе не дѣлать того, въ чемъ упрекаетъ тебя совѣсть. Но когда тебѣ придется засыпать навѣки, т. е. умирать, тогда ужь для тебя не будетъ завтрашняго дня, и ужь тебѣ нельзя будетъ перемѣниться.

Я сказалъ тебѣ, что жить значитъ перемѣняться: однакожь не всѣ перемѣны въ жизни одинаково важны и занимательны. Черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя начнетъ рости борода: это будетъ также перемѣна въ твоей жизни, только совсѣмъ не важная. Но когда тебя отдадутъ въ какое-нибудь училище, это будетъ важная перемѣна, потому-что отъ этого будетъ зависѣть вся твоя судьба, т. е. отъ этого произойдетъ много другихъ и можетъ-быть важныхъ перемѣнъ въ твоей жизни. Судьбу вѣдь и составляютъ всѣ тѣ перемѣны, которыя одна за другою случаются въ чьей-нибудь жизни. Если перемѣна вдругъ обнаруживается какимъ-нибудь замѣтнымъ образомъ или даже дѣломъ; то она называется случаемъ или происшествіемъ. Происшествіе всегда бываетъ важнѣе случая. Если ты

напримѣръ упадешь, то это довольно непріятная перемѣна твоего положенія будетъ только случай; но если у твоего папеньки (сохрани Богъ!) загорится домъ, и пропадетъ большая часть имущества, то эта перемѣна—пожаръ будетъ происшествіе, котораго ты вѣкъ не забудешь, потому-что отъ этой перемѣны случится множество другихъ перемѣнъ въ твоей жизни, и твое положеніе совсѣмъ перемѣнится.

П. Ты не одинъ живешь на свѣтѣ. Когда кто спроситъ: какъ тебя зовутъ? ты скажешь сперва свое имя, потомъ свою фамилію. Эта фамилія принадлежитъ не одному тебѣ, но и родственникамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою составляютъ семейство. Когда же кто спроситъ: нѣмецъ ли ты или французъ? ты скажешь: «нѣтъ, я русскій!» Это значитъ, что ты принадлежишь къ русскому народу.

Ты вѣрно знаешь, что человѣческій родъ состоитъ изъ разныхъ народовъ. А что такое народъ? Большое множество семействъ, которыя говорятъ однимъ языкомъ, и обыкновенно имѣютъ одну религію, одни нравы, и живутъ вмѣстѣ на одной землѣ. Каждый народъ есть особое, великое семейство. И какъ въ семействѣ всѣ подчинены отцу, такъ и цѣлый народъ всегда повинуется кому-нибудь главному, какой-нибудь власти. Иногда нѣсколько народовъ управляются одною и тоюже властію. Такъ въ нашей Россіи, кромѣ русскихъ, есть и финны, и татары, и поляки, и другіе народы, а всѣ они имѣютъ одного общаго отца-государя. Такое огромное семейство, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ народовъ подъ одною властью, называется государствомъ.

Народъ отъ времени такъ же перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Поэтому можно сказать, что и народъ живетъ, имѣетъ свою жизнь, свою судьбу, и даже—вотъ что замѣчательно—народъ, какъ и всякій изъ насъ, имѣетъ свои возрасты. Сперва народъ бываетъ грубымъ, непросвѣщеннымъ, т. е. онъ еще не воспитанъ, онъ—младенецъ, мальчикъ. Потомъ онъ умножается, усиливается, умнѣетъ; онъ будто молодой человѣкъ. И такъ-какъ всякій изъ насъ въ этомъ возрастѣ любитъ показывать свою силу, любитъ смѣлые поступки и даже опасности; такъ и народъ въ это время, чувствуя силы свои, часто предпринимаетъ славныя дѣла, завоевываетъ чужія земли, и увеличиваетъ свои владѣнія. Послѣтого народъ успокоивается, заводитъ у себя лучшій порядокъ, болѣе занимается хозяйствомъ, науками и искусствами, нежели походами; стало-быть, онъ уже остепенился, возмужалъ. Вѣдь и всякій человѣкъ, послѣ молодыхъ лѣтъ, становится гораздо тише, разсудительнѣе, трудится много, а забавляется мало. Наконецъ и для народа настаетъ старость. Онъ слабѣетъ, приходитъ въ разстройство, и напослѣдокъ умираетъ, т. е. обыкновенно покоряется какимъ-нибудь другимъ молодымъ народамъ, и съ ними смѣшивается.

Теперь ты знаешь, что наро́дъ такъ же перемѣняется, такъ же

живетъ, какъ и всякій изъ насъ; въ его жизни также бываютъ случаи и произшествія, болѣе или менѣе важныя. Желалъ ли бы ты, чтобъ я тебѣ разсказалъ жизнь какого-нибудь народа, напримѣръ хоть того, къ которому ты самъ принадлежишь? Только вѣдь этотъ разсказъ сдѣлался бы чрезвычайно длиненъ. Жизнь народовъ не такъ коротка, какъ жизнь отдѣльныхъ людей. Человѣкъ ужь старъ въ 60, 70 лѣтъ; до ста почти никто не доживаетъ. А народы живутъ иногда по тысячамъ лѣтъ. Вотъ и русскому народу скоро минетъ 1000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, т. е. какъ нѣкоторые люди стали записывать всѣ перемѣны, какія съ нимъ случаются.

Если бъ я тебя попросилъ разсказать мнѣ твою жизнь, сталъ ли бы ты описывать всѣ безъ исключенія перемѣны, всѣ случаи, какіе каждый день происходили съ тобой? Нѣтъ: ты вѣрно разсказалъ бы мнѣ изъ своей жизни только главныя перемѣны, особливо тѣ, отъ которыхъ послѣ случились и другія перемѣны. Такъ долженъ поступать и тотъ, кто захочетъ разсказывать жизнь цѣлаго народа. Онъ долженъ говорить только о тѣхъ перемѣнахъ или произшествіяхъ, въ которыхъ точно видна жизнь народа, а объ ничтожныхъ случаяхъ не долженъ совсѣмъ и упоминать. Въ жизни всякаго есть много такого, что могло быть и иначе, а жизнь бы отъ того нисколько не перемѣнилась. Тебѣ, напримѣръ, вчера стригли волосы: но ты отъ этого не сталъ ни лучше, ни счастливѣе—и разсказывая мнѣ свою жизнь, ты вѣрно не станешь описывать мнѣ, когда и гдѣ тебя стригли. Ежели напротивъ ты прочтешь какую-нибудь книгу, изъ которой узнаешь много новаго и полезнаго; то въ разсказѣ своемъ непремѣнно долженъ будешь упомянуть объ ней, потому-что ты и въ мысляхъ и въ дѣлахъ своихъ, а слѣдовательно и въ перемѣнахъ своей жизни, почувствуешь вліяніе этой книги. Такъ и тотъ, кто разсказываетъ жизнь народа, пропускаетъ въ ней все маловажное, а останавливается только на существенномъ; сверхъ-того онъ всѣ перемѣны, случившіяся у такого-то народа, разсматриваетъ въ ихъ взаимной связи, т. е. показываетъ, что отъ чего произошло.

Такой разсказъ о жизни народа составляетъ особую науку, называемую исторіей. Слово это греческое, и понастоящему значитъ просто разсказъ или повѣствованіе. Можно разсказывать жизнь не только одного народа, но и многихъ, даже всѣхъ, которые когда-нибудь жили и теперь живутъ, но, разумѣется, только такихъ, которые ужь вышли изъ младенчества, и составили государство. Вѣдь о жизни маленькихъ дѣтей нечего разсказывать; всѣ они похожи другъ на друга, и всѣ дѣлаютъ тоже самое. Такъ и дикіе народы еще только начинаютъ свою жизнь; всѣ они сходны одинъ съ другимъ, и исторія ими не занимается. Когда она изображаетъ судьбу всѣхъ главныхъ народовъ, бывшихъ или еще и теперь существую-

щихъ въ мірѣ, то называется всемірною. Изъ этого ты легко можешь заключить, что и въ цѣломъ человѣчествѣ происходятъ перемѣны, что слѣдовательно и оно живетъ. Да! и эта жизнь всего занимательнѣе для насъ. Что такое каждый изъ насъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ? Не болѣе, какъ капелька въ океанѣ. Мы всѣ одинъ за другимъ умираемъ, а человѣчество все живетъ и будетъ жить, пока земля стоитъ.

Ш. Какъ же для насъ должна быть важна всемірная исторія! Изъ нея мы узнаемъ, какъ и все человѣчество сперва было похоже на младенца, было грубо и невѣжественно; но потомъ мало-помалу становилось образованнѣе и лучше. Какъ долго оно не знало истиннаго Бога! Наконецъ Отецъ нашъ небесный сжалился надъ своими дѣтьми, и открылся имъ,ославъ на землю Іисуса Христа. Вотъ послѣ этого-то родъ человѣческій сталъ особенно подвигаться во всемъ, и теперь онъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ еще примѣтнѣе улучшаться. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобъ Создатель, заботясь о судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, даже всякой безсловесной твари, оставилъ безъ попеченія судьбу всего человѣчества? Нѣтъ, участіе Провидѣнія ясно видно въ исторіи. Но разумѣется, Господь Богъ въ премудрости своей часто употребляетъ средства, которыхъ мы не понимаемъ. Я тебѣ уже говорилъ, что и народъ такъ же, какъ всякій человѣкъ, старѣетъ и наконецъ умираетъ. Однакожъ то добро, которое онъ сдѣлалъ, никогда уже не погибнетъ, а перейдетъ къ другимъ народамъ. Были, напримѣръ, греки и римляне. Теперь этихъ двухъ народовъ ужь нѣтъ, но все, что́ они сдѣлали, вся ихъ жизнь, даже ихъ языкъ, до сихъ поръ составляютъ собственность человѣчества. Такъ-то жизнь народа никогда не проходитъ безъ пользы для всего человѣческаго рода, который поэтому всё и становится лучше. Ты, другъ мой, со временемъ увидишь, какое важное дѣло для каждаго изъ насъ — опытность, т. е. знаніе всякой всячины не по наслышкѣ, а по тому, что мы сами въ жизни испытали. Такъ и для человѣчества чрезвычайно важна опытность. Этому насъ учитъ всемірная исторія.

Когда разсказывается жизнь одного только народа, или хоть и всѣхъ, да въ какое-нибудь особое время; тогда исторія называется частною. Такъ есть исторія Франціи, исторія Англіи, исторія Россіи и проч. Такъ же точно можетъ быть исторія, напримѣръ, XII-го, XVI-го, XVIII-го и всякаго другаго столѣтія.

Исторія — одна изъ самыхъ полезныхъ, одна изъ необходимѣйшихъ наукъ. Я ужь объяснилъ тебѣ, какъ важна человѣку опытность. Суди же, во сколько умножится твоя опытность, когда ты въ исторіи узнаешь еще, какъ прожили не только многіе люди, у которыхъ надобно учиться жить, но и цѣлые народы. Слыша разсказы объ ихъ жизни, ты какъ будто самъ вмѣстѣ съ ними про-

живешь ее. Безъ исторіи твоя собственная опытность всегда будетъ недостаточна.

А какъ занимательна исторія! Сколько въ ней услышишь интересныхъ происшествій! Сколько въ ней узнаешь замѣчательныхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, и великихъ и низкихъ—такихъ, которымъ должно подражать, и такихъ, съ которыми должно бояться всякаго сходства! Кто не знаетъ исторіи, тому все, что́ вокругъ него происходитъ, кажется новымъ и страннымъ; напротивъ, знающій ее сравниваетъ настоящее съ прошедшимъ, сличаетъ нынѣшнихъ людей съ прежними; обо всемъ можетъ судить правильно, даже иногда предвидѣть, чѣмъ какая-нибудь перемѣна кончится.

Теперь, если бъ у тебя спросили: «что такое исторія?»—подумай, что бы ты отвѣчалъ. Исторія есть... ну, говори самъ... Помоему, тебѣ надобно отвѣчать вотъ какъ: исторія есть наука, которая изображаетъ въ связномъ разсказѣ существенныя перемѣны въ жизни народовъ или государствъ. Со временемъ ты самъ, можетъ-быть, еще лучше этого отвѣтишь на мой вопросъ; но покуда намъ и этого довольно.

Еще я долженъ замѣтить кое-что. Если бъ ты разсказывалъ мнѣ свою жизнь, ты бы не только говорилъ, что съ тобой случилось, но для полноты еще прибавлялъ бы, когда и гдѣ такая-то перемѣна произошла. Безъ этого я бы всетаки хорошенько не зналъ твоей жизни. Такъ и въ исторіи не довольно описывать происшествія; надобно сверхтого показывать время и мѣсто ихъ. И читая исторію, ты всегда долженъ стараться запоминать вопервыхъ столѣтія и годы, когда что́ было, а во вторыхъ—города, селенія, рѣки и другія мѣста, гдѣ что было. Кто помнитъ годы и столѣтія, объ томъ говоритъ, что онъ знаетъ хронологію, т. е. счетъ времени. А кто твердо помнитъ замѣчательныя мѣста, и умѣетъ находить ихъ на картѣ, тотъ знаетъ географію, или землеописаніе. Слова: хронологія и географія такъ же, какъ и исторія, взяты изъ греческаго языка. *Я. Гротъ.*

188. Предатель.

Въ 1500-мъ году Людовикъ Моръ, герцогъ миланскій, былъ осажденъ французами въ замкѣ новарскомъ. Доведенный до послѣдней крайности, и не въ состояніи будучи сопротивляться, онъ покусился уйдти, переодѣтый, въ толпѣ наемныхъ швейцарскихъ солдатъ, которые были при немъ, и которымъ побѣдитель даровалъ свободу воротиться въ отечество. Онъ бы успѣлъ въ этомъ; но одинъ изъ солдатъ, по имени Турманъ, надѣясь на большее вознагражденіе (10 апрѣля), предалъ его и указалъ непріятелямъ, которые схватили его, какъ плѣнника.

Когда Турманъ воротился на родину, Ури, всѣ сограждане смо-

трѣли на него съ ужасомъ, какъ на подлеца, который предалъ несчастнаго; они осудили его на смерть. Его казнили; ни отецъ, ни мать, ни жена, ни дѣти—никто его не оплакивалъ.

Друзья мои! уважайте всегда несчастливыхъ и, когда выростете, не предавайте никогда человѣка, который прибѣгнетъ къ вашему покровительству и ввѣрится вамъ. Вспомните Іуду.

189. Народная пѣсня про покореніе Казани (1553 г.).

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ!
А татаре по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ;
Они грозному царю насмѣхаются,
А и не быть нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!
Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится;
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи, государь-царь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку.
Всѣ татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому царю покорилися.

190. О нравственныхъ свойствахъ древнихъ славянскихъ племенъ.

(По Шафарику).

Славяне (а слѣдовательно и мы, нынѣшніе русскіе) принадлежатъ къ числу древнихъ обитателей, старожиловъ Европы; вмѣстѣ съ греками, латинами, кельтами, нѣмцами, ѳракійцами, принадлежатъ къ племени индоевропейскому.

Славяне искони имѣли постоянныя жилища, и занимались земледѣліемъ, живя въ самыхъ удобныхъ для землепашества стра-

нахъ, равнинахъ Вислы и Днѣпра: чему содѣйствовали также раздѣленіе ихъ на малыя общества, устройство жилищъ хуторами.

Народъ, преданный земледѣлію, не могъ долго оставаться безъ разныхъ удобствъ жизни, изобрѣтеній, ремеслъ и торговли, которыхъ слѣды дѣйствительно и находятся у славянъ. О характерѣ ихъ Прокопій * говоритъ, что они не были ни злы, ни льстивы, напротивъ, откровенны и просты, а Маврикій свидѣтельствуетъ, что они были ласковы къ иноземцамъ, заботились объ ихъ безопасности, и провожали съ мѣста на мѣсто, куда было тѣмъ нужно. Слѣдовательно отличительными признаками нравственныхъ свойствъ славянскихъ были простота, чуждая всякой злости и лжи, откровенность, привѣтливость и людкость. Этимъ духомъ были проникнуты всюду ихъ религія, постановленія, обычай и самый образъ жизни. Есть доказательства, что славяне поклонялись высочайшему Богу, Творцу неба и земли, а по немъ другимъ меньшимъ божествамъ, какъ посредникамъ,—приносили въ жертву овецъ и прочихъ животныхъ и плоды земные. Убіеніе людей въ жертву богамъ было у нихъ неизвѣстно, и только впослѣдствіи этотъ кровавый обычай перешелъ изъ чужбины къ нѣкоторымъ, напр. на Балтійскомъ поморьѣ, однакоже не могъ нигдѣ утвердиться и распространиться. Славяне вѣрили въ жизнь души по смерти и въ воздаяніе за добрыя и злыя дѣла. Веденіе общественныхъ дѣлъ находилось въ рукахъ самого народа; отцы семействъ неограниченно повелѣвали своими семействами; выбранные и утвержденные ими на народныхъ сеймахъ или съѣздахъ жрецы, старшины и воеводы, впослѣдствіи подъ разными именами, какъ-то: лехи, паны, владыки, жупаны, бояре, князья и т. д., завѣдывали домашними и общественными дѣлами, религіей, порядкомъ, законами, судомъ, торговлей и промышленностію, войной и миромъ съ чужеземцами. Нѣтъ также сомнѣнія, что славяне уже въ древнее время, задолго до выступленія изъ первобытныхъ своихъ жилищъ, имѣли свои собственные законы и право, кои переходили частію изустно отъ отцовъ къ дѣтямъ, частію записывались жрецами, свѣдущими въ письмѣ, на доскахъ, или лучше, сохранялись посредствомъ нѣкотораго рода рунъ, по крайней мѣрѣ вкратцѣ. Хотя всѣ славяне пользовались равною свободою и правами; впрочемъ кажется, что различіе по состояніямъ и право наслѣдованія верховной власти надъ землей, безъ ущерба народоправленію, утвердились уже очень рано между нѣкоторыми,—особенно между племенами, кои сосѣдили съ нѣмцами, и мѣшалися съ ними. Рабство и невольничество въ томъ смыслѣ, въ какомъ впослѣдствіи употреблялось, вовсе не имѣло мѣста у славянъ. Славяне всѣ, отъ верховнаго начальника до самаго простаго селянина, пользовались на родинѣ своей одинаковою свободой. Да-

* Грекъ, секретарь и другъ полководца Велисарія, жившій въ VI столѣтіи.

же и тогда, когда появились у славянъ сословія высшія, славяне не принадлежавшіе къ онымъ, оставались вольными, хотя жребій ихъ и отношенія къ прочимъ братьямъ своимъ должны были отъ того во многомъ измѣниться. Рабство и невольничество въ первый разъ проникли къ западнымъ славянамъ отъ нѣмцевъ, а къ южнымъ—отъ грековъ и итальянцевъ. Къ древнѣйшимъ уставамъ славянскихъ народовъ принадлежало то прекрасное правило, что славянинъ, уведенный или плѣненный, лишь только какимъ бы то ни было образомъ ступалъ на славянскую землю, тотчасъ переставалъ быть невольникомъ, и уже никто не имѣлъ права надъ его особой. Императоръ Маврикій упоминаетъ также о человѣколюбивомъ постановленіи, относившемся къ иноземнымъ невольникамъ, которыхъ они не держали въ вѣчномъ рабствѣ, какъ то дѣлаютъ другіе народы, а только до опредѣленнаго времени, оставляя потомъ имъ по волѣ, хотятъ ли они, выкупивъ себя, воротиться къ своимъ, или остаться у нихъ на свободѣ, съ пріязнію. Такое постановленіе касательно иноземцовъ, ограничивавшее время ихъ неволи, и обѣщавшее имъ возвращеніе утраченной свободы, сдѣлало бы честь тогдашнимъ просвѣщеннымъ и гордымъ римлянамъ и грекамъ. Заботливость о старикахъ, недужныхъ и бѣдныхъ, была первѣйшею обязанностію и общею добродѣтелью славянъ: въ землѣ ихъ не видать было ни нищихъ, ни бродягъ. Самые непріятели, Маврикій, Гельмольдтъ и др., до небесъ превозносятъ ихъ необыкновенную привѣтливость къ прищельцамъ и гостямъ, бывшую слѣдствіемъ врожденной славянскому народу доброты и чистосердечія, и законами обращенную въ священную обязанность.

Славяне допускали многоженство, обыкновенное въ то время; впрочемъ вѣроятно, въ простонародіи у каждаго мужа было по одной женѣ, а только у правителей и вельможъ было большее число. Женъ своихъ они не стерегли, не запирали, какъ это водится у восточныхъ народовъ; напротивъ, имъ оставлялось на волю являться какъ предъ своими домашними, такъ и предъ гостьми. Это сохраненіе естественнаго права ясно свидѣтельствуетъ объ ихъ тонкомъ нравственномъ чувствѣ, точно какъ противное тому прямо говоритъ о дикости, жестокости и испорченности народа.

Кромѣ спокойнаго занятія земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и звѣриной ловлей, славяне всегда показывали склонность къ промышленности и торговлѣ. Судя по положенію ихъ земли и другихъ обстоятельствъ, кажется, что еще въ недоступной древности значительная часть торговли между Азіей и западной Европой находилась или совершенно въ ихъ рукахъ или по крайней мѣрѣ шла черезъ ихъ землю.

Отъ нихъ вывозились кожи, всякій хлѣбъ, медъ, воскъ, деревянныя издѣлія и т. п., къ нимъ въ замѣну того—естественныя и промышленныя произведенія чужихъ странъ, золото, серебро, шелкъ,

оружія и т. д. При Геродотѣ процвѣтала торговля на Борисѳенѣ (Днѣпрѣ и Березинѣ), обитаемомъ славянами. За вѣкъ до Р. Х., говорится о виндахъ, или славянскихъ купцахъ, плававшихъ по Балтійскому морю для торговли съ чужими землями. Таково происхожденіе многихъ торговыхъ городовъ на Руси, въ Польшѣ, Поморьѣ и т. д., которые процвѣтали задолго до принятія христіянской вѣры. Такъ-какъ земля была ровная и лѣсистая, то и города строились изъ дерева. Извѣстно также, что они достигли искусства во многихъ ремеслахъ, именно въ плотничествѣ, горныхъ работахъ, рѣзьбѣ и т. д. Еще въ половинѣ VI вѣка употребляли ихъ для построенія и устроенія кораблей не только авары, но и самые греки. А что позднѣе, т. е. въ X и XI-мъ стол., торговля и промышленность у нѣкоторыхъ славянъ почти вовсе прекратились, города опустѣли, суровость, лѣнь и нерадѣніе снова появились; то виною тому были безчеловѣчные ихъ притѣснители.

Судя по извѣстіямъ Ѳеофилакта объ ихъ послахъ къ аварамъ, о пѣсняхъ славянскихъ воиновъ, и по пословицѣ латинскихъ писателей въ началѣ среднихъ вѣковъ, sclavus saltans, и многимъ другимъ обстоятельствамъ, древніе славяне въ народной поэзіи, пѣніи, музыкѣ и пляскѣ, превосходили всѣ европейскіе народы.

Хотя славяне вообще по тихому своему характеру принадлежали не къ браннымъ народамъ, и не прибѣгали къ войнѣ, развѣ по необходимости; однако изъ описанія имп. Маврикія видно, что они отличались на войнѣ не только храбростью, но и смѣтливостью, ловкостью и искусствомъ.

Изъ пороковъ ихъ лѣтописатели указываютъ на два главные: первый, замѣченный уже императоромъ Маврикіемъ въ концѣ VI вѣка и происходящій отъ легкомыслія, состоитъ въ томъ, что славяне, ненавидя взаимно другъ друга, находятся въ безпрестанномъ между собою несогласіи и разъединеніи. Будучи раздѣлены на безчисленно малыя общины, они проводили жизнь свою безпечно, не заботясь о настоящемъ и будущемъ, о своей славѣ и счастіи своихъ потомковъ, и никогда не могли вознестися къ высшему политическому духу, къ соглашенію личныхъ выгодъ и страстей для собственнаго блага и противудѣйствія преобладанію чужеземцевъ.

Другой недостатокъ, проистекающій отъ чрезвычайной живости ума, или лучше, отъ излишняго вниманія къ внѣшнимъ достоинствамъ и какой-то легкомысленной переимчивости, которая не позволяетъ имъ остановиться на томъ, что наиболѣе нужно, однимъ словомъ необыковенная любовь къ иностранному, къ коему искони стремилось сердце славянское: все чужое казалось имъ всегда лучше своего роднаго; чужой языкъ и образъ жизни были пріятнѣе, чѣмъ свой отечественный. Еще Тацитъ замѣчаетъ о винедахъ, что они нравы свои смѣшали съ сарматскими обычаями. Отсюда произошло, что славяне, народъ великій, многолюдный и обширный,

уже въ глубокой древности были въ подданствѣ и неволѣ у какого-нибудь ничтожнаго, малочисленнѣйшаго, но согласнаго народа, кельтовъ, скиѳовъ, гуновъ, аваровъ, козаръ, булгаровъ и др., и пересорясь между собой, лучшимъ считали призывать себѣ властителей и насильниковъ изъ чужбины, отъ варягъ, булгаровъ, франковъ и пр., нежели, примирясь, покориться одинъ другому: славяне слишкомъ поплатились за свою взаимонетерпимость.

М. Погодинъ.

191. Бѣжинъ лугъ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ—она разливается кроткимъ румянцомъ; солнце, не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно лучезарное, мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ... Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками: блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи—и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ, высокихъ облаковъ, золотистосѣрыхъ съ нѣжными бѣлыми краями; подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубокопрозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣднолиловый, не измѣняется во весь день, и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ гроза—развѣ кой-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака изчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, але сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «паритъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты, несомнѣнный признакъ постоянной погоды, высокими, бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ, чрезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, скатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чув-

ствуете сырости. Такой погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба....

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ чернскомъ уѣздѣ тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи, наполнепный якташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился наконецъ вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ, взобрался на холмъ, и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи—оглянулся... «Эге!» подумалъ я, да это я совсѣмъ не туда попалъ, я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма... Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость—точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью: ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону, и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо.—«Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ», думалъ я про себя, «тутъ сейчасъ и будетъ дорога; а съ версту крюку я далъ!»

Я добрался наконецъ до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошеные, низкіе кусты широко разстилались передо мной, а за ними, далеко, далеко... виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился.—«Что за притча? да гдѣ же я?»—Я сталъ припоминать, какъ и куда я ходилъ въ теченіи дня... «Э! да это Парахинскіе кусты», воскликнулъ я наконецъ; точно! вонъ это должно быть Синдѣевская роща. Да какъ же это я сюда зашелъ такъ далеко? странно! Теперь опять нужно вправо взять.»

Я пошелъ вправо черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало; одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня, и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ, и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы; поле неясно бѣлѣло во-

*

кругъ, за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть, но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что́ я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. «Да гдѣ же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ, и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желтопѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками, и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ, и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней — казалось, они сползлись туда для тайнаго совѣщанія,—и дотого въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—на удалую! Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отроду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ; нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука, одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ.... Я все шелъ, и уже собирался было прилечь-гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу, и сквозь едва прозрачный сумракъ ночи увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка обгибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, коле-

бались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга. Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости, я рѣшился подойти къ огонькамъ и въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ я принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ я выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два, три мальчика быстро поднялись съ земли... Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле; днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ; сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ; болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ; легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій косматъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили... Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ, и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная. Около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника, и разомъ изчезнетъ: острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе, и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ,

и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло надъ нами, со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ; сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ нихъ; тутъже сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ, и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня (изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена, и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, постоянной, полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ по всѣмъ примѣтамъ къ богатой семьѣ, и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячекъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги, не отцовскіе.—У втораго мальчика, Павлушки, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное и рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее... Малый былъ неказистый, что́ и говорить! а все таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. — Лицо третьяго, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились—онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новыя лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его

опрятную, черную свитку. И ему и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.—Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ; все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, по крайней мѣрѣ, не было словъ. Онъ весь былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно.—Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ; онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую головку. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ, и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились «картошки.» Павлуша наблюдалъ за нимъ, и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть, и раскинувъ полы своего армяка. Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей, и все также напряжено щурился. Костя понурилъ немного голову, и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ, о семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Илюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

—Ну, и что жь ты, такъ и видѣлъ домоваго?

—Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Илюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица,—а слышалъ. Да и не я одинъ.

—А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

—Въ старой рольнѣ *.

—А развѣ вы на фабрику ходите?

—Какже, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ **.

—Вишь ты, фабричные!

—Ну, такъ какже ты его слышалъ? спросилъ Ѳедя.

—А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что́ съ Красныхъ-холмовъ, да еще съ Ивашкой съ Сухо-

---

* «Рольней», или «чернальней», на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

** Лисовщики гладятъ, скоблятъ бумагу.

руковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки: всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять — какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ надсмотрщикъ запретилъ: говоритъ, что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ. И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то * спущены. Удивляемся мы, кто жь это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако колесо повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери на верху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится, ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ. Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего. Вдругъ, глядь, у одного чана форма ** зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ей полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другаго чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужь какже мы напужались о ту пору!

—Вишь какъ! промолвилъ Павелъ.—Чего жь онъ раскашлялся?

—Не знаю, можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

—А что̀—спросилъ Ѳедя—картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

—Нѣтъ, еще сыры. Вишь плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки: должно-быть, щука. А вонъ звѣздочка покатились.

—Нѣтъ, я вамъ что̀, братцы, разскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ. Послушайте-ка, намеднись что̀ тятя при мнѣ разсказывалъ.

—Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ возразилъ Ѳедя.

—Вы вѣдь знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

—Ну да, знаемъ.

---

* «Дворцомъ» называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

** Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

—А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый. Пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ куды зашелъ. Ужь онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои—нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужь ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ—никого. Онъ опять задремалъ; опять зовутъ. Онъ опять глядитъ,—глядитъ онъ, а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается, и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется. А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно явственно свѣтитъ мѣсяцъ: все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный. Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ эдакъ рукой зоветъ. Ужь Гаврила было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да знать Господь его надоумилъ: положилъ таки на себя крестъ. А ужь какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука просто какъ каменная, не ворочается.... ахъ ты эдакой, а!.. Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ», говоритъ, «человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду; убивайся же и ты до конца дней.» Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выйти. А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

—Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанія, да какже это можетъ этакая лѣсная нечисть христіянскую душу спортить? Онъ же ея не послушался.

—Да вотъ, поди ты! возразилъ Костя.—И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

—Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

—Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

—Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ? А знать онъ ей понравился, что позвала его.

—Да, понравился! подхватилъ Илюша.—Какже! Защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

—А вѣдь вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

—Нѣтъ, отвѣчалъ Костя, здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются и стоятъ въ воздухѣ, и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ... кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

—Съ нами крестная сила, шепнулъ Илья.

—Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ: чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились (Всѣ пододвинулись къ котельчику, и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

—А слыхали вы, ребятки, началъ Илюша, что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

—На плотинѣ-то? спросилъ Ѳедя.

—Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужь нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли * водятся.

—Ну что такое случилось? сказывай.

—А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ. Вотъ, на дняхъ зоветъ прикащикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отъ чего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужь онъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ. Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину; такая ужь его дорога вышла. Ѣдетъ онъ, эдакъ, псарь Ермилъ, и видитъ у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: семъ возьму его, что ему такъ пропадать, да и слѣзъ и взялъ его на руки. Но а барашекъ ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако онъ ее отпрукалъ,

* По орловскому: змѣи.

сѣлъ на нее съ барашкомъ, и поѣхалъ опять, барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю, что, молъ, не помню я, чтобы эдакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако ничего, сталъ онъ его эдакъ по шерсти гладить, говоритъ: «бяша, бяша.» А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша»....

Не успѣлъ разскащикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня, и изчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!»... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта, и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

—Что тамъ? что такое? спросили мальчики.

—Ничего, отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь; такъ что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... «Что за славный мальчикъ!»—думалъ я, глядя на него.

—А видали ихъ, что ли, волковъ-то? спросилъ трусишка Костя.

—Ихъ всегда здѣсь много, отвѣчалъ Павелъ.—Да они безкокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованнное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожу.

—А какіе ты намъ, Илюша, страхи разсказывалъ, заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство).—Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

—Варнавицы? Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ неразъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, гово-

рятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все эдакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. Что́, молъ, батюшка Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

—Онъ его спросилъ? перебилъ изумленный Ѳедя.

—Да, спросилъ!

—Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ. Ну, и что жь тотъ?

—Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо—разрывъ-травы.

—А на что тебѣ, батюшка Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?

—Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ. Вонъ хочется, вонъ....

—Вишь какой! замѣтилъ Ѳедя.—Мало, знать, пожилъ.

—Экое диво! промолвилъ Костя.—Я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую суботу видѣть.

—Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Илюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія преданія.—Но а въ родительскую суботу ты можешь и живаго увидать, за кѣмъ, то есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

—Ну и видѣла она кого-нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

—Какже. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась — Ивашка Ѳеодосѣевъ идетъ...

—Тотъ, что́ умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

—Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ. А узнала его Ульяна. Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться... а ты, Господи! сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

—Неужто сама? спросилъ Ѳедя.

—Ей-Богу сама.

—Ну что́жь, вѣдь она еще не умерла?

—Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись бѣлый голубокъ налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на

одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и изчезъ, звеня крылами.

—Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ. Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

А что, Павлуша,—промолвилъ Костя—не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

—Можетъ-быть, проговорилъ онъ наконецъ.

—А скажи, пожалуй, Павлуша,—началъ Ѳедя—что у васъ тоже въ Шалашовѣ было видать предвидѣнье-то небесное *?

—Какъ солнца-то не стало видно? Какже.

—Чай, напугались и вы?

—Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на поди. А на дворовой избѣ баба-стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: «кому теперь ѣсть», говоритъ, «наступило свѣтопреставленіе». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хичная птица полетитъ, а то и самого Тришку ** увидятъ.

—Какого это Тришку? спросилъ Костя.

—А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Илюша.—Ну, братъ, откѣнтелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужь точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ, удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужь будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадютъ, напримѣръ—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ, ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется,—цѣпи съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ этотъ Тришка ходить по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій; ну а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего. Ужь такой онъ будетъ удивительный лукавый человѣкъ.

—Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ,—такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ,

---

* Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

** Въ повѣрьи о «Тришкѣ», вѣроятно, отозвалось сказаніе объ антихристѣ.

молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу въ поле,—ждетъ, что́ будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ Слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!» да кто куды. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: «авось, молъ, хоть птицу-то врагъ душегубецъ пожалѣетъ.» Таково-то всѣ переполошились! а человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавилъ, жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ... торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой, и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... «Что́ это?»

—Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

—Цапля, повторилъ Костя. А что́ такое, Павлуша,—я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного,—ты, можетъ-быть, знаешь?

—Что́ ты слышалъ?

А вотъ что́ я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной-гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью * выходитъ—тамъ вѣдь есть бучило **; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалосливо, жалосливо... у-у... у-у... у-у... Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позд-

* Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

** Бучило—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

нее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что́ бы это такое было? ась?

—Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, замѣтилъ Павлуша: такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

—А вѣдь и то, братцы мои, возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза. Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили; я бы еще не такъ напужался.

—А то, говорятъ, есть такія лягушки махенькія, продолжалъ Павелъ, которыя такъ жалобно кричатъ.

—Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой).—Экъ ее! невольно произнесъ Костя,—словно лѣшій кричитъ.

—Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, подхватилъ Илюша; онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

—А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

—Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другіе его видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва те къ свѣту домой добился.

—Ну, и видѣлъ онъ его?

—Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный эдакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

—Эхъ ты! воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами.—Пфу!...

—И за чѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ.—Не понимаю.

—Не бранись: смотри, услышитъ, возразилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

—Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,—раздался вдругъ дѣтскій голосокъ Вани—гляньте на Божьи звѣздочки! что пчелки роятся.

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожки, оперся на кулачокъ, и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу, и нескоро опустились.

—А что, Ваня,—ласково заговорилъ Ѳедя — что́ твоя сестра Анютка здорова?

—Здорова, отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

—Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?

—Не знаю.

—Ты ей скажи, чтобы она ходила.

—Скажу.

—Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

—А мнѣ дашь?

—И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

—Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужь лучше ей. Она такая у насъ добренькая.

И Ваня положилъ свою головку на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

—Куда ты? спросилъ его Ѳедя.

—Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть. Водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

—Смотри, не упади въ рѣку! крикнулъ ему вслѣдъ Илюшка.

—Отчего ему упасть? возразилъ Ѳедя.—Онъ остережется

—Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду. А какое упалъ? Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

—А правда ли, спросилъ Костя, что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

—Съ тѣхъ поръ. Какова теперь? Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ; вотъ онъ ее тамъ, у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди, и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что́ бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

—А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

—Какого Васю? спросилъ Ѳедя.

—А вотъ того, что́ утонулъ, отвѣчалъ Костя, въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужь какой же мальчикъ былъ! ихъ, какой мальчикъ былъ! мать-то его, Ѳеклиста, ужь какъ же она его любила, Васюто! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, ребятками, лѣтомъ къ рѣчку купаться—она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на земь, и станетъ его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!»—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъже была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ—глядь, а только ужь одна васина шапонька по водѣ плы-

ветъ. Вѣдь вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ—придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку—помните, Вася-то все таку пѣсенку пѣвалъ — вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

—А вотъ Павлуша идетъ, молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

—Что́, ребята,—началъ онъ, помолчавъ,—не ладно дѣло.

—А что́ торопливо спросилъ Костя.

—Я васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

—Что́ ты, что́ ты? пролепеталъ Костя.

—Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: «Павлуша, а Павлуша, подь сюда». Я отошелъ. Однако воды зачерпнулъ.

—Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! проговорили мальчики, крестясь.

—Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, прибавилъ Ѳедя.—А мы только-что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

—Ахъ, это примѣта дурная, съ разстановкой проговорилъ Илюша.

—Ну, ничего, пущай! произнесъ Павелъ рѣшительно, и сѣлъ опять. Своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

—Что́ это? спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.—Это кулички летятъ, посвистываютъ.

—Куда жь они летятъ?

—А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

—А развѣ есть такая земля?

—Есть.

—Далеко?

—Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза...

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ... я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, предразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло; въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Недолги лѣтнія ночи!—Разговоръ мальчиковъ угасалъ

вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо ліющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня... оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза... утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдносѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то изчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью... я проворно всталъ и подошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины, и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой, и пошелъ восвояси вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана, полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодаго, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило; всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Я къ сожалѣнію долженъ прибавить, что въ томъже году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

И. Тургеневъ.

192. Отечество.

Отчизна, отечество, это—родная земля наша, гдѣ отцы и дѣды жили и умирали, гдѣ родился и сами мы, живемъ и хотимъ умереть.

Она земля отцовъ нашихъ, и за это зовутъ ее отчизною, отечествомъ; мы родились на ней, за это зовемъ ее родною землею, родиною.

Кому же не люба земля отцовъ и дѣдовъ, кому не мила родная земля? Кто не постоитъ за родину свою, за землю русскую, которую завѣщали намъ въ духовной своей дѣды и прадѣды наши, а мы завѣщать должны дѣтямъ и внукамъ своимъ, чтобы было имъ гдѣ жить и тужить, веселиться и радоваться, а подъ-часъ и поплакать, коли лиха бѣда одолѣетъ, да утѣшиться? Развѣ жить имъ на

чужой землѣ, въ поденщикахъ у чужаго народа, и, какъ придетъ послѣдній часъ, кости положить на чужбинѣ?

Земля русская, отечество наше, обширнѣе и сильнѣе другихъ земель. Гордись тѣмъ и величайся, что родился ты русскимъ....

Царство русское велико: отъ Финскаго моря до Чернаго будетъ слишкомъ тысяча пятьсотъ верстъ, отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго безъ малаго двѣ тысячи пятьсотъ; а въ длину, отъ Польши до самаго конца Сибири, будетъ болѣе двадцати тысячъ верстъ.

Народу у бѣлаго царя всего болѣе русскаго; а есть кромѣтого много народовъ другихъ, которые говорятъ не русскимъ языкомъ и исповѣдуютъ иную вѣру.

193. Русскія пословицы.

I. ОБЪ УМѢ, РАЗУМѢ.

Умъ разуму подспорье.
Умъ разумомъ крѣпокъ—красенъ.
Умъ безъ разума бѣда.
Умъ любитъ просторъ.
Сила уму могила.
Умомъ торговать, а безъ ума горевать.
Недозрѣлый умокъ, что весенній ледокъ.
Умъ хорошо, а два лучше.

II. О СЛОВѢ.

Слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь.
Слово не стрѣла, да пуще стрѣлы.
Словомъ поспѣшенъ, скоро посмѣшенъ.
Лишнее говорить—себѣ вредить.
Лишнее слово досаду приноситъ.
Ласковое слово не трудно, а споро.
Слово во́ время и кстати сильнѣе письма́ и печати.

III. О НАУКѢ.

Ученье свѣтъ, а неученье—тьма.
Ученье красота, а неученье—сухота.
Ученье атаманъ, а неученье комаръ.
Ученье лучше богатства.
Ученье въ счастьи украшаетъ, а при несчастьи утѣшаетъ.
Ученаго учить лишь портить.
Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.
Корень ученья горекъ, да плодъ сладокъ.

НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

I. ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

§ 1. Предложеніе. Объясненіе происхожденія его названія. Способы передачи нашихъ мыслей и средства къ ихъ выполненію. Звуки и буквы. Различіе первыхъ по выговору, а вторыхъ по начертанію. Необходимое условіе, какъ пользоваться этими средствами.

194. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ; [1]
Въ немъ винограду кисти рдѣлись. [3]
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко;
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ не йметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.» [2] *Крыловъ.* *

1. «Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ». Кто залѣзла въ садъ? Слѣд. о комъ здѣсь идетъ дѣло? Стало-быть, *голодная кума-Лиса* есть предметъ рѣчи. Что сдѣлала голодная кума-Лиса? *залѣзла въ садъ;* стало-быть, *залѣзла въ садъ* есть то, что̀ сказано о предметѣ рѣчи, что̀ признаемъ въ предметѣ—признакъ. Понятно ли вамъ, видно ли, какъ баснописецъ думалъ о Лисѣ? Значитъ, тутъ представленіе о предметѣ и представленіе о признакѣ такъ соединены, что изъ связи ихъ видно, какъ думаетъ говорящій о предметѣ? Вспомните, какъ мы называли такое соединеніе (представленій) словъ? Значитъ, *голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ* есть сужденіе?

Отдѣлите въ слѣд. строкахъ одно сужденіе отъ другаго. (Слѣдуетъ раздѣленіе сужденій, при которомъ поясняются слова—1, не совсѣмъ понятныя, напр. *рдѣлись, яхонты, не йметъ, оскомина,* 2. замѣчательныя по употребленію, какъ идіотизмы напр. *какъ ни...* разгорѣлись зубы и глаза, какъ архаизмы: *око*, какъ народныя:

---

* Русской баснописецъ Ив. Андр. Крыловъ родился 1768 г., 2-го января. Первыя изъ басенъ его (Дубъ и Трость, Разборчивая Невѣста, Старикъ и трое молодыхъ, перев. изъ Лафонтена) явились въ 1860 г., а первое изданіе ихъ было въ 1808 г. Крыловъ умеръ 1844 г., 8-го января. Полное собраніе его сочиненій съ портретомъ и біографіею, написанною П. А. Плетневымъ, издано въ 3 томахъ въ Санктпетербургѣ (1847 года, 1859 г.).

отколь, не имѣетъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ указать область употребленія народнаго слова, и на сколько пользуется имъ литературная рѣчь).

Вотъ сколько сужденій насчитали мы съ вами въ одной этой баснѣ! Но всѣ эти сужденія, равно какъ и всякія другія, для насъ не существовали бы, если бы Богъ не одарилъ человѣка *даромъ слова*, способностью говорить; только съ помощью слова, сужденія наши становятся доступными другимъ, способными къ передачѣ и усвоенію ихъ. Слово дано Богомъ для того, чтобъ мы сообщали, *предлагали* другъ другу наши сужденія, наши мысли; самая мысль наша такова, что она никогда не хочетъ быть скрытою, но всегда хочетъ сообщиться кому-нибудь: это есть потребность нашей души, ничѣмъ неудержимое желаніе.

Назначеніе слова—быть средствомъ, орудіемъ передачи мысли послужило поводомъ къ тому, что сужденіе стали называть другимъ именемъ—предложеніемъ. Значитъ, сужденіе и предложеніе есть одно и тоже: то и другое разнятся лишь тѣмъ, что первое названіе употребляется, когда имѣется въ виду самое дѣйствіе нашей мыслящей способности, а второе названіе—тогда, когда имѣется въ виду внѣшняя оболочка сужденія словами, съ цѣлію предложить его другимъ. Первое употребляется преимущественно въ наукѣ о мышленіи, или логикѣ,—второе—въ наукѣ объ языкѣ, или грамматикѣ. Запомните же хорошенько это имя; съ этой поры мы часто его будемъ употреблять при нашихъ занятіяхъ.

2. Вы прочитали басню «Лисица и Виноградъ»; вы ясно представляете себѣ, какъ Лиса залѣзла въ садъ, какъ ее прельстили кисти винограду, и какъ она не могла достать ихъ,—и вы хотите подѣлиться своими мыслями и съ тѣми, которые находятся съ вами, и могутъ васъ слышать въ настоящую пору, и съ тѣми, которые отъ васъ далеко, которые голосу вашего слышать не могутъ: какъ же съ тѣми и другими поступите? что вы для тѣхъ и другихъ сдѣлаете? Да, вы конечно, первымъ разскажете, а вторымъ напишете. Значитъ, сколько способовъ у насъ есть для передачи мыслей? А что люди прежде умѣютъ—разсказывать или писать? значитъ, который же изъ этихъ двухъ способовъ передавать мысли старше? Для разсказа какія средства дала природа? а для письма какія средства придумалъ человѣкъ? Стало, средствами для передачи мысли служатъ звуки нашего голоса и буквы? Какъ же первое средство должно назвать, если мы будемъ разсматривать его по происхожденію, и какъ второе? Да, первое средство естественное,—человѣкъ съ нимъ родился; а второе—искусственное, человѣкъ самъ догадался его придумать. Итакъ сколько же способовъ — и какіе именно — есть у насъ для передачи нашихъ сужденій? Который изъ нихъ старѣе? А сколько средствъ для выполненія этихъ способовъ? Значитъ, при выговорѣ словъ изъ чего каждое изъ нихъ будетъ состоять? а при письмѣ—изъ чего?

3. *Въ немъ виноградy кисти рдѣлись.* Прислушиваясь къ каждому слову порознь, напр. *винограду—кисти*, что вы замѣчаете за звуками нашего голоса? Въ словахъ слышите ли вы, что каждый звукъ звучитъ особо, не сливаясь съ другими? Да, каждый звукъ въ словѣ сохраняетъ свою раздѣльность, не поглощается другими; каждый звукъ слышится раздѣльно, особо, какъ самостоятельный членъ слова: таково свойство звуковъ человѣческаго голоса, и это свойство принадлежитъ одному только человѣку между всѣми тварями міра, — и по немъ-то звуки нашего голоса называются *членораздѣльными*.

Изъ членораздѣльныхъ звуковъ нашего голоса напр. въ словѣ в-и-н-о-г-р-а-д-у произносятся и-о-а-у одни, безъ помощи другихъ, звуки же в-н-г-р-д напротивъ, не выговариваются одни, но всегда съ помощію другихъ. Значитъ, одни звуки сами такъ-сказать имѣютъ *голосъ*, сами по себѣ *гласны*, слышимы; а другіе имѣютъ голосъ только вмѣстѣ съ другимъ звукомъ гласнымъ? Оттого первые въ отличіе отъ послѣднихъ называются *гласными*, а вторые въ отличіе отъ первыхъ — *согласными*. Какіе будутъ гласные звуки въ словахъ: кисти—рдѣлись, и какіе—согласные? Кромѣ того не замѣчаете ли вы еще какого отличія гласныхъ отъ согласныхъ? Напр. въ кисти надъ гласною слышите повышеніе голоса, или удареніе, а надъ согласнымъ такого ударенія не бываетъ. А что мы назвали буквами? А если буквы—знаки звуковъ, то между ними можно ли также различать гласныя и согласныя?

А когда вы пишете сами, или читаете написанное, то какую разницу замѣчаете въ буквахъ по величинѣ ихъ начертанія и по начертанію? Начертаніе буквы Л въ словѣ *Лиса* и въ словѣ—*залъзла* одинаково ли по величинѣ? Въ первомъ словѣ Л вышла изъ строки, она больше другихъ, а во второмъ она въ самой строкѣ, не выше, не больше другихъ буквъ: а потому та называется большою, или прописною, а эта—малою, строчною. Буква а въ *Лиса* одинакова ли по начертанію съ А, начинающею четвертую строчку? А другія буквы имѣютъ ли такое же двойное начертаніе? Укажите, какія именно буквы различаются по начертанію въ этой баснѣ. Слѣд. всѣ буквы по начертанію какія бываютъ? — А употребляются большія или строчныя буквы безъ разбора, когда вздумается кому, или употребленіе ихъ подлежитъ правиламъ? Объ этихъ правилахъ мы при случаѣ сообщимъ вамъ. Итакъ для устнаго и письменнаго способовъ передачи мыслей есть два средства—звуки и буквы; средствами этими пользоваться должно разумно. Вразсужденіи звуковъ слѣдуетъ соображаться съ принятымъ обычаемъ образованнаго большинства (надо произнести *сатъ*, а не садъ), а вразсужденіи буквъ держаться того, что постановила наука (голодная, а не галодная, *садъ*, а не *сатъ*).

§ 2. Различіе предложеній по объему сообщаемаго, или числу сужденій: предложеніе простое и сложное, рѣчь.

195. Сила добродушія.

Въ аравійскихъ пустыняхъ славилась одна кобылица [1]. Все племя Нежжде знало ее. Поэты сочиняли ей похвальные стихи. Бедуину Дагеру до такой степени хотѣлось имѣть ее, что онъ объ этомъ только и думалъ день и ночь, и едва не помѣшался [2]. Онъ предлагалъ ея хозяину стадо своихъ верблюдовъ, все свое имущество, все свое богатство; напрасно: — хозяинъ не хотѣлъ отдавать ее ни за что [3]. Тогда Дагеръ рѣшился увести лошадь, которая грезилась ему наяву и во снѣ. Для этого онъ прибѣгнулъ къ такой хитрости: вымазалъ себѣ лицо сокомъ какой-то травы, одѣлся въ лохмотье, перевязалъ себѣ шею и ноги, какъ увѣчный нищій, пошелъ и сѣлъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣзжать владѣлецъ лошади, Набекъ.

Вотъ Набекъ ѣдетъ. Дагеръ слабымъ, изнемогающимъ голосомъ говоритъ ему: «Остановись: я бѣдный странникъ; три дня не могу сойти съ мѣста, три дня ничего не ѣлъ, и умираю съ голоду. Помоги мнѣ: Богъ наградитъ тебя!»

—Садись, говоритъ Набекъ, поѣдемъ ко мнѣ.

—У меня нѣтъ силы подняться. Сострадательный Набекъ соскочилъ съ лошади, и съ большимъ усиліемъ посадилъ на нее Дагера. Обманщикъ ударилъ лошадь острымъ стременемъ, помчался, и, оборотясь, крикнулъ Набеку: «Я Дагеръ; я у тебя увожу лошадь».

—Остановись! закричалъ ему Набекъ; послушай!

Зная, что его нѣтъ возможности преслѣдовать, да и не кому, Дагеръ остановился, однакожъ на довольно далекомъ разстояніи, потому-что у Набека въ рукахъ было копье. Не трогаясь съ мѣста, Набекъ сказалъ Дагеру: «Ты завладѣлъ моею лошадью: такъ, конечно, угодно Аллаху, и я желаю тебѣ счастья. Но умоляю тебя, не сказывай никому, какъ она тебѣ досталась».

—Это почему?

«Потому-что слухъ объ этомъ разнесется; другой въ самомъ дѣлѣ будетъ валяться на дорогѣ, больной, изможденный, будетъ просить помощи, а помощи ему не окажутъ, опасаясь быть обманутыми, подобно мнѣ: ты будешь причиною, что на землѣ угаснетъ состраданіе.»

Дагеръ на минуту задумался, потомъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее хозяину, и поцѣловалъ его. Набекъ пригласилъ Дагера къ себѣ въ гости. Они провели три дня вмѣстѣ, и поклялись въ вѣчной дружбѣ.

1. «Въ аравійскихъ пустыняхъ славилась одна кобылица». Въ этихъ словахъ находится *одинъ только* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь «кобылица» какъ ясно видно изъ слова «*одна*» прибавленнаго «*кобылица*»; предмету этому приписывается *одно только* дѣйствіе «славилась»; а потому все то, что хотѣли сообщить словами, умѣщается въ одно сужденіе, одно предложеніе, и разложить его на два или на три предложенія нельзя.—А когда сообщаемое словами нельзя раздѣлить на два или нѣсколько предложеній,—тогда предложеніе называютъ *простымъ*, или несложнымъ. Сколько будетъ предложеній въ слѣд. словахъ: Все племя Нежде знало ее (Какое же оно по составу?) *Поэты сочиняли ей стихи?* Какія это будутъ предложенія по числу сужденій, или объему сообщаемаго?

2. «Бедуину Дагеру до такой... не помѣшался».

а. Чего хотѣлось Дагеру? Кому хотѣлось? Вотъ уже тутъ есть одно предложеніе. Но кончилось ли съ этими словами то, что хотѣли предложить? Видно ли изъ этихъ словъ, какъ велика была степень его желанія, о которой хотѣли сообщить? Какими словами высказываютъ о степени желанія Дагера? Значитъ «что онъ объ этомъ только и думалъ день и ночь» будетъ другое предложеніе. Но и тутъ закончилось ли вполнѣ, что имѣли въ виду сообщить? Значитъ, «едва не помѣшался» еще новое сужденіе? Итакъ предлагаемое словами здѣсь умѣстилось въ трехъ предложеніяхъ, и всѣ три, связанныя между собой, составляютъ собой одно цѣлое—

передачу степени желанія Дагера имѣть славную кобылицу: слѣд. все сообщаемое можетъ быть раздѣлено на три предложенія. Два, три (вообще нѣсколько) предложенія, связанныя въ одно цѣлое, называются предложеніемъ *сложнымъ*, въ противоположность простому.

3. Отъ первыхъ словъ статьи до—*ни за что*—не чуется ли вамъ, что во всѣхъ этихъ предложеніяхъ говорится про что-то одно? Кто догадается, про что это здѣсь говорится?—Правда: всѣ эти предложенія, какъ отдѣльныя, такъ и связанныя между собой, предлагаютъ одно: *у бедуина Дагера было непреодолимое желаніе имѣть славную кобылицу.* Совокупность, рядъ такихъ предложеній называется *рѣчью.* — По самому слову «*рѣчь*» не можете ли догадаться, что подало поводъ называть ее тѣмъ именемъ? Въ церкви, при чтеніи евангелія, вы часто встрѣчаете слово: *рече* напр. *рече Господь притчу сію*: что это значитъ? Какимъ русскимъ словомъ передать можно *рече*?—Конечно, рече—сказалъ. Слѣд. рядъ предложеній, сообщающихъ про что-нибудь одно, взятый вмѣстѣ, названъ рѣчью по одному изъ нашихъ способовъ передачи мыслей—устному; самое названіе образовано изъ языка славянскаго.

Раздѣлите остальныя строки статьи на предложенія простыя, сложныя,—и укажите, какія изъ нихъ составятъ рѣчь.

§ 3. Удареніе и паузы въ устной рѣчи, знаки препинанія въ письменной, какъ необходимые указатели состава рѣчи и отношенія говорящаго къ содержанію рѣчи и къ слушающему.

a. Прочтемъ-те еще разъ статью «Сила добродушія», и остановимъ-тесьна томъ, что можно замѣтить за словами при чтеніи. Въ выговорѣ всего перваго предложенія вы больше, сравнительно съ другими словами, повышаете голосъ надъ «*кобылица*», при выговорѣ втораго—надъ «*знала*»,—потомъ въ каждомъ словѣ, аравійскихъ—пустыняхъ—славилась—вы усиливаете голосъ надъ одною гласною больше, чѣмъ надъ другими гласными въ томъже словѣ: зачѣмъ же такъ дѣлаютъ? Затѣмъ, что повышеніемъ голоса хотятъ показать, какое слово важнѣе и значительнѣе другихъ; тоже самое побуждаетъ насъ дѣлать и съ извѣстною гласною буквою въ словѣ,—мы хотимъ показать, что эта часть слова намъ кажется важнѣе другихъ.

Мы сами сознаемъ различную важность словъ въ предложеніи и звуковъ въ словѣ между другими, и повышеніемъ голоса хотимъ отмѣтить это для слушающаго насъ, чтобы онъ также понялъ рѣчь нашу.—Этому повышенію голоса дано имя *ударенія.*

Но на письмѣ отмѣчаются ли знаками такія ударенія? Что вамъ говоритъ на этотъ вопросъ книга, которая у васъ передъ глазами? Для какихъ ударенія мы вовсе не употребляемъ знаковъ, и для какихъ иногда употребляемъ?

Хотя на письмѣ не употребляется знаковъ для ударенія, но при чтеніи надо ли ихъ соблюдать? Какая выгода происходитъ отъ соблюденія ихъ? Чѣмъ руководствоваться нужно въ такомъ случаѣ? Съ чѣмъ сообразоваться должно насчетъ ударенія въ отдѣльныхъ словахъ?

b.—Далѣе, когда вы читали эту статью,—то всю ли ее прочли безъ отдыха, не останавливаясь нигдѣ, или дѣлали остановки? Можно ли безъ остановокъ читать и говорить? А останавливаться можно всюду, гдѣ ни захочешь? Какая выгода отъ

этихъ остановокъ для говорящаго и слушающаго? А есть ли знаки для такихъ остановокъ въ рѣчи письменной? Какое имъ имя дано? Въ самомъ названіи есть ли что-нибудь, напоминающее на то, чему они соотвѣтствуютъ, и что замѣняютъ при устной рѣчи?

Но всѣ ли знаки препинанія показываютъ, что они замѣняютъ паузы? Напр. въ предл. остановись! Это почему? Знаки эти указываютъ ли только остановку голоса? Что же они показываютъ? Да, они указываютъ тонъ рѣчи,—которымъ мы отмѣчаемъ, какъ предложеніе относится къ разговаривающимъ между собой.

§. 4 Расположеніе удареній, вліяніе его на складъ рѣчи. Раздѣленіе послѣдней на два рода: стихи и прозу. Безразличность прозы и стиховъ въ чтеніи, и различеніе ихъ въ письмѣ по общепринятому обычаю.

а. Возьмемъ-те обѣ пьесы, нами изученныя, и сличимъ-те ихъ съ той стороны, какъ расположены ударенія въ первой «Лисица и Виноградъ», и какъ во второй «Сила добродушія».

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ. Какъ тутъ одно удареніе отстоитъ отъ другаго? Значитъ, разстояніе удареній имѣетъ тутъ мѣру? Мѣра эта производитъ особенно пріятный для слуха *ладъ* (ритмъ), и ограничивается обыкновенно опредѣленнымъ количествомъ удареній,—у насъ не болѣе шести. Рядъ одинакаво разставленныхъ удареній, ограниченный опредѣленнымъ количествомъ ихъ, составляетъ особый отдѣлъ—строку: строкѣ этой у насъ дано греческое имя — *стихъ* (στίχος рядъ). А гдѣ еще употребляется слово *стихъ*? Какая разница въ значеніи слова, когда оно употребляется для отдѣловъ рѣчи въ св. писаніи, и когда употребляется для указанія въ нашей письменности? Какъ отъ стиховъ самый складъ рѣчи называется? Стихотворная рѣчь требуетъ искусства, усилій,—оттого она употребляется рѣдко, только писателями,—которыхъ зовутъ—какъ?

Въ ст. «Сила добродушія» есть ли такого рода расположеніе удареній? Разставьте ударенія на словахъ—что выходитъ?

Здѣсь рѣчь совершенно свободна въ употребленіи разстоянія удареній, не связана никакимъ требованіемъ размѣра,—какъ стихи, и такого свойства складъ рѣчи, совершенно обратный складу стиха, имѣетъ особое названіе—*проза*, ясно указывающее природу рѣчи. Конечно, вамъ не понятно, вы не чувствуете, какъ самое это имя даетъ знать, намекаетъ на самую природу склада рѣчи; ничего нѣтъ мудренаго: слово это не наше, латинское. Чтобы яснѣе и легче сохранилось въ памяти это имя, я скажу вамъ его образованіе и значеніе; *prosa*, слово усвоенное не только нашимъ языкомъ, но и другими европейскими языками (la prose, *dieProsa*) —происходитъ отъ *prorsus* съ утратою *r: рѣшительно извращенный, несвязанный*; видя, что складъ обычной рѣчи рѣшительно отступаетъ отъ размѣреннаго склада въ стихахъ, ученые въ отличіе отъ стиха, назвали этотъ складъ обычной рѣчи: *oratio prosa*,—и впослѣдствіи отъ этого выраженія осталось одно реченіе—*prosa*. Въ этомъ-то послѣднемъ видѣ оно перешло и въ нашъ языкъ, для обозначенія свободнаго несвязаннаго размѣромъ обычнаго склада рѣчи, обиходнаго при всякомъ размѣнѣ мыслей.

b. Стихи и проза различны по складу своему; но стихи надо читать, какъ и прозу: чтеніемъ ихъ не отличаютъ другъ отъ друга: — не за что; отношеніе говорящаго къ содержанію рѣчи и къ слушающему въ стихахъ и въ прозѣ одно и тоже, ничѣмъ не разнится. Но на письмѣ дѣло другое: чѣмъ отличаются стихи отъ прозы въ письмѣ? Какъ пишутся начальныя буквы каждаго стиха? Допускается ли сплошь писать одинъ стихъ съ другимъ, какъ въ прозѣ строка со строкою? По письму стихи наши отличны ли отъ стиховъ св. писанія?

II. ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

А. СОСТАВЪ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 5. Члены предложенія: подлежащее, сказуемое. Значеніе ихъ въ предложеніи.

196. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ.[1] Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.[2]
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкой вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились;
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ и будто шевелится,
И растетъ и шепчется трава![3]
Гдѣ жь крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло вёдро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужь дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь! *И. Аксаковъ.*

а. «*Жаръ свалилъ.*» *Кто* свалилъ? *Жаръ;* значитъ, слово *жаръ* въ этомъ предложеніи показываетъ, даетъ понимать тотъ *предметъ*, о которомъ идетъ рѣчь, тотъ предметъ, который *подлежитъ* нашему сужденію, нашей рѣчи. *Что сдѣлалъ* жаръ? *свалилъ;* стало-быть, слово *свалилъ* показываетъ, даетъ понимать то, что говорится, *сказывается* нами о предметѣ нашей рѣчи «*жаръ*».

«*Повѣяла прохлада*». *Кто* повѣяла? *прохлада,* слѣд. здѣсь слово *прохлада* указываетъ предметъ, который *подлежитъ* нашей рѣчи: такое слово за эту службу въ предложеніи зовется *подлежащимъ;* оно составляетъ *понятіе о предметѣ* рѣчи. *Что сдѣлала* прохлада? *повѣяла,* слѣд. слово «повѣяла» выражаетъ намъ то, что *сказывается* о предметѣ нашей рѣчи «прохлада»: такое слово въ предложеніи зовется *сказуемымъ;* оно выражаетъ признакъ предмета рѣчи.

б. Признакъ въ природѣ не бываетъ безъ предмета, къ которому онъ принадлежитъ; равно и предметъ не можетъ быть безъ признака, по которому мы отличаемъ его отъ другихъ предметовъ: значитъ для предложенія необходимы два члена: *подлежащее* (какъ понятіе о предметѣ) и *сказуемое* (какъ понятіе о признакѣ); оба они неразрывно связаны между собою, и составляютъ его основу. Но такъ-какъ въ предложеніи особенно важно для насъ то, какъ думаетъ о предметѣ говорящій, то выходитъ, что сказуемое важнѣе подлежащаго.

§ 6. Развитіе предложенія: слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя. Значеніе ихъ относительно подлежащаго и сказуемаго.

а. См. Дерев. вечеръ (стр. 458.) «*Длинный день покончилъ рядъ заботъ*». Кто покончилъ рядъ заботъ? *День;* стало-быть, это слово составляетъ предметъ рѣчи— и, какъ членъ предложенія, есть *подлежащее?* Что сдѣлалъ день? *покончилъ*... стало-быть, слово «*покончилъ*» выражаетъ то, что сказывается нами о предметѣ рѣчи, и, какъ членъ предложенія, есть *сказуемое?* Что же значатъ остальныя слова: вѣдь, они тоже входятъ въ составъ этого предложенія? *Какой* день покончилъ рядъ заботъ? *Длинный;* стало-быть, это слово относится къ поясненію понятія о предметѣ, указывая особое его отличіе отъ другихъ дней, *опредѣляя* ему мѣсто между днями: оно сдѣлало для насъ то, что мы разумѣемъ, что здѣсь говорится не о дняхъ вообще, но о дняхъ длинныхъ, а не короткихъ или среднихъ: значитъ, оно имѣетъ свое особое назначеніе, свою особую службу въ предложеніи, а потому оно, въ отличіе отъ извѣстныхъ намъ членовъ предложенія, должно называться особымъ именемъ,—и оно, дѣйствительно, называется... *опредѣлительнымъ словомъ.*

b. *Что* покончилъ длинный день? *рядъ. Чего* рядъ? заботъ. Слѣдовательно слово *рядъ* относится къ поясненію сказуемаго, или понятія о признакѣ, «*покончилъ*», выражая тотъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго, и безъ котораго предложеніе было бы не полно и не вразумительно, какъ недоконченное. Скажите: длинный день «покончилъ» и на этомъ остановитесь, слушающій сейчасъ же спроситъ васъ: *что* покончилъ?—доканчивайте же вашу рѣчь, договаривайте, что день покончилъ, скажетъ онъ вамъ непремѣнно. Безъ прибавки, безъ дополненія слова *рядъ* предложеніе будетъ неполно; а потому то слово въ предложеніи, котораго недостатокъ, отсутствіе чувствуется слушающимъ, и безъ котораго онъ счелъ бы рѣчь недоконченною и неполною, называется *дополненіемъ.* Далѣе, слово

*

рядъ обозначаетъ понятіе о предметѣ, на который переходитъ дѣйствіе, а слово *заботъ* относится къ поясненію его, какой именно рядъ покончилъ, напр. не рядъ домовъ, улицъ, происшествій, но рядъ заботъ,—значитъ, слово «заботъ» есть такое-же опредѣлительное къ *рядъ*, какъ *длинный* къ *день*. Слѣд. и дополненіе можетъ имѣть свое опредѣленіе?

с. «*По дворамъ давно загнали стадо*». Кто загнали стадо? они, т. е. деревенскіе жители,—стало-быть, подлежащее здѣсь подразумѣвается—*они*. Что *сдѣлали? загнали*, это—сказуемое. *Что* загнали? *стадо*, это будетъ то слово, безъ котораго предложеніе слушающій счелъ бы неконченнымъ, неполнымъ,—слѣдовательно *стадо* есть дополненіе. *Когда загнали* стадо? *давно*, это слово поясняетъ время сказуемаго *загнали*. *Куда загнали? по дворамъ*; это слово поясняетъ мѣсто дѣйствія. Эти слова относятся къ поясненію понятія о признакѣ, — слѣдовательно они въ ближайшемъ родствѣ съ дополненіемъ, а не съ опредѣленіемъ. Но такъ ли они необходимы при сказуемомъ, какъ дополненіе? Совсѣмъ нѣтъ: и безъ нихъ предложеніе было бы полно; но при нихъ оно становится только еще яснѣе, еще опредѣленнѣе. Слова эти стоятъ при сказуемомъ, или *обстоятъ* сказуемое для большаго его уясненія, а потому называются *обстоятельственными*. Вспомните, что мы говорили о неизбѣжныхъ условіяхъ, при которыхъ обнаруживается бытіе предмета: что же изъ дѣйствительнаго міра выражаютъ собою обстоятельственныя слова?

Итакъ въ простомъ предложеніи—*подлежащее* да *сказуемое* поясняются другими словами, которыя даютъ имъ большую опредѣленность въ глазахъ нашихъ, и увеличиваютъ, распространяютъ собою составъ предложенія: изъ этихъ пояснительныхъ словъ опредѣлительныя *поясняютъ понятіе о предметѣ*, какъ напр. *длинный день, заботъ—рядъ*, а дополненія и обстоятельства *поясняютъ понятіе о признакѣ*, какъ напр. *рядъ—покончилъ, стадо—загнали*. Въ свой чередъ могутъ поясняться и сами слова пояснительныя.

§ 7. Появленіе словъ въ предложеніи отъ отношенія говорящаго къ слушающему—обращеніе. Мѣсто ему и знаки препинанія при немъ.

197. Колыбельная пѣсня (новогреческая).

Спи, дитя мое, усни! [1]
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.
Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ горой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?
Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ. *А. Майковъ.*

1. «Спи, дитя мое, усни!» Спи кто? ты—подлеж. Что дѣлай ты? *Спи*—слѣд. сказуемое. Что жъ это за членъ предложенія «*дитя мое?*» Можно ли назвать его именемъ какого-нибудь изъ извѣстныхъ намъ членовъ? Слова «дитя мое» показываютъ предметъ, къ которому мать *обращается* съ рѣчью; слѣд. оно показываетъ только отношеніе говорящаго къ слушающему; такія слова являются, когда нужно показать

самую ближайшую связь съ слушающимъ и къ нему прямо обращаться съ рѣчью: а потому, они и называются *обращеніемъ*.

§ 8. Число членовъ въ предложеніи. Значеніе ихъ по относительной ихъ важности.

Вотъ мы осмотрѣли составъ предложенія, ну, сколько же членовъ, оказывается, можетъ имѣть предложеніе? Если мы сравнимъ всѣ эти члены по ихъ значенію для предложенія, то какую разницу въ нихъ замѣтимъ? Вы видѣли, есть предложенія (*Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада*), которыя совсѣмъ обходятся безъ словъ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ, обстоятельственныхъ и безъ обращенія: значитъ члены эти могутъ быть и не быть, и бываютъ только потому, что есть подлеж. и сказуем; они имѣютъ важность не первой, но второй степени. Итакъ между всѣми членами, если ихъ важность сравнивать, выйдетъ, что подлежащее и сказуемое главные члены, а всѣ остальные—второстепенные.

В. различные виды простаго предложенія.

§ 9. Виды предложеній отъ ихъ состава: а. по числу членовъ: нераспространенное и распространенное б. по наличности членовъ: полное и неполное. Эллипсисъ. Знакъ препинанія.

198. Вечеръ на Рождество *.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельѣ вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ;
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его. [1]
Морозитъ; [3] завтра Рождество. [2]
Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора;
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.
Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ;
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ озябшаго беретъ,
Вотъ наконецъ онъ у воротъ!
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ
Съ гостинцомъ, съ другомъ молодымъ.
У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди жь къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.
И черезъ мигъ, посдушно ей,
Взвивалось пламя ужь рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И кринку съ жидкимъ молокомъ.
Ихъ полъ, для жданнаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.

* У нашихъ финовъ, шведовъ и норвежцевъ.

Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.
Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.
Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена!
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ.
Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай, прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда разцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
Я былъ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ;
Но у тогожь стола сидѣлъ.
Такъ чудно было, такъ свѣтло! [4]
Жена сидѣла близъ него.
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ,
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось—обитель та,
Какъ нѣкій храмъ, была свята.
Горѣла свѣчка на столѣ,
(Одна лишь и была въ семьѣ!)
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто? я спросилъ.
«Тамъ», мнѣ сказали, Ангелъ былъ.»

Я. Гротъ.

1. а. Сколько здѣсь всѣхъ предложеній? Первое «*Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ*» въ составѣ своемъ имѣетъ какіе члены? А если сказать просто, «мѣсяцъ плылъ», то чѣмъ оно по объему своему отличится отъ сказаннаго въ стихахъ? Значитъ, опредѣлительное *блѣдный*—и обстоятельственное—надъ степью—распространили предложеніе въ объемѣ? Слѣд. предложенія, по числу своихъ членовъ, разнятся между собою: въ которомъ есть второстепенные члены, то гораздо распространеннѣе, больше того, которое состоитъ только изъ однихъ главныхъ членовъ (а какіе члены называли мы главными?). Какъ же слѣдуетъ назвать простое предложеніе, которое распространено, увеличено въ объемѣ прибавленіемъ второстепенныхъ членовъ? Если такое предложеніе вы называете распространеннымъ, то какъ слѣдуетъ назвать то, которое состоитъ изъ однихъ главныхъ членовъ, въ противоположность распространенному?

2. б. «*Завтра Рождество*». Про что здѣсь говорится? Какое же слово выражаетъ подлежащее? Что же про это подлежащее сказано? Гдѣ же его сказуемое?—Да, оно не выговорено, оно подразумѣвается. Когда же можно пропускать какой-нибудь членъ предложенія? Пропустивши сказуемое, достигаетъ ли авторъ своей

цѣли? понимаетъ ли слушающій, что онъ хотѣлъ ему сообщить? Возьмемъ-те еще одинъ стихъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой? Въ этомъ предложеніи всѣ ли члены его находятся налицо? Какъ надобно сказать, чтобъ оно было со всѣми своими членами? куда лежитъ твой путь, бѣдняжка мой. Стало-быть, здѣсь пропущено и подразумѣвается опять сказуемое? А понятно ли вамъ предложеніе безъ этого сказуемаго? А пропущенъ ли какой-нибудь изъ членовъ въ первомъ стихѣ?

Стало-быть, можно выражать предложенія и такъ, что у нихъ невсегда бываютъ налицо всѣ члены, иные опускаются и подразумѣваются; это конечно бываетъ тогда, когда не трудно отгадать и понять подразумѣваемый членъ предложенія; — можно и такъ, что всѣ члены предложенія находятся въ немъ. Отъ опущенія члена или отъ наличной полноты членовъ, самое предложеніе различается въ своемъ составѣ? Какъ же назвать такого рода предложенія? Самый пропускъ члена какъ назыв.? На что пригожается намъ такое различеніе предложеній?

§ 10. Виды предложений в. по способу выраженія подлежащаго: личныя и безличныя.

1. «*Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ*». Подлежащее есть мѣсяцъ, и оно представляется дѣйствующимъ, какъ лицо—*что дѣлалъ мѣсяцъ? плылъ*. Во второмъ предложеніи «*Голодный звѣрь въ ущелья вылъ*» подлежащее—*звѣрь* тоже представляется дѣйствующимъ—*что дѣлалъ звѣрь?* вылъ.

3. Но въ предложеніи—*морозитъ*,—гдѣ подлежащее? *кто* морозитъ? Мы и не знаемъ изъ предложенія, а стало, тутъ нѣтъ подлежащаго? Какъ же это? Мы говорили, что подлежащее есть необходимый членъ предложенія, что признака не бываетъ безъ предмета,—а тутъ все наоборотъ—подлежащаго совсѣмъ нѣту. Ужь не ошиблись ли мы прежде?

Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить кое-что изъ нашего съ вами приготовительнаго курса о различныхъ родахъ предметовъ.

Морозъ—какой это предметъ по своему существу: вещественный, невещественный или отвлеченный? Что это тѣло или явленіе? конечно, явленіе. Но многія, явленія,—перемѣны съ тѣлами, совершаются такъ, что мы не видимъ или не знаемъ причины, отъ которой они происходятъ,—др. словами, мы не видимъ, не знаемъ того дѣятеля, который производитъ явленія, перемѣны въ тѣлѣ, а самое явленіе видимъ: вотъ тогда-то мы передаемъ, сообщаемъ другимъ только про одно бытіе явленія, передаемъ, что *оно есть*, какъ напр. здѣсь: морозитъ зн. *есть морозъ*. Отсюда открывается, что подлежащее-то сокрыто въ самомъ сказуемомъ,—и мы выражаемъ свое сужденіе однимъ сказуемымъ, безъ видимаго подлежащаго. Мы и всегда такъ выражаемся, когда передаемъ какое бы то ни было явленіе, не зная или не умѣя сказать, кто его (или что) произвелъ. Очевидно, что способъ этого выраженія отличенъ отъ обычнаго, въ которомъ есть всегда подлежащее налицо, или покрайней мѣрѣ подразумѣвается; составъ такого предложенія отличенъ отъ обычнаго: разницу эту надо знать и не упускать изъ виду, чтобъ яснѣе понимать образованіе предложенія и сознавать правильность его образованія.—Итакъ въ предложеніи съ подлежащимъ значится всегда предметъ, который представляется лицомъ дѣйствующимъ, а въ предложеніи, состоящемъ изъ сказуемаго безъ подлежащаго, не обозна-

чается лицо дѣйствующее; а потому и предложенія простыя, разсматриваемыя по способу выраженія подлежащаго, раздѣляются на *личныя* и *безличныя*.

§ 11. Виды простаго предлож. по отношенію его къ лицу говорящему и слушающему: а. утвердительныя и отрицательныя, б. вопросительныя и повѣствовательныя, а сіи послѣднія: восклицательныя и повелительныя. Знаки вопросительный и восклицательный и употребленіе большой буквы послѣ нихъ.

199. Мать и дѣти. (новогреч. пѣсня).

«Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь? [1]
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя—
Ты сама намъ говоришь.» [2]
—Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ.

«Мама, мама! въ Божьемъ небѣ,
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зо́ри,
Ночи звѣздныя плывутъ.
—Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она! [3]

А. Майковъ.

1. *«Что ты, мама, безпретанно о сестрицѣ все твердишь?»*—Что хотѣли дѣти сказать матери этими словами? Они высказали желанье узнать, что за причина, отъ которой происходитъ, что она все твердитъ о сестрицѣ. Они сообщаютъ эту причину?—Нѣтъ, они ея не знаютъ. А что жъ они дѣлаютъ? Они спрашиваютъ, допытываются у матери объ этой причинѣ? Отчего жъ они спрашиваютъ, а не разсказываютъ прямо? Да, такъ и всегда: коль скоро мы не знаемъ чего, сомнѣваемся въ чемъ, мы сейчасъ обращаемся къ слушающему съ предложеніемъ, или требованіемъ, чтобы онъ познакомилъ съ неизвѣстнымъ намъ, или разрѣшилъ наши сомнѣнія,—и въ такомъ случаѣ тонъ рѣчи измѣняется, мы возвышаемъ голосомъ надъ членомъ предложенія, неизвѣстное или сомнительное обозначающимъ, а въ письмѣ ставимъ особый знакъ—вопросительный. Предложеніе такое различается отъ обычнаго, съ увѣренностью передающаго о чемъ-нибудь,—и носитъ особое названіе—*вопросительнаго*. Какъ же надо назвать предложеніе, въ которомъ передается все навѣрно извѣстное и опредѣленное для говорящаго? Стало-быть, предложеніе предлагается въ видѣ вопроса, когда говорящему что-нибудь неизвѣстно или сомнительно,—если же все извѣстно и несомнѣнно для говорящаго, то онъ высказываетъ предложеніе въ видѣ разсказа, просто *повѣствуетъ* свою мысль: значитъ, есть предложенія *вопросительныя*, и есть предложенія *повѣствовательныя*.

2. Въ этихъ предложеніяхъ есть ли что-нибудь неизвѣстное или сомнительное для говорящаго? Значитъ, они вопросительныя или повѣствовательныя? Притомъ замѣтимъ, что говорящій разсказываетъ намъ, утверждая, что признакъ пригоденъ предмету, принадлежитъ ему. Но такъ ли онъ разсказываетъ въ слѣд: Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ?—Здѣсь онъ отрицаетъ признакъ отъ предмета.—Слѣд. изъ того, какъ думаетъ говорящій, пригоденъ признакъ цредмету или непригоденъ, происходитъ разница между предложеніями, проистекающая отъ лица говорящаго — какъ надо назвать такія предложенія? Чѣмъ отрицаніе выражается у насъ? Надо ли его

соединять въ одно слово съ словомъ о признакѣ? Почему не надо? Потому, что оно принадлежитъ не къ признаку самому, а служитъ къ обозначенію того, какъ думаетъ говорящій объ отношеніи признака.

3. «Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы...» Какія это предложенія вопросительныя или повѣствовательныя? Но чѣмъ эти повѣствовательныя отличаются отъ повѣствовательныхъ въ предъидущихъ 4 стихахъ? Вѣдь есть разница? — Тамъ спокойно повѣствуютъ, спокойно передаютъ то, что хотятъ сказать; а здѣсь напротивъ, видно большое участіе говорящаго, здѣсь высказано, какъ дѣйствуетъ разсказываемое на душу говорящаго; видите, мать тронута грустью отъ потери дочери. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ повѣствовательныхъ предлож., ихъ называютъ *восклицательными*.—На что жъ надо знать отличіе ихъ?—Въ устной бесѣдѣ вы можете показать это видоизмѣненіями голоса, а на письмѣ воспользоваться услугами голоса нельзя, а указать это непремѣнно надо, потому нужно отмѣтить знакомъ. Для этого и есть особый знакъ—восклицательный: гдѣ его надо поставить, это и рѣшается только изъ различенія предл. повѣствовательныхъ.

Восклицательныя предложенія, когда высказываютъ желаніе, требованіе, чтобъ исполнили его другіе, называется также *повелительными*. Для него также знакъ восклицательный употребляется по преимуществу.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

I. Отдѣлите (*устно* и *письменно*) въ слѣд. статьяхъ предложенія a. простыя. d. сложныя и c. рѣчи; укажите въ каждомъ изъ нихъ главные и второстепенные члены предложенія; отличите предложенія личныя отъ безличныхъ, повѣствовательныя и восклицательныя отъ вопросительныхъ. Какой знакъ препинанія ставится послѣ предложенія вопросительнаго и восклицательнаго, и какой при обращеніи? Выберите понятія о предметахъ (пріятель, палата), и придайте имъ качества, дѣйствія и вообще признаки, имъ приличные, и такимъ образомъ составьте свои предложенія. Какія буквы по начертанію употребляются въ началѣ каждаго стиха, каждой статьи, послѣ точки и др. знаковъ преп? Какія изъ этихъ статей написаны прозой, и какія—стихами?

II. Для повторенія изъ приготовительнаго курса. Какія слова обозначаютъ тѣла, или предметы невещественные, и явленія,—въ какихъ предложеніяхъ приданы признаки личные, и въ какихъ—предметные.

200. Изба.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужь спитъ себѣ.
Помолясь Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь;
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.

Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена. *Огаревъ.*

201. Соха.

Ты соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!
По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.
Про тебя и вспомнить некому...
Что жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?...
Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!
На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?
Ужь и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу навѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена....

И. Никитинъ.

202. Вода.

I. Значеніе воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы, и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не каменистая и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не ростутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

II. Ручьи.

Есть родники, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, и образуютъ около себя ямки, или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣ-

стоположенію: изъ нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собой песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ относительно силы ключа; то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ ужь не такъ чистъ и прозраченъ—вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ—солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникаетъ*, то-есть уходитъ въ землю, и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

III. РѢЧКИ.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются *рѣчки*. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины, и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурею и подмытыя весеннею водою, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать черезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ зарямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ на верху еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу, ярко освѣщены имъ до половины нагорныя де-

ревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь внизу—густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина!

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извивистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокою и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, не рѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками, и поросшія камышомъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи.

IV. степныя рѣки.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя по объему текущей воды должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это—рѣки *степныя*. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (помосковски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой *перекатами*, то-есть мелкою рѣчкою, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста: что́ случается довольно рѣдко; то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омута синѣютъ, какъ яхонты.

V. р ѣ к и.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаютъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное, и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною *рѣкою*. Густая, разнообразная и обширная урема (см. прим. на стр. 255) почти обыкновенно разрастается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности

такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, проросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами, болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими, ненаселенными лѣсами, и получаетъ особенный уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ничьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ поднимаетъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обрастаютъ берега ея широколистною и узкою осокою, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ, необыкновенной величины, темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), нырнетъ выхухоль—и только; но и этотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ сліянія многихъ такихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки *средней величины*, какъ напримѣръ: всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ оренбургской губерніи и множество другихъ; изъ нихъ-то наконецъ образуются рѣки *первой величины*, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Не смотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки; слѣдовательно настоящіе берега ихъ голы, безплодны, и по моему не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами; но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ, утесистыхъ ихъ берегозъ и

песчаныхъ печальныхъ отмелей луговой стороны. *Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды*, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противуположнаго берега, черезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти. Впрочемъ я не стану спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашусь, что не способенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній. *С. Аксаковъ.*

203. Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы;
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь эолъ,
Небесъ жилецъ.

А. Пушкинъ *.

204. Рѣчка Веркъ-ва, въ яренскомъ уѣздѣ.

Вся площадь вологодской губерніи вообще довольно богата орошеніемъ: множество рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ разрѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ, сливаясь въ двѣ главныя водяныя жилы—Сѣверную Двину и Печору. Яренскій уѣздъ тоже весьма богатъ орошеніемъ: по этому уѣзду протекаетъ Вычегда, со множествомъ ея большихъ и малыхъ притоковъ, которые всѣ болѣе или менѣе обильны рыбою, — въ нѣкоторыхъ попадаются норки и выдры. Но изъ всѣхъ рѣчекъ яренскаго уѣзда особенно замѣчательна Веркъ-

---

* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 1799 г., мая 26, воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, умеръ 1837 г. января 29. Полное собраніе его сочиненій издано П. В. Анненковымъ въ 7 т. 1855 г., а потомъ въ 1859—Исаковымъ.

ва *, рѣчка очень небольшая, но въ теченіи своемъ отступающая отъ обыкновеннаго порядка.

Все протяженіе этой рѣчки не превосходитъ 150 верстъ, при ширинѣ отъ 8 до 12 саженъ. Она впадаетъ въ р. Вымь съ правой стороны, въ 300 верстахъ выше Сереговскаго соловареннаго завода и болѣе 160 верстъ выше послѣдняго поселенія по Выми, погоста Вестлянскаго, восходя вершиною до границъ мезенскаго уѣзда архангельской губерніи. Въ весеннее время, при высокомъ подъемѣ водъ, теченіе Веркъ-вы не представляетъ никакой особенности: она быстра и мутна, какъ и другія рѣчки, впадающія въ Вымь; но лѣтомъ она представляетъ едва ли не единственный примѣръ въ вологодской губерніи—сокрытія подъ землею и появленія опять на поверхности чрезъ нѣкоторое пространство, какъ дѣлаетъ это Рона во Франціи, и какъ течетъ большая часть песчаныхъ рѣкъ южной Африки (Иппопотамова рѣка, по разсказу Ад. Дельгорга). Девяносто верстъ отъ начала своего, Веркъ-ва течетъ правильно, какъ всѣ рѣчки, имѣя до 10 саженъ ширины; на этомъ же разстояніи отъ начала встрѣчаетъ она круглую яму до 8 саженъ квадратной поверхности, въ которую и стремится съ шумомъ и пѣною, образуя водоворотъ, поглощающій невозвратно большую часть ея водъ. Если бросить какое-нибудь легкое тѣло въ эту бездну; то оно, покружившись нѣсколько времени на поверхности, тонетъ и болѣе уже не всплываетъ. Ниже ямы, рѣчка течетъ едва замѣтною струйкою воды, и чрезъ 2 версты изчезаетъ совершенно, скрываясь въ береговое отверстіе, какъ въ окно; затѣмъ русло Веркъ-вы, на пространствѣ около 20 верстъ, совершенно сухо и ровно, какъ полотно дороги, но чрезъ 20 верстъ опять начинаютъ со дна его пробиваться ключи, и вскорѣ образуютъ собою рѣчку, болѣе 30 саженъ шириною. Замѣчательно еще то, что до изчезновенія рѣчки, вода въ ней мутно-краснаго цвѣта, рыба невкусна и ея мало; а по образованіи вновь теченія, вода становится прозрачна, какъ хрусталь, рыбы гораздо больше, и она особенно вкусна. Вода Веркъ-вы, отъ выхода рѣчки изъ-подъ земли до самаго впаденія ея въ Вымь, дотого прозрачна, что на 4-хъаршинной глубинѣ можно видѣть лежащую на днѣ булавку. *Ю. Волковъ.*

205. Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ, и сѣялъ,
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,

* Веркъ—почва, Ва—вода позырянски.

На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли;
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли;
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно—
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою:
Одни за другими проходятъ года—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ—и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро и сильно растетъ,
И блещетъ красою и жизнію дышитъ. . .
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ!

А. Жемчужниковъ.

206. О литургіи въ первые вѣка христіанства.

I. Названіе литургіи.

Изъ всѣхъ священнодѣйствій православной церкви самое важнѣйшее есть *литургія*. Названіе это греческое и по словопроизводству означаетъ *общественное служеніе*. Въ первыя времена христіянства литургіею назывались иногда не только всѣ службы церковныя, какъ напр. вечерня, утреня и др., но и нѣкоторыя добродѣтели, какъ напр. благотворительность, послушаніе и вообще благочестивая жизнь христіянина. Но въ особенности это названіе усвоялось, и понынѣ исключительно усвояется такому богослуженію, въ которомъ совершается таинство евхаристіи, или причащенія тѣла и крови Христовой.

II. Установленіе ея Іисусомъ Христомъ.

Въ этомъ смыслѣ взятая, литургія ведетъ свое начало отъ самаго Іисуса Христа. По окончаніи послѣдней пасхальной *вечери*, которая, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, называется *тайною*, или таинственною, Спаситель взялъ хлѣбъ, и, подъемля къ небу, произнесъ надъ нимъ благодареніе Богу; потомъ раздробилъ его на части, и, подавая ученикамъ своимъ, сказалъ: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое.* Послѣтого взялъ чашу съ виномъ, растворенным водою, и, воздавши хвалу Богу, подалъ имъ, говоря: *пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* Апо-

столы благоговѣйно приняли поданное, и вкусили. Затѣмъ Спаситель присовокупилъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Такимъ образомъ положенъ конецъ ветхозавѣтной пасхѣ, и установлена новая духовная вечеря, на которой предлагаются вѣрующимъ подъ видомъ хлѣба истинное тѣло, а подъ видомъ вина—истинная кровь Іисуса Христа.

III. ЦѢЛЬ УСТАНОВЛЕНІЯ.

Цѣлію, съ какою Спаситель учредилъ таинство евхаристіи, можно полагать слѣдующее: 1) чтобы продлить между послѣдователями Своими благодарное воспоминаніе о Себѣ, особенно о Своей смерти, добровольно подъятой для спасенія людей. На это указываютъ слова Іисуса Христа: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*, т. е. «каждый разъ, когда вы будете пріобщаться Моего тѣла и крови, — воспоминайте безконечную любовь къ вамъ небеснаго Отца, который для спасенія вашего не пощадилъ своего Сына, — живо представляйте Мои тяжкія страданія за ваши грѣхи, Мою поносную смерть для избавленія васъ отъ вѣчной смерти»; 2) выразить въ чувственныхъ знакахъ сущность новаго завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ означить окончаніе завѣта ветхаго. Цѣль эта открывается изъ словъ: *сія чаша новый завѣтъ Моею кровію*,—которыя имѣютъ близкое отношеніе къ подобнымъ словамъ, произнесеннымъ во время учрежденія ветхаго завѣта. *Вземъ Моисей кровь*, говорится въ книгѣ Исходъ (24, 8), *окропи люди и рече: се кровь завѣта, его же завѣщаа Господь къ вамъ о всѣхъ словесѣхъ* (закона); 3) преподать Своимъ послѣдователямъ чувственно-духовное средство къ тѣснѣйшему соединенію съ собою, а чрезъ то къ достиженію жизни вѣчной (Іоан. 6, 53—57).

IV. ЛИТУРГІЯ ВО ВРЕМЕНА АПОСТОЛЬСКІЯ.

По завѣщанію Спасителя, апостолы, вскорѣ послѣ Его вознесенія, начали совершать вмѣстѣ съ прочими вѣрующими таинство евхаристіи, или литургію, и, безъ сомнѣнія, старались, какъ можно вѣрнѣе, подражать примѣру своего Учителя. Но въ священныхъ книгахъ нѣтъ подробнаго описанія, какъ совершали они это священнодѣйствіе; да и едва ли могло быть совершенное однообразіе въ то время, когда Духъ Божій непосредственно руководствовалъ совершителей, и каждый разъ внушалъ имъ что говорить и дѣлать при первоначальномъ распространеніи на землѣ благодатнаго царства Христова. На основаніи нѣкоторыхъ указаній въ писаніяхъ апостольскихъ и свидѣтельствъ св. отцовъ, въ апостольской литургіи находятъ слѣдующій порядокъ. Она начиналась поучительною бесѣдою для укрѣпленія въ вѣрѣ новообращенныхъ и для внушенія имъ всей важности предлагаемой таинственной пищи.

Потомъ, когда сердца ихъ были достаточно приготовлены, — всѣ вставали на молитву, и старшій въ собраніи возсылалъ Богу прошенія, не заранѣе придуманныя, а въ тоже время вдохновенныя свыше. По окончаніи молитвъ, онъ предлагалъ хлѣбъ и чашу съ виномъ, по примѣру Іисуса Христа; воспоминалъ Его любовь и благодѣянія, оказанныя роду человѣческому; благодарилъ за все это небеснаго Отца, и умолялъ Его ниспослать Св. Духа для освѣщенія предложеннаго хлѣба въ истинное тѣло, и вина—въ истинную кровь Христа Своего.—Все же собраніе вѣрующихъ, въ подтвержденіе своего единодушія, провозглашало: аминь. Потомъ, раздробивши хлѣбъ на части, причащались съ благоговѣніемъ, и заключали все священнодѣйствіе пѣніемъ псалмовъ и новыми молитвами *.

Послѣтого возлегали, по восточному обыкновенію, въ самой молитвенной комнатѣ совершать такъ называемую вечерю любви (*ἀγάπην*), которая приготовлялась изъ даровъ, приносимыхъ богатыми въ церковь, въ знакъ христіянской любви и для пропитанія убогой братіи. Это братолюбное угощеніе, въ нѣкоторыхъ церквахъ, стали отправлять прежде совершенія евхаристіи; но такое обыкновеніе вскорѣ было прекращено **, и впослѣдствіи соборами св. отецъ опредѣлено, чтобы тайны причащенія пріемлемы были только не вкушавшими обыкновенной пищи.

Опредѣленнаго дома для собраній не было, а собирались, смотра по удобности, у кого-нибудь изъ вѣрующихъ. Распорядителями собраній въ Іерусалимѣ были сами апостолы. Но какъ главная обязанность ихъ была заниматься проповѣданіемъ слова Божія, а не попеченіемъ о столахъ (Дѣян. 6, 2): то въ помощники имъ избраны семь человѣкъ изъ числа вѣрующихъ, которые рукоположены и названы *діаконами* (служителями). Всѣ они, какъ апостолы, такъ и діаконы, неутомимо трудились для блага общества, и всё дѣлали съ общаго совѣта. Невидимою главою общества былъ самъ Іисусъ Христосъ, вознесшійся на небо, а всѣ ученики и послѣдователи Его, безъ различія званій и состояній, помогали другъ другу, какъ члены одного тѣла, называемаго *Церковію* ***.

---

* Св. Іоаннъ Злат. всѣ эти части апостольской литургіи описываетъ такъ: «помысли, что дѣлали апостолы, когда причащались священной вечери: не на молитвы ли обращались и пѣснопѣнія? не на священныя ли бдѣнія? не на продолжительное ли и многаго любомудрія исполненное ученіе? Бес. на 1 Кор. 27.

** Бл. Августинъ въ 118 посл. къ Іануарію доказываетъ, что это обыкновеніе прекратилъ самъ ап. Павелъ: «Изволися Духу Святому», говоритъ онъ, «чтобы въ честь таковаго таинства, въ уста христіанина взошло первое тѣло Христово, нежели простыя снѣди.»

*** Въ началѣ общество христіянъ называлось *ἐκκλησία* — отборное собраніе. Также называли и мѣсто, куда собирались христіяне. Наше слово — церковь произошло отъ греческаго *κυριακη* (т. е. *οἰκία*) — домъ Господень. Христ. Чт. 1830, ч. 38, стр. 96.

V. Литурія послѣ временъ апостольскихъ во II и III вѣкахъ.

Послѣ апостоловъ литургія совершалась по ихъ образцу и въ существѣ своемъ была таже самая: но по обстоятельствамъ произошли нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ священнодѣйствія. Соображая свидѣтельства христіянскихъ писателей II и III-го вѣка *, находимъ слѣдующія учрежденія и обыкновенія тогдашняго времени при таинствѣ причащенія.

---

* Подробнѣе другихъ описываютъ совершеніе литуріи въ первенствующія времена *Іустинъ* мученикъ и *Тертулліанъ* въ своихъ апологіяхъ. По высокому достоинству этихъ свидѣтелей, мы приводимъ собственныя слова ихъ. — Іустинъ мученикъ и философъ († 140) въ защитительномъ посланіи къ императору Антонину пишетъ между прочимъ слѣдующее: «послѣ того, какъ омоется (въ крещеніи) увѣровавшій и давшій обѣтъ вѣрности, мы вводимъ его къ такъ называемымъ братіямъ въ собраніе, чтобы совершить усердное общее моленіе, какъ о новопросвѣщенномъ, такъ и о всѣхъ другихъ, повсюду находящихся.»

«По окончаніи молитвъ мы другъ друга цѣлуемъ.»

«Потомъ къ предстоятелю братіи приносится хлѣбъ и чаша съ виномъ, растворенными водою. Онъ беретъ и именемъ Сына и Св. Духа благодаритъ и славитъ Отца всѣхъ, особенно за то, что онъ удостоилъ насъ этихъ даровъ. Когда онъ совершитъ молитвы и благодаренія, — весь присутствующій народъ возглашаетъ: аминь.»

«Послѣ того, какъ предстоятель совершитъ благодареніе, и весь народъ возгласитъ аминь, такъ называемые у насъ діаконы каждому изъ присутствующихъ даютъ пріобщаться хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе, и вина съ водою, а къ отсутствующимъ относятъ на домъ.»

«Пища эта называется у насъ Евхаристіею, и никому другому не позволяется принимать ее, кромѣ тѣхъ, которые вѣруютъ, что ученіе наше истинно, омылись водою въ оставленіе грѣховъ и въ возрожденіе, и живутъ такъ, какъ заповѣдалъ Христосъ. Ибо мы пріемлемъ это не какъ простой хлѣбъ и не какъ простое питіе: но какъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, словомъ Божіимъ воплотившійся для спасенія нашего, имѣлъ плоть и кровь, такъ научены мы, что эта пища, надъ которою произнесено благодареніе молитвою слова Его, хотя, превращаясь въ соки, питаетъ нашу плоть и кровь, — есть плоть и кровь Самого воплотившагося Іисуса Христа. Ибо апостолы въ повѣствованіяхъ своихъ, которыя называются евангеліями, предали, что Іисусъ далъ намъ эту заповѣдь. Взявши хлѣбъ и воздавши благодареніе, Онъ сказалъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе; сіе есть тѣло Мое. Такимъ же образомъ взявъ чашу и благодаривъ (Бога) сказалъ: сія есть кровь Моя.»

Чтобы дать знать, что христіяне причащаются не только тогда, когда вводятъ новокрещенныхъ въ Церковь, но и въ другія времена, св. Іустинъ говоритъ далѣе: «Потомъ мы всегда воспоминаемъ объ этомъ между собою. Достаточные изъ насъ помогаютъ бѣднымъ, и мы всегда находимся во взаимномъ общеніи. Надъ всѣми нашими дарами мы славимъ Творца всѣхъ чрезъ Сына Его Іисуса Христа и чрезъ Духа Святаго. Въ такъ называемый день солнца (воскресенье) бываетъ у насъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селамъ, и *читаются*, сколько можно, повѣствованія апостоловъ и писанія пророковъ.»

«Потомъ, когда чтецъ перестаетъ, предстоятель посредствомъ слова дѣлаетъ *наставленіе* и увѣщеваетъ слѣдовать тѣмъ прекраснымъ правиламъ.»

«Послѣ того всѣ встаемъ и совершаемъ *молитвы*.»

«Когда же кончимъ молитвы, тогда, какъ сказали мы выше, приносятся хлѣбъ и вино съ водою, и предстоятель также возсылаетъ молитвы и благодаренія, сколько можетъ. Народъ возглашаетъ — аминь, и бываетъ раздаяніе каждому и пріобщеніе

VI. ВРЕМЯ СОВЕРШЕНІЯ ЛИТУРГІИ.

Для совершенія литургіи собирались очень часто. Какъ пищу тѣлесную люди принимаютъ ежедневно, такъ и пищи духовной христіяне причащались большею частію ежедневно, прежде или послѣ обыкновеннаго обѣда. Когда стало входить въ обычай собираться для литургіи не каждый день, а только въ особенные дни, напр. въ суботу, въ воскресенье, въ праздники, которыхъ тогда было не много, во дни памяти мучениковъ: то и тогда не оставляли еще обыкновенія причащаться ежедневно. Набожные люди брали на домъ часть освященныхъ даровъ и причащались всякій день прежде обѣда. Брали также съ собою дары отправлявшіеся въ путь, чтобы причащаться тамъ, гдѣ они не могли участвовать въ общественныхъ собраніяхъ.

Что касается до времени дня, въ которое собирались христіяне на таинственную вечерю, то изъ самаго названія видно, что она

даровъ, надъ коими совершено благодареніе; и къ отсутствующимъ посылаютъ чрезъ діаконовъ.»

Тертулліанъ (жившій въ концѣ II и началѣ III-го стол.) передалъ намъ также довольно подробное описаніе христіянской вечери, какъ она совершалась въ его время. Въ своей апологіи христіянъ онъ пишетъ къ язычникамъ такъ:

«Наше общество крѣпко связано, какъ члены тѣла; потому-что мы исповѣдуемъ одну Вѣру, ведемъ одинаковую жизнь, какъ предписано отъ Бога, и всѣ имѣемъ одну надежду.»

«Мы сходимся въ одно мѣсто, чтобы общею молитвою преклонить къ себѣ Бога. Это усердное и единодушное моленіе пріятно Богу.»

«Мы молимся за императора и за начальствующихъ, за власти земныя и о мирѣ людей всѣхъ состояній, чтобы дни мира продлились, а не сократились. Собираясь, читаемъ свящ. Писаніе, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, извлекать изъ него наставленіе на будущее время, или приложеніе къ настоящему. Святымъ словомъ мы утверждаемъ себя въ вѣрѣ, питаемъ свою надежду, подкрѣпляемъ упованіе, и, вникая въ заповѣди Божіи, укореняемъ въ сердцахъ своихъ спасительное ученіе. Мы другъ друга увѣщеваемъ, обличаемъ и отдаемъ себя на судъ слову Божію. Этотъ судъ Божій у насъ важенъ, ибо никто не сомнѣвается, что онъ стоитъ предъ лицемъ Божіимъ. Если кто сдѣлаетъ такое преступленіе, за которое онъ отлучается отъ общественной молитвы, отъ собранія и всего богослуженія, то это считается какъ бы за предварительный страшный судъ.»

«Предстоятелями у насъ отличные старцы (пресвитеры). Этой чести они удостоиваются не за деньги, а по единогласному одобренію всей Церкви. И общественная касса, которую мы имѣемъ, состоитъ у насъ не изъ вкладовъ, вносимыхъ членами, которые принимаются въ общество, какъ будто бы вѣра покупалась за деньги, но каждый изъ насъ вноситъ туда что-нибудь разъ въ мѣсяцъ, или когда угодно, — разумѣется, если хочетъ и можетъ; ибо никого не принуждаютъ, а всякій даетъ по собственному произволу. Это служитъ какъ бы залогомъ любви къ Богу и ближнему: Ибо все (собираемое) издерживается не на пиры, пьянство и объяденіе, гдѣ всякій платитъ, не благодаря Бога, — но на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на поддержаніе сиротъ престарѣлыхъ и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, на содержаніе осужденныхъ на рудокопни и сосланныхъ на необитаемые острова, или заключенныхъ въ темницы, если только они страждутъ за Вѣру.»

«У васъ (язычниковъ) носится объ насъ худая молва оттого, что мы называемся братьями. Но не должны ли мы называться такъ, когда всѣ признаемъ еди-

совершалась вечеромъ. — Начинаясь съ вечера, по примѣру послѣдней вечери Спасителя, она продолжалась иногда до глубокой ночи (Дѣян. 20, 7). Но какъ законы римскіе запрещали ночныя собранія, то литургія перенесена на утренніе часы предъ разсвѣтомъ; дневною же службою сдѣлались она уже въ IV вѣкѣ.

VII. ВСѢ ЛИ ХРИСТІЯНЕ ПРІОБЩАЛИСЬ ЗА ЛИТУРГІЕЮ?

Пріобщались *всѣ* вообще христіяне, приходившіе въ собраніе. Кто боленъ, или по другимъ уважительнымъ причинамъ не могъ присутствовать въ собраніи, тѣмъ Св. Дары посылаемы были на домъ чрезъ діаконовъ. Только *отлученныхъ* отъ Церкви и *кающихся* не допускали къ причащенію, пока они не выполнятъ положенной на нихъ эпитиміи. Дѣтямъ преподавали причащеніе подъ однимъ видомъ крови Христовой; также — отчаянно больнымъ.

наго Бога, получили единаго Св. Духа, и изъ тьмы возведены въ единый свѣтъ истины? Поелику же мы соединены между собою душею и сердцемъ, то и дѣлимся другъ съ другомъ всѣмъ, что имѣемъ.»

«Наши небольшія *вечери* слывутъ у васъ не только срамными, но и роскошными. Но объ насъ нельзя сказать того, что сказалъ Діогенъ о Мегарянахъ: они пируютъ такъ, какъ будто завтра собираются умирать, а строются, — какъ будто бы имъ жить вѣчно.»

«Каковы наши вечери, это видно изъ самаго имени ихъ. Онѣ носятъ греческое названіе, которое означаетъ *любовь*, или дружбу. Сколько бы онѣ ни стоили, — издержки на нихъ вѣрующими, по внушенію любви, есть пріобрѣтеніе: отъ этой трапезы получаютъ продовольствіе бѣдные. Если же правильна причина, почему мы дѣлаемъ общественныя вечери, то сами вы можете разсудить, что и все происходящее на нихъ согласно съ тою Вѣрою, которую мы исповѣдуемъ. Не бываетъ на нихъ ничего худаго, ничего противнаго добрымъ нравамъ. Вечеря начинается молитвою къ Богу. Пищи употребляютъ столько, сколько нужно для утоленія голода, только прилично трезвому человѣку. Ѣдятъ досыта, но не забываютъ, что и ночью надобно быть на молитвѣ; разговариваютъ между собою, но знаютъ, что Господь слышитъ все.»

«Когда *умоютъ руки* и *зажгутъ свѣчи*, каждому предлагается выйти на средину и пропѣть что-нибудь во славу Божію, — изъ св. Писанія или отъ себя, — какъ кто можетъ. Тогда оказалось бы, кто сколько пилъ!.. Въ концѣ вечери таже совершается молитва, которою и оканчивается вечеря. Расходятся не толпясь, не толкаясь, не тѣснясь, но съ тою же степенностью, скромностію и цѣломудріемъ, съ какими пришли въ собраніе; ибо здѣсь занимались не столько пищею и питьемъ, сколько добрымъ ученіемъ.»

Въ этихъ выпискахъ представляется уже довольно подробностей о совершеніи литургіи въ II и III-мъ вѣкахъ. Но замѣтить надобно, что приведенные нами писатели, назначая свои сочиненія для язычниковъ, не могли, да и не имѣли нужды, пересказывать все, что у нихъ происходило. Они имѣли цѣлію только отклонить клеветы, которыя взносили на христіянъ, показать ихъ добрую нравственность и пользу общественной христіянской вечери. Многія другія подробности о литургіи находимъ у нихъ же въ другихъ сочиненіяхъ и у иныхъ писателей того времени. А полныя свѣдѣнія почерпнуть можно изъ такъ называемыхъ «Постановленій апостольскихъ» и литургіи Іакова брата Господня.

VIII. Что входило въ составъ литургіи?

По примѣру послѣдней вечери Іисуса Христа и по образцу апостоловъ, съ таинственною вечерею, кромѣ приношенія и освященія даровъ, соединяемо было *чтеніе* свящ. книгъ ветхаго и новаго завѣта, также—*молитвы* и свящ. *пѣсни*, что все вообще и названо *литургіею* (службою).

а) *Чтенія* назначались предстоятелями и выбираемы были приспособительно ко времени; наприм. при воспоминаніи страданій Христовыхъ, читались повѣствованія евангелистовъ о послѣднихъ дняхъ земной жизни Іисуса Христа, также книга многострадальнаго Іова. Въ теченіе 50-ти дней отъ Воскресенія до сошествія Св. Духа, или въ пятьдесятницу—книга Дѣяній апостольскихъ. Въ навечерія Рождества, Крещенія и Пасхи, когда крестили оглашенныхъ, читаемы были пророчества и прообразованія о рождествѣ Спасителя и пр. Сряду послѣ чтенія, епископъ или пресвитеръ предлагалъ *поученія*, состоявшія большею частію изъ поясненія прочитаннаго и приложенія къ жизни.

б) Молитвы чаще всего составляемы были изъ словъ свящ. писанія, и отличались особенною простотою, краткостію и внятностію. Какъ выраженія живыхъ чувствованій, онѣ съ самаго начала церкви произносились на распѣвъ. Главною изъ молитвъ была *молитва Господня*, которую со временъ апостольскихъ считали необходимою принадлежностію таинственой вечери, и произносили предъ причащеніемъ Св. Даровъ. Начальствующій оканчивалъ всѣ молитвы славословіемъ Св. Троицы. Какъ не всякій изъ народа зналъ о чемъ молиться, то руководителемъ въ общихъ молитвахъ былъ самъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ. При діаконѣ епископъ и пресвитеръ произносили только начало и заключеніе, а діаконъ возглашалъ самыя прошенія; народъ же подтверждалъ молитву словомъ—аминь. Молящіеся обращались лицомъ на востокъ, и мужчины молились съ открытою, а женщины съ покрытою головою.

в) *Пѣсни* заимствованы были изъ книги псалмовъ и другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Въ первыя времена пѣли всѣ присутствующіе въ собраніи, иногда попеременно на два хора. Начальствующій начиналъ, а народъ повторялъ за нимъ.

IX. Мѣста, въ которыхъ совершали литургію.

Опредѣленнаго мѣста для общественной вечери тогда нельзя было держаться, по причинѣ частыхъ гоненій. Христіяне собирались вездѣ, гдѣ только могли укрыться отъ преслѣдованія враговъ. «Они насъ преслѣдовали»,—пишетъ одинъ изъ древнихъ отцовъ церкви (Діонисій Александрійскій), «а мы и тогда праздновали. Всякое мѣсто, гдѣ мы терпѣли отъ нихъ различныя огорченія: поле, пустыня,

корабль, гостинница, темница,—служили для насъ мѣстомъ собраній». Впрочемъ когда не было нужды отступать отъ обыкновеннаго порядка, тогда евхаристію совершали въ опредѣленномъ домѣ, болѣе или менѣе обширномъ, который и назывался церковію, т. е. домомъ Господнимъ. Въ домахъ же частныхъ лицъ литургіи были запрещены, и если извинялись, то развѣ крайнею нуждою. Такъ св. Лукіанъ, пресвитеръ и мученикъ, совершилъ священнодѣйствіе евхаристіи въ темницѣ, и притомъ на собственной груди, потому-что предчувствовалъ близкую кончину свою, а возможности не имѣлъ не только быть въ общественномъ собраніи, но и получать Св. Тайны изъ церкви чрезъ діакона, какъ это дѣлалось обыкновенно.

X. ЛИЦА, СОВЕРШАВШІЯ ЛИТУРГІЮ.

Обязанность совершать таинство евхаристіи лежала собственно на *епископѣ*, какъ первенствующемъ членѣ церкви; потому-что Іисусъ Христосъ, на тайной вечери, Самъ произнесъ благодарственную молитву и изъ Своихъ рукъ подавалъ учникамъ, въ видѣ хлѣба и вина, тѣло и кровь Свою; и апостолы также сами совершали это таинство. Но если по какой-нибудь важной причинѣ епископъ не могъ быть въ собраніи, то вмѣсто себя поручалъ совершать священнодѣйствіе *пресвитеру*. А въ тѣхъ церквахъ, гдѣ при епископахъ находились и пресвитеры, — они совершали литургію вмѣстѣ *. Діаконы, кромѣ прежней обязанности распоряженія столами и приношеніями, имѣли теперь попеченіе о бѣдныхъ, наблюдали за порядкомъ въ церкви во время священнослуженія и за цѣлостію и чистотой церковной утвари, руководствовали народъ, съ позволенія настоятеля, въ молитвахъ, и раздавали ему освященные дары. Но совершать самое таинство діаконамъ никогда не позволялось. Всѣ вмѣстѣ—епископъ, пресвитеры и діаконы, въ отличіе отъ прочаго народа, или *мірянъ*, назывались общимъ именемъ *клира*, что значитъ—*удѣлъ* или *жребій*. Названіе это взято изъ ветхозавѣтной церкви, въ которой левиты назывались удѣломъ, или клиромъ Божіимъ.

Такъ совершала литургію христіянская церковь въ тѣ времена, когда отвсюду окружена была врагами, и когда не многіе, но здравые члены ея, не безъ скорбей, поддерживались помощію Божіею и собственною силою духа.

Когда церковь Христова (въ IV стол.) восторжествовала надъ изувѣрствомъ іудеевъ и невѣріемъ язычниковъ, тогда по необхо-

---

* Строгое различіе между степенями *епископа* и *пресвитера* стали полагать уже въ концѣ I-го и въ началѣ II-го вѣка (см. посл. св. Игнатія Богоносца); а при апостолахъ одни и тѣже лица иногда назывались то пресвитерами, то епископами. Дѣян. XX, 17. сн. 28.; Тит. 1, 5. сн. 7; Филип. 1, 1; Тим. III, 1. 8.

димости произошли новыя распоряженія въ обрядахъ и внѣшнемъ видѣ литургіи. Съ того времени императоры римскіе и знатнѣйшіе изъ ихъ подданныхъ не разрушали, а за честь себѣ поставляли устроять церкви со всѣмъ великолѣпіемъ, возвысили и обезпечили въ содержаніи причтъ церковный, взяли на себя значительную часть попеченій о сиротахъ, бѣдныхъ и страждущихъ, стали заводить училища, въ которыхъ дѣти христіянъ, съ малыхъ лѣтъ, научались истинамъ евангельскимъ. Кромѣтого, въ самыхъ семействахъ христіянскихъ всякій свободно уже могъ и молиться и научаться тому, что прежде слышалъ только въ церквахъ. Такимъ образомъ большую часть прежнихъ заботъ своихъ церковь сложила на гражданское общество, и теперь, какъ то, такъ и другая, въ добромъ союзѣ между собою, ведутъ людей къ царству небесному.

207. Когда нынѣ совершается литургія?

Литургія совершается *ежедневно* (кромѣ нѣкоторыхъ дней великаго поста), или, гдѣ по занятіямъ и отдаленности христіянъ отъ церкви трудно собираться ежедневно, — непремѣнно всякій *воскресный* и *праздничный* день.—Это обыкновеніе ведется съ древнихъ временъ, съ тою только разницею, что первенствующіе христіяне, присутствуя за литургіею, ежедневно или еженедѣльно пріобщались Св. Таинъ, а нынѣ большею частію пріобщаются одни священнодѣйствующіе.

Поелику литургія есть не что иное, какъ таинственная вечеря, или духовная трапеза, то и время литургіи издревле сближалось съ обыкновеннымъ обѣдомъ, всегда впрочемъ предшествуя ему. Въ обыкновенные дни, когда пища, по обычаямъ монастырскимъ, предлагается около полудня,—и литургія должна оканчиваться къ этому времени. Во дни поста, наканунѣ великихъ праздниковъ—Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи,—принятіе пищи разрѣшается не ранѣе 3-хъ часовъ по полудни, или вечеромъ: оттого и литургія въ эти дни оканчивается уже послѣ полудня, и соединяется съ вечернею службою. Въ свѣтлое Воскресенье положено прекращать постъ въ самое раннее утро: потому и литургія совершается ночью, предъ разсвѣтомъ.

208. Осень и зима.

Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь

Съ печальнымъ шумомъ обнажалась:
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средъ полей...
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ.
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

209. Доброта А. П. Сумарокова (1718 н. 14—1777 ок. 1).

А. П. Сумароковъ въ послѣдніе годы жизни своей худо занимался хозяйственными дѣлами, и они пришли въ совершенный упадокъ. Между тѣмъ, проходя однажды въ Москвѣ по улицѣ, онъ встрѣтилъ стараго израненнаго инвалида, который попросилъ у него милостыню. Не имѣя денегъ ни въ карманѣ, ни дома, Александръ Петровичъ снялъ съ себя шитый генеральскій мундиръ, и отдалъ его инвалиду, а самъ возвратился домой въ одномъ камзолѣ.

П. Сумароковъ.

210. Ревизія чембарскаго училища въ 1823 году.

(Изъ записокъ И. И. Лажечникова.)

Въ 1823 году, ревизовалъ я чембарское (пензен. губ.) училище. Новый домъ былъ тогда только-что для него отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ: худенькій и маленькій, онъ междутѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказанію науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъже назвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его.... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, а также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть, и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. — «Виссаріонъ Бѣлинскій*, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря,» сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъже потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжечку, на заглавномъ листкѣ которой подписалъ: Виссаріону Бѣлинскому, за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное), отъ такого-то такому-то. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства.

Чембаръ маленькій уѣздный городокъ, не лучше посредственнаго села. Мѣстоположеніе его и окрестностей довольно живописно.

Бѣлинскій, какъ говорилъ мнѣ смотритель, гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшивался въ ихъ игры, и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ гдѣ только могъ.

---

*Впослѣдствіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей нашего вре-

211. Зима.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала, ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ—
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,—
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ;
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Брозды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ;
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

212. Жизнь Суворова въ отставкѣ.

Село Кончанское, родовое пмѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши новгородской губерніи, въ сѣверовосточной части боровицкаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ. Здѣсь (съ 1797 г., 6 февр.) знаменитый герой Рымника, Измаила и Праги поселился въ совершенномъ уединеніи, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника. Тяжко было такое изгнаніе для человѣка честолюбиваго; но Суворовъ перенесъ свое несчастіе истиннымъ христіяниномъ. Сохраняя обычную свою твердость духа, онъ проводилъ часы одиночества надъ книгами, и внимательно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій; однакожь и здѣсь, въ глуши деревенской, не переставалъ быть тѣмъже чудакомъ, какимъ привыкъ уже показывать-

мени. Онъ умеръ въ 1848 г. 28 мая въ Спб., 38 лѣтъ отъ роду. Сочиненія его (9 т.) издаются Щепкинымъ и Солдатенковымъ.

*

ся при дворѣ и передъ войскомъ: онъ вмѣшивался въ крестьянскія забавы, игралъ съ деревенскими мальчишками, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ на клиросѣ, и звонилъ въ колокола. *Д. Милютинъ.*

213. Младенецъ.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.
Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ—
Беззаботно онъ сидитъ,
И весломъ своимъ играетъ.
Волны плещутъ на челнокъ—
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у береговъ
Объ утесы, развалился....
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.
Челнъ забытъ; а гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ....
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.
Вотъ примѣръ: безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье.

В. Жуковскій *.

214. Народное преданіе объ озерѣ Гидденъ.

На Балтійскомъ морѣ есть островъ *Рюгенъ*. На этомъ островѣ есть озеро Гидденъ. Объ немъ въ народѣ разсказывается слѣдующее преданіе.

«На Рюгенѣ когда-то жили двѣ женщины: одна—добрая, сострадательная, другая—жестокая и скупая. Однажды вечеромъ, въ дождь и бурю, какой-то старикъ, одѣтый бѣдно, какъ нищій, дрожа отъ холода, пришелъ къ злой женщинѣ, просилъ у нея пріюта на ночлегъ и куска хлѣба. Злая женщина была богата, но не дала бѣдному старику ничего, и выгнала его изъ своего дома. Старикъ пошелъ къ другой женщинѣ. Она приняла его охотно и ласково, и раздѣлила съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба. Переночевавъ въ ея хижинѣ, онъ по утру поблагодарилъ ее отъ всей души, и, уходя, сказалъ: «За твое доброе дѣло, у тебя будетъ нынче цѣлый день споро все, за что́ ты возьмешься въ первый разъ.» Женщина улыбнулась, считая это добродушною шуткой, выражавшей благодарность прохожаго.

---

* Василій Андреевичъ Жуковскій родился 1783 г., въ селѣ Мышенскомъ бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи, умеръ 1852 г., 11 апрѣля, въ Баденъ-Баденѣ, погребенъ въ Невской Лаврѣ, подлѣ Карамзина. Полное собраніе его сочиненій издано въ XIII т. 1849—1857 г.

Проводивъ его, она пошла въ комодъ, и вынула оттуда кусокъ полотна, чтобы сшить рубашку своему ребенку. Полотна было всего три аршина: но когда она смѣрила ихъ,—видитъ, что его стало больше. Она отмѣрила еще три аршина; а полотна все остается; она стала мѣрить больше и больше,—полотно все выростаетъ, все тянется. Она намѣрила столько, что завалила имъ всю свою избу, весь свой дворъ; наконецъ пошла она бродить по своимъ полямъ,—полотно и тутъ тянулось и вилось за ней нескончаемыми дорожками. Такъ проработала она до самаго вечера, и удивлялась, и радовалась до чрезвычайности. Она сдѣлалась богата.

Узнали объ этомъ всѣ сосѣди, узнала и злая женщина.

Досадно ей стало, что она не дала у себя старику ночлега, и грубо обошлась съ нимъ. Думая какъ-бы поправить свою ошибку и, можетъ-быть, еще больше доброй женщины получить выгоды за гостепріимство, она отыскала, гдѣ жилъ чудный старикъ, пришла къ нему, и позвала его къ себѣ. Онъ пошелъ къ ней. Съ притворнымъ добродушіемъ, подъ которымъ скрывалось одно низкое корыстолюбіе, она приготовила ему мягкую постель, и угощала его всѣмъ, что́ было у ней лучшаго. На слѣдующій день старикъ поблагодарилъ ее, и, уходя, сказалъ: «У тебя будетъ нынче споро все, за что́ ты возьмешься въ первый разъ.»

Не успѣлъ онъ выдти за порогъ, она бросилась къ своимъ деньгамъ, дрожа отъ одной мысли, что насчитаетъ ихъ ужасное множество. Но, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ и не ограбилъ ея, она зашла въ уединенное глухое мѣсто. Еще не принимаясь считать, она захотѣла прежде всего обмыть нѣкоторыя почернѣвшія монеты: но начавъ обливать ихъ водой, она никакъ не могла остановиться—все лила; а вода не изсякала, текла все больше и больше, такъ-что наконецъ затопила ея домъ и поля. На этомъ-то самомъ мѣстѣ теперь и стоитъ озеро Гидденъ.

215. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! * Гдѣ ты былъ?»
«Въ кунтскамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.

---

* Здѣсь эллипсисъ; онъ образовался изъ слѣд. предложенія: здорово живешь. Простой народъ при свиданіи употребляетъ выраженіе: здорово живешь? равносильное общежитейскому: какъ вы въ своемъ здоровьѣ или какъ ваше здоровье? Впослѣдствіи предложеніе это изъ вопросительнаго перешло въ восклицательное,—участіе свое стали выражать не спросомъ о здоровьѣ, но желаніемъ здоровья: отсюда здорово стало значить: здравствуй или здравствуйте! и т. обр. здорово замѣняетъ теперь полное предложеніе: *здорово живи!*

Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»—
«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ.»—
«Да развѣ тамъ онъ?»—Тамъ.—«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.» *Крыловъ.*

216. Загадки.

1. Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ.

2. Летѣлъ панъ
На воду палъ,
Воды не замутилъ.

III. ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ, КОТОРЫЯ СОБСТВЕННО И ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ СЛУЖАТЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЧЛЕНОВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ОТНОШЕНІЙ ИХЪ.

А. *Для подлежащаго.*

§ 12. Названіе предмета по его предметнымъ признакамъ. Значеніе имени существительнаго и преимущественное его назначеніе въ составѣ предложенія.

217. Петръ Великій и лоцманъ Антипъ.

Мая 1 (1694 г.) выѣхалъ царь изъ Москвы [1], проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ, и 18 былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился архіепископъ Аѳанасій [2], и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣль звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 30 мая, въ 3 часа по полудни, отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голо-

ву, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему, и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ погибели—направить корабль къ ближайшей гавани: Унскіе рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ, и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ; «я знаю, что дѣлать. Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу, и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?» смѣясь, спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло,» отвѣчалъ царь; поцѣловалъ Антипа, и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье.

Н. Полевой *.

1. «Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы» Кто выѣхалъ? откуда выѣхалъ? Когда? Какъ назвать члены предложенія по вопросамъ: откуда и когда? что сдѣлалъ царь? Стало, какой это членъ предложенія? къ какому же слову *выѣхалъ* служитъ сказуемымъ? Слѣд. царь есть подлежащее? А подлежащимъ что мы называемъ? За что, по какой причинѣ мы слово извѣстное называемъ подлежащимъ? Но перестанетъ ли слово выражать понятіе о предметѣ, если оно сдѣлается другимъ членомъ предложенія? Конечно, оно перестанетъ выражать понятіе о предметѣ нашей рѣчи, но не перестанетъ выражать понятіе о предметѣ вообще. Значитъ, слова, кромѣ членовъ предложенія, выражаютъ для насъ самый разрядъ понятій: царь—понятіе о предметѣ, а выѣхалъ—понятіе о дѣйствіи. Слѣд. слово «царь» есть названіе понятія о предметѣ? А выѣхалъ служитъ ли названіемъ предмета? Значитъ, «царь и выѣхалъ» различны между собой по значенію понятій, которыя ими выражаются? Чѣмъ же они различны?

2. «Сюда явился архіепископъ Аѳанасій» Кто явился? куда? Гдѣ же здѣсь подлежащее? А что показываетъ подлежащее? Значитъ, слово «Аѳанасій» служитъ названіемъ понятія о предметѣ? А всегда ли подлежащее показываетъ предметъ? Посмотрите въ слѣд. примѣрахъ: Выплыла яхта. Возстала буря. Не унывалъ только Петръ.» Такъ, подлежащее всегда показываетъ предметъ; а потому и слово, его выражающее, всегда должно служить названіемъ предмета, не такъ ли? Слѣд. въ языкѣ есть такія слова, которыя всегда выражаютъ понятія о предметахъ. Вспомните, что мы называли предметомъ? Предметомъ называли то, что есть, существуетъ въ мірѣ. Вотъ по этой-то причинѣ слово, которое служитъ постоянно наз-

* Николай Алексѣевичъ Полевой родился въ Иркутскѣ 22 іюня, 1796 г., умеръ въ С. Петербургѣ, 1846 г. 22 февраля. Полнаго собранія его сочиненій доселѣ еще не было.

ваніемъ предмета, называется именемъ *существительнымъ*. Слова: царь, Аѳанасій, архіепископъ, яхта, буря, Петръ, называютъ ли имена предметовъ, и слѣд. какъ ихъ назвать должно? Укажите еще нѣсколько именъ существ. въ этой статьѣ.

Но если разбираемыя существительныя поставите въ предложеніяхъ такъ: Москвичи провожали *царя*, выѣзжавшаго изъ Москвы. Царь пригласилъ съ собою *архіепископа Аѳанасія*. *Царю* дали *яхту* неудобную. Бури всѣ кромѣ царя устрашились; то увидите ихъ подлежащими или другимъ членомъ предложенія? При этой перемѣнѣ каждое изъ нихъ перестало ли быть существительнымъ? Почему нѣтъ? Значитъ, извѣстное слово зовется существительнымъ уже не по тому одному, что оно выражаетъ подлежащее, но потому, что всегда служитъ выраженіемъ понятія о предметѣ, названіемъ предмета, — слѣд. имъ выражается особенный разрядъ понятій или представленій, именно разрядъ понятій о предметахъ. За это коренное свойство, которое не теряется въ существительномъ имени, какимъ бы оно ни стало членомъ въ предложеніи, называется вообще *частью* рѣчи, а не предложенія.

Мы сказали съ вами, что подлежащее всегда показываетъ понятіе о предметѣ, и сейчасъ узнали, что существительное имя всегда есть названіе понятія или представленія о всякомъ предметѣ; потому существ. имя по преимуществу и собственно служитъ для выраженія подлежащаго.

А какъ существительное всегда знаменуетъ опредѣленное понятіе объ опредѣленномъ предметѣ, знаменуетъ его по такому признаку, который въ немъ самомъ есть, а не зависитъ отъ говорящаго; то существ. имя называютъ *знаменательною* частью рѣчи.

§ 13. Виды существительныхъ именъ: а. по предметамъ, ими обозначаемымъ: наглядное и отвлеченное.

Словами: *Царь, Москва, Архангельскъ, монастырь, яхта, корабль* и т. п. обозначаются такіе предметы, которые занимаютъ извѣстное мѣсто, подлежатъ одному изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ напр. *чувству зрѣнія*, слѣд. это предметы *чувственные*. Между ними одни могутъ перемѣнять свое положеніе, свое мѣсто сами собою, по своей волѣ: *лоцманъ, спутникъ;* другіе же напротивъ сами собою перемѣнить мѣста не могутъ: *корабль, монастырь:* первые суть предметы *одушевленные: Царь, архіепископъ, спутникъ, лоцманъ*, а вторые — *неодушевленные: монастырь, яхта, корабль*. Значитъ, этими существительными обозначаются предметы, которые мы называли *существомъ* и *вещью*. Такіе предметы отличаются отъ явленій; большею частью познаются они посредствомъ чувства зрѣнія, глазами, и за то мы называли ихъ наглядными: поэтому и существительныя какъ имена существъ и вещей, называются также *наглядными*, и они ясно различаются отъ другихъ существительныхъ, которыя служатъ названіями явленій.

Но существительными: *отъѣздъ, молебенъ, ужасъ* обозначаются такіе же ли предметы, какъ *царь, корабль, монастырь?* Подъ ними разумѣемъ ли мы существа или вещи? нѣтъ, мы подъ ними разумѣемъ *явленія*. Прежде, мы различали существо, вещь, тѣло и духъ, или то, что существуетъ само по себѣ, и различали перемѣны въ тѣлѣ и духѣ, или явленія, т. е. то, что существуетъ только въ тѣлѣ или духѣ.

Такая разница въ дѣйствительности отозвалась на именахъ существительныхъ. Между ними есть и такія, которыя служатъ именами существъ и есть и такія, которыя называютъ явленія. Послѣднія въ отличіе отъ первыхъ называются *отвлеченными*.

§ 14. Виды существительныхъ b) по отношенію частей къ цѣлому.

«Царь отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской». Вы уже знаете, какая часть рѣчи царь, Аѳанасій, свита, яхта; но объясните мнѣ, которое изъ нихъ называетъ существо, и которое—вещь, есть ли между ними такія, которыя называютъ явленіе. Итакъ по свойству предметовъ какія же это существительныя—наглядныя или отвлеченныя? Но когда мы говоримъ: *царь*, *Аѳанасій*, — мы представляемъ предметы отдѣльными, самостоятельными, такими, которые сами по себѣ составляютъ цѣлое недѣлимое (индивидуумъ) и какъ бы не сложные, а простые; но тоже ли самое представляетъ намъ существительное свита? Представляемъ ли мы себѣ подъ нимъ предметъ отдѣльный, или составленный изъ нѣсколькихъ однородныхъ отдѣльныхъ предметовъ. Свиту царя составлялъ одинъ ли человѣкъ? каждый изъ свиты есть ли свита? Значитъ, наглядныя существительныя выражаютъ предметъ, указывая отношеніе частей къ цѣлому? А есть ли такое свойство въ существительныхъ отвлеченныхъ? Напр. *ужасъ*, *буря* представляетъ ли совокупность отдѣльныхъ однородныхъ предметовъ? Итакъ существит. наглядныя по отношенію частей къ цѣлому бываютъ сколькихъ родовъ?—Тотъ и другой родъ отличается особымъ именемъ: первые назыв. *простыми*, а вторыя *собирательными*.

§ 15. Виды существ: c) по числу предметовъ, подъ ними понимаемыхъ: собственное и нарицательное.

Существительными: «Москва, Архангельскъ, Петръ, Антипъ» мы называемъ предметы особенные, *единичные*, или особи: *Москвой* — нашу древнюю столицу, *Архангельскомъ* — одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, — *Петромъ* — нашего перваго императора, *Антипомъ*—того лоцмана, который провожалъ яхту съ Петромъ въ Унскіе рога; подъ каждымъ изъ этихъ существительныхъ разумѣется *собственно* только одинъ особенный предметъ: а потому такія существительныя называемъ *собственными*. Но названіе *царь* принадлежитъ Петру Великому, и отцу его Алексѣю Михайловичу, и дѣду его Михайлу Ѳеодоровичу, и другимъ, — названіе *архіепископъ* принадлежитъ и Аѳанасію и Ѳеофану Прокоповичу и Стефану Яворскому и др.; слѣд. эти существительныя означаютъ названія, которыя могутъ принадлежать многимъ или всѣмъ предметамъ одного разряда или рода; ими *нарицается* цѣлый отдѣлъ однородныхъ предметовъ; они *общи* всѣмъ предметамъ одного рода: потому такія существительныя имена называемъ *общими*, или *нарицательными*. Между предметами мы различали особи, семейства или виды и роды; между представленіями также различали единичныя, видовыя и родовыя; между существительными соотвѣтствуютъ имъ вполнѣ имя собственное и нарицательное; первое—представленію, особи, а второе—понятію или общему представленію, виду или роду.

§ 16. Виды существительныхъ а) по величинѣ предметовъ.

218. Сардамскій домикъ.

Пребываніе Петра Великаго въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ называютъ *Княжескимъ Домомъ*, и его сохраняютъ, какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ королевѣ нидерландской, праправнучкѣ великаго царя. Его посѣщали императоръ Іосифъ, король шведскій Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ, и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: Petro Magno Alexander (Петру Великому Александръ). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: «Ничто не мало великому человѣку.» Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и благополучно царствовавшій монархъ Россіи, посѣщавшій его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его, нынѣшній царь русскій, былъ угощаемъ своею августѣйшею теткою въ 1838 г. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ его именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей,—
Здѣсь родилась великая Россія!
Н. Полевой.

Существ. *домикъ* показываетъ названіе предмета, который по величинѣ своей малъ въ сравненіи съ обыкновенною мѣрою домовъ. Напротивъ, слово: *домина* или *домище* показываетъ, что предметъ очень великъ въ своемъ размѣрѣ. Но *домъ* показываетъ предметъ обыкновеннаго размѣра: не очень малъ, не очень великъ. Предметы въ природѣ не всѣ одного размѣра и величины: одни изъ нихъ малы, другіе напротивъ—большіе: *столѣтній дубъ и пятилѣтній дубъ, изба и дворецъ, ручей и рѣка* и т. п. Само собою разумѣется, что при представленіи нашемъ о предметахъ, ихъ величина и размѣръ производятъ на насъ различныя впечатлѣнія, и обозначаются въ языкѣ особою формою существительнаго.

Городокъ показываетъ, что онъ небольшой, значительно *меньше* противъ обыкновенныхъ городовъ. Изъ чего же вы узнали, что тутъ говорится о маленькомъ городѣ? Стало, окончаніе у существительнаго указываетъ особенныя черты, примѣты предмета? Какими звуками русской языкъ отмѣчаетъ малую величину въ предметѣ? Укажите нѣсколько примѣровъ.

Существительныя имена, отмѣчая своимъ окончаніемъ различіе величины предметовъ, получаютъ два особенныхъ названія—*уменьшительныхъ* и *увеличительныхъ*.

§ 17. Виды существительныхъ е) по отношенію ихъ къ лицу говорящему: ласкательныя и уничижительныя.

Одни предметы въ природѣ влекутъ къ себѣ наше расположеніе, сочувствіе; мы любимъ ихъ, и *ласкаемся* къ нимъ: домикъ, братецъ; другіе напротивъ не пользуются нашимъ сочувствіемъ, мы ихъ не любимъ, (унижаемъ) уничижаемъ: домишко, братишка. Это впечатлѣніе предметовъ на душу нашу языкъ находитъ средства заявить окончаніемъ именъ существительныхъ,—и по этой причинѣ даетъ имъ особыя названія—*ласкательныхъ* и *уничижительныхъ*. Какими окончаніями обозначается у насъ ласка и уничиженіе? Дайте нѣсколько примѣровъ собственныхъ.

§ 18. Роды именъ существительныхъ. Способъ опредѣлять родъ именъ существительныхъ.

Правнукъ, король, дядя—это—мужчины; *правнука, королева, тетка*—это женщины: итакъ между людьми мы различаемъ мужчину и женщину: отецъ и мать, *внукъ* и *внучка*, и так. обр. людей раздѣляемъ на два рода: мужскій и женскій. Вспомните въ царствѣ животномъ между животными мы различали самца и самку: *волкъ* и *волчиха, голубь* и *голубка*,—и раздѣляли ихъ на два рода или пола: мужскій и женскій. Это дѣйствительное различіе предметовъ по ихъ полу сказывается въ существительныхъ особою формою, или окончаніемъ: *король—королева, внукъ—внука*. Такое различіе по полу простирается въ природѣ только на предметы одушевленные, но въ языкѣ оно простирается гораздо дальше, оно переносится даже на предметы неодушевленные и умственные, въ которыхъ нѣтъ собственно различія половъ: *домъ* относится къ мужескому роду, а *кровать* — къ женскому. Значитъ, грамматическій родъ разнится отъ естественнаго? Чѣмъ?

§ 19. Значеніе числа. Число единственное и множественное.

219. Іосифъ въ темницѣ.

Измаильтяне, прибывъ въ Египетъ, *продали Іосифа Пентефрію* [1], одному изъ первыхъ вельможъ царя египетскаго. Пентефрій, замѣтя въ Іосифѣ необыкновенный умъ, честность, скромность и благочестіе, сдѣлалъ его первымъ человѣкомъ въ домѣ своемъ, и поручилъ ему все свое имѣніе. Хорошимъ людямъ вездѣ бываетъ хорошо; *они вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей* [2]. Іосифъ былъ счастливъ и въ чужой землѣ, между чужими людьми.

Пентефрій имѣлъ злую жену; она хотѣла уговорить Іосифа обманывать мужа своего вмѣстѣ съ нею: но какъ Іосифъ не соглашался на ея предложенія, то злая сія женщина нашла средство оклеветать его передъ Пентефріемъ, такъ-что онъ велѣлъ посадить

невиннаго Іосифа въ темницу, гдѣ содержались государственные преступники.

Но Господь Богъ есть защитникъ невинности и покровитель добродѣтели. *Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей.* Тюремный начальникъ полюбилъ его, и вмѣсто того, чтобы содержать его строго, какъ невольника, онъ сдѣлалъ его вторымъ человѣкомъ по себѣ, и поручилъ ему смотрѣть за всѣми содержащимися въ темницѣ.

Во время іосифова заключенія, *царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ*, и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ былъ виночерпій, который подавалъ вина царю, а другой — хлѣбодаръ, который смотрѣлъ за столомъ царскимъ. Однажды, вошедъ къ нимъ по утру, Іосифъ нашелъ ихъ задумчивыми. Они сказали ему: «мы видѣли сны, значеніе коихъ желали бы знать; но здѣсь въ тюрьмѣ некому истолковать ихъ; нѣтъ ученыхъ истолкователей». Іосифъ сказалъ: «изъясненіе сновъ зависитъ отъ Бога; скажите мнѣ, что вамъ снилось.» Тогда виночерпій началъ первый. «Я видѣлъ во снѣ, говорилъ онъ, виноградную лозу, на которой были три вѣтви, и на вѣтвяхъ созрѣлъ виноградъ. Мнѣ казалось, что я собиралъ ягоды, выжималъ сокъ въ кубокъ царскій, и подносилъ его царю.» Іосифъ тотчасъ сказалъ ему: *«три вѣтви означаютъ три дня;* по прошествіи сего времени, царь прикажетъ освободить тебя и возвратить тебѣ прежнюю должность. Въ дни счастія твоего вспомни обо мнѣ, и постарайся освободить меня изъ темницы, гдѣ я заключенъ невинно.» Послѣтого и хлѣбодаръ сталъ разсказывать сонъ свой. «Мнѣ снилось, говорилъ онъ, что я несу три корзины на головѣ: въ верхней корзинѣ находились всякаго рода съѣстные припасы для царя, и птицы прилетали клевать ихъ.» Тогда Іосифъ сказалъ ему: «три корзины означаютъ три дня; по прошествіи сего времени, царь прикажетъ повѣсить тебя на висѣлицѣ, гдѣ птицы будутъ клевать твое тѣло.» Все случилось точно такъ, какъ предсказалъ Іосифъ. Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ о Іосифѣ; но Богъ, никогда не оставляющій невиннаго, былъ съ Іосифомъ, и обратилъ во благо и самыя бѣды его. *А. Зонтагъ.*

1. «*Измаильтяне* продали Іосифа Пентефрію.» Здѣсь существительное имя, которымъ выражено подлежащее, означаетъ понятіе не объ одномъ предметѣ, а объ нѣсколькихъ, *многихъ*,—и на то указываетъ окончаніе его *не*, хотя оно не опрѣдляетъ въ точности, сколько именно этихъ предметовъ. Но въ предлож. «*Измаильтянинъ* продалъ товаръ въ Египтѣ» существ. *измаильтянинъ* (подлежащее) означаетъ понятіе объ одномъ предметѣ: на что указываетъ окончаніе *ъ*. Существительное *товаръ* выражаетъ дополненіе къ *продалъ*, и означаетъ также одинъ предметъ, какъ видно изъ окончанія *ъ*. Но если бы сказали: *продалъ товары*: тогда бы разумѣлся не одинъ предметъ, а много, нѣсколько, тогда бы мы знали, что у него

было нѣсколько разныхъ товаровъ: къ уразумѣнію о множествѣ товаровъ насъ привело бы окончаніе существительнаго *ы*.

2. «Хорошіе *люди* вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей.» Здѣсь подъ существ. *люди*, которое выражаетъ подлежащее, разумѣется не одинъ предметъ, а много, что указываетъ самое окончаніе его *и*. Существительныя, которыми выражаются дополненія *друзей, покровителей*, окончаніями своими показываютъ также, что подъ каждымъ изъ нихъ разумѣется не одинъ предметъ, а много, хотя опредѣлительно неизвѣстно, сколько именно. Но «*хорошій человѣкъ вездѣ находитъ седь друга и покровителя*» подлежащее выражаетъ понятіе только объ одномъ предметѣ, что и обозначается окончаніемъ существительнаго *ъ*, и каждое изъ дополнительныхъ даетъ намъ понять своими окончаніями, что тутъ дѣло идетъ также объ одномъ предметѣ.

Итакъ существительное имя своими окончаніями обозначаетъ, что подъ нимъ разумѣется или *одинъ* предметъ или *много*, и эти формы сущ. называются числами. Сколько же чиселъ для именъ существ. въ нашемъ языкѣ?

§ 20. Названіе предмета по личнымъ признакамъ—мѣстоименіе. Виды его—личныя, вопросительныя и неопредѣленныя. Служебная или знаменательная часть рѣчи, мѣстоименіе?

220. Скука внушаетъ суровость [1].

Екатерина II въ разсматриваніи дѣлъ, особливо касающихся до обвиненія людей или до рѣшенія участи человѣческой, была такъ осторожна, что сама благость, кажется, не могла превзойти ее въ человѣколюбіи. Однажды, занимаясь дѣлами, читаетъ она бумаги [3]. Въ кабинетѣ у нея была тогда дѣвица Александра Васильевна Энгельгардъ, племянница князя Потемкина, которую она очень любила. Екатерина по прочтеніи бумаги, хотѣла подписать; но вдругъ остановилась, подумала немного, выдвинула ящикъ, положила ее туда, и опять задвинула. Потомъ обратилась къ дѣвицѣ Энгельгардтъ, и спросила у нея:

—«Знаешь ли ты, зачѣмъ я эту бумагу спрятала?» [2]

«Не знаю, Государыня.»

—«Затѣмъ» продолжала Екатерина, «что надобно подписать приговоръ, а я чувствую себя скучною. Скука внушаетъ суровость. Въ такомъ расположеніи духа не должно приступать къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ: я уже это надъ собою испытала. Мнѣ случалось, что я, въ веселый часъ прочитавъ то, что́ рѣшила въ скучный, находила себя слишкомъ строгою, и сама рѣшеніемъ своимъ была недовольна.» *А. Шишковъ* *.

---

* Шишковъ Александръ Семеновичъ родился въ 1754 году, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, и умеръ въ 1840 году. Собранія его сочиненій доселѣ еще нѣтъ.

1. «Скука внушаетъ суровость». Что внушаетъ? Слѣд. о комъ говорится? Какою частью рѣчи выражено подлежащее? Почему? Что дѣлаетъ скука? Стало, внушаетъ какой членъ предложенія? Что же она внушаетъ? Значитъ, суровость будетъ какой членъ предлож.?

2. «Знаешь ли ты, за чѣмъ я эту бумагу спрятала?» Сколько здѣсь предложеній? О чемъ это спрашиваетъ Екатерина дѣвицу Энгельгартъ? Кто здѣсь представленъ лицомъ говорящимъ, и кто—слушающимъ? Какими словами выражено то и другое лицо? И какой членъ предложенія занимаетъ лицо говорящее, и какой—лицо слушающее? А подлежащее какою частью рѣчи выражается собственно? Какъ зовутъ лицо говорящее и лицо слушающее? Слѣд. *я* и *ты* поставлены вмѣсто именъ: Екатерина и Алек. Энгельгардъ? Екатерина и Александра какія части рѣчи? Слѣд. я и ты здѣсь поставлены вмѣсто именъ существительныхъ? По какому же случаю я и ты замѣнили имена существительныя? Потому, что разговаривающіе отличаютъ другъ друга по личнымъ признакамъ, а не по предметнымъ: потому-что личные признаки здѣсь опредѣлительнѣе самихъ предметныхъ. Слова, которыя значатъ имена предметовъ по ихъ личнымъ признакамъ, названы мѣстоименіями; потому-что въ нихъ прежде всего усмотрѣли, что они стоятъ вмѣсто именъ. Слѣд. мѣстоименія выражаютъ подлежащее?

Мѣстоименія *я* и *ты* выражаютъ имена лицъ, говорящаго и слушающаго, потому называются личными.

3. Однажды читаетъ она бумаги». Кто читаетъ? Кто это она? Слѣд. *она* употреблено вмѣсто собственнаго имени лица—Екатерина? Слѣд. она есть также мѣстоименіе? Но Екатерина ли говоритъ здѣсь, или кто другой? Когда же имя сторонняго предмета замѣняется мѣстоименіемъ?

Говорящій есть первое лицо, слушающій—второе, а сторонній предметъ, имъ обоимъ по близкому отношенію извѣстный, есть третье лицо; а какъ мы назвали сейчасъ эти мѣстоименія?

221. Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева, и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была». «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была, такъ была. Терентій, Терентій! я указъ добыла.—Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла. «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ».—Бу-бу-бу, бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.—Терентій! кто тамъ идетъ? спрашиваетъ лисица, услышавъ [4] конскій топотъ и собачій лай.—Мужикъ.—Кто за нимъ бѣжитъ?—Жеребенокъ. Какъ у него хвостъ-то?—Крючкомъ. Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.

4. Терентій, Терентій! Кто тамъ идетъ? Спрашиваетъ лисица. У кого она спрашиваетъ? Почему она спрашиваетъ, а не разсказываетъ просто? А когда мы не знаемъ предмета, то можемъ ли, умѣемъ ли назвать по имени? Въ такомъ случаѣ вмѣсто именъ предметовъ какія слова употребляемъ? Слѣд. кто и что—мѣстоименія? Словомъ кто спрашиваемъ про какіе предметы? А *что* — про какіе? Мѣстоименіе *кто* (про одушевленные предм.) и *что* (неодушевленные) употребляется собственно

въ вопросѣ, вмѣсто именъ существительныхъ; потому какъ можно назвать его, въ отличіе отъ мѣстоименій личныхъ? Стало, кромѣ личныхъ мѣстоименій, подлежащее выражается и мѣстоименіемъ вопросительнымъ?

Но на вопросъ говорящаго: кто бѣжитъ? Что отвѣтилъ слушающій? Слѣд. онъ отвѣтилъ названіемъ самаго предмета? Значитъ, ему былъ извѣстенъ предметъ; а если бы слушающій зналъ предметъ смутно, неясно, то произнесъ ли бы онъ опредѣлительно имя предмета спрашиваемаго? Какъ же бы онъ отвѣтилъ. Слѣд. слово «кто-то» замѣнило бы мѣсто существительнаго? Слѣд. кто-то принадлежитъ къ мѣстоименіямъ? А какъ оно обозначаетъ предметъ неопредѣленно, то какъ назвать такое мѣстоименіе, въ отличіе отъ личныхъ и вопросительныхъ мѣстоименій?

А если бы говорящему показалось только, что кто-то бѣжитъ, а въ самомъ дѣлѣ никто не бѣжалъ, тогда бы какъ отвѣтило на его вопросъ слушающее лицо? Слѣд. «никто» (для одушевл. предм.) и *ничто* (для неодушевленныхъ) поставляется вмѣсто существительнаго—слѣд. оно мѣстоименіе? А оно даетъ знать про предметъ отрицательно, отрицая его, значитъ, его можно назвать опредѣленнымъ *отрицательнымъ*?

Итакъ сколько родовъ мѣстоименій, служащихъ названіемъ предметовъ по личнымъ признакамъ, или замѣняющихъ существительное имя, насчитать можно?

5. *Лисица* и *я*, первое слово—имя существительное, а второе—личное мѣстоимѣніе; оба выражаютъ подлежащее (бѣжала лисица по лѣсу, я въ городѣ была), оба обозначаютъ предметъ; но между ними есть разница огромная. Существ. *Лисица* знаменуетъ опредѣленное понятіе объ извѣстномъ, опредѣленномъ животномъ; всякой другой предметъ этимъ именемъ названъ быть не можетъ, а слово *я* не знаменуетъ никакого опредѣленнаго предмета, но служитъ только для показанія предмета по отношенію къ разговаривающимъ: оттого *я, ты* въ одной рѣчи означаетъ *лисицу* и *тетерева*, въ другой—другихъ разговаривающихъ, которые вовсе не похожи на лисицу и тетерева, но которые сходны только тѣмъ съ ними, что разговариваютъ, слѣд. своимъ отношеніемъ, или положеніемъ. Мѣстоименіе не принадлежитъ къ знаменательной части рѣчи; оно есть *служебная часть рѣчи.*

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Какія слова въ этихъ піесахъ существительныя a) *собственныя* и *нарицательныя* b) *наглядныя* и *отвлеченныя* c) *простыя* и *собирательныя*, d) *уменшительныя* и *увеличительныя* e) *ласкательныя* и *уничижительныя*? Есть ли здѣсь мѣстоименія и какія?—Отберите нѣкоторыя существительныя, и приберите къ нимъ (письменно и устно) приличныя дѣйствія или качества, и составьте т. обр. предложенія: Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ дорогъ для всякаго русскаго.

222. Тонкій протестъ за родичей.

Петръ Великій велѣлъ записывать дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Родители вопреки указу отдали дѣтей въ Заиконоспасское училище: тогда раздраженный царь велѣлъ взять молодыхъ дворянъ изъ Спасскаго монастыря въ Петербургъ, и тамъ заставилъ ихъ

бить сваи на Мойкѣ, гдѣ строились пеньковые амбары. Адмиралъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ сильныхъ приверженцевъ старины, узнавъ, что царь ѣдетъ осматривать амбары, поспѣшилъ туда: снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Царь пріѣхалъ, и съ удивленіемъ спросилъ его: «Ѳедоръ Матвѣичъ! ты адмиралъ и кавалеръ; какъ же ты вбиваешь сваи?» — «Государь!» — отвѣчалъ Апраксинъ — здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата; а я что за человѣкъ? какое имѣю въ родѣ преимущество?» *С. Соловьевъ.*

223. Обозъ.

Шелъ нѣкогда Обозъ;
А въ томъ Обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
Пузырями. *И. Хемницеръ.*

224. Калѣки перехожіе.

Калѣки, иначе *калики перехожіе* — это бродячіе пѣвцы, воспѣвающіе духовные стихи, т. е. пѣсни, имѣющія религіозное содержаніе, заимствованное изъ библіи, житій святыхъ и другихъ церковныхъ источниковъ, съ примѣсью разныхъ посторонніхъ элементовъ. Въ старину калѣки ходили ватагами, и, какъ самостоятельное общество, имѣли своего вожака, или атамана. Вооруженные клюками, они не только просили себѣ подаянія, но и брали его съ боя. Это было общество кочевое, непосѣдное, постоянно идущее къ святымъ мѣстамъ, даже въ Іерусалимъ, или оттуда возвращавшееся восвояси. Безъ сомнѣнія, случались между ними обманщики, которые подъ видомъ благочестиваго хожденья къ святымъ мѣстамъ скрывали свою охоту къ бродяжничеству. Исторію каликъ перехожихъ можно прослѣдить на разстояніи многихъ вѣковъ; но впослѣдствіи мѣсто ихъ заступаютъ *слѣпые старцы-нищіе,* которые и доселѣ обходятъ села и деревни съ своими духовными стихами. Надобно полагать, что первоначально слѣпые старцы не входили въ корпорацію каликъ перехожихъ; потому-что этихъ послѣднихъ русскія преданія изображаютъ удалыми молодцами.

Было время, когда духовные стихи пѣлись не одними хожалыми пѣвцами и слѣпыми старцами. Отъ XVII и начала XVIII в. дошло до насъ нѣсколько нотныхъ сборниковъ, въ которыхъ между псалмами встрѣчаются стихи *о Страшномъ судѣ, объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ,* Похвала пустынѣ. По подписямъ видно, что такіе сбор-

ники принадлежали духовнымъ людямъ, посадскимъ и другимъ лицамъ, непромышлявшимъ ремесломъ бродячихъ пѣвцовъ, а въ первой половинѣ XVIII в. даже еще чиновникамъ. Въ настоящее время духовные стихи въ большомъ употребленіи между нѣкоторыми сектантами. Такъ называемые *Люди Божіи*, въ своемъ еретическомъ служеніи, сверхъ церковныхъ пѣсней и псалмовъ поютъ иногда и народные духовные стихи, напр. объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ Іосифѣ царевичѣ и др. Нѣкоторымъ изъ этихъ стиховъ расколъ и ереси давно уже приписывали особенное значеніе. Въ подложномъ посланіи Сергія и Германа Валаамскихъ, написанномъ въ обличительномъ духѣ противъ духовенства, неоднократно совѣтуется царямъ и боярамъ *внимати* какой-то *бесѣдѣ Іосифа Прекраснаго, Царя египетскаго*. Стихъ о *Голубиной книгѣ*, имѣющій предметомъ народную космогонію, содержитъ въ себѣ нѣкоторые еретическіе догматы духоборцевъ.

Такимъ образомъ, слѣпые старцы, разносящіе теперь по всей Россіи духовные стихи, должны быть разсматриваемы только какъ представители религіознопоэтическихъ интересовъ всего русскаго простонародья. Можетъ, нѣкоторые стихи обязаны своимъ происхожденьемъ бродячему нищенству; но они пришлись по вкусу всему русскому люду, и вошли въ общую сокровищницу его религіозной, христіянской поэзіи, которою онъ переводитъ на понятный для себя языкъ священную исторію и церковныя преданья.

Гомерическая личность слѣпаго старца, ходящаго по́ міру съ своими духовными стихами, имѣетъ существенное значеніе въ русской жизни. Пѣсни свѣтскія — свадебныя, подблюдныя и др. обрядныя,—составляя неотъемлемую часть текущей жизни, входя въ ежедневные обычаи и обряды, поются всѣми и каждымъ. Духовный стихъ по своему религіозному содержанію стоитъ внѣ текущихъ мелочей дѣйствительности; онъ уже не забава и не досужее препровожденіе времени, не застарѣлый обрядъ, сросшійся съ ежедневными привычками. Какъ церковная книга, онъ поучаетъ безграмотнаго въ вѣрѣ, въ священныхъ преданьяхъ, въ добрѣ и правдѣ. Онъ даже замѣняетъ молитву, особенно въ умильныхъ плачахъ и душеполезныхъ назиданьяхъ. Потому духовный стихъ изъятъ изъ общаго, ежедневнаго употребленья, и предоставленъ, какъ особая привиллегія, такимъ лицамъ, которыя, тоже будучи изъяты изъ мелочныхъ хлопотъ дѣйствительности, тѣмъ способнѣе были сохранять для народа назидательное содержаніе его религіозной поэзіи. Эти избранныя личности — не просто нищіе, т. е. бродяги и лѣнивые, но люди, дѣйствительно, не могущіе работать: это — *слѣпые старцы*. Слѣпота, отдѣливши ихъ отъ текущей жизни, скрывши отъ нихъ всѣ ея развлеченья и забавы, только сосредоточивала ихъ въ самихъ себѣ, и воспитывала ту энергію, съ какою

передаютъ они русскому люду въ духовныхъ стихахъ свои неземныя видѣнія.

Изъ массы духовныхъ стиховъ выдѣляются такіе, въ которыхъ слѣпцы и калѣки перехожіе поютъ о самихъ себѣ: каковы эти пѣвцы были въ старину, и каковы стали теперь, и какъ они просятъ милостыню, сидючи при торгу, въ храмовые праздники, — у порога и подъ окномъ, или идучи на богомолье; какъ они благодарятъ за милостыню въ стихахъ, заздравныхъ и заупокойныхъ. Отдѣлъ этотъ въ собраніи Безсонова (изд. 1861 г.) открывается стихомъ о происхожденіи богатства и бѣдности на землѣ. Этотъ стихъ, извѣстный въ народѣ подъ названьемъ *Вознесенья*, или *Ивана Богослова*, поражаетъ глубиною мысли и высокимъ поэтическимъ творчествомъ; и онъ распространенъ по всей Великой Россіи.

Содержаніе стиха, по свободѣ въ обращеніи съ священными преданьями, напоминаетъ наивныя фрески средневѣковыхъ западныхъ живописцевъ. Когда Христосъ возносился на небо, окруженный небесными силами, расплакались всѣ бѣдные-убогіе, сироты безродные и вся нищая братія, слѣпые и хромовые. »Куда это ты возлетаешь? въ слезахъ говорили они Христу: на кого же Ты насъ покидаешь? Кто безъ Тебя будетъ насъ поить, кормить, одѣвать, обувать и укрывать отъ темной ночи.»

— Неплачьте вы, нищая братія, отвѣтствовалъ Христосъ: Не плачьте, бѣдные-убогіе и маленькіе сироты безродные! оставлю я вамъ гору золотую, дамъ я вамъ рѣку медвяную, дамъ вамъ сады виноградны, дамъ вамъ манну небесную. Умѣйте только тою горою владѣть и промежду собою раздѣлить: и будете вы сыты и пьяны, будете обуты и одѣты и отъ темной ночи пріукрыты.»

Тогда возговорилъ Иванъ Богословецъ: Гой еси, ты истинный Христосъ Царь небесный! Позволь мнѣ сказать словечко, и не возьми Ты моего слова въ досаду! Не давай Ты имъ золотой горы, не давай медвяной рѣки и саду-винограду, не давай небесной манны! Не умѣть имъ горою владѣти, не умѣть имъ ее поверстати и промежду собою раздѣлити; винограду имъ не собрать, манны небесной не вкусить. Зазнаютъ ту гору князья и бояре, пастыри и власти и торговые гости; и отъимутъ они у нихъ гору золотую и рѣку медвяную, сады-виноградны и небесную манну: по себѣ они золотую гору раздѣлятъ, по себѣ разверстаютъ, а нищую братью не допустятъ. И много тутъ будетъ убійства, много будетъ кровопролитья; и не чѣмъ будетъ бѣднымъ питаться, не чѣмъ будетъ пріодѣться и отъ темной ночи пріукрыться: помрутъ нищіе голодною смертію, позябнутъ холодною зимою! А ты дай имъ лучше имя свое святое и свое слово Христово; и пойдутъ бѣдные по всей землѣ, будутъ тебя величати, а православные станутъ подавать милостыню, и будутъ нищіе сыты и пьяны, будутъ обуты и одѣты, и отъ темной ночи пріукрыты.»

— Исполать тебѣ, Иванъ Богословецъ! возговорилъ самъ Христосъ Царь Небесный: умѣлъ ты слово сказати, умѣлъ ты слово разсудити, умѣлъ ты по нищихъ потужити!» *Ѳ. Буслаевъ.*

225. Каучукъ, или Резина.

I. ЧТО ТАКОЕ РЕЗИНА, И ИЗЪ ЧЕГО ОНА ПОЛУЧАЕТСЯ?

Каучукъ, называемый также резиной, гуммиластикомъ, обработка котораго въ послѣднія 20 лѣтъ приняла значительные размѣры, есть высохшій молочный сокъ изъ различныхъ растеній жаркаго пояса. Если ботаническое опредѣленіе отдѣльныхъ деревъ, доставляющихъ резину, и до сихъ поръ еще подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, то по крайней мѣрѣ извѣстно, что всѣ они принадлежатъ тремъ большимъ семействамъ: *Euphorbiacea* *, *Artocarpea* и *Apocynea*.

Деревья, извѣстныя подъ названіемъ *Siphonia elastica* ** (каучуковое дерево, S. Cahuchu, Jatropha elastica, Hevea guianensis) и *S. Schomburgkiana*, доставляютъ не только наибольшее количество, но и наилучшій сортъ каучука. Эти гигантскія деревья, достигающія отъ 50 до 60 футовъ вышины и отъ $2^1/_2$ до $3^1/_4$ футовъ въ поперечникѣ, покрываютъ въ огромномъ количествѣ рѣчную область Амазонской рѣки съ ея притоками. Каучукъ южной Америки достоинствомъ выше остъ-индскаго, который не такъ чистъ и менѣе упругъ. Послѣдній добывается изъ различныхъ фиговыхъ растеній, особенно же изъ «Ficus elastica» **, которое имѣетъ не рѣдко 100 футовъ вышины, и считается царемъ остъ-индскихъ лѣсовъ, потому-что оно превышаетъ всѣ сосѣднія деревья и бросается въ глаза уже на разстояніи нѣсколькихъ миль своею красивою формой и высокой блестящей верхушкой; добывается каучукъ и изъ «*Ficus religiosa*» и «*racemosa*». Они принадлежатъ къ хлѣбнымъ деревьямъ, къ которымъ еще причисляются тоже доставляющія резину, *Castilloa elastica*, растущая въ Мексикѣ, и *Cecropia pellata* въ южной Америкѣ. Изъ послѣдняго семейства остается намъ назвать: *Urceola elastica*, огромный кустарникъ на островахъ Борнео и Суматрѣ, *Vahea gummifera* на Мадагаскарѣ и *Hancornia speciosa* во внутренности Бразиліи. Въ молочномъ сокѣ большаго отдѣла европейскихъ растеній: ласточника (Asclepias Syriaca), обыкновеннаго фиговаго дерева (Fiscus carica), многочисленныхъ родовъ молочая (Euphorbia), салата (Lactuca Sativa), мака (Papaver Somniferum), цикореи (Cichorium Intybus) и др., также встрѣчается резина, но въ весьма маломъ количествѣ и столь измѣненная въ своемъ составѣ присутствіемъ

* Родовое русское названіе этого семейства есть *молочай*; въ нашей флорѣ есть много растеній изъ этого семейства.

** Большіе экземпляры этого растенія можно видѣть въ оранжереѣ графа Браницкаго въ Бѣлой Церкви кіевской губ.

другихъ веществъ, что скорѣе походитъ на птичій клей. Это измѣненіе молочнаго сока происходитъ и въ настоящихъ каучуковыхъ растеніяхъ, когда мы ихъ разводимъ въ своихъ оранжереяхъ. Какъ бы за ними ни ухаживали, все таки нельзя замѣнить для нихъ животворнаго жара роднаго солнца. Оно-то слѣдовательно и играетъ важнѣйшую роль въ образованіи каучука.

II. СБОРЪ РЕЗИНЫ.

Растенія трехъ названныхъ большихъ семействъ обнаруживаютъ странное анатомическое строеніе. По корѣ и отчасти по сердцевинѣ проходитъ большой рядъ дудчатыхъ сосудовъ, которые своимъ многообразнымъ сплетеніемъ очень похожи на жилы животнаго тѣла. Это обстоятельство подало поводъ берлинскому профессору Шульцу, извѣстному своими странностями, принять молочный сокъ растеній за тоже, что кровь у животныхъ.

Молочный сокъ, содержащійся въ этихъ сосудахъ, мутенъ и состоитъ изъ довольно жирнаго молока, которое, говорятъ, имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство во вкусѣ, но только тогда, когда сокъ этотъ свѣжъ. Какъ только разрубишь дерево, онъ выступаетъ на поверхность разрѣза; поэтому ничего нѣтъ легче добыванія резины. Работникъ рано утромъ отправляется въ лѣсъ съ киркой, тыквенной фляжкой и съ порядочнымъ количествомъ глины. Подойдя къ дереву, онъ дѣлаетъ глиняную коробочку, похожую на ласточкино гнѣздо, плотно приклеиваетъ ее къ дереву, и вслѣдъ затѣмъ разсѣкаетъ прямо надъ ней кору. Сокъ тотчасъ же вытекаетъ въ глиняную коробочку. Затѣмъ работникъ продолжаетъ свой путь до тѣхъ поръ, пока такимъ же образомъ не надрубитъ нѣсколько деревъ. Потомъ онъ возвращается къ первому изъ нихъ длятого, чтобы по порядку выливать въ тыквенную фляжку жидкость, находящуюся въ глиняныхъ коробочкахъ. Когда фляжка наконецъ полна, — дневная работа кончена, и индѣецъ возвращается домой. Количество молочнаго сока, доставляемаго деревомъ при такой операціи, бываетъ различно; среднимъ числомъ получается около четверти ведра. Добыча же значительно увеличивается тѣмъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если и не каждый день, то по крайней мѣрѣ въ различныя времена, можно надрубать каждое дерево, постепенно повышая надрѣзъ на стволѣ, и дѣлая такіе же надрѣзы на наибольшихъ вѣтвяхъ. Чѣмъ ближе дерево къ цвѣту (сифонія разцвѣтаетъ въ ноябрѣ), тѣмъ выше поднимается молочный сокъ. Тогда обыкновенно не трогаютъ дерева въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока не поспѣютъ плоды. Вообще сборъ каучука производится только въ сухую пору. Въ дождливое время не только затруднительна работа въ лѣсахъ, но и самое добываніе каучука бываетъ

не столь значительно. Только недавно стали вывозить молочный сокъ въ мѣдныхъ сосудахъ или въ стеклянныхъ и каучуковыхъ бутылкахъ. Сперва онъ поступалъ въ продажу только въ сухомъ видѣ. Берутъ обыкновенно формы изъ необожженной глины, въ видѣ маленькихъ или большихъ бутылокъ, и окунаютъ ихъ въ этотъ сокъ, который пластомъ осаживается на нихъ; когда же пластъ этотъ высохнетъ на солнцѣ или отъ искуственнаго нагрѣванія, то повторяютъ тоже самое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока слой не получитъ желаемой толщины (отъ одной линіи до двухъ дюймовъ).

Когда оболочка готова, форму разбиваютъ или смачиваютъ для того, чтобы снять ее кусками или въ жидкомъ состояніи. Тутъ-то каучукъ принимаетъ извѣстный темнокоричневый или черный цвѣтъ, потому-что молочный сокъ покрывалъ форму лишь тонкими пластами, и каждый изъ нихъ быстро высыхалъ. Если же соку дать высохнуть въ маленькихъ черевроугольныхъ ямахъ или ящикахъ, такъ-что получаешь пласты отъ одного до двухъ дюймовъ толщины; то во внутренности ихъ найдешь неизмѣненный сѣровато или бѣловато-желтый цвѣтъ сока: такой каучукъ называютъ просто *каучуковымъ саломъ*. На мѣстѣ давно уже дѣлали изъ молочнаго сока башмаки точно такъ же просто, какъ и бутылки, съ тою только разницей, что вмѣсто глиняныхъ формъ употребляли деревянныя, которыя внутри обкладывались глиной, чтобы сокъ не приставалъ къ нимъ. Искусный работникъ въ 10 минутъ дѣлалъ башмакъ. Хотя башмаки эти очень прочны, состоя изъ одного куска и безъ всякого шва, но они скоро вышли у насъ изъ употребленія, потому-что въ южной Америкѣ не старались дать имъ даже приличной формы.

III. КАЧЕСТВА КАУЧУКА.

Молочный сокъ состоитъ изъ прозрачной жидкости, въ которой плаваетъ множество шариковъ: это-то и есть каучукъ. Соединенію ихъ такъ же, какъ соединенію жирныхъ шариковъ животнаго молока, мѣшаетъ вещество, похожее на яичный бѣлокъ; подобно жирнымъ шарикамъ въ молокѣ, они всплываютъ на поверхность. Въ соку не всегда одно и тоже количество каучука, но отъ 31 до 37 %, да еще до 12 % твердыхъ веществъ; все остальное—вода. Если изъ сока хотятъ приготовить чистый каучукъ, то смѣшиваютъ сокъ съ водою (воды берутъ въ 4 и 5 разъ болѣе противъ сока), ставятъ его на 24 часа, и потомъ нагрѣваютъ. Каучукъ, подобно сливкамъ, поднимается на поверхность. Отъ времени до времени снимаютъ эти слои, кладутъ въ холстъ, и выжимаютъ изъ нихъ воду. Чистый каучукъ въ тонкихъ пластинкахъ бываетъ бѣлаго цвѣта; когда высохнетъ, онъ прозраченъ; въ толстыхъ же слояхъ онъ желтоватъ.

Это — твердое углеводородистое вещество, состоящее изъ 87,27 углерода и 12,73 водорода. Ежели каучуковые шарики соединились въ плотныя массы, то нѣтъ уже никакой возможности привести ихъ снова въ прежнее жидкое состояніе. При обыкновенной температурѣ каучукъ мягокъ, гибокъ и очень упругъ; на холодѣ онъ теряетъ свою упругость и мягкость; при нагрѣваніи онъ снова принимаетъ всѣ прежнія свойства. При медленномъ нагрѣваніи въ кипяткѣ или на спиртовой лампѣ, мягкость его, гибкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упругость, увеличиваются, такъ-что его можно значительно вытягивать, нигдѣ не разрывая. Бичевки, или ремни, вытянутые при 35 или 40 градусахъ и потомъ остуженные до 0°, не возвращаются болѣе къ своей прежней длинѣ, хотя въ нихъ достаточно упругости длятого, чтобы ихъ еще долѣе вытянуть. Они тотчасъ же стягиваются, если разогрѣть каучукъ охладѣвшій въ растянутомъ положеніи и прекратить натягиваніе. Этимъ свойствомъ выгодно пользуются при приготовленіи упругихъ тканей. Можно раздуть каучуковую бутылку въ большіи шаръ, съ нѣжнѣйшей оболочкой. Мичело дѣлалъ шары 6 футовъ въ поперечникѣ и наполнялъ ихъ водородомъ. Такой шаръ выскользнулъ разъ у него изъ рукъ, и спустился на разстояніи 28 миль.

Если нагрѣть каучукъ до 120 градусовъ, то онъ таетъ, издавая довольно пріятный запахъ. Охладѣвъ, онъ не дѣлается снова твердымъ, а остается клейкимъ. Если еще болѣе усилить степень нагрѣванія, то образуются легко воспламеняющіеся пары и газы, горящіе яркимъ огнемъ, но съ копотью. Если повторить тотъже опытъ въ безвоздушномъ пространствѣ, а именно въ перегонномъ снарядѣ, и дать охладѣть образовавшимся парамъ, то получишь масло темнаго цвѣта, тогда — какъ въ самомъ аппаратѣ останется небольшое количество угля съ примѣсью каучука. Продуктъ перегонки состоитъ изъ различныхъ видовъ маслъ, имѣющихъ разныя точки кипѣнія, а потому ихъ и легко разъединить посредствомъ многократной перегонки съ *примѣсью воды*. Самое летучее масло кипитъ обыкновенно при 35 градусахъ, и теряетъ всякій цвѣтъ; менѣе летучее окрашено болѣе или менѣе желтымъ цвѣтомъ; а наименѣе летучее, которое кипитъ лишь при 315 градусахъ, дѣлается коричневымъ. Эти различныя масла, по своему химическому составу, очень похожи на самый каучукъ.

Ножницы и ножикъ довольно трудно берутъ толстые куски каучука. Если же намочить ножикъ, то разрѣзываніе дѣлается такъ легко, что большой кусокъ можно совершенно правильно разложить на тонкіе и гладкіе листки. Если прижать другъ къ другу 2 куска каучука только-что разрѣзанными боками, то они, особенно разогрѣтые, пристаютъ такъ крѣпко, что вытягивая разорвешь ихъ не тутъ, а скорѣе въ другомъ мѣстѣ.

Оттого-то каучукъ такъ необходимъ для химика. Изъ тонкихъ

слоевъ каучука легко можно дѣлать непроницаемыя трубки, съ помощью которыхъ онъ плотно соединяетъ газопроводы, и составляетъ разные многосложные аппараты. Здѣсь берется въ разсчетъ и то обстоятельство, что жидкости и пары мало вредятъ каучуку. Такъ, напр., на него не дѣйствуютъ разрушительно ни хлоръ, ни соляная кислота, ни другіе кислоты, ни даже ѣдкія щелочи. Концентрированная сѣрная кислота превращаетъ поверхность каучука въ уголь; при высшей же температурѣ происходитъ и дальнѣйшее разложеніе, и образуется родъ сѣрнистой кислоты, и каучукъ дѣлается мягкимъ какъ терпентинъ.

Когда получаешь каучукъ при температурѣ кипячей воды, то его можно мѣсить какъ тѣсто, и такимъ образомъ соединять мелкіе куски въ большіе, одинаковаго свойства. Этимъ различно пользуются при обработкѣ каучука.

Обыкновенныя средства растворенія не дѣйствуютъ на каучукъ. Въ теплой водѣ онъ мякнетъ, но не растворяется; тоже самое бываетъ, если опустишь каучукъ въ алкоголь. Въ нефти и терпентинномъ маслѣ онъ тоже только мякнетъ. Если каучукъ смягчить сперва въ горячей водѣ, то онъ, правда, распускается дѣйствіемъ чистаго эфира, но въ весьма маломъ количествѣ. Долгое время химики не знали, какъ растворить это вещество. Только недавно открыли лучшіе способы: это сѣрно-углеродъ и въ особенности жидкій углеводородъ, добываемый при перегонкѣ каменноугольной смолы и даже самаго каучука. Въ Гриничѣ, на одной фабрикѣ перегоняютъ ежедневно съ этою цѣлію 800 фунтовъ каучука въ желѣзныхъ сосудахъ.

IV. КТО И КОГДА ПОЗНАКОМИЛЪ СЪ РЕЗИНОЙ ЕВРОПУ? ЕЯ РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

Нельзя достовѣрно сказать, кто первый перенесъ этотъ продуктъ на европейскую почву. До половины прошлаго столѣтія объ немъ имѣли очень смутныя понятія, и онъ считался рѣдкостью. Знаменитый французскій ученый de la Condamine, возвратившійся въ 1743 году изъ южной Америки, гдѣ онъ былъ долго задержанъ астрономическими наблюденіями, привезъ съ собою большее количество каучука, и передалъ академіи наукъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о его происхожденіи и добываніи. Португальцы стали первые торговать имъ. Потомъ отрядъ солдатъ открылъ и остъ-индскій каучукъ. Ему пришлось саблями прочищать себѣ дорогу черезъ лѣсъ, и какъ удивились солдаты, когда увидѣли, что клинки покрыты какою-то клейкою массою. Оказалось, что эта клейкая масса не что иное, какъ каучукъ. Правда, жители южной Америки и Остъ-Индіи уже съ давнихъ поръ дѣлали изъ каучука факелы, посуду и наконецъ одежду, съ цѣлью предохранить себя отъ мокроты, но до 1820 года его мало употребляли въ Европѣ, и развѣ

только при рисованіи, чтобы стирать карандашъ. Благодаря своимъ свойствамъ, онъ скоро нашелъ себѣ болѣе обширное приложеніе.

Уже въ прошломъ столѣтіи дѣлали изъ него растягивающіяся перевязки съ хирургическою цѣлью; въ началѣ нынѣшняго изъ него стали вытягивать тонкія нити, изъ которыхъ выдѣливались ткани. Впрочемъ все это производилось въ ничтожномъ количествѣ, даже до 1823 года, когда шотландецъ Мэкентошъ сталъ дѣлать изъ каучука названныя по его имени непромокаемыя матеріи. Онѣ, правда, въ короткое время обошли весь образованный міръ, но также скоро и вышли изъ употребленія: такое платье не пропускаетъ дождя, но зато оно задерживаетъ испарину, отъ чего легко простудиться. Быстрое распространіе каучука началось собственно съ 1839 года, когда американецъ Гудиръ (Goodyear) ввелъ въ употребленіе насыщеніе каучука сѣрой, или, какъ обыкновенно говорятъ, вулканизацію каучука; съ этихъ поръ каучуковая промышленность быстро начала распространяться и приняла удивительные размѣры: это могутъ засвидѣтельствовать промышленныя выставки: лондонская, нью-іоркская и парижская въ 1855 году. На послѣдней, въ сѣвероамериканскомъ ея отдѣленіи, между безчисленными произведеніями изъ вулканизированнаго и обыкновеннаго каучуку особенно бросались въ глаза ландкарты, глобусы и несмѣтное количество самыхъ разнообразныхъ непромокаемыхъ матерій и одеждъ. Здѣсь была обувь всѣхъ родовъ, отъ самыхъ красивыхъ башмачковъ до гигантскихъ охотничьихъ сапоговъ; здѣсь можно было видѣть экземпляры для самыхъ разнородныхъ недостатковъ на ногахъ, такъ-что современемъ совершенно перестанутъ говорить о тѣснотѣ башмаковъ. Совершенно особенную вѣтвь этой промышленности составляетъ обширное приготовленіе дѣтскихъ игрушекъ, главное достоинство которыхъ состоитъ въ томъ, что ихъ трудно сломать. Не смотря на то, что Нюрнбергъ съ давнихъ поръ имѣлъ привиллегію считаться первымъ учителемъ дѣтей всѣхъ націй и цвѣтовъ, потому-что при помощи его игрушекъ, расходящихся по всему свѣту, развиваются первоначальныя дѣтскія понятія, онъ нашелъ себѣ однако, какъ кажется, соперника въ лицѣ сѣверной Америки.

Особенно были замѣтны въ сѣвероамериканскомъ отдѣленіи предметы изъ вулканизированнаго каучука. Здѣсь было доказано на дѣлѣ, что отвердѣвшій каучукъ въ самомъ разнообразномъ приложеніи дѣйствительно можетъ замѣнить черное дерево, рогъ, черепаху, слоновую кость и китовый усъ. Здѣсь можно было видѣть черенки, ружейные ложи, оправы биноклей, украшенныя великолѣпнѣйшей и искуснѣйшей выпуклой работой; кромѣтого многочисленные предметы столярнаго искусства, для которыхъ сперва употребляли черное дерево. Изъ этого новаго вещества было сдѣлана даже мебель съ богатой позолотой, а также разнаго рода предметы роскоши, обложенные даже настоящими жемчужинами,

и большой выборъ сосудовъ, украшенныхъ китайской живописью. Точно также были здѣсь музыкальные инструменты, какъ то: скрипки, кларнеты и трубы. Ежедневно подъ конецъ выставки игралъ на одной изъ этихъ трубъ виртуозъ, и нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, ничего сказать противъ звука этого инструмента. Прибавимъ еще сюда канделябры, хлысты и кнуты, палки, пуговицы, коробки, ящики, рамки, письменные приборы, шахматные фигуры, самые разнообразные хирургическіе инструменты, пороховницы, межевые снурки, типографскіе литеры, ткацкіе челноки и разнаго рода гребни. — Каучукъ соперничаетъ даже съ металлами не только въ производствѣ трубъ и шинъ, но и въ выдѣлкѣ другихъ предметовъ. На выставкѣ были подковы для лошадей, вмѣсто обыкновенныхъ желѣзныхъ подковъ, и большіе пласты для обкладыванія кораблей, вмѣсто мѣдныхъ листовъ. Надъ этими пластами въ Гаврѣ и Нью-Іоркѣ, на верфяхъ важнѣйшихъ кораблестроителей, были недавно сдѣланы опыты, и корабли, снабженные новой обкладкой, оказались годными для дальнихъ морскихъ путешествій. Если названіе «растительнаго желѣза,» которое недавно дано было каучуку, и оправдывается, то оно все таки односторонне, потому-что роговой каучукъ замѣняетъ не одно желѣзо, но и другіе металлы.

Главными представителями новой промышленности изъ каучука признаются сѣверная Америка, Англія и Франція: во главѣ ихъ стоитъ сѣверная Америка; Англія же и Франція соперничаютъ между собой, и въ этомъ спорѣ перевѣсъ едвали не остается на сторонѣ послѣдней.

Съ распространеніемъ употребленія каучуковыхъ произведеній, ввозъ каучука въ Европу значительно увеличился въ послѣднее время; не смотря на то, недостатка въ этомъ прекрасномъ матеріялѣ опасаться нечего: разысканія, предпринятыя, по взятіи Ассама, остъ-индской компаніей, доказали, что одна эта область въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ торговли. Въ лѣсу Тераи, на 30 миль въ длину и 8 миль въ ширину, найдено не менѣе 42,000 каучуковыхъ деревъ (Ficus elastica). Это дерево растетъ здѣсь на пространствѣ 10,000 англійскихъ квадратныхъ миль; въ такомъ же размѣрѣ растетъ и Urceola elastica на островахъ индѣйскаго архипелага. Послѣдняя растетъ такъ быстро, что въ пять лѣтъ достигаетъ болѣе ста футовъ вышины и отъ 20 до 30 дюймовъ въ поперечникѣ. Каждое дерево можетъ легко давать ежегодно отъ 50 до 60 фунтовъ каучука. Тамошніе же жители считаютъ, что каждая Ficus elastica доставляетъ до 400 фунтовъ сока.

V. ОБРАБОТКА КАУЧУКА.

Обработкѣ каучука предшествуетъ очистка. Въ южной Америкѣ и Остъ-Индіи примѣшиваютъ въ сокъ — чтобы придать больше вѣсу

при высыханіи — глину, песокъ, частицы растеній и т. д. Фабрикантъ прежде всего долженъ освободить каучукъ отъ этой примѣси. Очистка производится обыкновенно механическими средствами. Матеріалъ разрѣзываютъ на мелкія части, и пропускаютъ ихъ между двухъ шероховатыхъ чугунныхъ валовъ, изъ которыхъ одинъ вертится скорѣе другаго. Отъ неодинаковой ихъ скорости каучукъ трется и разрывается, и такимъ образомъ освобождается отъ нечистоты; послѣдняя же уносится водяной струей, которая постоянно падаетъ на валы. Затѣмъ 30 или 40 фунтовъ очищеннаго каучука кладутъ въ мѣсильную машину, чтобы соединить ихъ въ одинъ кусокъ. Эта машина состоитъ изъ цилиндра съ многими зубцами и изъ барабановиднаго корпуса, находящагося вокругъ него, и также снабженнаго множествомъ зубцовъ; промежутокъ между ними, въ $2^1/_2$ дюйма, наполняется каучукомъ. Отъ быстрыхъ оборотовъ обоихъ валовъ каучукъ слѣпляется; а такъ-какъ онъ при этомъ нагрѣвается, то частицы его легче пристаютъ другъ къ другу, и работа продолжается не болѣе десяти минутъ. Если вынуть послѣ того массу, то она вытягивается вслѣдствіе своей упругости до толщины въ $7^1/_2$ дюймовъ, а чтобы дать ей правильную форму, ее кладутъ подъ теплый прессъ.

Чтобы получать большіе куски, нагрѣваютъ комья каучука, и кладутъ ихъ на 6 или на 8 дней подъ сильный гидравлическій прессъ, и потомъ такія плитки соединяютъ. Слѣдующая за тѣмъ операція состоитъ въ разрѣзываніи большихъ кусковъ на пласты, или плиты. Массу каучука кладутъ и укрѣпляютъ на горизонтальной плоскости, подвигающейся противъ острой пилы, быстро ходящей взадъ и впередъ. А чтобы препятствовать нагрѣванію и слѣпленію каучука, на лезвее пилы пускаютъ постоянно тонкую струю холодной воды. Пила двигается такъ скоро, что въ одну минуту проходитъ взадъ и впередъ 400 разъ, и въ это время прорѣзываетъ массу на 8 или 10 дюймовъ. Поверхность массы покрывается легкими бороздками, но не теряетъ замѣтно гладкости. Поэтому легко замѣтить слѣды разрѣза на попадающемся теперь въ продажѣ патентованномъ гуммиластикѣ и на тонкихъ плиткахъ, которыми такъ разнообразно пользуются химики.

Посредствомъ винта, плоскость устанавливается такъ, что плитки можно получать желаемой толщины. Если разогрѣть отдѣльные листы и обрѣзать ихъ по краямъ, то ихъ можно слѣплять какъ угодно и такимъ образомъ соединить ихъ въ большіе пласты.

Каучукъ, подобно металламъ, можно сплющивать въ листы всевозможной толщины; для этого пропускаютъ его нѣсколько разъ съ ряду между валами, которые внутри пусты и нагрѣваются водяными парами. Длятого, чтобы пласты при накладываніи не слѣплялись, ихъ предварительно смачиваютъ холодной водой; если же ихъ наматывать непосредственно, то необходимо покрывать ихъ

поверхность бумажною тканью. Эта ткань вполнѣ отпечатывается на каучукѣ, и такъ-какъ отпечатокъ болѣе не сходитъ съ него, то кажется, что внутри каучука находится ткань. Если сдавить теплые и помазанные весьма клейкимъ каучуковымъ растворомъ края такихъ слоевъ, то получишь различной величины сосуды, мѣшки, надутыя воздухомъ подушки и т. д. Длятого, чтобы не слѣплялись остальныя поверхности, посыпаютъ ихъ тальковымъ порошкомъ. Такое производство навело одного американца на мысль, что можно обойтись безъ портныхъ. По его мнѣнію, вмѣсто того, чтобы сшивать отдѣльные части платья, должно намазывать ихъ каучуковымъ растворомъ и потомъ сдавливать. При выдѣлкѣ непромокаемой одежды вездѣ употребляютъ это средство. Кромѣтого, слѣпливая эти пластинки, такъ-что, высохши, онѣ не пропускаютъ ни воды, ни воздуха, выдѣлываютъ самые разнообразные предметы руками или же съ помощью формъ. Эти пластинки употребляютъ также вмѣсто кожи и картона. Какъ кожа, такъ и картонъ, далеко уступаютъ каучуку, какъ скоро онъ насыщенъ сѣрой, въ прочности и сопротивленіи атмосферному вліянію. Эти каучуковыя пластинки бываютъ особенно выгодны при переплетѣ книгъ. Переплеты, склеенные каучукомъ, гибки и легко развертываются.

Важнѣйшіе предметы, приготовляемые изъ этихъ пластинокъ, суть *гумиластиковыя калоши*, вездѣ употребляемыя въ настоящее время. Длятого, чтобъ подошва не скользила, пропускаютъ ее между валами, изъ которыхъ одинъ снабженъ маленькими впадинами. Эти калоши бываютъ часто на подкладкѣ. Ткань, образующая подкладку, соединяется съ каучукомъ еще при выкатываніи. Лучшія гумиластиковыя калоши доставляетъ намъ до сихъ поръ преимущественно сѣверная Америка; ежегодно производятъ тамъ не менѣе 4 мил. паръ калошъ. Одна фабрика въ штатѣ Нью-Джерсей (въ Неваркѣ) производитъ ежедневно отъ 3 до 4 тысячъ паръ.

Далѣе, разрѣзаютъ каучуковыя плитки на четвероугольныя нити и ремни. Это легко дѣлается посредствомъ круглыхъ ножей, которые держатъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, смотря потому, какую толщину хотятъ дать нитямъ *. Ихъ сортируютъ по нумерамъ, смотря по толщинѣ нитей. Фунтъ 1-го № содержитъ 10,000 футовъ, 8-го—только 1,400. Нагрѣваніемъ удлиняютъ эти нити въ семь и даже восемь разъ, потомъ ихъ навертываютъ на катушки и выставляютъ нѣкоторое время на холодъ длятого, чтобы онѣ не могли болѣе стягиваться. Эти нити, охлажденіемъ лишен-

* Во Франціи стали недавно приготовлять цилиндрическія каучуковыя нити. Матеріялъ сперва распускаютъ въ сѣроуглеродѣ, къ которому прибавляется 5% виннаго спирта (алькоголя), а потомъ кладутъ его въ цилиндръ съ рѣшетчатымъ дномъ. Упругая масса сдавливается поршнемъ, и выходитъ чрезъ маленькія отверстія нитями, менѣе $\frac{1}{2}$ дюйма толщины. Тамъ получаются такія тонкія нити, что фунтъ ихъ заключаетъ въ себѣ 29,650 футовъ длины, около $3\frac{1}{2}$ верстъ.

*

ныя упругости, употребляются для плетенія и тканья. Получаемая такимъ образомъ бичевка или прямо идетъ въ дѣло, или же изъ нея дѣлаютъ упругія ткани, которыя, въ свою очередь, служатъ для выдѣлки поясовъ, помочей и т. д.

Чтобы распространить по возможности употребленіе каучука вмѣсто кожи, его смѣшиваютъ съ различными веществами, какъ напр., съ обыкновенною фарфоровою глиною, съ тальковымъ кремнеземомъ и т. д. Примѣсью тальковой земли, Гудиръ сообщилъ каучуку такую твердость, что изъ него можно было выдѣлывать ручки для ножей, доски для письма вмѣсто общеупотребительныхъ аспидныхъ досокъ и пр. Изъ него приготовляютъ даже различные предметы роскоши, украшенія и другія вещи, какъ напр. рамы для картинъ, гребни, браслеты, конскую сбрую, газовые трубки, шляпы и т. д.

Въ послѣднее время явился новый способъ обработки каучука, находящій самое разнообразное приложеніе. Это такъ называемый роговой каучукъ. Если увеличить примѣсь сѣры до 50 или даже до 60 частей на 100 каучука, то получается очень твердая, но мало упругая масса, которая въ самомъ дѣлѣ имѣетъ большое сходство съ рогомъ, и которую можно обдѣлывать совершенно такъ же, какъ рогъ,—ножомъ, подпилкомъ, терпугомъ, на токарномъ станкѣ и т. д. Сѣру иногда можно замѣнять другими веществами, какъ-то: каменно-угольной и черной смолой, камедью, жженою магнезіею, цинковою окисью, сѣрнымъ цинкомъ, приготовляемымъ мокрымъ путемъ, сѣрной антимоніей, мѣломъ, глиной и т. д.

Смотря потому, съ какой цѣлью обрабатывается масса, къ ней примѣшиваютъ въ различныхъ пропорціяхъ кромѣ сѣры одно или нѣсколько изъ этихъ веществъ; послѣ того на три или на пять часовъ подвергаютъ массу постепенно возвышающейся температурѣ отъ 110 до 138 или 150°.

227. Сила примѣра.

Въ одинъ день толпа народа стремилась въ великолѣпные сады Тиволи *. Въ этотъ день тамъ былъ большой праздникъ: играла музыка, были танцы, вездѣ кипѣло удовольствіе. У входа въ садъ стоялъ какой-то слѣпой старикъ съ пятнадцатилѣтнею дочерью: она играла на арфѣ, а старикъ пѣлъ подъ ея аккомпанементъ. Мимо ихъ проходили г-жа Даморо-Чинти (Damoreau-Cinti) и съ нею Мартенъ (Martin) и Поншаръ (Ponchard). Знаменитая пѣвица изъ любопытства взглянула въ деревянную кружку слѣпаго, и увидѣла, что на днѣ ея ничего нѣтъ. Множество народа проходило взадъ и

* Въ Парижѣ.

впередъ, торопясь повеселиться; но никто не обращалъ вниманія на бѣдняка.

—Превосходная мысль! истинно артистическая! сказала г-жа Даморо, обратясь къ своимъ спутникамъ: надо, чтобъ и вы меня поддержали. Жалобныя пѣсни этого слѣпаго до сихъ поръ не доставили ему ни слушателей, ни милостыни; попробуемъ, не будемъ ли мы счастливѣе.

Мартенъ и Поншаръ съ улыбкою согласились на предложеніе. Даморо взяла у дѣвочки арфу, и знаменитые артисты начали очаровательное тріо. Проходившіе остановились; многочисленный кругъ составился около слѣпаго, который и самъ слушалъ съ удивленіемъ. Когда узнали имена пѣвшихъ, то со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія и громкія браво. Скоро вѣсть объ этомъ разошлась по всему Тиволи: танцы были брошены, игры оставлены, всѣ массою бросились къ той сторонѣ, гдѣ происходила описываемая нами сцена, и наконецъ толпа выросла до невѣроятности.

Пропѣвъ нѣсколько арій, г-жа Даморо, послѣ многихъ рукоплесканій, взяла шляпу слѣпаго, и отправилась въ толпу собирать милостыню. Примѣръ былъ поданъ, и всѣ стали бросать въ шляпу, кто мѣдныя, кто серебряныя, иные даже золотыя монеты. Порывъ великодушія подѣйствовалъ на самыхъ скупыхъ, и дошелъ до такой степени, что начали толкать одинъ другаго, прыгали черезъ плечи, и безчисленное множество рукъ протянулось кверху, показывая милостыню. Шляпа бѣдняка нѣсколько разъ наполнялась и была высыпаема въ мѣшокъ.

Обошедъ толпу, г-жа Даморо обратилась къ своимъ спутникамъ, которые стояли, изумляясь результату своего предпріятія. «Теперь», сказала она имъ, «наша очередь дать слѣпому что-нибудь.» Она положила въ кружку золотую монету; Мартенъ и Поншаръ сдѣлали тоже, и г-жа Даморо, отдавая дѣвочкѣ кружку съ монетами, сказала ей:

—Это принадлежитъ тебѣ; твой отецъ не долженъ брать у тебя этихъ денегъ; на нихъ ты купишь себѣ новое платье, шляпку и косынку: твое теперешнее платье старо и истерлось, междутѣмъ какъ сама ты молода и хороша.... прощай, дитя мое!....

Три великодушные артиста взялись за руки, и отправились далѣе, напутствуемые благословеніями бѣдняка и восклицаніями толпы.

Хотинскій.

228. Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно ль», говоритъ, «средь бѣла дня
Попался!

Не провели бы такъ меня;
За это я ручаюсь смѣло.»
Анъ смотришь, тутъже самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

Крылова.

229. Овца, Лиса и Волкъ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. На встрѣчу ей попалась лиса, и спрашиваетъ: «куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — О-ихъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все я, овца, виновата! вотъ и вздумала уйдти, куда глаза глядятъ.—«И я тоже, отвѣчала лиса: гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата; побѣжимъ-ка вмѣстѣ.»

Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. — Здорово, кума!—Здравствуй! говоритъ лиса. Далече ли бредешь?

—Она въ отвѣтъ: куда глаза глядятъ! да какъ разсказала про свое горе, бирюкъ молвилъ: я также! гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемъ-ка вмѣстѣ.» Пошли. Дорогою бирюкъ говоритъ овцѣ: «а что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «взаправду, кумъ, твой?»

—Вѣрно, мой. — Побожишься? — Побожусь. — Къ присягѣ пойдешь?—Пойду.—Ну, иди, цѣлуй присягу. Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану, и говоритъ : «ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только-что сунулся бирюкъ сдуру — а капканъ щолкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него подобру, поздорову.

230. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
—Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.
«Дитя, оглянися; младенецъ ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои.»
—Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ;
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.

—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.
«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять.»
—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.—
—О нѣтъ! все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать,—
Ужь вотъ онъ.... мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать!»
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

231. Эмблемы.

Есть много понятій, которыя мы составляемъ въ умѣ безъ помощи зрѣнія и другихъ нашихъ чувствъ, напримѣръ: понятія о добродѣтели, порокѣ, чести, несчастіи, смерти; предметы сихъ понятій не суть видимые, но мысленные.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ нельзя ни видѣть, ни ощупать, а можно только думать о нихъ.

Однако случаетъя иногда, что мы желаемъ какое-нибудь изъ этихъ понятій сдѣлать очевиднымъ, т. е. сдѣлать такое изображеніе, которое видимо напоминало бы о семъ понятіи уму зрителей. Для этого мы избираемъ дѣйствіе или положеніе, которыя соотвѣтствуютъ той мысли, и которыя могутъ быть выражены посредствомъ живописи или ваянія. Такое изображеніе называется *эмблемою*.

Есть мѣста, гдѣ осуждаются преступники и оправдываются невинные. Чтобъ отличить такое мѣсто отъ другихъ зданій, легко было бы написать надъ его входомъ: *Здѣсь храмъ правосудія.* Но для этого употребили способъ гораздо остроумнѣе: на высотѣ зданія поставили фигуру, которая показываетъ, что оно назначено быть храмомъ правосудію. Для сего надобно было сдѣлать видимымъ понятіе мысленное, невидимое: чтобы олицетворить сіе понятіе, изваяли человѣческую фигуру, отличивъ ее принадлежностями, которыя наиболѣе относятся къ свойствамъ правосудія. Правосудіе сохраняетъ вѣрность и безпристрастіе, не уклоняясь ни на чью сторону, и длятого другая рука его вооружается мечомъ. Вотъ изображеніе эмблематическое: *вѣсы* и *мечъ*—здѣсь эмблемы.

Вотъ человѣкъ остановившійся на вершинѣ высокой утесистой горы; онъ хочетъ взойти еще выше,—подымаетъ лѣстницу, и упираетъ ее въ облако. Это *честолюбецъ*. Онъ и такъ уже на большой высотѣ, но его увлекаетъ страсть еще возвыситься; онъ отваживается идти по лѣстицѣ, хотя она не имѣетъ другой опоры кромѣ облака, и повисла надъ пропастью.

Вотъ другой человѣкъ: у него глаза завязаны, а онъ переходитъ свирѣпый потокъ по скользкимъ каменьямъ. Онъ вѣрно упадетъ въ волны. Это изъ числа тѣхъ людей, которые бросаются въ опасность, не размысливъ, куда идутъ,—и ты можешь назвать его *безразсуднымъ*.

Видишь ли руку, которая протянулась изъ чернаго облака, и гаситъ свѣтильникъ. Этотъ свѣтильникъ—*жизнь;* рука, которая гаситъ его,—*смерть*.

Взгляни на этого человѣка, смотрящаго на солнечные часы, со свѣчею въ рукѣ. Эти часы могутъ показывать время только при солнечномъ свѣтѣ. Слѣдовательно онъ изображаетъ *невѣжество*.

Вотъ трость, которой конецъ въ водѣ, и она кажется переломленною. Что жъ, трость въ самомъ дѣлѣ переломлена? Нѣтъ, только свойство воды даетъ ей такой видъ. Это эмблема *заблужденія*.

Кто этотъ бѣднякъ, который бѣжитъ со всѣхъ ногъ, и оглядывается на тѣнь свою? Ты можешь назвать его страхомъ или *трусостью*.

Но кто этотъ сѣятель, разсыпающій зерна на пашнѣ? Тутъ есть что-то похожее на воспитаніе, но можетъ изображать также и *надежду*, ибо никто не сѣетъ безъ надежды на жатву.

Что думаешь ты объ этомъ зеркалѣ, передъ которымъ стоитъ восковая свѣча, и въ немъ отражается? Это—эмблема *истины*. Главное свойство истины—представлять вѣрное изображеніе предметовъ и отражать ихъ въ нашемъ сердцѣ. Здѣсь свѣча изображена зажженною, для означенія блеска женщины.

А вотъ ты видишь женщину, которая распутываетъ мотокъ: она представляетъ *терпѣніе*.

Но что ты думаешь объ этой прекрасной женщинѣ, которая поливаетъ цвѣты, и смотритъ на нихъ съ такою нѣжностію? Это *благотворительность*.

Узнаешь ли ты эту женщину, съ физіономіею скромною и осторожною, которая приложила палецъ къ устамъ, и держитъ узду въ другой рукѣ? Это благоразуміе или *скромность*. *Н. Полевой.*

232. Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпою
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ

И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь не-
дальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины,
И тихій таборъ озаряетъ.

А. Пушкинъ.

Б. *Для сказуемаго.*

§ 21. Значеніе глагола. Отношеніе его къ предложенію. Глаголъ—знаменательная часть рѣчи.

233. Огонь и Роща.

Съ разборомъ выбирай друзей [1].
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ [2].
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

—

Зимою огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
—«Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»
—«Затѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
—«Бездѣлица!» Огонь ей продолжаетъ,
«Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ;
А все за все спасибо мнѣ.

Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ,
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ дѣло слажено: ужь въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ, Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ,—и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обогрѣлые пеньки стоятъ одни.
И не чему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться? *Крыловъ.*

1. «Съ разборомъ выбирай друзей». Здѣсь сказуемое *выбирай* выражаетъ понятіе о *дѣйствіи*. И *мерзнетъ* ты совсѣмъ нагая.» Сказуем. *мерзнешь* означаетъ понятіе о состояніи, въ которомъ находится предметъ.

Всякое понятіе о дѣйствіи или состояніи отлично отъ понятія о предметѣ; и потому понятія о дѣйствіи или состояніи составляютъ свой особый отдѣлъ, какъ понятія о предметахъ—свой, и слѣдовательно слова, которыми выражаются понятія о дѣйствіи или состояніи, составляютъ особую, отдѣльную *часть рѣчи*. Дѣйствіе или состояніе всего яснѣе глаголетъ (говоритъ) намъ о предметѣ; потому эта часть рѣчи названа *глаголомъ*, и выражаетъ по преимуществу сказуемое. *Выбирай* и *мерзнешь*, какъ члены предложенія, суть сказуемыя, а какъ части рѣчи, суть глаголы.

2. «Когда корысть себя личиной дружбы *кроетъ*,
Она тебѣ лишь яму *роетъ*.»

Въ первомъ и во второмъ предлож. слова *кроетъ* и *роетъ* показываютъ также понятія о дѣйствіяхъ предмета, а потому какъ ихъ назвать должно, и какую часть предложенія они составляютъ?

§ 22. Роды глаголовъ отъ существа самаго предмета, или залоги. Число залоговъ.

а. Въ предложеніи «съ разборомъ выбирай друзей» сказуемое—глаголъ *выбирай* выражаетъ такое дѣйствіе, которое переходитъ на другой предметъ — *друзей* по вопросу *кого*?—

«Она тебѣ лишь яму роетъ». Глаголъ — *роетъ* выражаетъ дѣйствіе подлежащаго—*корысть*, которое, какъ и *выбирай*, переходитъ на другой предметъ — *яму* по вопросу что?

«Солнце *спустилось* на ночлегъ». Сказуемое—глаголъ *спустилось* показываетъ дѣйствіе подлежащаго, которое переходитъ не на другой, сторонній предметъ, но

возвращается на самое же подлежащее: солнце спустило само себя, а не другаго—кого или другое—что.

Итакъ въ каждомъ дѣйствіи есть своя отличительная примѣта, у каждаго дѣйствія есть свой особенный характеръ, зависящій отъ предмета: два дѣйствія *выбирать* и *спуститься* ясно различаются между собою: одно есть переходящее на другой сторонній предметъ, — другое же есть возвращающееся на самого дѣйствователя—подлежащее, а не на посторонній предметъ. А если дѣйствія по своему характеру бываютъ различны; то и глаголы должны-быть различны между собою по выраженію той или другой черты, которая заложена въ дѣйствіе. Это различіе глаголовъ называется *залогомъ*.

b. а. «Съ разборомъ выбирай друзей». Сказуемое—глаголъ *выбирай* показываетъ, что подлежащее дѣйствуетъ и выражаетъ такое дѣйствіе, которое переходитъ на другой предметъ—*друзей* по вопросу *кого?* «Она тебѣ лишь яму *роетъ*». Глаголъ—*роетъ* выражаетъ дѣйствіе подлежащее—*корысть*, которое, какъ и *выбирай*, переходитъ на другой предметъ — *яму* по вопросу *что?* Слѣд. оба эти глагола выражаютъ *дѣйствіе* собственно (стр. 201, ст. 95), а потому называются *дѣйствительными*, или глаголами дѣйствительнаго залога.

б. «Солнце *спустилось* на ночлегъ». Сказуемое— глаголъ *спустилось* показываетъ переходящее дѣйствіе подлежащаго, но переходящее не на другой, сторонній предметъ, но на самое подлежащее: оно *возвращается* на него же; солнце спустило само себя, а не другаго—кого или другое—что. Такіе глаголы называются *возвратными*.

в. «Огонь былъ забытъ дорожными». Сказуемое *былъ забытъ* показываетъ дѣйствіе, которое дѣлаетъ не подлежащее, но которое сдѣлано другимъ стороннимъ предметомъ, выраженнымъ черезъ дополненіе *дорожными*—дорожные забыли огонь, стало-быть, подлежащее *огонъ* представляется подъ вліяніемъ другаго предмета, само не дѣйствуетъ, но испытываетъ на себѣ дѣйствіе другаго предмета, или *страдаетъ*. Такіе глаголы назыв. *страдательными*.

г. «Зимою огонекъ подъ рощей *тлился*. Огонь мой чуть *горитъ*». Оба сказуемыя *тлился* и *горитъ* выражаютъ такое дѣйствіе подлежащаго, которое не переходитъ на другой предметъ: тотъ и другой глаголъ выражаютъ что-то *среднее* между самостоятельнымъ дѣйствіемъ и страданіемъ подлежащаго; тотъ и другой глаголъ выражаютъ *состояніе*, въ которомъ находится подлежащее *огонь*. Такіе глаголы называются *средними*.

е. «Лишь подружись со мной», т. е. будемъ *взаимно* друзьями,—ты со мной вступи въ дружбу, а я вступлю съ тобой,—слѣд. сказуемое *подружись* выражаетъ такое дѣйствіе, которое дѣлаетъ подлежащее вмѣстѣ, *заодно*, *взаимно* съ другимъ предметомъ—дополненіемъ. Такіе глаголы назыв. *взаимными*.

Итакъ въ дѣйствіи мы различаемъ сколько особыхъ примѣтъ? Значитъ, сколько же залоговъ имѣютъ глаголы? Но каждый ли залогъ имѣетъ свою особую форму—свои особенныя, отличительныя окончанія?

§ 23. Отношеніе глагола—сказуемаго къ подлежащему: лица и числа. Глаголы личные и безличные.

234. Сербская пѣсня.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый [1],
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али *я* тебя не *холю*? [2]
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?
Отвѣчаетъ конь печальный:
Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужь недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять,—
Что ужь скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чапряка
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока [3].

А. Пушкинъ.

А. 2. «*Али я тебя не холю?*» Здѣсь подлежащимъ само лицо говорящее, и одно, а потому оно выражено личнымъ мѣстоименіемъ 1-го лица въ един. числѣ, и сказуемое—глаголъ стоитъ съ окончаніемъ *ю* и тѣмъ указываетъ лицо и число подлеж.

1. «*Что ты ржешь мой конь ретивый?*» Здѣсь подлежащимъ лицо, съ которымъ разговариваютъ, и оно одно, а потому оно выражено личнымъ мѣстоименіемъ 2-го лица *ты* въ един. числѣ, и сказ.—глаголъ явилось съ окончаніемъ *ешь* един. числа, слѣд. уже не съ тѣмъ окончаніемъ, съ какимъ бы оно было при первомъ лицѣ (*ржу*).

3. «Кожей онъ твоей покроетъ.» Здѣсь подлежащимъ предметъ посторонній для разговаривающихъ, но имъ извѣстный,—подлежащее выражено мѣсоименіемъ 3-го лица *онъ* един. чис.,—и сказуемое—глаголъ приняло окончаніе *етъ*, не то, съ какимъ бы оно явилось при первомъ (покро-ю) и второмъ лицѣ (покро-ешь) един. числа.

Сказуемое—глаголъ относится къ подлежащему, и своими окончаніями указываетъ намъ, что подлежащимъ у него первое, или второе, или третье лицо, и что подлежащее его единств. числа или множественнаго. Эти окончанія называются *лицами* и числами глаголовъ. Глаголъ употребляется въ томъ лицѣ и числѣ, какого лица и числа его подлежащее, слѣд. согласуется съ нимъ.

Б. Глаголъ *холю* принимаетъ окончанія всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ; можно сказать: я и мы хол-ю—имъ, ты и вы хол-ишь—ите, онъ и они хол-итъ—ятъ. Но глаголы—сказ. *разсвѣтаетъ, смеркается* принимаютъ одно только личное окончаніе—3-го лица един. числа; нельзя сказать: я и мы разсвѣт-аю-емъ,—ты и вы разсвѣтаешь—ете, они разсвѣтаютъ. Стало-быть, по личнымъ окончаніямъ глаголы можно раздѣлить на два разряда: *личные* и *безличные*, правильнѣе, *одноличные*.

§ 24. Отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему: виды и число ихъ.

«Что ты ржешь мой конь ретивый, что ты шею опустилъ?»

Первымъ сказ.—глаголомъ *ржешь* лицо говорящее передаетъ намъ, что оно наблюдало и застало дѣйствіе въ ту пору, когда то *совершается*, или когда подлежащее занято дѣйствіемъ; а второе сказ.—глаголъ *опустилъ* указываетъ намъ, что лицо говорящее застало дѣйствіе въ ту пору, когда это дѣйствіе уже *свершилось*, или когда подлежащее перестало заниматься извѣстнымъ дѣйствіемъ. И каждое дѣйствіе предмета мы можемъ наблюдать—и такъ сказать застать его—или *тогда*, когда оно совершается, совершалось и будетъ совершаться—слѣд. еще въ его ходу (занятіи, процессѣ), *совершаемости, или тогда*, когда оно совершилось и совершится,—слѣдовательно въ *совершеніи* его. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе является всегда *совершающимся, продолжающимся*, во второмъ—*совершеннымъ, оконченымъ*. Дѣйствіе совершающееся и совершенное говорящій можетъ наблюдать и заставать одинъ разъ или нѣсколько? Можетъ заставать его въ близкое къ минутѣ рѣчи и отдаленное отъ нея время? Можетъ подмѣтить быстроту или медленность дѣйствія? Конечно, ничто ему въ томъ не мѣшаетъ. Такое отношеніе лица говорящаго къ дѣйствію или состоянію отмѣчается особою формою глагола, которая называется *видомъ*: опускалъ—опустилъ, отвѣч-а-лъ—отвѣт-и-лъ. Сколько же видовъ въ глаголѣ?

§ 25. Другое отношеніе глагола къ лицу говорящему: времена—число ихъ. Всякой ли глаголъ способенъ ко всѣмъ временамъ? Описательная форма. Правописаніе.

1. «Что ты *ржешь*, мой конь ретивый,
Что ты шею *опустилъ*?»

Въ сказуемомъ—глаголѣ перваго предложенія видимъ такое *дѣйствіе*, которое совершается *въ то самое время*, какъ объ немъ говорятъ, и это обозначается окончаніемъ глагола—*ешь*.

Въ сказуемомъ—глаголѣ втораго предлож. *опустилъ* видимъ дѣйствіе, которое совершилось *прежде того*, какъ объ немъ стали говорить,—и это обозначается окончаніемъ *лъ*.

Стало-быть, окончаніями своими глаголъ указываетъ еще, какъ время *дѣйствія* относится къ тому времени, когда говорятъ объ немъ.

2. а. «*Отвѣчаетъ* конь печальный:
Оттого я *присмирѣлъ*;
Что ужь скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возметъ.»

Въ сказ. *отвѣчаетъ* видно, что дѣйствіе это совершается теперь, въ настоящую пору, когда лицо говорящее ведетъ о немъ рѣчь.

b. Въ сказ. *присмирѣлъ* видно, что время, когда дѣйствіе совершилось, уже прошло прежде, чѣмъ объ немъ стали говорить.

с. Въ сказ. глаголѣ *возметъ* видно, что дѣйствіе это не совершается и не совершилось, но имѣетъ совершиться *послѣ того времени*, какъ объ немъ говорятъ,—время совершенія его еще *будетъ* впереди. Такія окончанія глаголовъ какъ назыв.? Отвѣчаетъ можно сказать въ прош. времени отвѣчалъ, въ будущ. будетъ отвѣчать?

А присмирѣлъ можно сказать въ будущемъ? а въ настоящемъ времени можно? Какого вида глаголъ—отвѣчаетъ и какого—присмирѣлъ? стало-быть, число временъ зависитъ отъ видовъ?

§ 26. Третье отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему: наклоненія. Значеніе, число и названія наклоненій. Слова обстоятельственныя образности выраженія. Правописаніе.

235. Василекъ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины [1],
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру междутѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило?
—«Ужь какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ,
«Не ужь ли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты ростешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

—

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите,
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно—
Былинкѣ ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счатье оставляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ. *Крыловъ.*

1. «Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины».

Въ этихъ двухъ стихахъ находится два сказуемыхъ: *захирѣлъ, завялъ*, которыя относятся къ одному и томуже подлежащему: *Василекъ*. Что они относятся къ этому подлежащему, про то мы узнаемъ изъ того одного, что они оба поставлены въ единств. числѣ, муж. родѣ и 3 лицѣ—значитъ въ одинаковомъ числѣ, родѣ и лицѣ съ своимъ подлежащимъ, слѣд. согласованы съ нимъ. Родомъ, числомъ и лицомъ, какъ мы уже знаемъ, обозначилось только отношеніе обоихъ сказуемыхъ къ подлежащему; отъ подлежащаго зависитъ, чтобы сказуемое было въ томъ или другомъ числѣ, въ томъ или другомъ лицѣ, въ томъ или другомъ родѣ (разумѣется, гдѣ родъ можетъ обозначаться особымъ окончаніемъ, какъ въ прошедшемъ наприм. времени: *захирѣлъ, завялъ*).

Но что сказуемыя: *захирѣлъ, завялъ* употреблены въ прошедшемъ времени; это ужъ зависитъ не отъ подлежащаго, но отъ лица говорящаго; лицо говорящее, разсматривая, дѣйствіе происходитъ ли въ минуту рѣчи или до или послѣ нея, рѣшаетъ употребить сказуемое въ томъ или другомъ времени: стало-быть, прошедшимъ временемъ здѣсь обозначилось отношеніе сказуемаго не къ подлежащему, но къ лицу говорящему. Но одно ли это отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему обозначается въ предложеніи?—Нѣтъ, есть еще отношеніе къ нему, которое, какъ и время, обозначается особыми формами, или окончаніями глагола.

«Василекъ захирѣлъ, завялъ.» Здѣсь, въ такомъ выраженіи сказуемыхъ лицо говорящее *наклонно* принимать и въ самомъ дѣлѣ принимаетъ, что связь сказуемаго съ подлежащимъ представляется ему, какъ *дѣйствительная*; говорящій вполнѣ и рѣшительно увѣренъ, что оба эти дѣйствія дѣйствительно принадлежитъ своему предмету, и свою увѣренность твердо заявляетъ передъ слушающимъ. Но въ слѣдующихъ стихахъ:

2. «Ахъ, если *бы* скорѣе день *насталъ*,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило.
Быть-можетъ, и меня оно *бы оживило*?

связь сказуемыхъ: *насталъ-бы, оживило-бы* съ подлежащими: *день* и *солнце* представляется лицу говорящему уже не такъ, какъ въ предъидущемъ примѣрѣ: лицо говорящее нерѣшительно увѣрено въ дѣйствительномъ соединеніи сказуемаго съ подлежащими; связь ихъ между собою представляется ему только, какъ *возможная*: эти дѣйствія *насталъ бы, оживило бы* въ дѣйствительности еще не принадлежатъ своимъ предметамъ *день* и *солнце*, но только могутъ принадлежать.

3. «Такъ солнца ты своей докукою *не мучь!*
Повѣръ, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго *перестань*:
Молчи и *вянь!*»

Здѣсь связь сказуемыхъ *не мучь, повѣръ, перестань, молчи, вянь* съ ихъ подлежащимъ *ты* представляется лицу говорящему опять иначе, она представляется ему, какъ *необходимая* къ исполненію для слушающаго; своимъ обращеніемъ къ слушающему говорящій выражаетъ въ сказуемомъ отношеніе и къ нему.

Стало-быть, лицо говорящее *наклонно* принимать и принимаетъ для себя связь сказуемаго съ подлежащимъ трояко: принимаетъ ее, какъ *дѣйствительную*: Василекъ *захирѣлъ, завялъ*,—какъ *возможную*: меня оно *бы оживило*, и какъ *необходимую: молчи* и *вянь*. Таковое отношеніе связи сказуемаго съ подлежащимъ къ лицу говорящему и слушающему отмѣчается особыми формами, или окончаніями глагола, *наклоненіями*: захир-ѣ-*лъ*, насталъ *бы*, молч-*и*, вян-*ъ*. Сколько же наклоненій?

В. «Быть-можетъ, и меня оно бы оживило». Здѣсь кромѣ подлеж. *оно*, сказ. *оживило бы*, дополн. *меня*, есть еще слово *можетъ-быть*: какое же значеніе имѣетъ это слово въ составѣ предложенія? Очевидно, оно не составляетъ ни подл., ни опредѣлительн., ни сказ., ни обстоят. дѣйствія; такъ-что же оно такое? Сказ. здѣсь выражено сослагательнымъ накл., слѣд. связь сказуемаго съ подл. представляется говорящему, какъ возможная, и слово *быть-можетъ* также означаетъ, *какъ* выразилъ говорящій свое мнѣніе о тойже связи сказ. съ подлежащимъ: онъ рѣшительно не увѣренъ, было ли это, но *можетъ-быть*, слѣд. предполагаетъ только. Чтобы выразить свое убѣжденіе о связи сказ. съ подлежащимъ, здѣсь говорящій не удовольствовался однимъ наклоненіемъ—формою глагола, но прибавилъ къ нему еще особое слово—*можетъ-быть*. Такъ иногда поступаетъ говорящій и въ другихъ случаяхъ, когда связь эту представляетъ какъ дѣйствительную, и какъ необходимую. Есть, *право*, менѣе булавочной головки (ст. 215. Любопытный). Такія слова въ предложеніи принадлежатъ къ обстоятельственнымъ, только они показываютъ не образъ дѣйствія, но образъ выраженія, и потому назыв. обстоятел. *образности выраженія*.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Выберите въ слѣдующихъ статьяхъ глаголы, и образуйте изъ нихъ предложенія, прибравъ приличныя понятія о предметахъ, и образуйте такъ, чтобъ глаголы эти употреблялись въ различныхъ залогахъ, видахъ, наклоненіяхъ, временахъ, лицахъ и числахъ: напр. *провести. Годы дѣтства я провелъ* (мною проведены) *въ деревнѣ, а молодость проведу на службѣ въ Петербургѣ. Отецъ мой проводилъ лѣто въ деревнѣ*, и т. п.

236. Весенніе воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ....
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!»
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ѳ. Тютчевъ.

237. Баба-Яга.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ея не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то: мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить. А тетка эта была Баба-Яга, костяная нога. Вотъ, дѣвочка не была глупа да зашла прежде къ своей родной теткѣ.—Здравствуй, тетушка!—Здравствуй, родимая!—За чѣмъ пришла?—Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить. Та ее и научаетъ: тамъ тебя, племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать, ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать, ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать, ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть, ты ему ветчины дай. Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ—и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-Яга, костяная нога, и ткетъ.—Здравствуй, тетушка!—Здравствуй, родимая!—Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить.—Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ, дѣвочка сѣла за красна; а Баба-Яга вышла и говоритъ своей работницѣ: ступай, истопи баню, да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать. Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-Яга дожидается; подошла она къ окну, и спрашиваетъ: ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?—Тку, тетушка, тку, милая! Баба-Яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчинки, и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова?—«Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенцо, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣжи; за тобою будетъ гнаться Баба-Яга, ты приклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенцо: сдѣлается широкая, широкая рѣка; если жь Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ: сдѣлается дремучій, дремучій лѣсъ; сквозь него она ужь не проберется!»

Дѣвочка взяла полотенцо и гребешокъ, и побѣжала: собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться—она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать—она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за красна, и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-Яга подошла къ окну, и спрашиваетъ: ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?—Тку, тетка, тку, милая, отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-

Яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза.—Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчинки дала. Баба-Яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала; ворота говорятъ: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила; березка говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала; работница говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила.

Баба-Яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ, дѣвочка приклонила ухо къ землѣ, и слышитъ, что Баба-Яга гонится—и ужь близко, взяла да и бросила полотенцо: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-Яга пріѣхала къ рѣкѣ, и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ, и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю рѣку дочиста. Баба-Яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ, и слышитъ, что Баба-Яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-Яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой, и спрашиваетъ: гдѣ же моя дочка?—Она пошла къ тетушкѣ, говоритъ мачиха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой, «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ.—Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ—меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой мнѣ рубашку сшить, а тетка—Баба-Яга меня съѣсть хотѣла.—Какъ же ты ушла, дочка?—Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ какъ узналъ все это, разсердился на жену, и разстрѣлилъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать. И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

238. Старый рыцарь.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.
Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.
Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ,
Прославленъ возвратился.
Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.
Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душою погруженный.

Надъ нимъ, какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;
И внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

В. Жуковскій.

239. Пѣсенка при сѣяніи цвѣтовъ.

Ложись, зернышко мое, въ тихую, холодную могилу, ложись въ земляную постельку! Я насыплю на тебя, зернышко мое, сырой земли столько, что тебя совсѣмъ не будетъ видно сверху.

Если бъ знало ты, что́ я дѣлаю съ тобою, и могло бы говорить, ты сказало бы съ слезами: «Не видать мнѣ никогда болѣе ни небесъ, ни садика, ни яркаго солнышка!».

Но, малютка мой, не унывай! Смотри, вѣдь тебѣ мягко и хорошо лежать! Вотъ скорехонько и выспишься! А тамъ и выглянешь изъ земли, и зацвѣтешь цвѣткомъ, и совсѣмъ вновь родишься.

Настанетъ день—и я такъ же, какъ и ты, лягу въ холодную постельку, и меня покроетъ земля; но изъ этой тихой, мрачной могилы я возстану еще лучшимъ созданіемъ по слову Творца моего: «Будь!»

240. Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ:
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;—
Ну! тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ;
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди, мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Кольцовъ *.

241. Преданіе о томъ, какъ гуси Римъ спасли.

Въ нынѣшней Франціи задолго до Р. Х. поселились Галлы, самый воинственный и вмѣстѣ самый безпокойный изъ народовъ, жившихъ въ Европѣ. Страстные до войны и новыхъ предпріятій, они вторгались въ сосѣднія страны, увлекаемые часто однимъ любопытствомъ. Такъ, за 600 лѣтъ до Р. Х., два галльскихъ вождя, говорятъ, привлеченные вкусомъ винограда (котораго тогда еще не было въ средней Европѣ, онъ былъ насаженъ на берегахъ Рейна и Дуная рим. имп. Пробомъ уже 280 л. послѣ Р. Х.), перешли черезъ Альпы, и утвердились на берегахъ По.

Отсюда непосѣдливые ихъ потомки въ 390 г. вторглись въ среднюю Италію, и напали на римлянъ, которые при первой встрѣчѣ разбѣжались отъ одного вида этихъ страшныхъ варваровъ **. Галлы вошли въ беззащитный Римъ, перебили старѣйшихъ изъ сенаторовъ,—которые, обрекши себя на смерть, остались въ своихъ домахъ,—и сожгли городъ. Только Капитолій оставался въ рукахъ римлянъ, но и это послѣднее убѣжище едва не сдѣлалось добычею варваровъ. Случайно ли, или замѣтивши слѣды Понтія Коминія, посланнаго гонцомъ къ изгнанному Камиллу, только галлы вздумали попытаться проникнуть въ Капитолій черезъ Кармептскую скалу, возвышавшуюся отвѣсно надъ глубокою пропастью. Они всползли на нее, помогая другъ другу и передавая оружіе достигшимъ высоты, такъ тихо, что ни малочисленная стража, стоявшая съ этой стороны, ни даже собаки, обыкновенно по ночамъ чуткія ко всякому шороху, не замѣтили приближенія враговъ. Уже одинъ галлъ взлѣзъ на стѣну; въ эту минуту гуси, посвященные богинѣ Юнонѣ, и, не смотря на голодъ, сохраненные благоговѣніемъ римлянъ, послужили къ спасенію города: они своимъ гоготаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ разбудили Манлія, который, схвативши оружіе, бросился къ стѣнѣ, сильнымъ ударомъ щита сбилъ стоявшаго на стѣнѣ галла, который своимъ паденіемъ увлекъ слѣдовавшихъ за нимъ. Междутѣмъ на голосъ Манлія сбѣжались спавшіе

---

* Кольцовъ Алексѣй Васильевичъ родился въ Воронежѣ въ 1809 г., октября 2-го, умеръ тамъже въ 1842 г., 19 октября, въ три часа по полудни, на 34-мъ году отъ рожденія. Полное собраніе его стихотвореній, съ статьею о его жизни и сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ, съ 1846 г. было издаваемо нѣсколько разъ.

** Галлы ходили въ битву нагіе; волчья шкура, висѣвшая съ головы до плечъ, и маленькій щитъ были ихъ единственнымъ оборонительнымъ оружіемъ.

воины, ударили на непріятелей, сбили ихъ со скалъ, и перебили остальныхъ, скатывая на нихъ бревна и каменья, и низвергая ихъ въ пропасть.

Вскорѣ послѣтого Камиллъ собралъ вокругъ Рима разсѣянныхъ римлянъ, и очистилъ городъ отъ непріятелей. Въ память этого нападенія, въ Римѣ былъ учрежденъ праздникъ, во время котораго въ пышной процессіи жрецъ носилъ по городу гуся (можетъ-быть потомка знаменитыхъ гусей), а за нимъ тащили на веревкѣ собаку. Народъ подносилъ гусю щедрые дары, а собаку билъ палками и каменьями до тѣхъ поръ, пока ее не убивалъ до смерти.

М. Богоявленскій.

242. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
—«А вы хотите быть за что́ отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ.—«Да наши предки...» «Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Римъ спасли!»
—«Все такъ, да вы что́ сдѣлали такое?
—«Мы? Ничего!»—«Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»
Баснь эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

243. Постройка мельницы на Бугуруслане.

По переселеніи въ уфимское намѣстничество, первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъже годъ построить мельницу; ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы *кауза* * должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ, и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ *помочь* на два дня: сосѣди были приглашены съ лошадьми, телегами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать заимку*, то-есть запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и тоже мгновенье съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчнаго дна; связанныя копны соломы съ каменьями полетѣли тудаже, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды, и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой проѣзжій или прохожій испугался бы, услыхавъ его, если бъ не зналъ причины. Но пугаться было не кому: одни дикія степи и темные лѣса на

---

* *Каузомъ* называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колесо; около Москвы зовутъ его *дворецъ* (дворецъ), а въ иныхъ мѣстахъ—*скрыни*.

далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать, всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкала толчея, замолола мельница—и мелетъ и толчетъ до сихъ поръ...

С. Аксаковъ *.

244. Пѣсня во время чумы.

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ чистомъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.
Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все—одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.
Помянутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ;
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

А. Пушкинъ.

В. *Для дополненія.*

§ 28. Выраженіе дополненія.

245. Обитатель предмѣстья.

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни [1], затѣмъ-что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка [2]. Съ восхожденія солнца, земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою, и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ и опускаютъ косы свои. Какой пріятный запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! Съ какимъ удоволь-

* Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ родился въ Уфѣ 20 сентября, 1791 г., умеръ въ Москвѣ 30 апрѣля, 1859.

ствіемъ, когда скажу трудолюбивымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: *Богъ помочь, друзья!* они отвѣтствуютъ мнѣ: *спасибо, добрый баринъ!* Мой домикъ очень малъ и невиденъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ, и поддерживаемыя столбами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское прерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь, весьма древняго строенія. Одинъ князь, котораго не упомню имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старые дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою [4].

Подлѣ церкви живетъ священникъ, старый и почтенія достойный человѣкъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти каждаго запомнитъ рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, затѣмъ-что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ [3]. Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить счастіе въ добродѣтели и исполненіи должностей нашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся [5].

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня священникъ, или человѣкъ, другой, пріятелей [6].

Я имѣю пріятелей, потому-что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному, любить только самого себя, никому не быть полезну!... Нѣтъ; чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего—законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честьми и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей; оно снисходитъ даже до изысканія мнѣ невинныхъ забавъ,—а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою отъ участія въ общихъ трудахъ! не раздѣлю ни бдѣній градоначальника, ни опасностей воина, когда отечество благоволитъ пріобщить меня къ онымъ! Да удалится отъ меня такое чувствованіе! Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля болѣе, нежели самого себя [7], и болѣе, нежели ихъ, если возможно, мое отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго грека, который вознесъ отечество свое на верхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думало его унизить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! Самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюсь въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я счастіе, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединюсь, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ его движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ; и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, кроющагося во глубинѣ сердца, краснѣюсь и пріемлю твердое намѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и долы. Дышу свѣжимъ воздухомъ при закатѣ солнечномъ, или развожу маленькій садикъ свой, и поливаю благоуханныя розы, и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюсь на рѣзвомъ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній природы, цвѣтовъ, растеній, камней, и стараюсь проникнуть силы и свойства ихъ.

Наконецъ журчаніе источника и зыблющаяся тѣнь ивы или тополя приманиваютъ меня къ себѣ. Сажусь на раждающійся дернъ, и читаю книгу полезную или пріятную: повѣсти прошедшихъ вѣковъ или трогающія истины нравоучителей. Въ такомъ упражненіи находитъ на меня сонъ, сладкій и безпрерывный до тѣхъ поръ, когда заря, озлативъ горы, возвѣститъ слѣдующее утро.

М. Н. Муравьевъ *.

1. «Не выѣзжая изъ города, пользуюсь всѣми удовольствіями деревни.» Кто пользуюсь? Слѣд. подлежащее какою частью рѣчи выражено? Что я дѣлаю? Слѣд. пользуюсь какой членъ предложенія? и какою частью рѣчи онъ выраженъ? Чѣмъ пользуюсь? Слѣд. удовольствіями поясняетъ сказуемое, показывая предметъ, которымъ совершается пользованіе? А названіе предмета какою частью рѣчи всегда выражается? Слѣд. удовольствіе есть имя существ.? Итакъ дополненіе здѣсь выражено существительнымъ. *Удовольствіе*—какой предметъ по его существу?

2. «Я вижу жатву изъ окошка.» Кто вижу? Что вижу? Слѣд. жатву есть дополненіе? Почему? Какою же частью рѣчи дополненіе выражено? Почему? Такъ-какъ дополненіе всегда показываетъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго, или къ которому оно относится, то оно собственно выражается существительнымъ, какъ и подлежащее.

---

* Муравьевъ Михайло Никитичъ родился 1757, 25 октября, умеръ въ Санктпетербургѣ 1807, іюля 28-го. Сочиненія его изданы въ 2 т. 1847 г.

§ 29. Чѣмъ обозначается отношеніе дополненія въ предложеніи? Падежи. Управленіе. Слово управляющее и управляемое.

1. «Не выѣзжая изъ города, пользуюсь всѣми удовольствіями деревни.» Здѣсь дополненіе «удовольствіями», чтобъ показать, что оно относится къ глаголу, какъ предметъ, которыми совершается дѣйствіе, явилось съ окончаніемъ *ями* по вопросу: чѣмъ? Но если мы такъ скажемъ: «не выѣзжая... имѣю всѣ удовольств-ія деревни» то дополненіе, чтобы показать, что оно относится къ глаголу, какъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго, является съ окончаніемъ *я*, слѣд. принимаетъ другое окончаніе, измѣняется. Но если мы скажемъ такъ: «не выѣзжая... предаюсь всѣмъ удовольст-іямъ деревни»; то дополненіе, чтобы показать свое отношеніе къ глаголу, является съ окончаніемъ *іямъ*, слѣд. снова перемѣняетъ окончаніе, измѣняется. Слѣд. что же дѣлается съ существительнымъ, когда ему, какъ дополненію, нужно показать свое отношеніе къ глаголу? Такія окончанія или формы сущест. называются *падежами*. Названіе это есть буквальный переводъ латин. слова *casus*, и издавна усвоено нами. Кстати замѣчу, что и всѣ-то грамматическія имена словъ придуманы не нами, а переведены съ иностранныхъ языковъ.

Отчего зависитъ, чтобы существительное въ дополненіи приняло то то, то другое окончаніе, или падежъ? Можно ли сказать *пользуюсь* удовольствія, имѣю удовольствіямъ, и предаюсь удовольствія? Отчего? Слѣд. окончанія именъ зависятъ отъ глаголовъ, глаголы управляютъ ими? Такая зависимость падежей отъ глаголовъ называется управленіемъ. Въ такомъ сочетаніи словъ какое изъ нихъ надо назвать *управляющимъ*, и какое—*управляемымъ*?

§ 30. Названіе падежей. Число и порядокъ ихъ. Раздѣленіе ихъ на два отдѣла по службѣ въ предложеніи: прямые (recti) и косвенные (obliqui).

3. «Мы слушаемся священника, затѣмъ-что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ.» Кто слушаемся? Кого слушаемся? Слѣд. существ. священникъ съ окончаніемъ *а* есть дополненіе къ глаголу, и имъ управляется, какъ зависимое. При своей зависимости отъ глагола, что дополненіе показываетъ? Оно показываетъ такой предметъ, который собою вызвалъ, родилъ дѣйствіе: видите, наше послушаніе вызвано, рождено священникомъ; оттого падежъ, показывающій такое отношеніе дополненія къ глаголу по вопросу: *кого-чего*? названъ *родительнымъ*.

«Опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ» Что мы знаемъ? Слѣд. благоразуміе есть дополненіе, которое показываетъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго, или предметъ, подлежащій дѣйствію по вопросу *кого-что?* Такой падежъ названъ *винительнымъ*.

Чѣмъ мы знаемъ благоразуміе его сов? Слѣд. *опытомъ* есть другое дополненіе къ глаголу? Какъ же оно относится къ глаголу? Вглянитесь, вдумайтесь, чѣмъ совершается, *творится* наше знаніе благоразумія совѣтовъ? чѣмъ-же? опытомъ. Слѣд. дополненіе это показываетъ такой предметъ, которымъ совершается, *творится* дѣйствіе, по вопросу: кѣмъ-чѣмъ? Такой падежъ назв. *творительнымъ*.

4. «Оградою служатъ церкви старые дубы». Что служатъ оградою? Какіе дубы? Чѣмъ служатъ? Чему служатъ? Слѣд. церкви есть дополненіе къ глаголу, какъ и

слово оградою? Но такъ ли оно относится къ глаголу, какъ дополненіе оградою? Нѣтъ, оно показываетъ не предметъ, которымъ совершается дѣйствіе, но предметъ, къ которому только относится дѣйствіе, въ пользу котораго *дается* дѣйствіе. Падежъ, показывающій такое отношеніе къ дополняемому, называется *дательнымъ*.

5. «Священникъ научилъ насъ находить счастіе въ добродѣтели и исполненіи должностей нашихъ.» Кто научилъ? Кого? Слѣд. въ какомъ падежѣ насъ? Что дѣлать научилъ? Что находить? Счастіе какъ относится къ находить, и слѣд. въ какомъ падежѣ? Въ чемъ находить счастіе? Какъ относится это дополненіе? Оно показываетъ предметъ, въ которомъ пребываетъ, такъ-сказать помѣщается, находится дѣйствіе. Падежъ, показывающій такое отношеніе къ глаголу, назыв. *предложнымъ*, или *мѣстнымъ*.

Итакъ падежи: родительный, дательный, винительный, творительный и предложный, служатъ дополненію для обозначенія его отношенія къ дополняемому въ предложеніи; они всегда въ зависимости отъ слова управляющаго, и потому называются *падежами косвенными*.

Но подлежащее и обращеніе также имѣютъ свои окончанія, которыя собою указываютъ ихъ значеніе и положеніе въ предложеніяхъ: *священникъ* научилъ...— Богъ помочь, *друзья!* спасибо, *добрый баринъ!*—эти окончанія называются ли также падежами? Да. Падежъ подлежащаго на вопросъ: *кто*-что? называется *именительнымъ*, а падежъ обращенія—*звательнымъ*. Управляются ли оба эти падежа какимъ-либо словомъ въ предложеніи или стоятъ независимо? Они независимы, оттого называются падежами *прямыми*.

Итакъ сколько же будетъ падежей? А есть ли падежи у существ. мѣстоименій?

§ 31. Обозначеніе положенія и направленія дѣйствія косвенными падежами. Недостаточность этого обозначенія и въ помощь имъ—предлоги. Отношеніе послѣднихъ къ предложенію. Родство ихъ съ падежами. Какая часть рѣчи по значенію или своей службѣ въ предложеніи предлогъ? измѣняется ли онъ по окончаніямъ?

Во всѣхъ разобранныхъ въ § 30 примѣрахъ замѣтили ли вы, что всякое дѣйствіе представляется, какъ движеніе: напр. *знаемъ благоразуміе*, знаемъ представляется переходящимъ, идущимъ на благоразуміе? Провѣрьте и другіе примѣры.

Но при движеніи мы всегда представляемъ себѣ направленіе *куда* или *откуда*: куда идетъ знаніе? на благоразуміе. Куда или къ кому направляется служба старыхъ дубовъ? *церкви*. А *благоразуміе* и *церкви*—какіе падежи? Слѣд. дательный и винительный указываютъ отношеніе направленія дѣйствія по вопросу *куда?*

Въ «слушаемся *священника — опытомъ* знаемъ» — мы объясняли себѣ, *откуда* послушаніе родилось, и откуда знаніе пришло; а въ какомъ падежѣ поставлены эти два существительныя? Слѣд. *родительный* и *творительный* указываютъ направленіе *откуда?* А что же падежъ мѣстный, или предложный, показываетъ? Итакъ всѣ падежи, при переходѣ дѣйствія на предметъ или отношеніи къ нему, указываютъ направленія *куда* или *откуда* и спокойное положеніе по вопросу *гдѣ*? Но при этомъ обозначается ли ясно сторона предмета, напр. внѣшняя или внутренняя, верхняя или нижняя и т. п., на которую переходитъ дѣйствіе по извѣстному направленію? Напр. видимъ ли ясно, что *знать* переходитъ на поверхность, внизъ

или вверхъ предмета? Но таже ли неопредѣленность отношенія обозначена «въ добродѣтели, въ исполненіи нашихъ должностей?» Здѣсь мы видимъ, что дѣйствіе представляется внутри предмета: что же придаетъ такую опредѣленность? слово *въ*.—Это слово (и подобные ему) называется *предлогомъ*. Слѣд. предлоги существуютъ въ языкѣ въ помощь падежамъ, и имъ соотвѣтствуютъ?—Но предлогъ вноситъ ли какое новое понятіе въ предложніе? Какое же его назначеніе? Служить для болѣе опредѣлительнаго обозначенія отношеній именъ, въ какихъ тѣ постоянно находятся къ дополняемому: это дѣло предлоговъ. Слѣд. знаменательная ли часть рѣчи предлогъ, и способенъ ли онъ измѣняться по окончаніямъ?

§ 32. Склоненіе. Образецъ его для именъ муж. рода. Правописаніе нѣкоторыхъ косвенныхъ падежей существительныхъ именъ.

Мы видѣли (§ 29), что существительное, становясь дополненіемъ, управляется другимъ словомъ, и по зависимости своей мѣняетъ свои окончанія напр. не лишенъ удовольст-ій-ія, предаюсь удовольств-іямъ-ію, имѣю удовольст-ія-іе, пользуюсь удовольстві-ями-іемъ, забочусь объ удоволь-іяхъ-ію,—то или другое окончаніе принять должно существительное, это зависитъ отъ управляющаго слова. Измѣнять существительное по падежамъ въ един. и множест. числѣ значитъ *склонять* его, а самое измѣненіе по падежамъ называютъ *склоненіемъ*.

§ 33. Выраженіе дополненія мѣстоименіями существительными. Виды мѣстоименій по ихъ значенію: возвратное и взаимное. Склоняются ли мѣстоименія? Правописаніе падежей ихъ.

6. «Я ныо иногда чай въ прохладной темнотѣ деревьевъ, когда посѣтитъ *меня* священникъ...» Здѣсь сколько предложеній? Въ первомъ какое слово будетъ дополненіемъ, и какою частью рѣчи оно выражено? А во второмъ какое слово служитъ дополненіемъ и какою частью рѣчи оно выражено? Стало-быть, дополненіе, какъ и подлежащее, кромѣ существительнаго имени, выражается также существительнымъ мѣстоименіемъ?

7. «Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля болѣе, нежели самого себя.» Сколько здѣсь дополненій къ любить? Первыя три какою частью рѣчи выражены? А послѣднее чѣмъ выражено? *Себя* стоитъ вмѣсто имени предмета, слѣд. оно мѣстоименіе? Оно показываетъ предметъ тотъже, что и въ подлежащемъ,—слѣд. дѣйствіе подлежащаго переходитъ не на посторонній предметъ, но возвращается на него же; потому мѣстоименіе это называется *возвратнымъ*, и принадлежитъ такъ же къ мѣст. существительнымъ, какъ и личныя, вопросительныя и проч.

«Другъ друга братомъ всякъ зоветъ, а братній возъ ко дну идетъ.» Кто зоветъ? Другъ-друга употреблено вмѣсто какого имени существительнаго, и что показываетъ? Слѣд. для выраженія взаимности употребляются также мѣстоименія? И по значенію своему они назыв. взаимными. Итакъ кромѣ мѣстоименій личныхъ, вопросительныхъ и неопредѣленныхъ, дополненіе выражается мѣстоим. возвратнымъ и взаимнымъ.

Если мѣстоименія существительныя выражаютъ различныя дополненія, имѣютъ тѣже отношенія къ дополняемому слову, что и существительныя имена, то склоняются ли они?

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Укажите дополненія въ предложеніяхъ слѣд. піесъ; скажите, какою частью рѣчи они выражены,—изчислите принадлежности существительныхъ, мѣстоименій и глаголовъ.

246. Начальникъ и отецъ.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ раненъ смертельно зять Кутузова, графъ Тизенгаузенъ, прекрасный молодой человѣкъ. Движимый духомъ мужества, онъ стремился въ самыя опасныя мѣста; пуля пробила ему грудь, онъ упалъ съ лошади.

Кутузовъ, узнавъ объ этомъ печальномъ извѣстіи, не изъявилъ ни малѣйшаго знака наружной скорби: казалось, онъ былъ совершенно покоенъ, и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ въ продолженіе цѣлаго сраженія отдавалъ приказанія. Но на другой день приближенные застали его въ невыразимой горести: слезы текли ручьями; онъ рыдалъ неутѣшно надъ трупомъ любимаго сына, погибшаго въ первыхъ лѣтахъ юности... Желая его успокоить, нѣкоторые изъ приближенныхъ рѣшились сказать, что они не ожидали видѣть его въ такомъ отчаяніи послѣ того великодушія, съ которымъ перенесъ онъ вчера этотъ ударъ. — «Вчера» — отвѣчалъ Кутузовъ—«я былъ начальникъ, а сегодня—отецъ!»

247. Похороны на кораблѣ.

Сегодня (27 іюня, 1859 г.), рано утромъ, привелось видѣть сцену, которая долго останется у меня въ памяти.

Одинъ изъ матросовъ на кораблѣ скончался прошлую ночь. Тѣло покойнаго до сегоднишняго утра стояло подъ образами; сегодня его хоронили. Человѣкъ шесть матросовъ, сопровождаемые почтеннымъ нашимъ священникомъ, вынесли покойника на верхнюю палубу. Тѣло было плотно зашито въ саванъ; къ ногамъ была прикрѣплена чугунная баластина....

Деревянная рѣшетка, закрывающая главный средній бортъ «Ретвизана», была снята; на бортъ положили длинную доску, конецъ которой далеко выдавался надъ водою; на доску опустили тѣло покойника; два унтеръ-офицера придерживали доску. Ванты усыпаны были народомъ; офицеры окружали бывшаго своего сослуживца. Въ то время, какъ священникъ читалъ молитвы,—я невольно нагнулся впередъ и взглянулъ внизъ на море. Волны глухо шумѣли, то высоко подымаясь и всплескивая пѣну, то роя вокругъ себя мрачныя глубокія бездны....

Помяни Господи во царствіи Твоемъ раба твоего Андрея..... тихо проговорилъ священникъ.

—Аминь! прошептали въ толпѣ.

—Спускай!... сказалъ кто-то.

Доска наклонилась къ морю; тѣло начало медленно скатываться; еще секунда, — и оно пропало въ волнахъ.... Вы представить себѣ не можете, какое впечатлѣніе грусти, даже страха, оставили на мнѣ эти похороны. Что ни говори, человѣку свойственно только жить и умирать на землѣ; когда человѣка хоронятъ въ землю, разлука его съ людьми кажется все не такъ ощутительною; покойникъ ближе къ своимъ, какъ словно и свои къ нему ближе; ихъ раздѣляетъ слой почвы всего въ два аршина; но тутъ на морѣ— куда онъ дѣлся? гдѣ онъ?... въ какую пустыню, въ какое страшное одиночество занесло его?... Въ сущности, конечно, не все ли это равно? Но когда приходитъ самое дѣло, когда случается быть очевидцемъ такихъ похоронъ,—сердце и привычка всегда говорятъ громче философіи... *Д. Григоровичъ.*

248. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль, подлинно, твое умѣнье.»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ, «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,

Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей. *Крыловъ.*

249. Алтарь для жертвы.

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался очень боленъ, и долго́е время пролежалъ въ постелѣ; но наконецъ стало ему легче, и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ какъ бы новорожденный, полонъ радости, и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоры и сердце свое къ небу, произнесъ: «О Всеблаженный и Вседовольный! если бы человѣкъ могъ что-либо воздать Тебѣ.... о, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!»

Слова эти слышалъ одинъ благочестивый старецъ, и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: «Благіе дары нисходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною».

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную, полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтили ихъ ужасная нищета и горесть. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему: «Вотъ—здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни.»

Юноша простеръ къ нимъ благодѣющую руку,—и утѣшенные несчастные благословили его, и назвали ангеломъ Божіимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: «Такъ всегда—сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю.»

250. Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

251. Выговоръ Суворова адъютанту, явившемуся не въ срокъ изъ отпуска.

Всѣмъ извѣстно, какъ графъ Александръ Васильевичъ любилъ самъ точность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, и строго

требовалъ ея отъ своихъ подчиненныхъ. Однажды, — это было въ Финляндіи, въ крѣпости Роченсальмѣ, построенной на островѣ Коткѣ—Суворовъ отпустилъ своего адъютанта въ домовой отпускъ, на срочное время. Срокъ отпуска давно уже прошелъ, а адъютанта нѣтъ. Графъ однакоже вспомнилъ объ немъ, и спросилъ: не пріѣхалъ ли онъ? Но ему отвѣчали, что его еще нѣтъ. Суворову это не понравилось. Наконецъ адъютантъ явился, и первый его вопросъ былъ: не спрашивалъ ли меня графъ?

—Нѣсколько уже разъ, отвѣчали его товарищи, и кажется, онъ тобой зато не доволенъ; а если ты хочешь загладить свою вину, то совѣтуемъ тебѣ сейчасъ же идти къ нему и просить извиненія въ твоей просрочкѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

—А гдѣ теперь графъ? спросилъ адъютантъ.

—Купается въ морѣ, отвѣчали ему.

Адъютантъ не заставилъ себя долго дожидаться, приказалъ деньщику подать парадный свой мундиръ, бѣлые панталоны и ботфорты, въ минуту переодѣлся, и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купался Суворовъ. Александръ Васильевичъ, еще издали увидя возвратившагося своего адъютанта, началъ уходить дальше отъ берега. Адъютантъ догадался, что Суворовъ хочетъ сыграть съ нимъ шутку, и, не пожалѣвъ парадnаго мундира, отправился въ воду, и идетъ прямо на графа. Суворовъ понялъ, что адъютантъ угадалъ его намѣреніе, и пошелъ еще дальше въ море; адъютантъ за нимъ. Наконецъ Суворовъ зашелъ въ воду по самое горло, но адъютантъ не отстаетъ отъ него. Александръ Васильевичъ, видя, что бѣдный адъютантъ намокъ, какъ курица, и что этого наказанія достаточно съ него, остановился и подпустилъ его къ себѣ; адъютантъ подошелъ къ графу, вытянулся, приложилъ руку къ каскѣ, и явился.

Суворовъ посмѣялся надъ мокрымъ адъютантомъ, сдѣлалъ ему отеческій выговоръ, приказалъ идти на квартиру, переодѣться и впредь выполнять въ точности всѣ приказанія, если въ парадной формѣ не хочетъ купаться въ морѣ.

252. Калмыцкая кибитка.

Да не подумаетъ читатель, что калмыцкая кибитка хоть сколько-нибудь похожа на нашу кибитку. Это просто на просто войлочный шатеръ, составленный изъ крестообразныхъ рѣшетокъ *(жерме)*, которыхъ пять или шесть полотнищъ укрѣпляется въ землѣ такимъ образомъ, что изъ нихъ составляется одна круглая рѣшетка съ небольшимъ въ нее входомъ. Концы рѣшетокъ крѣпко связываются между собою сыромятными ремнями. Верхъ кибитки составляетъ обручъ, и въ сдѣланныя въ немъ отверстія втыкаютъ шесты *(унины)*, которые другими концами укрѣпляются на рѣшетку, и, крѣпко потомъ

къ ней привязанные, образуютъ усѣченный конусъ. Все это покрывается войлоками, т. е. бѣлыми или сѣрыми кошмами. Верхъ кибитки закрывается кускомъ войлока (*цагрыкъ*), который можетъ открываться и закрываться. Входъ въ кибитку притворяется дверью, на которую сверхтого съ наружной стороны спускается еще войлочный пологъ. Весь этотъ снарядъ, какъ дѣтская игрушка, можетъ быть въ полчаса сложенъ и разложенъ. Внутреннее убранство кибитки точно также не отличается большими удобствами: прямо противъ входа обыкновенно уставляется супружеская кровать, на которой, вмѣсто перины, постилается тюфякъ (*дербюльджинъ*)—въ нѣсколько разъ сложенныя кошмы; онѣ покрываются одѣяломъ (*кюнжиль*); лѣтомъ оно бываетъ нанковое или шелковое, а зимою изъ овчины или лисьяго мѣху; въ ногахъ и головѣ кровати кладутся кожаныя подушки (*дербоцко*, *кельбоцко*), набитыя старымъ платьемъ и бѣльемъ. Самымъ почетнымъ мѣстомъ въ кибиткѣ считается—мѣсто влѣво отъ кровати, называемое *большой баранъ*, куда складываются самыя дорогія вещи: попоны, верблюжьи недоуздки, обшитые разноцвѣтнымъ сукномъ; на нихъ ставятся сундуки съ лучшей одеждой и съ деньгами; сундуки эти покрываютъ ковромъ, и на нихъ размѣщаются литые и лѣпные бурханы, передъ которыми на особомъ столикѣ возлагаются разныя жертвоприношенія: вода, пшеница, ароматныя куренья. Мѣсто по правую сторону кровати называется *малымъ бараномъ*, въ которомъ помѣщается вся домашняя утварь, съѣстные припасы и вино. Посреди кибитки устроенъ бываетъ таганъ, подъ которымъ почти постоянно тлѣетъ *кизякъ*. Этотъ огонь согрѣваетъ маленькихъ дѣтей и старыхъ калмычекъ, которыя обыкновенно лежатъ около него, и поворачиваютъ къ нему то одинъ бокъ, то другой. На этомъ же огнѣ приготовляютъ калмыки и незатѣйливую пищу свою: для каждаго изъ нихъ составляетъ его усладу, его почти потребность такъ называемый *кирпичный чай*. Нарѣзавъ его нѣсколько кусочковъ, они развариваютъ его въ водѣ, и прибавляютъ къ этому соли, масла и молока, и потомъ переливши въ особый сосудъ—*домбо* (что-то въ родѣ высокой деревянной кружки), все это потомъ разливаютъ по чашкамъ, и пьютъ. Хлѣбомъ калмыки не слишкомъ себя лакомятъ: муку они должны купить и умѣютъ испечь изъ нея непріятнѣйшимъ образомъ прѣсныя лепешки. Роскошь въ мясѣ является только въ случаѣ скотскаго падежа, или когда звѣрь повредитъ скотину. Обыкновенную же пищу калмыка составляютъ: *куртъ-хурсунъ*, отвердѣвшій и засушенный творогъ, остающійся послѣ гонки вина, *ейзи*, что-то въ родѣ сыра изъ овечьяго молока, и наконецъ разнаго рода кушанья изъ коровьяго молока: *седмыкъ*, *маханъ-седмыкъ*, *кюхорцукъ*.

Изъ царства прозябаемаго, вмѣсто нашего луку, рѣдьки, картофеля, калмыки употребляютъ *тилимъ* (водяной орѣхъ) и *бодмон-*

цукъ (свиной орѣхъ), *алцинхо* (головатую осину), *буулукъ* (спорышъ), что-то въ родѣ луку. Они ихъ ѣдятъ или сырые или высушенные, истолченные и замѣшанные въ видѣ тѣста. Къ хмѣльнымъ напиткамъ калмыки чрезвычайно склонны, и они добываютъ ихъ посредствомъ закваски, или изъ овечьяго молока — *чиганъ*, или изъ коровьяго — *аръянъ*. Эти напитки, перегнанные, даютъ *арка*, т. е. вино, которое, будучи еще разъ перегнано, называется *арза*.

Изъ этого бѣглаго перечня житья-бытья колмыцкаго видно, какъ незавидно положеніе этого народа. *А. Ѳ. Писемскій.*

Г. *Для опредѣленія.*

§ 34. Значеніе имени прилагательнаго. Отношеніе его къ предложенію.

253. Потсдамъ.

Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ стараго русскаго солдата [1], который живетъ тамъ со временъ царствованія императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и, слыша, что мы русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Слава Богу! Слава Богу!» Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами порусски, но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили порусски.» Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ,—или я, можетъ-быть, забываю его.—«И то и другое правда» отвѣчали мы. Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника. Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва прерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня, конечно, уже недалеко, не кому будетъ смотрѣть за церковію.» Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ, и пожелали ему—тихой смерти. *Карамзинъ.*

1. «Въ Потсдамѣ есть *русская* церковь подъ надзираніемъ *стараго русскаго* солдата». *Русская* есть опредѣлительное слово къ подлежащему *церковь*, — оно пока-

зываетъ одну изъ примѣтъ, которою мы отличили церковь эту отъ другихъ церквей, напр. французской, нѣмецкой и т. п.

Стараго русскаго суть опрѣдл. *солдата*, — они показываютъ отличіе *солдата* отъ другихъ солдатъ по народу, къ которому онъ принадлежитъ, и по возрасту, въ которомъ онъ находится. Опредѣлительное слово, показывая отличительную примѣту или качество предмета, выражаетъ собою особый отдѣлъ понятій, и составляетъ особую часть рѣчи; а какъ такое опредѣлительное слово *прилагается* къ опредѣляемому имъ слову въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ,—то, какъ часть рѣчи, оно называется *прилагательнымъ* именемъ. Какое же его коренное назначеніе въ предложеніи?

§ 35. Виды прилагательнаго по значенію: безотносительное и относительное.

Между опредѣлительными *стараго-русскаго* къ *солдата* мы различаемъ, что первое «*старый*» означаетъ такое качество, которое можно усилить (старѣйшій) или уменьшить (старенькій);—притомъ оно показываетъ намъ, *каковъ* предметъ самъ по себѣ; оно опредѣляетъ предметъ *безъ отношенія* его къ другому предмету; а второе «*русскаго*» обозначаетъ такое свойство предмета, которое нельзя ни усилить, ни уменьшить,—и притомъ оно опредѣляетъ тотъже предметъ по *отношенію* его къ другому предмету, именно странѣ (Россіи), которой солдатъ принадлежитъ. Перваго рода прилагательныя можно назвать *безотносительными*, или *качественными*, а прилагательныя втораго рода — *относительными*.

§ 36. Виды прилагательнаго по окончаніямъ, или формѣ: опредѣленное и неопредѣленное. Употребленіе того и другаго окончанія.

«Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ стар-аго русск-аго солдат-а.» Здѣсь прилагательныя выражаютъ опредѣленіе, и имѣетъ свои окончанія отличныя отъ существительнаго: *ая, аго*. И вообще прилагательное, какъ опредѣленіе, во всѣхъ падежахъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, имѣетъ свои особыя, отличныя отъ существительнаго окончанія, именно въ именительномъ *ый*, ой, ій, ая, яя, ое, ее; въ родительномъ аго, ой, аго, въ дат. ому, ой, ому и проч: «подъ надзираніемъ *стараго русскаго* солдата есть русская церковь». Стало-быть, прилагательное, какъ слово опредѣлительное, самымъ окончаніемъ ясно и отчетливо *опредѣляетъ* свое отличіе отъ существительнаго; а потому прилагательное съ такими окончаніями (ый, ой, ій, ая) по формѣ можно назвать *опредѣленнымъ: дряхлый старикъ—русск-ая* церковь.

Но въ предложеніи: «Въ церкви все чисто», прилагательнымъ выражено не опредѣленіе, а сказуемое, — и окончаніе его ничѣмъ не отлично отъ существительнаго средняго рода, напр. *золото*. Точно также въ предложеніи: «солдатъ старъ» *Здѣсь* прилагательное выражаетъ сказуемое, и оно съ такимъ окончаніемъ, которое не отличается отъ окончанія существительнаго мужескаго рода, какъ напр. *пожаръ—угаръ*. Прилагательное, употребленное для выраженія сказуемаго, имѣетъ окончанія, сходныя съ окончаніями существительныхъ: стало-быть, окончанія эти уже *не опре-*

дѣляютъ отличія прилагательныхъ отъ существительнаго,—а потому такое прилагательное по формѣ своей можно назвать *неопредѣленнымъ*. *Старъ* солдатъ. Все *чисто* въ церкви.

§ 37. Склоненіе прилагательныхъ. Образецъ. Правописаніе нѣкоторыхъ падежей.

Прилагательное имя, служа для выраженія опредѣленія: *русская* церковь—*дряхлый* старикъ, всегда относится къ опредѣляемому существительному, съ нимъ составляетъ единое цѣлое, а потому съ нимъ согласуется—а опредѣляемое можетъ быть въ предложеніи и подлежащимъ, и дополненіемъ, и обстоятельственнымъ словомъ, и вообще всякою частью предложенія, слѣд. въ разныхъ падежахъ, напр. дряхлый старикъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ: значитъ, и прилагательное должно измѣняться по падежамъ, слѣд. оно есть часть рѣчи *склоняемая*.

§ 38. Степени сравненія. Число и названіе ихъ. Склоненіе и правописаніе сравнительной степени.

1. а. «У орла перья на шеѣ также длинны, *какъ* и на головѣ.» Здѣсь сравнивается длина перьевъ орла на шеѣ съ длиною его перьевъ на головѣ, и оказывается, что длина первыхъ равна длинѣ вторыхъ. «У орла ноги и пальцы *равно* крѣпкіе и кривые. Купеческіе корабли бываютъ обыкновенно большіе и крѣпкіе, *какъ* и корабли военные.»

б. «У зайца заднія ноги *длиннѣе* переднихъ.» Здѣсь сравниваемъ длину заднихъ ногъ зайца съ передними, и находимъ, что длина заднихъ ногъ больше длины переднихъ.» Рабочая лошадь *дешевле* бѣговой. Военные корабли бываютъ больше и крѣпче купеческихъ.

в. Дороже всѣхъ лошади арабскія, такъ называемыя доброродныя. Здѣсь цѣну лошадей арабскихъ сравниваемъ съ цѣною лошадей другихъ породъ, и чрезъ сравненіе находимъ, что цѣна лошадей арабскихъ выше всѣхъ цѣнъ, слѣдовательно арабскія лошади дороже всѣхъ лошадей.

Когда мы сравниваемъ одинъ предметъ съ другимъ *по качеству*, то замѣчаемъ, что мѣра качества бываетъ неодинакова во всѣхъ предметахъ: въ одномъ предметѣ качества извѣстнаго—больше, въ другомъ—меньше другихъ. Эту разницу степени качествъ у сравниваемыхъ предметовъ прилагательныя имена обозначаютъ особою формою, или окончаніями—*степенями сравненія*. Сколько же такихъ степеней сравненія?

§ 39. Виды прилагательныхъ по мѣрѣ качества: уменьшительныя и увеличительныя. Склоненіе и правописаніе.

Но качество замѣчаемъ въ предметѣ не въ одинаковой мѣрѣ и степени, когда и не сравниваемъ одинъ предметъ съ другимъ; такую разницу въ степени качествъ отмѣчаемъ особыми окончаніями: *оватый, ехонекъ* — бѣловатый, бѣлехонекъ. По нимъ какъ назвать самыя прилагательныя?

§ 40. Выраженіе опредѣленія числительными именами. Соотвѣтствіе ихъ окончаніямъ, означающимъ число. Числительныя — служебная часть рѣчи. Виды ихъ по значенію и по формѣ: количественныя и порядковыя, существ. и прилагательныя. Отношеніе ихъ къ предложенію.—Склоненіе.

254. Іосифово толкованіе сновъ фараона.

Спустя два года послѣтого (какъ видѣли въ темницѣ сны виночерпій и хлѣбодаръ), *самъ* фараонъ, то-есть царь египетскій,— ибо фараонъ есть титулъ царей египетскихъ [2] — видѣлъ также замѣчательный сонъ [1]. Ему снилось, что онъ стоитъ при рѣкѣ, изъ *которой* вышли семь жирныхъ, прекрасныхъ коровъ [3], и паслись близъ берега на травѣ. Вслѣдъ за ними изъ *тѣхъже водъ* вышли семь тощихъ, худыхъ коровъ, и *эти* худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ. Фараонъ проснулся; но заснувъ опять, онъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ полныхъ колосьевъ, выросшихъ на одномъ стеблѣ. Возлѣ нихъ изъ *тогоже самаго* стебля выросли семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ, которыми съѣдены были полные колосья. *Эти* сны встревожили царя. Какъ скоро наступило утро, онъ приказалъ собрать всѣхъ ученыхъ снотолкователей во дворецъ; но *никто* не могъ изъяснить фараону сны его.

Только тогда неблагодарный виночерпій вспомнилъ о товарищѣ *своего* несчастія, о Іосифѣ, и сказалъ фараону: «я вспомнилъ теперь *мой* проступокъ; когда ты, государь, прогнѣвался на меня и на хлѣбодара, и обоихъ насъ приказалъ заключить въ темницу, тогда *каждый изъ* насъ имѣлъ по одному чудесному сновидѣнію. Въ тойже темницѣ находился одинъ еврейскій юноша; мы разсказали ему сны свои; онъ обоимъ намъ изъяснилъ ихъ, и все случилось такъ, какъ онъ сказалъ. Я возвращенъ къ прежней должности, а хлѣбодаръ повѣшенъ.» Фараонъ тотчасъ послалъ за Іосифомъ; на него надѣли нарядное платье, и привели къ царю.

Фараонъ сказалъ Іосифу: «я видѣлъ сонъ, но никто не можетъ изъяснить его. Мнѣ сказывали, что ты толкуешь сны.» Скромный Іосифъ отвѣчалъ: «я *ничего* не могу сдѣлать самъ собою! Одному Богу возможно дать тебѣ, государь, желаемое объясненіе.» Тогда фараонъ разсказалъ сны свои.

«Оба сна имѣютъ одно значеніе, сказалъ Іосифъ. Богъ наставляетъ ими царя. *Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ* [5]. Семь же тощихъ коровъ и семь сухихъ колосьевъ означаютъ семь безплодныхъ лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ все это случится: во всей землѣ египетской въ теченіи семи лѣтъ будетъ величайшее изобиліе. Послѣтого настанутъ другія семь лѣтъ, въ которыя не родится ничего, и что̀ заготовлено будетъ въ изобильные годы, то истребится во время безплодія. Но что фараонъ имѣлъ сряду два сна одинаковаго зна-

ченія, это показываетъ, что Божіе опредѣленіе исполнится вѣрно и въ скоромъ времени. Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго, дѣятельнаго, который въ годы изобилія запасъ бы *всякаго* хлѣба *такое* количество, какое достаточно для прокормленія народа его въ годы безплодія.»

Сіе понравилось фараону и *всѣмъ* его чиновникамъ. «Гдѣ найду я другаго человѣка, который бы, подобно Іосифу, былъ вдохновенъ самимъ Богомъ?» сказалъ фараонъ. «Тебѣ открылъ Господь тайну свою; слѣдственно ты мудрѣе другихъ. *Тебя хочу я поставить* главою всей земли египетской, *вторымъ человѣкомъ по себѣ* [4]; однимъ престоломъ своимъ буду я выше тебя.» Сказавъ сіе, фараонъ снялъ перстень съ руки своей, и надѣлъ его на перстъ Іосифа. Также приказалъ облечь его въ богатую одежду, возложилъ на шею его золотую цѣпь, и повелѣлъ посадить на придворную колесницу и возить торжественно по столицѣ, чтобъ всѣ знали о новомъ его достоинствѣ.

Анна Зонтагъ.

1. а. «Спустя два года послѣ того, самъ фараонъ, т. е. царь египетскій видѣлъ также замѣчательный сонъ.» Кто видѣлъ? Слѣд. фараонъ какой членъ предложенія, и какою частью рѣчи выраженъ? Почему? Существительное это—какого рода, числа и падежа? почему? Почему вы догадались, что оно въ ед. числѣ? Что видѣлъ? Слѣд «сонъ» какой членъ предлож. и какою частью рѣчи выраженъ? Сонъ какого рода, числа и падежа? Почему? Какой сонъ? Слѣд. «замѣчательный» какой членъ предложенія и какою частью рѣчи выраженъ? Почему вы называете его прилагательнымъ, а не существительнымъ?

2. «Фараонъ есть титулъ царей египетскихъ.» Что такое фараонъ? Чей титулъ? Какого числа будетъ царей египетскихъ? Почему вы догадались, что это множественное число, а не единст.? Но по окончаніямъ узнаемъ ли опредѣленное количество предметовъ, знаемъ ли, сколько ихъ именно? Стало, окончанія существ. съ числомъ предметовъ знакомятъ только неопредѣленно?

Когда фараонъ видѣлъ сонъ? Опредѣлено ли ясно для васъ число лѣтъ, послѣ которыхъ фараонъ видѣлъ сонъ? Окончаніемъ или чѣмъ другимъ? Слѣд. для обозначенія, опредѣленія числа, кромѣ формъ есть и особыя слова, которыя имъ соотвѣтствуютъ. Такія слова называютъ *числительными* именами.

3. «Изъ рѣки вышло семь жирныхъ, прекрасныхъ коровъ.» Числит. *семь* опредѣляетъ намъ только число, количество предметовъ,—и мы легко его узнаемъ по вопросу: *сколько*? сколько коровъ? *семь*. За то оно и другія ему подобныя (пять, десять) назыв. *количественными*.

4. Тебя хочу я поставить вторымъ человѣкомъ по себѣ.» Числит. *вторымъ* даетъ намъ знать, какое мѣсто назначилъ фараонъ Іосифу въ *ряду* другихъ; этимъ числительнымъ указывается порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ быть одному предмету за другимъ. Такія числит. назыв. порядковыми. Слѣд. числительныя бываютъ сколькихъ родовъ?

b. Числительное количественное «семь» по формѣ или окончанію своему представляетъ сходство съ существ. жен. рода на ь: лѣнь, Перьмь; а числительное по-

рядковое «вторый» по окончанію представляетъ рѣшительное сходство съ прилагательными: *добрый*: по этому различію окончаній, или по формѣ, раздѣляютъ числительныя на *существительныя* и *прилагательныя*.

с. «Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ годовъ.» Что означаетъ плодородные годы? Слѣд. о чемъ здѣсь говорится? Сколько коровъ и колосьевъ? Значитъ *семь* опредѣляетъ только количество предметовъ, а не показываетъ предмета, о которомъ говорится; слѣд. оно есть слово опредѣлительное, а не подлежащее? А при «семь плодород. годовъ» семь означаетъ ли дополненіе? Какой же членъ предлож. выражаетъ? Отчего же *семь* кажется подлежащимъ и дополненіемъ? Вѣдь, какое оно числительное по формѣ? Вотъ форма существительнаго и придаетъ ему видъ подлеж. или дополненія, даетъ числительному поводъ казаться такимъ членомъ предложенія, какимъ по природѣ оно быть не можетъ: приведенная рѣчь составлена какъ бы вмѣсто такой: тучныя коровы, числомъ семь, и полныя колосья, также числомъ семь, означаютъ плодородные годы, числомъ семь.» Порядковыя еще яснѣе указываютъ, что числительное должно служить въ предложеніи для выраженія опредѣленія. А какой признакъ по существу показываетъ числительныя имена: предметный или личный?

§ 41. Выраженіе опредѣленія мѣстоименіями. Общее названіе ихъ по причинѣ замѣны ими прилагательныхъ.

255. Достопамятный отвѣтъ Александра Екатеринѣ II.

Императрица Екатерина II, испытывая образъ мыслей своего юнаго внука Александра Павловича, однажды спросила его: какой поступокъ изъ всей исторіи ему особенно нравится [1]? Александръ отвѣчалъ: «Поступокъ Генриха IV, когда онъ посылаетъ хлѣбъ осажденному имъ Парижу.»

1. «Какой поступокъ изъ всей исторіи ему особенно нравится? Кто спросилъ объ этомъ? Почему же она спросила? Стало-быть, что было ей неизвѣстно: предметъ или качество его? Помните, при подлежащемъ мы говорили съ вами, что говорящій замѣняетъ въ вопросѣ существительное мѣстоименіемъ, когда не знаетъ предмета, и слѣд. не умѣетъ его назвать; теперь въ этой рѣчи вы видите, что говорящій высказываетъ вопросъ по случаю своего незнанія качества для предмета, и высказываетъ словомъ «какой». Слово это стоитъ вмѣсто имени прилагательнаго; слѣд. это есть также мѣстоименіе, и притомъ прилагательное. А похоже ли оно по формѣ своей на прилагательное? Значитъ, кромѣ существительныхъ мѣстоименій есть по формѣ еще мѣстоименія прилагательныя.

§ 42. Виды прилагательныхъ мѣстоименій въ предложеніи вопросительномъ и повѣствовательномъ. Склоненіе. Правописаніе.

При опредѣленіяхъ предмета, мы можемъ не знать его качества, принадлежности, количества и порядка, и обо всемъ этомъ спрашиваемъ у другихъ, выра-

жаясь мѣстоименіями: какой-ая-ое? чей-чье-чья? который-ая-ое? Какой хлѣбъ лучше? чье слово надежнѣе? сколько дней рабочихъ въ недѣлю? Который часъ? — Слѣд. всѣ такія мѣстоименія по употребленію своему могутъ назваться вопросительными? А были ли существ. мѣстоим. *вопросительныя*?

На такіе вопросы можно отвѣтить, слѣд. опредѣлить, или выговоривши самое качество, количество, принадлежность и порядокъ, слѣд. прилагателеными, числительными, или опредѣлить все это по отношенію къ лицамъ разговаривающимъ, слѣд. мѣстоименіями. Какія же есть отвѣтныя мѣстоименія?

1. (См. толкованіе снова стр. 541). «Я вспомнилъ теперь мой проступокъ.» Кто вспомнилъ? Что? чей проступокъ? Слѣд. *мой* стоитъ вмѣсто прилагательнаго «виночерпіевъ», и опредѣляетъ принадлежность лица говорящаго: вѣдь проступокъ принадлежитъ ему самому: значитъ, мой есть мѣстоименіе, и по значенію—*притяжательное*.

2. «Эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ.» Кто съѣли? Какія? еще какія? Какія же эти? Слѣд. говорящій опредѣляетъ предметъ указаніемъ на него, обозначая его близость? Слѣ. *эти* — мѣстоименіе, и по значенію зовется *указательнымъ*.

3. «Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго, дѣятельнаго, который въ годы изобилія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, какое достаточно для прокормленія народа въ годы безплодія.» — Запасъ бы количество хлѣба какого? А какой и какой бываетъ хлѣбъ? Слѣд. *всякой* стоитъ вм. *ржаной*, *пшеничный* и т. п., поясняетъ роды хлѣба неопредѣленно, неясно, потому его называютъ мѣстоим. *неопредѣленнымъ*.

4. «Самъ фараонъ видѣлъ замѣчательный сонъ». Кто видѣлъ? именно фараонъ, а не другой кто? Какъ же *самъ* поясняетъ предметъ? Оно показываетъ болѣе рѣзкое, усиленное опредѣленіе, обозначая его особенную важность и самостоятельность,—это мѣстоименіе называютъ *опредѣлительнымъ*.

«Сіе понравилось фараону и всѣмъ его чиновникамъ.» Кому да кому понравилось? Сколькимъ? Слѣд. всѣмъ, показываетъ *количество* только по отношенію къ говорящему.

«Когда, ты государь, обоихъ насъ приказалъ заключить въ темницу: тогда каждый изъ насъ имѣлъ по одному чудесному сновидѣнію». Какая часть рѣчи будетъ каждый? почему? что оно показываетъ? Оно опредѣлительно показываетъ особенность предмета отъ другихъ, когда онъ находится среди множества другихъ. Слѣд. весь и каждый—такое же мѣстоименіе, какъ и самъ? Слѣд. какже ихъ назвать?

5. Подъ 3. встрѣтили мѣстоименія *который, какое,* — мы ихъ какъ называли? А вопросительныя ли они здѣсь? Почему? Что же они показываютъ? показываютъ, какъ относится цѣлое предложеніе къ поясненію одного слова; по этой службѣ въ предложеніи, вопросительныя м. получаютъ другое названіе—*относительныхъ*.

Итакъ сколько же родовъ прилагательныхъ мѣстоименій можно насчитывать?

Прилагательныя мѣстоименія, постановленныя при существительномъ имени, согласуются ли съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ? Стало-быть, мѣстоименія эти измѣняются по окончаніямъ, склоняются?

Д. *Для обстоятельственныхъ словъ.*

§ 43. Наречіе. Несклоняемость его. Оно знаменат. или служ. часть рѣчи?

256. Воскресное утро въ деревнѣ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суботa) деревня
Вся ужь заснула давно; въ окрестности все ужь покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота;
Полночь близко!... И только успѣла Суботa промолвить:
«Полночь!» а полночь ужь тутъ, и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье.
Легкой рукою тихонько двери свои отворило,
Вышло—и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ [4];
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта: все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ [3], сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ—тамъ тихо: листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ [1]—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились [2], и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище— могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно:
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, *внутри* озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось... Тронулось утро, во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко, встань!...» И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучомъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, и, сіяя на солнцѣ,

«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливотрудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и *малый* идутъ на молитву.... Въ деревнѣ молчанье,
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

В. Жуковскій.

1. «По лугу тихо пройдетъ воскресенье — тамъ незримый шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ.» *Тихо* выражаетъ обстоятельство образа дѣйствія (какъ?), и относится къ глаголу *пройдетъ*. *Тамъ*, т. е. на лугу выражаетъ обстоятельство мѣста, и относится къ глаголу *шепчетъ*. А глаголъ въ старину называли рѣчью, а потому такія слова названы *нарѣчіями*. А обстоятельства къ какому слову относятся? слѣд. нарѣчія назначены для выраженія какого члена предложенія?

§ 44. Виды нарѣчій по ихъ значенію.

2. а. «Кругомъ вся окрестность, холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились.» Гдѣ слились? Слѣд. кругомъ показываетъ мѣсто?

3. «Иногда повѣваетъ свѣжій, ночной вѣтерокъ.» Что повѣваетъ? Какой вѣтерокъ? Когда повѣваетъ? Слѣд. *иногда* показываетъ время?

4. «Звѣзды ярко сіяютъ.» Что сіяютъ? Какъ сіяютъ? Слѣд. ярко показываетъ образъ дѣйствія?

Итакъ нарѣчія бываютъ разныхъ родовъ; смотря по тому, какое обстоятельство они поясняютъ? А сколько мы насчитывали (§ 8) обстоятельственныхъ словъ въ предложеніи?

§ 45. Степени сравненія и значенія.

Но можно ли сказать «звѣзды сегодня ярче сіяютъ? Что сдѣлалось съ нарѣчіемъ ярко? Какую разницу вы замѣчаете между ярко и ярче? А есть ли прилагательное имя—яркій? Стало, ярко происходитъ отъ яркій? А прилагательныя при сравненіи одного качества съ другимъ какія формы (§ 38) имѣли? Слѣд. и нарѣчія способны къ степенямъ сравненія? Но какія нарѣчія къ тому способны?

А безъ сравненія одного предмета съ другимъ различную степень качества чѣмъ прилагательныя (§ 39) обозначаютъ? И какъ ихъ за то называли? А есть ли такое свойство и въ нарѣчіяхъ, происходящихъ отъ именъ прилаг.? Что обозначается нарѣчіемъ: тихонько, тихохонько, тихо, — скупо и скуповато живешь?

статьи для повторенія пройденнаго.

Выберите прилагательныя имена,—укажите, какія изъ нихъ по значенію безотносительныя, и какія относительныя, а по формѣ — опредѣленныя и неопредѣленныя,—употребите нѣкоторыя изъ нихъ въ сравнительной и превосходной степени, какъ уменьшительныя и увеличительныя. Какъ пишется родит. п. един. числа муж. и средняго рода,—именительный множ. всѣхъ родовъ? какъ пишется сравнительная степень? Употребите выбранныя прилагательныя, какъ слова опредѣлительныя и какъ сказуемыя въ собственныхъ примѣрахъ. Укажите числительныя и прилагательныя мѣстоименія, различныя по значенію. Укажите также нарѣчія и виды ихъ.

257. Лубочныя картины.

Вообще подъ названіемъ *лубочныхъ картинъ* разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры, но и лицевыя тетрадки; текстъ въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умѣ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощеннаго художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ слывутъ *лубочными*, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (металлографія), и теперь рисуются на камняхъ (литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на это отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, снятая съ липы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзьбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у грековъ *βίβλος*, у римлянъ liber собственно значило *лубъ;* потому-что въ частномъ употребленіи, для письма болѣе служили досечки изъ бѣлыхъ деревъ. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамена, бомбицины и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ намъ, что въ обители препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаменѣ, но на берестѣхъ. Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ псковской правой грамоты 1483 года обнаруживается, что на *лубѣ* чертили планы землямъ: «И княжій бояринъ Михайло, да Климента соцкой тое воды досмотрѣли, да *на лубъ* выписали и передъ осподою положили, да и велись бы *по лубу*», т. е. межевались бы по лубочному плану. Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: «въ 1577 году *государскіе лубы* изъ покореннаго Новгорода отвезены были къ царю въ Москву.» Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 года, лубъ замѣнялъ бумагу; ибо пасквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на лубкѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать эстамповъ. Но слово это принято употребленіемъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзьбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей мягкаго, бѣлаго и неструистаго, называются также *лубами*, какъ и самая липа въ рязанской губерніи донынѣ слыветъ *лубомъ*. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались обронно разныя картинки сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній обращикъ этой ксилографіи, хранившійся у президента

спб. академіи художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: это отломокъ отъ луба, толщиною ¼ аршина; на немъ оброшно вырѣзано изображеніе какого-то князя, вѣроятно, святаго, котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, по видимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ изображеніями, находилось въ московскомъ древлехранилищѣ Погодина. Образное письмо предшествовало буквенному.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ въ западной Европѣ *библія для бѣдныхъ* (biblia pauperum, bible des pauvres) съ эстампами грубой работы. Подражали этому и у насъ въ Россіи. Хотя впослѣдствіи ксилографія уступила мѣсто металлографіи и литографіи, деревянныя доски замѣнились металлическими и камнями; но названіе *лубочныхъ* усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинкамъ тогоже пошиба, междутѣмъ - какъ оно собственно принадлежитъ только эстампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Этому соотвѣтствовало междупрочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи, и выставлялись при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говоритъ, будто лубочныя картинки, или такъ называемые *листы*, одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ, и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставлялись на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щепетильные лавочки. За подлинное неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло *на листахъ*, какъ видно изъ подписи священника этой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи. Прихожане сего храма старожилы помнятъ еще такую выставку до построенія каменной ограды; но ихъ свидѣтельству, первая прекратилась не ранѣе 1805, или 1806 г. Какъ бы то ни было, но подобныя обстоятельства, взятыя въ совокупности, легко могли дать поводъ къ названію простонародныхъ картинокъ *лубочными*, такъ-что и другіе эстампы плохой работы обыкновенно слывутъ лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ *суздальскихъ*, не по производству ихъ въ Суздалѣ, но по разнощикамъ ихъ суздаламъ, и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ *панковъ*, а въ Осташковѣ *богатырей*, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героевъ и знаменитыхъ особъ.

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ называемой черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало разъединялись

нравами и обычаями, когда завѣтныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣже у крестьянина, купца и боярина. Въ это время такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты, и въ боярскіе хоромы, и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безмысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Не думайте впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ русскихъ путешественниковъ, «видѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими московскаго издѣлія. И тѣ и другія, говоритъ онъ, рѣшительно въ одномъ стилѣ; но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому, что онѣ, дѣйствительно, лучше французскихъ.» *И. Снегиревъ.*

258. Богачъ и Бѣднякъ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ,—
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей—
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

—

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
И бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ-быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое иль *да* иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За Бѣднякомъ

Богачъ пріѣхалъ въ тотъже домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачомъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ, какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Зачѣмъ», онъ говоритъ ему,
«Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
—Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ. *И. Хемницеръ* *.

259. Отцовскій долгъ.

Произшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно московской губерніи, кажется, въ звенигородскомъ уѣздѣ.

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей, да сына молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною, — и долговъ нашлось на немъ немало: сосѣдямъ—кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браты были, какъ водится у простаго народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ, анъ нѣтъ: по крестьянскому разумѣнію отдать надобно, честное имя должно остаться незапятнаннымъ.

---

* И. И. Хемницеръ родился въ Петербургѣ въ 1744, умеръ въ Смирнѣ 1784 г., погребенъ въ Николаевѣ.

Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству.... «Пообождите кормилицы, молитъ она:—вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару да лошадь продамъ...» Куда—и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца; такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости.... Эхъ-ма!... задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да не гдѣ взять: время горячее, спѣшное. «Да не возьмешь ли меня?» спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

—«Иль шутить вздумалъ, Ванюха?» проговорилъ тотъ съ сердцемъ.—«Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому государю.»—«Да какъ же, любезнякъ ты мой, мать-то твоя... тово..., вѣдь ты одинъ у нея, какъ перстъ...»—«Ну ужь это мое дѣло. Сколько же дашь?»—«Ахъ родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу достроюю.»—«Эва, дешево больно! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копейки не уступлю.»

«Побойся Бога, Ваня, раззорить хочешь.»

—Вотъ то-то и есть, дядя Гарасимъ: за пару хорошихъ коней, что̀ ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ... Небось, не оскудѣешь! И какъ ни жался Гарасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца.—«Что, привезъ деньги?» спрашиваетъ тотъ.—«Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что̀ слѣдуетъ. Только лишь расписочку изготовьте.»—«Ладно.»—И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ тоже самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь—Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужь въ пріемѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

—Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

—Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

—Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать.

Старушка вошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже расплаканныя.

—Вѣрно, забубенная голова твой сынъ?—говоритъ ей.

—Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

—Ну такъ, знать, дѣло не спорится у него?

—Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ.... Да я бы, ваше

благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ,—баитъ, успокою батюшку...

—Какой долгъ?

—Матушка! крикнулъ Иванъ, перерывая мать, которая начала было свой разсказъ,—полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте безпокоиться насчетъ эвтого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной горкѣ она и невѣста. Мы ужь и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ, онъ малой знатный, у кого хотите, извольте спросить. Такъ ужь не безпокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего, поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ.—«Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублевъ; ты, сватъ Андрей, получай свои безъ четверти двадцать пять...» тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги: иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ пхъ ему на дорогу. «Ничего не надо мнѣ, родимые, деньги не мои, а батюшкины, не поминайте же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужь коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ и не прошу. Да вотъ если матушкѣ случится какая нужда...»—«Не покинемъ сиротъ», отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодаго рекрута только два полуимперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой—сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

—Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься? со слезами промолвливаетъ мать.

—Меня будетъ кормить самъ надёжа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ-друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъже дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особое представленіе—и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

Живъ ли ты, благородный сынъ земли русской? Если еще здравствуешь, прими низкій поклонъ и сердечный поцалуй отъ своего тезки, и прости меня, что посмѣлъ я разсказать православному люду о твоемъ поступкѣ, и можетъ-быть переиначилъ нѣкоторыя подробности.

Храни же въ себѣ навсегда, добрый русскій народъ, высокія доблести предковъ, и въ простотѣ сердца будь такъ же здоровъ духомъ, какъ крѣпокъ ты тѣломъ!

И. Кокоревъ *.

260. Подражаніе псалму XIV.

Кому, о Господи! доступны
Твои сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ покланялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ!

И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его —
И, какъ орелъ ширококрылой,
Взлетитъ до неба твоего!

Н. Языковъ *.

261. З а г а д к и.

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ
Подъ небеса ушелъ.

—

Не княжеской породы,
А ходитъ съ короной;
Не ратной ѣздокъ,
А съ ремнемъ на ногѣ;
Не сторожемъ стоитъ,
А всѣхъ рано будитъ.

—

262. Яркій снѣгъ.

Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ;
Снѣгъ растаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ;
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣетъ
Розы свѣжія на нихъ!...

---

* Кокоревъ Иванъ Тимоѳеевичъ родился 1826 г., умеръ въ Москвѣ 14 іюня, 1853 года. Полное собраніе его сочиненій издано въ 3 томахъ 1858 г.

* Языковъ Николай Михайловичъ родился въ Симбирскѣ 1803 г., умеръ въ Москвѣ 1846 г. Полное собраніе его стихотвореній издано въ 2. ч. 1858 г. Спб.

263. Сыновья Іакова.

Іаковъ имѣлъ двѣнадцать сыновей. Вотъ имена ихъ, по порядку старшинства: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Завулонъ, Иссахаръ, Данъ, Гадъ, Асиръ, Нефѳалимъ, Іосифъ и Веніаминъ. Два послѣдніе были дѣти любимой жены его Рахили. Старшіе сыновья Іакова занимались скотоводствомъ, и своими поступками невсегда заслуживали любовь родительскую. Веніаминъ, самый младшій, былъ еще ребенокъ; но Іосифъ, прекрасный, кроткій и добродѣтельный юноша, былъ любимецъ отца своего. Іаковъ сшилъ ему нарядное, цвѣтное платье. Старшіе братья завидовали Іосифу, ненавидѣли его за такое предпочтеніе предъ ними, и ненависть ихъ болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ разсказалъ имъ два необыкновенные сна, видѣнные имъ. *Однажды сказалъ онъ братьямъ: «послушайте, какой я видѣлъ странный сонъ:* мнѣ снилось, что мы всѣ въ полѣ жнемъ пшеницу, и вяжемъ снопы; мой снопъ стоялъ прямо, ваши же снопы окружили мой снопъ, и кланялись ему.» — «Неужели *ты* будешь царемъ нашимъ, а мы твоими подданными?» сказали ему съ досадою братья.

Скоро послѣтого Іосифъ видѣлъ другой сонъ, который также разсказалъ братьямъ. «Мнѣ снилось, говорилъ онъ, что солнце, луна и одинадцать звѣздъ кланяются мнѣ.» Іаковъ, услышавъ это, сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ: «что это за сонъ! Неужели я, жена моя и братья твои придемъ поклониться тебѣ.»—Братья озлобились на Іосифа за такія сновидѣнія; но Іаковъ, который самъ имѣлъ сны, посланные Богомъ, не забылъ ихъ, и втайнѣ размышлялъ о словахъ іосифовыхъ. «Вѣроятно, думалъ онъ, Богъ назначаетъ къ чему-либо великому моего Іосифа.» И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, любимецъ отца своего, за добродѣтели свои былъ любимъ Богомъ.

А. Зонтагъ.

264. Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ боззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я: вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнаткѣ жизни; кроватка пуста,

Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ.
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!
О дѣти! въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога! *А. Хомяковъ.*

265. Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ и Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ. *Крыловъ.*

IV. ЗАМѢНЯЕМОСТЬ ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ФОРМЪ ИХЪ ПРИ ВЫРАЖЕНІИ ЧЛЕНОВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 46. Существительное бываетъ сказуемымъ, или употребленіе его въ смыслѣ глагола. Чѣмъ тогда обозначается отношеніе его къ говорящему? Глаголъ вспомогательный—Сказуемое составное.

1. «Господь Богъ есть защитникъ невинности и покровитель добродѣтели.» (ст. 219). Кто защитникъ нев. и покровитель добродѣт.? Слѣд. подлежащее какою частью рѣчи выражено? Слѣд. существительное употреблено именно такъ, для чего оно собственно служитъ? Кто такое Господь Богъ? Что объ немъ говорится здѣсь? Какою же частью рѣчи выражены здѣсь сказуемыя? А мы прежде (§ 21) говорили, чѣмъ собственно выражается сказуемое? Здѣсь однимъ ли глаголомъ оно выражено? Стало, сказуемое выражается и существительнымъ? Но мы же знаемъ, что у существительнаго нѣтъ ни временъ, ни наклоненій, всѣхъ тѣхъ принадлежностей, которыми сказуемое обозначаетъ свое отношеніе къ лицу говорящему; чѣмъ же въ такомъ случаѣ выражаются всѣ эти отношенія, безъ которыхъ сказуемое не можетъ быть сказуемымъ? Присмотритесь: кромѣ защитникъ какое тутъ еще есть слово, которое съ нимъ соединено? Какую службу несетъ *есть*? Слѣд. существи-

*

тельному сказуемому помогаетъ обозначать отношенія къ говорящему глаголъ *быть*? За такую службу глаголъ этотъ назыв. вспомогательнымъ. Сказуемое, выражаемое существительнымъ, однимъ ли словомъ выражается, какъ выражаемое глаголомъ, или состоитъ изъ двухъ словъ? Такимъ образомъ сказуемое — существ. отъ сказуемаго глагольнаго разнится ли по своему составу? Чѣмъ именно? За это различіе такое сказуемое называется *составнымъ*, а глагольное — *простымъ*. И непремѣнно ли при немъ долженъ быть глаголъ вспомогательный? но всегда ли онъ бываетъ налицо? Отъ этого глагола вспомогат. само существительное вмѣстѣ съ нимъ употребляется въ смыслѣ глагола, и легко можетъ быть замѣнено имъ: есть защитникъ=защищаетъ, есть покровитель=покровительствуетъ.

2. «Фараонъ есть титулъ царей египетскихъ» (ст. 250). Гдѣ здѣсь сказуемое? Какою частью рѣчи выражено? Однимъ ли существ. оно выражено? Стало, здѣсь сказуемое простое или составное? Вспомогательный глаголъ въ такомъ случаѣ какую службу несетъ? Употребленъ ли онъ здѣсь для выраженія бытія, или только служитъ пособіемъ существительному, чтобы оно выразило сказуемое? Вмѣсто есть титулъ какъ иначе можно выразиться? Слѣд. титулуютъ, величаютъ фараонами егип. царей, будетъ ли равносильно: фараонъ есть титулъ? Титулуютъ вм. есть титулъ употреблено; значитъ, существительное здѣсь употреблено въ смыслѣ глагола? — Итакъ, кромѣ подлежащаго и дополненія, какой еще членъ предложенія можемъ выражать мы существительнымъ?

§ 47. Существительное выражаетъ и опредѣленіе. Обозначеніе его отношеній. Приложеніе и косвенные падежи.

1. Въ «предлож.» Господь Богъ и проч., мы сейчасъ указали только подлеж. да сказуем., но ничего не сказали о другихъ словахъ въ тойже рѣчи: Господь, невинности, добродѣтели: посмотримъ-те, какой членъ предложенія выражаютъ эти слова. Начнемъ-те съ «Господь». Оно поясняетъ Богъ — понятіе о предметѣ; слѣд. какой же членъ предлож. оно составляетъ? А Господь какая часть рѣчи? Стало, существительное это выражаетъ опредѣленіе? А опредѣленіе какою частью рѣчи собственно выражается? Стало, Господь исполняетъ дѣло прилагательнаго? и Господь съ опредѣляемымъ своимъ Богъ поставлено въ одинаковомъ или различномъ падежѣ? Слѣд. существ. — опредѣленіе обозначило свое отношеніе одинаковостью падежа? А прилагательное согласуется ли въ падежѣ съ своимъ опредѣляем.? Слѣд. существительное здѣсь приложено, согласовано въ падежѣ съ опредѣляемымъ? За это-то въ грамматикѣ такое существительное называется *приложеніемъ*.

2. Но опредѣлительныя «невинности» къ *защитникъ*, «добродѣтели» къ *покровитель* приложены ли къ своимъ опредѣляемымъ? *невинности* и *добродѣтели* въ какомъ падежѣ? а опредѣляемыя ихъ въ какомъ? Отчего зависятъ эти родительные падежи? Слѣд. какимъ словомъ управляются эти родит. падежи? А приложеніе управляется ли падежомъ отъ своего опредѣляемаго? Слѣд. кромѣ приложенія, какою формою обозначается отношеніе опредѣляющаго существ. къ опредѣляемому? Слѣд. косвенные падежи, кромѣ отношенія дополненія, выражаютъ и отношеніе опредѣленія — существительнаго? Что показывали косвенные падежи при обозначеніи отно-

шенія дополненій? А здѣсь отношеніе ли предмета къ дѣйствію выражается косвен. падежами? Слѣд. и отношеніе между предметами выражается также косвен. падежами?

Если мы возьмемъ такую рѣчь: *кисти съ зрѣлымъ виноградомъ рдѣлись*; то опредѣленіе обозначило свое отношеніе однимъ ли падежомъ? Стало, и предлоги употребляются для тогоже дѣла?

«Какой-то майоръ, въ шлафрокѣ и въ колпакѣ, стоялъ передъ своею палаткою» (ст. 267). Здѣсь къ *майоръ*, кромѣ неопредѣлен. мѣстоим. *какой-то* есть еще опредѣленія—въ *шлафрокѣ* и въ *колпакѣ*. Въ какомъ падежѣ они поставлены? Падежъ этотъ зависитъ ли отъ слова опредѣляемаго, управляется ли имъ? Очевидно, нѣтъ,—но онъ управляется какъ бы подразумѣваемымъ словомъ—одѣтый. Слѣд. опредѣленіе въ косв. падежѣ невсегда зависитъ отъ своего опредѣляемаго? За это можно ли его назвать независимымъ? Кчему же нужно знать такое различіе опредѣленій? Замѣтили ли вы, что управляемое слово не отдѣляется отъ управляющаго никакимъ знакомъ препинанія? А независимыя опредѣленія подлежатъ ли тому же въ письмѣ правилу?

3. «Фараонъ есть титулъ царей египетскихъ.» Чей титулъ? Стало, царей есть опредѣленіе? Слѣд. существительное вмѣсто прилагательнаго? Чтобы доказать это, можете ли царей обратить въ прилагательное царскій? Ну, какже вы скажете? Слѣд. сказавши фараонъ есть царскій титулъ въ Египтѣ, убѣдились ли вы, что существительное, употребленное для выраженія опредѣленія, употребляется въ смыслѣ прилагательнаго?

Итакъ, кромѣ подлеж., дополненія и сказуемаго, какой еще членъ предложенія можетъ выражать существ. имя? И чѣмъ оно тогда обозначаетъ свое отношеніе къ опредѣляемому?

§ 48. Существительное выражаетъ и обстоятельство. Чѣмъ тогда обозначается его отношеніе? Разница отношеній его къ глаголу, а отсюда раздѣленіе обстоят. на зависимыя и независимыя. Запятая при послѣднихъ.

1. «Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей.» Гдѣ нашелъ Іос...? Стало, въ темницѣ какая часть предложенія? Обстоятельство какою частью рѣчи собственно выражается? А здѣсь обстоят. мѣста чѣмъ выражено? Слѣд. существительное выражаетъ и обстоятельство? чѣмъ обозначилось его отношеніе? Слѣд. падежи и предлоги служатъ также для обозначенія отношеній обстоятельственныхъ? Въ дополненіи и опредѣленіи какое отношеніе выражаютъ падежи и предлоги? А здѣсь какое? Такъ-какъ тѣ и другіе показываютъ направленіе движенія по вопросамъ *куда* и *откуда* и пребываніе на вопросъ *гдѣ*; значитъ, собственное ихъ назначеніе есть указаніе отношеній обстоятельствъ мѣста, въ другихъ же случаяхъ они уже употребляются въ *переносномъ* смыслѣ.

2. «Во время іосифова заключенія, царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ, и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму.» Когда царь разгнѣвался на...? Слѣд. обстоят. времени выражено существительнымъ? Куда посадить? А тюрьма какая часть рѣчи? Слѣд. обстоятельство мѣста выражено суще-

ствительнымъ? Обстоятельство это зависитъ ли такъ отъ поясняемаго глагола, что падежъ его управляется имъ? А обстоятельственнаго времени падежъ находится ли въ такой зависимости отъ глагола,—разгнѣвался управляетъ ли «во время...? Стало, обстоятельственныя слова, выражаемыя существительнымъ, иныя управляются глаголомъ поясняемымъ, какъ дополненія, а другія не управляются глаголомъ, остаются внѣ зависимости: первыя назыв. *зависимыми*, а вторыя—*независимыми*. Такое различіе обстоятельствъ чѣмъ полезно для правописанія? Можете ли изъ него объяснить себѣ, почему *во время Іосиф. заключенія* отдѣлено запятой, а въ тюрьму не отдѣлено?

§ 49. Бываетъ ли глаголъ подлежащимъ и дополненіемъ? Какую форму тогда принимаетъ? Какія глагольныя свойства остаются въ неопредѣленной формѣ? Правописаніе.

«*Хвалить* себя не прилично.»

Здѣсь глаголъ *хвалить* выражаетъ предметъ рѣчи,—стало-быть, онъ есть подлежащее,—а подлежащее, какъ мы ужь знаемъ (§ 12), выражается собственно существительнымъ, слѣдовательно глаголъ *хвалить* употребленъ здѣсь вмѣсто существительнаго, или лучше, какъ имя *существительное*. Итакъ глаголъ бываетъ и *подлежащимъ*, и употребляется въ видѣ имени существительнаго.

«Если *зеленѣть* желаешь ты зимою,
Дай у себя мнѣ уголокъ.»

Здѣсь дополненіе къ *желаешь* выражено глаголомъ *зеленѣть*; выходитъ, что глаголъ бываетъ и дополненіемъ: а дополненіе, какъ и подлежащее, мы знаемъ, выражается собственно существительнымъ, — стало-быть, глаголъ здѣсь употребляется въ видѣ существительнаго, или какъ существительное.

Глаголъ, становясь подлежащимъ или дополненіемъ въ предложеніи, является съ окончаніемъ *ть* или *ти* или *чь* (*хвали-ть* себя не прилично,—*нес-ти* тяготы другъ друга есть долгъ христіянскій; *жечь* беззащитные города и собственность частныхъ лицъ во время войны безчестно),—и въ этой формѣ (видѣ) онъ употребляется. какъ существительное, несетъ его должность въ предложеніи, а потому въ иныхъ языкахъ ставится передъ нимъ даже предлогъ, какъ напр. въ *яз.* французскомъ: Les maladies de l'ame sont plus difficiles *á guerir*, que celles du corps.» Въ этой формѣ на *ть, ти, чь*, глаголъ *неопредѣляетъ* намъ ни лица, ни числа, ни наклоненія,—всѣхъ тѣхъ существенныхъ принадлежностей, которыя свойственны одному глаголу; потому форма глагола на *ть, ти* и *чь* (хвалить, нести, жечь) называется *неопредѣленною*, или, по старому обычаю, неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Въ неопредѣленной формѣ глаголъ удерживаетъ самую малую часть свойствъ глагольныхъ, именно у насъ—только *залогъ* и *видъ*, а въ другихъ языкахъ кромѣ залога *время*: *amare*, *amavisse*, amaturum esse, а по службѣ своей въ предложеніи неопредѣленная форма глагола бываетъ, какъ существительное имя, а потому въ нѣкоторыхъ языкахъ даже имѣетъ передъ собою предлогъ: слѣд. неопредѣленная форма имѣетъ часть свойствъ *глагольныхъ* и часть *именныхъ*.

§ 50 Бываетъ ли глаголъ словомъ опредѣлительнымъ? Какую форму тогда принимаетъ онъ? причастіе. Правописаніе.

«Іосифъ разсказалъ братьямъ два необыкновенные сна, *которые онъ видѣлъ*.» Предлож. «которые онъ видѣлъ» относится къ поясненію дополненія въ главномъ — сны. Оно стоитъ вмѣсто опредѣлительнаго слова, которое только выражено въ видѣ предложенія,—а потому можетъ быть обращено въ простое опредѣлительное слово. А чтобы обратить его въ опредѣлительное слово, нужно опустить мѣстоименіе относительное, указывающее связь его съ словомъ опредѣляемымъ, а сказуемое — глаголъ измѣнить въ такую форму, которая имѣетъ много общаго съ именемъ, а именно *родъ, падежъ*: итакъ вмѣсто *которые онъ видѣлъ*, можно сказать: *видѣнные имъ*,—и въ этомъ оборотѣ рѣчи прежнее предложеніе выразилось уже *сокращенно*, и стало опредѣлительнымъ словомъ. Стало-быть, глаголъ бываетъ и опредѣлительнымъ словомъ,—и въ такомъ случаѣ является въ видѣ особой формы — *причастія*.

«Въ глуши разцвѣтшій Василекъ вдругъ захирѣлъ.»

Причастіе, какъ опредѣлительное слово, принимаетъ родъ и падежи, слѣдовательно часть свойствъ *именныхъ*, а какъ отъ глагола произшедшая форма, удерживаетъ часть свойствъ глагольныхъ, именно — *времена*, *виды* и *залоги*.

§ 51. Бываетъ ли глаголъ словомъ обстоятельственнымъ, и какую тогда форму онъ принимаетъ? Дѣепричастіе. Какія глагольныя принадлежности остаются въ дѣепричастіи? Правописаніе. Образецъ причастныхъ формъ.

«Фараонъ, *когда онъ заснулъ опять*, увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ колосьевъ, *выросшихъ на одномъ стеблѣ*.»

Здѣсь предложеніе, *когда онъ заснулъ*, поясняетъ сказуемое другаго — *увидѣлъ*, обозначая *время*,—слѣдовательно относится къ нему, какъ обстоятельственное слово времени. Оно можетъ перейти въ простое обстоятельственное слово, когда опустимъ *когда*, показывающее его отношеніе къ *видѣлъ*, и подлежащее его: тогда оно будетъ выражено сокращенно: *заснувъ опять*. Въ такомъ случаѣ глаголъ будетъ выражать обстоятельственное слово, принявъ особую форму—*дѣепричастіе*.

§ 52. Прилагательное имя выражаетъ также сказуемое, подлежащее, дополненіе и обстоятельства.

1. «(См. Воскрес. утро стр. 545). Въ окрестности все ужъ покойно. Что покойно? гдѣ и когда? Что говорится про *все*? Слѣд. покойно какой членъ предлож.? А какою частью рѣчи онъ выраженъ? Слѣд. и прилагательное употребляется для выраженія сказ.? Но у прилагательнаго нѣтъ ни временъ, ни лицъ, ни наклоненій, которыя нужны для сказуемаго: чѣмъ же обозначаются эти принадлежности глагольнаго-сказуемаго? Стало, при прилагательныхъ—сказуемыхъ служитъ для этого глаголъ вспомогательный? Находится ли онъ тутъ? А когда опускается—быть? Стало, прилагательное—сказуемое есть составное или простое? А можно ли такое прилагательное замѣнить глаголомъ, напр. все покойно—покоится? Стало, прилагательное, ставши сказуемымъ, употребляется въ смыслѣ глагола?

2. «Въ одеждѣ воскресной старый и малый идутъ на молитву». Кто идутъ? Слѣд. старый и малый какіе будутъ члены предлож.? А какія это части рѣчи? Слѣд. здѣсь прилагательныя выражаютъ подлежащее? И они здѣсь употреблены какъ-бы старикъ и мальчикъ или старый и малый человѣкъ, — слѣд. употреблены въ своемъ собственномъ значеніи или въ значеніи существительнаго?

3. « Священникъ помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ » (см. Обитат. предмѣст. ст. 245). Кому помогаетъ и кто утѣшаетъ?» Слѣд. это дополненія? Они выражены какою частью рѣчи? Здѣсь бѣднымъ равносильно бѣднякамъ, несчастныхъ—несчастливцевъ: слѣд. прилагательное употреблено въ смыслѣ существ.?

4. «Живали старики не по нашему, по заморскому, а по своему, православному (См. ст. 96).» Какъ живали? обстоятельство образности выражено здѣсь какою частью рѣчи? Итакъ прилагательное имя, кромѣ опредѣленія, выражаетъ и другіе члены предложенія?

§ 53. Нарѣчія въ видѣ предлоговъ.

«Кругомъ вся окрестность, холмы и деревья въ невѣрныя тѣни слились.» Гдѣ слились? Слѣд. кругомъ выражаетъ обстоят. мѣста? Слѣд. какая же будетъ часть рѣчи? Но въ слѣд. предложеніи: старые дубы далеко кругомъ себя кидаютъ свою тѣнь», кругомъ будетъ ли нарѣчіе? Выражаетъ ли оно обстоятельство? Тутъ оно показываетъ отношеніе предмета къ дѣйствію,—слѣд. какая часть рѣчи? Итакъ нарѣчіе можетъ переходить въ предлогъ, можетъ употребляться въ смыслѣ его? За это его зовутъ предложнымъ нарѣчіемъ.

§ 54. Замѣна частей рѣчи при выраженіи чувствъ особенными словами — междометіемъ. Виды междометій. Правописаніе.

266. Чужеземное растеніе.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой? Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ. *И. Дмитріевъ.* *

1. Что такое *увы*? глаголъ или существительное, нарѣчіе или предлогъ, мѣстоименіе, прилагательное или числительное? Ни то, ни другое, ни третье. Что выражаетъ увы? Выражаетъ чувство грусти, еще сознаваемое неотчетливо, а потому обозначившееся только кликомъ, однимъ восклицаніемъ, а не въ опредѣленной формѣ мысли: увы=грустно, слѣд. оно есть слово замѣнительное.

2. Сова у насъ на морѣ воеводша:
То-то высокія брови!
То-то веселые взгляды! (ст. 117. стр. 254).

Слово *то-то* показываетъ также ощущеніе говорящаго, вырвавшееся у него при разсматриваніи высокихъ бровей и веселыхъ взглядовъ, но ощущеніе о превосход-

---

* Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ родился въ Симбирскѣ 1760 г., 10-го сентября, умеръ въ Москвѣ 1837 г., октября 3, въ пятомъ часу по полудни.

ствѣ этихъ предметовъ не выяснилось еще въ его сознаніи, а потому какъ бы внезапно, безотчетно вырвалось: *то-то*=очень. Всѣ такія слова, служащія въ замѣну другихъ частей рѣчи, составляютъ особый отдѣлъ, называемый *междометіемъ*. Названіе имъ дано такое оттого, что они не выражаютъ со всею опредѣленностью мысли, и вставляются (мечутся, бросаются) между другими словами въ предложеніи.

2. *Бу-бу-бу! была* такъ была (ст. 221). Здѣсь слова «бу-бу-бу» выражаютъ ли чувства говорящаго? А что они показываютъ? показываютъ подражаніе звукамъ, слышимымъ отъ предмета; слѣдоват. кромѣ чувства, междометія выражаютъ также звукоподражанія.

статьи для повторенія пройденнаго.

Укажите, какіе члены предложенія выражены собственными частями рѣчи, и какіе—замѣнительными,—гдѣ есть дѣепричастія, причастія и неопредѣленныя формы глагола, и отдѣлены ли знакомъ препинанія и почему? Покажите междометія и виды ихъ. Есть ли тутъ приложенія, независимыя опредѣленія, независимыя обстоятельственныя слова, и какъ ихъ отличить отъ зависимыхъ?

267. Утренняя прогулка графа Румянцева по лагерю.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ, въ шлафрокѣ и въ колпакѣ, стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который междутѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ по всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ, и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакаго замѣчанія.

А. Пушкинъ.

268. Пѣсня Бѣдняка.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ!
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.
Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.
Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши:
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать
«Богъ помочь!» отъ души.
О щедрый Богъ! не вовсе жь я
Тобою позабытъ!
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ,
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зорю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ,—
Тамъ буду праздновать и я!
Тамъ мѣсто есть и мнѣ!

В. *Жуковскій.*

269. Не взначай, а кстати.

Въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова *, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили Крылова прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя тогда были лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія, и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную піесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель *должностнаго разряда* А. С. Хвостовъ, сидѣвшій противъ него же за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что́, привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—Вотъ ужо́, послѣ. Длилось чтеніе, публика утомилась, начинала скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана піеса. Тогда Иванъ Андреевичъ руку въ карманъ, вытащилъ измятый листочекъ, и началъ: *Демьянова уха.*

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай.»
—«Сосѣдушка! я сытъ по горло.»—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ.»—«И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда—Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,

* Общество это было основано въ Петербургѣ въ 1811 году, и открыло свои дѣйствія 14 марта, при собраніи 200 человѣкъ обоего пола. Труды его были издаваемы подъ заглавіемъ: *Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова.*

И—очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ:—«зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за ея скуку, развеселивъ ее прелестью своего разсказа. *М. Лобановъ* *.

270. Кутузовъ и солдаты измайловскаго полка.

Преслѣдуя Наполеона, Кутузовъ подъѣхалъ однажды къ измайловскому полку, и спросилъ: «Есть ли хлѣбъ?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость»—отвѣчали солдаты.—«А вино?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость.»—«А говядина?»—«Тоже нѣтъ.»—Принявъ грозный видъ, князь Кутузовъ сказалъ: «Я велю повѣсить провіянтскихъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать.»—«Покорнѣйше благодаримъ!»—«Да вотъ что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодѣй-то, не дожидаясь васъ, уйдетъ.» Тогда въ одинъ голосъ возопили гвардейцы: «Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять!»—При сихъ словахъ, поднявъ глаза къ небу, и утирая слезы, фельдмаршалъ произнесъ: «Великій Боже! чѣмъ возблагодарить тебя за милость, что имѣю счастіе командовать такими молодцами!»—Неумолкаемое ура! было отвѣтомъ измайловцовъ. *Михайловскій-Данилевскій.*

271. Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь сосѣди твои
Вѣдь весна на дворѣ; Работаютъ давно.

---

* Лобановъ Михайло Евстафьевичъ родился въ Петербургѣ 1787 г., умеръ тамъ же, 3 іюня, 1846 года.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что́ ты былъ? и что́ сталъ?
И что́ есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромáхъ—ни зерна
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шарóмъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ;
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно,
По полямъ и лугамъ,
Золотою рѣкой!
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углѣ
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно!
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Въ слѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

272. Городокъ въ табакеркѣ.

Папенька поставилъ на столѣ табакерку. «Поди-ка, сюда, Миша, посмотри-ка», сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ свои игрушки, и пошелъ къ папенькѣ. Да ужь было чего посмотрѣть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи! А что на крышкѣ-то! Ворота, башеньки, домикъ, другой, третій, четвертый—и счесть нельзя; и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко, и отъ него розовые лучи по всему небу.

«Что это за городокъ?» спросилъ Миша.

—Это городъ Динь-динь,—отвѣчалъ папенька, и тронулъ пружинку... и что же? вдругъ невидимо гдѣ заиграла музыка.—Откуда слышна музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ—не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ—не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ... наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней,

смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе, да свѣтлѣе, окошки горятъ яркимъ огнемъ и отъ башенокъ будто сіяніе; вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ за пригоркомъ совсѣмъ скрылося—и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись, и башеньки померкли, только ненадолго; вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая; вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ, и въ городѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились, и отъ башенокъ пошли синеватые лучи.

«Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ? куда бы мнѣ хотѣлось!»

—Мудрено, мой другъ: этотъ городокъ тебѣ не по росту.

«Ничего, папенька, я такой маленькій—только пустите меня туда;—мнѣ какъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается...»

—Право, другъ мой, тамъ и безъ тебя тѣсно.

«Да кто же тамъ живетъ?»

—Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ колокольчики.—Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? и колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. Миша удивился: «Зачѣмъ эти колокольчики? зачѣмъ молоточки? зачѣмъ валикъ съ крючками?» спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: «Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.»

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой: вотъ онъ сидѣлъ—сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, думалъ—думалъ: отчего звенятъ колокольчики?

Между тѣмъ музыка играетъ да играетъ; вотъ все тише да тише, какъ будто что-то цѣпляется за каждую ножку, какъ будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго; вотъ Миша смотритъ; въ низу табакерки, подъ шалнеромъ отворяется дверца, и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ, съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на порогѣ, и манитъ къ себѣ Мишу.

«Да отчего же», подумалъ Миша, «папенька сказалъ, что въ этомъ городѣ и безъ меня тѣсно; нѣтъ, видно, въ немъ живутъ добрые люди—видите, зовутъ меня въ гости; извольте, господа, извольте, съ величайшею радостію.»

Съ сими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ, и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь-въ-точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ прежде всего обратиться къ своему провожатому:

«Позвольте узнать», сказалъ Миша, «съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

—Динь-динь-динь,—отвѣчалъ незнакомецъ, я *мальчикъ-колокольчикъ*, житель этого городка. Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ, и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь и къ намъ пожаловать — динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился. Мальчикъ-колокольчикъ взялъ его за руку, и они пошли. Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золотыми краями; передъ нимъ былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій еще меньше; четвертый еще меньше, и такъ всѣ другіе своды; чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, такъ-что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

«Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе», сказалъ ему Миша, «но не знаю, можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться;— правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду; я удивляюсь, какъ вы подъ ними проходите....»

—Динь-динь-динь!—отвѣчалъ мальчикъ,—пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалося, своды подымались, и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда мальчикъ-колокольчикъ попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся,—что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, казался ему маленькимъ, какъ будто, пока они шли, онъ опустился.

Миша былъ очень удивленъ. «Отчего это?» спросилъ онъ у своего проводника.

—Динь-динь-динь!—отвѣчалъ проводникъ со смѣхомъ,—издали всегда такъ кажется; видно, вы ни на что въ даль со вниманіемъ не смотрѣли: вѣ дали все кажется маленькимъ, а подойдешь—большое.

«Да, это правда», отвѣчалъ Миша, «я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ, и оттого вотъ что́ со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька возлѣ меня играетъ на фортепьяно, а папенька на другомъ концѣ комнаты читаетъ книжку; только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать: тружусь—тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выйдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ, и кресла его возлѣ фортепьяно стоятъ,—а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоитъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ,—но я думалъ, что маменька шутитъ, потому-что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила: точно, папеньку надобно было нарисо-

вать маленькимъ, потому-что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.»

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ.

—Динь-динь-динь, какъ смѣшно! Динь-динь-динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Мишѣ показалось досадно, что мальчикъ-колокольчикъ надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается, и очень вѣжливо сказалъ ему: «Позвольте мнѣ спросить у васъ, зачѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь-динь-динь?»

—Ужь у насъ поговорка такая,—отвѣчалъ мальчикъ-колокольчикъ.

«Поговорка?» замѣтилъ Миша, «а вотъ папенька говоритъ, что очень не хорошо привыкать къ поговоркамъ.»

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы, и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ нимъ еще дверцы; онѣ отворились, и Миша очутился на улицѣ—что за улица! что за городокъ! мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое черепаховое, по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его—оно съ неба сойдетъ, вкругъ руки обойдетъ и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками, и подъ каждою крышкою сидитъ мальчикъ-колокольчикъ, съ золотою головкой, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, а все малъ-мала меньше.

«Нѣтъ, теперь ужь меня не обманутъ», сказалъ Миша: «это такъ только мнѣ кажется изъ дали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.»

—Анъ вотъ и неправда,—отвѣчалъ провожатый: колокольчики не одинакіе. Если бы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ; это оттого, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ потолще; неужли ты и этого не знаешь? Вотъ видишь ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться.

Миша въ свою очередь закусилъ язычокъ.

Между тѣмъ ихъ окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали...

«Весело вы живете!» сказалъ имъ Миша. «Вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете, у васъ ни уроковъ, ни учителей—да еще и музыка цѣлый день.»

—Динь-динь-динь!—закричали колокольчики,—ужь нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ—да что же въ томъ толку? мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ никакого нѣтъ дѣла: нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ,—нѣтъ ни папеньки, ни маменьки—нечѣмъ заняться; цѣлый день играй да играй,

а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотыя деревья,—но мы—мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь, и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ съ музыкою.

«Да» отвѣчалъ Миша, «вы говорите правду: это и со мною случается. Когда послѣ ученья примешься за игрушки, то какъ весело; а когда въ праздникъ цѣлый день все играешь да играешь, то къ вечеру сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься—все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.»

—Да сверхтого на насъ есть другая бѣда, Миша: у насъ есть дядьки.

«Какіе же дядьки?» спросилъ Миша.

—Дядьки-молоточки,—отвѣчали колокольчики,—ужь какіе злые! то и дѣло, что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ; которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужь маленькимъ куда больно достается!

Въ самомъ дѣлѣ Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами, и шептали между собою: тукъ-тукъ-тукъ! тукъ-тукъ-тукъ!

И въ самомъ дѣлѣ дядьки-молоточки безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику тукъ да тукъ, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо имъ поклонился, и съ добродушіемъ спросилъ: зачѣмъ они безъ всякаго сожалѣнія колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ: «Прочь ступай, не мѣшай. Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ, и стучать намъ велитъ. Тукъ-тукъ-тукъ! тукъ-тукъ-тукъ!

«Какой это у васъ надзиратель?» спросилъ Миша у колокольчиковъ.

—А, это г. Валикъ,—зазвенѣли они,—предобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ—на него мы не можемъ пожаловаться.

—Миша къ надзирателю — смотритъ; онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ въ халатѣ, и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицомъ кверху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо; только-что попадется ему молоточекъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточекъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только-что Миша къ нему подошелъ, какъ надзиратель закричалъ: шуры-муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? шуры-муры! кто прочь не йдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? шуры-муры, шуры-муры!

«Это я», храбро отвѣчалъ Миша, «я Миша...»

—А что тебѣ надобно?—спросилъ надзиратель.

«Да мнѣ жаль бѣдныхъ мальчиковъ-колокольчиковъ; они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а по вашему приказанію дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ...»

—А мнѣ какое дѣло! шуры-муры—не я здѣсь набольшій; пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ, мнѣ что за дѣло: я надзиратель добрый, все на диванѣ лежу, и ни за кѣмъ не гляжу.... шуры-муры, муры-муры!...

«Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ!» сказалъ про себя Миша: «вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, зачѣмъ надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я,—вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька: что ему за дѣло, что я шалю—зналъ бы сидѣлъ въ своей комнатѣ.—Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Междутѣмъ Миша пошелъ далѣе — и остановился. Смотритъ: золотой шарикъ съ жемчужною бахрамою, на верху золотой флюгеръ вертится, будто вѣтренная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *царевна-пружинка* и какъ змѣйка то свернется, то развернется, и безпрестанно надзирателя подъ бокъ толкаетъ.

Миша этому очень удивился и сказалъ ей: «Сударыня-царевна! зачѣмъ ты надзирателя подъ бокъ толкаешь?»

—Зицъ-зицъ-зицъ, — отвѣчала царевна, — глупый ты мальчикъ! неразумный мальчикъ! на все смотришь, ничего не видишь! какъ бы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; какъ бы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! зицъ-зицъ-зицъ.

Мишѣ захотѣлось узнать, правду ли говоритъ царевна: наклонился и прижалъ ее пальчикомъ—и что же? въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень — и вдругъ пружинка лопнула, все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

«Что во снѣ видѣлъ, Миша?» спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться — смотритъ: таже папенькина комната, таже передъ нимъ табакерка, возлѣ него сидятъ папенька и маменька, и смѣются.

«Гдѣ же *мальчикъ-колокольчикъ?* гдѣ *дядька-молоточикъ?* гдѣ *царевна-пружинка?*»—спрашивалъ Миша: «такъ это былъ сонъ?»

—Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ, по крайней мѣрѣ, что тебѣ приснилось!

«Да видите, папенька», сказалъ Миша, протирая глазки, «мнѣ все хотѣлось узнать, отчего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на нее прилежно смотрѣть и разбирать, что въ ней движется и отчего движется; думалъ—думалъ и сталъ уже добираться—какъ вдругъ, смотрю, дверца въ табакеркѣ растворилась... «Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

—Ну, теперь вижу, сказалъ папенька, что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отчего музыка въ табакеркѣ играетъ, — но ты еще лучше поймешь, когда будешь учиться *механикѣ*.

Князь Одоевскій.

273. Колокольчикъ.

Звенитъ,.... гудитъ,..... дробится мелкой трелью
Валдайскій колокольчикъ удалой....
Въ немъ слышится призывъ родной,—
Какое-то разгульное веселье,
Съ безумной, безотчетною тоской.....
Кто ѣдетъ тамъ?.... Куда?.... съ какою цѣлью?—
Зачѣмъ?.... къ кому?.... И ждетъ ли кто-нибудь?....
Трепещущую счастьемъ грудь
Смутитъ ли колокольчикъ звонкой трелью?....
Спѣшатъ,..... летятъ!.... Богъ съ ними!.... Добрый путь!...
Вотъ съ мостика спустились на плотину,....
Вотъ обогнули прудъ, и садъ, и домъ....
Теперь поѣхали шажкомъ....
Свернули въ паркъ аллеею старинной....
И вотъ ямщикъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ....
Звенитъ..... гудитъ..... какъ будто бьетъ тревогу,
Чтобъ мысль завлечь и сердце соблазнить!....
И скучно стало сиднемъ жить,—
И хочется куда-нибудь въ дорогу,....
И хочется къ кому-нибудь спѣшить!....

Графиня Авд. Растопчина.

274. Черты изъ жизни папы Пія IX.

Правленіе нынѣшняго папы въ самомъ началѣ ознаменовалось чертами доброты, благотворительности, человѣколюбія, энергіи и ума, которыя пріобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе.

Пій IX началъ реформу съ собственнаго своего дома. Шестьдесятъ дорогихъ лошадей откармливались въ дворцовыхъ конюш-

няхъ.—Половина этого числа лишняя, сказалъ онъ, и велѣлъ продать тридцать лошадей въ пользу римскихъ бѣдныхъ. Безполезная дворня загромождала его переднія и службы; онъ уменьшилъ ее также до числа, строго необходимаго. Огромныя суммы ассигновались на содержаніе папскихъ садовъ; онъ сократилъ эту издержку, не вредя однакоже садамъ.—Я бѣдный іерей Іисуса Христа, сказалъ онъ своему метръ-д-отелю, а не Лукулъ: впередъ ты будешь и кормить меня, какъ бѣднаго іерея.—Ему стали подавать къ обѣду три скромныя блюда съ бутылкою самаго обыкновеннаго вина.

Однажды вечеромъ, среди продолжительнаго разговора съ кардиналомъ Джицци о необходимости нѣкоторыхъ перемѣнъ, онъ спросилъ лимонаду. Слуги тотчасъ принесли на двухъ великолѣпныхъ золотыхъ подносахъ прохладительныя всякаго рода.

—Я спрашивалъ только лимонаду, сказалъ папа.

—Такъ, святѣйшій отецъ, отвѣчали ему,—но мы должны были сообразоваться съ предписаннымъ церемоніаломъ и поднести по обыкновенію всѣ эти прохлажденія.

—Хорошо, возразилъ папа,—теперь принесите мнѣ лимонъ.

Ему тотчасъ принесли лимонъ.

—Дайте сахару и стаканъ воды.

Тутъ, сдѣлавъ самъ свой лимонадъ, онъ прибавилъ: «Унесите эти подносы; раздайте прохладительныя первымъ бѣднымъ, которыхъ встрѣтите, и впередъ подавайте мнѣ только то, что́ я спрошу, ни болѣе, ни менѣе.»

Бережливый въ отношеніи къ самому себѣ, Пій IX щедръ для другихъ. Однажды еврейская депутація, представляясь въ квиринале, поднесла ему старинный потиръ—образцовое произведеніе искусства, сохранявшееся двѣсти лѣтъ въ Гетто.—«Хорошо, дѣти мои,»—сказалъ папа евреямъ съ добротою,—«я принимаю вашъ подарокъ съ удовольствіемъ, и благодарю васъ. Сколько бы онъ могъ стоить ефимковъ? О цѣнности его, какъ произведенія искусства, я не говорю: въ этомъ отношеніи онъ неоцѣнимъ.»

—Онъ вѣситъ пять сотъ римскихъ ефимковъ, отвѣчалъ глава депутаціи.

Тогда Пій IX написалъ быстро на первомъ попавшемся ему клочкѣ бумаги: «Выдать тысячу ефимковъ», подписалъ, и, отдавая бумагу еврейскимъ представителямъ, сказалъ: «Примите же въ свою очередь эту сумму, и раздѣлите ее отъ имени Пія IX между бѣдными семействами Гетто.»

Человѣколюбивый, сострадательный ко всѣмъ, Пій IX не дѣлаетъ различія въ раздаяніи своихъ щедротъ.

Онъ проѣзжалъ по одной изъ отдаленныхъ улицъ Рима. Большая толпа народа собралась около старика, распростертаго на мостовой, и мучившагося въ страшныхъ конвульсіяхъ.—Это жидъ, говорилъ народъ, и при этомъ крикѣ проклятія никто не хотѣлъ по-

дать бѣдному помощи.—Это человѣкъ!—вскричалъ папа, проникая въ толпу, это—человѣкъ страдающій, которому должно помочь.—И поднявъ бѣдняка самъ, онъ приказалъ посадить его въ свою карету, привезъ его во дворецъ, и оставилъ бѣднаго только тогда, когда онъ пришелъ въ чувство. Папа поручилъ его своему медику.

Не одни христіяне римскіе любятъ и почитаютъ Пія IX, но и несчастные жители Гетто.

275. Изъ Несторовой * лѣтописи.

I. О РАЗСЕЛЕНИИ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

Вотъ повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда пошла русская земля, кто первый началъ княжить въ Кіевѣ, и какъ стала русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа, три сына ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна—Хаму, сѣверъ и западъ—Афету; отъ племени афетова пошелъ народъ славянскій. Спустя много вѣковъ, славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы, и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ: такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, называемой Моравь,—и назвались моравами, а другіе назвались чехами **; а вотъ тоже славяне: бѣлые хорваты, сербы и хоружане ***. Когда волохи **** напали на славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ, и стали ихъ притѣснять; то славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались ляхами; отъ этихъ ляховъ пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другіе славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались полянами, а другіе—древлянами, потому-что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались дреговичами; половчане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая втекаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, славянами; они построили себѣ городъ, и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся славянскій народъ.

---

* Преподобный Несторъ, монахъ кіевопечерскій, какъ полагаютъ, родился 1056, умеръ 1111 г. Лѣтопись его переведена съ древняго русскаго языка на современный московскимъ профессоромъ русской исторіи С. Соловьевымъ, и напечатана въ «Новой Библіотекѣ для воспитанія» подъ заглавіемъ: *Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія.*

** Богемцы.

*** Каринтійцы.

**** Кельты.

II. КАКЪ ЖИЛИ СЛАВЯНСКІЯ ПЛЕМЕНА.

Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими нравами, обычаями и преданіями. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили, какъ звѣри. Между полянами было три брата: одному имя Кій, другому—Щекъ, третьему—Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ, древляне и другіе окольные народы стали притѣснять полянъ; тогда пришли къ нимъ козары, и сказали: «платите намъ дань.» Поляне подумали и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: «вотъ мы нашли новую дань.» Старшины спросили: «откуда вы это взяли?»—«Да вонъ тамъ, въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ»,—отвѣчали они. Тогда старцы козарскіе сказали: «охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ.»—Все сбылось, что предсказали старцы: русскіе и до сихъ поръ владѣютъ козарами.

III. ПРИЗВАНІЕ ВАРЯГОВЪ, И ОТЪ ЧЕГО ПРОЗВАЛАСЬ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Въ то время, какъ поляне, сѣверяне и другія племена платили дань козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, варяги * изъ-за моря брали дань на славянахъ новгородскихъ, на кривичахъ, также на чуди и мери **. Скоро однако эти народы прогнали варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но прогнавши варяговъ, они никакъ не могли *уладиться другъ съ другомъ*, и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, и судилъ всѣ дѣла справедливо»;—отправили пословъ за море, къ варягамъ, къ Руси; Русью назывались варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чудь, новгородцы и кривичи сказали Руси: «земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь, и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣло-озеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась русская земля.

---

* Народы сѣверозападной Европы.

** Народы финскаго племени.

IV. ПРИ РЮРИКѢ.

Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царюгороду. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: «чей это городокъ?» Жители отвѣчали имъ: «были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань козарамъ.» Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много варяговъ, и начали владѣть полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на грековъ, при царѣ Михайлѣ. Царь въ это время пошелъ было войною на аравитянъ, но получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царьгородъ, возвратился. Междутѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіянъ, и съ двумя стами кораблей обступили городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской Богородицы, и потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны, и разбили русскіе корабли; очень немного изъ аскольдовыхъ воиновъ спаслось отъ такой бѣды, и возвратилось въ отечество.

V. КНЯЖЕНІЕ ОЛЕГА.

Междутѣмъ умеръ (879 г.) Рюрикъ; онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя. Собравши много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ, и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ, и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ кіевскимъ, и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: «мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами.» Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины выскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: «вы не князья, ни княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ рюриковъ.» Аскольда и Дира убили, понесли на гору, и погребли на горѣ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ: «это будетъ мать русскимъ городамъ»; послѣ чего началъ строить города, и уставилъ дани. Сперва Олегъ воевалъ съ древлянами, и заставилъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Потомъ онъ пошелъ на сѣверянъ; побѣдивъ ихъ и наложивъ на нихъ дань легкую, не далъ

имъ платить дани козарамъ, сказавши: «я непріятель имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды.» Послали и къ радимичамъ спросить: «кому дань даете?» Они отвѣчали «козарамъ.» Олегъ сказалъ имъ: «не давайте козарамъ, но давайте лучше мнѣ.» Радимичи согласились.

Въ 907 году пошелъ Олегъ на грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ: взялъ съ собою варяговъ множество, и новгородцевъ, и чуди, и кривичей, и другихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ и въ кораблях, и пришелъ къ Царюгороду; греки замкнули гавань, и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ, и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество грековъ, раззорили дома, пожгли церкви,—однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города, и сказали ему: «возьми дани, сколько хочешь.» Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его вѣщимъ *.

С. Соловьевъ.

276. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.»
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой,
И пропалъ во тмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въполѣ?—
«Кто-жъ знаетъ: пень иль волкъ.»
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужь онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?

* Волшебникомъ.

Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна;
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

А. Пушкинъ.

V. ОБРАЗОВАНІЕ СЛОЖНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ И СОЮЗЪ.

§ 55. Различіе сложныхъ предложеній по самому составу: слитное и составное. Союзъ. Паузы и знаки препинанія.

277. Три друга.

Три аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ [1]. Одинъ называлъ Абдаллу, магометова родственника, другой Каиса, сына саадова, а третій Арабаха [2]. Но какъ ни одинъ изъ спорящихъ не хотѣлъ уступить, то и рѣшено было разрѣшить споръ испытаніемъ [3]. Каждый изъ нихъ долженъ былъ идти къ своему другу просить помощи, чтобы видѣть, какъ они поступятъ.

Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который въ это время готовился отправиться въ путь; ему былъ подведенъ верблюдъ, и онъ занесъ уже ногу въ стремя.—«Дядя Магомета!» сказалъ пришедшій, я собираюсь въ дорогу, но не имѣю съ чѣмъ отправиться!» Абдалла вынулъ ногу изъ стремени, отдалъ другу своему верблюда со всѣмъ, что было на немъ навьючено, и просилъ только беречь висящій при сѣдлѣ мечъ, потому-что онъ достался ему въ наслѣдство отъ Али, магометова зятя. Другъ нашелъ на верблюдѣ множество шелковаго платья и четыре тысячи червонцевъ; но драгоцѣннѣе всего аліевъ мечъ.

Второй пошелъ къ другу своему Каису, и нашелъ его спящимъ. Невольникъ спрашивалъ, какую надобность имѣетъ онъ до его господина.—«Я собираюсь въ дорогу», отвѣчалъ другъ, «и не имѣю денегъ.» Невольникъ сказалъ, что не смѣетъ разбудить своего господина; но далъ ему семь тысячъ червонцевъ, увѣряя при томъ, что въ домѣ болѣе не остается денегъ.—«Но», прибавилъ онъ, «поди къ надзирателю стадъ нашихъ, и требуй отъ него верблюда и невольника.»—Когда, проснувшись, Каисъ узналъ о томъ, какъ поступилъ невольникъ; то, въ знакъ удовольствія своего, даровалъ ему свободу, и сказалъ: «Длячего не разбудилъ ты меня? я далъ бы другу моему еще болѣе.»

Третій нашелъ друга своего Арабаха готовящимся идти на молитву. *Два невольника вели его подъ руки, ибо онъ былъ старъ и лишился зрѣнія.* Услыша о нуждѣ друга своего, онъ всплеснулъ руками, и воскликнулъ: «Какое несчастіе, я не имѣю денегъ! По крайней мѣрѣ, другъ мой, возьми обоихъ невольниковъ, и продай ихъ!»—Другъ на это не соглашался; но Арабахъ увѣрялъ, что не приметъ ихъ обратно, и дастъ имъ свободу. Сказавъ это, онъ оттолкнулъ невольниковъ своихъ, и, пробираясь ощупью подлѣ стѣны, пошелъ далѣе.

«Изъ трехъ друзей нашихъ Арабахъ самый великодушный», воскликнули спорившіе аравитяне, возвратясь съ полученными подарками.

1. «Три аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный.» Можно ли эту рѣчь раздѣлить на отдѣльныя предложенія? На какія? Слѣд. это предложеніе какъ должно назвать по составу? Каждое изъ его предложеній имѣетъ ли свои особенные члены? Покажите, какіе члены въ томъ и другомъ. Слѣд. это сложное предложеніе составляютъ такія простыя предложенія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особые члены, т. е. свое подлежащее, свое сказуемое и проч.?

2. «Одинъ называлъ Абдаллу, магометова родственника, другой — Каиса, сына саадова, а третій—Арабаха.» Эту рѣчь можно ли также раздѣлить на два, на три предложенія? Какъ? Слѣд. это сложное предложеніе? Но такъ ли оно сложено, какъ предъидущее, нами разобранное? Чѣмъ же различно? Здѣсь каждое предложеніе не имѣетъ у себя особыхъ членовъ, но имѣетъ одинъ общій—сказуемое; у всѣхъ трехъ различныя подлежащія и дополненія, но одно и тоже сказуемое, а потому, во избѣжаніе повторенія сказуемаго, эти предложенія слились между собой. Итакъ по составу сложное предложеніе какъ различается? Въ произношеніи и на письмѣ чѣмъ указывается и отмѣчается сложность предложенія?

3. «Но какъ ни одинъ изъ спорящихъ не хотѣлъ уступить, то и рѣшено было разрѣшить споръ испытаніемъ.» Здѣсь два предложенія, слѣд. это — сложное предложеніе. Второе предложеніе содержитъ въ себѣ дѣйствіе, которое произошло отъ причины, высказанной въ первомъ предложеніи: почему рѣшено было...? Потому-что ни одинъ изъ спорящихъ... Когда есть дѣйствіе, то есть непремѣнно и причина, и первое объясняется изъ послѣдней; то и другая связаны между собою тѣсно и неразрывно; а потому два эти предложенія относятся одно къ другому, имѣютъ между собою связь по самому содержанію, и составляютъ одно цѣлое. Такая связь предложеній называется *внутреннею*,—и только такія предложенія могутъ образовать изъ себя сложное, у которыхъ есть связь внутренняя. Но не обозначена ли тутъ внутренняя связь предложеній внѣшнимъ образомъ? Къ чему здѣсь служатъ слова *какъ, то и?* Слова, показывающія связь предложеній, называются *союзами*: это—внѣшняя связь предложеній.

Такъ-какъ отношенія эти особенны, отдѣльны отъ другихъ отношеній, и постоянно неизмѣнны, то союзъ образуетъ отдѣльную, самостоятельную часть рѣчи, не измѣняется по окончаніямъ, т. е. не склоняется, не спрягается, и есть часть рѣчи служебная, а не знаменательная: но какъ, то и.

§ 56. Образованіе слитнаго предложенія. Значеніе предложеній, его составляющихъ. Паузы и знаки препинанія.

Въ разобранномъ § 55, 2 п. слитномъ предл. мы видѣли, что оно образовалось изъ нѣсколькихъ подлежащихъ и дополненій при одномъ и томъже сказуемомъ. Но въ слѣд.: «Второй пошелъ къ другу своему Каису, и нашелъ его спящимъ» слитное образовалось изъ двухъ сказуемыхъ при одномъ подлежащемъ. А въ этомъ: «Другъ нашелъ на верблюдѣ множество шелковаго платья и 4 т. червонцевъ» слитное образовалось изъ двухъ дополненій въ одинаковомъ падежѣ при одномъ сказуемомъ и подлежащемъ. Слѣд. при образованіи слитнаго предложенія мы всегда имѣемъ членъ, общій всѣмъ предложеніямъ, и нѣсколько членовъ предл. одинаковыхъ: такъ въ 1-мъ прим. общій членъ—сказуемое (называлъ), а одиноковые члены—подлежащія (одинъ, другой, третій),—во второмъ общій членъ—подлежащее (Второй), а одинаковыя сказуемыя (пошелъ, нашелъ) и т. д.

Предложенія, вошедшія въ составъ слитнаго, равнятся ли между собой по значенію, т. е. подчинено ли одно другому, или они всѣ равносильны между собой? И нужно ли на письмѣ обозначать чѣмъ-нибудь ихъ отношенія? Почему? А какіе союзы соединяютъ ихъ? Имѣютъ ли союзы вліяніе на знаки препинанія?

§ 57. Образованіе составнаго предложенія присоединеніемъ или по способу подчиненности. Виды предложеній въ такомъ составномъ по значенію ихъ относительно другъ друга: главное и придаточное.

«Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который въ это время готовился отправляться въ путь.» Эту рѣчь можно раздѣлить на два предложенія а) Первый пошелъ... b) который... Стало-быть, это — предл. *сложное*; а такъ-какъ въ каждомъ предложеніи есть свои особые члены; то оно по способу сложенія есть *составное*, а не *слитное*.

Первое предложеніе, сказанное и отдѣльно, безъ втораго, будетъ для насъ понятно, и безъ него можетъ существовать: напротивъ, второе: который... отдѣльно сказанное, не имѣетъ значенія, и безъ предъидущаго существовать и сказано быть не можетъ; оно имѣетъ значеніе только потому, что *придано* къ поясненію одного изъ членовъ перваго «Абдаллѣ.»

Итакъ видите, что въ составномъ предложеніи бываютъ иногда такія предложенія, изъ которыхъ одно поясняетъ только одинъ изъ членовъ другаго, и совершенно ему подчинено; въ составномъ предложеніи одно имѣетъ значеніе, если мы скажемъ его отдѣльно, напротивъ другое, поясняя членъ его, имѣетъ для насъ значеніе и смыслъ только какъ приданное къ члену объясняемаго предложенія. Слѣдовательно такія предложенія, по отношенію ихъ другъ къ другу, не одинаковы по значенію: одно изъ нихъ есть *главное*, другое *придаточное*, или *зависимое*.

§ 58. Виды придаточныхъ предложеній а) по ихъ происхожденію: дополнительное, опредѣлительное и обстоятельственное. Союзы. Замѣна ихъ другими частями рѣчи. б) По формѣ выраженія: полныя и сокращенныя.

А. а. «Три аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ.» Въ этомъ составномъ предло-

женіи придаточное: *кто... человѣкъ*, и относится къ поясненію сказуемаго въ главномъ — *спорили*, и относится къ нему, какъ необходимое дополненіе по вопросу *о чемъ*? Оно собою совершенно замѣняетъ дополнительное слово, изъ него *образуется*, а потому и называется придаточнымъ *дополнительнымъ*. А какіе союзы обыкновенно употребляются для обозначенія отношеній дополн. предложенія? Какъ можно назвать эти союзы?

б. «Абдалла просилъ только беречь висящій при сѣдлѣ мечъ, потому-что онъ достался ему въ наслѣдство отъ Али, магометова зятя.» Здѣсь предложеніе «потому-что онъ...» придано къ поясненію «просилъ беречь» по вопросу почему, показывая причину дѣйствія: слѣд. оно придаточное, и какъ образовалось изъ обстоят. слова причинности», по наслѣдованію меча отъ Али»; то оно есть придат. *обстоятельственное причинное*. Какимъ союзомъ обозначено отношеніе придаточнаго предложенія? Какъ назвать такіе союзы, которые указываютъ отношеніе обстоят. предложеній?

«Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который готовился отправиться въ путь.» А въ этомъ составномъ предложеніи придаточное *который*... относится къ поясненію въ главн. предл. «Абдаллѣ», и относится къ нему, какъ слово опредѣлительное, собою замѣняетъ опредѣлительное слово, изъ него образуется, а потому и называется придаточнымъ *опредѣлительнымъ*. А чѣмъ отношеніе его къ главному обозначается? Стало, вмѣсто союза употребляются для связи предложеній и мѣстоименія?

Придаточныя предложенія всегда относятся къ объясненію какой-нибудь части въ другомъ предложеніи, поясняя (какъ и второстепенные члены простаго предложенія) или *понятіе о признакѣ*, или *понятіе о предметѣ*, замѣняютъ собою второстепенные члены предложенія, т. е. дополнительныя слова, обстоятельственныя и опредѣлительныя; и такимъ образомъ происходя изъ нихъ, отъ нихъ получаютъ и свои названія.

В. «Арабахъ увѣрялъ, что не приметъ ихъ обратно.» Здѣсь къ увѣрялъ придано въ поясненіе цѣлое предложеніе «что...» по вопросу въ чемъ? оно замѣняетъ дополненіе; потому есть придаточное дополнительное. Оно выражено въ полной формѣ предложенія; сказуемое — глаголъ показываетъ отношеніе какъ къ подлежащему, такъ и къ лицу говорящему, и слово, показывающее его отношеніе къ главному, находится тутъ налицо: *что*.

«Сказавъ это, оттолкнулъ своихъ невольниковъ». Вмѣсто *сказавъ это* можно ли выразиться такъ: когда сказалъ это? Перемѣнится ли отношеніе его къ оттолкнулъ? Какая же разница въ томъ и другомъ способѣ выраженія? Послѣдняя форма выраж. будетъ полное обстоятельственное предложеніе, а первая потеряла видъ предложенія, при немъ пропущено слово «когда» показывающее его отношеніе къ главному, сказуемое обратилось изъ глагольной формы въ причастную — дѣепричастіе; слѣд. предложеніе сократилось въ простое обстоятельственное слово, за то его назыв. сокращеннымъ предл. Слѣд. сколько формъ для выраженія придаточныхъ предложеній и на сколько видовъ по формѣ выраженія раздѣлить можно всѣ придат. предложенія?

§ 59. Образованіе предложенія составнаго сочетаніемъ, или по способу неподчиненности: предложенія въ немъ по значенію главныя. Паузы и знаки препинанія.

278 Пепелище.

Вотъ здѣсь пустырь [1]. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни [2].
Въ суботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь.
И затопила—какъ водилось—
Давно надтреснувшую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И подхвативъ пошла вьюга
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервенѣніемъ врага,
И кровли, пламенемъ объяты,
Треща обрушилися въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики....
Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!
Багры давайте, топоры!
Ломать!... Да гдѣ жь ихъ взять—багры?
Воды! вези воды! тушите!...
Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ;
Въ бѣдѣ изчезъ послѣдній умъ:
Хватились бабы за пожитки—
Спасать холсты, корыта, нитки,
А по дворамъ поднялся рёвъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ.
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ
Оцѣпенѣвъ—какъ все горитъ;
Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
Такъ въ пору ранняго утра
Я не засталъ ужь ни двора;
Безъ слова, безъ дѣлъ, безъ помышленій
Бродили люди словно тѣни.
Съ сѣдою всклоченной косой
Старуха дряхлая сидѣла
У пепла и ребенка грѣла,
Мотая глупо головой.
Тамъ, гдѣ околица бывало,
Высугробъзакутавшись,дремала—
Спаленный столбъ печальныйвидъ
Хранилъ, какъ старый инвалидъ.

Огаревъ.

1. Сколько здѣсь предложеній? Какіе у него есть члены? А слѣдующее предложеніе какое будетъ по составу своему?

2. Сколько тутъ предложеній? Есть ли у каждаго изъ нихъ свои особые члены? Значитъ, по образу сложенія къ какимъ предложеніямъ относится? Далѣе, два эти предложенія, составляющія одно сложное, какъ относятся, одно къ другому? Что, здѣсь одно поясняетъ ли членъ другаго предложенія, или стоитъ само по себѣ, не подчиняясь другому? Итакъ это составное предложеніе заключаетъ въ себѣ два предложенія: предложенія эти таковы, что ни первое не объясняетъ у втораго никакой части, ни второе у перваго: каждое изъ нихъ самостоятельно, одно безъ другаго имѣетъ смыслъ и значеніе, и не замѣняетъ собою какой-нибудь второстепенной части другаго предложенія, какъ придаточное: всѣ эти предложенія по значенію своему равны между собою—всѣ *главныя;* всѣ такія предложенія соединяются между собой, не какъ придаточныя съ главными, т. е. не подчиняясь одно другому,

а потому самый способъ ихъ соединенія наз. способомъ *неподчиненности*, или *сочетаніемъ*.

§ 60. Виды предл-й въ составномъ по отношенію къ говорящему а) вводное предложеніе. сокращеніе его. б) вносное. Знаки препинанія.

279. Случай изъ жизни Песталоцци *.

Когда въ 1815 г. прусскій король прибылъ въ Невшатель, Песталоцци, говоритъ Рамзауеръ, былъ очень сильно боленъ [1]. При всемъ томъ онъ настоялъ, чтобы я везъ его къ королю благодарить за то вниманіе, которое онъ оказываетъ народному просвѣщенію въ своемъ государствѣ, и за присылку многихъ учениковъ въ Ивердёнъ, гдѣ былъ институтъ—поприще его славной (съ 1805—1825 г.) учительской дѣятельности. На дорогѣ Песталоцци нѣсколько разъ впадалъ въ безпамятство, и я долженъ былъ вынимать его изъ кареты, вносить въ какой-нибудь домъ и убѣждать воротиться. «Не говори мнѣ объ этомъ, отвѣчалъ онъ: я долженъ видѣть короля, хотя бы это стоило мнѣ жизни; если вслѣдствіе моего свиданія съ королемъ хотя одно дитя въ Пруссіи получитъ лучшее воспитаніе, я буду считать себя щедро вознагражденнымъ.

К. Тимоѳеевъ.

1. «Песталоцци, говоритъ Рамзауеръ, былъ очень боленъ.» Въ этомъ составномъ предложеніи предложеніе «*говоритъ Рамз.*» не поясняетъ собою какой-нибудь части другаго предложенія, какъ дополненіе, обстоятельство или опредѣленіе,—и не относится къ нему, какъ равносильное,—но *введено*, вставлено въ него затѣмъ, чтобы объяснить намъ, что сказуемое (былъ боленъ) съ подлежащимъ (онъ) въ предложеніи соединено не самимъ лицомъ говорящимъ, но лицомъ стороннимъ; лицо говорящее складываетъ съ себя отвѣтственность въ такомъ соединеніи сказуемаго и подлежащаго, но ссылается на лицо постороннее. Такому предложенію даютъ названіе *вводнаго*, и оно соотвѣтствуетъ обстоят. сл. образности выраженія.

280. Княженіе Игоря.

(Изъ Несторовой лѣтописи).

По смерти Олега (922 г.), началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь на грековъ. *Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царьгородъ.* Русскіе опустошали азіятскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока, и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на грековъ, и послѣ злой сѣчи греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки, и

* Песталоцци род. 1745 г. 12 января, ум. 1827 г. 17 февраля.

побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ, и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ-что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйдти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ. «*У грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ*», *говорили воины Игоря*. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на грековъ. Въ 944 году, Игорь въ самомъ дѣлѣ отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. *Корсуняне, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: «идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море кораблями.»* Также и болгары послали вѣсть: «идутъ русскіе, наняли и печенѣговъ.» Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: «не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.» Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина игорева сказала: «если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? Съ моремъ нельзя заранѣе уговариваться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!» Игорь послушался дружины, и велѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ, и пришелъ къ Кіеву домой.

Послѣ этого пришли назадъ и послы игоревы, и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ пословъ греческихъ, и спросилъ ихъ: «скажите, что́ же вамъ говорилъ царь?» Царскіе послы отвѣчали: «вотъ царь насъ послалъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру, хочетъ миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ.» Игорь обѣщался исполнить это. На другой день призвалъ Игорь пословъ, и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ *. Поклали передъ идоломъ оружіе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между русскими. А христіянъ—русскихъ водили къ присягѣ въ церкви св. Иліи, что́ надъ ручьемъ: то была соборная церковь, потому-что многіе варяги были уже христіяне. Игорь, утвердивъ миръ съ греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого Игорь началъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень,

* Богъ языческихъ славянъ.

началъ задумывать походъ на древлянъ, желая взять съ нихъ бо́льшую дань. Дружина игорева сказала ему: «наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ *, богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь и мы.» Игорь послушался ихъ: пошелъ къ древлянамъ за данью, и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ въ свой городъ. На дорогѣ Игорь раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей: «ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще.» Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая бо́льшаго имѣнія. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ Маломъ; они говорили: «повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубитъ.» Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь опять; вѣдь ты уже взялъ всю дань.» Но Игорь не послушался ихъ; тогда древляне вышли изъ города, и убили Игоря и дружину его, потому-что ея было очень мало.

С. Соловьевъ.

«Корсунцы, услыхавъ объ этомъ (т. е. походѣ Игоря), послали сказать императору Роману:» Идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море кораблями.» Здѣсь къ главному предложенію въ поясненіе приданы такія предложенія, которыя говоритъ не отъ себя лѣтописецъ, но которыя были сказаны Корсунцами; слѣдовательно Несторомъ здѣсь внесена чужая рѣчь, и внесена именно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ сказали Корсунцы; Несторъ повторилъ буквально чужія слова. Всѣ эти предложенія поясняютъ слово *сказать*, какъ дополненіе къ нему по вопросу *что*? А потому они могутъ быть отнесены къ дополнительнымъ,— составляютъ ихъ родъ: но они обозначаютъ и свое отношеніе къ говорящему, за что и получаютъ особое названіе — *вносная*. Вносная рѣчь передается или буквально или только смыслъ, ея содержаніе, и помѣщается она передъ главнымъ и послѣ главнаго, иногда въ срединѣ своей вмѣщаетъ и самое главное. Отъ этихъ двухъ случаевъ выраженія вносн. предложенія зависитъ постановка различныхъ знаковъ препинанія. Какихъ именно?

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Отличите въ слѣдующихъ піесахъ предложенія слитныя отъ составныхъ; укажите, какія въ составныхъ предложеніяхъ главныя, какія придаточныя и какія между послѣдними а) по происхожденію дополнительныя, обстоятельственныя и опредѣлительныя, б) по формѣ выраженія—полныя и сокращенныя,—какими знаками препинанія отдѣлены предложенія между собою и почему. Изъ этихъ піесъ составьте (на словахъ и письменно) свои собственные примѣры на пред. слитныя, составныя изъ главнаго съ придаточнымъ и на составныя изъ однихъ главныхъ.

---

* Полководецъ Игоря.

281. Червячокъ.

«Смотри-ка, Миша», говорила Лизанька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника, «кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты-ли это?»

—Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Саша или Володя.

«Гдѣ Володѣ это сдѣлать!» продолжала Лизанька; «посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ.»

—Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что-то круглое! — Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклеенную хлопку.

«Ахъ, нѣтъ! не трогай!» вскричала Лизанька, удерживая Мишу, и присматриваясь къ листочку: «тутъ червячокъ, видишь, шевелится.»

Дѣти не ошиблись: въ самомъ дѣлѣ, на листочкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцомъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупѣ лежалъ червячокъ. Уже давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбель, онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка; онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ — свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячокъ. «Что это, говоритъ онъ, никогда мнѣ еще такъ тепло не бывало; видно, не дурно на Божьемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку, и окошечко сдѣлалось дверцей; червячокъ просунулъ головку, еще, еще—и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюся сладкой водицы», сказалъ червячокъ; потянулся, анъ не тутъ-то было; кто это? вѣрно, маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску, нельзя и приподнять ее даже! что же дѣлать? Вотъ нашъ червячокъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и принялся подтачивать, то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ, и наконецъ поднялась занавѣска; червячокъ подлѣзъ подъ нее, и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ: теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы, и съ цвѣтковъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ, говоритъ червячокъ, ужь впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ, есть за что уцѣпиться...»

Не успѣлъ червячокъ выговорить, какъ вдругъ смотритъ, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали, небо потемнѣло, само солнышко со страха спряталось за тучку, вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ полился ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеснуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало, едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы, и снова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

«Нѣтъ, сказалъ опять червячокъ, теперь меня не обманутъ; зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ — а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить.»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячокъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ, и опять въ колыбельку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая узорчатая шубка. Если бъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки.

«Ге! ге! сказалъ червякъ самъ въ себѣ, неужели въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ да смотрѣть на занавѣску? Неужели только и дѣла на семъ свѣтѣ? — Мнѣ ужь, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—если бъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать—можетъ-быть, я на что и другое гожусь. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, неужели дождя бояться? да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробую щеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ.»

Вотъ червячокъ снова приподнялъ занавѣску, смотритъ, надъ нимъ цвѣточекъ только-что распустился, каплетъ изъ него сахарный медъ, и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячокъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка, и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ, надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему,—потомъ еще третій, еще лучше: всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой, и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячокъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ, и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найдти ему родимое гнѣздышко? Однакожь онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. «Ну что жъ, думалъ, бѣда еще не велика—оплошалъ!—въ другой разъ

наука;—не зачѣмъ же мнѣ опять въ колыбельку. Нѣтъ, нечего колыбельки держаться, пора жить и своимъ умомъ.» Сказалъ и поползъ, куда глаза глядятъ; вотъ доползъ онъ до вѣтки; разщипалъ ее—жестко! онъ дальше, еще, еще—и доползъ до листка; попробовалъ—вкусно.

«Нѣтъ, сказалъ червячокъ, теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!» и закинулъ на листокъ паутинку.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ,—онъ прикорнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ,—его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ,—онъ подъ листокъ, да и смѣется надъ солнцемъ, насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты. То смотритъ, птичка летитъ, глазки въ него уставляетъ, а иногда подлетитъ, да носикомъ толкъ его подъ бокъ; но червячокъ не простакъ, онъ притворится, притаится будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого; онъ потащился на новый листокъ, а смотритъ—на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью, и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди, и говорили между собою: «Ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько.»

Червячокъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу, и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизанька съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой, и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячокъ ужь, едва дыша, вползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ междутѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтковъ поблекло, и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизанька и Миша уже вспоминали о своей шубкѣ, и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячокъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ ужь онъ сдѣлался не такъ живъ, и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что жь, думаетъ онъ, довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость; пилъ и горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ же ползать попустому на землѣ, пора быть чѣмъ-нибудь лучше.»

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и по-

ползъ далѣе въ чащу зелени; онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта, нашелъ его, пріютился— и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизанька съ Мишей отыскали своего червячка; они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячокъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней; наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: «Тамъ въ ней не будетъ нужды», и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но недолго спалъ червячокъ! Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка, и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута — и распалась его могилка: червячокъ смотритъ—онъ не червякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку,—и вашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ, раскрывается его могила—и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и оттого на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями длятого, чтобы люди не забывали, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ-быть, встрѣтите изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

Князь Одоевскій.

282. Сельская сиротка.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.

Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится... вѣрно, мать—
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тищи безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на землѣ?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго, когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ!
Скитаюся одна; вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой;
Подружки лѣтъ моихъ—окружныхъ селъ дѣвицы
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ;
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною-бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой;
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю,
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть-можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Пятнадцать разъ уже весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.
Родная! гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Приди: я жду тебя все также сиротою—
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

И. Козловъ *.

---

* Козловъ Ив. Ив. родился 1774 г., умеръ 1838 г. Сочиненія его изданы въ двухъ частяхъ.

283. Всю жизнь безпокоился.

У Петра Великаго просили дозволенія сдѣлать съ него, по его кончинѣ, статую, «дабы потомство, взирая на нее, и по смерти ему удивлялось.» Тутъ же предложили: «чтобы статуя имѣла движеніе, и могла подниматься.»—Подниматься! сказалъ удивленный Петръ: «для кого?»... Потомъ, съ видомъ кроткимъ прибавилъ онъ: «Не лучше ли, друзья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ всю жизнь безпокоился.»

284. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ Великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его не притворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ;
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ *.

285. Свѣчка горитъ.

(Изъ письма къ сестрамъ отъ 30 сент. 1854),

I. Итакъ настала осень, приближается и зима; у васъ въ деревнѣ всѣ полевыя работы кончились; человѣкъ сдѣлался усидчивѣе; начались темные вечера; занятія сельскихъ жителей измѣнились—явились лампы, свѣчи, лучина. Воспользуемся мы этимъ случаемъ, и поговоримъ съ вами издалека. Вспомнивъ, какъ разъ въ одинъ изъ вечеровъ осеннихъ, довелось намъ бесѣдовать о естественныхъ явленіяхъ, я вздумалъ на этотъ разъ потолковать объ одномъ изъ сподручныхъ предметовъ, который не лишенъ занимательности. Предметомъ нашей бесѣды будетъ горѣніе свѣчки.

Каждый день теперь вы зажигаете свѣчку; но приходилось ли вамъ при этомъ спросить себя: отчего свѣчка горитъ? длячего употребляются такъ называемыя плетеныя свѣтильни? почему вы уже не употребляете щипцовъ для сниманія нагорѣвшей свѣтильни, зажигая не сальную, но стеариновую свѣчку и т. д.? Вѣрно нѣтъ?

---

* Лермонтовъ Юрій Михайловичъ родился въ Москвѣ 1815 г., умеръ въ Пятигорскѣ 1841 г., 15 іюля. Сочиненія его 1861 г. изданы г. Дудышкинымъ въ двухъ томахъ.

Куда намъ такіе мудреные вопросы! говорите вы.—Напрасно: они не такъ мудрены, какъ съ перваго взгляда кажется. Попытаемся же по возможности рѣшить ихъ. Зажжемъ свѣчку, и начнемъ наблюдать явленіе.

Свѣчка горитъ въ комнатѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ воздухомъ. Если свѣчку накрыть стекляннымъ колпакомъ такъ, чтобы наружный воздухъ не входилъ подъ него; то чрезъ нѣкоторое время она потухнетъ.

Отчего подъ колпакомъ свѣчка потухла, и потухла не тотчасъ же, но чрезъ нѣкоторое время?

Повторимъ для поясненія тотъже опытъ въ другомъ видѣ. Возьмите половинку скорлупы большаго орѣха, приклейте къ ней небольшую восковую свѣчку, зажгите ее и пустите плавать по водѣ въ какой-нибудь чашкѣ. Накройте эту свѣчку большимъ стаканомъ такъ, чтобы края его погрузились нѣсколько въ воду, и замѣчайте, что будетъ? Вода въ стаканѣ по немногу станетъ подниматься, и потомъ свѣчка потухнетъ; но вода не займетъ всего стакана.

Конечно не разъ вы дѣлали это по вечерамъ, на святкахъ при гаданіи, и, вѣроятно, еще ни разу не спросили себя: отчего вода подымается? отчего свѣчка подъ стаканомъ тухнетъ?

Накрывая свѣчку стаканомъ, мы отдѣляемъ ее отъ наружнаго воздуха: вотъ главная причина, почему свѣчка потухла. Разложите огонь въ печкѣ, закройте трубу, и притворите плотно заслонку такъ, чтобы воздухъ туда не могъ входить, то огонь чрезъ нѣкоторое время потухнетъ, потому-что не будетъ доступа наружному воздуху въ печку. Для тойже цѣли дѣлаютъ это при загораніи сажи въ трубѣ, и тѣмъ устраняютъ причину пожара.

У насъ подъ стаканомъ остался еще воздухъ, стаканъ не весь еще наполнился водою; но свѣчка потухла. Вода поднялась подъ стаканомъ, слѣдовательно нѣкоторое количество воздуха, бывшаго тамъ въ началѣ опыта, изчезло. Иначе бы этого поднятія не было.

Вода и воздухъ принадлежатъ къ тѣламъ физическимъ, или естественнымъ: вода—вещество жидкое; воздухъ же относится къ разряду тѣлъ летучихъ; ихъ называютъ тѣлами воздухообразными. Каждое физическое тѣло не можетъ вмѣстѣ съ другимъ такимъ же тѣломъ въ одно и тоже время занимать одного и тогоже мѣста. Это—общее свойство всѣхъ естественныхъ тѣлъ; оно называется *непроницаемостію*.

Въ нашемъ опытѣ вода поднялась въ стаканѣ, гдѣ былъ прежде воздухъ: значитъ, часть воздуха изчезла. Мы увидимъ, куда дѣвалась эта часть воздуха.

Сперва постараемся рѣшить вопросъ: отчего свѣчка потухла?

При внимательномъ взглядѣ на тѣла, можно замѣтить между ними разницу въ ихъ составѣ. Такъ напримѣръ: мыло приготовляется изъ поташа и изъ сала; стекло—изъ золы и песку, а напр.

золота или алмаза не составишь. Тѣла, подобныя мылу, называются тѣлами сложными, потому-что они состоятъ изъ другихъ тѣлъ. Тѣла же, къ которымъ принадлежатъ золото, алмазъ, называются тѣлами простыми, потому-что они не составляются ни изъ какихъ другихъ тѣлъ. Простыя тѣла прежде называли *стихіями*, началами. Простыхъ тѣлъ до сего времени извѣстно не болѣе 60, большая часть изъ нихъ металлы. Изъ этихъ 60 простыхъ тѣлъ образованъ весь видимый, физическій міръ.

Иногда сложныя тѣла образованы такъ, что тѣла, входящія въ ихъ составъ, теряютъ совершенно всѣ свои прежнія свойства. Напримѣръ: угадаете ли вы, что въ стеклѣ есть и зола и песокъ, если вамъ не сказать этого? Такъ зола и песокъ измѣнились въ стеклѣ! Подобное соединеніе нѣсколькихъ тѣлъ въ одно, въ которомъ они совершенно теряютъ прежнія свои качества, называется *химическимъ*. Говорятъ: въ стеклѣ зола и песокъ соединены химически. Но бываетъ и такое соединеніе нѣсколькихъ тѣлъ въ одно сложное, гдѣ они лишаются не всѣхъ своихъ свойствъ. Напримѣръ: распустите соль въ водѣ; въ растворѣ соль не потеряетъ своихъ свойствъ. Взгляните на какой-нибудь пестрый камень, напр. на гранитъ, вы увидите, что онъ составленъ изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое примѣтить не трудно по цвѣту. Такое соединеніе тѣлъ, при которыхъ не всѣ свойства ихъ составныхъ частей измѣняются, называется простымъ соединеніемъ, смѣшеніемъ.

Когда знаешь раздѣленіе тѣлъ на простыя и сложныя, то приходитъ невольно на мысль вопросъ: не есть ли воздухъ тѣло сложное? Этотъ вопросъ очень важенъ для насъ. Въ нашемъ опытѣ вопервыхъ количество воздуха уменьшилось, а вовторыхъ онъ самъ измѣнился, потому-что сначала свѣчка въ немъ горѣла, а потомъ потухла.

Если мы допустимъ, что воздухъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, то является еще подозрѣніе: нѣтъ ли въ воздухѣ такихъ двухъ частей, изъ которыхъ одна часть способствуетъ горѣнію свѣчи, и при самомъ горѣніи изчезаетъ; а другая такого свойства, что въ ней зажженное тѣло тухнетъ? Если наши подозрѣнія оправдались бы, то мы рѣшили бы свою загадку: отчего въ нашемъ опытѣ свѣчка подъ стаканомъ потухла.

Да, наши предположенія всѣ оправдываются. Воздухъ состоитъ изъ нѣсколькихъ разныхъ частей. Составныя части воздуха по своему виду похожи на него, онѣ воздухообразны; это—газы. Одинъ изъ нихъ называется *кислородомъ*, и этотъ-то газъ поддерживаетъ горѣніе, слѣдовательно и горѣніе нашей свѣчки. Онъ составляетъ около одной пятой части воздуха по объему, т. е. въ пяти стаканахъ воздуха находится около цѣлаго стакана чистаго кислорода. У насъ свѣчка потухла: значитъ, подъ стаканомъ кислорода воздуха нѣтъ; онъ вмѣстѣ съ горѣніемъ изчезъ.

Куда же дѣвался кислородъ воздуха подъ стаканомъ? Мѣсто его сдѣлалось порожнимъ и замѣстилось водою. Сдѣлаемъ слѣдующій опытъ: зажгите какую-нибудь свѣчку, и прикройте пламя стаканомъ такъ только, чтобы она не потухала, т. е. дайте туда доступъ воздуху; вы увидите, что стаканъ при этомъ внутри вспотѣетъ—покроется водою. Эта вода есть осажденіе водяныхъ паровъ, которые частію образовались отъ самаго горѣнія, какъ говорятъ, вслѣдствіе химическаго соединенія. Кислородъ воздуха, поддерживая горѣніе, въ тоже время съ находящимся въ горючемъ матеріялѣ свѣчки другимъ газомъ, называемымъ водородомъ, химически соединился и образовалъ водяные пары.

Кислородъ воздуха при горѣніи тѣлъ соединяется съ горючими веществами, и составляетъ съ ними новыя тѣла, которыя бываютъ воздухообразныя, жидкія и твердыя. Въ горючемъ матеріялѣ свѣчки, мы сказали, есть водородъ. Этотъ газъ теплоты отдѣляется изъ горючаго матеріяла, горитъ, и при горѣніи соединяется съ кислородомъ воздуха, образуя при этомъ водяные пары—воду.

Вода, значитъ, состоитъ изъ двухъ газовъ: кислорода и водорода. Эти два газа соединены въ водѣ химически. Изъ тогоже горючаго матеріяла отъ теплоты образуется другое вещество—дымъ, копоть—уголь. Уголь есть тѣло твердое, но кромѣ извѣстнаго твердаго своего состоянія (въ которомъ всегда есть нѣкоторое количество водорода), въ совершенно чистомъ видѣ онъ бываетъ въ состояніи воздухообразномъ. Въ самомъ чистомъ состояніи, гдѣ нѣтъ никакихъ примѣсей, уголь называется *углеродомъ* *. Углеродъ есть тѣло простое и имѣетъ видъ газа. Какъ уголь, такъ и углеродъ суть горючія вещества.

Уголь при достаточномъ притокѣ воздуха, соединяясь при горѣніи съ кислородомъ этого воздуха, превращается въ особый газъ, называемый *угольною кислотою* **. Но угольная кислота сама уже не горитъ, и всѣ зажженныя тѣла въ ней тухнутъ.

Въ нашемъ опытѣ при горѣніи свѣчки также образуется угольная кислота. Это тотъ самый газъ, которымъ наполнена извѣстная собачья пещера ***, гдѣ всѣ собаки умираютъ, потому-что въ угольной кислотѣ животныя жить не могутъ. Угольная кислота тяжелѣе воздуха, и потому занимаетъ нижній слой пещеры. Этотъже газъ бываетъ причиною растрескиванія бутылокъ съ шипучими винами.

Если же горѣніе происходитъ при небольшомъ доступѣ воздуха,

---

* Есть еще одно состояніе углерода, которое по своему виду совершенно не похоже ни на уголь, ни на газъ—углеродъ. Это состояніе есть алмазъ-брилліантъ. Алмазъ есть не что иное, какъ чистый уголь въ видѣ прозрачнаго кристалла. Онъ тоже горитъ. См. ст. 161.

** Алмазъ при горѣніи также соединяется съ кислородомъ воздуха, и образуетъ туже угольную кислоту, какъ и уголь.

*** Въ окрестностяхъ Неаполя около Пуццоли.

то отъ дѣйствія жара, тотъже уголь съ кислородомъ воздуха образуетъ другой газъ, который называется *окисью углерода*. Этотъ газъ тотъ самый, который всякій можетъ замѣтить при окончаніи топки печки: такъ называемый синій огонекъ, причиняющій угаръ, есть окись углерода.

Если положите въ чашечку кусочекъ фосфора, зажжете его, и не очень плотно накроете большою стеклянною банкою; то увидите, что на внутреннія стѣнки банки насядетъ особое снѣгообразное вещество. Это вещество есть фосфорная кислота, образовавшаяся при горѣніи фосфора, и есть соединеніе фосфора съ кислородомъ воздуха, который поддерживалъ самое горѣніе.

Итакъ кислородъ при горѣніи образуетъ особыя вещества; тѣла, такимъ образомъ получаемыя, называются въ химіи произведеніями горѣнія.

Вторая составная часть воздуха есть тоже газъ; его называютъ *азотомъ*, или *селитрородомъ* (его очень много въ селитрѣ). Этотъ газъ не поддерживаетъ горѣнія. Онъ остался подъ стаканомъ, и въ немъ свѣчка потухла. Азотъ составляетъ около $^4/_5$ воздуха по объему, т. е. въ пяти равныхъ стаканахъ воздуха находится около четырехъ стакановъ азота. Замѣтьте, что вода подъ стаканомъ поднялась почти на $^1/_5$ всей его вмѣстимости, именно на ту часть, которую занималъ кислородъ бывшаго тамъ воздуха.

Итакъ горѣніе возможно при кислородѣ воздуха: кислородъ воздуха—газъ, который поддерживаетъ горѣніе.

Если животныя живутъ и не умираютъ, то этимъ они обязаны присутствію кислорода въ воздухѣ. Въ одномъ азотѣ животныя жить не могутъ. Легкія животныхъ, вдыхая воздухъ, питаются его кислородомъ. Потому-то и говорятъ, что въ легкихъ животныхъ происходитъ медленное горѣніе.

II. Прежде нежели зажигаете что-нибудь, сперва необходимо сообщить этому тѣлу теплоту—погрѣть его (стр. 374, ст. 163), напр. чтобы зажечь фосфорную спичку, должно потереть ее о какое-нибудь твердое тѣло и треніемъ сообщить теплоту, или прикоснуться до чего-нибудь нагрѣтаго, напр. теплаго самовара или теплой печки. По тому же самому, для полученія огня, трутъ два куска сухаго дерева одно о другое. Деревянныя оси на колесахъ загораются отъ тренія же. Высѣкая огонь изъ кремня, вы ударомъ огнива сообщаете стали теплоту, отъ чего сталь раскаляется и образуетъ искру. Если вы станете дѣлать это надъ листомъ бумаги, то увидите на немъ стальные шарики, тѣ самые, которые прежде, будучи накалены и расплавлены, представляли вамъ искру. Такимъ же образомъ вы зажигаете и свѣчку: сперва пламенемъ спички или другой свѣчки согрѣваете свѣтильню свѣчки, напитанную саломъ, воскомъ или чѣмъ другимъ; отъ нагрѣтой свѣтильни начинаютъ отдѣляться горючія вещества—газы, водородъ и углеродъ; эти газы, отдѣлившись, зага-

раются, и такимъ образомъ свѣчка продолжаетъ горѣть. Что здѣсь отдѣляются и горятъ газы, легко убѣдиться: задуйте пламя свѣчки, и коснитесь опять огня, она мгновенно снова воспламенится: чего не было сначала, когда вы только зажигали свѣчу. Прежде требовалось нѣкоторое время; здѣсь же вещество уже нагрѣто, и газы уже отдѣляются.

Можно еще другимъ опытомъ убѣдиться въ томъ, что при горѣніи свѣчки отдѣляются газы, и что эти-то газы и загораются тѣмъ пламенемъ, которое мы видимъ на верху зажженной свѣчки. Достаньте металлическую сѣточку, и накройте ею пламя свѣчки, такъ только, чтобы оно не погасло. Что видите? Пламя не проходитъ сквозь сѣтку; черезъ нее проходитъ одинъ только дымъ. Положите на верхъ сѣтки кусокъ бумаги; этотъ кусокъ не сгораетъ. Металлическая сѣтка не пропускаетъ сквозь себя теплоту до тѣхъ поръ, пока сама не раскалится; вотъ отъ чего не проходитъ сквозь нее пламя свѣчки. Вмѣстѣ съ дымомъ, который виденъ поверхъ сѣтки, отдѣляются тѣ газы, которые и горятъ пламенемъ. Коснитесь зажженою спичкою этого дыма—и онъ вспыхнетъ. Здѣсь горитъ и водородъ и углеродъ. Мы сказали, что металлическая сѣтка охлаждаетъ пламя и не пропускаетъ теплоты, пока сама не раскалится; если долго держать на свѣчкѣ такую сѣтку, то она разогрѣется, и пламя пройдетъ сквозь нее.

Основываясь на этомъ свойствѣ металлической сѣтки, дѣлаютъ изъ нея фонари, съ которыми безопасно ходить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдѣляется какой-нибудь горючій газъ. Фонарь окружается нѣсколькими металлическими сѣтками, и потому пламя его не воспламеняетъ газа, въ которомъ случается находиться человѣку. Такъ напр. въ нѣдрахъ земли добывается каменный уголь, при чемъ отдѣляется газъ, который при пламени тотчасъ вспыхнетъ, и этимъ угрожаетъ смертію работникамъ; поэтому тамъ употребляются лампы съ сѣтками *.

Зажегши сальную свѣчку, чрезъ нѣкоторое время вы замѣчаете, что свѣтъ ея уменьшился, вы беретесь за щипцы, и снимаете ее, т. е. отрѣзываете часть нагорѣвшей свѣтильни, которая сама собою не сгораетъ: пламя свѣчки опять дѣлается свѣтлымъ. Если же свѣчка стеариновая, то вы не нуждаетесь въ щипцахъ,—свѣтильня сама сгораетъ. Отчего первая свѣтильня не сгораетъ совершенно, вторая же не нуждается въ нашей помощи?

Взгляните пристальнѣе на пламя, напр. стеариновой свѣчки; вы увидите, что свѣтильня ея загнулась къ боку, конецъ ея раскалился, и она постоянно сохраняетъ одну величину. Попробуйте распрямить ее такъ, чтобы она стояла прямо, и вы увидите, что раскала

---

* Эта лампа съ металлическими сѣтками, въ честь изобрѣтателя, называется лампою Деви.

на концѣ свѣтильни нѣтъ, что длина начнетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока свѣтильня снова не загнется по прежнему. Постараемся это пояснить. Если вы посмотрите внимательнѣе на пламя свѣчки, то замѣтите, что оно неодинаково въ низу, съ боковъ, на верху и въ серединѣ. Внутри огня — пламя синевато, снаружи и наверху пламя бѣло, слѣдовательно это—два различныхъ пламени. Возьмемъ пламя другаго горючаго матеріяла, напр. спирта, нальемъ въ чашечку, и зажжемъ его. Возьмите кусочекъ горючаго вещества, напр. сѣры или даже фосфора на металлическую ложечку, и внесите его во внутрь пламени,—что̀ замѣчаете? Ваше вещество на ложечкѣ растаяло, растопилось и не горитъ, но едва вы выдвигаете его оттуда, мгновенно оно загорается. Отсюда слѣдуетъ заключить, что внутреннее пламя не зажигаетъ, но наружное пламя воспламеняетъ; кусочекъ фосфора, зажженный наружнымъ пламенемъ, мгновенно потухаетъ внутри пламени.

Что же тамъ внутри пламени?

Внутри пламени находятся тѣ воздухообразныя вещества, которыя теплотою отдѣляются изъ самаго горючаго матеріяла: сала, воска, стеарина и т. п. Соприкасаясь съ воздухомъ, или лучше сказать, съ кислородомъ воздуха, они загораются наружнымъ бѣлымъ пламенемъ.

Итакъ только наружное пламя сожигаетъ вещества: вотъ отъ чего въ сальной свѣчкѣ свѣтильня внутри пламени не сгораетъ и требуетъ щипцовъ. Свѣтильня передаетъ только растопленное сало—пламени. Если свѣтильня доставляетъ горючаго вещества менѣе, чѣмъ требуется для величины пламени,—иначе: если свѣтильня слишкомъ велика по калибру свѣчки, то она оплываетъ; если же свѣтильня слишкомъ мала, то свѣчка горитъ очень тускло.

Длятого, чтобы свѣтильня вся сгорала, конецъ ея необходимо долженъ соприкасаться наружному пламени. Дляэтого употребляются такъ называемыя плетеныя свѣтильни. Плетеная свѣтильня при горѣніи конецъ свой выгибаетъ изъ внутренняго пламени, и сгораетъ отъ наружнаго. Вотъ по чему въ стеариновыхъ свѣчахъ свѣтильня всегда высовывается, и по тому не требуетъ помощи щипцовъ.

Плетеныя свѣтильни стали употреблять и въ сальныхъ свѣчахъ, но неудачно. Правда, онѣ закручиваются иногда, но большей частію свѣчи отъ этого сильно оплываютъ; вотъ ихъ недостатокъ,—или же, если не оплываютъ, то требуютъ щипцовъ. Существуютъ также еще сальныя свѣчки съ плетеными свѣтильнями, полыми внутри. Думали, что внутри свѣтильни воздухъ станетъ проходить съ низу въ верхъ * и отъ прикосновенія воздуха не будетъ нагара, но этого нѣтъ.

---

* Подобно тому, какъ это бываетъ въ лампахъ:—воздухъ проходитъ съ низу лампы и идетъ особою трубочкою внутри.

Иногда свѣчи очень коптятъ; это происходитъ потому, что приготовляющіе ихъ часто намачиваютъ свѣтильни различными горючими жидкостями, думая, что отъ того свѣтильня будетъ сгорать. Восковыя свѣчи нѣкоторыми приготовляются этимъ способомъ.

Приготовляли также свѣчи, свѣтильни которыхъ были смазываемы клейкими веществами, и думали, что отъ того она будетъ загибаться; но и эти свѣчки неудовлетворительны, — онѣ сильно плывутъ.

III. Что же мы узнали, внимательно наблюдая надъ горѣніемъ свѣчки? Вотъ что:

Свѣчки приготовляются изъ такихъ веществъ, изъ которыхъ отъ теплоты отдѣляются газы; эти газы отъ прикосновенія съ пламенемъ загораются. Это первое условіе горѣнія свѣчи. Другое условіе есть достаточный притокъ воздуха.

Итакъ два главныхъ условія горѣнія: первое состоитъ въ горючемъ матеріялѣ, и второе—въ средѣ горѣнія.

Горючій матеріялъ: воскъ, сало, стеаринъ, отъ теплоты доставляютъ пламени пищу чрезъ свѣтильню; отдѣляющіеся газы загораются и представляютъ намъ пламя.

Среда горѣнія у насъ былъ воздухъ. Воздухъ есть физическое тѣло; въ составъ его входятъ два газа: кислородъ и азотъ. Эти два газа находятся въ воздухѣ въ простомъ смѣшеніи. Кислородъ поддерживаетъ горѣніе; въ азотѣ же зажженыя тѣла потухаютъ: онъ не поддерживаетъ горѣнія.

Если тѣла горятъ въ воздухѣ, то кислородъ воздуха соединяется (химически) съ горючимъ матеріяломъ, и отъ этого соединенія образуются новыя тѣла—произведенія горѣнія: такъ, при горѣніи свѣчки образовались водяные пары, угольная кислота. Водяные пары-вода въ чистомъ своемъ состояніи состоитъ изъ водорода и кислорода; угольная кислота—изъ углерода и кислорода. Водородъ и углеродъ отдѣляются изъ горючаго матеріяла, а кислородъ изъ воздуха.

Пламя свѣчки состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Свойства этихъ частей различны. Внутренняя часть пламени, темноватая, состоитъ изъ тѣхъ газовъ, которые отъ теплоты отдѣлились изъ горючаго вещества. Въ наружномъ, свѣтломъ пламени, эти газы соприкасаются съ кислородомъ воздуха, и горятъ, образуя различныя произведенія горѣнія.

Во внутреннемъ пламени—горѣнія нѣтъ, оно существуетъ только въ наружномъ. Поэтому въ стеариновыхъ свѣчахъ дѣлаютъ свѣтильни плетеныя, крученыя. Эти свѣтильни, разкручиваясь, выгибаютъ свой конецъ изъ внутренняго пламени, и сгораютъ въ наружномъ пламени. Въ сальныхъ же свѣчахъ свѣтильня не выгибается изъ внутренняго пламени, потому не сгораетъ и требуетъ помощи щипцовъ.

Степанъ Щепкинъ.

VI. ВНѢШНЯЯ СТОРОНА СЛОВЪ.

§ 61. Составъ словъ: звуки и слоги. Различіе звуковъ и слоговъ по относительному ихъ значенію въ составѣ слова: корень и окончаніе. Внѣшняя сторона и внутренняя каждаго реченія.

286. Начало весны.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
Синѣя блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса,
Какъ будто пухомъ, зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужь пѣлъ въ безмолвіи ночей.

1. а. *Лучами,* какъ членъ предложенія, есть дополненіе къ *гонимы,* а какъ часть рѣчи, есть имя существител. въ твор. над. множ. числа. Окончаніемъ — *ами* обозначается его отношеніе, какъ дополнительнаго слова къ *гонимы*: прямой именит. падежъ есть *луч-ъ*. Что подъ нимъ разумѣть должно понятіе о предметѣ, а не о дѣйствіи или качествѣ, на это указываетъ намъ его окончаніе *ъ*. въ именит. падежѣ; а что оно относится къ *гонимы* какъ дополненіе, на это указываетъ его окончаніе *ами,* а что подъ нимъ должно разумѣть именно свѣтъ солнечный, идущій по прямой чертѣ, а не что-нибудь другое, это даютъ намъ знать предшествующіе окончанію звуки *луч.*

Горъ есть существ. въ родит. над. множеств. чис.; окончаніе *ъ* показываетъ, что оно стоитъ, какъ обстоятельственное слово къ *сбѣжали*; именительный его есть *гора.* Что подъ этимъ словомъ надобно разумѣть также понятіе о предметѣ, а не о дѣйствіи или качествѣ, это мы знаемъ по его окончанію именит. падежа— *а* (*гора*); что оно употреблено здѣсь, какъ обстоятельственное слово, про это мы знаемъ изъ окончанія *ъ*, а что подъ нимъ должно разумѣть *значительную возвышенность земной поверхности,* про это мы знаемъ изъ предшествующихъ окончанію звуковъ *гор.* Стало-быть, каждое слово состоитъ: 1) изъ звуковъ, указывающихъ его значеніе, смыслъ; они-то составляютъ корень слова, 2) изъ звуковъ, опредѣляющихъ, какой родъ понятія или какое отношеніе въ предложеніи выражается извѣстнымъ словомъ: они-то называются окончаніями; Слѣд. каждое слово является намъ, какъ опредѣленное сочетаніе звуковъ, частей его, составляющихъ его корень и окончаніе. При этомъ сочетаніи звуковъ гласные въ соединеніи съ согласными, а иногда и одни, принимаются за особыя части слова, и называются *слогами: го-ни-мы.* По числу слоговъ слова раздѣляются на односложныя (горъ), двусложныя (снѣга) и многосложныя (безмолвіе).

b. Посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ представленія и понятія наши дѣлаются доступными нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, да и самые звуки подлежатъ наблюденію внѣшнихъ чувствъ; а потому звуковое сочетаніе въ словѣ называется

внѣшнею его стороною; а значеніе, или понятіе, имъ выражаемое, составляетъ внутреннюю его сторону.

§ 62. Роды корней: знаменательные и служебные, и другое ихъ названіе.

Отъ корня *луч* произошла знаменательная часть рѣчи—существительное луч-ъ, отъ корня *гн*—произошла тоже знамен. часть рѣчи—глаголъ *гн-а-ть*; но отъ корня *съ* произошла служебная часть рѣчи — мѣстоименіе *сей*, отъ корня *дв* произошла служ. часть рѣчи—числительное *два*, отъ корня *тѣ* произошли служ. часть рѣчи—нарѣчіе *тамъ* и мѣстоименіе *тотъ*. Стало-быть, корни бываютъ двухъ родовъ: отъ однихъ происходятъ знаменательныя части рѣчи: прилагательное, глаголъ, существительное и т. д.; отъ другихъ напротивъ — *служебныя*: мѣстоименіе, числительное, союзы и т. д.: а потому на сколько родовъ должно раздѣлить самые корни въ языкѣ? Какъ иначе они называются?

§ 63. Роды окончаній: отличительныя и относительныя.

Окончаніе *ъ* въ *луч-ъ* показываетъ, что подъ этимъ словомъ разумѣть должно понятіе о предметѣ; а окончаніе *ать* въ *гнать* показываетъ, что подъ нимъ должно разумѣть понятіе о дѣйствіи; стало-быть, этими окончаніями *отличается* одинъ разрядъ понятій отъ другаго, или одна часть рѣчи отъ другой, и потому они названы отличительными, или суффиксами.

Окончаніемъ луч-*ами* обозначается, что это слово въ предложеніи относится къ *гонимы*, какъ дополненіе,—окончаніе *гор-ѣ* показываетъ, что это слово относится, какъ обстоятельственное мѣста къ *сбѣжали*: такія окончанія называются относительными.

§ 64 Виды словъ а) по образованію: коренныя и производныя. правописаніе, перечень коренныхъ словъ съ буквою *ѣ*.

1. Слова *луч-ъ*, *гор-а*, *снѣг-ъ*, *гн-ать* ни отъ какого другаго слова не происходятъ, — въ нихъ отличительное окончаніе прибавлено прямо къ корню, а потому они называются *коренными*.

Слова же *вешній*, *окрестный*, *мутный* напротивъ происходятъ отъ другихъ словъ, а именно: вешній отъ *весна*, окрестный отъ *окрестъ*, мутный отъ *мут-ить* (—мяту), а потому называются *производными*.

§ 65. Виды словъ б) по составу: простыя и сложныя. Способы сложенія, и отсюда раздѣленіе словъ сложныхъ на виды: сложныя собственно и составныя. Правописаніе.

Слова *сбѣжали*, *потопили* составлены изъ двухъ словъ: первое изъ предлога *съ* и глагола *бѣжали*, второе изъ предлога *по* и глагола *топили*, а потому назыв. *сложными*. Слова же *лучъ*, *ручей* состоятъ только изъ одного слова, не сложены ни съ какимъ другимъ словомъ, и потому назыв. *простыми*.

Слова сложныя *земл-е-дѣлецъ*, *книг-о-продавецъ* соединились между собой такъ, что первыя: земля и книга присоединились ко вторымъ: дѣлецъ и продавецъ не собственными своими окончаніями *я* и *а*, но посредствомъ гласныхъ *е* и *о*; сложныя же: *Царьградъ*, *то-то*? соединились между собой, удержавъ свои окончанія-

стало, сколько же способовъ образовать сложныя слова? Словамъ, сложеннымъ по первому способу, т. е. посредствомъ *е* и *о* даютъ названіе сложныхъ собственно, а сложнымъ по второму способу, т. е. съ удержаніемъ своихъ окончаній—*составныхъ*.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Укажите корни и окончанія,—слова коренныя и производныя, простыя и сложныя, какія изъ нихъ образовались изъ корней знаменательныхъ, и какія—изъ служебныхъ, какія у нихъ отличительныя окончанія и какія—относительныя; объясните, какую разницу представленій показываютъ отличит. окончанія, и какія отношенія въ предложеніи выражаются окончаніями относительными; отличите слова односложныя отъ двусложныхъ, а сіи послѣднія отъ многосложныхъ. Какъ пишутся слова составныя?

287. Гутта-перча.

I. ЧТО ТАКОЕ ГУТТА-ПЕРЧА?

Гутта-перча * — это, какъ и резина, высохшій молочный сокъ дерева, съ которымъ хорошо познакомились только въ 1847 году. По цвѣткамъ, которые д-ръ Окелей прислалъ въ гутта-перчевомъ ящикѣ въ Англію, и которые достались въ руки ботаника Хукера, узнали, что это растеніе принадлежитъ къ роду *isonandra*, изъ семейства *sapotacea*. Онъ далъ ему названіе *isonandra gutta*.

Дерево, доставляющее гутта-перчу, достигаетъ 40—70 футовъ въ вышину и отъ 4—9 ф. въ поперечникѣ. Оно растетъ по преимуществу на наносной почвѣ, у подошвы холмовъ. Его находятъ отъ Сингапура на сѣверъ до Пинанга, къ югу — по восточному берегу Суматры и Явы, а къ востоку—до самаго ос. Борнео. Какъ въ каучуковыхъ деревьяхъ, такъ и здѣсь между корою и деревомъ есть многочисленные сосуды, въ которыхъ обращается молочный сокъ. Но такъ-какъ потребность на него была очень велика, то туземцы не старались надрѣзать деревьевъ, а просто срубали ихъ, длятого-чтобы съ разу получить значительную заработку. Затѣмъ сдирали кожу, и вытекавшій сокъ собирали въ плоское корыто, сдѣланное изъ листьевъ чинара. Что такимъ образомъ въ одинъ мигъ уничтожали 50- или даже 100-лѣтнюю растительную силу—объ этомъ они и не думали. Если подумать, что одно такое дерево, среднимъ числомъ, даетъ 20 и даже 30 фунтовъ соку, то легко составить себѣ понятіе о такомъ безумномъ опустошеніи. Въ первые четыре года было истреблено для вывоза не менѣе 142,730 деревьевъ.

---

* Туземцы называютъ *гутта-табанъ*, а не гутта-перча, — *перчей* же они зовутъ низшій сортъ, вѣроятно добываемый не изъ isonandra gutta, а изъ какого-нибудь другаго дерева (ficus).

Хотя это дерево и находится въ большомъ количествѣ и на обширномъ пространствѣ, но въ Англіи громко выражалось опасеніе, что вслѣдствіе такого неэкономическаго способа собиранія, драгоцѣнный матеріялъ рано или поздно совершенно истощится. Это бы непремѣнно и случилось, если бы особенное общество, образовавшееся въ Англіи, не вмѣшалось въ это дѣло, и не принудило туземцевъ, при собираніи гутта-перчи, щадить деревья и поступать точно такъ же, какъ при собираніи каучука. Такія мѣры не остались безъ хорошихъ послѣдствій.

Сокъ, вытекающій изъ дерева, сгущается уже по прошествіи нѣсколькихъ минутъ. Прежде, чѣмъ отвердѣетъ необработанная смола, ее мѣсятъ руками длятого, чтобы освободить отъ водянистыхъ частицъ; и даютъ ей форму продолговатыхъ массъ, отъ 7—12 дюймовъ длины и отъ 4 до 5 д. толщины. Работа эта поручается по большей части женщинамъ.

II. КАЧЕСТВА И УПОТРЕБЛЕНІЕ ГУТТА-ПЕРЧИ.

Чистая гутта-перча обыкновенно сѣровато-бѣлаго цвѣта; поступающая же въ продажу окрашена красновато-коричневымъ цвѣтомъ, потому-что кора при сборѣ нерѣдко попадаетъ въ сокъ. Первоначальный цвѣтъ можно легко возстановить, *процѣдивъ* растворъ въ хлороформѣ, или сѣрноуглеродѣ, и давъ ему потомъ свободно испариться.

Гутта-перча собственно не имѣетъ никакаго запаха, или же слегка пахнетъ кожей; но часто она сильно пахнетъ (гнилымъ сыромъ или кислотой), вслѣдствіе примѣси различныхъ веществъ, перешедшихъ въ броженіе. Гутта-перча, какъ и каучукъ, есть крѣпкое углеводородное вещество, состоящее изъ 87, 8 углерода, и 12, 2 водорода. Каучукъ и гутта-перча имѣютъ большое сходство: на нихъ напр. одинаково не дѣйствуютъ вода, винный спиртъ, кислоты и щелочь; средства, растворяющія каучукъ, растворяютъ и гутта-перчу. Но лучше всего она растворяется въ хлороформѣ, въ которомъ каучукъ только распускается. Гутта-перча воспламеняется, и подобно каучуку горитъ пламенемъ съ сильною копотью. Если нагрѣть ее свыше 150°, то она распускается, и, охладѣвъ, болѣе уже не твердѣетъ. Она плаваетъ на поверхности воды, но только потому, что масса въ такомъ видѣ, какъ она встрѣчается въ торговлѣ, имѣетъ множество поръ.

Но рядомъ съ этимъ сходствомъ есть и поразительныя отличія; къ послѣднимъ слѣдуетъ особенно отнести совершенный недостатокъ упругости и удивительную стойкость относительно теплоты. При обыкновенной температурѣ отъ 0 до 20°, гутта-перча почти такъ же тверда, какъ каучукъ, долгое время лежавшій на холодѣ; но при этомъ она кожеобразна, клейка, крѣпка и пр., такъ-что

во многихъ случаяхъ предпочитается дереву и рогу. Ее очень трудно вытянуть; если ее сильно согнуть, то она не вполнѣ принимаетъ свою первоначальную форму. Но при сравнительно весьма незначительной теплотѣ, гутта-перча дѣлается мягкою и способною къ обработкѣ: она гнется уже при 25°; при 48° ее можно мять какъ воскъ; а при 56° и 60° она дотого упруга, что ее можно вытягивать и сжимать въ трубки, нитки и ленты. Охладѣвъ, гутта-перча принимаетъ прежнюю твердость и неупругость; смягчать и приводить ее въ твердое состояніе можно сколько хочешь, не причинивъ ей ни малѣйшаго вреда. Свѣжія разрѣзанныя поверхности не слѣпляются, какъ у каучука; но все-таки можно слѣпить два куска, нагрѣвъ ихъ при 60° и слегка сдавивъ ихъ: такимъ образомъ они слипаются отъ теплоты и притомъ такъ же крѣпко, какъ каучукъ.

Замѣчательна еще твердость гутта-перчи. Судя по нѣкоторымъ сдѣланнымъ надъ нею опытамъ, она оказываетъ значительное сопротивленіе: такъ напр. кусокъ, въ $^1/_8$ дюйма толщины, рвется только при тяжести 50 фунтовъ. Твердости ея, къ сожалѣнію, вредитъ теплота.

Такія свойства гутта-перчи указали, къ чему она можетъ примѣняться. Вслѣдствіе ея непромокаемости, сопротивленія винному спирту, кислотамъ и щелоку, гутта-перча замѣняетъ кожу, ткани, бумагу, картонъ, дерево, рогъ и даже металлы.

Изъ нея можно производить такое множество предметовъ, что нѣтъ почти никакой возможности ихъ перечислить и представить въ полномъ обзорѣ. Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ и важныхъ приложеній ея есть приготовленіе трубъ, которыя дѣлаются изъ нея до 1000 футовъ длины,—слѣд. самыя длинныя, какія когда-либо дѣлались изъ другаго матеріяла. Такъ-какъ гутта-перча отъ теплоты получаетъ способность принимать различныя формы, то при переломѣ костей она оказываетъ важныя услуги хирургу. Д-ръ Окелей въ Остъ-Индіи разсказываетъ, что къ нему въ госпиталь привели человѣка, которому лошадь копытомъ раздробила нижнюю челюсть, такъ-что у него изъ ушей шла кровь; дней десять спустя, онъ уже могъ ѣсть и говорить, а еще дней черезъ десять, ему было такъ ловко съ гутта-перчевою перевязкой, что онъ вскорѣ вышелъ изъ больницы. Докторъ этотъ дотого превозноситъ употребленіе гутта-перчи для перевязокъ, что говоритъ: «если бы гутта-перча не нашла себѣ никакихъ другихъ приложеній кромѣ этого; то всетаки она была бы драгоцѣннымъ подаркомъ для человѣчества. Она такъ хорошо входитъ во всякое углубленіе, что служитъ больному скорѣе новою костью, чѣмъ простой ея подпоркой».— Для выдѣлки непромокаемыхъ матерій также употребляютъ гутта-перчу.

III. Обработка гутта-перчи.

Обработка гутта-перчи въ общихъ чертахъ сходна съ обработкою каучука. Ее также сперва нужно очистить, ибо на $^1/_4$ къ ней иногда примѣшаны для обмана различныя растительныя частицы: опилки, песокъ, земля, камешки и пр. При очисткѣ употребляютъ соду или хлористую известь. Затѣмъ сильно мнутъ гутта-перчу, чтобы уничтожить поры, и образуютъ изъ нея большіе куски. Чтобъ образовать пласты, куски не рѣжутъ, но пропускаютъ теплую массу черезъ валы, какъ жесть. Пласты эти, отъ одного дюйма толщины до толщины въ листъ бумаги, во многихъ случаяхъ замѣняютъ кожу; тонкіе употребляются вмѣсто обыкновенной клеенки для упаковки вещей, которыя слѣдуетъ предохранить отъ сырости. Въ особенности она хорошо замѣняетъ кожу при обшивкѣ машинъ.

IV. Когда и черезъ кого стала извѣстна въ Европѣ гутта-перча?

Не далѣе, какъ лѣтъ десять, каучукъ нашелъ себѣ соперника въ извѣстной гутта-перчѣ, которая тотчасъ же была принята съ восторгомъ, потому-что смягчается въ теплой водѣ; когда ее начнешь мѣсить, то она принимаетъ всевозможныя формы. Знакомствомъ съ этимъ полезнымъ веществомъ мы обязаны шотландцу д-ру *Вилліаму Монтгомери*, который былъ врачомъ въ резиденствѣ Сингапурѣ, на Малайскомъ полуостровѣ. Во время своихъ путешествій по окрестностямъ, пустился онъ однажды въ разговоръ съ малайцемъ, коловшимъ дерево. Тутъ онъ обратилъ вниманіе на топорище, которое было сдѣлано изъ неизвѣстнаго ему матеріяла, и съ удивленіемъ услышалъ отъ малайца, что твердое топорище мякнетъ при погруженіи въ горячую воду, и принимаетъ всевозможныя формы, которыя по охлажденіи остаются навсегда. Опытъ былъ скоро сдѣланъ, и слова малайца вполнѣ оправдались. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, Монтгомери узналъ, что это прекрасное свойство гутта-перчи давно уже извѣстно туземцамъ, и что они дѣйствительно имъ пользуются. Изъ него дѣлали трости, ручки для бичей, рукоятки для ножей, кинжаловъ, и самые разнообразные инструменты. Монтгомери тотчасъ же призналъ пользу этого вещества, и въ 1843 году послалъ въ Лондонъ образчики, обративъ вниманіе на разнообразное его приложеніе. Открылось, что гутта-перча, подъ названіемъ «mayez wood» какъ рѣдкость, заходила не разъ въ Англію изъ Остъ-Индіи и Китая, но достоинство и польза этого вещества не были признаны, ибо ничего не знали о драгоцѣнномъ его свойствѣ. На слова Монтгомери обратили вниманіе, и въ слѣдующемъ году были привезены въ Англію на пробу два центнера гутта-перчи. Нашли, что Монтгомери не преувеличилъ

ея достоинства, и общество поощренія искусствъ и ремеслъ наградило изобрѣтателя золотою медалью.

Каучуку долго пришлось ждать, пока повсюду признали его пользу; гутта-перча была счастливѣе: на нее тотчасъ же обратили вниманіе не только въ Англіи, но и на европейскомъ материкѣ и въ сѣверной Америкѣ, такъ-что въ короткое время она вездѣ нашла себѣ обширный сбытъ.

288. Мышь и Крыса.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорятъ, попала въ когти льву?
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»
«Не радуйся, мой свѣтъ»,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:
«И не надѣйся по пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами. *Крыловъ.*

289. Свиданіе Суворова съ императоромъ Павломъ I.

(По разсказу кн. Андрея Ив. Горчакова).

Въ февралѣ 1798 года, флигель-адъютантъ князь Горчаковъ (Андрей Ивановичъ), племянникъ Суворова, получилъ повелѣніе съѣздить въ Кончанское, чтобы пригласить его пріѣхать немедленно въ Петербургъ.

Пріѣздъ Суворова въ столицу живо характеризуетъ и стараго вождя, и самаго императора Павла.

Суворовъ не только не обрадовался полученному отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостію и плохимъ здоровьемъ; лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ согласился отправиться въ путь, поручивъ однакоже своему племяннику доложить государю, что не можетъ иначе ѣхать, какъ проселочными дорогами и на своихъ лошадяхъ. Князь Горчаковъ поспѣшилъ впередъ съ этимъ донесеніемъ.

*

Императоръ столь нетерпѣливо ожидалъ свиданія съ Суворовымъ, что по нѣскольку разъ въ день присылалъ спросить у князя Горчакова: скоро ли прибудетъ его дядя? — Но старикъ не торопился; онъ ѣхалъ, какъ говорится, «на долгихъ». Государь далъ приказаніе князю Горчакову немедленно же доложить Его Величеству лишь только пріѣдетъ фельдмаршалъ, въ которомъ бы ни было часу.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, кибитка кончанскаго помѣщика остановилась у петербургской заставы. Здѣсь встрѣтилъ его князь Горчаковъ, и хотя время было уже позднее, однакоже, исполняя въ точности государево повелѣніе, онъ прямо поѣхалъ съ донесеніемъ во дворецъ, междутѣмъ—какъ Суворовъ отправился въ квартиру своего племянника графа Д. Н. Хвостова. Императоръ имѣлъ обыкновеніе въ 10 часовъ вечера удаляться въ свою спальню, раздѣвался и тогда уже не принималъ никого. Однакоже на сей разъ, въ видѣ особенной милости, князь Горчаковъ былъ допущенъ въ спальню государеву, и получилъ приказаніе объявить Суворову, что Его Величество немедленно же принялъ бы его, если бъ не было такъ поздно; пріемъ назначенъ былъ на другой же день утромъ, тотчасъ по возвращеніи императора съ обычной прогулки. Князь Горчаковъ, предваренный дядею, спросилъ, въ какой формѣ повелѣно будетъ графу представиться, такъ-какъ онъ отставленъ безъ мундира.—«Въ такомъ мундирѣ, какой вы носите»,—отвѣчалъ государь, т. е. въ общемъ армейскомъ *.

Мундиръ племянника пришелся почти въ пору старому дядѣ; нашили звѣзды, кресты, и на слѣдующее утро, въ 9-мъ часу, отправился Суворовъ во дворецъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ. Ожидая въ пріемной комнатѣ возвращенія государя съ прогулки, Суворовъ успѣлъ, по старому своему обычаю, подшутить надъ нѣсколькими изъ бывшихъ тутъ придворныхъ, и между прочимъ заговорилъ съ графомъ Кутайсовымъ потурецки. Около 9¼ часовъ, императоръ подъѣхалъ верхомъ къ зимнему дворцу, и немедленно же Суворовъ былъ приглашенъ въ кабинетъ; онъ оставался тамъ глазъ на глазъ съ государемъ болѣе часа; въ первый разъ случилось, — къ крайнему удивленію всѣхъ остававшихся въ пріемной комнатѣ,—что императоръ опоздалъ даже къ разводу, который обыкновенно начинался ровно въ 10 часовъ. Къ разводу приглашенъ былъ и фельдмаршалъ; въ угожденіе ему, государь дѣлалъ баталіону ученіе, водилъ его въ штыки, скорымъ шагомъ и проч.; но Суворовъ явно показывалъ невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, то шутилъ надъ окружавшими, то подходилъ къ князю Горчакову, говоря ему: «нѣтъ, не могу болѣе, уѣду.» —

* Въ то время адъютанты особыхъ мундировъ не имѣли.

Князь Горчаковъ убѣждалъ своего причудливаго дядю, что уѣхать съ развода прежде государя неприлично; но старикъ былъ упрямъ:—«Нѣтъ, я боленъ»,—сказалъ онъ,—«не могу больше», и уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь не могъ не замѣтить странныхъ поступковъ Суворова, и, послѣ развода призвавъ къ себѣ князя Горчакова въ кабинетъ, сурово спросилъ его: «что значитъ все это?»—Молодой князь Горчаковъ, крайне смущенный, старался сказать что могъ въ извиненіе своего дяди; но императоръ, прервавъ его съ замѣтнымъ волненіемъ, началъ подробно припоминать свой продолжительный разговоръ съ Суворовымъ: «я говорю ему о заслугахъ, которыя онъ можетъ еще оказать отечеству и мнѣ, веду рѣчь къ тому, чтобъ онъ самъ попросился на службу; а онъ вмѣсто того кинется въ Измаилъ, и начинаетъ длинно разсказывать штурмъ. Я слушаю, слушаю, пока не кончитъ, потомъ снова навожу разговоръ на свое; вмѣсто того, гляжу, мы очутились въ Прагѣ или въ Очаковѣ....» Потомъ государь говорилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ о поведеніи Суворова на разводѣ, и наконецъ сказалъ князю Горчакову: «Извольте же, сударь, ѣхать къ нему; спросите у него самого объясненія его дѣйствій, и какъ можно скорѣе привезите отвѣтъ; до тѣхъ поръ я за столъ не сяду.»

Князь Горчаковъ поспѣшилъ къ своему дядѣ, и передалъ ему слова государя; онъ нашелъ Суворова въ прежнемъ раздраженномъ расположеніи: «Инспекторомъ—я былъ въ генералъ-майорскомъ чинѣ»,—говорилъ онъ;—а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины, не спрашиваясь... тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то—лучше назадъ въ деревню; я старъ и дряхлъ, хочу въ монахи!...» и прочее, и прочее, въ томъ же родѣ. Князь Горчаковъ возражалъ, что не можетъ передать такихъ рѣчей государю: «Ну ты передавай, что хочешь, а я отъ своего не отступлюсь.»

Было уже далеко за полдень, а ровно въ часъ государь обыкновенно садился за обѣдъ. Князь Горчаковъ поспѣшно возвратился во дворецъ въ совершенномъ недоумѣніи, какъ доложить императору; онъ рѣшился сказать для оправданія своего дяди, будто онъ былъ слишкомъ смущенъ въ присутствіи государя, и что крайне сожалѣетъ о своей неловкости, что въ другой разъ онъ, безъ сомнѣнія, будетъ уже говорить иначе, и съ радостію воспользуется царскою милостію, если Его Величеству угодно будетъ принять его въ службу. Выслушавъ это объясненіе, государь сказалъ строго князю Горчакову: «хорошо, сударь; я поручаю вамъ вразумить вашего дядю; вы будете отвѣчать за него!»

Послѣтого императоръ не разъ приглашалъ Суворова къ столу своему; видѣлъ его на разводѣ, и вообще обращался съ нимъ милостиво; однакоже старикъ не просился въ службу, и когда разговоръ касался слишкомъ близко этого предмета, то Суворовъ начиналъ обыкновенно жаловаться на свои лѣта и слабость здоровья. Князь Горчаковъ по прежнему служилъ посредникомъ между царемъ и полководцемъ — и часто былъ поставляемъ въ самое затруднительное положеніе странными поступками своего дяди. Въ присутствіи государя, Суворовъ искалъ всякаго случая, чтобы подшутить надъ установленными новыми правилами службы и формами: то усаживался цѣлыя четверть часа въ карету, показывая, будто никакъ не можетъ справиться съ торчащею сзади шпагою; то на разводѣ прикидывался, будто не умѣетъ снять шляпу, и долго хватая за нее то одною рукою, то другою, кончалъ тѣмъ, что ронялъ шляпу къ ногамъ самого государя. Иногда же нарочно перебѣгалъ и суетился между проходившими церемоніальнымъ маршемъ взводами: что было строжайше запрещено и считалось непростительнымъ нарушеніемъ порядка въ строю. При этомъ шепталъ онъ молитвы, и крестился, и когда разъ государь спросилъ его, «что́ это значитъ?»—то Суворовъ отвѣчалъ: «читаю молитву, государь: да будетъ воля твоя». Каждый разъ послѣ подобной продѣлки, Павелъ I обращался къ князю Горчакову, и требовалъ отъ него объясненій; тотъ долженъ былъ ѣздить къ Суворову и привозить государю отвѣты своего собственнаго вымысла; ибо никогда не могъ онъ передать тѣ рѣчи, которыя въ самомъ дѣлѣ слышалъ отъ дяди.

Такъ прожилъ Суворовъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль. Необыкновенная снисходительность и милость императора не смягчили упорства отставнаго фельдмаршала, который всегда подъ разными предлогами отклонялъ разговоръ о поступленіи снова на службу. Наконецъ, однажды въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню на отдыхъ; Павелъ I съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣтилъ, что не можетъ его удерживать противъ воли. Тогда Суворовъ подошелъ къ рукѣ императора, откланялся, и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню.

Д. Милютинъ.

290. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;

Ты жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;

Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-Баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдѣльце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Ю. Лермонтовъ.

291. Стекло.

Послѣ желѣза стекло составляетъ одинъ изъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ предметовъ для человѣка. Въ видѣ оконныхъ стеколъ оно пропускаетъ солнечный свѣтъ, не преломляя его, и служитъ защитою отъ холода и жара, дождя и вѣтра и различныхъ насѣкомыхъ. Въ видѣ сосудовъ оно представляетъ самое удобнѣйшее помѣщеніе для жидкостей. Съ помощію стекла астрономъ производитъ свои наблюденія, а естествоиспытатель свои изслѣдованія въ недоступной невооруженному глазу области природы. Стекло помогаетъ зрѣнію старика; въ видѣ зеркалъ служитъ украшеніемъ нашихъ комнатъ; наконецъ стекло употребляется даже для приготовленія искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Поэтому съ самыхъ древнихъ временъ стекло составляло важный предметъ торговли, и всѣ народы соперничали между собою въ приготовленіи и усовершенствованіи производства его.

Изобрѣтеніе стекла—справедливо или нѣтъ, остается нерѣшеннымъ—приписываютъ финикіянамъ. Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно, что они знали стекло и приготовленіе его, и распространили эти знанія далѣе на западѣ. Но изъ всѣхъ древнихъ народовъ въ наибольшемъ потребленіи стекло, безспорно, было у римлянъ. Во второй половинѣ перваго столѣтія по Р. Х. появились въ Римѣ первыя стеклянныя фабрики; на нихъ приготовлялось преимущественно дутое стекло; извѣстно было также и разноцвѣтное. Какъ

высоко въ послѣдующія столѣтія ставили фабрикацію стекла, можно судить изъ того, что императоръ Константинъ освободилъ отъ податей всѣхъ занимавшихся стекляннымъ производствомъ. Съ нашествіемъ варваровъ, фабрикація стекла перешла въ Галлію и оттуда вдоль по Рейну въ Бельгію. Распространеніе христіянства необыкновенно способствовало усиленію производства стеколъ, такъ-какъ вошло во всеобщее обыкновеніе употреблять въ зданіяхъ, преимущественно въ церквахъ, цвѣтныя стекла. Это послѣднее обыкновеніе между прочимъ повело къ возникновенію въ Германіи живописи на стеклѣ, которая высшаго совершенства достигла въ работахъ семейства Гиршфогель, въ Нюрнбергѣ, во второй половинѣ XV столѣтія.

Первый стеклянный заводъ въ Германіи появился въ IX столѣтіи въ одномъ монастырѣ близъ Констанца, но свѣдѣнія о фабрикаціи и употребленіи стекла въ то время очень недостаточны. Несомнѣнно только, что бѣлое стекло лишь впослѣдствіи получило большее значеніе; первый заводъ для приготовленія его основанъ былъ во Франціи въ 1330 г., но потомъ заводы бѣлаго стекла начали быстро умножаться, такъ-что въ XV столѣтіи Людовикъ XI учредилъ особенный стекольный цехъ. Въ тоже время появилась фабрикація бѣлаго стекла и въ Богеміи. Оконныя стекла впрочемъ не были во всеобщемъ употребленіи, такъ-что еще въ XIV и XV столѣтіи въ Англіи даже въ знатныхъ домахъ были рѣшетчатыя окна изъ ивовыхъ прутьевъ или изъ тонкой дубовой коры, а во Франціи еще въ XVIII столѣтіи нерѣдко употребляли вмѣсто стеколъ масляную бумагу. Какую важность придавали въ то время производству стекла, и какъ старались о распространеніи этого производства, видно изъ того, что во Франціи возводили тогда въ дворянское достоинство всякаго, кто устроивалъ стеклянный заводъ; точно также стеклянные мастера въ Мурано близъ Венеціи пользовались правами дворянства.

Въ XVIII столѣтіи, особенно послѣтого, какъ сдѣлалось извѣстнымъ также приготовленіе зеркалъ (въ XIII столѣтіи въ Венеціи и съ 1797 г. въ Германіи) появились многочисленные стеклянные заводы, особенно въ Германіи, такъ-что въ Богеміи въ концѣ этого столѣтія считалось до 70 заводовъ съ 500 рабочихъ, и на нихъ выработывалось на 2.000,000 гульденовъ различнаго стекла. Съ того времени фабрикація стекла быстро развивалась, особенно вслѣдствіе различныхъ новыхъ открытій и усовершенствованій въ производствѣ, и чрезвычайно усилилась, какъ въ Германіи, такъ во Франціи и Англіи. Въ настоящее время въ Англіи, гдѣ употребленіе стекла появилось позже другихъ странъ, производство его получило громадное развитіе, такъ-что ни одна страна въ этой отрасли промышленности не можетъ соперничать съ нею. Практическій

смыслъ англичанъ не только съумѣлъ въ невѣроятной степени усовершенствовать и облегчить производство стекла, но и распространить его употребленіе для всевозможныхъ цѣлей въ промышленности и домашней жизни, такъ-что оно въ настоящее время во многихъ случаяхъ замѣняетъ камень и металлъ и другіе матеріялы.

Обработка стекла различна, смотря по разнымъ сортамъ его. *Выдуваніе*, *литье* и *прессованіе* составляютъ три главныхъ способа, употребляемыхъ при приготовленіи издѣлій на стеклянныхъ заводахъ.

Дутое стекло преимущественно употребляется для бутылокъ и сосудовъ всякаго рода. Бутылки составляли еще въ XV столѣтіи большую рѣдкость; въ настоящее же время онѣ производятся въ огромномъ размѣрѣ. Фабрика Эдгара Бреффета въ Кестельфордѣ близъ Понтрефакта напр. еженедѣльно вырабатываетъ 60,000 бутылокъ. Издѣлія изъ выдувнаго стекла называютъ также goblet terie, и разумѣютъ подъ этимъ всѣ предметы, употребляемые для дома и столовой посуды, если они сдѣланы не изъ хрусталя.

Листовое стекло частію тоже выдувается, частію прокатывается. Количество ежегодно выработываемаго листоваго стекла громадно. Братья Ченсъ и комп. (Chance and comp.) въ Ольдбери близъ Бирмингама приготовляютъ ежегодно 21.000,000 квадр. фут. листоваго стекла, и въ томъ числѣ нѣкоторыя стекла въ 68 дюйм. въ поперечникѣ.

Зеркальныя * и вообще литыя стекла особенно хорошо приготовляются во Франціи и Англіи, но и Баварія также ежегодно доставляетъ ихъ до 10,000 центнеровъ. Зеркала приготовляются огромныхъ размѣровъ: на лондонской промышленной выставкѣ было одно зеркало въ 18 фут. 8 дюйм. вышины и въ 10 фут. ширины; оно вѣсило 20 центнеровъ.

Изъ хрусталя приготовляютъ дорогіе роскошные предметы, какъ напр. люстры, бокалы, чаши, вазы, канделабры, сервизы, столовые приборы. Они въ торговлѣ находятся частію выдавленные, частію шлифованные, окрашенные разными металлическими красками, съ украшеніями и позолотою. Главныя мѣста производства тяжелаго, содержащаго окись свинца хрусталя суть: Англія, Франція и Бель-

* Стекла, назначенныя для приготовленія зеркалъ, первоначально посеребряются. Посеребреніе дѣлается очень просто. Большой мелкозернистый каменный столъ покрывается листовымъ оловомъ, которое натирается ртутью. Затѣмъ наливаютъ на него нѣсколько большее количество ртути, осторожно надвигаютъ стекло и сверху кладутъ тяжелыя желѣзныя гири, обвернутыя внизу толстою шерстяною матеріею длятого, чтобы стекло не лопнуло; по прошествіи 7 часовъ снимаютъ тяжесть и осторожно поднимаютъ стекло.

гія. Такъ называемый *мѣловой хрусталь*, который гораздо легче, приготовляется преимущественно въ Богеміи, Силезіи и Баваріи.

Флинтглась есть изобрѣтеніе англичанъ, и употребляется преимущественно для оптическихъ инструментовъ, такъ-какъ отличается совершенною безцвѣтностію и прозрачностію въ сравненіи съ другими сортами стекла. Умершій уже Фраунгоферъ, а также Доге въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи) оказали большія услуги въ усовершенствованіи приготовленія этого стекла.

Стекло также выработывается въ видѣ тонкихъ нитей, которыя можно спрядать какъ шелкъ. Изъ такихъ нитей приготовляютъ различныя игрушки, украшенія, ткани, даже цѣлые ковры. Искуственный жемчугъ (бусы) дѣлается въ большомъ размѣрѣ на стеклянной фабрикѣ близъ Венеціи, гдѣ приготовляютъ ихъ до 600 сортовъ.

Наконецъ стекло употребляется для приготовленія плавней, искуственныхъ драгоцѣнныхъ камней и галантерейныхъ вещей. Искусственные камни первоначально приготовлялись въ Богеміи, но уже нѣсколько столѣтій ихъ дѣлаютъ гораздо лучше во Франціи; особенно извѣстны въ этомъ производствѣ фирмы: Савари и Мосбахъ въ Парижѣ, Бенуа Гуэнъ (Benoit Gouin) въ Молюрѣ, Годенъ въ Парижѣ, выработывающіе камни чрезвычайно красиво.

Стеклянныя издѣлія чрезвычайно разнообразны и состоятъ изъ предметовъ, какъ необходимыхъ въ обыкновенномъ быту, такъ и удовлетворяющихъ прихотямъ роскоши. Цѣна всѣхъ приготовляемыхъ въ Европѣ стеклянныхъ товаровъ простирается до 45 мил. талеровъ; число, достаточно показывающее, что стекло составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли.

292. Всенощная въ деревнѣ.

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко.....
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка.....
Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!....
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится.....
И стройно клирное
Несется пѣніе,

И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано.....
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона,
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными—
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Въ окно жь открытое
Несется синій дымъ,
И пѣнье слитое.

И. Аксаковъ.

293. Источникъ живой воды.

Въ жаркій полдень три путника сошлись на краю большой дороги у чистаго, студенаго ключа. Густые сочные кусты нависли надъ источникомъ, и берегли его свѣжесть своею тѣнью. Вода собиралась тамъ въ большой сосудъ, высѣченный изъ камня; изъ сосуда бѣжала она свѣтлыми, прозрачными струйками, и обливала надпись: «Будь похожъ на этотъ источникъ.» Струйки собирались на крупномъ пескѣ, и текли небольшимъ ручейкомъ все дальше и дальше по цвѣтистому лугу.

Путники напились, прочитали надпись, и стали обдумывать, что́ она значитъ.

—Это хорошій совѣтъ, сказалъ одинъ изъ путниковъ, какъ видно, купецъ; за плечами у него была котомка, и въ широкомъ кожанномъ поясѣ было что-то тяжелое завернуто или зашито, прочные сапоги его были покрыты густымъ слоемъ пыли, накопившейся во время продолжительной ходьбы. «Источникъ течетъ безпрестанно, течетъ далеко, ростетъ, принимаетъ въ себя воду другихъ ключей, становится большою рѣкой, и какъ будто говоритъ своимъ примѣромъ: будь дѣятеленъ, не останавливайся никогда и—успѣешь въ исполненіи своихъ намѣреній.»

Другой путникъ, старикъ, съ книгою въ рукѣ, покачалъ головой.

—Здѣсь урокъ гораздо выше, сказалъ онъ; этотъ ключъ готовъ для всякаго, утоляетъ жажду всякаго прохожаго, не требуетъ благодарности, и этимъ ясно говоритъ людямъ: Дѣлай добро изъ любви къ добру, и не ищи вознагражденія.

Третій путникъ не говорилъ ничего. Это былъ прекрасный бѣлокурый юноша, который въ первый разъ и недавно только разстался съ своею матерью. Товарищи спросили его, какъ онъ думаетъ. Онъ призадумался немного, слегка покраснѣлъ и сказалъ:

—А мнѣ этотъ ключъ говоритъ другое. Зачѣмъ это непрерывное движеніе, зачѣмъ эта готовность утолить жажду всякаго прохожаго, если бы вода этого ключа была мутна! Главное достоинство его въ томъ, что онъ чистъ и ясенъ. Не о прилежаніи и не о великодушіи нашемъ говоритъ эта надпись. Будь похожъ на этотъ источникъ,—значитъ: сохрани свою душу въ такой чистотѣ, чтобы въ ней хорошо отражались, какъ въ этомъ ключѣ, всѣ цвѣты земли и всѣ лучи неба.

ВВЕДЕНІЕ.

КУРСЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ.

I. ПРЕДМЕТЪ И ПРИЗНАКЪ.

§ 1. Что такое предметъ и признакъ?

(Ст. 1). То, что́ существуетъ, находится гдѣ бы то ни было, называется **предметомъ** (отъ слова метать, бросать); потому-что все существующее *мечется* въ глаза познающаго человѣка, возбуждаетъ всегдашнюю его пытливость и любознательность: *изба, печь, мужичокъ, платье*—предметы.

Все то въ предметѣ, по чемъ мы отличаемъ его отъ всякаго другаго предмета, и такимъ образомъ выдѣляемъ его изъ множества другихъ, называется **признакомъ**, потому-что по отличіямъ предмета мы *признаемъ* его такимъ, а не другимъ: *черная* и *бѣлая*—признаки избъ, *топится*—признакъ печи.

Признакъ и предметъ не отдѣлимы другъ отъ друга, т. е. не бываетъ предмета безъ признака, и нѣтъ признака, который бы не принадлежалъ извѣстному опредѣленному предмету.

II. РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ ПРЕДМЕТОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ.

А. *Вещественный предметъ, или тѣло.*

§ 2. Тѣло, вещество, масса и отличіе тѣлъ по веществу. Предметъ вещественный.

(Ст. 32). Предметы, которые занимаютъ опредѣленное мѣсто, имѣютъ вѣсъ и непроницаемость, подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, называются **тѣлами**: *дерево, липа.*

То, изъ чего состоятъ тѣла, называется **веществомъ**, или матеріею,—отъ чего всѣ тѣла, дѣйствительно существующія въ мірѣ, назыв. *вещественными*, или *матеріяльными*, въ отличіе отъ тѣлъ *математическихъ*, или *геометрическихъ*, только *воображаемыхъ*.

Количество вещества въ данномъ тѣлѣ называется массою.

Всякое тѣло, какъ состоящее изъ вещества, называется также предметомъ вещественнымъ; вещественное тѣло, или просто, тѣло и предметъ вещественный — два названія одного и тогоже представленія, или другими словами — оба эти названія имѣютъ одно и тоже значеніе, или смыслъ. Вся разница между ними состоитъ только въ томъ, что первое названіе «*тѣло*» употребительно попреимуществу и собственно въ наукѣ, а второе, названіе «*предметъ вещественный*» — въ общежитіи: *дерево, липа, лошадь* — суть *тѣла*, или *предметы вещественные*.

§ 3. Различіе тѣлъ по ихъ происхожденію.

(Ст. 32). Вещественные предметы, или тѣла, по происхожденію своему бываютъ или естественные, которые произошли, родились въ природѣ (*липа, лошадь*), или искуственные, которые сдѣланы человѣкомъ изъ естественныхъ, съ измѣненіемъ ихъ вида (*лыко, посуда*).

§ 4. Различеніе ихъ по мѣстопребыванію.

(Ст. 58). Всѣ тѣла, по мѣстопребыванію своему на землѣ или на небѣ, раздѣляются на земныя (*волкъ, лисица*) и на небесныя (*солнце, мѣсяцъ*).

1. Тѣла земныя.

§ 5. Различіе тѣлъ по качеству вещества въ ихъ составѣ.

(Ст. 33, 37). Всѣ земныя тѣла, состоящія изъ вещества разнаго качества (какъ напр. въ тѣлѣ нашемъ *кости* не того же качества, какъ нервы или кровь), называются сложными; тѣ же изъ нихъ, въ составъ которыхъ входитъ вещество одного качества, называются простыми (*золото, серебро* и др. металлы).

Простыя тѣла, которыхъ счетомъ принимаютъ до 60, нерѣдко называются у насъ *началами, стихіями, элементами* зато, что они служатъ основаніемъ къ образованію сложныхъ тѣлъ.

Начало, стихія, элементъ — три эти слова имѣютъ одинъ и тотъже смыслъ; подъ ними разумѣются простыя тѣла, или все то, изъ чего зачался предметъ. Употребленіе того или другаго изъ этихъ трехъ словъ зависитъ чисто отъ причинъ случайныхъ: иные подъ вліяніемъ иностранныхъ языковъ любятъ употреблять греческое имя—*стихія*, или латинское—*элементъ*; другіе, по стремленію замѣнять иностранное слово русскимъ, употребляютъ свое родное—*начало*. Но иностранныя названія отъ долгаго и частаго употребленія въ наукѣ и вообще въ письменной рѣчи дотого стали при-

вычны намъ, что нѣтъ никакой надобности чуждаться ихъ и въ ежедневной жизни.

Наука, занимающаяся изслѣдованіемъ состава тѣлъ и разложеніемъ ихъ (будетъ ли то дерево, камень или металлъ и т. п.) на составныя части, называется **химіею**.

§ 6. Различеніе тѣлъ по состоянію вещества.

(Ст. 33, 34). По состоянію вещества, тѣла раздѣляются на три рода: **твердыя** (камень), **жидкія** (вода) и **воздухообразныя или газы** (воздухъ, кислородъ).

§ 7. Различіе тѣлъ земныхъ по ихъ устройству, отсюда иныя названія имъ—существо и вещь.

(Ст. 44). Всѣ земныя тѣла, какъ ни разнообразны по своему виду, величинѣ, составу и т. д., въ строеніи своемъ сходны между собою тѣмъ, что одни изъ нихъ состоятъ изъ такихъ частей, которыя имѣютъ свое особое отправленіе (напр. глаза у животнаго видятъ, уши слышатъ, желудокъ перевариваетъ пищу и т. п.; корнемъ растеніе впитываетъ, воспринимаетъ влагу изъ земли; стеблемъ или стволомъ проводитъ питательные соки отъ корня къ листьямъ и обратно; листьями окончательно переработываетъ соки, идущіе изъ корня, вбираетъ изъ воздуха нужное для растительности, и выбрасываетъ изъ себя въ воздухъ негодное; воспринимаемое извнѣ растенія такимъ образомъ перерабатываютъ въ собственныя части, и тѣмъ обнаруживаютъ увеличеніе въ своемъ объемѣ, т. е. изнутри ростутъ), и отправленіемъ своего особеннаго назначенія служатъ къ сохраненію общей жизни тѣла,—другія же тѣла не имѣютъ такихъ частей (напр. камни и металлы). Части въ тѣлѣ, назначенныя для особаго отправленія (какъ глаза для зрѣнія, уши для слышанія и т. п.), называются **органами**—словомъ, взятымъ и усвоеннымъ нами изъ греческаго языка (ὄργανον). Поэтому всѣ земныя тѣла, имѣющія органы для своего сохраненія и размноженія, называются **органическими**: *тетеревъ*, *иволга*, *рябина*, *черемуха—органическія тѣла;* тѣла же, у которыхъ нѣтъ подобныхъ органовъ, называются *неорганическими: алмазъ*—неорганическое тѣло, *мѣдь*—также.

Органическія тѣла имѣютъ сложное внутреннее строеніе, состоятъ изъ клѣточекъ (которыя простымъ глазомъ видѣть нельзя, а можно только черезъ микроскопъ), облекающихъ твердыя и жидкія вещества; неорганическія тѣла имѣютъ простое строеніе, они безъ клѣточекъ, содержащихъ въ себѣ жидкія и твердыя вещества, такъ-что неорганическое тѣло если оно твердое, то все твердое

(камень), а если жидкое, то все жидкое (вода). Органическія тѣла производятъ себѣ подобныхъ, и если они одного рода, то всегда имѣютъ одинъ и тотъже видъ (напр. лошадь вятская и арабская имѣетъ тотъже видъ), и представляютъ незначительную разницу въ величинѣ; неорганическія не производятъ себѣ подобныхъ, и если не одного рода, не имѣютъ опредѣлительнаго вида, и по величинѣ совершенно неопредѣленны. Органическія тѣла живутъ (что̀ обнаруживается питаніемъ и размноженіемъ) и умираютъ, съ прекращеніемъ питанія, — оттого они называются **живыми** тѣлами; неорганическія напротивъ, не живутъ, т. е. они не питаются извнутри, и слѣд. не умираютъ, но уничтожаются, а потому и назыв. **безжизненными, или мертвыми.**

Потому всякое живое, или органическое, тѣло, или все то, что̀ существуетъ и живетъ, называется **существомъ**, а также **организмомъ**: *волкъ, лисица, шмель, гусь, грачъ, паукъ—существа*, организмы; *дубъ, липа, береза, осина*—также.

Каждое существо есть предметъ.

Всякое безжизненное, или неорганическое, тѣло, или все то, что̀ существуетъ, но не живетъ, называется вообще **вещью**: *мѣдь, серебро, желѣзо*—вещи; *гранитъ, мраморъ, мѣлъ*—вещи.

Каждая вещь есть также предметъ.

§ 8. Общее различіе органическихъ тѣлъ и раздѣленіе ихъ на два царства: животное и растительное.

(Ст. 44). Между органическими тѣлами одни имѣютъ ощущеніе, т. е. чувствуютъ холодъ, голодъ, боль отъ удара и т. п., по своему произволу перемѣняютъ мѣсто, питаются только органическими веществами, ростутъ только до опредѣленнаго періода времени: это — **животныя**: другія напротивъ, не имѣютъ ни ощущенія, ни произвольнаго движенія, питаются веществами неорганическими, ростутъ во всю жизнь: это—**растенія**. По этимъ постояннымъ примѣтамъ все безчисленное множество животныхъ составляетъ свой особый отдѣлъ, а всѣ растенія—свой особенный. Отдѣлы эти называются **царствами**; потому-что въ нихъ разнообразныя тѣла, находясь въ близкомъ, кровномъ родствѣ, образуютъ одно стройное цѣлое, подобно членамъ государства. Итакъ всѣ органическія тѣла земныя образуютъ два царства: *царство* **животное** *и царство* **растительное.**

Каждое изъ этихъ двухъ царствъ имѣетъ свою особую науку. Наука о животныхъ назыв. **зоологіею**, наука о растеніяхъ—**ботаникой**: то и другое названіе не русскія, а греческія, но у насъ общеупотребительныя.

§ 9. Царство неорганическихъ тѣлъ.

Неорганическія тѣла называются иностраннымъ словомъ — минералами, или русскимъ — **ископаемыми**, потому-что они большей частью заключены въ нѣдрахъ земли, и достать ихъ не иначе можно, какъ только выкапывая или искапывая ихъ. Совокупность неорганическихъ тѣлъ называется царствомъ **ископаемымъ**; къ нему принадлежатъ:

а. **Металлы** (золото, серебро, мѣдь, желѣзо), которые отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, чувствительною способностью проводить теплоту, тянуться, коваться, или сжиматься отъ ударовъ молотка, плавиться, или приходить въ жидкое состояніе;

б. **Камни**, которые не имѣютъ ни тягучести, ни ковкости, худо проводятъ тепло (изумрудъ, топазъ) и

в. **Горючія вещества**, которыя горятъ на воздухѣ: каковы — сѣра, янтарь, каменный уголь, нефть, или горное масло.

Наука о минералахъ, или ископаемыхъ — называется **минералогіею**.

§ 10. Различіе предметовъ по степени развитія жизни. Предметы одушевленные и неодушевленные. Особенность первыхъ — полъ. Лицо и вещь.

Между тремя царствами природы первое мѣсто принадлежитъ животнымъ, потому-что они одарены способностью чувствовать и по своей волѣ перемѣнять мѣсто, а потому они называются одушевленными, а всѣ другіе предметы — неодушевленными. Первые изъ нихъ являютъ ту особенность отъ послѣднихъ, что между ними явственно различаютъ два пола, или половины: *мужчину* и *женщину* (у людей); *самца* и *самку* (у безсловесныхъ животныхъ); *дѣдъ и баба*, *волкъ и волчиха*, *перепелъ и перепелка*.

Изъ *одушевленныхъ* предметовъ разумныя существа — люди, по своему превосходству надъ всѣмъ, называются **лицами**; всѣ же остальные предметы, какъ органическіе, такъ и неорганическіе, равно и искусственныя произведенія, относительно человѣка называются **вещами**.

2. Тѣла небесныя.

§ 11. Значеніе небесныхъ тѣлъ. Виды ихъ: планеты, спутники, кометы.

Ночью мы видимъ на небѣ мѣсяцъ (луну) и звѣзды, а днемъ солнце; слѣд. мѣсяцъ, звѣзды и солнце суть тѣла (см. § 2). Эти тѣла, въ отличіе отъ земныхъ, по мѣстопребыванію ихъ на небѣ, называются **небесными** (свѣтилами).

Тѣла небесныя, которыя правильно въ извѣстные сроки и на

опредѣленныхъ разстояніяхъ обращаются вокругъ солнца, и отъ него заимствуютъ свой свѣтъ, называются греческимъ словомъ— планеты: что въ переводѣ значитъ: *блуждающія.*

Блуждающими, или планетами, греку казались они оттого, что онъ, по недостаточному развитію математики, не умѣлъ себѣ опредѣлить законовъ правильности и постоянства ихъ движенія. Нынѣ законы обращенія тѣлъ небесныхъ вокругъ солнца опредѣлены уже съ точностью; но греческое названіе ихъ доселѣ удерживается, только съ инымъ смысломъ.

По величинѣ своей планеты называются большими и малыми.

Большихъ планетъ считается восемь, которыя по разстоянію отъ солнца вычисляются въ слѣд. порядкѣ: *Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Ураиъ* и *Нептунъ.* Обращеніе этихъ планетъ вокругъ солнца совершается въ извѣстные, опредѣленные сроки: такъ Меркурій, самая ближайшая къ солнцу планета, обращается вокругъ него въ 88 дней, земля наша въ 365, Юпитеръ почти въ 12 лѣтъ, а Нептунъ, самая отдаленная отъ солнца планета, обращается вокругъ него лѣтъ въ полтораста.

Малыхъ планетъ насчитываютъ до 47.

Другія тѣла небесныя, обращающіяся вокругъ планетъ, а не солнца, называются ихъ спутниками: напр. вокругъ нашей земли обращается мѣсяцъ (луна), а потому онъ называется спутникомъ ея.

Кромѣ планетъ съ ихъ спутниками есть еще тѣла небесныя, которымъ въ названіе дано также греческое слово — кометы, отъ come=волосъ, вѣроятно потому, что онѣ большею частью бываютъ съ *хвостомъ.* Кометы различаются отъ планетъ тѣмъ, что онѣ движутся около солнца не на постоянномъ и неизмѣнномъ разстояніи отъ него, но иногда подходятъ къ нему очень близко, а иногда уходятъ отъ него такъ далеко, что проходятъ не только столѣтія, но даже тысячелѣтія, когда онѣ совершатъ свой оборотъ, и слѣд. будутъ видимы нами съ земли. По рѣдкости и непродолжительности появленія кометъ, люди съ отдаленныхъ временъ считали ихъ предвѣстницами общественныхъ несчастій. Такое, впрочемъ ни на чемъ неосновапное, мнѣніе о кометахъ продолжалось до XVII вѣка: благодаря двумъ астрономамъ, Ньютону и Галлею, теперь опредѣлены законы обращенія кометъ, — и теперь одни простолюдины не перестаютъ видѣть въ появленіи ихъ предвѣстіе бѣдствій, ниспосылаемыхъ небеснымъ гнѣвомъ.

Планеты и кометы за то, что онѣ движутся вокругъ солнца, называются также *подвижными* звѣздами; но между тѣлами небесными есть и такія, которыя никогда не перемѣняютъ своихъ мѣстъ, и потому называются *неподвижными.*

Центромъ, или средоточіемъ, движенія всѣхъ планетъ и кометъ служитъ солнце, или свѣтило дня. Солнце само по себѣ есть тѣло

темное, окруженное двумя слоями атмосферы, изъ которыхъ внѣшній, или верхній, есть *самосвѣтящійся*.

Обо всѣхъ тѣлахъ небесныхъ, какъ и земныхъ, мы можемъ думать, потому-что они существуютъ: слѣд. каждое тѣло небесное есть предметъ: *солнце есть предметъ, всякая планета и комета,— также, всякая звѣзда на небѣ есть также предметъ.*

§ 12. Міръ вещественный. Природа. Естественныя и искуственныя произведенія.

Совокупность всѣхъ тѣлъ—небесныхъ и земныхъ—называется міромъ **вещественнымъ, чувственнымъ, видимымъ**. Міромъ вещественнымъ называютъ его потому, что всѣ тѣла состоятъ изъ какого-нибудь вещества:—въ составѣ, такъ сказать, самыхъ неосязательныхъ тѣлъ находятся различныя вещества, напр. воздухъ состоитъ изъ трехъ безцвѣтныхъ газовъ: изъ *азота*, который не поддерживаетъ ни дыханія, ни горѣнія, изъ *кислорода*, который поддерживаетъ то и другое, изъ *углекислоты*, которая удушлива и чрезвычайно вредна для дыханія. — Міръ называютъ *чувственнымъ* потому, что тѣла, какъ состоящія изъ вещества, подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, напр. мы ихъ видимъ, слышимъ, осязаемъ и т. п. Міръ называютъ *видимымъ* вопервыхъ потому, что чувству зрѣнія подлежитъ большая часть предметовъ, и вовторыхъ потому, что чувство зрѣнія между другими есть самый употребительный посредникъ при нашемъ познаніи предметовъ.

Вещественный міръ, когда человѣкъ разсматриваетъ его внѣ себя, т. е. исключая себя изъ него, или противополагая себя ему по своей душѣ, носитъ другое названіе: его называютъ **природою**, потому-что все существующее *родилось* по слову Божію. Слово *природа* прежде часто, а нынѣ рѣдко, замѣняется у насъ латинскимъ словомъ *натура*, которое происходитъ отъ слова nascor *раждаюся*.

Все, что́ производитъ природа, называется **естественнымъ** произведеніемъ: дерево, рыба, рожь; а то, что́ человѣкъ искусился, догадался сдѣлать изъ естественныхъ произведеній, назыв. произведеніемъ **искусственнымъ**: хата, вино, пироги и пр. Въ томъ и другомъ случаѣ слово «произведеніе» у насъ нерѣдко замѣняется латин. *продуктъ*. То и другое слово не безразличны между собой.

Б. *Предметъ невещественный, или духъ.*

§ 13. Значеніе предмѣта невещественнаго. Виды его. Способности души. Міръ духовный.

(Ст. 59). Предметы вещественные, какъ видѣли выше, § 2, сложны, состоятъ изъ частей, занимаютъ опредѣленное мѣсто, имѣютъ тяжесть или вѣсъ, подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Предметы же, которые не состоятъ изъ частей, слѣд. простые, не слож-

ные, которые не имѣютъ вѣсу, не подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, называются **невещественными**. Какъ у вещественнаго предмета есть другое названіе—*тѣло;* такъ и у невещественнаго предмета есть другое названіе—*духъ;* поэтому какъ вещественные предметы можно называть тѣлесными, такъ и невещественные—**духовными**. Духовные предметы суть:

А. Богъ, который есть Творецъ и Промыслитель вселенной.

В. Ангелы или чистые духи, духи тьмы, или злые.

С. Душа человѣческая.

Душа человѣческая способна ко многому: она можетъ или способна думать или мыслить, а чрезъ то познавать и себя и все существующее. Способность эта называется **познающею**, или **умомъ**, а произведенія ума—**мыслями**. Душа человѣческая способна желать, и способность эта зовется **волею**. Душа человѣческая способна или въ состояніи чувствовать что́ прекрасно и безобразно, и чувство это называется чувствомъ прекраснаго, или *эстетическимъ*.

Умъ, воля и *чувство прекраснаго* суть три главныя способности, посредствомъ которыхъ разумная душа наша по преимуществу обнаруживаетъ себя.

Но кромѣтого душа человѣческая способна представлять себѣ предметъ *заочно*, когда его нѣтъ передъ нашими глазами: способность эта называется **воображеніемъ**. Душа человѣческая способна хранить у себя на разные сроки то, о чемъ разъ она думала, что́ разъ узнала: эта способность называется **памятью** и др.

Совокупность предметовъ духовныхъ, или невещественныхъ, называется міромъ **духовнымъ**, или невещественнымъ.

§ 14. Общее названіе предметовъ вещественнаго и духовнаго міра.

Такъ-какъ между предметами вещественными большая часть познается нами чувствомъ зрѣнія, а все духовное для ясности пониманья представляется въ о́бразахъ: то всякой предметъ, какъ вещественный, такъ и невещественный, называется вообще **наглядным**ъ.

В. *Предметъ отвлеченный, или явленіе.*

§ 15. Что такое явленіе? Какимъ предметомъ оно называется?

(Ст. 64). Предметы вещественные и невещественные имѣютъ между собой соотношенія, дѣйствуютъ одни на другіе, оттого не остаются всегда въ одномъ и томъже состояніи, но терпятъ различныя измѣненія: *сторы на солнцѣ линяютъ, душа человѣческая отъ потерь груститъ.* Перемѣны съ предметами вещественными и духовными называются **явленіями**: *полинялость, ржавчина* суть явленія тѣлъ, *грусть* и *радость*—явленія духа.

Обо всякомъ явленіи (или обо всякой перемѣнѣ въ предметѣ вещественномъ или духовномъ) мы можемъ думать, потому-что оно существуетъ; слѣд. всякое явленіе есть предметъ: *ржавчина* есть предметъ, *грусть*—также. Но явленія бываютъ предметами только тогда, когда *отвлекаемъ* ихъ отъ существъ и вещей и отъ всякаго отношенія къ лицу говорящему; потому явленія, въ отличіе отъ предметовъ наглядныхъ, мы называемъ предметами отвлеченными. Ихъ называютъ также *умственными*, потому-что они существуютъ, какъ самостоятельные предметы, собственно только въ умѣ нашемъ.

Такія перемѣны съ тѣлами, при которыхъ ни самое качество вещества, ни вѣсъ его не измѣняются, называются *физическими явленіями* (напр. ледъ—вода); напротивъ тѣ перемѣны въ тѣлахъ, при которыхъ измѣняется вещество и вѣсъ ихъ, наз. *химическими* (ржавчина).

§ 16. Вселенная. Міръ. Свѣтъ.

То безпредѣльное пространство, гдѣ находятся, помѣщаются всѣ безчисленно существующіе предметы, называется вселенною, потому-что они *вселены* сюда Богомъ, который создалъ ихъ единымъ своимъ словомъ.

Части вселенной, какъ напр. земля, солнце, звѣзды и т. п., называемъ мірами; потому-что въ нихъ все совершается въ стройномъ порядкѣ, въ *мирѣ*, или согласіи съ законами, предначертанными Творцомъ.

Міру даютъ еще другое названіе — свѣтъ, потому-что каждая часть вселенной освѣщена свѣтомъ небесныхъ свѣтилъ, напр. солнца.

III. ГЛАВНЫЕ РОДЫ ПРИЗНАКОВЪ ПО ИХЪ СУЩЕСТВУ.

§ 17. Какъ мы признаемъ предметы и отсюда главные роды признаковъ: предметные и личные.

(Ст. 90). Признакомъ мы назвали все то, по чемъ отличаемъ одинъ предметъ отъ другаго: Ж. *показывалъ свою* мастерскую *важному* лицу.

Мы признаемъ всякій предметъ или по тому, чѣмъ онъ самъ себя заявляетъ, что́ въ немъ есть, значитъ по свойствамъ его (показывалъ, важному); мы признаемъ предметъ по тому, какъ онъ относится къ лицу говорящему (свою—мастерскую); поэтому признаки бываютъ или предметные или личные.

§ 18. Что служитъ признакомъ предметнымъ: бытіе, дѣйствіе, страданіе, состояніе и качество. Особенность качества отъ другихъ признаковъ.

(Ст. 95). Первый и общій всѣмъ безъ исключенія предметамъ признакъ есть бытіе, т. е. то, что онъ есть, существуетъ. *Въ Москвѣ было дружеское ученое общество.*

Бытіе предмета обнаруживается: во-1-хъ *дѣйствіемъ*, т. е. тѣмъ, что предметъ дѣйствуетъ на другой предметъ, производитъ что-нибудь, чего не было (Новиковъ говорилъ рѣчь), во-2-хъ *страданіемъ*, т. е. тѣмъ, что предметъ производится другимъ, слѣд. онъ не дѣйствуетъ самостоятельно, но страдаетъ (бѣдствія были *описаны* имъ такъ краснорѣчиво),—и въ-3-хъ наконецъ состояніемъ, т. е. тѣмъ, что дѣйствіе предмета не переходитъ на другой предметъ, но въ немъ самомъ пребываетъ, стоитъ съ нимъ только (всталъ человѣкъ). Слѣд. дѣйствіе, страданіе и состояніе, обнаруживая бытіе предмета, вмѣстѣ съ симъ служатъ отличіями, или признаками его.

(Ст. 97). Кромѣ бытія, дѣйствія, страданія и состоянія, предметы отличаются между собою по виду, фигурѣ, цвѣту, величинѣ, способности, составу и т. п. Такія отличія постоянны въ предметѣ, ясно могутъ опредѣлять для насъ, *каковъ* предметъ, а потому называются качествами: стихарь—одежда *длинная и круглая*.

Итакъ предметными признаками бываютъ: а. бытіе, дѣйствіе, страданіе, состояніе и качество.

Качество разнится отъ другихъ признаковъ тѣмъ, что оно способно принимать большую или меньшую степень, способно принимать приращеніе или усиленіе и ослабленіе: Перья у куропатки вокругъ клюва *свѣтлокоричневыя*, на щекахъ, надъ глазами и на лбу нѣсколько *телипье*; на крыльяхъ, въ верхней ихъ части, коричневыя, съ продольными *бѣловатыми* черточками, въ нижней части—чернобурыя, съ *бѣлыми* поясками.

§ 19. Признаки личные.

(Ст. 90, 99). Кромѣ отличія предмета по его свойствамъ, мы можемъ признать предметъ по отношенію его къ лицу говорящему. Здѣсь мы признаемъ предметъ или по личнымъ указаніямъ говорящаго или по опредѣленію его количествомъ: —(*моихъ* оконченныхъ картинъ, *свою* мастерскую—*двѣ* бочки, *первая* пустая): личныя указанія замѣняютъ для слушающаго самые предметные признаки.

Итакъ личными признаками бываютъ *указанія* и *количество*.

§ 20. Виды признаковъ по объему.

(Стр. 94). Признаки, принадлежащіе собственно одному предмету, назыв. особенными (темнобурое пятно на куропаткѣ); признаки, принадлежащіе предмету вмѣстѣ съ другими предметами, назыв. общими (наружный видъ — *скомканный*, *круглый*).

§ 21. Различіе признаковъ по ихъ относительной важности: существенные и случайные.

(Стр. 94). Признаки не всѣ одного достоинства и важности; оттого по значенію своему они раздѣляются на два вида: существенные и случайные.

Существенными называются тѣ признаки, которые всегда есть въ предметѣ, нераздѣльны съ нимъ, такъ-что отнимите эти признаки у предмета, и онъ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, — напр. отнимите у животнаго способность чувствовать и произвольно двигаться, — оно перестанетъ быть животнымъ.

Случайными называются тѣ, которые бываютъ въ предметѣ, но могутъ и не быть, а предметъ все останется тѣмъ, чѣмъ былъ (что есть): напр. отнимите у животнаго шерсть, оно все останется животнымъ, если только есть способность чувствовать и двигаться по своей волѣ.

Существенные признаки, очевидно, важнѣе случайныхъ.

§ 22. Отъ сходства въ признакахъ различеніе предметовъ: однородные и разнородные, сходные и различные. Ихъ распредѣленіе, или классификація. Примѣры ея.

Когда существенные признаки замѣчаются въ нѣсколькихъ предметахъ, напр. у ерша, щуки есть жабры, которыми они дышатъ, есть плавники, внутри есть пузырь, сжимающійся и расширяющійся, есть способность жить только въ водѣ; то такіе предметы называваются однородными, а если случайные признаки принадлежатъ нѣсколькимъ предметамъ, напр. цвѣтъ перьевъ, длина клюва, то такіе предметы называются сходными.

Предметы, не имѣющіе общихъ признаковъ существенныхъ, назыв. разнородными: *ершъ* и *куропатка*; а не имѣющіе общихъ признаковъ случайныхъ называются различными.

Каждый предметъ, самъ по себѣ, взятый отдѣльно отъ другихъ, называется *особью, недѣлимымъ, индивидуумомъ: волкъ*, о которомъ разсказано въ сказкѣ, будетъ *особь*.

Нѣсколько одинаковыхъ особей составляютъ семейство, или *видъ:* волки суть *видъ*.

Нѣсколько одинаковыхъ *видовъ* составляютъ *родъ:* животное млекопитающее есть *родъ*. Сопричисленіе однородныхъ недѣлимыхъ — къ одному виду, а видовъ къ одному роду, называется распредѣленіемъ на классы, или классификаціею. Для классификаціи важно въ особенности то основаніе, которое берется для распредѣленія предметовъ. Существенныя свойства въ этомъ случаѣ предпочитаются случайнымъ. Для примѣра возьмемъ распредѣленіе царства животныхъ.

Основаніемъ для раздѣленія животнаго царства на классы принимается различіе ихъ организаціи.

Есть множество (ст. 100) животныхъ, которыя устроены такъ: тѣло ихъ основывается на костяхъ, къ которымъ прикрѣпляется *мясо*, покрытое *жиромъ* и потомъ обтянутое *кожею*; въ головѣ и спинѣ есть мозгъ, который въ видѣ ниточекъ, называемыхъ нервами, расходится во всѣ части тѣла, и охраняется костями; кости, въ срединѣ спины, или хребта, имѣютъ видъ колецъ, и называются *позвонками*, а *вся цѣпь ихъ—позвоночнымъ столбомъ;* вдоль этого столба нервные узлы лежатъ попарно: таковы волкъ, левъ, лошадь, куропатка, гусь и другія.

Позвоночный столбъ есть такая ихъ неотъемлемая, исключительная принадлежность, что отъ него они называются животными **позвоночными.**

Есть множество другихъ животныхъ, у которыхъ вовсе нѣтъ костей, нѣтъ и спиннаго мозга, а есть только нервы и нервные узлы, попарно лежащіе вдоль брюшной стороны; тѣло ихъ прикрѣпляется къ твердой кожѣ, и представляется составленнымъ какъ бы изъ отдѣльныхъ суставцевъ, или члениковъ: таковы—пауки, піявицы и др.

Складъ тѣла суставцами, или члениками, составляетъ въ нихъ такое особенное отличіе, что по нимъ называютъ ихъ **суставчатыми,** *или членистыми.*

Есть еще множество такихъ животныхъ, у которыхъ какъ и у суставчатыхъ, нѣтъ ни костей, ни спиннаго мозга, а есть только нервы и нервные узлы, но у которыхъ кожа *мягка*, а не тверда, какъ у суставчатыхъ, и всегда покрыта *слизью*: таковы — улитки, каракатица.

Мягкость тѣла и слизь указываютъ такое рѣзкое ихъ отличіе отъ другихъ животныхъ, что ихъ назвали **мягкотѣлыми,** или **слизистыми.**

Есть наконецъ и такія животныя, которыхъ тѣло въ видѣ лучей, и часто представляетъ какую-то однообразную массу безъ нервовъ и мяса, и такимъ образомъ приближаетъ ихъ къ растеніямъ: таковы—полипы. Форма ихъ тѣла въ видѣ лучей и слабое отличіе отъ растеній составляетъ такую ихъ исключительную принадлежность, что по нимъ называютъ ихъ **лучистыми** животными, или *животнорастеніями.*

Итакъ во всемъ разнообразіи построенія тѣла животныхъ находятся четыре особенныя отличія: позвоночный столбъ, суставчатость, мягкотѣлость или слизь и лучистость; а потому все безчисленное множество разнообразныхъ животныхъ раздѣляютъ на четыре особенные класса, или отдѣла: I. **позвоночныхъ,** II. **суставчатыхъ,** III. **слизистыхъ** и IV. **лучистыхъ.**

Всякое позвоночное животное (напр. лошадь, гусь) есть предметъ, и притомъ вещественный, или тѣло, организмъ.

Всякое суставчатое животное (паукъ, піявица) есть предметъ—тоже вещественный, или тѣло.

Всякое слизистое животное (каракатица) есть предметъ—вещественный, или тѣло. Всякое лучистое животное (полипъ) есть предметъ—вещественный, или тѣло.

Распредѣленіе животныхъ позвоночныхъ.

Къ животнымъ **позвоночнымъ** принадлежатъ:

а. (Ст. 100—115) **Млекопитающія**, т. е. такія теплокровныя животныя, которыя рождаютъ живыхъ дѣтенышей, и питаютъ ихъ молокомъ: волкъ, лисица, человѣкъ.

Всякое млекопитающее есть предметъ—вещественный, или тѣло, организмъ.

б. (Ст. 116—121) **Птицы**, т. е. такія живот. теплокровныя, которыя не рождаютъ живыхъ дѣтенышей, но несутъ яйца, и изъ нихъ высиживаютъ дѣтенышей, и у которыхъ тѣло покрыто перьями: грачъ, аистъ, зяблица, гусь. Каждая птица есть предметъ (организмъ).

в. (Ст. 128—136) **Гады, или пресмыкающіяся**, т. е. такія холоднокровныя животныя, съ кожей голой или покрытой чешуею, которыя несутъ яйца, но не насиживаютъ ихъ, какъ птицы; дѣтеныши же ихъ выводятся изъ яицъ отъ солнечнаго жара. Названіе гадовъ дано имъ оттого, что они некрасивы на видъ, гадки, а—*пресмыкающихся* оттого, что по причинѣ очень короткихъ ногъ туловище ихъ волочится по землѣ, пресмыкается: змѣя. Всякій гадъ есть предметъ—вещественный, организмъ.

г. (Ст. 122—127) **Рыбы**, то есть такія холоднокровныя животныя, которыя исключительно живутъ въ водѣ, во внутренности своей имѣютъ пузырь вдоль хребта, наполненный воздухомъ, и перетянутый на двѣ неравныя части; какъ у птицъ есть крылья для летанія, такъ у рыбы есть *плавники*, или небольшія плавательныя перья. Дѣтва ихъ рождается изъ яицъ нетвердой оболочки, которыя называются *икрою*: *щука*, *карась*, *пескарь*.

Каждая рыба есть предметъ, веществ., органическое тѣло.

Распредѣленіе животныхъ суставчатыхъ, или членистыхъ.

Къ животнымъ **членистымъ**, или **суставчатымъ**, относятся:

а. (Ст. 131—134) **Насѣкомыя**, которыя имѣютъ голову съ щупальцами, брюхо и грудь отдѣльно, три пары ногъ, крылья (хотя не всѣ), и подвержены превращеніямъ, т. е. изъ яичекъ выходятъ

животныя, непохожія на взрослое, и потомъ уже превращаются въ его форму: мотылекъ, стрекоза, муравей.

Каждое насѣкомое есть предметъ, веществ., тѣло органическое.

б. (Ст. 135) **Пауки**, у которыхъ голова безъ щупальцевъ слита съ грудью, брюхо отдѣльное, четыре пары ногъ, но крыльевъ нѣтъ, какъ у насѣкомыхъ.

в. **Раки** и

г. (Ст. 136) **Черви**, у которыхъ тѣло мягкое, раздѣленное на нѣсколько колецъ, кровь красноватая, и у которыхъ нѣтъ ногъ, напр. *пілвица*.

Каждый паукъ, ракъ и червь есть предметъ, веществ., или органическое тѣло.

Расиредѣленіе живот. мягкотѣлыхъ, или слизистыхъ.

(Ст. 138). Къ животнымъ **мягкотѣлымъ**, или **слизистымъ** (mollusca), принадлежатъ:

а. **Слизняки головоногіе**, на головѣ которыхъ есть пара глазъ и по нѣскольку щупальцевъ съ сосальными устьями; ими животное впивается въ другія тѣла, и держится за нихъ, напр. каракатица, извѣстная отвратительною своею наружностью.

б. **Явноголовыя**, у которыхъ на брюшной сторонѣ есть мясистый кружокъ для ползанья, — они почти всѣ заключены въ раковинѣ одностворчатой.

в. **Безголовыя**: раковины, улитки, напр. устрица, которою такъ любятъ лакомиться многіе.

Распредѣленіе лучистыхъ животныхъ.

(Ст. 140—144). Къ **лучистымъ животнымъ**, или животнорастеніямъ, относятся:

а. **Иглокожія**, которыхъ твердая кожа усыпана шипами, какъ у ежей, а ноги пузыристыя и выдвижныя: морской ежъ, медузина звѣзда.

б. **Акалефы**, или морскія крапивы — животныя мягкія студенистыя, которыя жгутся, какъ обыкновенная крапива, т. е. производятъ воспаленіе и пузыри на кожѣ, и водятся постоянно въ морѣ: *медуза*, довольно извѣстная купавшимся въ Балтійскомъ морѣ или въ Финскомъ заливѣ въ Ревелѣ.

(Ст. 141). в. **Полипы**, которые имѣютъ ротъ, усаженный щупальцами, чѣмъ походятъ на каракатицу, у древнихъ называвшуюся *полипомъ*, отдѣляютъ снаружи или внутри твердое вещество, называемое *кораллом*ъ: перистка (pennatula), названная такъ по своему сход-

ству съ птичьимъ перомъ, животное большаго размѣра, состоящее изъ многихъ такихъ меньшихъ, и достопримѣчательное тѣмъ, что всѣ животныя, ее составляющія, двигаются всѣ разомъ и по одному направленію, какъ будто они водятся одною волею.

Каждый полипъ есть предметъ.

(Ст. 142—145). г. Наливочныя животныя, или *инфузоріи*, самыя маленькія животныя, видимыя только чрезъ микроскопъ, и живущія въ стоячей водѣ: это—самыя простѣйшія животныя; они имѣютъ видъ слизенистыхъ пузырьковъ, или точекъ.

Каждая инфузорія есть предметъ.

Наука о животномъ царствѣ называется *зоологіей.*

IV. НЕИЗВѢЖНЫЯ УСЛОВІЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПРЕДМЕТА:

мѣсто, время, образъ и причина.

§ 23. Обстоятельства, при которыхъ обнаруживается бытіе предмета. Ихъ названіе.

(Ст. 148—152). Всякой предметъ природы существуетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ (у лукоморья дубъ зеленый), въ опредѣленное время, опредѣленнымъ образомъ *(днемъ* и *ночью* котъ ученый все ходитъ по цѣпи *кругомъ)* и отъ опредѣленной причины (убыль рѣкъ происходитъ отъ истребленія лѣсовъ). Это такія условія, безъ которыхъ ничто сотворенное существовать не можетъ.

Значитъ, мѣсто, время, образъ и причина суть такія условія, которыя всегда сопровождаютъ бытіе предметовъ, всегда обстоятъ при нихъ. Эти условія бытія предмета называются **обстоятельствами.**

Они различаются между собой по ихъ значенію:

Показывающее мѣсто называется **обстоятельствомъ мѣста**, и его узнать можно по вопросамъ: **гдѣ? куда? и откуда?**

Показывающее время называется **обстоятельствомъ времени**, и его узнать можно по вопросамъ: **когда? сколь долго?**

Показывающее образъ назыв. **обстоят. образа**, и его узнать можно по вопросамъ: **какъ? сколько разъ?**

Показывающее причину назыв. **обстоят. причины**, и оно познается по вопросамъ: **почему? длячего? зачѣмъ? отчего? начто?**

Итакъ всѣхъ обстоятельствъ будетъ четыре: **мѣста, времени, образа и причины.**

*

V. ОТНОШЕНІЕ ПРЕДМЕТА КЪ МЫШЛЕНІЮ.

§ 24. Способы познанія предметовъ: посредственный и непосредственный.

(Ст. 157). Человѣкъ, одаренный разумною душою, стремится познать все существующее такъ, какъ оно есть, въ настоящей дѣйствительности. Познаніе предметовъ достается намъ или передачею отъ другихъ, какъ уже готовое и до насъ добытое, или личнымъ наблюденіемъ каждаго: первый способъ назыв. **посредственнымъ**, а второй — **непосредственнымъ**. Само собою разумѣется, что непосредственный способъ познанія есть способъ первоначальный, предшествовавшій посредственному.

§ 25. Какъ пріобрѣтается познаніе способомъ непосредственнымъ?

Познаніе непосредственное о предметахъ вещественныхъ пріобрѣтается наблюденіемъ при помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ,— познаніе предметовъ невещественныхъ пріобрѣтается нашимъ размышленіемъ надъ тѣми явленіями, которыми обнаруживается предметъ невещественный.

Когда предметъ наблюдаешь, тогда онъ дѣйствуетъ на наши чувства, по свойствамъ своимъ производитъ впечатлѣнія, которыя нервами чувствъ передаются въ мозгъ, и сознаются нашею душою. И какъ подѣйствовалъ предметъ на наши чувства, такъ онъ и представляется душѣ. Слѣд. предметы мы знаемъ, какъ они намъ представляются.

§ 26. Представленіе. Виды его.

Образы предметовъ, полученные отъ впечатлѣній и сознанные въ душѣ нашей, называются *представленіями*. Ихъ сохраняетъ, бережетъ душа наша посредствомъ своей особенной способности— **памяти**, возобновляетъ по нашему желанію посредствомъ другой способности—**воображенія**,—соединяетъ ихъ въ единое цѣлое посредствомъ иной способности—**разсудка, разума**.

Представленіе, образъ особи, единичнаго предмета, индивидуума, называется *представленіемъ: Румянцевъ*.

Представленіе, обозначающее сходное, общее нѣсколькимъ предметамъ, называется *общимъ представленіемъ*, или *понятіемъ собственно:* графъ, майоръ, солдатъ.

§ 27. Сужденіе, его виды и умозаключеніе.

Когда представленія наши не разрозненны, но соединяются нами такъ, что можно видѣть, какъ думаемъ о предметѣ; тогда образуются **сужденія.**

Въ сужденіяхъ своихъ мы обыкновенно заявляемъ, какой признакъ, по нашему разумѣнію, пригоденъ или непригоденъ предмету; оттого между сужденіями различаемъ **утвердительныя** и **отрицательныя.**

Когда же одно сужденіе выводимъ изъ другаго, тогда мы дѣлаемъ **умозаключенія.**

VI. ОТНОШЕНІЕ МЫШЛЕНІЯ КЪ ЯЗЫКУ.

§ 28. Слова — выраженія представленій съ обозначеніемъ ихъ отношеній; отсюда части рѣчи и формы ихъ. Грамматика.

(Ст. 175). а. Представленія наши облекаются, или воплощаются словами, которыя состоятъ изъ извѣстнаго опредѣленнаго сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ: *б-у-р-я, к-р-о-е-т-ъ.*

б. Представленіе выражается или однимъ словомъ (учитель, ученикъ) или двумя или нѣсколькими словами (министерство народнаго просвѣщенія); въ первомъ случаѣ слова называются **реченіями,** а въ послѣднемъ—**выраженіями.**

Каждое реченіе въ письмѣ должно быть отставлено на нѣкоторое разстояніе отъ другаго.

в. Словами выражаются тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ на нашу душу предметъ.

Начальные звуки, составляющіе слово, показываютъ значеніе впечатлѣнія или представленія; конечные же показываютъ какъ особенный родъ представленія, такъ и тѣ отношенія, въ которыя они поставлены между собою: *бур-я мл-ою неб-о кро-етъ.*

г. Представленія различны одно отъ другаго: иное дѣло представленіе о предметѣ, иное—представленіе о его дѣйствіи или качествѣ; различны и слова одни отъ другихъ.

Представленія въ соединеніи своемъ относятся одно къ другому, находятся въ тѣсной связи между собою и въ отношеніи къ разговаривающимъ; точно также и слова (буря—крыть) относятся одно къ другому (буря небо кроетъ), и находятся въ тѣсной между со-

бой связи и отношеніи къ разговаривающимъ. Выражаетъ ли слово представленіе о предметѣ, дѣйствіи или качествѣ, оно обозначаетъ это послѣдними окончательными звуками: *пути-къ, буря, око-шко—застуч-ать, кры-ть, крут-ить—снѣж-ный, обветшалой;* указываетъ ли слово отношенія представленій одного къ другому и къ лицу говорящему, оно обозначаетъ это опять своими окончаніями: *путникъ запозда-лый застучалъ въ окош-ко*, и *запоздал-аго путник-а застигла буря передъ окошкомъ* и т. п.

д. Словами мы выражаемъ наши сужденія длятого, чтобы сообщить, предложить ихъ другимъ; слѣд. рѣчью мы входимъ въ соприкосновеніе и въ соотношеніе съ слушающимъ. Нужно показать и это отношеніе къ слушающему,—слова предлагаютъ къ нашимъ услугамъ тѣже окончанія: *выпь-емъ, добрая старушка.*

е. Принимая то одно, то другое окончаніе, какъ ради различія представленій, такъ и ради различнаго ихъ соединенія, слова̀ являются въ различномъ видѣ, или формѣ: а потому окончанія словъ и способы ихъ соединенія названы **формами языка.**

Въ языкѣ есть формы для выраженія отдѣльныхъ понятій и сочетанія ихъ въ сужденія; есть формы и для сочетанія самыхъ сужденій въ пространную рѣчь.

Формы словъ, или реченій, когда онѣ образованы не перемѣною звуковъ (завыть, завоетъ, буря—бурю, старуха, старушка, старушонка) въ словѣ, но прибавленіемъ другаго реченія (*была* утомлена, *буду* пить), называются **описательными.**

ж. Происхожденіе, образованіе и употребленіе формъ языка, равно и составъ словъ, объясняется въ особой наукѣ; имя этой наукѣ—**грамматика,** къ которой теперь мы и переходимъ.

НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

I. ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

§ 1 (Стр. 452). а. Выраженное словами сужденіе называется въ грамматикѣ **предложеніемъ** (la propositon, der Satz, enunciatum), потому-что сужденія выражаютъ словами длятого, чтобы сообщить, *предложить* ихъ другому.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ (въ грамматикѣ предложеніе) — Въ немъ винограду кисти рдѣлись (также предл.).

(L'homme est né pour agir. Jeder Fremde ist heilig. Nemo mortem effugere potest).

б. Чтобы предложить другимъ свое сужденіе о чемъ-нибудь, надобно *сказать* или *написать* его: значитъ, есть два способа передавать свои сужденія: способъ **устный** и способъ **письменный**.

Въ первомъ случаѣ слова́ передаются **звуками голоса** (articulés sons de la voix, artikulirte или gegliederte Laute), во второмъ—**буквами** (lettres, Buchstaben, litterae), которыя суть искусственные знаки этихъ членораздѣльныхъ звуковъ: *а. б. в. г.* и пр. Звуки голоса и буквы суть средства для передачи нашихъ сужденій.

в. Звуки нашего голоса имѣютъ то отличительное свойство, что они не сливаются одинъ съ другимъ, но слышатся каждый раздѣльно, и потому называются **членораздѣльными**: *л-и-с-а*.

Членораздѣльные звуки наши по свойству *выговора* бываютъ:

а. **Гласные** (voyelles, Selbstlaute, или Vokale, wocales), которые выговариваются одни, сами по себѣ, и способны имѣть удареніе надъ собой: *а, и, я, ю* и проч.

b. и **согласные** (consonnes, Mitlaute или Konsonanten, consonantes), которые можно выговаривать только съ гласнымъ звукомъ: б (бе), в (в), м (емъ), р (еръ) и проч.

г. Буквы, какъ искусственные, придуманные знаки звуковъ нашихъ, тоже имѣютъ названія гласныхъ и согласныхъ. Кромѣтого онѣ различаются по употребленію двойнымъ начертаніемъ, а именно по *начертанію* своему онѣ бываютъ:

а. **Большія**, или прописныя (Let. majuscules, grosse Anfangsbuchstaben): А. Б. В. Г....

b. **Малыя, или строчныя** (let. minuscules, kleine Buchstaben): а. б. в. г. Тѣ и другія употребляются не безъ разбора, но по извѣстнымъ правиламъ.

Задача. Какія буквы по выговору гласныя и согласныя, по *начертанію*—прописныя и строчныя въ баснѣ?

д. При чтеніи буквы произносятся такъ, какъ говоритъ образованное большинство въ общежитіи, а не какъ говорятъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, напр. *сатъ, галодная*, а не *садъ, голодная*; на письмѣ же буквы употребляются, какъ установлено наукой: *садъ, голодная*, а не *сатъ, галодная*. Затрудненіе отъ встрѣчающагося противорѣчія письма выговору и на оборотъ, выговора письму, устраняется привычкой и ученіемъ. Какъ пособіе къ устраненію этого затрудненія, надо запомнить разъ навсегда вотъ какія изъ свойствъ гласныхъ и согласныхъ: изъ гласныхъ одни слышатся *твердо* (а, у, ы—глаза, кумы), другія—*мягко* (я, ю, и—гляди, горю); изъ согласныхъ одни *глухо* (б, д), другія—*рѣзко* (п, т). По этому качеству гласныхъ и согласныхъ, первыя раздѣляются на *твердыя* (а, о, у, ы) и *мягкія* (я, е, ю и), а вторыя—на глухія (б, в, д, г, з, ж) и рѣзкія (п, ф, к, х, с, ш). Одни переходятъ въ другія, и одни соотвѣтствуютъ другимъ: д соотвѣтствуетъ т, и переходитъ въ выговорѣ въ т (сатъ—садъ). Чтобъ угадать настоящую букву для письма, надо измѣнять слово: *саду, садовъ*, слѣд. писать должно *садъ*, а не *сатъ*.

§ 2 (Стр. 454). а. Предложеніе, которое не можетъ быть раздѣлено на два или болѣе предложеній, и которое слѣд. выражаетъ только одно сужденіе, называется **простымъ** (la proposition simple, der einfache Satz, enunciatum simplex).

Въ аравійскихъ пустыняхъ славилась одна кобылица. Все племя Нежжде знало ее. (Les âmes faibles sont cruelles. Fr. de Neuschâteau. Neue Besen kehren gut. Homini cum Deo similitudo est. Cic.)

б. Предложеніе, которое *сложено*, составлено изъ двухъ или болѣе предложеній, и которое потому можетъ быть раздѣлено на свои составныя простыя предложенія, называется **сложнымъ** (la prp. composée, der zusammengesetze Satz, en. compositum).

Бедуину Дагеру да такой степени хотѣлось имѣть ее, что онъ объ этомъ только и думалъ день и ночь, и едва не помѣшался.

(Apprends que le seule sagesse
Peut faire héros parfaits. Racine.

Wir lassen es dahingestellt seyn, welchem Volke eigentlich die herrliche Erfindung der Schriftzeichen gebüre. Herder. Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur. Sall).

в. Рядъ предложеній, которыя относятся къ объясненію одного предмета, и потому имѣютъ между собою связь по содержанію, называется **рѣчью** (le discours, die Rede).

Въ аравійскихъ пустыняхъ.... ее ни за что.

Названіе ей дано отъ одного изъ способовъ, который мы употребляемъ для передачи нашихъ мыслей—способа *устнаго* (говорить —славян. *рещи*).

г. *Простое предложеніе образуется и состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, сложное—изъ двухъ или нѣсколькихъ простыхъ предложеній*, **рѣчь же** — *изъ нѣсколькихъ простыхъ и сложныхъ предложеній.*

§ 3 (Стр. 456) а. Повышеніе голоса надъ словомъ въ составѣ предложенія и надъ гласнымъ звукомъ въ отдѣльномъ словѣ называется **удареніемъ**, или **силою** (l'accent, Betonung, accentus).

Удареніе надъ гласнымъ звукомъ въ отдѣльно взятомъ словѣ называется *просодическимъ*, или *грамматическимъ* (accent des mots, Silbenton): кума́, Лиса́.

Удареніе надъ важнѣйшимъ въ составѣ предложенія словомъ называется *логическимъ* (accent des phrases, Redeton): залѣзла, рдѣлись.

Ударенія логическія бываютъ сильнѣе и слабѣе, смотря по важности, придаваемой словамъ въ рѣчи.

б. Логическія ударенія на письмѣ никогда не отмѣчаются никакими знаками. Просодическія ударенія собственно также не отмѣчаются знаками, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда слова одинаковы по начертанію, но различны по смыслу, или по значенію: *мука* и *мука̀*, *за́мокъ* и *замо̀къ*, *хо́ромъ* и *хоро̀мъ*. Въ такомъ случаѣ пользуются:

а. знакомъ *острымъ* (l'accent aigu), когда удареніе приходится въ началѣ или срединѣ слова: *прохла́да*, *ужинъ*.

и b. *тяжелымъ* (l'accent grave), когда удареніе приходится надъ конечною гласною: *голоса̀*, *заря*. Въ устной же рѣчи ударенія надъ словами строго соблюдаются, и требованіе ихъ самое настоятельное. Насчетъ ихъ пока должно сообразоваться съ общимъ употребленіемъ, потому-что наука еще не опредѣлила положительныхъ правилъ.

в. Остановки голоса, которыя мы дѣлаемъ разномѣрно (то длиннѣе, то короче) для указанія состава предложеній, называются **паузами**. Длиннѣе или короче нужно сдѣлать паузу, это зависитъ отъ объема и важности предложеній и отъ отношенія ихъ между собою.

Говоримъ ли мы, или читаемъ, всегда надобно строго наблюдать *паузы*: иначе произношеніе и чтеніе будутъ невразумительны.

г. Паузы, или остановки голоса, отмѣчаются въ письменной рѣчи **знаками препинанія** (les signes de la ponctuation, die Interpunktionszeichen): **точкою** (le point, der punkt, punctum.), **двоеточіемъ** (les deux points, das Kolon, colon:), **точкою съ запятой** (le point-virgule, das Semicolon semicolon;), **запятою** (la virgule, das Komma, comma,) и **черточкой**, или **тире** (le tiret, Gedankenstrich—). Всѣ эти знаки показываютъ отношеніе одного предложенія къ другому. Но кромѣ ихъ есть еще знаки, которые показываютъ тонъ рѣчи: таковы **вопросъ** (?) **восклицательный знакъ** (!) и **многоточіе** (....).

— д. Одно предложеніе *непремѣнно должно быть отдѣлено отъ другаго однимъ изъ этихъ знаковъ препинанія: иначе рѣчь будетъ невразумительна.* Изъ всѣхъ этихъ знаковъ точка показываетъ законченное цѣлое, а всѣ другіе—предложенія, относящіяся, какъ части къ цѣлому:

ОТТОГО ПОСЛѢ ТОЧКИ ВСЕГДА НАДО НАЧИНАТЬ СЛОВО БОЛЬШОЮ, ИЛИ ПРОПИСНОЮ, БУКВОЮ.

§ 4 (Стр. 457) а. Рѣчь, въ которой ударенія размѣрены, располагаются такъ между собою, что одно отъ другаго находится въ извѣстномъ опредѣленномъ разстояніи, называется *рѣчью мѣрною*, или **стихами** (les vers, die Verse, versus); рѣчь же, въ которой ударенія не расположены такимъ образомъ, т. е. не слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ разстояніи, называется *прозаическою*, или **прозою** (la prose, die Prosa).

Лисица и Виноградъ—*стихи*, а Сила добродушія—*проза*.

б. Стихи должно читать такъ же, какъ прозу: окончаніе каждаго стиха не обязываетъ къ паузамъ, но остановки голоса должны сообразоваться съ составомъ рѣчи. Въ чтеніи стихи и проза безразличны; но иное дѣло въ письмѣ: тутъ есть значительная разница, всѣми принятая издавна.

—Каждый стихъ принято писать особой строкой, а начальное слово каждаго стиха—большою, или прописною, буквой.

Писанье стиховъ особыми строками установлено потому, что каждый стихъ, какъ мы объяснили его значеніе (стр. 457), есть рядъ ударенiй, опредѣленный извѣстнымъ ихъ количествомъ. Писанье же стиховъ большими буквами просто укоренившійся обычай; его не мѣшало бы — да и пора — оставить.

II. ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

А. Составъ предложенія.

§ 5 (Стр. 458). а. **Подлежащее** (le sujet, das Subject, subjectum) есть то слово въ предложеніи, которое выражаетъ понятіе о предметѣ рѣчи, или которое означаетъ предметъ, *подлежащій* нашему сужденію.

Жаръ свалилъ. Повѣяла *прохлада*.

(*L'homme* est né pour agir. Weisere Fassung ziemt dem Alter. *Diligentia* in omnibus rebus plurimum valet. Cicero).

Сказуемое (l'attribut, das Praedicat, praedicatum) есть то слово въ предложеніи, которое показываетъ, что́ мы говоримъ, *сказываемъ* о предметѣ, или которое выражаетъ понятіе о *признакѣ* предмета.

Жаръ *свалилъ*. *Повѣяла* прохлада.

(L'homme *est né* pour agir. Weisere Fassung *ziemt* dem Alter. Diligentia in omnibus rebus plurimum *valet*).

б. Подлежащее и сказуемое суть необходимые члены въ предложеніи; потому-что признакъ съ предметомъ въ природѣ связанъ неразрывно, одинъ отъ другаго не отдѣлимъ. Но такъ-какъ въ предложеніи важно собственно то, какъ говорящій думаетъ о предметѣ (въ этомъ состоитъ вся задача сообщенія, или передачи мысли): то сказуемое имѣетъ большее значеніе сравнительно съ подлежащимъ; оно есть важнѣйшій и господствующій членъ предложенія.

§ 6 (Стр. 459). **Опредѣлительными** (le complément déterminatif, das Attribut, attributum), или **опредѣленіемъ**, называются тѣ слова въ предложеніи, которыя поясняютъ понятіе о предметѣ (какую бы часть предл. оно ни составляло).

Длинный день кончилъ рядъ *заботъ*.

(Les *gros* poissons mangent les petits. Prov. Les yeux sont le miroir *de l'ame*. Prov.

Der *brave* Mann denkt an sich selbst zuletzt. Sch.

Weisere Fassung ziemt dem Alter. Wohlthätig ist des *Feuers* Macht. Schiller. Labor *improbus* omnia vincit).

Дополнительными, или **дополненіемъ** (le complément objectif, das Object, objectum), называются тѣ слова въ предложеніи, которыя, состоя въ тѣсной связи съ подлежащимъ, составляютъ такое необходимое поясненіе понятію о признакѣ, что безъ нихъ сіе послѣднее не можетъ быть ясно представляемо и передаваемо.

Длиный день покончилъ *рядъ* заботъ.

(Les cieux annoncent *la gloire* de Dieu. Erfindung macht *die Künstler* gross. Gellert. Fortuna *fortes* adjuvat)

Обстоятельственными (le comp. circonstanciel, das Adverbiale) называютъ тѣ слова въ предложеніи, которыя не состоятъ въ тѣсной связи съ подлежащимъ, но поясняютъ только понятіе о признакѣ различными случаями, или обстоятельствами, напр. показывая *мьсто, время, образъ* и *причину*.

По дворамъ давно загнали стадо.

(La verité sort *de la bouche* des enfans. Un bienfait reproché tient *toujours* lieu d'offense. Racine. *Petit à petit* l'oiseau fait son nid. Prov. *A l'ongle* on connait le lion. Dem wahren Weltweisen muss der Tod *niemals* schrecklich sein. Mendelson. *Lange* leben ist nicht *viel* leben. Lessing.

Dionysius tyrannus *Syracusis* expulsus *Corynti* pueros docebat. Cicero. Quaedam bestiolae *unum tantum diem* vivunt. Cic. Mercatores non *tantidem* vendunt, *quanti* emerunt. Cic. P. Scipio *propter Africam domitam* Africanus apellatur. Evtrop.).

§ 7 (Стр. 460). а. Слова въ предложеніи, показывающія предметъ, къ которому говорящій обращается съ своею рѣчью, называются **обращеніемъ**, или **воззваніемъ** (vocatif). Оно неизбѣжнаго члена

предложенія не составляетъ и можетъ стоять и въ *началѣ*, и въ *срединѣ*, и въ *концѣ* предложенія.

Спи, дитя мое, усни!

(*Passant*, va dire à Sparte que nous sommes morts ici pour obéir à ses saints lois. Rous. Vincere scis, *Hannibal*, victoria uti nescis. Liv).

б. — Когда обращеніе стоитъ въ началѣ или въ концѣ предложенія, то принято отдѣлять его знакомъ восклицательнымъ (!); впрочемъ въ первомъ случаѣ многіе стали замѣнять восклицательный знакъ запятою.

Мама, мама! въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ.
Смилуйся, *государыня-рыбка*!

—Когда же оно въ срединѣ предложенія, то принято ставить его *въ* запятыхъ, и всѣми безъ исключенія.

Спи, дитя мое, усни!

§ 8 (Стр. 461) а. Итакъ всѣхъ членовъ въ простомъ предложеніи можетъ быть только шесть, и они носятъ обыкновенно слѣд. названія: **подлежащее, сказуемое, опредѣлительное слово, дополнительное, обстоятельственное и обращеніе.** Всѣ эти названія даютъ словамъ, или реченіямъ, только въ такомъ случаѣ, когда они разсматриваются въ составѣ предложенія; въ другомъ случаѣ тѣже реченія получаютъ иныя названія.

б. Опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя слова могутъ быть и не быть въ предложеніи; они являются лишь тогда, когда есть подлежащее и сказуемое, и состоятъ только при нихъ; подлежащее же и сказуемое необходимо должны быть въ предложеніи, и они бываютъ весьма часто одни безъ словъ опред., дополн. и обстоят.: слѣд. подлежащее и сказуемое, относительно другихъ членовъ, будутъ главные, всѣ же остальные—*второстепенные*.

в. Опредѣлительное слово иначе называется не просто опредѣленіемъ, но эпитетомъ, когда оно показываетъ существенное и слѣд. постоянное качество предмета: *чистое поле*, *мать-земля сырая*, *удалый молодецъ* (припомните, какія слова въ видѣ эпитетовъ употреоляются для кимпези, см. стр. 208, ст. 100); оттого эпитетъ или становится часто самымъ названіемъ предмета (*будни* т. е. будніе дни, мостовая, *лѣшій*, т. е. лѣсной духъ), или постоянно, безотлучно сопровождаетъ его (*красное* солнышко, *красная* дѣвица, *рѣзвыя* ноги, *синее* море, *борзый* конь), и въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ служитъ большею частью къ украшенію рѣчи, не прибавляя новаго оттѣнка къ названію предмета. За такое употребленіе свое эпитетъ называется *постояннымъ* и *украшающимъ*.

г. Обстоятельственныя слова различаются особыми именами, смотря по роду самаго обстоятельства. Такъ слово, показывающее *мѣсто*, *гдѣ* дѣйствіе совершается, или происходитъ, *куда* или *откуда* идетъ,

называется **обстоятельственнымъ мѣста**. Оно узнается по вопросамъ: **гдѣ, куда, откуда?**

Въ саду винограду кисти рдѣлись.

Всѣ теперь *за ужиномъ* они.

По дворамъ загнали стадо.

Запахи *отвсюду* понеслись.

Слово, показывающее *время, когда* или *сколь долго* совершается, происходитъ дѣйствіе, называется **обстоятельственнымъ времени**. Оно познается по вопросамъ: *когда? въ какое время? сколь долго?*

Облака *давно* сбѣжали прочь.

Тотчасъ оскомину набьетъ.

Слово, показывающее *образъ*, какъ дѣйствіе происходитъ, называется **обстоятельственнымъ образности**. Оно познается по вопросамъ: *какъ* и *сколько разъ?*

Пала *сильно* на землю роса.

Висятъ онѣ *высоко*.

Слово, показывающее *причину*, отъ которой или для которой дѣйствіе совершается, называется **обстоятельственнымъ причинности**. Оно познается по вопросамъ *отчего? почему? зачѣмъ? длячего? начто?*

Отъ жару и камень лопается. Посл.

По платью встрѣчаютъ, *по уму* провожаютъ. Посл.

д. Опредѣлит., дополнительныя и обстоятельственныя слова могутъ быть и при второстепенныхъ членахъ предложенія.

е. Сочетанія опредѣленія съ опредѣляемымъ, дополненія съ дополняемымъ и т. п., составляютъ понятное цѣлое, и *выражаютъ* собственно одно понятіе: оттого опредѣленіе съ опредѣляемымъ часто можетъ быть замѣняемо однимъ реченіемъ: *праведный человѣкъ=правдникъ, держитъ рѣчь=говоритъ*.

В. Виды предложенія.

§ 9 (Стр. 461). а. Опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя слова служатъ къ развитію предложенія; отъ присутствія ихъ, всѣхъ или только нѣкоторыхъ изъ нихъ, предложеніе распространяется въ своемъ составѣ, оттого оно и называется **распространеннымъ** (en. amplificatum, der ausgebildete Satz).

Часъ ночи не далекъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ

И я былъ ночь предъ Рождествомъ.

(Un bienfait reproché tient toujours lieu d'offense. Dem wahren Weltweisen muss der Tod niemals schrecklich sein. Quædam bestiolæ unum tantum diem vivunt).

То же простое предложеніе, которое въ своемъ составѣ не имѣетъ второстепенныхъ членовъ, но ограничивается только одни-

ми главными, называется **нераспространеннымъ** (en. nudum, der nackte Satz).

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.

(Les paroles passent, les ecrits restent. Prov. Die Rose blüht).

Члены въ нераспространенномъ предложеніи не имьютъ надобности отдѣляться знаками препинанія; въ предложеніи же распространенномъ нькоторые изъ нихъ нуждаются въ запятой, какъ видите въ предложенномъ примьрѣ (чрезъ много лѣтъ).

б. Предложеніе называется **полнымъ** (la pr. explicite), когда члены его находятся всѣ налицо.

Пала сильно на землю роса.

Но если въ предложеніи съ намѣреніемъ *пропускается*, подразумѣвается одинъ изъ его членовъ, тогда оно называется **неполнымъ**, или **эллиптическимъ** (la pr. elliptique, implicite), а самый пропускъ члена предложенія—**эллипсисомъ** (ellipsis, l'ellipse, die Ellipse).

Куда твой путь, бѣдняжка мой?

Гдѣ жь крестьяне?

(A bon entendeur demi-mot вмѣсто полслаго: Un demi-mot suffit à un bon entendeur. Na, dachte der Kaiser, zur glücklichen Stunde! Bürger. Fortuna fortes, подраз. adjuvat).

в. —Когда эллипсисомъ бываетъ слово, находящееся въ предложеніи предъидущемъ, тогда онъ на письмѣ обозначается *тире*, или черточкою.

Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ.

§ 10 (Стр. 463). Предложеніе, въ которомъ есть подлежащее налицо или подразумѣвается, называется **личнымъ**.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.

Горѣла свѣчка на столѣ.

Предложеніе, въ которомъ нѣтъ подлежащаго ни видимаго, ни подразумѣваемаго, но въ которомъ оно заключается въ самомъ сказуемомъ, называется **безличнымъ**. Оно бываетъ тогда, когда выражается явленіе, для котораго не знаемъ и не умѣемъ указать дѣятеля, или того, кто производитъ это явленіе: *морозитъ, разсвѣтаетъ, вьрится, плачется* (il neige, es regnet, pluit).

§ 11 (Стр. 464). а. Предложеніе, въ которомъ сказуемое *утверждается* за подлежащимъ, назыв. **утвердительнымъ**, а предложеніе, въ которомъ отрицается признакъ отъ подлежащаго, называется **отрицательнымъ**.

Горѣла свѣчка на столѣ (утверд.)

Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко, (утверд.)

Но ихъ *не* трогаетъ никто. (отрицат.)

б. Предложеніе — личное или *безличное* — по формѣ выраженія относительно лица говорящаго, называется:

а. **Вопросительнымъ,**

1) когда говорящему неизвѣстенъ какой-нибудь изъ членовъ предложенія:

Куда твой путь, бѣдняжка мой?

2) когда сомнительно, можно ли такъ соединить члены предложенія между собою, какъ говорящій соединяетъ ихъ:

Въ корытѣ *много ли* корысти?

b. **Повѣствовательнымъ,**

когда въ немъ всѣ члены извѣстны говорящему, и онъ увѣренъ, что ихъ такъ можно соединить, какъ онъ соединяетъ ихъ.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.

Повѣствовательное называется также особымъ именемъ:

а. **Восклицательнымъ,**

когда въ немъ выражается какое-нибудь чувство, которое сильно поразило говорящаго, и какъ бы заставило его воскликнуть:

Какъ ты себя заставилъ ждать!

Такъ чудно было, такъ свѣтло!

и b. **Повелительнымъ,**

когда высказывается какое-либо требованіе со стороны говорящаго.

Спи, дитя мое, усни!

в. Въ вопросительномъ предложеніи удареніе всегда слышится надъ тѣмъ словомъ, которое указываетъ на неизвѣстность чего-нибудь, или сомнительность говорящаго въ чемъ-либо:

Куда твой путь, бѣдняжка мой?

Въ корытѣ *много ли* корысти?

г. — Вопросительное и восклицательное предложенія отмѣчаются на письмѣ своими особыми знаками препинанія: знакъ, указывающій вопросъ, называется *вопросительнымъ*, и изображается такъ: ?; знакъ, отмѣчающій восклицательное предложеніе, называеся *восклицательнымъ*, и изображается такъ: !. Оба эти знака показываютъ отношеніе предложенія къ лицу говорящему и тонъ рѣчи.

Чье это мѣсто? я спросилъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!

—Послѣ знаковъ вопросительнаго и восклицательнаго, когда они употреблены вмѣсто запятой, слѣдующее слово пишется строчною, или малою, буквой:

Чье это мѣсто? (?=,) я спросилъ.

—Когда же знаки эти стоятъ вмѣсто точки, тогда слѣдующее послѣ нихъ слово должно начинаться большою, или прописною, буквой:

Ты также! (!=.) Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

III. ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ.

А. *Для подлежащаго.*

§ 12 (Стр. 486). а. **Существительнымъ** именемъ (le substantif, das Substantiv, или Hauptwort, nomen substantivum) называется то слово, которое означаетъ понятіе или представленіе о предметѣ:

Царь, архіепископъ, Аѳанасій.

(Jacques, bateau, bord,—Teodor, Wilhelm, Schiff, ufer,—Flaccus Horatius, navis, littus).

Существительное имя—такъ-какъ оно всегда выражаетъ особый опредѣленный отдѣлъ, или разрядъ, понятій, именно понятій о предметахъ—называется уже *частью рѣчи*, а не *предложенія*.

Всегда означая, или *именуя*, опредѣленное понятіе о предметѣ, оно называется *знаменательною* частью рѣчи (Begrifswort): *царь, яхта.*

б. Существительное имя собственно и по преимуществу служитъ для выраженія *подлежащаго.*

Мая 1 выѣхалъ *царь* изъ Москвы....

§ 13 (Стр. 488). Существительныя имена, которыя называютъ понятія о существахъ или вещахъ (см. Введ. § 7), называются **наглядными**, или **конкретными** (n. concret, Conkret, concretum substantivum отъ concresco=срастаюсь, потому-что такое существительное имѣетъ соотвѣтственный себѣ предметъ въ природѣ, и представляется какбы сросшимся съ нимъ).

Царь, архіепископъ, *корабль, яхта.*

(Vaisseau, *Jacht, Schiff, navis*).

Существительныя, которыя означаютъ понятія объ явленіяхъ, или предметахъ умственныхъ (см. Вв. § 15), называются **отвлеченными** (n. abstrait, Abstract, abstractum subst.); потому-что всякое явленіе представляемъ себѣ предметомъ, только отвлекая его отъ предмета, въ которомъ оно есть, и отдѣльно отъ котораго оно собственно существовать не можетъ.

Отъѣздъ, ужасъ, радость, печаль.

(Départ, amitié—Freundlichkeit, Liebe,—amor, amicitia).

§ 14. (Стр. 489). Наглядныя (или конкретныя) существительныя называются **простыми**, когда они именуютъ предметы, самостоятель-

ные сами по себѣ, безъ совокупности съ другими: *Аѳанасій, лоцманъ, руль.*

Наглядныя существительныя называются **собирательными** (le subst. collectif, der Sammelnahme, n. collectivum), когда именуютъ предметъ, состоящій изъ совокупности предметовъ однородныхъ. Предметы эти входятъ въ него, какъ части въ цѣлое; оттого каждому отдѣльному предмету, какъ части этого цѣлаго, собирательное имя не годится въ сказуемое (нельзя сказать: корова есть стадо):

Свита, лѣсъ, полкъ, народъ.

(Armée, troupe,—Heer, Truppe, grex).

§ 15. (Стр. 489). а. Существительныя **собственныя**, или *единичныя* (le subst. propre, der Eigennahme, nomen proprium), обозначаютъ названія, принадлежащія собственно одному какому-нибудь предмету:

Москва, Аѳанасій, Петръ.

(Paris, Voltaire, Göthe, Wien, Roma, Cicero).

Существительныя **общія**, или **нарицательныя** (le subst. commun, der Gattungsnahme, n. appellativum), суть имена, или названія, которыя принадлежатъ, *общи* всѣмъ предметамъ одного вида, или которыми *нарицается* (называется) цѣлый разрядъ однородныхъ предметовъ; оттого каждому отдѣльному предмету изъ извѣстнаго разряда нарицательное имя всегда годится въ сказуемое *(Петръ Великій—царь русскій):*

Царь, лоцманъ.

(Roi,—Kaiser, rex).

б.—*Существ. собственныя, на какомъ бы мѣстѣ они ни стояли въ рѣчи, пишутся всегда большою, или прописною, буквою:*

Москва, Антипъ, Аѳанасій.

—*Общія, или нарицательныя, существ. пишутся маленькою, или строчною, буквою въ срединѣ рѣчи:*

лоцманъ—монастырь—ужасъ—молебенъ.

Но общія существ. пишутся и большою буквою:

а. Когда ими начинается стихъ, статья, или когда ими начинается предложеніе послѣ точки и знака вопросительнаго и восклицательнаго, замѣняющихъ точку:

Не унывалъ только Петръ. *Душа* его какъ будто радовалась *борьбѣ* съ раздраженною *стихіею.*

b. Когда они бываютъ названіями дѣйствующихъ предметовъ въ баснѣ: въ такомъ случаѣ они принимаются за имена собственныя:

Голодная кума *Лиса* залѣзла въ *садъ.*

—Въ титулованіи царствующаго императора и всего его августѣйшаго дома принято писать всѣ слова большими буквами: Императоръ Александръ II.

§ 16 (Стр. 490). а. Существительныя общія называются **уменьшительными**, когда означаютъ названія предметовъ малыхъ, незначительныхъ по величинѣ; они бываютъ съ окончаніями: *окъ, ка, цо, икъ, екъ:*

Городокъ, хижинка, деревцо, домикъ, листочекъ.

Существительныя общія называются **увеличительными**, когда означаютъ названія предметовъ размѣра большаго, значительнѣйшаго, чѣмъ обыкновенный; они бываютъ съ окончаніями: *ище, ина, ища:*

Домина, мужичище, лапища.

б.—*Въ* УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХЪ СУЩ. ВЫГОВОРЪ НЕРѢДКО *смѣшиваетъ* ОКОНЧАНІЕ *екъ* СЪ *икъ:* ПРОИЗНОСЯТЪ *иные цвѣточикъ* ВМ. *цвѣточекъ;* НА ПИСЬМѢ ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО ДОПУСКАТЬ. ПИШЕТСЯ *екъ*, КОГДА БУКВА *е* ПРИ ИЗМѢНЕНІИ СЛОВА НЕ СЛЫШНА БОЛѢЕ: ЦВѢТОЧЕКЪ, А НЕ ЦВѢТОЧИКЪ (ЦВѢТОЧКА), *кусочекъ*, А НЕ *кусочикъ* (КУСОЧКА), НО *мальчикъ*, А НЕ *мальчекъ* (МАЛЬЧИКОМЪ).

§ 17 (стр. 491). *Существительныя имена*, когда ими показывается наше сочувствіе къ предмету, показывается, что мы любимъ его и съ любовью ласкаемся къ нему, называются **ласкательными:**

Голубчикъ, братецъ, солнышко.

Существительныя, когда ими выражается наше отвращеніе къ предмету, наше презрѣніе и униженіе его, называются **уничижительными:**

Братишка, мальчишка, домишка.

Въ томъ и другомъ случаѣ языкъ пользуется окончаніями уменьшительныхъ и увеличительныхъ.

§ 18 (Стр. 491). а. Форма (или окончаніе) существительнаго, указывающая намъ различіе предметовъ относительно *пола*, называется **родомъ** (le genre, das Geschlecht, genus).

Король, королева.

(Le roi, la reine, der Kaiser, die Kaiserin, rex, regina).

Существительными **мужескаго рода** (le g. masculin, das männliche, g. masculinum) называются тѣ, которыя означаютъ существа мужескаго пола:

Царь, отецъ, король, князь, голубь, волкъ.

(Le père, le roi, der Vater, der Kaiser,—pater, rex).

Существительными **женскаго рода** (le g. feminin, das weibliche, g. femininum) называются тѣ, которыя означаютъ названія существъ женскаго рода:

Царица, мать, королева, княгиня, голубка, волчиха.

(La reine, la mère, die Mutter, die Fürstin,—mater, regina).

Но существительныя, не показывающія опредѣлительно, къ му-

жескому или женскому полу относится предметъ, называются средняго рода (g. neutrum, das Neutrum).

Дитя (das Kind).

б. Предметы неодушевленные, умственные, по образцу одушевленныхъ, мы также различаемъ по родамъ; они также представляются нами, какъ предметы *мужескаго, женскаго и средняго рода: домъ, мебель, платье.*

Роды существительныхъ именъ одушевленныхъ предметовъ легко узнаются *по значенію,* а роды именъ неодушевленныхъ и умственныхъ предметовъ узнаются по **окончаніямъ.**

Существительныя мужескаго рода кончатся на ъ, й и частію на ь:

Домъ, ужасъ, покой, день, корабль (мой).

Существительныя женскаго рода кончатся на а, я и частію на ь:

Яхта, буря, постель (моя).

Существительныя средняго рода кончатся на о, е, мя:

Судно, море, имя (моё).

§ 19 (Стр. 491). а. Форма (окончанія) существительнаго, обозначающая количество, или число, предметовъ, называется **числомъ** (le nombre, das Numerus или die Zahl, numerus):

Измаильтянинъ и измаильтяне, покровитель и покровители, другъ и друзья (le roi—les rois, der Freund—die Freunde, rex—reges). Во дни Іосифа *царь* египетскій видѣлъ замѣчательный *сонъ.* Для изъясненія *сновъ царя* египетскіе обращались къ ученымъ *снотолкователямъ.*

б. Въ русскомъ языкѣ есть только два числа:

а. **Единственное** (le n. singulier, die Einzahl, n. singularis), которое показываетъ, что говорится объ одномъ предметѣ:

Хорошій *человѣкъ* вездѣ находитъ себѣ *друга* и *покровителя* (le roi, der König, rex).

b. **Множественное** (le n. pluriel, die Mehrzahl, n. pluralis), которое показываетъ, что говорится о многихъ или нѣсколькихъ предметахъ:

Хорошіе люди вездѣ находятъ себѣ *друзей* и *покровителей* (les rois, die Könige, reges).

§ 20 (Стр. 493). а. Тѣ слова, которыя служатъ названіями предметовъ по отношенію ихъ къ говорящему, или по личнымъ признакамъ, и заступаютъ мѣсто дѣйствительнаго, настоящаго *имени* предмета, называются **мѣстоименіями** (le pronom, das Fürwort, pronomen): *я—мы, ты—вы, онъ—они.*

б. Мѣстоименія, смотря потому, какъ они обозначаютъ предметъ въ составѣ рѣчи по отношенію къ лицу говорящему, раздѣляются на разряды, и получаютъ особыя названія.

Тѣ мѣстоименія, которыя замѣняютъ имена или самого лица

говорящаго, или лица, съ которымъ разговариваемъ, или лица сторонняго, о которомъ говорятъ, называются личными (les pr. personnels, die Persönliche, personalia): *я—мы, ты—вы, онъ, оно, она—они, онѣ.*

Примѣч. Мѣстоименіе, замѣняющее имя лица говорящаго, называется личнымъ мѣстоименіемъ перваго лица: *я—мы.*

Мѣстоименіе, замѣняющее имя лица, съ которымъ разговариваемъ, называется личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица: *ты—вы.*

Мѣстоименіе, замѣняющее имя сторонняго предмета, извѣстнаго и опредѣленнаго для разговаривающихъ, называется личнымъ мѣстоименіемъ третьяго лица: *онъ—они.*

Тѣ мѣстоименія, которыя замѣняютъ имя предмета, неизвѣстнаго говорящему, и тѣмъ вынужденному къ вопросу, называются **вопросительными**: *Кто? что? Кто* тамъ ѣдетъ?

Тѣ мѣстоименія, которыя замѣняютъ имя предмета, неопредѣленно представляющагося говорящему или совсѣмъ отрицаемаго имъ, называются **неопредѣленными** и **опредѣленными отрицательно**: кто-то, *что-то, нькто—ньчто, кто-нибудь—что-нибудь, кое-кто—кое-что, никто—ничто.*

Итакъ для выраженія подлежащаго употребляются мѣстоименія: *личныя, вопросительныя, неопредѣленныя* и *отрицательно опредѣленныя.* А какъ они замѣняютъ собою имя существительное, то ихъ можно называть *существительными.*

в. Мѣстоименіе само по себѣ не выражаетъ опредѣленнаго понятія о предметѣ, какъ существительное имя, а потому оно есть *служебная* (Formwort), а не знаменательная часть рѣчи.

Б. *Для сказуемаго.*

§ 21 (Стр. 513). а. Слово, выражающее понятіе о дѣйствіи или состояніи предмета, называется теперь **глаголомъ** (le verbe, das Zeitwort, verbum), потому-что дѣйствіе или состояніе всего яснѣе *говорить* (глаголетъ) о предметѣ: *выбирай есть глаголъ, кроетъ и роетъ тоже глаголы, мерзнешь—тоже глаголъ*; прежде, въ старину, глаголъ назывался рѣчью. Старинное названіе надо также запомнить, потому-что оно облегчаетъ уразумѣніе одной изъ частей рѣчи, о которой скажемъ послѣ.

б. Глаголъ, выражая особый опредѣленный разрядъ понятій о дѣйствіи или состояніи предмета, составляетъ особую часть рѣчи, и притомъ—**знаменательную.**

в. По дѣйствію мы всего легче признаемъ предметъ, всего яснѣе отличаемъ его отъ другихъ предметовъ, потому глаголъ въ предложеніи выражаетъ собственно и по преимуществу *сказуемое.*

Съ разборомъ *выбирай* друзей.

§ 22 (Стр. 514). а. Форма, опредѣляющая въ глаголѣ различіе дѣйствія по его характеру, называется **залогомъ** (les sortes de verbes, die Art, genus verborum).

б. Глаголы, которые выражаютъ дѣйствіе подлежащаго, переходящее на другой предметъ по вопросамъ: *кого* и *что?*, называются глаголами залога дѣйствительнаго, или просто, **дѣйствительными** (le v. actif, das activ, verbum activum):

Съ разборомъ выбирай друзей.

Она тебѣ лишь яму *роетъ*.

Глаголы, которые показываютъ дѣйствіе, возвращающееся на самое подлежащее, называются **возвратными** (le v. réfléchi или pronominal, v. reflexivum):

Солнце *спустилось* на ночлегъ.

Клубами черный дымъ *несется* къ облакамъ.

Глаголы, при которыхъ подлежащее представляется не дѣйствующимъ, но страдательнымъ отъ другаго сторонняго предмета, именно того, который выражается дополненіемъ, называются **страдательными** (le v. passif, das Passiv, v. passivum):

Тутъ онъ (огонь) былъ дорожными *забытъ*.

Глаголы, которые показываютъ дѣйствіе подлежащаго, непереходящее на другой предметъ, или выражаютъ состояніе, въ какомъ находится подлежащее, называются **средними** (le v. neutre, das Neutr, v. neutrum):

Зимою огонекъ подъ рощей *тлился*.

Огонь мой чуть *горитъ*.

Глаголы, которые показываютъ такое дѣйствіе, которое подлежащее *взаимно*, сообща съ какимъ-нибудь другимъ предметомъ производитъ, называются **взаимными**:

Какъ дереву съ огнемъ *дружиться?*

Пять особыхъ примѣтъ въ дѣйствіяхъ, и пять *залоговъ* въ нашемъ языкѣ: *дѣйствительный, возвратный, страдательный, средній* и *взаимный*. Языкъ нашъ не имѣетъ особенныхъ формъ для каждаго изъ залоговъ, напр. *выбирать и блестѣть, дружиться и литься* и т. д.; а потому залоги должно угадывать по значенію, а не по формѣ.

§ 23 (Стр. 516). а. Формы (различныя окончанія) глагола, которыя онъ принимаетъ, какъ сказуемое, чтобы показать, какого лица и числа бываетъ при немъ подлежащее, называются **лицами и числами глагола**: ты *ржешь* (2 л. ед. ч.), онъ *ржетъ* (3 лицо един. числа).

Глаголы имѣютъ **три лица** и **два числа** (единственное и множественное).

Употребить глаголъ-сказуемое въ первомъ, второмъ или третьемъ лицѣ, единственномъ или множественномъ числѣ зависитъ от-

того, какого лица и числа его подлежащее, но вовсе не зависитъ отъ лица говорящаго; а потому глаголъ измѣненіемъ окончаній для лицъ и чиселъ обозначаетъ свое отношеніе къ подлежащему, а не къ лицу говорящему: это отношеніе называется *согласованіемъ*.

б. Глаголы, принимающіе всѣ три личныя окончанія въ числѣ единств. и множественномъ, называются **личными** (le v. personel, das v. persönliches, verbum personale).

Я мы *хол-ю*—имъ, *ты* и вы *хол-ишь*—ите, *онъ* и они *хол-итъ*—ятъ коня.

Глаголы же, неспособные имѣть особыхъ окончаній для 1 и 2 лица обоихъ чиселъ и для 3 лица множ., слѣд. употребляющіеся только въ одномъ 3 лицѣ единственнаго числа, называются **безличными**, но вѣрнѣе ихъ слѣдовало бы назвать *одноличными* (le v. impersonnel, unipersonnel, das v. unpersönliches, v. impersonale):

Разсвѣтаетъ—смеркается. Не спится (il faut, es donnert, decet, oportet).

§ 24 (Стр. 517). а. Формы глагола, которыя опредѣляютъ, что дѣйствіе представляется лицомъ говорящимъ въ *совершаемости*, продолжающимся (спускалось — выбирай — отвѣчаетъ), или въ *совершеніи*, оконченнымъ (спустилось, выбери, отвѣть), слѣд. опредѣляютъ, что подлежащее занято въ данную минуту дѣйствіемъ, или перестало имъ заниматься,—называются **видами** глагола.

б. Глаголы, обозначающіе дѣйствіе въ *совершаемости* (въ ходу, занятіи), слѣд. продолжающимся, называются глаголами вида *несовершеннаго:*

Ты ржешь—блистало, оно—корысть *кроетъ*, яму *роетъ*, *говоритъ*.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе въ *совершеніи*, слѣд. *оконченнымъ*, называются глаголами вида *совершеннаго*:

Шею опустилъ—блеснуло, оно—покроетъ, вырыла, *спустилось—сказалъ*.

Итакъ глаголы наши имѣютъ два вида:

а. Несовершенный: *горитъ* огонь, *спуск-алось* солнце, *отвѣчалъ* конь.

b. Совершенный: *прогорѣлъ* огонь, *спуст-и-лось* солнце, *отвѣтилъ* конь.

§ 25 (Стр. 517). а. Формы (окончанія) глагола, которыми опредѣляется время дѣйствія или состоянія, называются временами *глагола* (le temps, die Zeitform, tempus):

Что ты ряк-е-*ишь*, мой конь ретивый?

Что ты шею опуст-и-*лъ*?

б. Время называется **настоящимъ** (le présent, die Gegenwart, præsens), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе совершается теперь, въ ту самую минуту, какъ объ немъ говорится:

Али я тебя не холю?

Что ты ржешь, мой конь ретивый?

Отвѣчаетъ конь печальный...

Время называется **прошедшимъ** (le passé, die vergangene Zeit, perfectum), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе совершилось *прежде* той минуты, какъ объ немъ говорится, слѣд. время его совершенія *прошло уже*:

Что ты шею *опустилъ*?
Оттого я *присмирѣлъ*.

Время называется **будущимъ** (le futur, die Zukünftige Zeit, futurum), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе имѣетъ совершаться или совершиться послѣ того, когда объ немъ говорятъ, слѣд. *будетъ* еще.

Итакъ у глагола есть три времени: *настоящее, прошедшее* и *будущее*.

в. Глаголы вида несовершеннаго имѣютъ всѣ три времени: *ржу,—ржалъ, буду ржать*. Глаголы вида совершеннаго имѣютъ только *два* времени: прошедшее и будущее: *покрылъ—покрою*. Но когда въ глаголахъ вида совершеннаго обозначается дѣйствіе нѣсколько разъ совершившееся; тогда они имѣютъ только одно прошедшее, будущаго же не имѣютъ: *хаживалъ, говаривалъ*.

Окончанія будущаго для глагола совершеннаго вида у насъ одни и тѣже съ окончаніями настоящаго: *сдер-етъ (буд. 3 л. един. ч.), грыз-етъ (наст. 3 л. ед. ч.)*, а въ глаголахъ вида несовершеннаго форма для будущаго времени бываетъ всегда *описательная* (съ прибавленіемъ глаголовъ: *буду, стану* и т. д.): будетъ ржать конь, станетъ отвѣчать.

г. Временами глагола обозначается отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему, какъ лицами и числами обозначается его отношеніе къ подлежащему; потому-что лицо говорящее опредѣляетъ время дѣйствія по отношенію къ себѣ, именно смотря потому, какъ дѣйствіе относится (къ минутѣ рѣчи) къ той минутѣ, когда объ немъ говорится.

—Окончаніе втораго лица ед. настоящаго (и слѣд. будущаго) времени пишется всегда черезъ ь, а не черезъ ѣ: *не ржешь*, а *ржешь, не потряхиваешь*, а *потряхиваешь*.

—Всѣ (кромѣ *клею*) глаголы, оканчивающіеся въ 1 лицѣ настоящаго вр. на *лью*, пишутся черезъ ѣ: *имѣю, бѣлѣю*.

§ 26 (Стр. 518). а. Формы глагола — сказуемаго, которыми обозначается, *какимъ образомъ* лицо говорящее выражается о связи сказуемаго съ подлежащимъ, или *какъ* оно *наклонно* принимать и принимаетъ для себя связь ихъ, называются **наклоненіями** (les modes, Redeweisen, modi).

б. То наклоненіе называется **изъявительнымъ** (le m. indicatif, der Indicativ, m. indicativus), которымъ обозначается (изъявляется), что лицо говорящее рѣшительно принимаетъ связь сказуемаго съ подлежащимъ, какъ *дѣйствительную*:

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ *захирѣлъ, завялъ* почти до половины.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры *согрѣваетъ*.

То наклоненіе называется сослагательнымъ (le m. subjonctif, der Conjunctiv, m. conjunctivus), которымъ обозначается, что лицо говорящее принимаетъ связь сказ. съ подлежащимъ, какъ *возможную*. Оно у насъ всегда выражается прибавленіемъ слова *бы* къ наклоненію изъявительному прош. вр., но особыхъ окончаній не имѣетъ, какъ въ другихъ языкахъ, напр. латинскомъ, французъ.; слѣд. форма сослагательнаго накл. у насъ описательная:

Ахъ, если *бы* скорѣе день *насталъ*,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно *бы оживило*.

То наклоненіе называется повелительнымъ (le m. imperatif, der imperatif, m. imperativus), которымъ обозначается, что лицо говорящее, принимая связь сказ. съ подлежащимъ, какъ *необходимую*, показываетъ свое желаніе, повелѣніе слушающему, чтобы онъ его исполнилъ:

Повѣръ, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго *перестань*,
Молчи и *вянь*.

Наклоненій у глагола-сказуемаго три: *изъявительное, сослагательное* и *повелительное*, но формъ въ нашемъ языкѣ только двѣ: изъявит. и повелит.

—Бы съ глаголомъ никогда не сливается, но всегда пишется отдѣльно, потому-что оно есть особое реченіе, произшедшее отъ славянскаго прошед. времени глагола *быть* (быти): не *оживилобы* или *оживило-бы*, но *оживило бы*.

г. Слова́ въ предложеніи, которыя показываютъ, какъ говорящій выражается о связи сказуемаго съ подлежащимъ, или которыя обозначаютъ *образъ выраженія* говорящаго, принадлежатъ къ обстоятельственнымъ, и называются обстоятельственными образности выраженія.

—Слова обстоятельственныя образности выраженія служатъ въ помощь наклоненіямъ, и на письмѣ отдѣляются запятою.

Быть-можетъ, и меня оно бы оживило.
Есть, право, менѣе булавочной головки.

§ 27. Какъ называется измѣненіе глагола по наклоненіямъ, временамъ и пр.? Образецъ спряженія. Правописаніе.

Глаголъ, выражая сказуемое, принимаетъ различныя формы (окончанія) для обозначенія лицъ, чиселъ, временъ и наклоненій, или другими словами глаголъ—сказуемое измѣняется *по залогамъ, лицамъ, числамъ, временамъ* и *наклоненіямъ*.

Что ты рж-е-шь мой конь ретивый? Оттого я рж-у...

Измѣненіе глагола по лицамъ, числамъ, временамъ и наклоненіямъ во всѣхъ залогахъ и въ обоихъ видахъ, называется *спряженіемъ* (la conjugaison, die Conjugation, conjugatio),—потому-что измѣненіе это онъ имѣетъ только въ *спряженіи*, или соединеніи, съ подлежащимъ; а формы его, обозначающія *лицо*, *число* и *наклоненіе*, называются *глагольными-собственно*.

Образецъ спряженія дѣйствительнаго залога.

глагольныя формы.

а. *Вида несовершеннаго.*

I. Изъявительное наклоненіе.

Единственное число.

	настоящее.	прошедшее.	будущее.	
1. Я	выбираю	выбиралъ, о, а,	буду	выбирать.
2. Ты	выбираешь	выбиралъ, о, а,	будешь	
3. Онъ, о, а,	выбираетъ	выбиралъ . .	будетъ	

Множественное число.

1. Мы	выбираемъ	выбирали	будемъ	выбирать.
2. Вы	выбираете	выбирали	будете	
3. Они, они, ѣ,	выбираютъ	выбирали	будутъ	

II. Сослагательное наклоненіе.

Един. 1. 2. 3. выбиралъ, о, а *бы.*
Множ. — — выбирали *бы.*

III. Повелительное наклоненіе.

Ед. 2 л. выбирай. Мн. выбирайте.
3 л. пусть или да } выбираетъ. } выбираютъ.

б. *Вида совершеннаго.*

I. Изъявительное наклоненіе.

	прошедшее.	будущее.
Един. 1.	выбралъ	выбер-у.
2.		выбер-ешь.
3.		выбер-етъ.

Множ. 1. } выбрали выбер-емъ.
2. } выбер-ете.
3. } выбер-утъ.

II. Сослагательное наклоненіе.

Едпн. 1. 2. 3. выбралъ, о, а, *бы*.
Множ. 1. 2. 3. выбрали *бы*.

III. Повелительное наклоненіе.

Е. 2. выбери. М. выберите.
3. пусть или *да* выберетъ, пусть или да выберутъ.

—Въ глаголахъ, сложныхъ съ ся (=себя), окончаніе 3 лица настоящ. обоихъ чиселъ произносится *цца* или тца (*несецца* или несетца), но написано должно быть тся—(несется); потому-что тутъ *т* есть примѣта третьяго лица, а *ся* есть особое слово, сократившееся изъ *себя*.

—Второе лицо повелит. наклон. единств. числа вмѣсто *и* кончится также на *ь*: кинь. Послѣ ж, ч, ш писать должно ъ, а не ѣ, какъ слышится въ произношеніи; потому-что окончаніе это образовалось изъ *и*: не *положѣ*, а *положь*, не *утьшѣ*, а *утьшь* (славян. утѣши), не *рьжѣ*, а *рьжь*.

В. *Для дополненія.*

§ 28 (Стр. 527). Дополненіе, какъ и подлежащее, собственно и по преимуществу выражается существит. именемъ; потому-что оно показываетъ предметъ, на который дѣйствіе переходитъ, или къ которому оно относится.

Я вижу *жатву* изъ окошка.

§ 29 (Стр. 530). а. Дополненіе обозначаетъ свое отношеніе къ дополняемому перемѣною окончаній. Окончанія (формы) существительнаго, мѣняющіяся по требованію дополняемаго, называются падежами (casus, die Casus).

б. Падежъ находится въ полной и совершенной зависимости отъ дополняемаго слова: дополненіе появляется въ томъ или другомъ падежѣ, смотря потому, какого падежа требуетъ дополняемое. Такая зависимость дополненія отъ дополняемаго относительно падежей называется управленіемъ словъ.

в. Въ управленіи словъ дополненіе составляетъ слово управляемое, а дополняемое—управляющее.

§ 30 (Стр. 530). а. Разнообразныя свои отношенія дополненіе обозначаетъ падежами: *родительнымъ, дательнымъ, винительнымъ, творительнымъ и предложнымъ*.

Родительный падежъ (genitivus, der Genitiv) показываетъ отношеніе или такого предмета, которымъ *рождено*, вызвано дѣйствіе подлежащаго, или такого, который подлежитъ дѣйствію, но представляется какъ бы предѣломъ, до котораго дѣйствіе доходитъ. Онъ познается по вопросу: *кого* или *чего?*

Мы слушаемся *священника.*

Общество меня удостоиваетъ *довѣренности.*

Дательный (dativus, der Dativ) показываетъ въ дополненіи предметъ, къ которому относится дѣйствіе подлежащаго, или въ пользу или во вредъ котораго происходитъ дѣйствіе. Онъ познается по вопросу: *кому* или *чему?*

Оградою служатъ *церкви* старые дубы.

Измаильтяне продали Іосифа *Пентефрію* (491 стр., ст. 219)

Винительный (accusativus, der Accusativ) показываетъ отношеніе такого предмета, на который прямо переходитъ дѣйствіе подлежащаго, или который прямо и непосредственно подлежитъ дѣйствію подлежащаго. Онъ познается по вопросу: *кого* или *что?*

Измаильтяне продали *Іосифа* Пентефрію.

Мы знаемъ *благоразуміе* его совѣтовъ...

Творительный (ablativus, d. Ablativ) обозначаетъ отношеніе или предмета, которымъ совершается, творится самое дѣйствіе подлежащаго, или предмета, въ которомъ отъ дѣйствія подлежащаго произошли измѣненія, переходъ изъ одного вида въ другой. Онъ узнается по вопросу: *кѣмъ* или *чѣмъ?*

Опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ.

Тюремный начальникъ сдѣлалъ Іосифа *вторымъ человѣкомъ* по себѣ (492).

Предложный (называвшійся въ старинныхъ нашихъ грамматикахъ *сказательнымъ*) показываетъ отношеніе предмета, въ которомъ, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ, пребываетъ дѣйствіе, или о которомъ думаютъ, говорятъ. Онъ названъ такъ потому, что всегда сопровождается предлогами, и познается по вопросамъ: *въ комъ, въ чемъ? о комъ, о чемъ?*

Священникъ научилъ насъ находить счастіе *въ добродѣтели* и *исполненіи* должностей нашихъ, а не *въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей.*

Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ *о Іосифѣ* (стр. 492).

Окончанія для обозначенія подлежащаго и обращенія называются также *падежами—именительнымъ* и *звательнымъ.*

Именительный (nominativus, d. Nominativ) падежъ служитъ для обозначенія подлежащаго, и познается по вопросу: *кто* или *что?* Онъ есть постоянная форма подлежащаго, и реченіе въ именит. падежѣ называется *началомъ* сущест.

Общество меня удостоиваетъ довѣренности.

Звательный (Vocativus, der Vocativ) показываетъ предметъ, къ

*

которому обращаемся съ рѣчью, но особаго окончанія онъ у насъ не имѣетъ.

Богъ помочь, *друзья!* спасибо, *добрый баринъ!*

б .Итакъ въ нашемъ языкѣ есть пять падежей для выраженія отношеній дополненія, и два—для обозначенія подлежащаго и обращенія; слѣд. всѣхъ падежей семь. Впрочемъ строго разбирая дѣло, можемъ насчитывать только шесть падежей, потому-что обращеніе собственно не имѣетъ у насъ особаго окончанія; окончаніе его всегда сходно съ именительнымъ. Но въ числѣ падежей звательный удерживается только вслѣдствіе немногихъ существительныхъ, перешедшихъ къ намъ изъ языка славянскаго съ своимъ окончаніемъ: *Господи, Боже, старче.*

Падежи высчитываются обыкновенно въ слѣд. порядкѣ: 1. *именительный*, 2. *родительный*, 3. *дательный*, 4. *винительный*, 5. *звательный*, 6. *творительный* и 7. *предложный*.

Они употребляются и для выраженія отношеній опредѣленія и обстоятельствъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

в. Пять падежей, служащихъ для обозначенія отношеній дополненія, называются **косвенными** (c. obliqui), по ихъ зависимости отъ дополняемаго, или управленію имъ; два же остальные—*именительный* и *звательный*, какъ независящіе отъ управленія, называются **прямыми** (recti casus).

§ 31 (531 стр.). а. Падежи косвенные указываютъ только вообще, такъ-сказать глухо:

а. положеніе или спокойное пребываніе дѣйствія по вопросу: *гдѣ?*

Священникъ научилъ насъ находить счастіе *въ добродѣтели.*

b. направленіе движенія или дѣйствія по вопросу: *куда* (дательн. и винит) и *откуда* (родит. и твор.); потому-что всякое дѣйствіе первоначально представляется движущимся.

Измаильтяне продали *Іосифа Пентефрію.*

б. Слова, которыми въ рѣчи опредѣлительно выражаются *отношенія* положенія или направленія дѣйствія, называются предлогами (la préposition, das Vorwort, præpositio): въ, изъ, между и т. п.; потому-что они полагаются *предъ* именами.

Предлогъ при падежѣ ясно говоритъ намъ, что положеніе дѣйствія находится *внутри* или *внѣ* другаго предмета, *наверху* или *внизу* его и т. п., и что направленіе дѣйствія идетъ на поверхность или во внутренность другаго предмета и т. п.:

Общество защищаетъ меня *отъ* насилія непріятелей оружіемъ...

Фараонъ снялъ перстень *съ* руки своей.

в. Косвенные падежи и предлоги по употребленію своему въ предложеніи сходны, родственны между собой; тѣ и другіе обозначаютъ отношенія положенія и направленія дѣйствія: оттого отношенія эти иногда обозначаются одними падежами, а иногда съ

помощью предлоговъ; оттого же въ тѣхъ языкахъ, гдѣ существительныя не склоняются, всѣ отношенія ихъ обозначаются одними предлогами, какъ наприм. во французскомъ языкѣ:

Les maladies **de** l'ame sont plus difficiles à guérir, que celles *du* (=de le) corps,
Болѣзни душ-*и* гораздо труднѣе лѣчить, чѣмъ болѣзни тѣл-*а* (—есныя).

г. Предлоги несутъ туже службу въ предложеніи, какую падежи, или окончанія падежныя; они выражаютъ собою не понятія, но только отношенія словъ, и такъ-какъ они собственно *служатъ* къ показанію отношеній реченій, то и принадлежатъ къ *служебнымъ* частямъ рѣчи, а не къ *знаменательнымъ*. Члена предложенія они не составляютъ.

д. Предлогъ никогда не измѣняется по окончаніямъ, т. е. не склоняется, какъ существительное, и не спрягается, какъ глаголъ; потому-что имъ выражаются всегда неизмѣнныя отношенія словъ.

Измаильтяне продали Іосифа Пентефрію, *одному* изъ *первыхъ* вельможъ царя египетскаго.

§ 32 Стр. 532). Измѣненіе окончаній существительнаго по падежамъ въ числѣ един. и множественномъ называется **склоненіемъ** (declinatio, die Declination).

Единственное число.

Хльбодаръ видѣлъ сонъ	И. Хлѣбодар-ъ.
Хльбодара сонъ предвѣщалъ недоброе.	Р. Хлѣбодар-а.
Хльбодару снились три корзины.	Д. Хлѣбодар-у.
Хльбодара посадилъ въ тюрьму фараонъ.	В. Хлѣбодар-а.
Хльбодаръ! готовься къ смерти.	З. Хлѣбодар-ъ.
Хльбодаромъ былъ недоволенъ фараонъ.	Т. Хлѣбодар-омъ.
О хльбодарѣ извѣстно, что онъ повѣшенъ.	П. О Хлѣбодар-ѣ.

Множественное число.

Хльбодары смотрятъ за царскимъ столомъ.	И. Хлѣбодар-ы.
Должность *хльбодаровъ* смотрѣть за столомъ.	Р. Хлѣбодар-овъ
Хльбодарамъ ввѣрялось смотрѣніе за столомъ.	Д. Хлѣбодар-амъ.
Хльбодаровъ смѣняли.	В. Хлѣбодар-овъ.
Хльбодары! будьте честны.	З. Хлѣбодар-ы.
Хльбодарами избирали людей не изъ простаго званія	Т. Хлѣбодар-ами.
О хльбодарахъ знаете ли вы еще что-нибудь?	П. О Хлѣбодар-ахъ.

—Имена существ. мужескаго рода, оканчивающіеся въ именительномъ на *а* (слуга), пишутся въ *дательномъ и предложномъ п.* единст. числа чрезъ *ѣ*:

Слугѣ отдано приказаніе. На слугѣ взыскивается исполненіе приказанія.

—*Предложный падежъ* ЕД. Ч. ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ МУЖ. РОДА, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ ВЪ ИМЕНИТЕЛЬНОМЪ НА *ъ*, *й* (ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ОКОНЧ. НА ІЙ: ГЕНІЙ ПР. О ГЕНІИ, А НЕ О ГЕНІѢ), *ь* (СОНЪ, КРАЙ, СТЕБЕЛЬ), ПИШЕТСЯ ЧРЕЗЪ *ѣ*:

ФАРАОНЪ ВИДѢЛЪ *во снѣ* (СОНѢ) СЕМЬ СВѢЖИХЪ ПОЛНЫХЪ КОЛОСЬЕВЪ, ВЫРОСШИХЪ НА *одномъ стеблѣ* (СТЕБЕЛѢ).

—ДАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖИ ЕДИН. ЧИСЛА ПИШУТСЯ ЧЕРЕЗЪ *ѣ* ВЪ ИМЕНАХЪ ЖЕНСКАГО РОДА, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ ВЪ ИМЕНИТЕЛЬНОМЪ НА *а*, *я*, ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА *ія*, КОТОРЫЯ ВЪ ПРЕДЛ. П. ИМѢЮТЪ *и*, А НЕ *ѣ* (ТЕМНИЦА—ЗЕМЛЯ—МОЛНІЯ):

ТЕМНИЦѢ БЫТЬ ДОЛЖНО ЗАПЕРТОЙ. ВЪ ТЕМНИЦѢ СИДѢЛЪ НЕВИННЫЙ ІОСИФЪ. ІОСИФЪ БЫЛЪ СЧАСТЛИВЪ И ВЪ ЧУЖОЙ ЗЕМЛѢ.

—ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАД. ЕД. Ч. ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ СРЕДНЯГО РОДА, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ ВЪ ИМЕНИТЕЛЬНОМЪ НА *о* И *е* (ДОСТОИНСТВО, ПОЛЕ), А НЕ НА ІЕ (ИЗОБИЛІЕ), ПИШЕТСЯ ТАКЖЕ ЧЕРЕЗЪ *ѣ*:

ФАРАОНЪ... ПОВЕЛѢЛЪ ПОСАДИТЬ ІОСИФА НА ПРИДВОРНУЮ КОЛЕСНИЦУ И ВОЗИТЬ ТОРЖЕСТВЕННО ПО СТОЛИЦѢ, ЧТОБЫ ВСѢ ЗНАЛИ *о новомъ* ЕГО *достоинствѣ*. ВЪ ІОСИФОВОМЪ ОБЪЯСНЕНІИ СНА ФАРАОНЪ НАШЕЛЪ УСПОКОЕНІЕ.

—ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАД. МНОЖ. Ч. ИМЕНЪ, СРЕД. РОДА, КОНЧАЮЩИХСЯ НА *іе* (ОБЪЯСНЕНІЕ), ИМѢЕТЪ ІЯ, А НЕ ІИ:

ОБЪЯСНЕНІЯ (А НЕ ОБЪЯСНЕНІИ) УЧЕНЫХЪ СНОТОЛКОВАТЕЛЕЙ КАЗАЛИСЬ ФАРАОНУ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМИ.

§ 33 (Стр. 532). а. Дополненіе выражается такъ же мѣстоименіемъ, какъ и подлежащее.

Я пью чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ *меня* священникъ.... Оградою служатъ *ей* старые дубы. Какъ можно жить одному, любить только самого себя, *никому* не быть полезну!

Но кромѣ мѣстоименій личныхъ, вопросительныхъ и неопредѣленныхъ, дополненіе выражается еще другими мѣстоименіями, которыми никогда и не выражается самое подлежащее. Такія мѣстоименія по значенію своему бываютъ двухъ родовъ:

I. **Возвратное**, которое названо такъ зато, что имъ обозначается тотъже предметъ, что и въ подлежащемъ, и слѣд. дѣйствіе возвращается на самого дѣйствователя, или подлежащее: *себя*. Оно прямыхъ падежей не имѣетъ, но употребляется только въ косвенныхъ, и является сокращенно въ видѣ *ся* въ составѣ глаголовъ возвратныхъ и др.

Какъ можно любить только самого *себя!*

II. **Взаимное**, которое служитъ для выраженія взаимности дѣйствія предмета съ другимъ: другъ-друга (собственно для лицъ), одинъ другаго, одна другой (большею частью для предметовъ неодушевленныхъ):

Другъ друга братомъ всякъ зоветъ,
А братній возъ ко дну идетъ.

б. Возвратное и взаимное мѣстоименія, какъ и личныя, вопросительныя (см. § 20), принадлежатъ къ существительнымъ мѣстоименіямъ.

в. Мѣстоименія, какъ служащія для выраженія дополненія, измѣняются въ своихъ окончаніяхъ, или *склоняются*.

— Дательный и предложный падежъ един. числа мѣстоименій личныхъ и возвратнаго пишутся черезъ ѣ:

Родимый, лѣсной царь въ глаза *мнѣ* сверкнулъ (230 ст).

Въ дни счастія своего вспомни *обо мнѣ* (ст. 219).

— Творительный падежъ вопросительнаго мѣстоим. *кто* и *что* пишется также черезъ *ѣ*:

Кѣмъ растолкованы сны фараону?

Чѣмъ поддерживается дружба?

— Тому же начертанію слѣдуютъ и неопредѣленныя мѣстоим.: *кто-нибудь* и *что-нибудь, кто-то, кто-либо* и *что-либо, никто* и др.

Г. *Для опредѣленія.*

§ 34 (Стр. 538). а. Слова, которыя выражаютъ понятія объ отличительныхъ примѣтахъ предмета, напр. о качествахъ, принадлежностяхъ его, называются именами прилагательными (l'adjectif, das Adjektiv или Beiwort, n. adjectivum,); потому-что они всегда прилагаются къ существительному въ одномъ съ нимъ родѣ, числѣ и падежѣ: *русская* къ церковь, *«стараго русскаго»* къ «солдата».

б. Прилагательное, обозначая особый отдѣлъ понятій—именно понятій объ отличительныхъ примѣтахъ предмета, есть часть рѣчи *знаменательная*, и служитъ собственно для выраженія *опредѣлительныхъ словъ*, хотя можетъ выражать и другіе члены предложенія: *стараго русскаго* солдата.

§ 35 (Стр. 539). Прилагательныя имена по значенію бываютъ: а. безотносительныя, или качественныя, и б. относительныя.

Безотносительныя (или *качественныя*) показываютъ такое *качество* предмета, которое можно усилить или уменьшить; они обыкновенно отличаютъ предметъ такимъ *качествомъ*, которое ему принадлежитъ безъ отношенія его къ другимъ предметамъ:

Старый (старенькій, староватъ) солдатъ, дряхлый старикъ, святая (свѣтѣйшая) книга, блаженная вѣчность (блаженнѣе).

Относительныя прилагательныя обозначаютъ такое свойство предмета, которое нельзя ни усилить, ни уменьшить; они отличаютъ предметъ какою-нибудь примѣтой по разнымъ его отношеніямъ къ другимъ предметамъ: напр. по отношенію:

а. къ веществу, изъ котораго сдѣланъ предметъ:

Золотое кольцо, деревянный столъ.

б. къ мѣсту или времени:

Южный цвѣтокъ, *утренняя* занятія.

в. къ дѣйствію или состоянію:

Свѣдущій человѣкъ, *трудовая* копейка.

д. къ мѣрѣ, вѣсу и числу:

Трехъ-аршинное дерево, *пудовая* гиря.

е. къ принадлежности одному предмету или цѣлому роду одинакихъ предметовъ:

Церковная утварь, *русскій* солдатъ, *лисья* шуба.

§ 36 (Стр. 539). а. Прилагательныя по формѣ своей, или по окончаніямъ, бываютъ:

а. **Опредѣленныя**, которыя опредѣляютъ свое отличіе отъ существительнаго имени и др. частей рѣчи одними окончаніями (въ именительномъ падежѣ един. ч. на ый, ой, ій (муж. рода, дряхлый, скупой, синій, лисій), ая, яя, ья (женск. рода) ое, ее, ье (сред. рода):

Старый солдатъ—блаженная вѣчность—чистое золото.

б. **Неопредѣленныя**, которыя имѣютъ окончанія одинакія съ существительнымъ (въ именит. падежѣ на ъ, ь муж. р., а, я, женск., о, е, сред. рода), и слѣдовательно окончаніями не опредѣляютъ своего отличія отъ существительнаго:

Старъ солдатъ. Вѣра блаженна. Золото чисто.

б. *Опредѣленныя* прил. употребляются для выраженія опредѣленія, а *неопредѣленныя* преимущественно ходятъ для выраженія сказуемаго, и изрѣдка въ стихахъ для выраженія опредѣленія.

Дряхлый старикъ сидѣлъ въ *большихъ* креслахъ. Въ церкви все чисто. Въ *долгу* ночь на вѣткѣ дремлетъ (птичка).

§ 37 (Стр. 540). Прилагательное имя опредѣленное *склоняется*, или измѣняетъ свои окончанія по падежамъ во всѣхъ трехъ родахъ и обоихъ числахъ; неопредѣленное же остается почти исключительно въ одномъ прямомъ падежѣ.

Образецъ склоненія прилагательныхъ опредѣленныхъ

на *ый*, или *ой*, *ій*.

Единственное число.

И. З	Стар-*ый*	дальн-*ій*	стар-*ое-ее*	стар-*ая-яя*
	скупой	русскій		
	солдатъ	*домъ*	*платье*	*село*	*комната.*
Р.	Стар-*аго*	дальн-яго	стар-*аго-яго*	стар-ой-ей,
Д.	Стар-*ому*	дальн-ему	стар-*ому-ему*	стар-ой-ей

В.	Стар-*аго*, -*ый*	дальн-яго-ій	стар-ое-*ее*	стар-ую-юю
Т.	Стар-*ымъ*	дальн-имъ	стар-ымъ-имъ	стар-ою-ею
П.	О стар-*омъ*	дальн-емъ	— *омъ*-емъ	— ой-ей

Множественное число.

И. З	Стар-*ые* скупыя	дальн-іе русскія	стар-*ыя*-ія	стар-ыя-ія
Р.	Стар-ыхъ	дальн-ихъ	— *ыхъ*-ихъ	— ыхъ-ихъ
Д.	Стар-ымъ	дальн-имъ	— *ымъ*-имъ	— ымъ-имъ
В.	Стар-ыхъ, -ые	дальн-ихъ-ніе	— ыя-ія	—*ыхъ-ыя*, ихъ-ія
Т.	Стар-ыми	дальн-ими	— *ыми*-ими	— *ыми*-ими
П.	О стар-ыхъ	дальн-ихъ	— *ыхъ*-ихъ	— *ыхъ*-ихъ

—Окончаніе ой принадлежитъ тѣмъ прилагательнымъ, которыя имѣютъ удареніе на концѣ слова: *скупóй*. Окончаніе *ій* послѣ г. к. х (благій, легкій ветхій) ж. ч.. ш. щ (свѣжій, могучій, пѣшій, тощій) употребляется вмѣсто *ый*, по несочетаемости ы съ этими буквами, и потому они склоняются собственно какъ оканчивающіяся на *ый*; но въ нѣкоторыхъ падежахъ принимаютъ, благозвучія ради, окончанія прилагательныхъ на *ій*: *горячему*, а не *горя-чому*.

—Въ прилагательныхъ *опредѣленныхъ* родительный падежъ един. числа муж. и средняго рода принято писать, по образцу славянскаго, на *аго*, *яго*, хотя выговаривается онъ «*ава*, *ова*, *ева*»

Подъ надзираніемъ стар*аго* (ава) русск*аго* (ава) солдата.

Въ тѣхъже прилагательныхъ именительный п. множ. чис., по совѣту Ломоносова, принято писать въ муж. родѣ на *ые*, *іе*, а въ женскомъ и среднемъ на *ыя*, *ія*.

Русскіе путешественники. Большія кресла. Святыя книги.

§ 38 (Стр. 540). а. Формы (или окончанія) прилагательныхъ, показывающія большую или меньшую степень качества въ сравниваемыхъ предметахъ, называются *степенями сравненія* (gradus comparationis).

б. Степень сравненія называется положительною, когда качества сравниваемыхъ предметовъ равны между собою. Эта степень выражается обыкновеннымъ окончаніемъ прилагательнаго:

Равно *великъ* Ты въ насѣкомомъ,
Какъ въ буряхъ, намъ ревущихъ съ громомъ.

Сравнительною (comparativus) степенью называется та, которая въ одномъ изъ сравниваемыхъ предметовъ показываетъ большую или меньшую мѣру качества, нежели въ другомъ. Она выражается обыкновенно перемѣною окончанія «ый, ой, ій» въ прилагательныхъ опредѣленныхъ на «*ѣйшій*, *айшій*» и перемѣною окончаній «*ъ*, *ь*» въ прилагательныхъ неопредѣленныхъ на «*ѣе*, *е*». Послѣдняя форма употребительнѣе первой, а первая—очень рѣдка.

Гряди краснѣйшая деннцы!
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе.

Превосходною (superlativus) степенью называется та, которая показываетъ преимущество одного предмета передъ всѣми съ нимъ сравниваемыми однородными предметами. Она у насъ не имѣетъ особыхъ окончаній, но выражается окончаніемъ или сравнительной съ прибавкою *«всѣхъ, самый»* или положительной степени съ прибавленіемъ мѣстоименія «самый» или приставками: *пре*, *наи* и *раз* (въ просторѣчіи).

Слонъ есть животное *величайшее изъ всѣхъ* четвероногихъ. *Самое лучшее* средство побѣждать враговъ—терпѣніе. *Самое вѣрное* средство успѣвать въ дѣлѣ—трудъ непрерывный. *Прехитрый, наилучшій, разудалый молодецъ.*

в. Сравнительная степень отъ опредѣленныхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *а̀йшій, ѣ̀йшій, ѝйшій* склоняется по всѣмъ падежамъ въ обоихъ числахъ и трехъ родахъ,—а сравнительная степень отъ неопредѣленныхъ съ окончаніемъ *ѣе, е* (свѣтлѣе, ярче) не измѣняется по падежамъ, родамъ и числамъ.

—*Сравнительная* степень въ окончаніи *ѣ̀йшій* и *ѣе* пишется чрезъ *ѣ*, а не черезъ *е*: *свѣтлѣе, краснѣ̀йшій.*

§ 39 (Ст. 540). а. Прилагательныя, обозначающія меньшую мѣру качества, и смѣняющія окончанія *ый, ой, ій* другими—*оватый, еватый, онькій* и *енькій*, называются **уменьшительными**:

Бѣлый—бѣловатый—бѣленькій, синій—синеватый—синенькій.

Прилагательныя, обозначая большую мѣру качества въ предметѣ, окончанія *ый, ій, ой* измѣняютъ на *охонекъ* и *ехонекъ, ошенекъ и ешенекъ*, и называются **увеличительными**:

Бѣлехонекъ, бѣлешенекъ, синехонекъ. синешенекъ.

б. Уменьшительныя склоняются по всѣмъ падежамъ, какъ прилагательныя опредѣленныя, а увеличительныя относительно измѣненія имѣютъ одинакія свойства съ *неопредѣленными.* Но ни тѣ, ни другія не способны измѣняться по степенямъ сравненія.

—Въ уменьшительныхъ прилагательныхъ выговоръ часто сбивается при произношеніи окончанія *енькой* на *инькой*. Чтобы не сбиваться въ правописаніи, надо прибѣгать къ перемѣнѣ опредѣленнаго прилагательнаго на неопредѣленное—и если при такой перемѣнѣ слышится *е;* то всегда надо писать *е*, а не *и:* не *малинькій*, а *маленькій* (*неопр. маленекъ*, а не *малинекъ*).

§ 40 (Стр. 541). а. Слова, обозначающія опредѣленное количество предметовъ, называются **числительными** именами (les numeraux, die Zahlwörter, numeralia).

Три корзины означаютъ *три* дня.

Числительныя имена имѣютъ туже службу въ предложеніи, что и окончанія существительнаго, обозначающія *число.* Разница лишь

въ томъ, что окончанія существ. показываютъ число неопрдѣленно, а числительныя—*опредѣлительно* и отчетливо; а потому числительное имя есть часть рѣчи служебная (Formwort), а не знаменательная.

Царь египетскій разгнѣвался *на придворныхъ чиновниковъ*. Царь египетскій разгнѣвался на *двухъ придворныхъ чиновниковъ*.

б. Числительное имя называется количественнымъ (les cardinaux, die Grundzahlen, cardinalia), когда означаетъ просто счетъ, количество предметовъ, и тогда оно познается по вопросу «*сколько?*»

Одинъ, три, пять, четверть, половина, двое, семеро, десятокъ, дюжина и пр. (un, trois, vingt, cent,—eins, drei, zwanzig, hundert,—unus, tres, viginti, centum).

Числительное называется порядковымъ (les ordinaux, d. Ordnungszahlen, ordinalia), когда вмѣстѣ съ количествомъ показываетъ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ предметы одинъ за другимъ, или какое мѣсто занимаетъ предметъ въ ряду другихъ: *первый, второй, сотый, тысячный, милліонный* и т. п. (premier, troisième,—erste, dritte, zwanzigste,—primus, tertius, vigesimus).

в. Числительныя количественныя имѣютъ, начиная съ пяти, окончанія существительныхъ; порядковыя же имѣютъ окончанія прилагательныхъ: потому числительныя имена по формѣ бываютъ:

а. существительныя: *семь, десять.*

и b. прилагательныя: *вторый, сотый.*

г. Числительное имя, какъ опредѣляющее количество предмета, въ предложеніи занимаетъ мѣсто опредѣлительнаго слова; другими же членами предложенія, напр. дополненіемъ и подлежащимъ и т. п., оно бываетъ только съ виду, а не въ самомъ дѣлѣ.

Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ—(тучныя коровы, полные колосья, числомъ семь) означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ (т. е. плод. лѣта, числомъ семь).

д. Числительное имя, какъ служащее для выраженія опредѣленія, и какъ сходное по формѣ своей съ существительнымъ и прилагательнымъ, *склоняется.*

е.—Числительное *одинъ* въ окончаніи родительнаго ед. муж. и сред. рода пишется *ого*, а не *аго*, какъ всѣ прилагательныя:

Изъ *одного* стебля выросло семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ.

Тоже числит. *одинъ* пишется по обычаю черезъ *ѣ* во всѣхъ падежахъ множ. числа женскаго рода:

Одѣ коровы были жирныя, а другія—худыя.

—Числительныя *два* и *оба* въ именит. падежѣ жен. рода пишутъ черезъ *ѣ*: *двѣ* подруги—*обѣ* сестры.

—Числительныя: двѣнадцать, двадцать и т. п. выговариваются *двѣнацать*, или *двѣнатцать*, *дватцать*, или *двацать*, но пишутся безъ перемѣны д на т или ц; потому-что они образовались изъ *двѣ-на-десять*, *два-десять*, слѣд. буква д принадлежитъ къ корню числительнаго *десять.*

—Числительныя: *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* и т. п. пишутся черезъ ъ на концѣ, потому-что окончаніе ихъ есть родительный падежъ множ. числа.

§ 41 (Стр. 543). а. Опредѣленіе выражается мѣстоименіемъ, когда оно обозначается по отношенію къ лицу говорящему, т. е. когда предметъ поясняется по личнымъ (Введ. § 17, 19) признакамъ.

б. Мѣстоименія, какъ замѣняющія прилагательное имя, называются сами прилагательными, и по формѣ своей сходны съ именами прилагательными: *который, ая, ое=добрый, ая, ое, какой, ая ое=скупой, ая, ое.*

§ 42 (Стр. 543). а. Прилагательныя мѣстоименія, какъ и мѣстоименія существ. (§ 28), по значенію своему принадлежатъ къ служебной части рѣчи, а не къ знаменательной.

б. По различнымъ отношеніямъ къ разговаривающимъ, прилагательныя мѣстоименія бываютъ:

I. **Вопросительныя**, когда неизвѣстно говорящему, какъ надо опредѣлить предметъ по его качеству, принадлежности, по порядку въ ряду другихъ: *какой? чей, чья, чье? который, ая, ое?*

Какой поступокъ изъ всей исторіи ему особенно нравится?

II. **Относительныя**, которыя показываютъ, что къ опредѣленію предмета относится цѣлое предложеніе, а не реченіе (§ 28 б.) или выраженіе: такими относительными мѣстоименіями становятся обыкновенно вопросительныя мѣстоименія: *который, чей, какой, кой:*

Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго и дѣятельнаго, *который* въ годы изобилія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, *какое* достаточно для прокормленія народа въ годы безплодія.

III. **Притяжательныя**, которыя опредѣляютъ принадлежность предмета лицу первому, второму или третьему (§ 20): *мой, ая, ое, нашъ, а, е, твой, ая, ое, вашъ, а, е, его, ея*, (*ейный* простонародн.) *ихъ* (*или ихній;* это мѣстоименіе, образовавшееся у простаго народа, слышится уже и въ большинствѣ образованнаго общества):

Я вспомнилъ теперь мой проступокъ.

IV. **Указательныя**, которыя опредѣляютъ предметъ указаніемъ говорящаго на его близость или отдаленность: этотъ, это, эта, тотъ, то, та,—сей, оный:

Эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ.

V. **Неопредѣленныя**, которыя обозначаютъ, что лицу говорящему качество или всякое отличіе предмета представляется еще неопредѣленно, неясно, вообще: *какой-то, нѣкоторый, нѣкоторый, всякій.*

VI. **Опредѣлительныя, положительно или отрицательно**, которыя показываютъ особенность и самостоятельность предмета или точность объема, количества: *самый, каждый, весь, никакой никоторый.*

в. Между прилагательными мѣстоименіями есть, какъ видите, нѣкоторыя сходныя съ существительными мѣстоименіями, напр. и тамъ и тутъ есть неопредѣленныя и опредѣлительныя. Поэтому всѣ мѣстоименія, какъ существительныя, такъ и прилагательныя, могутъ быть раздѣлены на слѣд. *девять* разрядовъ, а именно:

I. На *личныя*, II. *возвратное*, III. *взаимное*, IV. *опредѣлительныя* (положительно и отрицательно), V. *неопредѣленныя*, IV. *вопросительныя*, VII. *указательныя*, VIII. *притяжательныя* IX и *относительныя*.

г. Прилагательныя мѣстоименія склоняются, иныя точь въ точь, какъ прилагательныя имена, напр. *который, каждый, самый;* другія наоборотъ, съ нѣкоторыми отличіями отъ нихъ: *весь, самъ*: оттого появляются нѣкоторыя разности въ начертаніи.

д.—Мѣст. *тотъ* и *самъ* въ род. ед. муж. и сред. р. пишутся *ого*, а не *аго*: того самого.

—Мѣст. *тотъ* въ твор. един. и во всѣхъ падежахъ множ. пишется черезъ ѣ: *тѣмъ* (чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись), тѣ, тѣхъ и пр.

Худыя коровы съѣли тѣхъ жирныхъ коровъ.

—Мѣст. *весь* въ твор. ед. числа и во всѣхъ падежахъ множ. ч. пишется черезъ ѣ:

Іосифъ управлялъ *всѣмъ* домомъ и *всѣмъ* имѣніемъ Пентефрія. Фараонъ приказалъ собрать *всѣхъ* ученыхъ снотолкователей.

Д. *Для обстоятельственныхъ словъ.*

§ 43 (Стр. 545—547). а. Слова, выражающія собственно обстоятельства дѣйствія, состоянія или качества, называются **нарѣчіями** (l'adverbe, das Umstandswort, adverbium); потому-что они собственно и преимущественно относятся къ поясненію *глагола*, который, какъ сказано было въ § 21, прежде въ нашей грамматикѣ назывался *рѣчью: тамъ, тихо*.

б. Нарѣчія, выражая особый разрядъ понятій, составляютъ особую часть рѣчи. И такъ-какъ они поясняютъ дѣйствіе или качество предмета или по признакамъ *предметнымъ* (?) т. е. понятіямъ объ опредѣленномъ мѣстѣ, времени и т. п., или по признакамъ *личнымъ*, т. е. по отношенію къ лицу говорящему: то одни изъ нихъ суть часть рѣчи **знаменательная** (тихо, домой, вечеромъ), а другія—**служебная** (тамъ, когда, такъ).

в. Нарѣчія, состоя постоянно и неизмѣнно въ однихъ и тѣхъже отношеніяхъ къ глаголу, *не склоняются*.

§ 44 (Стр. 546). Обстоятельства поясняютъ мѣсто, время, образъ дѣйствія и выраженія и причину; потому нарѣчія бываютъ:

а. **Нарѣчія мѣстныя**, или *мѣста*, которыя выражаютъ обстоятельство мѣста: *тамъ, тутъ, внизу, кругомъ, домой*.

Въ рощу заглянетъ (воскресеніе)—*тамъ тихо*.

б. **Нарѣчія временныя**, или времени, которыя выражаютъ обстоятельство времени: *сегодня, завтра, когда, ужь.*

Деревня вся *ужь* заснула *давно.*

в. **Нарѣчія образныя:**

1) **Дѣйствія:** *хорошо, исправно, порусски, часто, однажды.*

Звѣды ярко сіяютъ.

2) **Выраженія:** *подлинно, конечно, авось, можетъ-быть, вѣдь.*

Хотълъ бы очень я самъ посудить, велико ль, *подлинно,* твое умѣнье (Оселъ и Соловей 534 стр.).

г. **Причинныя:** сдуру, скосу.

Эхъ ты косой заяцъ! Куда забѣжалъ *скосу.*

—Нарѣчія образности выраженія отдѣляются запятою. *См. примѣръ подъ в. 2.*

§ 45 (Стр. 546). а. Нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ качественныхъ (тихо, далеко, легко), имѣютъ степени сравненія съ окончаніемъ *ье* или *е: легче, тише, бѣлѣе.*

б. Нарѣчія, выражая различную степень качества, бываютъ, какъ и прилагательныя имена:

а. **уменьшительныя:** *скуповато, тихонько* и b. **увеличительныя:** *тихохонько.*

—Нарѣчія въ сравнительной степени на *ье* принято писать чрезъ *ь:*

Тише ѣдешь, дальше будешь.—Онъ пишетъ *исправнѣе* тебя.

IV. ЗАМѢНЯЕМОСТЬ ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ФОРМЪ ИХЪ.

§ 46 (Стр. 555). а. Существительное имя, кромѣ подлежащаго и дополненія, выражаетъ также сказуемое. Отношеніе такого сказуемаго къ лицу говорящему выражается помощію глагола *быть,* который за такую службу въ предложеніи называется глаголомъ **вспомогательнымъ.** Въ такомъ случаѣ существительное употребляется въ смыслѣ глагола, и легко можетъ быть имъ замѣнено.

б. Сказуемое-существительное, выражаемое всегда съ помощію глагола *быть* (наличнаго или подразумѣваемаго), называется **составнымъ,** въ отличіе отъ сказуемаго-глагольнаго, **простаго.**

Господь Богъ *есть защитникъ (=защищаетъ)* невинности (—сть) и *покровитель (=покровительствуетъ)* добродѣтели.

§ 47 (Стр. 556). а. Существительное имя употребляется и для выраженія опредѣленія при другомъ имени, и въ такомъ случаѣ обозначаетъ свое отношеніе къ опредѣляемому или согласованіемъ съ нимъ въ падежѣ, или различными косвенными падежами безъ предлоговъ или съ предлогами, какъ видѣть можно изъ примѣра

въ предъидущемъ §-ѣ, гдѣ опредѣленіе *Господь* согласовано въ падежѣ съ опредѣляемымъ *Богъ*, а опредѣленія *невинности* и *добродѣтели* поставлены не въ одинаковомъ падежѣ съ опредѣляемыми: *защитникъ* и *покровитель*. Слѣд. косвенные падежи, а равно и предлоги, обозначаютъ не одно отношеніе предмета къ дѣйствію, но и отношеніе между предметами.

Существительное, становясь опредѣленіемъ, употребляется въ смыслѣ прилагательнаго, и часто безъ труда можетъ переходить въ него.

Фараонъ есть *царскій* (вм. царей) титулъ въ Египтѣ.

Пользуюсь всѣми удовольствіями *деревни* (деревенскими).

Какой пріятный запахъ *отъ сына!*

б. Опредѣленіе-существительное, согласующееся въ падежѣ съ своимъ опредѣляемымъ, называется обыкновенно приложеніемъ (appositio). Приложеніемъ бываетъ существительное нарицательное при собственномъ имени лица (писатель Ломоносовъ) и собственное имя — при названіяхъ другихъ предметовъ, а не лицъ (рѣка Москва).

Іосифъ, *любимецъ отца своего*, былъ любимъ Богомъ.

в. Опредѣленіе-существительное, не согласующееся въ падежѣ съ опредѣляемымъ, или бываетъ отъ него въ такой зависимости, въ какомъ дополненіе отъ дополняемаго, т. е. управляется имъ, или стоитъ въ совершенной отъ опредѣляемаго независимости, управляется не имъ, но какъ бы словомъ подразумѣваемымъ. Въ силу такого отношенія къ опредѣляемому, опредѣленія-существительныя въ косвенныхъ падежахъ раздѣляются на **зависимыя** и **независимыя**.

Господь Богъ есть защитникъ невинности (завис.). Напротивъ дома приходская церковь, весьма древняго строенія (независимое).

г.—Приложеніе ставится передъ опредѣляемымъ (Господь Богъ) и послѣ него, и поставляемое послѣ отдѣляется запятою отъ опредѣляемаго, потому-что оно принимается за предложеніе.

Іосифъ, *любимецъ отца своего* (прилож. развитое), былъ любимъ Богомъ.

—Независимое опредѣленіе также отдѣляется запятою, когда чуется подразумѣваемое слово, отъ котораго оно зависитъ: потому-что тогда оно принимается за остатокъ сокращеннаго предложенія.

Какой-то майоръ, *въ цилиндрѣ и колпакѣ*, стоялъ передъ своею палаткой. Напротивъ дома церковь см. выше в.

§ 48 (Стр. 557). а. Существительное имя выражаетъ также обстоятельства, и отношеніе свое тогда обозначаетъ косвенными падежами съ предлогами или безъ нихъ.

Іосифъ и *въ* самой *темницѣ* нашелъ друзей.

б. Такъ-какъ предлоги съ падежами показываютъ направленіе

движенія куда или *откуда* и пребываніе *гдѣ*; то они первоначально собственно употреблялись при именахъ для выраженія обстоятельствъ мѣста, для обрисовки же отношенія другихъ обстоятельствъ и дополненій они употребляются уже въ переносномъ смыслѣ.

в. Существительныя, выражающія обстоятельственныя слова въ предложеніи, или управляются въ падежѣ отъ слова поясняемаго, или не управляются, а стоятъ внѣ зависимости отъ него. Въ силу такого отношенія къ поясняемому слову обстоятельств. слова раздѣляются на **зависимыя** и **независимыя**.

Во время іосифова заключенія (независимое), царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ, и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму (зависимое).

г. Независимыя обстоятельственныя слова отдѣляются запятою; потому-что они принимаются за остатокъ сокращеннаго предложенія, а зависимыя никакимъ знакомъ не отдѣляются. Вотъ почему въ предъидущемъ примѣрѣ послѣ *заключенія* поставлена запятая, а передъ *тюрьму* нѣтъ никакого знака препинанія.

§ 49 (Стр. 558). а. Глаголъ выражаетъ подлежащее и дополненіе, и въ такомъ случаѣ является съ окончаніемъ *ть, ти, чь*.—Такая форма глагола называется **неопредѣленною** (l'infinitif, das Infinitif, infinitivus modus), потому-что ею не опредѣляются ни лицо, ни число — глагольныя принадлежности. Прежде она называлась всѣми *неопредѣленнымъ наклоненіемъ;* многіе и теперь придерживаются прежняго названія.

Хвалить себя не прилично.

б. Неопредѣленная форма глагола *по значенію* удерживаетъ только малую часть свойствъ глагола (именно залогъ и видъ), а по службѣ своей въ предложеніи изобличаетъ свойства существительнаго имени, потому называется **причастною** формою.

Неопредѣленная форма, по сходству своему съ существительнымъ, можетъ выразить не только подлежащее и дополненіе, но и опредѣленіе: *безкорыстное желаніе помогать ближнему свойственно только людямъ благороднымъ*.

—Въ неопредѣленной формѣ глагола никогда не должно пропускать *ь* передъ *ся* въ глаголахъ сложныхъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся:* не прилично *хвалиться,* а не *хвалится;* потому-что мягкое окончаніе *ь* неопредѣленной формы явственно слышно, когда мы отнимемъ возвратное мѣстоименіе *ся*: *хвалить* себя (а не хвалить себя) не прилично.

§ 50 (Стр. 559). а. Глаголъ выражаетъ и опредѣленіе, и тогда онъ является въ особой формѣ для настоящаго времени дѣйств. залога: щій, ее, ая, страд. залога: *мый*, ое, ая: для прошедшаго времени дѣйств. шій ее, ая, стр. нный, ое, ея, тый, ое, ая. Такая форма глагола, въ которой является онъ опредѣлительнымъ словомъ,

называется **причастіемъ** (le participe, participium). Оно по окончаніямъ сходно съ прилагательнымъ: *разцвѣтшій, видѣнные.*

Іосифъ разсказалъ братьямъ два необыкновенные сна, *видѣнные имъ.*

Причастіе, какъ и неопредѣленную форму, зовутъ также **причастною** (частію глаголу, частію прилагательному) формою.

Іосифа *растолковавшаго* (дѣст. зал. прош. вр., это глагольныя принадлежности= вин. пад. муж. р.—именныя прин.) сны, фараонъ сдѣлалъ вторымъ человѣкомъ по себѣ. Сны, *растолкованные* (страд. зал. прош. врем.,=имен. пад. муж. р.) Іосифомъ, доставили ему первое мѣсто по фараонѣ.

б. Причастіе называется *сокращеннымъ* предложеніемъ, потому-что происходитъ изъ сказуемаго такого предложенія, которое присоединяется мѣст. относительнымъ:

Іаковъ, самъ имѣвшій *сны (который самъ имѣлъ), посланные ему* отъ Бога (которые посланы), не забылъ сновидѣній своего любимаго сына.

в. Причастіе всегда должно стоять подлѣ своего опредѣляемаго, слѣдуя за нимъ или предшествуя ему, и быть всегда съ нимъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ и обыкновенное прилагательное.

—Причастіе, когда предшествуетъ своему опредѣляемому, не отдѣляется отъ своего опредѣленія знакомъ препинанія, потому-что принимается за настоящее опредѣлительное слово, слѣд. за прилагательное (сажусь на *раждающійся* дернъ); а когда оно слѣдуетъ за своимъ опредѣляемымъ, то всегда отдѣляется запятою, потому-что принимается за сокращенное предложеніе: на этомъ основаніи—*посланные ему отъ Бога*—отдѣлено запятою отъ *сны.*

§ 51 (Стр. 559). а. Глаголъ бываетъ и обстоятельственнымъ словомъ, и тогда онъ принимаетъ особую форму, которая называется дѣепричастіемъ (gerundium): *заснувъ.*

Дѣепричастіе (какъ и неопредѣленная форма, причастіе) называется *причастною* формою глагола. Изъ глагольныхъ свойствъ оно удерживаетъ только три: залогъ, видъ и время, а по службѣ въ предложеніи соотвѣтственно и равно нарѣчію.

б. Дѣепричастіе стало обстоятельственнымъ словомъ, образовавшись изъ сказуемаго другаго предложенія, которое выражало обстоятельство; потому оно принимается за сокращенное предложеніе.

Заснувъ опять, фараонъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ колосьевъ. Кругомъ вся окрестность, холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились, и *молча* слушаютъ шопотъ.

в. —Дѣепричастіе на письмѣ отдѣляется запятою, когда оно развито дополненіемъ или обстоятельствомъ,—и не сопровождается запятой, впрочемъ только у нѣкоторыхъ писателей, когда оно есть простое реченіе, потому-что они принимаютъ его за простое нарѣчіе: вотъ почему «*заснувъ опять*» отдѣлено запятою отъ предложенія, «*фараонъ увидѣлъ*», а «*молча*» не отдѣлено Жуковскимъ отъ «*слушаютъ шопотъ*» (стр. 545).

г. *Итакъ глаголъ бываетъ подлежащимъ и дополненіемъ, опре-*

дѣлительнымъ и обстоятельственнымъ словомъ — и для выраженія этихъ членовъ предложенія, принимаетъ три *особыя причастныя* формы: a. неопредѣленную форму, которая большею частію называется *неопредѣленнымъ наклоненіемъ*, b. причастіе и c. дѣепричастіе.

Образецъ причастныхъ формъ.

Дѣйствительнаго залога. А. Вида несовершеннаго.

a. *Неопредѣленная форма.*

Выбирать.

b. *Причастіе.*

Наст. Выбирающій, выбирающее, выбирающая.
Прошед. Выбиравшій, выбиравшее, выбиравшая.

c. *Дѣепричастіе.*

Наст. Выбирая, или выбираючи.
Прошед. Выбиравъ, или выбиравши.

Б. Совершеннаго вида.

a. Неопред. форма Выбрать.
b. Причаст. прош. Выбравшій, ее, ая.
c. Дѣеприч. прош. Выбравши, или выбравъ.

д. Изъ причастныхъ формъ одно только причастіе склоняется, прочія же остаются безъ всякаго измѣненія.

§ 52 (Стр. 559). a. Прилагательное имя, кромѣ опредѣленія, выражаетъ также сказуемое, подлежащее, дополненіе и обстоятельство.

Въ окрестности все ужь *покойно*. Въ одеждѣ воскресной *старый* и *малый* идутъ на молитву. Священникъ помогаетъ *бѣднымъ*. Живали старики не *по нашему*, по *заморскому*, а по своему, *православному*.

б. Прилагательное, какъ сказуемое, отношеніе къ говорящему обозначаетъ помощію вспомогательнаго (§ 46) глагола *быть* (наличнаго или подразумѣваемаго); и слѣд. такое сказуемое будетъ уже *составное* (какъ и существительное), а не простое (какъ глаголъ).

Въ окрестности все ужь *покойно* (есть).

Прилагательное, какъ сказуемое, употребляется въ смыслѣ глагола (покойно=покоится), а какъ подлежащее или дополненіе—въ смыслѣ существительнаго (старый=старикъ, бѣднымъ=бѣднякамъ), а какъ обстоятельство — въ смыслѣ нарѣчія (по заморскому=позаморски), а потому легко можетъ замѣняться тѣми частями рѣчи, мѣсто которыхъ оно заступаетъ, какъ видите въ приведенныхъ примѣрахъ.

в. Прилагательное, выражая подлежащее или дополненіе, имѣетъ при себѣ подразумѣваемое существительное, которому оно служитъ эпитетомъ; а потому оно ставится въ томъ родѣ, числѣ и падежѣ, какого рода, числа и падежа подразумѣваемое существительное.

Старый и *малый* (т. е. человѣкъ) — бѣднымъ (т. е. людямъ). Межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора, есть *ядовитые* (т. е. цвѣты, а потому муж. род. множ. им. п.).

§ 53 (Стр. 560). Нарѣчія часто выражаютъ отношеніе предмета къ дѣйствію, слѣд. несутъ службу предлоговъ, и такимъ образомъ переходятъ въ предлоги, и называются тогда **нарѣчіями предложными.**

Старые дубы далеко *кругомъ* себя кидаютъ свою тѣнь.

Итакъ для выраженія членовъ предложенія языкъ совершенно свободно пользуется всѣми частями рѣчи и формами ихъ, хотя каждой изъ нихъ предоставляетъ собственное и преимущественное ея употребленіе.

§ 54 (Стр. 560). а. Слова́, которыми говорящій выражаетъ или свое чувство, ощущеніе, еще не отчетливо сознанное, или подражаніе звуку слышимому, называются **междометіями** (l'interjection, interjectio).

Хотя нѣкоторыя изъ междометій по значенію своему замѣняютъ цѣлое предложеніе, и совершенно соотвѣтствуютъ ему, напр. тсъ=молчать! на=возьми! уфъ=я усталъ; но они относятся къ частямъ рѣчи, а не къ предложеніямъ, потому-что въ нихъ ничѣмъ не обозначается обычная форма сужденія.

Увы! я на чужбинѣ. Колокольчикъ динь-динь-дипь.

б. Междометія, какъ и нарѣчія, могутъ быть и *знаменательною* и *служебною* частью рѣчи.

Увы! я на чужбинѣ.
Сова у насъ на морѣ воеводша:
То-то высокія брови!
То-то веселые взгляды!

в. Междометія по значенію своему раздѣляются на

а. **Восклицательныя**, которыя представляютъ быстрый, неподготовленный кликъ чувства или ощущенія, напр. *печали:* увы! охъ!, *болѣзни:* ой-ой!, *укоризны:* эхъ! (эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка стр. 103, ст. 46).

b. **Звукоподражательныя**, которыя даютъ понять самый звукъ отъ предмета или дѣйствія:

Мяу! кукареку! гамъ-гамъ!
Стукъ-стукъ-стукъ—отворятъ-двери (стр. 138, ст. 58).
Зицъ-зицъ-зицъ, отвѣчала царевна (стр. 569, ст. 272).

г. Междометія восклицательныя, какъ замѣняющія цѣлое предложеніе, отдѣляются знакомъ восклицательнымъ. Но когда они по-

казываютъ одно усиленіе выраженія при другомъ словѣ, то не отдѣляются отъ него никакимъ знакомъ препинанія.

V. Образованіе сложнаго предложенія и союзъ.

§ 55 (Стр. 576—577). а. **Сложнымъ** предложеніемъ мы называли (§ 2) то, которое состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ предложеній, имѣющихъ между собой связь по своему содержанію.

Невольникъ спрашивалъ (одно предл.), какую надобность имѣетъ онъ до его господина (другое).

То изъ сложныхъ предложеній, которое образуется черезъ *слія-ніе* нѣсколькихъ предложеній, имѣющихъ у себя какой-нибудь общій членъ, напр. сказуемое при многихъ подлежащихъ, подлежащее при многихъ сказуемыхъ и т. п., называется **слитнымъ** (der zusammengezogene Satz).

Одинъ называлъ Абдаллу, магометова родственника, другой—Каиса, сына саадова, а третій—Арабаха.

(Les maladies viennent à cheval et s'en retournent à pied. Prov. Gustav Adolph war ohne Widerspruch der erste Feldherr seines Jahrhunderts und der tapferste Soldat in seinem Heere. Schil. Mercatores non tandidem vendunt, quanti emerunt. Cic).

То же изъ сложныхъ предложеній, въ которомъ каждое изъ предложеній, входящихъ въ составъ его, имѣетъ свои особые члены, т. е. свое особое подлежащее, свое особое сказуемое и т. д., называется **составнымъ**.

Три аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ.

(Les habitants auront abandonné la ville, lorsque l'ennemi y entrera. Vertot. Die Mumien zeigen, dass die Bildung der Aegypter nicht schön war. Herder. Lacedæmoniorum gens fortis fuit, dum Lycurgi leges vigebant. Cic).

б. Связь между предложеніями, образующими одно сложное, обозначается особенными словами, которыя за такую службу свою въ рѣчи называются **союзами** (la conjonction, das Bindewort, conjunctio): *и, но, потому-что*.

Союзы, какъ указатели взаимнаго отношенія предложеній, составляютъ особую часть рѣчи, и притомъ *служебную*, а не знаменательную.

в. Предложенія, соединяясь одно съ другимъ, связываются между собой союзами *не всегда*,—отдѣляются же между собой на письмѣ знаками препинанія, а въ произношеніи—разномѣрными паузами—всегда.

§ 56 (Стр. 423). а. **Слитное** предложеніе образуется или изъ такихъ простыхъ предложеній, въ которыхъ одно и тоже подлежащее при нѣсколькихъ разныхъ сказуемыхъ, или изъ такихъ, у которыхъ

одно и тоже сказуемое при нѣсколькихъ разныхъ подлежащихъ, и т. п.; оттого въ каждомъ слитномъ предложеніи всегда находится одинъ общій членъ и нѣсколько одинаковыхъ по грамматическому значенію и формѣ.

Одинъ называлъ Абдаллу, магометова родственника, другой Каиса, сына саадова, а третій Арабаха.—Второй пошелъ къ другу своему Каису, и нашелъ его спящимъ.—Другъ нашелъ на верблюдѣ множество шелковаго платья и четыре тысячи червонцевъ.

б. Такія предложенія, сліяніемъ образуя одно сложное, очевидно, равносильны между собою и самостоятельны; слѣд. они всѣ неподчиненныя—одно другому.

в. Связь слившихся предложеній обозначается союзомъ, который ставится обыкновенно передъ послѣднимъ изъ одинаковыхъ членовъ, или повторяется передъ каждымъ изъ нихъ. Употребленіе союзовъ и размѣщеніе одинаковыхъ членовъ имѣютъ вліяніе на постановку знаковъ препинанія.

—Въ слитномъ предложеніи одинакіе члены, напр. два или три подлежащихъ, два или три сказуемыхъ, два одинакихъ дополнительныхъ, два одинакихъ обстоятельствъ мѣста, времени и т. п., раздѣляются въ устной рѣчи самой короткой паузой, а на письмѣ—*запятою.*

Общество меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ сограждапина моего—законами.

—Но когда одинакіе члены слитнаго предложенія слѣдуютъ рядомъ другъ за другомъ, *непосредственно*, и послѣдній изъ нихъ присоединяется союзомъ *и;* тогда этотъ послѣдній членъ уже не отдѣляется никакимъ знакомъ.

Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ *и* опускаютъ косы свои.

Но когда союзъ *и* присоединяетъ одинаковый членъ предложенія къ другому, который стоитъ не рядомъ съ нимъ, какъ *взносятъ и опускаютъ;* тогда и передъ *и* принято ставить запятую.

Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою, *и* связываетъ снопы.

Когда союзъ *и* повторяется передъ каждымъ изъ одинаковыхъ членовъ, тогда между ними принято ставить запятыя. Тоже правило наблюдается и въ разсужденіи союза *или.*

Олегъ взялъ съ собою и чуди, и кривичей, и другихъ народовъ.

§ 57 (Стр. 578). Предложенія, соединенныя въ одно сложное—*составное*, бываютъ различны по своему значенію относительно другъ-друга, и оттого получаютъ различныя названія.

То предложеніе, которое содержитъ въ себѣ главную мысль, или то, что мы намѣрены сообщить другимъ, называется главнымъ (la proposition principale, der Hauptsatz, en primarium); то же предло-

женіе, которое поясняетъ одинъ изъ членовъ другаго предложенія, называется **придаточнымъ** (la pr. incidente, der Nebensatz, en. secundarium). Первое и отдѣльно можетъ быть понятно, отдѣльно имѣетъ смыслъ и значеніе,—второе же, отдѣльно взятое, значенія не имѣетъ и понятно быть не можетъ. Придаточное подчинено главному, присоединяется къ нему,—оттого самой способъ сочетанія ихъ названъ способомъ подчиненности (subordinatio), или *присоединеніемъ*.

Первый пошелъ къ Абдаллѣ (главн.), который въ это время готовился отправиться въ путь.

(Il faut battre le fer *pendant qu'il est chaud.* Wie köstlich ist des Freundes Rede, deren Himmelskraft ein Einsamer entbehrt. Göthe. Lacedaemoniorum gens fortis fuit, dum Lycurgi leges vigebant).

—Въ устной рѣчи придаточное предложеніе отъ главнаго отдѣляется паузой, а на письмѣ *непремѣнно* должно быть отдѣлено знакомъ препинанія.

Невольникъ спрашивалъ, какую надобность имѣетъ онъ до его господина.

§ 58 (Стр. 578). а. Придаточныя предложенія заступаютъ мѣсто второстепенныхъ членовъ простаго предложенія, а именно дополненія, опредѣленія и обстоятельственнаго слова, и потому по *происхожденію* своему бываютъ:

1. **Дополнительныя** (la pr. complémentaire, der Substantivsatz), которыя образуются изъ дополнительнаго слова, и, какъ замѣняющія собою дополненіе, относятся къ поясненію понятія о признакѣ по вопросамъ: *что? о чемъ?* и т. п.

Три аравитянина спорили однажды между собой о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ.

(Apprends *que la seule sagesse peut faire les héros parfaits.* Racine. Der kluge weiss, dass die Menschen von nichts so überzeugt sind, als von ihren Irrthümern. Wieland. Persaepe evenit, *ut utilitas cum honestate certet.* Cic).

II. **Обстоятельственныя** (la pr. circonstantielle, der Adverbialsatz), которыя образуются изъ словъ обстоятельственныхъ, заступаютъ ихъ мѣсто, и относятся къ поясненію понятія о признакѣ по вопросамъ: *гдѣ, куда, откуда? когда, сколь долго? какъ? почему, для чего?*

Сколь пріятно отдохновеніе, *когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности!* (прид. обстоятельств. вр. по вопросу *когда?*)

(On ne croit point un menteur, *lors même qu'il dit la vérité. Prov.* Si la vie et la mort de Socrate sont d'un sage, la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu. Rous. Wo rohe Kräfte sinnlos walten, da kann sich kein Gebild gestalten. Schil. Lacedaemoniorum gens fortis fuit, *dum Lycurgi leges vigebant*).

и III. **Опредѣлительныя** (la pr. déterminative, der Abjectivsatz), которыя образуются изъ словъ опредѣлительныхъ, совершенно заступаютъ ихъ мѣсто, и относятся всегда къ поясненію понятія о предметѣ по вопросу: *какой* или *который?*

Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который въ то время готовился отправиться въ путь (придат. опред).

(Le temps qui consume tout, détruit les erreurs mêmes. Montesquieu. Dioclétien, vous trouverez chez chrétiens des sujets respectueux *qui vous seront soumis sans bassesse.* Chateaubr. Wie köstlich ist des Freundes Rede, deren Himmelskraft ein Einsamer entbehrt. Si quis occentasset malum carmen sive condidisset, *quod infamiam taxat flagitiumve alteri*, capital esto. Cic).

б. Отношеніе дополнительныхъ предложеній обозначается союзами: *что*, *чтобы* (когда сказ. въ сослагат. накл. должно быть), которые по имени самыхъ предложеній называются **дополнительными.**

Чувствую живо въ сердцѣ моемъ, *что* человѣкъ сотворенъ для общества. Невольникъ спрашивалъ, (безъ союза) какую надобность имѣетъ онъ до его господина.

Отношеніе обстоятельственныхъ предложеній обозначается различными союзами, смотря по роду самыхъ обстоятельствъ. Союзы эти называются **обстоятельственными**, именно обстоятельственными *мѣста, времени, образа и причины.*

Абдулла вынулъ ногу изъ стремени, отдалъ другу своему верблюда со всѣмъ, что было на немъ навьючено, и просилъ только беречь висящій при сѣдлѣ мечъ, *потому-что* онъ достался ему отъ Али, магометова зятя.

Отношеніе же придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній обозначается не союзами, а мѣстоименіями, которыя за то и названы **относительными** (§ 42):

Первый пошелъ къ Абдаллѣ, *который* въ это время готовился отправиться въ путь.

в. Службу обстоятельственныхъ союзовъ несутъ также нарѣчія мѣста и времени, которыя въ такомъ случаѣ теряютъ прежнее свое значеніе, и становятся союзами: *тамъ-гдѣ, туда-куда, когда-тогда.*

Всякъ несетъ уста (туда), гдѣ вода чиста. Посл.

г. Придаточныя предложенія выражаются двояко: а. или сказуемое ихъ имѣетъ всѣ собственно глагольныя принадлежности, и отношеніе ихъ обозначено союзами, b. или сказуемое ихъ, съ опущеніемъ союза и подлежащаго, превратилось въ одну изъ причастныхъ формъ, т. е. въ неопредѣленную форму, причастіе и дѣепричастіе, и так. образомъ перешло изъ цѣлаго предложенія въ обыкновенный членъ простаго предложенія. Высказанныя въ первой формѣ, придаточныя предложенія называются **полными**, а выраженныя въ послѣдней формѣ — **сокращенными.**

Примѣры первыхъ см. выше въ томъ же §-ѣ.

Сказавъ это, онъ оттолкнулъ невольниковъ своихъ, и, *пробираясь ощупью вдоль стѣны, пошелъ далѣе.*

—Полныя *дополнительныя* предложенія отдѣляются отъ главнаго малою паузою въ выговорѣ, а на письмѣ всегда — *запятою.*

Чувствую живо въ сердцѣ моемъ, *что* человѣкъ сотворенъ для общества.

—Полныя *обстоятельственныя* предложенія отдѣляются отъ главнаго и запятою, и точкою съ запятой, и двоеточіемъ, смотря потому, какъ велики они въ своемъ объемѣ. Отъ послѣдняго условія зависитъ продолжительность или короткость паузы.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! —

— Полныя *опредѣлительныя* предложенія отдѣляются отъ главнаго запятою и короткою паузой.

Одинъ князь, *котораго не упомню имени*, построилъ ее (церковь) въ благодарность за побѣду, *одержанную надъ Татарами*.

— Если есть нѣсколько одинакихъ придаточныхъ предложеній, и они довольно развиты въ своемъ объемѣ; то они другъ отъ друга отдѣляются точкою съ запятой, какъ равныя между собой.

Въ настоящее время довольно распространено между людьми, впрочемъ образованными, мнѣніе, будто вліяніе византійское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія нашей древней національной словесности; будто кромѣ книжной схоластики, схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература византійская ничего не внесла въ нашу древнюю, собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древнерусскихъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ византійскимъ началомъ, враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и одушевляющему къ истинно художественному творчеству. *Ѳ. Буслаевъ.*

— Сокращенныя обстоятельственныя предложенія отдѣляются всегда запятою. Многіе изъ писателей не отдѣляютъ его никакимъ знакомъ, когда дѣепричастіе не сопровождается дополненіемъ или обстоятельствомъ; они въ такомъ случаѣ принимаютъ его за простое обстоятельственное слово. Но справедливѣе тѣ, которые отдѣляютъ его запятою, потому-что оно, и принимаемое за простое обстоят. слово, принадлежитъ къ разряду словъ обстоятельст. *независимыхъ* (§ 48):

Наконецъ, *поуставши*, всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его (245, ст. 112).... и молча слушаютъ шопотъ (545 стр.) Жуковъ.

— Сокращенныя опредѣлительныя предложенія всегда отдѣляются запятою, когда они слѣдуютъ за своимъ опредѣляемымъ словомъ, и не раздѣляются ею, если они предшествуетъ ему. Но когда сокращенное опредѣлительное предложеніе стоитъ вмѣсто обстоятельственнаго (слѣд. причастіе вмѣсто дѣепричастія); тогда и самое мѣсто не мѣшаетъ стоять запятой.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ таинахъ и нравственномъ ученіи христіянскомъ, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія.

§ 59 (Стр. 580). а. Составное предложеніе состоитъ изъ главныхъ предложеній, когда ни одно изъ нихъ не замѣняетъ собою ни опредѣлительнаго, ни дополнительнаго, ни обстоятельственнаго

слова для другаго. Способъ соединенія такихъ предложеній въ одно составное называется способомъ **неподчиненности**, или **сочетаніемъ** (coordinatio).

Жили въ ней исправно; но отъ нея теперь одни торчатъ обугленные пни.

(Les paróles passent, les écrits restent. Prov.

Diligentia in omnibus rebus plurimum valet: haec praecipue colenda est nobis, haec semper adhibenda. Cic).

б. Союзы, которыми обозначаются отношеніе и связь предложеній главныхъ, или равносильныхъ между собой, называются:

а. **Соединительными**, когда эти предложенія относятся другъ къ другу, какъ согласныя и объясняющія одинъ и тотъже предметъ, слѣд. *соединимыя* въ одно цѣлое: *и, да, также;*

б. **Противительными**, когда одно изъ предложеній относится къ другому, какъ противное ему отчасти или вполнѣ, или какъ исключаемое другимъ: *но, а, напротивъ, или.*

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался боленъ, и долгое время пролежалъ въ постелѣ; *но* наконецъ стало ему легче, и онъ выздоровѣлъ.

—При произношеніи главныя предложенія отдѣляются между собой паузами, которыхъ долгота или краткость зависитъ отъ значенія предложеній и объема ихъ.

—На письмѣ главныя предложенія отдѣляются другъ отъ друга:

а. *Запятой*, когда они выражены предложеніями нераспространенными или распространенными слишкомъ незначительно:

Одни были изрублены, другіе сожжены.

b. *Точкою съ запятой*, когда выражены предложеніями значительно распространенными, или когда представляютъ какъ бы изчисленіе частей цѣлаго:

Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ твоихъ; дай имъ познать тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую.

§ 60 (Стр. 581). а. Предложеніе, которое *вводится* въ рѣчь, чтобы объяснить и показать, что связь сказуемаго съ подлежащимъ другаго предложенія утверждается не самимъ лицомъ говорящимъ, но стороннимъ, называется **вводнымъ**. Оно соотвѣтствуетъ словамъ обстоятельственнымъ образности выраженія (§ 26.), и относится къ другому предложенію, какъ сіи послѣднія.

Несталоцци, говоритъ Рамзауеръ, былъ очень боленъ.

Вводныя предложенія иногда выражаются сокращенно, въ видѣ дополнительныхъ словъ: вмѣсто «*говоритъ Рамзауеръ*», можно сказать: *по словамъ Рамзауера.*

—Вводное предложеніе, какъ полное, такъ и сокращенное, отдѣляется запятою.

б. Предложеніе, которое заключаетъ въ себѣ чужую рѣчь, рѣчь сторонняго лица, *внесенную* говорящимъ, называется **вноснымъ**, или **косвенною рѣчью**; потому-что оно *внесено* въ рѣчь, какъ сказан-

ное другимъ лицомъ. Такихъ предложеній можетъ быть внесено много, какъ видно изъ приведеннаго примѣра. Оно соотвѣствуетъ дополнительнымъ предложеніямъ.

Вносное предложеніе приводится или буквально или только одно содержаніе его. Оно ставится или послѣ или впередъ главнаго, или между своими словами вмѣщаетъ самое главное.

Корсунцы, услыхавъ объ этомъ (т. е. походѣ Игоря), послали сказать императору Роману: «Идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море кораблями».

—*Вносное* предложеніе (чужія слова), когда приведено безъ всякаго измѣненія, слово въ слово, какъ сказано было другимъ, и когда оно слѣдуетъ за главнымъ, имѣетъ передъ собою *двоеточіе*, и отдѣляется иногда *ковычками*.

—Если же *вносное* предложеніе предшествуетъ главному; или передаетъ только содержаніе чужой рѣчи; тогда оно отдѣляется *запятою*.

«У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли, насъ; вотъ почему мы и не одолѣли ихъ», говорили воины Игоря. — Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царьгородъ (передано Несторомъ только содержаніе чужой рѣчи — рѣчи Болгаръ).

VI. ВНѢШНЯЯ СТОРОНА СЛОВЪ.

§ 61 (Стр. 597). Каждое слово состоитъ изъ опредѣленнаго сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ, и потому можетъ быть раздѣляемо на звуки (г-о-н-и-м-ы) и на сочеганіе звуковъ между собой, или **слоги** (syllaba, la syllabe) (го-ни-мы).

Слогъ образуется изъ сочетанія гласнаго звука съ согласнымъ (лу-га) или изъ одного гласнаго (и); но гдѣ нѣтъ гласнаго звука, тамъ нѣтъ и слога (съ).

По числу слоговъ, слова бываютъ: а. **односложныя**: изъ, б. **двухсложныя**: лу-га и в. **многосложныя**: *безмолвіе*.

б. Звуки или слоги, которые указываютъ и содержатъ значеніе слова, называются **корнемъ** слова (la racine, Stamm, radex): *луч-гор-гн* суть корни словъ *луч-ъ, го-ра, гн-ать*.

Звуки, по которымъ мы опредѣляемъ разрядъ понятій или отношеніе ихъ въ предложеніи, называются **окончаніями** словъ (le terminaison, Endung, Suffixum): *ъ-а-ать* суть окончанія *луч-ъ, гор-а, гн-ать*.

Слѣд. въ каждомъ словѣ должно различать *корень* и *окончаніе*.

в. Сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ въ словѣ составляетъ **внѣшнюю** его сторону, а значеніе, смыслъ его — **внутреннюю**.

—Слова односложныя, если сполна не уписываются въ концѣ строки, раздѣлять для переноса въ другую строку не принято: а

потому отъ *горъ* и *ночь* не слѣдуетъ отдѣлять для переноса въ другую строку: *ъ* или *ръ*, *ь* или *чь*.

§ 62 (Стр. 598). а. Корни, отъ которыхъ происходятъ знаменательныя части рѣчи, называются **знаменательными**: луч. гор. гн.

Корни, изъ которыхъ образуются части рѣчи служебныя, называются **служебными**: *съ, тъ*.

Знаменательные корни иначе называются **глагольными** по имени глагола, какъ преимущественной части рѣчи между знаменательными, а служебные—**мѣстоименными**, отъ имени мѣстоименія, какъ преимущественной части рѣчи между служебными.

§ 63 (Стр. 598). Окончанія слова, опредѣляющія, какой именно родъ понятій выражается ими, т. е. понятіе о предметѣ или качествѣ и т. п., называются **отличительными**, или *суффиксами*; потому-что по нимъ мы отличаемъ, что одно слово выражаетъ понятіе о предметѣ (напр. *луч-ъ*, *гор-а*, *руч-ей*), другое — понятіе о дѣйствіи или состояніи (напр. *гна-ть*, *бѣж-ать*, *топ-ить*), — слѣд. отличаемъ одну часть рѣчи отъ другой.

Въ именахъ за отличительное окончаніе принимается окончаніе именительнаго падежа: *гор-а*,—*луч-ъ*, *веш-н-ій*, а въ глаголахъ—окончаніе неопредѣленной формы: *гн-а-ть топ-и-ть*.

Окончанія, которыя показываютъ различныя *отношенія* словъ другъ къ другу въ составѣ предложенія, называются **относительными**, или флексіями: вешн-ими луч-*ами*, сбѣж-а-*ли*.

Въ именахъ относительными окончаніями называются всѣ падежныя окончанія, напримѣръ: веш-*ними* луч-*ами*, окрест-*н-ыхъ* гор-*ъ*, верш-*ин-ы*; въ глаголахъ относительными окончаніями называются окончанія, опредѣляющія *время*, *наклоненіе*, *лицо* и *число* во всѣхъ залогахъ: сбѣж-а-*ли*, сохн-*утъ*.

§ 64 (Стр. 598). Слова, которыя ни отъ какого другаго слова не происходятъ, и которыя состоятъ только изъ корня и отличительнаго окончанія, называются словами **коренными**, или **первообразными** (primitifs, Stammwörter): *лу-ч-ъ*, *гор-а*, *сны-ъ*, *лѣс-ъ*, *гн-ать*.

Слова, которыя происходятъ отъ другихъ словъ, называются **производными** (derivés, abgeleitete Wörter): *горный* (*отъ гора*), *лучистый* (*отъ лучъ*), *вешній* (*отъ весна*).

Въ производныхъ словахъ между корнемъ и отличительнымъ окончаніемъ вставляются буквы, которыя, указывая на ихъ производство отъ словъ коренныхъ, называются **производственными**: въ *горный н* есть буква производственная, а въ луч-ист-ый *ист* суть буквы производственныя.

—Производныя слова всегда удерживаютъ правописаніе коренныхъ, а потому производныя должно писать чрезъ *ь*, если ихъ корни пишутся чрезъ эту букву: *не девственный*, а *дѣвственный* (дѣва), *не невежа*, а *невѣжа* (вѣдаю). Исключеніе составляютъ только два слова: *одежда* (одѣвать) и *надежда* (надѣюсь).

*

Такъ-какъ буква *ѣ* составляетъ особое затрудненіе въ правописаніи: то здѣсь для справки предлагаются въ азбучномъ порядкѣ коренныя слова, имѣющія эту букву:

Б.

Бѣг-ать
Бѣд-а
(Бѣд-ный)
Бѣд-ить
(Побѣдить)
Бѣл-ый
Бѣсъ.

В.

Вѣ (откуда невѣгласъ=невѣжда)
Вѣд-ать
(Вѣди,
Вѣжди)
Вѣко
Вѣкъ
Вѣна (городъ)
Вѣнъ (областное =вѣнокъ, откуда—
Вѣнецъ
Вѣникъ)
Вѣно (=приданое)
Вѣр-ить
Вѣс-ить
Вѣтвь
Вѣт — (вѣщать, совѣтовать, обѣтъ, обѣщать
Вѣче)
Вѣха (шестъ)
Звѣзда
Звѣрь
Свѣжій
Свѣтъ
Цвѣтъ
Человѣкъ.

Д.

Дѣва
Дѣдъ
Дѣ—(откуда—
Дѣть, дѣвать, одѣть,
Издѣваться
Дѣять, дѣлать, надѣ-я-ться)
Дѣлить.

З.

Зѣвать, (зѣвъ)
Зѣло (назв. славянск. буквы)
Зѣница.

Л.

Лѣвый
Лѣзть
(Лѣстница)
Лѣкъ
(Лѣчить
Лѣкарь)
Лелѣять
Лѣпить
Лѣпый
Лѣса́
Лѣсъ
Лѣто
Лѣха (гряда)
Глѣбъ
Желѣза́
Желѣзо
Калѣка
Клѣть
(Клѣтка)
Колѣно
Млѣть
Плѣнъ
Плѣсень
Плѣшь
Полѣно
Слѣдъ
Слѣпый
Хлѣбъ
Хлѣвъ.

М.

Мѣдь
Мѣлъ
Мѣна
Мѣра
Мѣсто
Мѣсяцъ
Мѣсить
(Мѣшать)
Мѣхъ
(Мѣшокъ)
Мѣтить
Змѣй
Смѣ-яться.

Н.

Нѣ *
Нѣга
Нѣдро
Нѣмой
Гнѣвъ
Гнѣдой
Гнѣздо
Днѣпръ
Днѣстръ
Печенѣгъ
Спѣгъ.

П.

Пѣгій
Пѣна
Пѣнязь
Пѣст-овать
Пѣть
Пѣх-ота
Спѣ-ть (откуда—спѣшить, успѣхъ).

Р.

Рѣдкій
Рѣдька
Рѣзать
(Рѣзвый)
Рѣка
Рѣпа
Рѣсница
Рѣт — (обрѣтаю, встрѣчаю)
Рѣчь (нарѣчіе, но реку и реченіе черезъ е).
Рѣ-ять
Рѣшить (прорѣха)
Рѣшето
Крѣпкій
Свирѣпый
Зрѣть
Грѣшить
Орѣхъ
Прѣть
Прѣсный
Стрѣла
Стрѣха (застрѣха)
Хрѣнъ.

---

* Приставка эта къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ показываетъ неопредѣленность: нѣкогда (неизвѣстно когда именно), нѣкоторый (неизвѣстно кто именно).

С.	(Сѣку)	Тѣсный	Цѣдить
Сѣверъ	Сѣтовать	Тѣсто	Цѣлый (цѣловаться)
Сѣд (сѣдло)	Сѣтить	Тѣх—	
Сѣдой	(Посѣщать)	(Тѣшить, утѣх-а)	Цѣль
Сѣно	Сѣть	Тѣять	Цѣна
Сѣнь	Сѣять.	(Затѣять).	Цѣпъ, цѣпь.
(Сѣни)	Т.	Ц.	Ѣ.
Сѣра	Тѣло	Цѣвь	Ѣмъ
Сѣрый	Тѣнь (стѣнь, стѣна)	(Цѣвка, Цѣвница)	Ѣду.
Сѣчь			

Задача. Напишите по нѣскольку предложеній на каждое изъ этихъ словъ, употребляя производныя отъ нихъ или самыя коренныя: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись. У человѣка будетъ вѣчная жизнь за гробомъ.*

§ 65. (Стр. 598). а. Слова, которыя состоятъ изъ одного только слова, называются **простыми** (simple, einfache): *великій, ручей.*

Слова, которыя составлены, или сложены изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, называются **сложными** (composés, zusamengesetzte): *сбѣжали, честолюбіе (любовь чести), книгопродавецъ (книгъ продавецъ).*

б. Слово соединяется съ другимъ въ одно сложное или съ утратою своего окончанія, замѣнивъ его соединительными гласными **е** и **о**: *земл-е-дѣлецъ, книг-о-продавецъ*, или же съ полнымъ удержаніемъ своего окончанія: *Царь-градъ, Нов-городъ.*

Сложныя слова, образовавшіяся по первому способу, называются **сложными** собственно: земл-е-дѣлецъ,—образовавшіяся же по второму—**составными**: Цар-ъ-градъ.

—Въ собственно сложныхъ словахъ речепія, входящія въ ихъ составъ, пишутся слитно, т. е. мы ихъ не отдѣляемъ ни разстояніемъ, ни знакомъ единительнымъ: *земледѣлецъ, книгопродавецъ.*

—Составныя же слова пишутся двояко: **слитно** или съ **чертою единительною**: *наконецъ, вмѣстѣ, кто-нибудь, генералъ-майоръ.*

—Они пишутся **слитно**, если одно реченіе, соединяясь съ другимъ, видоизмѣняетъ самый родъ понятія, и так. образомъ реченіе изъ одной части рѣчи переходитъ въ другую, или изъ одного вида въ другой: *потомъ, вопервыхъ, вовторыхъ, наконецъ, пятиаршинный, наперекоръ, вдали, совсѣмъ, сначала, искони, потому, тотчасъ,—никто* (изъ вопрос. въ отрицат.).

Они пишутся съ **единительною чертою**, когда въ нихъ не бываетъ такого перехода:

Генералъ-майоръ, мать-мачиха, Иванъ-да-Марья, кое-кто, кое-какъ, кто-нибудь, гдѣ-нибудь, почитаемъ-ка, какой-то, потому-что, такъ-какъ, еле-еле, мало-помалу, изъ-за, изъ-подъ, знаемъ-ста, междутѣмъ-какъ, мужикъ-атъ и т. п.

Исключеніе составляютъ только слова древнѣйшаго образованія, которыя мы уже привыкли писать слитно: *Царьградъ, Новгородъ.*

VII. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СОСТАВА РѢЧИ, ЧАСТЕЙ ЕЯ И ФОРМЪ ИХЪ.

§ 66. Формы рѣчи.

Первоначальная и простѣйшая форма рѣчи есть *предложеніе* (§ 1), сложная и окончательно развитая—*рѣчь* (§ 2).

I. Простое предложеніе.

§ 67. Составъ простаго предложенія. Названіе и число его членовъ.

Всякое простое предложеніе *должно* имѣть два *главныхъ* члена: *подлежащее* и *сказуемое* (§ 5), и *можетъ* имѣть еще три *второстепенныхъ* члена: *опредѣлительное, дополнительное* и *обстоятельственное слово* (§ 6) и обращеніе; слѣд. въ простомъ предложеніи бываетъ до шести членовъ.

Каждый изъ второстепенныхъ членовъ можетъ имѣть свое опредѣленіе или дополненіе или обстоятельство; но число членовъ предложенія, по ихъ значенію, все таки остается тоже.

§ 68. Содержаніе и форма предложенія.

Всѣ члены предложенія, содержа собою то, что́ хотимъ сказать, составляютъ его содержаніе, и, какъ образующія одно цѣлое, относятся другъ къ другу и къ лицу говорящему. Отношенія эти обозначаются формами словъ или отдѣльными частями рѣчи.

Способъ сочетанія реченій въ предложеніи составляетъ его *форму:* здѣсь каждый членъ предложенія принимаетъ свою, приличную ему по службѣ форму, или окончаніе. Такъ всегдашняя форма подлежащаго есть *именительный падежъ*, формы дополненія—*косвенные падежи* безъ предлоговъ или съ ними, форма опредѣленія—*опредѣленное окончаніе* прилагательнаго, форма сказуемаго—*глагольныя формы* (накл., время и проч.).

Слова, выражая члены предложенія, и потому взаимно относясь между собою, соединяются посредствомъ согласованія (§ 23) и управленія (§ 29).

§ 69. Особенныя названія членовъ предложенія по ихъ значенію или по способу выраженія ихъ.

Сказуемое по способу выраженія его бываетъ: *простое* и *составное* (§ 46); опредѣлительное слово по значенію качества опредѣ-

ляющаго называется *эпитетомъ* (§ 8), а по отношенію сочетанія съ опредѣляемымъ—*приложеніемъ* и *опредѣленіемъ независимымъ* и *зависимымъ* (§ 47).

Обстоятельственныя слова по отношенію своему къ слову поясняемому бываютъ *зависимыя* и *независимыя* (§ 48).

§ 70. Слова въ предложеніи по отношенію къ слушающему.

Слово, которымъ обозначается отношеніе предложенія къ слушающему, называется *обращеніемъ*, или *воззваніемъ* (§ 7). Оно къ содержанію предложенія собственно не принадлежитъ.

§ 71. Различныя формы простаго предложенія.

Всякое простое предложеніе можетъ быть разсматриваемо съ различныхъ сторонъ, и потому различаются формы его выраженія. Такъ оно бываетъ:

I. по своему развитію или объему:
нераспространенное (§ 9) и *распространенное*,

II. по наличности своихъ членовъ:
полное и *неполное*, или *эллиптическое* (§ 9),

III. по способу выраженія подлежащаго:
личное и *безличное* (§ 10),

IV. по качеству сказуемаго:
утвердительное и *отрицательное* (§ 11),

V. по отношенію къ говорящему:
вопросительное, повѣствовательное, повелительное и *восклицатель.* (§ 11).

II. Сложное предложеніе.

§ 72. Составъ сложнаго предложенія.

Простыя предложенія соединяются между собой въ одно, и образуютъ *сложное* (§ 2 и 55), которое по самому складу своему бываетъ или **слитное** или **составное** (§ 55).

§ 73. Способы образованія составнаго предложенія. Виды предложеній въ немъ по взаимному относительному ихъ значенію.

Есть два способа образовать составное предложеніе: *способъ подчиненности*, или *присоединенія*, и *способъ неподчиненности*, или *сочетанія*. По первому способу составное состоитъ изъ *главнаго съ придаточнымъ* (§ 57), а по второму—изъ *однихъ главныхъ* (§ 59).

§ 74. Виды придаточныхъ предложеній, I. по ихъ происхожденію и II. по формѣ выраженія.

Придаточныя предложенія бываютъ:
I. по своему происхожденію изъ второстепенныхъ членовъ предложенія:
а. *дополнительныя*, б. *обстоятельственныя* и в. *опредѣлительныя* (§ 58),

II. по формѣ выраженія:
полныя и *сокращенныя* (§ 58).

§ 75. Виды главныхъ предложеній въ составномъ по способу неподчиненности.

Въ составномъ сочетаніемъ (coordinatio) предложенія различаются по характеру содержанія, и бываютъ:
а. *соединительныя*, б. *противительныя* и в. *винословныя* (§ 59).

§ 76. Виды предложеній въ составномъ по отношенію къ говорящему.

По отношенію къ лицу говорящему, предложенія въ составномъ бываютъ:

а. *вводныя* и б. *вносныя* (§ 60).

Первыя соотвѣтствуютъ обстоятельственнымъ словамъ образности выраженія въ простомъ предложеніи, а послѣднія — придаточнымъ дополнительнымъ предложеніямъ въ составномъ.

§ 77. Обозначеніе отношеній между предложеніями.

Отношенія предложеній обозначаются *союзами* (§ 55) и другими частями рѣчи (§ 58), въ видѣ союзовъ употребляемыми; кромѣ того въ устномъ способѣ передачи мыслей, они выражаются видоизмѣненіями, или *удареніями* голоса и *паузами* (§ 3), а въ письменномъ—*знаками препинанія* (§ 3).

§ 78. Условія разстановки знаковъ препинанія: а. въ простомъ, b. слитномъ и с. составномъ предложеніи.

а. Въ простомъ предложеніи разнородные члены напр. подлежащее и сказуемое, опредѣленіе и опредѣляемое и т. п. не отдѣляются между собой никакимъ знакомъ препинанія; исключеніе составляютъ только приложеніе и независимыя опредѣленія и обстоятельства, потому-что они принимаются за остатки отъ другихъ предложеній, какбы въ сокращенномъ видѣ вошедшихъ въ простое (§ 47 и 48).

Обращеніе, какъ не относящееся собственно къ содержанію предложенія, отдѣляется (глядя по мѣсту) запятой или знакомъ восклицательнымъ (§ 7).

b. Одинакіе члены слитнаго предложенія отдѣляются запятой, когда они вовсе безъ союза, или когда каждый изъ нихъ сопровождается союзомъ (§ 56).

Послѣдній изъ одинаковыхъ членовъ, непосредственно слѣдующій за своими однородными, никогда не отдѣляется запятою при союзахъ *и, или.*

с. Въ составномъ по способу подчиненія главное отъ полныхъ придаточныхъ—дополнительныхъ и опредѣлительныхъ—отдѣляется только запятою, а отъ обстоятельственныхъ и точкою съ запятой.

Всѣ придаточныя, по формѣ выраженія сокращенныя, т. е. вы-

ражающіяся въ формѣ причастія и дѣепричастія, отдѣляются только запятою.

Впрочемъ обстоятельственныя сокращенныя, безъ дополненій, остаются и безъ знака препинанія у нѣкоторыхъ писателей, когда ихъ не различаютъ паузой, потому-что тогда принимаютъ ихъ за нарѣчіе или простое обстоятельственное слово (§ 51, 58).

Сокращенныя опредѣлит. предложенія тоже не отдѣляются запятой, когда причастіе, одно или даже съ дополнительными словами, предшествуетъ своему опредѣляемому (§ 58).

Въ составномъ по способу неподчиненія предложеніи раздѣляются и запятой и точкою съ запятой, смотря по ихъ развитію въ объемѣ или важности значенія. Отъ мысли общей, которой они служатъ разъясненіемъ, они отдѣляются двоеточіемъ.

Винословное предложеніе, не смотря на объемъ, отдѣляется *двоеточіемъ*, особенно, когда оно безъ союза.

Вводное же всегда отдѣляется запятою (§ 60).

Вносное, смотря потому, какъ приведена чужая рѣчь, и какое оно мѣсто занимаетъ, отдѣляется двоеточіемъ и запятой (§ 60).

Образецъ письменнаго синтаксическаго разбора.

А.

1. Цыганы . . . *подлежащее*, потому-что выражаетъ понятіе о предметѣ рѣчи.
2. шумною . . . *опредѣлительное* къ 3, п. ч. поясняетъ понятіе о предметѣ, которое выражается словомъ *толпой*.
3. толпой . . . *обстоятельственное образности*, п. ч. поясняетъ понятіе о признакѣ кочуютъ, обозначая образъ этого дѣйствія по вопросу *какъ?*
4. по Бессарабіи *обстоятельственное мѣста*, п. ч. поясняетъ тоже понятіе о признакѣ *кочуютъ*, указывая мѣсто дѣйствія по вопросу *гдѣ?*
5. кочуютъ . . . *сказуемое*, п. ч. выражаетъ то, что говорится о предметѣ *цыганы*, означаетъ понятіе о признакѣ.

По составу это—предложеніе *простое*, п. ч. состоитъ только изъ одного сужденія,—*распространенное*, п. ч. кромѣ главныхъ членовъ въ немъ есть второстепенные,—*полное*, п. ч. ни одинъ изъ членовъ его не подразумѣв., но всѣ находятся налицо.
По *значенію*—*главное*—*независимое*.
По формѣ выраженія *личное*, *повѣствовательное*, п. ч. для лица говорящаго нѣтъ въ немъ ничего неизвѣстнаго или сомнительнаго.

В.

1. Вода . . . . подлежащее къ 3 и 4.
2. ручья . . . . опредѣлительное къ 1.
3. чиста . . . . сказуемое къ 1.
4. и холодна . . сказуемое къ 1.

По составу сложное—слитное. По значен. главныя, по формѣ выражен. повѣствовательныя.

III. Части рѣчи и формы ихъ.

§ 79. Части рѣчи, число и наименованіе ихъ.

Слова, выражая члены предложенія и разнообразныя ихъ отношенія, входятъ въ составъ рѣчи, какъ ея части; потому они называются *частями рѣчи*.

Каждая изъ частей рѣчи несетъ свою особенную службу въ предложеніи, выражая или опредѣленный родъ представленій, понятій, напр. имя существительное—понятіе о предметѣ и т. п., или опредѣленный родъ отношеній, напр. союзъ — связь предложеній: потому всѣ слова распредѣляются на опредѣленные разряды, изъ которыхъ каждый носитъ особое названіе, напр. глагола, нарѣчія и т. п. Такихъ разрядовъ издавна насчитываютъ девять: имъ присвоены слѣд. названія:

I. имя существительное	V. глаголъ
II. имя прилагательное	IV. нарѣчіе
III. имя числительное	VII. предлогъ
IV. мѣстоименіе	VIII. союзъ
IX. междометіе.	

§ 80. Различіе частей рѣчи а. по значенію и б. по формѣ.

Однѣ изъ названныхъ девяти частей рѣчи выражаютъ собственно содержаніе предложенія, и всегда *знаменуютъ*, обозначаютъ опредѣленныя понятія объ опредѣленныхъ предметахъ, дѣйствіяхъ и т. п., и потому называются **знаменательными** (Begriffswörter); другія напротивъ *служатъ* только къ указанію различныхъ отношеній членовъ предложенія другъ къ другу и къ говорящему, и потому называются **служебными** (Formwörter). Къ первымъ принадлежатъ: *существительное, прилагательное, глаголъ, нарѣчіе* которое образовалось изъ именъ и глаголовъ.

Ко вторымъ относятся: *числительное, мѣстоименіе, нарѣчіе*, отъ мѣстоименій произшедшее, *предлогъ* и *союзъ*. *Междометіе* принадлежитъ и къ знаменательнымъ и къ служебнымъ частямъ рѣчи, смотря по тому, что́ оно выражаетъ.

Изъ всѣхъ знаменательныхъ и служебныхъ частей рѣчи, однѣ, входя въ составъ рѣчи, измѣняются по окончаніямъ; другія же остаются неизмѣняемыми: оттого по формѣ своей всѣ части рѣчи раздѣляются а. на **измѣняемыя**, къ которымъ относятся: имя существит., прилагат., глаголъ между знаменательными, мѣстоименіе, числительное—между служебными, и б. **неизмѣняемыя**, къ которымъ относятся: нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе.

I. Имя существительное.

§ 81. Виды существительнаго и его принадлежности.

Существительное имя (§ 12) можетъ быть разсматриваемо съ различныхъ сторонъ, и оно, указывая на различные оттѣнки нашихъ представленій, бываетъ:

I. по существу самаго предмета:
наглядное, или конкретное, и отвлеченное, или абстрактное (§ 13),
II. по отношенію частей къ цѣлому:
простое и собирательное (§ 14),
III. по объему понятія:
собственное и нарицательное (§ 15),
IV. по величинѣ премета:
уменьшительное и увеличительное (§ 16),
V. по отношенію къ говорящему:
ласкательное и уничижительное (§ 17).

Принадлежности существительнаго суть: родъ (§ 18), число (§ 19), падежи (§ 29, 30), или склоненіе (§ 32).

II. Имя прилагательное.

§ 82. Виды прилагательнаго и его принадлежности.

Имя прилагательное (§ 34) бываетъ:
I. по своему значенію:
безотносительное и *относительное* (§ 35)
II. по формѣ, или по окончаніямъ:
опредѣленное и *неопредѣленное* (§ 36)

Кромѣ принадлежностей, общихъ съ именемъ существительнымъ: рода, числа и падежей, у прилагательнаго есть своя особенная—*степени сравненія* (§ 38).

III. Имя числительное.

§ 83. Числительныя имена и принадлежности ихъ.

Числительныя имена бываютъ:
I. по значенію:
количественныя и *порядковыя* (§ 40),
II. по формѣ:
существительныя и *прилагательныя* (§ 40).

Какъ сходныя по формѣ своей съ существительными и прилагательными, числительныя имена имѣютъ *родъ, число и падежи*, или склоненіе (§ 40).

IV. Мѣстоименіе.

§ 84. Виды мѣстоименій и принадлежности ихъ.

Мѣстоименія, по причинѣ замѣны существит. (§ 24) или прилагательнаго (§ 45) имени, раздѣляются на *существительныя и прилагательныя*. Тѣ и другія по службѣ своей въ рѣчи бываютъ:

I. *личныя* (§ 20),
II. *возвратное*,
III. *взаимное* (§ 33),
IV. *вопросительныя* (§ 20 и 41),
V. *притяжательныя*,
VI. *указательныя*,
VII. *относительныя*,

VIII. *опредѣлительныя положительно и отрицательно,*
и IX. *неопредѣленныя* (§ 42).

Принадлежности ихъ: *родъ, число* и *падежи*, или склоненіе.

Итакъ имя сущ., прилагательное, числительное и мѣстоименіе измѣняются по падежамъ, или склоняются, а потому могутъ быть названы *склоняемыми*,—и *склоненіе* есть собственная неотъемлемая принадлежность именъ—*именная* принадлежность.

V. Глаголъ.

§ 85. Принадлежности глаголовъ и причастныхъ формъ.

Глаголы (§ 21) имѣютъ слѣд. принадлежности: *залогъ* (§ 22), три *лица*, два *числа* (§ 23), два *вида: несовершенный* и *совершенный* (§ 24), времена (§ 25), *наклоненія* (§ 26) и измѣненіе по временамъ, лицамъ и числамъ (§ 27), или спряженіе. *Спряженіе* есть собственно глагольная принадлежность, какъ склоненіе—именная.

Причастныя формы, сохраняя въ себѣ нѣкоторыя изъ принадлежностей глагольныхъ, принимаютъ въ себя также принадлежности именныя или нарѣчій.

VI. Нарѣчіе.

§ 86. Нарѣчіе и виды его.

Нарѣчіе есть часть рѣчи несклоняемая (§ 43), и по значенію своему бываетъ:

1. нарѣчіемъ *мѣста*,
2. *времени*,
3. *образа дѣйствія и выраженія*
и 4. *причины* (§ 44).

Оно имѣетъ степени сравненія и усиленія или ослабленія (§ 45).

VII. Предлогъ.

§ 87. Значеніе и виды его по употребленію.

Предлоги бываютъ по употребленію слитные и отдѣльные; измѣненій никакихъ они не терпятъ (§ 31).

VIII. Союзъ.

§ 88. Союзы (§ 55), показывая связь предложеній, бываютъ по значенію: соединительные, противительные, винословные (§ 59), дополнительные и обстоятельственные (§ 58).

IX. Междометіе.

§ 89. Междометія бываютъ:

а. *восклицательныя*
и б. *звукоподражательныя* (§ 54).

§ 90. Виды словъ по образованію и составу.

Всѣ части рѣчи по образованію своему бываютъ:
коренныя или *производныя* (§ 63),
а по составу—*простыя* или *сложныя* (§ 64).

Образецъ полнаго грамматическаго разбора.

А. СИНТАКСИЧЕСКІЙ. Б. ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ. В. ОРѲОГРАФИЧЕСКІЙ.

	Роды предл.	Члены предл.			Части рѣчи и формы ихъ.	
Въ					служеб. часть рѣчи — предлогъ.	
1. Константинополѣ		обст. мѣста	къ	2.	ч. р. знам. и. с. соб., м. р., ед. ч., пр. п.	начальн. б. К пропис., п. что это-сущ. соб.,
2. обитало		сказуем.	—	4.	ч. р. знам. г. ср., и. н., в. нес., в. п., 3 л., е. ч.	на концѣ ѣ, п. ч. предл. п. отъ именит. на ъ.
3. всегда		обст. врем.	—	2.	нарѣч. времени. служебн. ч.	
4. множество		подлеж.	—	2.	и. с., ср. р., ед. ч., и. п.	
5. Россіянъ,		опредѣл.	къ	4.	и. с. м. р., мн. ч., р. п.	запятая, п. ч. слѣдуетъ далѣе прид. опред. сокращен. пред-е къ 5.
6. привлекаемыхъ		опредѣл.	—	5.	прич. страд., нс. вр. р. п. м. ч.	
7. купечествомъ или		дополн.	—	6.	м. с., ср. р. ед. ч. тв. п. союзъ.	
8. набожностію,		—		—	и с., ж. р. ед. ч., тв. п.	зап., п. ч. начинается другое опр. сокр. пред. къ 5.
9. жившихъ		опредѣл.	къ	5.	прич. пр. вр. м. р., мн. ч. р. п.	
10. тамъ		обст. мѣст.	—	9.	нарѣч. мѣста.	
11. обыкновенно		об. обр.	—	—	нарѣчіе обр.	
въ					предлг.	
12. монастырѣ		обст. мѣст.	—	9.	и с., м. р., ед. ч., пр. п.	на концѣ ѣ, п. ч. предлож. пад. отъ именит. муж. на ъ.
13. святаго		опред.	—	14.	и. прил., м. р., ед. ч., род. п.	вопреки выговору припято писать род. п. *аго.*
14. Іоанна		опред.	—	12.	и. с. соб., м. р., ед. ч., род. п.	большая б., п. ч. сущ. соб.
15. Предтечи.		прилож.	—	14.	и. с., м. р. — — —	

предлож. сложное-составное изъ главнаго и придаточныхъ опред. сокращ.

СЛОВАРЬ.

А.

Авторъ лт. autor (правильнѣе auctor отъ augeo давать рости, производить)—сочинитель.

Акклиматизація гр., усвоеніе животнаго и растенія извѣстной страны другой странѣ, отличной по климату отъ ихъ родины.

Акклиматизировать гр., усвоять животное или растеніе странѣ, отличной климатомъ отъ ихъ родины, напр. голландскія коровы нашей архангельской губерніи.

Алкоголь ар., al-kŏhl, самый крѣпкій винный спиртъ.

Алхимія ар., въ средніе вѣка господствовавшая наука, тщательно скрываемая, занимавшаяся тѣмъ же, чѣмъ нынѣ химія, т. е. составомъ и разложеніемъ тѣлъ, но съ цѣлью чисто безразсудною—открыть тайны природы передѣлывать дешевыя вещества въ драгоцѣнныя, дѣлать золото, составить всеобщее средство къ безконечному продолженію жизни человѣческой на землѣ. Всемогущій дѣятель, посредствомъ котораго алхимики думали сотворить свои чудеса—дѣлать золото и подарить безсмертіе человѣку на землѣ, извѣстенъ былъ подъ именемъ *философскаго камня*. Не смотря на ея коренныя заблужденія, мы многимъ обязаны этой наукѣ: отъ нея ведетъ свое начало наука химія, столь полезная для жизни.

Аморфическій гр. *μορφή*, forma, безобразный, не имѣющій опредѣленнаго образа, вида: такъ называются между минералами тѣ, которые не являются кристаллами.

Анализировать гр. *ἀναλύειν*, фр. analyser—разлагать предметъ на составныя его части, разбирать по частямъ его составъ.

Аналогія гр. *ἀναλογία*,—равное соотношеніе, сходство отношеній между двумя или нѣсколькими предметами.

Анатомія гр. *ἀνατομία* (отъ *ανατεμνω* рѣжу, разсѣкаю)—наука о внутреннемъ строеніи органическихъ тѣлъ при помощи трупоразъятія.

Анатомическій—относящійся къ анатоміи.

Анатомъ—занимающійся изслѣдованіемъ строенія орган. тѣлъ чрезъ разсѣченіе ихъ на части.

Апатія гр. *ἀπάθεια*—безстрастіе, состояніе духа, чуждое расположенія къ дѣятельности, безучастное ко всему.

Аргишъ—у самоѣдовъ обозъ изъ оленей.

Ароматъ гр. *ἄρωμα-τος*—пріятный запахъ.

Ароматическій и *ароматный*—пріятно пахнущій, благовонный.

Артель (тюркс. ortâ)—общество въ народѣ, устроивающееся само собою, по добровольному соглашенію, для одинакихъ занятій или работъ, на общихъ харчахъ, съ извѣстнымъ условнымъ дѣ-

лежомъ заработка и съ отвѣтомъ общимъ за каждаго ея члена: таковы наши артели у работниковъ на Брусяной горѣ см. ст. 50, у бурлаковъ и др.

Аскетъ гр. *ἀσκητής*, отшельникъ, человѣкъ, посвящающій всего себя дѣлу благочестія.

Аскетическій, отшельническій.

Астрономъ гр. *ἀστρονόμος*, наблюдатель надъ теченіемъ свѣтилъ небесныхъ.

Атмосфера гр. (изъ *ἀτμὸς—паръ, дымъ*, и *σφαῖρα*—шаръ), воздухъ; но такъ-какъ воздухъ, по состоянію вещества, есть газъ или паръ, а земля наша имѣетъ видъ шара; то атмосфера значитъ собственно *паръ*—воздухъ, покрывающій или обнимающій шаръ—землю. Впрочемъ слово атмосфера въ этомъ общемъ значеніи вошло въ науку и усвоено языкомъ общежитія уже въ то время, когда понятіе о шаровидности земли сдѣлалось болѣе общимъ. Прежде же подъ атмосферою разумѣли болѣе или менѣе обширную часть воздуха, наполненнаго особенными испареніями, которыя обнаруживаютъ явное вліяніе на жизнь различныхъ существъ. Въ такомъ первоначальномъ и частномъ значеніи это слово употребляется часто и теперь, когда говорятъ о различныхъ состояніяхъ воздуха, свойственныхъ различнымъ мѣстамъ (атмосфера комнаты ст. 4); въ томъже смыслѣ оно употребительно и въ переносномъ значеніи, когда говорятъ напр. о разныхъ атмосферахъ общественной жизни, выражая тѣмъ различныя внѣшнія условія, въ которыхъ поставленъ человѣкъ.

Атмосферическій — относящійся къ атмосферѣ.

Б.

Барометръ гр. (*βάρος* тяжесть и *μέτρον* мѣра), снарядъ, устроенный для измѣренія тяжести воздуха. Возвышеніе ртути въ барометрѣ ничего больше не означаетъ, какъ только то, что вѣсъ воздушнаго столба надъ мѣстомъ наблюденія увеличивается,—а пониженіе ея—что вѣсъ этотъ уменьшается. Таково употребленіе барометра въ рукахъ ученыхъ физиковъ, метеорологовъ, астрономовъ и т. п.; но въ общежитіи ему придали другое назначеніе—опредѣлять состояніе погоды,—оттого на немъ пишутъ: *сухо, ясно, перемѣнно, дождь*. Вслѣдствіе общежитейскаго употребленія барометра, нѣмцы даютъ ему иное названіе—Wetterglas, т. е. *погодникъ, погодовѣстникъ*. Послѣднее названіе у насъ не вошло въ общее употребленіе.

Безалаберный простонародн., безтолковый, безпорядочный (не происходитъ ли это слово отъ *калиберъ (?)*, подъ которымъ народъ разумѣетъ разборъ, размѣръ, величину вещи: *безкалиберный*= безалаберный. Народъ вообще смѣло и безцеремонно любитъ обращаться съ иностранными словами).

Берг-коллегія—присутственное мѣсто, завѣдывающее горнымъ промысломъ.

Биржа (ит. borsa отъ греч. *βύρσα* кожа), мѣсто, гдѣ въ опредѣленное время собираются купцы по своимъ торговымъ дѣламъ,—самое собраніе купечества въ этомъ мѣстѣ,—и мѣсто, гдѣ собираются рабочіе, для предложенія своихъ услугъ, или гдѣ стоятъ извощики.

Бликъ нм. der Blick, сверканіе, скоро преходящій блескъ какого-нибудь тѣла.

Ботаникъ гр. *βοτανίκος* (отъ *βοτάνη* растеніе), ученый, или всякій, занимающійся изученіемъ растительнаго царства,—собственно для науки.

Бредина—ива.

Брустверъ нм. Brustwehr, ограда, или окопъ для прикрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Буръ нм. Bohrer, орудіе для сверленія земли (чтобы узнать—есть ли вода?)

или камня (чтобы отдѣлить его отъ горной породы).

Буровой отъ *буръ*, сдѣланный буромъ, напр. скважина см. ст. 50, и относящійся къ буру, напр. буровой молотокъ.

В.

Ванты гол. Wand—толстыя веревки, которыя держатъ мачту съ боковъ.

Ватага тт. нѣсколько человѣкъ, соединившихся для общаго дѣла,—шайка людей: такъ доселѣ на Каспійскомъ морѣ общество рыболововъ называется *ватагой*, а по нимъ и самыя мѣста, гдѣ они собираются.

Верига (отъ корн. *вер-ти*—запирать), 1) желѣзныя оковы на руки или ноги: повели связати его вериги желѣзными Іоан. XXI, 33. 2) цѣпь, или обручемъ согнутая полоса желѣза, которую надѣваютъ подвижники вѣры на тѣло, подъ рубашку.

Волокита, проволочка дѣла въ судѣ.

Г.

Газонъ фр. *gazon* (слово, рѣшительно безъ нужды употребляемое),—*дернъ*, т. е. пласты земли, вырѣзанные вмѣстѣ съ зеленью, или травою.

Газъ фр. *gaze*—всякая упругая и дотого прозрачная жидкость, что она оказывается незамѣтною для глазъ, какъ напр. воздухъ, кислородъ, углекислота, отъ которой происходитъ угаръ въ избѣ.

Гаманокъ обл. (курск. губер. и др.), кожаной кошелекъ для денегъ.

Гемма лт. gemma, драгоцѣнный камень.

Герметически гр. (*Ερμης Меркурій*), наглухо, съ полнымъ, совершеннымъ закрытіемъ всѣхъ отверстій; напр. герметически закупорить=т. е. такъ закупорить, чтобъ не осталось ни одной малѣйшей скважины, или отверстія для прохода воздуха.

Гигіена гр., часть врачебной науки, или медицины, содержащая наставленія и правила о сохраненіи тѣлеснаго здоровья.

Гладіаторъ лт. gladiator,—такой человѣкъ у римлянъ, который долженъ былъ биться въ циркѣ съ звѣрьми или съ другимъ человѣкомъ. Бой гладіаторовъ былъ любимѣйшимъ зрѣлищемъ въ Римѣ,—которое отмѣнено совершенно только въ V вѣкѣ по Р. Х. На такую службу у римлянъ употреблялись собственно рабы. Они были рослы и крѣпки силами.

Гладіаторскій лт., относящійся къ гладіатору.

Гравюра (фр. *gravure* отъ *graver*—вырѣзывать изображенія предметовъ на металлахъ, напр. на мѣди), изображеніе или картинка, полученная посредствомъ оттисковъ съ вырѣзаннаго на металлѣ изображенія.

Группа ит. (gtorpo, двѣ или нѣсколько совмѣстныхъ фигуръ въ произведеніяхъ живописи или ваянія, само собою разумѣется, имѣющихъ связь и соотношеніе по мысли художника въ цѣлой картинѣ,—фр. *groupe*,—оно-то и перешло въ нашъ языкъ), не просто *куча, множество* предметовъ, но куча, множество предметовъ однородныхъ, имѣющихъ между собою связь, напр. хлѣбныя растенія составляютъ между собой группу.

Гусеница см. стр. 287 ст. 131.

Д.

Добало обл. (твер.), острога, которою глушатъ рыбу. Это—орудіе въ видѣ гребешка, что крестьяне носятъ за поясомъ, съ длинною рукояткой; зубцы у него острые и съ зазубринами. Обыкновенно добаломъ ловятъ рыбу такъ: ночью, одинъ идетъ впереди съ огнемъ, а другой за нимъ съ добаломъ, и чуть завидитъ спящую рыбу, глушитъ ее и зуб-

цами вытаскиваетъ изъ воды. Въ сказкѣ про ерша см. ст. 125 метко названы добаломъ колючія перья ерша.

Е.

Ересь гр. *αἵρεσις*, ложное ученіе въ догматахъ вѣры.

Еретическій, относящійся къ еретикамъ.

З.

Зародъ обл., большая куча, стогъ сѣна.

Зефиръ гр. *ζέφυρος*, zephyrus, собственно западный вѣтеръ, у насъ же этимъ словомъ называютъ тихій, теплый вѣтерокъ весною и лѣтомъ.

И.

Идолъ гр. (*εἴδωλον*, образъ вообще), изображеніе языческаго божества, собственно рѣзное, изсѣченное, изваянное, а не живописное, какъ напр. идолъ Перуна, описываемый Несторомъ.

Инстинктъ лт. instinctus, то природное побужденіе животныхъ—совершать только извѣстныя, опредѣленныя дѣйствія, безъ ученія, безъ опыта,—которое никогда не ошибается въ выборѣ полезнаго для сохраненія жизни. У насъ была попытка въ прошломъ столѣтіи замѣнить это слово русскимъ: *побудокъ*, но безъ успѣха.

К.

Кайло—кирка, которою отламывается руда, или камень.

Капиталъ, лт., значительная сумма денегъ, богатство,—или вообще все то, что служитъ источникомъ, основаніемъ для поддержанія жизни, для пріобрѣтеній, напр. способности есть капиталъ.

Канцелярія лт. (отъ cancelli, рѣшетка, загородка; производитель дѣла cancellarius, потому-что онъ отгораживался рѣшоткой отъ публики во время рѣшенія дѣла), 1) учрежденіе, состоящее изъ производителей и писцовъ дѣлъ при какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ или лицѣ: канцелярія гимназіи, канцелярія губернатора; 2) мѣсто, гдѣ обычно помѣщаются эти производители дѣлъ, какъ видно по вывѣскамъ. Въ нѣкоторыхъ судахъ напоминаетъ старый римскій обычай устройство нашихъ канцелярій, которыя отдѣляются рѣшетками отъ сторонникъ посѣтителей судилища.

Келья гр. *κελλειον*, маленькая комната въ монастырѣ, гдѣ живутъ монахи,—и потомъ вообще всякую комнату называютъ такъ, желая обозначить ея тѣсноту и простоту въ убранствѣ.

Клапанъ нм. klappe, замычка или задвижка въ насосахъ, которая поднимается съ поднятіемъ поршня, опускается съ его опущеніемъ; часть въ одеждѣ, которая закрываетъ карманъ; задвижка на отверстіяхъ духовыхъ музыкальныхъ инструментахъ.

Классификація лт. classificatio (отъ classis, отдѣлъ, разрядъ и facio дѣлаю) см. объясн. подъ ст. 94 стр. 199.

Климатъ гр. (*κλίμα* р. *κλίματος* — собственно названіе полосы отъ полюсовъ къ экватору, *κλίμαξ* лѣстница),—состояніе господствующаго на полосѣ земли тепла или погоды: поэтому говорятъ:—у насъ климатъ холодный, у насъ теплый и т. п.

Коконъ фр. *cocon*, оболочка, которую свиваютъ себѣ личинки насѣкомыхъ, напр: шелковичные черви.

Колеръ лт. *color*, краска, цвѣтъ, отливъ цвѣта.

Коллегія лт. collegium, судебное или правительственное учрежденіе, въ которомъ дѣла рѣшаются по опредѣленію не одного главнаго лица, но всѣхъ присутствующихъ, большинствомъ голосовъ.

Колосальный гр. (отъ *κολοσσος* статуя или фигура чрезвычайно большаго

размѣра), имѣющій чрезмѣрную или необычайную величину.

Колонистъ лт. (отъ colonia), поселенецъ, переведенный изъ одной страны въ другую.

Комель, толстый конецъ дерева, преимущественно тотъ, который идетъ къ корню.

Коммисаръ лт., *приставъ*, которому поручено что-нибудь въ завѣдываніе.

Композиторъ лт., сочинитель музыкальныхъ пьесъ.

Конфисковать лт. (confisco отъ fiscus — плетеная корзина для сбора оливъ, ящикъ для храненія и сбереженія денегъ, — и потомъ касса), — брать имущество частнаго лица въ казну по приговору закона за преступленія.

Кордонъ ит. cordone (фр. cordon снурокъ) — малый сторожевой отрядъ войска, разставленный цѣпью, слѣд. вытянутый какъ снурокъ длятого, чтобы въ случаѣ нужды одинъ скоро могъ подать помощь другому.

Корпорація лт., соединеніе нѣсколькихъ лицъ въ общество по однимъ началамъ.

Корпусъ лт. *corpus*—собственно тѣло человѣка или животнаго; но въ нашъ языкъ слово это перешло съ другимъ значеніемъ. Такъ-какъ подъ тѣломъ напр. человѣка или животнаго разумѣется вся совокупность его частей для сохраненія жизни, то *корпусомъ* у насъ разумѣется всякій предметъ, совмѣщающій въ себѣ все нужное для отдѣльнаго самостоятельнаго его существованія: такъ корпусомъ называютъ *отдѣльное строеніе*, *отдѣльный составъ членовъ гражданскаго учрежденія*, напр. дипломатическій корпусъ, отдѣлъ арміи съ своимъ особымъ управленіемъ, военное училище, и т. п. Въ такомъ же значеніи употреблено слово *корпусъ* въ ст. *Русская печь* стр. 7.

Космогонія гр., образованіе или происхожденіе міра.

Космополитъ гр., гражданинъ міра, человѣкъ, почитающій своимъ отечествомъ весь міръ, а не ту страну, къ которой принадлежитъ по рожденію, народности, вѣрѣ и языку.

Крагенъ нм. (der Kragen—воротъ), въ простонародьи—приклейка, опушка, родъ отворота у перчатокъ напр. у жандармскихъ.

Кредиторъ лт. creditor (отъ credo вѣрю), дающій, вѣрящій деньги въ долгъ другому, съ процентами или безъ нихъ, — а не всякій заимодавецъ, ссужающій чѣмъ-нибудь другаго на время.

Кристаллъ отъ *κρύσταλλος*, есть правильная опредѣленная форма тѣлъ, которую они принимаютъ при переходѣ ихъ изъ жидкаго состоянія въ твердое.

Крица нм. Kritze, большой (отъ 10—20 и 25 пудъ) кусокъ чугуна; на такіе куски дѣлятъ чугунъ при выдѣлкѣ изъ него желѣза.

Культура лт. *cultura* (отъ colo, colui, cultum-ere, обработывать, воздѣлывать землю, пахать), *обработка, воздѣлываніе земли*,—а какъ слово употребляется въ переносномъ значеніи? Не лишнее замѣтить, едва ли не понапрасну мы употребляемъ это слово, когда есть свое, равнозначительное,—*воздѣлываніе, обработка*, тѣмъ болѣе, что народу иностранное слово вовсе неизвѣстно.

Куртина фр. courtine, часть сада обсаженная, покрытая травой и деревьями.

Л.

Лабораторія лт., заведеніе для производства химическихъ работъ.

Лещадь—бѣлый камень, нарѣзанный четвероугольникомъ въ формѣ кирпича.

Литографія (гр. *λίθος* камень—*γράφω* пишу), изображеніе, оттиснутое съ вырѣзаннаго на камнѣ, и мастерская за-

нимающихся вырѣзываніемъ изображеній на камнѣ.

Личинка см. стр. 287 ст. 131.

Локомотивъ фр. locomotif (отъ лат. locus мѣсто и moveo двигаю), паровозъ, это машина, паромъ двигающая вагоны по желѣзной дорогѣ.

Лоцманъ нм. lothsmann, проводникъ водоходныхъ судовъ.

М.

Масса фр. masse 1) количество вещества, составляющаго тѣло; 2) громада, куча вообще.

Матеріялъ лат. (materia), вещество, изъ котораго что-нибудь дѣлается, напр. глина—матеріялъ для кирпичей и т. п.

Машина фр. *machine*, Maschine (machina, *μηχανή*), всякій снарядъ, устроенный съ тѣмъ, чтобъ произвести сообразно съ цѣлью движеніе, и разъ произведенное дѣйствіе поддерживать, напр. если воду изъ рѣки или канала заставить падать на колесо, которое отъ того станетъ вращаться, оборачиваться, то колесо наше со своимъ вращательнымъ движеніемъ будетъ — *машина*. Такъ-какъ машины составляются изъ мертваго вещества, которое само собою приходитъ въ движеніе не можетъ, а требуетъ для своего дѣйствія посторонней силы, а вслѣдствіе ея безъ всякаго со своей стороны участія совершаетъ движеніе, и работу производитъ не машина, а сила, ею дѣйствующая (здѣсь колесо—машина, а падающая вода своимъ вѣсомъ сила движущая); то значеніе *машины* придаемъ всякому безучастному со стороны дѣятеля, слѣд. чисто страдательному дѣйствію, или занятію.

Мездра — мяс-дра отъ драть, перепонка на внутренней поверхности кожи, которую при выдѣлкѣ ея сдираютъ, — изнанка выдѣланной кожи.

Меркантильный фр. mercantile, *торговый*, купеческій, — черезчуръ расчетливый.

Металлургія гр., наука добыванія и обработки металловъ.

Механика—μηχανικη, наука о законахъ движенія.

Механическій, принадлежащій или свойственный механикѣ.

Микроскопъ гр. (отъ *μικρος* малый и *σκοπειν* зрѣть), снарядъ, на близкомъ разстояніи увеличивающій самые малые предметы.

Моментъ лт. momentum (=movimentum отъ moveo двигаю), точка времени, мигъ.

П.

Наивный фр., простодушный.

Наркотическій гр. *ναρκωτικὸς* (отъ *νάρκη* усыпленіе), усыпляющій, одѣпеняющій, или притупляющій чувствительность и раздражительность въ тѣлѣ.

Нервы — nervus, мягкія бѣловатыя ниточки въ тѣлѣ, которыя, выходя изъ головнаго и спиннаго мозга, развѣтвляются по всему тѣлу. Нервы служатъ для того, чтобы принимать и передавать ощущенія мозгу; кромѣ того чрезъ нихъ мозгъ управляетъ движеніями мускуловъ.

О.

Овальный лт. (*ovum* яйцо), имѣющій видъ яйца.

Операція лт. operatio, дѣйствіе надъ чѣмъ-нибудь, занятіе чѣмъ-нибудь.

Опіумъ, опій лт. opium (гр. *ὄπιον*), маковой сокъ.

Оптикъ гр. дѣлатель снарядовъ для усиленія зрѣнія.

Оптомъ, гуртомъ, въ большихъ размѣрахъ.

Оптовый—совершающійся въ большихъ размѣрахъ торгъ.

Органъ гр. *ὀργανον*, отдѣльная дѣйствующая часть всякаго тѣла, назначен-

ная быть орудіемъ для совершенія особаго, опредѣленнаго отправленія, необходимаго въ общей, цѣлой жизни существа.

Организмъ гр., всякое тѣло въ царствѣ животномъ и растительномъ, которое состоитъ изъ различныхъ органовъ.

Органическій гр., имѣющій органы (напр. органическое тѣло) или свойства организма: языкъ имѣетъ органическое развитіе.

II.

Паланкинъ—маленькая повозочка или колясочка, обитая какою-нибудь матеріею, обыкновенно ситцемъ или клеенкою. Къ крышѣ ея придѣлана посрединѣ толстая жердь, которую проводники кладутъ себѣ на плечи. Такъ описываетъ его И. Гончаровъ въ соч. Фрегатъ-Паллада (ст. 140), видѣвшій его на о. Мадерѣ.

Палладіумъ лт. (palladium изображеніе Паллады-Аѳинны, Минервы, съ прялкою и веретеномъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой; это изображеніе, по вѣрованію грековъ, было залогомъ защиты и безопасности города, сперва Трои, а потомъ Аѳинъ) то, что составляетъ *залогъ всего священнаго и дорогаго для народа.*

Палуба (отъ *лубъ*, который употребляется для крыши строеній), помостъ на судахъ.

Паразитъ (*παρᾶσιτος* терм. ест. исторіи) чужеядное растеніе. Изъ статьи о параситахъ (см. 43) понятно происхожденіе значенія этого слова въ современномъ нашемъ языкѣ.

Пароксизмъ гр., сильный припадокъ, обнаруженіе болѣзни, и вообще напряженное состояніе человѣка.

Пасквильный фр., содержащій поношеніе, ругательство на извѣстное лицо.

Патерикъ гр., отечникъ, книга, содержащая житія св. отцовъ, преимущественно отечественныхъ, т. е. русскихъ.

Пациентъ лт. patiens (отъ patior терплю)—такъ докторами называются лица, которыхъ они пользуютъ, лѣчатъ.

Плантація лт. *plantatio*, мѣсто въ тропическихъ странахъ, воздѣлываемое подъ особенныя растенія, требующія тщательнаго и искусснаго ухода.

Попритчиться обл., заболѣть съ глазу, съ уроковъ.

Посадъ—въ прежнее (XVI в.) время было тоже, что теперь мы привыкли называть городомъ вообще, т. е. населеніе съ правительственными или присутственными мѣстами, оттого *посадскій человѣкъ* означало прежде тоже, что теперь *мѣщанинъ* (пол. miasto). Посады строились близъ городовъ, такъ-что городъ находился близъ посада, а посадъ раскидывался около него. Такъ-какъ для защиты своей, посады обводились иногда валами, стѣнами и рвами, то они раздѣлялись на двѣ части: *острогъ*, или укрѣпленную часть окологороднаго поселенія, и *посадъ собственно*, или поселокъ внѣ острога, а за нимъ шли слободы. О жилыхъ мѣстностяхъ старой Руси см. *Очеркъ* домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII. ст. Н. И. Костомарова.

Поссесіонный лт. (possessio, владѣніе); имѣющій право владѣть, пользоваться вещью, безъ права собственности.

Пресвитеръ гр., священникъ.

Привиллегія лт. privillegium, предоставленіе исключительнаго права на что-нибудь,—предпочтеніе.

Принаторыть пр., примѣниться къ обычаямъ, пріемамъ, попривыкнуть.

Пробка—передѣланное изъ нм. der Pfropf или Pfropfen (втулка, затычка отъ глаг. pfropfen—втыкать, вбивать).

Провіантъ нм. der Proviant, хлѣбный запасъ для войска.

Провинція лт. provincia (отъ vinco *побѣждаю*, такъ у римлянъ называлась

всякая земля, присоединенная къ римск. государству завоеваніемъ или другимъ какимъ способомъ), вообще область нестоличная, напр. всякій губернскій городъ.

Продуктъ лт. всякое произведеніе, какъ плодъ природы или обработки,—чаще произведеніе естественное, приносящее доходъ.

Проэктъ лт. projectum (отъ projicio напередъ набрасываю), планъ, предначертаніе всякаго дѣла, изложеніе того, что еще имѣетъ совершиться.

Прóлогъ гр., духовная книга, содержащая и житія святыхъ, расположенныхъ по днямъ, въ которыя совершается ихъ память, и краткія поученія на годичные праздники, и отрывки изъ твореній св. отцевъ для ежедневнаго чтенія при богослуженіи.

Пропорція лат. proportio, соразмѣрность.

Протестъ лт., заявленіе своего несогласія на что-нибудь, преимущественно въ судопроизводствѣ.

Противень-ня, родъ кухонной посуды для печенія: продолговатый, четвероугольный листъ съ загнутыми со всѣхъ сторонъ краями; прежде это слово употребляли вмѣсто нынѣшняго: *копія, списокъ*.

Протоколъ гр. *πρωτωκολον* (отъ *πρωτος* первый и *κῶλον* кожа) тетрадь или книга въ присутственномъ мѣстѣ, въ которую впервые вписывается, вносится рѣшеніе дѣла, скрѣпляемое подписями членовъ присутствующихъ, слѣд. первая запись дѣла. Такого рода запись дѣлъ впервые названа такъ *protocollum* въ Византіи.

Профильтрировать или *профильтровать* нм. *filtriren*, лт. filum (ниточка), процѣживать, т. е. пропускать струю воды такую тонкую, какъ нитка, или въ видѣ нитки.

Процентъ нм. (отъ лт. pro и centum), лихва, ростъ на деньги занятыя,—плата съ товара, продаваемаго по порученію,—мѣра дохода относительно расхода или цѣнности имущества.

Процессъ отъ лт. *processus*, ходъ или самое совершеніе какого-либо дѣла, т. е. какъ оно идетъ, происходитъ, исполняется напр. *процессъ гніенія* т. е. какъ происходитъ, совершается гніеніе; въ юрид. языкѣ—ходъ дѣла, или тяжба.

Пурга обл., вьюга, сильный вѣтеръ съ большимъ снѣгомъ.

Р.

Резервуаръ фр. reservoir, запасный водоемъ; это искуственное или естественное вмѣстилище, способное, пригодное для собранія и сохраненія воды (и газа), какъ напр. резервуаръ *осугскій*, изъ котораго спускаютъ воду въ р. Тверцу.

Резонансъ фр. отраженіе звуковъ.

Результатъ лт., послѣдствіе, выводъ.

Репутація лт. reputatio отъ *reputo*, мнѣніе, т. е. какъ думаютъ о комъ-нибудь, уваженіе.

Рейсъ нм., пространство пути, которое проходитъ судно отъ одного опредѣленнаго мѣста до другаго, — бурлаки вмѣсто этого слова употребляютъ другое—*путина*.

Румбъ англ. rumb—одна изъ 32 точекъ, на которыя раздѣленъ компасъ для означенія курса корабля и движенія вѣтра.

С.

Сакъ, сачокъ (рыб. снасть), мѣшокъ изъ сѣти, привязываемый къ деревянному обручу съ длинною рукояткой; онъ служитъ для вынманія рыбы изъ садка и для ловленія ея изъ рѣки.

Секта лт. (secare отдѣлять) отдѣлившееся отъ православія ученіе, особенный религіозный толкъ, или расколъ.

Сектантъ—приверженецъ секты.

Сенатъ лт. *senatus* (отъ senex старый), верховное правительственное мѣсто.

Сенаторъ лт. senator, членъ сената.

Система гр. *σύστεμα*, цѣлое, составленное изъ частей въ ихъ естественномъ порядкѣ.

Систематикъ гр., ученый, приводящій части въ одно цѣлое, въ строгій естественный порядокъ и отношенія.

Соша (отъ *соха*. Такое образованіе отъ *сохи* подтверждается тѣмъ, что въ старину *сошными* людьми называли крестьянъ, потому-что они, для сбора податей и отправленія повинностей, были распредѣлены по *сохамъ*),—малоземельный помѣщикъ, мелкопомѣстный дворянинъ.

Спазма гр. *σπάσμα*, судороги, сведеніе жилъ.

Спекуляція лт. speculatio (дознаніе, со всѣхъ сторонъ, осмотръ),—затѣя съ разчетомъ на выгоды, но не всегда строго обдуманная; — предпріятіе, имѣющее въ виду исключительно барыши, матеріяльную выгоду.

Спекулянтъ (черезъ фр.), промышляющій спекуляціями.

Спираль фр. spirale, линія винтовая.

Станція лат. statio, мѣсто остановки для отдыха, напр. почтовая станція.

Статистика лат. (status состояніе), наука о состояніи государства, относительно его области, народонаселенія, промышленности, земледѣлія и т. п.; ее остроумно опредѣляетъ одинъ фр. ученый — *наукою общественныхъ фактовъ, выражаемыхъ числами*. Наука эта еще недавняя, только съ прошлаго вѣка; первый далъ ей имя профессоръ геттингенскаго унив. Ахенваль (1719—1772 г.).

Стихія гр. *στοιχεῖον*. Греки разумѣли подъ этимъ словомъ тѣ вещества, которыя служили матеріяломъ для состава тѣлъ природы, слѣд. слово «*стихія*» можно перевести на нашъ языкъ словомъ «*начало*». Число такихъ стихій или началъ всякаго тѣла принималось различно у разныхъ древнихъ народовъ: персы, поклонявшіеся огню, принимали только одну стихію—*огонь*,—египтяне тоже одну—*воду*,—греки до философа Аристотеля (отъ 384 до 322 г. до Р. Х.) также принимали одну стихію, то *воду* (напр. одинъ изъ семи мудрецовъ Ѳалесъ за 600 л. до Р. Х.), то *воздухъ* (напр. Анаксименъ изъ Милета за 557 л. до Р. Х.), то *огонь* (Гераклитъ изъ Эфеса за 500 л. до Р. Х.); со временъ же Аристотеля стали принимать четыре стихіи: *огонь, воздухъ, воду* и *землю*. Аристотель первый призналъ эти четыре стихіи; изъ нихъ, по его ученію, состоятъ всѣ тѣла вселенной, и отъ нихъ зависятъ всѣ свойства тѣлъ. По ученію Аристотеля, стихіи имѣютъ четыре главнѣйшія свойства: *тепло, холодъ, сухость* и *влажность*,—въ каждой изъ стихій должны находиться вмѣстѣ по два изъ этихъ свойствъ, и соединеніе ихъ образуетъ четыре разныхъ стихіи: соединеніе сухости съ тепломъ составляетъ *огонь*, сочетаніе тепла съ влажностью образуетъ *воздухъ*, соединеніе влажности съ холодомъ производитъ *воду*, а соединеніе холода съ сухостью рождаетъ *землю*. Мнѣніе Аристотеля было принято повсюду, и господствовало до XVI вѣка по Р. Х.; до XVI вѣка ученые въ Европѣ признавали огонь, воздухъ, воду и землю за стихіи, или начала, изъ которыхъ образуются всѣ тѣла,—и къ ученію греческаго философа прибавили еще то мнѣніе, что стихіи способны превращаться одна въ другую, напр. воздухъ въ воду или огонь. Такъ-какъ—говорили они—огонь (сухой и теплый) и воздухъ (теплый и влажный) имѣютъ общимъ свойствомъ *тепло*, воздухъ (теплый и влажный) и вода (влажная и холодная) — общимъ свойствомъ влажность и т. д.: поэтому,

если напр. въ воздухѣ свойство влажности возьметъ перевѣсъ, то онъ превратится въ воду, и наоборотъ, если въ воздухѣ свойство тепла будетъ возвышаться, то онъ превратится въ огонь. Слѣд. способность превращенія одной стихіи въ другую зависитъ отъ тожества одного изъ двухъ основныхъ свойствъ одной стихіи съ другою и отъ способности возвышенія, усиленія или уменьшенія, ослабленія этихъ свойствъ въ стихіяхъ. Превращеніе стихій изъ одной въ другую обыкновенно изображалось слѣд. фигурою:

Впослѣдствіи изслѣдованія ученыхъ химиковъ ясно доказали, что четыре стихіи древнихъ: огонь, воздухъ, вода и земля, вовсе не принадлежатъ къ стихіямъ, или веществамъ простымъ, которыя служатъ началомъ тѣлъ, и не могутъ быть разложены на разнородныя части никакими средствами, до сихъ поръ намъ извѣстными. Но названіе стихій остается въ языкѣ за ними и теперь зато, что эти четыре вещества принимаютъ самое значительное участіе въ жизни растеній, животныхъ и человѣка.

Сугубо, вдвое (отъ неупотреб. *губый*, отвѣчающ. лт. plex; сіе послѣднее не происходитъ ли отъ *гнуть?* Когда перегнешь что-нибудь, тогда вещь является двойною).

Суслонъ обл., тоже, что крестецъ, крестообразная складка сноповъ счетомъ до 13.

Сцена лт. *scena*: а) часть дѣйствія въ сочиненіяхъ драматическихъ, b) мѣсто въ театрѣ, гдѣ разыгрывается драм. сочиненіе и с) положеніе лицъ въ какомъ-либо случаѣ, большею частію неожиданное.

Т.

Тактъ лт. *tactus* (отъ tango прикасаюсь), размѣръ времени при пѣніи или игрѣ на инструментѣ, обозначаемый ударомъ руки или ноги.

Тарза фр. tarse—плюсна, запятокъ у ноги.

Тачка, рабочая тележка съ ручками, объ одномъ колесѣ; ее можете видѣть у любаго садовника для возки песку, дерна, при постройкѣ шоссе и т. п.

Телескопъ гр. (*τηλε* далеко)—снарядъ, зрительная труба съ вогнутымъ металлическимъ зеркаломъ, показывающая отдаленные предметы ясно и въ большомъ видѣ.

Тема гр. *θεμα*, thema, основная мысль сочиненія, главный мотивъ музыкальной пьесы.

Температура лт. temperatura, мѣра или количество тепла въ данномъ мѣстѣ. Сколько именно гдѣ тепла, мы ощущаемъ нашимъ тѣломъ, но съ точностью опредѣлить можно только посредствомъ особаго снаряда, называемаго у насъ какъ и на другихъ европейскихъ языкахъ, греческимъ словомъ — *термометръ* отъ *θερμος* теплый и *μετρον* мѣра.

Тигель нм. tiegel, — плавильный горшокъ при химическихъ работахъ.

Типъ гр. *τύπος*—образъ съ опредѣленными неизмѣнными чертами, который служитъ образцомъ для всѣхъ однородныхъ предметовъ.

Трактатъ лт. *tractatus*,—обхожденіе съ чѣмъ нибудь, отдѣльное изслѣдованіе, напр. *изслѣдованіе о паразитахъ*—и договоръ между державами.

Транспортъ фр. *transport*, кладь напр. товаровъ, переносимая или перевозимая;

отсюда самый обозъ или судно съ кладью называется также этимъ словомъ, — а равно и переносъ суммы съ одной страницы на другую въ счетныхъ книгахъ.

Требникъ, книга церковная у священниковъ, въ которой собрано все необходимое для отправленія таинствъ и службы съ ихъ обрядами.

Трюфель нм. die Trüffel,—грибъ безъ ствола, растущій подъ землею; его употребляютъ для приправы кушанья.

Тукъ (отъ *тыти* толстѣть, жирѣть), всякое удобреніе земли,—все, что содѣйствуетъ бо́льшему удобренію растеній.

Туннель англ., сквозной подземный ходъ, устроенный для желѣзной дороги, иногда даже подъ русломъ рѣки.

Ф.

Фабрика лт. fabrica (отъ faber обработывающій что-нибудь изъ сыраго матеріяла), промышленное заведеніе, гдѣ обдѣлывается сырой матеріялъ преимущественно способами механическими, а не химическими,—одними способами выдѣлки она отличается отъ завода.

Фанатикъ лт. (fanaticus отъ божества воодушевленный, отъ fanum, священное, божеству посвященное мѣсто, храмъ)—изувѣръ, грубый, ожесточенный суевѣръ.

Фанатическій, изувѣрскій, свойств. фанатикамъ.

Фанатизмъ, грубое, неправильное религіозное убѣжденіе, ни передъ чѣмъ не отступающее и ничего противнаго себѣ не терпящее.

Фантазія гр. *φαντασία* (отъ *φαινειν* являть) 1) творческое воображеніе, т. е. сила воображенія, которая представляетъ дѣйствительные предметы, какъ они могутъ быть, а не какъ они есть, и какъ ихъ представляетъ обыкновенное воображеніе: эта способность есть даръ немногимъ людямъ,—поэтамъ, тогда какъ воображеніе, слабѣе или сильнѣе,—есть у каждаго; 2) черезчуръ затѣйливая мысль или мечта, имѣющая характеръ призрачный; 3) родъ музыкальныхъ сочиненій, не подчиняющійся общепринятымъ формамъ изложенія.

Фарватеръ гл. (vaarwater изъ fahrwasser, вода, гдѣ можно плыть на судахъ), мѣсто между отмелями, удобное для плаванія судовъ, и потому большею частью отмѣченное особыми знаками.

Фасадъ (фр. façade отъ *face* лицо), главная лицевая сторона строенія.

Ферма фр. *ferme*, сельскій домъ съ разными хозяйственными угодьями, какъто: усадьбой, пахатной землей и т. п., которымъ владѣютъ по найму на извѣстные сроки, по обычаямъ и законамъ опредѣленные.

Физика гр. (отъ *φυσις* природа)—наука о естественныхъ явленіяхъ и причинахъ ихъ; она занимается собственно объясненіемъ общихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ на тѣла, не измѣняя качества ихъ вещества.

Физикъ—занимающійся физикою.

Физіогномія гр. *φυσιογνωμια* (отъ *φυσις* природа и *γνωσκειν* знать, признавать),—видъ, обликъ предмета, по которому можно признать природу предмета, слѣд. совокупность внѣшнихъ чертъ предмета, по которымъ опредѣляются внутреннія его свойства; *физіогномія*, въ тѣсномъ смыслѣ—отличительныя черты лица, дающія узнать душевныя свойства человѣка. Иногда подъ этимъ словомъ разумѣютъ и самое искусство опредѣлять характеръ человѣка по выраженію лица.

Флагъ нм. *die Flagge*, знакъ, знамя; обыкновенно кусокъ одно- или разноцвѣтной матеріи, служащій условнымъ знакомъ для чего-нибудь, напр. на кораблѣ для показанія, какому народу принадлежитъ корабль, на домахъ для показанія, кому принадл. домъ, на ярмар-

кѣ, для показанія времени открытія или начала торга.

Флюгеръ гол. vleugel, значокъ на башняхъ, шестахъ, мачтахъ, трубахъ и пр. для показанія, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ.

Флюсъ нм. всякое вещество, которое на заводахъ кладутъ вмѣстѣ съ рудою металла для скорѣйшаго плавленія ея;— простудная опухоль на лицѣ.

Форма лт. forma,—образъ, видъ предмета.

Форточка нм. das Pförthen (калитка, уменьшит. отъ die Pforte слич. латинск. porta и фр. la porte дверь—ворота) дверца въ одномъ изъ переплетовъ оконныхъ рамъ.

Фортъ фр., отдѣльное оборонительное мѣсто.

Фреско ит., стѣнная живопись на свѣжей извести.

Фундаментъ (лт. fundamentum и fundamen; послѣднее оправдываетъ народный выговоръ этого слова *фундаментъ* отъ гл. *fundo*=основываю сл. съ *fundus* дно)—*основаніе*, напр. у домовъ и всякихъ другихъ строеній. Припомнивши fundus—дно, не затруднитесь объяснить себѣ, что такое *основаніе*.

X.

Характеръ гр. χαραχτηρ,—совокупность отличительныхъ существенныхъ чертъ (особенностей) чего-нибудь или кого-нибудь.

Хроника гр. χρονικος, τα χρονικα, сочиненія повѣствовательныя, въ которыхъ разсказъ произшествій расположенъ собственно по порядку времени, а не по однородности содержанія: такова наша хроника преподобнаго Нестора (XI вѣка), которую онъ самъ назвалъ *повѣстью временныхъ лѣтъ*. Слово это удачно замѣняется русскимъ: *лѣтопись*. Для знакомства съ характеромъ такихъ сочиненій чит. Нестор. лѣтопись ст. 275 стр. 572.

Ц.

Центръ лт. centrum гр. κεντρον, средоточіе, точка, мѣсто въ предметѣ, гдѣ сосредоточивается вся его дѣятельность.

Цементъ лт. cæmentum (отъ cædo бить, колотить что-нибудь о что-нибудь напр. камень о желѣзо и т. п.), 1) растворъ извести или съ пескомъ или толченымъ кирпичомъ, употребляемый при постройкѣ для связи кирпичей, камней; 2) порошокъ для чищенія металловъ и для легкаго серебренія мѣди; 3) связующій составъ.

Цивилизація лт. (отъ civilis городской отъ civis горожанинъ, перешедшее черезъ фр. civilisation), образованность, т. е. такое просвѣщеніе народа, которое владѣетъ не однимъ богатствомъ и разнообразіемъ знаній въ массѣ, но и улучшеніемъ или смягченіемъ нравовъ и обычаевъ; слѣд. образованность, совмѣщающая въ себѣ знанія, науку съ улучшеніемъ нравственности и общежитія. Слово это намъ досталось, конечно, не прямо отъ римлянъ, у которыхъ вовсе этого слова не было, но отъ западныхъ народовъ, по всей вѣроятности отъ французовъ, но только съ сохраненіемъ звуковъ первоначальнаго происхожденія. Поводомъ назвать образованность цивилизаціею, очевидно, было то, что во всѣ времена горожане противъ поселянъ всегда отличаются и большими свѣдѣніями и болѣе утонченными нравами и обычаями.

Цилиндръ гр. κυλινδρος (отъ κυλινδω катать, вертѣть), валъ отъ валять, катать, или круглое тѣло, образующееся вслѣдствіе вращенія прямаго четвероугольника около одной изъ его сторонъ.

Ч.

Чекмарь—орудіе печниковъ, которое употребляется, чтобы уминать глину. Оно имѣетъ видъ молотка, среди котораго вбита ручка; самое же орудіе есть толстый деревянный обрубокъ, у котораго одинъ конецъ тупой, чтобы прибивать глину, и другой — въ видѣ срѣзаннаго треугольника, чтобъ разминать комья глины и попадающіеся въ ней камешки. Что чекмарь у печниковъ, то *барецъ*, или кулакъ, у плотниковъ,-которые свое орудіе шутя называютъ *васькой*.

Ш.

Шарлатанъ фр. *charlatan* (отъ ит. ciarlatano отъ ciarlare, обморочить болтовней),—кажущійся и выдающій себя знатокомъ, искусникомъ передъ незнающими,—искусный обманщикъ.

Шаржютерія фр. производство и торгъ колбасами.

Шаутбенахтъ гол., контр-адмиралъ, который между гол. сѣверными чинами держалъ команду въ продолженіе ночи.

Шлакъ нм. *schlacke*, пѣна, или сокъ, появляющійся при выплавкѣ металловъ, видомъ похожій на стекло.

Шлюзъ нм. der *Schlüss*,—створчатый или подъемный запоръ для остановки обыкновеннаго теченія воды,—и самое мѣсто, гдѣ заперта вода, напр. тверцкій и цнинскій шлюзы въ вышневолоцкой системѣ.

Шоссе фр. la *chaussée* (припомните при этомъ другое слово франц. chausser обувать), дорога, настланная и укатанная щебнемъ (на мелко разбитымъ камнемъ), съ пескомъ. Не правда-ли это дорога пріобутая?

Э.

Экспертъ лт. expertus, признанный официально знатокъ и оцѣнщикъ дѣла въ производствѣ ремесленномъ, фабричномъ земледѣльческомъ и т. п.

Экспедиція лт., посылка въ отдаленное мѣсто для исполненія общественнаго порученія.

Энтомологъ гр. (отъ *εντομον* насѣкомое и *λογος*), занимающійся изслѣдованіемъ насѣкомыхъ.

Эластическій гр. *ελαστικος*, упругій.

Электричество гр. *ἤλεκτρον* (янтарь), тончайшее невѣсомое вещество, при треніи тѣлъ обнаруживающееся блестящими искрами; это великая сила природы,—страшная въ грозѣ, получило свое названіе отъ янтаря, потому-что въ немъ въ первый разъ замѣчено ея свойство притягивать и отталкивать тѣла при треніи.

Элементъ лт. *elementum* тоже, что стихія: см. это слово.

Эмблема гр. *ἔμβλημα*, emblema, лѣпная или живописная фигура, положеніемъ своимъ служащая для изображенія чего-нибудь отвлеченнаго и умственнаго; это осязательный намекъ на отвлеченное одною изъ отличительныхъ его чертъ: такъ правосудіе изображается въ видѣ женщины, держащей въ одной рукѣ *вѣсы*, а въ другой *мечъ*: на правосудіе намекаютъ и указываютъ вѣсы и *мечъ*—это *эмблема*. См. ст. 231, стр. 511.

Эмигрантъ фр. émigrant отъ лт. emigro, оставившій свою отчизну и переселившійся въ другую страну, собственно по какимъ-нибудь причинамъ политическимъ.

Эпикуръ славный греч. философъ род. 341 г. до Р. Х. умершій въ 270 г. до Р. Х. на 72 году жизни. Ученіе его состояло въ томъ, что *удовольствіе, наслажденія* суть верховное благо человѣка, къ достиженію котораго должны быть устремлены всѣ наши усилія; но подъ удовольствіями онъ разумѣлъ не одни чувственныя, но и высшія наслажденія духа; о богахъ же онъ думалъ такъ: онъ признавалъ ихъ существами высшими человѣка, но безъ всякаго вліянія и дѣйствія на міръ. Представите-

лемъ его ученія былъ въ Римѣ Лукрецій (род. въ 95 г. до Р. Х.), какъ видно изъ его извѣстной поэмы: De natura rerum. Объ нихъ то вспоминаетъ Карамзинъ, при описаніи крещенія Россіи, см. стр. 89, ст. 185.

Этажъ фр. *étage*, пространство между поломъ и потолкомъ въ строеніи.

Ю.

Юморъ англ. humour отъ лт. *humor* 1) тонкая насмѣшливость, соединенная съ сожалѣніемъ, или, какъ сказалъ нашъ Гоголь, смѣхъ сквозь слезы; 2) всякая рѣзкая странность въ поступкахъ.

Я.

Якташъ нм. *Jagdtasch*, охотничья сумка.

Ярмарка (*ярмонка* народ.) нм. (Jahrmarckt, Jahr годъ—Marckt рынокъ) торжище въ опредѣленное время въ году, на которое съѣзжаются купцы изъ разныхъ городовъ: *Нижегородская ярмарка* (съ котораго дня и до котораго продолжается она?)

Яхта нм., небольшое судно для непродолжительнаго плаванія.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		Слѣдуетъ:
Стр.		
158	поднимемъ	поднесемъ
310	послѣ это	послѣ него
314	и цѣлое деревцо дрогнетъ; какъ отъ электрической искры	цѣлое деревцо дрогнетъ, какъ отъ электрической искры;
316	сроко	скоро
344	тремя	время

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Магазин 45
100 р.

100
100
5062/354

233

Др 1954